

**Материалы
по Археологии,
Истории
и Этнографии
Таврии**

Выпуск XX

**Materials
in Archaeology,
History
and Ethnography
of Tauria**

Volume XX

Симферополь
2015
Simferopol

УДК 94(477.75)(082)
ББК 63.3(2Рос.Кры)я43
М 34

*Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол №13 от 29.10.2015 г.)

Редакционная коллегия:

Айбабин А.И., д.и.н., проф. (гл. редактор)
Герцен А.Г., к.и.н.
Дайм Ф., д.и.н. (Германия)
Зинько В.Н., д.и.н.
Ивакин Г.Ю., чл.-кор. НАНУ, д.и.н. (Украина)
Иштванович Э., к.и.н. (Венгрия)
Кульчар В., к.и.н. (Венгрия)
Сидоренко В.А., к.и.н.
Степаненко В.П., д.и.н., проф.
Храпунов И.Н., д.и.н.
Цукерман К., д.и.н. (Франция)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом КФУ им. В.И. Вернадского
(Протокол № 9 от 03.08.2015 г.)

Ответственный секретарь С.И.Власова

М 34 **Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XX.**
/ Отв. ред. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. – Симферополь, 2015. – 608 с.

В очередной выпуск вошли статьи по археологии и истории Таврии, подготовленные российскими, американским и венгерскими исследователями.

Для историков, археологов, музейных сотрудников, а также для всех, кто интересуется историей и культурой Крыма.

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-61809 от 18.05.2015 г.

ISSN 2413-189X

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2015.
© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2015.
© Авторы.

От редактора-составителя

Объективное познание многих аспектов истории Евразии невозможно без всестороннего изучения истории Крыма. С древнейших времен на Крымском полуострове завершалась миграция многих народов из Азии, Северной и Южной Европы. В Крыму одновременно селились и сосуществовали представители Восточной и Западной цивилизаций. Письменные и археологические источники раскрывают многовековую историю экономических и культурных контактов, взаимодействия античной, византийской, генуэзской и степных культур на полуострове. Геополитическая обстановка в Крыму из века в век определялась сменой периодов вражды и мира, конфронтации и интенсивного торгового, культурного и других контактов.

С целью существенного расширения источниковедческой базы по истории Крыма и, в первую очередь, публикации археологических, этнографических и архивных источников в 1990 г. Лаборатория по изучению этнической истории Крыма Симферопольского Государственного университета основала научный ежегодник «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии» (МАИЭТ). С 1992 г. издание продолжило организованное на базе лаборатории Крымское отделение Института востоковедения Национальной академии наук Украины (КОИВ). С 1991 по 2014 гг. из печати вышло девятнадцать выпусков МАИЭТа объемом до 750 страниц. В них содержатся материалы полевых исследований и аналитические статьи сотрудников отделения и коллег из России, Украины, Австрии, Англии, Болгарии, Венгрии, Германии, Польши, США, Франции по археологии, истории, нумизматике, сфрагистике, эпиграфике и этнографии Крыма и Северного Причерноморья. Редколлегия МАИЭТа, следуя традициям Таврической ученой архивной комиссии, издает не только статьи, но большие монографические труды объемом до 20 печатных листов.

После вхождения Крыма в состав Российской Федерации КОИВ был включен в созданный Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского и преобразован в Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма (НИЦ ИАК), в котором образованы Отдел истории и археологии древнего и средневекового Крыма, Отдел новой истории Крыма и Отдел естественнонаучных методов в археологии Крыма. Основным направлением исследований сотрудников НИЦ ИАК является изучение исторического и культурного

наследия народов Крыма. Планируется проведение фундаментальных и прикладных исследований в области истории, археологии и этнологии Крыма и Причерноморья.

Одним из приоритетных направлений работы НИЦ ИАК является исследование исторического наследия Византийской империи, в составе или под влиянием которой находилась значительная часть Крымского полуострова в IV-XV вв. В рамках этого направления ученые НИЦ ИАК изучают историю политико-административного устройства византийских центров в Крыму, влияние Византии на этнокультурные процессы и формирование христианской грекоязычной общности на полуострове, роль Византии в распространении христианства среди варварского населения Крыма и историю местных епархий Константинопольского патриархата, византийское влияние в культовой архитектуре, в погребальном обряде, в материальной и духовной культуре местного населения.

Важным направлением являются исследования по истории и культуре тюркоязычных народов, их роли в формировании полиэтнического и поликонфессионального населения Крыма. Проводятся исследования в области истории Крымского улуса Золотой Орды, Крымского ханства и османского присутствия на полуострове (1475-1771 гг.), этнополитических трансформаций после присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г., проблем интеграции крымских татар в российское правовое, культурное и языковое пространство в конце XVIII – XIX вв.

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма продолжает издание МАИЭТа. В новую редколлегию наряду с ведущими крымскими специалистами согласились войти известные ученые из Венгрии, Германии, Украины и Франции. Сборник зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования. Редколлегия решила попытаться зарегистрировать издание в международном индексе цитирования SCOPUS и поэтому изменила правила оформления публикаций.

Выражаю свою глубокую признательность всем авторам и друзьям МАИЭТа и поздравляю с выходом XX тома. Редакция благодарна основателю Благотворительного фонда «Деметра» академику В. Д. Письменному за финансовую поддержку издания.

Александр Айбабин

АРХЕОЛОГИЯ

С. Г. РЫЖОВ

АНТИЧНЫЙ ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС В СЕВЕРНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

За почти двухсотлетний период раскопок Херсонеса на его территории открыто 19 храмов, относящихся к христианскому времени. Что же касается античных храмов, за исключением незначительных остатков одного небольшого храма на площади у Восточной базилики [1; 3, с. 9-10], то о них мы знаем только из эпиграфических источников.

Раскопками 2012-2013 гг., проведенными в Северном районе Херсонеса, были выявлены стены, принадлежащие какой-то античной постройке. Фундаменты здания, стилобат сложены из хорошо обработанных рустованных известняковых блоков размером 98x62x20 см (рис. 3). Техника обработки и размеры камней идентичны кладке оборонительной стены, а также эллинистического здания во втором квартале Херсонеса, построенных в конце IV в. до н.э. Несмотря на то, что вновь открытая постройка перекрыта бытовыми стенами X-XIII вв., ее размеры прослеживаются довольно хорошо (рис. 1-2).

Вновь открытый комплекс можно разделить на три части: площадку 6,5x6,2 м, примыкающее к ней с восточной стороны здание храма и площадь для размещения людей. Размеры прихрамовой площади установить не удалось, поскольку в более позднее время она была застроена жилыми домами. Мы не исключаем, что когда существовал храм, рядом с площадью могла находиться священная роща и источник. Многочисленные колодцы, найденные здесь, указывают, что в древности в этом районе находились водоносные слои. Площадь расположена с западной и северной сторон от храма. Алтарная площадка сделана из тщательно отесанных блоков, размеры которых колеблются от 0,6x0,6 до 2,2x0,6 м. Она имеет форму ступенчатой пирамиды (рис. 4). С северной стороны сохранились четыре ступени, а с восточной, южной и западной сторон по две ступени. Не исключено, что ступеней было гораздо больше. Если предположить, что площадка являлась алтарем, то ступеней должно быть не менее семи. Наверху сооружения находилась небольшая площадка для установки жертвенника.

Ступенчатые алтари в греческом мире появились еще в VIII в. до н.э. и впоследствии становятся распространенным типом предхрамовых, так называемых церемониальных,

«больших» алтарей [2, с. 106, 108]. Аналогичные алтари, датируемые V-II вв. до н.э., найдены в Приене, Капуе, на о. Делосе и в Ольвии [2, с. 108; 4, с. 32-33].

С западной стороны площадки имеется неглубокий желоб в каменном блоке с углублением для установки ситутлы, в которую собиралась жертвенная кровь. Еще один желоб находится на южном углу площадки (рис. 5). Причем одна канавка вырублена внутри блока, а другая проходит по его поверхности. Данный сток ведет в поглотительный колодец, расположенный рядом с площадкой. Кроме всего вышесказанного, перед поглотительным колодцем, в одном из блоков, вырублен неглубокий, до 10 см, отстойник. Не исключено, что подобное устройство предназначалось для слива воды после мытья всего алтаря после жертвоприношения.

Кроме ступенчатого алтаря в комплекс входит храм, от которого остались незначительные строительные остатки, которые в настоящее время перекрыты фундаментами жилых домов более позднего времени. Он расположен с восточной стороны от алтарной площадки. Его размеры 13,2х10,2 м. Сохранившихся строительных остатков явно не достаточно, чтобы определить его тип и ордер.

Кроме надземного этажа в храмовый комплекс входит и подземный этаж, который был расположен под храмом. Он состоял из длинного – 9,6 м – коридора и «пещеры», в которую вела дверь, расположенная посередине коридора. Для того, чтобы попасть в нижний этаж, нужно было спуститься с алтарной площадки по ступеням в коридор. Вход в него находится возле северного угла алтарной площадки. Коридор вырублен в скале. Его глубина – 2,25 м. Стена со стороны алтаря (западная) облицована тесаными блоками. Восточная стена облицовки не имеет, поскольку частично вырублена в скале. Что же касается «пещеры», то она явно природного происхождения, т.к. на ее стенах не видно следов от камнетесных инструментов. Нет на стенах и следов штукатурки. Размеры пещеры – 3,9х3,0х2,2 м. Свод в настоящее время отсутствует. В скальном полу имеется углубление глубиной 0,4 м. Оно разделено невысокой бутовой стенкой, сложенной на глиняном растворе. Можно предположить, что возникновение храмового комплекса на этом месте связано именно с пещерой. При строительстве храма западная стена пещеры, где находится вход, из-за рыхлой скалы была разобрана. Вместо нее строители возвели здесь стенку из тесаных блоков, на которую, скорее всего, опиралась наружная западная стена храма.

Возможно, в первый период жизни города, когда в нем не было еще храмов, культовые обряды проходили в этой пещере. Из письменных и археологических источников известно, что на ранних этапах жизни святилищем могли быть камни, источники, деревья и пещеры. Так, в «Житиях святых епископов Херсонских» упоминается пещера, посвященная богине Парфенос, занимавшей одно из важнейших мест в пантеоне языческого Херсонеса [5, с. 50]. Вопрос о месте нахождения храма и пещеры Парфенос неоднократно поднимался в научной литературе. Одни авторы располагали ее на востоке городища, другие в его центре, а некоторые, ссылаясь на Страбона, упоминавшего о мысе Парфений, расположенном в 100 стадиях от города, размещали пещеру именно там [6, с. 881-882; 7, с. 26-28; 8, с. 76-83; 9, с. 226-228].

Исходя из раскопок 2013 г., наиболее реальное предположение высказал В. В. Латышев, которое мы приводим здесь полностью с сохранением орфографии: «Если мы обратимся к топографическим данным жития, то увидим, что вопрос этот должен быть рассмотрен в тесной связи с другими топографическими свидетельствами, именно о Малом рынке, Феониной стороне и храме св. Петра, построенном св. Капитоном. Мы знаем, что название

«Феоновой стороны» получила восточная часть города от Малого рынка до Парфенона, отведенная для поселения военному отряду, прибывшему в Херсонес с св. Капитоном под начальством Феоны, и что она находилась поблизости к храму св. Петра, который, в свою очередь, примыкал к построенной св. Капитоном крещальне. Линия, отделявшая восточную часть города, должна была идти с севера на юг (конечно, повторяем, лишь приблизительно) и, стало быть, один из конечных ее пунктов, был на юге, другой на севере. Малый рынок носил это название, по всей вероятности, в отличие от главной городской площади, находившейся в центральной части города, и скорее всего, имел чисто коммерческий характер. А для площади такого характера в приморском городе наиболее удобным местом нам представляется низкий и ровный берег Карантинной бухты на южной стороне восточной оконечности городища, около нынешнего склада древностей, или немного западнее, около юго-восточного угла нынешней монастырской ограды. Если же Малый рынок находился здесь, то противоположный ему Парфенон нужно искать где-либо в северной части городища, – примерно в местности, лежащей между нынешним монастырским кладбищем и «уваровской базиликой». Очень может быть, что пещера находилась где-нибудь в крутом обрыве северного берега и когда-нибудь впоследствии была уничтожена обвалом» [5, с. 51].

Нам остается только восхищаться прекрасным анализом В. В. Латышева, т.к. раскопками 2013 г. у монастырского кладбища был найден храмовый комплекс с пещерой. Как уже говорилось выше, комплекс состоял из алтаря, храма и подвального этажа, в состав которого входил коридор и пещера. Пещера находится на восточном склоне Северной балки, а не в обресе берега. Если бы она находилась в обресе берега, то тогда оказалась бы за оборонительной стеной, т.е. за пределами города. Мы же видим, что вновь открытая пещера размещена почти рядом с центральной площадью города, что только подчеркивает ее сакральное предназначение. Из письменных и археологических источников известно, что именно над пещерами в античное время было построено большинство языческих храмов. Можно предположить, что это именно та пещера Парфенос, упоминавшаяся в письменных источниках, о которых писалось выше.

На полу пещеры был найден фрагмент декрета на мраморной плите (рис. 6). Декрет-проксения выдан Гаю, сыну Антиоха, уроженцу Стектория, гражданину Амастрии. Подобные декреты, как правило, устанавливались в храмовых притворах за особые заслуги перед городом, в котором в данный момент проживал этот гражданин. Не исключено, что найденный в пещере декрет некогда находился в храме или в самой пещере, и был выдан врачу, который «во время военной опасности --- некоторых поставил (на ноги)...»:

ἀγαθαὶ τύχαι
 πρόεδρ[οι βοῦ]λας εἶπαν· ἐπειδὴ Γάιος Ἀντιόχου
 Στεκτ[ορηνός] καὶ Ἀμαστριανός κοσμίαν καὶ
 πρέπορ[σα]υ τὰν ἐπιδαμίαν τὰς πόλειος ἀμῶ[ν]
 5 πεποίη[ται ἀξί]ως ἄ[πα]σι τοῖς πολεῖταις καὶ κο[ινῆ]
 καὶ κατ' [ἰδίαν ἐκάστ]ῳ προσφερόμενος αρ[.....]
 μενο+[.....]ΟΙ+[.....]ιδίας ἀγωγᾶς τᾶ πόλε[ι ἀ]-
 μων [.....]ΙΝ[.....] εὐσχήμονας ἐν κινδ[ύνοις]
 ΟΝ[.....]ΣΑ+[.....]Σ τινὰς ἀποκατέστασ[εν]
 10 Θε++[.....]Ε.....]ς σπουδαῖον καὶ εὖ[ου]ν χά-
 ριτα[ς ---]ΟΛ[----] ἀ]μων τειμῶν καὶ στεφάνων
 ΤΑ[-----] πιστωθεὶς δύνασθα[ι ---]

παρασχέσ[θ]αι παρα[κ]λαθεῖς ὑπὸ τ[οῦ ---]
[-----] ἀναδέξασθαι /
15 [-----]ΥΠ[-----]

Перевод И. Макарова: Проздры совета внесли предложение: поскольку Гай, сын Антиоха, стект[ориец] и амастриец, сделал свое пребывание (у нас) подобающим и достойным нашего полиса, --- по отношению ко всем гражданам в целом и к [каждому в отдельности] --- [его] поведением --- нашему полису --- во время военной опасности --- некоторых поставил (на ноги) --- (явив себя) усердным и преданным --- [был удостоен от] нас почестей и венков --- когда ему было доверено, он смог оказать [помощь] --- когда к нему обратился [народ], он взял на себя [труды] ---

Здесь же нашли каменную подставку для канделябра и небольшой известняковый алтарик с тремя углублениями на верхней площадке (рис. 8, 1-2). Подставка аналогична по материалу надгробным стелам Херсонеса. По углам подставки находятся четыре львиных лапы, а в ее центре имеется квадратное отверстие для крепления стойки канделябра. Возможно, он использовался для освещения пещеры.

Еще одну надпись с именем Парфенокла нашли с северной стороны алтаря (рис. 7).

Что же касается самого храма, построенного с восточной стороны алтаря, то строительные остатки не позволяют точно определить как его размеры, так и его ордер. Не исключено, что это был антовый храм. Его размеры 13x10,2 м. Во время раскопок были найдены архитектурные детали: мраморная голова кариатиды, две известняковые капители и фрагмент каннелированной колонны (диаметром 38 см), относящиеся к дорическому ордеру (рис. 9). Исходя из сохранившегося частично северного стилобата с тремя блоками, стоящими на нем, стены храма были сложены из рустованных блоков. Строительство храма рядом с алтарем в античное время было обычным явлением. И часто его строили на месте более раннего святилища или храма. Площадь для размещения народа во время проведения ритуального действия могла находиться с северной и западной стороны алтаря. К сожалению, в более позднее время ее застроили жилыми домами, что затрудняет ее исследование. На площади найдена одна грушевидная цистерна, рядом с ней – глубокая, до 8 м, яма и небольшой отрезок бутовой, сложенной на глине, стены. Не исключено, что это ограда храмового двора.

Когда был построен храмовый комплекс, установить трудно, поскольку последующие перестройки уничтожили ранние археологические слои. Найденные здесь три маленьких чернотерракотовых фрагмента можно датировать концом IV в. до н.э.

Что же касается времени гибели комплекса, то здесь картина более ясная. Засыпь пещеры, подвального коридора и прилегающей к храму площади дала многочисленный материал, относящийся к середине IV в. н.э. Он представлен краснолаковыми сосудами, светильниками, амфорами и монетами (рис. 16-22). Для полного описания этого материала требуется отдельная статья, которая позволила бы дать более точную его интерпретацию.

Во время раскопок найдено 10 терракот, которые можно разделить на две группы: культовую и жанровую. К жанровой можно отнести только одну терракоту – фигуру лежащего на подушках мужчины. Левой рукой он опирается на валик из двух подушек, правая рука лежит на колене правой ноги. Голова и левая рука от локтя утрачены (рис. 10).

Среди терракот имеется одна протома Коры Персефоны или Кибелы и две формы для оттиска протом, по-видимому, принадлежащие этим же персонажам (рис. 11, 1, 3; 12, 1-2; 14, 1; 15, 1). В одной форме можно оттиснуть лицевую часть женской головы. Лицо овальной формы с тяжелым округлым подбородком. Нос прямой, губы пухлые. Глаза широко

расставлены. Волосы надо лбом разделены на две части и проработаны в виде завитков, за ними прослеживается стефания (рис. 11,1; 12,1). По типу исполнения терракота очень близка мраморной голове Кибелы из Херсонеса, которая в настоящее время хранится в Эрмитаже [10, с. 111, рис. 4]. Еще в одной форме можно оттиснуть фигуру комического актера (?) с мешком (рис. 11,2; 12,3).

Интерес представляет герма, изготовленная в виде квадратного столба, на котором находится полуфигура Гермеса (?). На нем хитон, спадающий складками до самого столба. Левая рука скрыта под хитоном, а в правой он держит денежный мешок (рис. 13). Здесь же найдена голова, лицевая часть, Сатира (?) (рис. 14,2; 15,2) и фрагмент маски (рис. 14,4). К сожалению, правая сторона лица – щека и подбородок – сбита. Хорошо сохранилась прическа в виде длинных локонов, спадающих до плеч. По центру прически проходит разделительный валик, в котором есть маленькое отверстие для установки какой-то детали. Данные находки можно отнести к культуре Диониса.

С западной стороны алтаря, на улице, найдена терракотовая статуэтка богини Ники (рис. 14,3; 15,3). У нее отсутствует голова и левая нога. На спине хорошо видны следы крепления крыльев.

Кроме этих вещей в засыпи найдено несколько рук и ног от различных терракот. Терракоты изготовлены в конце IV – III вв. до н.э.

Разрушение храмового комплекса, скорее всего, связано с принятием христианской религии в Херсонесе. Данное событие, как принято считать в настоящее время, в Херсонесе произошло в начале IV в. (325 г.), т.е. с появлением в городе епископа Капитона. Дальнейшее становление новой религии связано с запрещением языческих культов и активным разрушением языческих святилищ и храмов на всей территории Византийской империи. Особенно много эдиктов, связанных с борьбой с языческими культурами, вышло при императорах Константине (324 г.), Констанции (354 г.), Флавии (364, 375 гг.) и Феодосии I (375, 380, 391 гг. и т.д.). Чтобы не перечислять все этапы борьбы с язычеством, мы отправим читателя к книге греческого исследователя Власиса Рассаиаса «Сокрушите их...» [11]. Описанные в ней события, скорее всего, характерны и для Херсонеса, поскольку он в это время входил в состав Византийской империи, в границах которой велась жесточайшая борьба с прежней религией.

Что же касается храмового комплекса, открытого в Северном районе Херсонеса, то о нем можно сказать, что он состоял из ступенчатого алтаря и дорического храма, построенного над пещерой, которая в начальный период основания Херсонеса была связана с культом богини Парфенос. Алтарь, по-видимому, имел семь ступеней. Нечетное количество ступеней являлось каноническим, поскольку число семь считалось священным для Аполлона и Диониса. Верхняя ступенька заканчивалась площадкой, на которой стоял жертвенник. Вступление на верхнюю площадку правой ногой во время жертвоприношения считалось добрым предзнаменованием [2, с. 106].

С восточной стороны алтаря находился храм, возможно, в антах или же он имел колоннаду из четырех дорических колон. От него сохранились только фундаменты южной и северной стен, сложенные из рустованных блоков. Перед алтарем и храмом, с юго-западной и северо-западной сторон, была площадь, на которой размещался народ. В настоящее время ее найти не удалось, т.к. в более позднее время она была застроена жилыми домами. От них в настоящее время сохранились четыре помещения, относящиеся к X-XII вв. Сильное разрушение храмового комплекса, как уже ранее говорилось, связано с борьбой против язычества, которую вела христианская церковь, поддерживаемая государственной властью Византийской империи. Насколько она была жестока в Херсонесе, свидетельствуют

археологические раскопки. В городе не сохранилось ни одного храма, ни одного святилища, относящегося к языческому периоду.

Если найденные остатки храмового комплекса действительно являются святилищем богини Парфенос, то это решит один из спорных вопросов религиозной жизни Херсонеса, но не исключено, что статья вновь привлечет внимание к данному вопросу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Печикий И. Р. Храм ионийского ордера в Херсонесе (попытка реконструкции) // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 169-176.
2. Лордкипанидзе Г. А. Алтари Ванского городища (Западная Грузия) // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 104-112.
3. Федоров Б. Н. К вопросу о реконструкции Северо-восточной площади Херсонеса Таврического // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 8-11.
4. Карасёв А. И. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Наука, 1964. С. 3-380.
5. Латышев В. В. Жития святых епископов Херсонских. Исследования и тексты // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1906. Т. VIII. № 3. 86 с.
6. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. 1648 с.
7. Виноградов А. Ю. «Миновала уж зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 224 с.
8. Русяева А. С., Русяева М. В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. 208 с.
9. Зубарь В. М. Хора Херсонеса на Гераклеюмском полуострове. Киев: Стилоз, 2007. 318 с.
10. Белов Г. Д. Скульптура из Херсонеса в собрании Эрмитажа // Культура и искусство античного мира / Под ред. К. С. Горбунова. Л.: Аврора, 1971. С. 107-122.
11. Vlasis Rassias'. Demolish Them. Athens, 2000.

REFERENCES

1. Pechikjan I. R. Hram ionijskogo ordena v Hersonesa (popytka rekonstrukcii). *Kobyлина M. M. (Ed.). Istorija i kul'tura antichnogo mira*. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 169-176.
2. Lordkipanidze G. A. Altari Vanskogo gorodishha (Zapadnaja Gruzija). *Kobyлина M. M. (Ed.). Istorija i kul'tura antichnogo mira*. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 104-112.
3. Fedorov B. N. K voprosu o rekonstrukcii Severo-vostochnoj ploshhadi Hersonesa Tavricheskogo. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii*, 1985, vol. 182, pp. 8-11.
4. Karasjov A. I. Monumental'nye pamjatniki ol'vijskogo temenosa. *Gajdukevich V. F. (Ed.). Ol'vija*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964, pp. 3-380.
5. Latyshev V. V. Zhitija svjatyh episkopov Hersonskih. Issledovanija i teksty. *Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk po istoriko-filologicheskomu otdeleniju*. St. Petersburg, 1906, vol. VIII, № 3, 86 p.
6. Sorochan S. B. *Vizantijskij Herson (vtoraja polovina VI – pervaja polovina X vv.)*. Oчерki istorii i kul'tury. Har'kov, Majdan Publ., 2005, 1648 p.
7. Vinogradov A. Ju. «*Minovala uz zima jazыcheskogo bezumija...*» *Cerkov' i cerkvi Hersona v IV veke po dannym literaturnyh istochnikov i jepigrafiki*. Moscow, Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke Publ., 2010, 224 p.
8. Rusjaeva A. S., Rusjaeva M. V. *Verhovnaja boginja antichnoj Tavriki*. Kiev, 1999, 208 p.
9. Zubar' V. M. *Hora Hersonesa na Geraklejskom poluostrove*. Kiev, Stilos Publ., 2007, 318 p.
10. Belov G. D. *Skul'ptura iz Hersonesa v sobranii Jermitazha*. *Gorbutov K. S. (Ed.). Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira*. Leningrad: Avrora Publ., 1971, pp. 107-122.
11. Vlasis Rassias'. *Demolish Them*. Athens, 2000.

С. Г. Рыжов

Античный храмовый комплекс в Северном районе Херсонеса

Резюме

Статья посвящена проблеме нахождения, так называемой, пещеры Парфенос. На основании новых археологических работ сделана попытка установить ее местонахождение и архитектурный облик храмового комплекса, возникшего на ее месте в более позднее время. Комплекс состоял из пещеры, храма, построенного над ней, алтаря и площади для размещения верующих. Он был построен в конце IV в. до н.э. и просуществовал до середины IV в. н.э., т.е. времени принятия христианства в Херсонесе. В статье представлены археологические находки, на основании которых датируется время гибели комплекса, а также дана его реконструкция.

Ключевые слова: Херсонес, алтарь, храм, пещера, Парфенос, терракота, археологический материал.

S. G. Ryzhov

The Antique Temple Complex in the Northern Area of Chersonese

Summary

This article discusses the location of the so-called “cave of Parthenos.” New archaeological discoveries allow the author to suggest the place of the cave and the architectural appearance of the temple complex, which appeared there later on. The complex consisted of the cave, the temple built above it, the altar, and the area for believers. The complex was constructed in the late fourth century BC and existed to the mid-fourth century AD, that is the period of Christianization of Chersonese. The article publishes the archeological finds suggesting the chronology of the collapse of the complex and provides its graphic reconstruction.

Keywords: Chersonese, altar, temple, cave, Parthenos, terracotta ware, archaeological materials.

Рис. 2. Остатки античного комплекса.

Рис. 3. Стилобат с рустованными блоками.

Рис. 4. Вымостка алтарной площадки.

Рис. 5. Каналы для стока воды.

Рис. 6. Декрет Гая Антиоха.

Рис. 7. Надпись с именем Парфенокла.

Рис. 8. Канделябр (1), алтарь (2).

Рис. 9. Архитектурные детали.

Рис. 10. Лежащий мужчина.

Рис. 11. Формы для оттиска терракот.

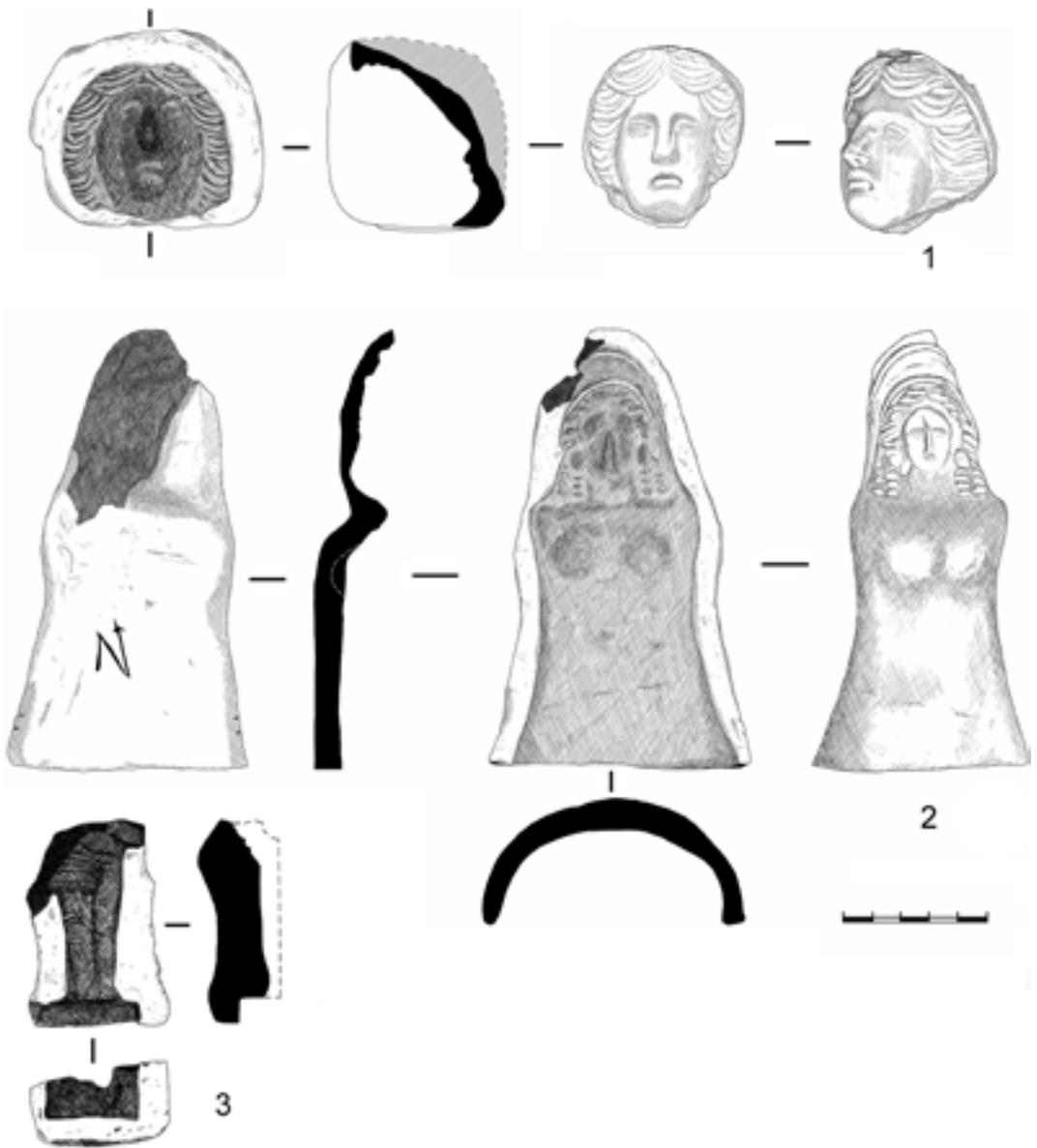

Рис. 12. Формы для оттиска терракот.

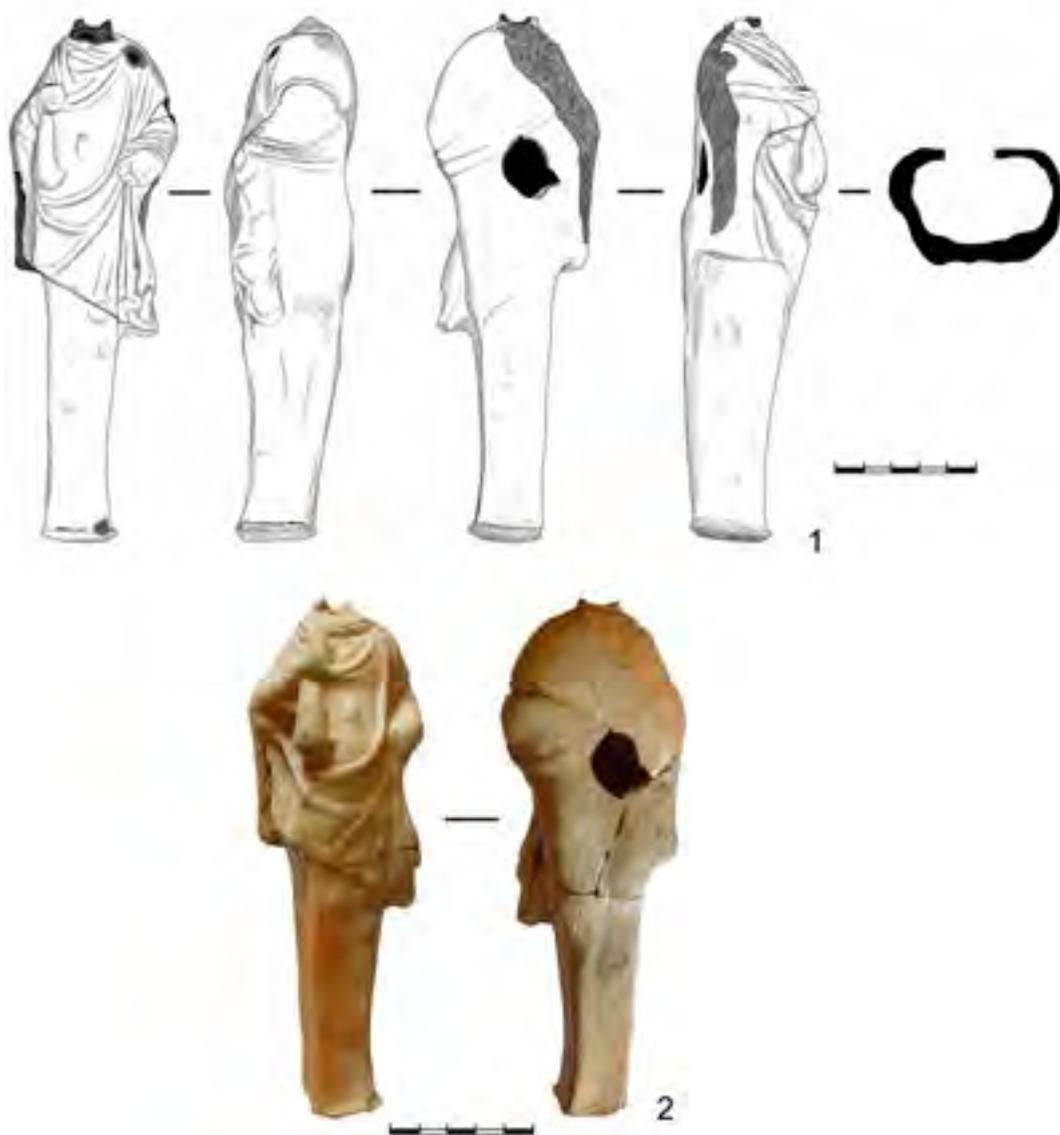

Рис. 13. Герма.

Рис. 14. Терракоты: протома (1), голова Сатира? (2), фигурка Ники (3), фрагмент маски (4).

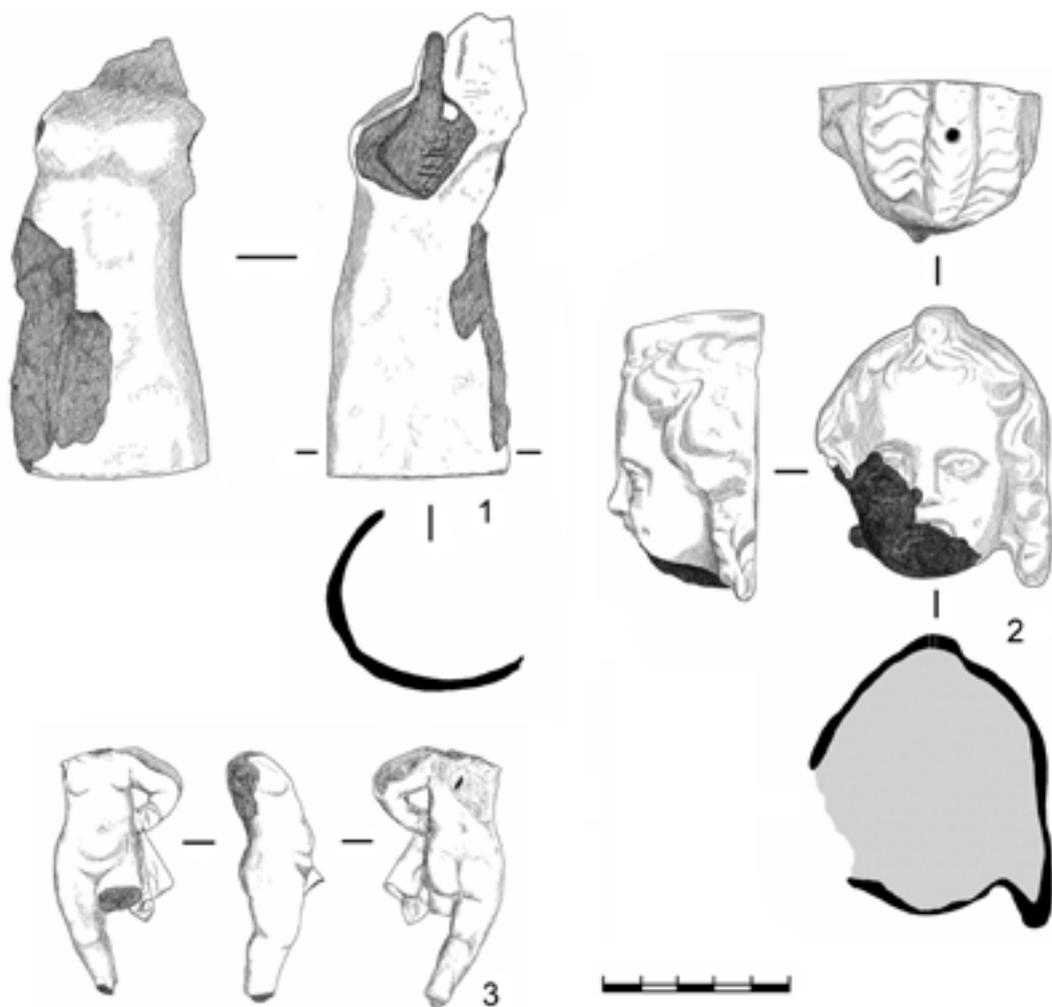

Рис. 15. Терракоты: протома (1), голова Сатира? (2), фигурка Ники (3).

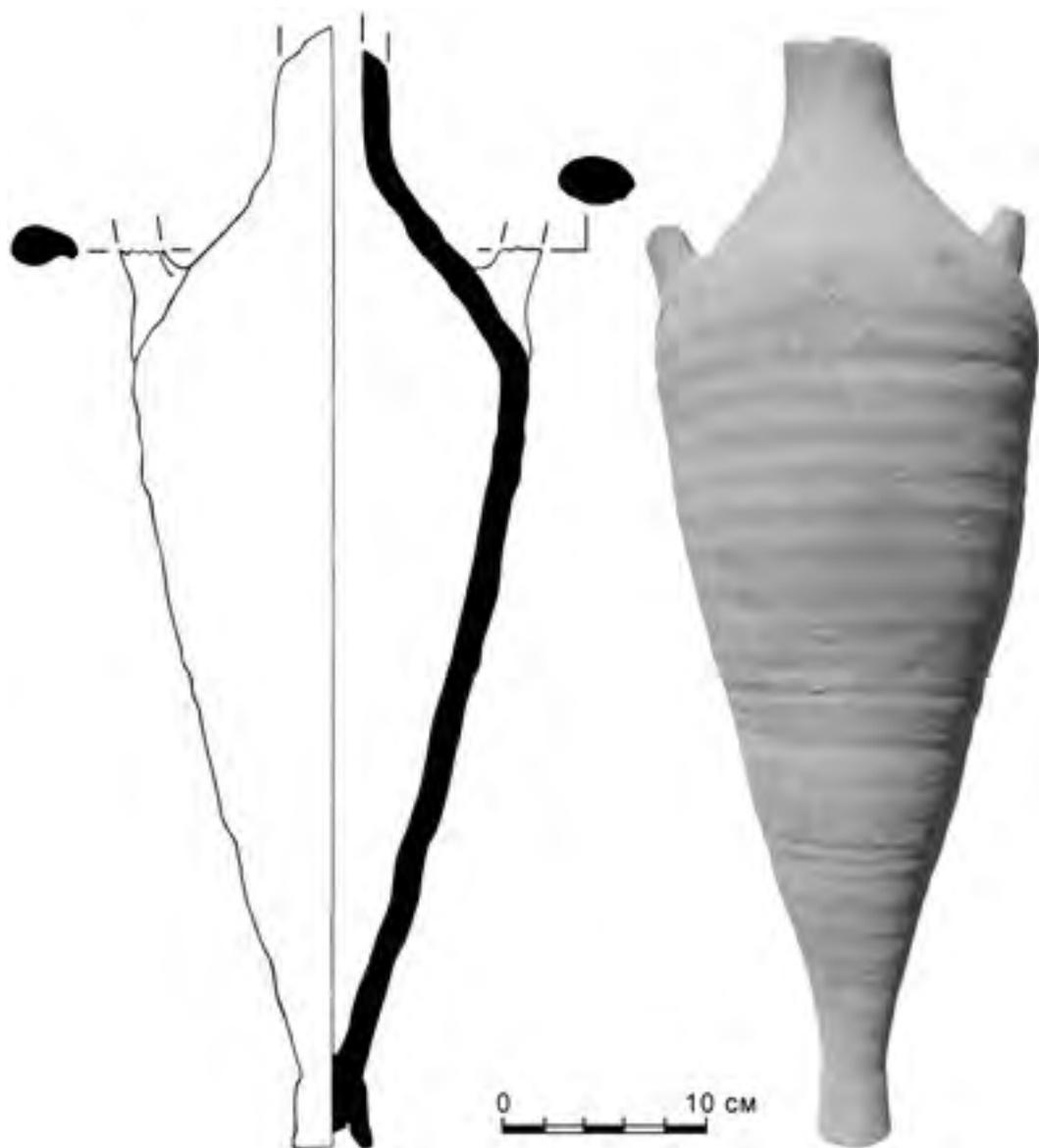

Рис. 16. Светлоглиняная амфора римского времени.

Рис. 17. Краснолаковая посуда римского времени.

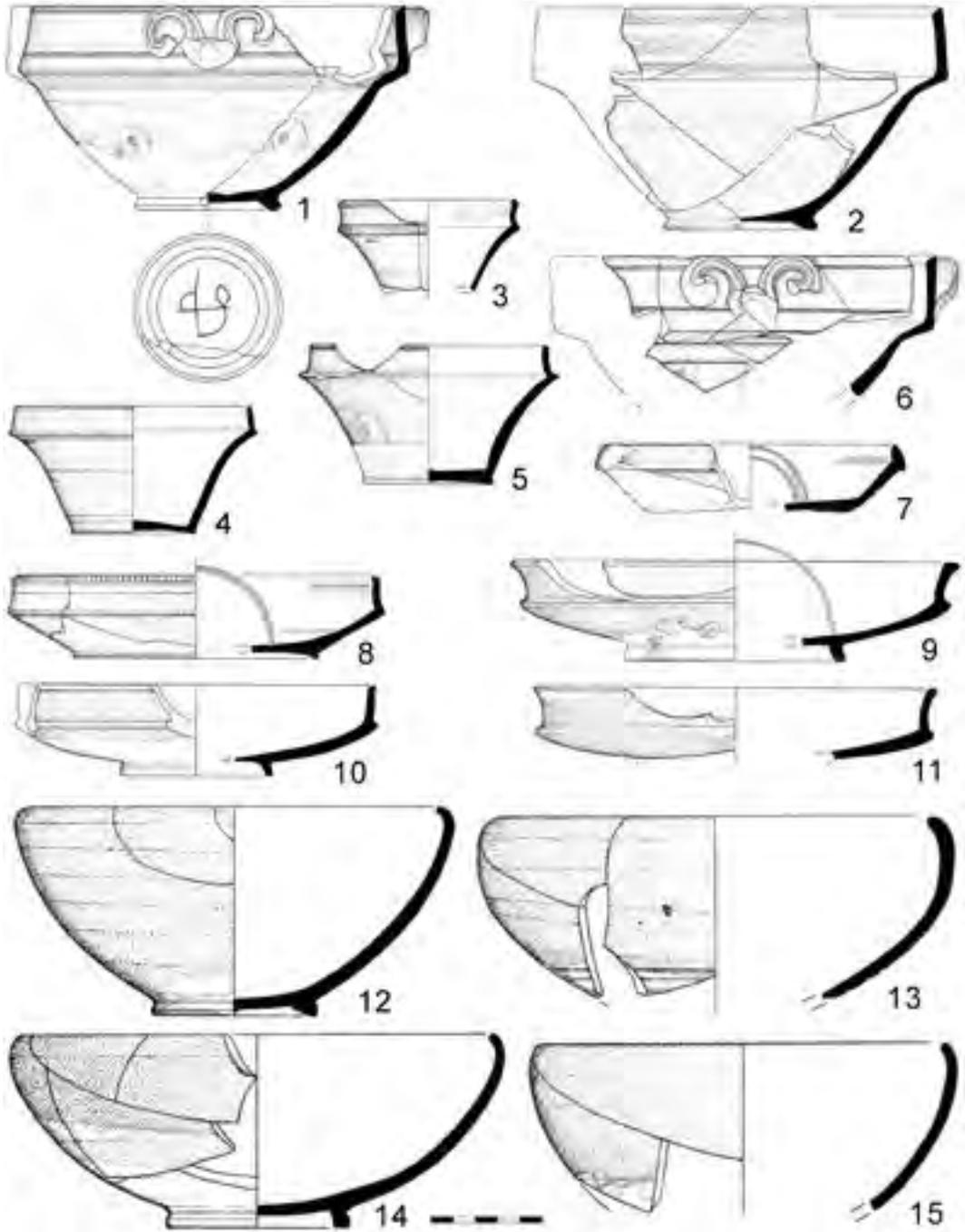

Рис. 18. Краснолаковая посуда римского времени.

Рис. 19. Краснолаковые кувшины римского времени.

Рис. 20. Краснолаковые кувшины римского времени.

Рис. 21. Краснолаковые светильники римского времени.

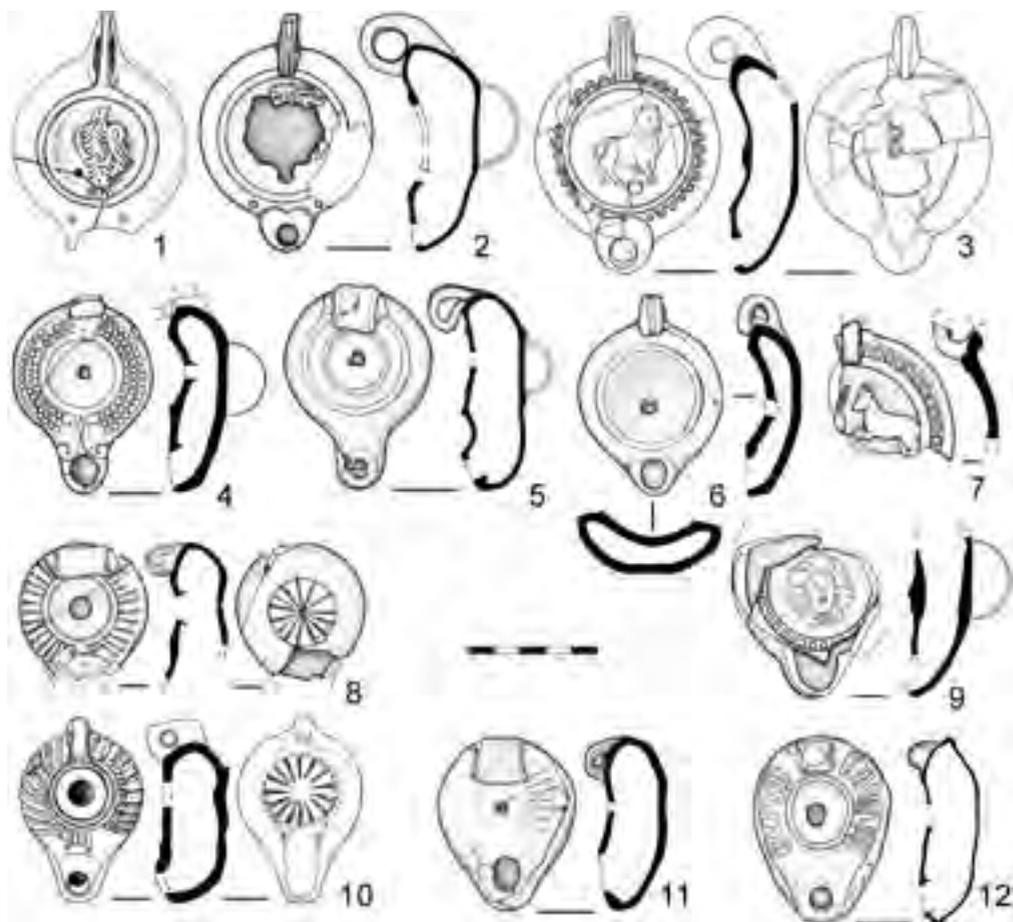

Рис. 22. Краснолаковые светильники римского времени.

Рис. 23. Схематическая реконструкция храмового комплекса.

С. А. МУЛЬД

ПОСЕЛЕНИЕ ДОНУЗЛАВ-I В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

В последние годы интенсивные разведки в Северо-Западном Крыму привели к открытию большого количества археологических объектов. На фоне традиционных для этих мест курганных насыпей, античных городищ и усадеб, выделяется группа так называемых варварских поселений. На сегодняшний день их известно более сотни [1, с. 6; 2, с. 21-37]. Отсутствие должного внимания к этим памятникам со стороны исследователей легко объяснимо. Во-первых, их принимали за остатки татарских деревень, которых в этих местах в действительности большое количество. Тому подтверждением был вид относительно планомерной застройки отдельно стоящими домами, отсутствие каких-либо оборонительных сооружений и подъемный материал в виде фрагментов посуды с поливным покрытием. Во-вторых, сохранность большей части поселений, делающая их невидимыми даже для опытных разведчиков. Часть этих объектов открыта лишь с появлением космических снимков местности и с помощью магнитометрии [3, с. 19, 21; 4, с. 7].

Более тщательный анализ материалов, полученных в ходе разведок, а также первые раскопки одного из таких поселений Джангуль позволили сделать некоторые предварительные выводы. Все памятники объединены общими чертами. Прежде всего, это топографическая особенность в их расположении. Как правило, они локализуются на мысах, образованных соединением двух балок или на склонах балок [3, с. 22-23]. Такая ситуация облегчала жителям добычу пресной воды в тальвегах, а также защиту от ветров в холодное время года. Часто на краях балок имеются выходы известняка – основного строительного материала. В застройке присутствуют жилые и хозяйственные комплексы, что определяется видимыми остатками на современной дневной поверхности. Их количество варьирует от 3-4 до 20-25. Постройки расположены свободно от 20 до 70 м друг от друга. Техника кладки сооружений двухпацирная трехслойная. Панцири сложены из уплощенных необработанных камней, установленных вертикально ребром к ребру. Как правило, рядом находятся курганы, часто с каменной насыпью.

Собранный датирующий материал укладывается в хронологические рамки от эллинизма

до позднего средневековья. Безусловно, удобное расположение заброшенных поселений становилось причиной возобновления жизни в последующие исторические периоды. Однако есть основания полагать, что поздний материал на части этих памятников является мусорным. Дело в том, что на протяжении средневековья, а также в новое время остатки строений очень активно разбирались местными жителями на строительство окрестных деревень. Сегодня еще в поселках Тарханкутского полуострова можно увидеть дома и заборы, сложенные из дикарного камня, явно свозившегося с близлежащих поселений и курганов. Такой вид добычи строительного материала приобрел черты промысла, который, к сожалению, и в наши дни имеет «последователей». Кроме того, руины поселений были хорошими ориентирами для пастухов, которые могли использовать некоторые сохранившиеся постройки как загоны для скота. Естественно, что вместе с этой деятельностью накапливался мусорный слой.

Раскопками одного строительного комплекса поселения Джангуль были получены более четкие хронологические ориентиры. Не вдаваясь в подробный анализ датирующего материала, скажем, что он укладывается в пределы IV-III вв. до н.э. В это время в Северо-Западном Крыму находились в соседстве греческие колонисты, оседлое местное население, занимающееся земледелием и скотоводством, и кочевые скифские племена [1, с. 6; 3, с. 64-65].

Попыткой уточнения хронологических рамок существования и этнической принадлежности этой группы памятников стали первые раскопки на поселении Донузлав-I [5]. С результатами этой работы знакомит данная статья.

В 2013 г. экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины¹ (руководитель – автор статьи) совместно с Геоархеологической экспедицией Санкт-Петербургского государственного университета (руководитель – д.и.н. Т. Н. Смекалова) начаты комплексные археолого-геофизические исследования поселения Донузлав-I. Объект открыт в ходе разведок 2013 года Т. Н. Смекаловой и А. В. Чудиным.

Памятник расположен на границе Черноморского и Сакского районов Республики Крым, на юго-восточном берегу озера Донузлав (рис. 1, 1). От протоки, соединяющей водоем с Черным морем, до объекта 26,5 км. Ближайшие населенные пункты находятся: в 3,5 км к северо-востоку от памятника – село Красноярское Черноморского района, в 6 км к югу – село Наташино Сакского района.

На топографической карте полуострова, составленной генерал-майором Мухиным в 1816 году, на этом месте нанесена деревня Карполю. Из подписи следует, что состоит населенный пункт из 11 дворов.

На небольших террасах, расположенных на склонах глубокой балки, тянущейся в юго-восточном направлении от берега озера, а также в низинной части ее устья сохранились остатки каменных построек (рис. 1, 2). Их контуры отчетливо просматриваются на поверхности памятника, в основном по необработанным массивным плитам, установленных на ребро и являющихся лицевыми панцирями кладок. На большинстве объектов сохранились проходы внутрь помещения, оформленные с помощью двух массивных камней, установленных вертикально и параллельно друг другу, перпендикулярно основной линии стены. Исходя из визуального осмотра строений, можно предположить их различное назначение. Небольшие, прямоугольных очертаний, в некоторых случаях многокамерные комплексы, вероятно, предназначались для проживания людей, большие округлые или узкие вытянутые служили

¹ С 2015 года Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

хозяйственным целям.

На сегодняшний день визуально различимы двадцать отдельно стоящих объектов, расположенных на разной дистанции друг от друга – от 10 до 120 м (см. Приложение). Выкопанная в недавнее время запруда в устье балки, возможно, уничтожила еще одно сооружение. Какие-то линии стен на этом месте видны на космическом снимке, помещенном в программном ресурсе Google Earth 2009 года. Протяженность поселения вдоль балки вместе с запрудой – 800 м, ширина – 60-80 м. Таким образом, общая площадь составляет приблизительно 64 тыс. м². На прилегающей по обеим сторонам балки равнинной части находятся невысокие курганы, сложенные из камня, предположительно относящиеся к данному поселению.

Для археологических исследований был выбран объект, получивший в полевой документации порядковый номер четыре. Это самая дальняя от берега озера (690 м) постройка, находящаяся на северном склоне балки (рис. 1,2). Здесь на естественной террасе, в плане представляющей собой полумесяц, на дневной поверхности видны остатки двух построек, а также обрывки кладок, возможно ограничивающих дворовое пространство. Длина террасы по линии северо-восток–юго-запад – 85 м, ширина – 45 м. С востока террасу ограничивает небольшая балка, тянущаяся от тальвега основного русла в северо-восточном направлении. Эта балка пересекает юго-восточный угол исследуемого объекта.

Раскоп был разбит таким образом, чтобы охватить всю видимую на поверхности площадь строения. Он прямоугольной в плане, размером 6х15 м, длинной осью ориентирован по линии север-юг (рис. 1,3). Раскоп был разделен двумя бровками толщиной 0,5 м на три квадрата. Размеры северного (квадрат 1) 5х6 м, центрального (квадрат 2) и южного (квадрат 3) по 4,5х6 м. В ходе работы для полного открытия одной из кладок раскоп был увеличен в северном направлении на 3,4 м (квадрат 1а). Таким образом, общая длина раскопа составила 18,4 м, общая площадь – 110,4 м². Самый высокий северо-восточный угол раскопа выше юго-восточного на 1,88 м, северо-западного – на 0,53 м, юго-западного – на 1,44 м.

Открытая конструкция состоит из двух основных элементов: узкой прямоугольной в плане постройки размером 4-5х13 м (помещение 1), длинной осью ориентированной по линии север-юг, и примыкающей к ней с севера еще одной прямоугольной в плане постройки (помещение 2), перпендикулярной первой (рис. 2,1). Восточные стены построек (кладки № 2 и № 5) расположены практически на одной линии. Помещение 2 выходит за границу раскопа в западном направлении. Здесь на дневной поверхности за пределами квадрата видны сильно задернованные камни, которые тянутся в одну линию с кладкой № 6 от северо-западного угла раскопа на 8 м. Ширина помещения 2 – 2,8 м, открытая в пределах раскопа длина – 4 м.

Все стены двухпанцирные, трехслойные, сложены насухо из необработанных уплощенных плит известняка. В качестве бута использовались мелкие камни. Все кладки (кроме кладки № 7, сложенной из мелкого камня) сохранились на высоту в один ряд камней. Дадим краткое описание каждой кладки.

Кладка № 1 (общая стена для помещений 1 и 2) ориентирована по линии восток-запад (рис. 3,5,6). Ее западный край разрушен вследствие выборки или оползня. Возможно, кладка имела продолжение в этом направлении, как и параллельная ей кладка № 6. Случайно ли этот обрыв приходится на место, где с юга, образуя прямой угол, к ней примыкает кладка № 4, осталось неясным. Панцири состоят из уплощенных массивных плит и камней меньших размеров, уложенных в горизонтальной плоскости. Наружу плиты развернуты наиболее ровным и длинным краем, остальные камни – своими торцевыми частями. В восточной

части стена сложена в перевязь с кладкой № 5, образуя юго-восточный угол помещения 2. Внутренние панцири этих кладок сходятся под прямым углом, внешние соединены плавной дугой. Длина кладки от перпендикулярных ей внутренних панцирей кладок № 2 и № 5 до места ее обрыва – 3,6 м, толщина – 1-1,2 м. Поверхность под стеной понижается в западном направлении на 0,24 м.

Кладка № 2 (восточная стена помещения 1) ориентирована по линии север-юг (рис. 2,2,3). В плане слегка выгибается в западном направлении. Ее протяженность по камням внутреннего панциря, а также по сохранившимся камням внешнего панциря – 9 м. Реконструируемая длина внешнего панциря – 10 м, толщина – 0,9-1 м. Сохранность кладки плохая, хотя сложена она из наиболее массивных плит. Отдельные камни размером 1х0,7 м. Лицевые и внутренние панцири сложены из плит, установленных вертикально ребром к ребру. Часть орфостатов упала или находилась в наклонном положении. В северной части стена примыкает к кладке № 1, в южной сложена в перевязь с кладкой № 3, образуя юго-восточный угол постройки. Сама кладка угла сильно разрушена склоном балки, резко понижающимся в этом месте. Поверхность под стеной понижается в южном направлении на 0,12 м.

Кладка № 3 (южная стена помещения 1) ориентирована по линии восток-запад, сложена в той же технике, что и предыдущая (рис. 3,9,10). Она наиболее разрушена склоном балки и поздней выборкой. *In situ* сохранились два орфостата внутреннего панциря и часть забутовки. По этим камням длина кладки – 2,2 м, реконструируемая – 2,5 м по внутреннему панцирю, 4,5 м по внешнему. Камни внешнего панциря сползли по склону балки на 1-1,5 м от линии стены. Кладка была сооружена в перевязь с кладкой № 2 и, вероятно, с кладкой № 4, образуя юго-западный и юго-восточный углы постройки. Поверхность под стеной понижается в западном направлении на 0,2 м.

Кладка № 4 (западная стена помещения 1) вытянута с севера на юг (рис. 3,1,2). Сохранился северный отрезок длиной 6 м. Реконструируемая протяженность – 10 м, толщина стены – 1-1,1 м. Южный отрезок разрушен вследствие поздней выборки. Кладка двухпанцирная, трехслойная, комбинированная. Внешний панцирь сложен из вертикально стоящих плит, внутренний – из горизонтально лежащих меньшего размера, в забутовке использован мелкий камень. Стена с юга примыкает к кладке № 1, образуя северо-западный угол помещения 1. Посередине кладки, в 5 м от этого угла расположен проход в помещение. Он сложен из двух больших плит, установленных вертикально и параллельно друг другу, перпендикулярно основной линии стены. Ширина проема – 0,7 м, высота камней – 0,7 м. Периметр, образованный этими двумя плитами, замыкают два вытянутой формы уплощенных камня, которые выполняют роль порога, высотой 0,3 м. Внутреннее пространство, до высоты камней-порогов, забутовано мелким камнем. Вся сохранившаяся часть кладки уложена на горизонтальную поверхность.

Кладка № 5 (восточная стена помещения 2) тянется по линии север-юг (рис. 2,2,3). Длина по внутреннему контуру 2,8 м. Прямой участок внешнего панциря протяженностью 3,2 м, далее в плане стена закругляется, соединяясь с кладкой 1. Толщина стены – 1,1-1,3 м. Панцири сложены из уплощенных камней, уложенных горизонтально, в перевязь с кладками № 1 и № 6. Максимальная высота кладки – 0,3 м. Поверхность под стеной понижается в южном направлении на 0,5 м.

Кладка № 6 (северная стена помещения 2) вытянута с востока на запад (рис. 3,3,4). С кладкой № 5 образуют северо-восточный угол постройки и сложена в той же строительной технике. Открытая в пределах раскопа длина по внешнему контуру – 5 м, по внутреннему

– 4 м. Толщина кладки – 1,1-1,2 м. Максимальная высота – 0,2 м. Поверхность под стеной понижается в западном направлении на 0,38 м.

Кладка № 7 (простенок помещения 1) по линии восток-запад разделяет помещение 1 на две неравные зоны, площадью, примерно, 4,5 и 21 м² (рис. 3,7,8). Обрывок этой стены длиной 2 м отходит перпендикулярно от восточной стены (кладка № 2) на расстоянии 1,6 м от юго-восточного угла постройки. Кладка трехслойная, двухпанцирная с мелкой забутовкой. Камни панцирей небольших размеров, уложены горизонтально в 1-2 ряда. Толщина кладки 1 м. Простенок обрывается, переходя в развал мелкого камня, тянущегося ровным слоем до линии кладки № 4.

Разная техника кладок двух помещений говорит о разновременности их сооружений. Очередность этих строительных периодов можно трактовать по-разному: помещение 2 могло быть пристроено с севера к помещению 1, возможно, разрушив его торцевую северную стену, либо помещение 1 пристраивалось к стенам более раннего сооружения. Лучшая сохранность кладок помещения 2 наталкивает на мысль о их более позднем возведении. Однако кладки помещения 2 на момент раскопок были полностью перекрыты грунтом, в отличие от кладок помещения 1, возвышавшихся над дневной поверхностью и доступных для выборки и естественному разрушению склонами балки.

Внутри помещений не обнаружено поверхности, которую можно было бы с уверенностью назвать полом. Абсолютно однородный массив гумусированного грунта начинался с современной дневной поверхности, перекрывая отдельные участки кладок, продолжался, опускаясь от уровня нижних кромок камней, на глубину до 0,5 м. Лишь развалы мелких бутовых камней указывали на уровень, на котором могли функционировать помещения. В целом этот уровень соответствует поверхности, на которой были установлены камни кладок. В квадрате № 3 внутри сооружения часть развала можно было бы назвать вымосткой. Уплотненные небольшие камни лежали в одной плоскости в один слой в промежутке между кладками №№ 2, 3, 7. Однако ни связующего раствора, ни остатков следов какой-либо деятельности на этой поверхности не обнаружено. Эту поверхность, как и юго-западный угол сооружения, перерезал перекоп.

К сожалению, раскопанный участок практически не содержал артефактов. Во всех квадратах были обнаружены в малом количестве фрагментированные кости животных. Лишь одна из колотых костей по форме напоминает трехлопастной наконечник стрелы (рис. 5,1).

С целью обнаружения каких-либо культурных остатков ниже исследованного уровня раскопа было выкопано три шурфа (рис. 2,1). Первый шурф (1,1x1,3 м) в квадрате 1а, вплотную к внутреннему углу, образованному кладками № 5 и № 6. Темный гумусированный грунт, на котором лежат камни кладки, оказался мощностью 0,3 м (рис. 2,3; 3,3). Ниже его начался слой светло-коричневого вязкого суглинка, который был принят за материковую поверхность. В шурфе были обнаружены рубленые фрагменты костей животных.

Второй шурф (0,7x1,5 м) расположен в квадрате 1 (рис. 2,1). Длинной осью ориентирован по линии запад-восток. Узким бортом примыкает к внутреннему панцирю кладки № 4, на расстоянии 1,3 м от внутреннего угла, образованного кладками № 1 и № 4. С уровня залегания камней кладки было прокопано 0,55 м темного гумусированного грунта до материкового светло-коричневого вязкого суглинка (рис. 3,2). Артефакты не обнаружены.

Третий шурф (0,9x5 м) был выкопан в квадрате 3 вдоль западного борта, в месте предполагаемой поздней выборки (рис. 2,1). Здесь развал камней кладки № 4 представлял собой более хаотичную картину (рис. 3,9,11). Начиная с уровня основания кладок, камни

неоднородным слоем заполняли весь пласт гумусированного грунта до глубины 0,7 м от дневной поверхности. Развал состоял, в основном, из мелких и средних размеров камней. Лишь четыре относительно крупных уплощенных камня лежало на линии разрушенной западной стены, но на 0,25 м ниже подошвы сохранившейся кладки. Под слоем темного грунта оказался светло-серый золистый грунт мощностью 0,18-0,26 м, который, в свою очередь, перекрывал материковую поверхность.

В темном грунте каменного развала были найдены фрагменты стенок керамических сосудов: красноглиняной амфоры с крупным волнистым рифлением, 5 фрагментов гончарных красноглиняных сосудов, 3 фрагмента чашки с поливным глазурированным покрытием (рис. 5,2), 7 фрагментов лепного сосуда, фрагмент тонкостенного лепного сосуда с горизонтально прочерченными линиями, а также 7 фрагментов рубленых костей животных. В золистом слое обнаружены 32 фрагмента стенок красноглиняной амфоры с крупным волнистым рифлением и фрагмент стенки лепного сосуда.

Таким образом, для определения времени существования исследованной постройки найденного материала оказалось недостаточно. С целью обнаружения датирующего материала и уточнения мощности культурного слоя на разных участках поселения было выкопано три разведывательных шурфа (рис. 1,2).

Шурф 1 (2x2,2 м) расположен в 30 м к северо-западу от основного раскопа. Разбит с северной стороны объекта № 6, вплотную к его видимой на поверхности стены, тянущейся по линии запад-восток (рис. 4,1-3). Терраса в этом месте практически горизонтальная с незначительным уклоном в западном направлении. Открытый участок внешнего панциря представляет собой ряд установленных вертикально на ребро плит средних размеров, не превышающих рамки 0,5x0,5 м. Над дневной поверхностью один из камней выступал на 0,12 м. Уровень, на который установлены камни, находится на глубине 0,3-0,35 м от дневной поверхности. До глубины 0,7-0,75 м грунт однородный темный гумусированный. Далее он перекрывает слой золистого грунта мощностью 0,22-0,4 м, лежащего на материке. В северо-восточной части шурфа поверх золистого грунта обнаружен развал или скопление камней различной величины. В темном грунте были обнаружены фрагменты красноглиняных амфор – 4 стенки и одного округлого дна (рис. 4,8), 11 фрагментов гончарных сосудов, в том числе фрагмент дна (рис. 4,7), 16 стенок лепных сосудов, а также осколок кремня и 64 фрагмента костей животных. В золистом слое были найдены фрагмент придонной части светлоглиняной амфоры с коричневым ангобом, фрагмент светлоглиняной амфоры с горизонтальным волнистым рифлением, 4 фрагмента стенок гончарных сосудов, 20 фрагментов лепных сосудов и 21 фрагмент костей животных, из которых 5 было обожжено.

Шурф 2 (2x2 м) разбит между видимых на поверхности кладок самого ближнего к озеру объекта № 18 (рис. 1,2; 4,4-6). Дневная поверхность практически горизонтальная. В стратиграфическом срезе определен один слой – темного гумусированного грунта с развалом камней, перекрывающим материк. Глубина шурфа – 0,7-0,85 м. Здесь найдены: фрагменты красноглиняной амфоры (8 стенок, 1 ручка) (рис. 4, 11), 10 фрагментов гончарных сосудов (рис. 4,9), 24 фрагмента лепных сосудов (рис. 4,10,12) и 15 фрагментов колотых костей животных.

Еще весной 2013 года в ходе первых разведок был выкопан шурф (2x2 м), расположенный в трех метрах к северо-западу от шурфа 1 (рис. 1,2). Ему был дан порядковый номер три. Материал, обнаруженный в ходе этих раскопок, был передан в распоряжение экспедиции. Со

слов рабочих, проводивших эти раскопки, шурф также состоял из двух слоев грунта – темного гумусированного и золистого. К сожалению, найденные артефакты не были разделены по слоям. Среди них оказались: фрагменты красноглиняной амфоры (1 венчик, 1 ручка, 10 стенок) (рис. 5,4,5), крышка, сделанная из стенки коричневоглиняной амфоры (рис. 5,3), 10 фрагментов стенок гончарных сосудов, 83 фрагмента лепных сосудов, из которых два были украшены косыми насечками по краю венчика (рис. 5,6-8), фрагменты верхних частей двух лепных горшков, украшенных насечками по верхнему краю венчиков, один из которых был еще украшен двумя рядами ногтевых вдавлений с внутренней стороны сосуда (рис. 5,10-11), фрагмент кремневого пластинчатого орудия (рис. 5,9), 60 фрагментов костей животных.

Найденный на территории памятника подъемный материал представлен четырьмя фрагментами керамических сосудов, три из которых были с поливным покрытием (рис. 5,13-15).

Таким образом, датирующий памятник материал крайне малочислен и невыразителен. Из более-менее уверенно датированных предметов можно выделить фрагмент ручки красноглиняной фассоской амфоры V-III вв. до н.э. (рис. 5,5), еще один фрагмент гераклеийской амфорной ручки III в. до н.э. (рис. 4,11) и обработанный фрагмент стенки коричневоглиняной косской амфоры первой половины I в. до н.э. (рис. 5,3)². Лепной сосуд с орнаментом из ногтевых вдавлений (рис. 5,10) может быть датирован IV в. до н.э. и относится к скифской археологической культуре³. К раннесредневековому времени относятся амфорные фрагменты венчика и округлого дна (рис. 4,5; 5,4). Покрытые цветной глазурью сосуды являются предметами обихода татарского населения Крыма и соответственно могут быть отнесены к средневековью и новому времени.

Анализ полученного в ходе исследований 2013 года поселения Донузлав-I приводит к следующим выводам:

Открытый комплекс, вероятно, был хозяйственного назначения. Отсутствие очагов, четко выраженной поверхности пола и прочих деталей, типичных для жилых помещений, тому подтверждение. Не понятной осталась ситуация с последовательностью постройки или перестройки помещений 1 и 2, использованием различных видов кладки, а также с наличием зольного слоя, лежащего на материке и отделенного от каменных кладок значительной прослойкой грунта (до 0,4 м). Правда, эта стратиграфия зафиксирована только на террасе, где расположены объект № 4 и шурфы 1 и 3, что, возможно, является специфичной только для этого участка поселения.

Удобное для проживания в суровых степных условиях место использовалось различными группами населения в разные исторические периоды. Однако, судя по культурным слоям, выявленным на раскрытых участках, проживание это было кратковременным или сезонным. Сколько-нибудь отличные от описанных остатков построек следы поздней деревни Карполу не выявлены. Обозначенные на карте 1816 года 11 дворов, возможно, представляли собой легкие постройки каркасного типа. Отдельные ранние постройки из камня, сохранявшие форму замкнутого периметра, могли служить загонами для скота. Не будучи специалистом в данном вопросе и опираясь на единственную доступную нам работу Б. А. Куфтина, в которой подробно описаны жилища крымских татар (к сожалению, кроме степных районов

² Выражаю искреннюю благодарность за помощь в определении фрагментов амфорной тары С. Ю. Внукову.

³ Приношу искреннюю благодарность В. П. Власову за консультацию-характеристику фрагментов лепных сосудов.

полуострова), ограничимся этим предположением [6].

Сравнивая топографические особенности расположения поселения, планировку, технику кладки построек и даже его сохранность с аналогичными памятниками Тарханкута, в частности – с поселением Джангуль, нельзя не заметить их полную идентичность. Судя по имеющимся на сегодняшний день данным, появляются эти поселения не ранее IV в. до н.э. Принадлежали они варварскому населению, занимавшемуся земледелием и активно контактировавшему с греческими колонистами, а возможно и специально переселенному сюда греками из предгорных районов полуострова [7, с. 154; 8, с. 127]. Техника кладки сооружений очень специфичная, не имеющая ничего общего с античными постройками. Это обстоятельство, а также некая схожесть с устройством погребальных конструкций таврских могильников в Восточном и Предгорном Крыму позволили Т. Н. Смекаловой высказать предположение о культурной принадлежности этих памятников [1, с. 23; 3, с. 59-63; 4, с. 41-46].

Безусловно, на большинство из поставленных вопросов можно получить ответ только в ходе дальнейших исследований поселения Донузлав-I и аналогичных памятников Северо-Западного Крыма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Пастухи и земледельцы раннего железного века в северо-западном Крыму // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь: Предприятие Феникс, 2013. Вып. VIII. Ч. 2. 336 с.
2. Мульд С. А., Смекалова Т. Н. Каменные курганы на полуострове Тарханкут // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь: Доля, 2012. Вып. VI. Ч. 1. 182 с.
3. Смекалова Т. Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь: Доля, 2010. Вып. II. 204 с.
4. Смекалова Т. Н. Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в северо-западном Крыму // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь: Доля, 2011. Вып. V. 296 с.
5. Мульд С. А., Смекалова Т. Н. Первые исследования поселения Донузлав-I в Северо-Западном Крыму // Археологічні дослідження в Україні в 2013 р. Київ, 2014. С. 66-67.
6. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова // Мемуары этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1925. Вып. 1. 58 с., XIX л. табл.
7. Щеглов А. Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // Вестник древней истории. 1966. № 4. С. 146-157.
8. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 158 с.

REFERENCES

1. Smekalova T. N., Kutaisov V. A. Pastukhi i zemledel'tsy rannego zhelezного века v severo-zapadnom Krymu. *Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma*, Simferopol', Predpriiatie Feniks Publ., 2013, Vol. VIII, part 2, 336 p.
2. Mul'd S. A., Smekalova T. N. Kamennye kurgany na poluostrove Tarkhankut. *Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma*, Simferopol', Dolia Publ., 2012, Vol. VI, part 1, 182 p.
3. Smekalova T. N. Pamiatniki epokhi bronzy i rannego zhelezного века na poluostrove Tarkhankut: Katalog. *Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma*, Simferopol', Dolia Publ., 2010, Vol. II, 204 p.
4. Smekalova T. N. Distantsionnye i geofizicheskie issledovaniia poselenii antichnoi epokhi v severo-zapadnom Krymu. *Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma*, Simferopol', Dolia Publ., 2011, Vol. V, 296 p.
5. Mul'd S. A., Smekalova T. N. Pervye issledovaniia poseleniia Donuzlav-I v Severo-Zapadnom Krymu.

Arkeologichni doslidzhennia v Ukraini v 2013 r., Kiev, 2014, pp. 66-67.

6. Kuftin B. A. Zhilishche krymskikh tatar v sviazi s istoriei zaseleniia poluostrova. *Memuary etnograficheskogo otdela Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii*, Moskov, 1925, Vol. 1, 58 p., XIX tabl.
7. Shcheglov A. N. O naselenii Severo-Zapadnogo Kryma v antichnuui epokhu, *Vestnik drevnei istorii*, 1966, N 4, pp. 146-157.
8. Shcheglov A. N. *Severo-Zapadniy Krym v antichnuui epokhu*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 158 p.

Приложение

Описание видимых остатков строительных конструкций поселения Донузлав-I

Объект № 1 расположен на южном склоне балки в 820 м от берега озера (рис. 1,2). На углу, образованном в этом месте основным руслом балки и еще одной балкой, тянущейся в южном направлении. В тальвеге последней в 15 м от объекта № 1 имеется по внешнему виду естественный провал, который мог бы служить водосборником. Скалистые края провала в зарослях кустарника. Точную глубину определить сложно из-за мусора и зарослей. Видимая глубина – 2,5 м. Приблизительный размер в плане – 4x4 м.

Сохранность объекта № 1 плохая. Постройка прямоугольных очертаний в плане. Длинной осью расположена по линии СВ-ЮЗ. Восточный угол разрушен склоном балки. Приблизительные размеры – 5x6,4 м. Кладки из вертикально стоящих плит, двухпанцирные. Максимальная высота выступающих над современной дневной поверхностью камней 0,3 м. В 1 м от юго-западной стены расположено несколько камней, вероятно, остатки кладки, тянущейся по линии север-юг на протяжении 1 м.

Объект № 2 расположен на южном склоне балки в 830 м от берега озера, в 16 м к югу от объекта № 1. Сохранность очень плохая. Форма в плане не определена. Состоит из обрывков кладок, тянущихся по линиям СВ-ЮЗ и СЗ-ЮВ. Часть постройки, вероятно, уничтожена юго-западным склоном балки. Общая площадь развала кладок – 8x12 м. Не исключено, что конструкция состояла из двух помещений. Максимальная высота вертикальных плит 0,4 м.

Объект № 3 расположен на плоской террасе южного склона балки в 644 м от берега озера. В этом месте балка поворачивает, меняя направление с ЮВ-СЗ на С-Ю. На противоположном северном склоне балки находятся объекты №№ 4 и 5.

Конструкция прямоугольных очертаний в плане. Длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Ее размер – 5x11 м. Кладка двухпанцирная, отдельными участками хорошо сохранившаяся. Северо-восточная стенка отчасти разрушена склоном балки. Юго-западная кладка обрывается в 6,8 м от западного угла постройки. В этом месте установлена плита в вертикальном положении перпендикулярно основной линии стены – предположительное место входа. Максимальная высота вертикальных плит от дневной поверхности 0,45 м.

В 10 м к юго-востоку от объекта, на краю балки находится развал камней, возможно, остатки еще одной кладки.

Объект № 4 расположен на северном склоне балки в 690 м от берега озера. Публикации результатов его изучения посвящена данная статья.

Объект № 5 расположен на террасе северного склона балки в 650 м от берега озера, в 20 м к северо-западу от объекта № 4. Сильно задернован. Прямоугольных очертаний в плане. Длинной осью расположен по линии север-юг. Кладки двухпанцирные. Лучше всего видна южная стенка. По массивному камню, лежащему на линии западной стены в ее центре, можно предположить, что здесь находился вход в постройку. Размер конструкции – 4,7x7,3 м. Максимальная высота вертикально стоящих камней 0,15 м.

Объект № 6 непосредственно примыкает к северо-западному углу объекта № 5. Прямоугольных очертаний в плане. Длинной осью ориентирован по линии СЗ-ЮВ. Сильно задернован. Кладка едва видна. Максимальная высота вертикальных камней 0,25 м. Размер конструкции – 4,6x7 м. Разведочный

шурф № 1 был разбит непосредственно у внешнего панциря северо-восточной стенки.

Объект № 6А. представляет собой несколько вертикально стоящих сильно задернованных камней. Возможно, еще один объект на террасе с объектами №№ 4-6. Расположен в 6 м к западу объекта № 6.

Объект № 7 расположен в 558 м от берега озера, на углу соединения южного склона основного русла балки с восточным склоном малой балки, тянущейся по линии север-юг. На небольшой плоской террасе линии хорошо видимых стен, представляющих целый комплекс помещений. Внешний периметр постройки прямоугольной формы в плане, размером 11x15 м. Длинной осью ориентирован по линии запад-восток. Хуже всего сохранились южная и западная стены конструкции. В контур объекта вписано узкое прямоугольное помещение, прилегающее к северной стене и северо-западному углу, его размеры – 4x12 м. В южной стенке этого помещения перпендикулярно основной линии расположены две вертикально стоящие плиты, оформляющие проход. Еще одно прямоугольное помещение расположено вдоль восточной стенки в северо-восточном углу конструкции, его размеры – 4x7,3 м. Видимого оформления прохода в него не наблюдается.

Продолжая прямоугольную форму конструкции в восточном направлении, вероятно, было пристроено еще одно помещение. Его контур читается по массивным, горизонтально лежащим плитам. Размер этой пристройки 7,6x9,9 м. Северная стенка разрушена склоном балки. Максимальная высота вертикально стоящих плит на объекте 0,7 м.

Объект № 8 находится в 530 м от берега озера на террасе, расположенной на углу южного склона основного русла балки и западного склона малой балки, тянущейся по линии север-юг. Эта же балка разделяет объекты № 7 и № 8. Объект П-образной формы в плане, представляет собой сложную конструкцию из шести помещений, отделенных друг от друга двухпанцирными кладками. Длинной осью ориентирован по линии север-юг. Внешний периметр размером 15,5x17 м. Максимальная высота вертикально стоящих плит 0,75 м.

Объект № 9 расположен в 477 м от берега озера на северном склоне балки, полого спускающемся от верхнего края к тальвегу. Подпрямоугольной формы в плане. Постройка ориентирована по сторонам света. Двухпанцирная кладка прослеживается практически по всему периметру. В кладке использовано несколько массивных камней толщиной 0,6 м. Максимальная высота вертикально стоящих камней 0,7 м. Размер конструкции 20x21 м. Место прохода в помещение не определено.

Объект № 10 находится в 445 м от берега озера на краю плоской террасы южного склона балки. Здесь балка поворачивает, меняя направление русла на небольшом участке в северном направлении. Часть края террасы с постройкой подмыта и разрушена. В плане конструкция вытянутой прямоугольной формы. Длинной осью ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Двухпанцирная кладка сильно задернована. Ширина постройки 3 м, прослеживается на длину 9,6 м. Восточная кладка обрывается на краю террасы. Можно предположить, что длина могла быть около 18 м, т. к. по линии западной стены имеется продолжение в северном направлении отдельных обрывков кладки, либо это продолжение является восточной стенкой еще одной постройки. Тому подтверждением несколько камней, отходящих от названной кладки в западном направлении. Максимальная высота вертикально стоящих камней 0,3 м. Вплотную к объекту примыкает большой валун застывшего современного бетона.

Объект № 11 расположен на той же террасе, что и объект № 10, в 420 м от берега озера, на самом повороте тальвега балки, где разрушение склона было наиболее интенсивным. Сохранность постройки плохая: часть конструкции разрушена в результате абразии террасы, некоторые участки кладок представляют собой развалившиеся панцири, часть сильно задернована. Планировка плохо определяется. Возможен вариант Г-образной конструкции, с двумя помещениями. Две параллельные линии стен тянутся от обрыва террасы по линии СЗ-ЮВ. Вдоль края террасы эти стены соединяет линия камней, возможно, остатки стены. Таким образом, одно из помещений предположительно размером 4,6x6 м. Возможно, это помещение имело продолжение или пристройку в западном направлении. Тому подтверждением массивные камни, расположенные на предполагаемых линиях стен. Смущают их большие размеры, не исключено, что эти камни являются результатом обрушения скальных склонов балки.

В северном направлении от первого помещения тянется предположительно прямоугольной формы второе помещение размером 4,2x5 м.

Следующие объекты находятся на прямом участке тальвега балки, расширяющемся в сторону устья в виде плоской долины.

Объект № 12 находится в 400 м от берега озера. Местами сильно задернован. План читается плохо. Вся конструкция вытянута по линии восток-запад. Представляет собой целый комплекс помещений или близко расположенных объектов. Для облегчения их описания они были пронумерованы. Хорошо прослеживается помещение 1 вытянутой по линии запад-восток формы, размером 4,5x21 м. От центра короткой восточной стенки этой постройки в восточном направлении на протяжении 7 м тянется стена. Далее она поворачивает в южном направлении на расстояние в 8,5 м. Камни последней кладки лежат горизонтально. Остальные стены помещения 2 на поверхности не прослеживаются. С западной стороны помещения 1 примыкает помещение 3 прямоугольной формы размером 6x10 м. С южной стороны к помещению 1 примыкает прямоугольной формы в плане конструкция размером 7,5x12 м. В свою очередь, постройка разделена по длинной оси кладкой на две равные зоны: помещение 6 и помещение, поделенное поперечной кладкой на две зоны – помещения 4 и 5. В южной кладке конструкции два хорошо видимых дверных проема. Максимальная высота вертикально стоящих камней 0,7 м.

В западном направлении от объекта тянутся обрывки еще каких-то кладок. Один из участков прослеживается на длину 8,5 м.

Объект № 13 расположен в 480 м от берега озера, к юго-востоку от объекта № 12. Представляет собой узкую прямоугольную конструкцию (2,5x9 м), вытянутую по линии север-юг. Плохо прослеживается северная кладка, которая, возможно, имеет продолжение в западном направлении на 8 м, где, в свою очередь, поворачивает на юг едва заметной линией камней примерно 5 м длиной. Максимальная высота вертикальных камней 0,4 м.

Объект № 14 расположен в 370 м от берега озера, к западу от комплекса построек № 12, практически продолжая линию северной кладки последнего. Сохранность плохая: часть плит в горизонтальном положении, часть сильно задернована. Южная кладка на поверхности не видна. Форма в плане прямоугольная, размером 6x8,5 м.

В западном направлении от объекта тянутся еще обрывки кладок, но понять их порядок сложно из-за плохой сохранности и задернованности.

Объект № 15 находится в 332 м от берега озера. Северный склон балки в этом месте непосредственно примыкает к скальным выходам, поднимающимся вертикальной стеной. Постройка прямоугольной формы в плане, ориентирована по линии север-юг. Северная часть разрушена, вероятно, вследствие оползня склона. Возможно, в качестве стены использовалась вертикальная поверхность скальных выходов. Южная часть сильно задернована. Кладки двухпанцирные. Размеры видимых остатков – 4x11 м. Возможно, конструкция была двухуровневой, так как перепад с верхнего уровня видимых кладок к нижнему составляет 1,5 м. Не исключено, что постройка могла быть частью более значительной конструкции, к которой она примыкала с восточной стороны. Об этом свидетельствуют отдельно стоящие и лежащие камни, на предположительных линиях стен. Максимальная высота вертикально стоящих камней 0,4 м.

Объект № 16 находится в 300 м от берега озера на границе перехода северного склона в горизонтальную поверхность тальвега. Конструкция плохой сохранности. Прямоугольной формы в плане. Северная стена тянется по склону балки, ее длина 13,5 м. Большая часть ее камней упала и находится в горизонтальном положении, в вертикальном – 5 камней. Перпендикулярно от нее в южном направлении отходят две кладки. Западная кладка прослеживается наиболее четко, ее длина 10 м. Восточная стена сохранилась плохо и прослеживается на 6 м длины. Южная стена визуалью не прослеживается. Сохранившиеся кладки двухпанцирные.

С восточной стороны объекта, возможно, была пристройка. Здесь северная кладка имеет небольшое продолжение в виде развала камней длиной 3 м. В западном направлении также тянется развал камней, который можно принять за продолжение северной стены. Длина этого развала 15 м. От

западного его окончания в южном направлении на 10 м в одну линию лежат камни. В непосредственной близости находится котлован современной выборки грунта.

Объект № 17 расположен в 263 м от берега озера в небольшом кармане южного склона балки. Сохранность хорошая. Конструкция прямоугольная в плане, ориентирована по линии север-юг. Кладка двухпанцирная. Проход расположен в западной стенке, ближе к северо-восточному углу постройки. Размеры – 4,5х6,5 м. Северная кладка имеет продолжение в западном направлении длиной 3 м. Максимальная высота вертикально стоящих камней 0,6 м.

Объект № 18 расположен в 170 м от берега озера, почти на линии тальвега. Часть камней кладки задернована. Конструкция Г-образной формы, разбита на несколько помещений. Визуально можно определить три помещения, в плане как бы два прямоугольника наложены друг на друга под прямым углом. С востока на запад длина конструкции – 11 м, ширина – 5 м. Длина конструкции по линии север-юг – 13 м, ширина – 4 м. Восточная стенка имеет продолжение в северном направлении длиной 2 м. Максимальная высота вертикально стоящих камней 0,5 м.

Объект № 19 находится в 170 м от берега озера, около устья первого рукава балки, пересекающего северный склон в северо-восточном направлении. Остатки относительно хорошей сохранности, лишь часть камней задернована. Конструкция состоит из нескольких помещений или зон. Первая постройка в плане вытянутой прямоугольной формы, разделена двумя поперечными кладками на три помещения. Длинной осью ориентирована по линии запад-восток. Общая длина – 16 м, ширина – 3,5 м. Кладки двухпанцирные.

С северной стороны к помещению пристроена каменная загородка трапециевидной формы в плане. Длина ее восточной стенки 13 м, северной – 10 м, западной – 22 м. В северной стенке оформлен проход. Загородка замыкала периметр, который можно назвать внутренним двором или загонем.

Объект № 20 был обнаружен позже остальных из-за плохой сохранности. Расположен в 580 м от берега озера на террасе южного склона балки к востоку от объекта № 7. Кладки в виде горизонтально лежащих плит образуют постройку прямоугольных очертаний размером 4х10 м. Конструкция ориентирована по линии запад-восток.

С. А. Мульд Поселение Донузлав-I в Северо-Западном Крыму Резюме

В ходе археологических разведок последних лет на территории Северо-Западного Крыма открыто большое количество поселений, время существования и культурная принадлежность которых является дискуссионной. Недостаточное количество материала делает актуальным любые исследования этих памятников.

В статье публикуется материал, полученный в ходе раскопок поселения Донузлав-I. На террасах, расположенных на склонах глубокой балки, сохранились остатки каменных построек. Визуально различимы двадцать отдельно стоящих объектов. Их контуры просматриваются по необработанным плитам, установленным на ребро и являющихся лицевыми панцирями кладок. Для исследования был выбран объект, состоящий из двух прямоугольных помещений, примыкающих друг к другу, вероятно, хозяйственного назначения. В описании рассмотрены все детали конструкции и найденные артефакты. Удобное для проживания место использовалось различными группами населения в разные исторические периоды, начиная с эпохи эллинизма.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, эллинизм, варварское население.

S. A. Muld The Settlement of Donuzlav-I in the North-Western Crimea Summary

Recent archaeological reconnaissances in the North-Western Crimea discovered many settlements of disputable chronology and cultural attribution. The lack of available materials makes every research on these

sites topical.

This article publishes the material obtained by the excavations of the settlement of Donuzlav-I. The terraces on the slope of a deep ravine keep the remains of stone structures: twenty individual objects are visually recognizable. Their contours are indicated by undressed slabs, standing upright and forming a face course of the masonry. The investigations concentrated on the object of two rectangular rooms, adjacent, perhaps of household purpose. The description uncovers every construction detail and artefact discovered. This location, very convenient for life, was used by different population groups in various historical periods, from the Hellenistic Period on.

Keywords: North-Western Crimea, Hellenism, barbarian population.

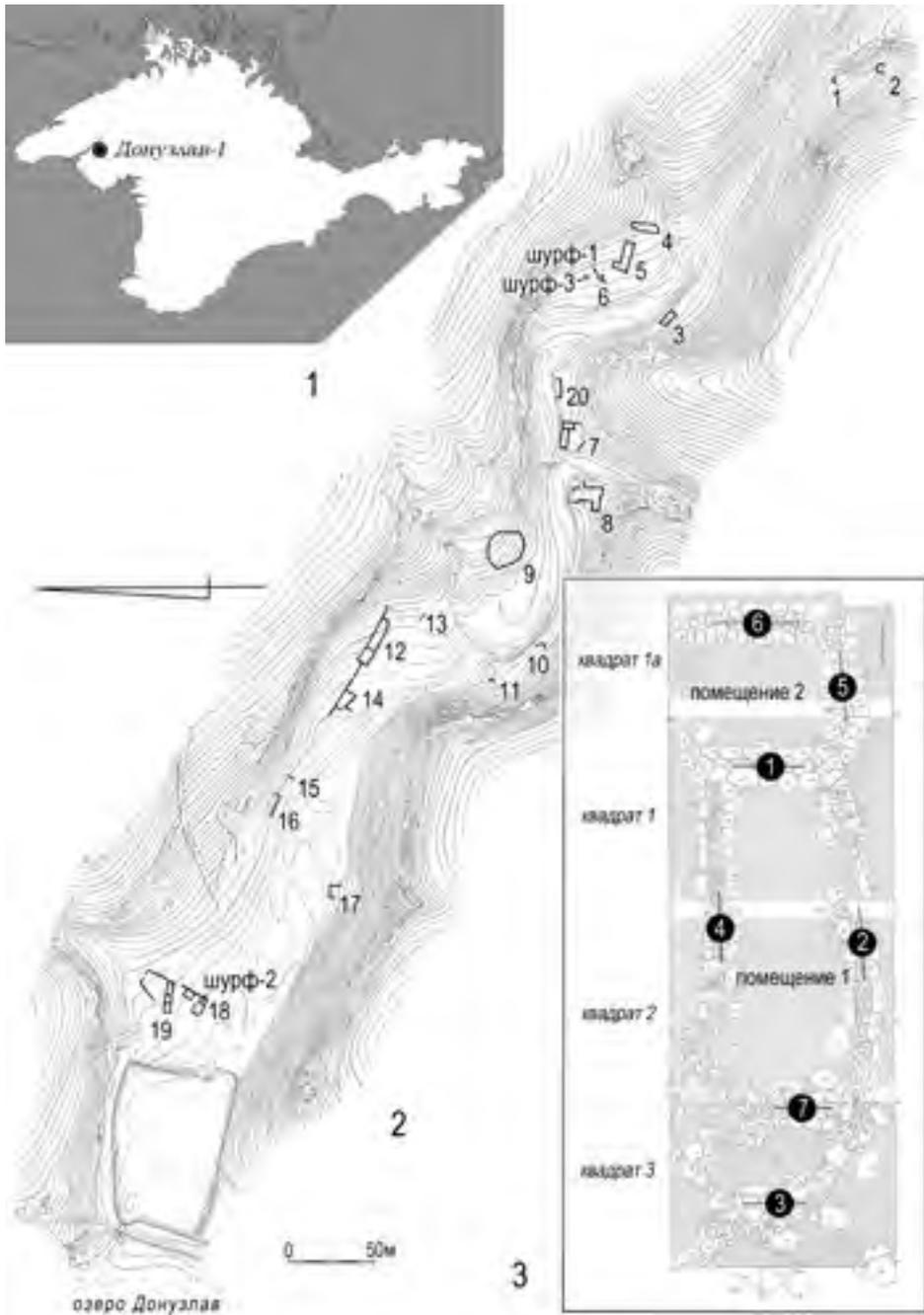

Рис. 1. Поселение Донузлав-I. 1 – местонахождение памятника на карте полуострова, 2 – общий план, 3 – схема нумерации квадратов и кладок.

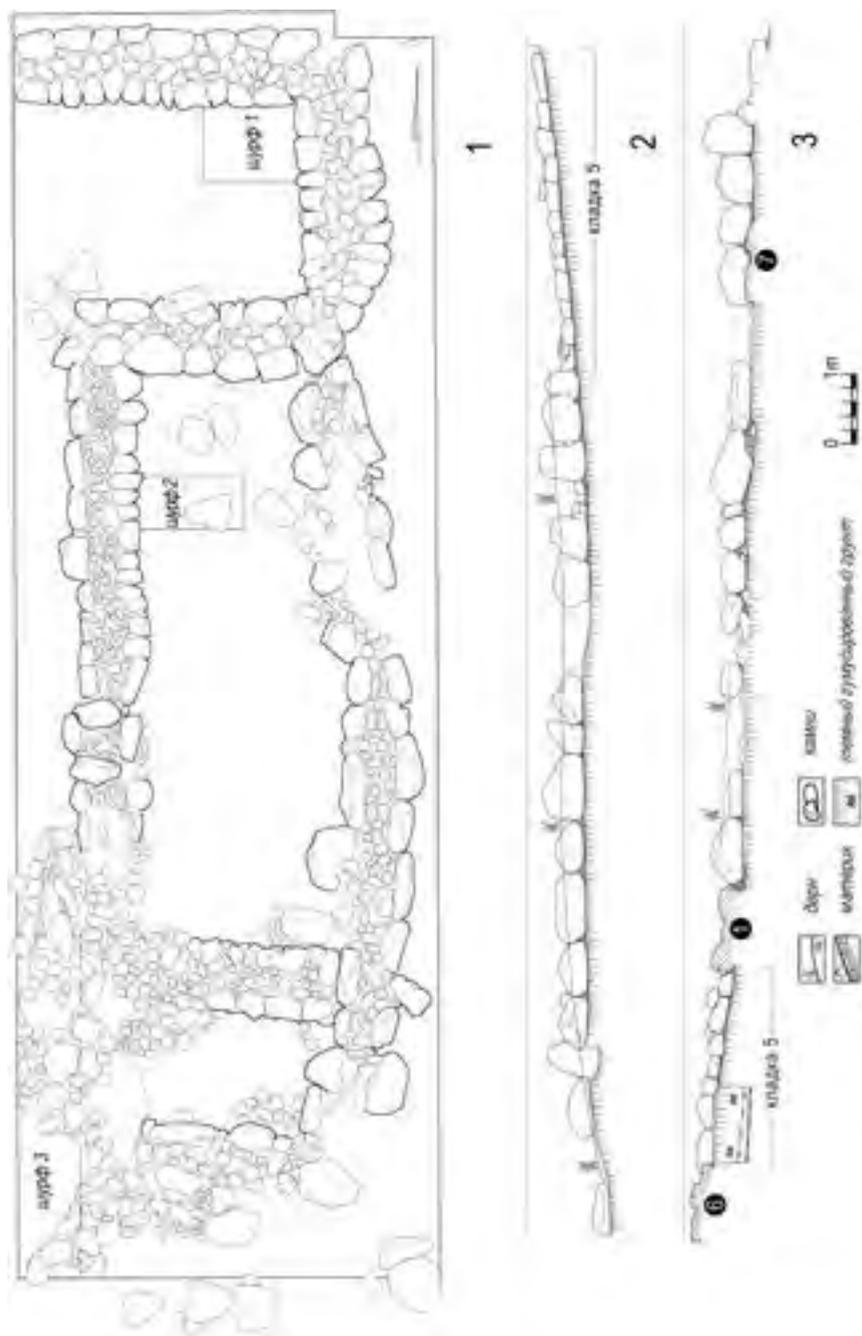

Рис. 2. Поселение Донузлав-I. 1 – План объекта 4. Кладки № 2 и № 5: 2 – западный фас, 3 – восточный фас.

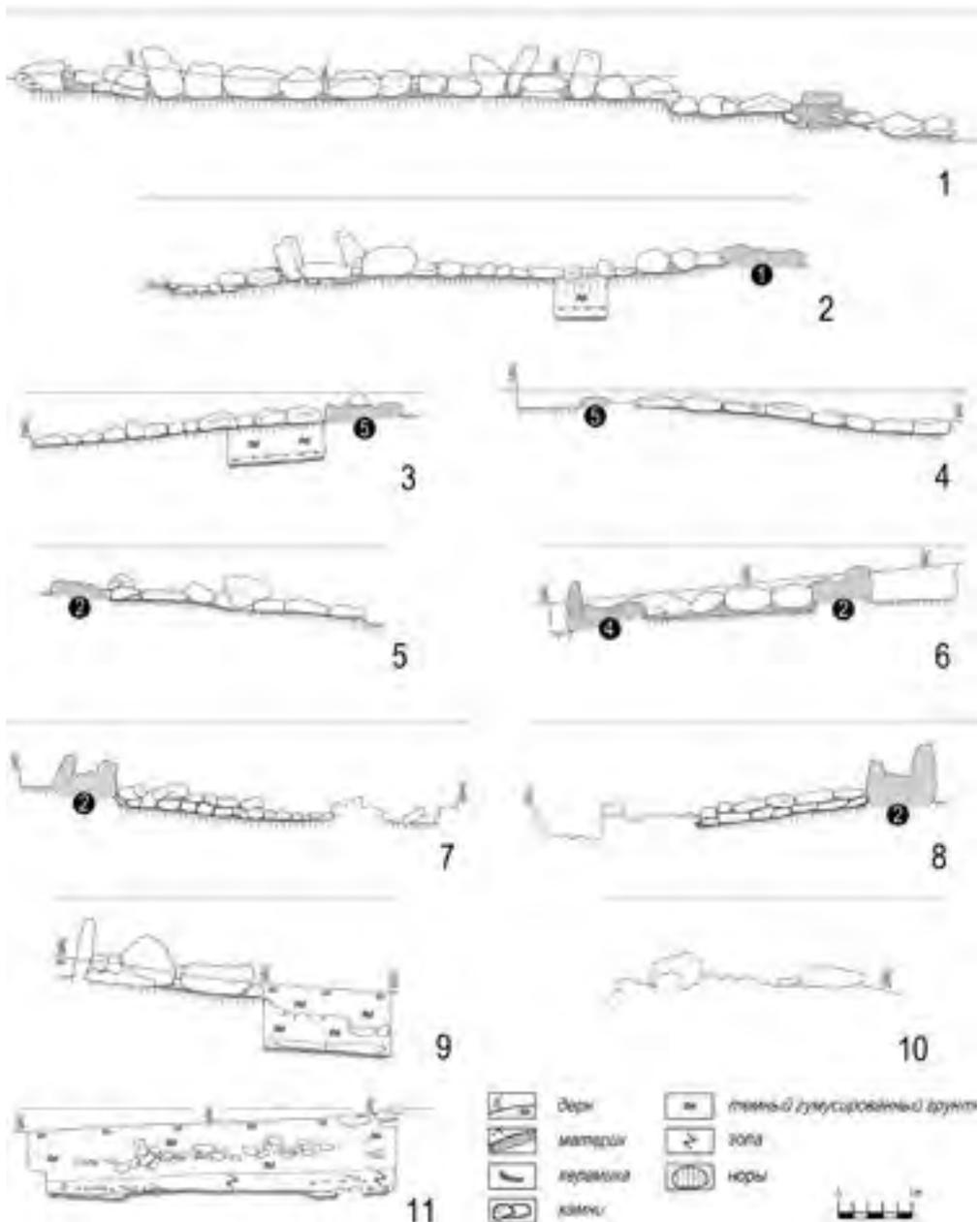

Рис. 3. Поселение Донузлав-I. Кладка № 4: 1 – восточный фас, 2 – западный фас. Кладка № 3 – северный фас, 4 – южный фас. Кладка № 1: 5 – южный фас, 6 – северный фас. Кладка № 7: 7 – южный фас, 8 – северный фас. Кладка № 3: 9 – южный фас, 10 – северный фас. 11 – Стратиграфия западного борта квадрата 3.

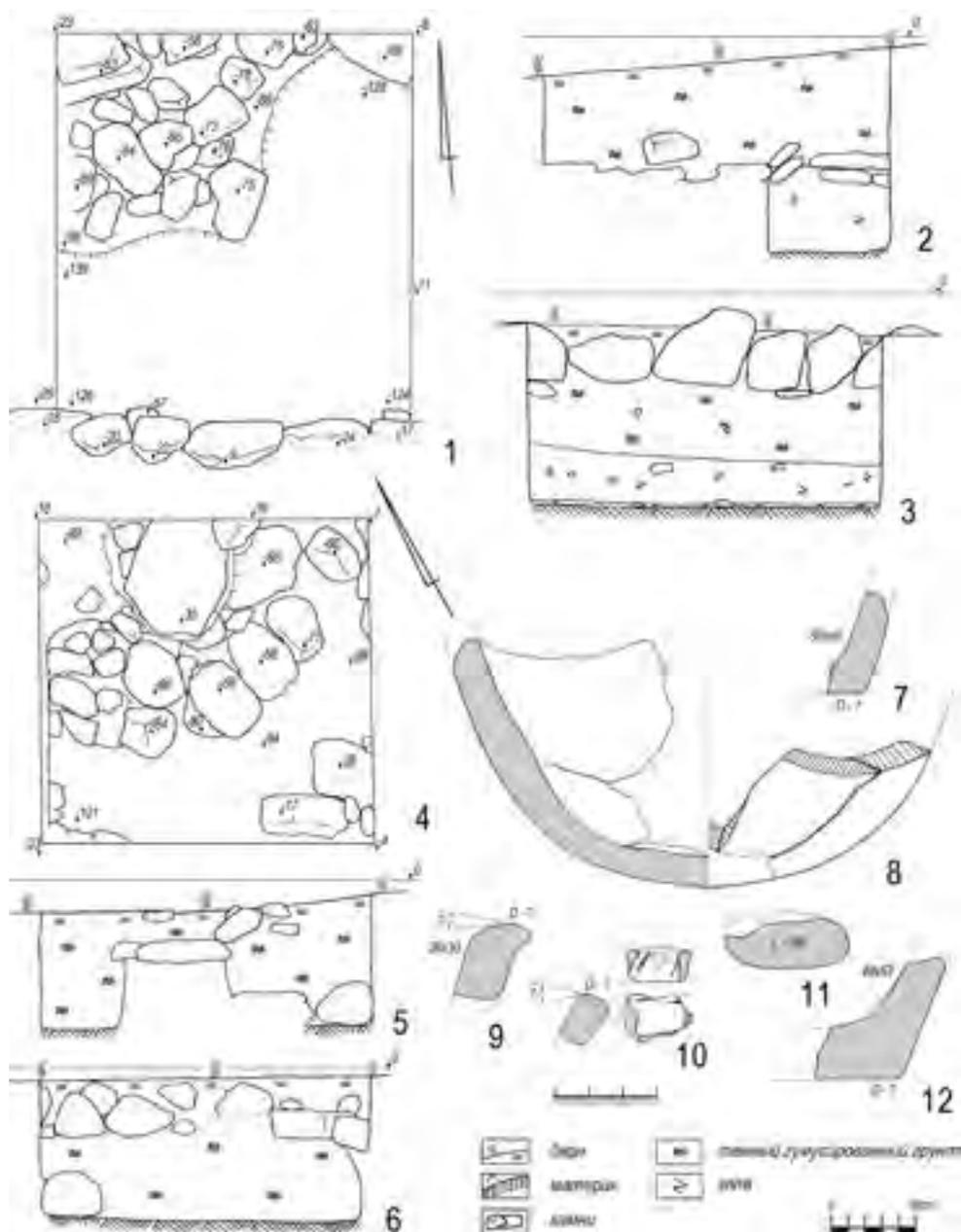

Рис. 4. Поселение Донузлав-I. Шурф 1: 1 – план, 2 – стратиграфия северного борта, 3 – стратиграфия южного борта. Шурф 2: 4 – план, 5 – стратиграфия северо-восточного борта, 6 – стратиграфия юго-западного борта. Находки: 7, 8 – шурф 1, 9-12 – шурф 2.

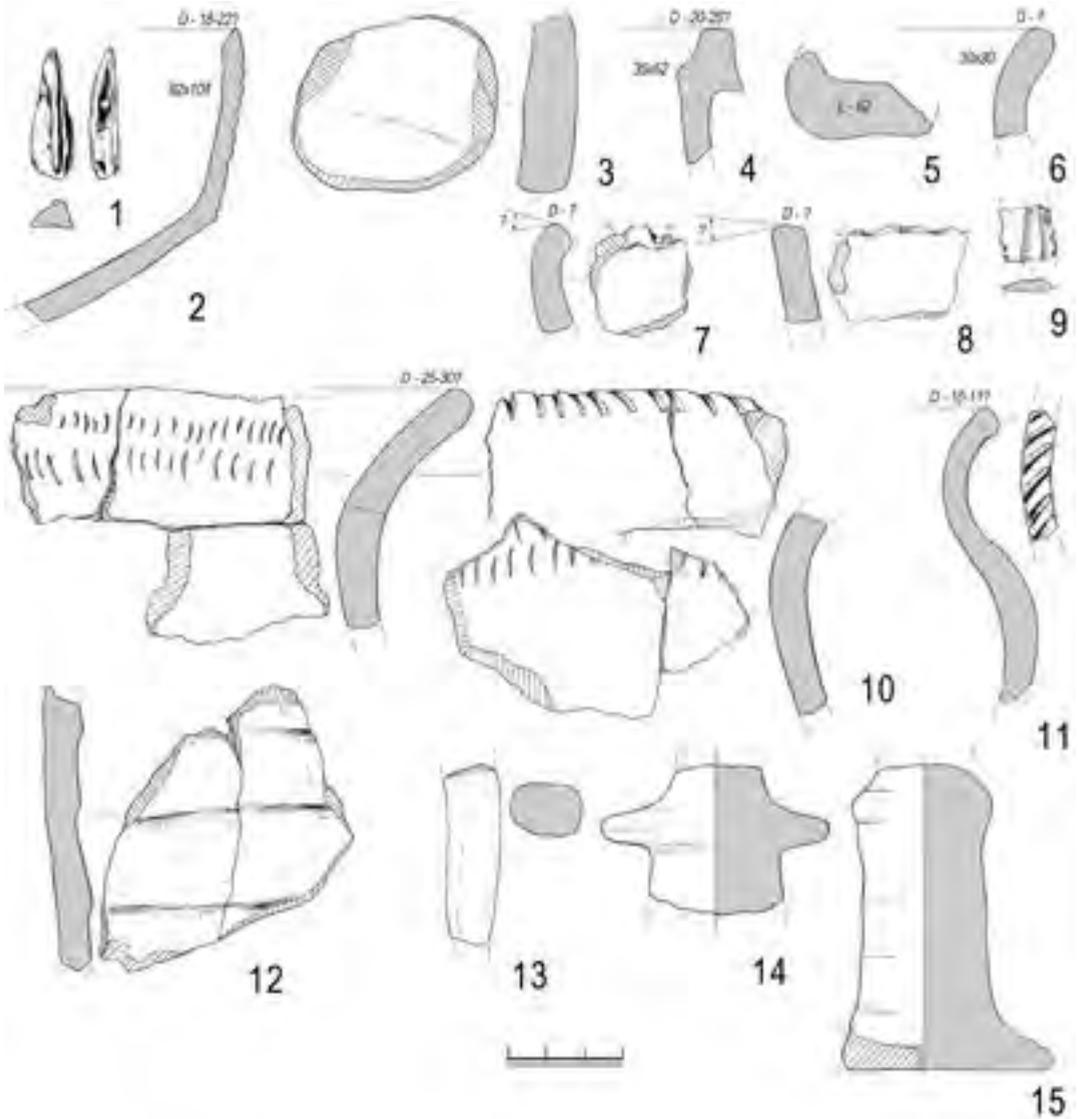

Рис. 5. Поселение Донузлав-I. Находки: 1, 2 – квадрат 3, 3-12 – шурф 3, 13-15 – подъемный материал.

ESZTER ISTVÁNOVITS, VALÉRIA KULCSÁR

**ANIMALS OF THE SARMATIANS IN THE CARPATHIAN BASIN
(Archaeozoology through the eyes of archaeologists)¹**

On the present level of our knowledge on the Sarmatians migrating to the Carpathian Basin in the 1st century AD we can only guess where their original homeland exactly was, there are only presumptions. What is certain is that they departed from the European steppe. Taking this into consideration, animal farming obviously played an outstanding role in their way of life, at least at the beginning of their journey. Nevertheless, we have only few data on Sarmatian animals either in the steppe, or in the Carpathian Basin.

We have to emphasise that natural geographical conditions (mainly the average annual precipitation) of the Great Hungarian Plain tell against the presence of nomadism at this territory. At the same time these conditions were positively favourable for animal husbandry before the river regulation that took place in Hungary in the 19th century (Fig. 1). Beside animal farming, agriculture got a constantly growing role in the life of settling Sarmatian migrants. The Middle Danube Region is characterised by their dense settlement network. Typical features of these large settlements include beehive-shaped storage pits. Without going into the details of Sarmatian agriculture, we should note that one of the main export issue to Roman provinces, in all probability, was grain.

When examining the animal husbandry of Sarmatians we have three types of sources on our disposal. The first one includes the works of Antique authors. However, there is only rare substantive information in the literary evidence, either in the case of steppe or in the Carpathian Basin. On the first hand, we mostly read about horses, but mainly in general terms². Sometimes we find relatively talkative sources, but their interpretation is problematic. Among the most detailed descriptions related to domestic animals Strabo should be mentioned: „The whole of the country has severe winters as far as the regions by the sea that are between the Borysthenes and the mouth of Lake Maeotis; but of the regions themselves that are by the sea the most northerly are the mouth of the Maeotis and, still more northerly, the mouth of the Borysthenes, and the recess of the Gulf of

¹ This study has been written in the framework of OTKA (Hungarian Scientific Research Fund) project N 104980.

² These sources were collected by István Vörös: e.g. Martialis 7,30, Cassius Dio LXXII,7, Tacitus. Hist. 1.79 [55, p. 105].

Tamyraces, or Carcinites, which is the isthmus of the Great Chersonesus. The coldness of these regions, albeit the people live in plains, is evident, for they do not breed asses, an animal that is very sensitive to cold; and as for their cattle, some are born without horns, while the horns of others are filed off, for this part of the animal is sensitive to cold; and the horses are small, whereas the sheep are large; and bronze water-jars burst and their contents freeze solid" [45, 7.III.18].

According to a widely spread literary topos, cold climate influenced the animals' size and outlook. In Hippocrates' view that is why at the steppe „The wild beasts ... are not large, but such as can be sheltered underground; for the cold of winter and the barrenness of the country prevent their growth, and because they have no covert nor shelter”, and „The wagons are drawn by yokes of oxen, some of two and others of three, and all without horns, for they have no horns, owing to the cold” [20, p. 18–19].

The situation is somewhat more favourable if we examine depictions. Apart from magic creatures and abstract images of the Sarmatian animal style we primarily know depictions of riding warriors or hunters. Beside these there are depictions of certain animals that deserve special attention. They appear mainly in the steppe finds, so in the present study they can be taken into consideration only as comparative material, in single cases. The number of depictions in the Sarmatian material of Hungary is very low³. Most of them are Roman products and there are only few pieces that can bring us closer to the determination of at least the species' markers⁴.

The richest group of sources is represented by osteological material. At the steppe it comes primarily from burials that, in many respects, narrows the possibilities of examination, because we can not see the whole spectrum of the animal stock, certain species may be missing, thus, the study of farming and household is delimited. We do not get enough information e.g. on the nutrition habits, utilisation of bones, butchering of the animals etc.

The situation is different in the case of the Sarmatians living in the Carpathian Basin. The archaeozoological material coming basically from settlements represents a huge mass. However, its evaluation became accessible only decades after the first settlement publication [11; 55; 56;]. Though since that time a great number of animal bones was determined [e.g. 7; 28; 16; 52 etc.], most of such works are confined to determining the composition of the animal stock. At the same time, in our opinion, archaeozoological investigations have a serious perspective. It would be enough to mention that archaeogenetic examinations recently becoming more and more popular in anthropology, have not been even started yet in this field. Nevertheless, it is important to keep in mind, that all pastoral societies apply the means of artificial selection, that is to say, the changes and moves of animal stock are much more “disciplined” and traceable than that of the humans.

Beside settlements we also have to deal with cemeteries. These sites are more neglected in archaeozoology than settlements, that can, perhaps, be explained by the fact that archaeologists considered animal remains found at earlier excavations (e.g. a horse tooth or tibia) to be secondary and did not paid special attention to them. Also decades earlier, the phenomenon of ditches surrounding the graves was not recorded at all or was not carefully investigated, only profiles of the ditches were made and recorded. A characteristic example: in the recently published cemetery of Madaras in 54 graves 404 remains of 108 individuals coming from 11 species were unearthed [62, p. 445]. These data point to the importance of this question we should devote a special attention to in the future.

Because of the long history of Sarmatians in the Carpathian Basin it seems to be very probable

³ Recently they were collected by Margit Nagy [38, p. 10–21].

⁴ We'll return to these markers when discussing concrete species.

that most part of the stock included local regional species and only a small part of it could have come from booting and/or import [58, p. 42]. In the case of different migrant Sarmatian groups we always have to count with an earlier, local animal stock and the new one brought from the steppe. In order to separate these two – the “autochthonous” and “migrant” – components we obviously should examine archaeozoological material in terms of chronology. To make it clear: the regeneration of the stock can proceed in two ways, as it was assumed by István Vörös: “quick change = the stock (breed) is supplemented with a large mass of ‘foreign’ animals; slow change = a ‘regional breed’, characteristic for the area (environment) in question, is reached by improving the conditions of animal farming and by providing the expansion of herding knowledge” [58, p. 42]. Today we are far from at least presumptions on this question.

Considering the chronological changes in nutrition habits, it was László Bartosiewicz who made an attempt for drawing conclusions based on the material of the settlement excavated in Kompolt. In his opinion, comparing to the 2nd century the significance of cattle grew in the 3rd century; at the same time sheep keeping became less important. Between the 3rd–5th century this difference nivellated [7, p. 327].

Our knowledge on the character of animal farming is poor. As it has been already mentioned, in special literature there is a periodically and constantly returning idea, according to which Sarmatians of the Carpathian Basin were nomads. This can be excluded even without thorough examinations, taking into consideration the geographic conditions of the Danube Region. However, it is still a question how to imagine Sarmatian herds, their pasturage, whether stabling was used or not etc. There are no answers yet. All that we know is that researchers interpret part of ditches found in a number of settlements, as corrals [64, p. 74]. There are some large ones (40x40 m and 30x14 m, 20x20 m), but we also have data referring to smaller ones (15x20 m). There was a 8-shaped, 30x20 m large ditch excavated that could also serve as corral [64, p. 74, 77; 46, p. 63]. Gabriella Vörös drew attention to a special situation, namely, that up to now these constructions have been known only in the Danube-Tisza interfluvium. She suggested that east of the Tisza the keeping of large animals was less characteristic because of soil and water conditions [57, p. 56]. However, the osteological material does not support this explanation. In connection with corrals we have a specific linguistic datum. Up to the 17th century so-called “gógány-castles” existed in Hungary. The word “gógány” is an Eastern Iranian loanword meaning cattle corral [19, p. 567]. Finally, we would like to note that pathology analyses will, probably, give new data for the conditions of animal farming.

Sarmatians of the Carpathian Basin from the very start, up to the 5th century when we lose them out of sight had four main breeds in the livestock: cattle, small ruminants, horses and pigs. Usually the first two dominate. Among the most frequent finds the dogs are to be mentioned. Cats, hens, geese and asses are rare, and from only a few excavations we know remains of camels. The ratio of species at different settlements depends on the natural conditions and regional division of labour. In the case of this or that Sarmatian village we have to keep in mind that it has a special significance which part of a settlement was excavated: osteological material of the “industrial district” or of the grain storage territories characterised by dozens of beehive-shaped pits can be basically different comparing to the material of “residential areas” or regions in the vicinity of corrals⁵. Large-scale preventive excavations today would be suitable for a such spatial analysis using the means of GIS.

Archaeozoological determinations in the majority of cases usually include only number of

⁵ This is noteworthy at least because the accumulation of bone material in different archeological features shows a great variability. In Szegvár this number varied between 0 and 347 per feature [61, p. 116].

bones, without specifying on the number of individuals, which very strongly deforms the whole picture [e.g. 10, p. 255]⁶. It can be a problem in the evaluation of the finds that we know only superficially the composition of livestock in different settlements despite of the huge number of finds. Only few exceptions can be cited, at the same time showing the problem's degree. To demonstrate it, we bring an example from the site of Orosháza–Községporta, Szűcs-tanya (Table 1) [53, p. 226 – adding the composition percentage of MNI = minimal number of individuals]:

Table 1. Osteological material from Orosháza–Községporta, Szűcs-tanya

<i>Species</i>	<i>Number of bones</i>	<i>%</i>	<i>MNI (minimal number of individuals)</i>	<i>%</i>
Cattle	140	37,3	25	56,8
Sheep	6	1,6	3	6,8
Goat	12	0,8	2	4,5
Sheep/Goat	12	3,2	3	6,8
Pig	11	2,9	3	6,8
Horse	40	10,7	2	4,5
Dog	142	37,9	3	6,8
Cat	18	4,8	1	2,3
Hen	2	0,5	1	2,3
Ground squirrel	1	0,3	1	2,3
Total	375		44	

Or, in the case of the Szegvár-Oromdűlő site (Table 2) [61, p. 121]:

Table 2. Osteological material from Szegvár-Oromdűlő

<i>Species</i>	<i>Number of bones</i>	<i>Number of individuals</i>
Cattle	455	54
Sheep	865	54
Pig	198	30
Horse	54	11
Dog	5	5

Supplementing this picture we have to add that, from one hand, the bone material in many cases is strongly fragmented and not suitable for identification; and, from another hand, only a small percent of slaughtered animals' bones come to light at excavations. It is a question what happened with the "missing" many thousand pieces (cf. taphonomy). Part of them could have perished, another part was eaten by dogs or calcinated [e.g. 8, p. 300]. Even taking into consideration these explanations, we can assume that at settlements animal bones are found in a relatively low number comparing to the expected number. Mátyás Vremir, determining body regions of bones during the examination of an Avarian settlement – a usual practice in archaeozoological studies – wrote that "In a speculative way we can suggest the possibility of large-scale and practical utilisation of the bones

⁶ At the same time, according to László Bartosiewicz [8, p. 301] the composition percentage of the number of fragments and individuals do not differ in the case of large bone assemblages. If this is the case, then in the future it will make sense to compare the materials of certain settlements.

(e.g. making bone glue)⁷.

László Bartosiewicz made calculations considering the situation when the small number of an osteological assemblage sometimes distort the whole picture [7, p. 324–325]. Sándor Bökönyi conceived that the “security border” can be about 500 pieces [11, p. 42]. In the following tables we tried to represent as many published Sarmatian materials as possible to show also distortions.

Table 3. Domestic animal bone material of settlements⁸

Site	Cattle	Sheep	Goat	Sheep/goat	Small ruminants (total)	Pig	Horse	Ass	Camel	Dog	Cat	Fowl		Total
												Hen	Goose	
Alsónémedi	2515	1332	4		1336	683	280			1185	23	57		6079
Apagy	87	15	10	30	55	61	15			5				223
Artánd–Kisf.	29	4		26	30	9	23	1		54				147
Artánd–Nagyf.	114	9	1	58	68	48	47	1 mule?		233		1		511
Bánhalma	10	2			2		10			3				25
Doboz	88			19	19	35	12				26			180
Dunavecse	370			197		59	151		3	287			2	1069
Endrőd	388	78	6	239	323	73	97			6	1		1	889
Gyoma	4511			1937	1937	1011	1802			364	van		70	9695
Hajdúnánás	3084	74	7	988	1069	751	795			636	6	20	16	6377
Hódmezővásárhely	75	43		23	66	7	19			32				199
Kiskundorozsma	11327	6031	135		6166	1424	2081			2175	135	124	25	23457
Kompolt	384	46		272	318	37	58			12		6		815
Kunbaracs	9			1	1									10
Kunpeszér	11			4	4	1	2							18
Kunszállás	128			219	219	71	41			100		9		568
Kunszentmiklós	127			83	83	35	42			3				290
Nyírtura	21	8	1		9		9			220				259
Orgovány	6	1		7	8	7								21
Orosháza	140	6	12	12	30	11	40			142	18	2		383
Óregcsertő	13	1		1	2		2							17
Pócspetri	444	213			213	171	180	2		504	3			1517
Rákoscsuba	27	8			8	2	8							45
Sáp	59	22		40	62	7	7			3				138
Szabadszállás	125			117	117	10	7			233				492

⁷ Vremir Mátyás: Nyíregyháza keleti elkerülő 36. lelőhely (Nyíregyháza–Oros, Nyulaska, Szék-dűlő) Népvándorlás kori telep és késő avar kori temető állatcsont-leletei. [Nyíregyháza Eastern by-pass road, site 36. (Nyíregyháza–Oros, Nyulaska, Szék-dűlő) (Animal bone finds of a Migration Period settlement and of an Avarian Age cemetery). Unpublished manuscript in the Jósa András Museum. E.g. in Újhartján undefinable fragments make the 20–30% of the whole material [8, p. 301]. These fragments are usually small splinted bone parts in the case of which we can rightly think of purposive human activity.

⁸ For references, see the Catalogue of sites at the end of the article.

Szegvár	455	865			865	198	54	1		5			1578
Tázlár	724			660	660	66	25	2					1477
Tiszaföldvár	2602			1151	1151	474	408	4		108	1		4748
Tiszafüred	153			41	41	25	24			14			257
Tiszavasvári	81			10	10	7	37			11			146
Újhartyán	273			143	143	22	36			74			548
Total	28455	8758	176	6378	15212	5305	6312	11	3	6409	213	219 +72	42 64464

The ratio of domestic animals (Table 3) found in cemeteries is different comparing to the ones found at settlements, probably, because representatives of species buried in human graves played mostly ritual and not practical role. The most preferred animals in burials are horses and not cattle or small ruminants. While we know cattle bones from three sites, horse bones occurred in 12 cemeteries. In the graves and ditches surrounding graves we find mostly non-edible parts of animals (skull, teeth) that served not as food offerings, but, more probably, as symbols of the complete animals (*pars pro toto*)⁹. Pigs and fowls are also relatively frequently met in the graves (four sites), while sheep and goats are exceptionally rare (two sites) (Table 4). Wild animals are also hardly met as well as at settlements (Table 5, 7). In the future a special attention should be paid to the difference between the archaeozoological material of the graves and ditches surrounding them. E.g. in the latter we frequently find complete horse skulls, while they are not characteristic for graves (Table 6)¹⁰.

Table 4. Domestic animal bones in graves

Site	Cattle	Sheep	Sheep/ goat	Pig	Horse	Dog	Fowl	Total
Békéssámson					2 teeth			2
Debrecen-Máta	1							1
Dunaharaszti					1 skull, 1 tooth			2
Geszteréd					1 skull			1
Hortobágy-Poroshát	1			1	teeth, leg			4
Isaszeg	1			1	1 mandible			3
Nyíregyháza site 161	10		2		6			18
Kiskunfélegyháza					7 teeth, 2 skulls			9
Kisvárdá							1 chicken	1
Kiszács					1 tooth			1
Lajosmizse					1 skull	1 skeleton		2
Madaras	22	11		12	46	3	5	99
Mátételke							1	1
Orosházi tanyák					1 tooth in a mug			1

⁹ In details, see in the chapter dealing with horses.

¹⁰ In this case we have to take into consideration, that graves are regularly found badly looted, while the ditches are obviously intact. At the same time the latter are usually more shallow than the burials, so agricultural activity frequently disturbs the finds here.

Szeged-Rivódűlő				1				1
Szentes-Sárgapart					1 skull			1
Tiszavasvári							1 hen	1
Total	35	11	2	15	73	4	8	148

Table 5. Wild animal bones in graves

<i>Site</i>	<i>Red deer</i>	<i>Hare</i>	<i>Fox</i>	<i>Bird / turtle</i>	<i>Total</i>
Madaras	2	2	2	1 black grouse 2 turtles	9
Üllő site 5	antler				1
Total	3	2	2	3	10

Table 6. Animal bones in ditches surrounding graves

<i>Site</i>	<i>Cattle</i>	<i>Pig</i>	<i>Horse</i>	<i>Other</i>	<i>Total</i>
Kiskundorozsma-Subasa			1 skull		1
Lajosmizse			1 skull		1
Nyíregyháza site 161	13	1	2		16
Subotica				2 eggs	2
Szódliget			1 skull		1
Total	13	1	5	2	21

At the start of archaeozoological research an attempt was made to compare livestock of different regions of the Great Hungarian Plain, focusing on the ethnically differing areas [58, p. 58; 59]. István Vörös compared primarily the region surrounded by the Csörsz (Devil's) Dyke and the parts situated beyond. His idea was based on the assumption that the earthwork – in tendency – follows the border between the chernozem soil of the Plain and the closed forest-forest steppe zone. Here we should note that according to a generally excepted opinion the construction of the Csörsz Dyke can be connected to Sarmatians. However, it is necessary to point out that the time of the construction is not clear. Even in case the Roman Age dating will be supported by convincing evidence, we cannot put it before the last quarter of the 3rd century. The whole picture is made more complicated by the fact that Sarmatian finds have been coming to light far beyond the line of the Csörsz Dyke. In the reality, the border between Sarmatians and other Barbarian peoples (Germans, Celts, Dacians) could have been a contact zone and not a sharp frontier similar to the Roman limes [25]. All these facts show that, on the present level of research, István Vörös's results should be approached cautiously. More than two decades ago he thought that the order of frequency of livestock at Sarmatian and Quadian settlements is the following (in order of prevalence): cattle–sheep–pig (Sarmatian territory), cattle–pig–sheep (Roman Age settlements of North and Northeast Hungary, that is to say, parts more influenced by Germanic and Dacian ethnic groups). Both horse and cattle-dog appear in the whole of the Hungarian Plain, but ass is known only at Sarmatians, similarly to hunting dogs [58, p. 58, Table 5–6]. Since his study, similar attempts have not been made; recent research only refers to Vörös's results discussed above.

An important question is that of slaughter and butchering of the animals, which sometimes – in principle – can provide a chance to make ethnical or chronological assumptions. We mean e.g. observations like the one according to which Avarians skinned their horses by cutting the extremities,

while ancient Hungarians disassembled the horse leg at the pivot / ankle joints¹¹.

At the settlements, traces of pole-axing sometimes can be recorded (crushed coronal bone) (Fig. 2) [61, p. 116]. However, on the basis of comparison of the bones by meat regions, it seems more probable that animals, at least most of them, were killed not in the village, that is to say, the butchery, where primary disassemblage took place, should be looked for somewhere at a separated place [56, p. 123; 61, p. 118].

Cattle

As we have already pointed out, the most frequent domestic animal of the Sarmatians in the Carpathian Basin was cattle. Up to now, examinations of around 28,500 bone finds (45.7% of total domestic animal material) have been published (cf. Table 3). In the special literature reviewed by us we found only two excavations where the number of small ruminants bones (sheep / goat) was higher than that of the cattle: Kunszállás [58, p. 59] and Szegvár [61, p. 116–118].

There are small, medium and large size individuals among cattle alike, the first two dominating [58, p. 39–44]¹². Withers heights of the cows mostly vary between 1002 and 1333 mm, while that of the bulls between 1088.8 and 1272 mm [58, p. 41; 16, p. 210]. Life weight of one such animal with withers height of 1052 mm was calculated (around 250 kg) [8, p. 302]. Among the cattle large number of oxen was found, their withers heights were between 1171–1222 mm [e.g. 32, p. 90; 61, p. 116; 16, p. 210]. Beside body size and constitution, sizes and shapes of horncores bases show great variability [58, p. 42]. The short horned variant is common, in the case of the cattle from Hajdúnánás the horncores vary between 110–230 mm [11, p. 71; 16, p. 210]. They mostly have medium wall thickness, but there were also thin and thick pieces found. Larger diameter varies between 36 and 84 mm, the smaller one between 30 and 56 mm [53, p. 227 – with further reference]. Different size of the animals and different character of horns come from sexual dimorphism and the character of the breed. Taking into consideration the latter, in principle, it will be possible to separate regional species in the future. Comparison of cattle finds from different regions of the Great Hungarian Plain took place only about 25 years ago [58, p. 40]. Since that, the revision of the mass material found at preventive large-scale excavations has not been done from this aspect. So, today we can refer only to isolated research results¹³.

Sándor Bökönyi suggested that large size (withers height: 1300–1400 mm) cattle relatively rarely occurring among small and medium size, generally spread individuals, come from Roman import or booting. He also assumed, that these were oxen, that is to say, not breeding animals [11, p. 45–46; 12, p. 252]. This idea has been usually overtaken by the research [6, p. 370; 16, p. 226]. At the same time, according to István Vörös, the export-import was just the opposite, that is to say, it were the Sarmatians who drove their cattle en masse to Roman markets [58, p. 42]. This question will obviously be solved by the methodological comparison of Sarmatian and Roman (mainly from the neighbouring provinces of Pannonia and Dacia) find material.

¹¹ For the comparison with Avarian Age/Age of Hungarian Conquest material, see Gábor Lőrinczy's work [34, p. 132]. Data on Roman Age were published by Beáta Tugya [51, p. 92–93]. Recently, on the question of butchering in connection with Roman Age finds (but off the Sarmatian territory), see the study by István Vörös, though without comparison with Sarmatian customs [63, p. 161–164].

¹² According to Andrea Kőrösi „small size of body is characteristic” [28, p. 10], but e.g. in Kiskundorozsma and Kunszentmárton the medium size individuals dominate (of course, at these sites small and large bodied variants occur as well) [50, p. 136; 56, p. 123].

¹³ Unfortunately, no attempts for chronological distinction were made either. That is to say, our knowledge on chronological changes in the livestock is even poorer, than on the regional differences.

Today we have a solid evidence, supported by large series, showing that in the case of the cattle, it were not the immature animals who were slaughtered and in some cases very old individuals are encountered in find materials [7, p. 326; 16, p. 211; 5, p. 520]¹⁴. All these point to the varied utilisation: cattle were used as draught animals and also for producing milk. The former is made probable by the occurrence of oxen and large size individuals [11, p. 46; 61, p. 118]. Beside that we have data for the utilisation of horns [16, p. 210–211; 53, p. 227]. This is evidenced only by cutting traits on the base of horncore, because horns usually perish in the soil. In the sites of Hajdúnánás and Orosháza traces of cutting were observed possibly referring to the fact that soon after the slaughter of the animal, horn parts were cut off. In the case of the latter settlement such traces could be recorded at one third of the found horncores. Authors of the publication also suggested that horns were used more frequently than it could be observed, because it is not necessary to cut it: after drying for some months horn separates from its base itself [53, p. 227]¹⁵.

Judging from split long bones and skulls we know that brains and bone marrow was consumed.

Beside Sarmatian settlements of the Carpathian Basin, cattle bones are also known from burials, if not in a large number. They were mentioned from 14 graves of Madaras–Halmok [62, p. 445] and in Nyíregyháza–Felsősimma cattle remains were met in five burials¹⁶. An especially interesting phenomenon was encountered in the latter site, feature 187 (looted grave surrounded with a ditch), where beside the remains of a female skeleton, in the SE corner of the grave-pit, that is to say, beyond the woman's head, the skull and extremities of a young cattle laid in a heap (Fig. 3). Beside, we can refer to the sites of Debrecen–Máta határ, Hortobágy–Poroshát grave I.1 and Isaszeg grave 2 [31, p. 71]. The speciality of the Nyíregyháza–Felsősimma cemetery is that while in the ditches surrounding or accompanying the graves, horse bones dominated, the majority of animal bones found in graves (66.6%) belonged to cattle¹⁷.

Small ruminants: sheep and goat

Another important species are sheep and goats. Comparing to cattle, we have less information on them¹⁸. This group includes a total of 15,000 archaeozoological finds having been published up to now (24.4% of all domestic animal bones), which is noteworthy at least because here we deal with much smaller bones than in the case of cattle or horses, so in the course of the excavation much more bone fragments belonging to sheep/goat must be lost. Almost 9000 pieces were identified as belonging to sheep and only in 150–200 cases remains were identified with goats. At one third of the finds we know only that they belonged to small ruminants.

Similarly to cattle, sheep are usually small [11, p. 46–47; 12, p. 252], but there are rather significant variances. Females' withers heights vary between 535 and 608 mm, while males heights are 623–726 mm. We know sizes of two female goats (535 and 702 mm) [58, p. 46; 61, p. 117; 16, p. 227]. In case of both sheep and goats several types of horns were met. Just to mention some

¹⁴ In the case of e.g. Szegvár full-blown animals composed 57.4% of the identified livestock [61, p. 118]. According to László Bartosiewicz taking into consideration the relatively slow reproduction ability of the cattle (compared to the sheep/goats and pigs) it was necessary to preserve young individuals [9, p. 292].

¹⁵ The authors mention that in the site of Nagytarcsa–Urasági dűlő similar butchering traits were observed on the base of goat horncore.

¹⁶ Unpublished excavation by Eszter Istvánovits.

¹⁷ We thank Imola Kelemen for the examinations.

¹⁸ Similarly to archaeozoologists we discuss goat and sheep together, because in most of cases their remains can not be separated.

examples, the horn of a goat from Ártánd belongs to the so-called *Prisca* type [12, p. 252]¹⁹, while the horncore of the individual from Apagy is small, the horn is straight and “sabre”-shaped [58, p. 46]. Among the sheep, individuals with corpulent, outwards twisted horns (triangular cross-section) were encountered [11, 46–47, fig. 3; 56, p. 124, t. XIII, 3; 12, p. 252; 16, p. 213]. A small “goat horn”-like horn characteristic for the so-called *turbary* sheep was also found, and also remains of a turbinal shaped horn with triangular cross-section referring to the so-called “Copper sheep”. Its horn size fell between 80–285 mm [58, p. 46; 12, p. 252; 16, p. 213]. There are also individuals with rudimentary or no horns [11, p. 47–48, fig. 4–5; 12, p. 252; 16, p. 213].

There are settlements where, in all probability, inhabitants consumed mostly mature animals, but young individuals were encountered even on a larger degree than in the case of cattle; in other sites the ratio of young and old individuals is more balanced [16, p. 213, fig. 8; 7, p. 326; 11, p. 62]. In this aspect, the osteological material of Szegvár–Oromdűlő is very special. Here only one third of the sheep bones belonged to adults (16 individuals); among the 38 young animals 22 were lambs younger than one month. The same was the composition of pig bones. In the case of suckler lambs it were the extremities and skulls that got into archaeological features. In connection with the slaughter of these young animals, data were cited on Roman cuisine, namely the roast lamb unboned at its larynx described in Apicius’ cookbook. We also learn from this literary source that gralloched, unboned pigs were prepared both cooked and roasted [61, p. 117, 119].

While in the settlement materials – as we could see – sheep bones appear in great quantities and goats are met also frequently, these animals are encountered relatively rarely in burials. In the cemetery of Nyíregyháza–Felsősimá there were remains (coming not from the meat region) of sheep in one grave and that of a goat in another, but in the ditches surrounding the graves no small ruminants were discovered²⁰. In Madaras, 11 cases were mentioned, all of them coming from grave-pits [62, p. 445–447].

Sacral role of the ram was analysed by Eszter Istvánovits [23]. László Szolnoki who published a feature of a settlement part recently excavated by him between Sáp, Bihartorda and Bihardancsháza also evaluated it as a sacral one. At the bottom of feature 13 (stratigraphic unit 20) they found three spindle whorls, a small hand-made mug and a skeleton of a young sheep [48, p. 10, 15, fig. 2, 1].

Pig

Pig was encountered in all of the published settlement materials, with the only exception of the Nyírtura–Várrét site [10, p. 259]²¹. A total of more than 5000 bones were published, that make 8.5% of the domestic animal remains (see Table 3).

Similarly to cattle and sheep, among pigs small and medium (590–655 mm) body size dominated, but e.g. in Apagy an individual of 750–780 mm withers height was found [11, p. 48; 12, p. 253; 58, p. 48]. In Sándor Bökönyi’s opinion short headed individuals must have been on low degree of domestication [11, p. 48; 12, p. 253].

The age distribution (number of young individuals) clearly refers to meat exploitation. As it has been already mentioned in the case of Szegvár–Oromdűlő [61, p. 117, 119], neonati and embryos are

¹⁹ *Prisca* type horn having a triangular cross-section, is twisted, bending outwards in a regular way, its front part is arched, the back part is plain.

²⁰ We thank Imola Kelemen for the information.

²¹ Such anomalies should be considered essential, because this is a kind of difference in nutrition that can mark either a religious, or ethnic difference. Of course, this can be taken into consideration only if we have sufficient amount of data at our disposal.

sometimes met [58, p. 55; 16, p. 218]; in Kompolt half of the pig bones belonged to this category [7, p. 326].

Horse

Up to now almost 6500 horse bones (10.1% of the domestic animal remains) have been published. In the archaeozoological material of the settlements sometimes great quantities are found, but usually they do not exceed the number of cattle and small ruminants, only that of the pigs [6, p. 372–373; 28, p. 10].

According to literary sources, the horses of Sarmatians were small²². Alanic horse of emperor Probus sacked in a battle with Barbarians had miraculous qualities²³ “though not handsome or especially large, was reputed, according to the talk of the captives, to be able to run one hundred miles in a day and to continue for eight or ten days...” [21, 8.3].

Actually, small horses dominate in the archaeological material. Their withers height varies between 1200–1280 mm, they are gracile and slim. Contrary to Sándor Bökönyi’s theory, according to which sliminess was the result of castration²⁴, István Vörös was on the opinion that these are species-typical features [56, p. 124–125]. Beside small horses, several other species (1280–1460 mm) were recorded in the Great Hungarian Plain [56, p. 125; 16, p. 216], among them medium sized, like e.g. in Újhartyán, Pócspetri [8, p. 302; 5, p. 520] or Kiskundorozsma–Nagyszék. The withers height of individuals found at the latter site reached even 1477 mm [50, p. 136–137]. They were also of slim constitution. There were slim, thin and less thin legged variants met alike [12, p. 257; 16, p. 217]. According to István Vörös low-built and medium sized horses were saddlers [61, p. 118]. Judging from some pathological cases they were intensively exploited [16, p. 222].

Bökönyi published a 1520 mm high military horse from Kunszentmiklós–Bak ér suggesting the possibility of Roman import [11, p. 50, 52; 12, 257]. However, István Vörös showed that Bökönyi miscalculated by 1120 mm the height estimated from tibia, that is to say, the actual withers height could have been 1408 mm [58, p. 50]. The appearance of large and strong individuals draw our attention to the question of cataphractarius horses. Taking into consideration this characteristic Sarmatian heavy cavalry warfare, we have to keep in mind that part of war horses must have been suitable for carrying riders wearing heavy armour. Based on the analysis of Bosporan depictions, researchers of Crimean Greek antiquities long ago pointed out the possibility that such specimens must have belonged to special Central Asian breed (considered to be the ancestor of the Akhaltekin horses) with tall body, small head, thin legs and graceful stature [1, p. 74–76; 4, p. 99]. This is an aspect to be considered in further research of Sarmatian horses in the Carpathian Basin.

Judging from Strabo’s description, Sarmatians consumed horse meat [45, VII,4,6]. This literary information was fully evidenced by horse bones found at settlements. It was observed in several cases that on the basis of crackings horses were indeed eaten [11, p. 62; 56, p. 124; 7, p. 325; 50, p.

²² Strabo VII,4,8, Ammianus XVII.12.2-3, Plin. NH VIII.162, Ovid. Ep. ex Ponto I,2,77 ff. Data were collected by István Vörös and Andrea Vaday [55, p. 105; 56, p. 125, footnote 61]. A thorough study on literary sources and depictions of Sarmatian horses and dogs was published by A.K. Nefedkin [3, p. 196–220].

²³ Otherwise, Alanic horse seems to be a customary term: Hadrian made an epitaphy to his favourite Alanic horse named Borysthenes [36, p. 135].

²⁴ On castration, see Strabo: “It is a peculiarity of the whole Scythian and Sarmatian race that they castrate their horses to make them easy to manage; for although the horses are small, they are exceedingly quick and hard to manage” [45, VII.4.8].

137, 16, p. 217]²⁵. However, we have also assemblages missing any traces referring to that [48, p. 19]. In the site of Nyírtura–Várrét bones of large animals were rather used to obtain marrow from them, while traits of gnawing could be seen on the bones of smaller individuals. At the same site 12.17% of the bones were burned or glowed, but no traces of cooking were found that differs from the general experience [10, p. 259].

In the case of horses we have to emphasise finds connected with sacral sphere²⁶. They appear both at settlements and cemeteries. In Szegeď–Kiskundorozsma–Nagyszék II a horse skull was found in a dwelling [46, p. 73]. A unique find assemblage came to light in Hódmezővásárhely–Kakasszék feature 2. In a 143 cm long, 80 cm wide and 80 cm deep, S–N oriented pit widening towards its southern end, three horse skulls were found. The middle one was turned to the north lying a little higher than the two ones sideways turned to the south. Mandibles missed in all the cases, but under the skulls there was a half mandible lying horizontally. The skulls were situated 50 cm above the bottom of the pit. Under and above them the fill was black and no finds came to light from here [17, p. 48]. At this site there were both settlement features and burials, so “ritual” phenomena can be connected to either of them. At Űllő site 5, in the central part of a shallow pit a skull and extremity bones of a horse laid – probably, remains of a skinned animal (Fig. 4)²⁷.

Horse must have been playing central role in the Sarmatian world of beliefs. So, it is not surprising that in several burials of the Carpathian Basin horse remains were recorded. In Dunaharaszti in graves 2 and 3 – both of them looted – a horse skull, in grave 7 a horse tooth were found [42, p. 155]. In Zenta–Mákos horse bones came to light from the vicinity of the grave, in Nagy–Korhány and Nagy–Bashalom they were recovered in the earth of the barrow [42, p. 169, 197–198]²⁸. While in the graves themselves we find only isolated fragments (teeth, vertebra, leg bones etc.), in the ditches surrounding the graves horse skulls are frequently met [e.g. 5, p. 521].

A clay horse protome discovered in Kiskőrös may also refer to horse’s role in Sarmatian religion²⁹.

Ass

Asses, if not frequently, sometimes occur in Sarmatian archaeozoological material. A total of 11 bones were published. The first piece was mentioned from Ártánd by Sándor Bökönyi [12, p. 257]. Further examples are known from Tázlár, Tiszaföldvár, Derecske, Pócspetri and Szegvár [58, Table 5; 5; p. 519; 61, p. 116–118]. These are small bodied individuals. Mediterranean beasts of burden found on the territory of Pannonia are similarly small [60, p. 256; 61, p. 118]³⁰.

In the case of tooth found in Ártánd–Kisfarkasdomb it was suggested that it belonged to a mule

²⁵ The latter author noted that in the Hajdúnánás material published by her, this phenomenon was observed but not generally. L. Bartosiewicz considered it to be characteristic in Újhartyán that all the consumed horse parts belonged to full-blown animals, while in the case of other livestock immature individuals had been also slaughtered [8, p. 302].

²⁶ This is not surprising at all keeping in mind the steppe background of the Sarmatians. On the cultic role of horse, primarily see E.E. Kuzmina’s work [2].

²⁷ Unpublished excavation by Valéria Kulcsár.

²⁸ In these three cases the connection of the bones with the grave is dubious.

²⁹ Finding circumstances of the pieces are uncertain: it comes from an assemblage found during the excavation of an Avarian cemetery; the author of the publication determined it as coming from a cremation grave of Sarmatian Age [41, p. 117–118, T. XLIV–XLV; 26, p. 87, fig. 10].

³⁰ However, Sándor Bökönyi did not exclude the possibility of getting it to Sarmatians with Greek–Scythian mediation [12, p. 257].

[12, p. 257–258]. No similar finds have been discovered since.

Camel

At the moment camel is represented with a single reliable find in the Sarmatian material of the Carpathian basin. The three bones found in the site of Dunavecse–Ugordáció 1 belong to a bactrian. This animal is known from the Roman provinces, but missing from the material of the Barbaricum [52, p. 149]. It was also suggested in the case of Kompolt feature 69 (well) that a bone of a camel (a dromedary in this case) came to light [7, p. 327]³¹.

Fowls: hen and goose

Fowls do not belong to the frequent archaeozoological finds at Sarmatian settlements (somewhat more than 300 bones, 0.4% of the domestic animal remains), but they are not unique [28, p. 10; 8, p. 302]. Number of published hen bones exceeds 200, that of goose – 40, in further more than 70 cases we know only that these were bones belonging to fowls.

We have very few data considering their outlook. According to Sándor Bökönyi hens were small, smaller than their Roman relatives [11, p. 61], but large bodied goose was identified as Roman import [56, p. 125; 8, p. 302]. At the moment we miss identifications of eggs found at settlements, sometimes they could have had sacral function. To cite only one example, let's have a look at the find from Tiszaföldvár, a beehive-shaped pit 1982/26. Here on the debris, a skeleton of a 10 years old child thrown to the pit and found in a twisted position laid upon a body of a dog. There was also another dog skeleton in the pit, at the bottom of which four 12 cm (diameter) large and one 6 cm large eggs of a grallatory were discovered [54, p. 83, fig. 3]. Eggs were placed into burials very rarely, e.g. in two graves (71 and 149) of the Nyíregyháza–Felsősimma cemetery³², and in two cases from ditches surrounding graves from Subotica [47, p. 11, 15]. Despite of the relatively low number of finds, it is obvious that Sarmatians kept fowls for eggs and meat.

Dog

Dog bones are met with a prominent frequency. We have at our disposal more than 6400 examined bones (10.3% of domestic animals). However, in the case of these animals, data considering the number of bones is deceiving, because in a lot of cases we find complete skeletons in the (waste) pits. This, of course, is not surprising, because dog meat was not consumed, so the corpse of the perished animal was simply buried. So, the ratio of dog bones (individual skeletons) is much higher comparing to the number of individuals calculated from cattle, sheep, goat, pig and even horse bones coming from nutrition waste.

Researchers separate two types of dogs: a large sized shepherd dog with strong bones, essential for guarding and driving large animals³³ – its skull constitution reminds that of the wolf; and sighthound, the dog of hunting at open spaces. A transition type of the two is an evidence for interbreeding of the types³⁴. In the site of Pócspetri, 13 individuals were separated into five groups according to the skull morphology and/or body constitution; it was also noted that there were also individuals with different body constitution as an impact of Pannonian trade. At the same time the

³¹ There were both Roman and Avarian Age shards in the well, so the dating is dubious.

³² Nyíregyháza, excavation by Eszter Istvánovits, unpublished.

³³ According to István Vörös [58, p. 51] this is a *Canis familiaris matris-optimae*. Such individual was found at Kiskundorozsma–Nagyszék [50, p. 137].

³⁴ The two types were separated by Sándor Bökönyi. Further research confirmed his observation [11, p. 52–61; 12, p. 259; 58, p. 51–53 etc.]. According to Bökönyi the first type was a variant of Celtic-Roman sighthound further bred locally, while the other type includes multi-functional average dogs [11, p. 56].

author of the publication pointed out that „Dogs found at the site neither by size, nor by variability differ from the Sarmatian Age trend” [5]. So, it is not clear how to interpret the five groups, among which beside the two “traditional” ones only one dog is characterised by “‘heavy’ front part and somewhat lighter, more drooping back side”. The average height of the two customary Sarmatian dogs is around 460–589 mm, though one from Hódmezővásárhely was 612 mm, while a somewhat smaller individual with shorter head from Hajdúnánás could have been similar to puli with withers height around 475–495 mm. Beside these, the presence of a pointer like dog can be also suggested [16, p. 218–219; 53, p. 227; 51, p. 93].

Talking about hunter dogs we should refer to a passage from a 3rd century AD Syrian author, (Pseudo) Oppian’s work devoted to hunting. According to him “These among all dogs are the most excellent and greatly possess the mind of hunters: Sauromatian”. “In mating the tribes of dogs take heed that the breeds are fit and right suitable for another ... put a Sarmatian sire with an Iberian dam” [39, l. 373, 397].

Sometimes very old and/or ill animals also continued to live in the villages, among them individuals whose wounds were consequences of human activity [28, p. 11; 16, p. 222]. Evidences for intensive dog keeping are traits of gnawing observed at other animal bones [48, p. 19; 51, p. 92–93].

In the case of dogs we have to pay a special attention to their sacral role. Of course, in this question we should be cautious, because the finding of a complete skeleton or a skull in itself do not refer to animal sacrifice at all. Sometimes, however, we have records on special and very careful burials of dogs, which can not be left out of consideration [57, p. 64]. Just to cite some examples, let us refer to the above mentioned (in connection with eggs) grave from Tiszaföldvár, where two dog skeletons came to light accompanied by a child’s skeleton and eggs [54, p. 83, fig. 3]. A similar case can be cited from Dunakeszi–Alagi major feature 138 where a child’s skeleton was uncovered with a dog above and another – puppy – dog beyond the child’s head (Fig. 5)³⁵. The other case is a “dog burial” reliably assumed to be sacral from Tiszadob–Sziget. Here a beehive-shaped cavity “started” from the bottom of a cylindrical pit. At the bottom of the beehive-shaped pit a large bodied dog laid on its side. The mouth of the pit was so narrow that it must have been a great difficulty to push the corpse through (Fig. 6) [24, p. 177–178, fig. 9 – with further data]. In feature 72 (dwelling) of Szeged–Kiskundorozsma, 2-3 cm above the floor a small sized dog skeleton was found in the corner. In another corner a horse skull laid. From the preliminary report we know that excavators observed traits referring to the “outstanding role of dogs”, among others they recorded a dog skeleton buried in an oven [46, p. 62, 63–64, fig. 4,4]. In the site of Dunavecse-Ugordáció a dog’s corpse was also mentioned. It laid accompanied with a vessel in a pit dug into the corner of a house [35, p. 120]. A characteristic phenomenon is that at settlements where we suspect sacral burial of dogs, pits with human corpses thrown into them are regularly found.

In Hajdúnánás a dog skull was discovered which, judging from the traits observed, was cut from the corpse. Its lower side became absolutely plain by polishing, that is to say, there are “traits of utilisation” on it [16, p. 220–221, 226, fig. 11].

Ritually buried dogs can be met not only at settlements³⁶. We find them also in graves³⁷, pits

³⁵ Unpublished excavation by Valéria Kulcsár.

³⁶ Ritual role of dogs both at settlements and cemeteries was examined in details by Lavinia Grumeza referring to further literature [18].

³⁷ Lajosmizse [31, p. 130], Madaras [62, p. 447]. Dogs buried in coffins at the feet of human corpses were excavated in the cemetery with ditches surrounding graves at the site of Makó–Industrial park (kind oral information by Csilla Balogh).

situated on the territory of cemeteries³⁸ and also in ditches surrounding graves³⁹. Burial of dogs is not the speciality of the Sarmatians of the Carpathian Basin.

Cat

Up to the present moment more than 200 cat bones were published from eight sites showing that among Sarmatian animals these were not frequent, but also not rare species. Usually remains of cats are evaluated as Roman import [56, p. 125].

According to László Bartosiewicz two cat skulls from Gyoma show great similarity with European wildcat [9, p. 295].

Wild animals

Apart from the four big games – red deer, roe deer, wild-boar and aurochs (274 bones = 0.4% of the total osteological material) – fur-bearers were hunted: primarily remains of hare remains, but also bones of fox, weasel, polecat, hamster and other rodents were found (Table 7). The use of fur is evidenced by a hamster skull with traits of skinning discovered in Kompolt [7, p. 328]⁴⁰. Remains of brown bear are known from Apagy [58, p. 33]. Red deers live in closed forests, while wild-boar in bush forests, aurochs in forest steppe. Except for hare, the rest of hunted fur-bearers come from forest milieu. A special hunting practice is demonstrated by the head (skull and pair of mandibles) of a hunting ferret coming from Tiszaeszlár–Szellőhalom barrow II, grave 7 [56, p. 125]. Remains of wild birds, fish and turtles are known in a small number. At the same time fish spinal found in Vrsac–Crvenka grave 4 is a warning sign showing that we have to expect further remains of these animals in the future [18, p. 418]⁴¹.

In general we can assume that the ratio of wild animals in the total number of osteological material of Sarmatian settlements is much lower than that of the domestic ones (98.3% of the bones belong to domestic animals). Beside the more than 60000 domestic animal remains published up to now, only 1000-1200 wild animal bones were listed⁴². The lack of the latter is usually explained by the lack of hunting. It is dubitable, whether this assumption can be accepted as fact. We have to consider this question at least because it was suggested about one of dog types that they were used for hare hunting [11, p. 62] – Bökönyi's data are generally overtaken by the later researchers. At the same time remains of hares – though they belong to the most frequently hunted animals – are found in a much less number than that of the dogs used for chasing them.

From literary sources we know that hunting played an important role in the life of steppe Iranian peoples. Talking about Scythians and Sarmatians Strabo notes that “As for game, there are deer and wild boars in the marshes, and wild asses and roe deer in the plains. Another peculiar thing is the fact

³⁸ Kaba–Tatárülések: under the barrow in a small pit a femur of the dead and a huddled dog skeleton were recorded [42, p. 199–200]. In Debrecen–Máta határ in the vicinity of the barrow two dog skeletons were found [42, p. 201–202]. In the cemetery of Madaras–Halmok in the vicinity of grave 121 a dog was placed onto a thick level of ash into a regular grave pit. There were fowl bones near the dog's skull [27, p. 215]. A similar phenomenon – regular grave-pit with a dog – was met in the Sarmatian cemetery of Nyíregyháza, Oros–Mega Park (we thank Gábor Pintye for the information).

³⁹ In Pócspetri in six cases [5, p. 524 – with further data], in Üllő site 5 [49, p. 21] and Nyíregyháza–Felsősim (unpublished excavation by Eszter Istvánovits).

⁴⁰ In the case of hamster, ground squirrel and other underground animals usually it can not be decided whether their bones got into archaeological features as a result of human activity or not. Anyway, according to some opinions “their presence in relatively deep archaeological strata may refer to the contemporary relatively dry meadowy environment” [8, p. 300].

⁴¹ Small remains of fish can be easily overlooked in the course of settlement excavations.

⁴² A characteristic datum e.g.: out of 5737 bones examined by Andrea Kőrösi, 5684 belonged to livestock [28, p. 10].

that the eagle is not found in these regions. And among the quadrupeds there is what is called the “colos”; it is between the deer and ram in size, is white, is swifter than they, and drinks through its nostrils into its head, and then from this storage supplies itself for several days, so that it can easily live in the waterless country” [45, 7.IV.8]. It is difficult to imagine that inhabitants of the Great Hungarian Plain rich in wild animals and fish left the practice of hunting and fishing; of course, the composition of hunted animals must have changed.

In all probability, Sarmatians hunted on a high level. We have a Cassius Dio passage in connection with emperor Hadrian, talking about a Jazygian man named Mastor “who had become a captive and had been employed by Hadrian in his hunting because of his strength and daring...” [13, LXIX.22]

Hunting meant a good chance for warriors to show their strength and compete in bravery and manhood. At the same time, it was a good occasion to train and practise in harmonised troop movements that was necessary for the effective employment of their war tactics. Sarmatians of the Carpathian Basin, similarly to their steppe relatives, were famous for their mounted warriors, so they undoubtedly had to preserve this tradition. The lack of hunted animals’ remains can be rather explained by the circumstance that they did not drag the hunt chase to the villages, but consumed it at the end of hunting. We may refer to numerous examples from the Caucasian Nart epic, where men taking part in common “adventure” ritually share the gotten game. Everybody had his share according to his merits and rank. After that they consume the meat in the course of a common feast at the spot of the hunting.

Beside the relative lack of hunted animals, the number of fish, shells and cochlea is strikingly low. As exceptions such assemblages can be mentioned as e.g. the great number of cochlea recorded among the shards of a bowl found in an around 1 sq.m large area between pits 7 and 8 in the site of Hódmezővásárhely–Kopáncs [41, p. 115] or 153 cochlea in a beehive-shaped pit in Szegvár [61, p. 115]. Of course, we do not know whether these cochlea were consumed or not.

We can supplement the above list with animal remains only rarely found, but deserving attention as possible evidences of agricultural activity. To these belong the findings of a little owl from Lajosmizse [32, p. 90] and that of rodents (Table 7). The great number of animal burrows recorded at most of settlement excavations also may refer to intensive agriculture (of course, this phenomenon in itself is not a reliable argument, because we do not know how the increase of rodents as a consequence of agriculture can be dated).

Table 7. Wild animal bones published from settlements

<i>Site</i>	<i>Red deer</i>	<i>Roe deer</i>	<i>Wildboar</i>	<i>Auroch</i>	<i>Hare</i>	<i>Bear</i>	<i>Fox</i>	<i>Badger / polecat</i>	<i>Rodent</i>	<i>Fish/bird / turtle/ frog</i>	<i>Total</i>
Apagy	12	1	6	10		3				4 turtles	36
Ártánd–Kisfar								1 badger			1
Ártánd–Nagyf.	1				4						5
Dunavecse		3?									3
Endrőd		2			1					cochlea	
Gyoma	2	3		3	1			badger	1 weasel-like animal	fish	10
Hajdúnánás	19	11	12		4				19 hamsters 1 mole-rat	10 storks 1 coot 2 cranes 4 birds 9 fish	121

Kiskundorozsma	48		1		54			7 badgers	22 mice 2 beech martens 66 ground squirrels 1 dormouse 214 hamsters 166 other	92 bird 80 bustards 2 frogs 14 fish 5 pike	774
Kunszentmiklós	1		2								3
Orosháza									1 ground squirrel		1
Öregcsertő				1							1
Pócspetri	19	8	3						1 rodent	4 birds	35
Szabadszállás	1				4						5
Szegvár	1									2 turtles 1 fish	4
Tázlár	2										2
Tiszaföldvár	55	3	16	22	7		4	1 polecat			108
Tiszafüred	6										6
Tiszavasvári	2			1							3
Total	169	28	40	37	75	3	4	9	494	230	1089

Some words about worked animal bone

While a huge amount of animal bones is discovered at Sarmatian settlements of the Carpathian Basin, it can be assumed that data referring to bone working is strikingly low. Among archaeological finds bone objects are also relatively rare. We know few combs appearing at sites [43], beside that there are some awls, abrasive bones or skates, spatulas, chisels and needles⁴³. We have very few such objects also among the grave finds. According to László Bartosiewicz, in the case of Sarmatians we can speak only about occasional utilisation of bone waste. The only relatively frequent bone implement is the so-called bone skate [8, p. 306; 16, p. 225–226]⁴⁴.

Low rate of bone processing is in sharp contradiction with the existence of a unique find assemblage: a hoard found in Jászkarajenő in 1986. From a Roman Age vessel, fragments of which were dispersed by ploughing, 326 complete and fragmented carved bone objects were collected. Excavation made at the spot of the finding recorded a Late Sarmatian settlement [15]. At the same time, it is still a question whether bones really belonged to the material of the settlement or the bone objects are counterfeits?

Traits referring to bone or antler processing have been found very sporadically and are unreliable. Workshops (Gyoma; Nyíregyháza–Rozsrétszölő, a dwelling; Motorway M43, vicinity of Óföldséak site 9; Cegléd site 4/7; Üllő site 5) were collected and reviewed by Gábor Pintye [43, p. 183]. On the basis of cutting traits observed on bones, István Vörös suggested bone working at Kunszentmárton and Erika Gál at Hajdúnánás [56, p. 123; 16, p. 230]. Attempts were made to record traits referring to horn processing [16, p. 210; 53, p. 227].

⁴³ For more details, cf. Andrea Körösi's study [29].

⁴⁴ The function of the so-called bone skates is a contradictive issue in archaeozoological literature [14; 29, p. 104].

The only aim of this article was to make a comprehensive review of our data on disposal, on the basis of studies published so far. Summarising our ideas on the zoological knowledge, animal farming, hunting of the Sarmatians of the Carpathian Basin, we can assume that the quantity of the archaeozoological material provides great prospects for the future research, unexploited yet. There are a lot of untouched problems, like e.g. the comparison with the earlier (Late Iron Age) material, with that of the steppe; comparative research of certain regions of the Great Hungarian Plain; examination of possible ethnic (?) differences in the way of meat processing; demonstration of changes in the livestock that could have taken place in the period of 400-450 years' Sarmatian domination⁴⁵.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Десятчиков Ю. М. Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4. С. 68-77.
2. Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы / Ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1977. С. 96-119.
3. Нефёдкин А. К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 303 с.
4. Шургая И. Г. Изображения всадника и коня из Илурата // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 96-100.
5. Bárány A. Szarmata kori kutyaleték Pócspetri lelőhely állatsontanyagából (Dog Remains from the Sarmatian Age in the Animal Bone Material of the Site Pócspetri) // Ante viam stratum: a Magyar Nemzeti Múzeum megelőző feltárásai Kántorjánosi és Pócspetri határában az M3 autópálya nyírségi nyomvonalán / Szabó Á., Masek Zs. (Ed.). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2012. P. 519-544.
6. Bartosiewicz L. Animal exploitation at the Sarmatian site of Gyoma 133 // Vaday A., Bartosiewicz L., Berecz K., Choyke A. M., Medzihradzky Zs., Pusztá S., Székely B., Vicze M., Vida T. Cultural and Landscape changes in South-East Hungary II. Prehistoric, Roman Barbarian and Late Avar Settlement at Gyoma 133 (Békés County Microregion). Budapest: Archaeolingua, 1996. P. 365-446.
7. Bartosiewicz L. A lelőhely állatsontanyaga (archaeozoológia) // Vaday A., Bánffy E., Bartosiewicz L., Biró K., Gogáltan F., Horváth F., Nagy A. Kompolt-Kisté: Újkőkori, bronzkori, szarmata és avar lelőhely. Leletmentő ásatás az M3 nyomvonalán (A Neolithic, Bronze age, Sarmatian and Avar site. Rescue excavation at the M3 motorway). Eger: Dob István Vármúzeum, 1999. P. 279-338.
8. Bartosiewicz L. A vándorlás és letelepedettség jellegzetességei az újhartyáni lelőhely állatsontleleteinek tükrében (Migration and Sedentism in Light of the Animal Bones from Újhartyán (Central Hungary)) // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve, Studia Archaeologica. 2001. T. VII. P. 299-317.
9. Bartosiewicz L., Choyke A. Sarmatian and Early Medieval animal exploitation at the site of Endrőd 170 // Vaday A. H., Jankovich B. D., Kovács L. Archaeological Investigations in County Békés 1986–1992. Budapest: Archaeolingua, 2011. P. 285-357.
10. Berendi E. A Nyírtúra–Várrét közelében (Nyíregyháza, keleti elkerülő út 37. lelőhely) feltárt szarmata településrészlet állatsont leletei (Animal bones from the Roman Imperial Period settlement part near Nyírtúra–Várrét (Nyíregyháza, Eastern Bypass, Site 37)) // A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve. 2006. T. XLVIII. P. 255-260.
11. Bökönyi S. Animal remains of Sarmatian sites from Bács-Kiskun county // Cumania. 1976. T. 4. P. 41-72.
12. Bökönyi S. Szarmata állatsontleletek Biharkeresztes-Artánd-Nagyfarkasdombról (Animal remains from the Sarmatian settlement of Biharkeresztes-Artánd, Kis- és Nagyfarkasdomb) // A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve. 1982 (1984). P. 251-265.
13. Cassius Dio: Roman History. Loeb Classical Library, 9 volumes, Greek texts and facing English translation: Harvard University Press, 1914 thru 1927. Translation by Earnest Cary. URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Cassius_Dio/home.html

⁴⁵ We are grateful to István Vörös for reading and estimating our article before publishing.

14. Choyke A. M. Bone skates: raw material, manufacturing and use // *Pannonia and beyond. Studies in Honour of László Barkóczy / A. Vaday (Ed.). Antaeus. 1997-1998 (1999). T. 24. P. 148-156.*
15. Dinnyés I. A jászkarajenői késő szarmata csontfaragványok // *Studia Comitatus. 2011. T. 31. P. 285-409.*
16. Gál E. Animal remains from the multi-period site of Hajdúnánás-Fürjhalom-dűlő. Part I. Sarmatian finds // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2010. T. 61. P. 207-260.*
17. Gazdapusztai Gy. Dák-szarmatakori temető és telep Hódmezővásárhely–Kakasszéken // *Archaeologiai Értesítő. 1960. T. 87. P. 47-50.*
18. Grumeza L. Animal inhumations within settlements during the Sarmatian Period on the Western Plain (end of the 2nd century – first half of the 5th century AD) // *Archeovest I. In memoriam Liviu Măruia. Interdisciplinaritate în arheologie și istorie / A. Stăvila, D. Micle, A. Cîntar, Ch. Floca, S. Forțiu (Eds.). Szeged: Jatepress, 2013. P. 413–435.*
19. Harmatta J. Nomadic and Sedentary Life in the Great Steppen-Belt of Eurasia // *The archaeology of the steppes. Methods and strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992 / Genito B. (Ed.). Series Minor. T. XLIV. Napoli: Instituto Universitario Orientale. Dipartimento di Studi Asiatici, 1994. P. 565-571.*
20. Hippocrates: On Airs, Waters, and Places. Translated by Francis Adams. URL: <http://classics.mit.edu/Hippocrates/airwatpl.html> (дата обращения: 20.07.2015).
21. Historia Augusta, Life of Probus, published in the Loeb Classical Library, English translation is by David Magie, 1932. URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Historia_Augusta/Probus*.html (дата обращения: 14.07.2015).
22. Istvánovits E. A Felső-Tisza-vidék legkorábbi szarmata leletei. 2-3. századi sírok Tiszavasváriból (The earliest Sarmatian finds of the Upper Tisza region – 2nd-3rd century burials in Tiszavasvári) // *A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve. 1984/86 (1990). T. XXVII-XXIX. P. 83-133.*
23. Istvánovits E. A szarmaták és a kos. Adatok a Kárpát-medence szarmatáinak hitvilágához (Die Sarmaten und der Widder. Beiträge zur Glaubenswelt der im Karpatenbecken lebenden Sarmaten) // *A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve. 1997–1998 (1998). T. XXXIX–XL. P. 135-151.*
24. Istvánovits E. Tiszavasvári–Városföldje, Jegyző-tag. A settlement of the 5th century (Hunkori település maradványai Tiszavasváriban, a Városföldjén) // *A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve. 1999. T. XLI. P. 173-254.*
25. Istvánovits E., Kulcsár V. Actual State of Research of the Csörsz- or Devil's Dyke // *Identități culturale locale și regionale în context european. Studii de arheologie și antropologie istorică. Local and Regional Cultural Identities in European Context. Archaeology and historical anthropology / Pop H., Bejinariu I., Băcuț-Crișan S., Băcuț-Crișan D. (Eds.). Cluj Napoca: Editura Mega – Editura Porolissum, 2010. P. 311-321.*
26. Istvánovits E., Pintye G. Az alföldi Barbaricum mécsesei (Lamps of the Barbaricum of the Great Hungarian Plain) // *A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve. 2011. T. LIII. P. 83-111.*
27. Köhegyi M. Előzetes jelentés a Madaras-Halmok későszarmata-hunkori temetőjének ásatásáról (Vorläufige Mitteilung über die Freilegung des Spätsarmatisch-hunnenzeitlichen Gräberfeldes von Madaras-Halmok) // *Archaeologiai Értesítő. 1971. T. 98. P. 210-215.*
28. Körösi A. Előzetes jelentés az Alsónémedi – Ócsa összekötő út építését megelőző ásatások állatsontanyagának vizsgálatáról // *Kutatások Pest megyében. Tudományos konferencia III. 2000. Pest Megyei Múzeumi Füzetek Új Sorozat 6 / Korke Zs. (Ed.). Szentendre: Pest Megyei Múzeumok Igazgatósága, 2001. P. 9-15.*
29. Körösi A. Szarmata és avar kori csonteszközök Felgyő–Kettőshalmon (Typology of the Worked Bone Implements from Felgyő-Kettőshalmi dűlő) // *Csont és bőr. Az állati eredetű nyersanyagok feldolgozásának története, régészete és néprajza. Bone and Leather. History, Archaeology and Ethnography of Crafts Utilizing Raw Materials from Animals / Gömöri J., Körösi A. (Eds.). Az anyagi kultúra a Kárpát-medencében 4. Budapest: MTA VEAB Iparrégészeti és Archaeometriai Munkabizottság – Kézművesipar-történeti Munkabizottság, 2011. P. 99-116.*

30. Kulcsár V. Szarmata sírok Kiskunfélegyháza, Külsőgalamboson (Sarmatengräber in Kiskunfélegyháza, Külsőgalambos) // *Cumania*. 1986. T. 9. P. 9-23.
31. Kulcsár V. A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai. Aszód: Osváth Gedeon Múzeumi Alapítvány, 1998. 153 p.
32. Kulcsár V., Vörös I. Szarmata telep Lajosmizse határában. Leletmentés az M5 útnál (Adalék a római kori utakhoz) // *Cumania*. 1989. T. 11. P. 67-93.
33. Kürti B. Szarmata temetőrészlet Kiskundorozsma–Subasárról (M5–26=78. lelőhely, Csongrád megye 1998) // *Szántó Kovács Múzeum Évkönyve*. 2005. T. 7. P. 85-109.
34. Lőrinczy G. A Szegvár-óromdűlői kora-avarkori temető 1. sírja // *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*. 1984–85. 2 (1991). P. 127-154.
35. Lukács J. Szarmata falu Dunavecse–Ugordáció-dűlőben (Előzetes jelentés) // *A Barbaricum ösvényein / Á. Somogyvári, G. V. Székely (Eds.). Kecskemét: Bács-Kiskun Megyei Önkormányzat Katona József Múzeuma*, 2011. P. 119–143.
36. Mócsy A. Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974. 453 p.
37. Nagy D. S. Az Orosházi-tanyák, MÁV-homokbánya szarmata temetője (Sarmatisches Gräberfeld aus der MÁV-Sandgrube von Orosházi-tanyák) // *A Szántó Kovács Múzeum Évkönyve*. 2005. T. 7. P. 11-48.
38. Nagy M. Állatábrázolások és az I. germán állatstílus a Közép-Duna-vidéken. Tierdarstellungen und der germanische Tierstil I im Gebiet der Mittleren Donau. Budapest: MNM, 2007. 208 p.
39. Oppianus. Oppian, Colluthus, Tryphiodorus. The Loeb Classical Library. English translation by A. W. Meir. London; New York, 1928. URL <http://www.archive.org/stream/oppiancolluthust00oppiuoft#page/28/mode/2up> (дата обращения: 21.07.2015).
40. Párducz M. Újabb adatok az Alföld római korának ismeretéhez (Neue Angaben zur römischen Zeit des Alföld) // *Dolgozatok a M.Kir. Ferenc József-Tudományegyetem Archaeologiai Intézetéből*. 1932. T. VIII. P. 112-121.
41. Párducz M. Őskori és szarmata telep Hódmezővásárhely határában (Siedlung der Urzeit und der Sarmatenzeit in der Umgebung von Hódmezővásárhely) // *Dolgozatok a M.Kir. Ferenc József-Tudományegyetem Archaeologiai Intézetéből*. 1942. T. XVIII. P. 113-122.
42. Párducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, III // *Archaeologia Hungarica*. 1950. XXX. 260 p.
43. Pintye G. A Kárpát-medencei szarmata települések csontfésűi // *Archaeologiai Értesítő*. 2009. T. 134. P. 165-195.
44. Rózsa Z. Szarmata telep- és temetőrészlet Békéssámson, Erdőhāti-halom lelőhelyen // *Szántó Kovács Múzeum Évkönyve*. 2005. T. 7. P. 49-84.
45. Strabo. The Geography. Loeb Classical Library, 8 volumes, Greek texts with facing English translation by H. L. Jones. Harvard University Press, 1917 thru 1932. URL: <http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Strabo/home.html> (дата обращения: 17.07.2015).
46. Szalontai Cs., Tóth K. Előzetes jelentés a Szeged–Kiskundorozsma határában végzett szarmata kori település- és temetőfeltárásról // *Hadak útján. A népvándorlás kor fiatal kutatóinak konferenciája / Bende L., Lőrinczy G., Szalontai Cs. (Eds.). Szeged: Csongrád Megyei Múzeumok*, 2000. P. 59-78.
47. Szekeres L., Szekeres Á. Szarmata és XI. századi temetők Verusicsón (Subotica–Azotara). Szabadka, 1996. 65 p.
48. Szolnoki L. Régészeti feltárások Sáp, Bihardancsháza és Bihartorda között (2009) // *A Bihari Múzeum Évkönyve*. 2011. T. XV-XVI. P. 7-31.
49. Tari E. Az M0-s körgyűrű építését megelőző régészeti feltárások // *Magyar Múzeumok*. 2004. T. 10:3. P. 19-22.
50. Tóth A. Kiskundorozsma–Nagyszék (M5. Nr. 34. 26/72) szarmata település állatsont leletei // *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*. Új folyam. 2014. T. 1. P. 131-159.
51. Tugya B. Császárkori és Árpád-kori állatsontleletek a Hódmezővásárhely–Barattyosi kerékpárút lelőhelyeiről // *Hombár Múzeumi Műhely 6. Múzeumi Tanulmányok*. 2011. P. 91-98.
52. Tugya B., Lichtenstein L. Dunavecse–Ugordáció I. lelőhely 2–5. századi objektumainak archeozoológiai

- értékelése // *A Barbaricum ösvényein... A 2005-ben Kecskeméten tartott tudományos konferencia előadásai. Archaeologia Cumanica 1 / Á. Somogyvári, Gy. V. Székely (Eds.). Kecskemét: Bács-Kiskun Megyei Önkormányzat Kecskeméti Katona József Múzeuma, 2011. P. 145-160.*
53. Tugya B., Rózsa Z. A szaru, mint nyersanyag felhasználása Orosháza-Közszégyporta –Szücs-tanya szarmata lelőhelyen. Régészeti, archaeozoológiai, néprajzi vonatkozások // *Környezet – Ember – Kultúra. A természettudományok és a régészet párbeszéde. A Magyar Nemzeti Múzeum Nemzeti Örökségvédelmi Központ 2010, október 6–8-án megrendezett konferenciájának tanulmánykötete / A. Kreiter, Á. Pető, B. Tugya (Eds.). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum Nemzeti Örökségvédelmi Központ, 2012. P. 225-230.*
54. Vaday A. Atipikus szarmata telepjelenség Kompolt-Kistéri tanya 15. lelőhelyén // *Agria. 1997. T. 33. P. 77-107.*
55. Vaday A., Vörös I. Szarmata telep nyomai Bánhalma határában // *Archaeologiai Értesítő. 1977. T. 104. P. 98-105.*
56. Vaday A., Vörös I. Szarmata település Kunszentmártonban // *Szolnok Megyei Múzeum Évkönyve. 1979/80 (1980). P. 117-139.*
57. Vörös G. Településszerkezet és életmód az alföldi szarmaták falvaiban // *Jazigok, roxolánok, alánok. Szarmaták az Alföldön / P. Havassy (Ed.). Gyulai katalógusok 5. Gyula, 1998. P. 49-66.*
58. Vörös I. Apagy barbaricum császárkori település állatsontmaradványai (Animal Bones from the Roman Imperial Period Settlement at Apagy in Barbaricum) // *A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. 1990–1992 (1993). T. 33–35. P. 33-65.*
59. Vörös I. A szirmabesenyői császárkori telep állatsontmaradványai // *A Herman Ottó Múzeum Évkönyve. 1999. T. 37. P. 223-236.*
60. Vörös I. Hunkori település állatsontleletei Tiszavasváriban // *A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. 1999. T. XLI. P. 255-266.*
61. Vörös I. A szegvár-omrodlői császárkori telep állatsontleletei // *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve, Studia Archaeologica. 2005. T. 11. P. 115–125.*
62. Vörös I. Madaras-Halmok szarmata temető állatsontleletei // *Kőhegyi M., Vörös G. Madaras–Halmok. Kr. u. 2–5. századi szarmata temető. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke, 2011. P. 445-455.*
63. Vörös I., Soós E. Garadna-Kastély zug. A római császárkori germán teleprészet újraértékelése // *Communications Archaeologicae Hungariae. 2014. P. 121-152.*
64. Wicker E. Egy szarmata falu külterülete (M5 125. Kiskunfélegyháza–Izsáki út). Feltárások 1995–1996. évben // *Múzeumi kutatások Bács-Kiskun megyében 1995–1996 / Körösi I. (Ed.). Kecskemét: Bács-Kiskun Megyei Önkormányzatának Múzeumi Szervezete, 1997. P. 73-80.*

REFERENCES

1. Desiatchikov Iu. M. Katafraktarii na nadgrobii Afeniia. *Sovetskaia arkeologija*, 1972, N 4, pp. 68-77.
2. Kuz'mina E. E. Kon' v religii i iskusstve sakov i skifov. *Terenzhkin A. I. (Ed.). Skify i sarmaty*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, pp. 96-119.
3. Nefedkin A. K. *Voennoe delo sarmatov i alanov (po dannym antichnykh istochnikov)*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SpbGU, Nestor-Istoriia Publ., 2011. 303 p.
4. Shurgaia I. G. Izobrazheniia vsadnika i konia iz Ilurata. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii AN SSSR*, 1983, Vol. 174, pp. 96-100.
5. Bárány A. Szarmata kori kutyaleletek Pócspetri lelőhely állatsontanyagából (Dog Remains from the Sarmatian Age in the Animal Bone Material of the Site Pócspetri). *Szabó Á., Masek Zs. (Eds.). Ante viam stratum: a Magyar Nemzeti Múzeum megelőző feltárásai Kántorjánosi és Pócspetri határában az M3 autópálya nyírési nyomvonalán*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2012, pp. 519-544.
6. Bartosiewicz L. Animal exploitation at the Sarmatian site of Gyoma 133. *Vaday A., Bartosiewicz L., Berecz K., Choyke A. M., Medzihradzky Zs., Pusztai S., Székely B., Vicze M., Vida T. Cultural and Landscape changes in South-East Hungary II. Prehistoric, Roman Barbarian and Late Avar Settlement at Gyoma 133*

- (*Békés County Microregion*). Budapest: Archaeolingua, 1996, pp. 365-446.
7. Bartosiewicz L. A lelőhely állatsontanyaga (archaeozoológia). *Vaday A., Bánffy E., Bartosiewicz L., Biró K., Gogáltan F., Horváth F., Nagy A. Kompolt-Kistér: Újkőkori, bronzkori, szarmata és avar lelőhely. Leletmentő ásatás az M3 nyomvonalán (A Neolithic, Bronze age, Sarmatian and Avar site. Rescue excavation at the M3 motorway)*. Eger: Dobó István Vármúzeum, 1999, pp. 279-338.
 8. Bartosiewicz L. A vándorlás és letelepedettség jellegzetességei az újhartyáni lelőhely állatsontleleteinek tükrében (Migration and Sedentism in Light of the Animal Bones from Újhartyán (Central Hungary), *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve, Studia Archaeologica*, 2001, T. VII, pp. 299-317.
 9. Bartosiewicz L., Choyke A. Sarmatian and Early Medieval animal exploitation at the site of Endrőd 170. *Vaday A. H., Jankovich B. D., Kovács L. Archaeological Investigations in County Békés 1986–1992*. Budapest: Archaeolingua, 2011, pp. 285-357.
 10. Berendi E. A Nyírtura–Várrét közelében (Nyíregyháza, keleti elkerülő út 37. lelőhely) feltárt szarmata településrészlet állatsont leletei (Animal bones from the Roman Imperial Period settlement part near Nyírtura–Várrét (Nyíregyháza, Eastern Bypass, Site 37), *A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve*, 2006, T. XLVIII, pp. 255-260.
 11. Bökönyi S. Animal remains of Sarmatian sites from Bács-Kiskun county, *Cumania*, 1976, T. 4, pp. 41-72.
 12. Bökönyi S. Szarmata állatsontleletek Biharkeresztes-Artánd-Nagyfarkasdombról (Animal remains from the Sarmatian settlement of Biharkeresztes-Artánd, Kis- és Nagyfarkasdomb). *A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve*. 1982 (1984), pp. 251-265.
 13. Cassius Dio: Roman History. Loeb Classical Library, 9 volumes, Greek texts and facing English translation: Harvard University Press, 1914 thru 1927. Translation by Earnest Cary. URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Cassius_Dio/home.html (Accessed on: 17.07.2015).
 14. Choyke A. M. Bone skates: raw material, manufacturing and use. *Vaday A. (Ed.). Pannonia and beyond. Studies in Honour of László Barkóczi, Antaeus*, 1997-1998 (1999), T. 24, pp. 148-156.
 15. Dinnyés I. A jászkarajenői késő szarmata csontfáragványok, *Studia Comitatus*, 2011, T. 31, pp. 285-409.
 16. Gál E. Animal remains from the multi-period site of Hajdúnánás-Fürjhalom-dűlő. Part I. Sarmatian finds, *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2010, T. 61, pp. 207-260.
 17. Gazdapusztai Gy. Dák-szarmatakorai temető és telep Hódmezővásárhely–Kakasszéken, *Archaeologiai Értesítő*, 1960, T. 87, pp. 47-50.
 18. Grumeza L. Animal inhumations within settlements during the Sarmatian Period on the Western Plain (end of the 2nd century – first half of the 5th century AD). *Stávila A., Micle D., Cîntar A., Floca Ch., Forțiu S. (Eds.). Archeovest I. In memoriam Liviu Măruia. Interdisciplinariate în arheologie și istorie*. Szeged: Jatepress, 2013, pp. 413–435.
 19. Harmatta J. Nomadic and Sedentary Life in the Great Steppen-Belt of Eurasia. *Genito B. (Ed.). The archaeology of the steppes. Methods and strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992*. Series Minor. T. XLIV. Napoli: Instituto Universitario Orientale. Dipartimento di Studi Asiatici, 1994, pp. 565-571.
 20. Hippocrates: On Airs, Waters, and Places. Translated by Francis Adams. URL: <http://classics.mit.edu/Hippocrates/airwatpl.html> (Accessed on: 20.07.2015).
 21. Historia Augusta, Life of Probus, published in the Loeb Classical Library, English translation is by David Magie, 1932. URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Historia_Augusta/Probus*.html (Accessed on: 14.07.2015).
 22. Istvánovits E. A Felső-Tisza-vidék legkorábbi szarmata leletei. 2-3. századi sírok Tiszavasváriból (The earliest Sarmatian finds of the Upper Tisza region – 2nd-3rd century burials in Tiszavasvári), *A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve*, 1984/86 (1990), T. XXVII-XXIX, pp. 83-133.
 23. Istvánovits E. A szarmaták és a kos. Adatok a Kárpát-medence szarmatáinak hitvilágához (Die Sarmaten und der Widder. Beiträge zur Glaubenswelt der im Karpatenbecken lebenden Sarmaten), *A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve*, 1997–1998 (1998), T. XXXIX–XL, pp. 135-151.
 24. Istvánovits E. Tiszavasvári–Városföldje, Jegyző-tag. A settlement of the 5th century (Hunkori település

- maradványai Tiszavasváriban, a Városföldjén), *A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve*, 1999, T. XLI, pp. 173-254.
25. Istvánovits E., Kulcsár V. Actual State of Research of the Csörsz- or Devil's Dyke. *Pop H., Bejinariu I., Băcuet-Crișan S., Băcuet-Crișan D. (Eds.). Identități culturale locale și regionale în context european. Studii de arheologie și antropologie istorică. Local and Regional Cultural Identities in European Context. Archaeology and historical anthropology.* Cluj Napoca: Editura Mega – Editura Porolissum, 2010, pp. 311-321.
 26. Istvánovits E., Pintye G. Az alföldi Barbaricum mécsesei (Lamps of the Barbaricum of the Great Hungarian Plain), *A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve*, 2011, T. LIII, pp. 83-111.
 27. Kőhegyi M. Előzetes jelentés a Madaras-Halmok későszarmata-hunkori temetőjének ásátásáról (Vorläufige Mitteilung über die Freilegung des Spätsarmatisch-hunnenzeitlichen Gräberfeldes von Madaras-Halmok), *Archaeologiai Értesítő*, 1971, T. 98, pp. 210-215.
 28. Kőrösi A. Előzetes jelentés az Alsónémedi – Ócsa összekötő út építését megelőző ásások állatsontanyagának vizsgálatáról. *Korkes Zs. (Ed.). Kutatások Pest megyében. Tudományos konferencia III. 2000. Pest Megyei Múzeumi Füzetek Új Sorozat 6.* Szentendre: Pest Megyei Múzeumok Igazgatósága, 2001, pp. 9-15.
 29. Kőrösi A. Szarmata és avarkori csonteszközök Felgyő–Kettőshalmon (Typology of the Worked Bone Implements from Felgyő–Kettőshalmi dűlő). *Gömöri J., Kőrösi A. (Eds.). Csont és bőr. Az állati eredetű nyersanyagok feldolgozásának története, régészete és néprajza. Bone and Leather. History, Archaeology and Ethnography of Crafts Utilizing Raw Materials from Animals. Az anyagi kultúra a Kárpát-medencében 4.* Budapest: MTA VEAB Iparrégészeti és Archaeometriai Munkabizottság – Kézművesipar-történeti Munkabizottság, 2011, pp. 99-116.
 30. Kulcsár V. Szarmata sírok Kiskunfélegyháza, Külsőgalamboson (Sarmatengräber in Kiskunfélegyháza, Külsőgalambos), *Cumania*, 1986, T. 9, pp. 9-23.
 31. Kulcsár V. *A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai.* Aszód: Osváth Gedeon Múzeumi Alapítvány, 1998, 153 p.
 32. Kulcsár V., Vörös I. Szarmata telep Lajosmizse határában. Leletmentés az M5 útnál (Adalék a római kori utakhoz), *Cumania*, 1989, T. 11, pp. 67-93.
 33. Kürti B. Szarmata temetőrészlet Kiskundorozsma–Subasáról (M5–26=78. lelőhely, Csongrád megye 1998), *Szántó Kovács Múzeum Évkönyve*, 2005, T. 7, pp. 85-109.
 34. Lőrinczy G. A Szegvár-omrodülői kora-avarkori temető 1. sírja, *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*, 1984–85, 2 (1991), pp. 127-154.
 35. Lukács J. Szarmata falu Dunavecse–Ugordáció-dűlőben (Előzetes jelentés). *Somogyvári Á., Székely G. V. (Eds.). A Barbaricum ösvényein.* Kecskemét: Bács-Kiskun Megyei Önkormányzat Katona József Múzeuma, 2011, pp. 119–143.
 36. Mócsy A. *Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire.* London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974, 453 p.
 37. Nagy D. S. Az Orosházi-tanyák, MÁV-homokbánya szarmata temetője (Sarmatisches Gräberfeld aus der MÁV-Sandgrube von Orosházi-tanyák), *A Szántó Kovács Múzeum Évkönyve*, 2005, T. 7, pp. 11-48.
 38. Nagy M. *Állatábrázolások és az I. germán állatstílus a Közép-Duna-vidéken. Tierdarstellungen und der germanische Tierstil I im Gebiet der Mittleren Donau.* Budapest: MNM, 2007, 208 p.
 39. Oppianus. Oppian, Colluthus, Tryphiodorus. The Loeb Classical Library. English translation by A. W. Meir. London; New York, 1928. URL <http://www.archive.org/stream/oppiancolluthust00oppiuoft#page/28/mode/2up> (Accessed on: 21.07.2015).
 40. Párducz M. Újabb adatok az Alföld római korának ismeretéhez (Neue Angaben zur römischen Zeit des Alföld), *Dolgozatok a M.Kir. Ferencz József-Tudományegyetem Archaeologiai Intézetéből*, 1932, T. VIII, pp. 112-121.
 41. Párducz M. Őskori és szarmata telep Hódmezővásárhely határában (Siedlung der Urzeit und der Sarmatenzeit in der Umgebung von Hódmezővásárhely), *Dolgozatok a M.Kir. Ferencz József-Tudományegyetem*

- Archaeologiai Intézetéből*, 1942, T. XVIII, pp. 113-122.
44. Párducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, III, *Archaeologia Hungarica*, 1950, XXX, 260 p.
43. Pintye G. A Kárpát-medencei szarmata települések csontfészüi, *Archaeologiai Értesítő*, 2009, T. 134, pp. 165-195.
44. Rózsa Z. Szarmata telep- és temetőrézlet Békéssámson, Erdőháti-halom lelőhelyen, *Szántó Kovács Múzeum Évkönyve*, 2005, T. 7, pp. 49-84.
45. Strabo. The Geography. Loeb Classical Library, 8 volumes, Greek texts with facing English translation by H. L. Jones. Harvard University Press, 1917 thru 1932. URL: <http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Strabo/home.html> (Accessed on: 17.07.2015).
46. Szalontai Cs., Tóth K. Előzetes jelentés a Szeged–Kiskundorozsma határában végzett szarmata kori település- és temetőfeltárásról. *Bende L., Lőrinczy G., Szalontai Cs. (Eds.). Hadak útján. A népvándorlás kor fiatal kutatóinak konferenciája*. Szeged: Csongrád Megyei Múzeumok, 2000, pp. 59-78.
47. Szekeres L., Szekeres Á. *Szarmata és XI. századi temetők Verusicson (Subotica–Azotara)*. Szabadka, 1996. 65 p.
48. Szolnoki L. Régészeti feltárások Sáp, Bihardancsháza és Bihartorda között (2009), *A Bihari Múzeum Évkönyve*, 2011, T. XV-XVI, pp. 7-31.
49. Tari E. Az M0-s körgyűrű építését megelőző régészeti feltárások, *Magyar Múzeumok*, 2004, T. 10:3, pp. 19-22.
50. Tóth A. Kiskundorozsma–Nagyszék (M5. Nr. 34. 26/72) szarmata település állatsont leletei, *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Új folyam*, 2014, T. 1, pp. 131-159.
51. Tugya B. Császárkori és Árpád-kori állatsontleletek a Hódmezővásárhely–Barattyosi kerékpárút lelőhelyeiről. *Hombár Múzeumi Műhely* 6. Múzeumi Tanulmányok. 2011, pp. 91-98.
52. Tugya B., Lichtenstein L. Dunavecse–Ugordáció I. lelőhely 2–5. századi objektumainak archeozoológiai értékelése. *Somogyvári Á., Székely Gy. V. (Eds.). A Barbaricum ösvényein... A 2005-ben Kecskeméten tartott tudományos konferencia előadásai. Archaeologia Cumanica 1*. Kecskemét: Bács-Kiskun Megyei Önkormányzat Kecskeméti Katona József Múzeuma, 2011, pp. 145-160.
53. Tugya B., Rózsa Z. A szaru, mint nyersanyag felhasználása Orosháza–Közégszékporta –Szücs-tanya szarmata lelőhelyen. Régészeti, archeozoológiai, néprajzi vonatkozások. *Kreiter A., Pető Á., Tugya B. (Eds.). Környezet – Ember – Kultúra. A természettudományok és a régészet párbeszéde. A Magyar Nemzeti Múzeum Nemzeti Örökségvédelmi Központ 2010, október 6–8-án megrendezett konferenciájának tanulmánykötete*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum Nemzeti Örökségvédelmi Központ, 2012, pp. 225-230.
54. Vaday A. Atipikus szarmata telepjelenség Kompolt-Kistéri tanya 15. lelőhelyén, *Agria*, 1997, T. 33, pp. 77-107.
55. Vaday A., Vörös I. Szarmata telep nyomai Bánhalma határában, *Archaeologiai Értesítő*, 1977, T. 104, pp. 98-105.
56. Vaday A., Vörös I. Szarmata település Kunszentmártonban, *Szolnok Megyei Múzeum Évkönyve*, 1979/80 (1980), pp. 117-139.
57. Vörös G. Településszerkezet és életmód az alföldi szarmaták falvaiban. *Havassy P. (Ed.). Jazigok, roxolánok, alánok. Szarmaták az Alföldön. Gyulai katalógusok 5*. Gyula, 1998, pp. 49-66.
58. Vörös I. Apagy barbaricum császárkori település állatsontmaradványai (Animal Bones from the Roman Imperial Period Settlement at Apagy in Barbaricum), *A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve*, 1990–1992 (1993), T. 33–35, pp. 33-65.
59. Vörös I. A szirmabesenyői császárkori telep állatsontmaradványai, *A Herman Ottó Múzeum Évkönyve*, 1999, T. 37, pp. 223-236.
60. Vörös I. Hunkori település állatsontleletei Tiszavasváriban, *A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve*, 1999, T. XLI, pp. 255-266.
61. Vörös I. A szegvár-oromdülői császárkori telep állatsontleletei, *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve, Studia Archaeologica*, 2005, T. 11, pp. 115–125.
62. Vörös I. Madaras-Halmok szarmata temető állatsontleletei. *Kőhegyi M., Vörös G. Madaras–Halmok. Kr. u.*

- 2–5. századi szarmata temető. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke, 2011, pp. 445-455.
63. Vörös I., Soós E. Garadna-Kastély zug. A római császárkori germán teleprészlet újraértékelése, *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, 2014, P. 121-152.
64. Wicker E. Egy szarmata falu külterülete (M5 125. Kiskunfélegyháza–Izsáki út). Feltárások 1995–1996. évben. *Kőrösi I. (Ed.). Múzeumi kutatások Bács-Kiskun megyében 1995–1996*. Kecskemét: Bács-Kiskun Megye Önkormányzatának Múzeumi Szervezete, 1997, pp. 73-80.

Appendix

Catalogue of mentioned sites

1. Alsónémedi – Ócsa [28, p. 14]
2. Apagy–Peckés rét [58, p. 34]
3. Ártánd–Kisfarkasdomb [12, p. 263]
4. Ártánd–Nagyfarkasdomb [12, p. 263]
5. Bánhalma [55, p. 105]
6. Békéssámson–Erdőháti-halom [44, p. 58]
7. Debrecen–Máta határ [42, p. 201]
8. Doboz–Hajdúirtás [58, p. 59]
9. Dunaharaszti [42, p. 155]
10. Dunavecse–Ugordáció [52, p. 146–148]
11. Endrőd site 170 [9, p. 287]
12. Geszteréd [42, p. 195–197]
13. Gyoma site 133 [6; 61, p. 125]
14. Hajdúnánás–Fűrjhalom-dűlő [16, p. 209]
15. Hódmezővásárhely–Barattyos [51, p. 92]
16. Hortobágy–Poroshát [31, p. 71]
17. Isaszeg [31, p. 71]
18. Kiskundorozsma–Nagyszék [50, p. 133]
19. Kiskundorozsma–Subasa [33, p. 86]
20. Kiskunfélegyháza–Külsőgalambos [30, p. 13]
21. Kiszács (today: Kisač, Serbia) [42, p. 209]
22. Kisvárdá–Nagyboldogasszony utca [31, p. 72]
23. Kompolt–Kistér [7, p. 324]
24. Kunbaracs–Beck-tanya [11, p. 42]
25. Kunpeszér [11, p. 42]
26. Kunszállás–Alkotmány tsz. [11, p. 42]
27. Kunszentmárton–Téglagyár [56, p. 124]
28. Kunszentmiklós–Bak ér [11, p. 42]
29. Lajosmizse–Kónya major [31, p. 73]
30. Madaras–Halmok [62]
31. Mátételke [31, p. 72]
32. Nyíregyháza, site 161 (Eszter Istvánovits's unpublished excavation)
33. Nyírtura–Várrét [10]
34. Orgovány [12, p. 263]
35. Orosháza–Községporta [53, p. 226]
36. Orosházi tanyák [37, p. 18]
37. Öregcsertő–Csorna [11, p. 42]
38. Pócspetri–Nyírjes felső [5, p. 519]
39. Sáp site 11, Halastó-hát [48, p. 19]

40. Subotica–Azotara [47, p. 11, 15]
41. Szabadszállás–Józan [11, p. 42]
42. Szeged–Rívódülő [42, p. 174]
43. Szegvár–Oromdülő [61, p. 116–118]
44. Szentés–Sárgapart [31, p. 73]
45. Szódliget–Csörög (Valéria Kulcsár's unpublished excavation)
46. Tázlár–Kriván-tanya [58, p. 59]
47. Tiszaföldvár–Téglagyár [58, p. 59]
48. Tiszafüred–Nagy Kenderföldek [58, p. 59]
49. Tiszavasvári–Papteleshát [58, p. 59]
50. Tiszavasvári–Városföldje [22, p. 86–87]
51. Újhartyán [8, p. 305]
52. Üllő site 5 (unpublished excavation by Valéria Kulcsár and colleagues)

Э. Иштванович, В. Кульчар

Животные сарматов Карпатского бассейна (археозоология глазами археологов)

Резюме

Сарматское племя, переселившееся в Карпатский бассейн в I в. н. э., за несколько поколений оставило кочевничество и осело. Животноводство продолжало играть важную роль в их хозяйстве. Однако, несмотря на то, что мы располагаем огромным остеологическим материалом (в частности, более 60000 опубликованных костей домашних животных), происходящим главным образом с поселений, наши познания о составе, внешнем виде и использовании скота достаточно ограничены. В данной работе мы попытаемся суммировать наши данные по отдельным животным и предложить некоторые аспекты, которыми смогут воспользоваться исследователи в будущем.

Ключевые слова: животноводство, Карпатский бассейн, сарматы, археозоология.

E. Istvánovits, V. Kulcsár

Animals of the Sarmatians in the Carpathian Basin (archaeozoology through the eyes of archaeologists)

Summary

Sarmatians arriving to the Carpathian Basin from the steppe in the 1st c. AD gave up their nomadic way of life in some generations and settled in villages. Animal husbandry continued to play an important role in their economy. However, despite of the huge osteological material on our disposal (e.g. more than 60000 published bones of domestic animals) coming from mostly settlements, our knowledge on the composition, outlook and exploitation of the animal stock is relatively poor. In the present study we made an attempt to summarise our data on certain animals and proposed some aspects that can be used in the further research.

Key words: animal husbandry, Carpathian Basin, Sarmatians, archaeozoology.

Fig. 1. Detail of the hydrological map of the Carpathian Basin before river regulation.

Fig. 2. Skull of a pole-axed horse found at Üllő site 5, feature 1509 (unpublished excavation by V. Kulcsár).

Fig. 3. Remains of a young cattle found at Nyíregyháza site 161, feature (grave) 187 (unpublished excavation by E. Istvánovits).

Fig. 4. Remains of a horse found at Úllő site 5, feature 2123 (unpublished excavation by V. Kulcsár).

Fig. 5. Child skeleton accompanied by remains of two dogs at Dunakeszi–Alagi major, feature 138 (unpublished excavation by V. Kulcsár).

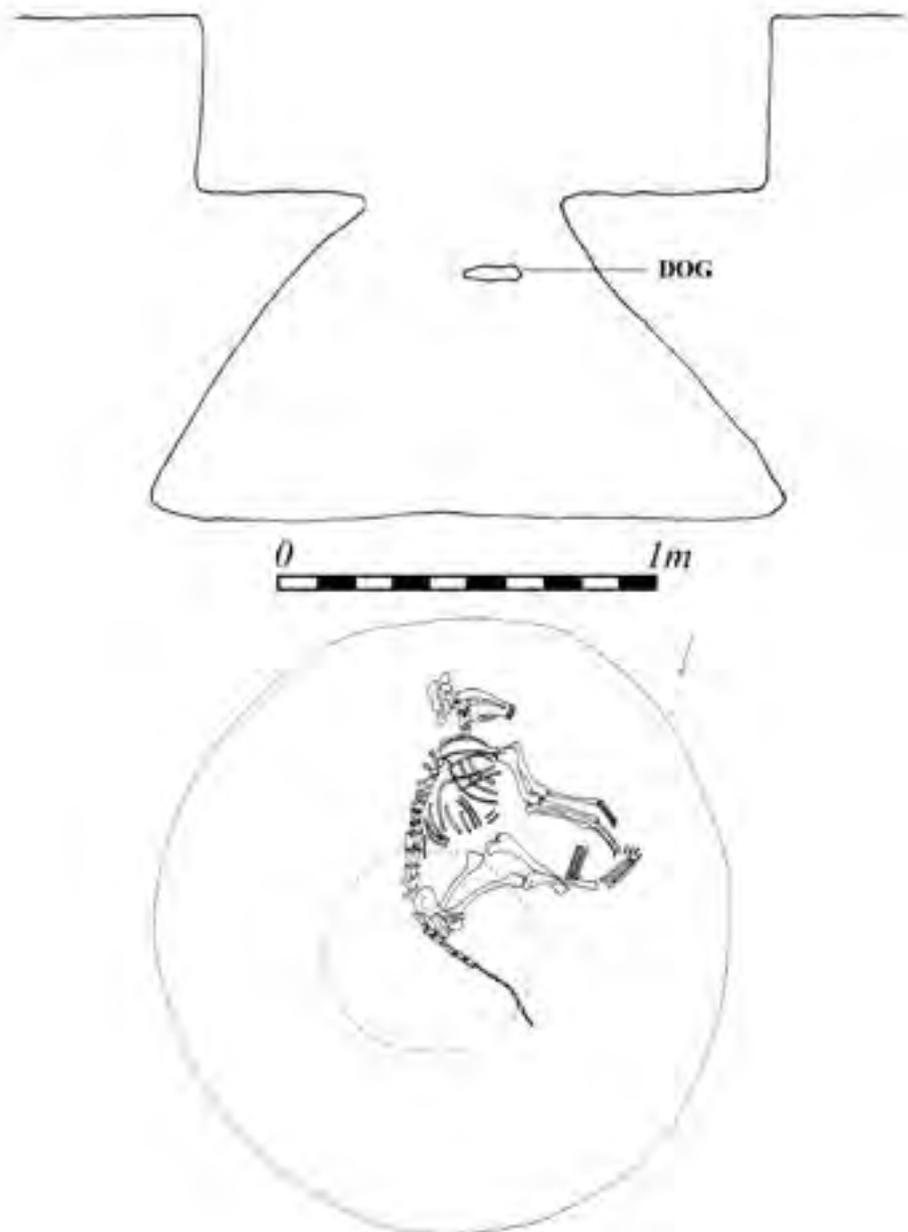

Fig. 6. “Dog burial” found at Tiszadob–Sziget, feature 118 [24, fig. 9].

В. П. ВЛАСОВ

**ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ГОРОДИЩА АЛМА-КЕРМЕН
(материалы раскопок 2004-2007 гг.)**

Среди разнообразных артефактов, обнаруженных при раскопках позднескифского городища Алма-Кермен в Юго-Западном Крыму, особое место занимает лепная керамика. При общем культурном единстве памятников поздних скифов Крыма именно она придает каждому из них определенное своеобразие. Кроме того, будучи продуктом домашнего производства, глиняные изделия, изготовленные в технике ручной выделки без применения гончарного круга, в известной мере отражают этническую принадлежность своих изготовителей и позволяют судить о различных инокультурных влияниях, в чем и заключается их первостепенное значение.

Впервые изучение лепной керамики городища Алма-Кермен предприняла Т. Н. Высотская. Данной группе археологических находок Татьяна Николаевна посвятила специальную статью «Ліпна кераміка городища Алма-Кермен» [14], основные положения которой вошли и в подготовленную ею монографию «Поздние скифы в юго-западном Крыму» [15]. Эталонным для анализа исследовательницы послужил набор сосудов из погребшего около середины III в. н.э. дома с фресками, где *in situ* были обнаружены обломки примерно 40 склеившихся впоследствии экземпляров [14, с. 187, табл. II; 15, с. 104, рис. 26]. Выводы Т. Н. Высотской не вызвали особых возражений, хотя некоторые сосуды получили ошибочную атрибуцию и расхождение взглядов относительно их этнокультурной принадлежности сохраняется до настоящего времени.

С 2004 по 2007 гг. раскопки поселения проводила международная экспедиция Крымского филиала Института археологии НАН Украины, Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника и Института классической археологии Свободного Берлинского университета при участии Государственного исторического музея (г. Москва),

которую возглавлял Ю. П. Зайцев¹. За четыре полевых сезона накоплен обильный археологический материал и получены новые данные, позволяющие внести коррективы в прежние представления о памятнике. Существенно пополнилась и коллекция лепной керамики. За исключением изделий, относящихся к кизил-кобинской (таврской) культуре, а также этнически неинформативных пряслиц и ткацких грузил (в данной работе они не будут рассмотрены), почти вся она представлена плоскодонной посудой нескольких категорий и одним изделием условно названным «чаша на высокой ножке». Публикации, анализу и интерпретации этих находок и посвящена предлагаемая статья.

Оговоримся, что подсчет удельного веса лепных сосудов Алма-Кермена не проводился, но, как и на других позднескифских поселениях, это одна из самых распространенных групп артефактов, уступающая по численности только амфорам². К сожалению, ее серьезным недостатком является сильная измельченность, а черепки из слоев пожара к тому же отличает аморфность и ошлакованность от интенсивного воздействия огня. Целые формы в коллекции единичны, незначительную ее часть составляют обломки полного профиля или дающие представление о морфологии целых предметов, подавляющее же большинство изделий дошло во фрагментах не очень высокой степени сохранности.

Специальных керамологических и естественнонаучных методов изучения алма-керменской лепной керамики, к сожалению, не предпринималось, а ее визуально фиксируемые технико-технологические особенности позволяют говорить, что изделия небольших размеров выделывали из цельного куска формовочной массы, тогда как более крупные изготавливали из жгутов и лент спирально-кольцевым способом. Формовочная масса одних сосудов высококачественная плотная, других, и таких большинство – плохо отмученная, отчего черепок после обжига приобретал пористую или слоистую структуру. Для приготовления керамической массы использовалась крупно- и среднезернистая глина, а в качестве отощителя применялись песок, шамот, дресва (в основном, известняк), толченые раковины моллюсков, а также органические (растительные) добавки.

Помимо части лощеных мисок, ковшей, кувшинов и горшков-корчаг, вся остальная керамика отличается довольно грубой отделкой. Судя по отпечаткам на доньях многих изделий, их формовка производилась на твердой основе, на которую, для предотвращения прилипания, насыпался песок или подкладывалась трава. Довольно часто стенки сосудов имеют следы выравнивания и укрепления стыков глиняных лент путем их сдавливания с двух сторон пальцами. Судя по характерным горизонтальным полосам-расчесам, отдельные экземпляры подвергались последующему сглаживанию на т.н. «примитивном гончарном круге» (поворотная подставка или поворотный столик). Обжиг сосудов достаточно равномерный, что, как правило, свидетельствует об использовании для этой цели не открытого костра, а более сложных, возможно даже специализированных теплотехнических устройств. На раннем этапе существования памятника преобладали однотонные изделия серого, черного, коричневого, реже – красного цветов, тогда как в первые века н.э. доминируют экземпляры желтого, красного, красно-бежевого и красно-коричневого окраса.

¹ Автор признателен Юрию Павловичу за предложение принять участие в работе данного проекта и возможность опубликовать неизданные находки лепной керамики.

² Например, в массиве всех керамических материалов позднескифского Булганакского городища лепные изделия (целые и во фрагментах) составляют 42,2±9,88%, а оставшаяся часть приходится на амфоры (53,7±9,97%), краснолаковую (2,4%) и прочую гончарную (1,7%) посуду [7, с. 207-208].

Несмотря на фрагментированность лепной керамики городища, затрудняющую ее объективную систематизацию, обломки сгруппированы с использованием разработанной в свое время автором морфологической классификации [8, с. 322-323, 329-331, 344, 349; 9, с. 5-7]. Она основана на учете сходства и отличия формы сосудов [23, с. 115; 21, с. 18], которая неразрывно связана с их этнокультурной и пространственно-временной принадлежностью. Отличающиеся своей профилировкой фрагменты доньев и ручек приведены отдельно.

В соответствии с предложенной Ю. П. Зайцевым схемой хронологии и периодизации городища Алма-Кермен, учтенные лепные изделия, относящиеся к позднескифской археологической культуре, распределяются по шести стратиграфическим горизонтам, обозначенным как фазы А, В, С, D, Е, F. Однако структурный состав, а также своеобразие типологических и технико-технологических характеристик лепной керамики дают основания отдельно рассмотреть лишь образцы самой ранней фазы F, а остальные материалы суммарно охарактеризовать в хронологической последовательности, объединив в одну группу находки фаз С, D, Е, а в другую – находки фаз А и В.

Находки фазы F. Включенные в иллюстрации целые и фрагментированные лепные сосуды (рис. 1; 2) происходят из слоя золистого суглинка, а также хозяйственных ям №№ 11-13, 15-17 и датируются концом II в. до н.э. – началом I в. н.э.

Миски

Тип 1. С расходящимися краями и полусферическим или усечено-коническим туловом (рис. 1, 1-4). Некоторые обломки имеют ребро или закраину с внутренней стороны края, наличие которой надежно диагностирует позднескифскую культурную принадлежность сосудов.

Тип 2. С вертикальными краями и полусферическим или усечено-коническим туловом (рис. 1, 5, 6).

Миски двух описанных типов являлись одними из самых распространенных на памятниках обширных территорий, начиная с эпохи бронзы и вплоть до раннего средневековья. Простота и функциональность их формы отвечала хозяйственным потребностям разных древних народов, поэтому нет необходимости приводить им многочисленные аналогии [7, с. 237-239, 240-242, 249-250].

Тип 3. С резко загнутыми краями и полусферическим туловом. Представлен фрагментами с подтреугольными краями (рис. 1, 7). У поздних скифов подобные миски редки и встречены среди материалов рубежа эр Беляусского могильника, Неаполя, а также Булганакского городища [18, с. 16, 29, 30, табл. 13, 14; 48, 2; 49, 28; 7, с. 251-252, табл. V, 12, 13]. Их наиболее вероятными прототипами следует считать аналогичную по форме и особенностям оформления краев краснолаковую посуду [11, с. 76-77, рис. 1, 4-7, 10].

Тип 4. С отогнутыми под углом вверх краями и полусферическим или усеченно-коническим туловом (рис. 1, 8-11). Тулово у них соединено с краями плавно или с небольшим изломом, но у некоторых экземпляров переход стенок тулова к краям с внутренней стороны оформлен в виде закраины, очевидно сделанной для упора крышки. Основная масса мисок данного типа сосредоточена на позднескифских поселениях Крыма, где они датируются последними веками до н.э. и рубежом эр [18, табл. 13, 9; 16, 15-17; 22, 10, 14; 7, с. 243, табл. IV, 12, 13, 18; 22, с. 133, рис. 6, 12, 16; 24, с. 105, рис. IV, 6]. В первые века н.э. вместе с поздними скифами, такая посуда появляется на Европейском Боспоре [20, с. 50, табл. IX, 2; XXXV, 3, 7, 19, 23; 13, с. 21, 24, рис. 2, 9-11; 5, 7, 8].

Тип 5. С горизонтально отогнутыми краями и полусферическим туловом (рис. 1, 12). Редкие алма-керменские экземпляры своей сохранившейся профилировкой и временем

бытования наиболее близки фрагментам из Булганакского городища [7, с. 254, табл. VI,3].

Горшки / корчаги

Тип 1. Со слабопрофилированным цилиндро-полусферическим или цилиндроконическим туловом, имеющим перегиб в нижней части и усеченно-коническим горлом. Представлен двумя фрагментами с отчетливо профилированными резко отогнутыми венчиками (рис. 1,13,14). Сопоставимые по профилировке верхние части сосудов встречены в слое и в зольнике V в. до н.э. греческого Мирмекия [20, с. 32, табл. II,2], а спустя несколько столетий – у поздних скифов. Традиционно считается, что такие горшки имеют фракийское происхождение, однако, представляется, что боспорские и позднескифские изделия имеют больше оснований связывать с влиянием местных тавров [7, с. 214].

Тип 2. С расширенным в верхней части овалоидным туловом, гиперболоидным или усеченно-коническим горлом. Высота горла и его профилировка варьируют (рис. 1,15-20). Пожалуй, это наиболее массовый тип горшков, хронологическое и географическое распределение которых позволяет отнести их к числу этнически неинформативных [7, с. 220-221].

Ниже опишем не поддающиеся типологизации венчики горшковидных сосудов. Два из них принадлежат крупным горшкам-корчагам, которые использовались в качестве тары (рис. 2,1,2). Их отличают массивные стенки с лощеной наружной поверхностью. Венчик одного из обломков трапециевидно утолщен, а внешняя сторона венчика другого оформлена в виде подтреугольного выступа, точно так же, как и у античных пифосов. Подобная целая корчага с треугольным венчиком обнаружена в хозяйственной яме I в. н.э. позднескифского Южно-Донузлавского городища, а части горла сосудов этого же времени также на поселениях поздних скифов – Чайка и Булганакское [18, с. 17, табл. 5,4; 26, с. 56, рис. 3,12; 7, с. 232, табл. III,3; 11, с. 79, рис. 2,2].

Еще два фрагмента принадлежат лощеным корчагам с узким и высоким гиперболоидным горлом (рис. 2,3,4). Поскольку неизвестна полная форма сосудов, подобрать им соответствия трудно, однако, по своей конфигурации они практически идентичны горловине экземпляра I в. до н.э. – I в. н.э. из Булганакского городища [7, с. 232-233, табл. III,6].

Ковши

Тип 1. С расширенным в верхней части полусферическим или овалоидным туловом, отогнутыми под углом вверх краями и плоским невыделенным дном. Представлен склеенным и графически реконструированным чернолощеном сосудом из хозяйственной ямы № 13. Он снабжен вертикальной, овальной в сечении кольцевидной ручкой, которая крепится к краю и к месту наибольшего расширения тулова (рис. 2,5). Это самая распространенная у крымских поздних скифов форма ковшей или черпаков, которые встречены в погребениях конца II в. до н.э. – I в. н.э. некрополя Беляуса, первой половины I в. до н.э. могильника Усть-Альмы, а также на городищах: среди находок рубежа эр Булганака и II-III вв. н.э. Неаполя скифского [18, с. 17, 29, табл. 15,2; 48,7; 19, с. 164, 166, рис. 4,1; 7, с. 264, табл. VII,9].

Кувшины

Среди ранних материалов городища выявлен всего один фрагмент верхней части сосуда данной категории, профилировка которого позволяет отнести его к типу так называемых «пухлогорлых» кувшинов с отогнутым венчиком (рис. 2,6). Еще одна находка горла точно такого же кувшина на Алма-Кермене известна по материалам раскопок Т. Н. Высотской [15, с. 104, рис. 25,9; 18, с. 19, табл. 25,6] и кроме обломка из слоя I в. н.э. Булганакского городища [7, с. 263, табл. VII,7] аналогичные сосуды в Крыму, судя по опубликованным материалам, больше неизвестны. Раньше всего лепные кувшины с раздутым горлом фиксируются на памятниках IV-II вв. до н.э. южно-приуральских сарматов [29, табл. 72,21]. В сарматских

комплексах первых веков н.э. присутствуют уже исключительно гончарные сосуды такого облика [27, с. 25, рис. 3,9], подобные тем, что найдены в керамической мастерской II – 40-х гг. III вв. н.э. Кобякова городища [6, с. 91-92, рис. 33,5,8,9]. Можно предположить, что изначально «пухлогорлость» была специфической чертой сарматских кувшинов, которую впоследствии нижнедонско-прикубанские мастера, возможно в угоду предпочтениям сарматов, стали придавать предназначавшимся для них гончарным изделиям.

Ручки сосудов городища Алма-Кермен чаще всего делали кольцевидными, петлевидными, реже – Г-образными, придавая им округлую, овальную, сегментовидную, подпрямоугольную, подквадратную и трапециевидную в разрезе форму. Иногда их внешнюю сторону моделировали вертикальными ребрами и желобками (рис. 1,21-28).

Основные разновидности доньев, придававших устойчивость сосуду и служивших опорой при обычном использовании, отражены на рис. 2,7-9. Как уже отмечалось, чаще всего донья формовали плоскими, хотя многие из них отличались незначительно вогнутой или слегка округлой нижней поверхностью. Обычно донья делали выделенными (на сплошном поддоне), с рантом или без него, а также невыделенными. Изделий с кольцевым поддоном в ходе раскопок не обнаружено. Надо сказать, что местная позднескифская посуда вообще крайне редко снабжалась такой конструктивной деталью в оформлении дна, очевидно, подражая античным гончарным сосудам [11, с. 76, рис. 1,2,3,22].

Находки фаз С, D, E. Фрагменты, изображения которых приведены на рисунке 3, встречены в напластованиях золистого суглинка с мелкими камнями, строительного отеса и пожара 2, при зачистке оборонительной стены с калиткой, а также в хозяйственных ямах №№ 4 и 6, дата которых, в целом, ограничивается II в. н.э.

Миски

Тип 1. С расходящимися краями и полусферическим или усечено-коническим туловом. Соответствует типу 1 фазы F. Отдельные фрагменты мисок также имеют отчетливо выраженное ребро-закраину (рис. 3,1). При этом среди них впервые зафиксирован лощеный обломок с сегментовидным вертикальным выступом на крае (рис. 1,2). Традиционно такие миски изготавливали жители позднескифских поселений в позднеэллинистическое и римское время [18, табл. 13,12; 17,12,14; 22,7; 24, с. 106, рис. IV,15,17,18]. Ограниченно этот прием оформления краев мисок использовался на Боспоре и даже в Херсонесе – античном центре, где находки лепной посуды встречаются значительно более редко [20, табл. XI,11; XIV,7,8; XV,12; 5, с. 239, рис. 2].

Тип 2. С вертикальными краями и полусферическим или усечено-коническим туловом (рис. 3,3). Соответствует типу 2 фазы F.

Тип 3. С отогнутыми под углом вверх краями и полусферическим или усеченно-коническим туловом (рис. 3,4,5). Соответствует типу 4 фазы F с теми же особенностями соединения тулова с краями (плавно, с изломом и с закраиной).

Горшки / корчаги

Объективное группирование фрагментов данной категории в типы не представляется возможным из-за неудовлетворительной сохранности материала. Несомненно, что как и прежде, ведущей формой являлись горшки с расширенным в верхней части овалоидным туловом, а также гиперболоидным или усеченно-коническим горлом (рис. 3,9-15).

Фрагмент одной крупной широкогорлой «пифоидной» корчаги примечателен тем, что не имеет четко выраженного горла. Ее устье, образованное продолжением стенок верхней части тулова (плеча), с внешней стороны обрамлено массивным округло-подтреугольным выступом, который заменял отогнутый венчик (рис. 3,16).

Кольцевидные и петлевидные ручки сосудов в основном овальные, подпрямоугольные и подквадратные в сечении (рис. 3,6-8), а донья – выделенные и невыделенные (рис. 3,17-19).

Чаша на высокой ножке

Функциональное назначение специфических по форме лепных изделий, получивших в литературе название «чаши на высокой ножке», достоверно определить не удастся. При сходной конструкции и морфологии, они могли использоваться в качестве светильников, курильниц или маленьких домашних жертвенников, о чем свидетельствуют часто имеющиеся на их внутренней поверхности следы воздействия огня или слой нагара.

Данная категория репрезентована асимметричным изделием с утраченной в древности чашечкой, ножка с расширяющейся книзу подставкой (рис. 3,20) которого происходит из слоя под пожаром 2. В целом, он относится к фазе E и тяготеет к раннему горизонту городища, в материалах которого подобный целый предмет уже был известен [15, с. 104, рис. 25,10]. В Крыму чаши-курильницы, датирующиеся III-II вв. до н.э. – II-III вв. н.э., представлены практически на всех позднескифских памятниках [18, с. 16-17, 30, табл. 11,2; 16,6; 17,9; 49,17; 26, с. 45, рис. 3,8; 16, с. 135, табл. 29,31; 7, с. 273, табл. VIII,5-7; 19, с. 114-116, рис. 65] и являются их характерным отличительным признаком.

Находки фаз А, В. Предваряя их характеристику, укажем, что в самом позднем верхнем горизонте городища содержалось наибольшее количество лепной керамики. При этом, в нижележащем слое фазы В ее ощутимо меньше, чем в слое пожара 1 фазы А. Именно отсюда, а также из траншей выборок кладок и хозяйственных ям №№ 5 и 7 происходит большинство изображенных графически изделий (рис. 4), которые суммарно относятся к концу II – первой половине/середине III вв. н.э.

Миски

Основные формы мисок представлены теми же типами, что и прежде – это типы 1, 2 и 3 (тип 4 фазы F), однако среди них очень мало изделий с ребром-закраиной и совсем нет сосудов с вертикальными выступами по краю.

Плошки

Среди позднейших материалов Алма-Кермена впервые обнаружено два профильных черепка новой для данного поселения и вообще довольно редкой у поздних скифов категории посуды – плошек. Их отличают диаметр края, равный, примерно, 0,2 м и очень низкий бортик. Считается, что подобные лощеные изделия могли использоваться для выпечки лепешек, а грубо выделанные – в качестве светильников. Алма-керменские фрагменты можно разделить на два типа.

Тип 1. С вертикальными краями и цилиндрическим туловом (рис. 4,1).

Тип 2. С расходящимися краями и усеченно-коническим туловом (рис. 4,2).

Сопоставимые плошки обоих типов происходят из зольника II-I вв. до н.э. и слоя рубежа эр Булганакского городища, а вообще в Крыму такая посуда известна с эпохи бронзы [7, с. 233, табл. III,11,12,15].

Горшки / корчаги

Систематизировать обломки горшков затруднительно. С уверенностью можно говорить лишь о продолжении бытования «этнически нейтральных» горшков с овалоидным туловом (рис. 4,10). Следует отметить появление сосудов с новой разновидностью оформления горла. Наряду с гиперолоидной и усеченно-конической (рис. 4,4) горлам горшков в это время придавали и цилиндрическую форму (рис. 4,3).

Встречен также фрагмент крупной широкогорлой «пифоидной» корчаги с массивным

подтреугольным выступом вокруг устья (рис. 4,5), который аналогичен экземпляру из находок фаз С, D, E.

Ковш

Фрагменты из слоя пожара I позволили реконструировать лощеный ковш с отогнутыми под углом вверх краями и цилиндроконическим туловом с перегибом в средней части. Дно утрачено, а вертикальная, овально-ромбическая в сечении кольцевидная ручка крепится к краю и к тулову (рис. 4,6). В статье, специально посвященной публикации и интерпретации данного сосуда, мы уже отмечали, что он заметно выделяется как среди лепной посуды городища Алма-Кермен, так и среди сосудов других позднескифских памятников [12, с. 149-150, рис. 1; 3,1]. При подборе типологических параллелей ему удалось обнаружить единственный, причем очень похожий лепной экземпляр из черняховского могильника Журавка в Среднем Поднепровье. Сосуд, входивший в состав инвентаря погребения 21, которое датируется 220-260 гг., относится к раннему этапу существования черняховской культуры (I и II фазы, соответствующие периодам C1/C2 европейской хронологии) [30, с. 141, табл. LVII,9; LXXXI,33; 4, с. 153-154]. Найденный на Алма-Кермене ковш не только расширил круг позднескифских памятников Крыма, где представлена лепная посуда германского облика [10, с. 62-66] и увеличил ее численность, благодаря ему, среди уже известных и давно опубликованных находок городища, удалось отыскать еще одно изделие этой же культурной группы [12, с. 150-151, рис. 2; 3,3].

Кубок

Единственный целый лощеный сосуд с расширенным в верхней части округло-биконическим туловом, узким гиперболоидным горлом и плоским невыделенным дном найден в шурфе 2007 г. (рис. 4,8). В Крыму сопоставимая керамика встречается в одном из сельских некрополей III-IV вв. н.э. Европейского Боспора [2, табл. CXXXVa]. За пределами полуострова подобные изделия известны среди «нетипичной для поздних скифов» посуды Гавриловского городища и в комплексах II – середины III вв. н.э. Танаиса [25, с. 208, рис. 27,4; 3, с. 13, рис. 7, верхний – слева и нижний – справа; 1, с. 178, 183, табл. IV,9]. Наибольшее же число морфологических параллелей встречено среди посуды сарматов. Такие миниатюрные горшочки, иногда с врезным и вдавленным орнаментом, происходят из погребений последних веков до н.э. – первых веков н.э. Азиатской Сарматии, а неорнаментированные – из захоронений рубежа эр и I-II вв. н.э. Днестровско-Прутского междуречья [27, с. 284, рис. 9,1; 28, рис. 9,24,27,39; 10,5; 17, рис. 7,Г,7,10; 12,32]. Многочисленные сарматские аналогии показывают, что алма-керменский кубок изготовлен в соответствии с сарматскими керамическими традициями.

Кувшины

Целые изделия в коллекции отсутствуют, но среди отнесенных к данной категории фрагментов заметно выделяются своей численностью обломки кувшинов с высоким цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком (рис. 4,9). Наиболее широкое распространение они получили в позднеримское время, однако ограниченно изготавливались на полуострове и в предшествующую эпоху. Интересующие нас позднескифские образцы I в. до н.э. – I в. н.э. известны на Булганаке, а рубежа эр и II-III вв. н.э. – на Неаполе, Кермен-Кыре (Красное) и городище Мамут-Султан (Доброе) [18, с. 16, 17, табл. 12,13,17,18; 15,13,14; 7, с. 262, табл. VII,4; 24, рис. III,6; 22, рис. 6,3,8]. Скорее всего, мы имеем дело с подражанием форме горла античных кувшинов [11, с. 81-82, рис. 2,14-17].

Ручкам сосудов чаще всего придавали овальную (рис. 4,7), реже – иную форму, а в

оформлении доньев никаких изменений не наблюдается (рис. 4,10,11).

* * *

Обработка и систематизация полученной в 2004-2007 гг. лепной керамики из разных стратиграфических горизонтов городища Алма-Кермен, с одной стороны, демонстрирует ее сходство, а с другой – определенные отличия. Так, например, характеризуя номенклатуру типов, следует отметить, что общими для всех фаз существования памятника являются миски типов 1, 2 и 4 (фазы F), а также горшки типа 2 фазы F. Но при этом, только в раннем слое обнаружены миски типа 3 и 5, горшки типа 1, ковш с овалоидным туловом и «пухлогорлый» кувшин, отсутствующие в более позднее время. Исключительно для фаз C, D, E присущи миски с вертикальными выступами по краю и чаша на высокой ножке, а для фаз A и B – плоски, цилиндроконический ковш, кубок и обломок цилиндрического горла кувшина. Еще больше отличий наблюдается при сопоставлении новых находок с опубликованными ранее. Данная ситуация вполне естественна и она может объясняться археологической случайностью, неполнотой исследованности памятника, асинхронностью горизонтов, а также эволюцией комплекса позднескифской лепной керамики городища Алма-Кермен, впитывавшего и чужеродные элементы.

Обладая самобытными чертами, в нем выделяется несколько генетически разнородных групп керамики. Помимо «этнически нейтральной» группы, включающей формы сосудов, которые были широко распространены в скифо-сарматскую эпоху у разных народов Северного Причерноморья, алма-керменские изделия обнаруживают наибольшую близость с образцами из других позднескифских памятников Крыма.

Посуда, воспроизводящая в лепной технике античную гончарную, весьма незначительна. Это миски с резко загнутыми и горизонтально отогнутыми краями (типы 3 и 5 фазы F), а также подражающие пифосам корчаги.

На фоне общепринятой концепции о сарматизации позднескифской культуры в первые века н.э. необычно выглядит факт находки всего лишь двух сосудов (кубок и верхняя часть «пухлогорлого» кувшина), которые связаны с сарматским этнокультурным компонентом.

Цилиндроконические ковши, наряду с известной по раскопкам прежних лет глубокой биконической миской-чашей II-III вв. н.э. [15, табл. 26,12], позволяют говорить о наличии в составе лепной керамики городища Алма-Кермен группы сосудов, связанной с керамическими традициями носителей культур северо-западного круга, в сложении которых приняли участие германцы. Не исключено и их непосредственное присутствие среди жителей данного поселения. О возможном проживании среди поздних скифов выходцев из германского мира свидетельствуют также находки горшка, кружки и кубка из горизонтов финального этапа существования Тарпанчи, Неаполя скифского и ряда других памятников [10]. Алма-керменские экземпляры, в таком случае, могут маркировать еще один пункт пребывания германцев на территории Крымской Скифии в римский период. Вопросы о конкретном времени появления здесь германских мигрантов, обстоятельствах их внедрения в среду местного населения и характере взаимоотношений с ним пока не вполне ясны.

Таким образом, охарактеризованная лепная керамика, несмотря на известную фрагментарность выборки, расширяет наши представления о керамическом комплексе памятника, а присутствие в нем гетерогенных групп свидетельствует об этнической неоднородности жителей поселения в разные периоды его жизни, в культуре которых органично переплетались как античные, так и варварские (местные и пришлые) элементы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса. Горшки // МИА. 1969. № 154. С. 173-219.
2. Арсеньева Т. М. Погребальный обряд // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20-ти т. / Ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука, 1984. С. 222-224.
3. Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Раскопки центральной части Танаиса (1955-1957 гг.) // МИА. 1965. № 127. С. 7-17.
4. Бажан И. А., Гей О. А. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени / Ред. М. Б. Щукин, О. А. Гей. СПб., 1992. С. 122-157.
5. Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1946-1950 гг. // История и археология древнего Крыма / Ред. П. Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 238-248.
6. Братченко С. Н., Косяненко В. М. Нижнедонской гончарный центр первых веков нашей эры (по материалам гончарных мастерских Кобякова и Подазовского городищ) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 2. С. 80-101.
7. Власов В. П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 204-303.
8. Власов В. П. Лепная керамика из некрополя III-IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре / Ред. М. И. Гладких, М. Е. Левада. Киев, 1999. С. 322-371.
9. Власов В. П. Етнокультурні процеси в Криму у III ст. до н.е. – IV ст. н.е. (за матеріалами ліпної кераміки): Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Інститут археології НАН України. Київ, 1999. 24 с.
10. Власов В. П. О появлении некоторых форм лепной керамики на позднескифских городищах Крыма в III в. н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: К 100-летию Б. Н. Гракова / Ред. П. П. Толочко. Запорожье: Изд-во Запорожского госуниверситета, 1999. С. 62-67.
11. Власов В. П. Античные влияния в позднескифской керамике Крыма // БИ / Ред. А. И. Айбабин, Д. В. Журавлев. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. VIII. С. 75-94.
12. Власов В. П. Об одной группе лепных сосудов городища Алма-Кермен // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т. Н. Высотской / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь, 2007. С. 149-152.
13. Власов В. П. Лепная керамика из зольника у горы Митридат // МАИЭТ / Ред. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 18-38.
14. Высотська Т. М. Ліпна кераміка городища Алма-Кермен // Археологія. Київ, 1966. XX. С. 185-195.
15. Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.
16. Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
17. Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1990. 202 с.
18. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 141 с. (САИ. Вып. Д1-7).
19. Зайцев Ю. П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 156-166.
20. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов. Л.: Наука, 1981. 176 с.
21. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник / Ред. Е. М. Колпаков, В. С. Бочкарев, И. О. Васкул. М.: Наука, 1990. 156 с.
22. Колтухов С. Г. Позднескифское поселение Доброе // У Понта Евксинского. Памяти П. Н. Шульца / Ред. С. Г. Колтухов, С. Б. Ланцов, А. Е. Пуздровский. Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. С. 124-134.
23. Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. М.: Высшая школа, 1989. 223 с.
24. Махнева О. А. Новые данные о лепной керамике населения Неаполя скифского // У Понта Евксинского. Памяти П. Н. Шульца / Ред. С. Г. Колтухов, С. Б. Ланцов, А. Е. Пуздровский. Симферополь: Изд-во

- Крымского научного центра, 2004. С. 100-107.
25. Погребова Н. Н. Позднескифские городища на нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. № 64. С. 103-247.
 26. Попова Е. А. Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории / Ред. Ю. Л. Шапова, И. В. Яценко. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 37-75.
 27. Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1984. 151 с.
 28. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1990. 300 с.
 29. Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20-ти т. / Ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 165-177.
 30. Сымонович Э. А. Керамика черняховской культуры // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э.: Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20-ти т. / Ред. И. П. Русанова, Э. А. Сымонович. М.: Наука, 1993. С. 140-143.

REFERENCES

1. Arsen'eva T. M. Lepnaia keramika Tanaisa. Gorshki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1969, N 154, pp. 173-219.
2. Arsen'eva T. M. Pogrebal'nyi obriad. *Koshelenko G. A., Kruglikova I. T., Dolgorukov V. S. (Eds.). Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia: Arkheologiia SSSR s drevneishikh vremen do srednevekov'ia v 20-ti t.* Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 222-224.
3. Arsen'eva T. M., Shelov D. B. Raskopki tsentral'noi chasti Tanaisa (1955-1957 gg.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1965, N 127, pp. 7-17.
4. Bazhan I. A., Gei O. A. Otnositel'naia khronologiia mogil'nikov cherniakhovskoi kul'tury. *Shchukin M. B., Gei O. A. (Eds.). Problemy khronologii epokhi Latena i Rimskogo vremeni.* St. Petersburg, 1992, pp. 122-157.
5. Belov G. D. Itogi raskopok v Khersonese za 1946-1950 gg. *Shul'ts P. N. (Ed.). Istoriia i arkheologiia drevnego Kryma*, Kiev, Akademiia nauk Ukrainskoi SSR Publ., 1957, pp. 238-248.
6. Bratchenko S. N., Kosianenko V. M. Nizhnedonskoi goncharnyi tsentr pervykh vekov nashei ery (po materialam goncharnykh masterskikh Kobiakova i Podazovskogo gorodishch). *Donskie drevnosti*, Azov, 1994, Vol. 2, pp. 80-101.
7. Vlasov V. P. Lepnaia keramika pozdneskifskogo Bulganakskogo gorodishcha. *Khrapunov I. N. (Ed.). Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik.* Simferopol, Tavriia Publ., 1997, Vol. I, pp. 204-303.
8. Vlasov V. P. Lepnaia keramika iz nekropolia III-IV vv. n.e. Druzhnoe v Krymu. *Gladkikh M. I., Levada M. E. (Eds.). Sto let cherniakhovskoi kul'ture.* Kiev, 1999, pp. 322-371.
9. Vlasov V. P. *Etnokul'turni protsesi v Krimu u III st. do n.e. – IV st. n.e. (za materialami lipnoi keramiki).* Abstract of kandidat. diss. Kiev, 1999, 24 p.
10. Vlasov V. P. O poivlenii nekotorykh form lepnoi keramiki na pozdneskifskikh gorodishchakh Kryma v III v. n.e. *Tolochko P. P. (Ed.). Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia: K 100-letiiu B. N. Grakova.* Zaporozh'e, Zaporozhskii universitet Publ., 1999, pp. 62-67.
11. Vlasov V. P. Antichnye vliianiia v pozdneskifskoi keramike Kryma. *Aibabin A. I., Zhuravlev D. V. (Eds.). Bosporskie issledovaniia.* Simferopol, Kerch, 2005, Vol. VIII, pp. 75-94.
12. Vlasov V. P. Ob odnoi gruppe lepnykh sosudov gorodishcha Alma-Kermen. *Zaitsev Iu. P., Mordvintseva V. I. (Eds.). Drevniia Tavrika. Posviashchaetsia 80-letiiu T. N. Vysotskoi.* Simferopol, 2007, pp. 149-152.
13. Vlasov V. P. Lepnaia keramika iz zol'nika u gory Mitridat. *Aibabin A. I., Zin'ko V. N. (Eds.). Materialy po*

- arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 18-38.
14. Visots'ka T. M. Lipna keramika gorodishcha Alma-Kermen. *Arkheologiya*, Kiev, 1966, XX, pp. 185-195.
 15. Vysotskaia T. N. *Pozdnie skify v Iugo-Zapadnom Krymu*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1972, 192 p.
 16. Vysotskaia T. N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. Kiev, Kievskaiia Akademiia Evrobiznesa Publ., 1994, 208 p.
 17. Grosu V. I. *Khronologiya pamiatnikov sarmatskoi kul'tury Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia*. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1990, 202 p.
 18. Dashevskaiia O. D. *Pozdnie skify v Krymu*. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. D1-7). Moscow, Nauka Publ., 1991, 141 p.
 19. Zaitsev Iu. P. Sklep № 390 Ust'-Al'minskogo pozdneskifskogo nekropolia. *Khrapunov I. N. (Ed.). Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*. Simferopol', Tavriia Publ., 1997, Vol. I, pp. 156-166.
 20. Kastanaian E. G. *Lepnaia keramika bosporskikh gorodov*. Leningrad, Nauka publ., 1981, 176 p.
 21. Kolpakov E. M., Bochkarev V. S., Vaskul I. O. (Eds.). *Klassifikatsiia v arkheologii. Terminologicheskii slovar'-spravochnik*. Moscow, Nauka Publ., 1990, 156 p.
 22. Koltukhov S. G. Pozdneskifskoe poselenie Dobroe. *Koltukhov S. G., Lantsov S. B., Puzdrovskii A. E. (Eds.). U Ponta Evksinskogo. Pamiati P. N. Shul'tsa*. Simferopol, Krymskii nauchnyi tsentr Publ., 2004, pp. 124-134.
 23. Martynov A. I., Sher Ia. A. *Metody arkheologicheskogo issledovaniia*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1989, 223 p.
 24. Makhneva O. A. Novye dannye o lepnoi keramike naseleniia Neapolia skifskogo. *Koltukhov S. G., Lantsov S. B., Puzdrovskii A. E. (Eds.). U Ponta Evksinskogo. Pamiati P. N. Shul'tsa*. Simferopol, Krymskii nauchnyi tsentr Publ., 2004, pp. 100-107.
 25. Pogrebova N. N. Pozdneskifskie gorodishcha na nizhnem Dnepre (gorodishcha Znamenskoe i Gavrilovskoe). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1958, N 64, pp. 103-247.
 26. Popova E. A. Iugo-zapadniy kvartal skifskogo poseleniia u sanatoriia Chaika bliz Evpatorii. *Iu. L. Shchapova, I. V. Iatsenko (Eds.). Pamiatniki zhelez'nogo veka v okrestnostiakh Evpatorii*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1991, pp. 37-75.
 27. Skripkin A. C. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery*. Saratov, Saratovskii universitet Publ., 1984, 151 p.
 28. Skripkin A. S. *Aziatskaia Sarmatiia. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt*. Saratov, Saratovskii universitet Publ., 1990, 300 p.
 29. Smirnov K. F. Savromatskaia i rannesarmatskaia kul'tury. *Meliukova A. I. (Ed.). Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia: Arkheologiya SSSR s drevneishikh vremen do srednevekov'ia v 20-ti t*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 165-177.
 30. Symonovich E. A. Keramika cherniakhovskoi kul'tury. *Rusanova I. P., Symonovich E. A. (Eds.). Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletii do n.e. – pervoi polovine I tysiacheletii n.e.: Arkheologiya SSSR s drevneishikh vremen do srednevekov'ia v 20-ti t*. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 140-143.

В. П. Власов

Лепная керамика городища Алма-Кермен (материалы раскопок 2004-2007 гг.)

Резюме

В комплексе лепной керамики позднескифского городища Алма-Кермен выделяется несколько генетически разнородных групп. Помимо «этнически нейтральной» группы (сосуды, широко распространенные в скифо-сарматскую эпоху у разных народов), алма-керменские изделия обнаруживают наибольшую близость с образцами из других позднескифских поселений Крыма. Посуда, воспроизводящая в лепной технике античную гончарную, незначительна. Впервые выделена группа сосудов, связанная с выходцами из германского мира. Она маркирует еще один новый пункт пребывания германцев на территории Крымского полуострова в римский период. Выделенные

в керамическом комплексе городища Алма-Кермен гетерогенные группы позволяют говорить об этнической неоднородности населения, в культуре которого переплелись как античные, так и варварские (местные и пришлые) элементы.

Ключевые слова: Крым, позднескифская культура, лепная керамика.

V. P. Vlasov

**Hand-Made Ceramics from Al'ma-Kermen Settlement Site
(2004–2007 Excavation Materials)**

Summary

The complex of hand-made ceramics from the Late Scythian settlement of Al'ma-Kermen comprises few genetically diverse groups. In addition to the “ethnically neutral” group (of vessels widespread among different peoples through the Scythian-Sarmatian period), the Al'ma-Kermen vessels show the closest parallelism to the finds from other Late Scythian settlements in the Crimea. There are very few specimens reproducing Greco-Roman wheel-made vessels with hand-made technique. The group of vessels related to the people originating from the Germanic world has been singled out for the first time. It indicates another place where Germans stayed in the Roman period in the territory of the Crimean Peninsula. The heterogeneous groups discovered among the complex of ceramic pottery from the settlement of Al'ma-Kermen suggest the ethnic heterogeneity of this population with intertwined Greco-Roman and barbaric (both local and outside) elements.

Keywords: Crimea, Late Scythian culture, hand-made ceramics.

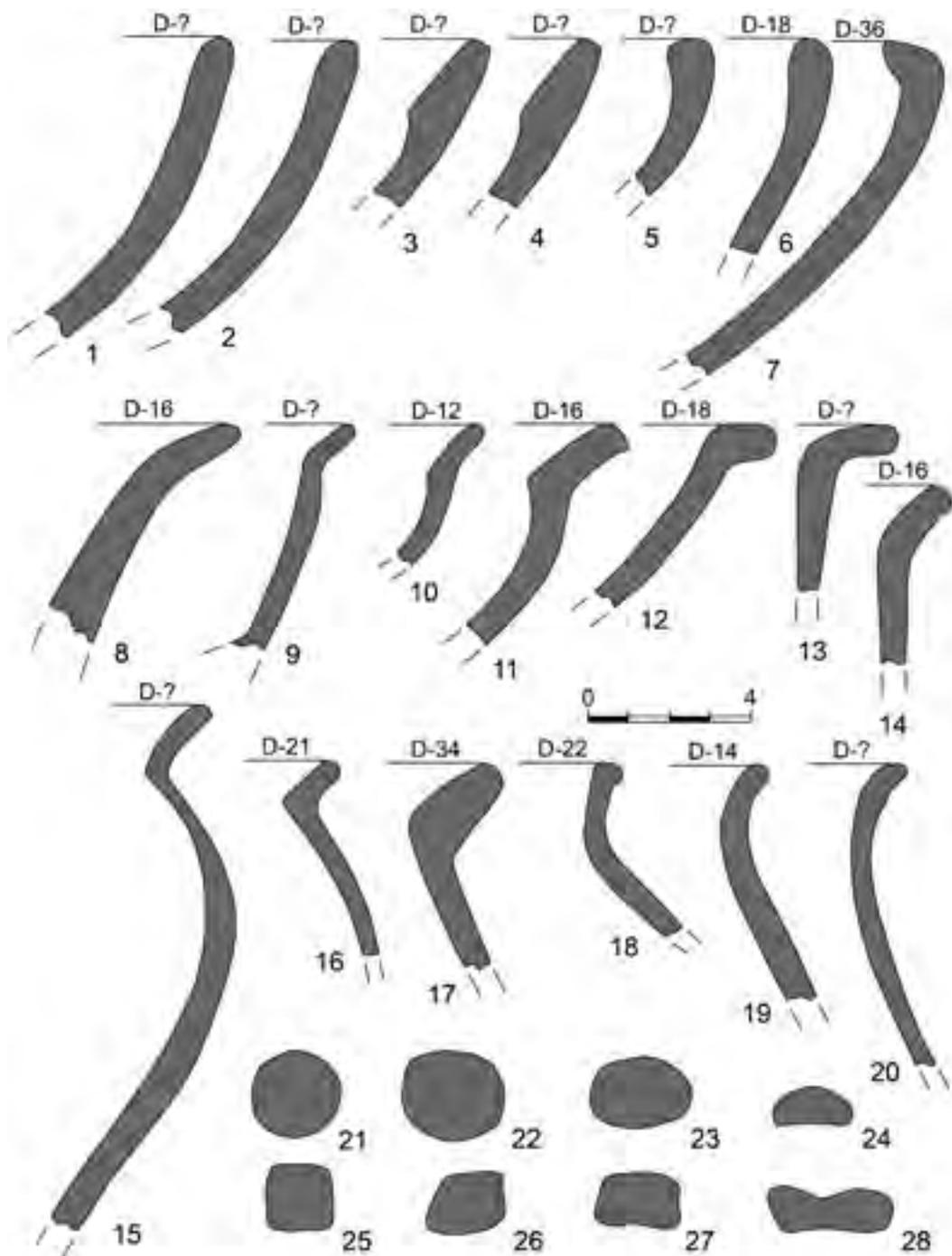

Рис. 1. Лепная керамика фазы F: миски (1-12), горшки (13-20), ручки (21-28).

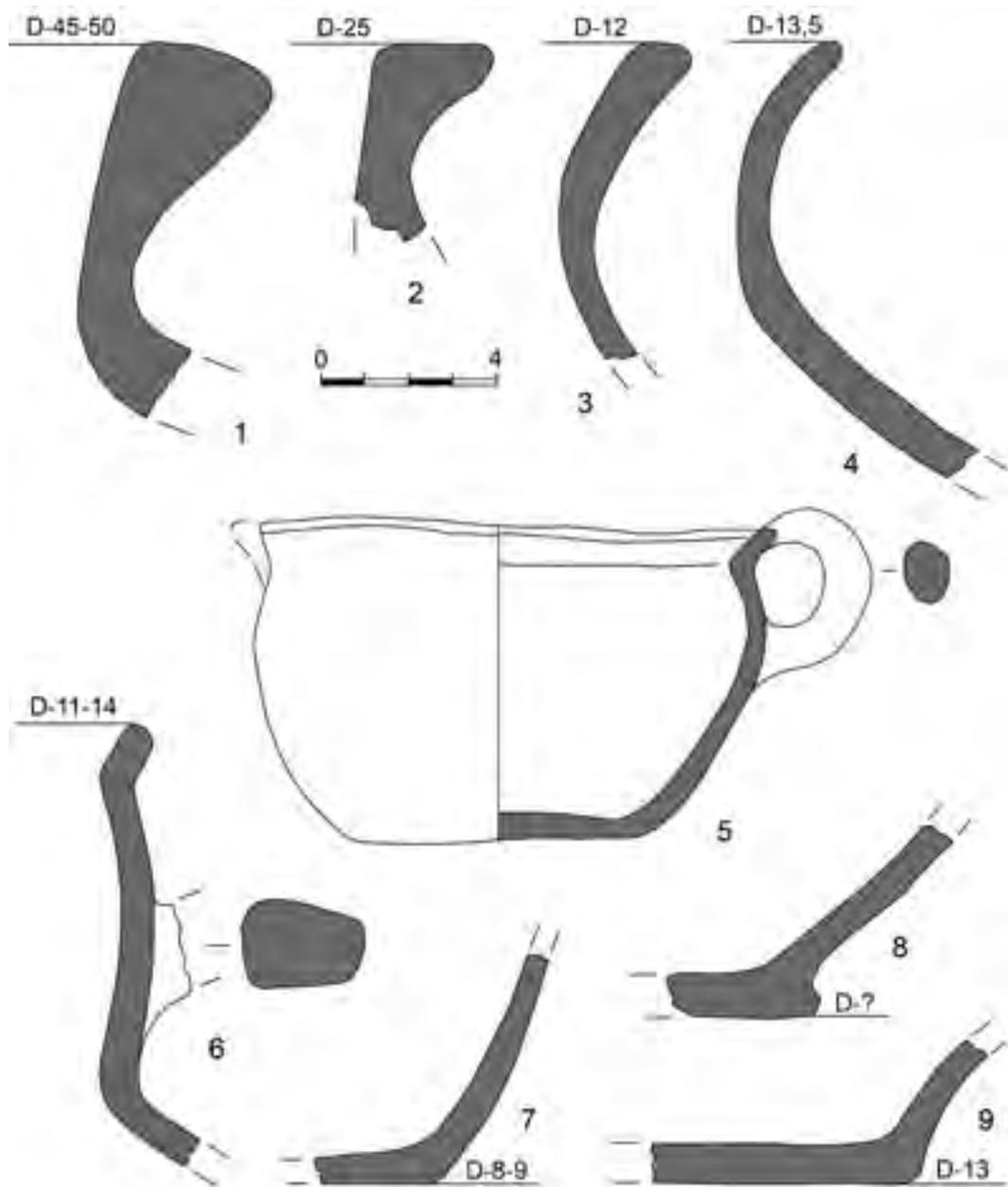

Рис. 2. Лепная керамика фазы F: корчаги (1-4), ковш (5), фрагмент горла кувшина (6), донья (7-9).

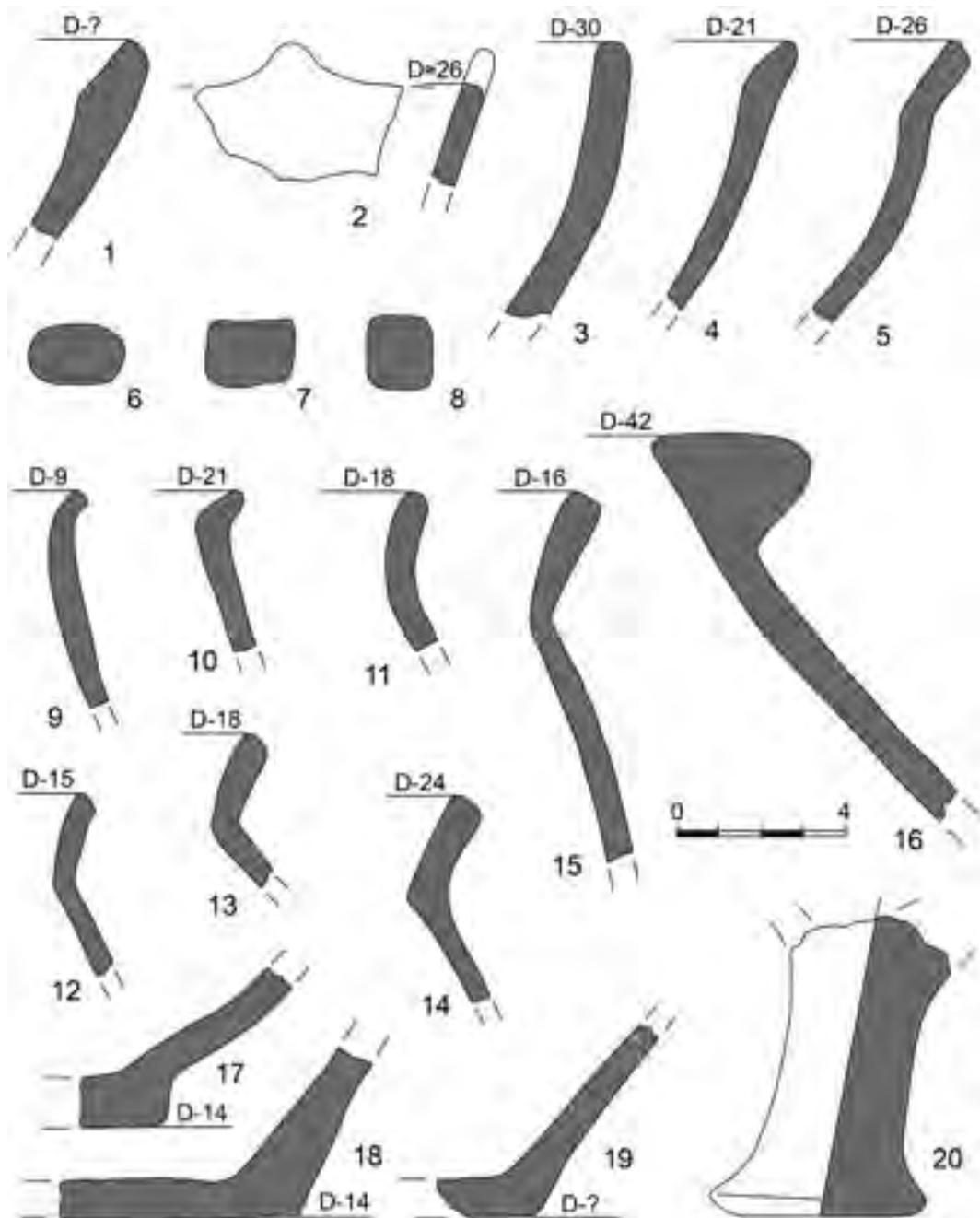

Рис. 3. Лепная керамика фаз С, D, E: миски (1-5), горшки (9-15), корчага (16), чаша на ножке (20), ручки (6-8), донья (17-19).

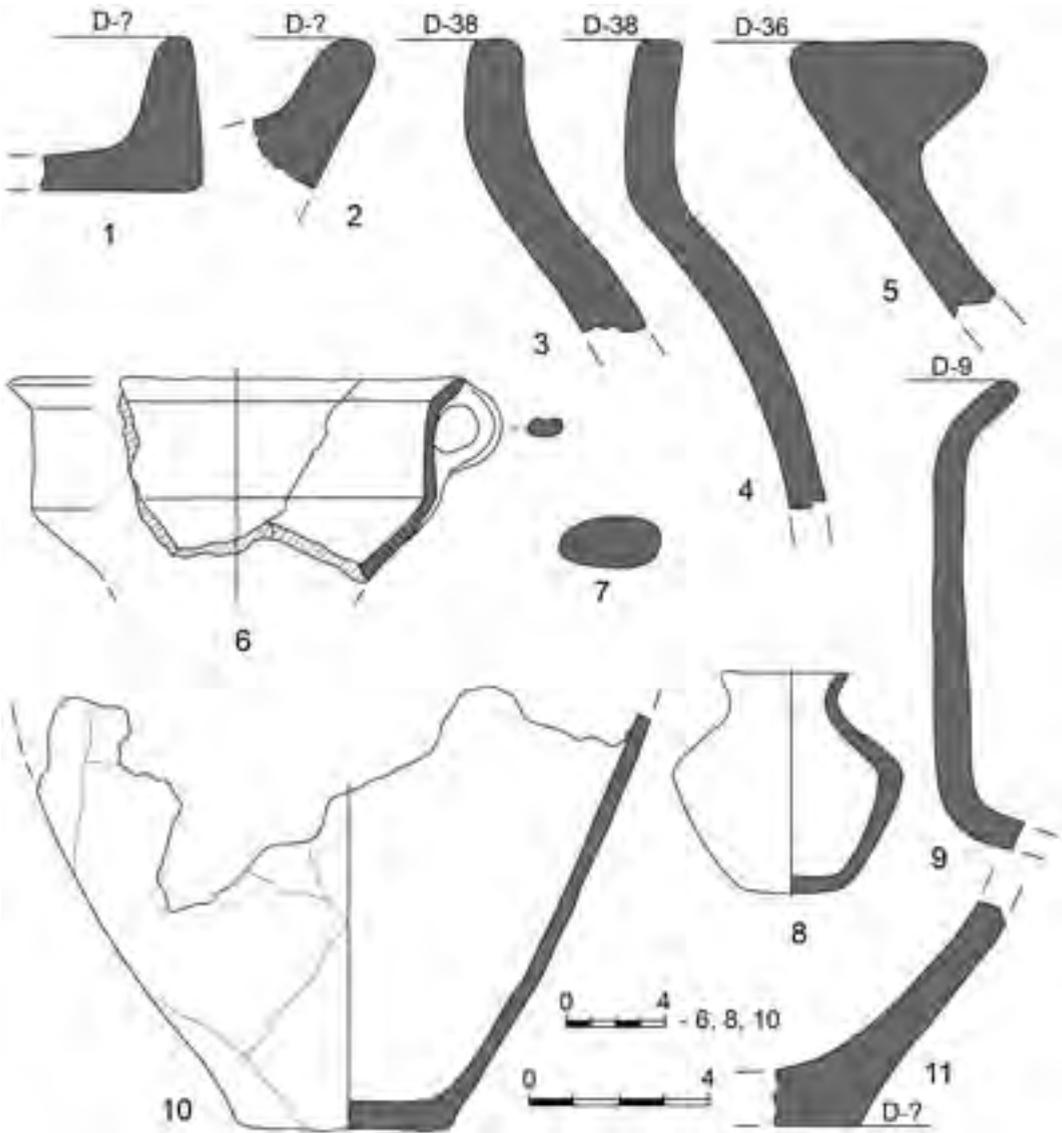

Рис. 4. Лепная керамика фаз А и В: плошки (1, 2), горшки (3, 4, 10), корчага (5), ковш (6), кубок (8), кувшин (9), ручка (7), дно (11).

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

СЕРЬГИ С ЛИТЫМ НЕПОДВИЖНЫМ МНОГОГРАННИКОМ ИЗ КРЫМА¹

Серьги с многогранником появились на рубеже IV-V вв. в римских провинциях на Среднем Дунае и впоследствии распространились у многих народов на широкой территории от Испании до Дагестана [107, S. 63; 75, S. 162-167, Abb. 14; 91, S. 241; 65, с. 34, 41; 9, с. 325; 89, S. 92-94; 11, с. 54; 32, с. 155-156; 88, S. 62-63]. В первой половине V в. это украшение вошло в моду у жительниц Херсона, Юго-Западного Крыма и Боспорского царства, а в VI-VII вв. стало важным элементом женского парадного костюма готов страны Дори. Происходящие из Крыма серьги по способу изготовления многогранника и его крепления к кольцу разделены нами на шесть типов: 1 – с литым неподвижным многогранником; 2 – с литым подвижным многогранником, насаженным на конец проволочного кольца; 3 – с ажурным литым многогранником, припаянным к одному из концов проволочного кольца; 4 – с ажурным пластинчатым многогранником, насаженным на кольцо; 5 – с полым пластинчатым многогранником; 6 – с многогранником из тонкой золотой пластины, заполненным пастой светло-желтого цвета [61, с. 421-423]. Некоторые из названных типов украшений уже рассматривались нами [57, с. 99-102; 60, с. 187, 195-196].

Предлагаемая статья посвящена серьгам с литым многогранником, неподвижно прикрепленным к кольцу (тип 1) (рис. 1-5), найденным в Херсоне (рис. 4), в могильниках Юго-Западного Крыма – Карши-Баир I и II, на склоне плато Эски-Кермен, Красный Мак, Скалистое, Алония, Суук-Су и Лучистое (рис. 2; 3), в центральной части крымских Предгорий – во впускном кочевническом погребении на могильнике позднеримского времени Нейзац (рис. 2, II), на Керченском полуострове – в некрополях Боспора (на северном склоне горы Митридат и на Глинице) и Китея, а также в сельских могильниках Заморское, Сиреневая

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 15-31-10123 «Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.)»

бухта и Старожилово I (рис. 5). В настоящее время известно около сотни подобных украшений, выполненных из различных материалов и по-разному декорированных, однако до сих пор они не были предметом специального исследования. В нашей работе дается типология серег с литым многогранником, обосновывается хронология, выявляется круг аналогий, а также изучаются особенности ношения и место в костюме разных возрастных групп. Большинство серег выявлено в составе закрытых комплексов вместе с инвентарем, имеющим узкую датировку, что позволяет уточнить время бытования этого вида украшения в Крыму и проследить изменения в его форме, размерах и декоре. В работе также учтены находки V в. из Танаиса и с Таманского полуострова.

Типология и хронология

По форме, размерам и особенностям декора литого многогранника нами выделено пять вариантов серег типа 1.

Вариант 1 (рис. 1,1; 2; 3,2,6,12; 4,1,2,5,6,9,10; 5,1,3-15,18,21,24,25). Серьги с гладким, не декорированным многогранником в форме куба со скошенными гранями, длина которого не превышает 0,7 см. Многогранник сделан с четкими гранями и прямыми, острыми ребрами. Размеры кольца от 1,7x1,8 до 3,4x3,7 см.

Хронология. Самые ранние серьги этого варианта обнаружены в Лучистом, в склепе 41 (рис. 2,1); в Алонии, в подбойной могиле 1 [52, рис. 18,81]; в Красном Маке, в склепе 2 (рис. 2,2); в Совхозе 10, в склепе 8 (рис. 2,3); в некрополе Боспора на северном склоне горы Митридат (рис. 5,1,15) и на Глинище (рис. 5,9,10), в Заморском, в могиле 22 (рис. 5,4), в Сиреновой бухте, в могиле 158 (рис. 5,11), в Старожилово I, в склепе 3/3 (рис. 5,3), в Танаисе, в могилах 3/1990 г., 10/1981 г., 32/1982 г., 30/1985 г., 18/1985 г., 5/1988 г. (рис. 5,5-8,12,13,13a), в Фанагории, в могилах 90/1938 г. [14, с. 200-202], 52 (рис. 5,18) и в склепе 169/2011 г. [20, с. 126, рис. 3,1]. В большинстве из перечисленных погребений серьги выявлены вместе с вещами, характерными для четвертой хронологической группы раннесредневековых древностей Крыма², датированной первой половиной V в. [2, с. 261-268, табл. XX-XXIV; XXVII,86-144]. Среди них наиболее часто встречаются: краснолаковые блюда типа «Антиохия» 910-2А со штампом на дне [51, с. 231, табл. 64,55,61; 6, с. 45, рис. 24,12-14; 20, с. 128, рис. 5,2,3]; двучленные прогнутые подвязные фибулы с корпусом из тонкой пластины варианта 16-2/1-2-3 [12, табл. 21,284,285], двучленные прогнутые фибулы со сплошным пластинчатым приемником (рис. 8,8) [57, с. 58-59, рис. 3,9,10]; литые двупластинчатые фибулы вариантов 21/ПAA (рис. 7,1) и 21/ПAB (рис. 8,11); серьги с фигурным щитком (рис. 7,1,2) [57, с. 61, рис. 4,16-19]; бронзовые зеркала с петелькой на обороте и орнаментом из ячеек или концентрических кругов (рис. 6,2,4,6; 7,8; 8,5,6,9); наборы нашивных бляшек, штампованных из золотой фольги (рис. 6,1; 8,4).

Второй половиной V в. датируются серьги с литым многогранником варианта 1 из Лучистого, из склепов 66 и 75 (рис. 2,5-8; 6,8-13) [57, рис. 4,7,9; 17,5-11; 6, рис. 26,22-26] и из Сахарной Головки, из подбойной могилы 53/1952 г. (рис. 2,4) [17, с. 46, 48, рис. 5,11]. В Лучистом, в склепе 75 вместе с серьгами найдена серебряная пряжка с овальной рамкой и круглым щитком с насечками по краю (рис. 6,12), подобная застежкам третьей четверти V в. из Смолина и из Блущина [112, S. 350-351, Abb. 26,3; 29,10; 6, рис. 25,27], а в склепе 66

² В работе использована разработанная А. И. Айбабиным хронология раннесредневековых древностей Крыма [1; 2; 70].

– круглая пряжка с язычком, со схематическим изображением головы зверя на завершении (рис. 6,9), сделанная местными мастерами по дунайским образцам периода ДЗ (450-460/480-490) [79, S. 233, 246, 334, Taf. ССI,1; ССII,16; 95, p. 169, fig. III,27b; 57, с. 55, рис. 1,5; 17,8]. Скорее всего, V в. датируются и две пары серег из Скалистого, из подбойной могилы 490 (рис. 2,9-12). Вместе с ними в могиле зачищены лепные миски и кувшины, форма которых характерна для бытовавшей в Юго-Западном Крыму в V в. лепной посуды [18, с. 123-125, рис. 90,21-28]. Кроме того, в одной из мисок лежали кости овцы. Захоронения с напутственной пищей практиковались в регионе до конца V в. [6, с. 18].

К первой половине VI в. относятся серьги из Карши-Баира I, из склепа 7 (рис. 2,15,16), из Карши-Баира II, из склепа 3 (рис. 2,13), из Лучистого, из склепа 110 (рис. 2,18) и из Сиреновой бухты, из могилы 133 (рис. 5,24). В Карши-Баире II в склепе 3 вместе с серьгой выявлены фибулы-броши в форме цикады второй половины V – первой половины VI вв. (рис. 6,15,16) и пряжка с овальными кольцом и щитком варианта 1 первой половины VI в. (рис. 6,17) [1, с. 36, рис. 2,68; 37,9,11-13; 2, с. 269, рис. 21,6, табл. XXVII,164,165,169]; в Карши-Баире I, в склепе 7 – поясная пряжка с выпуклой овальной рамкой с В-образным отверстием для ремня типа I-1 (рис. 6,24), аналогии которой известны в погребениях первой половины VI в. из Херсонеса и Керчи [1, с. 37, рис. 2,70], и датированный этим же временем обувной набор (рис. 6,25,26) [58, с. 126, рис. 6,II]; в Лучистом, в склепе 110 – овальная массивная пряжка (рис. 10,1), подобная поясным застежкам, бытовавшим у меровингов в 470/480-520/530 гг. [98, p. 30, 57, № 107] и у жителей византийских крепостей Подунавья в конце V – первой половине VI вв. [94, Pl. 2,9/1; 29,146/1]. В Сиреновой бухте, в могиле 133 вместе с серьгами выявлены литые фибулы с полукруглой головкой с тремя выступами-пальцами и ромбической ножкой с концентрическими ромбами (рис. 9,3) первой половины VI в. [1, с. 21, рис. 14,11; 2, табл. XXVIII,2] и стеклянные подставки рюмок первого типа, время наиболее широкого распространения которых приходится на период VI-VII вв. (рис. 9,2) [22, с. 154-156, рис. 92,1-7]. К этой же хронологической группе следует отнести серьгу, найденную на могильнике Нейзац, во впускном кочевническом погребении (рис. 2,14) [64, рис. 6,2]. Для датировки захоронения показательны бляшки, украшавшие конскую узду, овальной и сердцевидной формы со стеклянными выпуклыми вставками (рис. 2,21,22), аналогии которым известны в кочевническом погребении из Шамси (Кыргызстан) конца V – начала VI вв. [97, Abb. 10,3,4,7], а также уздечный набор из железных двусоставных удил с В-образными вставными петлями с двумя зажимами для ремней оголовья, близкий деталям конского убора второй половины V – первой половины VI вв., распространенным на широкой территории от Кавказа до Западной Европы [19, с. 189, рис. 15; 13, рис. 4,3; 5,4; 6,2; 71, p. 70, pl. 59].

В Карши-Баире II, в подбойной могиле 2 (рис. 3,2), в Алонии, в подбойной могиле 3 [52, рис. 23,125] и в Керчи, в подбойной могиле 19 (рис. 5,25) серьги выявлены вместе с вещами седьмой хронологической группы раннесредневековых древностей Крыма, датированной второй половиной VI в. [2, с. 270-275, 289, табл. XXVIII,7-13; XIX,1-3; 6, с. 52-56]. Среди них отметим: пальчатые фибулы керченского типа (рис. 9,11) (Керчь, подбойная могила 19) и типа Аквилея / Удине-Планис [52, рис. 24,121,122]; орлиноголовую пряжку 1 варианта [52, рис. 23,120]; краснолаковые миски LRC формы 3F (рис. 9,12) (Керчь, подбойная могила 19; Карши-Баир II, подбойная могила 2).

Самая поздняя серьга с литым многогранником варианта 1 обнаружена в Лучистом, в склепе 131 (рис. 3,12), в погребении 4 первой четверти VII в. вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком варианта 6 с вытисненным изображением льва и привезенными

из Балканских провинций Византии фибулами – в форме голубя и прогнутой с подвязной ножкой (рис. 6,35-37) [6, с. 26, рис. 16,14-16; 3, с. 60-61, рис. 4,15-17].

В нескольких погребениях из Лучистого, Скалистого, Карши-Баира I и Сахарной Головки серьги найдены вместе с инвентарем, бытовавшим на протяжении долгого периода. В Сахарной Головке, в подбойной могиле 16 вместе с серьгами (рис. 2,23,24) лежали бусы в форме многогранника из тонкой серебряной пластины, аналогичные обнаруженным в Лучистом, в склепе 75, в детском погребении второй половины V в. [57, с. 118, рис. 24,4а] и в склепе 77, в захоронении I второй половины VI в. [4, с. 499, рис. 4,7]; в Скалистом, в подбойной могиле 754 (рис. 2,21,22) – вместе с браслетами с поперечными насечками на концах [18, с. 156-157, рис. 116,6-9], которые в Юго-Западном Крыму использовались во второй половине V – VII вв. [56, с. 103-104, тип 4, рис. 19,1]. В Лучистом, в склепе 36 серьга (рис. 2,17) выявлена в нижнем слое, в погребении 16 VI в. вместе с обломком стенки розовоглиняной амфоры типа LR1a [6, с. 35-36, рис. 18,24,25, табл. 111,2,3]; в могиле 119 (рис. 2,19,20) – вместе с железной пряжкой с овальной, вытянутой в ширину рамкой, подобной распространенным в Юго-Западном Крыму в VI – первой половине VII вв. [59, с. 158, рис. 4,5; 8,1-4; 12,1,2; 21,4,5]; в склепе 107 (рис. 2,26-29) – вместе с прогнутыми фибулами с подвязной ножкой, бытовавшими в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – первой четверти VII вв. [6, с. 55, 57, №№ 15, 27, рис. 16,17,18; 3, с. 60-61, рис. 4,12-14]. В Лучистом, в могиле 171 в детском погребении вместе с серьгой описываемого варианта (рис. 2,25) лежали бронзовые браслеты из овального в сечении стержня. Один из них – с утолщенным концом, декорированным поперечными насечками (рис. 10,4), относится к типу украшений, бытовавших в Юго-Западном Крыму во второй половине V – VII вв. [56, с. 103-104, тип 4, рис. 19,1; 57, рис. 5,6,11,12; 6, рис. 19,30; 23,9,18; 26,21; 7, рис. 7,5,7]; второй – с концом, расплюснутым штампом с рельефным орнаментом (рис. 10,3), характерным для браслетов второй половины VI – VII вв. Отметим, что пара подобных браслетов найдена в Лучистом, в склепе 131, в женском погребении первой половины VII в. [60, рис. 8,4,5]. В Карши-Баире I, в склепе 5 серьги (рис. 3,6) найдены вне погребений. В склепе, судя по другим находкам – трехчастным пряжкам с овальной рамкой варианта 1, В-образной граненой пряжке типа II-1 и трапециевидной пряжке типа II-2 (рис. 6,28,29) [53, рис. 73,1,2; 76,1,2], хоронили на протяжении VI – первой половины VII вв. [1, с. 38-39, 49, рис. 39,16,17,20; 46,2,3; 7, с. 34-35, рис. 9,11,12; 10,14].

На городском некрополе Херсона значительная часть серег с многогранником I варианта найдена в склепах, использовавшихся на протяжении нескольких столетий и впоследствии разграбленных [44, с. 14; 35, с. 88-89; 36, с. 79; 37, с. 96, 122]. Не всегда удается установить дату и серег из не разграбленных захоронений, поскольку зачастую они являются единственной находкой, либо сопровождаются инвентарем, имеющим широкие рамки бытования. Так, в склепе 2126/1905 г. обнаружено 10 погребений [37, с. 127]. Серьги с многогранником лежали на костяке 1 в нише у входа. В других погребениях, зачищенных в нишах по периметру камеры склепа, найдены: трехчастная бронзовая пряжка варианта 2 с овальным кольцом и прямоугольным щитком, украшенным гравированными линиями, первой половины VI в. [1, с. 36, рис. 37,10], обувные бляшки с петлями для узких ремешков и овальные бляшки, инкрустированные цветным стеклом VII в. [37, с. 127, рис. 20; 21; 1, с. 57, рис. 51,25; 52,8]. Найденную на Западном некрополе Херсона, в склепе 74/1986 г. серьгу (рис. 4,10) [30, рис. 3,12] можно отнести к разрушенному погребению с двухпластинчатыми фибулами варианта Пв-2 и с большой пряжкой с прямоугольным щитком варианта 1-3 с вытисненным геометрическим орнаментом второй половины VI в. (рис. 4,12,13) [6, рис. 14,5,7].

Материал и особенности изготовления. Серьги варианта 1 делали из золота, серебра и бронзы. Золотые серьги найдены только в комплексах первой половины V в., выявленных на территории Боспорского царства (рис. 5,1,5-7,10). По наблюдению И. А. Сапрыкиной, золотые серьги с многогранником из Фанагории изготовлены литьем в составной форме с последующей ковкой [49, с. 224]. После отливки заготовка дорабатывалась зубильцем, которым с боковых участков многогранника под углом срезались небольшие треугольные грани. Литая проволочная дужка серьги перед гибкой ковалась. Место перехода от многогранника к дужке серьги обрабатывалось резцом. Золото, из которого сделаны серьги, характеризуется большой вариабельностью содержания серебра, что во многом объясняется использованием переплавленного лома ювелирных украшений [49, с. 265]. Интересно, что почти половина серег с многогранником из боспорских погребений V в. выполнена из золота. Остальные боспорские серьги этого времени сделаны, в основном, из серебра. Пара серег первой половины V в. из Керчи (рис. 5,9) отлита из серебра и позолочена. Однотипные украшения второй половины V – VI вв. изготовлены из бронзы.

Происходящие из Юго-Западного Крыма серьги варианта 1 выполнены из серебра и бронзы. Серебряные серьги отлиты из металла 700° (рис. 2,7,8) или 800° пробы³ (рис. 3,12), а найденные в Херсоне – из металла 916° пробы (рис. 4,7,8) [42, с. 478, кат. 106-107]. Серьги из Сахарной Головки, из подбойной могилы 16/1953 (рис. 2,23,24) сделаны из низкопробного серебра [16, с. 177-178, табл. V,5].

Кольца серег изготовлены, в основном, из гладкой, круглой в сечении проволоки. У серег V в. из Сахарной Головки (рис. 2,4) и Танаиса (рис. 5,17), а также из коллекции И. Диргардта, найденных якобы на Тамани (рис. 5,21) [80, S. 122, Abb. 65, Kat. 28], для кольца использована крученая проволока. Аналогичные серьги носили в Подунавье во второй трети V – начале VI вв. [111, Abb. 40,7; 46,3; 96, Pl. 41,2055/1]. Они также известны в Порейне, в аламанских погребениях [83, Taf. 11,74/2,3; 72,B3]. Отметим, что в позднеримское и раннесредневековое время крученую проволоку часто использовали для изготовления украшений. Из нее, например, делали браслеты и гривны [34, рис. 4,26; 12, табл. 83,1055; 98,1148; 83, Taf. 71,3; 6, рис. 26,9].

Серьги с многогранником описанного варианта имеют широкий круг аналогий. Самые ранние экземпляры происходят из Карпатского бассейна и относятся к концу IV в. [92, S. 121, Abb. 8,11]. В V-VI вв. они были распространены у остготов [116, Tab. I,6; 75, Tav. I,4; XLIV,7,9; LV,4], визиготов [77, pl. 4,1,2; 82, S. 79-80, 311-312, Taf. 5,8; 14,31; 27,67; 90, fig. 3,B], гепидов [79, Taf. CXXIV,17; 86, Taf. 13,1; 39,19/1,2; 95,9], лангобардов [78, S. 127-128, Taf. 53,2; 151,1] и аламанов [96, Taf. 157,2,4; 177,10; 83, Taf. 19,101/1,2; 26,126/2,3]. У меровингов серьги с гладким неподвижным многогранником бытовали с середины V в. и до первого десятилетия VII в. (440/450-600/610 гг.), при этом период их наибольшей популярности пришелся на 470/480-560/570 гг. [98, p. 38, 54, № 302]. Они найдены на византийских памятниках в Подунавье [93, p. 152, pl. IV,38/2; 94, p. 29, fig. 14,10-16; 100, Tab. IX,3], в понтийско-дунайском регионе [103, p. 61, pl. LVI,M47.2; LIX,M74.1-2], в Италии, на Сицилии, Сардинии и в Греции [73, p. 89-90, kat. 2.П.3а.1-7; 106, S. 43-44, Taf. 38,1; 40,3,7,8,11,12; 55,6,7; 56,4,9,10; 76,10; 109,11]. Серьги с небольшим литым многогранником в V-VII вв. пользовались популярностью у жителей

³ Проба серег из могильника у с. Лучистое определена в Южном управлении пробирного надзора государственной пробирной палаты Украины, г. Одесса. Сведения предоставлены главным хранителем Центрального музея Тавриды Л. Н. Храпуновой, за что приношу ей глубокую благодарность.

Северного Кавказа [32, с. 155-156; 33, рис. 72,1; 114,19; 117,48; 121,22,36; 122,69,135; 21, с. 137, рис. 85,2,3], во второй половине V – VI вв. – в Северо-Восточном Причерноморье [26, рис. 6,29,50; 8,6; 9,1,2; 11,3; 45, рис. 3,5].

Следует отметить, что в V-VI вв. многогранник был популярным декоративным элементом на изделиях разного назначения. Так, помимо серег, многогранник можно увидеть на булавках [96, Taf. 66,12; 105,7; 103, р. 61, pl. XXX,M354; L,M8.2; 87, р. 160, Fig. III.15.b; 67, с. 548, кат. VIII.5.1], на туалетных принадлежностях – зубочистках и ухвертках [75, Tav. XXXIX,3,5; 114, р. 72, 75], на распространенных в юго-восточном альпийском регионе в конце V – начале VI вв. фибулах типа Gurina – в виде выступов по краям пружины, на головке и на завершении ножки [116, Tab. I,1,3,4,5; 108, S. 663-668, Abb. 88,1,2,7; 90,1,2], на конской сбруе – в виде выступов на завершении псалий [5, с. 303, рис. 16,11; 96, Taf. 99,21]. В Керчи, в склепах, открытых кладоискателями 24 июня 1904 г., вместе с инвентарем конца IV – первой половины V вв. найдены также массивные бусы, отлитые из серебра в форме многогранника (рис. 5,2). Иногда серьги с литым многогранником носили в одном гарнитуре с украшенными многогранными выступами фибулами, булавками и туалетными принадлежностями [108, S. 665, Abb. 90,1,2,6,7; 114, р. 72, 75; 87, р. 160, Fig. III.15.a,b; 67, с. 548, кат. VIII.5.1-2].

Вариант 2 (рис. 1,2; 3,1,3-5,7-11,13-18; 4,3,4,7,8; 5,16,17,19,20,22,23). Серьги с гладким, не декорированным многогранником в форме куба или параллелепипеда со скошенными гранями, длиной 0,8-1,3 см. Размеры кольца: от 1,6х2,0 до 3,6х4,0 см. Грани многогранника многих серег этого варианта не имеют четких геометрических форм, а ребра стертые. Изменены пропорции многогранника: у одних экземпляров он сильно вытянут (рис. 3,5,7,14), у других – уплощен (рис. 3,3,18) или имеет форму призмы (рис. 3,8).

Хронология. Самые ранние серьги этого варианта найдены на территории Боспорского царства, в комплексах середины и второй половины V в.: в Сиреновой бухте, в могилах 123 и 167 (рис. 5,16,20), в Китее, в склепе 145 (рис. 5,19). В Китее, в склепе 145 вместе с серьгами найдена пара фибул-брошей в форме цикады [62, с. 60, рис. 2,3], которые бытовали в Крыму во второй половине V – первой половине VI вв. [2, с. 268, табл. XXVII,152-154]. К этой же хронологической группе можно отнести и серьгу, найденную на городище Танаиса (рис. 5,17) [43, с. 179-180, рис. 8,2].

Серьги первой половины VI в. выявлены в Керчи, в склепе 78, в двух погребениях 7 и 10 на правой и центральной лежанках (рис. 5,22,23; 9,8) [66, с. 33-34; 29, табл. XVI,3,15]. В захоронении 7 также найдена В-образная пряжка варианта I-2 (рис. 9,6), а на центральной лежанке в погребении 9, рядом с костяком 10 – В-образная пряжка варианта I-1 (рис. 9,5), бытовавшие в первой половине VI в. [1, с. 37, рис. 2,70; 2, с. 278-279, табл. XXVI,6,7; XXVII,155]. В некрополе Танаиса, в могиле 44/1992 г., датированной исследователями V-VI вв., найдена пара бронзовых массивных серег варианта (рис. 5,26) [12, с. 162, табл. 74,948,949]. Следует отметить, что по размерам и форме указанные танаисские серьги аналогичны украшениям второй трети – конца VIII в. салтовского населения Подонцовья, распространение которых в регионе специалисты связывают с переселением населения из Северо-Восточного Кавказа [8, с. 180-183, рис. 5,1].

В Керчи, в Карши-Баире I, в склепе 2 (рис. 3,1), в Лучистом, в могиле 63 (рис. 3,7), склепах 77 (рис. 3,4), 186 (рис. 3,3), 283 (рис. 3,5) и 290 (рис. 3,8) серьги выявлены вместе с вещами седьмой хронологической группы раннесредневековых древностей Крыма, датированной второй половиной VI в. [2, с. 270-275, 289, табл. XXVIII,7-13; XIX,1-3; 6, с. 52-56]. Это пальчатые фибулы типа Аквилея / Удине-Планис (рис. 11,3,4) (Лучистое, склепы 77 и 283);

большие пряжки с прямоугольным щитком варианта 5 с вытисненным изображением креста (рис. 11,1) (Лучистое, склепы 77 и 283; Карши-Баир I, склеп 2); пряжка типа «Суцидава» (рис. 6,34) (Лучистое, склеп 186). В Лучистом, в могиле 63 серьги зачищены с пряжкой с В-образной пластинчатой рамкой типа I-2 VI – первой половины VII вв. (рис. 12,8) [1, с. 38, рис. 2,75; 39,3,6; 2, с. 278-279] и двумя железными фибулами. Одна из них – широкопластинчатая прогнутая подвязная (рис. 12,7), аналогичная застежкам из комплексов второй половины VI – первой половины VII вв. лучистинского могильника [6, рис. 12,15; 19,28; 23,13,14; 60, с. 191]. Вторая – с короткой ножкой с завитком на завершении и со сплошным приемником (рис. 12,6), подобная фибулам типа Виминациум, бытовавшим в V – начале VI вв. [108, S. 605-609, Abb. 12] в восточной части Балкан [63, Табл. III,14; 84, Taf. 56,747,749,755; 85, S. 96-97, Taf. 1,6,7; 2,6,7; 113, S. 140-141, Abb. 2,2,3], и найденным в Юго-Западном Крыму, в Сахарной Головке, в могиле 12 второй половины V в. [16, с. 180, табл. VI,3; 57, рис. 3,24; 18,3] и в Лучистом, в склепе 111 в женском погребении с пряжкой с прямоугольным щитком 6 варианта второй половины VI – первой половины VII вв. [55, рис. 4,4].

Самые поздние серьги с литым, не декорированным многогранником варианта 2 обнаружены Лучистом, в склепах 77 (рис. 3,9,10,15), 104 (рис. 3,14), 113 (рис. 3,18), 131 (рис. 3,11), 202 (рис. 3,13) и в Суук-Су, в склепе 169 (рис. 3,17) с инвентарем, характерным для комплексов восьмой хронологической группы первой половины VII в. [6, с. 56-57]. Среди этих вещей отметим пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке варианта 2/1 (рис. 12,4,5), пальчатые фибулы днепровского круга типов I и II (рис. 6,43,44), цельнолитую пряжку с В-образным широкопластинчатым выпуклым кольцом типа I-3 с овальной прорезью для ремня и с геральдическим щитком (рис. 12,1), большие пряжки с прямоугольным щитком варианта 3-3 с растительным декором (рис. 6,40) и варианта 6 с вытисненным изображением льва (рис. 6,35). Стратиграфия захоронений с серьгами варианта 2 в лучистинских склепах 77, 104, 131 и 202 позволяет сузить время их совершения до первой четверти VII в. [7, рис. 10,10]. В склепе 113 этого же некрополя серьга описываемого варианта зачищена в погребении с орлиноголовой пряжкой 2 варианта конца VI – первой четверти VII вв. (рис. 6,45) [6, с. 21, 56-57, рис. 12,21].

Материал и особенности изготовления. Серьги варианта 2 сделаны из серебра и бронзы. Бронзове серьги преобладают. Серебряные серьги отливали из металла 500° (рис. 3,14) или 750° (рис. 3,9,10) пробы. Серьги второй половины VI в. из Лучистого, из склепа 77, выполненные из серебра 750° пробы, были покрыты толстым слоем позолоты (рис. 3,4).

Как правило, серьги с литым многогранником всех вариантов делали без замка. Свободный конец дужки серег обычно заострен или обрублен. Обратим внимание на конструкционную особенность серьги 2 варианта первой четверти VII в., найденной в могильнике у с. Лучистое, в склепе 131 (рис. 3,11). В торце ее многогранника при отливке сделано небольшое углубление, в которое вставлялся заостренный конец кольца, в результате чего получался своеобразный замок (рис. 3,11). Серьга подобной конструкции найдена в могиле 630/40-670/80 гг. во франкском могильнике Клайнлангхайм в Баварии [101, S. 23-24; 102, Taf. 2,3].

Серьги с крупным литым многогранником варианта 2 появились в Крыму около середины V в. На Боспоре они были распространены во второй половине V – первой половине VI в., а в Юго-Западном Крыму – во второй половине VI – первой четверти VII вв. (рис. 3; 5). Самые массивные серьги, размеры многогранника которых достигают 1,0x1,0x1,3 см, найдены в комплексах второй половины VI в. (рис. 3,4,5,7,8). Скорее всего, они сделаны в

подражание золотых серег с полым многогранником, как раз в это время вошедших в моду в регионе. Серьги варианта 2 найдены и в Херсоне (рис. 4,3,4,7,8), в разрушенных грабителями погребениях, что не позволяет говорить об их датировке.

Почти во всем ареале серег с литым многогранником исследователи отмечают увеличение размеров многогранника. При этом серьги с более крупным многогранником рассматриваются как более поздняя разновидность однотипных изделий небольших размеров [26, рис. 11,3,32; 68, рис. 3,5,6; 92, S. 121; 94, p. 29]. Наиболее ярко тенденция в увеличении размеров многогранника прослеживается на Северном Кавказе, где серьги этого типа просуществовали вплоть до IX в. [32, с. 155-156, рис. 6,11]. Поздние украшения были сделаны с кольцом из толстой проволоки и очень массивным многогранником. Их, скорее всего, носили как височные кольца.

Серьги **варианта 3** (рис. 1,3; 13,1-7) отлиты из бронзы с многогранником, ромбические грани которого декорированы врезным кружком с точкой в центре (рис. 1,3; 7,1; 13,1,2,4,5,7), либо кружком с точкой в центре, помещенным в ромб. Длина многогранника 0,6-0,9 см; размеры кольца от 2,0х2,4 до 3,0х3,2 см.

Самые ранние серьги этого варианта найдены на территории Боспорского царства, в Заморском, в могиле 22 (рис. 7,1; 13,7) [34, с. 34, рис. 4,18] с инвентарем первой половины V в. [1, с. 18-19]; в Сиреновой бухте, в склепе 23/11 (рис. 13,1) [40, рис. 53,17] с вещами второй половины V – VI вв. и в Фанагории, на некрополе «В» в могиле 94/1938 г. (рис. 13,4) [14, с. 201, 203, рис. 9,6] конца V – первой половины VI вв. [51, табл. 64,26]. В Юго-Западном Крыму серьги, украшенные врезным кружком с точкой в центре, выявлены в Скалистом, в склепе 190 второй половины V в. (рис. 13,5) [18, с. 32, рис. 18,39,40; 57, с. 112, рис. 18,6] и на склоне плато Эски-Кермен, в подбойной могиле 80 (рис. 13,2) конца VI – первой половины VII вв. [48, с. 171]; а декорированные кружком с точкой в центре, вписанным в ромб – только в Лучистом, в склепе 110, в погребении первой половины VI в. (рис. 10,7; 13,6) и в могиле 256 с инвентарем VI в. (рис. 10,6; 13,3). Самая поздняя серьга описанного варианта, найденная на некрополе Эски-Кермена (рис. 13,2), сделана небрежно: ребра многогранника стерты, грани не имеют четкой геометрической формы.

Врезной кружок с точкой в центре – самый распространенный декор на серьгах с литым многогранником. Скорее всего, они появились одновременно с серьгами с гладким многогранником в Подунавье, о чем свидетельствуют их находки в погребениях первой половины V в. в Венгрии [74, Taf. 33,16; 65, с. 37, 43, рис. 6,67; 10,13] и Румынии [91, Abb. 2,18]. Такие украшения были популярны в VI в. у остготов [115, Tab. XIII,72a; 75, Tav. LXVIII,3,4], визиготов [82, Taf. 9,17; 26,61] и аламанов [96, Taf. 1,4,5; 92,4; 177,9,12], а во второй половине VI – VII вв. и у лангобардов в Италии [76, p. 123, 148, cat. II.24; III.17; 110, p. 446, 448, cat. X.119e]. Их носили жительницы византийских городов в Подунавье [84, pl. 58.792], Италии [106, Taf. 36,5] и в Малой Азии [117, pl. 50,880]. В археологическом музее г. Кютахья хранится подвеска VII в. в виде серьги с многогранником с врезным орнаментом, на кольцо которой надето четыре креста (рис. 13,8) [105, p. 248]. Серьга использована вторично. Тем не менее, находка позволяет говорить о довольно долгом бытовании описанных серег в Византии.

Врезной декор в виде кружка с точкой в центре, вписанный в ромб, в Юго-Западном Крыму присутствует только на серьгах VI в. Отметим, что аналогично декорированные украшения, найденные на византийских памятниках в Румынии и Болгарии, также датируются VI в. [91, Abb. 2,33; 113, Taf. 6,14].

К **варианту 4** (рис. 1,4; 13,11,12) отнесены бронзовые серьги с полусферическими вставками из красного камня, укрепленными в небольших углублениях на боковых ромбических гранях литого многогранника, обнаруженные в могильнике Черная речка, в склепе 11/1989, в погребении второй половины V в. [2, с. 63, рис. 21,30,31; 57, с. 98, рис. 4,11]. Торец многогранника украшен врезным кружочком с точкой в центре. Размеры многогранника: 0,7x0,7x0,7 см; кольца – 2,2x2,5 см.

Подобные серьги найдены в гепидском могильнике Szentes-Kökényzug 480-568 гг. [79, S. 27, Taf. XIV,5; 99, p. 241, Abb. V,52.c], в Италии, на памятниках как местного, так и остготского населения [75, Tav. LXVII,3,5; 106, Taf. 56,8], в погребениях франков первой половины – второй трети VI в. [81, S. 58-59, Abb. 35; 104, p. 368, pl. 37,3; 122,26; 101, S. 23; 102, Taf. 33,3,4; 94,9,10]. Серьги из погребений франков, в основном, серебряные, а гранатовые вставки укреплены в углублениях, выстланных золотой фольгой.

Вариант 5 (рис. 1,4; 15,1,2,6-9). Серьги с массивным многогранником, ромбические грани которого украшены зернью. В Крыму найдены три пары серег описываемого варианта, и на каждой из них зернь расположена по-разному.

У золотых серег, происходящих из Керчи и хранящихся в коллекции И. Диргардта, отдельные крупные зернинки напаяны по углам боковых и нижней ромбических граней (рис. 15,1,2) [80, S. 122-123, Abb. 66-67, Kat. 29]. Диаметр колец 2,2 см; размеры многогранника 0,6x0,6x0,6 см. И. Дамм, опубликовавшая украшения из коллекции И. Диргардта, датировала серьги IV-V вв. [80, S. 123, Kat. 29]. Археологический контекст находки не известен. С подобными изделиями V в. описываемые серьги сближают только небольшие размеры, а вот подобный декор на серьгах этого времени не известен. Скорее всего, серьги из Керчи относятся к более позднему времени.

В Лучистом серьги найдены в склепе 102, в погребении 9 вместе с орлиноголовой пряжкой 1 варианта второй половины VI в. (рис. 15,8,9) [56, рис. 3; 16,12; 6, рис. 12, I] и в склепе 83/1, в погребении 3 в слое с орлиноголовой пряжкой 2 варианта конца VI – первой четверти VII вв. (рис. 15,6,7) [6, рис. 12, II]. У серебряных серег из склепа 102 по центру ромбических граней напаяны пирамидки из трех зернинок и шарика на вершине (рис. 15,8,9). Размеры колец – 3,4x4,1 и 3,5x4,0 см; многогранника без зерни – 0,9x0,9x1,0 см, высота пирамидок из зерни – 0,4 см. Многогранники бронзовых серег из склепа 83/1 отлиты с небольшими, расположенными по одному в центре ромбических граней полусферическими выступами, имитирующими зернь (рис. 15,6,7).

Серьги, подобные найденным в склепе 102, известны на Северном Кавказе, в погребениях VII в. (рис. 15,3-5) [25, с. 130, 132, группа 2, отдел 1, тип 1, рис. 2,7; 10, с. 115, рис. 29,14,15]. Отметим, что во второй половине VI – IX вв. в Юго-Западном Крыму бытовали серьги с подвеской в виде пирамидки из зерни, припаянной к проволочной дужке (рис. 6,41) [56, с. 98, тип 3, рис. 16,3,4].

Вариант 6 (рис. 1,6; 15,10,14). Бронзовые серьги с большим проволочным кольцом, к одному из концов которого припаян сильно вытянутый, массивный многогранник. На его ромбические грани напаяны цилиндрические или овальные гнезда с выпуклыми вставками из темно-синего глухого стекла (рис. 15,11a). Размеры многогранника 1,1x1,1x1,8 см; диаметр кольца 4,5 и 6,0 см.

Серьги найдены в Лучистом, в склепе 54, в погребении 20 (рис. 15,10-13) второй четверти VII в. [7, с. 17, рис. 3,25-31, табл. 70,1-4] и в Суук-Су, в могиле 86 (рис. 15,14) вместе с орлиноголовой пряжкой 3 варианта второй четверти VII в. [46, с. 25, табл. 1,5; 1, с. 33; 6,

с. 21, рис. 12,III]. Точные аналогии описанным серьгам не известны. По форме и размерам многогранника и элементам декора (стеклянные вставки в напаянных на ромбические грани гнездах) они близки золотым серьгам 6 типа, бытовавшим в Юго-Западном Крыму с конца первой четверти и до конца VII в. [57, с. 101, вариант 2, рис. 17,3-5]. Видимо, бронзовые серьги варианта 6 делали местные мастера, копировавшие в дешевом материале золотые украшения. Их можно считать своеобразным гибридом, в котором сочетаются характерные для серег 1 типа конструкция и способ изготовления (литье многогранника и его неподвижное крепление к кольцу) и свойственные изделиям 6 типа пропорции многогранника и декорирование стеклянными вставками в напаянных гнездах.

Особенности ношения серег с литым многогранником

В эпоху раннего средневековья в Крыму умерших хоронили не в специальной погребальной, а в прижизненной парадной одежде с украшениями. В настоящее время известно более пятидесяти захоронений, в которых положение серег с многогранником было зафиксировано *in situ*. На основании этих находок можно констатировать, что описанные серьги с многогранником носили парами, по одной и в наборе с украшением другого типа.

Парные серьги, изготовленные из одного материала (у золотых и серебряных изделий совпадает проба металла) и имеющие одинаковые форму и размер, преобладают. Большая часть серег 1 и 2 вариантов и абсолютно все серьги 4, 5 и 6 вариантов были найдены парными (рис. 9,1; 11,1; 12,1,II; 14). Скорее всего, ювелиры делали их сразу парными. Серьги 3 варианта обнаружены в семи захоронениях, но парой они зафиксированы только в Скалистом, в склепе 190 второй половины V в. (рис. 13,5) [57, с. 112, рис. 18,6].

Разнотипные серьги. Примерно пятая часть серег с многогранником выявлена в наборе с украшениями другого типа. Чаще всего, вместе с серьгой с многогранником носили простую проволочную серьгу. Такие случаи зафиксированы в четырех погребениях: первой половины V в. из Алонии, из подбойной могилы 1 [52, рис. 18,81,82], второй половины V в. из Сиреновой бухты, из могилы 123 [41, табл. XII,13,14], первой половины VI в. из Лучистого, из склепа 36 [6, табл. 122,6,7] и второй половины VI в. из Алонии, из подбойной могилы 3 [52, рис. 23,125,132]. В трех случаях серьга с многогранником дополнялась украшением с подвеской. Так, в погребении кочевницы первой половины VI в. из Нейзаца вместе с серьгой с многогранником найдена полая серьга-лунница (рис. 6,18,19); в Суук-Су, в склепе 169, в погребении 1 первой половины VII в. – серьга с припаянной пирамидкой из зерни (рис. 6,41,42) [47, с. 121, табл. XVI,1,3]; на некрополе Эски-Кермен, в подбойной могиле 80 конца VI – VII вв. – проволочная серьга с петелькой для подвески [48, с. 171]. В таких смешанных наборах серьгу с многогранником носили как слева, так и справа.

В пару объединялись и однотипные серьги, но выполненные из разных материалов, либо отличающиеся размером или декором. Так, в Лучистом, в склепе 131, в захоронении 4 первой четверти VII в. зачищены две серьги 1 и 2 вариантов – бронзовая и серебряная 800° пробы (рис. 3,11,12). В Сахарной Головке, в подбойной могиле 36 была похоронена женщина с двумя серьгами 1 варианта, серебряной и бронзовой, различающимися еще и диаметром дужки (1,8 и 2,4 см) [17, с. 46-47, рис. 5,10]. В Заморском, в могиле 22 первой половины V в. и в Лучистом, в склепе 110, в погребении первой половины VI в. выявлены объединенные в пару серьги с многогранником 1 и 3 вариантов (рис. 2,18; 7,1,2; 10,7; 13,7).

По одной серьге с многогранником найдено в 11 погребениях. В некрополе Танаиса в шести погребениях первой половины V в. расположение серег с многогранником зафиксировано *in situ*. В трех из них содержалось только по одной серьге 1 варианта. Одиночные серьги

носили в правом ухе (рис. 8,3,7,11) [23, с. 62, рис. 1,8; 12, с. 35]. В Юго-Западном Крыму, в склепах первой половины V в. из Совхоза 10, Красного Мака и Лучистого также найдено по одной серьге. Склепы из Совхоза 10 и Красного Мака были разрушены грабителями. В Лучистом, в склепе 41 серьга лежала среди костей, перемещенных при совершении более позднего захоронения [6, табл. 171,II,7; 172,10]. При этом весь инвентарь раннего погребения сохранился. Поэтому с уверенностью можно говорить о том, что единственная, найденная в Лучистом серьга 1 варианта первой половины V в. носилась одиночной.

В Юго-Западном Крыму, в шести погребениях второй половины VI – первой четверти VII вв. выявлено по одной серьге 1, 2 и 3 вариантов (рис. 2,25; 3,1,3,15,18; 10,6). Серьги 2 варианта носили по одной чаше, чем аналогичные украшения 1 и 3 варианта. В Лучистом, в склепе 113 и в могилах 171 и 256 серьги лежали слева (рис. 10,5,6), а в Карши-Баире I, в склепе 2 – справа [54, рис. 1,1,4]. Таким образом, по одной серьге с многогранником было принято носить в первой половине V в., когда такие серьги только вошли в моду, и во второй половине VI – первой четверти VII вв., в последний период их бытования в регионе.

Отметим, что во всем ареале и на протяжении всего времени бытования серег с литым многогранником преобладали парные украшения. Тем не менее, можно привести многочисленные примеры использования серег по одной или в наборе с украшением другого типа. Так, в погребении середины V в. из Баллера (Бургундия, Франция) находились две золотые серьги с многогранником, отличающиеся размерами [114, р. 72, 74]. В визиготских погребениях VI в. встречаются объединенные в пару разные серьги (проволочная и с многогранником) или однотипные, но отличающиеся размером и декором многогранника [82, Taf. 26,61; 27,67; 90, fig. 3,B], а также одиночные серьги [82, Taf. 5,8; 14,31]. В одновременных аламанских погребениях известны одиночные серьги [96, Taf. 92,4].

Обратим внимание еще на одну особенность ношения описываемого украшения. На дужку серег с многогранником из Заморского, из могилы 22 первой половины V в. были подвешены бронзовые подвески с каплевидным щитком, украшенным стеклянными вставками в гнездах и тонкой пластиной с вытисненным орнаментом, имитирующим скань (рис. 7,1,2,1). Такие серьги, выполненные из золота и сердолика, производившиеся в первой половине V в. на Боспоре, имели широкое распространение и в Юго-Западном Крыму [57, с. 61, рис. 4,16-19]. В Заморском зафиксирован уникальный для Крыма случай, когда подвеской для серьги стала серьга другого типа. В других регионах распространения серег с многогранником нередко встречаются дополнительные украшения дужки. Так, в могильнике Сабадбатгян (Венгрия), в погребении V в. найдена пара серег с многогранником с врезным декором. На дужку одной из серег надето небольшое проволочное кольцо (рис. 13,9) [74, Taf. 33,16]. Из Северной Италии происходит серьга с кольцом большого диаметра, к которому были прикреплены три пластинчатые подвески различной формы (рис. 13,10) [67, с. 551, кат. VIII.7.2]. На византийских памятниках Италии встречаются серьги, на кольцо которых надета крупная стеклянная бусина шаровидной формы с широким каналом отверстия [106, Taf. 40,3]. В Сардах (Малая Азия) найдена серьга с прикрепленной к дужке цепью [117, Pl. 50,880]. Известно, что в Византии носили серьги, соединенные между собой цепочкой [109, р. 166]. Выше мы уже приводили пример хранящейся в археологическом музее г. Кутахья серьги с многогранником, на кольцо которой прикрепили четыре подвесных креста (рис. 13,8). Таковую серьгу, скорее всего, носили в составе ожерелья.

Место серег в costume. Время бытования серег с многогранником в Крыму можно разделить на два периода. На протяжении первого периода, датированного V в., серьги с литым

многогранником были, в основном, украшением парадного, элитного женского костюма. В это время носили серьги 1, 2, 3 и 4 вариантов. Жительницы городов Боспорского царства предпочитали носить золотые серьги, а сельских поселений – серебряные или бронзовые. Золотые серьги одевали к платью, горловина которого была богато украшена золотыми нашивными бляшками (рис. 6,1; 8,4,11; 14,1,5). Наряд часто дополняла накидка, пристегнутая на плечах парой серебряных двупластинчатых фибул или брошей в форме цикады (рис. 7,1; 8,11). Важным элементом такого костюма было зеркало. Вместе с серьгами с многогранником зеркала найдены в Танаисе (рис. 8,5,6,9), в Фанагории [14, с. 201, 203, рис. 9,7], в Заморском (рис. 7,8) и в Китее [62, рис. 2,1]. В Юго-Западном Крыму, во всех погребальных сооружениях первой половины V в. с серьгами с многогранником также присутствовали зеркала (рис. 6,2-6). В V в. серьги с литым многогранником носили, в основном, женщины. Изредка они встречаются и в богатых детских погребениях. В Лучистом, в склепе 75 убор девочки, похороненной с серьгами с многогранником, дополняли серебряные парные браслеты и поясная пряжка (рис. 6,11-13).

Второй период, датированный VI – первой четвертью VII вв., характеризуется увеличением разнообразия серег (появляются 5 и 6 варианты) и их широким распространением в рядовом костюме разных возрастных групп. Серьги с многогранником перестали изготавливать из золота. Можно встретить только позолоченные изделия. Большинство серег сделано из бронзы. Серьги вариантов 3 и 6 делали только из бронзы. Около середины VI в. в Юго-Западном Крыму в моду входит восточногерманский женский парадный костюм с большой пряжкой и парой фибул. Важным компонентом этого костюма стали серьги других типов – с выполненным из тонкой золотой пластины полым или ажурным многогранником, заполненным белой пастой. Серьги с литым многогранником в новом парадном костюме использовались редко. В настоящее время известно более сотни погребений с большими пряжками, и только в десяти из них были найдены серьги с литым многогранником. В четырех погребениях из Лучистого (склепы 77, 104, 283) и из Карши-Баира I (склеп 7) серьги выявлены вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком 5 варианта с вытисненным изображением креста и парой фибул – двупластинчатых или пальчатых типа Аквилея / Удине-Планис (рис. 11,1,3,4,6,9,10); в Лучистом, в склепе 131 – вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком 6 варианта с вытисненным изображением льва (рис. 6,35,38); в Суук-Су, в склепе 169 – с большой пряжкой с прямоугольным щитком варианта 3-3 с растительным декором (рис. 6,40,42); в четырех захоронениях из Лучистого (склепы 102 и 113), Суук-Су (могила 86) и Алонии (подбойная могила 3) – вместе с орлиноголовыми пряжками 1, 2 и 3 вариантов (рис. 6,45,46). Значительно чаще серьги с литым многогранником встречаются в погребениях девочек и девушек-подростков. Все серьги 3 варианта в этот период найдены только в детских погребениях (рис. 10,6,7).

Считается, что серьги с многогранником были распространены только у оседлых народов, степняки их не носили [11, с. 54]. Однако антропологические исследования и недавние находки в Крыму и в Среднем Поволжье позволяют скорректировать этот тезис. Погребенная около середины V в. в Хофельдене женщина 50-70 лет вела кочевнический образ жизни и имела «регулярную и продолжительную практику верховой езды» [72, р. 85-86]. В центральной части крымских Предгорий, в могильнике Нейзац, серьга выявлена во впускном кочевническом погребении конца V – начала VI вв. (рис. 2,11), в Среднем Поволжье – во впускном погребении первой половины VI в. в одном из курганов могильника Новинки II, оставленного кочевниками – болгарами [15, с. 166, табл. 13,10]. В обоих случаях серьги были

объединены в пару с украшением другого типа (рис. 6,18,19). Кочевниками было оставлено погребение второй половины V – VI вв. в урочище Терны в дельте Дона, в котором выявлена пара серег с литым гладким многогранником [24, с. 91-92, рис. 1,5].

Подводя итоги, можно отметить следующее. Серьги с небольшим гладким литым многогранником, неподвижно прикрепленным к кольцу, появились на рубеже IV-V вв. в римских провинциях на Среднем Дунае. В начале V в. новое украшение распространилось и в Крыму, где в различных вариациях просуществовало до середины VII в. На Боспоре бытовали только серьги 1-го, 2-го и 3-го вариантов, а в Юго-Западном Крыму – всех шести вариантов. При этом на Боспоре серьги носили до конца VI в., а в Юго-Западном Крыму на полвека дольше – до середины VII в. Преобладают серьги 1-го варианта с небольшим гладким многогранником, найденные в комплексах V – первой четверти VII вв. Судя по количеству находок, время наибольшей популярности серег 1-го варианта на Боспоре пришлось на первую половину V в. (рис. 5,1-15,18), а в Юго-Западном Крыму и Херсоне – на весь VI в. (рис. 2; 3; 4). Во второй половине V в. появляются серьги с более массивным многогранником 2-го варианта, просуществовавшие до конца первой четверти VII в. Самые крупные серьги этого варианта найдены в комплексах второй половины VI в. Их делали местные мастера, копируя золотые серьги с полым многогранником, как раз в это время вошедшие в моду. Серьги 3-го варианта с врезным орнаментом на многограннике бытовали в V – первой половине VII в., при этом большинство из них происходят из погребений VI в. Единственная пара серег 4-го варианта с многогранником, украшенным вставками из красного камня, найдена на могильнике Черная речка, в погребении второй половины V в. Серьги 5-го варианта с многогранником, украшенным зернью, бытовали во второй половине VI – первой четверти VII вв. Во второй четверти VII в. в Юго-Западном Крыму изготавливали серьги 6-го варианта, которые были дешевыми копиями из бронзы и стекла одновременных золотых серег с многогранником. В середине VII в. на смену серьгам с литым неподвижным многогранником (тип 1) приходят украшения, у которых литой многогранник сделан со сквозным продольным отверстием и насажен на кольцо (тип 2) [7, рис. 5,11, табл. 114,1,2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3-86.
2. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
3. Айбабин А. И. Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 60-70.
4. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 85-93.
5. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 74-90.
6. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982-1984 гг. // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2008. Suppl. 4. 336 с.
7. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у с. Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993-1995 гг. // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2014. Suppl. 14. 400 с.
8. Аксенов В. С. Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2012. Вып. 11. С. 172-187.
9. Амброз А. К. Рец. на кн.: Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975 //

- СА. 1980. № 1. С. 321-326.
10. Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.: Наука, 1989. 132 с.
 11. Амброз А. К. Юго-западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 31-88.
 12. Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 275 с.
 13. Ахмедов И. Р. Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135. М., 2002. С. 20-37.
 14. Блаватский В. Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху / Ред. В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков. МИА. № 19. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 189-226.
 15. Богачев А. В., Матвеева Г. И. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
 16. Борисова В. В. Могильник у высоты «Сахарная головка» // ХСБ. Симферополь, 1959. Вып. V. С. 169-190.
 17. Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. XIII. С. 15-89.
 18. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
 19. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. №1. 1973. С. 171-191.
 20. Ворошилова О. М. Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году // Stratum plus. 2013. № 4. С. 123-131.
 21. Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Институт археологии РАН, 2009. 468 с.
 22. Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97-260.
 23. Гречанова Л. Раннесредневековое погребение из Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1988. Вып. 5. С. 58-65.
 24. Гудименко И. В. Погребение эпохи раннего средневековья из дельты Дона // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 88-93.
 25. Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА. № 114. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 122-147.
 26. Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков / Ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 69-107.
 27. Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Издательство ГЭ, 2006. 271 с.
 28. Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23-105.
 29. Засецкая И. П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 394-478.
 30. Зубарь В. М., Сорочан Б. С. Новые данные о положении Херсонеса Таврического в IV – первой половине VII вв. н.э. // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1997. Вып. VI. С. 123-131.
 31. Каменецкий И. С., Кропоткин В. В. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. № 3. С. 235-240.
 32. Ковалевская В. Б. Хронология древностей Северокавказских алан // Аланы: история и культура. Alanica-III / Ред. В. Х. Тменов. Владикавказ, 1995. С. 123-183.
 33. Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. 398 с.
 34. Корпусова В. М. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. Київ, 1973. Вип. 8. С. 27-45.
 35. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 16. С. 37-110.
 36. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 17-95.

37. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 67-171.
38. Лобода И. И. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / Ред. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1992. С. 210-215.
39. Лобода И. И. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 192-251.
40. Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: Институт археологии РАН, 1997. 108 с.
41. Масленников А. А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // Древности Боспора. М.: Институт археологии РАН, 2000. Вып. 3. С. 136-200.
42. Наследие Византийского Херсона. Севастополь; Остин, 2011.
43. Обломский А. М. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ч. 1 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 174-202.
44. Отчет императорской археологической комиссии за 1891 год. СПб., 1893.
45. Пьянков А. В. Погребение с серебряной фибулой с антропоморфной накладкой из могильника Бжид 1 // Донская археология. 2002. № 1-2. С. 73-83.
46. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1-80
47. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. 1907. Т. XXVII. С. 101-148.
48. Репников Н. И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. XII. С. 1-8.
49. Сапрыкина И. А. Техника изготовления золотых изделий из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории / Ред. М. Ю. Трейстер. М., 2015. С. 208-265.
50. Стржелецкий С. Ф., Высоцкая Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Между левкинами и фенами. Stratum+. № 4. 2003-2004. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. С. 27-277.
51. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века: Археология в 20-ти т. / Ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 146-183.
52. Турова Н. П., Черныш С. А. Раннесредневековый могильник Алония на Южном Берегу Крыма (по материалам раскопок 1998, 2001, 2002 гг.) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX.
53. Ушаков С. В. Варвары Горной Таврики на рубеже эпох: этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв.). Опыт реконструкции // Археологический альманах. Донецк: «Донбасс», 2010. № 23. 180 с.
54. Ушаков С. В., Филиппенко А. А. Об аланах-христианах в Юго-Западном Крыму (по материалам раскопок могильника Карши-Баир) // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе / Ред. Ю. А. Бабинов. Севастополь, 2001. С. 20-24, 216-219.
55. Шаламон А., Баркоци Л. Археологические данные к периодизации позднеримской Паннонии (376-476 гг.) // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков / Ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 31-49.
56. Хайрединова Э. А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 334-348.
57. Хайрединова Э. А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91-133.
58. Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 53-118.
59. Хайрединова Э. А. Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 125-160.
60. Хайрединова Э. А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006-2008 гг. // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 140-213.
61. Хайрединова Э. А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ.

2013. Вып. XVIII. С. 187-216.
62. Хайрединова Э. А. Хронология серег с многогранником из Крыма // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 421-424.
63. Ханутина З. В., Хршановский В. А. Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор – История, 2009. С. 58-69.
64. Хараламбиева А. Фибулы от I-VII в. в Добричкия музея // Добруджа. 1992. № 9. С. 127-140.
65. Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011. С. 13-114.
66. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 12-47.
67. Эпоха меровингов. Европа без границ. Археология и история V-VIII вв. Каталог выставки / Ред. В. Менгин. München, 2007. 592 с
68. Эрдели И. Новый могильник V в. в Кестхей-Фенекпусте // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков / Ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 64-69.
69. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. № 63. 364 с.
70. Ajbabin A. I. Archeologie und Geschichte der Krim in Byzantinischer Zeit // Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 98. Mainz, 2011. 275 S.
71. Akhmedov I. Le harnachement de Tsibilium. A propos de la formation du type «pontique» de harnachement de l'époque des Grandes Migrations // Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. Vol. 2. La nécropole apsile de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Etude du site. British Archaeological Reports, International Series – 1721. Oxford, 2007. P. 67-72.
72. Alduc-Le Bagousse A., Blondiaux J., Pilet Ch. La dame de Hochfelden // Cahiers Alsaciens d'Archeologie d'Art et d'Histoire. Strasbourg, 1992. T. XXXV. P. 74-90
73. Baldini-Lippolis I. L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo. Bari, 1999. 283 p.
74. Barkóczy L., Salamon Á. Das Gräberfeld von Szabadbattyán aus dem 5. Jahrhundert // Mitteilungen des Archäologischen Instituts der ungarischen Akademie der Wissenschaften. 1974/1975. Bd. 5.
75. Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975. 378 S.
76. Bierbrauer V. Il ducato di Tridentum; Un castrum d'eta longobarda: Ibligo-Invillino // I Longobardi. Milano: Electa, 1990. P. 113-129; 143-151.
77. Bierbrauer V. Les Wisigoths dans le royaume franc // Antiquités nationales. 1997. N 29. P. 167-200.
78. Bóna I., Horváth J. B. Langobardische Gräberfelder in West-Ungarn. Budapest, 2009.
79. Csallány D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u.Z.). Budapest: Verlag der Ungarischen Academie der Wissenschaften, 1961. 406 S.
80. Damm I. G. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1988. Band 21. S. 65-210.
81. Dannheimer H. Auf den Spuren der Baiuwaren. Archäologie des frühen Mittelalters in Altbayern. München: Ludwig Verlag, 1987. 240 S.
82. Ebel-Zepezauer W. Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.-7. Jh. n. Chr. Mainz am Rhein, 2000. 365 S.
83. Giesler-Müller U. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Basel-Kleinhüningen: Katalog und Tafeln // Basler Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. 11. Basel, 1992. 222 S.
84. Gomolka-Fuchs G. Die Kleinfunde vom 4. Bis 6. Jh. // Iatrus-Krivina. Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-1981. 1991. Bd. IV. P. 167-205.
85. Gomolka-Fuchs G. Die Kleinfunde und ihre Aussagen zur Bevölkerung von Iatrus // Iatrus-Krivina. Studien zur Geschichte des Kastells Iatrus (Forschungsstand 1989). 1995. Bd. V. S. 81-105.
86. Gepidische Gräberfelder am Theissgebiet II. Budapest, 2005.
87. Harhoiu R. La Romania all'epoca degli Ostrogoti // I Goti. Milano: Electa, 1994. P. 154-163.

88. Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedica, 1998. 268 S.
89. Heinrich A. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Mitterhof, GB Laa an der Thaya, Niederösterreich // *Archaeologia Austriaca*. Wien, 1990. N 74. S. 85-104.
90. Hernandez J., Raynaud C. La Septimanie du Ve au VIIIe siècle: archéologie du changement culturel // *La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques*. British Archaeological Reports. Suppl. 3. 2005. P. 177-188.
91. Horedt K. Die Polyederohrringe des 5. – 6. Jh. u. Z. aus der SR Rumänien // *Zeitschrift für Archäologie*. 1979. N 13. S. 241-250.
92. Istvánovits E. Das Gräberfeld aus dem 4. – 5. Jahrhundert von Tiszadob-Szeget // *Acta archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1993. Vol. 45. P. 91-146.
93. Ivanišević V., Kazanski M. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum // *Singidunum*. Belgrade, 2002. N 3. P. 101-157.
94. Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris, 2006. 351 p.
95. Kiss A. Archeologia degli Ostrogoti in Pannonia (456-473) // *I Goti*. Milano: Electa Lombardia, 1994. P. 164-169.
96. Koch U. Das Reihengräberfeld bei Schretzheim. Teil 2. Katalog und Tafeln // *Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit*. Serie A. Bd. 13. Berlin, 1977. 147 S.
97. Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožemjako P. N. Ein Katakombengrab aus der Schlucht Šamsi // *Eurasia antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens – Deutsches Archäologisches Institut*. 1998. Bd. 4. S. 451-471.
98. Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine // *Bulletin de liaison de l'Association française d'Archéologie mérovingienne*. № hors série. 2004.
99. Nemeth P. Gepidische Reihengräberfelder im Theiss-Maros-Gebiet // *Germanen, Hunnen und Avaren. Schätze der Völkerwanderungszeit*. Nürnberg, 1987. P. 219-222.
100. Nowak M. Niektóre przedmioty użytkowe z rezydencji biskupiej w Novae // Biernacki A. B., Klenina E. J., Genceva E. Biskupstwo w Novae (Moesia Secunda) IV-VI w. *Historia – Architektura – Życie Codzienne*. T. II. Poznań, 2013. S. 219-236.
101. Pescheck C. Das fränkische Reihengräberfeld von Kleinlangheim, Lkr. Kitzingen/Nordbayern. Texte // *Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit: Serie A, Bd. XVII. Mainz am Rhein, 1996. 269 S.*
102. Pescheck C. Das fränkische Reihengräberfeld von Kleinlangheim, Lkr. Kitzingen/Nordbayern. Tafeln // *Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit: Serie A, Bd. XVII. Mainz am Rhein, 1996. 148 S.*
103. Preda C. Callatis. Necropola romano-bizantina. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1980. 224 p.
104. Pilet Ch. La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay // *Gallia*. Suppl. 54. Paris: CNRS Edition, 1994. 552 p.
105. "The Remnants". 12th and 13th centuries byzantine objects in Turkey / Ed. A. Odekan. Istanbul, 2007. 303 p.
106. Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.-8. Jahrhunderts in Italien // *Internationale Archäologie*. 57. Rahden-Westfalen, 2000. 485 S.
107. Salamon A., Barkóczi L. Bestattungen von Csákvár aus dem Ende des 4. und dem Anfang des 5. Jahrhunderts // *Alba Regia*. Székesfehérvár, 1971. XI/1970. S. 35-80.
108. Schulze-Dörlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelfibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum*. Mainz, 1986. Bd. 33. S. 593-720.
109. Sodini J.-P. La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IVe-VIIIe siècles) // *Dumbarton Oaks Papers*. 1993. N 47. P. 139-184.
110. Tagliaferri A. Il duca di Forum Iulii // *I Longobardi*. Milano: Electa, 1990. P. 358-476.
111. Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // *Archaeologia Austriaca*. Vienne, 1988. N 72. S. 223-304.
112. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum*. Brno, 1997. S. 321-392.

113. Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien) // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. München, 1992. Bd. 43. 600 S.
114. Vallet F. Tombe de fillet de Balleure, commune d'Etrigny (Saône-et-Loire) // Attila. Les influences danubiennes dans l'ouest de l'Europe au V siècle. Caen, 1990. P. 72-76.
115. Vinski Z. O rovašenim fibulama Ostrogota i Tirinžana povodom rijetkog tirinškog nalaza u Saloni // Vjesnik arheološkog muzeja u Zagrebu. 3. Serija SV. VI-VII. Zagreb, 1972-73. P. 177-227.
116. Vinski Z. Kasnoantički starosjedioci u Salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. Split, 1974. LXIX/1967. P. 5-86.
117. Waldbaum J. C. Metalwork from Sardis: The Finds through 1974. Archaeological Exploration of Sardis, Monograph 8. London: Harvard University Press, 1983. 216 p.

REFERENCES

1. Aibabin A. I. Khronologija mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni. *Materialy po arkeologiji, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1990, Vol. I, pp. 3-86.
2. Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoria rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol', DAR Publ., 1999, 352 p.
3. Aibabin A. I. Rannevizantijskie voinskie fibuly s podviaznoi nozhkoi iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2009, Vol. 39, pp. 60-70.
4. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Novyi kompleks s pal'chatymi fibulami s nekropolia u s. Luchistoe. *Materialy po arkeologiji, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1996, Vol. V, pp. 85-93.
5. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Rannie komplekсы mogil'nika u sela Luchistoe v Krymu. *Materialy po arkeologiji, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1998, Vol. VI, pp. 74-90.
6. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Mogil'nik u s. Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982-1984 gg. *Bosporskie issledovaniia*, Simferopol', Kerch', 2008, Suppl. 4, 336 p.
7. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Mogil'nik u s. Luchistoe. Tom II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993-1995 gg. *Bosporskie issledovaniia*, Simferopol', Kerch', 2014, Suppl. 14, 400 p.
8. Aksenov V. S. Ranniaia grupa lichnykh ukrashenii saltovskogo naseleniia Podontsov'ia (po materialam pogrebenii s fibulami Netailovskogo mogil'nika). *Drevnosti. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*, Khar'kov, 2012, Vol. 11, pp. 172-187.
9. Ambroz A. K. Rets. na kn.: Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975. *Sovetskaia arkeologija*, 1980, N 1, pp. 321-326.
10. Ambroz A. K. *Khronologija drevnostei Severnogo Kavkaza V-VII vv*. Moskow, Nauka Publ., 1989, 132 p.
11. Ambroz A. K. Iugo-zapadniy Krym. Mogil'niki IV-VII vv. *Materialy po arkeologiji, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1994, Vol. IV, pp. 31-88.
12. Arsen'eva T. M., Bezuglov S. I., Tolochko I. V. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981-1995 gg*. Moskow, Paleograf Publ., 2001, 275 p.
13. Akhmedov I. R. Detali konskogo ubora s zoomorfnyim dekorom v gunnskoe i postgunnskoe vremia. *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka. Trudy GIM*, Vol. 135, Moskow, 2002, pp. 20-37.
14. Blavatskii V. D. Raskopki nekropolia Fanagorii v 1938, 1939 i 1940 gg. *Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR*. N 19. *Materialy po arkeologii Severnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu*. Moskow, Akademia nauk SSSR Publ., 1951, pp. 189-226.
15. Bogachev A. V., Matveeva G. I. Pamiatniki rannebolgarskogo vremeni. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e*. Moskow, 2000.
16. Borisova V. V. Mogil'nik u vysoty «Sakharnaia golovka». *Kheroneskii sbornik*, Simferopol', 1959, Vol. V, pp. 169-190.
17. Veimarn E. V. Arkheologichni roboti v raioni Inkermana. *Arkheologichni pam'iatki URSS*, Kiev, 1963, T. XIII, pp. 15-89.
18. Veimarn E. V., Aibabin A. I. *Skalistskii mogil'nik*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
19. Voronov Iu. N., Iushin V. A. Novye pamiatniki tsebel'dinskoi kul'tury v Abkhazii. *Sovetskaia arkeologija*, N 1, 1973, pp. 171-191.
20. Voroshilova O. M. Sklep pozdneantichnogo vremeni iz raskopok Fanagorii v 2011 godu. *Stratum plus*, 2013, N 4, pp. 123-131.

21. Gabuev T. A., Malashev V. Iu. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza*. Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2009, 468 p.
22. Golofast L. A. Steklo rannevizantiiskogo Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2001, Vol. VIII, pp. 97-260.
23. Grechanova L. Rannesrednevekovoie pogrebenie iz Tanaisa. *Izvestiia Rostovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia*, Rostov-na-Donu, 1988, Vol. 5, pp. 58-65.
24. Gudimenko I. V. Pogrebenie epokhi rannego srednevekov'ia iz del'ty Dona. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g.*, Azov, 1990, Vol. 9, pp. 88-93.
25. Deopik V. B. Klassifikatsiia i khronologiia alanskikh ukrasheni. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. N 114. Srednevekovye pamiatniki Severnoi Osetii. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ., 1963, pp. 122-147.
26. Dmitriev A. V. Rannesrednevekovye fibuly iz mogil'nika na r. Diurso. *Ambroz A. K., Erdeli I. F. (Eds.). Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V-VIII vekov*, Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 69-107.
27. Zaleskaia V. N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV-VII vv.: katalog kollektsii*. St. Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, 271 p.
28. Zaseskaia I. P. Materialy Bosporskogo nekropolia vtoroi poloviny IV – pervoi poloviny V vv. n.e. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1993, Vol. III, pp. 23-105.
29. Zaseskaia I. P. Datirovka i proiskhozhdenie pal'chatykh fibul Bosporskogo nekropolia rannesrednevekovogo perioda. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1998, Vol. VI, pp. 394-478.
30. Zubar' V. M., Sorochan B. S. Novye dannye o polozhenii Khersonesa Tavricheskogo v IV – pervoi polovine VII vv. n.e. *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma, Zaporozh'e*, 1997, Vol. VI, pp. 123-131.
31. Kamenetskii I. S., Kropotkin V. V. Pogrebenie gunnskogo vremeni bliz Tanaisa. *Sovetskaia arkheologiia*, 1962, N 3, pp. 235-240.
32. Kovalevskaia V. B. Khronologiia drevnostei Severokavkazskikh alan. *Tmenov V. Kh. (Ed.). Alany: istoriia i kul'tura. Alanica-III*, Vladikavkaz, 1995, pp. 123-183.
33. Kovalevskaia V. B. *Kavkaz – skify, sarmaty, alany*. Moscow, 2005, 398 p.
34. Korpusova V. M. Sil's'ke naselennia pizn'oantichnogo Bosporu. *Arkheologiia*, Kiev, 1973, Vol. 8, pp. 27-45.
35. Kostsiushko-Valiuzhinich K. K. Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1903 g. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1905, Vol. 16, pp. 37-110.
36. Kostsiushko-Valiuzhinich K. K. Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1904 g. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1906, Vol. 20, pp. 17-95.
37. Kostsiushko-Valiuzhinich K. K. Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1905 g. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1907, Vol. 25, pp. 67-171.
38. Loboda I. I. Issledovaniia mogil'nika IV-V vv. v s. Krasnyi Mak. *Mogarichev Iu. M. (Ed.). Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu*, Simferopol', Tavriia Publ., 1992, pp. 210-215.
39. Loboda I. I. Raskopki Krasnomakskogo mogil'nika v 1983-1984 gg. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2005, Vol. XI, pp. 192-251.
40. Maslennikov A. A. *Semeinye sklepy sel'skogo naseleniia pozdneantichnogo Bospora*. Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 1997, 108 p.
41. Maslennikov A. A. Gruntovye nekropoli sel'skikh poselenii Karalarskogo poberezh'ia (Vostochnyi Krym) pervykh vekov n.e. *Drevnosti Bospora*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2000, Vol. 3, pp. 136-200.
42. *Nasledie Vizantiiskogo Khersona*. Sevastopol', Ostin, 2011.
43. Oblomskii A. M. Khronologiia poseleniia Tanais pozdneantichnogo perioda. *Vorontsov A. M., Gavritukhin I. O. (Eds.). Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vlianii i Velikogo pereseleniia narodov*, Part 1, Tula, Gosudarstvennyi muzei-zapovednik «Kulikovo pole» Publ., 2010, pp. 174-202.
44. Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1891 god. St. Petersburg, 1893.
44. P'iankov A. V. Pogrebenie s serebrianoi fibuloi s antropomorfnoi nakladkoi iz mogil'nika Bzhid 1. *Donskaia arkheologiia*, 2002, N 1-2, pp. 73-83.
45. Repnikov N. I. Nekotorye mogil'niki oblasti krymskikh gotov. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1906, Vol. 19, pp. 1-80
46. Repnikov N. I. Nekotorye mogil'niki oblasti krymskikh gotov. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1907, T. XXVII, pp. 101-148.

47. Repnikov N. I. Raskopki Eski-Kermenskogo mogil'nika v 1928 i 1929 gg. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1932, T. XII, pp. 1-8.
48. Saprykina I. A. Tekhnika izgotovleniia zolotykh izdelii iz Fanagorii. *Treister M. Iu. (Ed.). Fanagoriia. Rezul'taty arkhelogicheskikh issledovaniï*. T. 2: Zoloto Fanagorii, Moskow, 2015, pp. 208-265.
49. Strzheletskii S. F., Vysotskaia T. N., Ryzhova L. A., Zhestkova G. I. Naselenie okrugî Khersonesa v pervoi polovine I tysiacheletii novoi ery (po materialam nekropolia «Sovkhoz №10»). *Mezhdû levkinami i fenami. Stratum+*, St. Petersburg, Kishinev, Odessa, Bukharest, 2005, N 4, pp. 27-277.
50. Tamanskii poluostrov i Severo-Vostochnoe Prichernomor'e. *Makarova T. I., Pletneva S. A. (Eds.). Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV-XIII veka: Arkheologiia v 20-ti t.*, Moskow, Nauka Publ., 2003, pp. 146-183.
51. Turova N. P., Chernysh S. A. Rannesrednevekovyi mogil'nik Aloniiia na Iuzhnom Beregu Kryma (po materialam raskopok 1998, 2001, 2002 gg.). *Materialy po arkhelogii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2015, Vol. XX.
52. Ushakov S. V. Varvary Gornoi Tavriki na rubezhe epokh: etnicheskaia situatsiia v Iugo-Zapadnom Krymu (III – seredina VI vv.). Opyt rekonstruktsii. *Arkheologicheskii al'manakh*, Donetsk, Donbass Publ., 2010, N 23, 180 p.
53. Ushakov S. V., Filippenko A. A. Ob alanakh-khristianakh v Iugo-Zapadnom Krymu (po materialam raskopok mogil'nika Karshi-Bair). *Babinov Iu. A. (Ed.). Vzaimootnosheniia religioznykh konfessii v mnogonatsional'nom regione*, Sevastopol', 2001, pp. 20-24, 216-219.
54. Shalomon A., Barkotsi L. Arkheologicheskie dannye k periodizatsii pozdnerimskoi Pannonii (376-476 gg.). *Ambroz A. K., Erdeli I. F. (Eds.). Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V-VIII vekov*, Moskow, Nauka Publ., 1982, pp. 31-49.
55. Khairedinova E. A. Zhenskii kostium s bol'shimi priazhkami s khristianskoi simvolikoï iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Khersoneskii sbornik*, Sevastopol', 1999, Vol. X, pp. 334-348.
56. Khairedinova E. A. Zhenskii kostium s iuzhnokrymskimi orlinogolovymi priazhkami. *Materialy po arkhelogii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2000, Vol. VII, pp. 91-133.
57. Khairedinova E. A. Zhenskii kostium varvarov Iugo-Zapadnogo Kryma v V – pervoi polovine VI vv. *Materialy po arkhelogii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2002, Vol. IX, pp. 53-118.
58. Khairedinova E. A. Obuvnyie nabory V-VII vv. iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkhelogii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2003, Vol. X, pp. 125-160.
59. Khairedinova E. A. Raskopki nekropolia na sklone plato Eski-Kermen v 2006-2008 gg. *Materialy po arkhelogii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2010, Vol. XVI, pp. 140-213.
60. Khairedinova E. A. Bronzovye ser'gi s polym mnogogrannnikom iz mogil'nika u s. Luchistoe. *Materialy po arkhelogii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2013, Vol. XVIII, pp. 187-216.
61. Khairedinova E. A. Khronologiia sereg s mnogogrannnikom iz Kryma. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «XV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problemy khronologii»*, Kerch', 2014, pp. 421-424.
62. Khanutina Z. V., Khrshanovskii V. A. Pogrebal'nyi kompleks gunnskogo vremeni iz nekropolia Kiteia. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Bosporskii fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira»*, St. Petersburg, Nestor Istoriiia Publ., 2009, pp. 58-69.
63. Kharalambieva A. Fibuli ot I-VII v. v Dobrichkiiia muzeia. *Dobrudzha*, 1992, N 9, pp. 127-140.
64. Khrapunov I. N. Nekotorye itogi issledovaniï mogil'nika Neizats. *Khrapunov I. N. (Ed.). Issledovaniia mogil'nika Neizats*, Simferopol', 2011, pp. 13-114.
65. Shkorpil V. V. Otchet o raskopkakh v g. Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1907 g. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, Moskow, 1910, Vol. 35, pp. 12-47.
66. Mengin V. (Ed.). *Epokha merovingov. Evropa bez granits. Arkheologiia i istoriia V-VIII vv. Katalog vystavki*. München, 2007, 592 p.
67. Erdeli I. Novyi mogil'nik V v. v Kestkhei-Fenekpuste. *Ambroz A. K., Erdeli I. F. (Eds.). Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V-VIII vekov*, Moskow, Nauka Publ., 1982, pp. 64-69.
68. Iakobson A. L. Rannesrednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkhelogii SSSR*, Moskow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1959, N 63, 364 p.
69. Ajbabin A. I. Archeologie und Geschichte der Krim in Byzantinischer Zeit. *Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, Bd. 98, Mainz, 2011, 275 p.

70. Akhmedov I. Le harnachement de Tsibilium. A propos de la formation du type «pontique» de harnachement de l'époque des Grandes Migrations. *Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. Vol. 2. La nécropole apside de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Etude du site.* British Archaeological Reports, International Series – 1721, Oxford, 2007, pp. 67-72.
71. Alduc-Le Bagousse A., Blondiaux J., Pilet Ch. La dame de Hochfelden. *Cahiers Alsaciens d'Archeologie d'Art et d'Histoire*, Strasbourg, 1992, T. XXXV, pp. 74-90
72. Baldini-Lippolis I. *L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo.* Bari, 1999, 283 p.
73. Barkóczy L., Salamon Á. Das Gräberfeld von Szabadbattyán aus dem 5. Jahrhundert. *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der ungarischen Akademie der Wissenschaften*, 1974/1975, Bd. 5.
74. Bierbrauer V. *Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien.* Spoleto, 1975, 378 p.
75. Bierbrauer V. Il ducato di Tridentum; Un castrum d'eta longobarda: Ibligo-Invillino. *I Longobardi*, Milano, Electa Publ., 1990, pp. 113-129, 143-151.
76. Bierbrauer V. Les Wisigoths dans le royaume franc. *Antiquités nationales*, 1997, N 29, pp. 167-200.
77. Bóna I., Horváth J. B. *Langobardische Gräberfelder in West-Ungarn.* Budapest, 2009.
78. Csallány D. *Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u.Z.).* Budapest, Verlag der Ungarischen Academie der Wissenschaften, 1961, 406 p.
79. Damm I. G. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, Berlin, 1988, Bd. 21, pp. 65-210.
80. Dannheimer H. *Auf den Spuren der Bauwaren. Archäologie des frühen Mittelalters in Altbayern.* München, Ludwig Verlag, 1987, 240 p.
81. Ebel-Zepezaer W. *Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.-7. Jh. n. Chr.* Mainz am Rhein, 2000, 365 p.
82. Giesler-Müller U. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Basel-Kleinhüningen: Katalog und Tafeln. *Basler Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte*, Basel, 1992, Bd. 11, 222 p.
83. Gomolka-Fuchs G. Die Kleinfunde vom 4. Bis 6. Jh. *Iatrus-Krivina. Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-1981*, 1991, Bd. IV, pp. 167-205.
84. Gomolka-Fuchs G. Die Kleinfunde und ihre Aussagen zur Bevölkerung von Iatrus. *Iatrus-Krivina. Studien zur Geschichte des Kastells Iatrus (Forschungsstand 1989)*, 1995, Bd. V, pp. 81-105.
85. *Gepidische Gräberfelder am Theissgebiet II.* Budapest, 2005.
86. Harhoiu R. La Romania all'epoca degli Ostrogoti. *I Goti*, Milano, Electa Publ., 1994, pp. 154-163.
87. Harhoiu R. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien.* Bukarest, Editura Enciclopedica, 1998, 268 p.
88. Heinrich A. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Mitterhof, GB Laa an der Thaya, Niederösterreich. *Archaeologia Austriaca*, Wien, 1990, N 74, pp. 85-104.
89. Hernandez J., Raynaud C. La Septimanie du Ve au VIIIe siècle: archéologie du changement culturel. *La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques.* British Archaeological Reports, Suppl. 3, 2005, pp. 177-188.
90. Horedt K. Die Polyederohrringe des 5. – 6. Jh. u. Z. aus der SR Rumänien. *Zeitschrift für Archäologie*, 1979, N 13, pp. 241-250.
91. Istvánovits E. Das Gräberfeld aus dem 4. – 5. Jahrhundert von Tiszadob-Szeget. *Acta archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1993, Vol. 45, pp. 91-146.
92. Ivanišević V., Kazanski M. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum. *Singidunum*, Belgrade, 2002, N 3, pp. 101-157.
93. Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations.* Paris, 2006, 351 p.
94. Kiss A. *Archeologia degli Ostrogoti in Pannonia (456-473). I Goti*, Milano, Electa Publ., 1994, pp. 164-169.
95. Koch U. Das Reihengräberfeld bei Schretzheim. Teil 2. Katalog und Tafeln. *Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit*, Serie A, Bd. 13, Berlin, 1977, 147 p.
96. Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožemjako P. N. Ein Katakombengrab aus der Schlucht Šamsi. *Eurasia antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens – Deutsches Archäologisches Institut*, 1998, Bd. 4, pp. 451-471.
97. Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. *Bulletin de liaison de l'Association française d'Archéologie mérovingienne*, hors série, 2004.

98. Nemeth P. Gepidische Reihengräberfelder im Theiss-Maros-Gebiet. *Germanen, Hunnen und Avarn. Schätze der Völkerwanderungszeit*, Nürnberg, 1987, pp. 219-222.
99. Nowak M. Niektóre przedmioty użytkowe z rezydencji biskupiej w Novae. *Biernacki A. B., Klenina E. J., Genceva E. Biskupstwo w Novae (Moesia Secunda) IV-VI w. Historia – Architektura – Życie Codzienne*, T. II, Poznań, 2013, pp. 219-236.
100. Pescheck C. Das fränkische Reihengräberfeld von Kleinlangheim, Lkr. Kitzingen/Nordbayern. *Texte Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit*, Serie A, Bd. XVII, Mainz am Rhein, 1996, 269 p.
101. Pescheck C. Das fränkische Reihengräberfeld von Kleinlangheim, Lkr. Kitzingen/Nordbayern. *Tafeln Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit*, Serie A, Bd. XVII, Mainz am Rhein, 1996, 148 p.
102. Preda C. *Callatis. Necropola romano-bizantina*. Bucuresti, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1980, 224 p.
103. Pilet Ch. La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay. *Gallia*, Suppl. 54, Paris, CNRS Edition, 1994, 552 p.
104. Odekan A. (Ed.). *“The Remnants”. 12th and 13th centuries byzantine objects in Turke*. Istanbul, 2007, 303 p.
105. Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.-8. Jahrhunderts in Italien. *Internationale Archäologie*, 57, Rahden-Westfalen, 2000, 485 p.
106. Salamon A., Barkóczy L. Bestattungen von Csákvár aus dem Ende des 4. und dem Anfang des 5. Jahrhunderts. *Alba Regia*, Székesfehérvár, 1971, XI/1970, pp. 35-80.
107. Schulze-Dörlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelfibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum*, Mainz, 1986, Bd. 33, pp. 593-720.
108. Sodini J.-P. La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IVe-VIIe siècles). *Dumbarton Oaks Papers*, 1993, N 47, p. 139-184.
109. Tagliaferri A. Il ducato di Forum Iulii. *I Longobardi*, Milano, Electa Publ., 1990, pp. 358-476.
110. Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum. *Archaeologia Austriaca*, Vienne, 1988, N 72, pp. 223-304.
111. Tejral J. Neue Aspekte der frühvolkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum. *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum*, Brno, 1997, pp. 321-392.
112. Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). *Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte*, München, 1992., Bd. 43, 600 p.
113. Vallet F. Tombe de fillet de Balleure, commune d'Etrigny (Saône-et-Loire). *Attila. Les influences danubiennes dans l'ouest de l'Europe au V siècle*, Caen, 1990, pp. 72-76.
114. Vinski Z. O rovašenim fibulama Ostrogota i Tirinžana povodom rijetkog tirinškog nalaza u Saloni. *Vjesnik arheološkog muzeja u Zagrebu*, 3, Serija SV, VI-VII, Zagreb, 1972-73, pp. 177-227.
115. Vinski Z. Kasnoantički starosjedioci u Salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata. *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku*, Split, 1974, LXIX/1967, pp. 5-86
116. Waldbaum J. C. Metalwork from Sardis: The Finds through 1974. *Archaeological Exploration of Sardis, Monograph 8*, London, Harvard University Press, 1983, 216 p.

Э. А. Хайрединова

Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма

Резюме

Серьги с небольшим гладким литым многогранником, неподвижно прикрепленным к кольцу, появились на рубеже IV-V вв. в римских провинциях на Среднем Дунае. В начале V в. новое украшение распространилось и в Крыму, где в различных вариациях просуществовало до середины VII в. На Боспоре бытовали только серьги 1, 2 и 3 варианта, а в Юго-Западном Крыму – всех шести вариантов. На Боспоре серьги носили до конца VI в., а в Юго-Западном Крыму на полвека дольше – до середины VII в. Преобладают серьги 1 варианта с небольшим гладким многогранником, найденные в комплексах V – первой четверти VII вв. (рис. 1,1). Время наибольшей популярности серег варианта 1 на Боспоре пришлось на первую половину V в., а в Юго-Западном Крыму и Херсоне – на весь VI в. Во второй половине V в. появляются серьги с более массивным многогранником 2 варианта, просуществовавшие до конца первой четверти VII в. (рис. 1,2). Самые крупные серьги этого варианта найдены в комплексах

второй половины VI в. Их делали местные мастера, копируя золотые серьги с полым многогранником, как раз в это время вошедшие в моду. Серьги 3 варианта с врезным орнаментом на многограннике бытовали в V – первой половине VII вв., при этом большинство из них происходят из погребений VI в. (рис. 1,3). Пара серег 4 варианта с многогранником, украшенным вставками из красного камня, найдена на могильнике Черная речка, в погребении второй половины V в. (рис. 1,4). Серьги 5 варианта с многогранником, украшенным зернью, бытовали во второй половине VI – первой четверти VII вв. (рис. 1,5). Во второй четверти VII в. в Юго-Западном Крыму изготавливали серьги 6 варианта, которые были дешевыми копиями из бронзы и стекла одновременных золотых серег с многогранником (рис. 1,6). В середине VII в. на смену серьгам с литым неподвижным многогранником (тип 1) приходят украшения, у которых литой многогранник насажен на кольцо (тип 2).

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Боспор, Херсон, готы, серьги с многогранником, женский костюм.

E. A. Khairedinova
Earrings with a Cast Immobile Polyhedron in the Crimea
Summary

Earrings with a small plain cast polyhedron immovably set on the ring appeared on the turn of the fourth and fifth century AD in the Roman provinces in the Middle Danube area. In the early fifth century, this new decoration penetrated into the Crimea, where it existed, with minor variations, to the mid-seventh century. In Bosphoros, there only were the earrings of Variants 1, 2, and 3, though in the South-Western Crimea there were all the six variants. In Bosphoros, these earrings were worn as long as the late sixth century, though in the South-Western Crimea they lasted for fifty years longer, up to the mid-seventh century. The predominant type comprised earrings of Variant 1 with a small plain polyhedron found in the assemblages from the fifth to the first quarter of the seventh century (fig. 1,1). Variant 1 earrings were especially popular in Bosphoros in the first half of the fifth century, and in the South-Western Crimea and Cherson throughout the sixth century. In the second half of the fifth century, there appeared the earrings with a bigger polyhedron, of Variant 2, which existed as long as the late first quarter of the seventh century (fig. 1,2). The biggest earrings of this variant originate from the second half of the sixth century assemblages. They were made by local artisans as copies of gold earrings with hollow polyhedron, which became fashionable in this period. Earrings of Variant 3 with incised ornamentation on the polyhedron existed from the fifth to the first half of the seventh century; most of them originate from the sixth century graves (fig. 1,3). A pair of earrings of Variant 4 with polyhedron decorated with red stone insets has been excavated in Chernaia River cemetery, in a grave from the second half of the fifth century (fig. 1,4). The earrings of Variant 5 showing the polyhedron decorated with granulation were in use in the second half of the sixth and the first quarter of the seventh century (fig. 1,5). In the second quarter of the seventh century, in the South-Western Crimea there was the production of the earrings of Variant 6 as inexpensive bronze-and-glass copies of simultaneous gold earrings with a polyhedron (fig. 1,6). In the mid-seventh century, earrings with a cast immobile polyhedron (Type 1) were replaced with a new type of ornaments with a polyhedron put on the ring (Type 2).

Keywords: South-Western Crimea, Bosphoros, Cherson, Goths, cast immobile polyhedron earrings, women's costume.

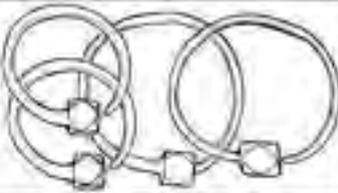
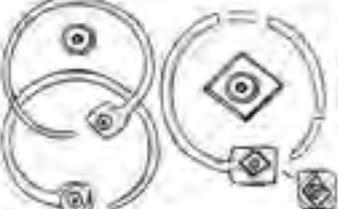
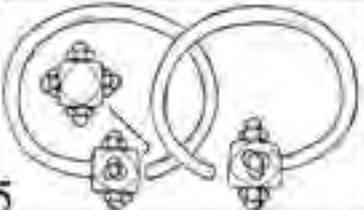
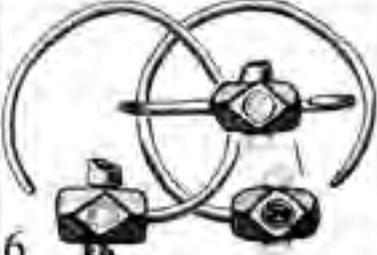
 <p>1</p>						
 <p>2</p>						
 <p>3</p>						
 <p>4</p>						
 <p>5</p>						
 <p>6</p>						
<p>400-450 450-500 500-550 550-600 600-625 625-630</p>						

Рис. 1. Типология и хронология серег с литым неподвижным многогранником из Крыма.

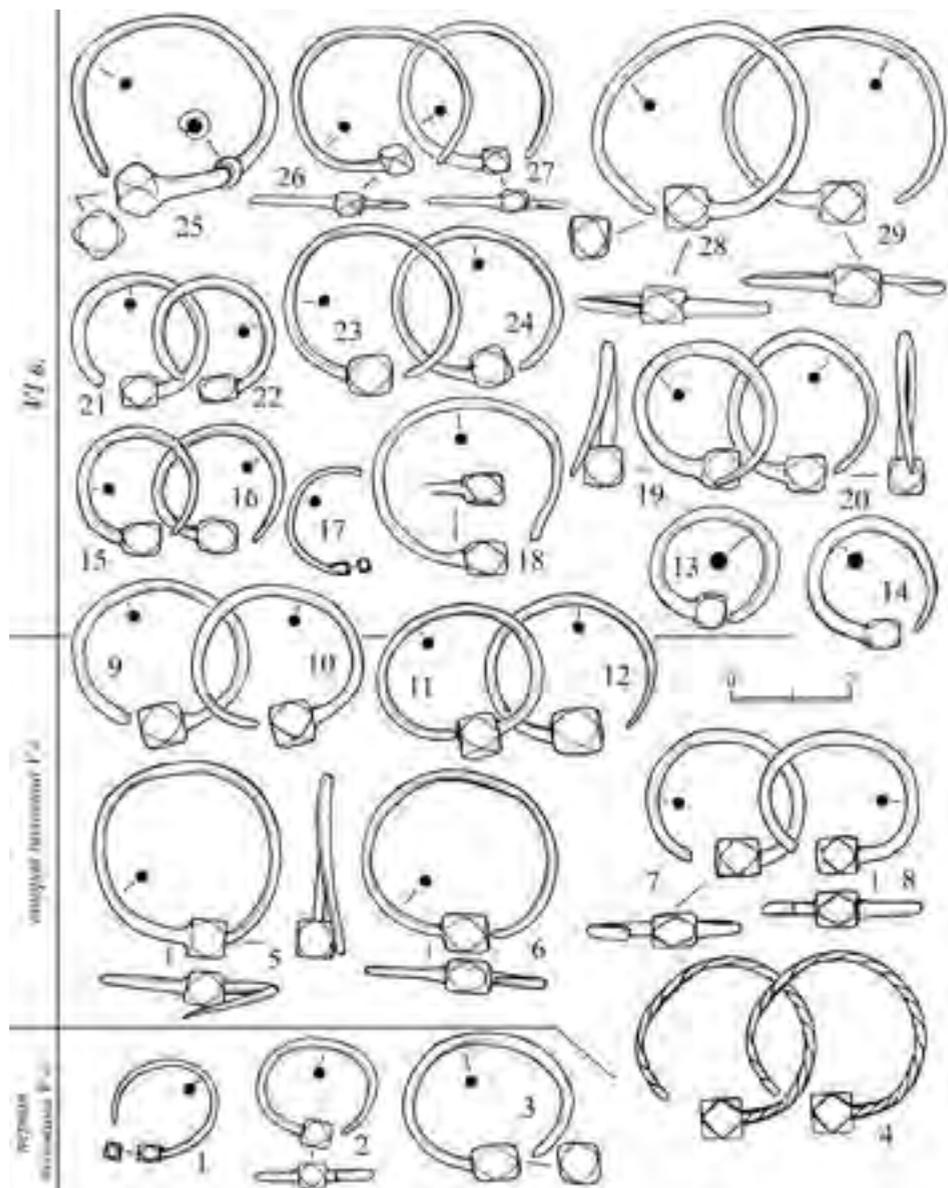

Рис. 2. Серьги с литым неподвижным многогранником 1 варианта V-VI вв. из Юго-Западного Крыма. 1, 5-8, 17-20, 25-29 – Лучистое (1 – склеп 41; 5, 6 – склеп 66, погребение 3; 7, 8 – склеп 75, погребение 2; 17 – склеп 36; 18 – склеп 110, погребение 13; 19, 20 – могила 119; 25 – могила 171, погребение 2; 26-29 – склеп 107); 2 – Красный Мак, склеп 2 [по: 38, рис. 4,13; 39, с. 230, рис. 4,5]; 3 – Совхоз 10, склеп 8 [по: 51, табл. 35,205]; 4, 23, 24 – Сахарная Головка (4 – подбойная могила 53/1952 г.; 23, 24 – подбойная могила 16/1953 г.) [по: 15, с. 177-178, табл. V,5; 16, с. 46, 48, рис. 5,11]; 14 – Нейзац, могила 114 [по: 66, рис. 6,2]; 13 – Карши-Баир II, склеп 3 [по: 54, рис. 80,24]; 15, 16 – Карши-Баир I, склеп 7 [по: 54, рис. 3,4,5]; 9-12, 21, 22 – Скалистое (9-12 – склеп 490; 21, 22 – склеп 754) [по: 17, рис. 90,23-26; 116,6,7].

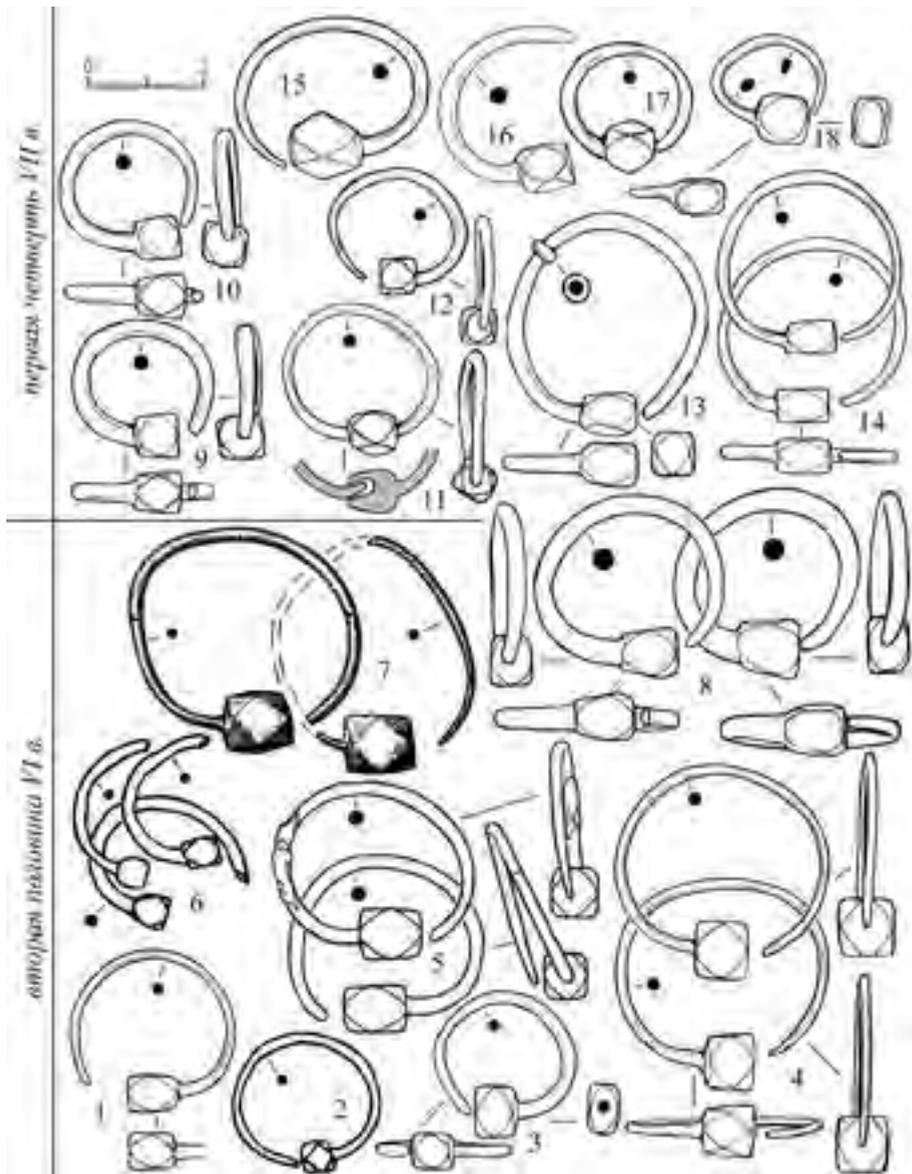

Рис. 3. Серьги с литым неподвижным многогранником вариантов 1 (2, 6, 12) и 2 (1, 3-5, 7-11, 13-18) второй половины VI – первой четверти VII вв. из Юго-Западного Крыма.

1, 6 – Карши-Баир I (1 – склеп 2; 6 – склеп 5); 2 – Карши-Баир II, подбойная могила 2 [по: 54, рис. 72,5; 76,3,6,9; 83,7]; 3-5,7-15, 18 – Лучистое (3 – склеп 186, погребение 10; 4 – склеп 77, погребение 1; 5 – склеп 283, погребение 1; 7 – подбойная могила 63; 8 – склеп 294; 9, 10 – склеп 77, погребение 6; 11, 12 – склеп 131, погребение 4; 13 – склеп 202, погребение 12; 14 – склеп 104; 15 – склеп 77; 18 – склеп 113, погребение 13); 16, 17 – Суук-Су (16 – коллекция И. Диргардта; 17 – склеп 169, погребение 1) [по: 48, табл. XVI,1; 82, Abb. 68, Kat. 30].

Рис. 4. Серьги с литым неподвижным многогранником вариантов 1 и 2 из Херсона.

1-4 – некрополь [по: 70, с. 279, рис. 143,1-4]; 5, 6 – Южный некрополь, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, 1892 г.; 7-9 – Западный район, катакомба возле оборонительной стены, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, 1891 г. [по: 27, кат. 122-124; 42, кат. 106, 107]; 10-12 – Западный некрополь, склеп 74/1986 г. [по: 30, с. 129, рис. 3,8,9,12]; 13 – реконструкция Э. А. Хайрединовой костюма одной из погребенных в склепе 74/1986 г.

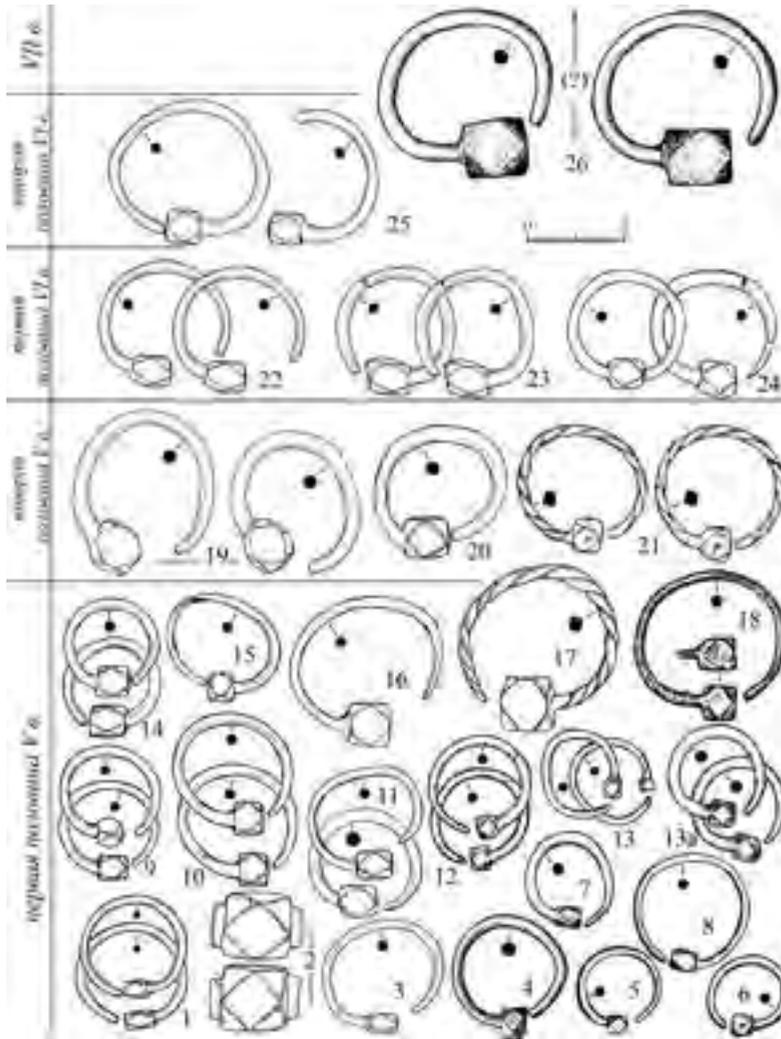

Рис. 5. Серьги с литым неподвижным многогранником вариантов 1 и 2 V-VI вв. из некрополей и сельских могильников Боспора.

- 1, 2, 9, 10, 14, 15, 22, 23, 25 – Боспор (1, 2 – два склепа 24 июня 1904 г.; 9 – Глиннице, подбойная могила в саду Н. Тумаковского; 10 – склеп на Тарханской дороге; 14 – Британский музей, коллекция Бертье-Делагарда; 15 – склеп 165, на полу, под левой лежанкой; 22 – склеп 78, погребение 10; 23 – склеп 78, погребение 7; 25 – Эспланадная улица, подбойная могила 19) [по: 28, кат. 12, 86, 99, 305, 351; 29, табл. XI,3; XVI,3,15]; 3 – Старожилowo I, склеп 3/3 [по: 40, рис. 8,7]; 4 – Заморское, могила 22 [по: 34, рис. 4,18]; 5-8, 12, 13, 13a, 17, 26 – Танаис (5 – Синявка; 6 – могила 3/1990 г.; 7 – могила 10/1981 г.; 8 – могила 32/1982 г.; 12 – могила 30/1985 г.; 13 – могила 18/1985 г.; 13a – могила 5/1988 г.; 17 – городище; 26 – могила 44/1992 г.) [по: 31, рис. 2,1; 11, табл. 6,64; 10,135; 21,287,288; 23,332,333; 35,454,455; 40,486; 74,948,949; 43, рис. 8,2]; 11, 16, 20, 24 – Сиреневая бухта (11 – могила 158; 16 – могила 167; 20 – могила 123; 24 – могила 133) [по: 41, табл. XII,13,15,16,30-32]; 18 – Фанагория, могила 52 [по: 52, табл. 64,53]; 19 – Китей, склеп 145, погребение 1 [по: 64, с. 60, рис. 2,4]; 21 – Тамань, коллекция И. Диргардта [по: 82, Abb. 65, Кат. 28].

Рис. 6. Серьги с литым неподвижным многогранником 1 варианта из погребений Юго-Западного Крыма и сопутствующие им находки.

1-3, 8-13, 33-38, 43-46 – Лучистое (1-3 – склеп 41; 8-10 – склеп 66, погребение 3; 11-13 – склеп 75, погребение 2; 33, 34 – склеп 186; 35-38 – склеп 131, погребение 4; 43-46 – склеп 113, погребение 13); 4,5 – Совхоз 10, склеп 8; 6, 7 – Красный Мак, склеп 2; 14-17, 30-32 – Карши-Баир II (14-17 – склеп 3; 30-32 – подбойная могила 2); 23-29 – Карши-Баир I (23-26 – склеп 7; 27-29 – склеп 5); 18-22 – Неизац, подбойная могила 114; 39-42 – Суук-Су, склеп 169, погребение 1 [4, 5 – по: 51, табл. 35,19,20; 6, 7 – по: 38, рис. 3,10; 4,13; 18-22 – по: 66, рис. 6,2,4,6; 7,1,12,14; 14-17, 27-32 – по: 54, с. 122, рис. 76,1,2,6; 80,1-3,24; 83,5-7; 23-26 – по: 55, с. 218, рис. 3,1-3,8,9; 39-42 – по: 48, табл. XIII,5; XV,2; XVI,1,2].

Рис. 7. Женское погребение первой половины V в. из могилы 22 могильника Заморское с серьгами с литым неподвижным многогранником вариантов 1 (2) и 3 (1).

1-8 – инвентарь [по: 34, рис. 4,1,6,8,9,11,18,22]; I – реконструкция Э. А. Хайрединовой убора погребенной.

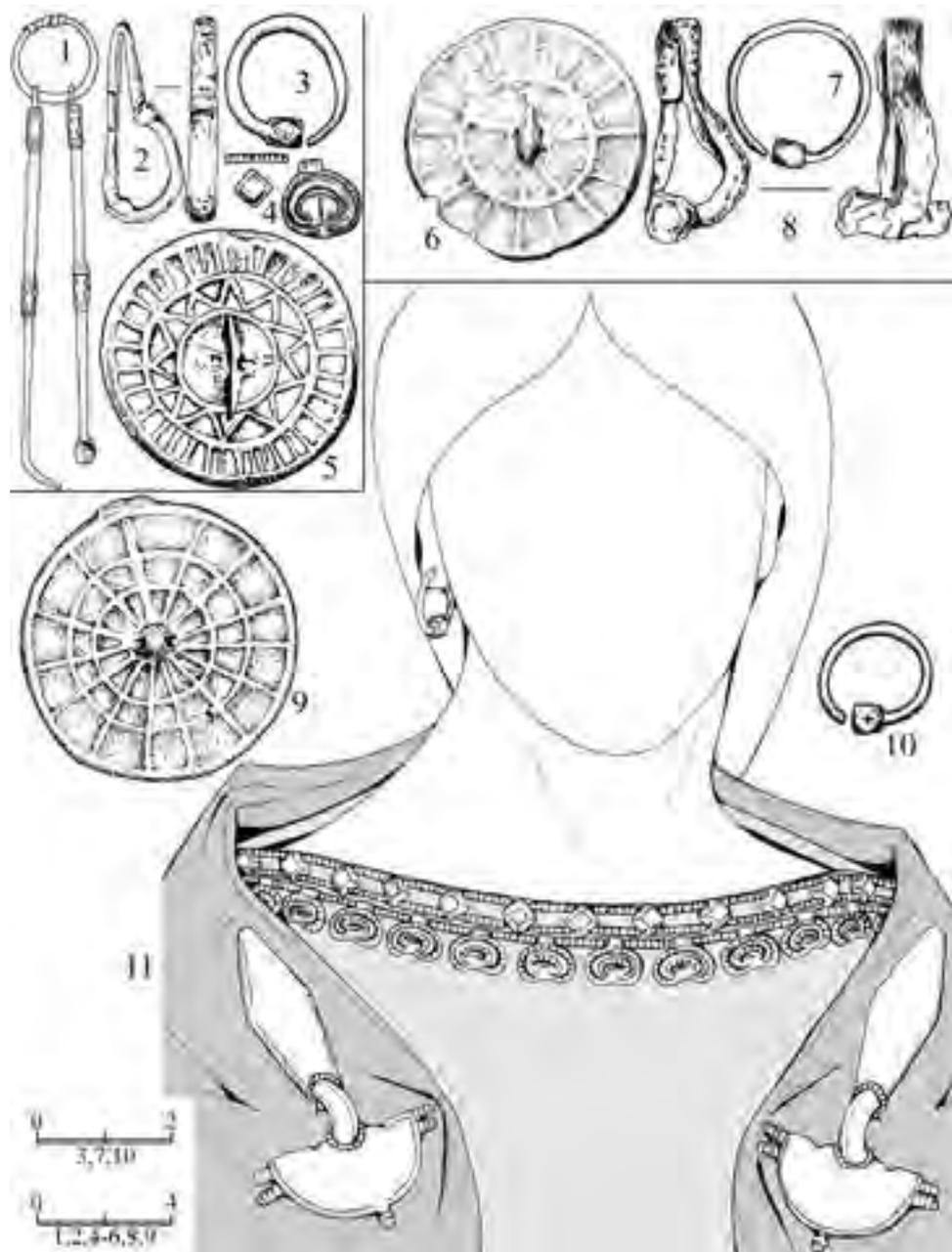

Рис. 8. Инвентарь из женских погребений первой половины V в. из некрополя Танаиса и реконструкция женского парадного убора.
1-5 – могила 10/1981 г.; 6-8 – могила 32/1982 г.; 9-11 – могила 3/1990 г. (реконструкция Э. А. Хайрединовой) [1-10 – по: 11, табл. 6; 10, 128, 132, 135; 40, 482, 486].

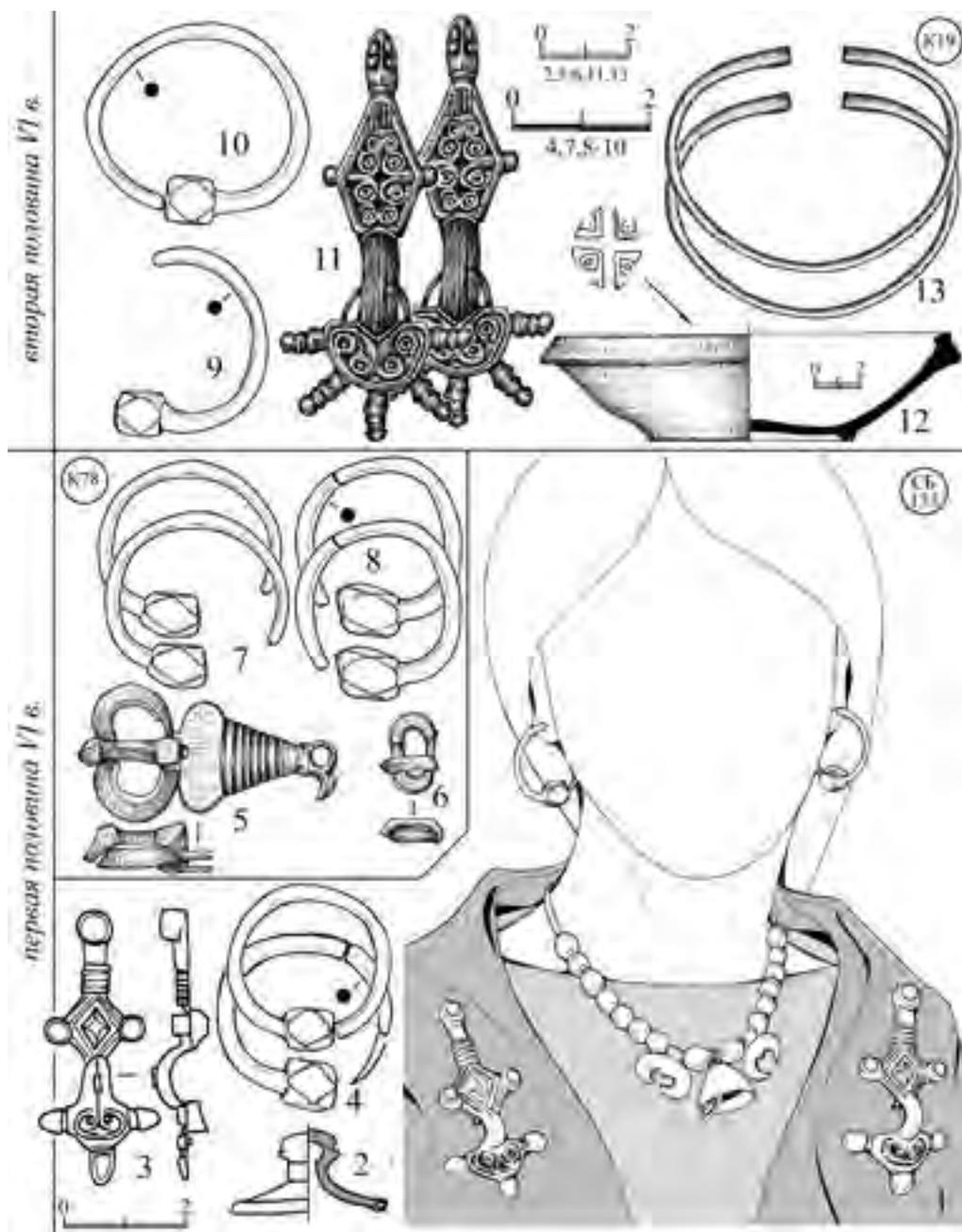

Рис. 9. Серьги с литым неподвижным многогранником вариантов 1 и 2 из погребений VI в.
1 – Сиреневая бухта, могила 133, реконструкция Э. А. Хайрединовой убора погребенной; 2-4 – Сиреневая бухта, инвентарь из могилы 133 [по: 41, табл. II,2; VIII,20; XII,15,16]; 5-13 – Керчь (5-8 – склеп 78/1907; 9-13 – могила 19/1904, северный подбой) [по: 2, рис. 37,3-5,7, табл. XXVI,6,7].

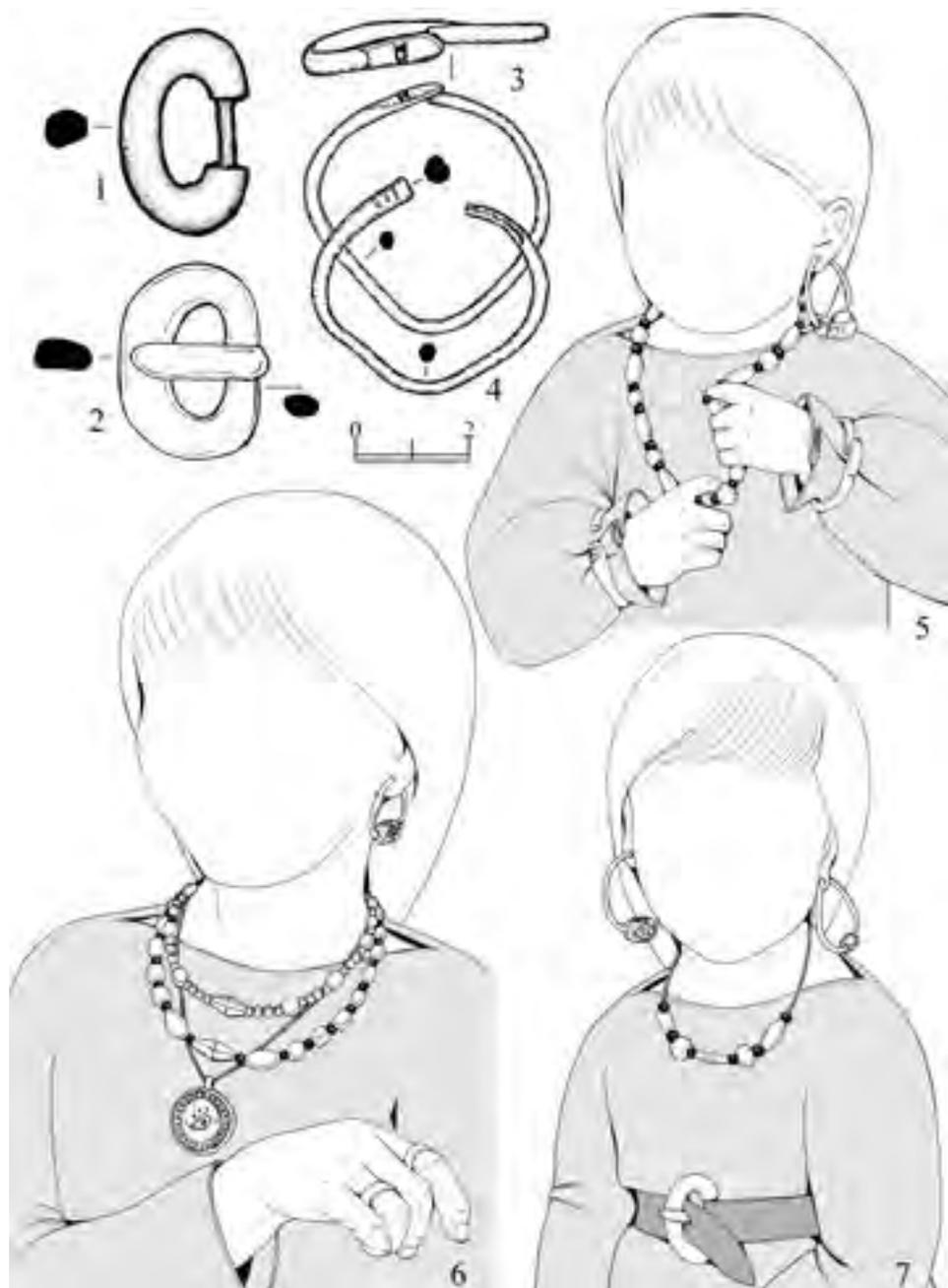

Рис. 10. Детские погребения VI в. с серьгами с литым неподвижным многогранником вариантов 1 и 3 из могильника у с. Лучистое (1, 7 – склеп 110, погребение 13; 2, 6 – могила 256; 3-5 – могила склеп 171, погребение 1).

1-4 – инвентарь; 5-7 – реконструкция Э. А. Хайрединовой убора погребенных.

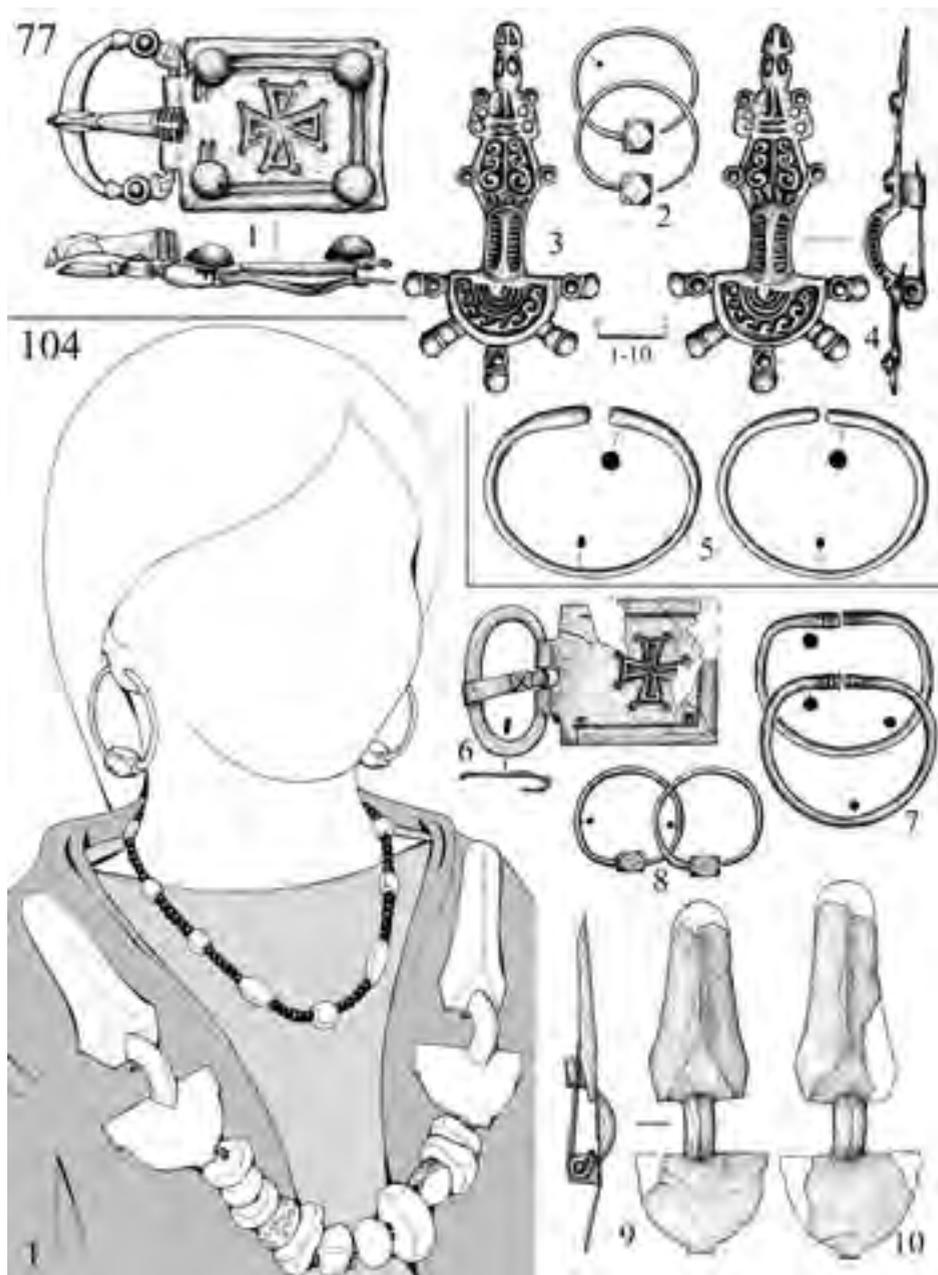

Рис. 11. Погребения второй половины VI в. и первой четверти VII в. с серьгами с литым неподвижным многогранником варианта 2 из могильника у с. Лучистое (1-5 – склеп 77, погребение 1; 6-10, 1 – склеп 104, погребение 1).

1 – реконструкция Э. А. Хайрединовой убора погребенной.

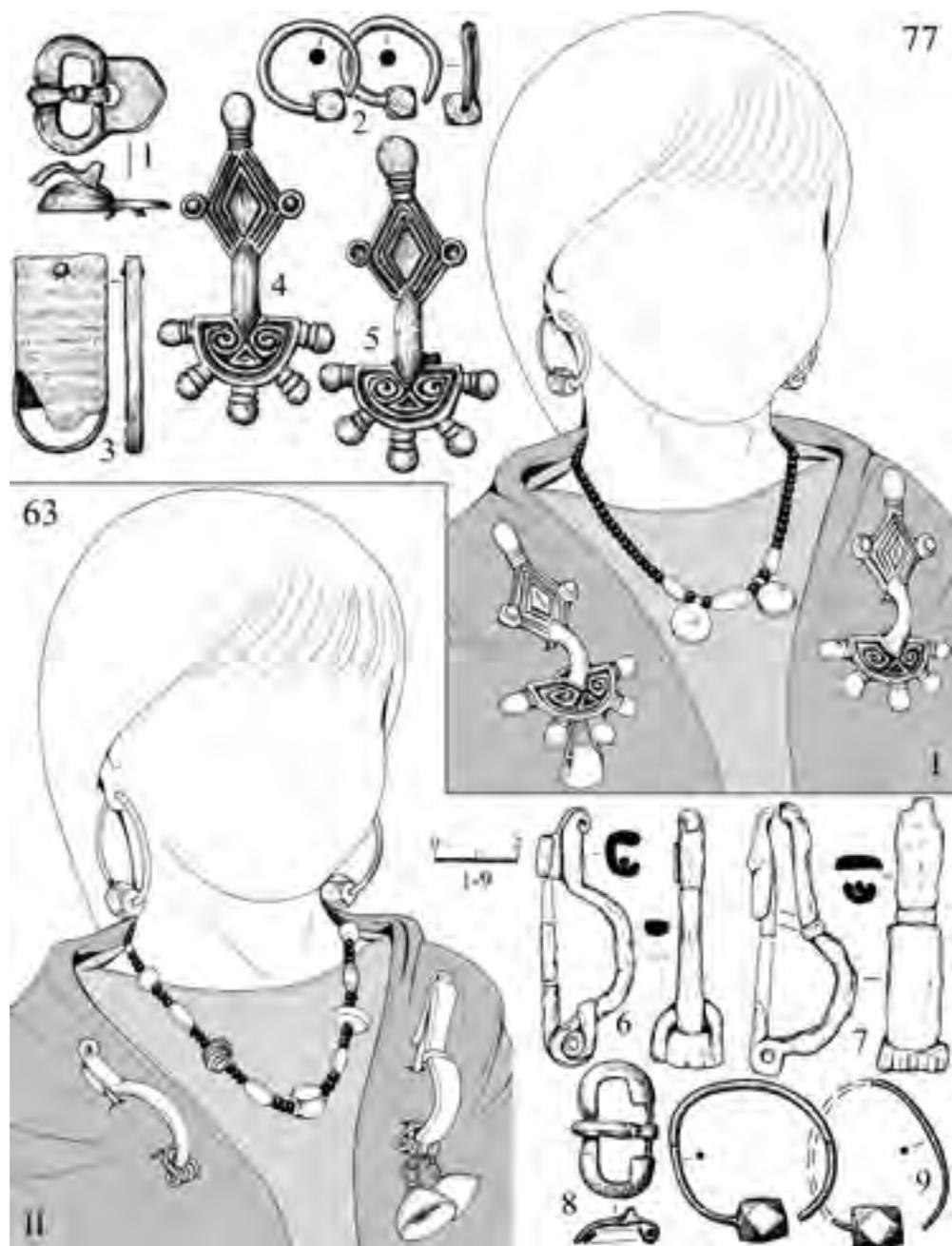

Рис. 12. Детские погребения второй половины VI в. (6-9, II) и первой четверти VII в. (1-5, I) с серьгами с литым неподвижным многогранником варианта 2 из могильника у с. Лучистое (1-5, I – склеп 77, погребение 6; 6-9, II – могила 63).

I, II – реконструкция Э. А. Хайрединовой убора погребенных.

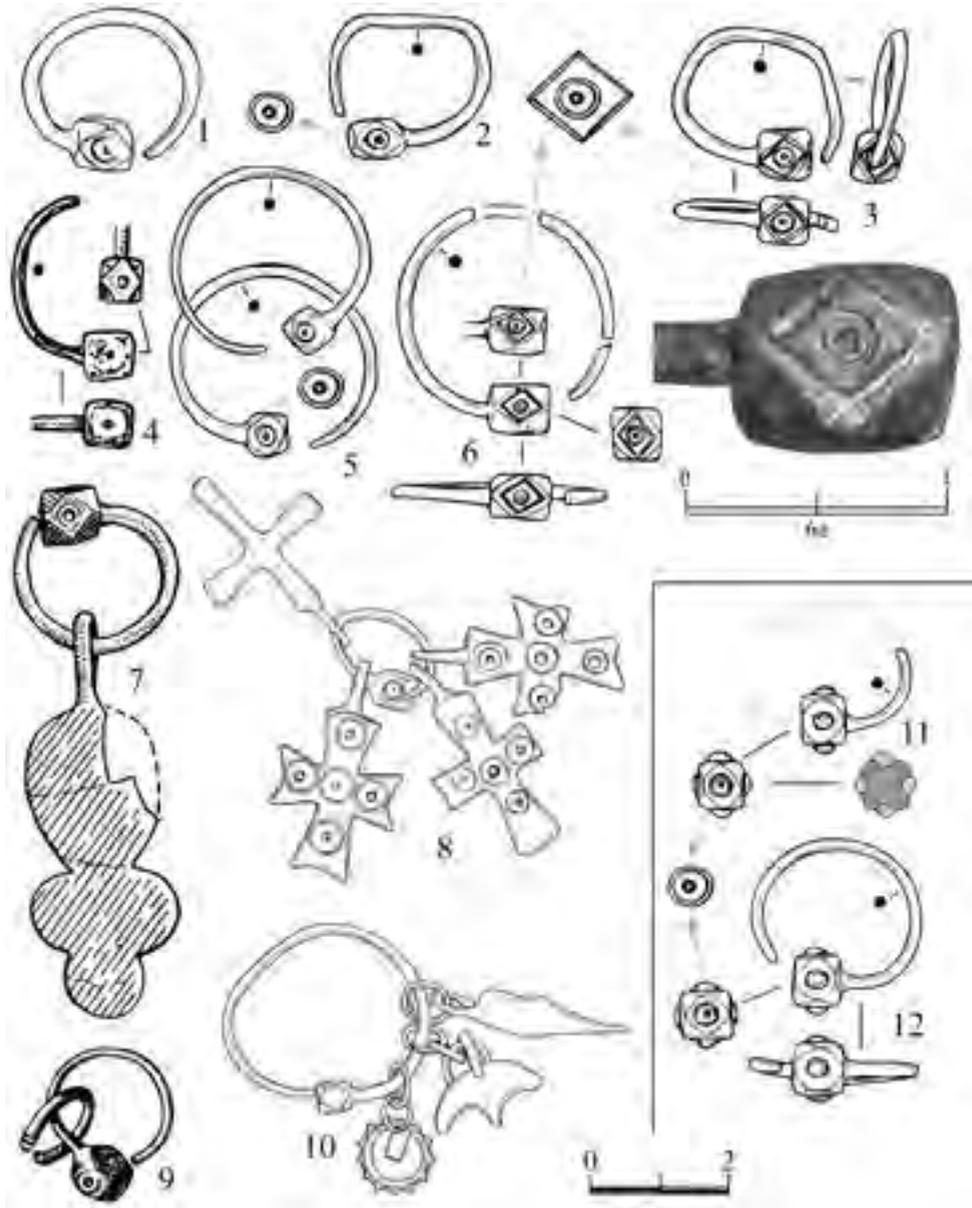

Рис. 13. Серьги с литым неподвижным многогранником вариантов 3 (1-7) и 4 (11, 12) второй половины V – первой половины VII вв. из Крыма и Фанагории и их аналогии из Венгрии и Турции (8, 9).

1 – Сиреневая бухта, склеп 23/11 [по: 40, рис. 53,17]; 2 – Эски-Кермен, подбойная могила 80; 3, 6 – Лучистое (3 – могила 256; 6 – склеп 110, погребение 13); 4 – Фанагория, некрополь «В», могила 94/1938 г. [по: 52, табл. 64,26]; 5 – Скалистое, склеп 190; 7 – Заморское, могила 22 [по: 34, с. 34, рис. 4,18]; 8 – Турция, Кютахья [по: 108, р. 248]; 9 – Сабадбатъян, могила 13 [по: 76, Taf. 33,16]; 10 – Северная Италия [по: 68, с. 551, кат. VIII.7.2]; 11, 12 – Черная речка, склеп 11/1989 г.

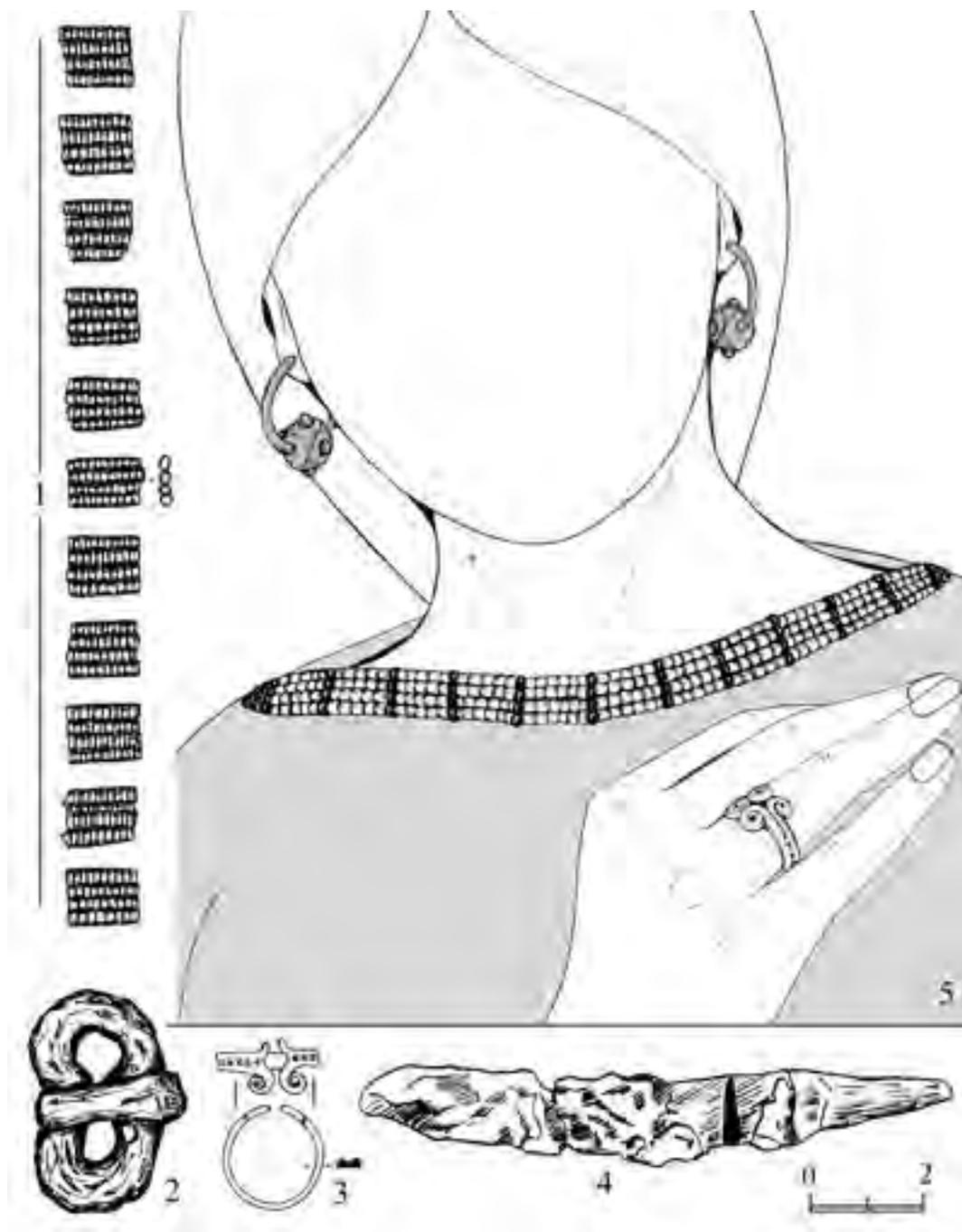

Рис. 14. Черная речка, погребение из склепа 11/1989 г. второй половины V в. с серьгами варианта 4.
1-4 – инвентарь из погребения; 5 – реконструкция Э. А. Хайрединовой убора погребенной.

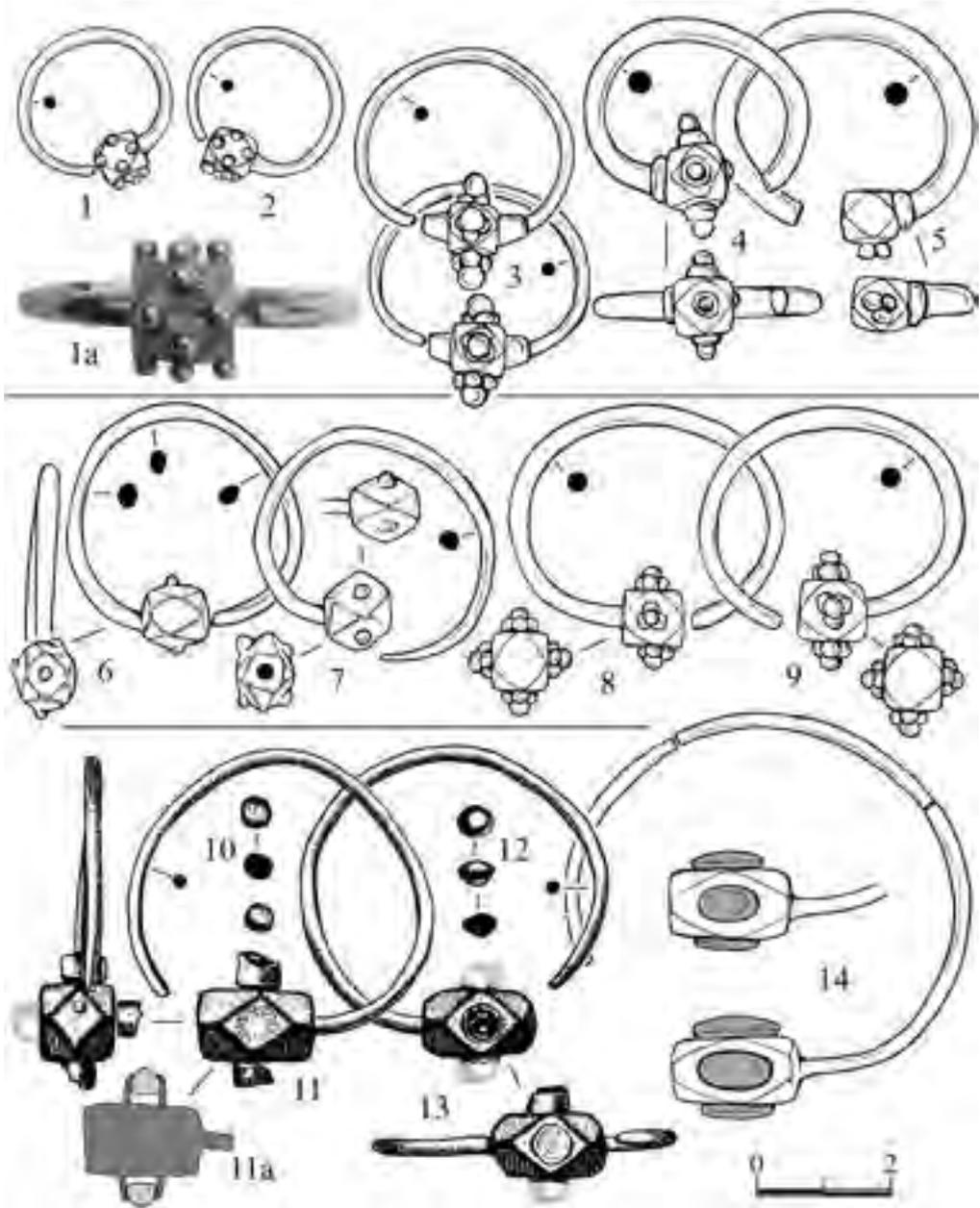

Рис. 15. Серьги с литым неподвижным многогранником вариантов 5 (1, 2, 6-9) и 6 (10-14) второй половины V – первой половины VII вв. из Крыма и их аналогии с Северного Кавказа (3-5).

1, 2 – Керчь [по: 82, Abb. 66-67, Кат. 29]; 3 – Чми [по: 25, рис. 2,7]; 4, 5 – Тызыл [по: 9, рис. 29,14,15]; 7-13 – Лучистое (6, 7 – склеп 83/1, погребение 3; 8, 9 – склеп 102, погребение 9; 10-13 – склеп 54, погребение 20); 14 – Суук-Су, могила 86 [по: 47, табл. I,5].

Н. П. ТУРОВА, С. А. ЧЕРНЫШ

**РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК АЛОНИЯ
НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА
(по материалам раскопок 1998, 2001, 2002 гг.)**

В 1998 г. в долине р. Темиар, над обводной дорогой Ялта – Севастополь, в 0,5 км от Ялтинской АГЗС, в урочище Алония (Алунья) сотрудником Ялтинского историко-литературного музея Н. П. Туровой в ходе археологических разведок были обнаружены остатки разрушенного грабителями раннесредневекового склепа (рис. 1). Открытый могильник получил название по урочищу. Могильник находится на одном из восточных склонов долины, на территории виноградника, заброшенного во второй половине 80-х гг. XX в. Крутизна склона здесь в среднем достигает 20 градусов. Нижняя часть склона спускается к р. Темиар и перекрыта свалкой строительного мусора. Свалка образовала искусственную террасу высотой около 10 м и шириной примерно 40 м (рис. 2). За последние несколько лет терраса покрылась густой древесно-кустарниковой растительностью. Неконтролируемый завоз строительного мусора на территорию урочища, сопровождающийся искусственными нивелировками его склонов, продолжается и в настоящее время, при этом полностью меняя окружающий ландшафт.

В 2001 и 2002 гг. по заказу Госкомитета по охране культурного наследия АР Крым сотрудниками Ялтинского историко-литературного музея и Южнобережного отряда Горно-крымской экспедиции Крымского филиала Института археологии НАН Украины на могильнике проводились охранные раскопки под руководством С. А. Черныша и Н. П. Туровой [4; 6; 7]. Полевые описи, рисунки находок выполнены Н. П. Туровой, чертежи погребальных сооружений, рисунки ювелирных изделий и сложных предметов сделаны Д. И. Неяченко.

На исследованной территории некрополя площадью около 70 кв. м открыто 12 погребальных сооружений: 3 склепа (№№ 1, 2, 11), 5 подбойных могил (№№ 1-4, 11) и 4 грунтовые могилы (№№ 1-4) (рис. 2). Они расположены в нижней юго-восточной части

бывшего виноградника (склеп № 1), по центру склона (склеп № 2), в верхней северо-западной части (подбойные могилы №№ 1 и 4) и на северо-востоке (склеп № 11; подбойные могилы №№ 2, 3, 11 и грунтовые могилы №№ 1-4). На территории могильника зафиксировано более 80 грабительских шурфов, расположенных, в основном, вдоль склона, на участке размером 60х30 м. В ходе археологических исследований было зачищено 29 грабительских ям. В 12 из них обнаружены разрушенные погребальные сооружения, часть из которых, с большой долей осторожности, можно отнести к земляным склепам (№№ 3-10) или к подбойным могилам (№№ 5, 6, 8, 9). Склепы, подбойные могилы и грунтовые могилы нумеровались отдельно¹.

Стратиграфическая ситуация на исследованном участке могильника представлена следующим образом: небольшой слой дерна перекрывал переотложенный при плантаже и обработке виноградника слой суглинка мощностью 0,5 м, залегавшего поверх глинистого материка с примесью щебня. Погребальные сооружения выкопаны в материке. Древняя дневная поверхность на всей исследованной площади срезана при планировке виноградника на различную глубину. Следы тризны зафиксированы только в слое засыпи входной ямы подбойной могилы № 1. Следы древнего выброса также не отмечены.

Большинство исследованных погребальных сооружений было деформировано в результате оползневых процессов. Практически все своды погребальных камер склепов и подбойных могил обрушены. Первоначальная засыпь входных ям отличается от материка меньшей плотностью и сероватым оттенком. Признаком затёчного грунта служат пятна плесени. У поверхности материка контуры ям расплываются и фиксируются с трудом.

Все исследованные погребальные сооружения однослойные, за исключением подбойной могилы № 2, содержащей костяки двух погребенных, захороненных один над другим. Склепы ориентированы камерой на северо-запад. Они состоят из прямоугольной в плане камеры с закругленными углами и прямоугольного (№ 11) или трапециевидного (№ 2) в плане дромоса. Со стороны дромоса вход закрывался несколькими плитами из песчаника, которые у основания подпирались камнями. Подбойные могилы состоят из прямоугольной или овальной в плане входной ямы, ориентированной с отклонениями от длинной оси север-юг (№№ 1, 2) и запад-восток (№№ 3, 4, 11), и из овального в плане подбоя, вырытого в длинном борту входной ямы. Подбой закладывался деревянными досками. Грунтовые могилы, овальной или прямоугольной в плане формы, ориентированы по оси север-юг (№№ 2, 3) или запад-восток (№№ 1, 4), с небольшими отклонениями. Грунтовые могилы №№ 3 и 4 относятся к типу могил «с заплечиками», перекрытиями для которых служили деревянные плашки.

Все захоронения совершены по обряду труположения в вытянутом положении на спине, головой на север или на запад с небольшими отклонениями. В склепах №№ 2 и 11 и в подбойных могилах №№ 1 и 3 вокруг костных остатков зафиксированы следы деревянных гробовин. Причем в склепе № 11 и подбойной могиле № 1 гробовины стояли на камнях. В склепе № 1 вокруг черепа костяка № 3 прослеживается известковая подсыпка. В склепе № 2 под костяком № 1 имелась подсыпка из углей (толщиной до 1,0 см), особенно ярко выраженная в районе костей стоп.

¹ На прилагаемом плане определенные склепы, подбойные и грунтовые могилы обозначены – «скл1», «пм2» и «г1». Частично доследованные грабительские ямы и идентифицированные с каким либо погребальным сооружением помечены – «пм7/62», грабительские ямы – просто цифрами.

Коллекция находок из раскопок могильника, насчитывающая 821 предмет, передана на хранение в фонды Ялтинского историко-литературного музея.

Описание погребальных сооружений

Склеп №1 (рис. 2-11) обнаружен в 1998 г. в обресе котлована в южной части склона на границе между заброшенным виноградником и свалкой строительного мусора. Слой, содержащий человеческие кости, залегал на глубине² около 0,5 м. Склеп ориентирован камерой на северо-запад. Дромос и юго-восточная часть камеры склепа были снесены экскаватором. В сохранившейся части стенки камеры прослежены на высоту 0,2 м. На полу камеры зачищены сильно истлевшие остатки костяков трех взрослых (№№ 2, 3, 4) и пятна тлена с зубами, фрагментами черепов и немногочисленными другими костями от трех детских захоронений (№№ 1, 5, 6). Погребенные были положены на спине, головами на северо-запад, взрослые – с вытянутыми вдоль туловища руками. У погребенного № 3 кисть правой руки лежала на тазу. Под костяком № 2 прослежен тонкий слой известковой подсыпки, под черепом – глубиной 0,02-0,03 м. В центре камеры находился костяк мужчины (№ 2), к юго-западу от него – костяки двух женщин (№№ 3, 4), а у входа в камеру – детские погребения (№№ 1, 5, 6) (рис. 3).

Погребение № 1 (рис. 4; 6,2,7) прослежено по костному тлену и зубам, лежавшим в анатомическом порядке. Видимо, к нему относятся две сферические стеклянные бусины, найденные в заполнении: белая с желто-синими глазками (рис. 6,7)³ и мозаичная, синезеленого цвета с красными пятнами (рис. 6,2).

От **погребения № 2** (рис. 4; 5,1,3-6) сохранилась только верхняя часть костяка. Кости кистей рук, ног и частично таза были обрезаны котлованом. До начала раскопок в стенке котлована в районе костей таза были найдены обломки железного ножа (рис. 5,5), фрагменты медной проволоки (рис. 5,4) и три кремневых отщепы (рис. 5,6). На костяке зачищены бронзовые пряжка с В-образной рамкой и пластинчатым щитком прямоугольной формы, украшенным прорезным геометрическим декором (рис. 5,3), и пластинчатый наконечник ремня (рис. 5,1).

В **погребении № 3** (рис. 7-9; 10,14-22) найдены: около височных костей – золотые серьги в виде проволочных колец с полым многогранником, украшенным зернью и плоскими вставками из белого прозрачного стекла (рис. 7,8; 8,8); в верхней части грудной клетки – лежавшие головкой вниз две литые бронзовые двухпластинчатые фибулы с выступами в виде птичьих головок (длина 8,5 см) (рис. 8,9); между фибулами – железная подвеска в виде стерженька с расплюснутым концом и три бусины: янтарная, керамическая усечено-конической формы и 14-гранная из темно-синего глухого стекла (рис. 10,14-17); на поясничных позвонках – серебряная орлиноголовая пряжка 1-го варианта (длина 14,88 см; длина соединительной пластины 1,3 см) второй половины VI в. (рис. 9) [1, с. 33, рис. 2,81; 3, с. 21, рис. 12,2]; под левой локтевой костью – фрагмент железного однолезвийного ножа (рис. 8,13); на костях правого предплечья – серебряный браслет из круглого в сечении стержня с утолщенными сомкнутыми концами, украшенными поперечными параллельными бороздками (рис. 8,11). На левой стороне грудной клетки лежали бусы: крупные янтарные (рис. 10,20,22), три 14-гранных из темно-синего глухого стекла (рис. 10,18,19,21) и

² Глубина указана от современной дневной поверхности

³ Порядковые номера находок на рисунках даны в соответствии с годами раскопок и коллекционными описями.

бронзовый литой колокольчик с железным язычком (рис. 8,12).

В погребении № 4, зачищенном около юго-западной стенки камеры (рис. 7; 10,25-38; 11), обнаружены: на шейных позвонках – 16 янтарных бусин (рис. 10,25-38); на поясничных позвонках – большая серебряная пряжка с прямоугольным щитком 5-го варианта с вытисненным изображением равноконечного креста с круглыми углублениями на концах (длина 12,73 см) второй половины VI – первой половины VII вв. (рис. 11,23) [3, с. 25, рис. 15]; на костях предплечий – пара серебряных браслетов из круглого в сечении стержня с утолщенными концами, украшенными поперечными параллельными бороздками (рис. 11,24).

Среди костного тлена от погребения № 5 лежали бусы из янтаря, черного глухого и бесцветного прозрачного стекла (возможно, с внутренней металлической прокладкой) (рис. 5,42-46,48-53,55-60), а также бронзовая пряжка, штампованная из тонкой пластины (рис. 5,41), лежавшая лицевой стороной вниз и рассыпавшаяся в момент извлечения из грунта⁴.

В погребении № 6 обнаружены: серебряная серьга в виде проволочного незамкнутого кольца с припаянной пирамидкой из зерни (рис. 6,62), стеклянная мозаичная граненая пронизь с зелено-белесым орнаментом, с торцов обрамленным красным глухим стеклом (рис. 6,64), трехчастная стеклянная бусина с внутренней позолотой, расслоившаяся на воздухе, 22 янтарные бусины (рис. 6,65,67-74,76-87), а также рассыпавшиеся две подвески из тонкого бронзового листа, свернутого в три слоя, одна из которых имела отверстие.

Склеп № 2 исследован в 2001 г. в центральной части могильника в 16 м к северу от склепа № 1, на глубине 3,4 м (рис. 2; 12-21). Ориентирован по оси юго-восток – северо-запад. Длина склепа – 4,38 м. Камера размером 2,18x1,6 м имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, пол наклонен в сторону от дромоса. Южная часть камеры склепа разрушена грабительской ямой размером 1,3x1,1 м, глубиной 2,5 м (рис. 12). Каменные плиты заклада, сместившиеся при обвале свода внутрь камеры, выступали из стены грабительской ямы и при зачистке обрушились внутрь. Основная плита, стоявшая вертикально на полу камеры, имела неправильную форму, ее высота 0,76 м, ширина 0,69 м. Две другие, меньшего размера плиты, стоявшие на дне дромоса, сильно повреждены грабителями. Длина дромоса по дну – 1,8 м; глубина в торце – 1,66 м; ширина – 0,4 м, у входа в камеру – 0,72 м. Судя по заполнению дромоса, после строительства грунт выбирался не менее двух раз. Причем, один раз засыпь была выбрана не до самого дна, а в другой раз часть грунта у западного борта была оставлена (то есть дромос сузили). Таким образом, получилась ступень из утоптанной засыпи вдоль западного борта (рис. 12).

В камере выявлены остатки погребений мужчины (№ 1), женщины (№ 2) и девушки-подростка (№ 3), похороненных вытянуто на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми вдоль туловища руками (№№ 1, 2), либо с согнутыми в локтях и уложенными на тазу руками (№ 3) (рис. 13). Все погребения совершены в колодах, контуры которых зафиксировать не удалось, однако видно, что торцами они упирались в северную стенку камеры. Под костяком № 1 имелась подсыпка из углей толщиной около 1,0 см, особенно ярко выраженная в районе костей стоп.

Погребение № 1 (рис. 13-15) выявлено в центре камеры. Сохранность костей плохая, череп сильно фрагментирован, грудной и шейный отделы позвоночника, ребра, ключицы,

⁴ Как и в случае наконечника ремня из погребения № 2, в иллюстрации мы приводим их рисунки из полевого дневника.

лопатки истлели почти полностью. Часть костей правой кисти отсутствует. В захоронении найдены: в области пояса – серебряная пряжка с прямоугольной рамкой с двумя бронзовыми зажимами для ремня (рис. 14,3); детали серебряного поясного набора (рис. 14; 15); серебряная пряжка от сумочки с прямоугольной рамкой (рис. 15,15); две заклепки (одна рассыпалась) (рис. 15,16); на костях запястья левой руки – сильно коррозированный железный браслет (рис. 14,2); под костями левой кисти – железный однолезвийный нож с остатками деревянных ножен (рис. 14,1).

В состав поясного набора входили литые с прорезным декором в виде личины детали: четыре восьмерковидные бляшки (рис. 15,9,10,18,20); геральдическая бляшка (рис. 15,5), Т-образная бляшка (рис. 15,23), четыре бляшки фигурной формы (рис. 14,6-8,14), а также наконечник вспомогательного ремня с узкой длинной прорезью по центру (рис. 15,22), шесть наконечников вспомогательных ремней, сделанных в виде коробочки с закругленной нижней частью (рис. 15,11,12,13,17,19) и аналогичный по форме и конструкции, но больших размеров наконечник основного ремня (рис. 14,4). Судя по положению наконечника основного ремня (рис. 13,4), его свободный конец после продевания сквозь пряжку просовывался под пояс, либо завязывался вокруг него.

Погребение № 2 располагалось к востоку от погребения № 1 (рис. 13). Череп раздавлен грунтом, имеет признаки искусственной деформации. В захоронении найдены: около нижней челюсти – пара золотых серег с многогранником, украшенным зернью и полусферическими вставками (рис. 18,24,25); на шейных позвонках – 34 янтарные бусины неправильной формы; около левого плечевого сустава – стеклянная 14-гранная бусина из темно-синего глухого стекла, украшенная накладными глазками из красного, желтого и синего стекла (рис. 19,34); вдоль плечевых костей – лежавшие головками вниз большие серебряные двупластинчатые фибулы с железными пружиной и иглой (длина 20,0 см) (рис. 18,28); на нижних позвонках – большая серебряная орлиноголовая пряжка 1-го варианта второй половины VI в. с девятью малыми и одной большой, в центре щитка, вставками (длина 16,43 см; длина соединительной пластины 1,25 см) (рис. 17) [1, с. 33, рис. 2,81; 3, с. 21, рис. 12,2]; на костях предплечий обеих рук – по серебряному браслету из овального в сечении стержня с утолщенными концами (рис. 19,29,30); на фаланге указательного пальца правой руки – серебряный перстень с проволочной шинкой и круглым пластинчатым щитком с врезным изображением креста (рис. 16,31); на фаланге одного из пальцев левой руки – массивный литой бронзовый перстень с гладким щитком (рис. 16,32); под левой тазовой костью – железный нож (рис. 16,42). На обороте рамки орлиноголовой пряжки сохранился фрагмент белой ткани.

Между фибулами, в нижней части грудной клетки лежали бусы: две 14-гранные из синего глухого стекла (рис. 19,41), сферическая синяя с красными пятнышками (рис. 19,35) и 14-гранная синяя с накладным глазком из красного, желтого и синего стекла (рис. 19,36), шесть крупных янтарных бусин (рис. 19,37), крупная 14-гранная уплощенная халцедоновая пронизь (рис. 19,40), а также два бронзовых конических колокольчика с врезным орнаментом (рис. 19,38,39). Удалось зафиксировать положение бус в низке. По центру располагалась халцедоновая пронизь, по бокам от нее – крупные янтарные бусины, чередовавшиеся со стеклянными 14-гранными. Около головки левой фибулы при зачистке нашли практически полностью рассыпавшийся медальон диаметром 3-4 см из серебряной пластины со следами тиснения и ободка из белого металла (свинца?).

Около левой бедренной кости, среди тлена от тканевой сумочки или мешочка зачищены:

бронзовый наконечник ремня, сделанный в виде коробочки (рис. 16,46), лежавшее поверх него круглое прозрачное стекло (рис. 16,44), девять фрагментов сильно коррозированных железных стержней, вероятно, от игл (рис. 16,43), четыре кусочка янтаря (рис. 16,45) и комочки румян бледно-розового цвета.

Погребение № 3 (рис. 13) зачищено у западной стены камеры склепа. Сохранность костей очень плохая, череп полностью раздавлен грунтом. В захоронении выявлены: в области височных костей – бронзовые серьги с многогранником, украшенным плоскими стеклянными вставками плохой сохранности (рис. 20,58,59); на шейных позвонках и в верхней части грудной клетки – бусы, подвески, бронзовый полый пластинчатый крест с расширяющимися концами, со стеклянной вставкой в напаянном в перекрестии гнезде (рис. 20,65) и два медальона из тонкого серебра, от которых остались только пятна окислов; на поясничных позвонках – большая серебряная пряжка с прямоугольным щитком 6-го варианта, с вытисненным изображением льва (длина 13,3 см) второй половины VI – первой половины VII вв. (рис. 21,48) [3, с. 26, рис. 16]; поверх пряжки – железный однолезвийный нож с остатками деревянных ножен и деревянная трубчатая игольница, покрытая резным геометрическим орнаментом, внутри которой сохранилась железная иголка (рис. 20,57); на костях левого предплечья – три бронзовых браслета из круглого в сечении стержня с ровными концами (рис. 16,51) и с концами, расплюснутыми штампом с рельефным орнаментом (рис. 21,52,53); на костях правого предплечья – пара аналогичных бронзовых браслетов (рис. 21,54,55); на фалангах пальцев обеих рук – по серебряному перстню с проволочной шинкой и круглым пластинчатым щитком (рис. 20,49,50).

В состав ожерелья помимо креста и медальонов входили: две биконические пронизи из светло-зеленого стекла, две сферические бусины из синего стекла, кольцевидная бусина из стекла бирюзового цвета (рис. 20,70), несколько бисерин из желтого, красного и бесцветного стекла (рис. 20,71-73), 14-гранная бусина из темно-синего глухого стекла, украшенная накладными глазками из красного, белого и синего стекла (рис. 20,63), семь бочковидных мозаичных бус (рис. 20,67), две цилиндрические граненые пронизи (рис. 20,62), 85 янтарных бусин неправильной формы, одна янтарная дисковидная (рис. 20,61), три раковины каури (рис. 20,68), подвеска из просверленного зуба животного (рис. 20,64). Судя по расположению бус, ожерелье было многорядным. В нижнем ряду висели раковины каури и медальоны.

Склеп № 11 исследовался в 2001 и 2002 гг. (рис. 2; 22-24)⁵. Находился в 2 м к юго-востоку от подбойной могилы № 2, на глубине 2,4 м. Ориентирован камерой на северо-запад (рис. 22). Длина склепа – 5,9-6,0 м; ширина трапецевидной в плане, с закругленными углами камеры – 2,55 м. Торцовые стенки вертикальные, боковые несколько наклонены внутрь, начиная с высоты 0,5 м. Грабительской ямой разрушена западная часть камеры. В грабительской засыпи были найдены обломки красноглиняной амфоры и фрагменты краснолакового блюда (рис. 23,180). Прямоугольный в плане дромос длиной по дну – 2,3 м; шириной – 0,8-0,82 м. Глубина в торце – 0,72 м, у входа в камеру – 1,35 м. Заклад входного отверстия, выполненный из двух каменных плит и пяти камней, сохранился *in situ*. У краев плиты имелись следы промазки щелей красной глиной. На полу камеры склепа зачищены переверошенные остатки погребений взрослого (№ 1) и ребенка (№ 2).

От погребения № 1 сохранились берцовые кости и левая бедренная кость. Судя

⁵ В отчете 2001 г. он обозначен как подбойная могила № 7.

по их расположению, умершего похоронили головой на северо-запад. На полу хорошо фиксировались остатки светлого тлена от гробовины. Возможно, гробовина стояла на камнях, один из которых лежал в области правой стопы. Вдоль бедренной кости лежал железный нож (рис. 24,177,234); в области левой стопы – раздавленный грунтом стакан из стекла оливкового цвета с «сотовым» орнаментом (рис. 24,181); справа от черепа – железный втульчатый наконечник копья листовидной формы (рис. 23,179). За черепом, около северо-западной стенки камеры стояли раздавленные краснолаковые орнаментированное блюдо (рис. 23,180) и миска (рис. 23,183), аналогичные найденным в погребениях конца IV – первой половины V вв. в могильнике у с. Лучистое [3, с. 46, рис. 24,1,14]. Рядом на полу лежала пиксида из трубчатой кости животного, украшенная линейным и циркульным орнаментом, и крышечка от нее (рис. 23,182). Подобные пиксиды распространены в погребениях первой половины V в. из Юго-Западного Крыма [5, с.73-74, рис. 14,1-3].

Остатки детского погребения № 2 зачищены в центральной части камеры, справа от захоронения № 1. Зафиксирован тлен от деревянной гробовины, стоявшей на четырех камнях (рис. 22). От детского костяка сохранились только кости левого бедра и голени. В области черепа лежал маленький железный нож (рис. 24,178).

Подбойная могила № 1 раскопана в 2001 г. в северной части исследованного участка, на глубине 1,4-2,04 м (рис. 25-27). Ориентирована по линии юг-север. Входная яма трапециевидная в плане; размер по дну – 0,88x2,16 м. В ее засыпи, около южного борта выявлены фрагменты лепных сосудов (рис. 58,83,84), оставшиеся, возможно, от тризны. Борты входной ямы вертикальные, дно – с небольшим уклоном в сторону подбоя. Из ямы в подбой вела ступень высотой 0,4 м. Размер подбоя – 1,10x1,42 м. На дне входной ямы прослежены остатки заклада из деревянных плах (рис. 25).

На полу подбоя зачищены остатки погребения женщины, захороненной на спине в вытянутом положении, головой на север, с уложенными вдоль туловища руками и чуть подогнутыми в коленях ногами. Зафиксирован тлен от гробовины, стоявшей на четырех плоских камнях. Два камня лежали под плечевыми костями, два – около костей стоп (рис. 26). Сохранность костяка плохая: ребра и фаланги пальцев рук истлели полностью, череп раздавлен.

В погребении найдены: за черепом, на полу подбоя – треснувшее краснолаковое блюдо с бедренной костью козы (овцы?) (рис. 27,74) и лежавший рядом фрагмент железной кольчуги (рис. 27,75); около правой височной кости – серебряная калачиковидная серьга с заходящими концами (рис. 27,82); около левой височной кости – серебряная серьга с многогранником (рис. 27,81); вдоль правой плечевой кости – железная прогнутая подвязная фибула (рис. 27,76); у правого локтевого сустава – лицевой стороной вниз литое серебряное круглое зеркало, с ячеистым орнаментом и небольшой петелькой на обороте (рис. 27,77) и железный нож со следами деревянной рукоятки (рис. 27,78); около костей правой стопы – два сероглиняных биконических пряслица (рис. 27,79,80).

Подбойная могила № 2 раскопана в 2001 г. в 10 м к северо-западу от склепа № 2, на глубине 0,08-1,32 м (рис. 2; 28-33). Ориентирована по оси север-юг (рис. 28). Размер входной ямы – 0,38x2,48 м. Длина выкопанного в восточном борту входной ямы подбоя – 2,46 м, ширина – 0,74 м. Вдоль западной стенки подбоя местами сохранился тлен от деревянного заклада входа, толщиной в несколько сантиметров. В южной части входной ямы прослежена угольная подсыпка, а в заполнении подбоя, на высоте 0,05-0,07 м над верхним костяком – небольшая прослойка углей. В подбое зачищены остатки двух погребений, совершенных

одно над другим.

Костяк № 1 принадлежал взрослому мужчине, похороненному вытянуто на спине, головой на север, с вытянутой вдоль туловища левой рукой и правой, согнутой в локте и отведенной в сторону (рис. 28; 29). В погребении № 1 обнаружены: на левой стороне грудной клетки – три фрагмента железного стержня плохой сохранности; на нижних ребрах, около левого плечевого сустава – бронзовая цельнолитая пряжка типа «Сиракузы» VII в. (рис. 30,85) [3, с. 56]; около левого тазобедренного сустава – однотипная бронзовая пряжка (рис. 30,86); под левой локтевой костью – железный нож (рис. 30,87); под костями левой кисти и левой бедренной кости – железный нож (рис. 30,94).

На полу зачищены остатки погребения женщины № 2, захороненной вытянуто на спине, головой на север (рис. 28; 31). Череп раздавлен грунтом. Некоторые кости перемещены при совершении захоронения № 1. В погребении № 2 найдены: около левой ключицы и нижней челюсти – три фрагмента бронзовой цепи из проволочных восьмерковидных звеньев (длина 2,0; 10,0 и 20,0 см) (рис. 32,107); два бронзовых колокольчика с коническим туловом, украшенным врезными линиями, граненой петелькой для подвешивания и остатками железного язычка (рис. 32,105,106), 14-гранная мозаичная бусина (рис. 32,102), сферическая ребристая бусина из стекла лимонного цвета (рис. 33,109), стеклянная светло-голубого цвета (рис. 33,114), бочковидные глазчатые бусины (рис. 33,110), янтарные крупные бусины (рис. 32,100,103,104,108,113; 33,99), стеклянные цилиндрические бусины (рис. 33,101,111), сердоликовая бочковидная бусина (рис. 33,112); в верхней части грудной клетки – большая орлиноголовая серебряная пряжка 4-го варианта второй половины VII в. [1, с. 33, рис. 2,136; 3, с. 22, рис. 12,43] с фрагментированным щитком и отсутствующим язычком (сохранившаяся длина 14,76 см; длина соединительной пластины 3,07 см) (рис. 32,97); на левой тазовой кости – серебряный браслет с расширяющимися концами (рис. 33,96); на правой стороне грудной клетки – стеклянная глазчатая светло-зеленого цвета бусина (к.о. № 98).

На полу подбоя, в разных его частях лежали относящие к погребению № 1 предметы: серебряный перстень с проволочной шинкой и круглым плоским щитком с циркульным орнаментом (рис. 30,95); бронзовая бесщитковая пряжка с овальной рамкой (рис. 30,88); серебряная серьга из круглой в сечении проволоки (рис. 30,89); биконическая бусина из синего стекла (рис. 30,92); бочковидные глазчатые бусины (рис. 30,93); бочковидные стеклянные мозаичные бусины (рис. 30,90,91). Из грунта, заполнявшего подбой, извлечены бусины: стеклянная круглая светло-зеленая глазчатая (рис. 30,115), шестигранная пронизь из зеленого стекла (рис. 30,116), две полихромные бусины (рис. 30,117,118), шестигранная мозаичная пронизь (рис. 30,119).

Подбойная могила № 3 раскопана в 2001 г. на восточной окраине исследованного участка, на глубине 0,7-0,92 м (рис. 2; 34-37). Ориентирована с востока на запад. Срезана плантажом до уровня пола входной ямы. Размеры входной ямы: длина – 2,22 м, ширина в средней части – 0,62 м, у торцов – 0,56 м. Подбой подпрямоугольный в плане (ширина 0,4 м). Пол подбоя ниже дна входной ямы на 0,6 м (рис. 34). На дне подбоя зачищен костяк молодой женщины, похороненной вытянуто на спине, головой на запад, с согнутыми в локтях руками, уложенными на животе, левая поверх правой. Судя по тлену, присутствовала гробовина.

В погребении найдены: в области правого плеча – бронзовая серьга с многогранником (рис. 35,125); около левой височной кости – бронзовая проволочная серьга (рис. 35,132) и

крупные бусы из стекла (рис. 37,128,130) и янтаря (рис. 37,127) и подвеска из ручки сосуда из зеленого прозрачного стекла (рис. 37,129); подзатылочной костью – сильно коррозированный железный предмет неизвестного назначения с прилипшей к нему бисериной (рис. 36,140); на шейных позвонках – небольшие бусы из стекла (рис. 37,126,131,134,136,139,141), янтаря (рис. 37,133,137) и металла (рис. 37,135,138); на ключицах – лежавшие головками вниз две пальчатые фибулы типа Аквилея / Удине-Планис из серебра с позолотой второй половины VI в. (рис. 36,121,122) [3, с. 24-26, рис. 14,8; 15,10; 16,8]; между позвоночником и левым локтевым суставом – серебряная позолоченная гепидская орлиноголовая пряжка (длина 12,3 см; длина соединительной пластины 0,76 см) (рис. 35,120); под рамкой пряжки – фрагмент железного однолезвийного ножа (рис. 37,141); на костях предплечий – по серебряному браслету из круглого в сечении стержня с расширяющимися концами, украшенными линейным орнаментом (рис. 35,123,124); на фаланге указательного пальца левой руки – серебряный пластинчатый перстень (рис. 35,142). Ножка фибулы, лежавшей в области левого плеча, была сломана в древности и отремонтирована напаянной с обратной стороны пластиной (рис. 36,122).

Судя по расположению бус, ожерелье было двурядным. Один ряд состоял из чередующихся сферических уплощенных янтарных и стеклянных бусин (рис. 37,133). Во втором ряду стеклянные бусины чередовались с янтарными бочковидными вытянутыми (рис. 37,137).

Подбойная могила № 4 раскопана в 2001 г. на северо-западе исследованного участка, на глубине 0,66-1,5 м (рис. 2; 38-39). Ориентирована с востока на запад. Входная яма расположена к югу от подбоя, ее размер по полу – 1,92x0,4 м. Зафиксирован тлен от деревянного заклада. Подбой в плане прямоугольный с закругленными углами, несколько расширяется к входной яме, размер – 1,0x2,18 м. В подбое зафиксированы остатки погребений мужчины (№ 1) и женщины (№ 2), похороненных вытянуто на спине, головой на запад с вытянутыми вдоль туловища руками; правая рука женщины была согнута в локте и уложена на тазу (рис. 38). На черепе женского костяка отмечены следы искусственной деформации.

В погребении № 1 найдены: около левого тазобедренного сустава, под костями кисти левой руки – железный нож (длина 17,0 см) (рис. 39,147); на поясничных позвонках – бронзовая бесщитковая пряжка с сегментовидной рамкой со следами позолоты на поверхности (рис. 39,148) и три литые бронзовые позолоченные заклепки с выпуклыми каплевидными шляпками (рис. 39,149-151). Две заклепки лежали рядом с пряжкой и крепились поперек ремня острыми концами друг к другу, третья – в четырех сантиметрах от пряжки, острым концом от нее.

В погребении № 2 обнаружены: в области шеи – бисерина из светло-серого стекла (рис. 39,146), на поясничных позвонках – большая серебряная пряжка с прямоугольным щитком 5-го варианта с выгисненным изображением креста с расширяющимися концами (длина 9,2 см) (рис. 39,145) второй половины VI – первой половины VII вв. [3, с. 25, рис. 15]; на костях предплечий обеих рук – по серебряному браслету из круглого в сечении стержня с утолщенными концами, украшенными линейным орнаментом (рис. 39,143,144).

Подбойная могила № 11 обнаружена в 2002 г. у северного борта раскопа к востоку от склепа № 11, на глубине 0,9 м (рис. 2; 40-43). Ориентирована с востока на запад. Длина трапециевидной в плане входной ямы – 2,10 м (рис. 40). В южном борту оставлена ступень длиной 1,0 м, шириной – 0,19-0,23 м. В засыпи входной ямы встречались одиночные угли

и следы деревянного заклада подбоя в виде черного тлена. Дно входной ямы и пол подбоя составляют одну поверхность. На полу подбоя зачищены остатки трех погребений. Кости погребенных №№ 2 и 3 были сдвинуты к северной стенке подбоя при совершении более позднего захоронения № 1.

Взрослого мужчину № 1 похоронили вытянуто на спине, головой на запад, с вытянутыми вдоль туловища руками и кистями, уложенными на бедрах (рис. 40). Кости ребер и позвонки практически полностью истлели. В погребении обнаружены: около левой ключицы – плохо сохранившийся серебряный пластинчатый наконечник ремня с закругленной нижней частью, украшенный штампованным орнаментом в виде пальметты в центре и двурядным зубчиком по краю (длина 4,0 см, ширина 1,2 см); в области пояса – фрагментированная железная бесщитковая пряжка с овальной рамкой (рис. 41,151); на крестце – железное кольцо (рис. 41,152); около левого локтевого сустава – железный черешковый однолезвийный нож (рис. 41,157), а на нем – железное шило с остатками деревянной рукоятки (рис. 41,153) и три кремня (рис. 41,154-156).

Среди перемещенных костей погребений №№ 2 и 3 найдены: девять янтарных бусин (рис. 42,159-167) и две пастовые бисерины (рис. 42,158); большая серебряная пряжка с прямоугольным щитком 6-го варианта с вытисненным изображением льва на прямоугольном щитке, с четырьмя заклепками с полусферической шляпкой (длина 12,0 см) (рис. 42,149) второй половины VI – первой половины VII вв. [3, с. 26, рис. 16]; бронзовая бесщитковая пряжка с сегментовидной рамкой и железным рассыпавшимся язычком (рис. 41,150).

Грунтовая могила № 1 исследована в 2002 г. в северо-восточной части могильника (рис. 2; 43; 44). Разрушена грабительской ямой, в заполнении которой найден фрагмент красноглиняной амфоры, а на дне лежало несколько плит. Могила прямоугольная в плане, ориентирована с северо-востока на юго-запад. Ее длина – 2,0 м; ширина – 0,4-0,45 м. Лучше других сохранился северо-западный борт могилы, прослеженный на высоту 0,35 м. На дне зачищены остатки погребения женщины, захороненной вытянуто на спине, головой на юго-запад, с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 44). Череп с признаками искусственной деформации слегка наклонен вправо. За черепом лежала песчаниковая плитка. Около правого локтевого сустава найден железный нож (рис. 44,169), на тазовых костях – железная овальная пряжка (рис. 44,170).

Грунтовая могила № 2 обнаружена в 2002 г. в 1,5 м северо-восточнее грунтовой могилы № 1, на глубине 0,9 м (рис. 2; 43; 45; 46). Яма неправильной формы ориентирована по оси север-юг; ее длина – 1,12 м; ширина – 0,45 м (рис. 45). В северо-восточном углу в засыпи могилы вертикально стояла песчаниковая плита размером 0,46x0,28 м. На дне зачищены сильно истлевшие остатки детского костяка. Погребение безынвентарное.

Грунтовая могила № 3 найдена в 2002 г., на глубине 1,2 м (рис. 2; 43; 45; 46). Прямоугольная в плане яма ориентирована длинной осью с юго-востока на северо-запад. Ее длина – 2,35 м; ширина – 1,0 м (рис. 45). Вдоль продольных стенок на высоте 0,2-0,35 м от пола имелись заплечики. У южного края их поверхность заглублена на 0,2 м в материк. На западном заплечике сохранились следы светло-серого тлена от поперечных лагов деревянного перекрытия. Кроме того, были зачищены остатки верхнего слоя перекрытия над южной половиной могилы и частично над северным участком западного заплечика (рис. 45; 46). Он представляет собой слой черного тлена в 0,1-0,2 см толщиной со следами отдельных плах, лежавших поперек оси могилы. Ширина плах составляла 0,1-0,12 м.

На дне могилы зачищены остатки погребения взрослого, похороненного вытянуто на

спине, головой на северо-запад, с вытянутыми вдоль туловища руками, уложенными кистями на бедра. Справа от поясничных позвонков лежали фрагменты железной бесщитковой пряжки, полностью разрушенной коррозией.

Не исключено, что могилы №№ 2 и 3 имели общее перекрытие – в засыпи могилы № 2 встречались фрагменты черного тлена. На поверхности восточного заплечика по всей его длине сохранился тонкий слой темно-коричневого грунта – остатки предшествующей засыпи.

Грунтовая могила № 4 обнаружена в 2002 г. в 1,0 м к северо-западу от могилы № 3, на глубине 0,85-0,96 м (рис. 2; 43; 47; 48). Прямоугольная в плане яма ориентирована с северо-востока на юго-запад; ее длина – 2,6 м. Южный борт не сохранился. Вдоль северного и западного краев ямы прослежены заплечики; ширина северного – 0,25 м, западного – 0,16 м. В заполнении могильной ямы зафиксированы остатки деревянного перекрытия в виде тонкого слоя тлена: светло-серого и коричневого от плах (вероятно, лежавших продольно) и черного от поперечных лагов (черный тлен перекрыт серым).

На дне могилы зачищены остатки погребения взрослого мужчины, похороненного вытянуто на спине, головой на запад. В погребении найдены: в области поясицы – лежавший перпендикулярно железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 48,174) и железное шило с остатками деревянной рукояти (рис. 48,171), два кремневых отщепа (рис. 48,172,173) и кресало из железа (рис. 48,175); на нижних ребрах – бронзовая бесщитковая сегментовидная пряжка с сильно коррозированным железным язычком (рис. 48,176). Пряжка обращена тыльной стороной в сторону левого предплечья. Между костями голеней на полу лежало несколько мелких углей.

Грунтовая могила № 5 обнаружена в 2002 г. в 2,0 м восточнее склепа № 11 и южнее подбойной могилы № 11, на глубине 0,25 м (рис. 43; 48). Борты могилы не сохранились. На дне зачищен тлен и фрагменты длинных костей детского погребения. Среди костей лежала массивная железная пряжка с овальной рамкой (рис. 48,168).

Погребальные сооружения, разрушенные грабителями и доследованные экспедицией в 2001 г.

В засыпи грабительской ямы № 59 (рис. 2,59), разрушившей склеп № 3 выявлены кости не менее трех костяков взрослых, серебряная пряжка с В-образной рамкой, язычком с круглой вставкой из граната и гладким геральдическим щитком (рис. 49,154), серебряная поясная геральдическая бляшка с круглым вырезом посередине (рис. 49,153), серебряный браслет с утолщенными гладкими концами (рис. 49,152), железный нож (рис. 49,156), кремневый отщеп (рис. 49,155).

Грабительской ямой разрушен и склеп № 4 (рис. 2). В засыпи выявлены кости двух костяков, бронзовая пластинчатая пронизь (рис. 49,165), фрагменты железных наконечника трехлопастной черешковой стрелы (рис. 49,157) и ножа (рис. 49,158), а также бусины: стеклянная сферическая полупрозрачная с остатками медной проволоки в отверстии (рис. 49,159), сферическая из белого стекла с накладными глазками из белого и синего стекла (рис. 49,160), 14-гранная из синего стекла (рис. 49,163), янтарные – две вытянутые (рис. 49,161) и одна неправильной формы (рис. 49,164).

Грабительской ямой № 56, расположенной в 7,0 м к западу от подбойной могилы № 2, разрушено два склепа – №№ 5 и 6 (рис. 2,56). Судя по перевернутым грабителями костям, в склепе № 5 было похоронено три человека – взрослый и двое детей. В засыпи и перекопе найдены: фрагменты бронзового браслета с орнаментированными концами (рис.

50,168), колючко из бронзовой пластины (рис. 50,170), два железных ножа (рис. 50,166,167), а также кремневый отщеп (рис. 50,169). От склепа № 6 сохранилась трапециевидная в плане камера, ориентированная на северо-запад. Ее длина – 2,30 м, ширина – 1,50-2,36 м. Закладная плита неправильной формы (высота – 0,61 м, ширина – 0,51 м) стояла *in situ*. Пол камеры ниже дна дромоса на 0,6 м. На полу камеры зафиксированы кости ног двух погребенных – взрослого (№ 1) и ребенка (№ 2), захороненных вытянуто на спине, головой на северо-запад. В погребении № 1, около левого коленного сустава лежал железный нож (рис. 51,173); между берцовыми костями – бронзовая пряжка с В-образной рамкой и фигурным щитком, украшенным круглыми отверстиями и врезными окружностями (рис. 51,174); в области стоп – железный нож (рис. 51,171); под пяточной костью – янтарная бусина вытянутой формы (рис. 51,172).

В 4,0 м к северо-западу от склепа № 1, на глубине 0,25-0,6 м выявлены остатки разрушенного грабителями склепа № 7 (рис. 2,7). Камера трапециевидной формы ориентирована по оси восток-запад; ее длина – 2,15 м, ширина – 1,64 м (рис. 52). На полу камеры найдены остатки погребений трех детей (№№ 1, 2, 4) и взрослого (№ 3), похороненных вытянуто на спине, головой на запад, а также перемещенные кости более раннего погребения № 5. Череп последнего – со следами искусственной деформации. Вокруг погребения № 1 прослежены следы гробовины. Погребения №№ 1 и 2 – безынвентарные. В погребении № 3 найдены: под левой локтевой костью – фрагмент железного ножа (рис. 50,183), между коленными суставами – прямоугольная бронзовая пластина от большой пряжки с отверстиями по углам, в двух из которых сохранились заклепки (рис. 50,184). В области грудной клетки костяка № 2 лежала раскрошившаяся стеклянная бисерина. Среди перемещенных костей погребения № 5 выявлены: два фрагмента железного ножа, биконическая бусина из прозрачного желтоватого стекла (рис. 50,186) и биконическая бусина из сиреневатого стекла (рис. 50,188). Из грунта над костяками извлекли фрагменты красноглиняной амфоры и железную трапециевидную пряжку (рис. 50,187).

В юго-восточной части обследованного участка выявлены остатки разрушенного грабителями склепа № 8 (рис. 2,8). В перекопе встречены кости трех погребений и большое количество углей. Из трех обнаруженных лобных костей – две, принадлежавших взрослому, имеют признаки искусственной деформации. В засыпи найдены: большая серебряная пряжка с овальной рамкой и прямоугольным щитком со штампованным орнаментом, имитирующим кербшнит (длина 10,5 см) (рис. 53,189); фрагмент серебряного наконечника ремня (рис. 53,191); фрагмент бронзовой серьги с многогранником (рис. 53,200); круглый предмет из бронзы в виде крышечки (рис. 53,208); железные фрагменты ножей (рис. 53,192,193), пряжка с овальной рамкой (рис. 53,194), кольцо из круглого в сечении стержня (рис. 53,203), шило с остатками деревянной рукояти (рис. 53,201), бусина сферическая из красного с темными прожилками стекла (рис. 54,195); бусина стеклянная 14-гранная с накладными глазками из красного, белого и синего глухого стекла (рис. 54,197); 14-гранные бусины из темно-синего стекла (рис. 54,206), а также бусы из янтаря (рис. 53,196,207; 54,209), из шипов осетровых рыб (рис. 53,199), из сланца (рис. 53,204), из неопределенного материала (рис. 53,202).

Склеп № 9 выявлен в северной части исследованного участка могильника, на глубине 2,0 м (рис. 2,9). Из перекопа извлечены кости двух скелетов, две стеклянные бусины и полихромная пронизь (рис. 54,210-212).

Склеп № 10 обнаружен в 5,0 м к северо-западу от склепа № 7, на глубине 3,10 м (рис.

2,10). Ориентирован камерой на север. Ширина в южной части – 1,75 м, в северной – 1,45 м, в центре – 2,10 м. Стены вертикальные, сохранились на высоту 0,3 м. Закладная плита находилась *in situ*, наклонена внутрь склепа. У западной стены на полу лежал фрагмент стенки сероглиняного сосуда размером 10,0x13,0 см, использовавшийся, судя по углям, как светильник. На полу камеры, на слое угольной подсыпки обнаружены остатки пяти погребений: ребенка (№ 1), подростка (№ 5) и трех взрослых (№№ 2-4), похороненных вытянуто на спине, головой на запад. На черепе костяка № 3 прослежены следы искусственной деформации. Все костяки плохой сохранности и перевершены грабителями.

В погребении № 2 на левой тазовой кости лежала бронзовая бесщитковая пряжка с сегментовидной рамкой (рис. 55,213) и располагавшиеся в 1,0 см от нее две бронзовые литые заклепки для крепления на ремне с каплевидными выпуклыми шляпками (рис. 55,214). В погребении № 5 на голеностопных суставах лежали серебряные детали обувного набора – пряжки с овальными проволочными рамками и круглыми пластинчатыми щитками (рис. 55,215) и пластинчатый наконечник ремня (рис. 55,216). В грабительском перекопе найдены: серебряные наконечник ремня, покрытый орнаментом (рис. 55,218), браслет из круглого в сечении стержня с утолщенными концами (рис. 55,219) и проволочная серьга с завязанными концами (рис. 55,220), фрагменты железных ножей (рис. 55,221) и гвоздь (рис. 55,224), а также кремь (рис. 55,222).

Подбойная могила № 5 обнаружена на юге исследованного участка могильника (рис. 2). Входная яма располагалась с юга. В подбое найдены перевершенные остатки двух костяков и железный нож (рис. 56,225), три витые пронизи из синего стекла (рис. 56,230), янтарные бусины (рис. 56,226,229), кремь с железным стержнем (рис. 56,227), согнутая бронзовая пластина (рис. 56,228).

Подбойная могила № 6 найдена в 6,0 м к западу от подбойной могилы № 5 (рис. 2). Из перекопа происходят фрагменты черепа, костей рук, а также локтевая кость и фаланги пальцев со следами зеленых окислов, бусина из синего стекла с накладными пятнышками из голубого стекла (рис. 56,231), две 14-гранные бусины из синего стекла (рис. 56,233) и две янтарные бусины (рис. 56,232).

Подбойная могила № 8 выявлена на северо-западе исследованного участка могильника (рис. 2,8/55). От костяка сохранились только кости ног. Около левого коленного сустава обнаружены: бронзовая цельнолитая пряжка с трапециевидным щитком, к рамке которой окислами прикипел металлический стержень (рис. 57,241), железные нож (рис. 57,242) и кресало с кремнями (рис. 57,239,240). В перекопе найдена бронзовая геральдическая поясная бляшка со штампованным орнаментом (рис. 57,243).

Подбойная могила № 9 найдена в 10,0 м к востоку от могилы 8 (рис. 2,9/57). В грабительском перекопе собраны кости рук и обломки черепов двух взрослых, бронзовое проволочное кольцо с завязанными концами (рис. 56,250), обломок серебряной серьги с многогранником (рис. 56,244), кремневые отщепы (рис. 56,246), железный нож (рис. 56,249), предмет конусовидный со сквозным отверстием (рис. 56,251).

В заполнении грабительской ямы № 35 (рис. 2,35) обнаружены кости черепа взрослого, фрагменты плечевой кости, фаланги пальцев.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Исследованный участок некрополя Алония использовался в конце IV – VII вв. Самые ранние погребения, относящиеся к концу IV – первой половине V вв., выявлены в склепе № 11 и в подбойной могиле № 1. Судя по находкам орлиноголовых пряжек 1-го варианта, в склепах №№ 1 и 2 и в подбойной

могиле № 3 хоронили во второй половине VI в. В подбойных могилах №№ 4 и 11 выявлены захоронения с инвентарем второй половины VI – первой половины VII вв., а в подбойной могиле № 2 – второй половины VII в. По форме погребальных сооружений, зафиксированному в них погребальному обряду и набору инвентаря могильник Алония аналогичен раннесредневековым некрополям Юго-Западного Крыма типа Суук-Су, относимым гото-аланскому населению [2, с. 111]. В качестве особенностей памятника можно отметить использование дерева в конструкции перекрытия грунтовых могил.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1990. Вып. I. С. 3-86.
2. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982-1984 гг. // БИ. Симферополь; Керчь, 2008. Suppl. 4. 336 с.
4. Турова Н. П., Черныш С. А. Отчет о раскопках в Ялтинской котловине в 2002 г. Ялта, 2005. 174 с. // Архив Ялтинского историко-литературного музея.
5. Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 2002. Вып. IX. С. 53-118.
6. Черныш С. А. Полевой отчет об обследовании раннесредневекового склепа в урочище Алония. Ялта, 1999. 34 с. // Архив Ялтинского историко-литературного музея.
7. Черныш С. А., Турова Н. П. Полевой отчет об охранных раскопках раннесредневекового могильника в урочище Алония близ Ялты и разведках в Ялтинской котловине в 2001 г. Симферополь, 2002. 146 с. // Архив Крымского филиала Института археологии НАН Украины.

REFERENCES

1. Aibabin A. I. Khronologija mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', Tavriia Publ., 1990, vol. I, pp. 3-86.
2. Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', Dar Publ., 1999, 352 p.
3. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982-1984 gg. *Bosporskie issledovaniia*, Simferopol'; Kerch', 2008, suppl. 4, 336 p.
4. Turova N. P., Chernysh S. A. Otchet o raskopkakh v Ialtinskoj kotlovine v 2002 g. Ialta, 2005. 174 p. *Arkhiv Ialtinskogo istoriko-literaturnogo muzeia*.
5. Khairedinova E. A. Zhenskii kostium varvarov Iugo-Zapadnogo Kryma v V – pervoi polovine VI vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', Tavriia Publ., 2002, vol. IX, pp. 53-118.
6. Chernysh S. A. Polevoi otchet ob obsledovanii rannesrednevekovogo sklepa v urochishche Aloniia. Ialta, 1999. 34 p. *Arkhiv Ialtinskogo istoriko-literaturnogo muzeia*.
7. Chernysh S. A., Turova N. P. Polevoi otchet ob okhrannykh raskopkakh rannesrednevekovogo mogil'nika v urochishche Aloniia bliz Ialty i razvedkakh v Ialtinskoj kotlovine v 2001 g. Simferopol', 2002. 146 p. *Arkhiv Krymskogo filiala Instituta arkheologii NAN Ukrainy*.

Н. П. Турова, С. А. Черныш

**Раннесредневековый могильник Алония на Южном Берегу Крыма
(по материалам раскопок 1998, 2001, 2002 гг.)**

Резюме

В статье публикуются материалы могильника, найденного в 1998 г. в урочище Алония (Алунья) в долине р. Темиар, над обводной дорогой Ялта – Севастополь. По форме погребальных сооружений,

зафиксированному в них погребальному обряду и набору инвентаря могильник Алония аналогичен раннесредневековым некрополям Юго-Западного Крыма типа Суук-Су, относимым гото-аланскому населению. В качестве особенностей памятника можно отметить использование дерева в конструкции перекрытия грунтовых могил.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, могильник, крымские готы, орлиноголовая пряжка, фибулы.

N. P. Turova, S. A. Chernysh
Early Medieval Cemetery of Alonia in the South Coast of the Crimea
(According to 1998, 2001, 2002 Excavations)

Summary

This article publishes the materials from a cemetery discovered in 1998 in Alonia (Alun'ia) Vale, in the valley of Temiar River, above the bypass road from Yalta to Sevastopol. The shape of the burial structures, the funeral rites documented in them, and the composition of grave goods make Alonia Cemetery similar to early mediaeval cemeteries in the south-western Crimea of the Suuk-Su type, which are attributed to Gothic and Alanic population. Among this cemetery's particular features was the use of wood in the covering above the graves.

Keywords: South-Western Crimea, burial, Crimean Goths, eagle-headed buckle, brooches.

Рис. 1. Схема месторасположения могильника Алония в окрестностях г. Ялта.

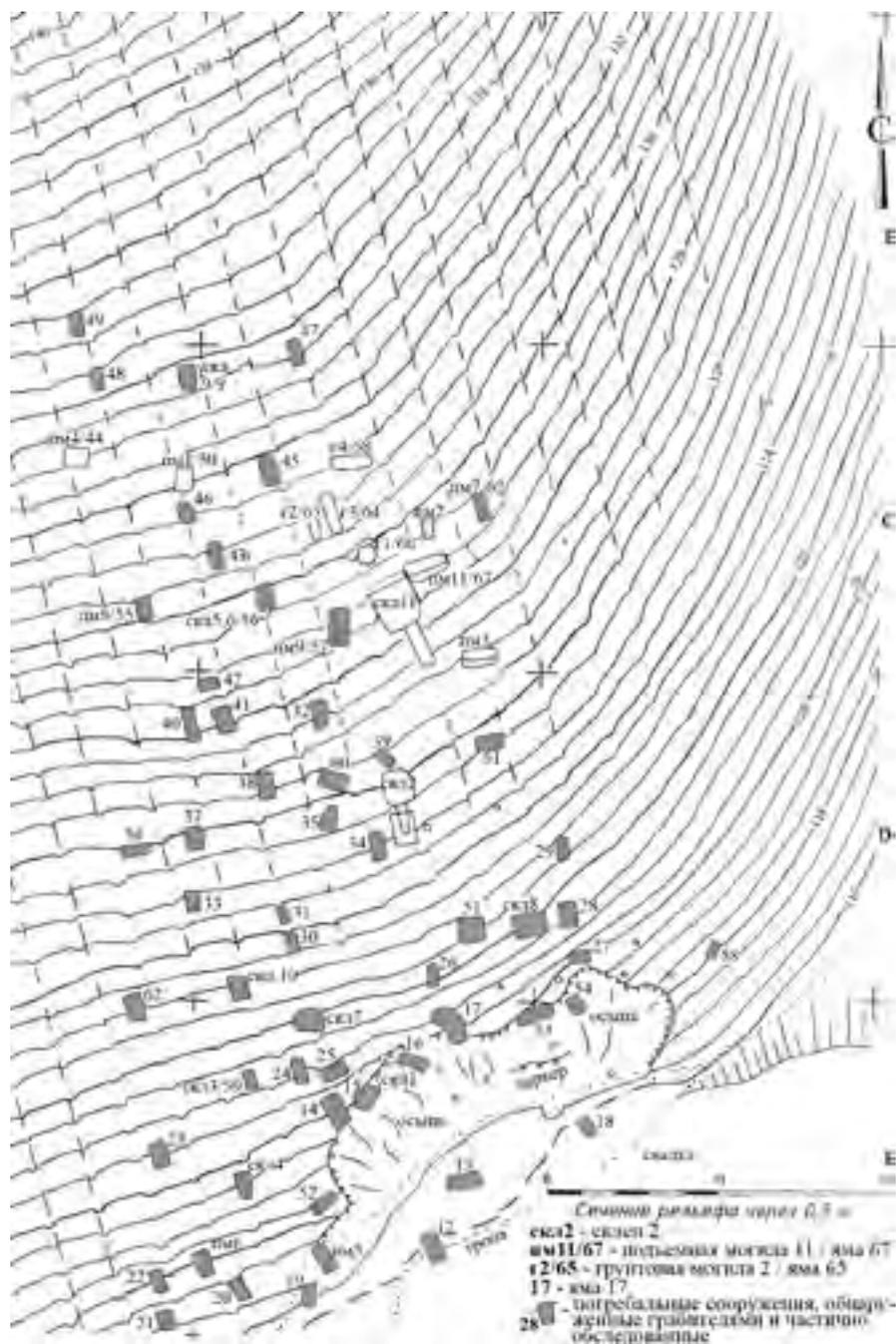

Рис. 2. Могильник Алонія. Общий ситуационный план (составлен В.В. Семеновым).

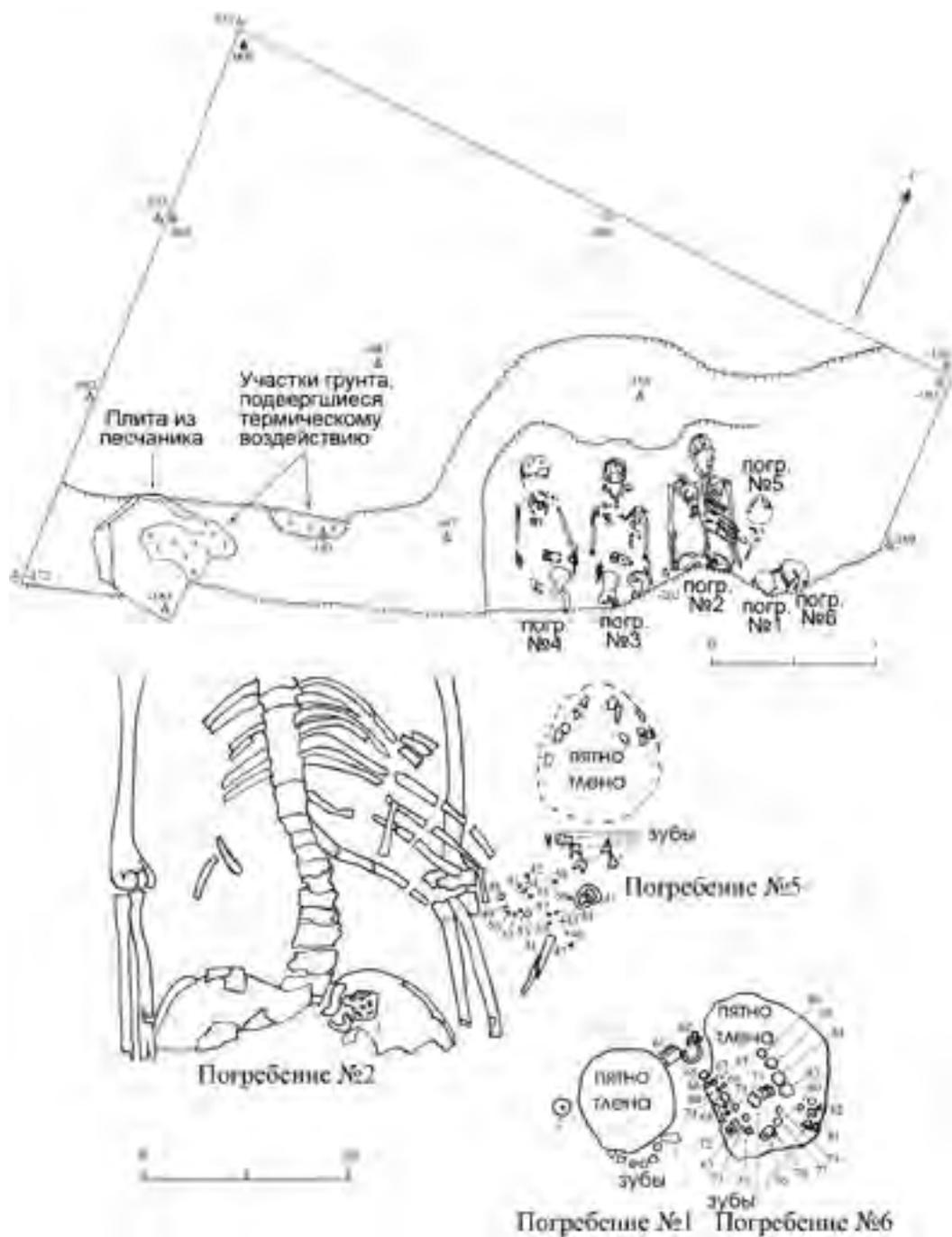

Рис. 3. Склеп № 1. Общий план раскопа 1998 г. и отдельные планы погребений №№ 1, 2, 5 и 6.

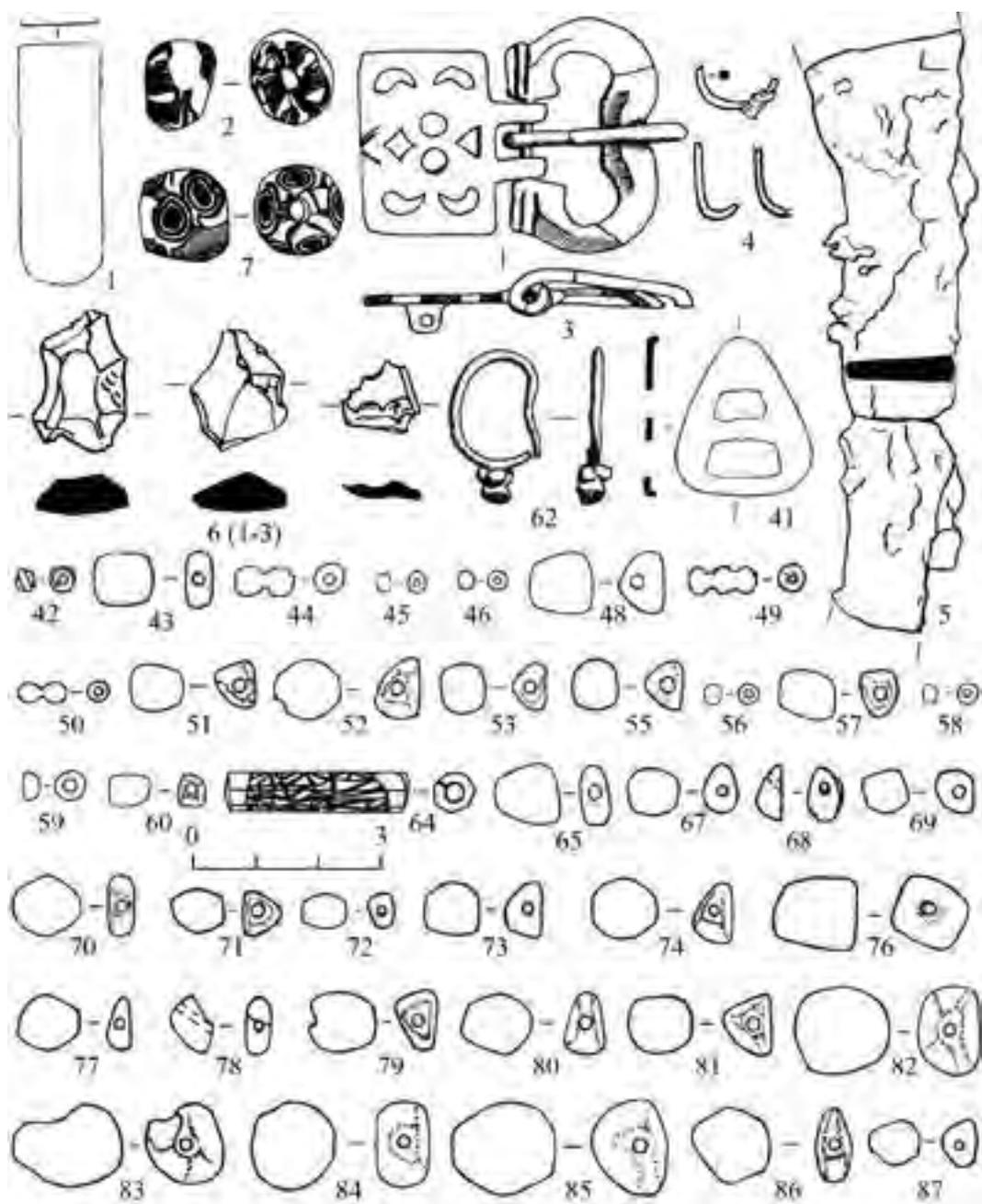

Рис. 4. Склеп № 1. Находки из погребений.

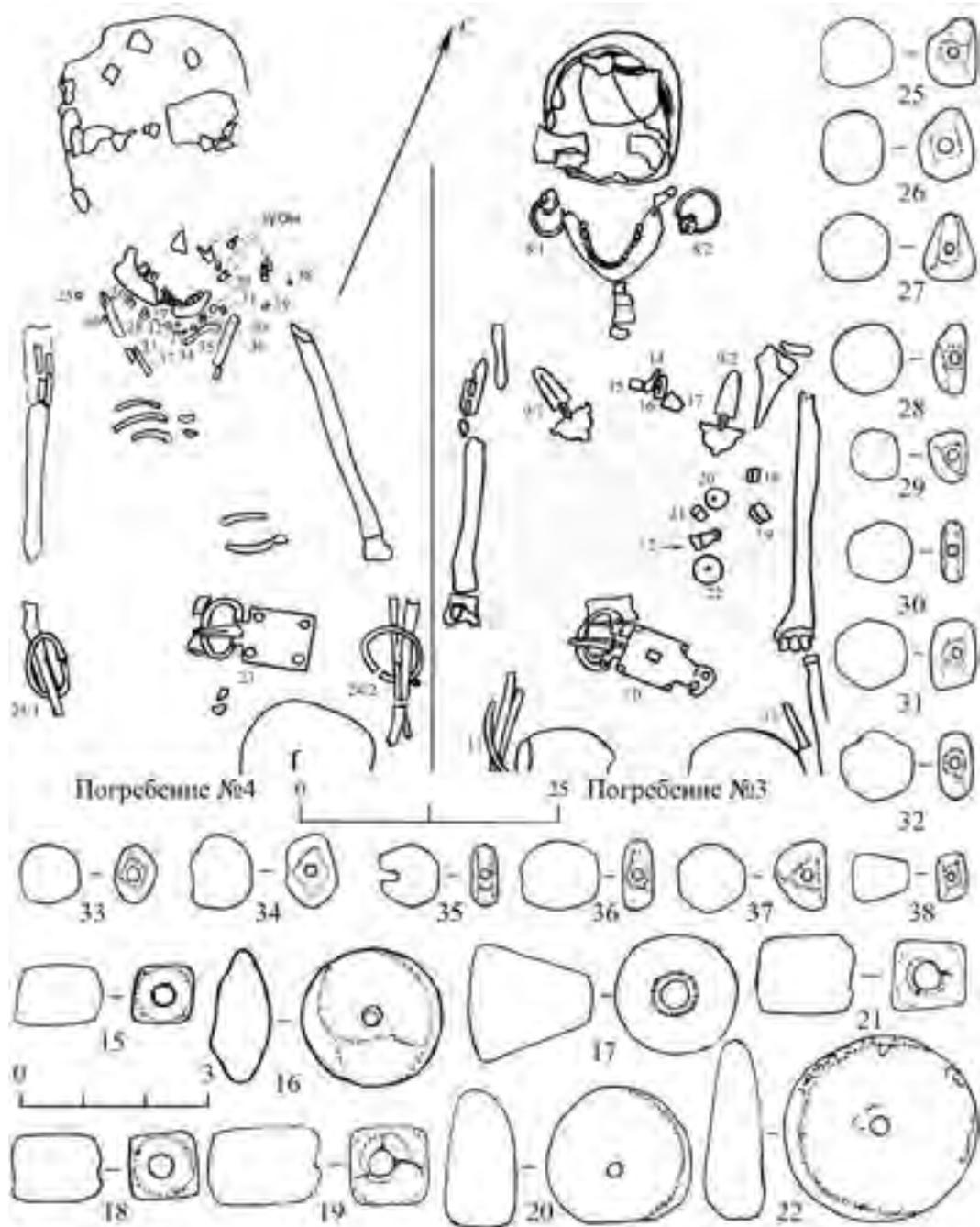

Рис. 5. Склеп № 1. Погребения №№ 3 и 4 и бусы из них.

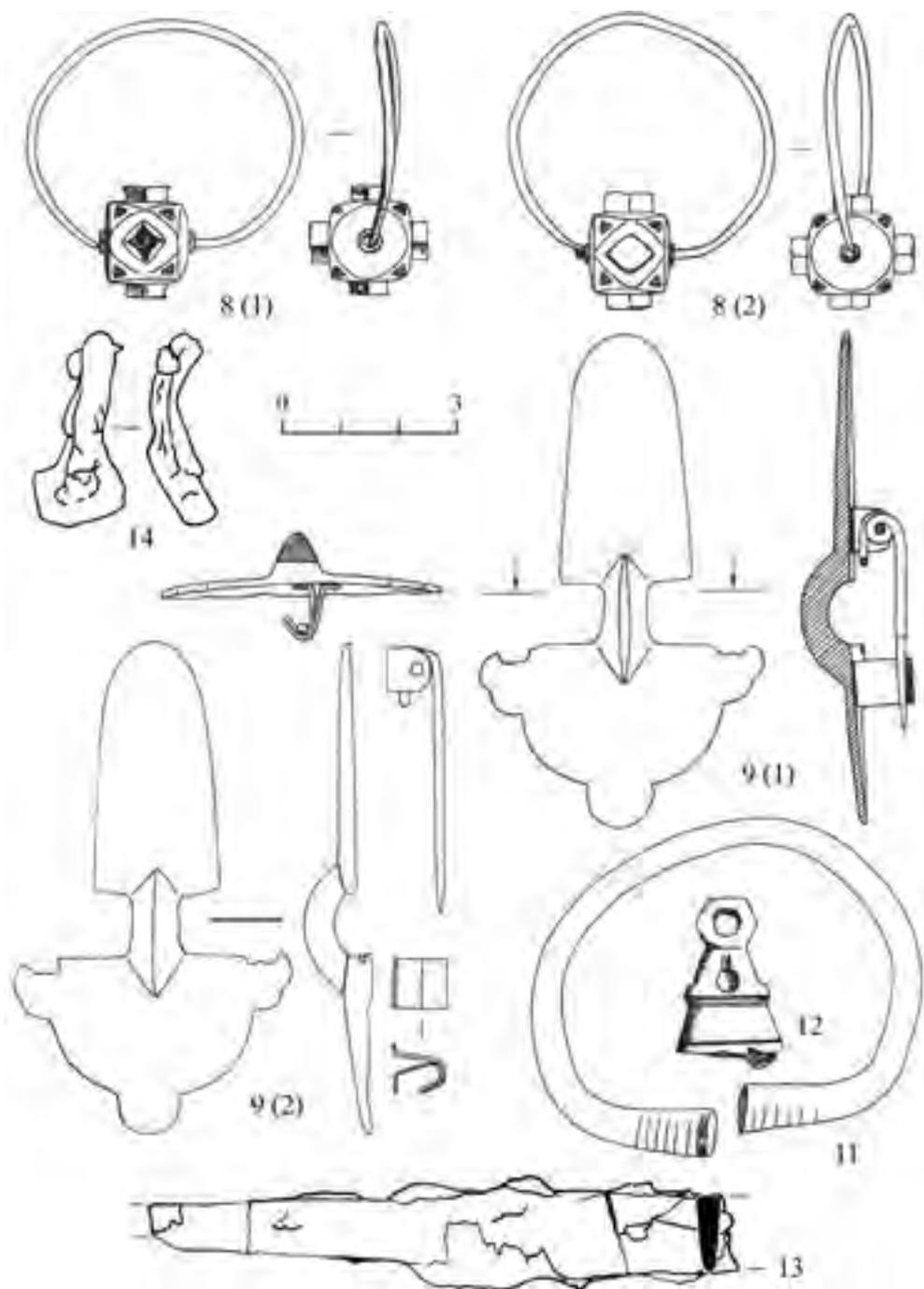

Рис. 6. Склеп № 1. Находки из погребения № 3.

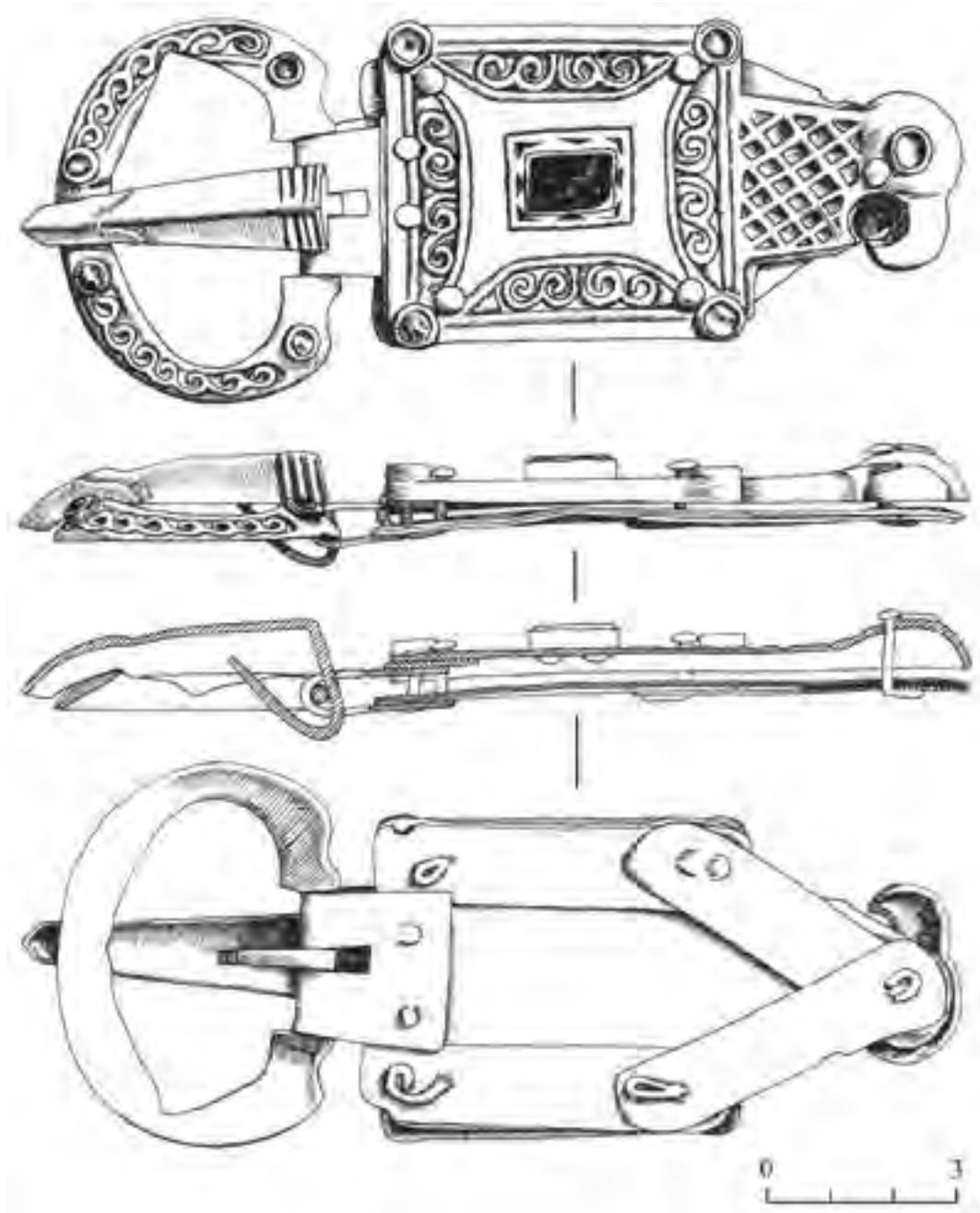

Рис. 7. Склеп № 1. Орлиноголовая пряжка из погребения № 3.

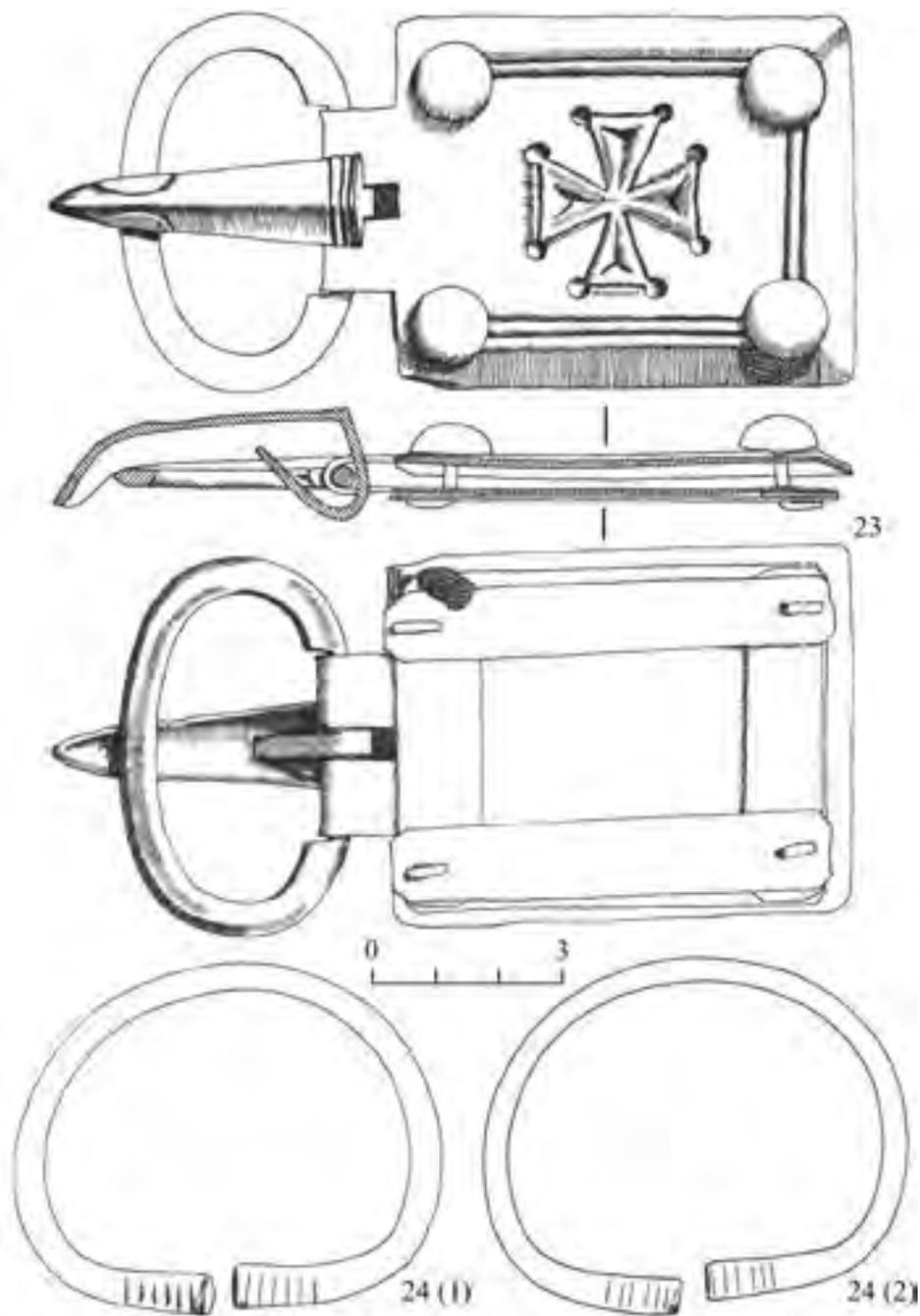

Рис. 8. Склеп № 1. Находки из погребения № 4.

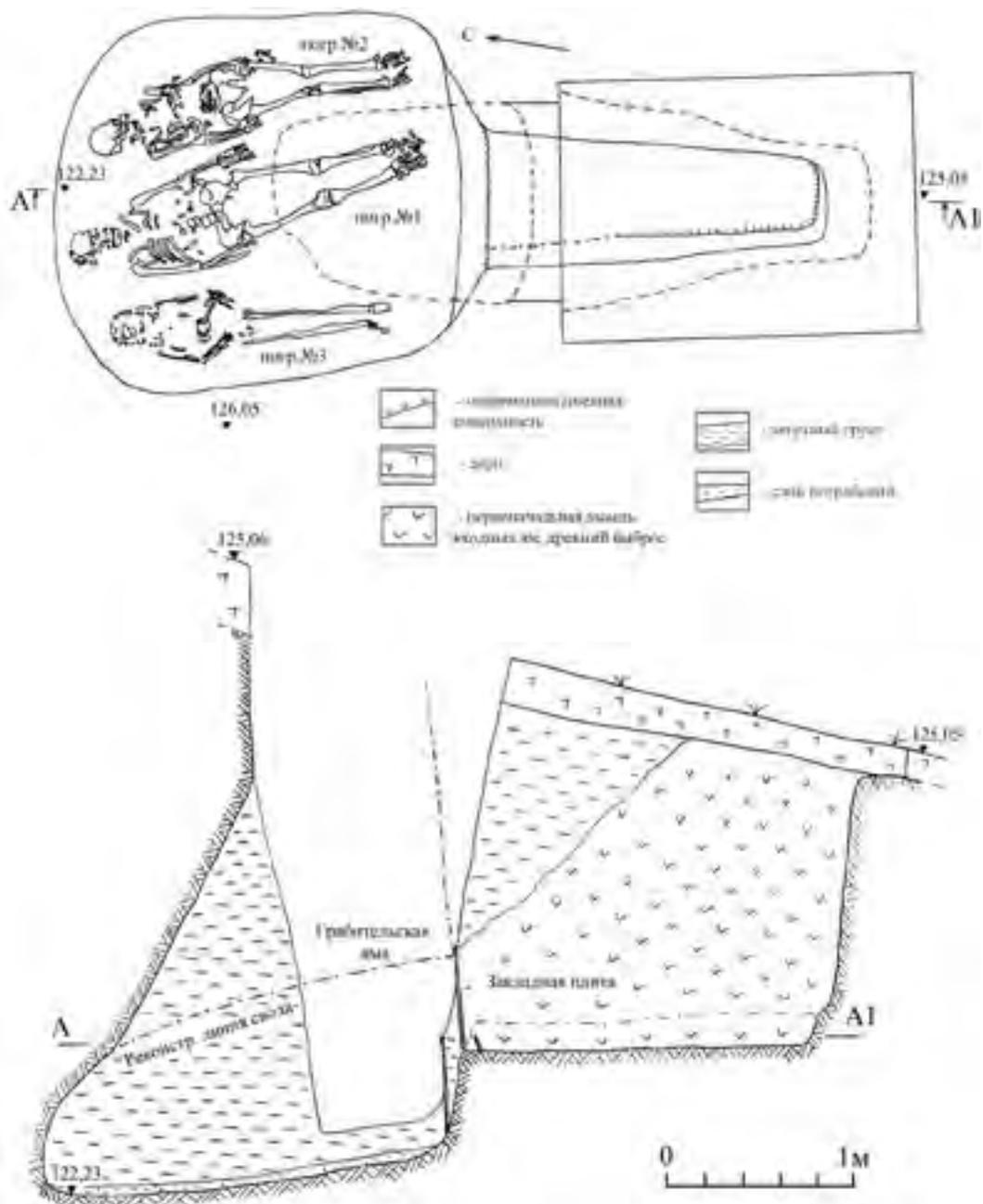

Рис. 9. Склеп № 2. План и разрез.

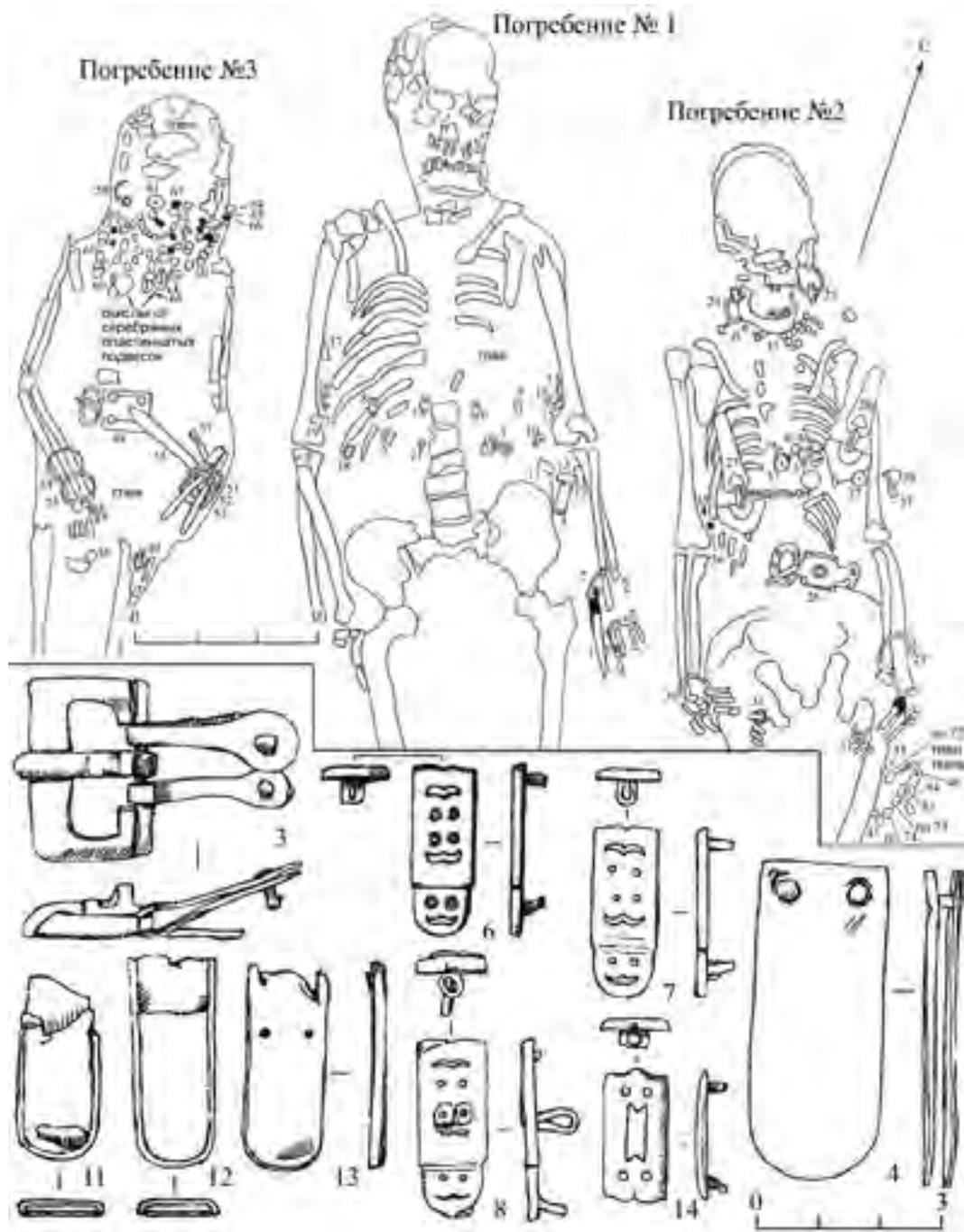

Рис. 10. Склеп № 2. План погребений и детали поясного набора из погребения № 1 (3, 4, 6-8, 11-14).

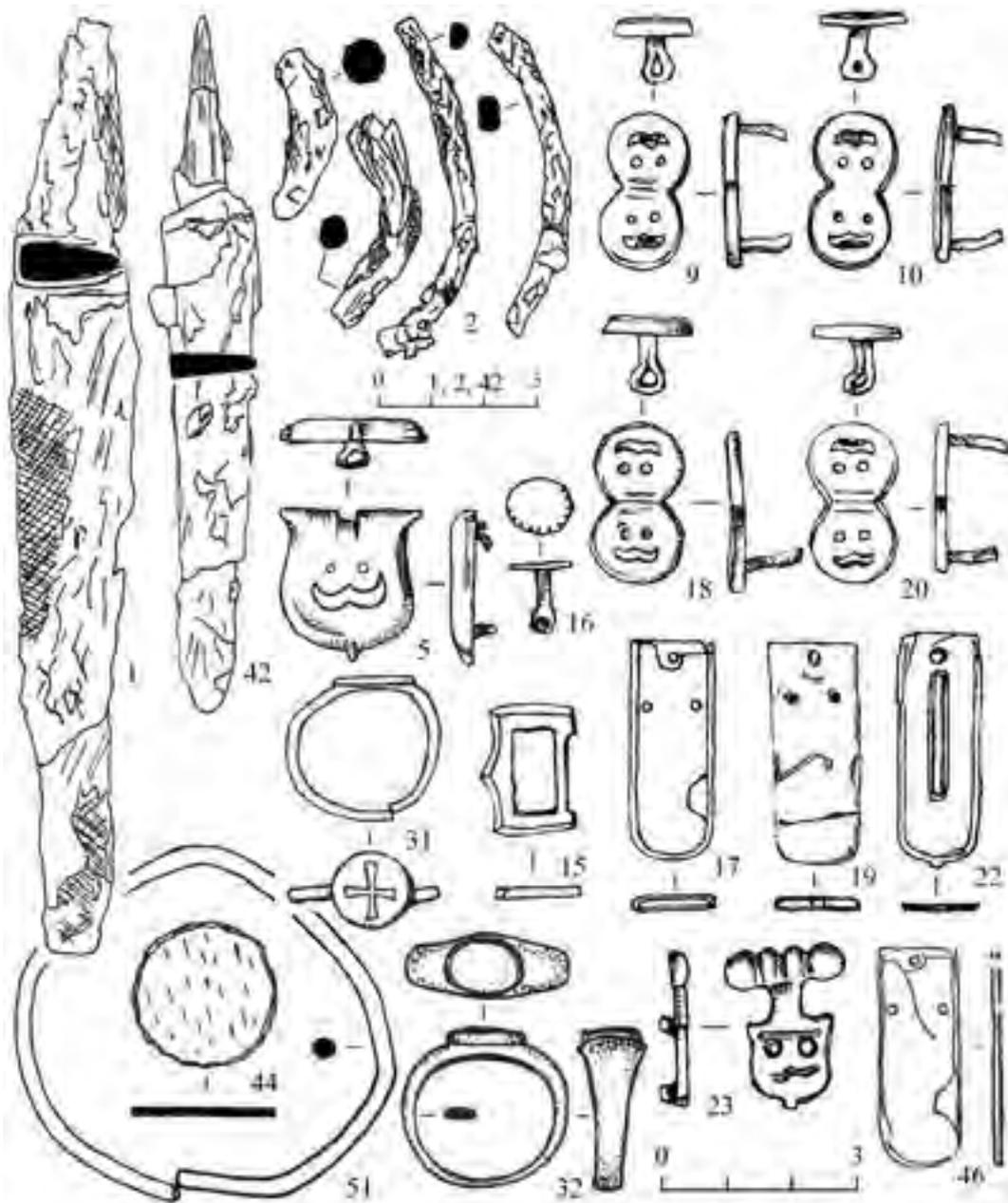

Рис. 11. Склеп № 2. Находки из погребений №№ 1 и 2.

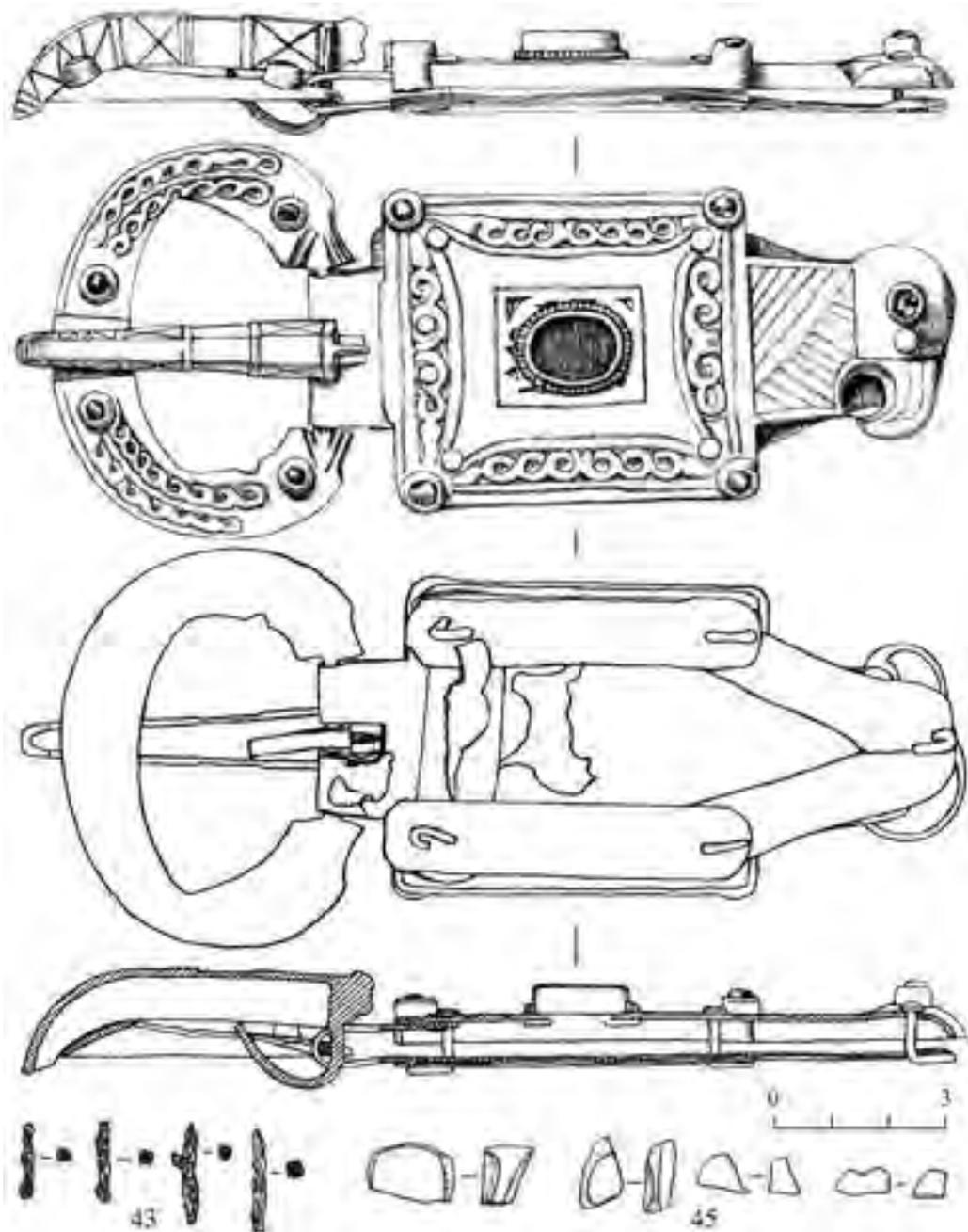

Рис. 12. Склеп № 2. Находки из погребения № 2.

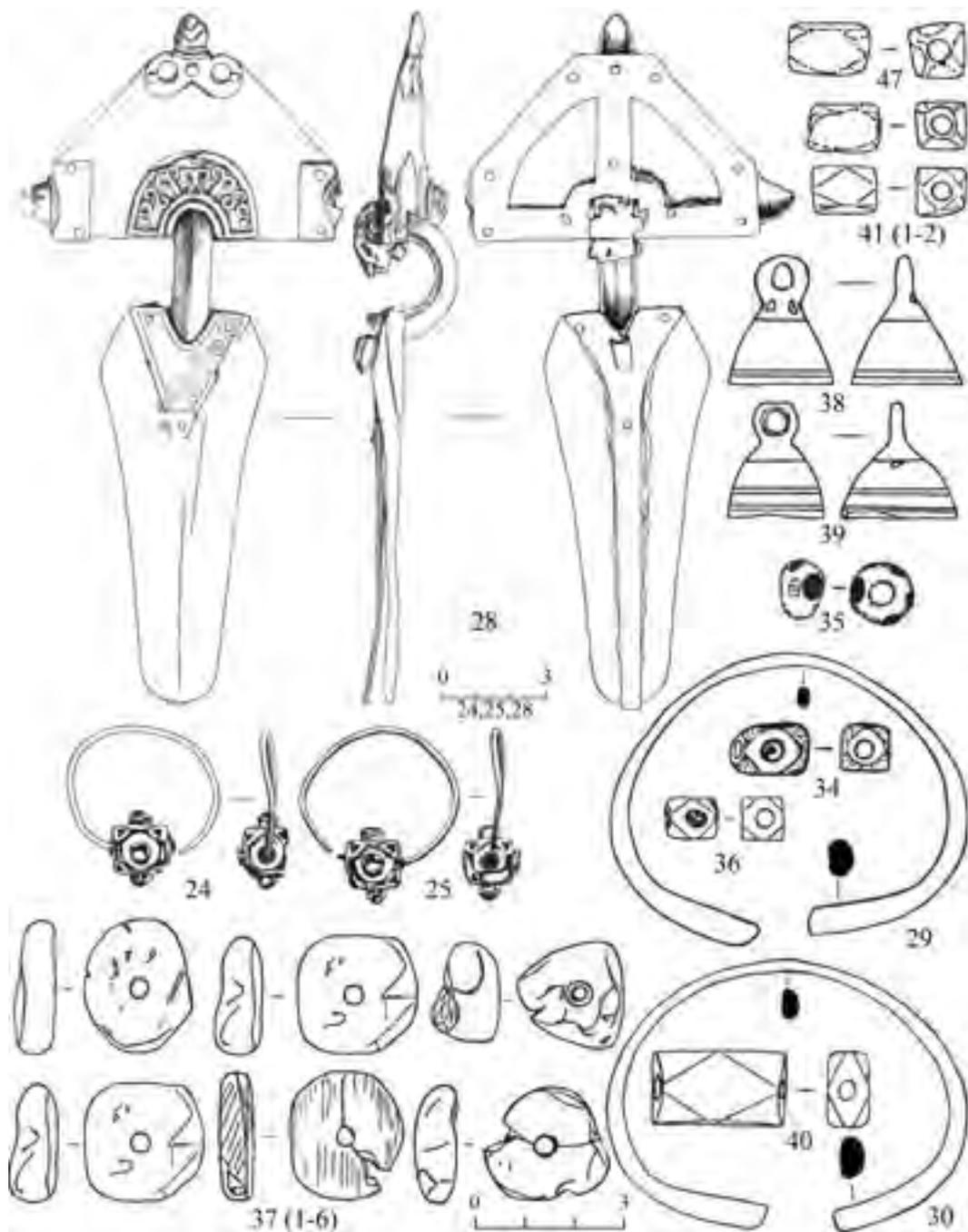

Рис. 13. Склеп № 2. Находки из погребения № 2.

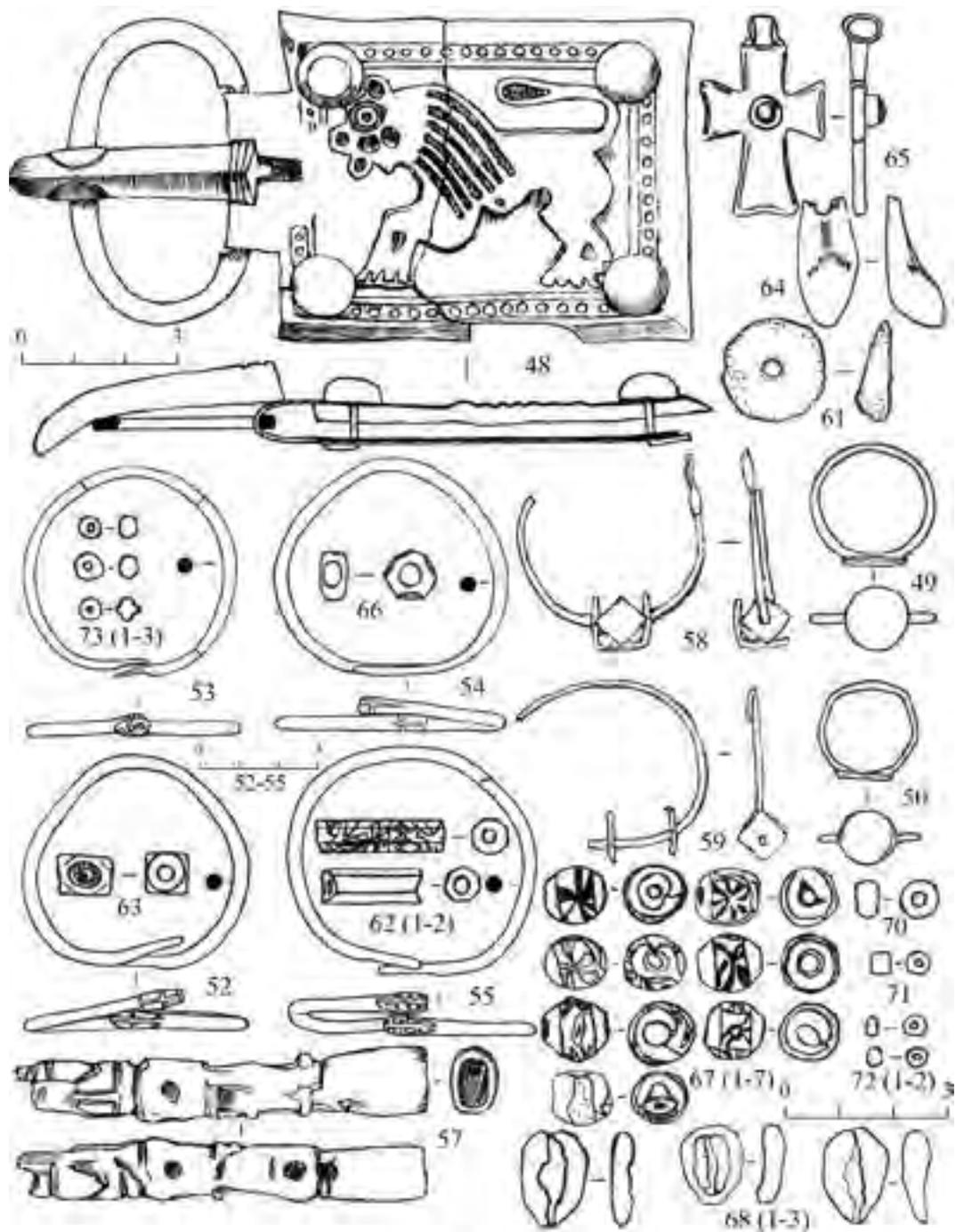

Рис. 14. Склеп № 2. Находки из погребения № 3.

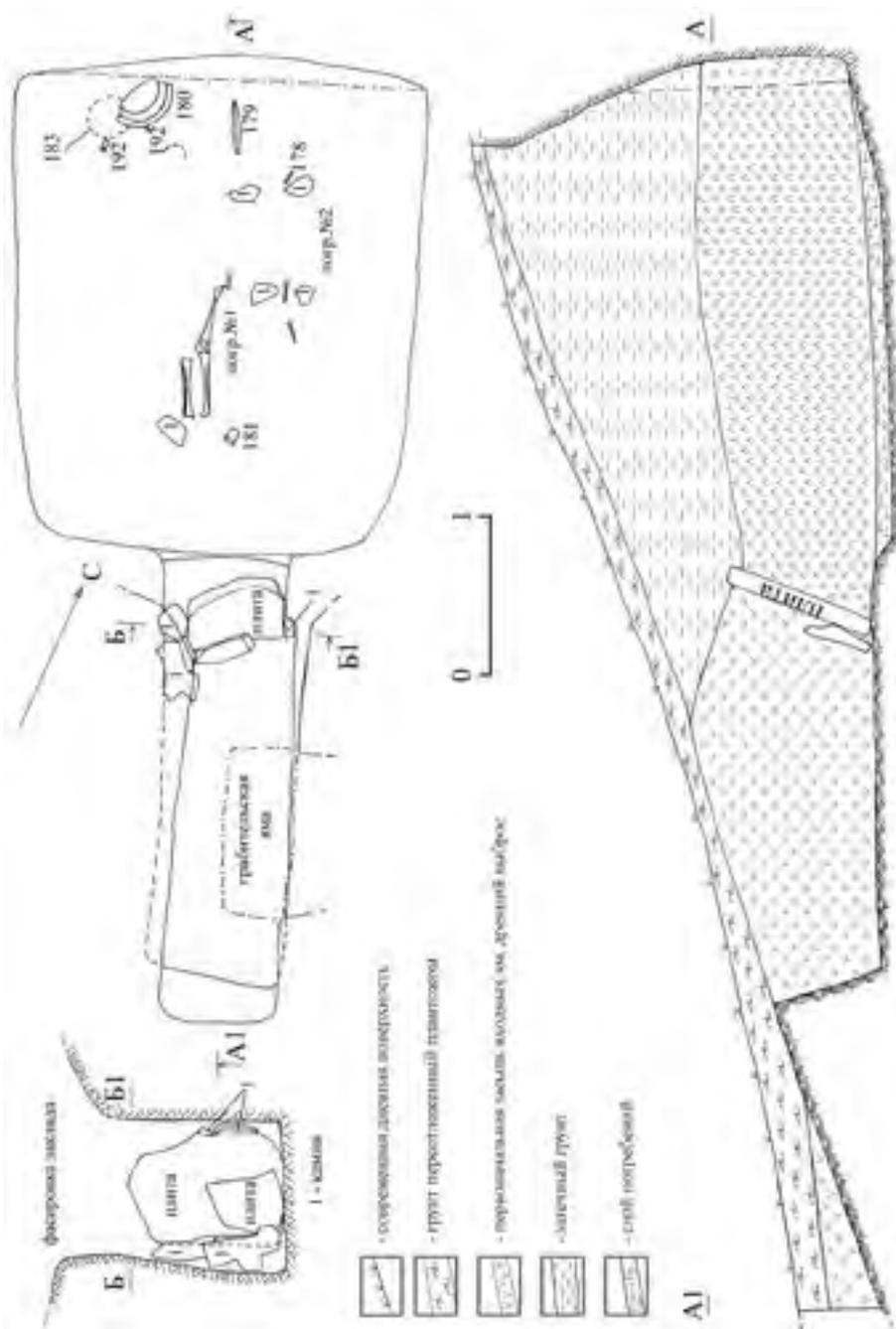

Рис. 15. Склеп № 11. План и разрезы к плану.

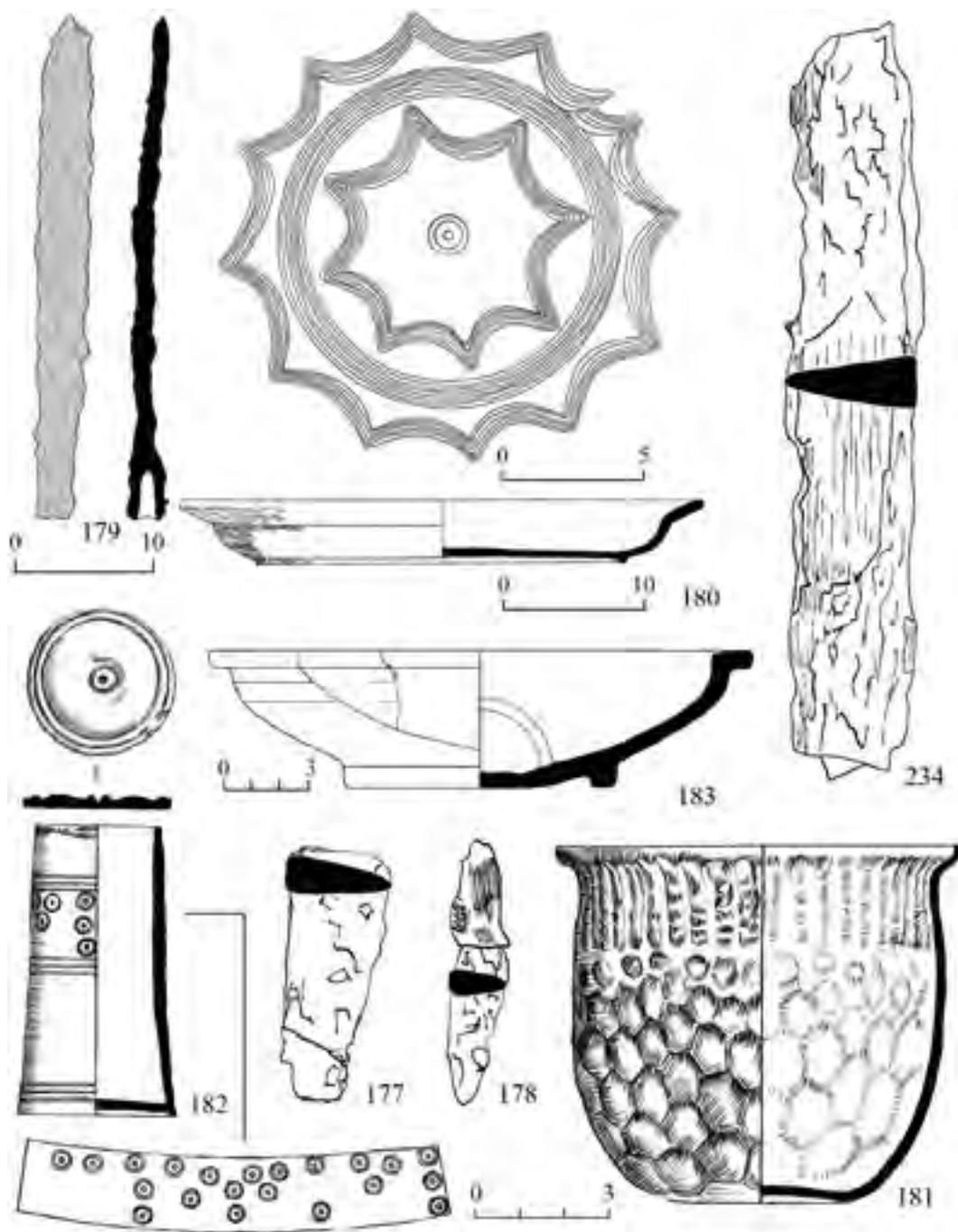

Рис. 16. Склеп № 11. Находки из погребений.

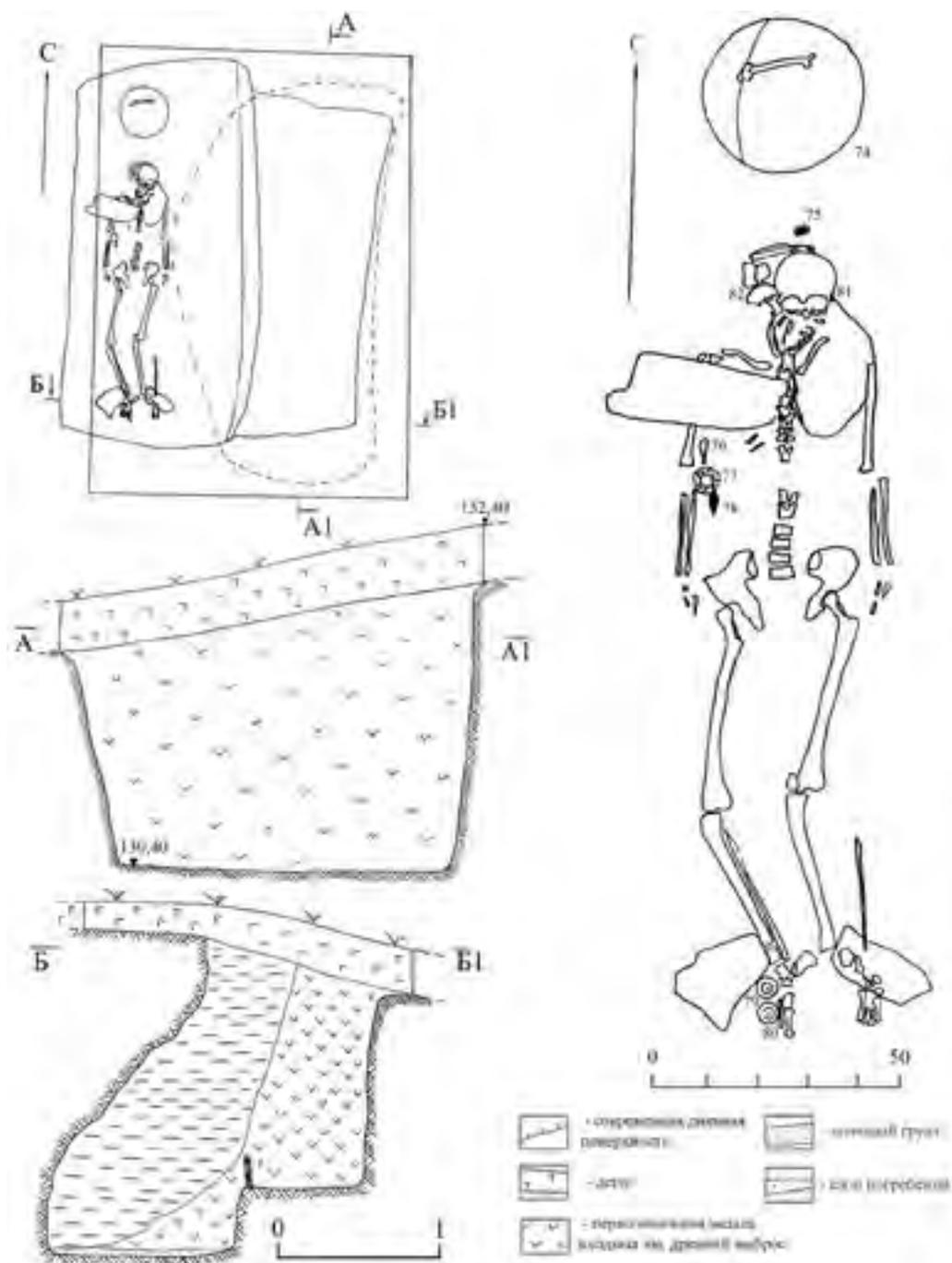

Рис. 17. Подбойная могила № 1. Общий план и разрезы к нему, план погребения.

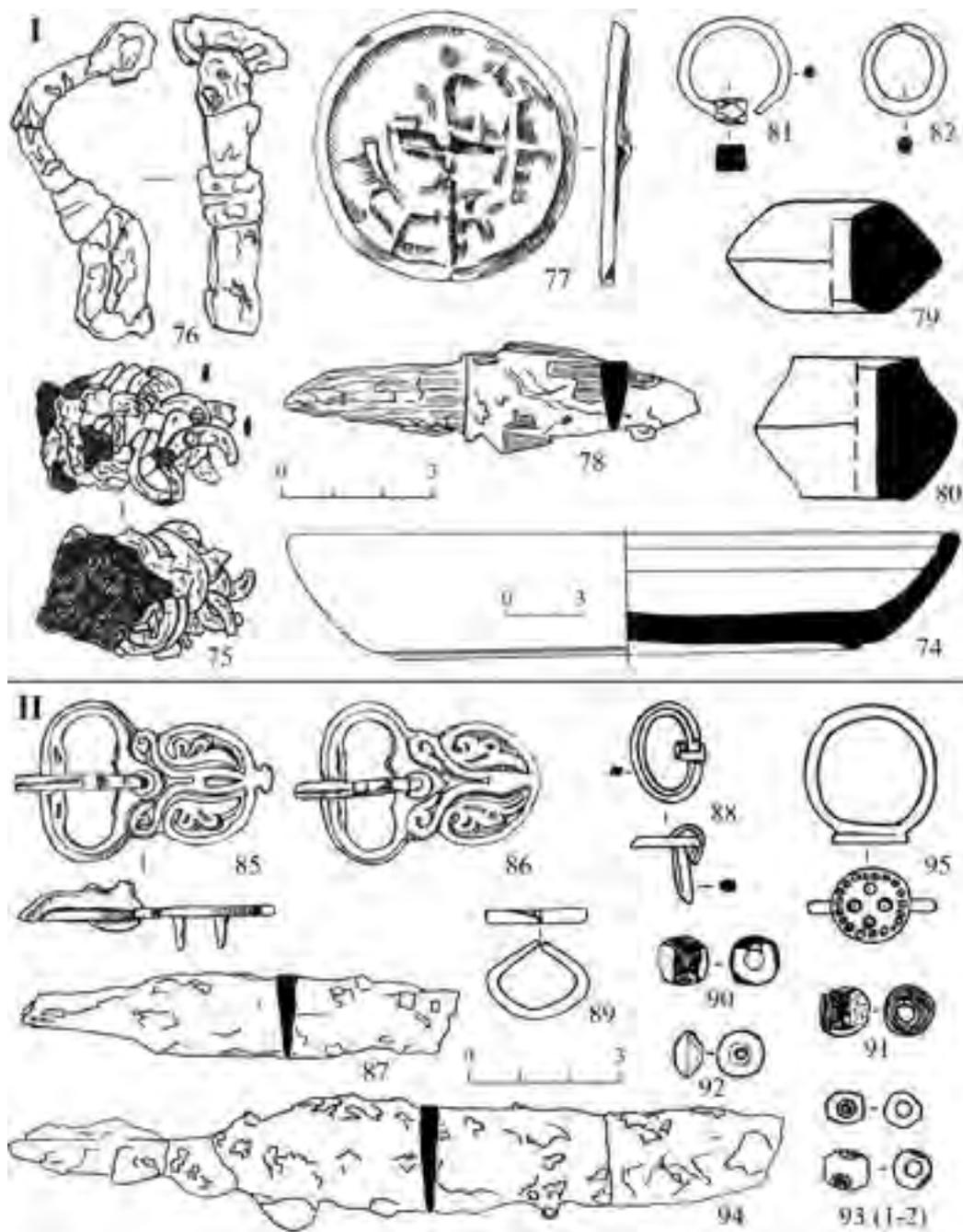

Рис. 18. Находки из подбойных могил № 1 (I) и № 2 (II).

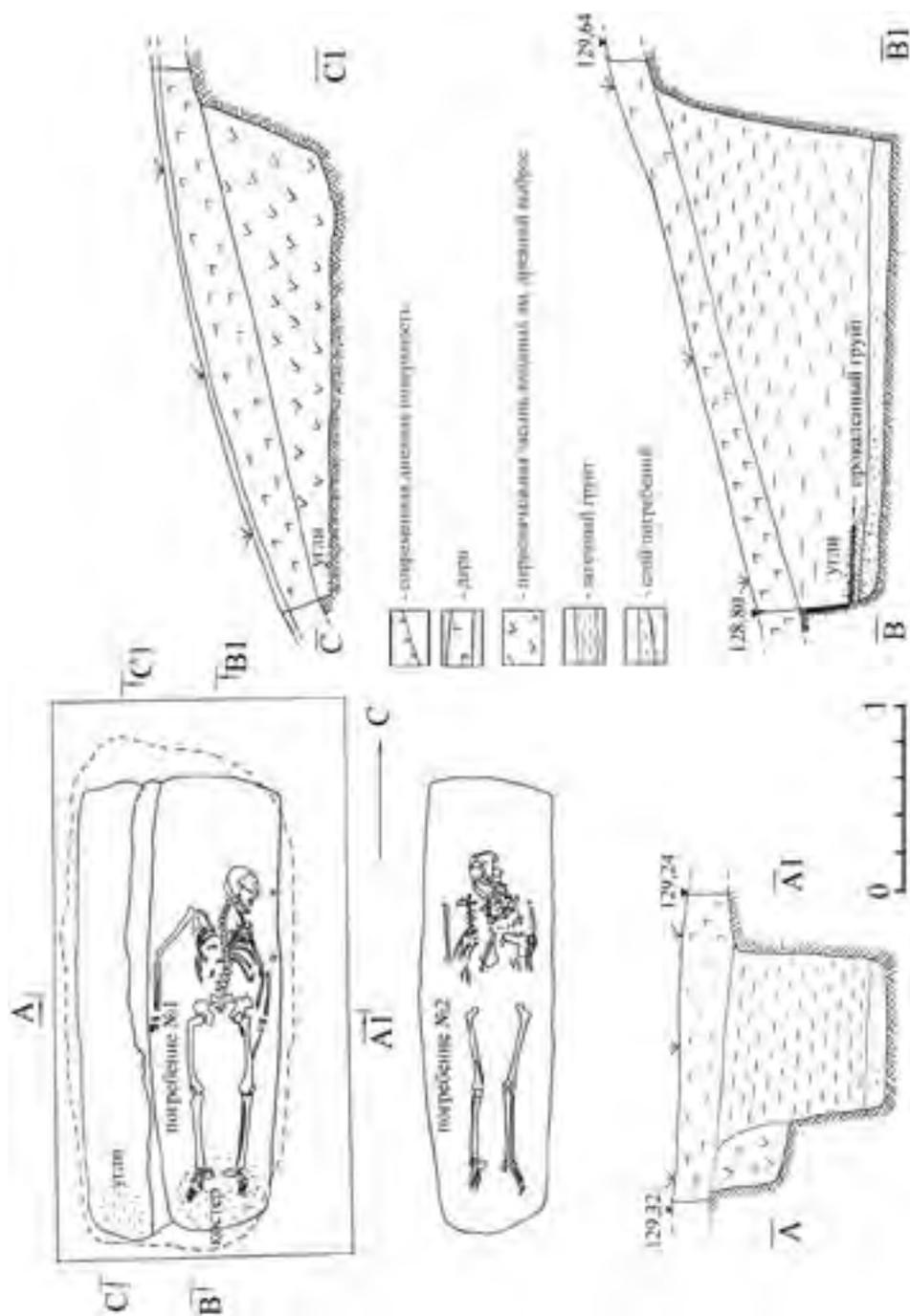

Рис. 19. Подбойная могила № 2. План и разрезы.

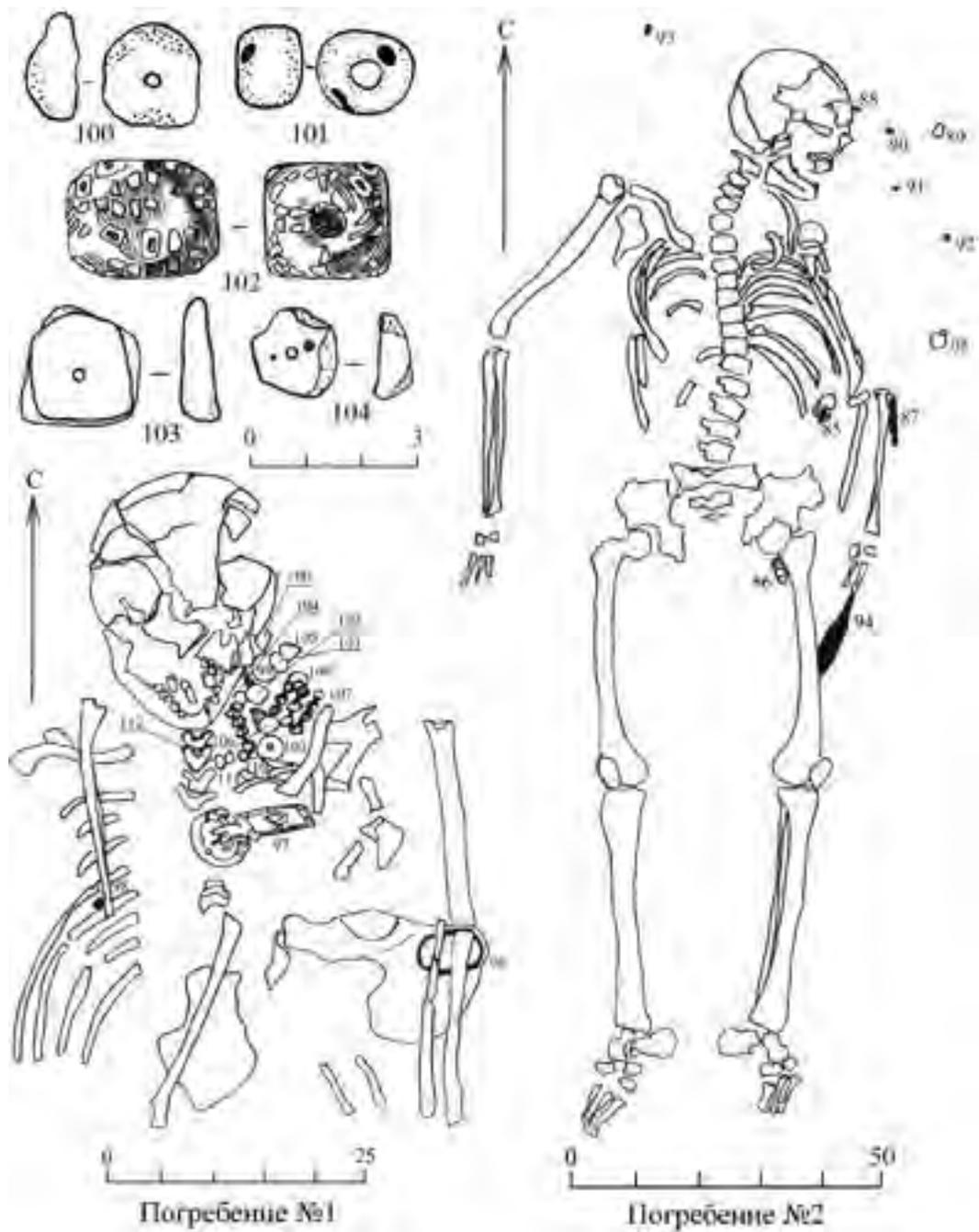

Рис. 20. Подбойная могила № 2. Погребение № 1. Схема расположения находок.

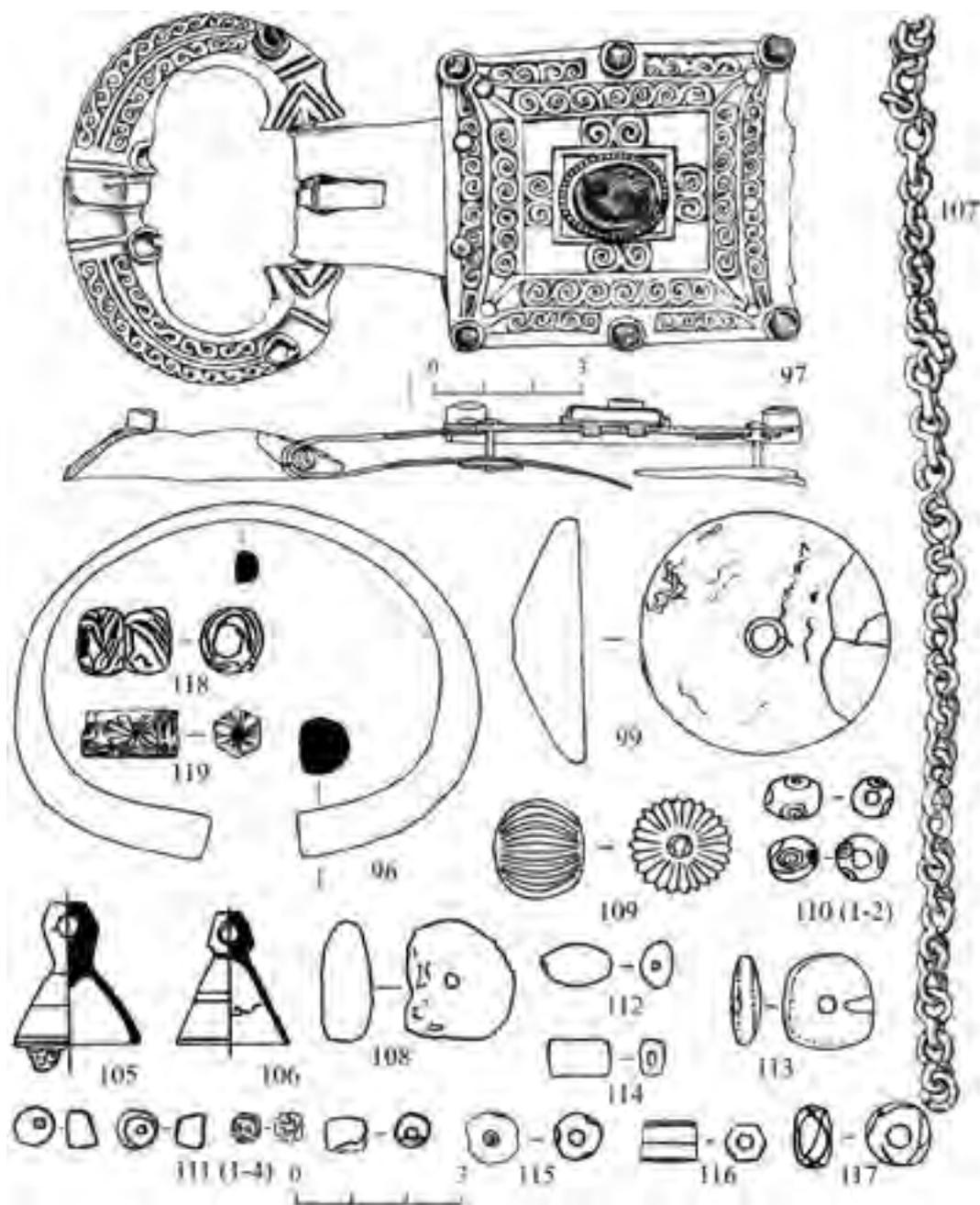

Рис. 21. Подбойная могила № 2. Находки из погребений.

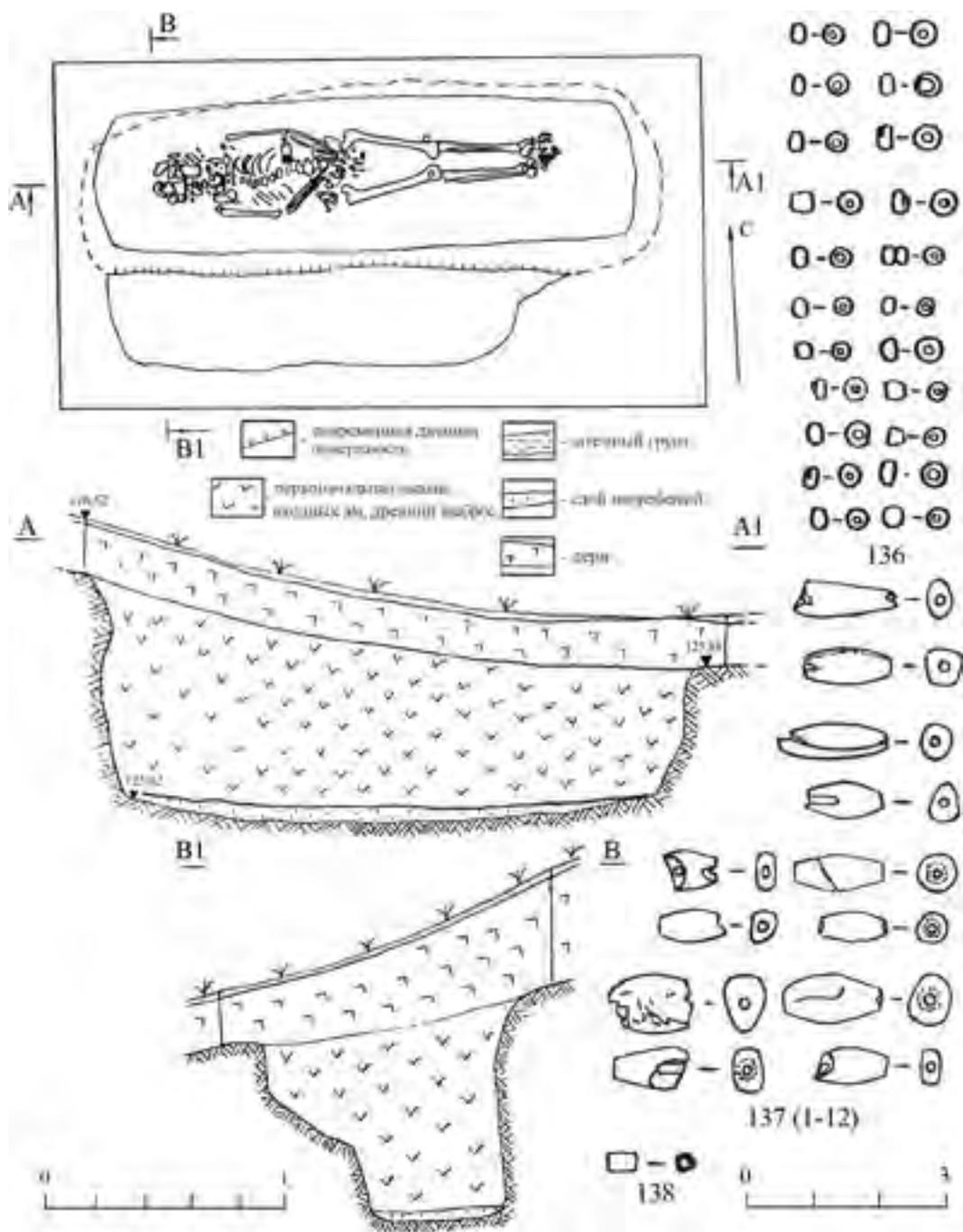

Рис. 22. Подбойная могила № 3. План и разрезы к плану, бусы из погребения.

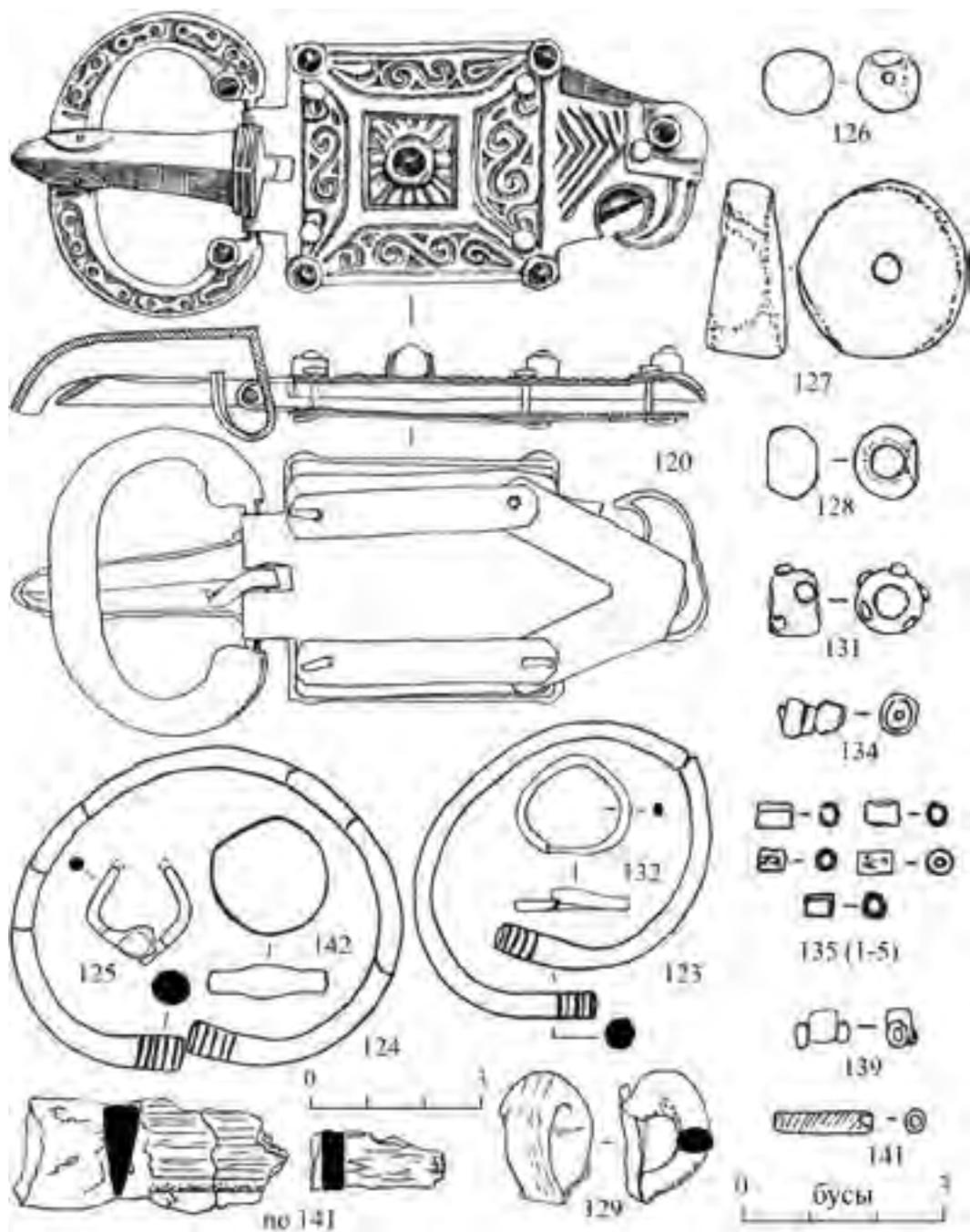

Рис. 23. Подбойная могила № 3. Находки из погребения.

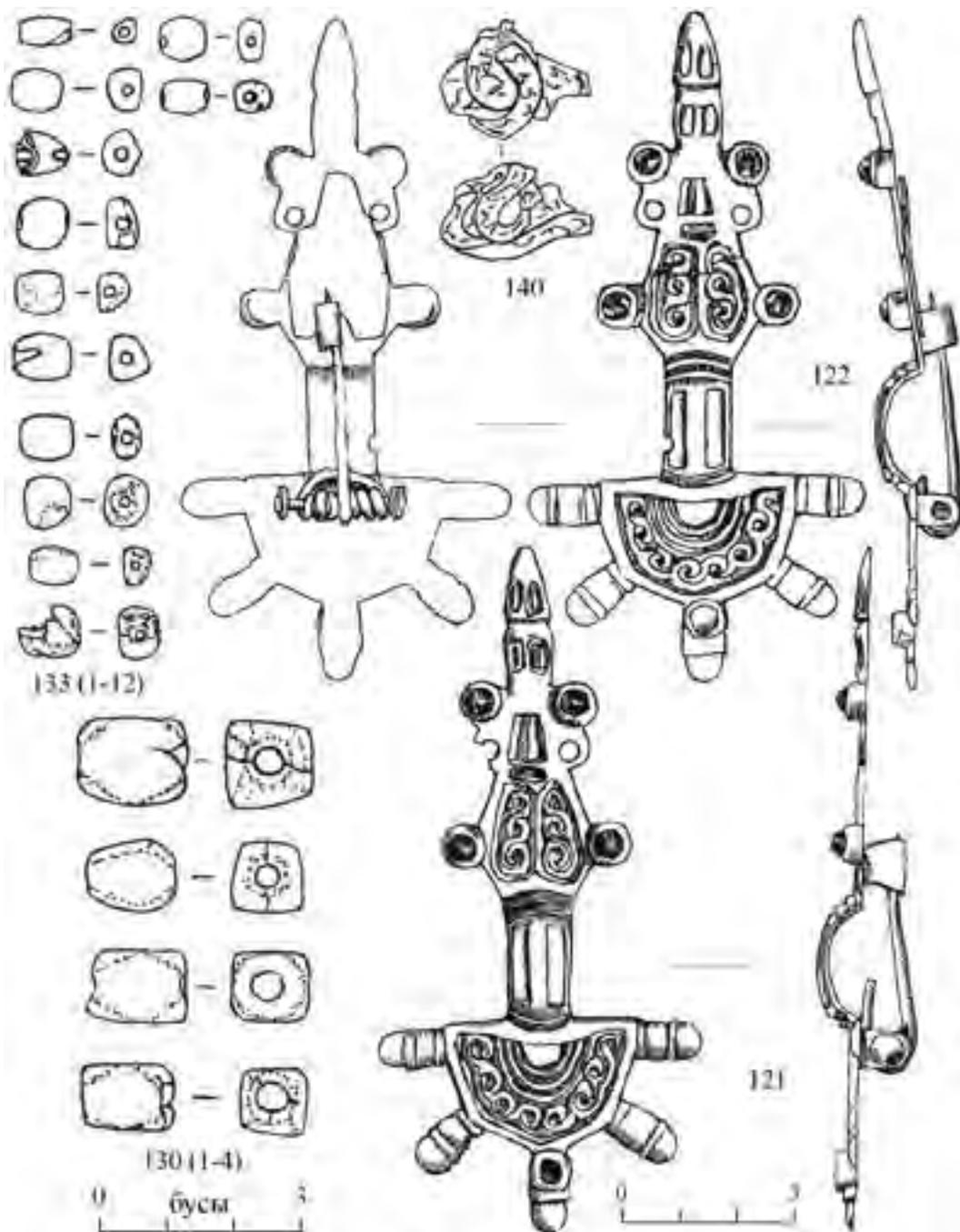

Рис. 24. Подбойная могила № 3. Находки из погребения.

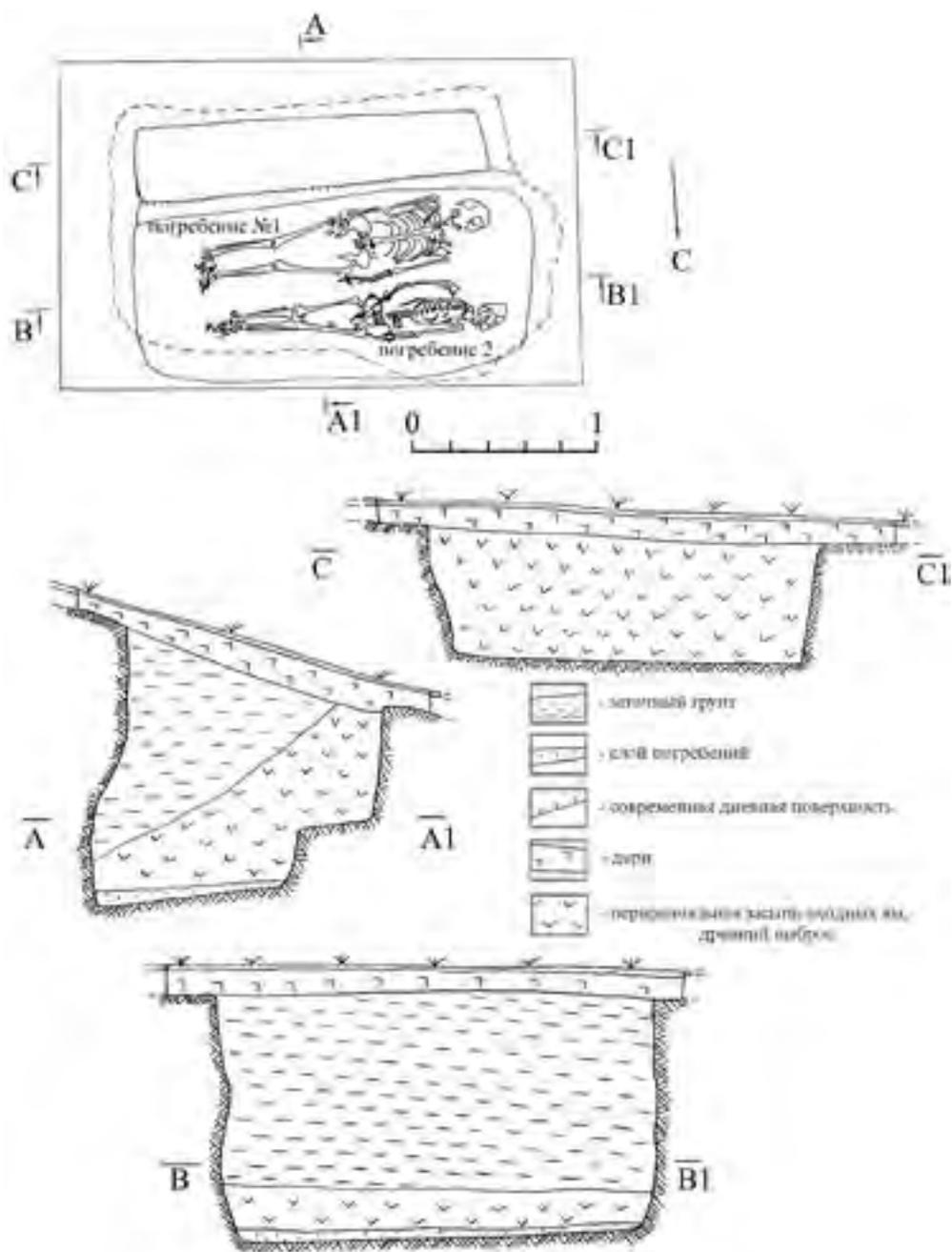

Рис. 25. Подбойная могила № 4. План и разрезы к плану.

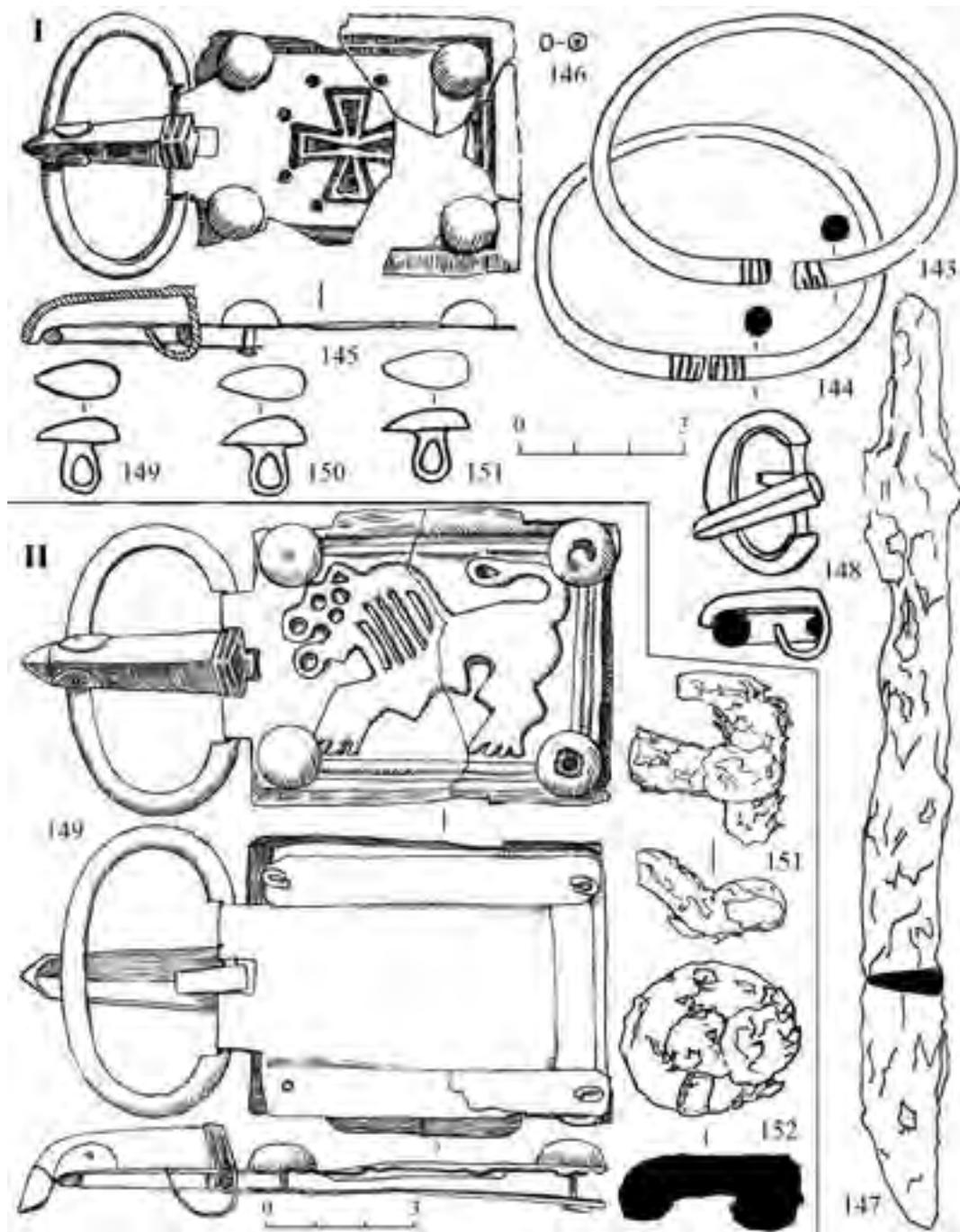

Рис. 26. Находки из подбойных могил № 4 (I) и № 11 (II).

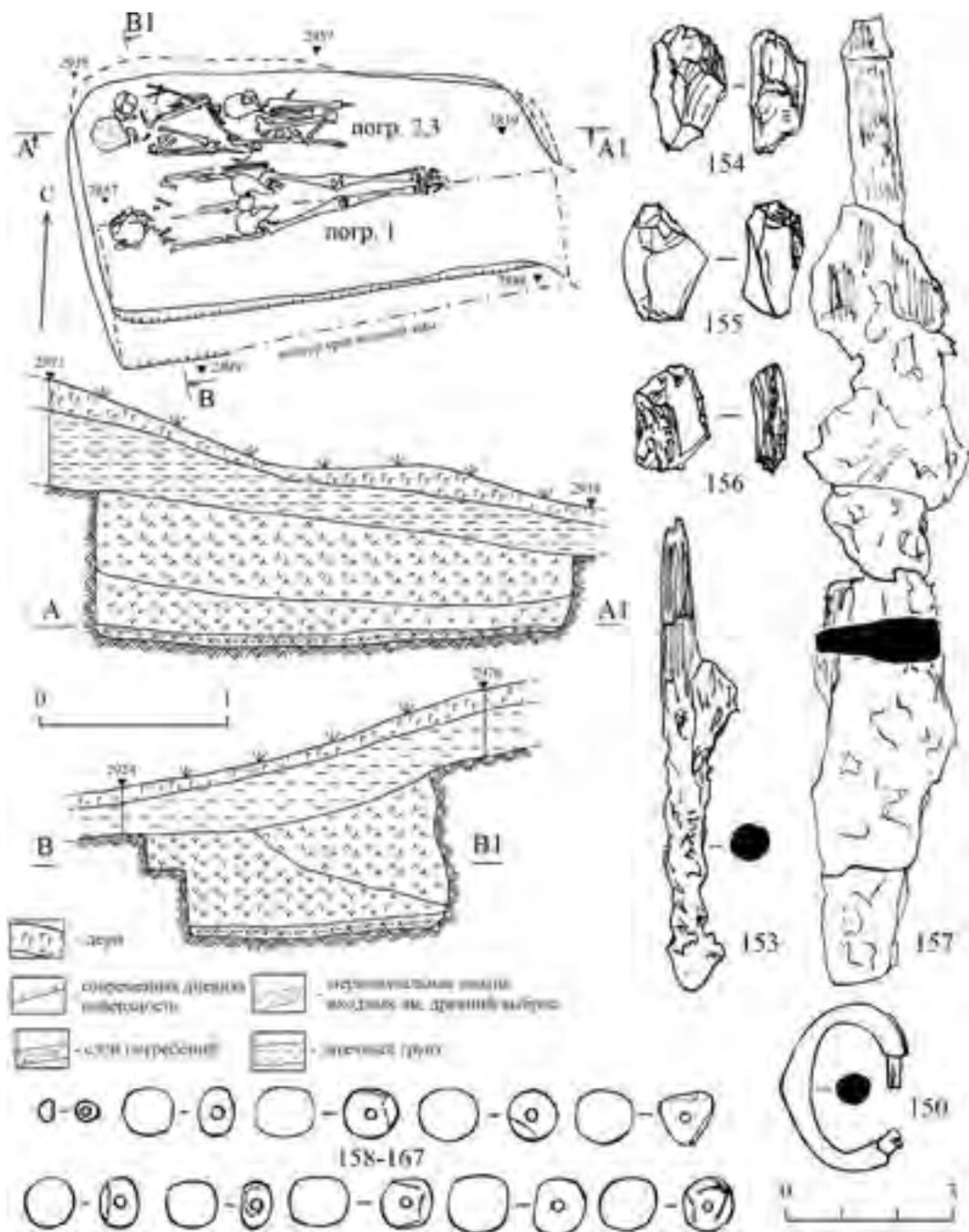

Рис. 27. Подбойная могила № 11. План и разрезы к плану, находки из погребений.

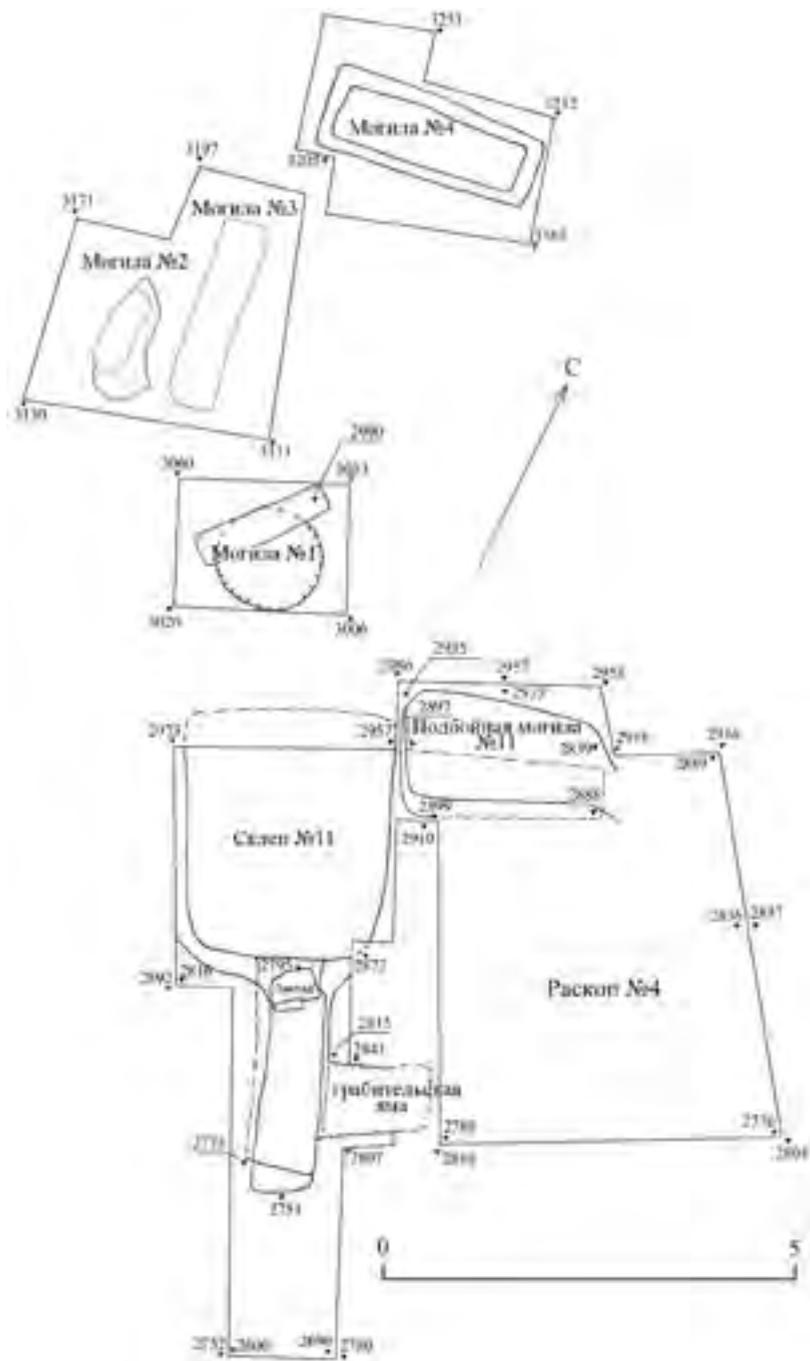

Рис. 28. Могильник Алония. План исследованного в 2002 г. участка.

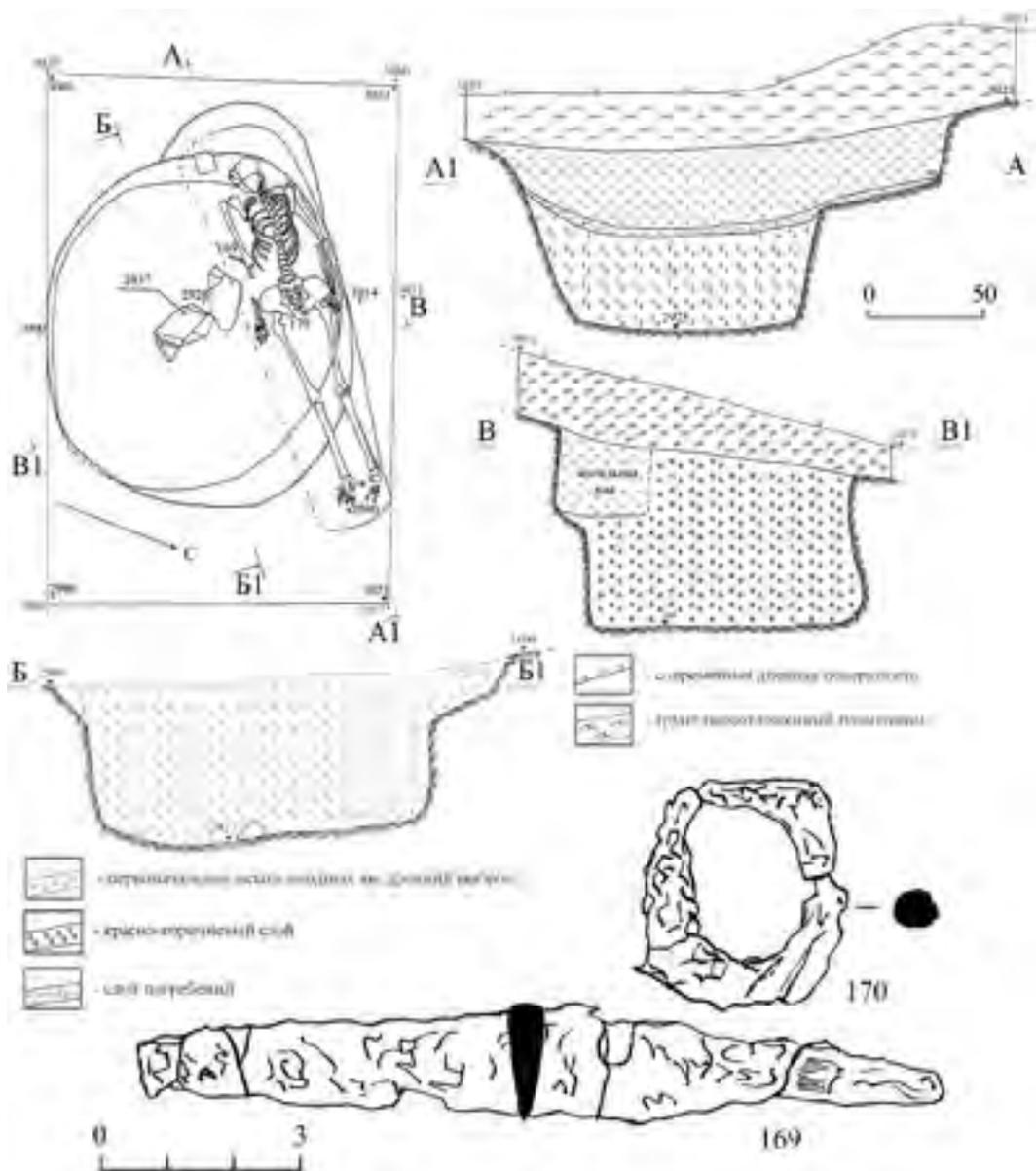

Рис. 29. Грунтовая могила № 1. План и разрезы к палу, находки из погребения.

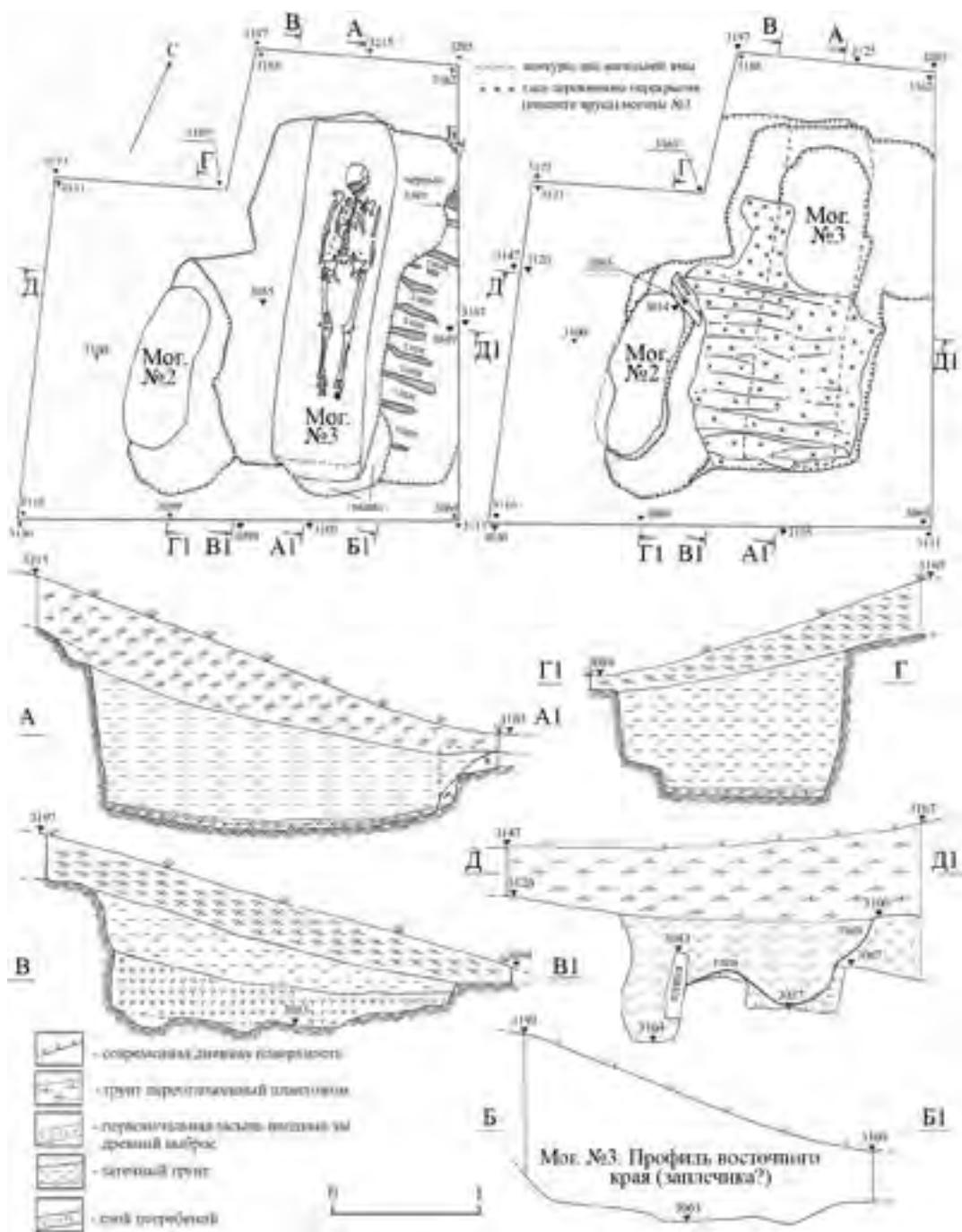

Рис. 30. Грунтовые могилы № 2 и № 3. Планы и разрезы к планам.

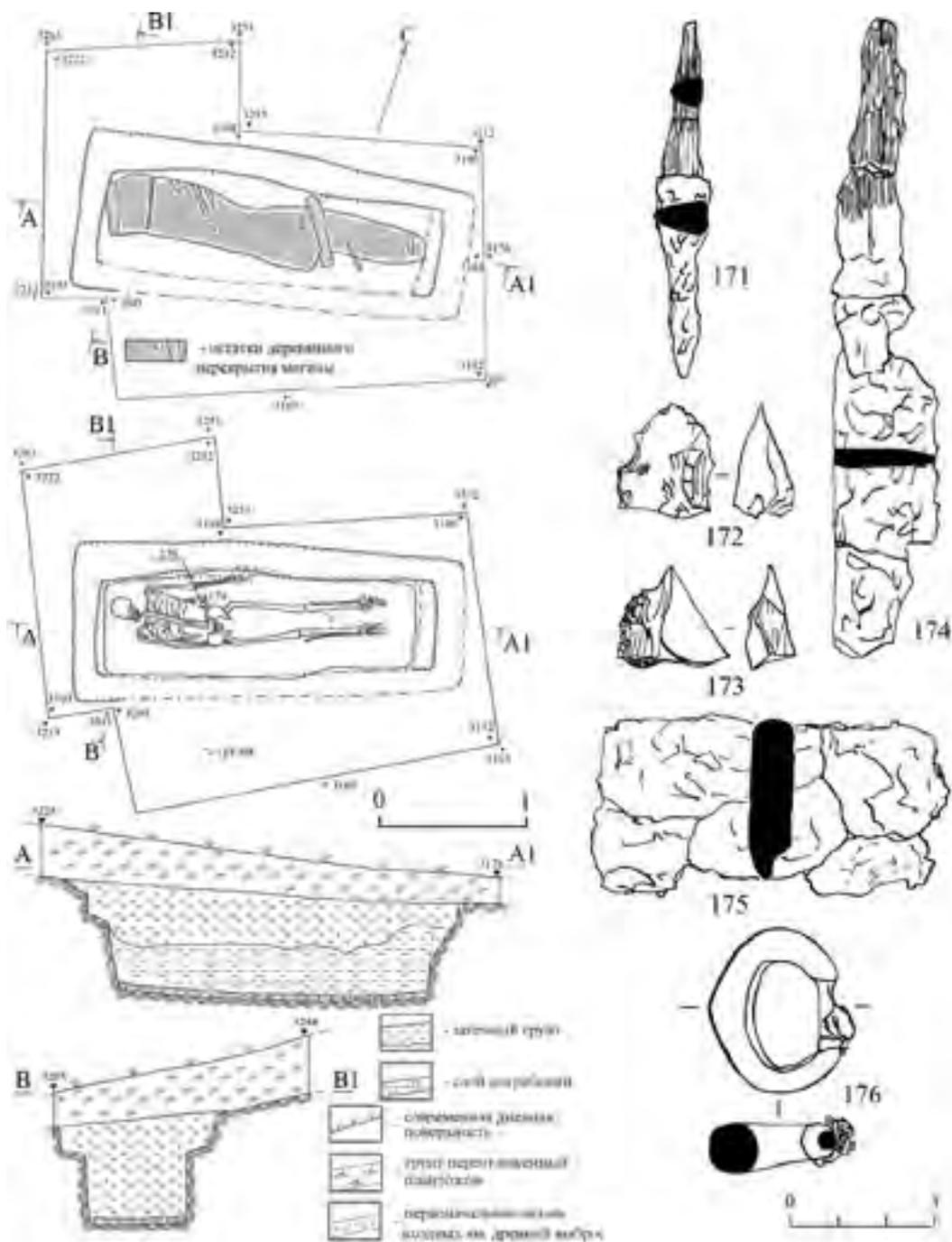

Рис. 31. Грунтовая могила № 4. План и разрезы к плану, находки из погребения.

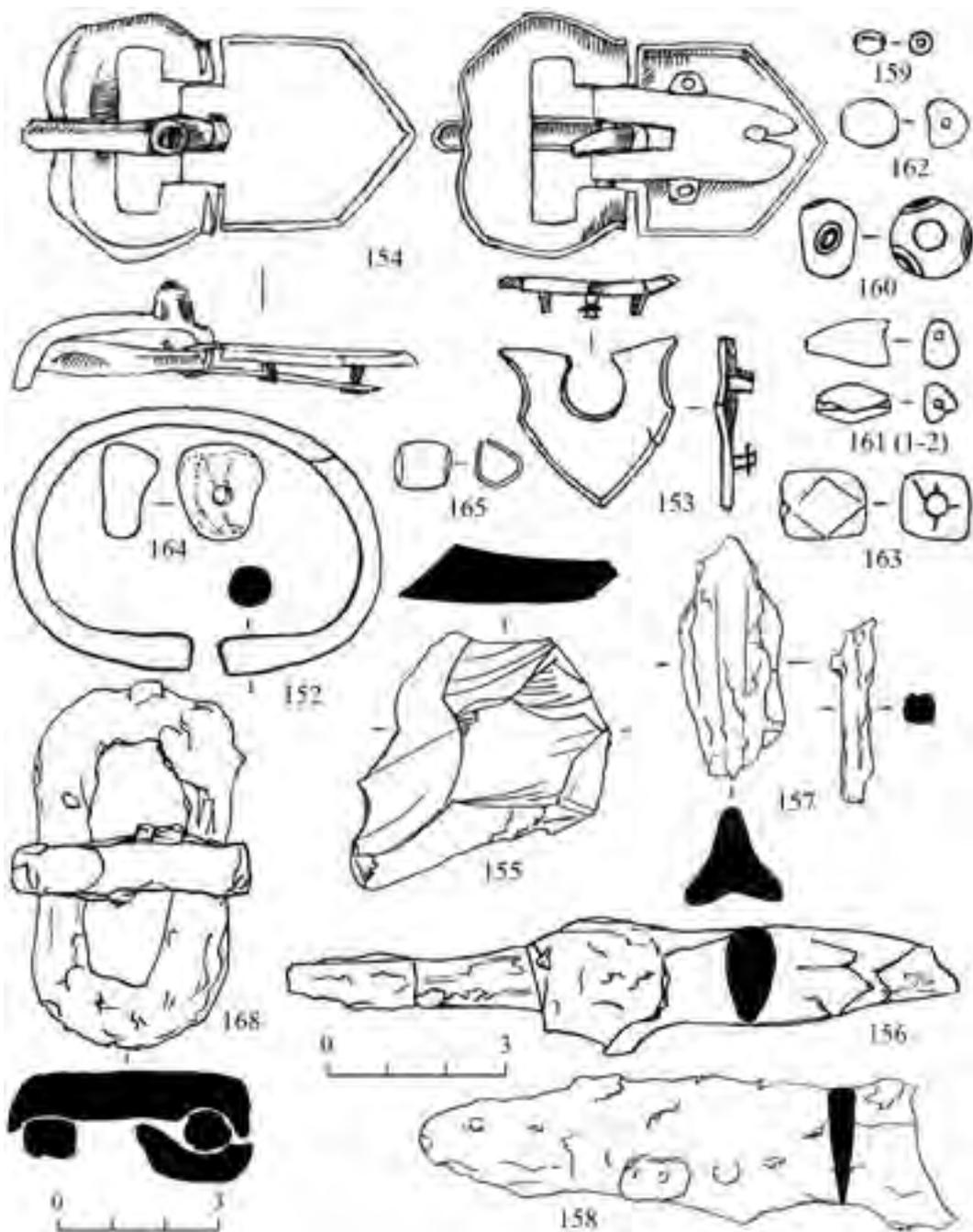

Рис. 32. Находки их могилы № 5 (168) и из склепов № 3 (152-156) и № 4 (157-165).

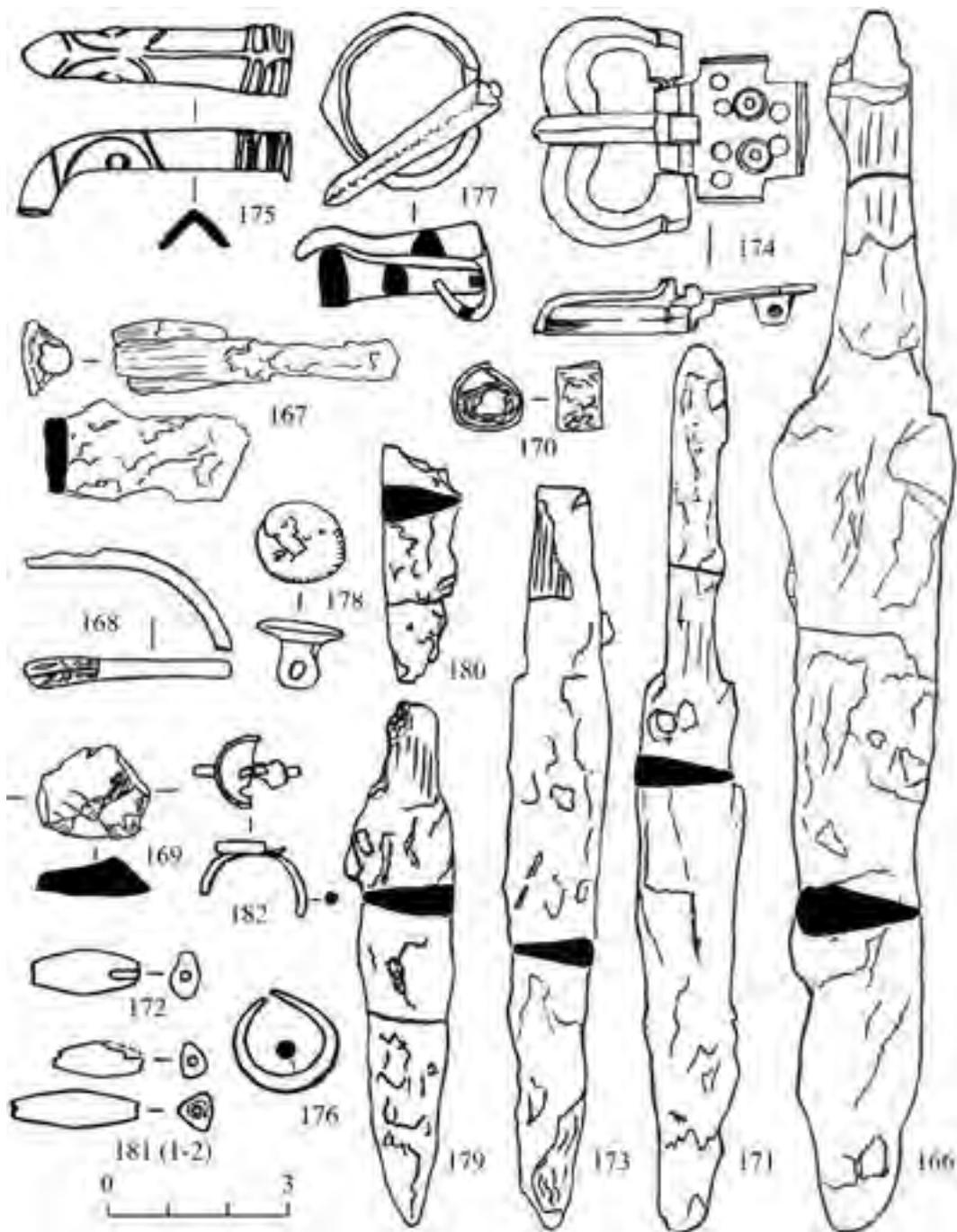

Рис. 33. Находки из склепов № 5 (166-170) и № 6 (171-182).

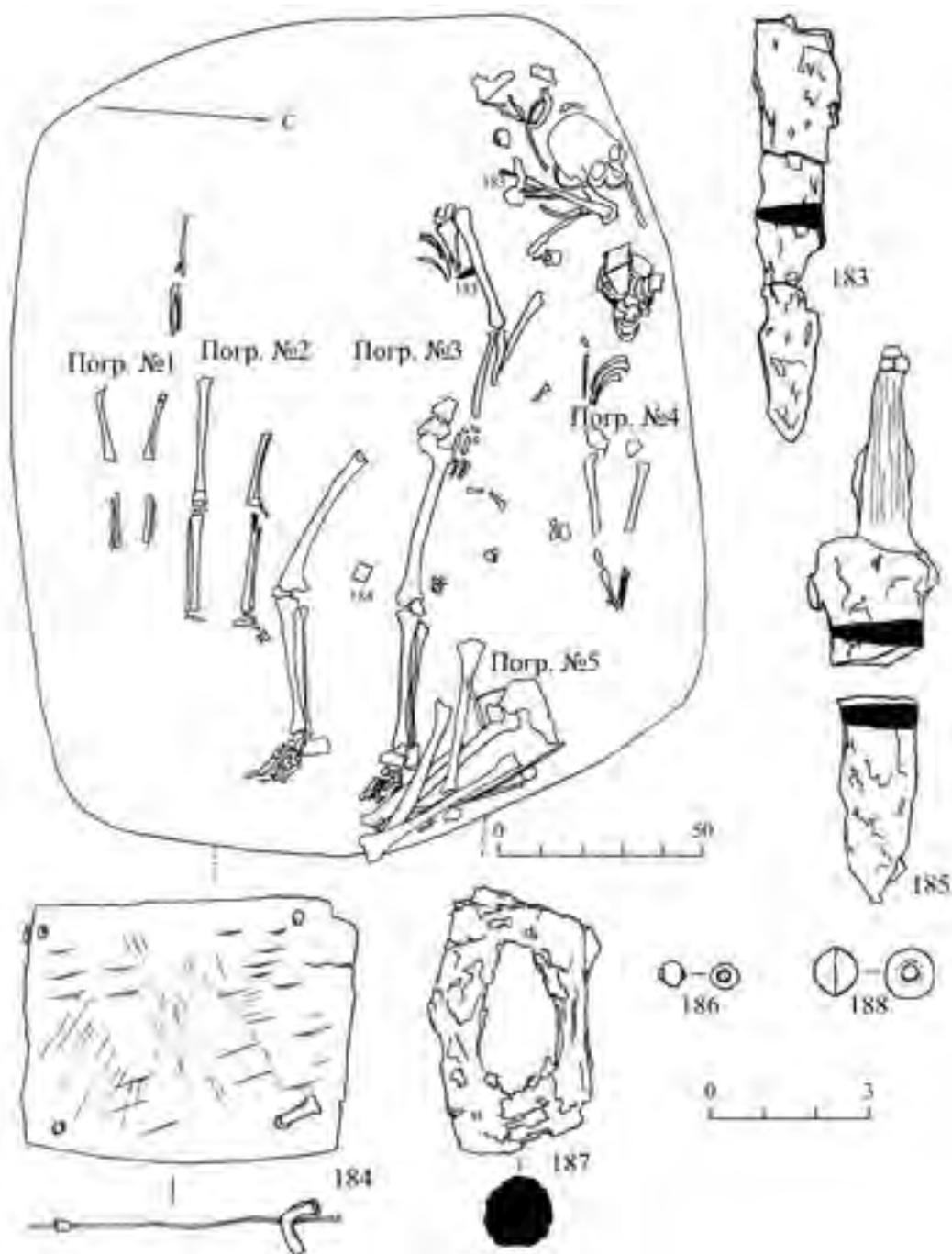

Рис. 34. Склеп № 7. План камеры и находки из погребений.

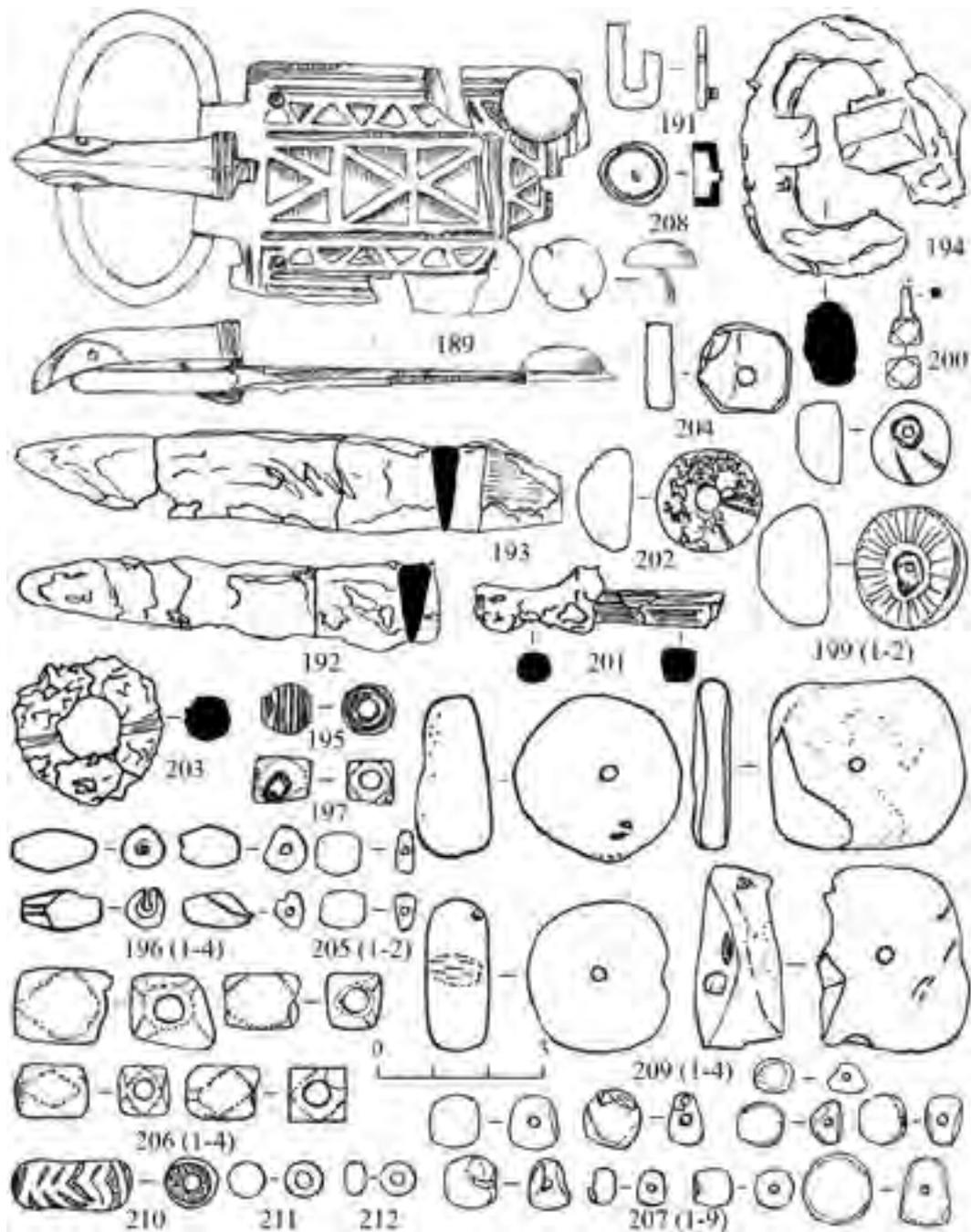

Рис. 35. Находки из склепов № 8 (189, 191-209) и № 9 (210-212).

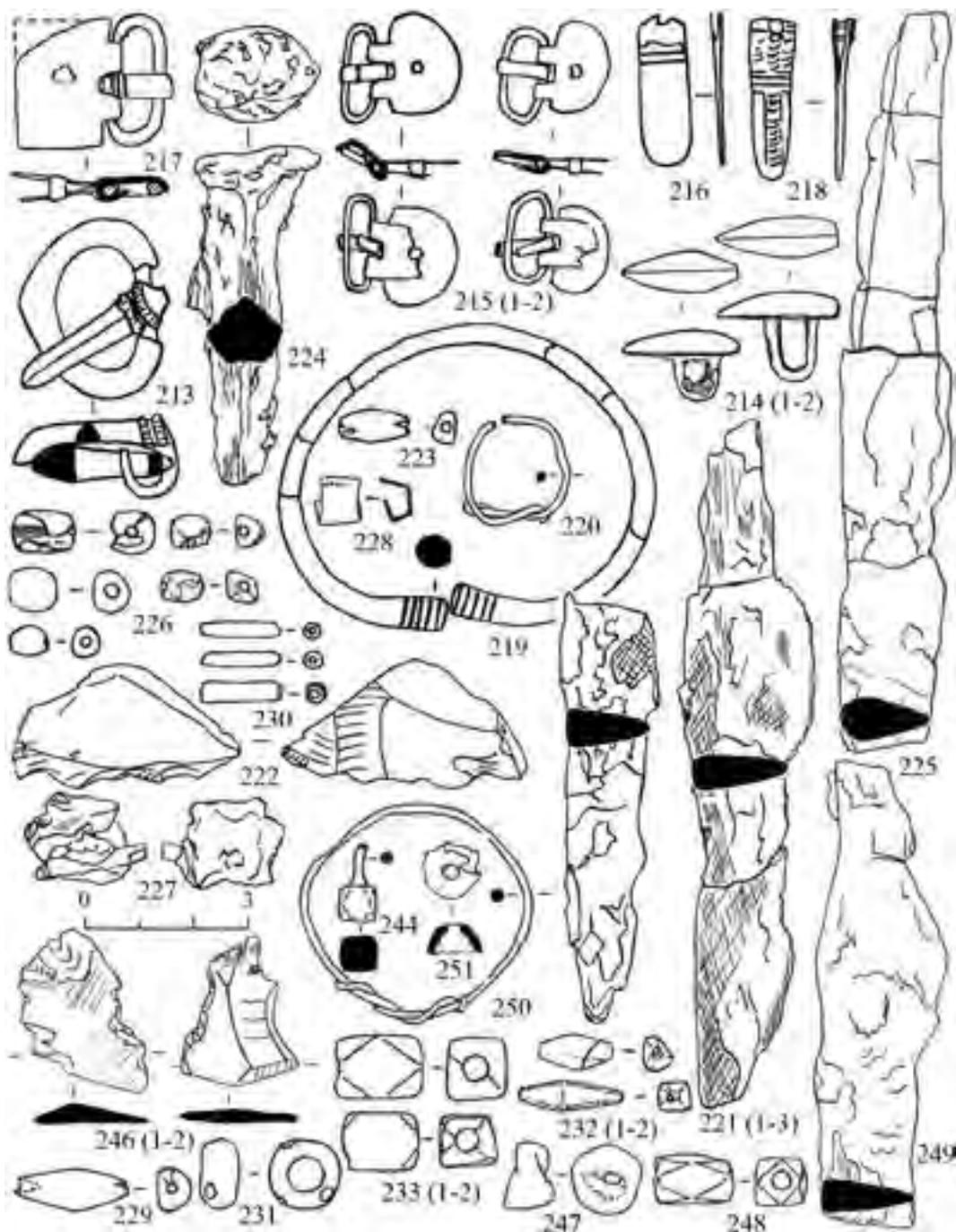

Рис. 36. Находки из склепа № 10 (213-224) и подбойных могил № 5 (225-230), № 6 (231-233) и № 9 (244, 246-251).

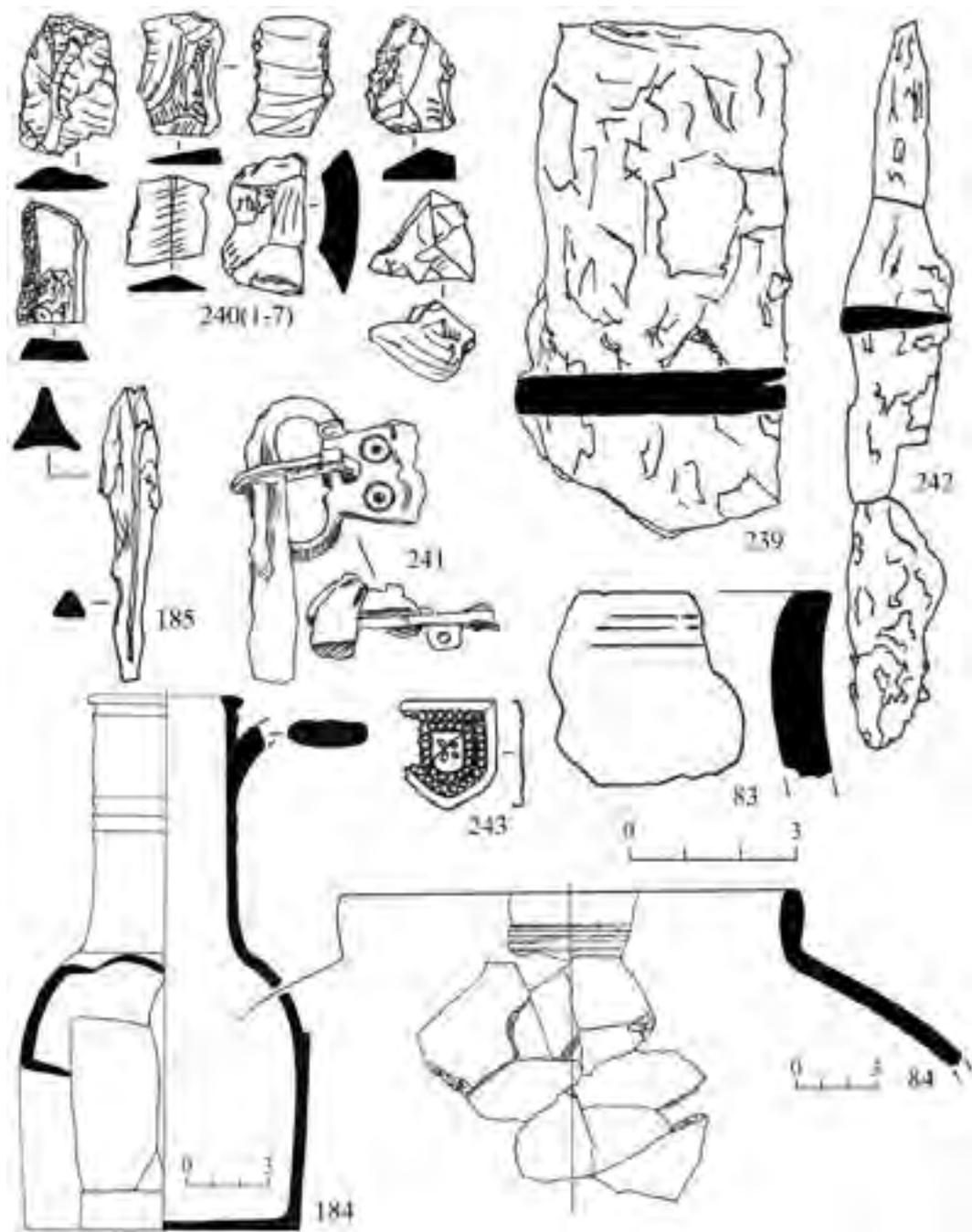

Рис. 37. Находки из подбойной могилы № 8 (239-243), из засыпи подбойной могилы № 1 (83, 84) и подъемный материал (184, 185).

В. Ю. РАДОЧИН

**РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ КЕРЧИ
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В БОСФОРСКОМ ПЕРЕУЛКЕ
(антропологический аспект)**

Данная работа посвящена изучению костных останков, полученных при исследовании некрополя раннесредневековой Керчи. Материал для исследования был получен в ходе охранных археологических раскопок экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А. И. Айбабина. Раскопки проводились в Босфорском переулке на склоне нижней террасы горы Митридат в городе Керчь в 2007-2009 гг. Работы велись по просьбе Керченского государственного историко-культурного заповедника на участке, выделенном под новое здание музея [1, с. 15]. Защищенные погребения датируются VII-VIII вв. (датировка по А. И. Айбабину). В настоящую работу включен материал, полученный в ходе археологических раскопок в 2008-2009 гг.

Краниометрические измерения и описания проводились по методике антропологических исследований, разработанной В. П. Алексеевым и Г. Ф. Дебецом [2]. Остеометрические описания и измерения осуществлялись по методике антропологических исследований В. П. Алексеева [3]. Определение возраста и половой принадлежности проводилось по общепринятым методикам, с привлечением материалов: standards for data collection from human skeletal remains [14], human bone manual [15], human skeletal remains [16], программ и методик по судебной медицине В. И. Пашковской [9]. В работе использована методика комплексного изучения патологических состояний, разработанная А. П. Бужиловой [4]. Рост погребенных рассчитывался по длине длинных костей скелета (формулы Л. Мануврие, К. Пирсона и А. Ли, и М. Троттера и Г. Глезера). Эпигенетические признаки черепов описывались по атласу Epigenetic variants of the human skull [13]. При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола» (принятая FDI в 1971 г.). В целом сохранность материала можно считать плохой. В большинстве случаев была необходима подготовительная реставрационная работа. Данные индивидуальных

краниологических измерений представлены в таблице № 1, остеометрические измерения – в таблицах №№ 2-9. Палеопатологические изменения прослежены в таблице № 10. Генетически детерминированные признаки отражены в таблице № 11.

Для обработки был получен материал из 34 погребальных сооружений¹.

Могила 65. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп разрушен, массивный. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Получен фрагмент правой ветви нижней челюсти. Кости посткраниального верхнего пояса скелета грацильные, костная ткань тонкая. Форма лопаточной ости и суставная впадина лопатки 1 варианта. Верхний край лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 2 варианта. Хорошо выражена дельтовидная бугристость на обеих плечевых костях. Локтевые кости массивные с хорошо выраженным рельефом. Основание крестца завышенное. Бедренные кости умеренно массивные. Рельеф и *linea aspera* на бедренных костях выражены хорошо. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня. Кости посткраниального скелета соотносятся с возрастом 25-30 лет. Рост погребенного 160 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*suturae lambdoidea*). Суставная впадина правой лопатки и головка правой плечевой кости со следами артроза. На правой плечевой кости отмечено межмышцелковое отверстие. Деформирующий спондилез позвонков поясничного отдела. Энтезопатия пяточных костей.

Могила 66. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп разрушен, массивный. Надбровье 1 балл. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Хорошо выражены наружная поверхность затылочной кости и затылочный бугор. Затылочное отверстие ромбической формы. Облитерация черепных швов соотносится с 50 годами. Альвеолярная часть параболическая. Стертость зубной системы соотносится с 35 годами. Нижняя челюсть массивная, округлая. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки 1 варианта. Верхний край лопатки 2 варианта. Рельеф плечевых костей выражен умеренно. Рельеф локтевых и лучевых костей выражен хорошо. Бедренные кости массивные, хорошо выражены рельеф и *linea aspera*. Подколенная линия «невидимая». Рост погребенного 170 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os epiptericum*). Отмечены проявления холодового стресса. Отит. Зубы 26, 27, 28, 36, 37, 45 утрачены при жизни. Абсцесс в области зубов 26, 27, 28. Эмалевая гипоплазия (2 линии). Зубной камень. Артроз суставной впадины левой лопатки. Артроз коленных суставов. Остеохондрит нижних суставных поверхностей большеберцовых костей. Деформирующий спондилез позвонков шейного и грудного отделов.

Могила 67. Погребение было частично разрушено, совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости посткраниального скелета соотносятся с возрастом 1-1,2 года.

Могила 68. Погребение совершено на спине, головой на северо-восток.

Череп разрушен, грацильный. Верхний глазничный край острый. Орбиты круглые. Сосцевидные отростки 1 балл. Передненосовая ость 2 балла. Наружный рельеф затылочной

¹ Автор выражает благодарность А. И. Айбабину за предоставленный для изучения материал.

кости выражен слабо. Развитие зубной системы соотносится с 6 годами. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Кости посткраниального скелета грацильные, соотносятся с возрастом погребенного. Верхний край лопатки 2 варианта. Форма лопаточной ости 1 варианта. Рост погребенного 117 см.

Могила 69. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад.

Череп массивный. Форма черепа сфероидная. Надбровье 1,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Передненосовая ость 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Стертость зубов соотносится с 30-35 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы с хорошо выраженным подбородочным краем. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки 1 варианта. Форма лопаточной ости 2 варианта. На ключицах хорошо выражен конусовидный бугорок. Плечевые кости массивные, хорошо выражен рельеф и дельтовидная бугристость. Лучевые и локтевые кости массивные с хорошо выраженным рельефом и межкостным краем. Бедренные кости массивные. Хорошо выражены рельеф и *linea aspera*. Рост погребенного 168,5 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdaeidea*). Отмечено проявление холодового стресса. Отит. Поротический гиперостоз по своду черепа в области венечного шва. Нарушение зубного ряда (33 зуб выдается вперед из общего ряда). Эмалевая гипоплазия (1 линия). Зубной камень. Остеофитоз позвонков поясничного отдела.

Могила 70. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп разрушен, массивный. Форма черепа сфеноидная. Надбровье 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Стертость зубной системы соотносится с 20 годами. Нижняя челюсть массивная, квадратной формы, с хорошо выраженной жевательной бугристостью и подбородочным краем. Кости посткраниального скелета очень массивные. Верхний край лопатки и суставная впадина лопатки 2 варианта. Хорошо выражен рельеф и дельтовидная бугристость плечевых костей. Рельеф и межкостный край локтевых и лучевых костей выражен умеренно. Основание крестца завышенное. Рельеф и *linea aspera* бедренных костей выражены умеренно. Подколенная линия в виде гребня. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdaeidea*). Зубной камень. Гиподонтия третьих нижних моляров. Отит.

Могила 71. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп разрушен, массивный. Надбровье 2,5 балла. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Стертость зубной системы соотносится с 20-25 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки 1 варианта. Форма лопаточной ости 3 варианта. Плечевые кости массивные, рельеф выражен средне. Хорошо выражен рельеф локтевых и лучевых костей. Основание крестца нормальное. Бедренные кости массивные, хорошо выражен рельеф и *linea aspera*. Подколенная линия в

виде гребня. Кости посткраниального скелета соотносятся с 30 годами. Рост погребенного 168 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Холодовый стресс. Метопизм. Зубной камень. *Cribra orbitalia*. Гиподонтия третьих нижних моляров. Зуб 36 разрушен. Зуб 37 кариес. Артроз обеих грудиноключичных суставов. Узлы Шморля на позвонках поясничного отдела. Энтезопатия надколенников и пяточных костей.

Могила 72. Погребение совершено на спине, головой на восток.

Череп разрушен, грацильный. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие ромбической формы. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Зубная система соотносится с 16-18 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки и верхний край лопатки 2 варианта. Эпифизы длинных костей посткраниального скелета не срослись. Длинные кости рук грацильные. Очень хорошо выражен межкостный край локтевых костей. Основание крестца завышенное. Рельеф бедренных костей выражен умеренно. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Рост погребенного 153 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os suturae sagittalis*, *os suturae lambdoidea*, *os astericum*). Надмышцелковый отросток на правой плечевой кости.

Могила 73. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп разрушен, массивный. Форма черепа овоидная. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 1,5 балла. Орбиты высокие. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Стертость зубной системы соотносится с 30-35 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Форма лопаточной ости 4 варианта. Плечевые кости грацильные, рельеф выражен умеренно. Хорошо выражены дельтовидные бугристости на обеих костях. Очень хорошо выражен рельеф локтевых и лучевых костей. Основание крестца нормальное. Рельеф бедренных костей и *linea aspera* выражены хорошо. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня. Рост погребенного 158,2 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdoidea*). Отит. Зубы 27, 28, 38, 48 утеряны при жизни, лунки заросли. На левой плечевой кости отмечено межмышцелковое отверстие. Артроз суставной впадины правой лопатки и головки правой плечевой кости. Артроз грудиноключичных суставов. Артроз надколенников. Энтезопатия пяточных костей. Истончение костной ткани бедренных костей. Артроз в области латеральной лодыжки левой малоберцовой кости.

Могила 74. Погребение разрушено и не сохранило анатомического порядка.

Череп разрушен, массивный. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Нижняя челюсть массивная. Стертость зубной системы соотносится с 25 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф плечевых костей выражен хорошо. Большеберцовые кости грацильные. Костная ткань тонкая.

Патологии. Зубы 37, 38 кариес.

Могила 75. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп разрушен, массивный. Форма черепа овоидная. Надбровье 1 балл. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 3 балла. Передненосовая ось 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены хорошо. Стертость зубов соотносится с 20-25 годами. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Кости посткраниального скелета массивные. Эпифизы длинных костей посткраниального скелета не срослись. Лопаточная вырезка и суставная впадина лопатки 1 варианта. Форма лопаточной ости 3 варианта. Плечевые кости массивные с хорошо выраженным рельефом. Хорошо выражена дельтовидная бугристость. Локтевые и лучевые кости массивные, рельеф выражен умеренно. Основание крестца нормальное. Бедренные кости массивные. Рельеф и *linea aspera* выражены хорошо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Возраст по костям посткраниального скелета 18-20 лет. Рост погребенного 160,6 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdaeideae*). Зубной камень. Надмышцелковые отростки на плечевых костях.

Могилы 76. Погребение разрушено и не сохранило анатомического порядка.

Череп разрушен, грацильный. Форма черепа сфероидная. Верхний глазничный край острый. Развитие зубной системы соотносится с 3 годами. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть округлая.

Патологии и эпигенетические варианты. Эпидуральная гематома.

Могилы 77. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Череп разрушен, массивный. Сосцевидные отростки 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 20-25 годами. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки и форма лопаточной ости 2 варианта. Рельеф плечевых костей выражен умеренно. Рельеф и межкостный край локтевых и лучевых костей выражен хорошо. Основание крестца нормальное. Рельеф бедренных костей и *linea aspera* выражены слабо. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Рост погребенного 161,3 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зуб 36 кариес. Зубной камень. Межмышцелковое отверстие на левой плечевой кости. Узлы Шморля на грудных позвонках.

Могилы 78. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп грацильный. Форма черепа пентагоноидная. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1,5 балла. Орбиты высокие, круглые. Сосцевидные отростки 2 балла. Передненосовая ось 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Облитерация не отмечена. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Хорошо выражены рельеф ветвей челюсти и подбородочный край. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Суставная впадина лопатки и форма лопаточной ости 1 варианта. Верхний край лопатки 2 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Основание крестца завышенное. Рельеф бедренных костей и *linea aspera* выражены умеренно. Подколенная линия на большеберцовых костях «каплевидная». Рост погребенного 159,6 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os*

lambda). *Cribra orbitalia*. Нарушение зубного ряда. Зубы 13 и 23 повернуты практически перпендикулярно зубному ряду.

Могила 79. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп разрушен, массивный. Форма черепа сфероидная. Надпереносье 0,5 балла. Верхний глазничный край острый. Облитерация черепных швов соотносится с 20 годами. Сосцевидные отростки 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Передненосовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Стертость зубной системы соотносится с 25-30 годами. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Форма лопаточной ости 1 варианта. Хорошо выражен рельеф плечевых и локтевых костей. На ключицах хорошо выражен конусовидный бугорок. Основание крестца нормальное. Бедренные кости массивные, хорошо выражены рельеф и *linea aspera*. Подколенная линия на большеберцовых костях каплевидная. Кости посткраниального скелета соотносятся с 23-25 годами. Рост погребенного 170,1 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os lambdae*, *os suturae lambdaeidea*, *os incisurae parietalis*). Зубной камень. Зубы 17, 27, 36, 37, 47 утрачены при жизни. Гиподонтия третьих верхних моляров. Эмалевая гипоплазия (1 линия). Подбородочные отверстия увеличены. Узлы Шморля на грудных позвонках. Незначительное O-образное искривление бедренных костей.

Могила 80. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп разрушен. Рельеф длинных костей скелета выражен слабо. Возраст погребенного около 1 месяца.

Могила 81. Погребение было совершено, предположительно, в вытянутом положении на спине, головой на запад.

Получены кости ног бедренные, правая большеберцовая, фрагменты тазовых костей, фаланги пальцев ног. Бедренные кости массивные, хорошо выражены рельеф и *linea aspera*. Подколенная линия большеберцовой кости в виде гребня. Полученные зубы соотносятся с возрастом 35 лет. Рост погребенного 172,5 см.

Могила 82. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад.

Череп разрушен, грацильный. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 1 балл. Затылочное отверстие круглое. Передненосовая ость 3 балла. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Возраст погребенного 4 года. Посткраниальный скелет грацильный. Лопаточная вырезка 2 варианта. Рельеф длинных костей выражен слабо. Рост погребенного 118 см.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdaeidea*). Отит.

Могила 83. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. При погребении тело было стянуто.

Череп грацильный. Форма черепа овоидная. Надпереносье 1,5 балла. Верхний глазничный край острый. Орбиты высокие. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Облитерация черепных швов не отмечена. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передненосовая ость 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Затылочное отверстие овальное. Альвеолярная часть параболическая. Развитие зубной системы соотносится с 18-20

годами. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Кости посткраниального скелета грацильные. Эпифизы длинных костей посткраниального скелета не срослись. Суставная впадина лопатки и форма лопаточной ости 2 варианта. Верхний край лопатки 3 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Основание крестца нормальное. Рельеф бедренных костей и *linea aspera* выражены слабо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Рост погребенного 163,2 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Асимметрия черепа. Добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdaeidea*). Отит. Нарушение прикуса (глубокий). Зубной камень. Асимметрия ключиц (правая заметно короче левой). Получены сросшиеся позвонки поясничного отдела (L4-L5).

Могила 84. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Череп разрушен, умеренно массивный. Надбровье 0 баллов. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Стертость зубов соотносится с 25-30 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен хорошо. Хорошо выражена дельтовидная бугристость на плечевых костях и межкостный край на лучевых костях. Основание крестца нормальное. Рельеф большеберцовых и бедренных костей выражен хорошо. Хорошо выражена *linea aspera* на бедренных костях. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня. Рост погребенного 160,8 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зубы 46 и 47 утеряны при жизни. Зубной камень. Зубы 28, 38 кариес. Межмышечковое отверстие на левой плечевой кости. Энтезопатия надколенников.

Могила 85. Погребение было совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток.

Череп разрушен, грацильный. Нижняя челюсть треугольной формы. Посткраниальный скелет соотносится с возрастом 18 месяцев. Рост погребенного 104 см.

Могила 86. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Череп разрушен, грацильный. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Нижняя челюсть округлая. Развитие зубной системы соотносится с 6 годами. Посткраниальный скелет грацильный и соотносится с возрастом 6 лет. Рост погребенного 112 см.

Могила 87. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп разрушен, массивный. Сосцевидные отростки 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Облитерация черепных швов соотносится с 30 годами. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Стертость зубов соотносится с 40-45 годами. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен хорошо. Основание крестца нормальное. Рельеф бедренных костей и *linea aspera* выражены хорошо. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня. Погребение, предположительно, мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os suturae*

lambdaidea). Зубы 36-38 утрачены при жизни. Зубной камень. Отит. Поротический гиперостоз теменных костей. Гиподонтия третьих моляров. Артроз суставных площадок ребер. Артроз суставных площадок грудных позвонков. Остеофитоз поясничных позвонков.

Могила 88. Погребение 1 совершено на левом боку, головой на юго-восток.

Череп разрушен, умеренно массивный. Форма черепа бурзоидная. Надпереносье 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 3 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 40 годами. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Альвеолярная часть параболическая. Стертость зубной системы соотносится с 35-40 годами. Нижняя челюсть массивная. Хорошо выражен подбородочный край. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 1 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен умеренно. Основание крестца нормальное. Хорошо выражены рельеф и linea aspera бедренных костей. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня. Рост погребенного 167,4 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdaidea, os lambda). Отит. Зубной камень. В области зуба 36 абсцесс. Узлы Шморля на поясничных позвонках. Энтезопатия надколенников и пяточных костей.

Погребение 2 разрушено и не сохранило анатомического положения.

Получены фрагменты детских костей. Череп разрушен, грацильный. Верхний глазничный край острый. Возраст погребенного по костям посткраниального скелета около 18 месяцев.

Патологии. Stribra orbitalia.

Могила 89. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп полностью разрушен. Фрагменты черепа умеренно массивные. Верхний глазничный край острый. Надбровье 0,2 балла. Передненосовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия острый. Альвеолярная часть параболическая. Зубная система соотносится с 27-30 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Затылочное отверстие ромбическое. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Посткраниальный скелет грацильный. Суставная впадина и верхний край лопатки 2 варианта. Форма лопаточной ости 1 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Длинные кости рук грацильные. Рельеф плечевых костей выражен слабо. Рельеф локтевых и лучевых костей выражен умеренно. Основание крестца нормальное. Рельеф и linea aspera на бедренных костях выражены средне. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Рост погребенного 161 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зуб 36 кариес. Зубной камень. Перелом правой ключицы в середине диафиза. В месте перелома отмечено образование ложного сустава. Межмышцелковые отверстия на плечевых костях. Артроз суставных площадок поясничных позвонков. Энтезопатия надколенников и пяточных костей.

Могила 90. Погребение частично разрушено. Совершено на левом боку, головой на северо-запад.

Получены только кости посткраниального скелета. Длинные кости грацильные, рельеф выражен слабо. Большеберцовые кости грацильные. Бедренные кости грацильные, рельеф и linea aspera выражены средне. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Рельеф малоберцовых костей выражен хорошо. Возраст погребенного 22-25 лет. Рост

погребенного 161,7 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Межмышечковые отверстия на плечевых костях. Периостит на плечевых костях.

Могила 91. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп разрушен, массивный. Форма черепа сфероидная. Надбровье 2 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие овальное. Облитерация черепных швов соотносится с 30-35 годами. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Хорошо выражен рельеф ветвей. Стертость зубов соотносится с 40 годами. Посткраниальный скелет умеренно массивный. Суставная впадина лопатки и лопаточная вырезка 2 варианта. Форма лопаточной ости 3 варианта. Левая ключица массивнее. Плечевые кости массивные, рельеф выражен слабо. Локтевые и лучевые кости массивные, хорошо выражены рельеф и межкостный край. Бедренные кости массивные, рельеф и *linea aspera* выражены хорошо. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Рост погребенного 170,9 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. На лобной кости отмечено истончение костной ткани. Зубы 15-18, 24, 26, 28, 38, 47 утрачены при жизни. Зубы 38, 47 утрачены незадолго до смерти. Холодовый стресс. Зубной камень. Поротический гиперостоз на теменных и затылочной костях. Незначительный артроз головки правой плечевой кости. На правой большеберцовой и малоберцовой костях отмечен сросшийся перелом со смещением и образованием костной мозоли. Узлы Шморля на нижних грудных и поясничных позвонках. Энтезопатия пяточных костей.

Могила 92. Погребение полностью разрушено.

Получены мелкие фрагменты костей детского черепа, костей рук и ребер.

Могила 93. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад.

Череп разрушен, грацильный. Форма черепа овоидная. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 1 балл. Сосцевидные отростки 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия острый. Передненосовая ость 3 балла. Облитерация черепных швов не отмечена. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Затылочное отверстие ромбическое. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 16 годами. Посткраниальный скелет грацильный. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка и форма лопаточной ости 1 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Основание крестца нормальное. Рельеф бедренных костей и *linea aspera* выражены слабо. Подколенная линия на большеберцовых костях «невидимая». Возраст по посткраниальному скелету 16-17 лет. Рост погребенного 152,3 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепа (*os suturae lambdaeideae*, *os suturae sagittalis*). Отит. Поротический гиперостоз на теменных и затылочной костях. *Cribra orbitalia*. Зубной камень. Эмалевая гипоплазия (2 линии).

Могила 94. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Череп разрушен, массивный. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные

отростки 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Стертость зубной системы соотносится с 25 годами. Посткраниальный скелет грацильный. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Форма лопаточной ости 1 варианта. Кости рук грацильные, со слабо выраженным рельефом. Основание крестца нормальное. Рельеф бедренных костей и *linea aspera* выражены средне. Подколенная линия «невидимая». Рельеф малоберцовых костей выражен очень хорошо. Рост погребенного 154,2 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Поротический гиперостоз на теменных костях. Истончение костной ткани лобной кости. Отит. Зубной камень. Отмечены ямки грануляций. Зубы 36, 45, 46 утрачены при жизни. Гиподонтия 48 зуба. Периостит на правой подвздошной кости.

Могила 95. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток.

Череп разрушен, умеренно массивный. Форма черепа пентагоноидная. Верхний глазничный край округлый. Орбиты низкие. Сосцевидные отростки 2 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть параллельная (ввиду утраты зубов). Облитерация черепных швов соотносится с 30-40 годами. Нижняя челюсть массивная, квадратная. Хорошо выражен рельеф жевательной бугристости. Стертость зубов соотносится с 30-35 годами. Посткраниальный скелет массивный. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Верхний край лопатки и лопаточная вырезка 3 варианта. Плечевые кости массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость. Локтевые и лучевые кости массивные, рельеф выражен умеренно. Основание крестца завышенное. Рельеф и *linea aspera* бедренных костей выражены очень хорошо. Хорошо выражены большой и малый вертелы. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Очень хорошо выражен рельеф малоберцовых костей. Рост погребенного 159,6 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdaeidea*, *os lambdaeidea*, *os astericum*). *Suturae mastoidea*. Метопизм. Холодовый стресс. Незначительный поротический гиперостоз на теменных костях. Отит. Отмечена травма носовых костей (искривление носовых костей, искривление носовой перегородки, травма нижнего края грушевидного отверстия). Зубы 15-18, 25-28, 46-48 утрачены при жизни. В области зубов 12, 13, 36 абсцесс. Зуб 36 кариес. Зубной камень. Артроз суставной впадины на обеих лопатках. На костях пальцев рук следы старения. Отмечен артроз на суставных площадках ребер. Спондилоз и артроз суставных площадок шейных позвонков. Спондилоз грудных и шейных позвонков. Узлы Шморля на грудных позвонках. Артроз головки и блока правой плечевой кости. На правой лучевой кости отмечен артроз суставной площадки и головки. Артроз нижней суставной площадки большеберцовой кости. Остеофитоз правой подвздошной кости. Энтезопатия пяточных костей.

Могила 96. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток.

Получены кости младенца. Развитие костной системы соотносится с возрастом первого месяца послеутробного развития.

Могила 97. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Череп разрушен, очень массивный. Форма черепа сфеноидная. Надбровье 2 балла.

Верхний глазничный край округлый. Облитерация черепных швов соотносится с 30 годами. Сосцевидные отростки 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены очень хорошо. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки и форма лопаточной ости 1 варианта. Лопаточная вырезка 2 варианта. Плечевые кости массивные, хорошо выражена дельтовидная бугристость. Локтевая и лучевая кости массивные, хорошо выражен межкостный край. Основание крестца нормальное. Бедренные кости массивные с хорошо выраженным рельефом. Хорошо выражена *linea aspera*. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня. Рост погребенного 158,6 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Синдром Морганьи–Стюарта–Морея. Отит. Зубы 18, 37, 47 утрачены при жизни. Зубы 11, 17, 24, 25, 26, 27 кариес. В области зубов 11, 37 абсцесс. Пародонтоз. Зубной камень. Холодовый стресс. Эмалевая гипоплазия (3 линии). Артроз суставных впадин лопаток. Спондилез и артроз суставных площадок позвонков шейного, грудного и поясничного отделов. Пятый грудной позвонок деформирован по типу «рыбьего» (остеопороз) [12, с. 166-169]. Все поясничные позвонки с остеофитами. Образование костного блока поясничного позвонка с крестцовыми костями (сакрализация). Деформация верхнего отдела (рукоятки) грудины. Образование костного блока с 1 ребром. Артроз суставных площадок ребер. Деформировано основание крестца. Отмечены маркеры механического стресса на нижних эпифизах малоберцовых костей. Артроз коленных суставов. Отмечен краевой артроз верхних суставных поверхностей большеберцовых костей.

Могила 98. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Во время зачистки погребения были получены кости нерожденного ребенка. Положение детских костей свидетельствует, что смерть обоих погребенных наступила в момент родов.

Череп разрушен, массивный. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 0,1 балл. Сосцевидные отростки 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 25-27 годами. Нижний край грушевидного отверстия острый. Передненосовая ость 2 балла. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Рельеф плечевых костей выражен слабо. Хорошо выражен рельеф и межкостный край локтевой и лучевой костей. Бедренные кости массивные, рельеф и *linea aspera* выражены хорошо. Рельеф малоберцовых костей выражен слабо. Подколенная линия на большеберцовых костях каплевидная. Рост погребенного 163,8 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зубной камень. Эмалевая гипоплазия (1 линия). Гиподонтия третьих моляров снизу. Отмечен периостит на плечевых костях в области дельтовидных бугристостей. Межмышцелковые отверстия на плечевых костях. Узлы Шморля на поясничных позвонках. Незначительный артроз на головке правой бедренной кости. Энтезопатия пяточных костей.

Также получены кости младенца, соответствующие возрасту 8-9 месяцев внутриутробного развития.

Материал получен из 34 погребальных сооружений, преимущественно грунтовых могил. В основном, погребения совершены в вытянутом положении на спине. Отмечено два случая погребения на боку (могилы 88-1, 90). В одном случае (могила 83) при захоронении

тело было «стянуто» (плотно обернуто тленным материалом). Большинство погребенных было ориентировано головой на юго-запад – 12, на северо-восток и юго-восток – по 6 случаев, на северо-запад – 5, на запад – 2.

Обработанная серия включает 36 костяков разной степени сохранности. Из них достоверно мужчин – 9, женщин – 14, детей – 10, половая принадлежность не определена у 3 индивидуумов.

Средняя продолжительность жизни составила 20,4 года. Без учета детского сегмента – 26,8 года. Для мужчин продолжительность жизни составила 30,6 года, женщин – 24 года. Средняя продолжительность жизни детей составила 2,4 года. Большинство погребенных детей (66,6%) умерло в возрасте до 2 лет. Пики смертности для мужчин приходятся на 25-33 лет, для женщин – на 25-29 лет.

Из черепных форм в равной степени встречались сфероидные и овоидные – по 4 случая, пентагоноидные и сфероидные – по 2 случая. В 1 случае отмечена бурзоидная форма. По черепному указателю достоверно зафиксировано мезокранных – 5 черепов (мужчины – 3, женщины – 2), долихокранных – 1 (мужской), брахикранных – 2 (мужчины – 1, женщины – 1).

Все полученные мужские черепа были массивными и умеренно массивными с хорошей вертикальной и горизонтальной профилировками. Угол наклона лобных костей выражен хорошо. Средние краниоскопические значения для мужской серии черепов выглядят следующим образом: надпереносье – 2,1 балла, сосцевидные отростки – 2,6 балла, передненосовая ось – 2,5 балла. В мужской серии, в основном, наблюдались низкие орбиты. Верхний край орбит почти на всех мужских черепах округлый. По носовому указателю мужская серия полностью лепторинная. Нижний край грушевидного отверстия на всех исследованных черепах был инфантильной формы. За исключением одного случая альвеолярные части были параболическими. Среди форм затылочного отверстия преобладали овальные. Наружный рельеф затылочной кости в равной степени был выражен хорошо или умеренно. Нижние челюсти, в основном, треугольные массивные, округлой формы с хорошо выраженным подбородочным краем и жевательной бугристостью. Добавочные косточки на черепе наблюдались в 6 случаях.

Женские черепа в большинстве случаев были массивными (69%). Вертикальная и горизонтальная профилировка в женской серии хорошая. Серия мезогнатная. Наклон лобной кости характеризовался средними и крутыми величинами угла. Средние значения краниоскопических признаков на женских черепах выглядят следующим образом: надпереносье – 0,6 балла, сосцевидные отростки – 2 балла, передненосовая ось – 2,4 балла. Орбиты в женской серии в равной степени средние и высокие. Верхний край орбит на женских черепах чаще был острый. По носовому указателю женская серия, в основном, лепторинная. Форма строения нижнего края грушевидного отверстия в большинстве случаев была инфантильной формы. Все альвеолярные части были параболические. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно либо слабо. В единичных случаях наружный рельеф затылочной кости был выражен хорошо. Среди форм затылочного отверстия преобладали ромбические. Нижние челюсти почти в половине случаев были грацильные, треугольной формы. В одном случае отмечена асимметрия черепа. Добавочные косточки на черепе наблюдались в 8 случаях.

Всего исследовано 9 мужских посткраниальных скелетов. Все посткраниальные скелеты были массивные. Они характеризовались средними, а в ряде случаев и выше средних, размерами длинных костей рук и ног. Суставные впадины лопаток первого варианта отмечены

на 4 костяках, второго варианта фиксировались на 5. Форма лопаточной ости первого и второго варианта отмечены по 1 случаю, третьего варианта – на 2 костяках. Верхний край лопатки отмечен только второго варианта. Лопаточная вырезка первого варианта была на 1 костяке, второго варианта – на 3, третьего варианта – на 1. В 66% хорошо выраженный рельеф плечевой кости совпадал с хорошо выраженным костным рельефом локтевой и лучевой костей. Среди форм оснований крестцов преобладали крестцы с нормальным основанием (5), завышенное отмечено в 2 случаях. Практически на всех бедренных костях *linea aspera* была выражена хорошо. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня отмечена на 8 костяках, «невидимая» – на 1. Средний рост индивидуумов вычислялся по длине длинных костей верхних и нижних конечностей и составил у мужчин 164,8 см.

Женские посткраниальные скелеты (всего 14), в основном, грацильные (71,4%) и характеризовались средними величинами. В нескольких случаях отмечены массивные и умеренно массивные скелеты. Суставные впадины лопаток первого варианта отмечены на 3 костяках, второго варианта – на 6. Форма лопаточной ости первого варианта была у 8 погребенных женщин. Верхний край лопатки отмечен только 2 варианта. Лопаточная вырезка первого варианта фиксировалась на 1 костяке, второго варианта – на 2. В более половины случаев (57%) костный рельеф плечевых длинных костей рук был развит слабо. Слабый рельеф плечевых костей почти всегда совпадал со слабым рельефом локтевой и лучевой костей. Среди форм оснований крестцов преобладали формы с нормальным основанием (8), завышенное отмечено на 2 костяках. *Linea aspera* на бедренных костях в трети случаев была выражена хорошо. Рельеф длинных костей ног выражен хорошо и умеренно в половине случаев. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня отмечена в 4 случаях, «невидимая» зафиксирована в 6 случаях, каплевидная отмечена на 2 костяках. Для женской серии средний рост составил 160,6 см.

На полученном материале хорошо выражен половой диморфизм. Длинные кости из женских погребений отличались большей грацильностью, по сравнению с мужскими. Рельеф длинных костей рук для мужской и женской серий, как правило, соотносился с костным рельефом длинных костей ног. Случаи с непропорциональным развитием рельефа некоторых отделов скелета, думается, уместно связать со специфическими физическими нагрузками. Возможно, это связано с определенной трудовой активностью индивидуумов.

В ходе исследования мы установили, что на одну женщину приходилось менее одного ребенка. Эти данные соотносятся с полученными ранее [11, с. 243]. Вопрос по-прежнему остается открытым, так как некрополь исследован не полностью.

Генетически детерминированные признаки (добавочные косточки на черепе, метопизм, гиподонтия, межмышцелковые отверстия и надмышцелковые отростки на плечевых костях и др.) отмечены в 58% случаев. Данное обстоятельство может косвенно указывать на некоторое генетическое родство погребенных на могильнике индивидуумов. Эпигенетические варианты отмечены на 77,7% мужских костяков и 92% женских. Наиболее часто встречались добавочные косточки на черепе (41%). Интересно отметить, что межмышцелковые отверстия на плечевых костях отмечены только на женских костяках, и частота данного маркера составила 50% от числа всех погребенных женщин. В ряде случаев генетические стигмы были сочетаны.

Данные палеопатологических исследований показали, что наиболее частыми были патологии зубочелюстного аппарата. Зубные патологии, среди которых преобладали отложение зубного камня, прижизненная утрата зубов и кариесное поражение, отмечены на мужских костяках у 88,8%, на женских – у 71%. Данные патологии в равной степени отмечены

на костяках обоих полов. Эти заболевания, как правило, связаны с определенными условиями среды обитания и особенностями диеты [5, с. 43-48; 8, с. 80-81]. В нашем случае можно говорить, что условия жизни мужского и женского населения были схожими. Три случая проявления абсцесса следует отнести к запущенным формам инфицирования. Прижизненная утрата зубов отмечена практически у половины мужского и трети женского населения. Вопрос, была ли утрата зубов преднамеренным удалением, думается, можно решать положительно.

В исследуемой группе отмечено 42 случая проявления патологических изменений в опорно-двигательном аппарате.

Проявления артроза в крупных суставах костей рук и ног отмечено в 9 случаях – на 4 мужских и 5 женских костяках, в половине случаев проявления артроза в суставах рук сочеталось с аналогичными заболеваниями крупных суставов костей ног.

У 14 погребенных отмечены изменения костей позвоночника. Чаще всего отмечались изменения суставных площадок позвонков разных отделов и узлы Шморля. Последние отмечены в равной степени на мужских и женских костяках. Считается, что узлы Шморля возникают в результате старения организма, вследствие первичных заболеваний, либо являются реакцией на травматическое поражение. Также есть мнение что, обнаруживая подобное заболевание в молодом возрасте, следует рассматривать его как реакцию организма на чрезмерные физические нагрузки [8, с. 179-180; 12, с. 76]. В двух случаях (могилы 83, 97) отмечена сакрализация позвонков с образованием неподвижного костного блока.

На материале из могилы 97 отмечен синдром Морганьи-Стюарта-Мореля. Данная патология связывается с гормональной дисфункцией человека, в частности, со снижением уровня мужских гормонов и проявляется в виде узловатых костных разрастаний на внутренней пластинке лобной кости [5, с. 186-188; 6, с. 36-38; 7, с. 188-194].

Травматические поражения отмечены на трех костяках и могут характеризоваться как бытовые или полученные в результате трудовой деятельности. Интерес представляет погребение из могилы 95, где определенные трудности посттравматического характера привели к образованию ложного сустава на правой ключице.

Высокий процент отитов (27,7%) отмечен поврону на мужских и женских черепках и, вероятно, обусловлен факторами географической среды обитания.

Маркеры пищевого эпизодического стресса, такие как эмалевая гипоплазия, отмечены в 6 случаях (16,6%), что является умеренным показателем для рассматриваемого периода.

Проявления поротического гиперостоза отмечены у четверти исследуемого населения. Почти в половине случаев он проявлялся в виде *cribra orbitalia*, который многие исследователи связывают с железодефицитной анемией [4, с. 25-26, 68; 10, с. 240; 15, с. 320-322]. Однако, обуславливающая данную патологию этиология может быть разнообразна.

Такой маркер эпизодического стресса, как голодный стресс, отмечен в 7 случаях. В шести из них маркер фиксировался на мужских костяках. Новые данные по данному маркеру подтверждают уже ранее полученные результаты. Проявления голодного стресса являются ответной реакцией организма не только на экстремальные температурные показатели, но и на длительное пребывание организма в условиях повышенной влажности при низких температурах выше нуля. Таким образом, данный фактор с учетом его гендерной направленности может говорить о некоторой специфике условий жизни части мужского населения (к примеру, дифференциация трудовой активности).

Проведенное исследование в целом соотносится с полученными ранее результатами. Можно сказать, что исследуемое население проживало в мирное время в относительно

благоприятных условиях. Выявленные патологические изменения в опорно-двигательном аппарате обеих полов разных возрастных групп отражают стрессовые состояния, связанные с высокими физическими нагрузками. Остается открытым вопрос о небольшом количестве детских погребений, возможно, это связано с недостаточной изученностью некрополя. Большая частота дискретно варьирующих признаков позволяет предполагать некоторые генетические связи между погребенными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007-2008 гг. // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы: материалы научной конференции. Керчь, 2009. С.15-16.
2. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 128 с.
3. Алексеев В. П. Остеометрия. М.: Наука, 1979. 250 с.
4. Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования населения). М.: ИА РАН – РГНФ, 1995. 198 с.
5. Бужилова А. П. Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
6. Бужилова А. П., Козловская М. В. Были ли скифы тучными? (антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология, археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 36-38.
7. Бужилова А. П., Соколова М. А. Палеопатологический анализ серий с искусственно деформированными черепами (по материалам сарматского периода) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2006. С. 188-197.
8. Добровольская М. В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. 367 с.
9. Пашковская В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Государственное медицинское издательство, 1963. 154 с.
10. Рабинович А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 196-274.
11. Радочин В. Ю. Антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи. // МАИЭТ. Симферополь, 2013. Вып. XVIII. С. 217-276.
12. Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 303 с.
13. Hauser G., De Stefano G. F. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagsbuchhandlung, 1989. 301 p.
14. Buikstra J. E., Ubelaker D. H. Standards for data collection from human skeletal remains. Arkansas Archeological Survey Research Series No. 44. 1994. 272 p.
15. White T. D., Folkens P. A. The human bone manual. Academic Press, 2005. 488 p.
16. Ubelaker D. H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Aldine Publishin Company, 1987. 116 p.

REFERENCES

1. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Raskopki nekropolia rannesrednevekovogo Bospora v 2007- 2008 gg. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "X Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problemy"*. Kerch, 2009, pp. 15-16.
2. Alekseev V. P., Debets G. F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniia*. Moscow, Nauka Publ., 1966, 128 p.
3. Alekseev V. P. *Osteometriia*. Moscow, Nauka Publ., 1979, 250 p.
4. Buzhilova A. P. *Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniia naseleniia)*. Moscow, Institut Arkheologii Rossiiskoi akademii nauk – Rossiiskii Gumanitarnyi Nauchnyi Fond Publ., 1995, 198 p.

5. Buzhilova A. P. *Homo sapiens: istoriia bolezni*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005, 320 p.
6. Buzhilova A. P., Kozlovskaja M. V. Byli li skify tuchnymi? (antropologicheskii analiz kremirovannykh ostankov iz skifskogo pogrebeniia). *Skify i sarmaty v VII-III vv. do n.e. Paleoekologiya, antropologiya, arkhologiya*. Moscow: Gosudarstvennaia publichnaia istoricheskaja biblioteka Publ., 2000, pp. 36-38.
7. Buzhilova A. P., Sokolova M. A. Paleopatologicheskii analiz serii s iskusstvenno deformirovannyimi cherepami (po materialam sarmatskogo perioda). *OPUS. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkhologii*, vol. 5, Moscow: Institut arkhologii Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2006, pp. 188-197.
8. Dobrovol'skaia M. V. *Chelovek i ego pishcha*. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2005, 367 p.
9. Pashkovskaja V. I. *Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii*. Moscow: Gosudarstvennoe meditsinskoe Publ., 1963, 154 p.
10. Rabinovits A., Sedikova L. V., Khenneberg R. Povsednevnaia zhizn' provintsial'nogo goroda v pozdnevizantiiskii period: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v iuzhnom raione Khersonesa. *Materialy po istorii, arkhologii i etnografii Tavrii*, vol. XV, Simferopol, 2009, pp. 196-274.
11. Radochin V. Iu. Antropologicheskie materialy iz raskopok rannesrednevekovoi Kerchi. *Materialy po istorii, arkhologii i etnografii Tavrii*, vol. XVIII, Simferopol; Kerch, 2013, pp. 217-276.
12. Rokhlin D. G. *Bolezni drevnikh liudei*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1965, 303 p.
13. Gertrud Hauser, Gian Franco De Stefano. *Epigenetic variants of the human skull*. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagsbuchhandlung, 1989, 301 p.
14. Jane E. Buikstra, Douglas H. Ubelaker. *Standards for data collection from human skeletal remains*. Arkansas Archeological Survey Research Series No. 44, 1994, 272 p.
15. Tim D. White, Pieter A. Folkens. *The human bone manual*. Academic Press, 2005, 488 p.
16. Ubelaker D. H. *Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation*. Chicago: Aldine Publishin Company, 1987, 116 p.

Приложения

Таблица № 1. Индивидуальные краниометрические измерения

Измерения на черепе	№ погребений											
	66	68	69	70	71	72	73	75	76	77	78	79
1 продольный диаметр	176	-	174	180	-	-	-	176	-	-	185	176
8 поперечный диаметр	-	135	157	120	-	132	131	134	-	-	144	160
9 наименьшая ширина лба	-	-	100	-	-	-	-	94	-	-	90	-
10 наибольшая ширина лба	-	-	130	105	-	-	109	112	-	-	112	133
11 ширина основания черепа	-	-	135	-	-	-	116	97	-	-	115	135
5 длина основания черепа	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16 ширина затылочного отверстия	28	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7 длина затылочного отверстия	34	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12 ширина затылка	102	-	117	101	-	113	-	99	-	-	104	134
17 высотный диаметр	136	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
20 ушная высота ро-в	127	-	126	-	-	-	127	126	-	-	130	134
29 лобная хорда	110	-	114	-	-	-	-	106	-	-	110	-
30 теменная хорда	120	-	103	113	-	-	117	103	-	-	117	110
31 затылочная хорда	97	92	95	72	-	92	-	95	-	-	102	100
26 лобная дуга	126	-	130	-	-	-	-	117	-	-	125	-
27 теменная дуга	135	-	117	120	-	-	130	115	-	-	135	128
28 затылочная дуга	115	103	110	85	-	112	-	113	-	-	120	125
40 длина основания лица	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

48 верхняя высота лица	-	-	61	-	-	-	-	-	-	-	34	-
47 полная высота лица	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	123	-
46 средняя ширина лица	-	74	-	100	-	-	88	-	-	-	-	-
60 длина альв. дуги	62	38	47	53	-	-	48	-	35	-	57	50
61 ширина альв дуги	-	52	66	65	-	-	56	-	48	-	62	61
62 длина неба	42	-	-	41	-	-	34	-	28	-	45	44
63 ширина неба	32	26	40	41	-	-	30	-	22	-	38	34
55 высота носа	-	33	49	-	-	-	-	-	-	-	53	-
54 ширина носа	27	22	-	27	-	-	23	-	-	-	22	23
51 ширина орбиты	37	32	39	-	-	-	-	-	-	-	33	-
52 высота орбиты	-	31	29	-	-	-	-	-	-	-	32	-
50 максиллофронтальная ширина	21	-	23	-	23	-	-	26	-	-	22	-
68 длина нижней челюсти от углов	77	60	76	71	74	82	-	81	-	72	81	66
70(а) высота ветви ниж. чел.	67	41	55	63	66	54	47	65	-	-	53	64
69(с) медиальная высота	35	20	31	36	34	36	26	28	18	25	36	34
65 мышечловая ширина	-	-	-	-	95	-	-	-	-	-	112	126
66 угловая ширина	-	-	-	-	-	98	-	-	-	93	90	103
71 ширина ветви	34	27	30	31	27	33	30	33	22	32	33	21
69-1 высота тела P2-M1	31	-	29	33	30	29	26	29	-	28	33	-
69-2 высота тела M1-M2	27	-	23	30	29	26	24	29	-	25	30	-
79 угол ветви ниж. чел.	115	112	134	124	120	131	124	114	130	130	127	130
8:1 черепной указатель	-	-	90,2	66,6	-	-	-	76,1	-	-	77,8	90,9
17:1 высотно-продольный	77,2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17:8 высотно-поперечный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
54:55 носовой	-	66,6	-	-	-	-	-	-	-	-	41,5	-
9:8 лобно-поперечный	-	-	63,6	-	-	-	-	70,1	-	-	62,5	66,1
9:10 лобный	-	-	76,9	-	-	-	-	83,9	-	-	80,3	-
52:51 орбитный	-	98,8	74,3	-	-	-	-	-	-	-	98,9	-

Измерения на черепе	№ погребений											
	83	84	86	87	88-1	89	91	93	94	95	97	98
1 продольный диаметр	173	-	-	-	183	-	192	-	-	189	180	-
8 поперечный диаметр	136	-	-	-	150	-	-	-	-	144	-	-
9 наименьшая ширина лба	90	-	-	-	-	-	102	-	-	-	-	-
10 наибольшая ширина лба	112	-	-	-	-	-	132	-	-	-	120	-
11 ширина основания черепа	111	-	-	-	-	-	-	-	-	123	-	-
5 длина основания черепа	95	-	-	-	-	-	103	-	-	-	-	-
16 ширина затылочного отверстия	29	-	-	-	-	-	-	26	-	-	-	-
7 длина затылочного отверстия	34	-	-	-	-	-	39	-	-	-	-	-
12 ширина затылка	109	-	-	-	100	-	-	-	-	105	-	-
17 высотный диаметр	126	-	-	-	-	-	135	-	-	-	-	-
20 ушная высота ро-в	121	-	-	-	-	-	135	-	-	124	134	-
29 лобная хорда	103	-	-	-	104	-	122	-	-	-	117	-
30 теменная хорда	112	112	-	-	107	-	115	-	-	108	106	-

31 затылочная хорда	95	-	-	-	100	-	96	-	-	-	101	-
26 лобная дуга	116	-	-	-	125	-	135	-	-	-	127	-
27 теменная дуга	130	120	-	-	130	-	132	-	-	123	130	-
28 затылочная дуга	115	-	-	-	120	-	117	-	-	-	117	-
40 длина основания лица	-	-	-	-	-	-	105	-	-	-	-	-
48 верхняя высота лица	-	-	-	-	-	-	82	-	-	62	-	-
46 средняя ширина лица	-	-	-	-	-	-	103	91	-	82	107	-
60 длина альв. дуги	49	-	37	-	49	55	64	48	-	54	54	53
61 ширина альв. дуги	60	-	49	-	59	-	-	63	-	51	67	-
62 длина неба	40	-	24	-	36	52	57	43	-	52	49	-
63 ширина неба	32	-	22	-	37	-	35	35	-	35	36	-
55 высота носа	-	-	-	-	-	-	82	-	-	46	-	-
54 ширина носа	23	-	21	-	25	-	28	25	-	26	25	-
51 ширина орбиты	-	-	-	-	-	-	41	-	-	39	-	-
52 высота орбиты	-	-	-	-	-	-	36	-	-	27	25	-
50 максиллофронтальная ширина	26	-	-	-	-	-	22	-	-	21	-	-
68 длина нижней челюсти от углов	73	-	51	-	-	76	90	73	69	79	80	73
70(а) высота ветви ниж. чел.	52	-	36	46	50	47	63	54	50	57	64	60
69(с) медиальная высота	27	-	22	30	29	-	45	28	30	32	34	33
65 мышцелковая ширина	109	-	-	-	-	-	-	105	-	-	132	-
66 угловая ширина	92	-	77	-	-	-	111	97	93	96	105	95
71 ширина ветви	32	28	24	29	32	-	38	31	31	34	37	30
69-1 высота тела P2-M1	25	-	19	32	27	-	41	27	-	33	34	31
69-2 высота тела M1-M2	24	-	17	28	25	-	36	26	-	31	31	28
79 угол ветви ниж. чел.	124	-	130	125	118	127	121	117	117	112	129	124
8:1 черепной указатель	78,6	-	-	-	81,9	-	-	-	-	76,1	-	-
17:1 высотно-продольный	72,8	-	-	-	-	-	70,3	-	-	-	-	-
17:8 высотно-поперечный	92,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
54:55 носовой	-	-	-	-	-	-	34,1	-	-	56,5	-	-
9:8 лобно-поперечный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9:10 лобный	80,3	-	-	-	-	-	77,2	-	-	-	-	-
52:51 орбитный	-	-	-	-	-	-	87,8	-	-	69,2	-	-

Таблица № 2. Индивидуальные измерения ключиц

	№ погребения / n – правая, л – левая											
	65/n	65/л	66/n	66/л	69/n	69/л	71/n	71/л	72/n	72/л	73/n	73/л
1	-	-	134	139	147	-	156	150	113	-	136	133
6	-	33	47	45	37	37	37	38	32	31	32	31
6:1	-	-	35	32,3	25,1	-	23,7	25,3	28,3	-	23,5	23,3

	№ погребения / n – правая, л – левая											
	75/n	75/л	76/n	76/л	77/n	77/л	78/n	78/л	79/n	79/л	80/л	82/n
1	134	137	67	68	139	134	140	134	139	134	41	82
6	36	36	17	17	36	33	33	33	37	37	18	16
6:1	26,8	26,2	25,3	25	25,8	24,6	23,5	24,6	26,6	27,6	43,9	19,7

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	82/л	83/п	83/л	84/п	84/л	86/п	86/л	87/п	88-1/п	88-1/л	89/п	89/л
1	82	112	127	129	129	81	80	132	149	148	113	-
6	16	33	33	35	35	17	17	36	38	35	-	30
6:1	19,7	29,4	25,9	27,1	27,1	20,9	21,2	27,2	25,5	23,6	-	-

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	91/п	91/л	93/п	93/л	94/п	94/л	95/п	95/л	97/п	97/л	98/п	98/л
1	156	156	117	116	119	-	141	143	141	-	-	-
6	36	39	27	26	32	32	38	35	36	38	36	40
6:1	23	25	23	22,4	26,8	-	26,9	24,4	25,5	-	-	-

Таблица № 3. Индивидуальные измерения плечевых костей

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	65/п	65/л	66/п	66/л	67/п	67/л	68/п	68/л	69/п	69/л	71/п	71/л
1	-	291	322	-	-	-	154	154	-	316	337	-
5	23	22	23	-	-	-	9	9	-	25	23	-
6	16	18	18	-	-	-	8	8	-	21	19	-
7	55	53	63	-	31	31	28	28	-	66	63	-
4	53	52	61	-	-	-	31	31	-	55	63	-
10	39	40	45	45	-	-	-	-	49	47	48	-
7:1	-	18,2	19,5	-	-	-	18,1	18,1	-	20,8	18,6	-
6:5	69,5	68,1	78,2	-	-	-	88,8	88,8	-	84	82,6	-

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	72/п	72/л	73/п	73/л	75/п	75/л	76/п	76/л	77/п	77/л	78/п	78/л
1	268	270	287	285	293	284	-	-	302	293	298	297
5	20	20	21	20	24	25	-	-	20	22	21	21
6	17	17	15	15	21	23	9	9	18	17	17	17
7	55	53	52	53	69	70	32	32	60	59	55	58
4	48	49	-	54	-	65	-	-	60	60	62	61
10	39	40	39	38	44	44	-	-	43	43	44	43
7:1	20,5	19,6	18,1	18,5	23,5	24,6	-	-	19,8	20,1	18,4	19,5
6:5	85	85	75	75	87,5	92	-	-	90	77,2	80,9	80,9

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	79/п	79/л	80/п	80/л	82/п	82/л	83/п	83/л	84/п	84/л	85/п	85/л
1	333	328	62	62	-	-	281	292	304	-	-	106
5	23	22	6	6	12	12	20	19	22	22	-	10
6	19	18	6	6	9	9	18	17	19	20	-	9
7	63	63	17	17	31	31	58	58	56	57	-	25
4	67	66	18	18	29	29	55	54	59	61	-	23
10	46	47	-	-	-	-	39	39	47	-	-	-
7:1	18,9	19,2	27,4	27,4	-	-	20,6	19,8	18,4	-	-	23,5
6:5	82,6	81,8	100	100	75	75	90	89,4	86,3	90,9	-	90

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>											
	86/п	86/л	88-1/п	88-1/л	89/п	89/л	90/п	90/л	91/п	91/л	93/п	93/л
1	-	-	335	331	-	281	-	290	343	334	267	261
5	13	13	22	21	20	19	-	19	22	22	17	17
6	9	9	18	18	15	14	-	16	20	19	14	13
7	31	31	62	63	51	50	-	52	63	63	50	50
4	29	29	68	67	-	55	55	57	64	-	47	48
10	-	-	46	46	40	39	-	3846	46	47	35	35
7:1	-	-	18,5	19,0	-	17,7	-	17,9	18,3	18,8	18,7	19,1
6:5	-	-	81,8	85,7	75	73,6	-	84,1	90,9	86,3	82,3	76,4

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>							
	94/п	94/л	95/п	95/л	97/п	97/л	98/п	98/л
1	274	-	295	293	-	290	307	307
5	17	16	26	26	25	24	21	19
6	14	15	20	19	19	15	17	18
7	48	48	59	58	-	62	57	56
4	53	51	61	59	27	57	58	58
10	38	-	47	45	-	43	41	41
7:1	17,5	-	20	19,7	-	21,3	18,5	18,2
6:5	82,3	93,7	76,9	73	76	62,5	80,9	94,7

Таблица № 4. Индивидуальные измерения локтевых костей

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>												
	65/п	65/л	66/п	66/л	67/п	67/л	68/п	68/л	71/п	72/п	72/л	73/п	73/л
1	-	-	-	-	-	84	-	-	-	209	-	223	227
2	-	-	-	-	-	77	119	119	-	185	-	207	204
3	-	-	-	-	-	27	15	15	36	33	-	30	29
11	-	13	13	14	6	6	6	6	13	11	11	12	11
12	-	16	17	17	8	8	6	6	17	16	15	13	14
13	23	21	25	23	-	11	12	-	28	18	19	24	21
14	27	25	31	31	-	13	16	-	31	27	27	29	23
3:2	-	-	-	-	-	35	12,6	12,6	-	17,8	-	14,4	14,2
11:12	-	81,2	76,4	82,3	75	75	100	100	76,4	68,7	73,3	92,3	78,5
13:14	85,1	84	80,6	74,1	-	84,6	75	-	90,3	66,6	70,3	82,7	91,3

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>											
	75/п	75/л	77/п	77/л	78/п	78/л	79/п	79/л	80/п	80/л	82/п	82/л
1	235	236	-	-	235	-	275	267	56	56	129	127
2	210	212	-	-	210	-	247	239	50	50	119	119
3	40	39	37	36	34	31	37	36	12	12	20	20
11	14	14	12	12	12	-	14	14	4	4	7	6
12	16	17	16	16	15	-	17	16	4	4	7	8
13	27	23	23	24	25	24	28	27	-	-	-	12
14	33	35	31	30	30	27	34	33	-	-	-	14
3:2	19,0	18,3	-	-	16,1	-	13,7	15,0	24	24	16,8	16,8
11:12	87,5	82,3	75	75	80	-	82,3	87,5	100	100	100	75
13:14	81,8	65,7	74,1	80	83,3	88,8	82,3	81,8	-	-	-	85,7

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>											
	83/п	83/л	84/л	85/п	85/л	86/п	86/л	88-1/п	89/п	89/л	90/п	90/л
1	247	247	-	-	-	119	-	253	239	-	-	238
2	222	219	-	-	-	109	-	228	212	-	-	210
3	32	31	-	15	15	26	-	35	-	30	30	29
11	11	12	-	5	5	6	-	14	11	11	12	11
12	14	15	-	5	5	7	-	16	15	13	12	13
13	22	21	26	-	-	11	11	27	20	18	20	19
14	28	25	32	-	-	17	17	34	25	20	24	21
3:2	14,4	14,1	-	-	-	23,8	-	15,3	-	-	-	13,8
11:12	78,5	80	-	100	100	85,7	-	87,5	73,3	84,6	100	84,6
13:14	78,5	84	81,2	-	-	64,7	64,7	79,4	80	90	83,3	95

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>											
	91/п	91/л	93/п	93/л	94/п	94/л	95/п	95/л	97/п	97/л	98/п	98/л
1	263	-	201	-	209	206	-	-	-	225	251	250
2	232	-	184	-	185	184	-	-	-	195	220	222
3	37	34	30	-	28	27	35	-	36	35	32	32
11	15	13	11	11	11	11	11	-	12	11	12	11
12	19	17	12	14	12	13	17	-	17	17	16	15
13	30	24	17	17	23	21	26	22	24	22	22	19
14	30	27	21	21	24	24	28	28	27	26	26	21
3:2	15,9	-	16,3	-	15,1	14,6	-	-	-	17,9	14,5	14,4
11:12	78,9	76,4	91,6	78,5	91,6	84,6	64,7	-	70,5	64,7	75	73,3
13:14	100	88,8	80,9	80,9	95,8	87,5	92,8	78,5	88,8	84,6	84,6	90,4

Таблица № 5. Индивидуальные измерения лучевых костей

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>											
	65/л	66/п	66/л	67/п	67/л	68/п	68/л	69/л	71/п	72/п	72/л	73/п
1	-	-	-	74	74	-	-	246	251	185	185	-
2	-	-	-	73	73	-	-	235	240	183	182	-
3	37	43	-	20	20	21	21	46	39	37	35	33
4	-	15	14	7	7	7	7	20	14	13	13	13
5	-	12	12	6	6	6	6	14	13	11	11	11
3:2	-	-	-	27,3	27,3	-	-	19,5	16,2	20,2	19,2	-
5:4	-	80	85,7	85,7	85,7	85,7	85,7	70	92,8	84,6	84,6	84,6

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>											
	73/л	75/п	75/л	77/п	77/л	78/п	78/л	79/п	79/л	80/п	80/л	82/п
1	207	214	215	227	223	-	215	256	248	48	48	-
2	200	210	210	220	214	-	210	249	241	-	-	-
3	23	46	45	37	37	40	35	43	43	11	11	21
4	13	18	17	16	15	12	13	18	17	5	5	8
5	11	11	12	11	11	11	11	13	13	4	4	6
3:2	11,5	21,9	21,4	16,8	17,2	-	16,6	17,2	17,8	-	-	-
5:4	84,6	61,1	70,5	68,7	73,3	83,3	84,6	72,2	76,4	80	80	75

Радочин В.Ю. Раннесредневековое население Керчи по материалам раскопок...

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	82/л	83/н	83/л	84/л	85/н	85/л	86/н	86/л	89/н	89/л	90/н	90/л
1	-	224	225	215	-	-	-	-	-	225	223	224
2	-	221	221	208	-	-	-	-	-	215	212	214
3	21	37	36	41	-	-	-	-	40	31	31	36
4	8	14	13	18	6	6	8	7	13	13	13	13
5	6	11	11	13	6	6	6	5	8	11	10	10
3:2	-	16,7	16,2	19,7	-	-	-	-	-	14,4	14,6	16,8
5:4	75	78,5	84,6	72,2	100	100	75	71,4	61,5	84,6	76,9	76,9

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	91/н	91/л	93/н	93/л	94/н	94/л	95/н	95/л	97/н	97/л	98/н	98/л
1	243	239	-	184	199	196	223	-	214	-	234	232
2	236	236	-	-	195	193	218	-	202	203	219	219
3	43	40	36	33	32	31	39	-	40	40	37	36
4	17	16	14	15	12	12	16	15	16	16	16	15
5	12	13	10	9	9	10	12	11	10	11	10	11
3:2	18,2	16,9	-	-	16,4	16,0	17,8	-	19,8	19,7	16,8	16,4
5:4	70,5	81,2	71,4	60	75	83,3	81,2	73,3	62,5	68,7	62,5	73,3

Таблица № 6. Индивидуальные измерения бедренных костей

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	65/н	65/л	66/н	66/л	67/н	67/л	68/н	68/л	69/н	69/л	71/н	71/л
1	419	-	460	460	-	-	-	-	-	-	-	-
2	415	-	-	455	-	-	203	-	-	-	-	-
21	67	69	-	77	-	-	41	41	-	-	-	-
6	26	26	29	29	11	11	13	-	-	30	-	-
7	26	27	29	29	12	12	11	-	-	32	-	-
8	80	83	92	92	35	35	38	-	-	95	-	-
9	30	31	32	32	13	13	15	14	-	33	-	35
10	22	22	27	26	12	12	11	11	-	27	-	26
13	84	82	-	93	-	-	-	-	-	100	-	99
15	29	27	33	32	-	-	15	15	-	34	-	33
18	42	41	41	46	-	-	-	-	-	49	-	50
29	136	136	-	145	-	-	139	139	-	140	-	126
8:2	19,2	-	-	20,2	-	-	5,4	-	-	-	-	-
6:7	100	96,2	100	100	91,6	91,6	118	-	-	93,7	-	-
10:9	73,3	70,9	84,3	81,2	92,3	92,3	73,3	78,5	-	81,8	-	74,2

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	72/н	72/л	73/н	73/л	75/н	75/л	76/н	76/л	77/н	77/л	78/н	78/л
1	390	391	400	401	-	-	-	-	-	-	422	418
2	386	386	397	398	-	-	-	-	-	-	420	419
21	79	76	71	73	80	80	-	-	76	-	81	81
6	23	24	26	26	25	26	12	12	25	27	27	39
7	24	23	24	23	30	29	11	11	28	25	26	28
8	73	73	85	77	85	85	35	35	83	82	83	88
9	27	27	28	26	33	33	14	14	30	31	33	32

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XX

10	23	21	21	21	27	26	11	11	22	25	24	23
13	91	91	83	84	-	-	-	-	-	-	96	96
15	34	32	27	27	34	36	-	-	-	31	38	34
18	44	44	42	42	47	-	-	-	-	-	48	48
29	144	145	130	130	-	-	-	-	-	-	133	133
8:2	18,9	18,9	21,4	19,3	-	-	-	-	-	-	19,7	21
6:7	95,8	104	108	113	83,3	89,6	109	109	89,2	108	103	139
10:9	85,1	85,1	75	80,7	81,8	78,7	78,5	78,5	73,3	80,6	72,7	71,8

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	79/n	79/л	80/n	80/л	81/n	81/л	82/n	82/л	83/n	83/л	84/n	84/л
1	425	431	76	76	-	-	-	-	422	422	-	-
2	423	430	-	-	-	-	-	-	420	420	-	-
21	82	82	22	22	-	-	-	44	74	73	74	75
6	30	29	7	7	26	27	14	15	23	24	30	27
7	32	31	5	5	32	32	15	13	27	28	25	26
8	95	92	20	20	90	88	44	43	84	80	85	81
9	34	33	8	8	29	28	16	17	29	29	33	30
10	29	27	6	6	29	28	15	15	22	23	25	23
13	101	97	-	-	-	-	-	-	91	91	-	-
15	35	37	-	-	37	34	-	-	30	30	-	31
18	52	51	-	-	-	-	-	-	42	42	-	-
29	127	127	-	-	140	-	-	-	136	136	-	136
8:2	22,4	21,3	-	-	-	-	-	-	20	19	-	-
6:7	93,7	93,5	140	140	81,2	84,3	93,3	115	85,1	85,7	120	103
10:9	85,2	81,8	75	75	100	100	93,7	88,2	75,8	79,3	75,7	76,6

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	85/n	85/л	86/n	86/л	88- 1/n	88-1/л	89/n	89/л	90/n	90/л	91/n	91/л
1	-	-	-	-	430	433	405	-	-	412	448	450
2	-	-	-	-	428	426	402	-	-	406	444	447
21	-	-	42	42	80	80	71	-	69	70	81	80
6	10	10	13	13	28	24	26	26	23	23	29	30
7	10	10	12	12	32	32	23	22	24	23	27	27
8	31	31	40	40	88	90	75	75	74	74	85	87
9	12	12	16	16	32	31	29	39	29	29	34	34
10	11	11	12	12	27	26	22	21	24	21	25	24
13	-	-	-	-	91	90	86	88	-	85	96	94
15	15	15	17	17	29	31	31	29	-	28	33	34
18	-	-	-	-	45	46	41	41	-	40	47	46
29	-	-	140	140	134	135	131	127	-	122	132	127
8:2	-	-	-	-	20,5	21,1	18,6	-	-	18,2	19,4	19,4
6:7	100	100	108	108	87,5	75	113	118	95,8	100	107	111
10:9	91,6	91,6	75	75	84,3	83,8	75,8	53,8	82,7	72,4	73,5	70,5

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>									
	93/n	93/л	94/n	94/л	95/n	95/л	97/n	97/л	98/n	98/л
1	391	-	373	376	408	-	413	417	409	414
2	387	-	372	373	404	-	410	411	404	409
21	67	67	72	72	80	80	76	75	71	72
6	20	21	24	24	26	26	26	26	22	23
7	23	23	21	21	27	28	27	25	23	23
8	67	70	70	71	84	83	80	81	71	71
9	26	26	28	29	29	29	32	32	28	37
10	21	21	22	20	26	23	25	25	20	20
13	84	-	86	84	92	-	91	90	83	83
15	24	20	27	27	32	-	33	31	28	28
18	37	-	40	40	47	-	44	44	41	42
29	131	-	135	135	128	-	139	129	138	135
8:2	17,3	-	18,8	19	20,7	-	19,5	19,7	17,5	17,3
6:7	86,9	91,3	114	114	96,2	92	96,2	104	95,6	100
10:9	80,7	80,7	78,5	68,9	89,6	79,3	78,1	78,1	71,4	54,0

Таблица № 7. Индивидуальные измерения надколеников

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	65	65	66	66	71	71	72	72	73/n	73/л	77/n	77/л
1	35	35	42	42	41	41	41	42	37	37	42	42
2	40	41	43	43	45	44	37	37	36	36	43	43
1:2	87,5	85,3	97,6	97,6	91,1	93,1	110,8	113,5	102,7	102,7	97,6	97,6

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	78/n	78/л	79/n	79/л	83/n	83/л	84/n	84/л	88-1/n	88-1/л	89/n	89/л
1	43	43	44	44	38	39	37	39	40	39	37	36
2	46	45	44	44	40	40	40	40	45	43	39	39
1:2	93,4	95,5	100	100	97,5	97,5	92,5	97,5	88,8	97,5	94,8	92,3

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	90/n	90/л	91/n	91/л	93/n	93/л	95/n	95/л	97/n	97/л	98/n	98/л
1	36	-	41	38	37	38	42	-	37	38	38	37
2	36	-	47	45	37	36	46	-	44	43	40	39
1:2	100	-	87,2	84,4	100	105,5	91,3	-	84,0	88,3	88,3	94,8

Таблица № 8. Индивидуальные измерения большеберцовых костей

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	65/n	65/л	66/n	66/л	67/n	67/л	68/n	68/л	71/n	71/л	72/n	72/л
1	335	-	-	383	-	-	-	-	325	328	-	-
1a	341	-	-	388	-	-	-	-	330	336	-	-
2	322	-	-	372	-	-	-	-	315	315	-	-
3	65	65	-	76	-	-	-	-	75	73	72	73

9(a)	22	-	25	24	10	10	9	9	24	24	21	22
10(b)	67	68	77	80	33	33	35	35	71	76	66	66
10(b):1	20	-	-	20,8	-	-	-	-	21,8	23,1	-	-

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	73/n	73/л	75/n	75/л	77/n	77/л	78/n	78/л	79/n	79/л	80/n	80/л
1	322	322	-	-	352	-	230	315	359	361	63	63
1a	328	327	-	-	356	-	325	323	365	363	-	-
2	309	307	-	-	340	-	304	301	340	345	-	-
3	67	67	70	77	-	-	74	-	76	74	16	16
9(a)	19	20	24	25	21	21	22	22	21	21	7	7
10(b)	67	65	76	77	42	42	72	72	75	75	22	22
10(b):1	20,8	20,1	-	-	11,9	-	31,3	22,8	20,8	20,7	34,9	34,9

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	81/n	81/л	82/n	82/л	83/n	83/л	84/n	84/л	85/n	85/л	86/n	86/л
1	380	-	-	164	345	343	-	-	110	110	-	-
1a	386	-	-	-	349	349	-	-	-	-	-	-
2	367	-	-	-	335	331	-	-	-	-	-	-
3	75	-	-	-	69	70	-	70	-	-	-	-
9(a)	27	-	13	13	20	20	21	20	10	10	13	13
10(b)	82	-	40	40	75	68	70	68	32	33	36	36
10(b):1	21,5	-	-	24,3	21,7	19,8	-	-	29,0	30	-	-

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>											
	88-1/n	88-1/л	89/n	89/л	90/n	90/л	91/n	91/л	93/n	93/л	94/n	94/л
1	348	351	340	341	343	342	-	-	-	-	306	306
1a	354	356	338	339	337	339	-	-	-	-	300	303
2	335	334	320	326	326	326	-	-	-	-	290	292
3	76	68	68	64	65	64	74	77	63	63	66	65
9(a)	24	25	19	20	21	21	21	24	21	20	18	17
10(b)	76	73	67	65	62	62	-	-	63	62	58	57
10(b):1	21,8	20,7	19,8	19,7	18,3	18,2	-	-	-	-	18,9	18,8

	<i>№ погребения / n – правая, л – левая</i>						
	95/n	95/л	97/n	97/л	98/n	98/л	
1	313	-	341	347	333	334	
1a	310	-	336	340	330	331	
2	300	-	325	330	314	316	
3	76	75	73	74	69	69	
9(a)	21	-	23	26	18	18	
10(b)	68	-	68	71	63	60	
10(b):1	21,9	-	20,2	20,8	19,0	18,1	

Таблица № 9. Индивидуальные измерения малоберцовых костей

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>											
	65/п	65/л	66/п	66/л	68/п	68/л	71/п	71/л	72/п	72/л	73/п	73/л
1	325	320	-	385	-	-	318	312	270	270	-	319
2	14	14	15	14	6	6	15	16	14	14	13	14
3	10	11	12	13	4	4	13	13	12	12	11	11
4(а)	32	30	38	35	15	15	41	41	33	33	30	34
3:2	71,4	78,5	80	92,8	66,6	66,6	86,6	81,2	85,7	85,7	84,6	78,5

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>											
	75/п	75/л	77/п	77/л	78/п	78/л	79/п	79/л	80/п	80/л	82/п	82/л
1	315	314	332	338	-	307	350	349	61	61	161	161
2	20	21	15	16	17	16	16	17	4	4	7	7
3	14	15	11	11	13	12	12	12	3	3	6	6
4(а)	45	46	30	32	31	33	41	41	13	13	21	21
3:2	70	71,4	73,3	68,7	76,4	75	75	70,5	75	75	85,7	85,7

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>												
	83/п	83/л	84/п	84/л	85/п	85/л	86/п	86/л	88-1/п	88-1/л	89/п	89/л	90/п
1	310	312	305	304	-	-	-	-	-	-	326	329	-
2	13	13	15	14	5	5	7	7	14	15	12	13	13
3	11	11	13	13	4	4	5	5	11	11	9	11	8
4(а)	26	26	31	32	-	-	16	16	38	36	31	31	-
3:2	84,6	84,6	86,6	92,8	80	80	71,4	71,4	78,5	73,3	75	84,6	61,5

	<i>№ погребения / п – правая, л – левая</i>												
	90/л	91/п	91/л	93/п	93/л	94/п	94/л	95/п	95/л	97/п	97/л	98/п	98/л
1	-	332	353	-	-	292	291	-	-	341	342	325	324
2	13	13	15	12	12	11	11	13	13	15	15	12	14
3	10	13	13	12	12	11	11	12	11	11	12	10	9
4(а)	30	33	35	-	-	30	31	37	36	41	37	28	33
3:2	76,9	100	86,6	100	100	100	100	92,3	84,6	73,3	80	83,3	64,2

Таблица № 10. Патологические изменения

<i>Патологии</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	<i>Дети</i>
Кариес	3	3	
Разрушение зуба	1		
Утрата зубов	4	5	
Зубной камень	8	10	
Эмалевая гипоплазия	2	4	
Абсцесс	3	1	
Пародонтит	1		
Синдром Морганьи-Стюарта-Мореля	1		

Эпидуральная гематома			1
Поротический гиперостоз	4	2	
Cribr orbitalia	1	2	1
Отит	5	5	
Ямочки грануляций		1	
Холодовый стресс	6	1	
Остеоартрит		1	
Артроз верхних конечностей	7	4	
Артроз нижних конечностей	2	3	
Истончение костной ткани	1	1	
Реберно позвоночный артроз	5	3	
Артроз позвонков	3	1	
Узлы Шморля	4	3	
Спондилоз	2	2	
Остеопороз	1		
Асимметрия костей		2	
Травмы	3	1	
Остеофитоз	4		
Периостит		3	
Сакрализация	1	1	
Энтезопатия	4	4	
Искривление костей		1	

Таблица № 11. Генетически детерминированные признаки

<i>Генетически детерминированные признаки</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	<i>Дети</i>
Метопизм	2		
Добавочные косточки на черепе	6	8	1
Межмышцелковые отверстия		7	
Надмышцелковые отростки	1	1	
Добавочные швы на черепе	1		
Гиподонтия	3	3	
Нарушение зубного ряда	1	1	
Нарушение прикуса		1	

В. Ю. Радочин

Раннесредневековое население Керчи по материалам раскопок в Босфорском переулке (антропологический аспект)

Резюме

Настоящая работа вводит в научный оборот новые антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи, которые проводились в Босфорском переулке на склоне нижней террасы горы Митридат в 2007-2009 гг. В настоящую работу включен материал из 34 погребальных сооружений, полученный в ходе археологических раскопок в 2008-2009 гг. Серия включает 36 костяков разной степени сохранности. Из них достоверно мужских – 9, женских – 14, детских – 10, половая принадлежность не

определена у 3 индивидуумов. Средний возраст погребенных составил для мужчин – 30,6 года, женщин – 24 года, детей – 2,4 года.

Краниологическая серия достаточно разнородна, при преимуществе мезокранных, составляющих практически половину от полученного материала. Из черепных форм у женщин преобладали овоидные формы, у мужчин – сфеноидные. Мужские и женские черепа, в целом, были массивными и умеренно массивными, с хорошей вертикальной и горизонтальной профилировками. Серия в основном мезогнатная.

Всего исследовано достоверно 9 мужских, 14 женских и 10 детских посткраниальных скелетов. Индексы массивности длинных костей посткраниальных скелетов лежат в пределах средних величин. Выше среднего индексы фиксировались на плечевых костях обеих полов и лучевых в мужской серии. Средний рост индивидуумов вычислялся по длине длинных костей верхних и нижних конечностей и составил у мужчин – 164,8 см, у женщин – 160,6 см. Вопрос небольшого количества детских погребений требует более тщательного изучения после окончания исследования всей территории некрополя.

Наиболее частыми были патологии зубочелюстного аппарата, среди которых преобладали прижизненная утрата зубов и отложение зубного камня. К другой группе частых патологий относятся заболевания опорно-двигательного аппарата, почти две трети из которых приходится на заболевания позвоночника. На материале отмечена низкая степень травматизма (8,3%). Маркеры пищевого эпизодического стресса отмечены на 16,6% исследованного материала. Генетически детерминированные признаки (добавочные косточки на черепе, метопический шов, межмышечковые отверстия, зубные варианты и др.) отмечены в 34 случаях. В ряде случаев признаки были сочетаны.

Ключевые слова: Керчь, череп, посткраниальный скелет, палеопатология, маркеры стресса, травмы, генетически детерминированные признаки.

V. Yu. Radochin

**Early-Mediaeval Population of Kerch according to the Materials Excavated in Bosporskii Lane
(Anthropological Aspect)**

Summary

This work introduces into scientific circulation new anthropological materials from the excavation of early mediaeval Kerch. These excavations took place in Bosporskii Lane on the slope of the lower terrace of Mitridat Mountain, in the city of Kerch, in 2007–2009, by the analysis of the materials obtained from 34 graves by 2008–2009 archaeological excavations. The series comprises 36 skeletons of different degree of preservation: nine of them definitely belong to males, 14 to females, 10 to infants; sex of three buried individuals remains obscure. Average age of the buried was 30.6 years for males, 24 years for females, and 2.4 years for children.

The craniological series is rather heterogeneous, of mainly mesocranial skulls comprising almost a half of the materials in possession. Ovoid forms prevailed among female and sphenoid among male skulls. Generally, male and female skulls were massive and moderately massive, with pronounced vertical and horizontal profiles. The series is generally mesognathic.

In total, the investigation analysed nine male, 14 female and 10 children's post-cranium skeletons. The indexes of mass of long bones of post-cranium skeletons are within average ranges. Indexes higher than average were fixed on humeral bones of both groups and on radial bones for male series. Medium height of individuals was calculated by the length of long bones of upper and lower extremities: it was 164.8 cm for males and 160.6 cm for females. The problem of small quantity of children's burials requires more thorough investigation after completion of research of the whole cemetery area.

Pathologies of tooth-maxillary apparatus were the most frequent case; lifetime loss of teeth and deposition of dental calculus were among those pathologies. Another group of most frequent pathologies comprises musculoskeletal apparatus; approximately two thirds of these pathologies are connected with vertebral column diseases. The material uncovers a very low index of traumatism (8.3%). The markers of food occasional stress are also registered on 16.6% of the investigated material. There are 34 cases of genetically determined characteristics (additional bones, metopic suture, intercondylaris holes, teeth variants, etc.). In some cases, different features appeared on the same skeletons.

Keywords: Kerch, cranium, post-cranial skeleton, palaeopathology, stress markers, trauma, genetically determined features.

И. А. ЗАВАДСКАЯ

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛЬЕФНЫХ МЕТОК
НА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕРЕПИЦЕ КРЫМА¹**

Практика маркировки керамических строительных материалов (черепиц и кирпичей) получила широкое распространение у многих народов в разные времена. Данные материалы, безусловно, образуют важную составляющую материальной культуры населения, которое их оставило.

В Крыму наиболее раннюю группу маркированной строительной керамики образует боспорская эллинистическая черепица с клеймами, легенды которых состоят из целых или сокращенных имен, иногда в сопровождении титула архонта или царя, монограмм, а также слов βασιλική («царская», на керамидах) или βασιλικός («царский», на калиптерах). Согласно доминирующей, практически общепризнанной до недавнего времени точке зрения, подавляющая масса клейм обозначала владельцев черепичного производства, в числе которых – правители из рода Спартокидов [16, с. 266-298; 17, с. 19; 18, с. 202-210; 14, с. 53-60; 25, с. 327-335; 26]. Лишь единичные клейма связывались с определенными сооружениям, в частности, храмом Афродиты в Кепях [27, с. 314-316]. Новый взгляд на причины клеймения и содержание черепичных клейм предложил В. Д. Кузнецов [28, с. 392-400]. Проанализировав содержание клейм и некоторых эпитафических документов (контрактов) из других центров античного мира, он пришел к выводу, что строительные материалы клеймились для заказчика, и клеймо могло содержать как имя подрядчика-изготовителя черепицы, так и информацию о заказчике, которым мог быть царь, городская община, святилище или частное лицо. Боспорские клейма с именами царей в сопровождении титула, а также оттиски «царская/царский», по мнению исследователя, указывают на заказчика и принадлежность черепиц царским сооружениям, а не на их производство в царских мастерских. Данную интерпретацию разделяет Н. Ф. Федосеев, который также

¹ Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

считает, что клеймо фиксировало имя профинансировавшего постройку, и черепица с клеймами с царскими именами покрывала здания, принадлежавшие царю, а клейма с именами божеств предназначались для храмовых построек [54, с. 298-299; 55, с. 12-21]. Имена в номинативе или генитиве без титулов по-прежнему соотносят с ремесленниками-изготовителями [28, с. 400; 54, с. 298].

Клеймение строительных материалов широко практиковалось и в римское время. В разных центрах римского мира обнаружены черепицы и кирпичи с отпечатками штампов легионов и других воинских подразделений, а также с именными клеймами частных мастеров [65, р. 116-127]. В Крыму строительная керамика с латинскими клеймами обнаружена в местах дислокации римских воинских контингентов, а именно в цитадели Херсонеса, на высоте Казацкой, на римской военной базе и в святилище Юпитера Долихена в Балаклаве (Кадыковке), в Хараксе на мысе Ай-Тодор, кроме того, клейменная римская черепица отмечена на Гераклеяском полуострове (усадьба 227) и на городище Алма-Кермен [56, с. 110-117; 7, с. 45-50; 49, с. 119-132; 36, с. 61-70]. Зафиксировано 16 типов римских клейм, которые включают в себя сокращенные названия вексилляций, иногда военных должностей, части имен, вероятно, центурионов (комендантов вексилляций), мастеров или лиц, ответственных за производство. Некоторая часть черепицы с клеймами, вероятно, была завезена в Крым в качестве балласта из Синопы и Нижней Мезии. Однако большинство строительных материалов римского времени, в том числе клейменных, происходят, скорее всего, из местных войсковых керамических мастерских, что подтверждают свидетельства керамического производства в Херсонесе, близ Харакса и в районе Кадыковского городища (Балаклава) [49, с. 119-132; 56, с. 116; 57, с. 61].

В комплексах ранневизантийского времени, зафиксированных в Херсонесе и на Мангупе, клейменная черепица неизвестна [33]. В Херсонесе в этот период плинфу маркировали с помощью штампов с вырезанными буквами, обозначающими индикт и, вероятно, начало имени мастера [45, с. 156-158; 48, с. 16-20].

Несмотря на сложность и спорность расшифровки некоторых буквенных клейм на строительных материалах указанных периодов, в целом они достаточно стандартны, что предполагает их утилитарный, практический характер. Они несут в себе информацию, прежде всего, о происхождении изделий, т.е. о производителе или владельце производства, либо же о предназначении этих материалов, как в случае с эллинистическими клеймами, которые могли указывать заказчика или сооружение, для которого черепица изготавливалась. В ранневизантийских материалах присутствует также хронологический элемент (индикт). Следует отметить, что по своему характеру клейма крымских строительных материалов находят широкий круг аналогий за пределами полуострова, поскольку практика клеймения была привнесена сюда из Древней Греции, потом из Римской и Византийской империй. В частности, в Константинополе в IV-VI вв. производили кирпичи со штампами с вырезанными на них в разных вариациях сокращенными именами, монограммами, в том числе императоров (Юстиниана, Маврикия), названиями титулов, должностей, индиктов, а также христианскими символами (крест, Христограмма) и формулами и т.д. Расшифровка и интерпретация многих штампов порождают разные мнения и споры [64].

Помимо буквенных клейм некоторые строительные материалы Херсонеса римского и ранневизантийского периодов имеют также линии различных очертаний (прямые, волнообразные, концентрические, в виде петель и т.д.), выполненные по сырой глине пальцами или тупым предметом. Подобные метки-«узоры» известны на плинфе,

происходящей из памятников в частности, Греции, Болгарии, Константинополя [5, с. 60; 6, с. 17, табл. II; 4, с. 5-6; 64, р. 6]. Назначение этих меток, чаще всего, объясняют производственными целями, например, для обозначения партий и счета готовых изделий или для контроля над их качеством; не исключается также их декоративный характер [44, с. 159; 56, с. 116; 49, с. 132; 64, р. 6].

В средне- и поздневизантийский период на крымских строительных материалах вместо клейм фигурируют рельефные метки или, как их еще называют, ремесленные знаки. Их появление связано с новым способом изготовления плоских черепиц (керамид), который впервые был применен, вероятно, еще в ранневизантийское время и с IX-X вв. получает повсеместное распространение [33, с. 172-176]. Если в предшествующее время черепицу изготавливали в деревянных ящиках без дна, т.н. «лицевым» способом, то теперь стали использовать ящик-матрицу с дном, в котором вырезали все рельефные лицевые элементы будущей черепицы, в том числе метки («тыльный» способ) [59, с. 119; 37, с. 81; 50, с. 94-95; 33, с. 172-176].

Черепица с рельефными метками хорошо известна из раскопок средневековых памятников Юго-Западного, Южнобережного и Юго-Восточного Крыма. Наиболее обширная коллекция строительных материалов с метками собрана в Херсонесе [59, с. 117-153; 48]. Большое количество маркированной черепицы зафиксировано на Мангупе [53, с. 430-434; 59, с. 151; 46, с. 181-192] и Эски-Кермене [43, с. 278; 59, с. 148-149; 38, с. 38-43; 21, с. 291-315; 22, с. 258-262]. Известна она также из раскопок Баклинского городища [52, с. 184-195], средневекового храмового комплекса близ с. Поворотное, в низовьях реки Бельбек [45, с. 14-18] и некоторых других сельских поселений Юго-Западного Крыма [61, с. 156-163; 62]. Практически повсеместно маркированная черепица встречается и на памятниках Южного берега Крыма [42, с. 115-116, рис. 61, 62; 37, с. 77-94; 39, с. 101; 40, с. 120-124; 30, с. 72-73]. Большое количество черепицы с метками обнаружено также в ходе раскопок на горе Тепсень в Юго-Восточном Крыму [13, с. 5-6; 11, с. 112-113; 12, с. 122-128; 31, с. 208-211].

Черепицу с рельефными (матричными) метками находят и за пределами Крыма, например, при раскопках средневековых памятников в Болгарии, Краснодарском крае, Абхазии, Грузии [59, с. 138; 62, с. 107-108; 4, с. 10; 10, с. 52-53; 8, с. 81-98; 9, с. 85-86; 58, с. 189-190; 19, с. 102-105; 20, с. 238-243; 29, с. 137-138]. Однако в этих регионах практика маркировки черепичных матриц не получила такого широкого распространения и разнообразия форм, как в Крыму. Так, черепицы с рельефными метками встречаются в слоях разрушения некоторых храмов XI в. в северо-восточной Болгарии [10, с. 52-53]. В Адлерском районе и в Абхазии отдельные черепицы IX-X вв. имеют рельефную метку только в виде креста [8, с. 81-98; 9, с. 85]. В Грузии и на Северном Кавказе помимо черепиц, отмеченных крестом, встречаются экземпляры с сокращенными надписями древнегрузинским шрифтом, а также с метками в виде трилистников [19, с. 104; 20, с. 238-243; 29, с. 137-138]. На Таманском полуострове черепица с рельефными метками встречается редко и известна пока только в Фанагории, откуда происходят несколько буквенных меток. Среди них наиболее известна зеркально отображенная надпись, имеющая два вероятных прочтения: ΘΕΟΔΟΡΑΙΣΝΟ или ΘΕΟΔΟΡΑΚΝΟ – уменьшительная форма имени Феодор [58, с. 189-190]. Единичные керамиды с подобной меткой найдены также в Крыму: на городище Тепсень, в Херсонесе и на южном берегу, в частности, в Алуште и Партените [13, с. 8-9; 59, с. 138; 12, с. 127; 31, с. 211; 1, л. 80, рис. 102]. Происхождение таких черепиц предположительно связывали

с Херсонесом [59, с. 138; 60, с. 478; 15, с. 101] или Восточным Крымом [60, с. 318-319]. Однако наибольшее их количество найдено именно в Фанагории (14 экз.) [58, с. 189-190], что допускает вероятность их изготовления вне Крыма, скорее всего, на Тамани.

Рельефные метки на крымской средневековой черепице отличаются значительно большим разнообразием, чем в отмеченных регионах. Они представлены в виде отдельных букв, монограмм, лигатур, реже встречаются сокращенные слова, как правило, имена. Кроме буквенных меток на черепицах отображались различные условные знаки, а также схематичные изображения животных (лошади, оленя, быка, собаки, птиц), всадников и отдельных человеческих фигур. Известны также целые жанровые сцены. Одну из таких меток с изображением охоты на черепице, найденной на Тепсене, весьма красочно описал В. П. Бабенчиков: «собака бросается на загнанного, высунувшего язык оленя; он обессилел, осел на задние ноги и не может нагнуть голову, чтобы поднять собаку на рога» [12, с. 127; 11, с. 113, рис. 38,37]. В Херсонесе обнаружена черепица с изображением батальной сцены с участием трех всадников, один из которых повержен копьем противника [48, рис. 53,2]. Довольно часто на одной и той же черепице буквы, условные знаки и изображения встречаются в различном сочетании.

Чрезвычайная вариативность черепичных рельефных меток затрудняет однозначное решение вопроса об их назначении. Исследователями высказано уже немало предположений по этому поводу. Наиболее распространенным является объяснение метки как знака мастера (ремесленника) или мастерской [13, с. 5, 9; 59, с. 122-153; 62, с. 152-155; 12, с. 127; 51, с. 119]. Одним из наиболее последовательных сторонников такой интерпретации черепичных меток был А. Л. Якобсон, заложивший основы научного изучения крымской средневековой черепицы. В его трудах было собрано большое количество меток из разных центров Крыма. Он считал, что в одной мастерской для производства черепицы использовали несколько матриц с однотипной меткой, в качестве которой могли выступать варианты одной и той же буквы, монограммы, или знака с некоторыми отличиями. Именно «признак однозначности», однотипности меток А. Л. Якобсон использовал для подсчета мастерских, действующих в Херсоне. Буквенные метки и знаки, датированные им второй половиной XII-XIII вв., были объединены в 20 групп однотипных меток, которые соответствовали 20 мастерским. Из них, по мнению исследователя, одновременно действовали 4-5 мастерских. На Эски-Кермене, согласно аналогичным расчетам, в XII-XIII вв. функционировало 6 мастерских, из которых 2-3 – одновременно. Основываясь на этих данных, А. Л. Якобсон попытался вычислить примерное количество выпускаемой ими продукции из расчета производительности одной мастерской, которая в год должна была выпускать 7-8 тыс. черепиц. Следовательно, 4-5 мастерских Херсона могли производить примерно 35-40 тыс. черепиц в год² [62, с. 154-155]. Наличие нескольких знаков на одной черепице А. Л. Якобсон объяснял объединением самостоятельных ремесленников и совладением ими обжигательной печью, допуская, таким образом, существование в позднесредневековом Херсоне гончарных артелей по производству черепицы [59, с. 152-153; 62, с. 153]. Условные знаки, по его мнению, скорее всего, принадлежали неграмотным мастерам, кроме тех, на которых были кресты, являвшиеся символами монастырских мастерских [62, с. 68, 97]. Изображения животных, всадников, птиц он не рассматривал в качестве основных знаков, а лишь как дополнение к буквенным или условным знакам. По его мнению, данные изображения служили в качестве

² Несколько иные расчеты см.: [59, с. 145-152].

оберегов и магических знаков, подобно изображениям на поливных сосудах того же времени [62, с. 153-154].

Т. И. Симонова также была склонна рассматривать метку как знак мастера-керамиста. Она использовала метод А. Л. Якобсона, согласно которому однотипные метки принадлежат одному производителю (только в данном случае не мастерской, а именно мастеру), для подсчета количества мастеров, черепица которых была использована для перекрытия одного дома XIII-XIV вв. во втором квартале Портового района Херсонеса [51, с. 119-120].

Н. В. Пятышева в метках в виде пентаграммы, изображение которой с древних времен наделяется мистическим смыслом, видела знаки-обереги [41, с. 215-218]. Появление и распространение этого изображения в Крыму она относила ко времени Крымского ханства и связывала с притоком татарского населения. Исследовательница не исключала, что представители других этнических групп также могли использовать пентаграмму в том же качестве, т.е. как защиту от нечистой силы, либо же, как дань моде.

Вопрос о назначении меток был рассмотрен и Е. А. Паршиной. В своей статье о средневековой керамике, полученной в ходе раскопок ряда южнобережных памятников в 1962-1969 гг., исследовательница отдельный раздел посвятила анализу керамических строительных материалов, в котором детально описала коллекцию из более 250 рельефных меток на средневековой черепице [37, с. 77-94]. До сих пор эта работа остается самым полным опубликованным сводом черепичных меток данного региона. Е. А. Паршина выявила большой круг аналогий южнобережным меткам, главным образом, среди херсонесского материала и сделала важный вывод о возможности изготовления маркированных черепиц, найденных в разных местах, в одних и тех же или очень сходных матрицах [37, с. 91]. Учитывая тот факт, что многие метки бытовали весьма длительное время, она отрицает возможность объяснять их как знаки мастера или мастерской. В довольно осторожной форме она высказала предположение о том, что эти знаки могли обозначать различные партии изделий в условиях товарного производства. Кроме того, отдельные метки, по ее мнению, могли одновременно являться и знаками заказчика, например, монастырь мог заказать черепицу с крестами, хотя не исключено, что монастыри имели свои мастерские [37, с. 91-92].

Детальную реконструкцию процесса производства черепицы представил В. А. Сидоренко [50, с. 93-100]. Необходимость маркировки форм различными метками он объясняет, прежде всего, производственными потребностями. Поскольку в одной мастерской было задействовано несколько форм-матриц, их необходимо было маркировать разными метками для соблюдения определенной последовательности при их использовании. Некоторые буквенные метки, по его мнению, были наделены также определенной смысловой нагрузкой. Так, например, буква М могла обозначать имя святого Михаила, «тета» сама по себе или ее лигатура с «эпсилон» – начальные буквы имени Богородицы, метка в виде сочетания букв «пи» – «хи» – «омикрон», по сходству с херсонскими монетами Михаила III (842-867), несла в себе формулу «полис Херсонос». Черепицы с подобной меткой, по предположению исследователя, производили в 40-70-х гг. IX в. в муниципальной мастерской Херсона, в которой одновременно могли выпускать черепицу и с другими метками. Черепицы с метками в виде крестов изготавливали в церковно-монастырских черепичных мастерских [50, с. 99-100].

Проблемы, связанные с изучением черепичных меток, подробно рассмотрены в монографии А. И. Романчук о строительных материалах византийского Херсона, которая на сегодняшний день представляет собой наиболее полное собрание меток этого города

[48]. Рассматривая уже известные версии, она выдвинула также несколько новых. Приведя весомые аргументы (прежде всего, большое количество меток), ставящие под сомнение интерпретацию меток в качестве знака мастера или мастерской, исследовательница, тем не менее, допускает вероятность такого объяснения их назначения [48, с. 97-108]. Кроме того, она не исключает, что метка могла обозначать очередность обжига партии черепицы, использоваться при подсчете готовой продукции, а также служить индексом времени производства, что было своего рода гарантией качества и в случае, если изделие окажется некачественным, то метка давала «знать: к кому можно предъявить претензии» [48, с. 107-108]. Изготовление черепичной матрицы с изображениями животных и всадников, по мнению А. И. Романчук, было для некоторых мастеров также способом выражения творческих потребностей [там же].

Таким образом, в историографии уже предложены самые разнообразные версии о назначении черепичных рельефных знаков. При этом следует отметить, что исследователи, как правило, не ограничиваются каким-то одним значением, а высказывают несколько версий. Все это объясняется многообразием черепичных меток и возникающей отсюда сложностью в выявлении какой-либо общей закономерности в их применении.

Следует также отметить, что при изучении черепичного материала метки, как наиболее привлекательный элемент, рассматриваются, чаще всего, сами по себе, вне контекста черепиц, на которых они отображены. Такой подход значительно сужает информативную базу о них. Как представляется, вопрос о назначении черепичных меток может быть решен лишь при комплексном изучении черепичного материала в целом. Первостепенная задача на этом пути состоит в том, чтобы выявить группу черепиц, производство которой можно отнести к одной мастерской.

Именно такую группу удалось выделить из очень разнообразной по морфологическим и технологическим характеристикам массы строительной керамики, полученной в результате раскопок средневекового квартала Эски-Кермена в 2003-2008, 2013 и 2015 гг. под руководством А. И. Айбабина [3, с. 422-457; 63, S. 165-232; 2, с. 240-277; 21, с. 291-315; 22, с. 254-267]. Данный квартал погиб одновременно с городом в пожаре в конце XIII в. [63, S. 225; 2, с. 249-250].

За семь археологических сезонов (2003-2008 и 2013 гг.³) было получено более 94 тысяч разновеликих фрагментов черепиц: плоских керамид (96%) и полукруглых калиптеров (4%). В ходе камеральной обработки разработана самостоятельная классификация черепичного материала. На основании качества черепка и визуально распознаваемых примесей, содержащихся в глиняном тесте, выделены следующие группы.

Черепицы **группы I** имеют плотный, прочный черепок от светло- до темно-красного цвета. В тесте содержится песок, частицы известняка и железа, которые иногда бывают достаточно крупных размеров. Шамот (дробленая керамика) визуально не идентифицируется. Поверхность, как правило, гладкая. Керамиды I группы по форме профильных частей подразделяются на две подгруппы: Ia и Ib. Визуально тесто керамид Ia группы несколько более однородно (хорошо промешанное), с большей концентрацией мелких частиц известняка.

Черепицы **группы II** с относительно плотным черепком от светло-оранжевого до светло-красного цвета, с примесью известняка, песка, а также частиц шамота; поверхность их зачастую без следов заглаживания, сильно оббита.

³ Материалы раскопок квартала Эски-Кермена в 2015 г. находятся в процессе изучения.

В **группу III** объединены черепицы из комковатого теста с песком, частицами известняка и железа, с умеренной концентрацией шамота. Черепок довольно прочный, как правило, ярко-красного цвета, поверхность иногда покрыта неплотным желтоватым ангобом.

Группу IV составляют черепицы с сильно шамотированным черепком коричневого или темно-красного цвета с крупнозернистой, рыхлой структурой и шероховатой поверхностью. В тесте также содержатся частицы железа, известняка, песок. Черепок, как правило, хрупкий, часто легко крошится. Эски-керменская черепица групп III и IV соответствует по тесту 2-й группе по херсонесской классификации [37, с. 79-80; 51, с. 107; 48, с. 42-43].

На Эски-Кермене присутствует также черепица **1-й группы по херсонесской классификации** – с плотным кирпично-красным черепком с характерными желтоватыми включениями и разводами известняка, со светлым плотным ангобом [24, с. 24-25].

Значительная часть черепичного материала всех выделенных групп имеет рельефные метки. Их размеры, рельеф, расположение на поле черепицы, характер различны. Они представляют собой буквы, изображения животных (лошадь, птица, собака) и человека, а также разнообразные условные знаки. Некоторые, совершенно идентичные метки встречены на сравнительно большом количестве керамид, происходящих из одной матрицы. Вывод о том, что керамиды сформованы в одной матрице, основан на сопоставлении формы, размеров ремесленного знака и его местоположения на поле керамиды. Положение знака на черепице является очень важным показателем, который, к сожалению, зачастую исследователями не принимается во внимание. В археологических отчетах и публикациях, как правило, приводят лишь некоторые целые формы черепицы, а метки сведены в отдельные таблицы. Однако говорить об идентичности тех или иных знаков можно именно с учетом их точного местоположения на черепице. Поэтому в отчетных и публикационных материалах чрезвычайно важно демонстрировать всю маркированную черепицу или ее фрагмент, на котором сохранилась метка. Количество черепиц, изготовленных в одной матрице, является важным показателем производительности этих матриц, и, следовательно, черепичных мастерских, в которых они использовались.

Наиболее многочисленные серии эски-керменских черепиц, сформованных в одной матрице, рассмотрены в отдельной публикации [21, с. 291-315]. В настоящее время наибольшее количество, а именно 85 экземпляров насчитывает серия керамид группы III с меткой в виде буквы Е, расположенной в верхнем левом углу на поле керамиды⁴ [21, рис. 3,6,7]. В указанное число включены также фрагменты от 3-х керамид из раскопок Эски-Кермена в 1930 г. (под руководством Ф. И. Шмидта), которые хранятся в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа⁵. Буква Е иных очертаний встречается еще на двух сериях керамид этой же группы (11 и 9 экз.) [21, рис. 3,8,9]. Метка в виде греческой буквы «эпсилон» в различных вариациях хорошо известна по многим памятникам Крыма (Херсонес, Мангуп, Бакла, Гончарное, Ласпи, Тепсень и др.). Похожая прорисовка этой буквы фиксируется, в частности, на черепицах 2-й (шамотированной) херсонесской группы [48, табл. 4,Е3/109]. Подобные варианты этого

⁴ Характерной особенностью данной формы является продольный шов в месте стыка двух досок матрицы, отпечатанный по центру формы справа от метки.

⁵ Инв. №№ 1104/193, 1104/266, 1104/357.

знака находили и на Эски-Кермене в 1936-1937 гг. и в 1979 г. [43, рис. 78; 38, рис. 2,9-14]. Однако полная идентичность этих меток, а, следовательно, и черепиц, на которых они были изображены, может быть подтверждена только после изучения их расположения на поле изделий, которое остается неизвестным, поскольку все метки опубликованы отдельно от черепиц.

Морфологические признаки керамид четырех выделенных групп отличаются большим разнообразием. Форма и высота боковых и верхних бортиков отдельных экземпляров порой сильно варьируют. Исключение составляет группа Ia. Она объединяет стандартные, легко выделяемые из общей массы керамиды с устойчивой формой бортиков и однородной структурой черепка. С оборотной стороны абсолютно все они имеют типичные продольные полосы-бороздки, образовавшиеся в процессе изготовления. Совокупность этих признаков позволяет сделать вывод о том, что керамиды группы Ia были произведены в одной керамической мастерской, и при их изготовлении соблюдались определенные технологические нормы и стандарты. Таким образом, изучение этой группы является очень перспективным, поскольку в ней заключена ценная информация об организации и масштабах черепичного производства.

В общей массе полученного в 2003-2008 и 2013 гг. черепичного материала (керамид) группа Ia оказалась наиболее массовой и составила более 34%⁶. Это позволило сделать вывод о том, что мастерская, в которой изготавливали эту черепицу, была сравнительно крупным, хорошо организованным производством с четко выработанными технологическими стандартами [22, с. 264-267]. Однако предположение, что эта мастерская могла находиться на Эски-Кермене или в его округе, не подтвердилось⁷. Производство черепицы группы Ia, по предварительным данным, можно связывать с одним из нескольких гончарных центров, открытых на склонах г. Илька, в 5 км к юго-востоку от Мангупского городища. Их раскопки в 2010-2012 гг. проводились под руководством В. Е. Науменко⁸ [35, с. 52-54; 32, с. 46-48]. Дальнейшее изучение этих центров, безусловно, предоставит новые данные об организации и масштабах черепичного производства, а также о системе торговых поставок готовой продукции в разные населенные пункты, в числе которых, вероятно, крупнейшим потребителем был Эски-Кермен.

Всего в ходе раскопок на Эски-Кермене в 2003-2008 и 2013 гг. была получена 31 археологически целая форма (из них только 1 – совершенно целая), а также удалось собрать 12 экземпляров с сохранившейся полной длиной и 20 экз. с сохранившейся полной шириной. Длина этих керамид варьирует в пределах 38,0-44,0 см, а ширина – 30,0-37,0 см. Высота боковых бортиков – 4,5-5,0 см, верхних бортиков – 2,8-3,2 см⁹. Абсолютно все керамиды этой

⁶ На отдельных участках фрагменты керамид группы Ia составляли более 60% [22, с. 262, табл. 1].

⁷ Это предположение было сделано на основании практически полного отсутствия черепицы данной группы в публикациях о строительной керамике других центров. Исключением является статья, посвященная результатам раскопок крестообразного храма Мангупа. Среди схематических изображений черепиц и меток, некоторые экземпляры с определенной долей вероятности можно отождествить с нашей группой [34, рис. 5,13-19; 6,42]. Описание этих черепиц в статье не приводится.

⁸ Выражаю глубокую признательность В. Е. Науменко и Д. А. Моисееву за возможность ознакомиться с предварительными результатами изучения строительной керамики гончарных центров г. Илька.

⁹ В статье приведены наиболее часто встречаемые параметры высоты бортиков. Отклонения в 0,2-0,5 см сравнительно редки. Высота бортиков включает толщину центрального поля, которая для керамид группы Ia составляет в большинстве случаев 2,0 см.

группы сужались в нижней части, с помощью характерных симметричных уступов (рис. 1; 2).

Несмотря на свой в целом типичный облик, отдельные экземпляры отличаются деталями. Неустойчивым элементом являются водосливные валики. Их рисунок и рельеф разнятся или они могут полностью отсутствовать. Далеко не все керамиды имели метки, высота рельефа которых также варьирует. По очертаниям боковых бортиков и рельефности валиков и меток керамиды группы Ia можно разделить на два варианта. Керамиды 1-го варианта имеют трапециевидные бортики с плавным переходом в центральное поле, низкорельефные валики и метки. У керамид 2-го варианта бортики также трапециевидные, но с более четкими очертаниями, знаки и валики более рельефные. Несмотря на эти отличия, нет сомнений, что керамиды обоих вариантов производили в одной мастерской. Это подтверждается, в частности, наличием переходных форм, которые затрудняют уверенное отнесение некоторых экземпляров к какому-либо варианту.

В настоящее время известно более 20 целых и относительно целых меток на керамидах группы Ia. Некоторые из них представлены значительным числом экземпляров, изготовленных в одной матрице. Самой многочисленной по результатам раскопок 2003-2008 и 2013 гг. является рельефная метка № 9а в виде сдвоенного фигурного угла между водосливными валиками (рис. 1,5,6; 3,9а). Из-за фрагментарности некоторых экземпляров можно установить лишь приблизительное количество керамид с этим знаком – от 60 до 100 черепиц из одной матрицы. Еще один фрагмент черепицы с похожей меткой (№ 9б) был изготовлен в другой матрице (рис. 2,13; 3,9б). Визуально этим знакам близки метки на черепицах из Эски-Кермена, опубликованные А. Л. Якобсоном и датированные им XIII в. [62, с. 151, рис. 98,68,70; 21, с. 298]. Метка № 1, напоминающая схематическое изображение черепицы с нижними уступами (рис. 1,7; 3,1), представлена 59 экземплярами. Одна из этих керамид, археологически целая, найдена при раскопках 1930 г. к востоку от главной апсиды эски-керменской базилики и хранится в фондах Государственного Эрмитажа¹⁰. Не исключено, что прорисовку знака именно этой керамиды, А. Л. Якобсон включил в таблицу эски-керменских черепичных меток (из раскопок 1928-1933, 1936-1937 гг.), датированных им IX-X вв. [62, с. 99, рис. 61,42]. Однако результаты современных раскопок не оставляют сомнений в том, что производство керамид с указанной меткой следует отнести ко времени последнего строительного периода открытых помещений, разрушенных в конце XIII в. Аналогичная метка зафиксирована также на черепице из слоя разрушения часовни, построенной над крестообразным храмом под Мангупом в XIII-XIV вв. [34, рис. 6,42].

Сравнительно многочисленные серии составили керамиды с метками № 7 в виде буквы Т – 31 экз. (рис. 1,8; 3,7) и № 2 в виде тамги – 19 экз. (рис. 1,9; 3,2). Остальные знаки зафиксированы в меньшем количестве: метка № 10 – 10 экз. (рис. 2,1; 3,10), метка № 3 – 9 экз. (рис. 2,12; 3,3), метка № 4 – 8 экз. (рис. 2,9; 3,4), метка № 5 – 6 экз. (рис. 2,2; 3,5), метки № 6 и № 11 – по 5 экз. (рис. 2,4,5; 3,6,11). От керамид с меткой № 8 найдено 19 фрагментов (рис. 2,7; 3,8). По 2 экземпляра имеют метки №№ 13-15 и 18 (рис. 2,3,6,14,15; 3,13-14,18). Метки №№ 12, 16 и 17 единичны (рис. 2,8,10,11; 3,12,16,17). Кроме того, есть фрагменты не полностью сохранившихся меток, в том числе в виде пентаграммы, схематических изображений лошади (?), полукругов, примыкающих к боковым бортикам, валика, конец которого свернут в виде спирали, и некоторых других.

Таким образом, метки керамид группы Ia представлены в виде греческих букв,

¹⁰ Инв. № 1104/89.

монограммы, условных знаков, в том числе тамги, а также схематических изображений животных. Разнообразие меток на черепицах, изготовленных в одном производственном центре, опровергает предположение А. Л. Якобсона о том, что для каждой мастерской был характерен какой-то один знак и его вариации. Следовательно, сделанные им на основе этого постулата подсчеты количества мастерских для Херсонеса и Эски-Кермена также являются ошибочными. Гипотетичность и спорность подобных вычислений ранее отмечала А. И. Романчук [48, с. 97-100].

Как правило, каждая метка была вырезана лишь на одной матрице. Исключение составляет метка № 9а и 9б (два варианта одного знака). Этот факт ставит под сомнение и версию о метке как знаке мастера (по крайней мере, как универсальную версию), поскольку каждый мастер изготовлял, безусловно, более одной матрицы. Кроме того, далеко не все матрицы были маркированы. Так, из 31 археологически целой формы 13 не имели рельефных знаков.

Важные сведения дает также фиксация местонахождения отдельных фрагментов маркированных черепиц. Основная масса обломков наиболее многочисленных серий керамид локализовалась в слое разрушения определенных помещений, и чем дальше от места их наибольшей концентрации, тем реже они встречались [23, с. 262-263]. Скорее всего, произведенные в одной матрице черепицы зачастую приобретались одновременно и использовались для перекрытия вполне конкретного помещения. Тот факт, что при перекрытии одного и того же помещения (принадлежавшего одному хозяину) одновременно использовали черепицы группы Ia с разными метками и без них, не подтверждает интерпретацию метки как знака заказчика. Также в силу разнообразия использованных одновременно маркированных черепиц, метки на них, скорее всего, не могли быть индексом времени и своего рода знаком качества.

Предположение о том, что метки были необходимы для организации процесса изготовления черепиц в условиях одновременного использования различных матриц, также имеет слабые стороны. Характер меток (буквы, знаки, изображения, а порой и их сочетание) не дает ответа на вопрос, каким образом они могли помогать соблюдать последовательность в эксплуатации маркированных ими матриц или очередность обжига готовой продукции. В этом случае следовало бы ожидать маркировку черепиц более простым и стандартным способом, например, только буквами греческого алфавита, что было бы проще и понятнее. Например, подобного рода метки (в виде латинских цифр I, II, IV и др.) наряду с клеймами встречаются на некоторых римских черепицах [56, с. 115]. По мнению А. А. Филиппенко, они «могли служить для счета черепиц при изготовлении или для указания партии или серии черепиц».

Как представляется, попытки объяснить практику черепичной маркировки с точки зрения, прежде всего, производственной целесообразности малоубедительны в силу отсутствия стандарта в выборе и оформлении рельефных меток, т.е. именно того, что и могло бы облегчать процесс массового изготовления черепицы, контроля качества и подсчета готовой продукции. То обстоятельство, что в одной мастерской производили черепицы как без меток, так и с довольно большим набором разнообразных знаков и изображений позволяет высказать предположение о том, что маркировка черепиц в средневековом Крыму не была регламентирована. Скорее всего, вырезание изображений на черепичной матрице являлось спонтанным действием. Метки не имели узкоспециального назначения. Выбор того или иного знака зависел от намерения, а также фантазии, настроения и художественных способностей

ремесленника, изготовлявшего матрицу. Эти изображения могли иметь самый различный смысл и быть как значимыми для их изготовителя символами (например, шифрами имен собственных и названий, оберегами и т.п.), так и простым декоративным элементом. После нанесения рельефного знака он автоматически превращался в метку всех изготовленных в данной матрице экземпляров. Однако ставил ли мастер такую цель изначально? Не исключено, что иногда такая задача стояла перед мастером, но побудительные мотивы могли быть самые разные. Процесс этот не был закономерным и стандартизированным.

Таким образом, античная традиция маркировать строительный керамический материал с целью указания производителя (владельца мастерской) или заказчика и (или) даты производства, в эпоху средневековья претерпела трансформацию, в результате чего узкоспециальная цель, скорее всего, была утрачена, и метки стали, прежде всего, способом самовыражения отдельных мастеров. Судя по количеству меток и маркированной черепицы, получившей распространение на значительной территории Крыма, это занятие было, безусловно, популярным, модным. Это явление, вероятно, следует рассматривать как культурный феномен, изучение которого может пролить свет на некоторые ментальные особенности людей, их оставивших: на их духовные ценности, интеллектуальные и психоэмоциональные процессы, художественные способности и пристрастия.

Безусловно, данная версия не претендует на окончательное решение проблемы. Дальнейшее пополнение фактологической базы, разработка и повсеместное внедрение новых методов изучения черепичного материала, обладающего большой потенциальной информативностью, обогатит наши знания об организации и уровне керамического производства средневекового Крыма и, возможно, позволит открыть тайну ремесленных знаков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет о полевых археологических исследованиях Южно-Крымской археологической экспедиции в 2001 г. // Архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 5, № 1057, папка 1405.
2. Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240-277.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422-457.
4. Ангелова С. За производството на строителна керамика в Североизточна България през ранното средновековие // Археология. София, 1971. Кн. 3. С. 3-24.
5. Антонова В. Две раннохристиянски църкви във външното укрепление на аула на Хан Омуртаг при гара Цар Крум // Археология. София, 1968. Кн. 4. С. 52-67.
6. Антонова В., Дремсизова-Нелчинова Ц. Аулт на Хан Омуртаг при Чаталар. София, 1981. 61 с.
7. Антонова И. А., Костромичев Д. А. Латинские клейма на строительной керамике из Херсонеса // Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 215-224.
8. Армарчук Е. А. Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарная Головка в окрестностях Адлера // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир: Международная Академия Наук, 2009. Вып. 10. С. 81-98.
9. Армарчук Е. А. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА. 2012. № 3. С. 78-90.
10. Атанасов Г. Кримски реалии на еднокорабните едноапсидни църкви без притвор в Добруджа и източна България през X-XI век // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 1994. Т. 3.

- С. 51-69.
11. Бабенчиков В. П. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949-1951 годов) // КСИА. 1953. Вып. 49. С. 104-116.
 12. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 88-146.
 13. Барсамов Н. С. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле. 1929-1931 гг. Феодосия, 1932. 11 с.
 14. Берзин Э. О. Из истории производства клеймёной черепицы на Боспоре (IV – начала III в. до н.э.) // СА. 1959. № 4. С. 53-60.
 15. Гадло А. В. О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерского // Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. С. 96-104.
 16. Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 211-315.
 17. Гайдукевич В. Ф. Новые данные по боспорской керамической эпиграфике // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 15-21.
 18. Граков Б. Н. Эпиграфические документы царского завода в Пантикапее // ИГАИМК. 1934. Вып. 104.
 19. Джгамая Д. К. Производство строительной керамики в феодальной Грузии // Археологические памятники Феодальной Грузии / Ред. Г. А. Ломтатидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1969. Вып. I. С. 94-105.
 20. Джгамая Д. К. Эпиграфика строительной керамики средневековой Грузии // Археологические памятники Феодальной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1974. Вып. II. С. 238-243.
 21. Завадская И. А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 291-315.
 22. Завадская И. А. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма // ТГЭ. Вып. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII веков. Материалы международного семинара 17-21 ноября 2009 года. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. С. 254-268.
 23. Завадская И. А. К вопросу о назначении рельефных меток на средневековой черепице Крыма // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы: материалы Международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2010. С. 142-144.
 24. Завадская И. А. «Херсонесская» черепица на Эски-Кермене // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 24-25.
 25. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. 480 с.
 26. Ковальчук А. В. Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских черепичных клейм): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
 27. Ковальчук А. В. Черепица с именем Афродиты из Кеп // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы Международной научной конференции / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2007. С. 314-316.
 28. Кузнецов В. Д. Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 392-403.
 29. Ломтатидзе Г. А. Раскопки дворца и рядовых жилищ средневековой эпохи в окрестностях древнего города Самшвилде // Археологические памятники Феодальной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1974. Вып. II. С. 137-138.
 30. Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 59-88.
 31. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев:

- Академперіодика, 2004. 316 с.
32. Моисеев Д. А. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 5-7 сентября 2012 г.). Бахчисарай, 2012. С. 46-48.
 33. Моисеев Д. А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 162-186.
 34. Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 224-242.
 35. Науменко В. Е., Моисеев Д. А., Смекалова Т. Н., Чудин А. В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований) // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 52-54.
 36. Новиченкова Н. Г., Новиченкова-Лукичева Х. В. Будівельна кераміка з клеймами римської фортеці Харакс // Археологія. Київ, 2009. № 1. С. 61-71.
 37. Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.). // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Ред. С. Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56-94.
 38. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36-59.
 39. Паршина Е. А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985-1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 89-109.
 40. Паршина Е. А. Средневековое поселение в урочище Сотера // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 117-131.
 41. Пяташова Н. В. Изображение пентаграммы как датирующий признак некоторых памятников Херсонеса // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 215-220.
 42. Репников Н. И. Партенитская базилика // ИАК. 1909. Вып. 32. С. 91-140.
 43. Репников Н. И. Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Ред. В. В. Гольмстен. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 277-282.
 44. Романчук А. И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. 1976. Т. 37. С. 156-159.
 45. Романчук А. И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. 1976. Вып. 13. С. 9-26.
 46. Романчук А. И. Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе // СА. 1977. № 2. С. 181-192.
 47. Романчук А. И. К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса // АДСВ. Византия и средневековый Крым. 1995. Вып. 27. С. 107-118.
 48. Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 2004. 169 с.
 49. Сарновски Т. Римская черепица Южного Крыма // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 119-143.
 50. Сидоренко В. А. Метки-аббревиатуры и монограммы на черепице памятников средневекового Херсона // АДСВ. Проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 93-101.
 51. Симонова Т. И. Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 104-120.
 52. Талис Д. Л. Черепицы с метками из раскопок Баглинского городища // СА. 1968. № 2. С. 184-195.
 53. Тиханова М. А. Черепицы с метками из раскопок 1938 г. (Мангуп) // МИА. 1953. № 34. С. 430-434.
 54. Федосеев Н. Ф. Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // ПИФК. 2011. Вып. 4(34). С. 277-308.
 55. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Боспор: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция керамических клейм. Киев: Мистецтво, 2012. Т. I. 159 с.
 56. Филиппенко А. А. Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 110-117.
 57. Филиппенко А. А. Строительная керамика // Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная

- база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 60-61.
58. Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI-X веках. М., 2012. 590 с.
59. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 364 с.
60. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. 364 с.
61. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма // МИА. 1970. № 168. 224 с.
62. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
63. Ajbabin A. I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 113. Mainz, 2013. S. 165-232.
64. Bardill J. Brickstamps of Constantinople. New York: Oxford University Press, 2004. Vol. I. 453 p.
65. Brodrribb G. Roman Brick and Tile. Gloucester, 1987. 164 p.

REFERENCES

1. Adaksina S. B., Kirilko V. P., Myts V. L. Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Iuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2001 g. *Arkhiv Krymskogo filiala Instituta arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. kn. 5. N 1057. Papka 1405.
2. Aibabin A. I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii, Simferopol'*, 2014, Vol. XIX, pp. 240-277.
3. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Pozdnesrednevekovaya chasovnia na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii, Simferopol'*, 2011, Vol. XVII, pp. 422-457.
4. Angelova S. Za proizvodstvoto na stroitelna keramika v Severoiztochna B'lgariia prez rannoto srednevekovie. *Arkheologiya, Sofiya*, 1971, Kn. 3, pp. 3-24.
5. Antonova V. Dve rannokhristianski ts'rkvi v'v v'neshnoto ukreplenie na aula na Khan Omurtag pri gara Tsar Krum. *Arkheologiya, Sofiya*, 1968, kn. 4, pp. 52-67.
6. Antonova V., Dremiszova-Nelchinova Ts. *Aul't na Khan Omurtag pri Chatalar*. Sofiya, 1981, 61 p.
7. Antonova I. A., Kostromichev D. A. Latinskie kleima na stroitel'noi keramike iz Khersonesa. *Sarnovskii T., Savelia O. Ia. Balaklava. Rimskaya voennaia baza i sviatilishche Iupitera Dolikhena*, Varshava, 2000, pp. 215-224.
8. Armarchuk E. A. Cherepitsa iz raskopok srednevekovogo khrama na g. Sakharnaya Golovka v okrestnostyakh Adlera. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza*, Armavir: Mezhdunarodnaya Akademiya Nauk Publ., 2009, Vol. 10, pp. 81-98.
9. Armarchuk E. A. Khristianskiy khram u pos. Veseloe: predvaritel'naya publikatsiya rezul'tatov raskopok 2010 g. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2012, N 3, pp. 78-90.
10. Atanasov G. Krimski realii na ednokorabnite ednoapsidni ts'rkvi bez pritvor v Dobrudzha i iztochna B'lgariya prez X-XI vek. *B'lgariya v Severnoto Prichernomorie. Izsledvaniya i materialy*. Veliko Tyrnovo: Sv. sv. Kiril i Metodiy Publ., 1994, Vol. 3, pp. 51-69.
11. Babenchikov V. P. Srednevekovoe poselenie bliz sela Planerskoe (raskopki 1949-1951 godov). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 1953, Vol. 49, pp. 104-116.
12. Babenchikov V. P. Itogi issledovaniya srednevekovogo poseleniya na kholme Tepsen'. *Smirnov A. P. (Ed.). Istoriya i arkheologiya srednevekovogo Kryma*. Moskow, Akademia nauk SSSR Publ., 1958, pp. 88-146.
13. Barsamov N. S. *Soobshchenie ob arkheologicheskikh raskopkakh srednevekovogo gorodishcha v Koktebele. 1929-1931 gg.* Feodosiya, 1932, 11 p.
14. Berzin E. O. Iz istorii proizvodstva kleymenoy cherepitsy na Bospore (IV – nachala III v. do n.e.). *Sovetskaya arkheologiya*, 1959, N 4, pp. 53-60.
15. Gadlo A. V. O kul'ture gorodishcha na plato Tepsen' bliz s. Planerskogo. *Arkheologicheskii sbornik. Trudy VIII Vsesoyuznoy studencheskoy konferentsii*, Leningrad: Leningradskiy universitet Publ., 1964, pp. 96-104.
16. Gaydukevich V. F. Stroitel'nye keramicheskie materialy Bospora. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury*, 1934, Vol. 104, pp. 211-315.

17. Gaydukevich V. F. Novye dannye po bosporskoj keramicheskoj epigrafike. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 1967, Vol. 109, pp. 15-21.
18. Grakov B. N. Epigraficheskie dokumenty tsarskogo zavoda v Pantikapee. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury*, 1934, Vol. 104, pp. 202-210.
19. Dzhgamaya D. K. Proizvodstvo stroitel'noy keramiki v feodal'noy Gruzii. *Lomtatidze G. A. (Ed.). Arkheologicheskie pamyatniki Feodal'noy Gruzii*, Tbilisi, Metsniereba Publ., 1969, Vol. I, pp. 94-105.
20. Dzhgamaya D. K. Epigrafika stroitel'noy keramiki srednevekovoy Gruzii. *Arkheologicheskie pamyatniki Feodal'noy Gruzii*, Tbilisi, Metsniereba Publ., 1974, Vol. II, pp. 238-243.
21. Zavadsкая I. A. Serii cherepits s remeslennymi znakami iz Eski-Kermena (po materialam raskopok 2003-2005 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2008, Vol. XIV, pp. 291-315.
22. Zavadsкая I. A. Problemy izucheniya krovel'nogo materiala srednevekovykh tsentrov Yugo-Zapadnogo Kryma. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vol. LIII: Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX-XII vekov. *Materialy mezhdunarodnogo seminara 17-21 noyabrya 2009 goda*. St. Petersburg, Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 2010, pp. 254-268.
23. Zavadsкая I. A. K voprosu o naznachenii rel'efnykh metok na srednevekovoy cherepitse Kryma. *Zin'ko V. N. (Ed.). Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «XI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Remesla i promysly»*, Kerch', 2010, pp. 142-144.
24. Zavadsкая I. A. «Khersonesskaya» cherepitsa na Eski-Kermene. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Okhrana kul'turnogo naslediya: problemy i perspektivy» (Sevastopol', Natsional'nyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 30 sentyabrya – 5 oktyabrya 2012 g.)*, Sevastopol', 2012, pp. 24-25.
25. Kats V. I. Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya). *Bosporskie issledovaniya*, Simferopol', Kerch', 2007, Vol. XVIII, 480 p.
26. Koval'chuk A. V. *Keramicheskie stroitel'nye materialy Bospora v epokhu ellinizma (tipologiya i khronologiya bosporskikh cherepichnykh kleym)*. Abstract of kandidat. diss. Moscow, 2007.
27. Koval'chuk A. V. Cherepitsa s imenem Afrodity iz Kep. *Vakhtina M. Yu. et al. (Eds.). Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok»*, St. Peterburg, 2007, pp. 314-316.
28. Kuznetsov V. D. Bosporskie cherepichnye kleyma (nekotorye problemy interpretatsii). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2008, Vol. XXI, pp. 392-403.
29. Lomtatidze G. A. Raskopki dvortsya i ryadovykh zhilishch srednevekovoy epokhi v okrestnostyakh drevnego goroda Samshvilde. *Arkheologicheskie pamyatniki Feodal'noy Gruzii*, Tbilisi, Metsniereba Publ., 1974, Vol. II, pp. 137-138.
30. Lysenko A. V., Teslenko I. B. Antichnye i srednevekovye pamyatniki gory Ayu-Dag. *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dney*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 59-88.
31. Mayko V. V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v Yugo-Vostochnom Krymu*. Kiev, Akadempriodika Publ., 2004, 316 p.
32. Moiseev D. A. Novye srednevekovye goncharnye tsentry na yuzhnoy periferii Mangupskogo gorodishcha (okruga g. Il'ka): predvaritel'nye rezul'taty. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «I Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Veymarna» (Bakhchisaray, 5-7 sentyabrya 2012 g.)*, Bakhchisaray, 2012, pp. 46-48.
33. Moiseev D. A. Rannevizantiyskaya cherepitsa iz raskopok tsisterny v tsentral'nom nefе baziliki «Kruze» v Khersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2013, Vol. XVIII, pp. 162-186.
34. Myts V. L. Krestoobraznyy khram Mangupa. *Sovetskaya arkheologiya*, 1990, N 1, pp. 224-242.
35. Naumenko V. E., Moiseev D. A., Smekalova T. N., Chudin A. V. Novye srednevekovye goncharnye tsentry v okruge Mangupskogo gorodishcha (predvaritel'nye rezul'taty kompleksnykh arkheologicheskikh i geofizicheskikh issledovaniy). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Okhrana kul'turnogo naslediya: problemy i perspektivy» (Sevastopol', Natsional'nyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 30 sentyabrya – 5 oktyabrya 2012 g.)*, Sevastopol', 2012, pp. 52-54.
36. Novichenkova N. G., Novichenkova-Lukicheva Kh. V. Budivel'na keramika z kleymami rims'koй fortetsi

- Kharaks. *Arkheologiya*, Kiev, 2009, N 1, pp. 61-71.
37. Parshina E. A. Srednevekovaya keramika Yuzhnoy Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965-1969 gg.). *Bibikov S. N. (Ed.). Feodal'naya Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56-94.
 38. Parshina E. A. Eski-Kermenskaya bazilika. *Arkhiturno-arkheologicheskie issledovaniya v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36-59.
 39. Parshina E. A. Drevniy Partenit (po materialam raskopok 1985-1988 gg.). *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dnei*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 89-109.
 40. Parshina E. A. Srednevekovoie poselenie v urochishche Sotera. *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dnei*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 117-131.
 41. Pyatysheva N. V. Izobrazhenie pentagrammy kak datiruyushchiy priznak nekotorykh pamyatnikov Khersonesa. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1973, Vol. 10, pp. 215-220.
 42. Repnikov N. I. Partenitskaya bazilika. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii*, 1909, Vol. 32, pp. 91-140.
 43. Repnikov N. I. Gorodishche Eski-Kermen. *Gol'msten V. V. (Ed.). Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934-1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya*, Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1941, pp. 277-282.
 44. Romanchuk A. I. Rannesrednevekovaya stroitel'naya keramika Khersonesa. *Vizantiyskiy vremennik*, 1976, vol. 37, pp. 156-159.
 45. Romanchuk A. I. Raskopki sel'skogo poseleniya v nizov'yakh reki Bel'bek. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1976, Vol. 13, pp. 9-26.
 46. Romanchuk A. I. Cherepitsy so znakami iz raskopok na Mangupe. *Sovetskaya arkheologiya*, 1977, N 2, pp. 181-192.
 47. Romanchuk A. I. K voprosu o metodike datirovki metok na cherepitse Khersonesa. *Antichnaya drevnost' i srednie veka. Vizantiya i srednevekovyy Krym*, 1995, Vol. 27, pp. 107-118.
 48. Romanchuk A. I. Stroitel'nye materialy vizantiyskogo Khersona. *Polyakovskaya M. A. (Ed.). Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2004, 169 p.
 49. Sarnovski T. Rimskaya cherepitsa Yuzhnoho Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2005, Vol. XI, pp. 119-143.
 50. Sidorenko V. A. Metki-abbreviatury i monogrammy na cherepitse pamyatnikov srednevekovogo Khersona. *Antichnaya drevnost' i srednie veka. Problemy sotsial'nogo razvitiya*, Sverdlovsk, 1985, pp. 93-101.
 51. Simonova T. I. Metki na cherepitse krovl'i doma XIII-XIV vv. *Antichnaya drevnost' i srednie veka. Antichnye traditsii i vizantiyskie realii*, Sverdlovsk, 1980, pp. 104-120.
 52. Talis D. L. Cherepitsy s metkami iz raskopok Baklinskogo gorodishcha. *Sovetskaya arkheologiya*, 1968, N 2, pp. 184-195.
 53. Tikhanova M. A. Cherepitsy s metkami iz raskopok 1938 g. (Mangup). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, N 34, pp. 430-434.
 54. Fedoseev N. F. Proizvodstvo kleymennoy cherepitsy v antichnom mire i na Bospore Kimmeriyskom. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2011, Vol. 4(34), pp. 277-308.
 55. Fedoseev N. F. *Keramicheskoe kleyma. Bospor: iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. Kolleksiya keramicheskikh kleym*. Kiev, Mistetstvo Publ., 2012, Vol. I, 159 p.
 56. Filippenko A. A. Stroitel'nye keramicheskoe materialy s punktov dislokatsii rimskikh voysk v Kadykovke i na vysote Kazatskoy. *Khersonesskiy sbornik*, Sevastopol', 1998, Vol. IX, pp. 110-117.
 57. Filippenko A. A. Stroitel'naya keramika. *Sarnovski T., Savelya O. Ya. Balaklava. Rimskaya voennaya baza i svyatilishche Yupitera Dolikhena*, Varshava, 2000, pp. 60-61.
 58. Chkhaidze V. N. *Fanagoriya v VI-X vekakh*. Moscow, 2012, 590 p.
 59. Yakobson A. L. Srednevekovyy Khersones (XII-XIV vv.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, 1950, N 17, 364 p.
 60. Iakobson A. L. Rannesrednevekovi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, 1959, N 63, 364 p.
 61. Yakobson A. L. Rannesrednevekove sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy i*

issledovaniya po arkheologii SSSR, Moskow, 1970, N 168, 224 p.

62. Yakobson A. L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoy Tavriki*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.
63. Ajbabin A. I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen. *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, Band 113, Mainz, 2013, S. 165-232.
64. Bardill J. *Brickstamps of Constantinople*. New York: Oxford University Press, 2004, Vol. I, 453 p.
65. Brodribb G. *Roman Brick and Tile*. Gloucester, 1987, 164 p.

И. А. Завадская

Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма

Резюме

В статье рассмотрены мнения ученых о назначении рельефных меток на средневековой черепице Крыма и представлены результаты исследований строительной керамики из раскопок жилого квартала Эски-Кермена в 2003-2008 и 2013 гг. На основании изучения черепицы группы Ia (по эски-керменской классификации), которая является продукцией одной мастерской, предложен новый взгляд на черепичные метки. Исходя из того, что в одной мастерской производили черепицы как без меток, так и с довольно большим набором разнообразных знаков и изображений, высказано предположение, что маркировка средневековых черепиц не являлась регламентированным актом, обусловленным производственной необходимостью. Метки не имели узкоспециального назначения и могли быть как значимыми для их изготовителя символами, так и простым декоративным элементом. Они были способом самовыражения отдельных мастеров. Изучение черепичных меток как культурного феномена может пролить свет на некоторые ментальные особенности средневекового населения Крыма.

Ключевые слова: Крым, Эски-Кермен, маркировка строительных материалов, средневековая черепица, рельефные метки.

I. A. Zavadskaja

The Problems of Interpretation of Relief Marks on Mediaeval Roof Tiles in the Crimea

Summary

This article analysis the researchers' opinions on the function of relief marks on mediaeval roof tiles in the Crimea and presents the results of the investigation of building ceramic ware excavated in a residential quarter of Eski-Kermen in 2003-2008 and 2013. The results of the study of roof tiles group Ia (according to the Eski-Kermen classification), produced in a single workshop, allow a new interpretation of roof tile marks. As the same workshop produced both unmarked roof tiles and those with a relatively varied set of different signs and images, we may reasonably suppose that the marking of mediaeval roof tiles was not a regulation act determined by the manufacturing needs. Having no strictly specialized purpose, the marks might be either symbols of importance for the manufacturer or a simple decorative element. They were the result of particular artisans' self-expression. The study of roof tile marks as a cultural phenomenon will probably shed light on some mental features of the mediaeval population of the Crimea.

Keywords: Crimea, Eski-Kermen, marking on the building materials, mediaeval roof tiles, relief marks.

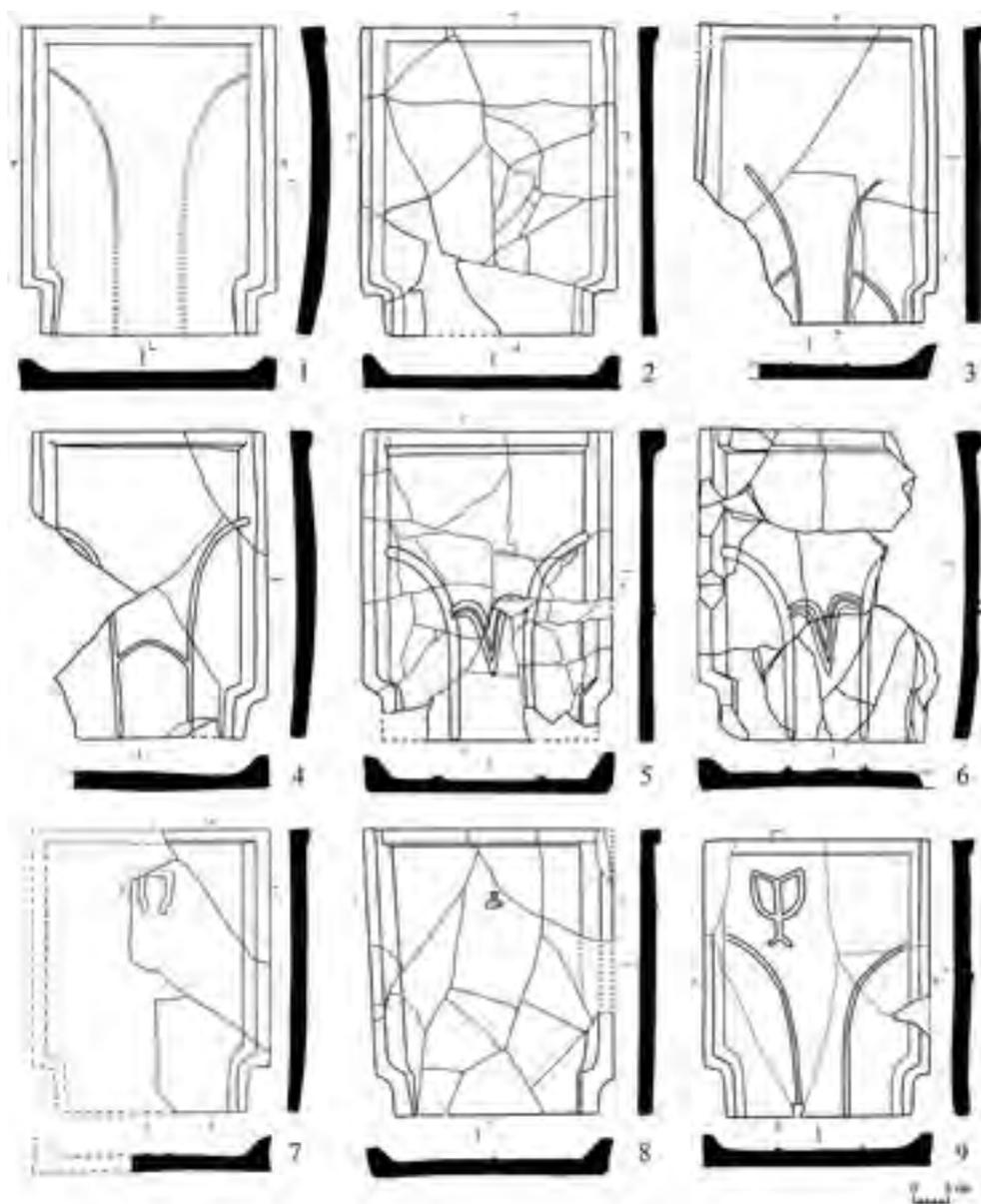

Рис. 1. Керамиды Ia группы из раскопок Эски-Кермена (2003-2008, 2013 гг.).

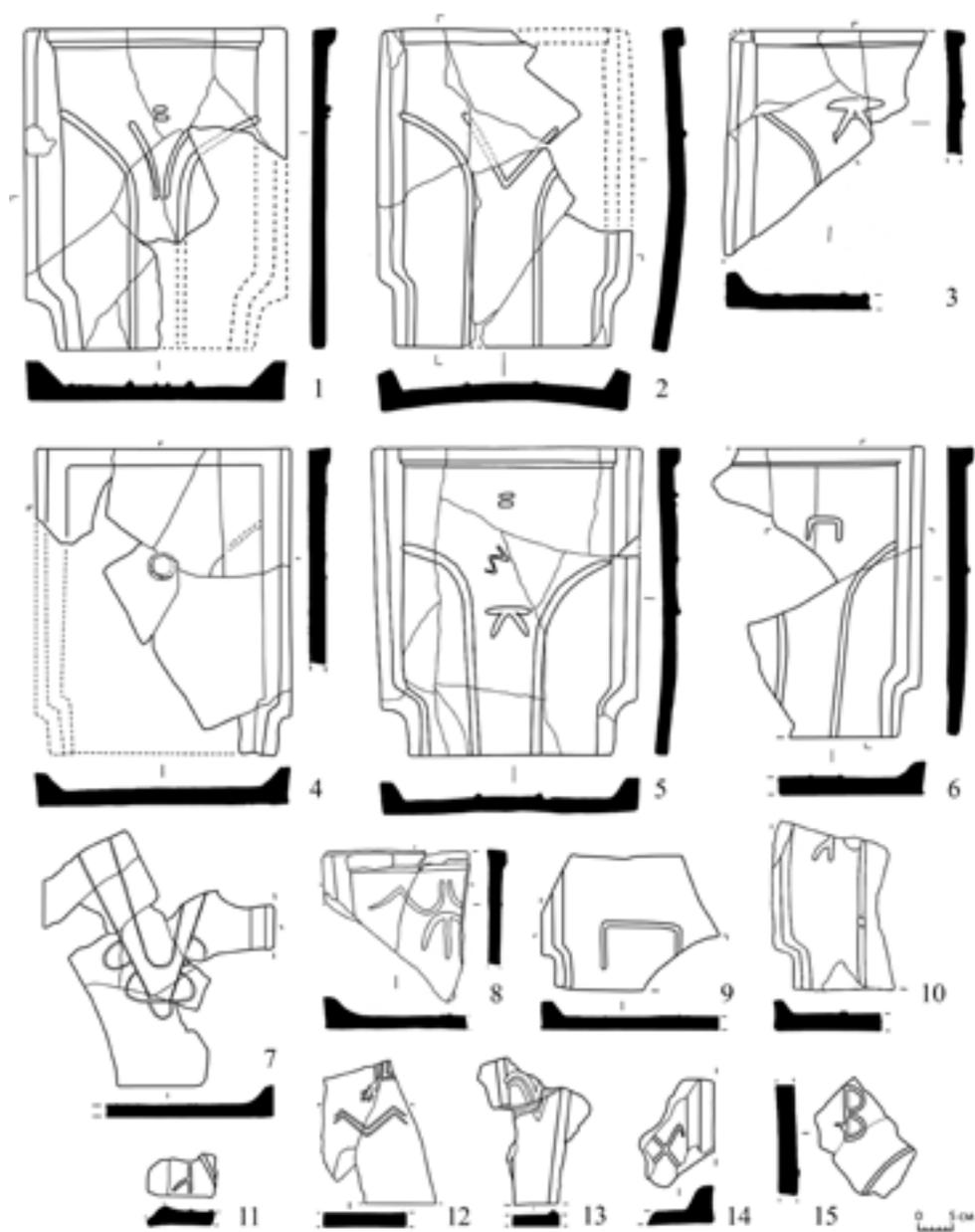

Рис. 2. Керамиды Ia группы из раскопок Эски-Кермена (2003-2008, 2013 гг.).

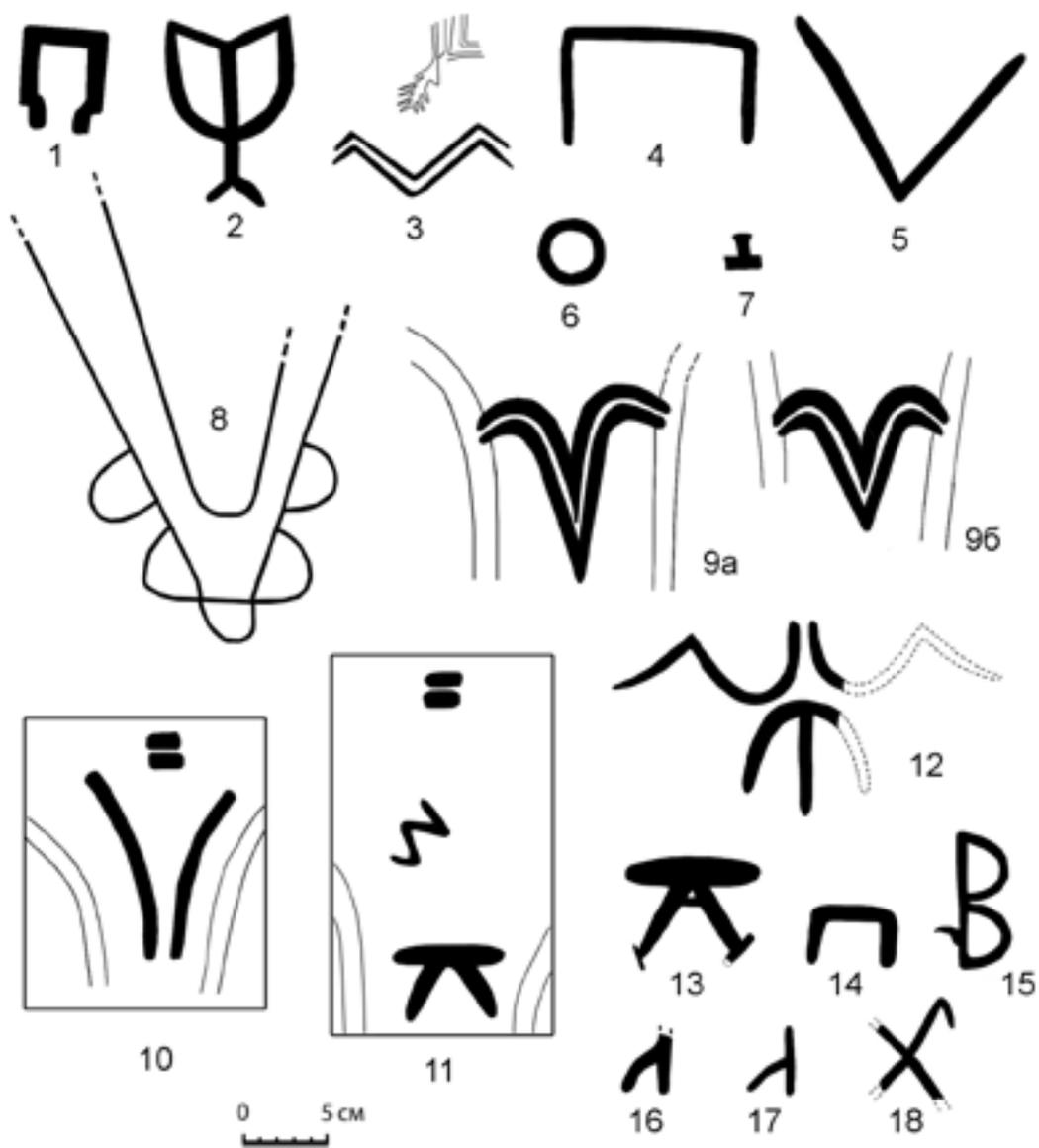

Рис. 3. Метки на керамидах Ia группы из раскопок Эски-Кермена (2003-2008, 2013 гг.).

А. А. ДУШЕНКО

ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОСТИ И РОГА ИЗ РАСКОПОК ДВОРЦА ПРАВИТЕЛЕЙ ФЕОДОРО (МАНГУП)

Дворец правителей княжества Феодоро расположен в центральной части плато горы Мангуп (рис. 1). Памятник был открыт в ходе работ, проводившихся на городище под руководством директора Херсонесского музея Р. Х. Лепера в 1912 г. Последнего заинтересовал расположенный к юго-востоку от базилики высокий земляной холм, оказавшийся впоследствии руинами дворца [31, с. 78]. Основными результатами работ, помимо собственно открытия комплекса, стало снятие схематичного плана открытых строительных остатков, а также находка строительной надписи 1425 г. с именем правителя Алексея.

Открытые Р. Х. Лепером постройки центральной части комплекса (помещения А, В, С, D, E, F) (рис. 2) были частично доследованы А. Л. Якобсоном в 1938 г. и Е. Г. Суровым в 1968 г. В результате сформировались две гипотезы, определяющие представление исследователей об архитектурно-планировочном облике дворцового ансамбля. По мнению А. Л. Якобсона, дворец был сооружен в XIV в., а в 1425 г. перестроен после пожара конца XIV – начала XV вв. После реконструкции дворец представлял собой ассиметричный комплекс, включавший центральное двухэтажное здание (С), двор с колоннадой (И) и башню-донжон (А) [50, с. 390]. Е. Г. Суров реконструировал дворец как симметричный комплекс с двумя двухэтажными зданиями в юго-западном и юго-восточном углах, от которых шли два двойных ряда колонн, примыкавших к северной стене с башней [44, с. 96-99]. Отметим, что версия о симметричной планировке дворца была опровергнута в результате современных исследований памятника [18, с. 396].

Небольшое по масштабу раскопки дворцового комплекса провел в 1974-1975 гг. Е. В. Веймарн. К сожалению, результаты работ не были опубликованы. В печати появилось лишь небольшое сообщение о работах [8, с. 264]. В процессе исследований была околонтурена примыкающая к помещению С постройка (J) площадью около 80 м², открытие которой в значительной мере меняло представление о планировочной структуре комплекса.

Археологические исследования дворца правителей Феодоро были возобновлены в 2006 г. экспедицией Таврического национального университета им. В. И. Вернадского¹ под руководством А. Г. Герцена. После расчистки территории комплекса от растительности и отвалов из раскопок предыдущих лет был снят инструментальный план объекта. В течение 2006-2010, 2014 гг. были доследованы культурные напластования и строительные остатки на участках работ прошлых лет. Кроме того, был открыт ряд новых построек (К, L, M) и планировочных объектов («южная улица», комплекс террас).

Хронология археологического материала из горизонтов, связанных со строительством и функционированием дворца, в целом, укладывается в пределы второй – третьей четвертей XV в. [18, с. 396-397; 22, с. 29]. Подобная датировка хорошо сочетается с данными эпиграфики, в частности, с надписью 1425 г. При этом, среди материалов дворца имеются находки раннесредневекового времени, открытые в перетолженном состоянии. Кроме того, южная часть комплекса, вероятно, использовалась в «турецкий» период истории Мангупа (конец XV – XVIII вв.). Материалы, полученные в ходе новейших исследований дворца, готовятся к печати. К настоящему времени в научный оборот введен один из наиболее выразительных закрытых комплексов третьей четверти XV в. [18, с. 387-419] и ряд ярких индивидуальных находок [11, с. 18-19; 15, с. 96-105].

Среди массы накопленных за годы исследований дворца археологических материалов значительное место занимают артефакты, изготовленные из кости и рога. На территории комплекса было найдено 75 полуфабрикатов и готовых изделий, составляющих 22% от общего числа предметов этой группы материала, открытых на Мангупском городище. Все предметы из раскопок дворца находятся на хранении в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника². К сожалению, часть материалов, связанных, в первую очередь, с дореволюционными исследованиями, утрачена или депаспортизирована. Место находки некоторых артефактов установить не удалось.

Предметы из кости и рога содержали 42 археологических контекста, исследованных на территории дворца. Анализ стратиграфической ситуации и археологического материала в их составе позволяет выделить четыре периода истории использования этого участка Мангупского городища. С наиболее ранним (**период I**) связан участок дневной поверхности (7-й слой) в западной части помещения В, стратиграфически предшествовавший строительству дворца. Археологический материал представлен, главным образом, фрагментами желобчатых амфор типа V по Херсонесской классификации 1971 г. (далее – ХК-71) [6, с. 81-107], классов 1, 24, 36, 41 по Херсонесской классификации 1995 г. (далее – ХК-95) [40, 1995], типов LRA 1 и LRA 2 по Райли [61, р. 91-467]. В целом, материал из слоя датируется широко, в пределах VI-XI вв. [12, с. 11]. Сужение его датировки возможно в процессе дальнейших исследований.

Единственный комплекс **периода II** представляет собой заполнение строительной траншеи под сооружение западной ограды двора (помещение В). Немногочисленный материал из траншеи представлен фрагментами столовых сосудов, покрытых глазурью желтого и зеленого цветов, декорированных в технике «сграффито». Бытование подобной посуды на Мангупе датируется второй половиной XIV – третьей четвертью XV вв. [19, с. 450]. Узкая датировка формирования заполнения строительной траншеи (около 1425 г.)

¹ С 2015 г. Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

² До 2015 г. Крымское республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».

определяется датой сооружения дворцового комплекса, установленной на основании находки упомянутой выше строительной надписи.

Семнадцать археологических контекстов с предметами из кости и рога относятся к **периоду III**, отражающему функционирование дворца во второй – третьей четвертях XV в. и его разрушение в 1475 г. Основным датирующим материалом здесь являются различные виды тарной и бытовой керамики. К первой группе относятся желобчатые амфоры с грушевидным туловом, округлым дном и дуговидными ручками класса 45 по ХК-95 [40, с. 73-77]. Период их активного бытования охватывает XIII-XIV вв., однако, материалы Мангупского городища позволяют говорить об использовании этих сосудов и в XV в. [20, с. 394]. Другим типом тарной керамики, характерной для горизонтов функционирования дворца, являются ангобированные плоскодонные желобчатые амфоры с внутренней бугристой поверхностью, определяемые как класс 52 по ХК-95 [40, с. 83-89].

Более узкую датировку в пределах второй – третьей четвертей XV в. имеют плоскодонные кувшины с широкими плоскими ручками, расписанными линиями белого ангоба, а также горшки с шаровидным туловом, широким отогнутым венчиком, декорированные врезными линиями по горлу [18, с. 395, 402].

Важнейшей в силу своей массовости и высокой степени изученности категорией археологического материала, имеющего датирующий характер для слоев третьего периода, является поливная керамика «группы Юго-Западного Крыма». Эта группа материала в комплексах второй – третьей четвертей XV в. представлена монохромными и полихромными сосудами, изготовленными из плотного, хорошо промешанного теста, покрытыми глазурью, как правило, желтого или зеленого цветов. Хронологические рамки производства и использования этой категории глазурованной керамики определяются в пределах второй половины XIV – третьей четверти XV вв. [17, с. 262; 19, с. 396; 46, с. 502].

Важным хронологическим индикатором, позволяющим сузить хронологию комплексов третьего периода до рамок третьей четверти XV в., являются находки импортной керамики с подглазурной росписью кобальтом группы Miletus Ware. Появление на рынках Таврики этой категории османского импорта исследователи, как правило, датируют серединой – второй половиной XV в. [17, с. 263; 45, с. 393].

Среди археологических контекстов, связанных с функционированием дворцового комплекса, выделяются три комплекса, узко датирующиеся 1462–1475 гг. Два из них относятся к заполнению хозяйственной ямы № 35, один представляет собой слой пожара. Основания для подобной их датировки дают находки монет Хаджи Гирея I выпуска 1462 г. [14, с. 22-23, 28-29].

К **периоду IV** относятся десять контекстов, датирующихся концом XV – XVIII вв. Это т.н. «слои запустения», сформировавшиеся после прекращения функционирования дворцового комплекса, а также горизонты, связанные с разбором зданий на строительный камень. Несмотря на то, что подавляющую часть археологического материала здесь составляют находки второй – третьей четвертей XV в., основания для датировки этих слоев дают фрагменты столовой посуды, покрытой монохромной глазурью темно-зеленого или желтого цвета, датирующейся в пределах конца XVI – XVIII вв. [63, р. 150-151; 16, с. 248]. Другой категорией датирующего материала являются глиняные курительные трубки, появившиеся на территории Османской империи и в Европе в XVII в. [9, с. 226-230]. Хронологическими индикаторами четвертого периода истории участка дворцового комплекса являются также монеты Крымского ханства и Османской империи XVI–XVIII вв. [13, с. 458].

Ряд изделий из кости и рога найден в переотложенном состоянии в горизонтах современного происхождения – дерне и слоях отвалов из раскопок предыдущих лет. Учитывая тот факт, что подавляющее большинство находок из раскопок дворца составляют материалы второй – третьей четверти XV в., предметы из слоев современного происхождения можно с высокой долей вероятности связывать с периодом III.

Предметы из кости и рога из раскопок дворца в настоящей работе классифицированы в соответствии с их функциональным назначением³. Аналогичный подход уже был применен к материалам участка исследований в районе церкви Св. Константина, также расположенной в центральной части плато г. Мангуп [22, с. 433]. Классификация по функциональному назначению наиболее часто используется исследователями при работе с коллекциями артефактов из кости и рога [39, с. 85; 49, с. 35; 42, с. 71]. Альтернативные подходы, такие как сырьевой и хронологический, в данном случае представляются менее информативными, что обусловлено особенностями этой группы археологического материала. Точное определение сырья, использованного для изготовления некоторых предметов, не всегда возможно. Кость и рог в процессе обработки подвергаются химическим и физическим воздействиям, зачастую меняющим природную поверхность сырья до неузнаваемости [59, р. 9]. Форма отдельных групп предметов (рукояти орудий, наконечники стрел, астрагалы и т.д.) сохранялась неизменной в течение долгого времени, что затрудняет их классификацию по хронологическому принципу.

Комплекс артефактов из кости и рога из раскопок дворца разделен в соответствии с указанным выше принципом на семь групп: детали вооружения, орудия труда, детали костюма, предметы для игр, накладки, изделия неясного назначения, заготовки и отходы производства. Отметим отсутствие среди находок из дворца категории принадлежностей для письма, известной по материалам участка у церкви Св. Константина [22, с. 440].

I. Детали вооружения

Первая из выделенных групп представлена составными частями оружия дальнего боя и снаряжения лучника. К числу редких для Крымского полуострова находок следует отнести «орехи» – детали спускового механизма арбалета. Два предмета из материалов дворца имеют уплощенно-цилиндрическую форму, отверстия для крепления к ложу, поперечную выемку для тетивы и продольную борозду для укладки болта. Один из «орехов» (рис. 3,1) найден в слое отвала из раскопок предыдущих лет, второй (рис. 3,2) – в горизонте разрушения дворца с материалом третьей четверти XV в.

Ближайшими аналогиями мангупским находкам являются «орехи» из слоев XV в. Чембало [1, с. 83, рис. 97,167; 2, с. 12, 63, рис. 71,4], Фуны [37, рис. 349,6], а также три изделия из постройки XIV в. Сугдеи [41, с. 217, рис. 2]. Арбалеты со спусковым механизмом, включавшим «орех», широко использовались на территории Европы с XI в. до Нового времени [57, р. 160-161]. По мнению С. Семина, появление арбалетов в Таврике относится ко второй половине XIII в. и связано с проникновением в регион венецианцев [41, с. 213].

Археологический контекст «орехов» из раскопок дворца правителей Феодоро, а также хронология ближайших аналогий определяют датировку мангупских находок в пределах второй – третьей четверти XV в.

³ Часть предметов, рассмотренных в настоящей работе, уже введены в научный оборот в рамках специальных исследований, посвященных костяным пуговицам [24, с. 333-352] и деталям вооружения из кости и рога из раскопок Мангупского городища [25, с. 292-303].

Еще один артефакт первой группы относится к снаряжению лучника. Предмет представляет собой отполированное кольцо с выступом, изготовленное из плотного рога (рис. 3,3), найденное в дерновом слое. Подобные изделия использовались для стрельбы т.н. «монгольским» способом, когда тетива лука натягивалась с помощью выступа на кольце, надетом на большой палец руки. Наиболее ранняя находка подобного приспособления, сделанного из нефрита, происходит из погребения китайской правительницы Фу-Хао, датирующегося XIII-XII вв. до н.э. [10, с. 155]. Находки колец для натяжки лука известны на других участках Мангупского городища [25, с. 297, рис. 1,6-8].

Аналогии кольцу из материалов дворца известны среди материалов XV в. крепости Фуна [37, рис. 349,23] и в засыпи валганга со следами пожара 1475 г. Чембало [1, с. 93, рис. 97,232]. Находки подобных колец на средневековых укреплениях Таврики упоминает В. Л. Мыц [35, с. 112]. Аналогичные предметы имеются среди материалов Болгара [27, с. 229, рис. 99,17-18] и других золотоордынских памятников [47, с. 25]. Два кольца из бронзы и предмет из слоновой кости, происходящие из Коринфа, датированы временем не ранее XII в. [54, p. 248, tab. 107,1987-1988,1998].

Учитывая контекст находки, а также круг ближайших аналогий, кольцо для натягивания тетивы лука из материалов дворца следует датировать временем функционирования комплекса – второй – третьей четвертями XV в. Отметим, что в группе заготовок из кости и рога есть два фрагмента диафизов трубчатых костей животных, имеющих форму колец с выступами (рис. 9,72-73). Предметы, вероятно, представляют собой заготовки колец для стрельбы из лука «монгольским» способом. Таким образом, есть основания предполагать местное производство этих деталей снаряжения лучника.

II. Орудия труда

Группа орудий труда из кости и рога включает рукояти различных форм и проколку. Рукояти представлены двумя основными типами – цельными и составными. К первому типу относятся два предмета подпрямоугольной формы с продольными отверстиями для крепления черешка металлической части орудия (рис. 3,4-5). Судя по грубой обработке внешней поверхности, один из предметов (рис. 3,5), видимо, не был завершен. Изделия относятся к варианту рукоятей, аналогии которому за пределами Мангупа не известны. Характерными морфологическими чертами их является наличие на тыльной части одного или двух пропиленных зубцов, а также сквозное отверстие, вероятно, служившее для подвешивания. К сожалению, археологический контекст обоих предметов из дворца не ясен. Учитывая тот факт, что подавляющее большинство археологического материала из раскопок дворца относится ко времени функционирования комплекса [18, с. 396], рукояти с высокой долей вероятности можно относить ко второй – третьей четвертям XV в. Однотипный предмет из материалов участка у церкви Св. Константина, относящийся к т.н. «случайным находкам», также не позволяет уточнить хронологию этого варианта рукоятей [22, с. 436, рис. 1,4].

Составные рукояти представлены двумя вариантами изделий – боковыми пластинами обкладками (рис. 3,7-9,11-13) и затыльниками подовальной формы (рис. 3,6,10). Пластины-обкладки в сечении имеют сегментовидную форму, снабжены отверстиями для крепления к черешку. Тыльная часть, как правило, скруглена. Один предмет (рис. 3,8) декорирован двумя продольными врезными линиями. Три предмета (№№ 9, 11, 12)⁴ происходят из слоев третьей

⁴ Здесь и далее номера предметов приведены в соответствии с каталогом (приложение 1).

четверти XV в., две пластины (№№ 7, 13) открыты в горизонтах конца XV – XVIII вв., один предмет (№ 8) найден в отвале.

Следует отметить, что составные рукояти из двух скрепленных металлическими штифтами пластин не имеют четкой хронологической привязки. Находки подобных изделий известны в горизонтах позднеримского времени памятников Западной Европы [57, р. 169, fig. 88; 52, tabl. 44-46; 47,4; 60, tabl. 30], в слоях IX–X вв. Саркела [49, с. 71, рис. 27,12] и Моравии [56, S. 153, 154, obr. 6,1,2], среди материалов XI–XIV вв. в Коринфе [54, р. 191, pl. 85,1411-1413], на памятниках Древней Руси [29, с. 84, 85, рис. 33,5; 20, с. 109, рис. 3,8,9; 42, с. 85, табл. 30,1,2]. Из ближайших аналогий отметим рукоять из дореволуционных раскопок Херсонеса [39, с. 89, рис. 3,48], изделие из башни Орта-Куле в Алустане [36, с. 153, рис. 13,6], а также составные рукояти из материалов XV в. крепости Чембало [1, с. 86, 99, рис. 95,186,266]. Видимо, составные рукояти из пластин-обкладок не являются хронологическим индикатором, и их следует рассматривать в рамках определенного археологического контекста.

Кроме пластин-обкладок, к деталям составных рукоятей орудий труда относятся два предмета (рис. 3,6,10), определенные как затыльники, найденные в комплексах, датирующихся 1462-1475 гг. Изделия соответствуют типу 1Б по классификации И. А. Закировой, датирующемуся золотоордынским временем [27, с. 222, рис. 97,3]. Однотипные предметы известны в Саркеле – Белой Веже [49, с. 103, рис. 52,7]. Железный нож с костяным затыльником был найден на Мангупском городище в ходе работ Р. Х. Лепера в 1913-1914 гг., однако контекст находки, равно как и место хранения артефакта, неизвестны [34, рис. 132].

Из комплекса 1462-1475 гг. происходит проколка (рис. 4,14) – трубчатая кость небольшого животного с заточенным концом. М. С. Сергеева выделяет три возможных функции костяных стержней с заостренным концом: прокалывание, крепление и плетение [42, с. 73]. Изготовление подобных предметов не требовало специальных навыков, но было доступно любому человеку, имеющему нож или топор. Поиск аналогий проколке из материалов дворца представляется малоинформативным, учитывая широкий пространственный и хронологический диапазон бытования однотипных предметов.

III. Детали костюма

Группа деталей костюма представлена среди материалов дворца двумя вариантами костяных дисковидных пуговиц с отверстием в центре. Диаметр изделий **варианта 1** (рис. 4,15-21) варьируется в пределах 37-44 мм, диаметр отверстий для крепления к ткани – 4-7 мм. Лицевая сторона предметов зашлифована, украшена орнаментом в виде двух врезных окружностей. Обратная сторона, как правило, обработана более грубо и зачастую сохраняет остатки губчатой костной структуры. Единственный экземпляр **варианта 2** (рис. 4,22) отличается меньшим диаметром – 23 мм.

Три пуговицы варианта 1 (№№ 15-17) происходят из раскопок дворца в 1912 и 1974 гг. К сожалению, их точное происхождение установить не удалось. Три изделия (№№ 18, 19, 21) открыты в современных по происхождению напластованиях. Лишь один предмет (№ 20) найден в закрытом комплексе («слой пожара»), датирующемся 1462-1475 гг. Пуговица варианта 2 происходит из горизонта, сформировавшегося после прекращения функционирования дворцового комплекса в конце XV – XVIII вв.

Дисковидным пуговицам с отверстием в центре из раскопок Мангупа посвящено специальное исследование [24, с. 333-352]. Хронология их бытования укладывается в пределы второй половины XIV – третьей четверти XV вв. Около 75% всех найденных на

Мангупе изделий с установленным археологическим контекстом происходят из горизонтов, сформировавшихся в период княжества Феодоро. Остальные предметы открыты в слоях более позднего времени с высокой долей переотложенных материалов. Аналогичные пуговицы происходят из комплексов второй половины XIV – XV вв. Сугдеи [7, с. 555, рис. 28,15-16], Алустона [36, с. 153, рис. 13,7,10-11], Чембало [1, с. 83-86, 93, рис. 96,168,171-172,176,188,234-235; 2, с. 74, 78, 84, 88, рис. 71; 3, с. 50, рис. 46,3; 4, с. 103, 108, рис. 45] и Фуны [37, рис. 349,21]. находка заготовки для производства пуговиц варианта 2 [24, рис. 3,38] позволяет рассматривать Мангуп как один из центров производства изделий рассматриваемого типа.

IV. Предметы для игр

Уникальной для Горного Крыма находкой, безусловно, является изготовленная на токарном станке пешка (рис. 4,23), найденная в дерновом слое на территории дворцового комплекса. Предмет имеет усечено-коническую форму, расширяющееся округлое основание, трапециевидную в сечении чашу в центральной части тулова и округлую, слегка уплощенную головку. Поверхность фигуры отполирована, украшена врезными линиями по тулову.

Шахматные фигуры среди материалов средневековых памятников Крыма встречаются крайне редко. Аналогии пешке из дворца Мангупа на территории полуострова неизвестны. Типологически близки ей предметы из Торовца и Новогрудка, датирующиеся XIII и XIV вв. соответственно, а также пешка из Тракая [32, с. 120, 121, 125]. В той же манере изготовлены типичные для XIII–XV вв. шахматные фигуры, бытовавшие на севере Руси [32, с. 120, 121]. Очевидно, предмет следует датировать временем функционирования дворца, т.е. 1425-1475 гг.

Находка пешки среди материалов дворца правителей Феодоро свидетельствует о знакомстве правящих кругов княжества с игрой в шахматы. Несмотря на запрет церковью шахмат, приравненных в Номоканоне Фотия к игре в кости [32, с. 99], этот способ развлечения был достаточно широко распространен. В частности, об увлечении Алексея I Комнина игрой в «затрикий» (шахматы) сообщает в своем труде его дочь Анна [5, с. 331].

Наиболее многочисленной (22 предмета) и разнообразной категорией находок из кости на территории дворца являются астрагалы – таранные кости мелкого и крупного рогатого скота. Необходимо отметить, что количество находок таранных костей животных на участке дворцового комплекса значительно больше, чем представлено в коллекции. В настоящей работе учтены лишь астрагалы, имеющие какие-либо следы обработки. Использование необработанных таранных костей в качестве принадлежностей для игр невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Возможным вариантом доказательства могли бы служить известные по другим памятникам средневековья наборы астрагалов без следов обработки [49, с. 108; 42, с. 99-100]. Однако подобные находки на Мангупском городище к настоящему времени неизвестны.

Обработанные астрагалы из материалов дворца можно разделить на два типа по виду сырья, использованного для их изготовления. Предметы **типа 1** сделаны из таранных костей мелкого рогатого скота (далее МРС). Материалом для изделий **типа 2** послужили кости крупного рогатого скота (далее КРС).

Классификация астрагалов **типа 1**, разработанная для материалов Мангупа, включает 6 вариантов, отличающихся способом обработки исходного сырья [26, с. 134]. На территории дворца представлены варианты 1, 3, 4, 6. Наиболее многочисленны астрагалы **варианта 1** (рис. 5,30; 6,36,38,41-43) с несколькими подтесанными сторонами (от 2 до 4). Два из них

происходят из слоев второй – третьей четвертей XV в., остальные найдены в горизонтах, сформировавшихся после гибели дворцового комплекса.

На астрагалы типа 1 **варианта 3** (рис. 5,31; 6,34), залитые свинцом для утяжеления, нанесены округлые углубления, которые, видимо, определяют числовые значения сторон (от 1 до 3). Один из предметов (№ 31) найден в горизонте конца XV – XVIII вв., второй (№ 34) – в слое функционирования дворца (вторая – третья четверти XV в.).

На предметах **варианта 4** (рис. 5,27; 7,45) также имеются числовые значения сторон, но отсутствует заливка. Один предмет (№ 45) найден в горизонте конца XV – XVIII вв., второй (№ 27) – в слое отвала из раскопок предыдущих лет.

Единственный астрагал **варианта 6** (рис. 5,32) подтесан с двух сторон и снабжен поперечным сквозным отверстием. Предмет происходит из заполнения строительной траншеи под западную стену дворцового комплекса, датирующегося временем около 1425 г.

Астрагалы **типа 2** представлены двумя вариантами изделий. Предметы **варианта 1** (рис. 4,24; 5,25,28,33; 6,35,37,39,40; 7,44) имеют одну или несколько подтесанных сторон. Три астрагала типа 2 варианта 1 (№№ 37, 39, 40) найдены в горизонтах второй – третьей четвертей XV в., столько же (№№ 33, 35, 44) – в слоях конца XV – XVIII вв. Остальные предметы (№№ 24, 25, 28) открыты в напластованиях современного происхождения.

Изделия типа 2 **варианта 2** (рис. 5,26,29) кроме подтески имеют несколько округлых углублений на одной из широких сторон. Оба предмета найдены в слое отвалов.

Из всех астрагалов, найденных на территории дворцового комплекса, к игровым принадлежностям с наибольшей долей вероятности можно отнести предметы типа 1, вариантов 1, 3, 4. Астрагалы мелкого рогатого скота с подтесанными сторонами (вариант 1), безусловно, связаны с известной еще с эпохи античности [38, с. 79] игрой в бабки. Название и правила варьируются в зависимости от региона, однако суть игры не меняется. С помощью битка игроки стараются выбить наибольшее количество бабок с линии или из круга [48, с. 253, 254; 28, с. 39; 53, р. 56-58].

Астрагалы мелкого рогатого скота с нанесенными числовыми значениями сторон (варианты 3 и 4), скорее всего, связаны с игрой, разновидность которой известна по этнографическим данным из Турции. Каждая из четырех сторон астрагала имела свое значение: «раб», «слуга», «визирь» и «султан». Победителем становился игрок, у которого астрагал при броске становился на сторону с максимальным значением [53, р. 54, 55]. Видимо, астрагалы с числовыми значениями из материалов Мангупского городища использовались для более примитивного варианта игры, где победитель определялся по количеству очков [43, с. 35]. В этой связи, интересны астрагалы с числовыми значениями и заливкой свинцом, при броске которых с наибольшей долей вероятности должно было выпасть максимальное число 3.

Менее понятно функциональное назначение астрагалов типа 1 варианта 6. Таранные кости со сквозными отверстиями в боковых сторонах могли как использоваться для игр, так и иметь иное применение. Например, они могли использоваться в качестве застежек [51, с. 215] или быть деталями простейших музыкальных инструментов наподобие трещотки [42, с. 101; 56, S. 177-178].

Функциональное назначение астрагалов крупного рогатого скота также могло быть различным. Предметы типа 2 варианта 1 могли использоваться в качестве битков в игре в бабки. Подтесанные бычьи астрагалы также могли служить инструментами для натягивания струн музыкальных инструментов [49, с. 111]. Аналогий предметам типа 2 варианта 2 не

найден. В отличие от астрагалов мелкого рогатого скота с числовыми значениями, здесь углубления нанесены только на одну из широких сторон кости. Имели ли эти углубления какое-то функциональное назначение, на данный момент не ясно.

V. Накладки

Одной из наиболее неоднозначных категорий артефактов из кости и рога из раскопок дворца являются накладки (рис. 7,46-49). Все предметы этой группы имеют общие морфологические черты – декорированную лицевую сторону и оборотную, покрытую частыми косыми насечками, обеспечивавшими более прочное склеивание с предметом-основой. Декоративное назначение накладок не вызывает сомнений. Однако в большинстве случаев можно только предполагать, что именно они украшали. Характерной особенностью этой категории изделий является отсутствие серийности производства [42, с. 117], что делает бессмысленными любые типологические и хронологические построения. Пластины-накладки из кости и рога, различных форм и размеров, довольно часто встречаются среди археологических материалов средневековых памятников Крымского полуострова [39, с. 96; 33, с. 324, 325] и других регионов [49, с. 99; 42, с. 115-117].

Две накладки (№№ 46, 48) найдены в напластованиях современного происхождения, по одной – в слоях второй – третьей четвертей XV в. (№ 47) и конца XV – XVIII вв. (№ 49).

VI. Изделия неясного назначения

Следующая категория артефактов из раскопок дворца объединяет предметы, чье функциональное назначение не ясно или может быть определено лишь гипотетически. К этой группе отнесено 11 предметов (№№ 50-60). Одним из факторов, затрудняющих определение функционального назначения, является фрагментарность предметов. Многие изделия не имеют аналогий, что также является препятствием для установления их функций.

Часть предметов рассматриваемой группы можно гипотетически связать с той или иной сферой человеческой деятельности. Подпрямоугольный в сечении стержень с лопаткой на конце и поперечным отверстием (рис. 8,56) можно интерпретировать как составную часть музыкального инструмента. Близкое по форме изделие из раскопок Отранто определено как колокол для регулировки натяжения струн [55, р. 313, fig. 10, 196]. К сожалению, находка не имеет археологического контекста. Мангупский предмет происходит из слоя функционирования дворцового комплекса, датирующегося 1425-1475 гг.

Еще одним изделием, чье функциональное назначение спорно, является емкость из рога оленя, имеющая форму слегка изогнутого усеченного конуса (рис. 8,54). В стенках предмета ближе к концам просверлены небольшие отверстия, служившие, вероятно, для крепления крышек. Предмет найден в горизонте «додворцового» периода, датирующемся раннесредневековым временем. Находки подобных изделий с двумя или тремя ответвлениями, зачастую орнаментированных, известны на многих памятниках средневековой ойкумены [49, с. 104; 54, tabl. 138, 2904; 62, abb. 11]. Из ближайших аналогий отметим предмет из слоя XIII–XIV вв. Портового квартала Херсона [39, с. 93, рис. 6]. Известны они также и на памятниках хазарского круга [30, с. 85, рис. 5,1; 49, с. 104-106, рис. 53]. Вопрос функционального назначения этой группы изделий из рога остается открытым. Их интерпретируют как горлышки бурдюков [30, с. 85], сосуды для хранения мелких предметов [39, с. 93], реликварии [62, р. 548]. В настоящее время в литературе подобные изделия принято называть «роговыми емкостями».

Интересны находки двух однотипных стержней с головкой усечено-пирамидальной формы и сквозным отверстием (рис. 8,52,57). Оба предмета происходят из комплексов,

связанных с функционированием дворца и датируются 1425-1475 гг. Определить функциональное назначение изделий, равно как и найти аналогии им за пределами Мангупа, не удалось.

VII. Заготовки и отходы производства

Последняя категория артефактов отражает процесс изготовления предметов из кости и рога (№№ 61-75). Группа представлена, главным образом, фрагментами опиленных ветвей плотного рога и трубчатых костей мелкого и крупного рогатого скота. Именно эти части скелета служили основой сырьевой базы косторезного дела Мангупа. Только две заготовки можно с высокой долей уверенности связать с производством конкретного типа готовых изделий. Упомянутые выше фрагменты диафизов трубчатых костей с выступами (рис. 9,72-73), видимо, следует определять как полуфабрикаты колец для стрельбы из лука «монгольским» способом.

Из 15 предметов рассматриваемой категории четыре определены как отходы производства. Три из них представляют собой спиленные эпифизы трубчатых костей быка (рис. 9,68-69,75), один – основание рога оленя со следами пиления (рис. 9,70).

Большую часть заготовок и отходов производства составляют предметы из кости – 9 из 15 или 60%. Несмотря на маленькую выборку, подобное соотношение кости и рога как сырья для производства предметов (60% к 40% соответственно) можно считать достоверным. В целом, по Мангупскому городищу эта пропорция составляет 58% к 42% в пользу кости. Основными факторами, определявшими выбор ремесленником материала для создания необходимого предмета, очевидно, были механические свойства сырья и его доступность. С точки зрения первого фактора, плотный рог, обладающий большей прочностью и эластичностью [58, р. 74-76], выглядит предпочтительнее. Более частое использование кости мастерами Мангупского городища, демонстрируемое статистическими данными, следует объяснять большей доступностью этого вида сырья.

Подводя итоги систематизации комплекса предметов из скелетного сырья, найденных на территории дворца правителей Феодоро, заметим, что он по своей структуре незначительно отличается от коллекций других объектов на территории Мангупского плато (Цитадель, участок у церкви Св. Константина). Отметим большее, в сравнении с другими участками, количество игральные принадлежности, в частности, астрагалов. Кроме того, среди материалов дворца отсутствуют роговые стили. Объяснить подобные отличия на данном этапе изучения косторезного дела памятника не удалось.

Анализ круга аналогий мангупским изделиям из кости и рога дает основания говорить о том, что эта категория археологических находок не может в полной мере использоваться для серьезных хронологических построений. Большинство типов предметов имеют широкие временные рамки использования. В качестве самостоятельных хронологических индикаторов могут использоваться только отдельные категории артефактов («орехи», кольца для стрельбы из лука, дисковидные пуговицы с отверстием для крепления). В этой связи, материалы дворца имеют особую ценность, т.к. большинство их отражают материальную культуру населения городища в достаточно узкий хронологический период (вторая – третья четверти XV в.). Введение в научный оборот всей коллекции Мангупского городища и материалов других памятников средневековой Таврики, безусловно, позволит увеличить информативность артефактов из кости и рога как источника по социально-экономической истории региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. СПб.; Симферополь: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. 254 с.
2. Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008-2009 гг. СПб.; Симферополь: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2010. 300 с.
3. Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2010 г. СПб.; Симферополь: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2011. 164 с.
4. Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. СПб.; Симферополь: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. 210 с.
5. Анна Комнина. Алексиада / Перевод Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965. 688 с.
6. Антонова И. А., Даниленко В. Н., Иващута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81-107.
7. Баранов И. А. Комплекс третьей четверти XIV в. Судакской крепости // Судейский сборник. Киев; Судак, 2004. Вып. 1. С. 524-559.
8. Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе // АО за 1975 г. М., 1975. С. 264.
9. Волков И. В. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М.: Компания Спутник, 1999. С. 226-252.
10. Волков И. В. О происхождении «монгольского» способа стрельбы из лука // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 2. С. 154-156.
11. Герцен А. Г. Сасанидский перстень из раскопок Мангупа // IX Международная Крымская конференция по религиоведению. Небесные патроны и земные служители культа. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2007. С. 18-19.
12. Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2007 г. Симферополь, 2008 // Научный архив Археологического музея Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 236 с.
13. Герцен А. Г. Нумизматический спектр Мангупа-Дороса // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие. Варна: ЗОГРАФ, 2008. С. 457-458.
14. Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2008 г. Симферополь, 2009 // Научный архив Археологического музея Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 221 с.
15. Герцен А. Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. Керчь, 2010. С. 96-105.
16. Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233-294.
17. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 257-287.
18. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. СПб., 2009. Т. 51. С. 387-419.
19. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997-1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 423-466.
20. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389-431.
21. Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога // АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8. С. 95-108.

22. Душенко А. А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 432-456.
23. Душенко А. А. Современный этап археологических исследований дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп) // Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции «И научные чтения памяти Е. В. Веймарна». Бахчисарай, 2012. С. 28-29.
24. Душенко А. А. Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2013. Вып. XVII. С. 333-352.
25. Душенко А. А. Детали вооружения из кости и рога из раскопок Мангупа // Древности. Харьков, 2013. Вып. 12. С. 292-303.
26. Душенко А. А. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупского городища: хронология и интерпретация // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 131-138.
27. Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 220-243.
28. Игры народов СССР. М.: Физкультура и спорт, 1985. 269 с.
29. Кравченко А. А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV вв.). Киев: Наукова думка, 1986. 127 с.
30. Красильников К. И. Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. № 2. С. 77-91.
31. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. СПб., 1913. Вып. 47. С. 73-79.
32. Линдер И. М. Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975. 207 с.
33. Майко В. В. Изделия из кости и рога византийской Сугдеи X-XII вв. // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 316-332.
34. Мойсеев Л. А. Раскопки в Мангупе // ОАК за 1913-1915 гг. Петроград, 1918. С. 72-84.
35. Мыц В. Л. Укрепления Таврики в X-XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 162 с.
36. Мыц В. Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион. Киев, 2002. С. 139-189.
37. Мыц В. Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
38. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 192 с.
39. Романчук А. И. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // АДСВ. 1981. Вып. 18. С. 84-105.
40. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. 110 с.
41. Семин С. Средневековое вооружение Крыма второй половины XIII – XV вв. Арбалет (по материалам археологических раскопок) // Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV–XV в. Международна конференция. Варна 14–16 септември 2000. Варна, 2002. С. 213-220.
42. Сергеева М. С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Київ: КНТ, 2011. 256 с.
43. Стрельник М. О., Хомчик М. А., Сорокіна С. А. Гральні кості (III тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. 2009. № 2. С. 34-49.
44. Суров Е. Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 96-99.
45. Тесленко И. Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стило, 2005. С. 385-410.
46. Тесленко И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV-XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. 1. С. 495-564.
47. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 275 с.
48. Филоненко Ф. И. Детские игры крымских татар // ИТУАК. 1919. № 56. С. 242-266.
49. Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв. СПб.: Алетей, 2001. 254 с.
50. Якобсон А. Л. Дворец // МИА. 1953. № 34. С. 390-418.
51. Snotliwy E. Wczesno sredniowieczne przedmioty z rogu i kosci z Wolina, zestanowiska 4 // Materiały Zachodnio-pomorskie. Szczecin, 1958. T. IV. S. 155-240.

52. Gostenčnik K. Die Beinfunde vom Magdalensberg. Klagenfurt, 2005. 568 s.
53. Dandoy J. Astragali, the Ubiquitous Gaming Pieces // Expedition. 1996. V. 38. No. 1. P. 51-58.
54. Davidson G. The Minor Objects // Corinth. Princeton-New Jersey, 1952. V. 12. 512 p.
55. Hicks A. J., Hicks M. J. The Small Objects // Excavations at Otranto. Vol. II: The Finds. Congedo, 1993. P. 311-313.
56. Hruby V. Slovanské kostěné predměty a jejich výroba Moravě // Památky archeologicke. Praha, 1957. №48. S. 118-217.
57. MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials Since the Roman Period. London, 1985. 245 p.
58. MacGregor A. G., Currey J. D. Mechanical Properties as Conditioning Factors in the Bone and Antler Industry of the 3rd to the 13th Century AD // Journal of Archaeological Science. London, 1983. V. 10. P. 71-77.
59. O'Connor T. P. On the structure, chemistry and decay of bone, antler and ivory // Archaeological Bone, Antler and Ivory. London: The United Kingdom Institute for Conservation, 1987. P. 6-9.
60. Obmann J. Die römischen Funde aus Bein von Nida-Heddernheim. Bonn, 1997. 264 p.
61. Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Rhrebish, Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. Vol. II. P. 91-467.
62. Schulze-Dörrlamm M. Herkunft und Funktion der dreizipfligen Geweihbehälter des frühen und hohen Mittelalters // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 2001. T. 48. S. 529-557.
63. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht, 2005. 223 p.

REFERENCES

1. Adaksina S. B., Kirilko V. P., Myts V. L. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaxh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2003 g.* St. Petersburg; Simferopol': Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2004, 254 p.
2. Adaksina S. B., Myts V. L., Ushakov S. V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaxh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2008-2009 gg.* St. Petersburg; Simferopol': Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2010, 300 p.
3. Adaksina S. B., Myts V. L., Ushakov S. V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaxh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2010 g.* St. Petersburg; Simferopol': Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2011, 164 p.
4. Adaksina S. B., Myts V. L., Ushakov S. V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaxh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2011 g. Materialy Iuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii.* St. Petersburg; Simferopol': Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2012, 210 p.
5. Anna Komnina. *Aleksiada / Perevod Ja. N. Ljubarskogo.* Moscow: Nauka Publ., 1965, 688 p.
6. Antonova I. A., Danilenko V. N., Ivashuta L. P., Kadeev V. I., Romanchuk A. I. *Srednevekovye amfory Khersonesa. Antichnaja drevnost' i srednie veka,* 1971, vol. 7, pp. 81-107.
7. Baranov I. A. *Kompleks tret'ei chetverti XIV v. Sudakskoi kreposti. Sugdeiskii sbornik,* 2004, vol. 1, pp. 524-559.
8. Veimam E. V., Ivanov L. I. *Raskopki na Mangupe. Arheologicheskie otkrytiya 1975 g.,* Moscow, 1975, p. 264.
9. Volkov I. V. *Chastnaia kolleksiia «turetskikh» kuritel'nykh trubok iz Moskvy. Material'naia kul'tura Vostoka.* Moscow: Kompaniia Sputnik Publ., 1999, pp. 226-252.
10. Volkov I. V. *O proiskhozhdenii «mongol'skogo» sposoba strel'by iz luka. Materialy I issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza.* Armavir, 2003, vol. 2, pp. 154-156.
11. Gertsen A. G. *Sasanidskii persten' iz raskopok Mangupa. IX Mezhdunarodnaia Krymskaia konferentsiia po religiovedeniui. Nebesnye patrony I zemnye sluzhiteli kul'ta. Tezisy dokladov I soobshchenii.* Sevastopol', 2007, pp. 18-19.
12. Gertsen A. G. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaxh Mangupskogo gorodishcha v 2007 g.* Simferopol', 2008. Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. 236 p.

13. Gertsen A. G. Numizmaticheskii spektr Mangupa-Dorosa. *Numizmatichni, sfragistichni i epigrafski prinos ik''m istoriiatana Chernomorskoto kraibrezhie*. Varna: ZOGRAF, 2008, pp. 457-458.
14. Gertsen A. G. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiah Mangupskogo gorodishcha v 2008 g.* Simferopol', 2009. Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo gomuzeia Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. 221 p.
15. Gertsen A. G. Zolotoordynskoe zerkalo iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupa. *Otkroveniiia drevnego Solkhata*. Kerch', 2010, pp. 96-105.
16. Gertsen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): I gorizont zastroiki (XVI–XVIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i ietnografii Tavrii*, Simferopol', 2007, vol. XIII, pp. 233-294.
17. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Polivnaia keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa. *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* Kiev: Stilos Publ., 2005, pp. 257-287.
18. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Arkheologicheskii kompleks tret'ei chetverti XV v. iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2009, vol. 51, pp. 387-419.
19. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Oktogonal'naiia tserkov' Mangupskoi tsitadeli po dannym arkhelogicheskikh issledovaniia 1997-1999 gg.: planirovka, stratigrafia, khronologiya. *Antichnaja drevnost' i srednie veka*, 2009, vol. 39, pp. 423-466.
20. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastroiki (XV v.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2009, vol. XV, pp. 389-431.
21. Davidan O. I. Staroladozhskie izdeliia iz kosti i roga. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1966, vol. 8, pp. 95-108.
22. Dushenko A. A. Izdeliia iz kosti i roga iz raskopok kvartala u tserkvi Sv. Konstantina (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2009, vol. XV, pp. 432-456.
23. Dushenko A. A. Sovremennyi etap arkhelogicheskikh issledovaniia dvortsa pravitelei kniazhestva Feodoro (Mangup). *Tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «I nauchnye chteniia pamiati E.V. Veimarna»*. Bakhchisarai, 2012, pp. 28-29.
24. Dushenko A. A. Kostiane diskovidnye pugovitsy s kontsentricheskim ornamentom iz raskopok Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2013, vol. XVII, pp. 333-352.
25. Dushenko A. A. Detali vooruzheniia iz kosti i roga iz raskopok Mangupa. *Drevnosti*, 2013, vol. 12, pp. 292-303.
26. Dushenko A. A. Igral'nye prinadlezhnosti iz kosti i roga iz raskopok Mangupskogo gorodishcha: khronologiya i interpretatsiia. *XV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeritskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia*. Kerch', 2014, pp. 131-138.
27. Zakirova I. A. Kostoreznoe delo Bolgara. *Gorod Bolgar: ocherki remeslennoi deiatel'nosti*. Moscow, 1988, pp. 220-243.
28. *Igry narodov SSSR*. Moscow: Fizkul'tura i sport Publ., 1985, 269 p.
29. Kravchenko A. A. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII – XIV vv.)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1986, 127 p.
30. Krasil'nikov K. I. Izdeliia iz kosti saltovskoi kul'tury. *Sovetskaia arkheologiya*, Moscow, 1979, № 2, pp. 77-91.
31. Leper R. Kh. Arkheologicheskie issledovaniia v Mangupe v 1912 g. *Izvestiia arkheologicheskoi komissii*, 1913, vol. 47, pp. 73-79.
32. Linder I. M. *Shakhmaty na Rusi*. Moscow: Nauka Publ., 1975, 207 p.
33. Maiko V. V. Izdeliia iz kosti i roga vizantiiskoi Sugdei X-XII vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2013, vol. XVIII, pp. 316-332.
34. Moiseev L. A. Raskopki v Mangupe. *Otchety arkheologicheskoi komissii za 1913-1915 gg.* Petrograd, 1918, pp. 72-84.
35. Myts V. L. *Ukrepenniia Tavriki v X-XV vv.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1991, 162 p.
36. Myts V. L. Genuezskaia Lusta i Kapitanstvo Gotii v 50-70-e gg. XV v. *Alushta i Alushtinskii region*. Kiev,

- 2002, pp. 139-189.
37. Myts V. L. *Kafa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty*. Simferopol': Universum Publ., 2009, 528 p.
 38. Peters B. G. *Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia*. Moscow: Nauka Publ., 1986, 192 p.
 39. Romanchuk A. I. Izdeliia iz kosti v srednevekovom Khersonese. *Antichnaja drevnost' i srednie veka*, 1981, vol. 18, pp. 84-105.
 40. Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg: Ural'skii universitet Publ., 1995, 110 p.
 41. Semin S. Srednevekovoe vooruzhenie Kryma vtoroi poloviny XIII – XV vv. Arbalet (po materialam arkheologicheskikh raskopok). *Or'zhie I snariazhenie prez k'snata antichnost i srednevekovieto IV–XV v. Mezhdunarodna konferentsiia. Varna 14–16 septemvri 2000*. Varna, 2002, pp. 213-220.
 42. Sergeeva M. S. *Kostorizna sprava u Starodavn'omu Kievi*. Kiev: KNT Publ., 2011. 256 p.
 43. Strel'nik M. O., Khomchik M. A., Sorokina S. A. Gral'ni kosti (II tis. do n.e. – XIV st. n.e.) z kolektsiï Natsional'nogo muzeiu istorii Ukrainy. *Arkheologiiia*, Kiev, 2009, № 2, pp. 34-49.
 44. Surov E. G. Raskopki dvortsa XV v. na plato Mangupa v Krymu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, Moscow, 1972, vol. 129, pp. 96-99.
 45. Teslenko I. B. Turetskaia keramika s rospis'iu kobal'tom v Krymu (problemy khronologii). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv*. Kiev: Stilos Publ., 2005, pp. 385-410.
 46. Teslenko I. B. Odná iz goncharnykh traditsii Tavriki XIV-XV vv. (keramika grupy Iugo-Zapadnogo Kryma). *Istoriia i arkheologiiia Kryma*. Simferopol', 2014, vol. I, pp. 495-564.
 47. Fedorov-Davydov G. A. *Kochevniky Vostochnoi Evropy pod vlast'iu Zolotoordynskikh khanov*. Moscow: MGU Publ., 1966, 275 p.
 48. Filonenko F. I. Detskie igry krymskikh tatar. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1919, № 56, pp. 242-266.
 49. Flerova V. E. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX-XII vv*. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2001. 254 p.
 50. Iakobson A. L. Dvoret. *Materialy po istorii i arkheologii SSSR*, 1953, № 34, pp. 390-418.
 51. Cnotliwy E. Wczesno sredniowieczne przedmioty z rogu i kosci z Wolina, zestanowiska 4. *Materialy Zachodnio-pomorskie*. Szczecin, 1958, t. IV, pp. 155-240.
 52. Gostenčnik K. *Die Beinfunde vom Magdalensberg*. Klagenfurt, 2005, 568 p.
 53. Dandoy J. Astragali, the Ubiquitous Gaming Pieces. *Expedition*, 1996, vol. 38, No. 1, pp. 51-58.
 54. Davidson G. The Minor Objects. *Corinth*. Princeton; New Jersey, 1952, vol. 12, 512 p.
 55. Hicks A. J., Hicks M. J. The Small Objects. *Excavations at Otranto. Vol. II: The Finds*. Congedo, 1993, pp. 311-313.
 56. Hruby V. Slovanské kostěné predměty a jejich výroba na Moravě. *Památky archeologicke*. Praha, 1957, No. 48, pp. 118-217.
 57. MacGregor A. *Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials Since the Roman Period*. London, 1985, 245 p.
 58. MacGregor A. G., Currey J. D. Mechanical Properties as Conditioning Factors in the Bone and Antler Industry of the 3rd to the 13th Century AD. *Journal of Archaeological Science*. London, 1983, vol. 10, pp. 71-77.
 59. O'Connor T. P. On the structure, chemistry and decay of bone, antler and ivory. *Archaeological Bone, Antler and Ivory*. London: The United Kingdom Institute for Conservation, 1987, pp. 6-9.
 60. Obmann J. *Die römischen Funde aus Bein von Nida-Heddernheim*. Bonn, 1997, 264 p.
 61. Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice. *Excavations at Sidi Rhrebish, Benghazi (Berenice)*. Tripoli, 1979, vol. II, pp. 91-467.
 62. Schulze-Dörrlamm M. Herkunft und Funktion der dreizipfligen Geweihbehälter des frühen und hohen Mittelalters. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Mainz, 2001, t. 48, pp. 529-557.
 63. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery in Aegean. An Introduction and Field Guide*. Utrecht, 2005, 223 p.

**КАТАЛОГ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КОСТИ И РОГА ИЗ РАСКОПОК ДВОРЦА ПРАВИТЕЛЕЙ
ФЕОДОРО (МАНГУП)**

I. Детали вооружения

1. Фрагмент спускового механизма арбалета, уплощенно-цилиндрической формы, с металлическим стержнем и отверстием в центре. Имеется поперечная выемка для тетивы и продольная – для болта. Материал: рог. Диаметр 27 мм. Диаметр отверстия 5 мм. Место находки: Мангуп-2009. Центральный участок. Помещение Ф. Слой отвала и дерн (современный по происхождению).

2. Фрагмент спускового механизма арбалета, уплощенно-цилиндрической формы, с металлическим стержнем и отверстием в центре. Имеется поперечная выемка для тетивы и продольная – для болта. Материал: рог. Диаметр 35 мм. Диаметр отверстия 5 мм. Место находки: Мангуп-2014. Западный участок. Квадрат 26-27. Помещение J-1. 3-й слой (третья четверть XV в.).

3. Фрагмент кольца для натягивания тетивы лука. Поверхность отполирована. Материал: рог. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 13. Дерн (современный по происхождению).

II. Орудия труда

4. Цельная рукоять с пропиленными зубцами на тыльной части. Имеет подпрямоугольную форму, шестиугольная в сечении. Тыльная часть украшена циркульным орнаментом. Имеется отверстие для подвешивания и отверстие для крепления черешка. Материал: кость. Длина 70 мм, толщина 12 мм, диаметр отверстия для подвешивания 2 мм, диаметр отверстия для черешка 4 мм. Место находки: Мангуп-2007. Южный участок. Квадрат 9. Дерн (современный по происхождению).

5. Цельная рукоять с пропиленными зубцами на тыльной части. Имеет подпрямоугольную форму, оваловидная в сечении. Имеется отверстие для подвешивания. Изделие не завершено. Материал: кость. Диаметр отверстия для подвешивания 5 мм. Место находки: Мангуп-2008. Подъемный материал.

6. Затыльник рукояти ножа ромбовидной формы, подпрямоугольный в сечении. Внешняя поверхность отполирована, внутренняя покрыта частыми косыми насечками. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Длина 19 мм, диаметр отверстия 5 мм. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 11. Яма 35. 2-й слой заполнения (1462–1475 гг.).

7. Фрагмент составной рукояти в виде пластины-обкладки со скругленной тыльной частью. Пластина сегментовидная в сечении. Внешняя поверхность зашлифована. В тыльной части имеется отверстие для крепления к металлической части. Материал: рог. Толщина пластины 4 мм, диаметр отверстия 5 мм. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 10. Каменный раскат в дерне (конец XV – XVIII вв.).

8. Составная рукоять ножа в виде двух пластин обкладок подтреугольной формы со скругленной тыльной частью. Пластины сегментовидные в сечении, скреплены с металлической частью двумя железными штифтами. Внешняя поверхность зашлифована, украшена орнаментом из врезных линий. Материал: рог. Длина 38 мм, толщина пластин 3 мм. Место находки: Мангуп-2006. Центральный участок. Помещение В. Слой отвалов (современный по происхождению).

9. Фрагмент составной рукояти в виде пластины-обкладки подпрямоугольной формы. Пластина сегментовидная в сечении. Внешняя поверхность зашлифована. В тыльной части имеются следы отверстия для крепления к металлической части. Материал: рог. Толщина пластины 5 мм. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Помещение Л. Зачистка пола (третья четверть XV в.).

10. Затыльник рукояти ножа ромбовидной формы, подпрямоугольный в сечении. Внешняя поверхность отполирована, украшена врезными линиями, внутренняя покрыта частыми косыми насечками. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Длина 16 мм. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 11. Яма 35. 3-й слой заполнения (1462-1475 гг.).

11. Фрагмент составной рукояти в виде пластины-обкладки подпрямоугольной формы. Пластина сегментовидная в сечении. Внешняя поверхность зашлифована. Имеются три отверстия для крепления к металлической части. Материал: рог. Длина 82 мм, толщина пластины 4 мм, диаметр отверстий 3 мм. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 11. Яма 35. 3-й слой заполнения (1462-1475 гг.).

12. Фрагмент составной рукояти в виде пластины-обкладки подпрямоугольной формы. Пластина сегментовидная в сечении. Внешняя поверхность зашлифована. Имеются следы трех отверстий для крепления к металлической части. Материал: рог. Толщина пластины 4 мм, диаметр отверстий 2 мм. Место находки: Мангуп-2009. Центральный участок. Квадрат 10-14. 5-й слой (1462-1475 гг.).

13. Фрагмент составной рукояти в виде пластины-обкладки подпрямоугольной формы. Пластина сегментовидная в сечении. Внешняя поверхность зашлифована. Имеются два отверстия для крепления к металлической части. Материал: рог. Толщина пластины 5 мм, диаметр отверстий 2 мм. Место находки: Мангуп-2010. Южный участок. Квадрат 19. 4-й слой (конец XV – XVIII вв.).

14. Проколка из локтевой (?) кости животного с грубо заточенным краем. Поверхность заглажена от использования. Материал: кость. Длина 88 мм. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 11. Яма 35. Заполнение. 3-й слой (1462-1475 гг.).

III. Детали костюма

15. Пуговица дисковидной формы. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр пуговицы 44 мм, диаметр отверстия 5 мм. Место находки: Мангуп-1912.

16. Пуговица дисковидной формы. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр пуговицы 37 мм, диаметр отверстия 7 мм. Место находки: Мангуп-1912.

17. Пуговица дисковидной формы. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр пуговицы 43 мм, диаметр отверстия 5 мм. Место находки: Мангуп-1974.

18. Пуговица дисковидной формы. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр пуговицы 40 мм, диаметр отверстия 4.5 мм. Место находки: Мангуп-2006. Центральный участок. Помещение В. Слой отвалов в центральной части (современный по происхождению).

19. Пуговица дисковидной формы. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр пуговицы 40 мм, диаметр отверстия 4 мм. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 13. Дёрн (современный по происхождению).

20. Пуговица дисковидной формы. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр пуговицы 39 мм, диаметр отверстия 4 мм. Место находки: Мангуп-2009. Центральный участок. Квадрат 10-14. 5-й слой (1462-1475 гг.).

21. Пуговица дисковидной формы. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр пуговицы 37 мм, диаметр отверстия 5 мм. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 12. Дёрн (современный по происхождению).

22. Пуговица дисковидной формы. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Диаметр пуговицы 23 мм, диаметр отверстия 3 мм. Место находки: Мангуп-2010. Западный участок. Квадрат 20. 2-й слой (конец XV – XVIII вв.).

IV. Предметы для игр

23. Фрагмент шахматной фигуры (пешки?) усечено-конической формы, с расширяющимся округлым основанием. Поверхность отполирована. Изделие изготовлено на токарном станке. Материал: рог (?). Высота 23 мм, диаметр основания 13 мм. Место находки: Мангуп-2006. Южный участок. Квадрат 6. Дёрн (современный по происхождению).

24. Астрагал КРС, подтесанный с четырех сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2006. Южный участок. Квадрат 3. Дёрн (современный по происхождению).

25. Астрагал КРС, подтесанный с четырех сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2006. Центральный участок. Помещение В. Слой отвалов в центральной части (современный по

происхождению).

26. Астрагал КРС, подтесанный с четырех сторон. На одну из сторон нанесены 4 небольших углубления округлой формы, возможно, отмечающие числовое значение. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2006. Центральный участок. Помещение В. Слой отвалов в центральной части (современный по происхождению).

27. Астрагал МРС, подтесанный с двух сторон. На изделие нанесены углубления округлой формы, возможно, отмечающие числовые значения сторон, от 1 до 3. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2006. Центральный участок. Помещение В. Слой отвалов в центральной части (современный по происхождению).

28. Астрагал КРС, подтесанный с четырех сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2006. Южный участок. Квадрат 6. Дерн (современный по происхождению).

29. Астрагал КРС, подтесанный с четырех сторон. На одну из сторон нанесены 2 небольших углубления округлой формы, возможно, отмечающие числовое значение. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2007. Центральный участок. Северная контрольная бровка. Слой отвалов (современный по происхождению).

30. Астрагал МРС, подтесанный с двух сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2007. Южный участок. Квадрат 7. Каменный завал в дерне (конец XV – XVIII вв.).

31. Астрагал МРС, подтесанный с двух сторон, залитый свинцом. На изделие нанесены углубления округлой формы, возможно, отмечающие числовые значения сторон, от 1 до 2. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2007. Южный участок. Бровка 1-2. 2-й слой (конец XV – XVIII вв.).

32. Астрагал МРС, подтесанный с двух сторон, со сквозным просверленным отверстием. Материал: кость. Диаметр отверстия 4 мм. Место находки: Мангуп-2007. Центральный участок. «Галерея». Строительная траншея вдоль кладки № 9 (около 1425 г.).

33. Астрагал КРС, подтесанный с двух сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2007. Южный участок. Квадрат 4-6. 2-й слой (конец XV – XVIII вв.).

34. Астрагал МРС, подтесанный с двух сторон, залитый свинцом. На изделие нанесены три углубления округлой формы, возможно, отмечающие числовое значение стороны. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2007. Центральный участок. Помещение В. Галерея. 6-й слой (вторая – третья четверти XV в.).

35. Астрагал КРС, подтесанный с четырех сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 12. Каменный раскат в дерне (конец XV – XVIII вв.).

36. Астрагал МРС, подтесанный с двух сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 12. Субструкция под кладкой 39 (вторая – третья четверти XV в.).

37. Астрагал КРС, подтесанный с двух сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 4-8. Помещение L. 3-й слой («пол») (вторая – третья четверти XV в.).

38. Астрагал МРС, подтесанный с двух сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 6-12. Кольцевая кладка 63. Заполнение (вторая – третья четверти XV в.).

39. Астрагал КРС, подтесанный с четырех сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 10. Прирезка. 2-й слой (вторая – третья четверти XV в.).

40. Астрагал КРС, подтесанный с четырех сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 11. Яма 35. Заполнение. 3-й слой (1462-1475 гг.).

41. Астрагал МРС, подтесанный с четырех сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2010. Западный участок. Квадрат 19. Каменный раскат в дерне (конец XV – XVIII вв.).

42. Астрагал МРС, подтесанный с четырех сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2010. Западный участок. Квадрат 19. Каменный раскат в дерне (конец XV – XVIII вв.).

43. Астрагал МРС, подтесанный с четырех сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2010. Западный участок. Квадрат 19. Каменный раскат в дерне (конец XV – XVIII вв.).

44. Астрагал КРС, подтесанный с четырех сторон. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2010. Западный участок. Квадрат 15. 2-й слой (конец XV – XVIII вв.).

45. Астрагал МРС, подтесанный с двух сторон. На изделие нанесены углубления округлой формы,

возможно, отмечающие числовое значение сторон, 1 и 3. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2010. Западный участок. Квадрат 15. 2-й слой (конец XV – XVIII вв.).

V. Накладки

46. Фрагмент накладки, имеющей форму трилистника. Поверхность зашлифована. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Толщина 2 мм, диаметр отверстия 2 мм. Место находки: Мангуп-2006. Южный участок. Квадрат 6. Дерн (современный по происхождению).

47. Фрагмент накладки подпрямоугольной формы со скругленным краем. Поверхность зашлифована, украшена врезными концентрическими окружностями. Имеется отверстие для крепления. Материал: кость. Толщина 5 мм, диаметр отверстия 4 мм. Место находки: Мангуп-2006. Южный участок. Квадрат 2, 3-й слой снаружи помещения К (вторая – третья четверти XV в.).

48. Фрагмент накладки подпрямоугольной формы. Поверхность зашлифована, украшена врезными линиями. Материал: кость. Толщина 1 мм. Место находки: Мангуп-2007. Южный участок. Квадрат 9. Дерн (современный по происхождению горизонт).

49. Фрагмент накладки подпрямоугольной формы с выступом округлой формы. Поверхность зашлифована, украшена геометрическим орнаментом из врезных линий и точек. Имеются остатки железного штифта для крепления накладки к основе. Материал: кость. Толщина 3 мм. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 11. 2-й слой (конец XV – XVIII вв.).

VI. Изделия неясного назначения

50. Пластина со скругленными концами и резным краем. На концах имеются отверстия округлой формы. Лицевая сторона зашлифована, украшена циркульным орнаментом. Обратная сторона грубо обработана. Материал: рог. Длина 144 мм, толщина 4 мм, диаметр отверстий 8 мм. Место находки: Мангуп-1974.

51. Пластина подпрямоугольной формы со скругленной длинной стороной. Поверхность зашлифована. Одна сторона украшена циркульным орнаментом. На ребре пластины имеется ряд из 13 углублений, возможно, для крепления металлических стержней. Материал: кость. Длина 113 мм, толщина 5 мм, диаметр углублений 1 мм. Место находки: Мангуп-1974.

52. Фрагмент стержня, округлого в сечении, с окончанием усечено-пирамидальной формы. Поверхность зашлифована. В основании окончания просверлено сквозное отверстие. Материал: кость. Диаметр стержня 5 мм, диаметр отверстия 2 мм. Место находки: Мангуп-1974.

53. Фрагмент полого предмета каплевидной формы с расширяющимся бортиком. Поверхность зашлифована. Изделие изготовлено на токарном станке. Материал: рог. Место находки: Мангуп-2006. Центральный участок. Помещение В. Слой отвалов в центральной части (современный по происхождению).

54. Емкость из рога оленя, усечено-конической формы, полая внутри. В стенках просверлены сквозные отверстия. Материал: рог. Диаметр отверстий 1 мм. Место находки: Мангуп-2007. Центральный участок. Помещение В. Галерея. 7-й слой (VI–XI вв.).

55. Фрагмент стенки предмета цилиндрической формы, полого внутри. Поверхность зашлифована, украшена орнаментом из врезных линий. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2007. Центральный участок. Помещение В. Галерея. 7-й слой (VI–XI вв.).

56. Стержень, подпрямоугольный в сечении, с лопаткой на конце. В стержне просверлено поперечное сквозное отверстие. Поверхность зашлифована, украшена циркульным орнаментом. Материал: кость. Длина 63 мм, диаметр отверстия 2 мм. Место находки: Мангуп-2007. Центральный участок. Помещение В. Галерея. 6-й слой (вторая – третья четверти XV в.).

57. Фрагмент стержня, округлого в сечении, с окончанием усечено-пирамидальной формы. Поверхность зашлифована. В основании окончания просверлено сквозное отверстие. Материал: кость. Диаметр отверстия 2 мм. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 12. 2-й слой (вторая – третья четверти XV в.).

58. Фрагмент предмета подпрямоугольной формы. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 13. Яма 36. Заполнение. 2-й слой (третья четверть XV в.).

59. Фрагмент стержня со шляпкой подпрямоугольной формы, прикрепленной с помощью

металлического штифта. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 13. Яма 36. Заполнение. 2-й слой (вторая – третья четверти XV в.).

60. Два фрагмента сложно-профилированного, полого внутри стержня. Поверхность зашлифована. Изделие изготовлено на токарном станке. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 13. Яма 36. Заполнение. 2-й слой (вторая – третья четверти XV в.).

VII. Заготовки и отходы производства

61. Фрагмент диафиза трубчатой кости, опиленный с обоих концов. Материал: кость. Длина 5 мм. Место находки: Мангуп-2006. Южный участок. Квадрат 1. Дерн (современный по происхождению).

62. Ветвь рога оленя со спиленными концами. Внутренняя губчатая структура выбрана. Материал: рог. Длина 22 мм. Место находки: Мангуп-2006. Южный участок. Квадрат 3. Дерн (современный по происхождению горизонт).

63. Фрагмент пластины подпрямоугольной формы, дугообразной в сечении. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2007. Центральный участок. Помещение В. Колоннада. 6-й слой (вторая – третья четверти XV в.).

64. Фрагмент диафиза трубчатой кости, опиленный с обоих концов. Материал: кость. Длина 8 мм. Место находки: Мангуп-2007. Центральный участок. Помещение В. Галерея. 6-й слой (вторая – третья четверти XV в.).

65. Фрагмент ветви рога оленя со следами строгания. Материал: рог. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 11. 2-й слой (конец XV – XVIII вв.).

66. Фрагмент ветви рога оленя со следами строгания. Материал: рог. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 10. 3-й слой (вторая – третья четверти XV в.).

67. Фрагмент ветви рога оленя со следами рубки. Материал: рог. Место находки: Мангуп-2008. Южный участок. Квадрат 4-8. Помещение Л. 4-й слой (первая половина XV в.).

68. Спиленный эпифиз трубчатой кости КРС. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Бровка между квадратами 7 и 10. Дерн (современный по происхождению горизонт).

69. Спиленный эпифиз трубчатой кости КРС. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Бровка между квадратами 7 и 10. Дерн (современный по происхождению горизонт).

70. Фрагмент основания рога оленя со следами пиления и рубки. Материал: рог. Место находки: Мангуп-2009. Южный участок. Квадрат 11. Слой отвала (современный по происхождению).

71. Фрагмент ветви рога оленя со следами рубки. Материал: рог. Место находки: Мангуп-2009. Центральный участок. Бровка между квадратом 14 и помещением Ф. 2-й слой (третья четверть XV в.).

72. Фрагмент диафиза трубчатой кости в форме кольца с выступом. Поверхность носит следы строгания. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2009. Центральный участок. Помещение Ф. Слой отвала (современный по происхождению).

73. Фрагмент диафиза трубчатой кости в форме кольца с выступом. Поверхность носит следы строгания. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2010. Западный участок. Квадрат 19. Каменный раскат в дерне (конец XV – XVIII вв.).

74. Фрагмент диафиза трубчатой кости. Внутренняя губчатая структура выбрана. Имеется просверленное сквозное отверстие. Материал: кость. Диаметр отверстия 5 мм. Место находки: Мангуп-2010. Западный участок. Квадрат 19. Каменный раскат в дерне (конец XV – XVIII вв.).

75. Спиленный эпифиз трубчатой кости КРС. Материал: кость. Место находки: Мангуп-2010. Западный участок. Квадрат 15. 2-й слой (конец XV – XVIII вв.).

А. А. Душенко

Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп)

Резюме

В статье рассмотрен комплекс артефактов из скелетного сырья, найденных в ходе археологических исследований дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп). Предметы разделены на семь групп в соответствии с их функциональным назначением: детали вооружения, орудия труда, детали костюма,

предметы для игр, накладки, изделия неясного назначения, заготовки и отходы производства. Большинство типов предметов имеют широкие временные рамки бытования и не могут служить самостоятельными хронологическими индикаторами. Отдельные группы артефактов (арбалетные «орехи», кольца для стрельбы из лука, пуговицы) датированы достаточно узко, в пределах второй половины XIV – третьей четверти XV вв.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Феодоро, Мангуп, дворец, артефакты из кости и рога.

A. A. Dushenko

Bone and Antler Artefacts Excavated in the Palace of the Princes of Theodoro (Mangup)

Summary

The article describes the complex of artefacts made of skeletal materials which were found by archaeological investigations of the palace of princes of Theodoro (Mangup). The finds are divided into seven groups according to their functions: details of weapons, tools, costume details, playing devices, inlays, items of uncertain function, blanks and production wastes. Although most types existed in wide periods and therefore cannot be self-dependent chronological indicators, there are few groups (crossbow nuts, rings for bows, or buttons) with quite narrow dates from the second half of the fourteenth to the third quarter of the fifteenth century.

Keywords: south-western Crimea, Theodoro, Mangup, palace, bone and antler artefacts.

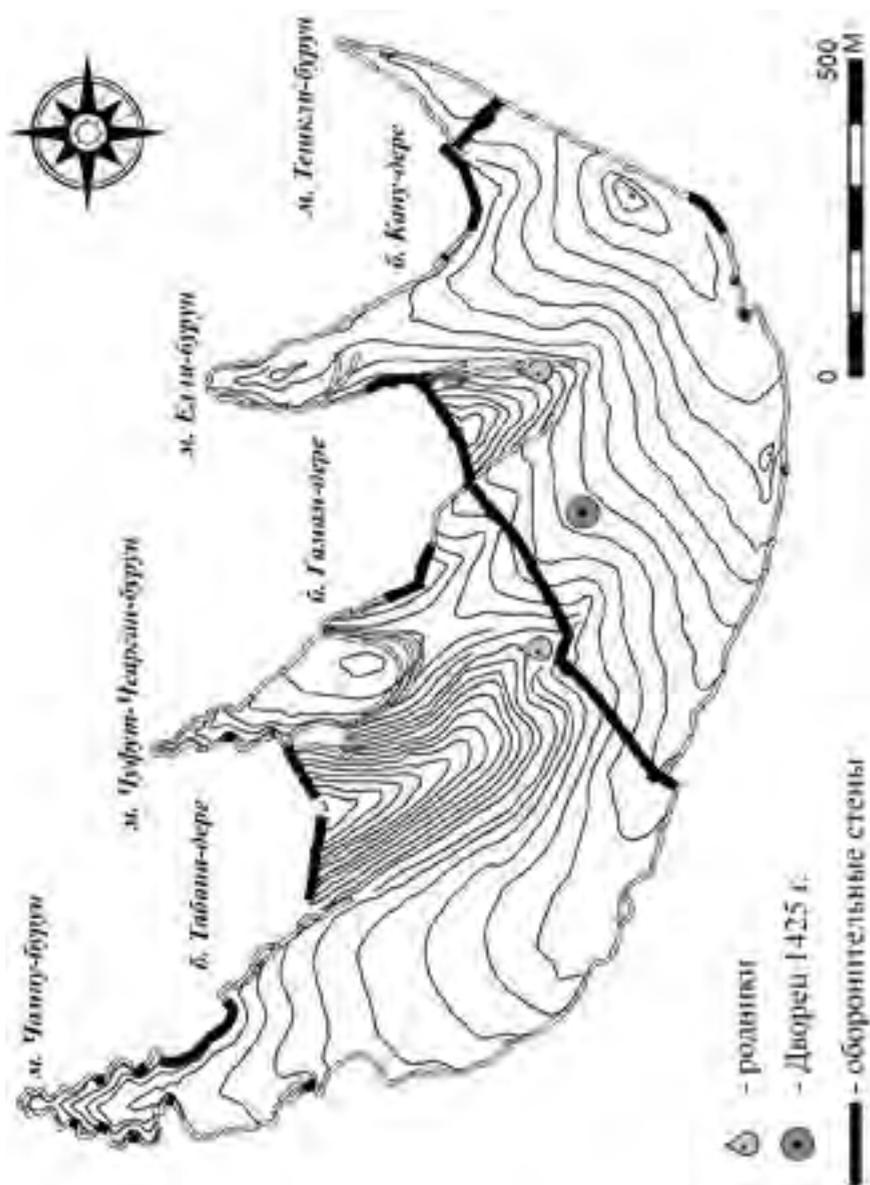

Рис. 1. Общий план плато г. Мангуп с указанием местоположения дворца правителей Феодоро.

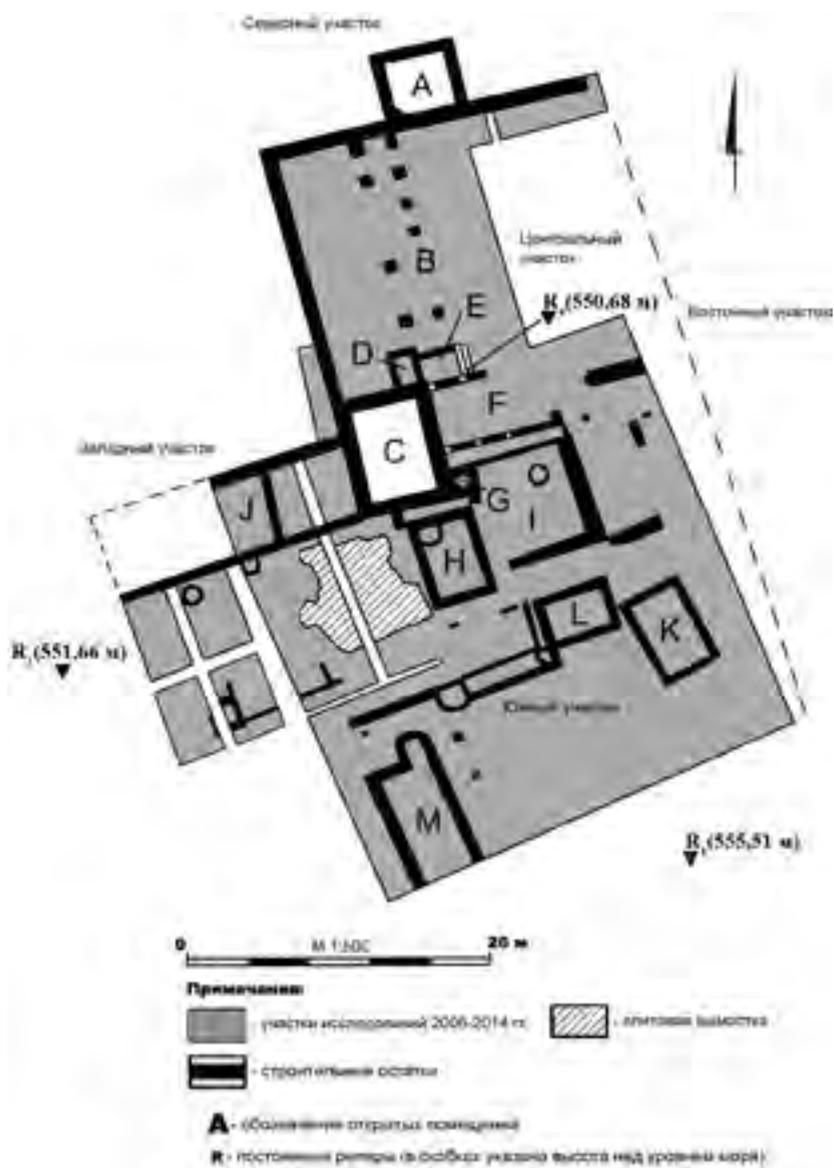

Рис. 2. Дворец. План-схема участка исследований.

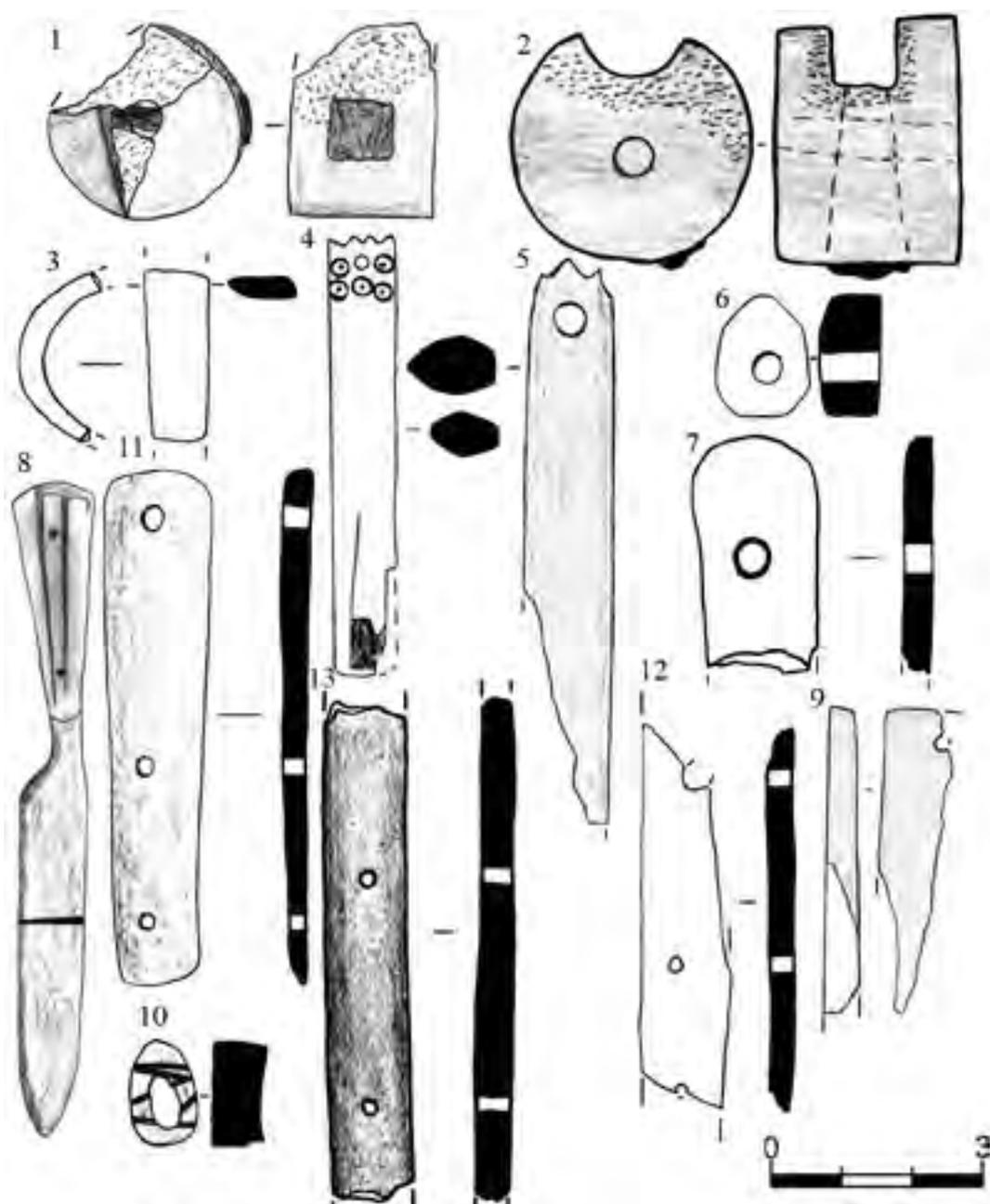

Рис. 3. Детали вооружения (1-3) и орудия труда (4-13).

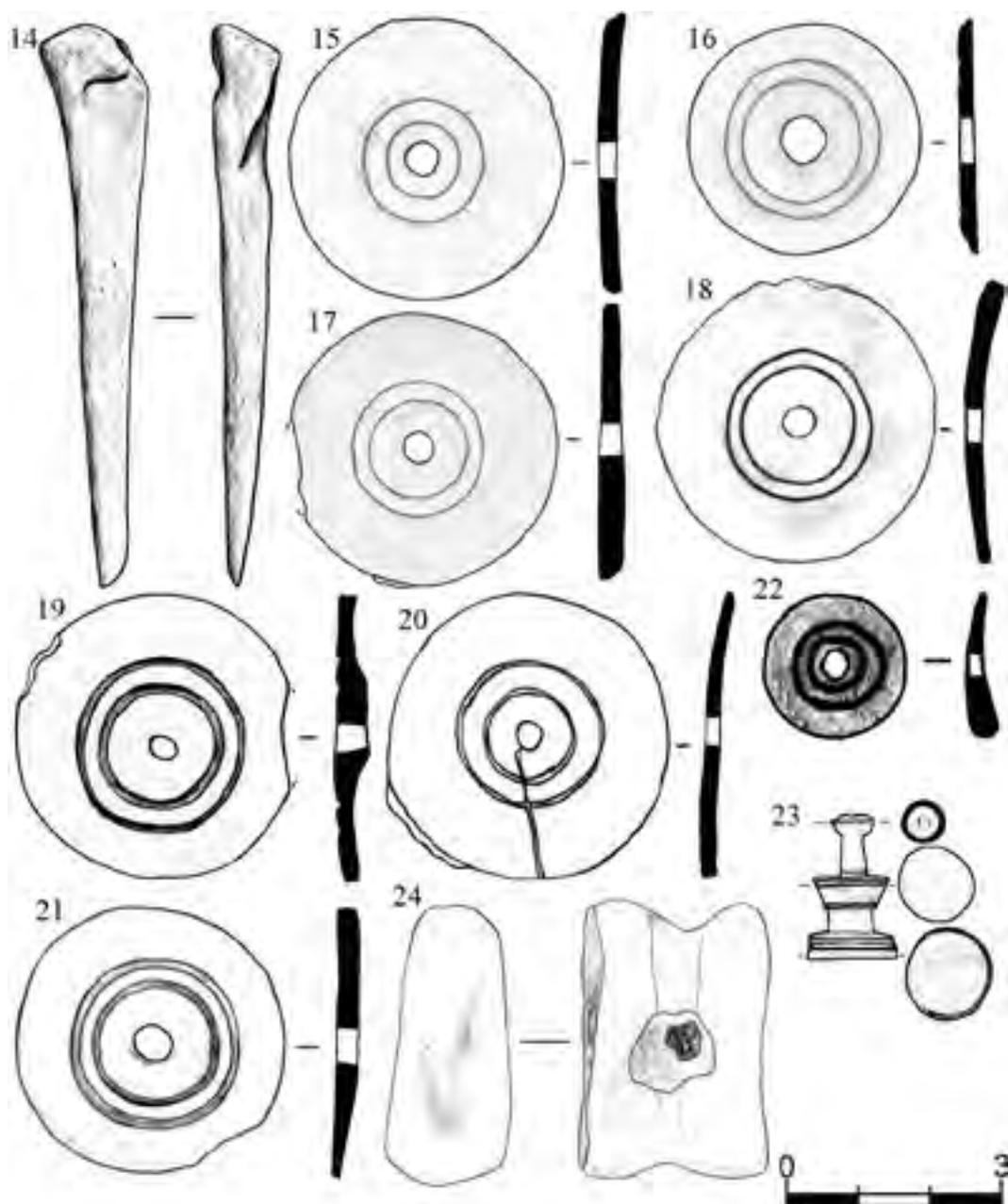

Рис. 4. Орудия труда (14), детали костюма (15-22) и предметы для игр (23-24).

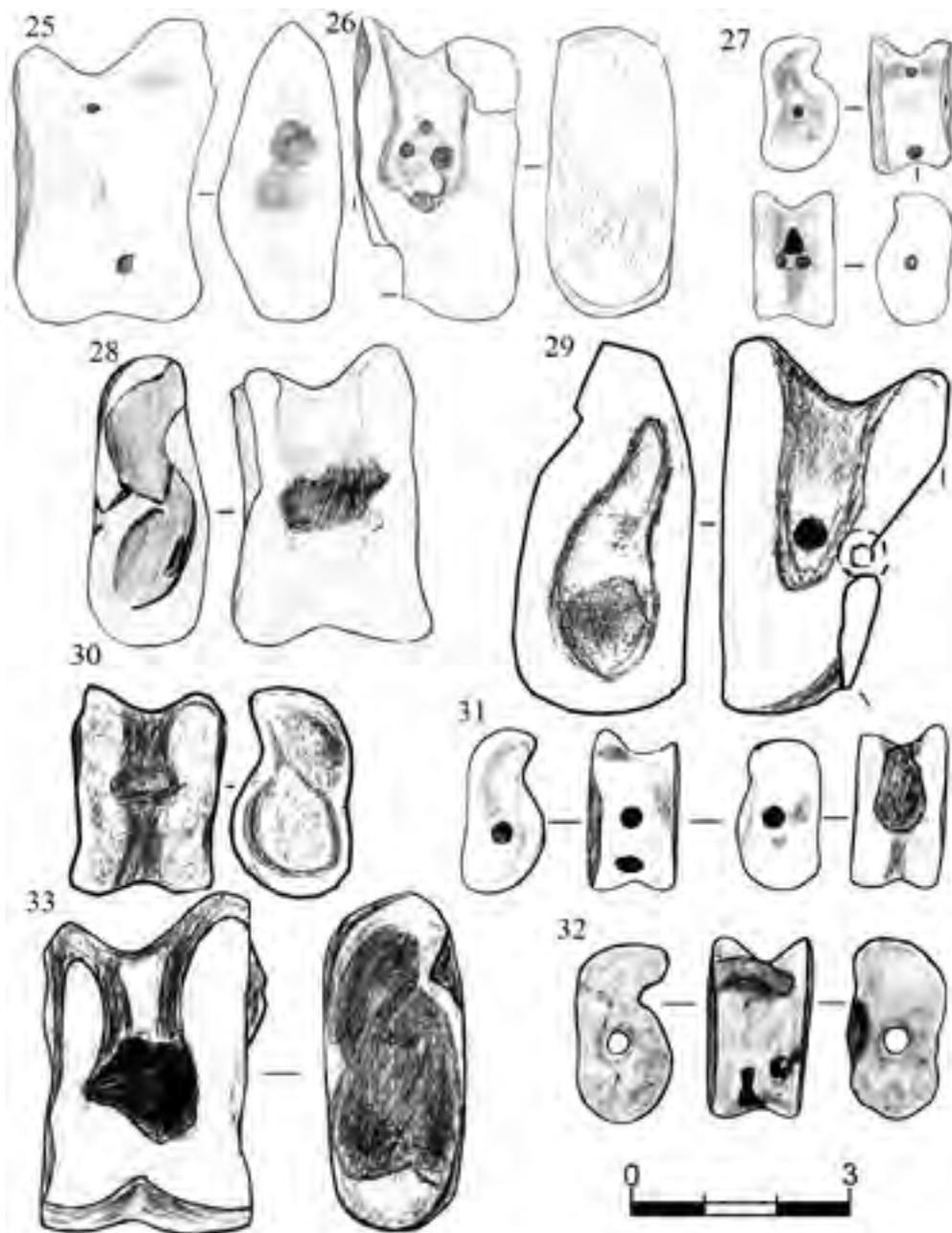

Рис. 5. Предметы для игр.

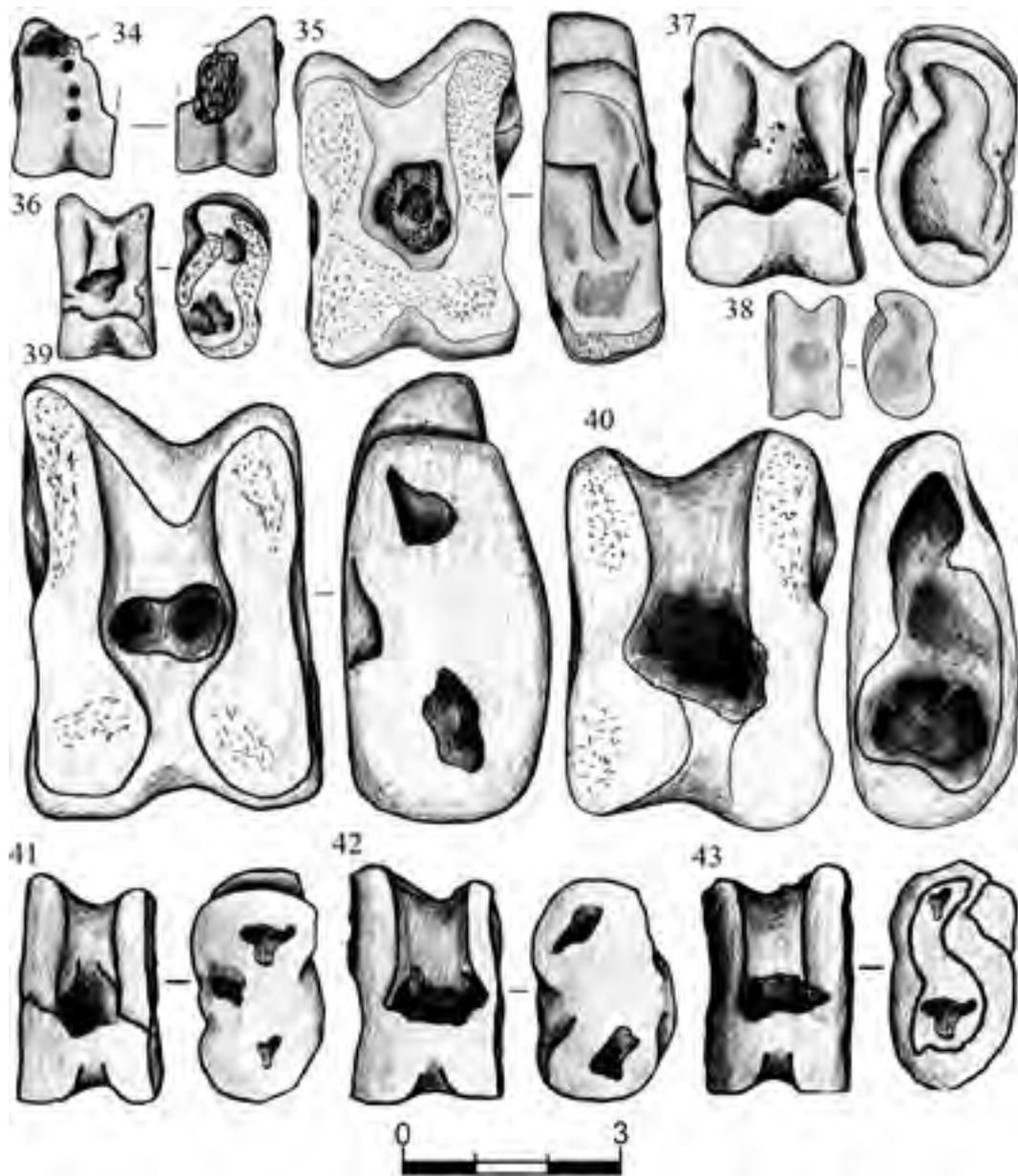

Рис. 6. Предметы для игр.

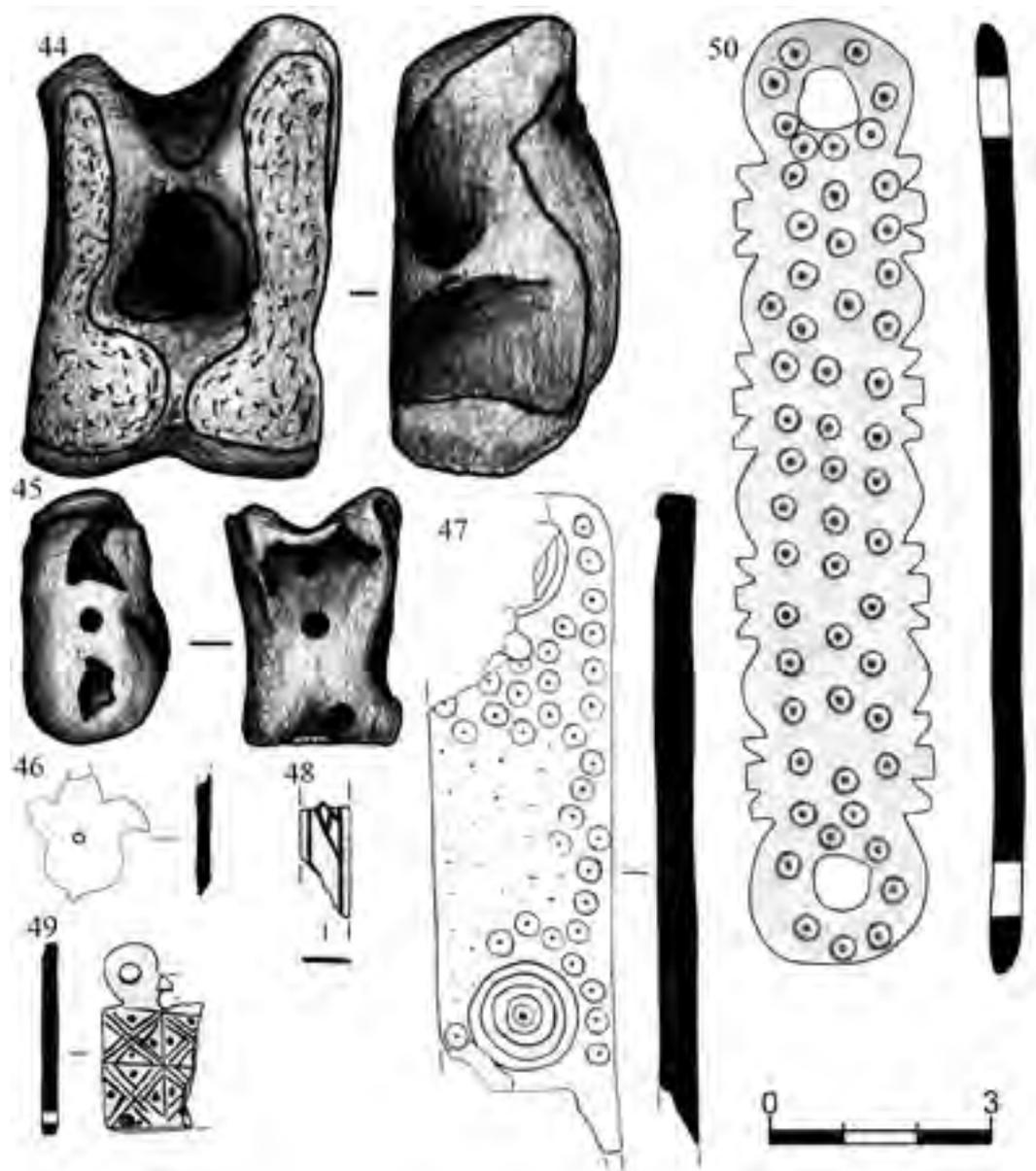

Рис. 7. Предметы для игр (44-45), накладки (46-49) и изделия неясного назначения (50).

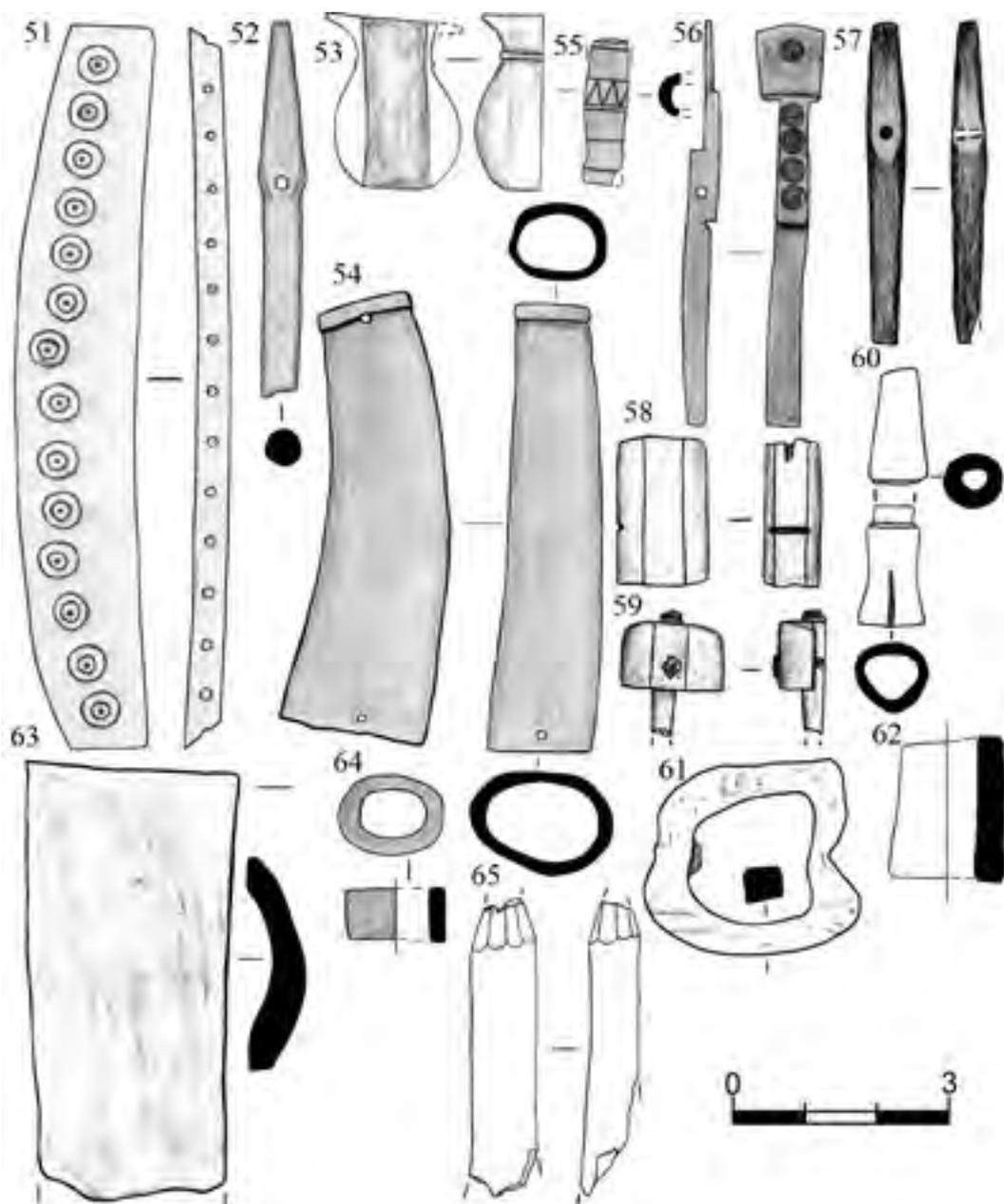

Рис. 8. Изделия неясного назначения (51-60) и заготовки (61-65).

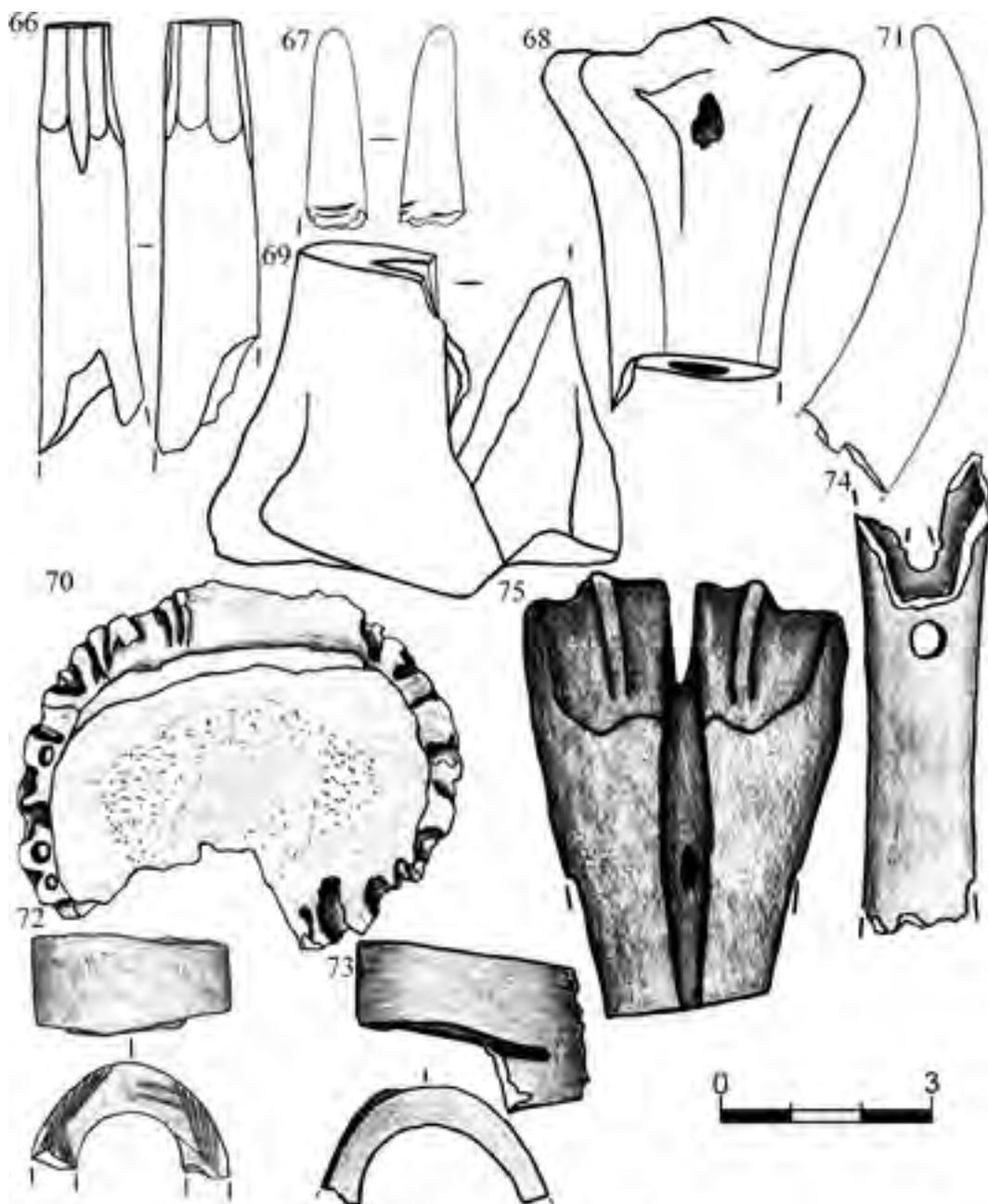

Рис. 9. Заготовки и отходы производства.

Н У М И З М А Т И К А

В.А. СИДОРЕНКО

МОНЕТНАЯ ЧЕКАНКА КЫРК ЙЕРА И КАФФЫ В ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА (1442-1475 гг.)

Монетные дворы Кырк Йера и Каффы отличались между собой в отношении своих ролей в монетной регалии Крымского ханства, в той или иной мере нашедших выражение в монетном типе.

Монетное производство генуэзской колонии Каффы имело давние традиции, прошедшие начиная с XIV в. через этапы истории. Последний период работы монетного двора Каффы, приходившийся на середину – третью четверть XV в., являлся возрождением, связанным с изменениями в отношениях колонии и ханства, расстроенных войной Каффы с соседями в 1434-1440 гг. и нормализованных ко времени перехода ее во владения Банка Святого Георгия в ноябре 1453 г. Новые хозяева Каффы еще до приобретения генуэзских колоний на побережье Черного моря получили в свои руки монетное производство в Генуе, распространяя монополию за ее пределы, и переход Каффы во владение Банком не отразился на ее монетном деле, а особенность включать в латинскую легенду двуязычных монет инициалы консулов, появилась раньше, чем новый установленный порядок избрания консулов Каффы Советом Банка. Чеканка монет Каффы как и прежде осуществлялась на договорных условиях с ханами с соблюдением ханской монополии (*сикки*), что выражалось в помещении на монетах имен ханов.

Монетный двор Кырк Йер возник в Юго-Восточном Крыму на ранней стадии оформления бывшего улуса Золотой Орды в относительно самостоятельное династическое государство, явившись в известной степени преемником монетного двора города Крыма (Солхата), расположенного в восточной части полуострова, являвшегося административным центром золотоордынских владений в Крыму и местом пребывания ханского наместника. Перемещение «столицы», а с ней и монетного двора, как и передел административно-территориальной структуры крымского *иля*, отражали изменения в государственной политике, которые и могут рассматриваться как начало образования Крымского ханства.

К вопросу этимологии названия крепости Кырк Йер неоднократно обращались исследователи. А. Я. Гаркави в статье «О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове» предпринимал критику выдвигавшихся

ранее предположений, отрицая присутствие тюркского элемента в названии крепости. По его мнению, оно могло иметь индо-европейскую корневую основу, воплощенную в латинское *carcer* и немецкое *Kerker* (тюрьма) [11, с. 56]. К вариантам тюркской этимологии вновь обращался В. Д. Смирнов, замечавший, что все они сходились на однозначной трактовке первой половины названия как количественного числительного «сорок» [63, с. 109]. Объяснения второй половины топонима рознились в соответствии с разночтениями и различными их написаниями в письменных источниках. В. В. Бартольд отмечал несоответствие приводимого сирийским географом Абу-л-Фида' названия Киркер сообщаемому им переводу «сорок мужей», обращая внимание на то, что на монетах встречается только форма Кырк-ер [2, с. 368].

Поскольку на наиболее ранних монетах с обозначением места чеканки Кырк (Кырк) Йер – 857 г.х. (12.01.-31.12.1453 г.) – встречается написание $j\dot{r}qj^3$, его следует признавать наиболее соответствующим современному монетной чеканке названию, во второй половине которого можно видеть тюркское *йер* $j\dot{r}$ – «место». В тарханном ярлыке Хаджи Герая, выданном 22 (26) сефера 857 г.х. (26.02.-2.03.1453 г.) Хакиму Яхье Махмудоглу из Анкары, округ, представлявший собой тумен во главе с беклербеком Шахмерданом, и крепость – с беком Танры Берди, названы Кырк Йером: $j\dot{r}qj^3$ или $j\dot{r}qj^3$ [29, с. 119]. Начиная с 886 г.х. (2.03.1481-19.02.1482 гг.) название монетного двора предстает в монетных легендах в слитном написании $j\dot{r}^3j^3$ [85, S. 45-46, No.35-44, Taf. V, 35-37, 39, 42-43].

По заключению В. Д. Смирнова – «Какую бы мы ни приняли этимологию имени, явно, что оно получило свое бытие от татар, у которых так же, как и других тюрков, была манера образовывать собственные имена из числительных, взятых в одиночку или, чаще, с придачею каких-нибудь нарицательных» [63, с. 110]. Что касается категоричности заключения о переводе числительным первой половины названий $j\dot{r}qj^3$, $j\dot{r}^3j^3$, j^3j^3 , то, как кажется, приоритет тюркских числительных в топонимике не столь неоспорим. Например, перевод числительным «три» составной части *уч* ряда топонимов едва ли можно считать безусловным после того, как В. В. Бартольд, затем В. А. Гордлевский обнаружили употребление тюркского прилагательного *уч* в значении «пограничный». Названия одиночных топонимов с *уч* могло изначально происходить от своего пограничного положения: Уч-Су, Уч-Баш, Уч-Кая, Уч-Кой и др. В понимании названия Кырк Йер, возможно, также следует отказаться от числительного «сорок» как его составной части.

Среди вариантов трактовки названия Кырк Йера, или близких ему по звучанию, немало различных по языковым подходам и разноречивых, предлагавшихся как единственно возможные, неопровержимых по причине недоказуемости [25, с. 312; 8, с. 14-20; 13]. Преумножая «блеск и нищету» топонимике, трудно удержаться от новой версии, согласно которой первая половина дифтонга $j\dot{r}qj^3$, передаваемого в монетной чеканке, произошла от персидского Q^3j^3 – «ястреб». Об употреблении персидских терминов в топонимике свидетельствует наблюдение, что после того, как татары покинули Кырк Йер, крепость получила новое название, вторая половина которого восходит к персидскому $\dot{E}^3\dot{B}^3$ *кал'э* «крепость, замок». Нельзя исключать употребление числительного «сорок» в топонимике, но некоторые из топонимов с первым словом qj^3 в понимании его значения «ястреб» составляют более логичные словосочетания, чем соединения числительного с существительным. Это – приводимое для сравнения В. Д. Смирновым турецкое «сорок деревьев», для которого переводом могло быть «ястребиное дерево».

Таким образом, название Кырк Йер на заре истории Крымского ханства могло обозначать «Ястребиное место». Местоположение гнезда ястреба отличается постоянством. Условиями

его гнездования являются наличие балок с высокими деревьями лиственных пород и присутствие источников воды в достигаемых пределах. Труднодоступное скальное плато, на котором была построена крепость, окружено балками, которые и прежде при имеющемся обилии подпочвенных вод порастали лесом, что создавало возможность для гнездования ястребов. О лесистости местности в период освоения ее племенем Яшлав сообщает родословная, данная российскому правительству для предоставления беям Яшлавским дворянства. Согласно исторической записке, название племени было иным, но впоследствии в процессе проживания на новой территории племя получило новое, «происходящее от лесистости места». Возглавляемое Абак беком (ТМІ ЧІВІ) из рода Кудалак племя переселилось в Крым ок. 1260 г. из Поволжья. «В Крыму он (Абак бек) завоевал еврейский город Кырк, неприступный по своему положению, со всеми его землями, и поселился в Яшдаге, то есть на полянах в молодом лесу, между городом Кырком и рекою Альмой, отчего и прозвался Яшлав. Потомки и народ распространились в разных местах, им приобретенных» [30, с. 59; 31, с. 105; 33, с. 73]. Несомненно, что историческая составляющая родословных, писавшихся в конце XVIII в. по материалам различного достоинства источников, не может считаться абсолютно достоверной. Мухаммед Риза рисует иную картину завоевания Кырк Йера татарами во главе с Шейбек-ханом, в котором участвует один из эмиров племени Яшлав. О населении крепости он сообщает, что «в прежние времена непохвальный народ из племен Могульских, называемый Ас, вследствие полной своей уверенности в неприступности замка, проявлял непокорность и сопротивление крымским ханам» [61, с. 83; 63, с. 117]. Отождествление Шейбек-хана с огланом войска Берке Шибаном подкрепляется тем, что в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» начала XVI в. Керк-Йер упоминается в числе туменов, полученных Шибаном от Берке после завоеваний Крыма и Каффы. Упоминание Каффы для предшествующего ее появлению времени обнаруживает подмену топонимов, но не исключает возможности завоевания принадлежавшего асам Керк-Йера, поскольку такой город во времена Берке, очевидно, существовал. Литовской летописью упоминается некий керкельский князь, который вместе с князьями манлопским и крымским потерпел поражение от великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича в битве при Синих Водах в 1362 г. [72, с. 312]. Если в манлопском князе видеть князя мангупского, то здесь также терминология не соответствует времени событий, поскольку турецкое название крепости, столицы княжества Феодоро – Мангуп (Ll , Ćj — Мангуб или Манкоп) могло появиться после 1475 г. Более ранняя литовская летопись называет только имена противников Ольгерда в битве при Синих Водах: Хаджи, Димитрий и Кутлубея [72, с. 210]. По мнению некоторых историков, это были татарские князья, управлявшие Подольской землей, после изгнания которых Ольгерд без боя овладел Киевом. Ф.Брун, а за ним и другие исследователи считали, что на защиту Подолья выступили три крымских князя: Хаджи бек – наместник Кырк Йера, христианский князь Димитрий – владетель княжества Феодоро, и ханский наместник города Крыма Кутлу-Буга [47, с. 127], но высказывались и сомнения в правомерности выводов из подобного сопоставления двух сообщений литовских летописей, не подтверждаемых другими источниками.

Сохранился тарханский ярлык Токтамышша, выданный в 1381 г. Беку-Хаджи, даруге Кырк Йера и главе племени шуракуль, в котором подтверждаются прежние привилегии племени, пожалованные еще ханом Пуладом [17, с. 339; 14, с. 115]. Исконность прав беев Яшлавских на владение «городом Кыркы» удостоверяет ярлык хана Бехадир Герая, датированный 1047 г.х. (26.05.1637-14.05.1638 гг.). На основании свидетельств, подтверждающих законность прав Яшлавских беев на Керк Йер, было признано их российское дворянство, утвержденное

указом Сената от 30 октября 1820 г. Из родословной, представленной беями крымского племени *яшлав* российскому правительству, следует, что оно переселилось в Крым ок 1260 г. и возглавлялось представителем рода *кудалак*. Ни *кудалак*, ни *яшлав* мы не встречаем среди упоминаний монгольских древних племен. Вероятно, это кипчакское племя; косвенно на это указывает и то, что в племенной иерархии Крымского *ия* это племя занимало положение ступенью ниже, чем *ширин*, *барин*, *аргын* и *сиджеут*.

И. В. Зайцев отмечает вероятную исконность названия Кырк Йер, каким оно встречается на монетах Хаджи Герая, предполагая в качестве его производного «корык – курук» со значениями: заповедник, святое место. По его мнению, территорией заповедных ханских охот и местом погребений членов ханской семьи крепость становится со времени ее завоевания, оставаясь охотничьим угодьем и после переноса ханской резиденции в Бахчисарай [22, с. 502]. Как представляется, подобная трактовка названия как термина с оттенком священности и родового происхождения (от *урук* – «поколение») если и применима к территории почитания предков, то не к охотничьему заповеднику, тем более – крепости и поселению, названия которых появились до монгольского завоевания. Более существенно, что между «кырк» и «курук» этимологической связи не находится.

Кырк – 𐰽𐰺³ – упоминается в летописи Рукн-ад-дина Бейбарса (ум. 4.09.1325 г.) среди городов, подвергшихся разорению Ногаем в 1299 г. [68, с. 89, 112]. Киркир (j³j³) называет сирийский географ Абу ль-Фида (ок. 1321 г.) как один «из городов асов» (× 𐤀𐤃𐤁𐤍𐤁𐤀).¹ Иоганнес Шильтбергер (между 1394 и 1427 гг.) упоминает город Каркери в земле Сути, именуемой язычниками Тат. Ф.Брун полагал, что земля Сути Шильтбергера – «ничто иное, как ошибочное чтение армянской формы имени Готии» [6, с. 236]. Рашид ад-Дин сообщает о монгольском завоевании Крыма следующее: «Шибан, Бучек и Бури выступили в поход в страну Крым и у племени чинчакан захватили Таткару» [49, с. 39]. Высказывалось предположение (А. Ю. Карпов), что Таткар представляет собой горный хребет вблизи Судака, но, по замечанию Зайцева, «контекст сообщения Рашид ад-Дина свидетельствует скорее о захвате не хребта, а крепости» [22, с. 499]. Он же считает, что «чинчакан» – искаженный этноним «кипчак» в персидском множественном числе [22, с. 498], однако ранее издатели Рашид ад-Дина отмечали возможность подобного чтения 𐰽𐰺³𐰽𐰺³ = 𐰽𐰺³𐰽𐰺³ [49, с. 39, сн. 29]. Созвучие названий Таткара Рашид ад-Дина с землей Тат и отчасти названия города Каркери Шильтбергера отражает возможную общность исходных данных, впрочем, не придавая достоверности последним. Предшествующее цитированному предложение у Рашид ад-Дина уточняет время монгольского завоевания Крыма: «... в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г.х. (24.08.1237-13.08.1238 гг.), осенью, Менгу-каан и Кадан выступили в поход против черкесов и зимою убили тамошнего государя по имени Тукара» [49, с. 39]. Написание имени черкесского правителя в рукописях не единообразно – Тукар – Букар – Бука, и из созвучия Тукар – Таткар трудно делать какие-то выводы. Очевидно, что приходившиеся на сентябрь-декабрь 1237 г. походы монголов имели разные направления. В это же время Берке осуществил успешный поход на кипчаков [49, с. 39], то есть в третьем направлении слаженных действий войск, где вектору завоеваний огланов главного крыла войска Берке (Шибан, Бучек и Бури)

¹ При схожем написании и огласовке арабских «страна» и множественного числа «города, селения», наличие предлога «из» в контексте Абу ль-Фиды позволяет признать корректным второе значение и перевод «страна асов» [Коновалова 2009, с. 101, 121] рассматривать как конъектуру.

выделяется среднее – между черкесами и кипчаками – Крым. Следовало бы ожидать, что поход был направлен на единственный хорошо известный город на краю кипчакских владений – Судак (Сугдею). Среди записей на полях Сугдейского синаксаря нет заметки о нападении монгольского войска в 1237 г., хотя первая запись о появлении здесь татар относится к январю 1223 г. [1, с. 601, № 33]. Возможно, таковая была на отсутствующих листах за месяцы сентябрь, октябрь и первую половину декабря, на которые и приходилось время монгольского похода. Можно предполагать, что у Рашид ад-Дина под названием Таткар выступает Судак, который у Шильтбергера – предстает землей Тат или Сути, то есть в обоих измененных наименованиях. Это, однако, не бросает тени на сообщение о городе Каркери, сведения о котором Шильтбергер мог почерпнуть из иного источника.

Можно заключить, что, в XIII в. Кырк Йер уже существовал как город или селение в числе других, принадлежавших асам (аланам). О бытовании здесь гото-аланского поселения в более раннее время свидетельствует могильник второй половины VI-VII вв. с характерным для гото-алан инвентарем, располагавшийся у подножия плато Кырк Йера. Исследования его путем раскопок проводились в 1947-1948 гг. В. П. Бабенчиковым, в 1952 г. В. В. Кропоткиным и в 1953 г. Е. В. Веймарном, но материалы в основном не опубликованы, в отличие от антропологических [66, с. 63-70]. Можно заметить, что украшением щитков пряжек, распространенных в инвентаре женского костюма Боспора второй половины VI в. и населения Юго-Западной Таврики VII-VIII вв., является голова хищной птицы с клювом сокола или ястреба. Среди готских соколиноголовых пряжек и фибул, послуживших прототипами для этих пряжек, известна фибула, где фигура птицы передает позу пикирования со сложными крыльями, характерного для птиц отряда соколиных. Возможно, традиционное представление о связи с тотемом сокола или ястреба бытовало в среде раннесредневекового населения Готии, пока не было вытеснено христианством, но сохранялось в названиях родов, влившихся в новую среду тюркских вместе с другими, подчинившимися монгольскому завоеванию.

Оригинальную трактовку топонима Кырк-Йер предлагали У. Боданинский и Б. Н. Засыпкин, считавшие, что крепость получила название от располагавшегося в низовьях балки города Кырк, выросшего, возможно, на развалинах христианского поселения и принявшего на себя роль столицы ханства при Хаджи Герае. Принадлежавший городу некрополь сохранял у местного населения названия «Кырк-азизлер» или «Кырклар», происхождение которых исследователи связывали с названием рода Кырк, «который, по-видимому, основал этот город и первоначально обитал в нем» [5, с. 181]. По сведениям У. Боданинского и Б. Н. Засыпкина, племя Кырк существовало среди тюркских, а названные его именем поселения располагались в Феодосийском и Евпаторийском районах [5, с. 181, сн. 7]. Это наблюдение заслуживает внимания в том отношении, что перевод названия рода Кырк (¶j³) числительным «сорок» был бы лишен смысла. Оно, возможно, происходит от того же персидского O³j³ «ястреб», что и название Кырк Йер, но последнее прямо не связано с родовым именем Кырк, как и род с топонимом, чем и объясняется отмечавшаяся У. Боданинским и Б. Н. Засыпкиным отдаленность местоположения названных по имени рода поселений от крепости Кырк Йер.

Выход в свет в 1887 г. докторской диссертации В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века» [63] продвинул вперед изучение вопросов ранней истории Крымского ханства, но некоторым из них оказались приданы неверные направления. По замечанию В. А. Гордлевского, «работа встретила суровую оценку. Так, Н. И. Веселовский справедливо находил, что материал, нагроможденный бессистемно, критически не процеженный, страдает и сумбурностью изложения, и неправильностью

освещения» [12, с. 409]. Широко используя в работе опубликованную к тому времени выборку В. Г. Тизенгаузеном касающихся Крыма материалов арабских источников [68], В. Д. Смирнов порой неоправданно отдавал приоритет турецким авторам, относясь к ним с излишним доверием. В работе содержатся и полезные наблюдения, не оставшиеся вне поля зрения исследователей, а противоречивость не подвергавшихся анализу источников порой рассматривается как ее достоинство [41]. Но наиболее тонкую оценку не только характеру его работ, но и самой исследовательской натуре ученого дал В. А. Гордлевский: «Смирнов после Хаммера был первый турколог, и не только, разумеется, в России, но и на Западе; количество трудов могло бы быть больше, потому что, несомненно, знания у него были обширны, а значение их было бы выше, если бы внешне отделялись они тщательнее, а внутренне свободны были от специфического, публицистико-полюемического духа. Однако во всех областях турковедения найдутся у него труды, обо всем был он осведомлен, и, заводя речь о каком-нибудь темном, запутанном вопросе, он лукаво шурил глаза, как бы говоря: “А вот я знаю, в чем тут дело, да не скажу”, и беседа с ним, беспорядочная, как он сам, была всегда интересна» [12, с. 411].

Представленная В. Д. Смирновым хронология правлений Хаджи Герая, на которую ориентировались в дальнейшем многие последователи, к сожалению, несовершенна. Одним из заблуждений являлась попытка найти следы Хаджи Герая в источниках ранее времени чеканки монет с его именем в городе Крыме с датой 845 г.х. (22.05.1441-11.05.1442 гг.), хотя отнесение начала его ханствования к 1420 г. утвердилось задолго до В. Д. Смирнова [82, р. 236]. Если выдвинутая им мысль о возможности выступления Хаджи Герая в 20-е гг. XIV в. под именем Девлета Берди [63, с. 229, 234] нашла отзыв в немногих работах, а на ошибочность интерпретации привлекавшихся им для своих доводов нумизматических материалов указывал О. Ф. Ретовский [56, с. 7-8], то отнесению его правления к концу 20-х или началу 30-х гг. XV в. была дарована долгая жизнь. Наиболее стойким оказалось неподкрепленное источниками убеждение, что предпринятый после подавления восстания в Чембало карательной экспедицией Карло Ломеллино поход его с горожанами Каффы на Солхат (г. Крым) был остановлен неожиданным и сокрушительным нападением татар именно хана Хаджи Герая. Первым подобную догадку высказал Сестренцевич-Богуш [62, с. 242-243], но П. И. Кеппен никак не реагировал на этот домысел, приводя переводы отрывков из сочинений Стелы, Джустиниани и ссылаясь на согласующееся с ними свидетельство Фольета [25, с. 223-224, сн. 324]. После В. Д. Смирнова, а тем более В. В. Бартольда [3, с. 596], в список поддерживавших и обративших его в утверждение исследователей попали неисчислимо многие, касавшиеся этого вопроса. В недавнее время В. П. Гулевич, пересматривая сведения источников о ранней истории Крымского ханства, очередной раз отметил отсутствие в них упоминаний о Хаджи Герае ранее 1442 г. [18, с. 129]. Надежды на возможность найти следы правления Хаджи Герая до 1442 г. не покидали и некоторых авторов, привлекавших устаревшие взгляды на нумизматический материал для исторических заключений. Это, например, попытка найти утраченные монеты Хаджи Герая, на которых У. Боданинский и О. Акчокраклы читали дату 741 г.х., не вдаваясь в то, что подобные монеты известны и отчеканены общим штемпелем лицевых сторон с другими, где разнообразно передаваемые даты на оборотных сторонах не могут служить критерием для датировки. Дата смерти Хаджи Герая у В. Д. Смирнова также ошибочна. Некогда А. Винья, исследуя документы Генуи, пришел к заключению, что Хаджи Герай умер в 1456 г. [76, р. 660]. Эта дата была заимствована Б. Кене – как отмечено В. Юргевичем [74, с. 471] – а затем и М. Волковым [10,

с. 112]. Но уже при издании VII тома корпуса документов А. Винья обнаружил упоминания о Хаджи Герае в более поздних актах, признав годом его смерти 1466 (871 г.х.) и отказавшись от первого утверждения. В. Д. Смирнов, не будучи знаком с уточнением А. Винья (как заметил Н. Колли), пытался подтвердить кончину Хаджи Герая в 1456 г.

Для нумизматики династического государства Гераев особенно значительным явлением стала в свое время работа О. Ф. Ретовского «Die Münzen der Girei», публиковавшаяся в виде статей [51; 52], а в 1905 г. – книги, объединившей все ранее изданные части [85]. Особое внимание в ней уделялось монетам Хаджи Герая, кажется, впервые в восточной нумизматике разбиравшимся по штемпелям (если не считать его же менее успешную попытку штемпельной идентификации в описаниях генуэзско-татарских монет Каффы [53; 54; 55; 56; 57]). В основу работы О. Ф. Ретовского над чеканкой Хаджи Герая было положено обычное для его времени главенствование субъективного типологического метода классификации, определяющими в котором являлись разновидности написания легенд оборотных сторон монет. В результате смысл сопоставления штемпелей утрачивался, а в различных по датировке типологических группах оказывались монеты, чеканенные общими для них штемпелями лицевых сторон. Неиспользование такого показателя синхронности или смежности чеканок монет, как отмечавшаяся им общность лицевых штемпелей в разных типологических группах, привело к ошибкам в заключениях и выводах, касавшихся и хронологии чеканки. Очевидно что выделенными им «переходными» штемпелями лицевых сторон не могли быть биты монеты в несмежные 867 и 858 г.х. По стечению обстоятельств, штемпеля с датой 857 г.х., входившие в число сопряженных с датированными 858 г.х., оказались нечетко прочеканенными на имевшихся у О. Ф. Ретовского экземплярах [85, S. 26, Nr. 177-178, Taf. III, 177], или же подобных не обнаруживалось. Тем не менее, количество видов монет Хаджи Герая, тщательно сравнивавшихся по описанным им признакам штемпелей и в большинстве снабженных достаточно точным рисунком, было столь значительным (200), что в настоящее время оно может быть увеличено чуть более чем наполовину.

Отнесение О. Ф. Ретовским к чеканке города Крыма (der Stadt Krim) монет с арабской легендой «ад-дуриба ба-ль-Крыми» (ألج ʾب ل ج ز م) на оборотных сторонах [85, Nr. 110-115, 116, 118, 188] заведомо исключало возможность каких-либо заключений, опирающихся на отмеченную им общность некоторых штемпелей лицевых сторон этих монет с другими, снабженными тюркской легендой «зарб Керк Йер» (ج ر ق ل ج ل ج ي) [85, Nr. 55-58, 65-66, 88-93], что также не повлекло отказа от заданной типологической системы классификации. При отсутствии для части монетных видов иллюстраций, которые не способны заменить описание вида, скрупулезная работа исследователя над сопряжением штемпелей осталась практически неиспользуемой. Составленный им каталог чеканки Хаджи Герая не охватывал числа видов, достаточного для составления непрерывной цепочки последовательности эксплуатации штемпелей, а неполнота иллюстраций, особенно осязательная для рисунков лицевых сторон, крайне затрудняет дополнение его новыми, не учтенными видами. Для систематизации каталога изменен принцип его построения с отказом от группирования видов по субъективным признакам, несовместимого со штемпельной методологией. Идентифицировать отдельные штемпеля монет с их описаниями в отдельных случаях оказывается сложным, поскольку некоторым из описаний в полной мере соответствуют разные виды, отличающиеся друг от друга незначительными изменениями в рисунке надписей. Попытка перегруппирования и дополнения каталога монет Хаджи Герая приводит к построению цепочки последовательности использования штемпелей, включающей в себя 373 варианта сочетаний штемпельных

отгисков (видов).

Штемпель лицевых сторон Ret., 55-58, 110-115 сопрягается с наиболее многочисленными 11 штемпелями оборотных, в которых часть отмечена монетным двором Кырк Йера (Ret., 55-58, —), другая (Ret., 111-115) –сопровождается арабской легендой «чекан в Крыму» (рис.2, 1-18). На некоторых из штемпелей с указанием места чеканки «в Крыму» обозначены годы 847 (847), 8᠖7, на других варианты написания с пропуском цифр (87, ᠖7, 887, N7), а тюркской легенде с названием монетного двора Керк Йер сопутствует дата 858 (858). Сопряжение лицевым штемпелем оборотных с различными обозначениями монетного двора («в Крыму» и Керк Йер) отмечается для монетных видов Ret., 65-66 и 116, Ret., 88-93 и 118, 188. Здесь та же смена в написании топонима, но без изменения в дате (цифра сотен в Ret., 116 развернута <᠖7, а в Ret., 188 – ᠖6). На некоторых из монет с арабской легендой «чекан в Крыму» читается 857 г.х. с «пятеркой» в виде перевернутой β, неполно отраженной в рисунке у О.Ретовского по причине плохой сохранности этого элемента изображения на монете [85, S. 26, Nr. 177, Taf. III, 177]. Находятся и отгиски штемпелей оборотных сторон, на которых дата 857 (857) сочетается с арабской легендой.

Позже при Менгли Герае для выпуска 883 г.х. (4.04.1478-24.03.1479 гг.) отмечается подобное сопряжение общим лицевым штемпелем монет с тем же различием в названиях монетного двора: арабского «чекан в Крыму» (рис. 2, 19) и тюркского «чекан Кырк Йера» (рис. 2, 20). Среди монет Менгли Герая 887 г.х. (20.02.1482 – 8.02.1483 гг.) известен штемпель оборотной стороны с тюркской легендой «зарб Крым», уникальность которого наряду с обычной для монет этого и предыдущих годов легендой «зарб Керкиер» (j ᠒̇j̇³ L̇j̇y), позволяет относить эту особенность к числу случайных ошибок резчика, совместившего части двух бытовавших легенд (рис. 2, 21).

Таким образом, для всей чеканки Хаджи Герая отмечается использование двух типов легенд – арабской и тюркской, при котором тюркской «зарб Кырк Йер» зачастую сопутствует дата 858, соответствующая, очевидно, выпуску монет в 858 г.х. (01.12.- 21.12.1454 г.), арабская же легенда «чекан в Крыму» снабжена различно копируемыми датами, которые не могут служить ориентиром для датировки монет. Штемпельные связи монетных видов позволяют выделить три группы относительно непрерывных чеканок. Первая группа, не связанная со следующей штемпелями, по соображениям стилистических особенностей надписей и не развитой системы размещения цифр даты в легенде может предположительно датироваться временем, предшествующим первому датированному выпуску 857 г.х. Вторая группа сочетает оба типа легенд и датируется 857- началом 859 г.х. Третья, наиболее многочисленная группа, монеты которой в преобладающей над другими по численности количествах присутствуют в кладах с тезаврацией около 1475 г., может быть отнесена к последнему из правлений Хаджи Герая, завершившемуся в начале 871 г.х. (конец августа 1466 г.).

Общность штемпеля лицевых сторон для монет с арабской легендой «ад-дуриба ба-аль-Крыми» и тюркской «зарб Керк Йер» позволяет заключить, что они чеканены на одном монетном дворе. Решающим для утверждения о единстве места чеканки для монет с разными названиями топонимов Хаджи Герая (и Менгли Герая 883 г.х.) является неединичность сопряженных лицевыми штемпелями видов с различиями в легендах оборотных сторон, хотя, по существу, для такого вывода было бы достаточно и одного подобного сопряжения. Снабженный предлогом «в» лозунг «ба-ль-Крыми» на монетах выступал как название

Рис. 1. 1 – Retovski [85] (далее – Ret.), 185; 2 – Ret., 47; 3 – Ret., 45; 4 – Ret., 46; 5 – Ret., —; 6 – Ret., 60; 7 – Ret., 59; 8 – Ret., 50; 9 – Ret., 51; 10 – Ret., —; 11 – Ret., —; 12 – Ret., —; 13 – Ret., 54; 14 – Ret., 53; 15 – Ret., 52; 16 – Ret., 38; 17 – Ret., 39; 18 – Ret., —; 19 – Ret., —; 20 – Ret., 37; 21 – Ret., 40; общий штемпель лиц. ст.: 1-4, 5-7, 8-15, 16-20, оборотных: 7-8, 15-16, 4-20-21; 1 – с легендой «чекан в Крыму»; 2-21 – с легендой «чекан Кырк Йера».

Рис. 2. 1 – Ret., —; 2-3 – Ret., 58; 4 – Ret., —; 5 – Ret., 56; 6 – Ret., 57; 7 – Ret., 55; 8 – Ret., 112; 9 – Ret., 110; 10 – Ret., 111; 11 – Ret., 114; 12 – Ret., 115; 13 – Ret., 113; 14 – Ret., 173; 15 – Ret., 172; 16 – Ret., 174; 17 – Ret., 175; 18 – Ret., —; общий штемпель лиц. ст.: 1-13, 14-18, оборотных: 13-14; 1-7 – с легендой «чекан Кырк Йера»; 8-18 – с легендой «чекан в Крыму»; битые общим штемпелем лицевой стороны серебряные акче Менгли Герая 883 г.х. с легендами «чекан в Крыму» (19) и «чекан Кырк Йера» (20), акче Менгли Герая 887 г.х. с легендой «чекан Крыма» (21).

Крымского *юрта*, что принципиально отличало связанные общими штемпелями выпуски монет Хаджи Герая чеканки Керк Йера и «в Крыму» от обозначения места чеканки на наиболее раннем выпуске монет Хаджи Герая в с легендой $\text{Á}j^3 \text{fl}f\text{W} \text{L}j \text{У}$ «чекан города Крыма» и датой 845 г.х. (22.05.1441 – 11.05.1442 гг.) [85, No. 1-9, Taf. I, 1-9].

Для Бека Суфи, Девлета Берди и Сеид Ахмеда «столицей» (в понимании значения таковой как места сезонного пребывания ханских ордабазаров и самих ханов) являлся город Крым, где чеканились монеты Бека Суфи и Девлета Берди. А. Л. Пономаревым рассматривалась типология этих эмиссий, преемственность которых отражается в использовании штемпелей монет Бека Суфи для производства монет Девлета Берди [44, с. 164-168]. Вместе с ними монеты с именами Бека Суфи (1420-1421 гг.) [56, с. 16, №№ 1-6, табл. I, 1-6], крымского хана Ярхаса (1422 г.) [44, с. 171-172], а также чередовавшихся с переходом власти из рук в руки – Девлета Берди и Улуг Мухаммеда [45, с. 144, рис. 5b] выпускались в Кафе. В реестрах попечительного Романского Комитета находится указ 1424 г. об уравнивании в достоинстве монет Каффы с татарскими [56, с. 11], что соответствует продолжению монетной чеканки в городе Крыме в последующие годы. Стоит обратить внимание на низкие качества резки штемпелей и эксплуатацию их до полного износа для каффинских монет Бека Суфи, Ярхаса [44, с. 172, рис. 3a] и обновление монетного оформления с появлением долго затем эксплуатируемого типа двузачных с тамгой и порталом, вместе с качественным повышением чеканки, монет Девлета Берди и Мухаммеда. Как кажется, указ попечительного Комитета подразумевал наряду с уравниванием в стоимости и улучшение качества чеканки, которое и наблюдается после 1424 г.

Значение столицы город Крым-Солхат сохраняет до марта-мая 1442 г., когда Хаджи Герай производит там свои монеты, отмеченные 845 г.х. (22.05.1441 – 11.05.1442 гг.) Следует заметить, что помещаемая на монетах первого выпуска Хаджи Герая надпись «Султан Хаджи Герай бен Гияс ад-Дин хан» не включает лакаба «верховный», который становится неременным для всей последующей его чеканки. Надпись на лицевой стороне этих монет сообщает кроме имени хана имя его отца Гияс ад-Дина, благодаря чему с их находками проявился спорный вопрос родословной Хаджи Герая, различно освещавшийся источниками. Известные к тому времени родословия ветви Тока-Тимуридов, включавшие также деда Хаджи Герая – Таш Тимура, не имели той достоверности, которая отличает надписи на монетах. В. П. Гулевич, рассматривая возможность сузить датировку времени утверждения Хаджи Герая в Крыму, принимает за крайнюю дату конец 845 г.х., но ошибочно считает таковой 12 апреля 1442 г. [18, с. 129, сн. 150]. Окончание 845 г.х. приходилось на 11 мая 1442 г., что должно расширить на месяц его датировку. Свидетельства о воцарении Хаджи Герая уже в марте 1442 г. содержат записи кафинских бухгалтерских книг, в которых упоминаются предшествовавший ему хан Сеид Ахмед и некая «Солхатская война» [44, с. 59-60]. Монетная чеканка, по понятным причинам, не могла быть начата в тот же день, но, видимо, состоялась в означенном 845 г.х., таким образом, подготовка к ней занимала не больше двух месяцев, и осуществление ее в короткие сроки свидетельствует о предшествующем функционировании монетного двора города Крыма (Солхата), который не потребовалось создавать заново.

Таким образом, утверждение Хаджи Герая было связано с обладанием традиционным центром монетной чеканки ханов-предшественников в восточной части полуострова. По мнению Зайцева, пользовавшегося суждениями нумизматов начала прошлого века при выяснении времени перехода значения столицы Крымского региона от Солхата к Кырк Йеру, «начиная с 858/1454 г. и, по меньшей мере, вплоть до 867/1462–63 г. хан чеканит монеты

параллельно в двух городах: старой ставке – Крыме (Солхат), и новой (Кырк-Йер). Значение Солхата как старой столицы, очевидно, сохранялось и в следующем, 868/1463–64 г.» [22, с. 494-495]. Если монетное производство может отражать переход роли столицы от одного центра к другому, то прекращение выпуска монет в Крыме-Солхате после 1442 г. говорит об утрате им своей прежней роли. Новой столицей Крымского ханства становится Ордабазар, местонахождение которого где-то в Крыму представлялось очевидным А. Л. Пономареву [46, с. 211]. Можно, предполагать, что Ордабазары (или Ордобазары) Хаджи Герая и ханов Большой Орды отличались местоположением. Для ордобазарских монет Хаджи Герая характерно небрежное изображение надписей и высокая степень износа штемпелей. Среди известных экземпляров выделяется необычное обилие штемпелей оборотных сторон, сопрягаемых с общим для них лицевым. На один из четырех штемпелей лицевых сторон приходится десять – оборотных. Установить точную датировку ордобазарских монет Хаджи Герая сложно; очевидно, что их выпуск производился после монет 845 г.х., поскольку на них уже присутствует лакаб «верховный», но не позднее 856 г.х., когда начинает работу монетный двор Кырк Йера.

Перенос центра Хаджи Гераем центра чеканки в новую столицу знаменовал начало его правления над улусными владениями, превосходившими по территории Крымский полуостров. Окончательное оформление территорий Крымского ханства состоялось после поражения Сеид Ахмеда, нанесенного ему Хаджи Гераем в 1453 г. Его тарханный ярлык, выданный 22 [29, с. 119] или 26 сефера 857 г.х. (26.02.-2.03.1453 г.), вменяет исполнение ханского указа должностным лицам и чиновникам туменов Великого улуса, Крымского улуса (во главе с Эминеком), особо оговариваемого тумена Кырк-Ера (во главе Шахмерданом) и территорий, подвластных хану: «В Кырк-Ере и в Крыму, в Кафе и в Керчи, и в Тамани и в Каба (Кабарда?), и в Кипчаке, всякий человек в тех землях, где действует мой закон...» [29, с. 110, 42-43, 117].

Родословная Сеид Ахмеда, сына первого по существу «крымского» хана Бека Суфи, отражена в письме литовского князя Свидригайло к Великому магистру Тевтонского ордена от 3.09.1432 г., где он назван «Sydachmatch Vexubowitz» [80, р. 366, no. 624; 69, с. 184; 44, с. 174-175; 46, с. 210, сн. 73]. После прочтения имени Бека Суфи М. Б. Северовой [60] на монетах, где оно не имеет единообразия в написании, «Бексубович» в письме Свидригайлы, несмотря на различия в букве, является убедительным подтверждением верности ее чтения. Сеид Ахмед, сын Бека Суфи, приходился дядей Хаджи Гераю, и их непримиримая борьба за владение Крымом продолжалась, по крайней мере, до 1448 г.

Первой эмиссией Хаджи Герая, следовавшей за перерывом в чеканке монет с его именем, являются двуязычные геноузско-татарские аспры Каффы с инициалами YY после имени города на лицевой стороне [56, №№ 175-183; 57, № 175а]. Еще Б. В. Кене и В. Юргевич усматривали в буквах окончания легенды инициалы консула Каффы Джиовани Джустииниани, исполнявшего должность в 1449 г. [26, с. 312; 73, с. 160]. Их мнение поддерживалось О. Ф. Ретовским, заключившим на основании сходства легенд оборотных сторон с именем Хаджи Герая о принадлежности следующим годам чеканки монет с буквами BS и BG. Последние инициалы Б. В. Кене и В. Юргевич причисляли Бартоломео Джентиле, исполнявшему должность консула в 1458-1459 гг., но О. Ф. Ретовский, обнаруживая более тесную связь этой группы по стилистическому сходству и общему монетному типу штемпелей, относил их к Борруэле Гримальди [56, с. 54], время консульства которого как 1453 г. было ошибочно установлено В.Юргевичем [73, с. 141-160]. По непонятной причине О. Ф. Ретовским не

привлекалась статья Н. Мурзакевича «Генуэзские консулы города Кафы», опубликованная в 1853 г. [40, с. 352-355], в которой консульству Гримальди отводилось два года – 1451-1452 гг. Ошибка в датировке правления Боруэле Гримальдии помешала О. Ф. Ретовскому замкнуть цепь выпусков. Штемпельные связи монет подтверждают наблюдение О. Ф. Ретовского о смежности чеканок монет с буквами YY, BS и BG, а время занятия должности неизвестным консулом с инициалами BS сужается до 1450 года. Таким образом, по уточненным нами заключениям О. Ф. Ретовского, в чеканке Кафы выделяется группа монет с именем Хаджи Герая, датируемая 1449-1452 гг. (853-856 г.х.).

Рис. 3. Сопряжение штемпелей в серебряных и медных выпусках Кафы 1449-1450 гг.: 1, 7, 9-14, 16 – по А. Л. Пономареву [45, с. 141, рис. 4]; 1-2, 10, 13-14, 16 – серебряные, 3-9, 11-12, 15, 17 – медные (AE).

Новые недавние находки монет позволяют построить схему последовательности эксплуатации штемпелей 1449-1452 гг. (рис. 3). В ней помещаются монеты, связанные общим штемпелем лицевых сторон с монетами Хаджи Герая, с изображением той же, как у него крымской тамги с чертой над ней, но именем Нурдевлета. Легенда сообщает «БаО»ЕиІІА=§(ÜA)ß ¼М: «Султан верховный Нурдевлет хан». Легенда общего штемпеля лицевых сторон монет Хаджи Герая и Нурдевлета включает буквы BS, что позволяет относить монеты Нурдевлета к 1450 г.

Можно заключить, что в 1450 г. (853 г.х.) Нурдевлет осуществляет короткое правление в качестве крымского хана, казалось бы, остававшееся неизвестным. Между тем, сведения о временном захвате власти Нурдевлетом в начале правления Хаджи Герая обнаруживаются в хорошо знакомом историкам источнике – Эссеб ас-Сейяр (Семь планет) Сейида Мехмеда Ризы, а с незначительными расхождениями в подробностях они повторены Халим Герай султаном в сочинении Гюльбюн-и Ханаан яхуд Къырым тирихи (Розовый куст ханов или история Крыма). Мехмед Риза (так же и Халим Герай) приписывает события Менгли Гераю, но из того, что обозначена их связь со смертью Тегенэ Ширинского и малолетством его сына Эминек, следует, что речь идет о Хаджи Герае: «сторонник Менгли (следует понимать Хаджи – В.С.) Герая Ширкин-Текне (Ширин Тегенэ) тем временем помер, а сын его (Эминек) был ребенком, и большая часть эмиров перешла на сторону Нурдевлета. Менгли (следует понимать Хаджи – В.С.) Герай вынужден был скрываться в Мангупской крепости, принадлежавшей христианам» [61, с. 83]. Халим Герай, очевидно, обращал внимание на несурзности в рассказе о малолетстве сына Тегенэ Ширинского и обошел его, используя только сообщение о том, что «Его (следует понимать Хаджи Герая – В.С.) двоюродные братья Нурдевлет и Байкельди поднялись на борьбу за трон, и Менгли потерпев поражение, нашел убежище в крепости Мангуп, принадлежавшей генуэзским купцам. Повторенный Халим Гераем эпизод укрытия хана в крепости Мангуп, но уже «принадлежавшей генуэзским купцам» [71, с. 16-17], намекает на Каффу, где, как известно, находился Менгли Герай в 871 г.х. Для Сейида Мехмеда Ризы изменение имен с Хаджи Герая на Менгли Герая, возможно, связано с тем, что всю историю Крымского ханства он начинает только с Менгли Герая: «...Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. с 871/1466 по 1151/1737 г.» [61]. Свидетельство Мехмеда Ризы в сочетании с датировкой генуэзско-татарских монет Нурдевлета дают ориентир для выяснения времени смерти могущественного беглербея Тегинэ из рода Ширин в конце 1449 г. Из того же сообщения ясно, что сын его Эминек не сразу после смерти отца стал беглербеком. Пребывание Хаджи Герая в крепости столицы княжества Феодоро представляется важным для оценки взаимоотношений между ним и христианским княжеством. Не меньший интерес представляют и другие сведения, в первую очередь, касающиеся личности Нурдевлета. Эссеб ас-Сейяр называет его одним из сыновей дяди (следует понимать – Хаджи Герая) – Сеид Ахмеда, а его самого братом Келди-бая. У Халим Герай султана Сеид Ахмед ранее назван двоюродным дядей Хаджи Герая, а Нурдевлета и Бай-Кельди он, как и Мехмед Риза, причисляет к двоюродным братьям Менгли (следует понимать – Хаджи) Герая. По свидетельству Мехмеда Ризы, Кельди-бай рассорился со своими братьями и убил их вместе с детьми, напал на Нурдевлета, когда тот стоял у берегов Днепра, убив и его. У Халим Герая то же, но в обработке: «Однако Нурдевлет, захвативший трон, перессорился со всеми своими братьями. Некоторых он казнил. Однажды ночью Байкельди захватил стан Нурдевлета и, убив его, занял его место. Тут вождь племени Ширин, Эминек-мурза, объединившись с другими великими мурзами, собрал большие

силы и снова призвал Менгли (читаем Хаджи – *В.С.*) Герая в Крым. На этот раз в войне с Байкельди ханом победила сторона Менгли (читаем Хаджи – *В.С.*) Герая ... он вновь занял престол» [71, с. 17]. Халим Герай султан удаляет сообщение о местоположении ордубазара Нурдевлета на берегах Днепра, безусловно, пытаясь адаптировать текст к истории Менгли Герая. Но для нас местоположение Нурдевлета имеет большое значение. Из всего следует, что захвативший власть Нурдевет, сын Сеид Ахмеда и двоюродный брат Хаджи Герая являлся только тезкой одного из сыновей последнего. Исследователи пытались приноровить описанные Мехмедом Ризой события к правлению Нурдевлета, сына Хаджи Герая (вынужден назвать его вторым), занявшего трон после смерти отца в 871 г.х. Старший из восьми сыновей Хаджи Герая Нурдевет не был убит, а около 1486 г. после Касима и Даньяра получил в удел Городец Мещерский (в дальнейшем г. Касимов Рязанской губернии), где правил вместе с сыновьями Сатылганом и Джанаем. Перенос кровопролитного соперничества сыновей Сейид Ахмеда на взаимоотношения потомков Хаджи Герая придавало оттенок ожесточенной борьбы между братьями в 871 г.х., а убийство Нурдевлета Баем-Кельди списывалось на ошибки и неосведомленность Мехмеда Ризы или вымышленность персонажа Байкельди в силу специфики литературно-художественного жанра. Х.Иналджик расценивал сообщение Мехмеда Ризы о днепровском местоположении лагеря Нурдевлета таким образом, что в 1467-1468 гг. Менгли Герай властвовал внутри Крыма, а поддерживаемый аристократическими родами Нурдевет вне его – на Днепре. Еще одно недоразумение, от которого можно избавиться – укоренившееся мнение историков, что Менгли Герай занял трон сразу же после смерти Хаджи Герая, в тот же год уступив его Нурдевету. Историческую канву эпизода отстранения от власти хана, убийства Нурдевлета Кельди-баем и окончательной победы объединенного крымского войска над Кельди-баем, в том числе и восстановление на троне хана беями Крыма можно воспринимать как действительные события с той лишь конъектурой, что связаны они с правлением Хаджи Герая в 1449-1450 гг.

В группе выпусков Каффы 1449-1452 гг. находятся медные монеты, для оттисков лицевых сторон которых использовались штампы серебряных. Оба их типа несут в конце легенды на лицевых сторонах буквы ВУ и BS и могут быть отнесены к чеканке 1449-1450 гг. Первый тип медных монет на оборотной стороне содержит изображения крымской тамги без черты над ней или с чертой в окружении внутреннего ободка и шестиконечных звезд, располагающихся между внутренним и внешним кольцевыми ободками. Анэпиграфность оборотной стороны не позволяет относить символику к какому-то конкретному крымскому хану. Второй тип медных монет, представленный тремя штампами оборотных сторон, несет на них изображение ордынской тамги в окружении ободка из крупных точек, с косым или прямым ветвистыми ответвлениями на левой ножке. Можно предположить, что эта чеканка связана с личностью еще одного претендента на власть в Крыму, добившегося на короткое время таковой в 1449-1450 гг. Однако следует принимать во внимание и то обстоятельство, что монеты чеканились не в серебре, являвшимся ханской прерогативой, а в меди, и не на ханском монетном дворе, а в Каффе, монетный двор которой мог исполнять заказы по чеканке медных монет, используя уже готовые лицевые штампы. Пример независимости каффинской коммуны от крымского хана в вопросах эксплуатации символики обнаруживается в эпизоде с невыполненным обещанием посла Каффы великому князю литовскому Витовту поднять над Каффой его знамена и установить его герб на одной из башен [50, с. 46-47, док. 14.01.1443]. Чеканка медных монет, обращавшихся по принудительной стоимости в 1/4 серебряного аспра, не могла не привлекать каффинскую коммуну своей выгодой, а предназначенная преимущественно для внутреннего

обращения медная монета снабжалась и внешней символикой для расширения оборотного ареала. Нераспространение на медную чеканку Каффы условий договоров, заключавшихся с ханами для чеканки серебра, отражается в существовании медных каффинских монет с символиками Каффы и Банка Святого Георгия – изображений «портала» и скачущего влево святого змеборца, также и надчеканок «портала» на медных, часто – потертых в обращении монетных кружках.

А. Л. Пономарев причислил медные монеты Каффы с изображением ордынской тамги хану Ибрагиму, принимавшему, как он считал, участие в борьбе за крымский престол после смерти Хаджи Герая в сентябре-октябре 1466 г. в качестве непоименованного в казначейских книгах Каффы третьего (с Нурдевлемом и Менгли Гераем) претендента [45, с. 144-145]. Посредством такого допущения изыскивалась возможность привлечь к крымским событиям серебряные монеты хана Ибрагима с изображениями двух тамг, чеканенные в Ордабазаре. Произвольная атрибуция медной монеты повлекла датировку 1466 г. всей группы монет, связанных с ней штемпелями и относимой нами, как отмечалось выше, к годам консульств Джiovанни Джустиниани (1449 г.), неизвестного с инициалами BS (1450 г.) и Борруэле де Гримальди (1451-1452 гг.). В соответствии с этим А. Л. Пономарев высказывал сомнения в принадлежности инициалов на монетах Каффы консулам. Можно отметить, что основы для подобных сомнений были заложены уже О. Ф. Ретовским, читавшим буквы DL (Дамиано де Леоне, 10.12.1457-29.08.1458 гг.), помещенные на монете в перевернутом виде под изображением портала, как IC и причислял их консулу Джiovанни Кабелла (1466 г.) [56, с. 64, № 257]. Распознаваемое на оборотной стороне имя Хаджи Герая вполне соответствовало концу его правления, но подобная атрибуция оригинального в чеканке Каффы монетного типа с крупным изображением портала, с одной стороны, оставляло неатрибутированными собственно монеты с инициалами IRG – Джiovанни Ренцио де Габелла (12.12.1465-11.01.1467 гг.), с другой – нарушало всю последовательность изменений монетного типа. Затем О. Ф. Ретовский не допускал возможности чеканки монет с изображением ордынской тамги позже 1449 г., исключив из поздней группы выпуски с инициалами D (Томасо де Домокульто, 25.04.1455-9.12.1456 гг.) и ALY (Антонио Ленкаро, 10.12.1456- 9.12.1457 гг.), а поместив их среди монет с именами Мухаммеда и Девлета Берди, пришел к убеждению, что на части их арабские надписи искажены до неузнаваемости. Постепенное искажение надписей действительно наблюдается в арабских легендах каффинских монет, но чаще отмечается перестановка в процессе копирования букв местами, сокращение титулов и стилизация знаков (Aġ ṢÜġ = BAṢÜ, ʔeB ʔ = ʔ7B ʔ -7B ʔb и др.). Тем не менее, имена ханов, подававшиеся чтению современниками, несмотря на особенности и своеобразие шрифта, различимы. Последовательность выпуска монет, устанавливаемая по штемпелям и постепенному изменению рисунка оформления сторон, совпадает с последовательностью смены консулов и их инициалов в латинской легенде, которые замещаются несоответствующими консульствам инициалами YЗ только в 1470 и 1471 гг.

В персоналии, скрывавшейся за буквами YЗ в конце легенды на лицевой стороне одного из типов генуэзско-татарских монет, О. Ф. Ретовский был склонен видеть Якобуса Зоалио, известного как арендатора каффинского монетного двора после 1471 г. [56, с. 59]. Вероятно, из-за ошибки перевода, Ж. Лунарди, ссылаясь на О. Ф. Ретовского, называет Зоалио консулом [83, р. 95]. Тех же латинских букв Y-Z по сторонам ромбовидного обрамления тамги, как и других – L-V, совмещаемых с легендой оборотных сторон, О. Ф. Ретовский не распознавал, принимая их за части искаженной арабской надписи. Ранее Б. В. Кёне в буквах YЗ на лицевой

стороне монеты предполагал инициалы консула Джиулиано Джентиле Фаламоника, объясняя несоответствие одного из имен инициальной букве возможностью использования какого-то итальянского наречия, подобного венецианскому, на котором имя произносится как Зентиле. Но О. Ф. Ретовским было замечено, что Джиулиано Джентиле, действительно избранный в Генуе на должность консула Каффы, таковую не смог занять по причине взятия Каффы турками 6.06.1475 г. [56, с. 59].

Исследованию чеканки первых крымских ханов до 1475 г. в Кырк Йере и Каффе способствовала находка в 2014 г. монетного клада в районе села Новая Бобровка в Юго-Западной части Крыма. Наиболее существенно, что этот клад, датируемый ближайшими после 1475 годами, представляет собой сокровище кратковременного формирования, каких прежде не отмечалось. Подобные клады более объективно отражают современное им монетное обращение, в котором ранние выпуски вытесняются согласно действию его естественных законов. В специфике их составов заключается более высокая информативность, чем кладов длительного накопления; не менее существенной для исследования представляется возможность коррелирования составов комплектации близких по времени сокрытия кладов этих двух типов. Состав клада, заключавшего 285 серебряных монет, следующий.

Крымского ханства (61):	
султан верховный Хаджи Герай, Ордабазар, без даты	4
то же, Кырк Йер, 858 г.х. (01.12. – 21.12.1454 г.)	7
то же, «Чекан в Крыму» (Кырк Йер) 859 г.х. (22.12.1454- 10.12.1455 гг.)	1
то же, «Чекан в Крыму» (Кырк Йер), 862-870 гг.х. (19.11.1457-12.08.1466 гг.)	44
султан верховный Нурдевлет (II), «Чекан в Крыму» (Кырк Йер), 871-872 г. х. (13.08.1466-21.07.1468 гг.)	5
Генуэзско-татарские Каффы (211):	
султан правосудный Сеид Ахмад, тамга Орды, консул Томасо де Домокульто (25.04.1455-9.12.1456 гг.)	11
то же, консул Антонио Ленкаро (10.12.1456- 9.12.1457 гг.)	1
султан верховный Хаджи Герай, консул Дамиано де Леоне (10.12.1457-29.08.1458 гг.)	2
султаны правосудные Нур(девлет II), Менгли (Герай), консул Калочо де Гизольфи (1466- 30.01.1468 гг.)	1
султан правосудный Нур(девлет II), консул Калочо де Гизольфи (1466-30.01.1468 гг.), монетарий Якобус Зоалио	10
султан верховный (без имени), 872 - ок. 874 г.х. (2.08.1467- 29.06.1470 гг.), монетарий Якобус Зоалио	55
то же, ок. 875-876 г.х. (30.06.1470 -7.06.1472 гг.), монетарий Якобус Зоалио	64
то же, консул Джиофредо Ленкаро (1472 г.), монетарий Якобус Зоалио	44
то же, консул Баттиста Джиустиниани де Оливеро (1473 г.), монетарий L-V	19
то же, консул Антониотто де Кабелла (1474 г.), монетарий L-V	4
Большой Орды и Астраханского ханства (7):	
Мустафа бен Гияс ад-Дин, Хаджи Терхан	1
Мухаммед бен Тимур (Кичи Мухаммед), Ордабазар	2
то же, Хаджи Терхан	1
Махмуд бен Мухаммед бен Тимур, Хаджи Терхан	3

Западной Грузии (3):	
с изображением рыбы и искаженной надписью шрифтом мтаврули, Месхет, третья четверть XV в.	3
Неизвестного центра (1):	
подражание трапезунтским монетам	1
Османские (2):	
Мехмед Фатих 855-886 г.г. (1451-1481 г.), акче, Нувар, 865 г.г.	1
то же, 875 г.г.	1

Наиболее поздние монеты клада – генуэзско-татарские аспры с инициалами консула Антониотто де Кабелла (1474 г.), но вероятно, время тезаврации приходится на вторую половину 1475-1476 гг., когда в монетном обращении Крыма начинают участвовать монеты Османидов, находки которых в кладах до 1475 г. неизвестны. Османских монет две, обе – акче Мехмеда Фатиха (855-886 г.г.) чеканки Нувара: одна – 865 г.г. (17.10.1460-5.10.1461 гг.) [75, с. 478, No. 1459], другая – 875 г.г. (30.01.1470-19.01.1471 гг.) [75, с. 478, No. 1460].

Найденные ранее клады последней четверти XV в. представляли собой сокровища длительного накопления и включали джучидские монеты Узбека чеканки Крыма, отличавшиеся особо массовым выпуском. Несмотря на повторяемую в легендах этих монет порой неразборчивую прописную дату, различимую на ранних эмиссиях как «семьсот двадцать», они выпускались в течение двадцати лет, а со времени Джанибека снабжались для пролонгации своего обращения различными надчеканками. Как показывают клады и групповые находки, они не исчезали из обращения на территории полуострова и после 1475 г., в немногих экземплярах обнаруживались в кладах из района Белогорска, время пополнения которого прерывалось на 887 г.г. (20.02.1482-8.02.1483 гг.). Но в значительном по количеству монет (23686) кладах 888 г.г. (9.02.1483-29.01.1484 гг.), найденном в 1909 г. недалеко от станции Петровской в Кубанской области и поступившего через Императорскую Археологическую Комиссию в Императорский Эрмитаж, О. Ф. Ретовский их наличия не обнаруживал [57, с. 2], что, очевидно, свидетельствует о вытеснении их из обращения более легковесными монетами Менгли Герая, но также и о том, что большая часть эмиссии 720-740 г.г. обращалась на территории полуострова. В том же кладах 1909 г. им отмечалась относительно большое число монет Астраханского ханства – 113, которое составляло примерно десятую часть количества генуэзско-татарских монет Каффы – 1107.

Находки в Крыму кладов длительного накопления, пополнение которых прерывается в 1475 г., не единичны. К таковым относится приобретенный О. Ф. Ретовским клад, в составе которого находились 180 генуэзско-татарских аспров, 523 монеты Хаджи Герая и 20 золотоордынских (Узбека с надчеканками или без них) [53, с. 50; 56, с. 8, сн. 2]. Сохранившимся в полной комплектации и поступившим для хранения в музейный фонд является клад, обнаруженный при раскопках у южных ворот крепости Чуфут-Кале (Кырк Йер) в 2002 г. [37]. Общее число монет клада – 4287. Почти половину представляли крымские монеты Узбека 720-740 г.г. (с надчеканками и без них), столь же значительную часть составляли генуэзско-татарские монеты Каффы. Монет, отчеканенных на монетном дворе Кырк Йера, в нем оказалось не много. Это выпуски Хаджи Герая 858 г.г. – 10, его же, производившиеся в 862-870 г.г. – 24, Нурдевлета 872-873 г.г. – 2 (атрибутированные как «дирхемы Хаджи Гирея») [37, №№ 3985 и 3989]. Из других монет Хаджи Герая представлены чеканенные в городе Крыме в 845 г.г. – 6, и недатированные Ордубазара – 3.

Примечательно присутствие в кладе близ ворот Чуфут-Кале трех неопознанных издателем монет Западной Грузии, Месхетского монетного двора (рис. 4, 4-6). В кладе, у с. Новая Бобровка находятся то же количество месхетских монет (рис. 4, 1-3), но экземпляры кыркйерского клада отличает более ранний тип. На лицевой стороне их изображена, подобно как на монетах из клада у села Новая Бобровка, рыба со звездочками по сторонам, а оборотную – занимает обрамленный квадратной рамкой трехстрочный суннитский символ веры, слово «Мухаммед» которого развернуто в обратную сторону. Первым подобную монету опубликовал Д. Г. Капанадзе, относивший ее ко второй половине XV в., как и другие с изображением рыбы и словом в шрифте мтаврული, читаемым им как Кваркваре [23; 24, с. 107-108, рис. 13-16]. Вероятно, это тот атабек Кваркваре II (Gorgora), ахалчикский князь, который в 1459 г. писал герцогу бургундскому о намерении воевать с турками [7, с. 251]. Наличие в двух кладах подобных монет, свидетельствующее об участии их в монетном обращении Крыма до 1475 г., не случайно и объяснимо существовавшими тесными торговыми связями Каффы с Грузией. В документах архива Генуи упоминается эпизод ограбления одного из купцов грузинским царем Александром, в связи с чем для компенсации причиненного ущерба консулам поручалось пересмотреть размеры налога на имущество грузин в Каффе [50, с. 46]. Находки месхетских монет в кладах, пополнение которых прерывается около 1475 г., позволяют сузить датировку представленных ими типов до третьей четверти XV в.

Рис. 4. Месхетские монеты из клада с. Передовое (1-3) и клада у ворот крепости Чуфут-Кале (4-6) [37, с. 176, №№ 4281-4283].

Совпадения в составах комплектации кладов, найденных у ворот Чуфут-Кале и у с. Новая Бобровка, не ограничивается наличием в них равного числа месхетских монет. Примечательно присутствие в них монетных видов кыркйерской чеканки Хаджи Герая, отождествляемых по оттискам обоих штемпелей или связанных общим штемпелем лицевой стороны. Так монеты вида Ret., 157 представлены в обоих кладах по одной [37, № 3972], а в кладе Чуфут-Кале находятся еще два экземпляра связанного с ними общим штемпелем лицевой стороны вида Ret., 156 [37, №№ 3967, 3981] и экземпляр сопрягаемого с последним через штемпели Ret., 163 – вид Ret., 164 [37, № 3970]. В компенсацию количественного соотношения присутствующий в кладе Чуфут-Кале вид Ret., 129 [37, № 3982] в кладе у с. Новая Бобровка представлен в трех экземплярах. В обоих кладах имеются обобщаемые смежными штемпелями виды, не имеющие нумерации по О. Ф. Ретовскому [37, №№ 3963,

Табл. I. Монетные выпуски Крымского ханства третьей четверти XV в. и распределение монет Каффы и Кырк Йера из клада у с. Новая Бобровка по выпускам.

Ханы и годы хиджры	Город Крым, Ордабазар	«В Крыму» (Кырк Йер), Кырк Йер	Каффа	Монет в кладе 2014 г
	Серебро	Серебро	Серебро	Экз.
1	2	3	4	5
Султан Хаджи Герай бен Гияс ад-Дин, 845 г.х. (22.05.1441-11.05.1442 гг.), город Крым				нет
Султан верховный Хаджи Герай, без даты, Ордабазар				4
Султан верховный Хаджи Герай хан, Каффа, 1449 г.			консул Джiovанни Джустиниани (1449 г.) 	нет
Султан верховный Нурдевет, Каффа, 1950 г.			консул с инициалами BS (1450 г.) 	нет
Султан верховный Хаджи Герай хан, Каффа, 1950 г.			консул с инициалами BS (1450 г.) 	нет
Султан верховный Хаджи Герай, Каффа, 1451-1452 гг.			консул Борруэле де Гримальди (1451-1452 гг.) 	нет
Султан верховный Хаджи Герай, Каффа, 1453 г.			консул Деметрио ди Вивальди (24.01.1453-? гг.) 	нет

1	2	3	4	5
<p>Султан верховный Хаджи Герай, 857 г.х. (12.01- 31.12.1453 г.), «в Крыму» (Кырк Йер), Кырк Йер</p>				нет
<p>Султан верховный Хаджи Герай, 858 г.х. (1.01- 21.12.1454 г.), Кырк Йер</p>				8
<p>Султан верховный Хаджи Герай, 859 г.х. (22.12.1454- 10.12.1455 г.), Кырк Йер</p>				нет
<p>Султан правосудный Сеид Ахмад, тамга Великой Орды, Каффа, 1455-1456 гг.</p>			<p>консул Томасо де Домокульто (25.04.1455-9.12.1456 гг.)</p> 	11
<p>То же, Каффа, 1457 г.</p>			<p>консул Антонио Ленкаро (10.12.1456- 9.12.1457 гг.)</p> 	1
<p>Султан правосудный Сеид <у>Ахмад, крымская тамга, Каффа, 1457 г.</p>			<p>консул Антонио Ленкаро (10.12.1456- 9.12.1457 гг.)</p> 	нет
<p>Султан верховный Хаджи Герай, Каффа, 1458 г.</p>			<p>консул Дамиано де Леоне (10.12.1457-29.08.1458 гг.)</p> 	2
<p>Султан верховный Хаджи Герай, 862- 870 гг.х. (19.11.1457- 12.08.1466 г.), «в Крыму» (Кырк Йер)</p>				44

Сидоренко В.А. Монетная чеканка Кырк Йера и Каффы в истории Крымского ханства

1	2	3	4	5
Султаны правосудные Нур(девлет), Менгли, Каффа, 1466 г.			консул Дживанни Ренцио де Габелла (12.12.1465-1466 гг.) 	нет
То же, Каффа, 1467 г.			консул Калоччио де Гизольфи (1466-30.01.1468 гг.) 	1
Султан правосудный Нур(девлет), Каффа, 1467 г.			консул Калочеро де Гюнцольфи (12.01.1467- 30.01.1468 гг.) монетарий Y- З (Якобус Зоалио) 	10
Султан верховный Нурдевлет хан, 871-872 г.х. (13.08.1466- 21.07.1468 гг.), «в Крыму» (Кырк Йер)				5
Султан верховный (без имени), 872- ок. 874 г г.х. (2.08.1467- 29.06.1470 гг.), Каффа			монетарий Y- З (Якобус Зоалио) 	55
То же, ок. 875-876 гг.х. (30.06.1470- 7.06.1472 гг.), Каффа			монетарий Y- З (Якобус Зоалио) 	64
То же, Каффа, 1472 г.			Консул Джоффредо Ленкаро (1472 г.), монетарий Y-З (Якобус Зоалио) 	44

1	2	3	4	5
То же, Каффа, 1473 г.			Консул Баттиста Джиустиниани де Оливерио (1473 г.), монетарий L-V 	19
То же, Каффа, 1474 г.			Консул Антониотто де Кабелла (1474 г.), монетарий L-V 	4

3968, 3974]. Все отмеченные совпадением по находкам в обоих кладах виды относятся к обширной группе монет, связанных общими штемпелями и наиболее многочисленных среди монет Хаджи Герая в кладах, датируемых временем около 1475 г. Подобные обстоятельства их находок подкрепляют датировку всей группы временем последнего периода правления Хаджи Герая. К этой же заключительной в правлениях Хаджи Герая чеканке относится и монета, найденная на селище Каменный Бугор (к юго-востоку от с. Селитренное Астраханской области), датируемая издателями 871 г.х. [34, с. 21, 43, рис. 2, 154]. Хотя правление Хаджи Герая в этот год могло продолжаться только 12 дней до его кончины и узкая датировка едва ли может быть обоснованной, отнесение данного типа монет к позднему периоду правления Хаджи Герая, вероятно, имело свою мотивацию. Там же был найден и генуэзско-татарский аспр с инициалом D после имени города и ордынской тамгой [34, с. 21, 43, рис. 2, 151], выпуск которого может быть отнесен к консульству Томасо де Домокульто (25.04.1455-9.12.1456 гг.). Из того же селища Каменный Бугор происходит и небольшой клад, заключавший наряду с монетами ханов Большой Орды и Астраханского ханства 31 монету Хаджи Герая [35, с. 141], также относимую к его поздним выпускам.

Несомненный интерес представляют генуэзско-татарские аспры Каффы в составе клада у с. Передовое, общее число которых в нем наиболее значительно – 211. Распределение их по годам выпуска типично для кладов монет, одновременно изымавшихся из обращения: количественный пик приходится на предпоследние годы и спадает к заключительной дате.

Эпизодичность чеканки Хаджи Герая после 857 г.х. на монетном дворе Кырк Йера предстает системной при сопоставлении ее с выпусками генуэзско-татарских монет города Каффы (Табл. I). В таблицу не включены некоторые из занимавших крымский престол ханы, поскольку цели представить в ней полную хронологию правлений не ставится. Даты хиджры, которые даны для условного ориентира, подразумевают порой не полное соответствие правления и чеканки продолжительности года.

Можно предполагать, что между 1449 и 1475 гг. монетная регалия крымских ханов эксплуатировалась относительно регулярно с чередованием монетных дворов Кырк Йера и Каффы. При этом монеты, за некоторыми исключениями, не чеканились на обоих дворах одновременно, что, вероятно, связано с ханской прерогативой чеканки и характером монетного производства, отдававшегося ханом на откуп частным лицам или выступавшей в роли откупщика

коммуне Каффы. Возможно, с этой особенностью связано и появление на генуэзско-татарских монетах инициалов монетариев Y-3 (1468, 1471-1472 гг.), L-V (1473-1474 гг.).

Новое правление Хаджи Герая и работа монетного двора Кырк Йера, начавшиеся в 1457 г., приходится на беспокойное для Каффы время опасений турецкой угрозы после падения Константинополя и передачи ее в ведение Банка святого Георгия, радостно воспринятое жителями Каффы. Для ее управления избирается новый консул, прибывший на корабле с военными припасами и даже пушкой особо крупного калибра, предназначенной для усиления обороны Каффы [10, с. 112].

Участие Хаджи Герая в событиях начала июня 1454 г. свидетельствует о продолжении его правления в 858 г.х. (1.01-21.12.1454 г.), отмеченном продуктивной работой монетного двора Кырк Йера. В рапорте консула Каффы, отправленном протекторам Банка Святого Георгия 11 сентября 1454 г., сообщалось о стоянке на якоре в бухте Cavallari вблизи стен города турецкой эскадры из 54 галер под командованием адмирала Демир-Кяхьи, а также о встрече с адмиралом хана Хаджи Герая, прибывшего в сопровождении вооруженного отряда [76, doc. XXXIV]. После переговоров с адмиралом и отплытием флота Хаджи Герай потребовал от Каффы 600 соммо, которых в достаточной сумме у коммуны не нашлось, и выплачена была только часть их. В прежние времена, как следует из записей бухгалтерских книг Каффы, подношения ханам предоставлялись аспрами [43, с. 65-66]. Счисление в серебряных слитках-соммо недоистребованного Хаджи Гераем серебра соответствует представлениям о том, что в 1454 г. монетный двор в Каффе не чеканил монет, в то время как в распоряжении хана находился монетный двор Кырк Йера, способный обратить слитки в монету. Если следовать сообщению Пеголотти о характере работы монетного двора Таны в 1332-1342 гг. [84, р. 25], серебро на монетный двор поступало от заказчика в виде слитков-соммов, из которых непосредственно изготовлялась монета без переплавки и сопутствующих ей потерь металла. В соответствии с тем вес серебра, поступившего и полученного после чеканки, измерялся без учета какого-либо лигатурного угара. Сама форма соммо делала его наиболее удобной заготовкой для последующей расковки в прут и обращения прута в проволоку, для которых были необходимы только промежуточные отжиги. Отсутствие потерь в металле предусматривалось и при изготовлении цилиндрических отрезков проволоки, совпадение в весе которых обеспечивалось постоянной длиной запуска отрезаемого конца ее в отрезной механизм, фиксируемой упором. В результате заказчик получал монеты, отчеканенные непосредственно из предоставленного на монетный двор металла и полностью сохраняющие его пробу. В Тане, по Пеголотти, в 1332-1342 гг. с заказчика удерживалось за работу 12 аспров из 202, отчеканенных из одного слитка. Какой была оплата чеканки каффинского монетного двора в третьей четверти XV в. мы не знаем, но в любом случае получение Хаджи Гераем от Каффы денежных выплат слитками соммо было выгоднее, чем монетой.

1455 г. в истории Крымского ханства знаменуется рядом смен правителей, занимавших трон на короткое время и не оставивших следа в монетной чеканке (Касим бен Мухаммед, Мухаммед бен Сеид Ахмед). Сотрясения трона продолжались и в следующем году. Как сообщает запись от 20.03.1456 г. в одной из армянских рукописей Каффы, Хаджи Герай был вынужден спасаться от захватившего Крым султана Махмутека: «В этом году (1456) пришел султан Махмутаг и обратил в бегство хана hАтжи-Кирея, и город этот (Кафа) очень рад, да сделает Бог завершение (этих событий) добрым» [58, с. 252: рукопись Матенадарана 7831, л. 295a]. Если рассматривать имя Махмутек как уменьшительное от Махмуд, то последних оказывается немало в истории Большой Орды. Так звали сыновей Улуг и Кучук Мухаммедов.

Имя Махмуда сына Ивака (?) читается на оборотной стороне монет Мухаммеда бен Тимура (Кучук Мухаммеда) [19; 46, с. 210, рис. 11, b-c]. Не останавливаясь подробно на этой необычной чеканке монет с одной или двумя тамгами, отметим, что вариант штемпеля лицевой стороны с тамгой, отличимой от крымской отсутствием черты над ней и формой крестовидного окончания средней вертикали, мог передавать имя другого Мухаммеда, а в чеканке Махмуда выражалось признание им вассалитета обоим Мухаммедам. Но султан Махмутек, царевич по понятиям летописцев, сын хана, руководивший войском, не был ханом, власть которого над Крымом была установлена силой оружия.

Рис. 5. Аспры с изображением тамги Великой Орды и именем Сеид Ахмада, с инициалами консулов Томасо де Домокульто (1-3) и Антонио Ленкаро (4-5), аспр с легендой «Сеид <и> Ахмад» и изображением крымской тамги, с инициалами Антонио Ленкаро (6) и выпуск с инициалами Дамиано де Леоне (10.12.1457 – 29.08.1458 гг.) и именем Хаджи Герай (7-9).

В 860 г.х. (11.12.1455-28.11.1456 гг.) в Крыму утверждается новый хан, о котором без указания его имени упоминается в письме протекторов Банка Святого Георгия консулу и массариям Кафы от 29.11.1456 г. [74, с. 471]. В письме отмечалось, что оно является ответом на рапорт консула Томасо де Домокульто от 18.07.1456 г., в котором он сообщал о воцарении нового хана как уже состоявшемся. Особое внимание предлагалось обратить консулу Каффы (очевидно, по получении письма – уже Антонио Ленкаро, вступающему в должность с 10.12.1456 г.) на благосклонность нового хана к администрации генуэзских колоний, воспользоваться дружбой и поддержкой, откуда следует, что хан ранее уже имел возможность проявить свою лояльность по отношению к Каффе. По мнению историка Дегиня [78, р. 377], разделявшемуся С. Сестренцевичем-Богушем, А. Винья и Л. Колли, это был Айдер (Хайдер),

один из сыновей Хаджи Герая, правивший в течение трех месяцев, или узурпировавший власть 27-29.11.1456 г. [27, с. 135-136]. Возможность узурпации обосновывалась тем, что Хайдер вскоре обнаруживается в Литве, что расценивалось историками как бегство от преследований со стороны Хаджи Герая. Однако срок правления нового хана уже ко времени получения в Каффе ответного послания протекторов банка Святого Георгия должен был составить более четырех месяцев. По мнению Ф.Бруна и В.Юргевича, разделявшемуся К.Десимони, хан, укрепившийся в Крыму в 1456 г., был родственником Сеид-Ахмеда [74, с. 471].

Сопровождаемое изображением ордынской тамги имя хана находится на генуэзско-татарских монетах Каффы с инициалами консулов Томасо де Домокульто (25.04.1455-9.12.1456 гг.) [56, №№ 139-171] (рис. 5, 1-3) и Антонио Ленкаро (10.12.1456-9.12.1457 гг.) [56, № 172] (рис. 5, 4-5). Его же имя, но с перемещением «вав» в начало, помещено на каффинской монете с инициалами Антонио Ленкаро, выступая здесь в сопровождении крымской тамги [56, № 174] (рис. 5, 6). При всей неразборчивости написания этого имени, кажется возможным читать его как Сеид Ахмад по наиболее раннему выпуску, где буквы легенды еще не претерпели перестановок в своем ряду. Приходится смириться с непривычным «алиф» после «мим», которого не встречается в имени на монетах Сеид Ахмеда, чеканенных в Большой Орде (f> AfIm) без указания места выпуска, (но по манере оформления сторон, подчерку и стилю близких хаджитерханской чеканке Мухаммеда бен Тимура), и, неуместной «вав» после имени, отделенной от него крупной точкой. Не только нумизматам и эпиграфистам хорошо знакомо написание буквы ъ (начальное m) в виде сокращенного до одной дуги знака, после которого в надписи монет стоит (или пропущен) ĩ, соединяемый с последующей буквой таким образом, какой возможен только для «даль». Чтение «Сеид» с характерным для всего подчерка легенд каффинских монет «даль» – в виде развернутой кверху дуги или типичного для других монетных подчерков дифтонга «лам-алиф» – V, соединение «мим» с предшествующей и последующей буквами, как и конечный «даль» в виде того же, но перевернутого дифтонга, кажутся не вызывающими сомнений. Итак, сообщаемое имя султана (упоминаний «хана» в легендах нет, но следует подразумевать и его) – eB> AfIm – Сеид Ахмад.

Несколько в ином свете предстает это имя на аспре с инициалами того же Антонио Ленкаро (10.12.1456-9.12.1457 гг.), во внутреннем линейном ободке оборотной стороны которого находится изображение крымской тамги, а в окружающей их легенде между «Сеид» и «Ахмад» помещен «вав», то есть арабско-тюркский соединительный союз «и» [56, табл. III, 174]. Оставим пока эту неясность в стороне, и так много вопросов поставлено нумизматикой. На выпущенных каффинским монетным двором монетах с инициалами нового консула Дамиано де Леоне (10.12.1457-29.08.1458 гг.) вновь появляется имя Хаджи Герая (рис. 5, 7-9).

Личность хана, захватившего власть над Крымом – судя по датировкам чеканки – более чем на два года, не может не привлекать внимания историка, как, впрочем, и личность, очевидно, командующего войском. Итак – кто же этот Сеид Ахмад? От автора «Розового куста ханов» узнаем (в переводе А. Ильми): «После смерти отца, Гиясэдин хана, Хаджи Герай, спасаясь от преследований двоюродного дяди, хана Сеид Ахмеда, около семи лет скитался, а затем по стечению обстоятельств сел на крымский трон» [71, с. 12]. По мнению Р. А. Беспалова, в ноябре 1433 г. бывший великий князь литовский Свидригайла Ольгердович (1430-1432 гг.), лишившийся литовского трона и ставший князем Новгород-Сиверским (1432-1440 гг.), выдвинул «на отцовский трон» Сеид Ахмеда, которого исследователи считают сыном Бека Суфи [80, р. 366, no. 624; 69, с. 184; 44, с. 174-175; 46, с. 210, сн. 73]. Позже этот или другой Сеид Ахмед правил в Большой Орде наряду с Улу Мухаммедом. По мнению ряда

исследователей, оттесненный в 1440-е гг. Сеид Ахмедом за Волгу Кучук Мухаммед вернул себе власть после пленения Сеид Ахмеда литовцами в 1452/3 г. Впрочем, другие считают, что Кучук Мухаммед помер незадолго до того в 1445 г. Еще одно немаловажное обстоятельство выясняют сообщения Мехмеда Ризы и Халим Герай султана. Судя по тому, что сыновья Сеид Ахмеда выступили на завоевание крымского трона в конце 1449 – начале 1450 гг., срок жизни Сейид Ахмеда бен Бек Суфи должен был ограничиваться 1449 г. Подобно тому и сыновья Хаджи Герая претендовали на престол только после смерти отца.

Давно выяснилось, что в источниках и монетных выпусках речь идет о разных Сеид Ахедах, один из которых, плененный в 1452 г. и не переживший 1455, не может подходить на роль правившего в Крыму во второй половине 1455-1457 гг. хана. Еще один – Сеид Ахмед бен Ахмед бен Кичи Мухаммед [38, с. 532] выходит позже на сцену событий уже в роли астраханского хана. В хронологии на это время мог приходиться Сеид Ахмед, сын Кучук Мухаммеда, брат ханов Большой Орды Махмуда и Ахмеда (Ахмата или Ахмута Кочиахметовича русских летописей). Немало неясностей в определениях времени начала правлений и того, и другого, а первое летописное упоминание Ахмута-Ахмата относится то ли к 1460 г. [9, с. 219], то ли к 1471 г. [9, с. 229] и 1476 г. [39, с. 308], хотя хорошо известно о смерти Ахмата в 1481 г. Поскольку летописцы определенно путали имена Махмуда, Ахмута или Ахмата, особенно когда речь шла о событиях, происходивших вдали, упоминания имен ханов Большой Орды в летописях порой нельзя понимать буквально. Если же на каффинских монетах Сейид Ахмада изображена тамга Большой Орды, то, очевидно, что он не происходил из ветви рода Тока-Тимуридов, а принадлежал другой – потомкам Кучук Мухаммеда.

В. Д. Смирновым были опубликованы два тарханских ярлыка, у которых не сохранилось начальных строк, а с ними утрачены и имена ханов. Оба ярлыка были даны жителям Кырк Йера. В тарханном ярлыке, выданном 2 сэфера 864 г.х. (11.1459 г.), упоминается о прежнем предоставлении тархана дядей нового хана, в то время, когда ордабазар его стоял в Кырк Йере, в подтверждение чему был предъявлен и сам ярлык. Если выдававшим ярлык ханом, чье имя не сохранилось на документе, был Хаджи Герай, как считал В. Д. Смирнов [65, с. 6-7], то его дядей, чей ордабазар некогда стоял в Кырк Йере, мог быть Сеид Ахмед, с именем которого чеканились монеты в Каффе в 1455-1457 гг., потомок Кучук Мухаммеда.

В 869 г.х. (3.09.1464-23.08.1465 гг.) Хаджи Герай нанес поражение какому-то хану, о чем сообщают летописи. Воскресенская и Никоновская под 1465 г. упоминает несостоявшийся поход на Москву хана Большой Орды и воспрепятствовавшем походу столкновении его с Хаджи Гераем, называя хана разными именами. Согласно свидетельству Никоновской летописи, это был Ахмат. В Воскресенской – сообщается: «Того же лета поиде безбожный царь Махмут на Рускую землю с своею Ордою и бысть на Дону; Божию же милостию и его пречистые Матери прииде на него царь Азигирей, и би его, и Орду взя, и начаша воеватися промежь себе, и тако Бог избави Рускую землю от поганных» [48, с. 151]. По мнению М. Г. Сафаргалиева, это был Махмуд, удалившийся затем в Хаджи Терхан (Астрахань), где он основал Астраханское ханство [59, с. 511-513], а по мнению А. П. Григорьева – Ахмед. И. В. Зайцев подмечает, что до поражения в этом году Махмуда, нанесенного Хаджи Гераем, имя его брата Ахмата (Ахмеда) не упоминается в летописях. По его мнению, «неудача Махмуда, видимо, позволила Ахмеду перехватить инициативу и захватить власть в Большой Орде» [20, с. 38]. Вместе с тем он признает, что свидетельство ханствования Махмуда в Большой Орде в следующем году, каковым является собственное его письмо османскому султану Мехмеду II, написанное 10.04.1466 г. «когда Великая Орда была на берегу Эзоглу Узеня» [29, с. 70-76], опровергает

возможность отстранения его от власти Ахмедом. Поражение хана Большой Орды имело особое значение для русских княжеств, избежавших его набега. Продолжение войны («начаша воеватися промежь себе»), в которой едва ли выражались претензии Хаджи Герая на власть над Большой Ордой, уже не интересовали летописцев. В Московском летописном своде не отражено разницы между именами Ахмута, Махмуда и Ахмата, другие летописи также не отличаются корректностью в употреблении этих имен. Поскольку Хаджи Герай напал на Ахмата или Махмуда в районе Дона, то есть там же, где в 1450 г. Кельди Бай в борьбе за крымский трон убил своего брата Нурдевлета I, а затем сам потерпел поражение от Хаджи Герая, можно предположить, что этим ханом с неясным именем был потомок Сеид Ахмеда бен Бек Суфи, обитавший со своим ордабазаром в традиционных местах кочевий.

Известно, что престолонаследие после смерти Хаджи Герая (25.08.1466 г.), не обошлось без борьбы претендентов, среди которых наиболее значительными были его сыновья – Нурдевет и Менгли Герай. А. Л. Пономаревым выделен неизвестный по письменным источникам претендент – Ибрагим, короткому правлению которого осенью 1466 г. он находит свидетельства в казначейских книгах Каффы, где имя «императора» не называется [46, с. 194], и связывает с ним выпуск монет с двумя тамгами и именем Ибрагима, усматривая в нем сына Махмудека и внука Улуг Мухаммеда, впоследствии – казанского хана. Еще один претендент, избранный ханом осенью Келдыш, как сообщается в записи, бежал, по причине чего послы не смогли вручить предназначенные ему дарения [45, с. 146, сн. 41].

Как было отмечено, арабской легендой «чекан в Крыму» и тюркской «чекан Кырк Йера» сопровождалась продукция монетного двора Кырк Йера для монет Хаджи Герая и Менгли Герая 883 г.х. (4.04.1478-24.03.1479 гг.), что свидетельствует об общем для них месте чеканки в Кырк Йере. Можно предполагать, что и монеты Нурдевлета II 871-872 г.х., заимствующие тип оборотных сторон монет Хаджи Герая с арабской легендой, чеканились в Кырк Йере (рис. 6), тем более, что в Каффе эксплуатировались свои монетные типы. О. Ф. Ретовскому были известны пять видов монет Нурдевлета II чеканки 871-872 г.х. [85, Taf. III, 1-3, 5]. Из монет Нурдевлета II более поздних выпусков – только два: один – по публикации Х. М. Френа [70, № 408, tab. XI, CCCLXVI; 85, Taf. III, 1], другой, ошибочно причисленный Хаджи Гераю [85, Taf. III, Chadshi-Girei, 200], из своей коллекции. Единичность монеты позднего выпуска Нурдевлета II, оказавшейся в распоряжении О. Ф. Ретовского, объясняется происхождением публикуемых им монет 871-872 г.х. в основном из кладов, время сокрытия которых приходилось на 1475 г.

Часть монет Нурдевлета II 871-872 г.х., битых «в Крыму» (Кырк Йере), перечеканена из генуэзско-татарских аспров Каффы выпусков 871 г.х., сопровождавшихся на оборотных сторонах двумя именами ханов: Нур и Менгли (рис. 7, 7-9). При редкости такого явления, как перечеканки в монетном дела Крымского ханства, попытка изъятия из обращения этих монет Нурдеветом II косвенно подтверждает предложенное нами чтение имен Нур и Менгли в легенде; из-за второго имени – Менгли, которое нельзя списать на ошибку резчика штемпеля, они, вероятно, и подвергались перечеканке. Очевидно, двоевластие с Менгли Гераем Нурдевет II не признавал соправительством, пытаясь устранить его следы.

Среди аспров с инициалами консула Джiovани Ренцио де Габелла (12.12.1465 – 10.1466 гг.) находится предшествующий по общим типологическим признакам аспрам с именами двух ханов, несущий на себе, как может казаться, имя одного Нур(девлета) (рис. 7, 1-2). Тем не менее, следующее за именем соединение двух букв можно рассматривать как имя Менгли. Для сравнения можно обратиться к примерам написания этого имени на монетах Кырк Йера,

Рис. 6. Монеты Нурдевлета II 871-872 гг. х. (13.08.1466-21.07.1468 гг.), чеканенные в Кырк Йере: 1-19 – серебряные, 20-21 – медные; общие штемпеля лицевых сторон – 1-5, 6-7, 9-10, 11-12, 13-16, 17-21.

чеканенным в 882 г.х., когда оно еще не оформилось в ставшую эталонной на несколько лет форму письма (рис. 7, 11-13). Этих монет не найдено в кладах, временем тезаврации которых являлся 1475 г. Исключением можно было бы считать медную, очевидно, фальшивую – Менгли Герая, опубликованную среди серебряных – клада у ворот Чуфут-Кале [37, с. 178, рис. 97, № 443], но она не входила в состав заключенного в сосуд сокровища и была найдена, по сообщению раскопщиков, выше него в культурном слое.

Сообщаемые датированными по инициалам консулов монетами имена ханов, правивших после Хаджи Герая, вполне согласуются с представлениями об очередности их правлений, реконструируемой по записям в «*Massaria Caffa 1466*» [45, с. 140-144]. В них под 6.08.1466 г. значится оплата напитков, предоставленных «тому, кто привел коня, подаренного новым императором», а 8.08.1466 г. отмечена стоимость ответных даров, «посланных новому императору, «сыну покойного государя Хаджи Герая» [45, с. 142, сн. 30]. Вероятно, это Менгли Герай, как считал А. Л. Пономарев, но направления посольства к «новому императору» не указано. 16.10.1466 г. из Каффы к Солхату отправляется две огузии «с целью разузнать о войсках двух императоров, которые пришли со всеми (своими) воинами» [45, с. 143, сн. 33]. На этом эпизоде стоит остановиться, поскольку речь идет о двух «императорах», то есть уже избранных и признаваемых ханами не только в Каффе, которые привели свои войска к Солхату, как очевидно, для сражения. Из записи от 25.10.1466 г. узнаем, что смута в ханстве, порожденная борьбой за власть, продолжалась, и дары от кафинской коммуны были получены «двумя братьями императора», которые отправились с большим войском против Солхата [45, с. 143, сн. 32]. Очевидно, речь идет о том же походе против Солхата, что отмечен в записи от 16.10.1466 г., и тогда «*diobus Imperatoris fratribus*» следует понимать как неучастие в сражении самого «императора», поручившего командование войском своим братьям. Известно, что с 29.09.1466 г. Менгли Герай находился в Каффе, где начиная с этого дня получал от коммуны поденное содержание, он, вероятно, и был тем «императором», а одаривание его командующих-братьев подарками происходило по случаю победы, после возвращения их с поля боя.

О том, что Каффа не была безучастна к соперничеству ханов и поддерживала одного из них явствует из письма протекторов Банка Святого Георгия консулу и массариям, являвшегося ответным на послание из Каффы от 20.10.1466 г.: «...Поле еще не было замирено, и было ясно, что у вас, прежде всего, были законные основания для опасений ввиду положения нового императора...» [87, р. 487, doc. 774; 45, с. 143, сн. 32]. Речь идет, как понятно, о приюте, предоставленном Менгли Гераю. Упоминание времени, когда «Поле еще не было замирено», подразумевает, что положение должно было измениться к моменту написания письма консулом, следовательно, еще не начавшееся к 16.10.1466 г. сражение под Солхатом закончилось не позднее 20.10.1466 г. В другом письме консула Калоччио Гизольфи, отправленном через месяц 19.11.1466 г., сообщалось «что знать Скифии под власть нового императора отдалась, что Поле замирилось, и что есть добрая надежда на то, что все неурядицы, следовавшие за смертью Хаджи Герая, должны прекратиться...» [45, с. 143, сн. 34]. Вероятно, уже к 20 октября братья во главе войска Менгли Герая одержали победу над соперником под Солхатом. В первом письме содержалась мотивировка участия Каффы в судьбе «нового императора», каковым ко времени его писания был еще Менгли Герай. Известие об избрании «новым императором» Нурдевлета, «сына покойного государя Хаджи Гирея», было получено в Каффе только 29.10.1466 г. [45, с. 143, сн. 33]. Посольство – Христофоро Нариче и Андреа Фатинанти, посланные в первый раз ораторами к новоизбранному Нурдевету, не смогло

Рис. 7. Аспры Каффы с именами Нур-Менгли (1-6) и инициалами консулов Дживани Ренцио де Габелла (1-4) и Калоччио де Гизольфи (5-6), и перечаканка их в монеты Нурдевлета монетного двора Кырк Йера (7-9); оборотная сторона аспра с ретроградным написанием легенды с именем Нурдевлета II, отчеканенного в консульство Калоччио де Гизольфи (10); аспры с именем Нур(девлет) и инициалами монетария на оборотной стороне, чеканенные в консульство Калоччио де Гизольфи (10-12). Написание имени Менгли на лицевых сторонах монет Кырк Йера (14-16).

прибыть к нему «из-за беспорядков в Поле, которое было захвачено другими татарскими императорами» [45, с. 142, сн. 31]. Запись с упоминанием этого неудавшегося посольства датирована 29.11.1466 г. и была сделана после предоставления нотарию одобренной консулом и массариями сметы. По мнению А. Л. Пономарева, оно состоялось между 23 и 26.09.1466 г. Те же послы повторно отправляются в Кырк Йер к Нурдевлеу, по его мнению, 30.09.1466 г., в то время, когда Менгли Герай уже находился в Каффе на содержании коммуны [45, с. 142-143].

По его представлению, избрание Нурдевлета состоялось дважды: первый раз сепаратно, а второй – представителями всех родов. Но, как кажется, и первое и второе посольства по времени ближе к дате записи, будучи связаны с тем самым избранием Нурдевлета, о котором в Каффе узнали от послов, одаренных подарками согласно записи от 29.10.1466 г. [45, с. 143, сн. 33]. Отметки в бухгалтерских книгах о датах производимых расходов позволяют выяснить с достаточной точностью время связанных с этими расходами событий. Можно считать, что двоевластие Нурдевлета II и Менгли Герая началось после избрания «новым императором» Нурдевлета 27-28 октября 1466 г.

Монеты с именами Нур(девлета II) и Менгли (Герая) свидетельствуют об их соправительстве при консулах Джiovани Ренцио де Габелла и Калоччио де Гизольфи. Хронология их консульств важна для определения дат двуименных аспров, но не уточнена в сроках окончания консульства первого и начала – второго. По Н. Мурзакевичу, немало потрудившемуся над составлением и совершенствованием таблиц консулов Каффы, Гизольфи сменял на посту консула Ренцио де Габеллу 12.01.1467 г. [40, с. 555]. Но известно сообщение о письмах Калоччио де Гизольфи, адресовавшихся попечителям банка Святого Георгия и отправленных 19.11.1466 г. [87, р. 487; 45, с. 143, сн. 34]. Занятие им должности, со всей очевидностью, предшествовало письмам. Соправительство ханов, отраженное в монетных выпусках, началось в консульство Джiovани Ренцио де Габелла (не позднее 19.11.1466 г.) и закончилось при Калоччио де Гизольфи, при котором был начат выпуск новых монет с именем одного Нурдевлета II (рис. 7, 14-15). Можно предполагать, что консульство Калоччио де Гизольфи начиналось еще до избрания ханом Нурдевлета II 27-28 октября 1466 г. и более чем за месяц до отправки писем попечителям Банка. Чеканка Каффой монет с именами двух ханов продолжалась и в то время, когда Менгли Герай нашел убежище и радушный прием за стенами Каффы, взявшей его на содержание.

Однако один из известных тарханых ярлыков Менгли Герая был дан им в середине первого лунного месяца мухаррема 872 г.х. «когда возвеличенная Орда находилась в Кырк-ере» [4, с. 321/4], что указывает на его восстановление на ханстве в августе 1467 г., очевидно, кратковременное. Вскоре же он оказывается в той же Каффе, но уже в качестве находившегося под стражей пленника. Воцарению Менгли Герая в предпоследний месяц 872 г.х. (июнь-июль 1468 г.), которое можно рассматривать как следующее его восстановление на престоле, предшествовало прибытие в конце мая 1468 г. под стены Каффы Мамака с отрядом из трех тысяч всадников, потребовавшего отпустить находившегося под арестом султана Менгли Герая. Избранный до этого «императором» Келдыш, как сообщается в записи, бежал, по причине чего его послы не смогли вручить ему переданные через них из Каффы дарения [45, с. 146, сн. 41]. Попытка сбежать из-под стражи предпринималась и Менгли Гераем в то время, когда под стенами стоял Мамак с тремя тысячами всадников, но он был задержан стражником, поощренным за это вознаграждением 25.05.1468 г. [45, с. 147, сн. 42]. Мамак и некоторые из стоявших во главе воинства получили подарки, обошедшиеся коммуне в 900 аспров. В определении времени начала правления Менгли Герая наиболее документальными,

как это было отмечено А. Л. Пономаревым, являются записи каффинского монетного двора, который выплатил хану синьораж в общей сумме 24 тыс. аспров (дангов) ровно за два года, начиная с 24.06.1468 г. [45, с. 146, сн. 41]. В результате Менгли Герай был провозглашен ханом, и с конца июня 1468 г. начинается его новое правление в Кырк Йере.

Второй из издававшихся В. Д. Смирновым ярлыков датирован 8 зуль-хидже 872 г.х. (07.1468), не сохранил имени хана и выдан, когда Великая Орда находилась в Кырк Йере. Ярлык был дан жителям Кырк Йера, содержит отсылку к предыдущему ярлыку, полученному от отца хана. По предположению В. Д. Смирнова, он был выдан Нурдевлемом (II) [65, с. 9-11]. Но очевидно, что в июле 1468 г. это мог быть Менгли Герай, а возвращение его в Кырк Йер произошло в ближайшие дни после его провозглашения ханом. Еще один ярлык Менгли Герая был выдан им в следующем 873 г.х. «месяца реби-эль-эввеля двенадцатого числа, когда Орда была в Мераше» (название места выдачи ярлыка неразборчиво) [4, с. 323/13].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архимандрит Антонин. Заметки XII-XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. 5. С. 595-628.
2. Бартольд В. В. Бахчисарай // Сочинения. М., 1965. Т. III. С. 368-370.
3. Бартольд В.В. Хаджи-Гирей // Сочинения. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1968. Т. V.
4. Березин И. Н. Тарханные ярлыки крымских ханов // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. VIII. Прибавление. С. 321/1-5.
5. Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале (По материалам раскопок 1928-1929 гг.) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. Т. III (60). С. 170-183.
6. Брун Ф. Черноморские Готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна (1852-1877). Ч. II. Одесса, 1880. С. 189-241.
7. Брун Ф. Восточный берег Черного моря по древним периплам и по компасовым картам // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна (1852-1877). Ч. II. Одесса, 1880. С. 242-270.
8. Бушаков В. А. Феномены топонимов: о древнем названии города-крепости Чуфут-Кале – Кыркор // Ватан. 1991. № 10. С. 14-20.
9. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. XXVI. 416 с.
10. Волков М. Четыре года Каффы (1453, 1454, 1455 и 1456) // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. VIII. С. 109-144.
11. Гаркави А. Я. О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове // Известия Императорского Русского географического общества. 1876. Т. XII, отд. 2. С. 55-58.
12. Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. IV. М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1968. 612 с.
13. Григорьев А. П. Прежние названия Чуфут-кале // Вестник СПбГУ. 1995. Сер. 2. Вып. 3 (№16). С. 21-29.
14. Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник – 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 74-142.
15. Григорьев А. П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник – 2006. М., 2007. С. 117-168.
16. Григорьев В. Монеты джучидов, генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове и принадлежащие Обществу // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I. С. 301-313.
17. Григорьев В. В., Ярцов Я. О. Ярлыки Токтамышы и Саадет-Гирея // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I. С. 337-346.

18. Гулевич В. П. Северное Причерноморье в 1400-1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. Казань, 2013. № 1.
19. Зайончковский Ю. В. Серебряные монеты джучидского хана Мухаммада бен Тимура с именем Махмуд на реверсе // *Stratum plus*. 2013. № 6. С. 1-6.
20. Зайцев И. В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 360 с.
21. Зайцев И. В. Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средневековые исторические хроники // Восток. 2008. № 4. С. 28-36.
22. Зайцев И. В. Кырк-Йер / Кыркор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. М., 2013. С. 494-505.
23. Капанадзе Д. Г. О неопределенных грузинских монетах и монетных дворах в Грузии // Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1947. XIV-V. С. 5-26.
24. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 186 с.
25. Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). СПб., 1837. 418 с.
26. Кёне Б. В. Описание музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений, равно как царств: Понтийского и Боспора Киммерийского. Т. I. СПб., 1857. 412 с.
27. Колли Л. Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке // ИТУАК. Симферополь, 1913. № 50. С. 99-139.
28. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература РАН, 2009. 224 с.
29. Курат А. Н. Собрание сочинений. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 256 с.
30. Лашков Ф. Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887. 64 с.
31. Лашков Ф. Ф. Архивные данные о бейлыках в Крымском ханстве // Труды IV Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1889. Т. IV. С. 146-178.
32. Лашков Ф. Ф. Реестр делам Крымского Двора с 1474 по 1779 год, учиненный действительным статским советником Николаем Бантыш-Каменским в 1808 г. // ИТУАК. 1891. Вып. 14.
33. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1894. № 21. С. 58-89.
34. Лебедев В. П., Клоков В. Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология. Казань, 2001. № 1-2 (8-9). С. 19-46.
35. Лебедев В. П., Клоков В. Б. Монетный клад конца XV в. с селища Каменный Бугор близ развалин средневекового Сарая // Нумизматика Золотой Орды. Казань, 2012. Вып. 2. С. 138-142.
36. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. 262 с.
37. Майко В. В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в юго-западном Крыму. Киев: Академперіодика, 2007. 190 с.
38. Марков А. Инвентарный каталог монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1898. 872 с.
39. Московский Летописный Свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. 464 с.
40. Мурзакевич Н. Генуэзские консулы города Кафы // ЗООИД. Одесса, 1853. Т. III. С. 552-555.
41. Орешкова С. Ф. О сочинениях В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века» и «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке» и их новом издании // Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2-х т. Т. I. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005.
42. Пономарев А. Л. Население и топография Каффы по данным бухгалтерской книги Массарии – казначейства за 1381-1382 гг. // Причерноморье в средние века. М.; СПб.: Алетей, 2000. Т. 4. С. 317-342.
43. Пономарев А. Л. Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г. *Liber massariae Caffae tempore regiminis egregii viri domini Iuliani de Castro consulis Caffae MCCCCLXXIV nunc indicatus et a pluribus*

- mendis purgatus // Причерноморье в Средние века. М., 2005. С. 41-138.
44. Пономарев А. Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. Казань, 2013. № 2. С. 158-190.
 45. Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. Казань, 2014. № 1(3). С. 128-162.
 46. Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (2) // Золотоордынское обозрение. Казань, 2014. № 2(4). С. 191-225.
 47. Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 408 с.
 48. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Изд-е 1-е. СПб., 1859. Т. VIII. 302 с.
 49. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. 254 с.
 50. Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья / Пер. С. П. Карпова // Причерноморье в средние века. М.; СПб.: Алетей, 1998. Вып. 3. С. 8-47.
 51. Ретовский О. Ф. Монеты Гази-Герая хана II, бен Девлет // ИТУАК. Симферополь, 1889. № 8. С. 90-98.
 52. Ретовский О. Ф. К нумизматике Гиреев (с 4-мя таблицами) // ИТУАК. Симферополь, 1893. № 18. С. 73-118.
 53. Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы // ИТУАК. Симферополь, 1897. № 27. С. 49-104.
 54. Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья вторая // ИТУАК. Симферополь, 1898. № 28. С. 1-52.
 55. Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья третья // ИТУАК. Симферополь, 1901. № 32-33. С. 1-17.
 56. Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты // ИАК. СПб., 1906. Вып. 18. С. 1-72.
 57. Ретовский О. Ф. Новые генуэзско-татарские монеты // ИАК. Петроград, 1914. Вып. 51. С. 1-16.
 58. Саргсян Т. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV-XV вв.). Симферополь, 2010. 216 с.
 59. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского Государственного университета. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. Вып. XI. 276 с.
 60. Северова М. Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н.э.) // Вторая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 6-8 апреля 1994 г. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 98-100.
 61. Сейид Мухаммед Риза. Ассесб о-Ссейяр или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. с 871/1466 по 1151/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы, издано под наблюдением Мирзы Казимбека. Казань, 1832.
 62. Сестренцевич-Богущ С. История о Таврии. Т. II. СПб., 1806. (Репринт: М.: Книга по требованию, 2011. 418 с.)
 63. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 772 с.
 64. Смирнов В. Д. Крымско-ханские грамоты // ИТУАК. Симферополь, 1913. № 50. С. 140-178.
 65. Смирнов В. Д. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 54. С. 5-21.
 66. Соколова К. Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма. 1. Могильник Чуфут-Кале // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 63-70.
 67. Султанов Т. И. "Муизз ал-ансаб" и Чингизиды – подпоручики "Кижэ" // Восток. М., 1994. Вып. 6. С. 81-87.
 68. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1884. 564 с.
 69. Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430-1460) // Славяне и их

- соседи. М., 2001. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. С. 172-196.
70. Френ Х. М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении; из прежнего собрания Г-на Профессора, Статского Советника и Кавалера К. Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету. Перевел с немецкого Михаил Волков. СПб., 1832.
71. Халим Гирай султан. Розовый куст ханов, или история Крыма. Перевод переложения А. Ильми 1909 г. и пояснения К. Усейнова 2004 г. Симферополь: Доля, 2004. 288 с.
72. Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // ПСРЛ. М.: Наука, 1975. Т. 32. 430 с.
73. Юргевич В. О монетах генуэзских, находимых в России // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. VIII. С. 141-160.
74. Юргевич В. Замечания на статью о генуэзских монетах, помещенную в VIII томе Записок Общества, сделанная итальянским ученым К. Десимони // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. VIII. С. 465-471.
75. Artuk İ., Artuk C. İstanbul arkeoloji müzeleri teşhirdeki islâmî sikkeler kataloğu. Cilt II. İstanbul: Millî Eğitim Basımevi, 1974. 972 s., XCII lev.
76. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol. XXII. Genova, 1890. 284 p.
77. Banescu N. «Contributions» histoire de la seigneurie de Théodoro-Mangoup en Crimée // Byzantinische Zeitschrift. 1935. XXXV. P. 20-37.
78. Deguignes M. Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mogols. I-IV. Paris: Chez desant & Saillant, 1756-1758. 2936 p.
79. Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle. Tome premier, 1er série. Paris, 1899. 284 p.
80. Liv-, Est und Kurländisches Urkundenbuch. Bd. 8. Riga; Moskow, 1884. 688 p.
81. Le khanat de Crimée dans les Archives du musée du palais de Topkapı. Paris, 1978. 458 p.
82. Lane-Poole S. Mohammadan Dynasties. Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions. Westminster, 1844. 342 p.
83. Lunardi G. Le monete delle colonie genovesi. Genova, 1980. 320 p.
84. Pegolotti F. B. La pratica della Mercatura. Cambridge-Massachusetts: The intelecencer printed Go, 1936. 443 p.
85. Retovski O. Die Münzen der Girei. Moskau, 1905. VIII+306 S., XXX Taf.
86. Schlumberger G. Numismatique de l'Orient latin. Paris, 1878. 504 p., XXI fol. ill., carte. (Reprint: Graz, 1954).
87. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453-1475) // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 1871-1879. T. VII, pt. 1. 900 p.

REFERENCES

1. Arkhimandrit Antonin. Zametki XII-XV veka, otnosiashchiesia k krymskomu gorodu Sugdee (Sudaku), pripisannye na grecheskom Sinaksare. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1863, T. 5, pp. 595-628.
2. Bartol'd V. V. Bakhchisarai. *Sochineniia*, Moskow, Nauka Publ., Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1965, T. III, pp. 368-370.
3. Bartol'd V. V. Khadzhi-Girei. *Sochineniia*. Moskow, Nauka Publ., Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1968, T. V.
4. Berezin I. N. Tarkhannye iarlyki krymskikh khanov. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1872, T. VIII, Pribavlenie, pp. 321/1-5.
5. Bodaninskii U. A., Zasyrkin B. N. Chufut-Kale (Po materialam raskopok 1928-1929 gg.). *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, Simferopol', 1929, T. III (60), pp. 170-183.
6. Brun F. Chernomorskie Goty i sledy dolgogo ikh prebyvaniia v Iuzhnoi Rossii. *Chernomor'e. Sbornik issledovaniı po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii F. Bruna (1852-1877)*, Part II, Odessa, 1880, pp. 189-241.
7. Brun F. Vostochnyi bereg Chernogo moria po drevnim perioplam i po kompasovym kartam. *Chernomor'e. Sbornik issledovaniı po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii F. Bruna (1852-1877)*, Part II, Odessa, 1880, pp. 242-270.

8. Bushakov V. A. Fenomeny toponimov: o drevnem nazvanii goroda-kreposti Chufut-Kale – Kyrkor. *Vatan*, 1991, N 10, pp. 14-20.
9. Vologodsko-Permskaia letopis'. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, Moscow; Leningrad, 1959, T. XXVI, 416 p.
10. Volkov M. Chetyre goda Kaffy (1453, 1454, 1455 i 1456). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1872, T. VIII, pp. 109-144.
11. Gordlevskii V. A. *Izbrannye sochineniia*. T. 3. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1962, 591 p.
12. Garkavi A. Ia. O proiskhozhdenii nekotorykh geograficheskikh nazvanii mestnostei na Tavricheskom poluostrove. *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1876, T. XII, otд. 2, pp. 55-58.
13. Grigor'ev A. P. Prezhnie nazvaniia Chufut-kale. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1995, Ser. 2. Vol. 3 (№16), pp. 21-29.
14. Grigor'ev A. P. Zolotoordynskie iarlyki: poisk i interpretatsiia. *Tiurkologicheskii sbornik – 2005. Tiurkskie narody Rossii i Velikoi stepi*, Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2006, pp. 74-142.
15. Grigor'ev A. P. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy: mestopolozhenie gorodov, ikh naimenovaniia. *Tiurkologicheskii sbornik – 2006*, Moscow, 2007, pp. 117-168.
16. Grigor'ev V. Monety dzhuchidov, genueztsev i Gireev, bitey na Tavricheskom poluostrove i prinadlezhashchie Obshchestvu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1844, T. I, pp. 301-313.
17. Grigor'ev V. V., Iartsov Ia. O. Iarlyki Toktamysya i Saadet-Gireia. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1844, T. I, pp. 337-346.
18. Gulevich V. P. Severnoe Prichernomor'e v 1400-1442 gg. i vznikovenie Krymskogo khanstva. *Zolotoordynskoe obozrenie*, Kazan', 2013, N 1.
19. Zaionchkovskii Iu. V. Serebrianye monety dzhuchidskogo khana Mukhammada ben Timura s imenem Makhmud na reverse. *Stratum plus*, 2013, N 6, pp. 1-6.
20. Zaitsev I. V. *Astrakhanskoe khanstvo*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2006, 360 p.
21. Zaitsev I. V. Zapisi genealogii i pravlenii krymskikh khanov i krymskie srednevekovye istoricheskie khroniki. *Vostok*, 2008, N 4, pp. 28-36.
22. Zaitsev I. V. Kyrk-Ier / Kyrkor (Chufut-Kale) i ranniaia istoriia Krymskogo khanstva. *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi*, Moscow, 2013, pp. 494-505.
23. Kapanadze D. G. O neopredelennykh gruzinskikh monetakh i monetnykh dvorakh v Gruzii. *Vestnik Gosudarstvennogo muzeia Gruzii*, Tbilisi, 1947, XIV-B, pp. 5-26.
24. Kapanadze D. G. *Gruzinskaia numizmatika*. M.: Akademia Nauk SSSR Publ., 1955, 186 p.
25. Keppen P. *O drevnostiakh luzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Krymskii sbornik)*. St. Petersburg, 1837, 418 p.
26. Kene B. V. *Opisanie muzeuma pokoinogo kniazia Vasilii Viktorovicha Kochubeia i issledovaniia ob istorii i numizmatike grecheskikh poselenii, ravno kak tsarstv: Pontiiskogo i Bospora Kimmeriiskogo*, T. I. St. Petersburg, 1857, 412 p.
27. Kolli L. Khadzhi-Girei-khan i ego politika (po genuezskim istochnikam). Vzgliad na politicheskie snosheniia Kafy s tatarami v XV veke. *Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1913, N 50, pp. 99-139.
28. Konovalova I. G. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh geografov XIII-XIV vv.: tekst, perevod, kommentarii*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2009, 224 p.
29. Kurat A. N. *Sobranie sochinenii. Kn. 1. Iarlyki i bitiki khanov Zolotoi Ordy, Kryma i Turkestana v arkhive muzeia dvortsia Topkapy*. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2014, 256 p.
30. Lashkov F. *Sel'skaia obshchina v Krymskom khanstve*. Simferopol', 1887, 64 p.
31. Lashkov F. F. Arkhivnye dannye o beilykakh v Krymskom khanstve. *Trudy IV Arkheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.)*, Odessa, 1889, T. IV, pp. 146-178.
32. Lashkov F. F. Reestr delam Krymskogo Dvora s 1474 po 1779 god, uchinennyi deistvitel'nym statskim sovetnikom Nikolaem Bantyshe-Kamenskim v 1808 g. *Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1891, N 14.
33. Lashkov F. F. Istoricheskii ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniia. *Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi*

- Arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1894, N 21, pp. 58-89.
34. Lebedev V. P., Klokov V. B. Monety s iugo-vostochnykh okrain Saraia. *Tatarskaia arkheologiya*, Kazan', 2001, N 1-2 (8-9), pp. 19-46.
 35. Lebedev V. P., Klokov V. B. Monetnyi klad kontsa XV v. s selishcha Kamennyi Bugor bliz razvalin srednevekovogo Saraia. *Numizmatika Zolotoi Ordy*, Kazan', 2012, Vol. 2, pp. 138-142.
 36. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, St. Petersburg, 1897, T. XI, 262 p.
 37. Maiko V. V. *Kyrk-Erskii klad gorodishcha Chufut-Kale v iugo-zapadnom Krymu*. Kiev, Akademperiodika Publ., 2007, 190 p.
 38. Markov A. *Inventarnyi katalog monet Imperatorskogo Ermitazha*. St. Petersburg, 1898, 872 p.
 39. Moskovskii Letopisnyi Svod kontsa XV veka. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, Moscow, Leningrad, 1949, T. 25, 464 p.
 40. Murzakevich N. Genuezskie konsuly goroda Kafy. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1853., T. III, pp. 552-555.
 41. Oreshkova S. F. O sochineniiakh V. D.Smirnova «Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka» i «Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII veke» i ikh novom izdanii. *Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty: v 2-kh t.* T. I. Moscow, Izdatel'skii dom «Rubezhi XXI», 2005.
 42. Ponomarev A. L. Naselenie i topografiia Kafy po dannym bukhgalterskoi knigi Massarii – kaznacheistva za 1381-1382 gg. *Prichernomor'e v srednie veka*, Moscow, St. Petersburg, Aleteia Publ., 2000, T. 4, pp. 317-342.
 43. Ponomarev A. L. Putevoditel' po rukopisi massarii Kafy 1374 g. Liber massariae Caffae tempore regiminis egregii viri domini Iuliani de Castro consulis Caffae MCCCLXXIV nunc indicatus et a pluribus mendis purgatus. *Prichernomor'e v Srednie veka*, Moscow, 2005, pp. 41-138.
 44. Ponomarev A. L. Pervye khany Kryma: khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh genuezskogo kaznacheistva Kafy. *Zolotoordynskoe obozrenie*, Kazan', 2013, N 2, pp. 158-190.
 45. Ponomarev A. L. Ibragim, syn Makhmudeka: vkhozhdenie vo vlast' i koshel'ki (1). *Zolotoordynskoe obozrenie*, Kazan', 2014, N 1(3), pp. 128-162.
 46. Ponomarev A. L. Ibragim, syn Makhmudeka: vkhozhdenie vo vlast' i koshel'ki (2). *Zolotoordynskoe obozrenie*, Kazan', 2014, N 2(4), pp. 191-225.
 47. Pochekaev R. Iu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i pravitelei Zolotoi Ordy*. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2010, 408 p.
 48. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, Izdanie 1-e, St. Petersburg, 1859, T. VIII, 302 p.
 49. *Rashid ad-Din. Sbornik letopisei*. T. II. Moscow, Leningrad, 1960, 254 p.
 50. Regesty dokumentov fonda Diversorum Filze sekret'nogo arkhiva Genui, otnosiashchiesia k istorii Prichernomor'ia. Trans. S. P. Karпов. *Prichernomor'e v srednie veka*. Moscow, St. Petersburg, Aleteia Publ., 1998, T. 3, pp. 8-47.
 51. Retovskii O. F. Monety Gazi-Geraia khana II, ben Devlet. *Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1889, N 8, pp. 90-98.
 52. Retovskii O. F. K numizmatike Gireev (s 4-mia tablitsami). *Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1893, N 18, pp. 73-118.
 53. Retovskii O. F. Genuezsko-tatarskie monety goroda Kafy. *Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1897, N 27, pp. 49-104.
 54. Retovskii O. F. Genuezsko-tatarskie monety goroda Kafy. Stat'ia vtoraiia. *Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1898, N 28, pp. 1-52.
 55. Retovskii O. F. Genuezsko-tatarskie monety goroda Kafy. Stat'ia tret'ia. *Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1901, N 32-33, pp. 1-17.
 56. Retovskii O. F. Genuezsko-tatarskie monety. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, St. Petersburg, 1906, Vol. 18, pp. 1-72.

57. Retovskii O. F. *Novye genuezsko-tatarskie monety. Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, Petrograd, 1914, Vol. 51, pp. 1-16.
58. Sargsian T. *Svod armianskikh pamiatnykh zapisei, otnosiashchikhsia k Krymu i sopredel'nym regionam (XIV-XV vv.)*. Simferopol', 2010, 216 p.
59. Safargaliev M. G. *Raspad Zolotoi Ordy. Uchenye zapiski Mordovskogo Gosudarstvennogo universiteta*, Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, Vol. XI, 276 p.
60. Severova M. B. *Ob imeni zolotoordynskogo khana na monetakh Kryma 822 i 823 gg. khidzhry (1419, 1420 gg. n.e.). Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Vtoraia Vserossiiskaia numizmaticheskaiia konferentsiia. Sankt-Peterburg, 6-8 aprelia 1994 g."*, St. Petersburg, 1994, pp. 98-100.
61. Seiid Mukhammed Riza. *Asseb o-Sseiiar ili Sem' planet, soderzhashchii istoriiu krymskikh khanov ot Mengli-Girei khana I-go do Mengli-Girei khana II-go, t.e. s 871/1466 po 1151/1737 g. Sochinenie Seiida Mukhammeda Rizy, izdano pod nabliudeniem Mirzy Kazimbeka*. Kazan', 1832.
62. Sestrentsevich-Bogush S. *Istoriia o Tavrii*. T. II. St. Petersburg, 1806. (Reprint: Moskow, Kniga po trebovaniu Publ., 2011. 418 s.)
63. Smirnov V. D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Otomanskoi Porty do nachala XVIII veka*. St. Petersburg, 1887. 772 s.
64. Smirnov V. D. *Krymsko-khanskie gramoty. Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1913, N 50, pp. 140-178.
65. Smirnov V. D. *Tatarsko-khanskie iarlyki iz kolleksii Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Izvestiia Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1918, N 54, pp. 5-21.
66. Sokolova K. F. *Antropologicheskie materialy iz rannesrednevekovykh mogil'nikov Kryma. 1. Mogil'nik Chufut-Kale. Istoriia i arkheologiia srednevekovogo Kryma*, Moskow, 1958, pp. 63-70.
67. Sultanov T. I. "Muizh al-ansab" i Chingizidy – podporuchiki "Kizhe". *Vostok*, Moskow, 1994, Vol. 6, pp. 81-87.
68. Tizengauzen V. G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy*. T. I. *Izvlacheniiia iz sochinenii arabskikh*. St. Petersburg, Tipografia Impatorskoi Akademii Nauk Publ., 1884, 564 p.
69. Floria B. N. *Orda i gosudarstva Vostochnoi Evropy v seredine XV veka (1430-1460). Slaviane i ikh sosedi*. Moskow, 2001, Vol. 10: Slaviane i cochevoi mir, pp. 172-196.
70. Fren Kh. M. *Monety khanov ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy s monetami inykh mukhammedanskikh dinastii v pribavlenii; iz prezhnego sobraniia G-na Professora, Statskogo Sovetnika i Kavalera K. Fukhsa v Kazani, prinadlezhashchego nyne tamoshnemu Imperatorskomu Universitetu*. Perevel s nemetskogo Mikhail Volkov. St. Petersburg, 1832.
71. *Khalim Girai sultan. Rozovyi kust khanov, ili istoriia Kryma*. Perevod perelozheniia A. Il'mi 1909 g. i poiasneniia K. Useinova 2004 g. Simferopol', Dolia Publ., 2004, 288 p.
72. *Khroniki: Litovskaia, Zhmoitskaia i Bykhovtsa. Polnoe sobranie russkikh letopisei*, Moskow, Nauka Publ., 1975, T. 32, 430 p.
73. Iurjevich V. *O monetakh genuezskikh, nakhodimykh v Rossii. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1872, T. VIII, pp. 141-160.
74. Iurjevich V. *Zamechaniia na stat'iu o genuezskikh monetakh, pomeshchennuiu v VIII tome Zapisok Obshchestva, sdelannyya ital'ianskim uchenym K. Desimoni. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1872, T. VIII, pp. 465-471.
75. Artuk İ., Artuk C. *İstanbul arkeoloji müzeleri teşhirdeki islâmi sikkeler kataloğu*. Cilt II. İstanbul, Millî Eğitim Basımevi Publ., 1974, 972 p., XCII lev.
76. *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Vol. XXII. Genova, 1890, 284 p.
77. Banescu N. «Contributtional» histoire de la seigneurie de Théodoro-Mangoup en Crimée. *Byzantinische Zeitschrift*, 1935, XXXV, pp. 20-37.
78. Deguignes M. *Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mogols. I-IV*. Paris, Chez desant & Saillant, 1756-1758, 2936 p.
79. Jorga N. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVè siècle*. Tome premier, 1er série. Paris, 1899, 284 p.

80. *Liv-, Est und Kurlandisches Urkundenbuch*. Bd. 8. Riga; Moskow, 1884, 688 p.
81. *Le khanat de Crimée dans les Archives du musée du palais de Topkapı*. Paris, 1978, 458 p.
82. Lane-Poole S. *Mohammadan Dynasties. Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions*. Westminster, 1844, 342 p.
83. Lunardi G. *Le monete delle colonie genovesi*. Genova, 1980, 320 p.
84. Pegolotti F. B. *La pratica della Mercatura*. Cambridge-Massachusetts, The intelecencer printed Go, 1936, 443 p.
85. Retovski O. *Die Münzen der Girei*. Moskau, 1905, VIII+306 p., XXX Taf.
86. Schlumberger G. *Numismatique de l'Orient latin*. Paris, 1878, 504 p., XXI fol. ill., carte. (Reprint: Graz, 1954).
87. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453-1475). *Atti della Società Ligure di Storia Patria*, Genova, 1871-1879, T. VII, pt. 1, 900 p.

В. А. Сидоренко

Монетная чеканка Кырк Йера и Каффы в истории Крымского ханства 1442-1475 гг.

Резюме

Статья посвящена рассмотрению работы монетных дворов Каффы и Кырк Йера (от утверждения на престоле Крымского ханства Хаджи Герая до завоевания Каффы турками в 1475 г.) на основе систематизации и датировки монет. Чтение легенд на монетах Каффы и установление их дат по инициалам консулов обнаружило неизвестное короткое правление хана Нурдевлета в 1450 г., отраженное в литературно-историческом сочинении Мехмеда Ризы с конъюнктурой имени Хаджи Герая, также неизвестные ранее главенствование над Крымом хана Сеид Ахмада в 1455-1457 гг. и совместное правление Нурдевлета с Менгли Гераем с 1466 до начала 1467 гг., по случаю которого в Каффе чеканились монеты с именами двух ханов.

Ключевые слова: Крымское ханство, Кырк Йер, Хаджи Герай, Нурдевлет, Менгли Герай, Сеид Ахмед, монеты Кафы.

V. A. Sidorenko

The Coinage of Kyrk Yer and Kaffa in the History of the Crimean Khanate, 1442-1475 AS

Summary

This article analyses the work of mints of Kaffa and Kyrk Yer (from the establishment of Haji Geray on the throne of the Crimean Khanate to the conquest of Kaffa by Ottomans in 1475) against the background of systematization and dating of coins. The reading of legends on coins of Kaffa and the establishment of their dates by initials of consuls have discovered the unknown short reign of Khan Nurdevlet in 1450, reflected in Mekhmed Riza's literary and historical work, with supposed name of Haji Geray, an earlier unknown Khan Seid Ahmad's domination over the Crimea in 1455-1457, and Nurdevlet's and Mengli Geray's joint reign from 1466 to the early 1467, which resulted in the mintage of coins with names of two Khans in Kaffa.

Keywords: Crimean Khanate, Kyrk Yer, Haji Geray, Nurdevlet, Mengli Geray, Seid Ahmed, coins of Kaffa.

ИСТОРИЯ

Д.А. ШАЛЫГА

ЯЗЫК КРЫМСКИХ ГОТОВ¹

Начало лингвистического изучения языка крымских готв приходится на XVI столетие, когда ученый и дипломат Ожье Гислен де Бусбек (Ogier Ghislain de Busbecq / Augerius Gislениus Busbequius) записал в Константинополе крымско-готский языковой материал. Сведения о крымских готах, крымско-готско-латинский глоссарий и образец кантилены, содержит четвертое из «Турецких писем» Бусбека, написанных им в период между 01.09.1555 г. и 16.12.1562 г. [16, S. 2] и впервые изданных в Париже в 1589 г. [9]. По мнению МкД. Стернса, наиболее авторитетным является именно первое издание писем [17, p. 41-42]. Н. А. Ганина, вслед за Э. Шрёдером [16, S. 11], отмечает идентичность первого и следующего франкфуртского издания 1595 г. [10] предлагает рассматривать их как равноценные источники [2, с. 92, 100 сл.]. При этом исследователи называют ряд факторов, которые могли привести к искажению крымско-готских форм в первом издании. Э. Шрёдер исключает личное участие в публикации писем как автора, так и их адресата Никола Мишо (Nicolas Michault) [16, S. 5, 6]. По его мнению, инициатива их издания принадлежала книготорговцу, который, видимо, располагал одним из списков, циркулировавших среди филологов и дипломатов [16, S. 6]. Ошибки в крымско-готских словах могли появиться и по вине наборщика-француза [16, S. 15]. МкД. Стернс, О. Грэнвик, вслед за М. Х. Еллинеком, выделили четыре источника ошибок. Помимо выше названных, исследователи принимают во внимание и то обстоятельство, что Бусбек, записывая готские слова, опирался на свой языковой опыт человека, разговаривающего на фламандском языке XVI в. Кроме того авторами поднимается вопрос о степени доверия информанту Бусбека [15, p. 155; 17; 13]. Однако владение греком хоть в какой-то мере языком крымских готв вполне соответствует ситуации сосуществования, соседства и тесных контактов в Юго-Западном Крыму представителей разных этносов.

Незнание готом языка своего народа отражает процесс ассимиляции крымских

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10123 «Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.)».

готов и социолингвистический статус крымско-готского языка / диалекта в XVI в., уже не обслуживающего всех представителей этноса в регионе. Этот факт более важен для понимания тенденций развития языка в этот период, чем типичный для полиэтнических регионов билингвизм грека. Видимо, в это время крымско-готский язык уже не имел большого престижа в глазах молодого поколения. Собеседник Бусбека еще отождествляет себя с готами, но язык крымских готов уже потерял свое этнодифференцирующее значение.

С текстом «Турецких писем» можно ознакомиться на сайте проекта TITUS, Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien (Тезаурус индогерманских текстовых и языковых материалов) [8] и на сайте проекта «Krimgotisch» (Крымско-готский язык) [11]. В первом случае текст воспроизводится по изданию «Augerii Gislenii Busbequii. Omnia quae extant. Basel: Jo. Brandmüller, 1740 (Reprint Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1968)», во втором - по «Loewe R. Die Reste der Germanen am schwarzen Meere - eine ethnologische Untersuchung. Halle: Niemeyer, 1896, S. 127 ff.». Н. А. Ганина приводит факсимиле первого издания «Четвёртого турецкого письма», используя в качестве источника таблицы соответствующих страниц, опубликованные МкД. Стернсом [2, с. 92 сл.; 17, pl. I, IV-V]. Сравнительный анализ выявил незначительные расхождения в орфографии отдельных слов, в основном латинского текста и в редких случаях крымско-готских форм, а также пунктуации, представленные в следующей таблице:

<i>TITUS (no: Augerii Gislenii Busbequii Omnia quae extant, Basel: Jo. Brandmüller, 1740 / Reprint Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1968)</i>	<i>Факсимиле у Н. А. Ганиной (no: McD. Jr. Stearns)</i>	<i>www.gotica.de (no: Loewe R. Die Reste der Germanen am schwarzen Meere - eine ethnologische Untersuchung; Halle: Niemeyer, 1896)</i>
Page of edition: 303 Line of edition: 14 quæ etiamnum incolis Tauricam Cher/foanelum,	incolit	incolit
Line of edition: 20 quod ea lingua scriptum esset sed	esset sed hoc	esset, sed hoc
Page of edition: 304 Line of edition: 3 fermone Græcus, fd qui frequenti com/mercio	sed	sed
Line of edition: 5 ufum haberet, nam fuperior vicinitate,	usum haberet. nam superior	usum haberet, nam superior
Line of edition: 8 fui esset oblitus, interrogatus de natura	oblitus. interrogatus	oblitus, interrogatus
Line of edition: 10 respondabat. Aiebat gentem esse	respondebat	respondebat
Line of edition: 13 cum expediret, octingentos peditos sclo/petarios	pedites	pedites
Line of edition: 26 reconditam, quam promant cum opus	promant	promat
Line of edition: 30 nulla requirere coclearia, sed ius volâ	vola	vola

Page of edition: 305 Line of edition: 5 conditis vefci. Gentis regulum è menfa	e mensa	e mensa
Line of edition: 17 aut <i>the</i> , nostratia aut parum differentia	the. nostratia aut parum differentia. haec	<i>the</i> . Nostratia aut parum differentia haec
Line of edition: 24 <i>Reghen</i> . Pluvia.	Pluuia.	Pluvia.
Line of edition: 26 <i>Schvvester</i> . Soror.	Schuuvester.	<i>Schuuvester</i> .
Page of edition: 306 Line of edition: 15 <i>Rinck</i> . siue.	Rinck siue	<i>Rinck</i> sive[.]
Line of edition: 20 <i>Schietê</i> . Mittere fagittâ.	Schieten. Mittere sagittam.	<i>Schieten</i> . Mittere sagittam.
Line of edition: 28 <i>Schvvalth</i> . Mors.	Schuualth.	<i>Schuualth</i> .
Page of edition: 307 Line of edition: 3 <i>Iel</i> . Vita siue fanitas.	Vita siue sanitas.	Vita sive sanitas.
Line of edition: 4 <i>Ieltfch</i> . Vivus siue fanus.	Viuus siue sanus	Vivus sive sanus.
Line of edition: 5 <i>Iel uburt</i> . Sit fanum.	vburt	<i>vburt</i>
Line of edition: 9 <i>Ada</i> . Ovum.	Ouum	Ovum.
Line of edition: 14 <i>Atochta</i> . Maum.	Malum.	Malum.
Line of edition: 24 <i>Borrotfch</i> . Voluntas.	Borrotsch.	<i>Borrotsch</i> .
Line of edition: 26 <i>Kilemschkop</i> . ebibe calicem.	Kilemschkop. Ebibe calicem.	<i>Kilimschkop</i> . Ebibe calicem.
Line of edition: 27 <i>Tzo Warthata</i> . tu fecifti.	Tzo Warthata. tu fecisti.	<i>Tzo Warthata</i> . Tu fecisti.
Line of edition: 28 <i>Ies Wathata</i> . Ille fecit.	Varthata	<i>Varthata</i>
Page of edition: 308 Line of edition: 1 Iussus ita numerabat. <i>Ita tua, tria,</i>	Iussus ita numerabat.	Jussus ita numerabat.
Line of edition: 2 <i>fyder, fyuf, feis, feuene</i> , prorfus, ut nos	seuene	<i>seuene</i>
Line of edition: 4 loqui factis, hic magnifice vos ef/ferre,	factis	facitis
Line of edition: 7 vos Seuennfertis. Profequebatur deinde,	vos Seuennfertis. Prosequebatur deinde	vos <i>Seuenn</i> fertis. Prosequebatur delude
Line of edition: 8 <i>Athenyne, thiine, thiinita, thunetua, thu/netria,</i>	Athe, nyne,	<i>Athe, nyne,</i>
Line of edition: 11 <i>fada, hazer mille</i> . Quin etiam cantilenam	Quinetiam	Quin etiam
Line of edition: 13 hujusmodi:	huiusmodi	huiusmodi
Line of edition: 14 <i>Wara Wara ingdolou:</i>	Wara Wara ingdolou	<i>Wara Wara ingdolou</i>
Line of edition: 15 <i>Scu te gira Galizu.</i>	Scu te gira Galtzou	<i>Seu te gira Galtzou</i>
Line of edition: 17 Hi Gothi an Saxones fint, non possum di/judicare.	diudicare	diudicare
Line of edition: 27 Quod si Gothi funt, arbitror jam olim eas	iam	iam
Line of edition: 29 erratum fortasse, qui fentiat majorem	maiozem	maiozem

На сайте Баварской государственной библиотеки в свободном доступе находится скан парижского издания «Турецких писем» 1595 г. [10]. Сравнение крымско-готской лексики [10, S. 136 ff.] с таковой в первом парижском издании показывает исправления: Stern вместо Stein, Kriteu вместо Eriteu. Э. Шрёдер обобщает исправления крымско-готских форм в разных изданиях и предыдущих исследованиях текста и предлагает следующие конъектуры: Kriteu вместо Eriteu, Fisc вместо Fisct, fyuf вместо fyuf, Hoef вместо Hoef, Korn вместо Kor, Schnos вместо Schuos, Stern вместо Stein, thiinetua вместо thunetua, thiinetria вместо thunetria, Thur вместо Thurn/Timm, VVintsch вместо VVintch [16, S. 11-15]. Н. А. Ганина соглашается с этими конъектурами, считая их на сегодняшний день общепризнанными [2, с. 103]. По мнению автора, данный список можно дополнить конъектурой, предложенной МкД. Стернсом: единообразно написанной формой VVarthata и в случае Tzo VVarthata, и в случае Ies VVarthata [2, с. 104; 17, p. 44].

Крымско-готский языковой материал оценивается исследователями неоднозначно. Однако, как отмечает А. Руссо, начиная с конца XVI в., язык крымских готв относят к готскому языку Вульфилы [15, p. 155]. Т. фон Гринбергер [12] и Р. Мух [14], а также МкД. Стернс [17, p. 119] указали на его восточногерманские черты. Рассмотрев предыдущие этимологические интерпретации и вновь выполнив этимологический анализ крымско-готских реликтов, Н. А. Ганина приходит к выводу о принадлежности крымско-готского языка / диалекта к восточногерманскому ареалу и о его своеобразии в виду специфики условий бытования и письменной фиксации [2, с. 250].

В Крыму неизвестны эпиграфические памятники на крымско-готском или другом германском языке / диалекте. Единственный широко обсуждаемый артефакт, который исследователи приписывали германскому мастеру [3] или заказчику [5], оказался фальшивкой. Н. Ф. Федосеев раскрыл современное происхождение «рунической» надписи, найденной в 1996 г. на горе Опук [4]. Сомнения в ее подлинности, появившиеся сразу после публикации надписи, прежде всего вызывали сочетание изображения креста в круге и рунических знаков старшего футарка, а также техника барельефа, противоречащая традиции вырезания старших рун [6, с. 205-207]. Свидетельство Н. Ф. Федосеева объясняет спорность опукской надписи и отсутствие аналогий, служит последним аргументом в развернувшейся дискуссии и полностью опровергает как ее германское происхождение, так и приписываемое значение уникального памятника рунической эпиграфики.

В Юго-Западном Крыму также не найдено артефактов, подтверждающих использование крымскими готами алфавита Вульфилы. Косвенно об отсутствии крымско-готских эпиграфических памятников свидетельствуют слова Бусбека: «Itaque me diu cupiditas tenuit videndi ab ea gente aliquem, et si fieri posset inde eruendi aliquid quod ea lingua scriptum esset, sed hoc consequi non potui» (Поэтому мне уже давно хотелось видеть кого-нибудь из этого народа, и, если возможно, узнать что-нибудь, что было бы записано на их языке, но не мог этого исполнить) [2, с. 95]. Бусбек собирал памятники письменности и, как сообщает А. Руссо, привез из Константинополя около 240 греческих, латинских и арабских манускриптов [15, p. 154]. А. Руссо видит истоки интереса Бусбека к крымским готам и их языку в предшествовавшем его поездке в Константинополь всплеске внимания европейских гуманистов к большому фрагменту Серебряного кодекса, сохранившемуся в Верденском аббатстве близ Эссена [15, p. 154]. То есть, если бы Бусбеку удалось обнаружить памятник крымско-готской эпиграфики,

он бы, по меньшей мере, сообщил об этом в «Четвертом турецком письме».

Вопрос, являлись ли готы в Юго-Западном Крыму в какой-либо период адептами арианства, остается дискуссионным. А. И. Айбабин считает, что во второй половине V в. в Юго-Западном Крыму христианство распространилось из Херсона, важнейшего торгового партнера и центра, оказывающего влияние на политику, культуру и экономику региона [1, с. 83 сл.]. С жизнедеятельностью христианской общины тесно связано длительное использование в Юго-Западном Крыму греческого языка. В 2007 г. на Эски-Кермене была найдена однострочная греческая надпись-граффити, вырезанная на обломке окна часовни: «Господи, помоги монах...» [7, S. 210]. На немногочисленных эпитафиях встречаются греческие или аланские имена [1, с. 229].

Другим языком, который, вероятно, существенно влиял на развитие крымско-готского и служил источником заимствований, был язык ближайших соседей германцев в Юго-Западном Крыму - аланов. У алан готы, принявшие христианство, перенимают во второй половине V в. обряд трупоположения и используют с ними одни и те же некрополи [1, с. 82 сл.]. О смешении готов и аланов, называвших себя готоаланами и следовавших обрядам греческой церкви, пишет в XV в. венецианский купец Иосафат Барбаро [1, с. 230]. Результаты многолетних археологических исследований позволили А. И. Айбабину использовать для обозначения народности, сформировавшейся в средние века в Юго-Западном Крыму, термин «аланоготы» [1, с. 230].

Таким образом, глоссарий Бусбека является, несмотря на критику текста и искажение форм, важнейшим источником крымско-готских языковых реликтов. Этимологические исследования этого материала дают основания авторам причислить его к восточногерманским языкам / диалектам. Отсутствие в Крыму памятников крымско-готской эпиграфики свидетельствует о том, что язык оставался бесписьменным. Большое влияние на его развитие, очевидно, оказывали греческий и аланский языки. В XVI в. крымско-готский язык / диалект теряет свое значение для самоопределения этнической принадлежности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
2. Ганина Н. А. Крымско-готский язык. СПб.: Алетей, 2011. 288 с.
3. Голенко В. К., Юрочкин В. Ю., Синько О. А., Джанов А. В. Рунический камень с г. Опук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора. М.: Ин-т археологии РАН, 1999. Вып. 2. С. 77-97.
4. Федосеев Н. Ф. О достоверности рунических надписей Причерноморья // Археология. Київ, 2010. № 1. С. 127-128.
5. Хлевов А. А. Об историко-культурной интерпретации керченских рун [Электронный ресурс] // Херсонесский сборник. Вып. 11. ANAXAPXIS. Памяти Юрия Германовича Виноградова. Севастополь, 2001. URL: <http://norse.ulver.com/articles/hlevov/hsb11.html> (дата обращения: 07.07.2015).
6. Шалыга Д. А. Об атрибуции «рунической» надписи на стеле с горы Опук // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 205-207.
7. Ajbabin A. I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Èski Kermen // Albrecht St., Daim F., Herdick M. (Hrsg.). Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Monographien des RGZM. Bd. 113. Mainz, 2013. S. 165-231.

8. Augerii Gislenii Busbequii Omnia quæ extant. Basel: Jo. Brandmüller, 1740 / Reprint Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1968 // TITUS. The Account of Crimean Gothic contained in Busbecq's letter. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/got/krimgot/krimg.htm?krimg001.htm> (дата обращения: 12.06.2015).
9. Augerius Gislenius Busbequius D. Legationis Turcicæ epistolæ quatuor. Quarum priores duæ ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani et Amasiani. Adiectæ sunt duæ alteræ. Eiusdem de re militari contra Turcam instituenda consilium. Parisiis: Beys, 1589.
10. Augerii Gislenii Busbequii D. legationis Turcicæ Epistolæ quatuor: quarum priores duæ ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani & Amasiani; adiectæ sunt duæ alteræ eiusdem de re militari contra Turcam instituenda consilium. Parisiis: Beys, 1595 // Bayerische Staats Bibliothek digital. URL: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10206785_00275.html (дата обращения: 02.07.2015).
11. Die Nachricht Busbecks über das Krimgotische // Projekte zur gotischen Schrift und Literatur. „Krimgotisch“. URL: <http://www.gotica.de/taurica.html> (дата обращения: 14.07.2015).
12. Grienberger Th. von. [Rez.] Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1898. Bd. 30. S. 123-136.
13. Grønvik O. Die dialektgeographische Stellung des Krimgotischen und die krimgotische „cantilena“. Oslo, Bergen, 1983.
14. Much R. [Rez.] Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere // Anzeiger. Indogermanische Forschungen. 1898. Bd. 9. S. 193-209.
15. Rousseau A. Esquisse d'une histoire du gotique de Crimée. Le role de Busbecq // Sur les traces de Busbecq et du gotique. Lille, 1991. P. 143-166.
16. Schröder E. Busbecq's krimgotisches Vokabular // Nachrichten der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. Internet Archive. URL: http://archive.org/stream/nachrichten1910akaduoft/nachrichten1910akaduoft_djvu.txt (дата обращения: 07.07.2015).
17. Stearns McD. Jr. Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus. Saratoga, California: Amna Libri & Co., 1978. 172 p.

REFERENCES

1. Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', DAR Publ., 1999, 352 p.
2. Ganina N. A. *Krymsko-gotskii iazyk*. SPb.: Aleteiia Publ., 2011, 288 p.
3. Golenko V. K., Iurochkin V. Iu., Sin'ko O. A., Dzhanov A. V. Runicheskii kamen' s g. Opuk v Krymu i nekotorye problemy istorii severoprichernomorskikh germantsev. *Drevnosti Bospora*, Moscow, Institut arkhologii RAN Publ., 1999, Vol. 2, pp. 77-97.
4. Fedoseev N. F. O dostovernosti runicheskikh nadpisei Prichernomor'ia. *Arkheologiya*, Kiev, 2010, N 1, pp. 127-128.
5. Khlevov A. A. Ob istoriko-kul'turnoi interpretatsii kerchenskikh run. *Khersoneskii sbornik*, Vol. 11. ANAXAPXIS. Pamiati Iurii Germanovicha Vinogradova, Sevastpol', 2001, Available at: <http://norse.ulver.com/articles/hlevov/hsb11.html> (accessed: 07.07.2015).
6. Shalyga D. A. Ob atributsii «runicheskoi» nadpisi na stele s gory Opuk. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2000, Vol. VII, pp. 205-207.
7. Ajbabin A. I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Èski Kermen. *Albrecht St., Daim F., Herdick M. (Hrsg.). Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches*, Monographien des RGZM, Bd. 113, Mainz, 2013, pp. 165-231.
8. Augerii Gislenii Busbequii Omnia quæ extant. Basel: Jo. Brandmüller, 1740. Reprint Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1968. TITUS. The Account of Crimean Gothic contained in Busbecq's letter. Available at: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/got/krimgot/krimg.htm?krimg001.htm> (accessed:

- 12.06.2015).
9. Augerius Gislenuus Busbequius D. Legationis Turcicae epistolae quatuor. Quarum priores duae ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani et Amasiani. Adiectae sunt duae alterae. Eiusdem de re military contra Turcam instituenda consilium, Parisiis: Beys, 1589.
 10. Augerii Gislenui Busbequii D. Legationis Turcicae Epistolae quatuor: quarum priores duae ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani & Amasiani; adiectae sunt duae alterae eiusdem de re militari contra Turcam instituenda consilium. Parisiis: Beys, 1595. Bayerische Staats Bibliothek digital. Available at: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10206785_00275.html (accessed: 02.07.2015).
 11. Die Nachricht Busbecks über das Krimgotische. Projekte zur gotischen Schrift und Literatur. „Krimgotisch“. Available at: <http://www.gotica.de/taurica.html> (accessed: 14.07.2015).
 12. Grienberger Th. von. [Rez.] Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. *Zeitschrift für deutsche Philologie*, 1898, Bd. 30, pp. 123-136.
 13. Grønvik O. *Die dialektgeographische Stellung des Krimgotischen und die krimgotische „cantilena“*. Oslo, Bergen, 1983.
 14. Much R. [Rez.] Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. *Anzeiger. Indogermanische Forschungen*, 1898, Bd. 9, pp. 193-209.
 15. Rousseau A. Esquisse d'une histoire du gotique de Crimée. Le role de Busbecq. *Sur les traces de Busbecq et du gotique*, Lille, 1991, pp. 143-166.
 16. Schröder E. *Busbecqs krimgotisches Vokabular*. Nachrichten der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. Internet Archive. Available at: http://archive.org/stream/nachrichten1910akaduoft/nachrichten1910akaduoft_djvu.txt (accessed: 07.07.2015).
 17. Stearns McD. Jr. *Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus*. Saratoga, California: Amna Libri & Co., 1978, 172 p.

Д. А. Шалыга

Язык крымских готов

Резюме

В статье рассматриваются актуальные вопросы лингвистического изучения языка крымских готов. Важнейшим источником крымско-готских языковых реликтов является «Четвертое турецкое письмо» Ожье Гислен де Бусбека. Знакомство с разными изданиями текста выявляет ряд ошибок, исправление которых следует учитывать в дальнейшем этимологическом анализе. Крымско-готский язык / диалект относится к восточногерманским языкам. На всем протяжении своего развития он остается бесписьменным. «Руническую» надпись с г. Опук, связываемую с германцами на полуострове, следует считать современной подделкой. Условия функционирования языка крымских готов предполагают влияние на него греческого и аланского языков. Описание Бусбеком его информантов сообщает о типичном для полиэтничных регионов билингвизме и о сокращении использования крымско-готского языка.

Ключевые слова: язык крымских готов, восточногерманские языки, Ожье Гислен де Бусбек, памятники эпиграфики, бесписьменный язык.

D. A. Shalyga

The Language of the Crimean Goths

Summary

The article deals with the actual problems of linguistic study of the language of the Crimean Goths. “The fourth Turkish Letter” of Ogier Ghiselin de Busbecq is the most important source of the Crimean Gothic language relics. Examination of different editions of the text elicits a number of errors, the correction of which

should be considered in further etymological analysis. The Crimean Gothic language/dialect belongs to the East Germanic dialects. Throughout its development it remains unwritten. The “runic” inscription from the Opuk mountain, that is associated with the Germans on the peninsula, should be regarded as a modern forgery. Terms of the functioning of the language of the Crimean Goths presume the influence of Greek and Alan on it. Busbecq’s description of his informants reports bilingualism, phenomenon which is a characteristic of multi-ethnic regions, and reduction of the use of Crimean Gothic.

Key words: the Language of the Crimean Goths, the East Germanic languages, Ogier Ghiselin de Busbecq, epigraphic monuments, an unwritten language.

А. И. АЙБАБИН

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ОБЛАСТИ ДОРИ¹

Топоним Дори появляется в VI в. в учебнике *Institutionum Grammaticarum* Присциана (родом из Кесареи в римской провинции Мавритания [78, р. 41-42]), преподававшего грамматику в Константинополе в первой трети VI в. [66, р. 991; 76, Vol. 3, р. 1720-1721], и в сочинении византийского историка Прокопия Кесарийского *De Aedificiis* (О постройках) [71, III, VII,10-17], написанном в 560 году [62, р. 11].

В одном из грамматических упражнений Присциан написал: “Дори ... название Понтийского опидума – *Dory ... nomen oppidi Pontici*”, в другом – “*hoc Dory ... nomina civitatum*” [70, VI,1, S. 195; VII,1, S. 283]. Несомненно, оба примера заимствованы из какого-то исторического или географического трактата, в котором шла речь о городке Дори, находившемся в понтийском регионе [4, с. 119; 59, S. 106].

В сочинении Прокопия дано единственное довольно пространное описание области Дори. Он, повествуя о строительной деятельности Юстиниана I на побережье Эвксинского Понта, пишет о восстановлении стен Боспора и Херсона, находящихся за Меотидой, и строительстве там же крепостей Алустон и Горзубиты: “10 Καὶ μὴν καὶ Βοσπόρου καὶ Χερσῶνος πόλεων, αἵπερ κατὰ τὴν ἐκείνη ἀκτὴν ἐπιθαλασσίδια μετὰ λίμνην τε τὴν Μαίωτιδα... – Moreover, in the case of the coastal cities Bosporus and Chersōn, which lie on the shore there beyond the Maeotic Lake... – Кроме того, что касается прибрежных городов Боспор и Херсон, которые расположены на побережье там за Меотидским озером...” [72, III, VII,10], “11 ἐνθα δὴ καὶ φρούρια πελοῖται τό τε Ἀλούστου καλούμενον καὶ τὸ ἐν Горζουβίταις – In that region he built two fortresses, that called Aloustou and the one among the Gorzoubita – В том регионе он построил две крепости, так называемая Алуста и в Горзубитах” [72, III, VII,11]. По его

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 15-31-10123 «Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.)».

словам, в том же прибрежном регионе находилась область Дори: “13 ἔστι δὲ τις ἐνταῦθα χώρα κατὰ τὴν παραλίαν, Δόρυ ὄνομα, ἵνα δὴ ἐκ παλαιοῦ Γότθοι ὤκηνται οἱ Θεουδερῖχῳ ἐς Ἰταλίαν ἰόντι οὐκ ἐπισπόμενοι, ἀλλ’ ἐθελοῦσιοι αὐτοῦ μείναντες, Ῥωμαίων καὶ εἰς ἐμέ εἰσιν ἔνσπονδοὶ ξυστρατεύουσί τε αὐτοῖς ἐπὶ πολέμους τοὺς σφετέρους ἰοῦσιν, ἤνικα ἂν βασιλεῖ βουλομένῳ εἶη – And there is a certain region along the coast there called Dory, where Goths have lived from ancient times, those namely who had not followed Theoderic when he went into Italy, but remained there of their own accord, and even up to my day they are on terms of alliance with the Romans. And they march with the Romans against their enemies whenever the Emperor so wishes – И есть некая область здесь вдоль побережья, именуемая Дори, где готы жили с древних времен, а именно те, кто не последовали за Теодорихом, когда он ушел в Италию, но остались здесь по их собственному согласию, и даже в мое время они были в союзных отношениях с римлянами. И они выступают с римлянами против их врагов каждый раз, когда Император так желает. 14 ἐξικνοῦνται δὲ ἐς τρισχιλίους, καὶ τὰ τε πολέμια ἔργα εἰσὶν ἄριστοι τὰ τε ἐς τὴν γεωργίαν αὐτουργοὶ δεξιοί, καὶ φιλοξενώτατοι δὲ εἰσὶν ἀνθρώπων ἀπάντων – Their number comes to three thousand, and they are both excellent soldiers and skilfull tillers of the soil, and the most hospitable people in the world – Их число достигает до трех тысяч, и они – и превосходные воины, и искусные земледельцы и самые гостеприимные люди в мире” [72, III, VII,13,14].

В трех параграфах Прокопий охарактеризовал страну готов: “15 αὐτὴ δὲ ἡ χώρα τὸ Δόρυ τῆς μὲν γῆς ἐν ὑψηλῷ κεῖται, οὐ μέντοι οὔτε τραχεῖα οὔτε σκληρά ἐστιν, ἀλλ’ ἀγαθὴ τε καὶ εὐφορὸς καρπῶν τῶν ἀρίστων – The land of Dory itself lies on high ground, yet it is neither rough nor hard, but good soil and productive of the best crops – Сама страна Дори находится на возвышенности, еще она ни неровна, ни тверда, однако плодородная почва и производящая лучшие зерновые. 16 πόλιν μὲν οὐκ ἢ φρούριον οὐδαμῆ τῆς χώρας ὁ βασιλεὺς ἐδείματο ταύτης, κατείργεσθαι περιβόλοις τισὶν οὐκ ἀνεχομένων τῶν τῆδε ἀνθρώπων, ἀλλ’ ἐν πεδίῳ ἀσμενέστατα ὤκημένων ἀεὶ – However, Emperor built no city or fortress in any part of this land, since the men of the country would not suffer themselves to be confined in any fortified places but always lived most happily in an open plain – Однако Император не построил ни города или крепости ни в какой части этой земли, так как люди страны не терпят сами, чтобы быть заключенными в каких-нибудь укрепленных местах, но всегда жили наиболее счастливо на открытой равнине. 17 ὅλη ποτὲ δὲ τῶν ἐκείνῃ χωρίον βάσιμα εὐπετῶς τοῖς ἐπιούσιν ἐδόκει εἶναι, ταύτας δὲ τευχίσμασι μακροῖς τὰς εἰσόδους περιβαλὼν, τὰς ἐκ τῆς ἐφόδου φροντίδας ἀνέστειλε Γότθοις... – But wherever the region seemed easily accessible to assailants, he shut off these approaches with long walls and thereby freed the Goths from fear of invasion. So much, then, for this – Но везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он преградил эти подступы длинными стенами и таким образом освободил готов от страха перед вторжением...” [72, III, VII,15-17].

Согласно Г. Б. Дьюингу, τὰς εἰσόδους означает «подступы или подходы». По утверждению В. Томашека, «подходами» являлись перевалы и ущелья, позволяющие пройти из глубин полуострова через яйлу на Южный берег [77, S. 15]. По мнению Э. И. Соломоник, термин τὰς εἰσόδους означает проходы через ущелья в горах, которые Юстиниан оградил (περιβαλὼν) длинными стенами (τευχίσμασι μακροῖς), обезопасив страну Дори от вторжения [41, с. 17-19].

С длинными стенами отождествляли остатки каменных стен на перевалах Первой

(Главной) гряды [25, с. 61; 77, S. 15-17; 41, с. 33-44], или укрепленные “пещерные города” Мангуп (рис. 1, П,8), Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Качи-Кальон, Бакла и другие [78, р. 72, 73; 42, с. 320-324; 56, с. 11], или стену, открытую в ущелье под Мангупом [39, с. 114-115]. Эту стену, перегораживающую 150-ти метровую балку Каралез (Сторожевая), В. А. Сидоренко раскопал в 1984 г. у подножия плато Мангуп (рис. 1, П,21). Длина стены 150 м, толщина 2,3-2,4 м. Она сохранилась на высоту 2,5 м. Ее вплотную пристроили к вертикальным известняковым обрывам, возвышающихся над долиной плато. В местах примыкания стены в скале вырублены смотровые площадки с комплексом небольших пещерных помещений. Стена сложена из двух рядов подогнанных друг к другу известняковых блоков. В центральной части имелись ворота. Пространство между внешним и внутренним рядами блоков заполнено залитыми раствором из извести необработанными камнями. Стену венчали зубцы. По фрагментам керамики, извлеченной из накопившегося у стены слоя, В. А. Сидоренко датировал ее временем правления Юстиниана I. Стена перекрыла русло ливневых потоков и разрушилась под напором нанесенного селями натечного грунта в VII в. [39, с. 114-115].

Э. И. Соломоник и О. И. Домбровский, вслед за П. И. Кепеном [25, с. 61], В. Томашеком [77, S. 14-16] и В. Г. Васильевским [14, с. 371-372], нашли в цитированных выше §§ 15-17 достаточно указаний на локализацию области Дори на Южном берегу [41, с. 17-21].

По словам Ф. К. Бруна, Г. Караулов аргументировал местонахождение страны Дори неподалеку от Южного Берега, но не на южном, а на северном склоне Крымских гор [24, с. 3-24; 11, с. 210]. Как полагал Ф. К. Брун, подпись епископа Херсона Георгия, участвовавшего в 692 г. в Трульском Вселенском соборе: «Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος» [69, S. 151], свидетельствует об увеличении территории страны Дори в после-Юстиниановский период до Херсона. Из рассказа о бегстве Юстиниана II из Херсона в крепость Дорос Ф. К. Брун делал вывод о том, что крепость назвали по имени страны Дори [11, с. 210-212]. Напомню, согласно Никифору, Юстиниан II в 704 г. скрылся “...в крепости, называемой Дорос и лежащей в стране готов – ...εἰς τὸ φρούριον τὸ λεγόμενον Δόρος πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα ἀλέδρασεν” [52, с. 155/163; 68, 42,6-8, р. 100, 101].

По мнению Ф. К. Бруна [11, с. 215], в «Космографии» Равеннского Анонима в списке городов страны Босфоронии тот же Дорос помещен рядом с Херсоном: “in qua Bosforiana patria plurimas fuisse civitates legimus, ex quibus aliquantas designare volumus, id est ... Ermonassa, ... Boristenida, Olbiapolis, Capolis, Dori, Chersona, Theosiopolis, Careon, Trapezus – Мы читали, что в этой стране Босфоронии было много городов, мы же хотим перечислить лишь некоторые из них, а именно (Г)ермонасса, ... Бористенида, Ольбиаболис, Каполис, Дори, Херсона, Теосиополис, Кареон, Трапезус” [74, р. 172-174; 78, р. 42, 66; 33, с. 193].

А. А. Васильев сомневался в достоверности топонима Дори, поскольку у Иордана в соответствующем месте, послужившем источником для «Космографии», отсутствует топоним Дори [78, р. 42]. Сомнение А. А. Васильева вряд ли оправдано. Скорее всего, автор написанной в конце VII в. «Космографии» внес в список известный с VI в. городок Дори. По предположению А. А. Васильева, в другом месте «Космографии» среди крымской и боспорской топонимии указана страна крымских готов Гето Гиторум (Getho Githorum): “... nec non Getho Githorum, Sugdabon, Fanaguron, paludis Maeotidon – а также Гето Гиторум, Сугдабон,

Фанагурон, болота Меотиды» [74, р. 176]. А. А. Васильев утверждал, что эту страну Прокопий назвал по имени существовавшего уже в конце V в. и упомянутого в грамматике Присциана города Дори [78, р. 42]. Основываясь на рассмотренных выше текстах, информации более поздних авторов и на эпиграфических материалах, А. А. Васильев в первом русскоязычном издании «Готов в Крыму» отождествлял Дорос с Мангупом (рис. 1, II, 8), а область Дори с Готией, Готскими Климатами, Феодоро и поместил ее в горном Крыму между Балаклавой и Сугдеей, а также в горах, окаймляющих южный берег [12, с. 311-316, 335]. По словам А. А. Васильева, сведения Прокопия о строительстве в Крыму по повелению Юстиниана крепостей и защищающих горные проходы длинных стен указывают на создание своего рода *limes Tauricus* [13, с. 181-182].

Н. И. Репников в статьях о раскопках на Эски-Кермене локализовал на плато сооруженный готами в конце V в. город Дорос – столицу области Дори, и резиденцию готского топарха. По предположению Н. И. Репникова, после разрушения хазарами в 962 г. укреплений Эски-Кермена резиденцию правителя крымских готов перенесли на гору Мангуп [35, с. 116-117, 130, 136, 137, 144, 149-150; 36, с. 181-211]. В англоязычном издании «Готов в Крыму» А. А. Васильев согласился с предложенной Н. И. Репниковым локализацией Дороса на плато Эски-Кермен [78, р. 72, 73]. Гипотезу Н. И. Репникова поддержал и А. К. Амброз [7, с. 65]. Топархом Готии А. А. Васильев и Н. И. Репников, так же как и многие другие, именовали византийского чиновника, которого считали автором так называемой «Записки греческого (или готского) топарха». Как убедительно доказали И. И. Шевченко [75, р. 117-188] и И. П. Медведев [31, с. 160-172], этот «источник» изготовлен его первым издателем К. Б. Газе.

В результате археологических исследований на Мангупе выявлены материалы, аргументирующие локализацию на плато раннего Дороса [54, с. 220; 56, с. 11; 42, с. 320; 17, с. 135-137; 4, с. 111, 114, 117, 119].

В. А. Сидоренко назвал Доросом Инкерманскую генуэзскую крепость Каламита [39, с. 117]. Однако на ее территории отсутствуют какие-либо находки и строительные остатки оппидума времени Присциана или Дороса VI-VIII вв. Да и расположена она на границе хоры Херсона и области Дори, а не "...в готской земле", где Дорос помещал Никифор. Территорию Дори В. А. Сидоренко ограничил долиной реки Черной, где жили «исконные» обитатели этой области, оставившие Чернореченский (рис. 1, II, 4) и Терновский могильники [39, с. 115]. Правда, названные могильники ничем не отличаются от других одновременных некрополей Юго-Западного Крыма.

В некоторых новых публикациях страну Дори предложили локализовать в восточной или юго-восточной части полуострова. Не вижу смысла дискутировать с теми сторонниками этой идеи, чьи измышления появились после публикации камня с рунами, якобы найденного на Опуке. Как убедительно доказали Д. А. Шальга и Н. Ф. Федосеев, надпись является фальшивкой, изготовленной недавно [53, с. 205-207; 44, с. 127-128]. В статье В. Г. Зубарева и С. В. Ярцева [21] предлагается расширить граница страны Дори от Херсонеса до Узунларского вала. Авторы статьи произвольно трактуют приведенное выше единственное описание страны Дори. Для обоснования новых границ Дори авторы привлекают не письменные тексты сочинений Присциана, Иордана и Равенского анонима, а заимствованный из книги И. С. Пиоро

[32, с. 63] весьма вольный пересказ изложенной А. А. Васильевым информации названных источников о Дори, городах и портах Крыма [12, с. 312-313]. Интерпретируя археологические материалы, авторы вместо рассмотрения конструкции погребального сооружения, обряда захоронения и всего инвентаря, определяют германский этнос населения, хоронившего в аланских склепах в Озерном (рис. 1,II,7) и Инкермане (рис. 1,II,5), лишь по нескольким похожим на черняховские сосудам.

Доводы против помещения области Дори только на Южном берегу привел Л. В. Фирсов. На Южном берегу невозможно найти место для плодородной страны Дори с многочисленным населением. Вся территория Южного берега от Ласпи до Судака составляет не больше 1% от площади Крыма. Узкая полоска побережья (2,5-3 км) отличается от описания Прокопия в §§ 16-17. Его круто наклоненный и пересеченный оврагами склон с несколькими маленькими речушками и щебенистыми почвами отличается от упомянутой Прокопием плодородной равнины, пригодной для интенсивного земледелия и пропитания готов. По утверждению Л. В. Фирсова, страна Дори могла находиться только в Юго-Западном Крыму, в Крымском нагорье между Главной грядой гор и невысокими квестами Внешней гряды [45, с. 107-113].

Для определения границ области Дори необходимо принимать во внимание как соответствие описанию Прокопия ландшафта местности, так и оставленную жителями Дори археологическую культуру, запечатленную в погребальной обрядности, в деталях традиционного костюма, в оружии и бытовой утвари.

Ландшафту Дори, описанному в цитированных выше параграфах 15-17 [72, III, VII, 15-17], близок ландшафт местности между Внутренней и Главной грядками, пересеченной плодородными черноземными долинами с полноводными речками Черная, Бельбек, Кача, Альма, Салгир, их притоками и множеством источников и также пересеченное мелкими речками побережье близ Алушты, Гурзуфа, Кореиза, Кекенеиза, Ореанды (рис. 1, I, II).

Готское население области Дори охарактеризовано в параграфах 13 и 14 [72, III, VII, 13, 14]. Согласно Прокопию, они были подданными Теодориха, то есть остроготами, которые в 489 г. “не последовали за Теодорихом в Италию, а добровольно остались здесь”. Г. Б. Дьюинг глагол обитания $\phi\kappa\eta\nu\tau\alpha\iota$ (perf. от $\omicron\iota\kappa\acute{\epsilon}\omega$) переводил как “...have lived from ancient times – жили с древних времен”. В. А. Сидоренко, некорректно ссылаясь на статью Л. А. Гиндина о глаголах обитания у Прокопия, предложил иное значение глагола – “...живут искони” [39, с. 110]. Выводы Л. А. Гиндина не дают оснований для изменения предложенного Г. Б. Дьюингом, а еще раньше П. И. Кепеном [25, с. 54, 57] и другими специалистами, перевода глагола $\phi\kappa\eta\nu\tau\alpha\iota$. В данной статье Л. А. Гиндин приводит примеры двоякого значения глагола $\omicron\iota\kappa\acute{\epsilon}\omega$ в сочинениях Прокопия по отношению к различным племенам, независимо от их образа жизни: они могли быть автохтонными или их должны считать давно переселившимися в те области, где их застал Прокопий. Причем, автохтонными названы и мигрировавшие к Меотиде гунны [18, с. 177].

На территории между Внутренней и Главной грядками (от устья Черной речки и Балаклавы до склонов Демерджи и Чатыр-Дага) и на Южном берегу (в окрестностях Алустана и на южных склонах Главной гряды близ Гурзуфа, Ялты, Ореанды и Симеиза) выявлена

археологическая культура, существовавшая как во время правления короля остроготов Теодориха Великого (470-526 гг.), так и в период царствования Юстиниана I (527-565 гг.). Комплексный анализ материалов многолетних археологических раскопок в названном регионе позволил определить дату возникновения культуры, проследить ее эволюцию, а также обосновать этническую принадлежность ее носителей.

Эта культура представлена пока еще немногими поселениями и однотипными могильниками. Некоторые некрополи этой культуры, например, Инкерман (рис. 1,II,5), Чернореченский (рис. 1,II,4), Килен-Балка (рис. 1,II,6), в Озерном (рис. 1,II,7), на плато Мангуп (рис. 1,II,8), Сувлу-Кая (рис. 1,II,9) (Бахчисарай) [30, с. 31-32] и др. возникли в конце первой половины III в., а другие, например, Карши-Баир (рис. 1,II,17), Сахарная Головка (рис. 1,II,18), Красный Мак (рис. 1,II,19), Алмалык (у подножия плато Мангупа) (рис. 1,II,20) [67, р. 154-172], Скалистое (рис. 1,II,22), близ Баклы (рис. 1,II,23), Лучистое (рис. 1,II,24), Алония (Ялта) (рис. 1,II,25) и, возможно, на территории бывших имений Артек (рис. 1,II,27) и Суук-Су (рис. 1,II,28) – в конце IV в. Захоронения на некрополях совершенны по обряду трупоположения, в основном, в погребальных сооружениях трех типов: в Т-образных в плане склепах, состоящих из длинного дромоса (входной ямы), заложенного плитой более узкого входного коридора и погребальной камеры; в подбойных могилах с нишей в одном или обоих бортах входной ямы; в ямных могилах [4, с. 111; 57, р. 415; 59, S. 96-104].

Т-образные склепы по планировке близки катакомбам, известным в Центральном Предкавказье [1, рис. 1,1; 2,1,6; 3,1; 4,1,6; 6,1,6,10; 7,1,9; 2, рис. 2,2; 7,7-10,12,15,17,18; 40,2; 48,1,2,4,5; 3, с. 75; 16, рис. 33,69,101,118], в нижнем и среднем Прикубанье – со II в. до н. э. близ Тимашевска [23, с. 100, рис. 31,1] и с первой половины I в. н.э. на «Золотом кладбище» [20, с. 7], с конца II – начала III вв. – на Европейском и Азиатском Боспоре [26, с. 77-79, рис. 109; 40, с. 44-45; 8, табл. 65,834], с середины III в. – в междуречье Дона и Сала и в низовье Дона [9, с. 19-22, рис. 31,1; 10, с. 180-181, рис. 1,I,II,IV], а с IV в. – в Верхнем Прикубанье и Прикаспийском Дагестане [27, рис. 9; 19, рис. 6,2; 19,2,5; 20,2,3; 25,2]. В крымских могильниках Дружное (рис. 1,II,15), Перевальное (рис. 1,II,16), Нейзац (рис. 1,II,14) и на Черной речке в дромосах и камерах найдены скелеты или отдельные кости лошадей, также в камерах лежали древесные угольки и остатки пищи: кости овец, коров, куриные кости и яйца. На стенке камеры в Нейзаце были высечены тамгообразные знаки [15, с. 73, рис. 4,1], а в Озерном (рис. 1,II,7) на стене камеры сажей нарисовали тамги и фигурки лошадей [29, с. 239, 241, рис. 2,2-9]. Один из знаков похож на тамги царей Боспора, изображенные на монетах III-IV вв. Прослеженные в рассматриваемых крымских склепах и в подбойных могилах элементы погребального обряда: остатки пищи, коллективные захоронения, обычай смещения костей первоначально погребенных к стене, аналогичны зафиксированным в погребальных сооружениях в Предкавказье [38, с. 63-69]. В Т-образных склепах и могилах Юго-Западного Крыма лежали как типичные для сармат и алан Азиатского Боспора, Нижнего Подонья, Прикубанья и Центрального Предкавказья темноглиняные лепные сосуды с дуговидными или коническими налечами, кувшины и горшки с темным лощением и нелощеные, железные листовидные наконечники копий и дротиков с валиком по оси, железные мечи с бронзовым ромбовидным или прямым перекрестием, декорированные вставками из шлифованного

сердолика серьги, браслеты и украшения сбруйных ремней, железные детали узды (удила, псалии), так и использовавшиеся аланами и германцами короткие мечи и кинжалы с вырезами у рукояти, металлические пряжки с овальной рамкой 1 и 2 вариантов с язычком со ступенчатым срезом у основания и одночленные подвязные фибулы, а также популярные у германцев янтарные грибовидные бусы, амулеты в виде бронзовых топориков и железных ведеркообразных подвесок, черняховские двучленные подвязные фибулы ранних вариантов и лощеная керамика с биконическим туловом, привезенные из римских провинций и сделанные в Херсоне и на Боспоре амфоры, стеклянные и краснолаковые сосуды [4, с. 22-24, рис. 6, 7; 59, S. 14, 16, 18, Abb. 6, 7].

Приведенные этнопоказательные признаки (конструкция, обряд захоронения и инвентарь) аргументируют принадлежность рассмотренных погребальных сооружений аланам.

Время возникновения на полуострове новых могильников согласуется с известием о миграции в Северное Причерноморье германцев и начале их нападений в 238 г. на римские провинции на Дунае [79, p. 40, 57]. По Иордану, готы поселились у Меотийского болота (в Приазовье) [22, с. 67]. Очевидно, они заняли земли алан. По мнению М. И. Ростовцева, с III в. в Северном Причерноморье аланы «вошли в состав гото-аланского царства» [37, с. 94]. Некоторые аланские племена участвовали во вторжениях германцев в приграничные дунайские провинции [28, с. 69; 60, p. 15]. Правда, не все свидетельства о столкновениях римлян с аланами достоверны. Например, в сочинении, приписываемом «Писателям истории Августов», высказано предположение о гибели в 242 г. в бою с аланами близ Филиппополя императора Гордиана III [65, Gordiani Tres, XXXIV,4]. Однако по Зосиму Гордиан III умер в 244 г. [81, I, IX,1]. Видимо, часть алан откочевала к примыкающим к равнинной части полуострова склонам Внешней горной гряды, где во второй четверти III в. возникли могильники Суворово (рис. 1, II, 11), Вишнево (рис. 1, II, 12) [34, с. 33], Тенистое (Тас-Тепе) (рис. 1, II, 13), Нейзац (рис. 1, II, 14), Курское (рис. 1, II, 10) [43, с. 34-40], Перевальное (рис. 1, II, 16), Дружное (рис. 1, II, 15) и другие [4, с. 16; 59, S. 8-9].

По Зосиму при Валериане (253-259 гг.) бораны с помощью боспорцев переправились в Азию. Он писал: «...когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и презренные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах» [81, I, XXXI]. Рассказы Зосима и автора XII в. Зонары [80, S. 589-590, An. XII, 21] о переправе германцев с европейского берега пролива на азиатский дают основание говорить о нападении германцев на Боспор с территории Крыма и коррелируются с материалами археологических исследований. Около середины III в. бораны и готы обосновались на Южном берегу и на границе хоры Херсонеса. На склоне Чатыр-Дага (рис. 1, II, 1), близ заброшенной римлянами крепости Харакс (рис. 1, II, 2), в Партените (рис. 1, II, 3) и на Черной речке (рис. 1, II, 4) возникли некрополи с характерными для германцев кремациями. В Юго-Западном Крыму бораны и готы уничтожили позднескифское государство и большую часть его населения. Скорее всего, в этом вторжении принимали участие и аланы. Во всяком случае, на Черной речке они поселились вместе с германцами и хоронили на одном некрополе. Аланы погребали по обряду трупоположения, а германцы

практиковали кремацию.

В конце IV в. после захвата гуннами крымских равнин и предгорий обитавшие там аланы оставили могильники в Суворово, Вишневом, Тенистом, Нейзаце, Дружном и Перевальном и мигрировали вглубь гор. На рубеже IV–V вв. новые аланские некрополи возникли в речных поймах и на склонах Внутренней гряды – Карши-Баир, Сахарная Головка, Красный Мак, в Скалистом, у подножия Баклы и Мангупа (Алмалык) и на склонах Главной гряды – в Лучистом, Алония (Ялта). Аланы осели в регионе, занятом родственными племенами и германцами.

Аланы, лишившись степных пастбищ, были вынуждены существенно изменить образ жизни. Из-за сравнительно небольших размеров горных пастбищ они, освоив новый тип пастушеско-земледельческой экономики, перешли к отгонному скотоводству, значительно уменьшили поголовье животных в стадах и изменили их состав. Весной, летом и в теплые осенние месяцы стада выводили на горные пастбища, а остальное время их содержали возле поселений. Извлеченные из склепов остеологические материалы говорят о развитии птицеводства и овцеводства, о выращивании крупного рогатого скота. О сохранении коневодства свидетельствуют найденные в Чернореченском могильнике захоронения лошадей, а также наличие во многих аланских погребениях железных удиц. Аланы освоили и земледелие [4, с. 82; 5, с. 6].

По словам Прокония, все готы при Юстиниане I уже исповедовали христианство [73, VIII, IV,6-11]. О дате распространения христианства среди варваров Юго-Западного Крыма можно судить по результатам анализа материалов раскопок принадлежавших им некрополей. В середине V в. германцы отказались от использования традиционного погребального обряда кремации и перестали хоронить не только на всех упомянутых выше южнобережных некрополях, но и в Чернореченском могильнике. Вероятнее всего, крымские готы коренным образом изменили обряд захоронения после принятия христианства. Готы переняли у аланских соседей более приемлемый для новой религии обряд трупоположения.

В Горном Крыму христианство распространилось из Херсонеса, который был главным экономическим партнером для населявших Юго-Западный Крым готов и алан. Через Херсонес в регион из Византии и других территорий поступали необходимые товары (в том числе керамика, стеклянные сосуды, пряжки, фибулы и другие детали женского и мужского костюмов). В Херсонесе епархия возникла, возможно, еще в годы правления императора Валента II (364-378 гг.) [82, р. 548, 549]. В первой половине V в. влияние городских епископов настолько усилилось, что в сентябре 419 г. по ходатайству епископа Херсонеса Асклепиада императоры Гонорий и Феодосий II издали постановление об освобождении от наказания провинившихся херсонцев, передавших варварам секреты кораблестроения [61, libri XVI, IX,40,24; 58, S. 405, 414]. Приходы Горного Крыма входили в состав Херсонской епархии до конца VII в. [59, S. 141].

Христианизация горнокрымских варваров стимулировала активизацию ассимиляционных процессов в регионе. В немногочисленных раскопанных в Юго-Западном Крыму захоронениях второй половины V в. преобладают характерные для Подунавья бронзовые и железные пряжки, поясные наборы, броши в виде цикад, двухпластинчатые фибулы с имитацией кербшнитного орнамента и ранневизантийские поясные наборы с

узкими наконечниками с щелью для ремня, пропиленной в верхней части [4, с. 83; 5, рис. 26,19-29; 6, рис. 7]. По наблюдению Э. А. Хайрединовой, в женском костюме варваров Юго-Западного Крыма доминировали остроготские аксессуары [46, с. 213-214; 48, с. 84].

Прокопий в описании жителей Дори назвал их искусными земледельцами и воинами – союзниками римлян, готовыми выступить с римлянами против их врагов по приказу Императора [72, III, VII,13]. По словам Прокопия, “Их число достигает до трех тысяч” [72, III, VII,14]. По справедливому замечанию Э. И. Соломоник, в § 14 цифра 3000 обозначает не численность всех готов, а количество воинов [41, с. 17, прим. 14]. По расчету Л. В. Фирсова, в середине VI в. население Дори могло достигать 60000 человек [45, с. 109].

Материалы раскопок некрополей области Дори подтверждают сведения Прокопия. О многочисленности населения Дори в период правления Юстиниана I (527-565 гг.) свидетельствуют как продолжавшие функционировать упомянутые выше некрополи, так и могильники Суук-Су, Артек, Кореиз, Симеиз, в балке Каралез под Мангупом, Баштановка, Аромат, Большое и Малое Садовое и др., на территории которых хоронили или могли хоронить во второй половине VI в. (рис. 1). Близ могильников в Гурзуфской котловине и некоторых других обнаружены связанные с ними сельские поселения [55, с. 111, 120, рис. 48,2-4; 50].

В первой половине VI в. в захоронениях области Дори обнаружены византийские амфоры типа LRA 10 с веретенообразным туловом и полый ножкой варианта 1, краснолаковая миска типа LRC-3F с оттиснутым в центре дна клеймом в виде креста, трехчастные литые пряжки с овальной рамкой, граненым язычком и гладким щитком варианта 3-1, а также с овальной рамкой и прямоугольным щитком, инкрустированным стеклом. В одновременных женских захоронениях найдены изготовлявшиеся местными мастерами по остроготским образцам большие пряжки с прямоугольным щитком 1 и 2 вариантов и пальчатые фибулы с concentрическими ромбами на ножке [4, с. 268-270; 5, с. 52, рис. 27; 6, рис. 7].

Следует отметить, что именно в период правления Юстиниана I с середины VI в. мужчины области Дори стали носить популярные в византийской армии геральдические поясные наборы (рис. 2), а женщины – восточногерманский костюм. В характерных для алан склепах и подбойных могилах многочисленны захоронения женщин с типичными для германцев аксессуарами женской одежды: парой золотых серег с многогранником или бронзовых сережек на висках, с ожерельем из золотых треугольных подвесок и одной или двумя низками из янтарных и разноцветных стеклянных бус на шее, парой серебряных двухпластинчатых фибул на плечах, пристегнутых головками вниз, двумя серебряными или бронзовыми браслетами на руках и с широкими кожаными поясами, застегнутыми серебряными орлиноголовыми пряжками южнокрымского типа I варианта (рис. 4; 5). Во второй половине VI в. пояса также застегивали большими пряжками с прямоугольным щитком (рис. 3). Иногда гарнитур дополняли ожерельем из золотых трапециевидных подвесок. Описанные гарнитуры украшений костюма и его детали по составу вещей и способу ношения фибул близки этнографическому женскому костюму остроготов и визиготов [4, с. 107-108; 47, с. 91-133; 49, с. 585-601; 63, S. 84-93; 64, S. 59-94]. Мужчин хоронили в повседневной одежде, зачастую с византийскими воинскими поясами со свисающими узкими ремнями, к которым подвешивали железные ножи и кисеты с кресалом и кремнями. В некоторых кисетах лежали

монеты, а в Суук-Су и рыболовные крючки. В Лучистом в нескольких захоронениях нашли пряжки и наконечники обувных ремней. С середины VI в. аланы и готы носят пряжки и перстни с христианским декором и монограммами, кресты, амулеты. На перстнях и амулетах изображен особо почитавшийся святой Всадник (Сесиний или Соломон). Вплоть до конца VII в. носили амулеты с изображением святого Мины [50, с. 151-182; 51, с. 147-210, рис. 1-17].

Судя по приведенным материалам раскопок, археологическую культуру, выявленную между Внутренней и Главной грядами Крымских гор (от устья Черной речки и Балаклавы до склонов Демерджи и Чатыр-Дага) и на Южном берегу (в окрестностях Алустана и на южных склонах Главной гряды близ Гурзуфа, Ялты, Ореанды и Симеиза) создали мигрировавшие около середины III в. германцы и аланы, а также в конце IV в. новые аланские племена. Эту территорию Прокопий называл страной Дори [4, с. 105, 107; 59, S. 96-104]. Всех жителей Дори он считал готами. Правда, Прокопий и других варваров именовал готами. Например, в трактате «О войнах» он писал о готском племени алан [73, De Bello Vandalico III, III,1; De Bello Gotico V, I,3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова М. П. Катакомбные погребения IV-V вв. н.э. из Северной Осетии // СА. 1975. № 1. С. 213-233.
2. Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. 240 с.
3. Абрамова М. П. Катакомбные могильники III-IV вв. н.э. центральных районов Северного Кавказа // Аланы: история и культура. Аланика. III. Владикавказ, 1995. С. 65-78.
4. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982-1984 годов // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2008. Suppl. 4. 334 с.
6. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993-1995 годов // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2014. Suppl. 14. 400 с.
7. Амброс А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 31-88.
8. Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 275 с.
9. Безуглов С., Захаров А. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1988. Вып. 5. С. 5-28.
10. Безуглов С. И., Копылов В. П. Катакомбные погребения III-IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171-183.
11. Брун Ф. К. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Черноморье. Ч. II. Одесса, 1880. 409 с.
12. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 265-344.
13. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. V. С. 179-282.
14. Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. II. Вып. 2.
15. Высотская Т. Н., Махнева О. А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев: Наукова думка, 1983. С. 66-80.
16. Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 467 с.
17. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 88-166, 242-271.
18. Гиндин Л. А. Проблема славянизации карпато-балканского пространства в свете семантического

- анализа глаголов обитания у Прокопия Кесарийского // ВДИ. 1988. № 2. С. 173-182.
19. Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993. 365 с.
 20. Гуцина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
 21. Зубарев В. Г., Ярцев С. В. К вопросу о расселении приазовских германцев в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2007. № 17. С. 329-338.
 22. Иордан. *Getica*. О происхождении и деяниях гетов / Пер. и ком. Е. Ч. Скржинской. М., 1997. 506 с.
 23. Каминский В. Н. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 94-101.
 24. Караулов Г. Древнее Сюреньское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь на 1871 г. Одесса, 1870. С. 3-24.
 25. Кеппен П. И. О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб., 1837.
 26. Кобылина М. М. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. // МИА. 1941. № 4. С. 75-84.
 27. Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамьшские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 43-61.
 28. Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб.: Алетейя, 2000. 318 с.
 29. Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236-252.
 30. Масякин В. В., Волошинов А. А., Неневоля И. И. Склепы начала эпохи Великого переселения народов из некрополя Сувлу-Кая // II Бахчисарайские научные чтения Е. В. Веймарна. Бахчисарай, 2013. С. 31-32.
 31. Медведев И. П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана. СПб., 2003. С. 160-172.
 32. Пиоро И. С. Крымская Готия. Киев: Лыбидь, 1990. 198 с.
 33. Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. 488 с.
 34. Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III-IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 32-50.
 35. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Вып. XII. С. 107-152.
 36. Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. Л., 1932. Вып. XII. С. 181-212.
 37. Ростовцев М. И. Сарматы // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 91-97.
 38. Савенко С. Н. Количественный состав погребенных в раннесредневековых катакомбах Центрального Предкавказья как социальный показатель // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 63-69.
 39. Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105-118.
 40. Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. М.: Советская Россия, 1957. 64 с.
 41. Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968. С. 11-44.
 42. Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 319-333.
 43. Труфанов А. А. Склеп IV в. н.э. из некрополя у с. Курское в Крыму // РА. 2012. № 2. С. 34-41.
 44. Федосеев Н. Ф. О достоверности рунических надписей Причерноморья // Археология. Київ, 2010. № 1. С. 127-128.
 45. Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т. 40. С. 104-113.
 46. Хайрединова Э. А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет Черняховской культуры. Киев, 1999. С. 203-230.

47. Хайрединова Э. А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91-133.
48. Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 53-118.
49. Хайрединова Э. А. О реконструкции женского костюма варваров Юго-Западного Крыма V-VII вв. // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 585-601.
50. Хайрединова Э. А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151-182.
51. Хайрединова Э. А. Медальоны с изображением Святого Всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 147-210.
52. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. М.: Наука, 1980. 217 с.
53. Шалыга Д. А. Об атрибуции «рунической» надписи на стеле с горы Опук // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 205-207.
54. Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. Мангупская базилика. II // СА. 1940. VI. С. 205-226.
55. Якобсон А. Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 109-120.
56. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л.: Наука, 1964. 234 с.
57. Aibabin A. On Byzantium's northern border: the rural population of the mountainous Crimea in the 6th to 9th centuries // *Les villages dans l'Empire byzantin (IV-XV siècle)*. Paris, 2005. P. 415-424.
58. Ajbabin A. I. Das frühbyzantinische Chersonesos/Cherson // F. Daim, J. Drauschke (Hrsg.). *Byzanz – das Römer-reich im Mittelalter*. Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums. Band 84,2,1. Mainz, 2010. S. 397-423.
59. Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit // *Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums*. Band 98. Mainz, 2011. 318 s.
60. Bachrach B. S. *A history of the Alans in the West*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973. 161 p.
61. *Codex Theodosiani* / Ed. Th. Mommsen et P. Meyer. I-II. Berlin, MCCCCV.
62. Cameron A. *Procopius and the Sixth Century*. Berkeley: University of California Press, 1985. 308 p.
63. Chajredinowa E. Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert // *Unbekannte Krim*. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999. S. 84-93.
64. Chajredinowa E. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert // F. Daim, J. Drauschke (Hrsg.). *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter*. Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums. Band 84,3. Mainz, 2010. S. 59-94.
65. *Histoire Auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles* / Ed. et tr. par A. Chastagnol. Paris, 1994.
66. Jones A. H. M. *The Later Roman Empire*. Vol. I-II. Baltimore, 1992.
67. Mączyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I. The early mediaeval cemetery of Almalyk-Dere near the foot of Mangup // *Inter ambo maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 2011. P. 154-175.
68. Nikephoros patriarch of Constantinople. Short history. Text, tr. and com. by C. Mango. Washington, 1990.
69. Ohme H. *Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste* // *Studien zum Konstantinopler Konzil von 692*. Berlin; New York, 1990.
70. Prisciani Grammatici Caesariensis. *Institutionum Grammaticarum* / Ed. M. Hertzii. Leipzig, 1855. Libri XVIII.
71. Procopius. *De Aedificiis. Opera Omnia* / Rec. J. Haury, G. Wirth // *Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana*. Vol. IV. Lipsiae, MCMLXIV.

72. Procopius. On Buildings / Translated by H. B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940. P. 3-363.
73. Procopius. History of the Wars. Gothic War. Books VII (continued) – VIII / Translated by H. B. Dewing. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. P. 441.
74. Ravennatis anonymi cosmographia et Guidonis geographica: ex libris manu scriptis by Geographus Ravennas; Guido, geographical writer / Ed. G. Parthey, M. Pinder. Berolini, 1860.
75. Ševčenko I. The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Vol. 25. P. 113-132.
76. The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1-3. New York; Oxford, 1991.
77. Tomaschek W. Die Goten in Taurien // *Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nordasien* 1. Wien, 1881. S. 75.
78. Vasiliev A. A. The Goth in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.
79. Wolfram H. Histoire des Goths. Paris, 1990.
80. Zonaras Ioannes. Annales. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Tomus II. Bonn, MDCCCXLIV.
81. Zosime. Histoire nouvelle. Tome I / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971.
82. Zuckerman C. The early byzantine strongholds in Eastern Pontus // *Travaux et mémoires*. Paris, 1991. T. 11. P. 527-553.

REFERENCES

1. Abramova M. P. Katakombnye pogrebeniia IV-V vv. n.e. iz Severnoi Osetii. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1975, N 1, pp. 213-233.
2. Abramova M. P. *Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremia (III v. do n.e. – IV v. n.e.)*. Moskow, 1993. 240 p.
3. Abramova M. P. Katakombnye mogil'niki III-IV vv. n.e. tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza. *Alany: istoriia i kul'tura. Alanika-III*. Vladikavkaz, 1995, pp. 65-78.
4. Aibabin A. I. *Eticheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', DAR Publ., 1999, 352 p.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Mogil'nik u s. Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982-1984 godov. *Bosporskie issledovaniia*, Simferopol', Kerch', 2008, Suppl. 4, 334 p.
6. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Mogil'nik u s. Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993-1995 godov. *Bosporskie issledovaniia*, Simferopol', Kerch', 2014, Suppl. 14, 400 p.
7. Ambroz A.K. Iugo-Zapadniy Krym. Mogil'niki IV-VII vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1994, Vol. IV, pp. 31-88.
8. Arsen'eva T. M., Bezuglov S. I., Tolochko I. V. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981-1995 gg.* Moskow, Paleograf Publ., 2001, 275 p.
9. Bezuglov S., Zakharov A. Mogil'nik Zhuravka i final pozdnesarmatskoi epokhi v Pravoberezhnom Podon'e. *Izvestiia Rostovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia*, Rostov-na-Donu, 1988, Vol. 5, pp. 5-28.
10. Bezuglov S. I., Kopylov V. P. Katakombnye pogrebeniia III-IV vv. na Nizhnem Donu. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1989, N 3, pp. 171-183.
11. Brun F. K. Chernomorskie goty i sledy dolgogo ikh prebyvaniia v Iuzhnoi Rossii. *Chernomor'e. Part II*, Odessa, 1880, 409 p.
12. Vasil'ev A. A. Goty v Krymu. *Izvestiia Rossiiskoi akademii istorii mirovoi kul'tury*, Petrograd, 1921, T. 1, pp. 265-344.
13. Vasil'ev A. A. Goty v Krymu. *Izvestiia gosudarstvennoi akademii istorii mirovoi kul'tury*, Leningrad, 1927, Vol. V, pp. 179-282.
14. Vasil'evskii V. G. Zhitie Ioanna Gotskogo. *Trudy*, St. Petersburg, 1912, T. II, Vol. 2.
15. Vysotskaia T. N., Makhneva O. A. Novye pozdneskifskie mogil'niki v Tsentral'nom Krymu. *Naselenie i*

- kul'tura Kryma v pervye veka nashei ery*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 66-80.
16. Gabuev T. A., Malashev V. Iu. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza*. Moscow, Taus Publ., 2009, 467 p.
 17. Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1990, Vol. I, pp. 88-166, 242-271.
 18. Gindin L. A. Problema slavianizatsii karpato-balkanskogo prostranstva v svete semanticeskogo analiza glagolov obitaniia u Prokopiia Kesariiskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 1988, N 2, pp. 173-182.
 19. Gmyria L. B. *Prikaspiiskii Dagestan v epokhu Velikogo pereseleniia narodov*. Makhachkala, 1993, 365 p.
 20. Gushchina I. I., Zassetskaia I. P. «Zolotoe kladbishche» rimskoi epokhi v Prikuban'e. St. Petersburg, Farn Publ., 1994, 172 p.
 21. Zubarev V. G., Iartsev S. V. K voprosu o rasselenii priazovskikh germantsev v Krymu. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, Moscow, Magnitogorsk, 2007, N 17, pp. 329-338.
 22. Jordan. *Getica. O proiskhozhdenii i deianiiakh getov*. Per. i kom. E. Ch. Skrzhinskoi. Moscow, 1997, 506 p.
 23. Kaminskii V. N. Sarmatskie pogrebeniia iz Timashevskogo kurgana v stepnom Prikuban'e. *Drevnie pamiatniki Kubani*, Krasnodar, 1990, pp. 94-101.
 24. Karaulov G. Drevnee Siuren'skoe ukreplenie i bashnia na Bel'beke. *Novorossiiskii kalendar' na 1871 g.* Odessa, 1870, pp. 3-24.
 25. Keppen P. I. *O drevnostiakh Iuzhnogo Berega i gor Tavricheskikh*. St. Petersburg, 1837.
 26. Kobylina M. M. Raskopki nekropolia Tiritaki v 1934 g. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moscow, 1941, N 4, pp. 75-84.
 27. Kotovich V. G., Kotovich V. M., Magomedov S. M. Utamyshskie kurgany. *Severnyi Kavkaz v drevnosti i v srednie veka*, Moscow, 1980, pp. 43-61.
 28. Kulakovskii Iu. A. *Izbrannye trudy po istorii alanov i Sarmatii*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2000, 318 p.
 29. Loboda I. I. Raskopki mogil'nika Ozernoe III v 1963-1965 gg. *Sovetskaia arkheologiia*, 1977, N 4, pp. 236-252.
 30. Masiakin V. V., Voloshinov A. A., Nenevolia I. I. Sklepy nachala epokhi Velikogo pereseleniia narodov iz nekropolia Suvlu-Kaia. *Materialy nauchnoi konferentsii "II Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia E. V. Veimarna"*, Bakhchisarai, 2013, pp. 31-32.
 31. Medvedev I. P. K voprosu o nepodlinnosti tak nazyvaemoi «Zapiski gotского toparkha». *Mir Aleksandra Kazhdana*. St. Petersburg, 2003, pp. 160-172.
 32. Pioro I. S. *Krymskaia Gotiia*. Kiev, Lybid' Publ., 1990, 198 p.
 33. Podosinov A. V. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii: Teksty, perevod, kommentarii*. Moscow, Indrik Publ., 2002, 488 p.
 34. Puzdrovskii A. E., Zaitsev Iu. P., Nenevolia I. I. Novye pamiatniki III-IV vv. n.e. v Iugo-Zapadnom Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2001, Vol. VIII, pp. 32-50.
 35. Repnikov N. I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928-1929 gg. *Izvestiia gosudarstvennoi akademii istorii mirovoi kul'tury*, Leningrad, 1932, Vol. XII, pp. 107-152.
 36. Repnikov N. I. Ostatki ukrepleniia Eski-Kermena. *Izvestiia gosudarstvennoi akademii istorii mirovoi kul'tury*, Leningrad, 1932, Vol. XII, pp. 181-212.
 37. Rostovtsev M. I. Sarmaty. *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik*, St. Petersburg, 1993, N 5, pp. 91-97.
 38. Savenko S. N. Kolichestvennyi sostav pogrebennykh v rannesrednevekovykh katakombakh Tsentral'nogo Predkavkaz'ia kak sotsial'nyi pokazatel'. *Arkheologiia i voprosy sotsial'noi istorii Severnogo Kavkaza*, Grozny, 1984, pp. 63-69.
 39. Sidorenko V. A. "Goty" oblasti Dori Prokopiia Kesariiskogo i "dlinnye steny" v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1991, Vol. II, pp. 105-118.

40. Sorokina N. P. *Tuzlinskii nekropol'*. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1957, 64 p.
41. Solomonik E. I., Dombrovskii O. I. O lokalizatsii strany Dori. *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1968, pp. 11-44.
42. Tikhanova M. A. Doros-Feodoro v istorii srednevekovogo Kryma. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, N 34, pp. 319-333.
43. Trufanov A. A. Sklep IV v. n.e. iz nekropolia u s. Kurskoe v Krymu. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2012, N 2, pp. 34-41.
44. Fedoseev N. F. O dostovernosti runicheskikh nadpisei Prichernomor'ia. *Arkheologiia*, Kiev, 2010, N 1, pp. 127-128.
45. Firsov L. V. O polozhenii strany Dori v Tavrike. *Vizantiiskii vremennik*, 1979, T. 40, pp. 104-113.
46. Khairedinova E. A. Kostium varvarov V veka po materialam mogil'nika u sela Luchistoe v Krymu. *Sto let Cherniakhovskoi kul'tury*, Kiev, 1999, pp. 203-230.
47. Khairedinova E. A. Zhenskii kostium s iuzhnokrymskimi orlinogolovymi priazhkami. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2000, Vol. VII, pp. 91-133.
48. Khairedinova E. A. Zhenskii kostium varvarov Iugo-Zapadnogo Kryma v V – pervoi polovine VI vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2002, Vol. IX, pp. 53-118.
49. Khairedinova E. A. O rekonstruktsii zhenskogo kostiama varvarov Iugo-Zapadnogo Kryma V-VII vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2006, Vol. XII, pp. 585-601.
50. Khairedinova E. A. Rannesrednevekove kresty iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2007, Vol. XIII, pp. 151-182.
51. Khairedinova E. A. Medal'ony s izobrazheniem Sviatogo Vsadnika iz mogil'nika u s. Luchistoe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2014, Vol. XIX, pp. 147-210.
52. Chichurov I. S. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: "Khronografiia" Feofana, "Breviarii" Nikifora*. Moscow, Nauka Publ., 1980, 217 p.
53. Shalyga D. A. Ob atributsii «runicheskoi» nadpisi na stele s gory Opuk. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2000, Vol. VII, pp. 205-207.
54. Iakobson A. L. Iz istorii srednevekovoi arkhitektury v Krymu. Mangupskaia bazilika. Part II. *Sovetskaia arkheologiia*, 1940, VI, pp. 205-226.
55. Iakobson A. L. Razvedochnye raskopki srednevekovogo poseleniia Gorzuvity. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii mirovoi kul'tury*, 1954, Vol. 53, pp. 109-120.
56. Iakobson A. L. *Srednevekovi Krym*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 234 p.
57. Aibabin A. On Byzantium's northern border: the rural population of the mountainous Crimea in the 6th to 9th centuries. *Les villages dans l'Empire byzantin (IV-XV siècle)*, Paris, 2005, pp. 415-424.
58. Ajbabin A. I. Das frühbyzantinische Chersonesos/Cherson. *F. Daim, J. Drauschke (Hrsg.). Byzanz – das Römer-reich im Mittelalter. Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuseums*, Band 84,2,1, Mainz, 2010, pp. 397-423.
59. Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. *Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuseums*, Band 98, Mainz, 2011, 318 p.
60. Bachrach B. S. *A history of the Alans in the West*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1973, 161 p.
61. *Codex Theodosiani*. Ed. Th. Mommsen et P. Meyer. I-II. Berlin, MCCCCV.
62. Cameron A. *Procopius and the Sixth Century*. Berkeley, University of California Press, 1985, 308 p.
63. Chajredinowa E. Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert. *Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden*, Heidelberg, 1999, pp. 84-93.
64. Chajredinova E. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert. *F. Daim, J. Drauschke (Hrsg.). Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Monographien der Römische-Germanischen*

- Zentralmuseums*, Band 84,3, Mainz, 2010, pp. 59-94.
65. *Histoire Auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles*. Ed. et tr. par A. Chastagnol, Paris, 1994.
66. Jones A. H. M. *The Later Roman Empire*. Vol. I-II. Baltimore, 1992.
67. Mączyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I. The early mediaeval cemetery of Almalyk-Dere near the foot of Mangup. *Inter ambo maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*, Kristiansand, Simferopol, Dolya Publ., 2011, pp. 154-175.
68. Nikephoros patriarch of Constantinople. *Short history*. Text, tr. and com. by C. Mango. Washington, 1990.
69. Ohme H. Das Concilium Quiniseximum und seine Bischofsliste. *Studien zum Konstantinopler Konzil von 692*, Berlin, New York, 1990.
70. Prisciani Grammatici Caesariensis. *Institutionum Grammaticarum*. Libri XVIII. Ed. M. Hertzii. Leipzig, 1855.
71. Procopius. *De Aedificiis*. Opera Omnia. Rec. J. Hauray, G. Wirth. Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. IV. Lipsiae, MCMLXIV.
72. Procopius. *On Buildings*. Translated by H. B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1940, pp. 3-363.
73. Procopius. *History of the Wars. Gothic War*. Books VII (continued) – VIII. Translated by H. B. Dewing. Loeb Classical Library. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1962, pp. 441.
74. *Ravennatis anonymi cosmographia et Guidonis geographica: ex libris manu scriptis by Geographus Ravennas; Guido, geographical writer*. Ed. G. Parthey, M. Pinder. Berolini, 1860.
75. Ševčenko I. The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus. *Dumbarton Oaks Papers*, 1971, Vol. 25, pp. 113-132.
76. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 1-3. New York, Oxford, 1991.
77. Tomaschek W. Die Goten in Taurien. *Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nordasien* 1. Wien, 1881, pp. 75.
78. Vasiliev A. A. *The Goth in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, 1936.
79. Wolfram H. *Histoire des Goths*. Paris, 1990.
80. Zonaras Ioannes. *Annales*. Corpus Skriptorum Historiae Byzantinae. Tomus II. Bonn, MDCCCXLIV.
81. Zosime. *Histoire nouvelle*. Tome I. Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971.
82. Zuckerman C. The early byzantine strongholds in Eastern Pontus. *Travaux et mémoires*, Paris, 1991, T. 11, pp. 527-553.

А. И. Айбабин

О локализации области Дори

Резюме

Топоним Дори появляется в VI в. в учебнике *Institutionum Grammaticarum* Присциана, преподававшего грамматику в Константинополе в первой трети VI в., и в сочинении византийского историка Прокопия Кесарийского *De Aedificiis* (О постройках), написанном в 560 году.

Судя по приведенным материалам раскопок, между Внутренней и Главной грядами Крымских гор (от устья Черной речки и Балаклавы до склонов Демерджи и Чатыр-Дага) и на Южном берегу (в окрестностях Алустона и на южных склонах Главной гряды близ Гурзуфа, Ялты, Ореанды и Симеиза), выявлена археологическая культура, которую создали мигрировавшие около середины III в. германцы и аланы, а также в конце IV в. новые аланские племена. Эту территорию Прокопий называл страной Дори. Всех жителей Дори он считал готами. Правда, Прокопий и других варваров именовал готами, например, в трактате «О войнах» он писал о готском племени алан.

Ключевые слова: Дори, готы, аланы, Горный Крым.

A. I. Aibabin

On the Location of the Region of Dory

Summary

The toponym “Dory” appeared in the sixth century in the handbook entitled “Institutionum Grammaticarum” by Priscianus, who taught grammar in Constantinople in the first third of the sixth century, and in the work of Byzantine historian Procopius of Caesarea “De Aedificiis” (“Buildings”), written in 560.

According to the excavation materials in possession, in the area between the Inner and the Main Ranges of the Crimean Mountains (from the Chernaia River estuary and Balaklava to the slopes of Demerdzhi and Chatyr-Dag) and in the Southern Coast of the Crimea (in vicinity of Alouston and on the southern slopes of the Main Range near Gurzuf, Yalta, Oranda, and Simeiz), there was an archaeological culture created by the Germans and Alans, who migrated there about the mid-third century AD, and new Alanic tribes arriving in the late fourth century. This territory Procopius called the region of Dory, considering all its residents to be Goths. However, Procopius used the name of the Goths for other barbarians also; particularly in the book of “Wars,” he mentioned the Gothic tribe of the Alans.

Keywords: Dory, Goths, Alans, Mountainous Crimea.

Рис. 1. Область Дори в Юго-Западном Крыму (I) и некрополи и поселения области Дори (II).
 А – могильники и поселения, возникшие в середине III в.: 1 – Чатыр-Дага, 2 – Харакс, 3 – Партенит, 4 – Чернореченский, 5 – Инкерман, 6 – Килен-Балка, 7 – Озерное, 8 – Дорос и некрополь на плато Мангуп, 9 – Сувлу-Кая (Бахчисарай), 10 – Курское, 11 – Суворово, 12 – Вишневое, 13 – поселение и некрополь в Тенистом (Тас-Тепе), 14 – Нейзац, 15 – Дружное, 16 – Перевальное; Б – могильники, возникшие в конце IV в.: 17 – Карши-Баир, 18 – Сахарная Головка, 19 – Красный Мак, 20 – Алмалык, 21 – некрополь, «длинная» стена и поселение в балке Каралез, 22 – Скалистое, 23 – Баклинский овраг, 24 – Лучистое, 25 – Алония (Ялта), 26 – Ореанда, 27 – Артек, 28 – Суук-Су; В – могильники, возникшие во второй половине VI в.: 29 – Кореиз, 30 – Симеиз, 31 – Баштановка, 32 – Аромат, 33 – Большое Садовое, 34 – Малое Садовое.

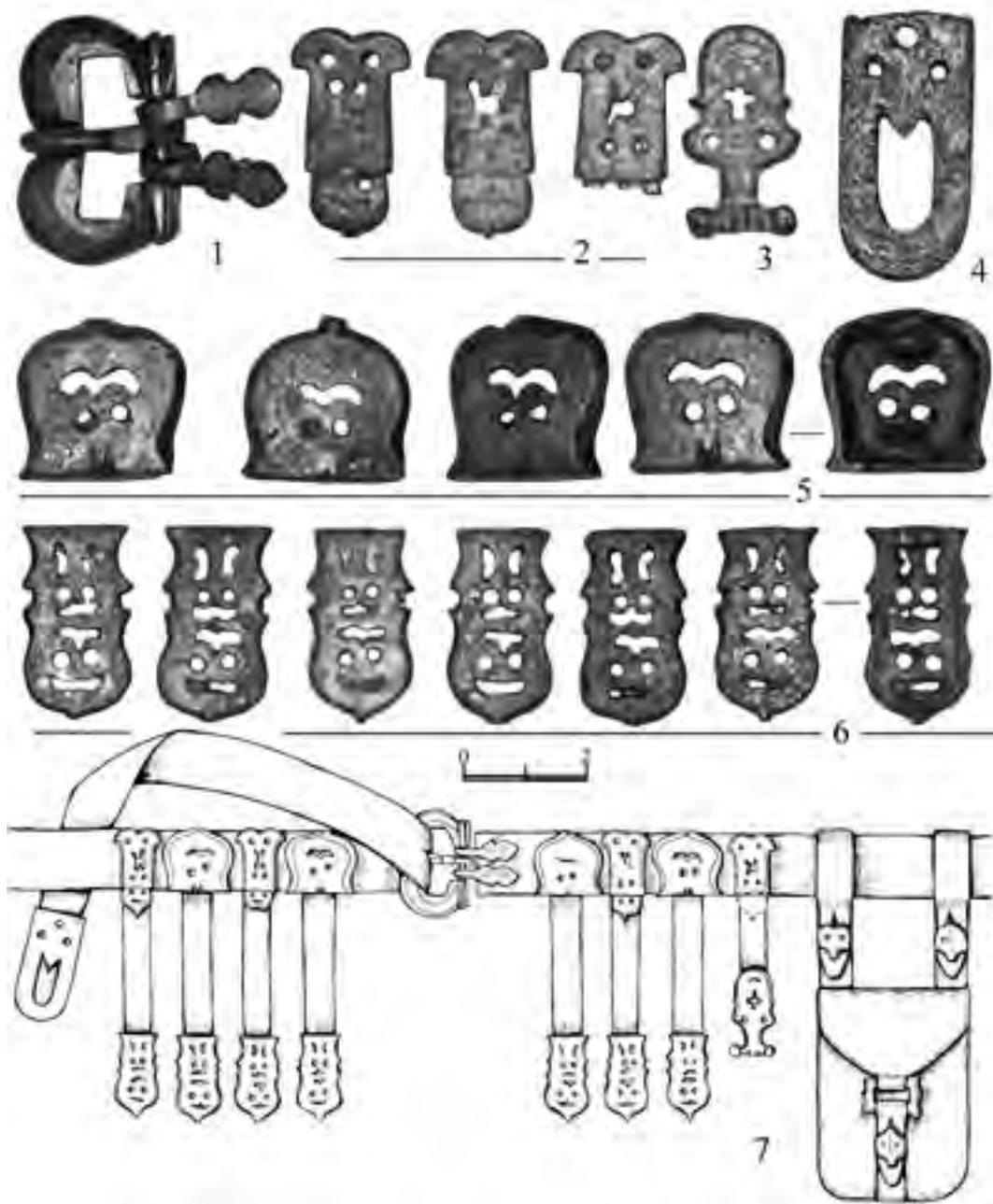

Рис. 2. Геральдический поясной набор из Лучистого, склеп 74, захоронение 1.

Рис. 3. Детали женского остроготского костюма с большой пряжкой с прямоугольным щитком из Лучистого, склеп 77, захоронение 1.

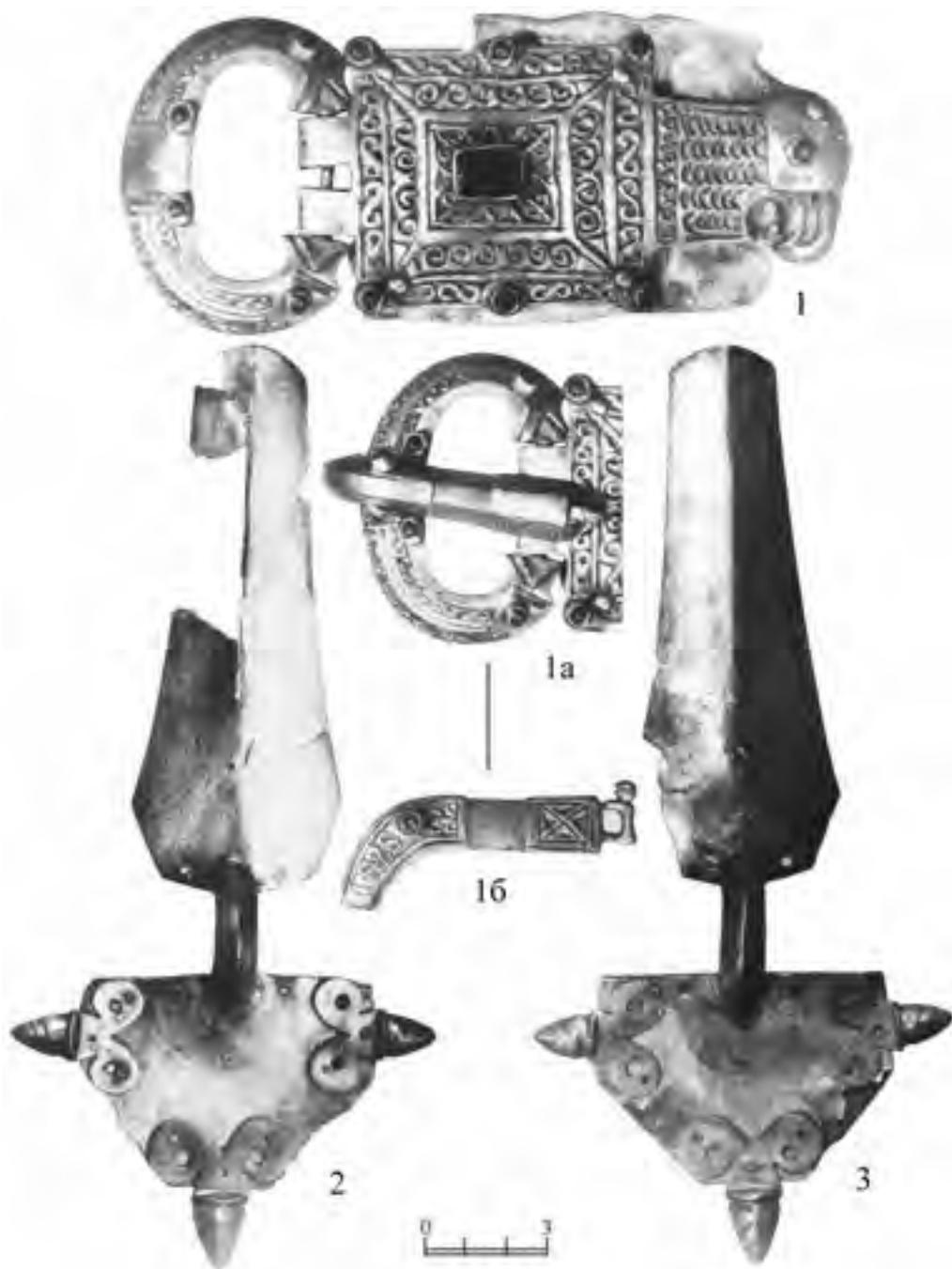

Рис. 4. Детали женского германского костюма с большой орлиноголовой пряжкой из Скалистого, склеп 420, захоронение 3.

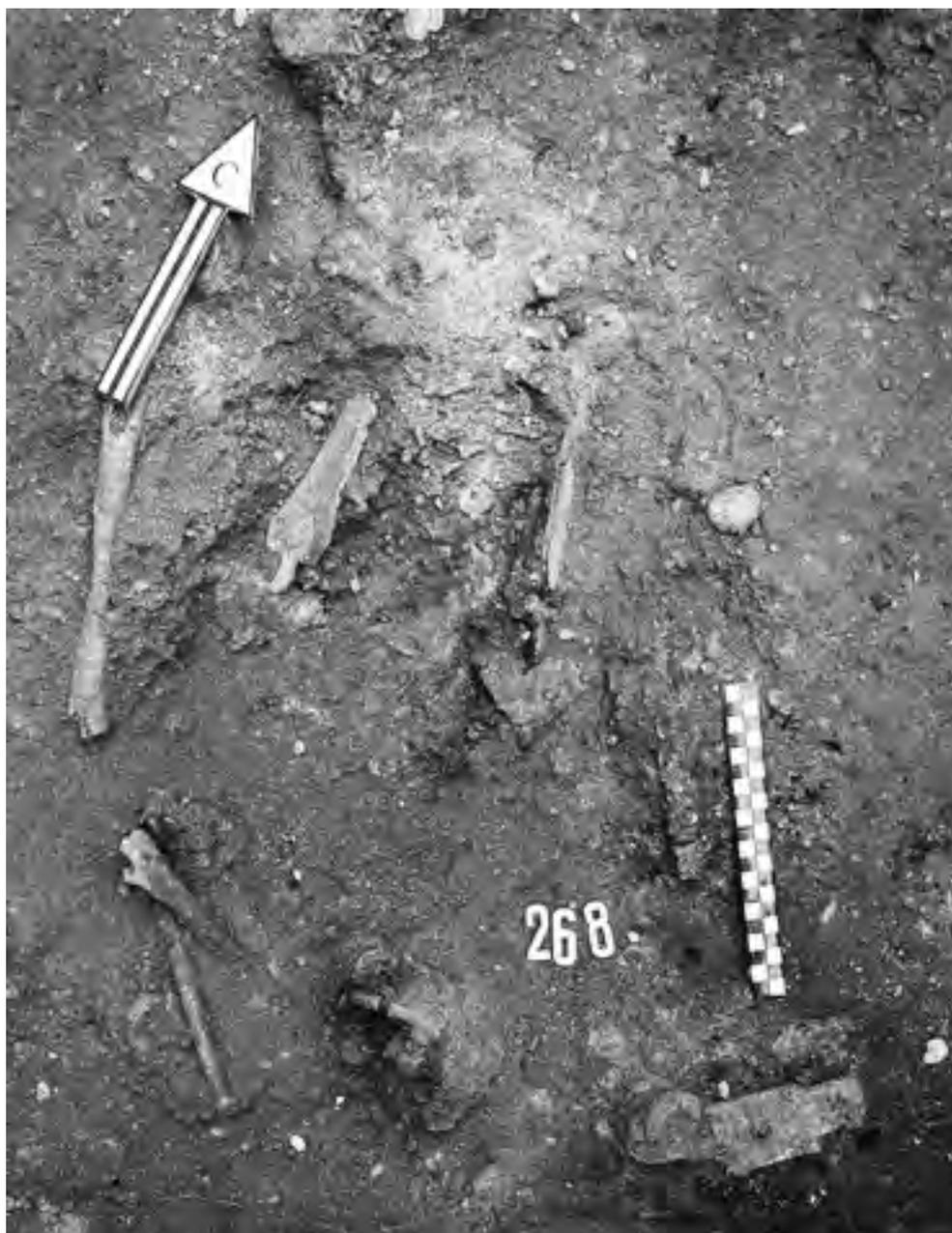

Рис. 5. Детали германского женского костюма с гепидской орлиноголовой пряжкой in situ в захоронении 8 в склепе 268 в Лучистом.

Peter B. GOLDEN

THE STATELESS NOMADS OF EARLY MEDIEVAL CENTRAL EURASIA*

States and statelessness among the nomads of Central Eurasia

Vasilij Bartol'd (W. Barthold), referencing Radlov's observations of the 19th century Qazaqs¹, long ago observed that nomads, normally "do not strive for political unification". Most of their needs, in that regard, are handled within the traditional order of clan and inter-clan relations, without any formal, overarching "apparatus of power". They form states only when "khans", under "favorable" and "exceptional" circumstances, are able to seize power often as the consequence of prolonged struggle. Un-appointed and unelected, the *xan* reconciles his subjects to the new order through the acquisition and redistribution of booty gained from military campaigns, combined with plundering expeditions, usually directed against sedentary society or their nomadic neighbors. Thus, continuing, successful warfare, the acquisition of booty, in particular "prestige" goods, and their redistribution to followers and underlings, were essential to the maintenance of khal authority². The pastoral nomadic economy did not require a supreme authority beyond clan chiefs or "big men" nor a bureaucracy to function efficiently³. The dissatisfied always had the possibility, at least in theory, to

* Система ссылок и списки литературы публикуются в авторской редакции (*Прим. ред.*).

¹ Radlov, 1893: 67-74, concluded that the powerbrokers of Qazaq society were the *biys* whose authority was based on personal wealth and / or hereditary position. Given favorable circumstances, a powerful *biy*, with his supporters could make himself a *xan*, a position obtained by "usurpation" and maintained by force as long as those who recognized him were able to derive some advantage for themselves.

² Bartol'd, 1968: 22-23. See also Fletcher, 1979-1980: 237-238. Kradin, 2002: 375-376.

³ See Kradin, 2002: 372; Kradin, 2005: 151-153.

decamp for greener pastures or more generous chieftains⁴. Leaders of nomadic groups, appearing under a number of titles, could be deposed for actions that were deemed unfavorable, for changes of fortune (e.g. climate changes that produced disasters) or simply for being in office too long. Internecine strife was common⁵. Leadership on the local and higher (even imperial) levels was fragile and frequently contested⁶. In short, the default position for the nomads of Central Eurasia was most often statelessness⁷.

Eurasian nomadic socio-political organizations consisted of clans and tribes⁸ (subdivided into various branches) and were often part of hierarchical tribal unions / supra-tribal confederacies. At the higher level, i.e. that of the tribal union or confederacy, they were often of complex, heterogeneous origins containing groups that linguistically and ethnically differed from one another. Ruling elites

⁴ The practicalities of doing so, which invariably meant infringing on the pastures of others, could make such moves more difficult (see de Crespigny, 1984: 179-180. Movement most often may have meant shifting from one *aul* or the authority of one *beg* / *bey* / *biy* to another within the same larger clan or tribal grouping. On the complexity of the rights of clans and individuals to land and water among the Qazaqs, see Masanov, 2011: 418-444. Battles for pastures, resulting from climate disasters or the displacements caused by other peoples, were not uncommon and could produce political reconfigurations. Incursions into the pasturages of another required compensation. Once Russian rule was established in Qazaq and Qırğız lands, Russian authorities frequently had to settle squabbles over lands rights (Grodekov, 2011: 99-102).

⁵ See Taskin, 1984: 29-30, drawing on a variety of Chinese accounts. Even the Khazar sacral qağan could be toppled for similar reasons, see Golden, 2007: 167-169.

⁶ In the Türk Qağanate, as the *Suishu* notes, family feuds pitting brother against brother and deep mistrust for one another was typical of the ruling stratum (Liu Mau-tsai, 1958, I: 46-47). This was true of tribal unions as well (Taskin, 1984: 29-30, drawing on a variety of Chinese accounts). *Xans* or other leaders could be deposed for missteps, changes of fortune (e.g. drought / famine-producing climate changes) or simply for being in office too long. Charisma could have temporal limits, Khazanov, 1984: 167-169: “nomadic chiefdoms are usually extremely unstable ... their leadership is diffuse and decentralized and their composition fluid and impermanent” (p. 169). Even in the Türk Qağanate, as the *Suishu* notes, family feuds pitting family members against one another and deep mistrust for one another was typical of the ruling stratum (see Liu Mau-tsai, 1958, I: pp. 46-47; Golden, 2007: 167-169).

⁷ Golden, 1991: 135-136; Perdue, 2002: 373, notes that the nomads, given their “dispersed resources” and the need for empire-builders “to accumulate wealth through trade, tribute, or plunder from neighboring agrarian states”, had “only brief moments of unification”. Perdue also underscores the “tribal rivalries and fragmentation” that were typical of the pastoral nomads. As a consequence, resources for empire building had to be acquired from outside the steppe, see also Perdue, 2005: 520. One should add here that expansion beyond the steppe had to be prefaced by the unification of sufficient forces within the steppe that would make such expansion possible.

⁸ “Clan” and “tribe” have become hotly contested terms in Anthropology and definitions vary. Baştuğ, 1998: 97-98, comments that “clan” is “haphazardly applied to any sort of group which seems to be defined in kinship terms”, its members claim “a common ancestor, but do not specify the genealogical connections to that ancestor”. Genealogies, in turn, do not necessarily reflect biological or historical realia. They are “socially constructed” and are “subject to a continual process of contestation, negotiation and redefinition”. Tribes do not fare much better. They are “flexible, adaptive and highly variable”. Moreover, “tribalism” was / is a “dynamic” not a “static social form”; one, which “undergoes and generates a range of social transformations over varying time scales” (Szuchman 2009, 4-5). Tribes arose, it has been argued, in among peoples on the borderlands of states in reaction to the latter. They were, thus, “secondary phenomena” (Fried, 1967: 168-170, Fried, 1970: 10, 30, 49, 52). On the question of “tribe” among the Pre-Çinggisid Mongols, see Atwood, 2010: 63-89. On shifting applications of the term “tribe” to nomadic peoples in medieval Chinese historiography, see Togan, 2015: 88-118.

did not necessarily speak the same language as some of their “confederated” tribes⁹. Over time, the ethno-linguistic components associated with a particular ethnonym could change. In effect, these were highly fluid political entities, whose names, or the names by which they become known in our sources, were influenced by external as well as internal factors. Politically, ethnyonyms had a certain malleability¹⁰. Political cohesion, when achievable, was based on ideologies promoted by the ruling clan¹¹, kinship, real and fictive¹², and successful military action that secured pastures and access to goods from the outside world.

Nomadic polities rarely met the traditional criteria of “statehood”¹³. In principle, a “nomadic state” should consist primarily of nomads, organized into “ruling and subordinate strata”. However, sedentary societies that have been conquered by nomads and in which nomads held political power or the ruling dynasty was of nomadic origin have also been termed “nomadic states”¹⁴. The terminology for the former and the latter varies. Barfield has posited the “imperial confederacy” as “the most stable form of nomadic state” in Eurasia, “autocratic and statelike in foreign affairs, but consultative and federally structured internally”¹⁵. Nomadic political organization, the expansion into empires or empire-like structures, he argued mirrored that of their opposition: China. Barfield terms them “shadow” or “mirror empires”, which rose and fell in consonance with the fortunes of the Chinese realms to their south¹⁶. This consonance, however, was not always present¹⁷. Kradin, terms them “super-complex chiefdoms” or “xenocracies” sometimes with imperial functions, but lacking bureaucracies and a monopoly by the ruling elite of the use of force¹⁸. Di Cosmo, summing up his views on the Xiongnu polity, argues that whether defined as a state or a super-complex chiefdom, the Xiongnu realm was an empire in that it brought under its authority lands that had not been part of its original core or “ethnic” territory and “a variety of peoples ... that may have had different types of relations with the imperial center, constituted by the imperial clan and its charismatic leader”¹⁹. In brief, nomadic “empires” differ from those of their contemporaries in the period under discussion in that they may be viewed as “stateless”, according to traditional definitions of “state”, but exercised state-like, imperial functions over more than their core groupings. Whether these state-

⁹ Johanson, 2006: 163.

¹⁰ Janhunen, 1996: 25: “Most ethnic groups have several ethnyonyms, and the ethnyonym used for a given ethnic group in historical records is normally based on some name by which it was once known to its neighbors”. Geary, 2002: 118: “Names were “renewable resources. They held the potential to convince people of continuity, even if radical discontinuity was the lived reality”. The ethnyonym *Türk* became a politonym, becoming “coextensive” with the areas and peoples under *Türk* rule (Ecsedy, 1972: 247). See also Pohl, 1991: 39-49.

¹¹ Turchin, 2009: 196-197. Whether these were based on imposed or adopted “nuclei of tradition” (*Traditionskern*) associated with a ruling house or clan (cf. Wolfram, 1988: 5-6) or not remains a much-debated subject, see the critical survey of the *Traditionskern* model by Murray: 39-68.

¹² Khazanov, 1984: 138-144; Barfield, 1990: 165.

¹³ On the thorny question of “state”, see the survey of definitions in Scheidel, 2013: 5-57. The various criteria involve “demarcated” borders, an organized government with delineated institutions, i.e. a bureaucracy, a legal system and a monopoly (perhaps more a desideratum than a reality) over the means of violence. On nomads and statehood, see Scheidel, 2011: 111-120; Kradin, 2002: 372.

¹⁴ Khazanov, 1984: 228.

¹⁵ Barfield, 1989: 8.

¹⁶ Barfield, 2001: 10, 33-35.

¹⁷ Turchin, 2009: 194.

¹⁸ Kradin, 2007: 141-145, Kradin, 2011: 77-96 and Kradin, 2004: 506, 513.

¹⁹ Di Cosmo, 2011: 45.

like polities / “xenocracies” / “empires” were “secondary formations” responding to threats from neighboring empires or arose from the need to gain access to the goods of the sedentary world, often by intimidation or conquest, or from internal crises, remains a debated question²⁰. In reality, all of these factors could coexist and are not mutually exclusive.

Dynamic warlords, in a process of superstratification, were usually the founders of these states, conquering their nomadic neighbors and rivals, before turning their attention to the settled lands. Their clans became charismatic ruling clans, some of considerable longevity (e.g. the Ašina among the Türks, the Činggisids from the 13th to 19th centuries). They raided settled lands, but usually did not occupy them. Nomadic states sometimes achieved populations (including subjects) running into the millions, but retaining control over their nomadic subjects remained problematic, even more so when the ruling core considered some forms of urbanization or shifted its political center to conquered sedentary realms. As noted previously, constant military success and the redistribution of war booty and tribute among the core tribes (at the least) played a key role in maintaining political cohesion²¹. The process of conquest could unfold in an often relatively brief period of time. Consolidation proved to be more problematic and these states tended to be fissiparous. The history of the Seljuks or Tamerlane (Aqsaq Temür, Tīmūr-i Lang) and his successors illustrate these points²².

“Statehood” was always embryonic among the nomads. After the Xiongnu, there were traditions of state-like organization on which the nomads could draw. In essence, nomads moved along a scale ranging from structurally loose, acephalous tribal unions (often containing a number of leading clans, but no supreme leader)²³ to state-like confederations or states according to the nature of the “opposition” or problems of interaction and access to goods that they encountered with their sedentary state neighbors²⁴. China was the major catalyst for state formation in the Eurasian

²⁰ See Bartol’d, 1963-77, V: 23; Khazanov, 1984: 229-230; Di Cosmo, 1994: 1092-1126; Di Cosmo, 1999: 1-40; Di Cosmo, 2002: 128 ff., 178-181. A brief overview of the differing viewpoints can be found in the “Introduction” of Amitai and Biran 2005: 4-5.

²¹ Déer, 1938: 10-16; Fried, 1967: p. 232; Fletcher, 1979-1980: 237-238; Christian, 1998: 51, 54, 58.

²² Bašan, 2010 and Manz, 1989.

²³ The Pečenegs and Cuman-Qıpçaqs, among others, are typical examples, see Tryjarski, 1975: 479-616; Golden, 1992: 264-282; Spinei, 2003: 93-159, 217-301. This is somewhat different from the notion of “headless states,” proposed by Sneath, 2007: 1-2 et passim, which does away with “kinship society” and privileges “aristocratic power” that produced “statelike features” of governance “a configuration of statelike power formed by the horizontal relations between power holders, rather than as a result of their mutual subordination to a political center”.

²⁴ Khazanov, 1984: 228 ff., Kradin, 2004: 504; Trepavlov, 1995: 144-151. On the various forms of nomadic polity, see Vasjutin, 2003: 50-62; Perdue, 2005: 518. Barfield, 1989: 5-9, advanced the thesis that nomadic states rose and fell “in tandem” with strong and weak ruling houses in China. A strong and hence economically prosperous China, he argues, provided the necessary stimulus for the development of powerful nomadic states. These were “shadow empires” (Barfield, 2011: 10-41). This thesis had found its critics, see Drompp, 2005: 101-111 and Turchin, 2009: 192-200. Indeed, one could argue a position opposite to that of Barfield: a weak China encouraged the nomads to create a strong force (a state) to take advantage of the situation. Pritsak, 1981: 13, 16-19, accented the role of international merchants as catalysts in state formation in the Eurasian steppe and concluded that a nomad-based state “always developed in response to the challenge of sedentary society”.

steppes²⁵. No such catalyst existed in the western steppe zone. Iran rarely projected its power into the steppelands; Byzantium even less so and preferring to exert influence via short-termed alliances and *ententes* with steppe powers (the Oğuric tribes, Sabirs, Khazars, Pečenegs, Cumans). Kievan Rus' (later half of 9th century to ca. 1240), the only force on the western Eurasian steppe zone, periodically capable of projecting its power into the lands of the nomads, after having dealt a serious blow to the Pečenegs (1036) and the western Oğuz (1060s), itself fragmented and never provided requisite catalyst needed for state formation among the Cumans²⁶.

It was only with the conquest of sedentary state societies that the nomads, in the post-Türk imperial era (after 742/3 in eastern Central Eurasia and after 766 in the central zone of Central Eurasia), imposing a kind of carapace of their political traditions upon the already existing governing traditions of the conquered²⁷, took on many of the features of more traditional, sedentary states. The Qitan (Liao dynasty, 916-1125) in northern China, the Qaraxanids (992-1212) in southern central Inner Asia and the Seljuks (1040-1194 in Iran, Iraq and Syria, 1071-1307 in Anatolia) typify this kind of state evolution among the nomads. The Mongol Empire, the fullest articulation of the nomad-based state imposed on already existing empires and monarchies (China, Iran, Rus', Georgia), did much to break up the older, tribe, tribal-confederation-based system, including their own highly complex society²⁸. Our evidence for the pre-Činggisid era is sparse in comparison with what followed. The nomadic "states" of the pre-Činggisid era only infrequently speak for themselves (e.g. the Türk, Uyğur and Qırğız runiform inscriptions) and the "stateless" tribes are silent.

Terminology and the Shaping of Peoples

Definitions are a problem. The *ἔθνη*, *gentes*, *nationes* and that appear in the Graeco-Latin sources of Late Antiquity – early Middle Ages have become the subject of an interesting and ongoing debate among Western medievalists²⁹. No less complicated are the terms *jins*³⁰, *jil*³¹, *qawm*³² and

²⁵ Turchin, 2009: 197-199, in tallying up the zones of empire formation, concludes that the northern Chinese-steppe borderlands constituted the greatest center of "imperiogenesis". The nomads and China, in response to each other, created ever larger politico-military units in an "autocatalytic process" each side providing "feedback loops with causality flowing in both directions".

²⁶ Golden, 1987-1991; Golden, 1991; Turchin, 2009: 211.

²⁷ Khazanov, 1984: 230-263, discusses the various forms of organization that "nomadic statehood" adopted.

²⁸ Golden, 2000: 21-41; Morgan, 2007: 34, 79.

²⁹ See Gillet, 2002; Garipzanov, Geary, Urbańczyk, 2008. See also the challenge (on occasion misguided in my view) to the notions of "clan" and "tribe" in Inner Asia, Sneath, 2007. When comparing seemingly similar structures, care has to be taken to first understand the cultural baggage that informs and shapes the observer's perceptions, see M-ch. Poo, 2005: 12-18, 20-22.

³⁰ "Kind, sort, variety, species ... race; nation" (Cowan, 1994: 167); "rod, sort, kategorija" (Polosin, 1995: 95); "genus, kind, or generical class, comprising under it several species" (Lane, 1968) I/2: 470). Often translated as "tribe", *jins* really means "kind" or "sort", e.g. *jins min al-turk* "a kind / variety of the Turks".

³¹ "Nation, people, race, tribe, or family of mankind ... such as the Turks and the Greeks and the Chinese" (Lane, 1968, I/2: 494).

³² "A people, or body of persons composing a community ... kinsfolk ... tribe" (Lane, 1968, I/8: 2996), "Peuplade, tribu, peuple" (Kazimirski, 1860, II: 840), "certain nombre de personnes réunies, qui sont du même rang, groupe" (Dozy, 1968, II: 432); "Ijudi, plemja, sorodiči" (Polosin, 1995: 408).

*qabila*³³ of the medieval Arabo-Persian geographical literature dealing with nomadic Eurasia³⁴, and Chinese terms such as *xing* 族 “clan”, *bu* 部 and *buluo* 部落, the latter two rendered as “tribe” in modern Chinese but denoting “tribe” and “tribal segments” respectively in Middle Chinese³⁵. Complicating the imprecision of terminology is the frequent shifting of “tribal” groups, giving them an almost kaleidoscopic quality. The nomads seemed to be in constant motion³⁶. Their “super-tribal unions” / tribal confederations comprised numbers ranging from the low thousands to 100,000³⁷. Needless to say, population estimates for mobile populations that were rarely understood and viewed with varying degrees of prejudice by their neighbors who wrote about them, are at best, “guesstimates”.

Another complicating factor about the peoples of the imperial “tribal zones” is their internecine strife, fractionation and reconfiguration³⁸. Neighboring sedentary states intervened, intrigued and promoted internal discord, especially among rival claimants in the ruling houses. Han China’s relations with the Xiongnu and those of the Sui and Tang dynasties with the Türks and some of their more recalcitrant subject tribes are replete with accounts of attempts at *divide et impera* – or at least intrigues to keep the nomads off balance. Beyond that, the offer or withholding of economic ties and an occasionally active marital diplomacy could also be used to keep the nomads more amenable to China³⁹.

The costs of direct military engagement against the nomads in the steppes were high⁴⁰

³³ “Tribe”, cf. Polosin, 1995: 383, “plemja”; Kazimirski, 1860: 668, “tribu (chez les peuples nomades)”. *Qabila*, when referring to a specific subgrouping can denote “subtribe”, and is sometimes used “synonymously” with *batn* “branch”.

³⁴ See Dankoff, 1972: 23-43.

³⁵ Togan, 2015: 88, 90, 93, 96-97, 100-107. Meanings and nuance changed over time and with the dynasties under whose aegis the dynastic histories were written.

³⁶ Baştuğ, 1999: 77-109; Golden, 2001: 21-24. Cf. the musings of Agathias, 1967: 176-177, about the “Huns” (Οὐννοι) who formerly lived east of the Sea of Azov and north of the Don (Τάναϊς) and “other Barbarian peoples”: “...all of them in general are called Scythians and Huns, but individually according to their tribes (γένη), such as Κοτρίγυροι and Οὐτίγυροι. Others are Οὐλίτζυροι and others yet are Βουρούγουνδοι and others (are called) as has become customary and usual for them. After many generations they crossed into Europe ... but they were destined to remain not for long, but to disappear, as they say, root and branch. Thus, the Οὐλίτζυροι and the Βουρούγουνδοι were known up to the time of the Emperor Leo [Leo I, 457-474] and the Romans of that time and appeared to have been strong. We, however, in this day, neither know them, nor, I think, will we. Perhaps, they have perished or perhaps they have moved off to very far places”. Agathias’ *History* covers the period 552-559 (he died ca. 580), see Kazhdan 1991, I: 35-36.

³⁷ Christian, 1998: 58. According to Christian, tribes had populations ranging from 500 to the 1000s, nomadic empires ranged from the 100,000s to millions. Pritsak’s “tentative estimation” of a population of “2.8 to 3 million” for the stateless Pečeneg confederation (Pritsak, 1975: 226-227), is perhaps overdrawn. The Pečenegs dominated parts of the Pontic steppes from the mid-9th century to 1036 and then troubled Byzantium’s Danubian frontier until their massive defeat in 1092 (Golden, 1992: 264-270).

³⁸ Cf. the post-Türk Oğuz polity (led by a *yabğū*, an old Inner Asian title of probable Chinese origin, see Appendix and Clauson, 1972: 873), whose 22-24 subunits frequently fought one another (Pritsak, 1952: 279-292; Sümer, 1980: 52-59, 140-141, 202 ff.; Golden, 1992: 205-211; *Hudūd*, 1962: 87; Minorsky, 1971: 101). The pre-Činggisid Tatar union, among others, was also prone to internal strife (Rašid ad-Dīn, 1994, I: 76).

³⁹ Cf. the *heqin* policy of the Han with the Xiongnu, see Yü, 1967: 10-13, 36-43; Pan, 1997: 100-107; Skaff, 2012: 203 ff.

⁴⁰ Barfield, 1989: 56-57, calculates that the Han campaign of 119 BCE against the Xiongnu consumed “half of the treasury’s annual receipts”.

and perilous. Momentary military triumphs rarely resolved the problem of nomadic raiding. The Byzantines were loath to venture beyond the Danube and never launched a campaign into the steppe zone⁴¹. It was much more cost efficient to employ the time-honored techniques of pitting one nomad grouping against another, a policy followed by China as well – with considerable success⁴². Nomad state formation or “imperiogenesis”, in the period of interest to us – when it occurred – tended to do so in close interaction with China⁴³. Nomad-based states in the western steppes (the European Huns – if they can be classified as a state – the European Avars, the Western Türks and the Khazar empire, which emerged at the end of the period under consideration), all had roots in the East.

Stateless Nomadic Polities

It is in connection with the rise of the Xiongnu 匈奴 “empire” under Modun 冒頓 (r. 209-174 BCE) and the expansion of his power to some of the neighboring peoples to the north, in particular the Dingling 丁靈 (later called Tiele, see below) and Gekun 隔昆 (the early Qırğız)⁴⁴ both of which are subsequently clearly demarcated as Turkic-speakers⁴⁵. Dingling groupings extended from Lake Baikal – Northern Mongolia to the Irtysh River region and the Qırğız were on the Yenisei⁴⁶. These conquests in part consolidated Modun’s usurpation of authority⁴⁷. The question of Xiongnu ethno-linguistic affiliations is unresolved. Yeneseic / Kettic, Turkic and Iranian have all been suggested⁴⁸. The relationship of the Xiongnu to the European Huns, long a matter of scholarly dispute, is important to an understanding of the stateless nomadic polities that become noticeable in the course of the Hunnic era and its immediate aftermath. Many of the most recent considerations of

⁴¹ Byzantine military manuals of the era contains sections on how to do battle with the “Scythians”, i.e. Avars, Turks and other “Hunnic” peoples, that are well-informed regarding the nomads’ *ars militaria*, cf. the *Stratigikon* (XI.2) attributed to the Emperor Maurice (582-602) and probably written in the late 5th – early 6th century (Maurice, 1970: 268-274; Maurice, 1984: 116-118). The perspective, however, appears to be defensive, rather than offensive.

⁴² Yang, 1970: 33 (“fighting barbarians with barbarians”); Whittow, 1996: 48-52; see also Vasil’evskij, 1908, I: 1-117, a classic study of Byzantium’s relationship with the Pečenegs.

⁴³ Golden, 1982: 37-76 and Golden, 1987-1991: 41-81; see broad discussion in Turchin, 2009: 191-217.

⁴⁴ For the Han-era and Middle Chinese reconstructions of these names, see Appendix A. The Qırğır / Qırğız were, perhaps, a Palaeo-Siberian people under Turkic leadership who were in the process of Turkicization. Qırğız ethnogenesis is particularly complex. See discussion in Pulleyblank, 1990: 98-108, Pulleyblank, 2000: 72-73; Golden, 1992: 143, 176-179, 404-406; Janhunen, 1996: 186; Karaev, Žusupov, 1996.

⁴⁵ Sima Qian, 1993, II: 138, 140; *Hanshu*, 2004: 9, 14; Golden, 1992: 61, 94-95. Maenchen-Helfen, 1939: 77-86 has a useful summary of the data, perhaps somewhat dated in some of its conclusions. See the lengthy discussion in Ögel, 1981, I: 201 ff. of Modun’s career. On the Turkic connections of the Dingling and Qırğız, see Pulleyblank, 1983: 454-456.

⁴⁶ Krjukov, Perelomov, Sofronov, Čeboksarov, 1983: 62-63; Czeglédy, 1983: 62-64, 113; Yü 1990: 120; Di Cosmo, 2002: 189, Borovkova, 2001: 47-48. There were also Dingling groupings in northern China (Pulleyblank, 2000: 79). On the Qırğız, see Bartol’d, 1968: 40-42; Golden, 1992: 177-178.

⁴⁷ Sima Qian, 1993, II: 138.

⁴⁸ See Ligeti, 1950: 141-188; Pulleyblank, 1962: 206-265 (especially Appendix “The Hsiung-nu Language” 239-265). Pulleyblank, 1986: 29-71 (translation of Pulleyblank, 1962) contains some newer readings of Xiongnu forms. See also Pulleyblank, 2000: 62-65. Janhunen, 1996: 185-189, views them as “dominated by speakers of Pre-Proto-Bulgharic”. Bailey, 1982: 91-92; Bailey 1985: 25-41; Harmatta, 1997: 159-173, consider them Iranian. Vovin, 2000: 87-104, revives earlier Yeneseic theories. Horváth, 2007: 63-67, argues for Turkic, rebutted by Zieme, 2011: 37-52. Kljaštornyj, 2001: 49, suggests that the Xiongnu were not Altaic, but Turkic-speakers may have been the predominant linguistic grouping in their confederation.

the material argue for a Xiongnu-Hun connection⁴⁹. What we can say with some certainty is that Han China, and its steppe allies (especially the Xianbei), defeated major groupings of the Xiongnu in the 1st century BCE and 1st and mid-2nd centuries CE. Each of these defeats appears to have precipitated a series of migrations of Xiongnu groupings and some of their subject peoples westward⁵⁰, a pattern in Turkic history that would be repeated throughout the Middle Ages. De la Vaissière, based on notices in the *Weishu* (551-554) and *Tongdian*⁵¹, posits a series of migrations of tribes living in the foothills of the Altay, heirs of the Northern Xiongnu and still maintaining a Xiongnu “political identity”, to Transoxiana and the Volga in the 350s-360s⁵². De la Vaissière’s data, however, does not exclude earlier movements of “Hunnic” peoples westward. According to Czeglédý and Harmatta, the Northern Xiongnu / Huns were already penetrating Central Eurasia before the 40s BCE. These numbers increased after a Northern Xiongnu defeat in 91 CE that brought them to Jungaria, the Ili River zone, South Kazakhstan and Kangju (康居)⁵³, with others following from East Turkistan to Kangju in 158. The Xianbei (see below) then occupied their lands in East Turkistan in 166. Kangju, including Sogdiana, came under the Xiongnu / Xyôn / Chionitae until 370. The movement of what became the Hephthalites ca. 350, perhaps under pressure from the kindred Avars / War-Huns or part of their expansion, divided these Xiongnu; one grouping moved westward to the Volga⁵⁴, setting the stage for the European Huns.

In the western steppe zone, the Huns were raiders, military hirelings and generally troublesome neighbors. Whether they actually formed a state may be debated. Under Attila, they had a number of proto-urban settlements, a stratified society and office of governance, albeit only dimly discerned⁵⁵. Attila’s polity threatened the Eastern and Western parts of the Roman Empire. He was a “nuisance,” but never a mortal danger⁵⁶. The extent of his realm is uncertain. He held Pannonia and some adjoining regions (e.g. “Scythia Minor”, i.e. the Dobrudja zone) and had Slavic, Germanic and doubtless other “subjects” over which varying degrees of authority were exercised, but it is not clear that he was master of all the “Hunnic” peoples. After his death in 453, the union, dependent on his

⁴⁹ Czeglédý, 1983: 32-35, 62 ff., 85 ff.; Érdy, 1995: 5-94; Wright, 1997: 77-112; Harmatta, 1997: 159-173; Pulleyblank, 2000: 60; De la Vaissière, 2005: 3-26. The current trends in Xiongnu studies, in particular the archaeological evidence, can be seen in the studies collected in Brosseder, Miller, 2011.

⁵⁰ See Czeglédý, 1983: 34, 92-97; Harmatta, 1997: 164-167; Pulleyblank, 2000: 59-60; Kljaštornyj, Savinov, 2005: 36-37.

⁵¹ The *Weishu* authored by Wei Shou (d. 572, covering the period 386-550), compiled 551-554 and the *Tongdian* by Du You (732-812), published in 801, see Wilkinson, 2012: 626, 646.

⁵² De la Vaissière, 2005: 21-23. They played a key role in the shaping of the Chionites and Hephthalites.

⁵³ OC *kʰaj ka*, LH *kʰaj kia* (Schuessler, 2009: 77 [3-12h], 46 [1-1c']) = Iranian *Kangha*, *Kang*, Turk. *K(ä)ngü* = Middle Syr Darya – Talas – Ču – Taškent oasis (Kljaštornyj, 1964: 171-175). Hill, 2009: 33, 171-184, 238, based on the *Hanshu*, describes it as “the Talas Basin, Tashkent and Sogdiana”. In the Tang era, the latter was meant, see Stark, 2009: 8-9, 37 ff. After 91 CE, the Xianbei occupied the Northern Xiongnu territories and became a threat to China (Yü, 1986: 443-444).

⁵⁴ Czeglédý, 1983: 99-101; Harmatta, 1997: 166-169.

⁵⁵ Maenchen-Helfen, 1973: 190-198; Nikonorov, 2010: 281-282 for the various terms used for Hunnic commanders and leaders. It is not unlikely that their structure became more complex as a result of interaction with the Late Roman Empire. On Hunnic proto-urban settlements, see Golden, 2013: 31-38.

⁵⁶ Maenchen-Helfen, 1973: 126.

ability to extort tributes and other payments from the Romans, east and west, quickly unraveled⁵⁷.

In the east, in Mongolia, the Xianbei (鮮卑 = **Sārbi*, see Appendix A) who became the masters of the Xiongnu core lands by the mid-2nd century CE⁵⁸, may be ranked among the stateless nomads. They derived from the *Donghu* 東胡 (“Eastern Hu”)⁵⁹. According to the *Hou Hanshu*, the languages and customs of the Xianbei and Wuhuan, peoples that Modun had conquered early in his career, were similar⁶⁰. The defeated *Donghu* fled to the Liaodong region and divided into the Xianbei and Wuhuan 烏桓⁶¹. Both peoples were alternately subjects of the Xiongnu and the Han⁶². With the fall of the Xiongnu, the Xianbei became masters of substantial parts of the Mongolian steppe. The Xianbei, like the other *Donghu*, probably consisted of a variety of peoples, including speakers of Pre-Proto-Mongolic, which divided into Proto-Mongolic and Para-Mongolic⁶³. Despite philological arguments (see Appendix A), it is far from clear that the later Asian Avars are to be sought in the Wuhuan⁶⁴. The latter were badly defeated by the Han in 207 CE and were largely absorbed by the Xianbei or took service with the Han. Elements of the Xianbei, following defeats by China, may well have moved westward in the third century CE⁶⁵. Their lack of political unity permitted China to exercise some control over them⁶⁶. Under the dynamic Tanshihuai (檀石槐, 131?-181), not long after the collapse of the remnants of Xiongnu power in 155, some kind of political unity was achieved; his authority was extended to their nomadic neighbors (including the Dingling) and he occasionally raided China. However, his triumphs proved to be ephemeral and his “empire” did not long survive his death – although senior leadership did become hereditary⁶⁷. It is among one of the Xianbei tribal

⁵⁷ The history of the European Huns has produced an extensive literature, which need not detain us. In addition to Maenchen-Helfen, 1973; see Németh, 1940; Thompson, 1996; Dąbrowski, 1975: 11-146; the overview of Sinor, 1990a: 177-205 (Sinor does not accept a Xiongnu-Hun continuity); and more briefly Golden, 1992: 88-92.

⁵⁸ They had begun to absorb Xiongnu elements after the defeat of the latter by China in 91 CE. These Xiongnu now began to call themselves *Xianbei*, Taskin, 1984: 45. This is an example of an ethnonym becoming a politonym.

⁵⁹ *Hu* was a flexible term denoting in the era before the Han dynasty (pre-206 BC), “nomads”. In Han times (206 BC-221 AD) it was usually associated with the Xiongnu (Pulleyblank, 1983: 449-450; Di Cosmo, 2002: 127-130). Subsequently, in the Sui era it also denoted Central Asian Iranians, especially the Sogdians (Liu Mau-tsai, 1958, II: 490-491, n. 22, 584, n.786; see also De la Vaissière, 2005a: 57 (“populations of the Northwest”); Abramson, 2008: viii, 19-20, 87).

⁶⁰ Sima Qian, 1993, II: 135-136; Taskin, 1984: 63-65, 70, 296, n.1; *Hanshu*, 2004: 6-7.

⁶¹ On the Wuhuan and Xianbei, see Eberhard, 1942: 35-37; Kljaštornyj, Savinov, 2005: 44-48. The ancient homeland of the Wuhuan was located in the upper Amur (Taskin, 1984: 7-9) one of the *Donghu* areas of concentration. Taskin considers them Mongolic. In the Han era, the Xianbei and Wuhuan were associated with western and southern Manchuria respectively. The Shiwei emerged from the Xianbei in the north and the Qitan from the southern Xianbei (Janhun, 1996: 184).

⁶² Yü, 1967: 53-57.

⁶³ Janhun, 1996: 184, 190-193; Schönig, 2003: 405; Schönig, 2005: 140-141. “Para-Mongolic” languages were “collaterally related to Proto-Mongolic” (Janhun, 2003: 391-393).

⁶⁴ Cf. Pulleyblank, 2000: 71; Kljaštornyj, Savinov, 2005: 44-48, pair the Wuhuan and Xianbei with the Avars and Säbirs and argue for a westward movement of the Xianbei (see below).

⁶⁵ According to the *Hou Hanshu* they were led by an elected “great man” *da ren* (大人), but had no system of hereditary rule. Following their defeat in 207, thousands of them were brought to China (Taskin, 1984: 63, 69, 85; De Crespigny, 1984: 40-41, 398-415).

⁶⁶ Barfield, 1989: 86-87.

⁶⁷ De Crespigny, 1984: 314-345; Yü, 1986: 442-446; Taskin, 1984: 80.

politics, the Qifu 乞伏, that emerged after his passing that we first encounter, in 265, the title *qağan*, a title of uncertain origin⁶⁸, which subsequently supplanted Xiongnu *chanyu* (單于) as the imperial title in the steppe world. The Rouran ruler, Shelun (Chin. 社崙, r. 402-410) was the first to use it as a title superior to or supplanting *chanyu*⁶⁹. The ethno-linguistic affiliations of the Rouran, who appear to have derived from the Donghu peoples, remain in murky⁷⁰. What is of concern to us here is that the system of imperial titulature that we find in the Türk Qağanate and its imperial successors (the Uyğurs and Khazars) consists entirely of foreign, non-Turkic terms many of which appear to have been taken from the Rouran and not improbably from the Xianbei traditions, which are apparent among the Early Mongolic or Para-Mongolic-speaking Tabğaç⁷¹ (Chin. 拓拔 Tuoba, see Appendix A). The latter had become masters of North China as the Northern Wei dynasty (386-534 and their short-lived successors, the Eastern Wei, 534-550 and Western Wei, 535-556) and the Asian Avars / Rouran 柔然, who emerged contemporaneously and often in conflict with them.

The rulers of the stateless nomadic polities that emerged in the post-Türk era (after 742/744) bore titles beneath that of *qağan*: e.g. *yabğū*, *erkin*, *tügsin* and others⁷². Without getting into the question of the relationship of the Rouran / Asian Avars to the European Avars⁷³, we can note that the latter employed many of these same titles⁷⁴. The Türks appear to have taken over the Rouran system⁷⁵. In this sense, we can speak of a *translatio imperii*. The westward advancing Türks led by İstāmi, who bore the title *Sir Yabğū / Jabğū Qağan*⁷⁶, slightly below that of his brother Bumın

⁶⁸ Liu, 1989: 98; Taskin, 1984: 90, 335, n.4. The Qifu later founded the Xi Qin (385-431), one of the “Sixteen Kingdoms” (Taskin, 1984: 4). On these ethnically complex statelets founded by non-Chinese (often Xianbei or Xiungnu) warlords, see Barfield, 1989: 97-118, Graff, 2002: 54-75; Vovin, 2007: 177-187. Vovin, 2011: 28, derives *qağan* from Yeniseic with a Mongolic / Para-Mongolic Tabğaç *-n* ending: **qe* “great, big” + *qaj* “ruler” + *-n*, cf. also Tremblay, 2001: 285, n.305. See Appendix A.

⁶⁹ Taskin, 1986: 216.

⁷⁰ Previously considered Mongolic (Taskin, 1984: 47-49 suggests that the contradictory comments on Rouran origins derive from their being a Mongolic people ruling over Turkic peoples), Vovin, 2004: 127-130 and Vovin, 2011: 27-36, maintains that Rouran was not “Altaic” nor related to any other neighboring language. The data is sparse and we cannot come to any firm conclusions.

⁷¹ On the Tabğaç language, see Ligeti, 1970: 265-308; Vovin, 2007a: 191-207. Doerfer, 1993: 78-86, posits titles such as *qağan*, *qatun*, *tarxan*, *tegin*, *erkin*, *tudun*, *sagun* as “all ... presumably borrowed from Xianbei”, of which Tabğaç was a dialect. *Tegin* may have come from Xiongnu via Mongolic intermediation (Pulleyblank, 2000: 64).

⁷² See Golden, 2006: 23-61.

⁷³ For an overview, see Golden, 1992: 76-83, 106-111; Golden, 2013: 62-65; Kollautz, Miyakawa, 1970, I: 138 ff.; Grignaschi, 1984: 219-248. On the European Avars, see Pohl, 1988. Beckwith, 2009: 390-391, n.18, makes the important point that it is only after the defeat of the Rouran and the Türk “pursuit of them across Eurasia” that the title *qağan* appears outside of Mongolia, hence the European Avar “ruling clan must be equatable with the Jou-jan ruling clan or one or more legitimate heirs of it”. The Asian Avars have been associated with both Xiongnu and Xianbei groupings. The sparse remnants of the European Avar language may indicate Turkic linguistic affiliations for the latter, see Harmatta, 1983: 71-84, and Györffy, 1997: 141-144, who concludes that the bulk of late European Avar society spoke Bulğaro-Turkic (Oğuric).

⁷⁴ Pohl, 1988: 293-306; Róna-Tas, Berta, 2011, II: 1163.

⁷⁵ See a full listing of titles with references to citations in User, 2010: 254-271

⁷⁶ Dobrovits, 2004: 111-114

El[l]ig Qağan, the founder of the Türk state from the Ašina clan⁷⁷, made this clear to the Byzantines. He announced that when he finished his war with the Hephthalites (who fell to the Türks between 560-567/568⁷⁸) the fleeing Rouran / Avar remnants, whom he viewed as rebels, “shall not escape my might”. One of his successors, Τοῦρξανθοῦς (a son of İstāmi) called them “our slaves”⁷⁹. The fact that the Avar rulers in the West were still calling themselves *qağans* and thus claiming imperial status, was, no doubt, more than a source of irritation to the Türks.

When the Türk Qağanate fell in 742/743, it was briefly replaced by that of the Basmıl, a subject tribal union led by a branch of the Ašina who seized power with the assistance of the Uyğurs (of the Toquz Oğuz / eastern Tiele) and Qarluqs, another subject tribal union of the Türks. When the Uyğurs took the qağanate in 744⁸⁰, ruling until 840, they claimed in the Terxin (ca. 753, made in the name of Eletmiş Bilgä Qağan, r. 747-759) and Tes inscriptions (762) that this was, in essence, a *restauratio imperii*, in that the Uyğur qağans had previously held the state (*el*) for three hundred years. In the Terxin inscription mention is further made of three qağans, including the Ašina, Bumın (founder of the Türk Qağanate), who ruled for two hundred years and “my ancestors” who ruled for eighty years. The Uyğurs, thus, claimed to have moved in and out of statehood / qağanal authority⁸¹. Some scholars place the “first Uyğur Qağanate” to the rulership of Tumidu 吐迷度, who following the Tang-Toquz Oğuz victory (646) over the Xueyantuo 薛延陀 was recognized at the “Great Eltäbär” by the Tang and unilaterally claimed the Qağanate (647), a status China did not grant him. Thus, the First Uyğur Qağanate would have existed from 647 until ca. 680 when the Ašina-Türks had revived⁸². This, however, would appear to contradict the Uyğur runiform inscriptions. When the Uyğur Qağanate fell to the Qırğız in 840, the Qarluqs, hitherto led by a *Yabğu* now claimed *qağanal* status in a further *translatio imperii*. This legacy was bequeathed to the Qaraxanids, who had Qarluq roots⁸³.

The Uyğurs were the leading grouping within the Toquz Oğuz and we should now turn to their Oğur “kinsmen” in the western steppes. There is no trace in our sources of statehood, much less imperial consciousness among the western Dingling / Tiele / Oğuric peoples.

Stateless Nomads of the western steppes

A decade after the death of Attila, Priscus (d. after 472) mentions the arrival into the Pontic steppe zone and thus into the Byzantine orbit of a series of steppe nomads coming from the east ca.

⁷⁷ *Ašina*, see Appendix A, as well as the names of the early Türk qağans were largely East Iranian, Klyashtorny, 1994: 445-447; Golden, 1992: 121-122; Rybatzki, 2000: 206-221.

⁷⁸ Chavannes, 1941: 226; Kljaštornyj, Savinov, 2005: 94-95; Tremblay, 2001: 183; Frye, 1984: 327, 349-350; De la Vaissière, 2005: 200. The precise dating and degree of Sāsānid involvement as allies of the Türks (an alliance that quickly ended) remains under discussion.

⁷⁹ Menander, 1985: 44-47, 110-117, 174-175; Chavannes, 1941: 240. The actual identity of Τοῦρξανθοῦς as well as his name (title?) remains uncertain. Menander says he “was one of the leaders of the Turks” whose holding were divided into eight parts.

⁸⁰ Liu Mau-tsai, 1958, I: 179-180 (*Jiu Tangshu*), 229-230 (*Xing Tangshu*), 260-261; Taşağıl, 1995-2004, III: 53-59, 74-79, 82-83, 91-92.

⁸¹ Kljaštornyj, 2006: 157 (Tes, W, 7-8); Kljaštornyj, 2006a: 135 (Terxin, E, 16, 18); Erhan, 2011: 33 (Tes, N, 1-2), 42-43 (Terxin [Taryat], E, 1, 3); Kamalov, 2001: 58-68. The Türks, before they overthrew the Rouran (552) subjugated the Tiele who were preparing yet another revolt against the Rouran (Liu, 1958: 7; Taşağıl, 1995-2004, I: 17). The Tiele-Türk rivalry had deep roots.

⁸² Pulleyblank, 1956: 37; Kamalov, 2001: 62-63; Cheng, 2012: 98-99; Pan, 1997: 192.

⁸³ Pritsak, 1951: 270-300; Golden, 1982: 37-76; Hunkan, 2007: 75-80.

463. These were the Σαράγουροι: **šara*⁸⁴ *Oğurs* (“White” or “Yellow” *Oğurs*⁸⁵), Οὔρωγοι: **Oğurs*⁸⁶ and Ὀνόγουροι: *On Oğurs* (usually written *Onoğurs*, “Ten *Oğurs*”). These *Oğuric* tribes fled into the Pontic steppes from the east, most probably from the Kazakh steppes⁸⁷ evicted by the Sabirs⁸⁸, who were set into motion by a chain of migrations initiated by the Asian Avars / Rouran to their east. The latter were pressed by “tribes who lived by the shore of the Ocean”, who were fleeing ocean mists and – with a nod to Herodotus – a flock of man-eating griffins⁸⁹. In reality, these migrations were prompted by Asian Avar / Rouran-Northern Wei warfare of the 430s-458, recorded in the *Weishu*⁹⁰. In many respects, this migration was the culmination of a series of movements of nomadic peoples beginning with the Sino-Xiongnu encounters. Xiongnu, or peoples deriving from the Xiongnu polity, had come to the Kazakh steppes by the late first century CE. These peoples may have included *Oğuric* tribes, which were part of the *Dingling* (see above). A later *chanyu* Zhizhi (鄯支, d. 36 BCE), in the course of Xiongnu fragmentation, moved westward and re-established or more accurately secured his dominion over the *Dingling* in the mid-first century BCE (they had broken away from Xiongnu control in 69-70 BCE). Zhizhi subsequently migrated, with considerable losses, to Kangju with which he had formed an alliance against the Wusun, an Indo-European people and ultimately Han China⁹¹. The *Dingling* remained subjects of the Xiongnu until 85 CE when they joined the Xianbei in attacking the weakening Xiongnu realm. Several years later, in 91 CE, the Northern Xiongnu grouping went to the Ili Valley. The brief Xiongnu resurgence in the “Western Regions” in the early decades of the second century ended by mid-century when the Xianbei became

⁸⁴ The *Oğuric* or West Old Turkic form is **šar(i)ğ* / *šaruğ* “white” = Eastern Old Turkic (Common Turkic) **sariğ* “yellow”, cf. Čuvaš *šurā* “white”, a loanword in Hungarian *sár* [šár], *sárga* (šárga) “yellow”. The distinctive “rhotacism” of *Oğuric* (hence *oğuz* > *oğur*) had already occurred before their arrival in the Pontic steppes, see Róna-Tas, 1999: 104; Róna-Tas, Berta, 2011, II: 691-695, 1112-1115, perhaps as early as the first century BCE. See also Dybo, 2006: 772-773, who dates the development of *Oğuric* / West Old Turkic / “Bulgaric” to the “Proto-Turkic period” sometime in the 1st century BCE.

⁸⁵ West Old Turkic / *Oğuric* Turkic *oğur* and Old East Turkic (“Common Turkic”) *oğuz* were probably originally technical, kinship terms denoting groupings of kindred peoples that later took on socio-political, ethnonymic status, see Golden, 2012.

⁸⁶ The Greek form is generally viewed as a corruption of Ὀγούροι, i.e. *Oğurs*. Róna-Tas, 1999: 210, reads this as *Uğur* (cf. Moravcsik, 1958, II: 227: Οὔγουροι) and associates it with the family name of the founder of the Asian Avars / Rouran: 郁久闾 Yujiulü (see Taskin, 1984: 58-59, 267, 461) = MC *?juk kǰau lǰwo* (Schuessler, 2009: 96 [4-17a’], 95 [4-13a], 57 [1-54g]) or Early Middle Chinese (EMC) as *ɳuwk kuw’liǎ* and as *ɳiwk kiw’liǎ* / *lyǎ* (Pulleyblank, 1991: 384, 161, 204). Róna-Tas, 1999: 210-211, suggests, further, that this is a rendering of **ugur(i)* > *Uğur*, which he considers a “secondary” form of *Oğur*. The implication is a possible connection with the *Oğur* tribes. Interestingly, Janhunen, 1996: 190, speculates that the Rouran may have been speakers of “General Turkic, a view not widely shared”.

⁸⁷ Gening, Xalikov, 1964: 142-147; Czeglédy, 1983: 97-103.

⁸⁸ Most probably **Säβir*. On the various forms of this ethnonym, see Czeglédy, 1959: 373-383 and below. As *Sabir* is the form most frequently found in the literature, we will retain it.

⁸⁹ Priscus, 1981, I: 48-70; 1983, II: 344-345. For variant renderings of these ethnonyms, see Moravcsik, 1958, II: 219-220, 227-228, 230, 267-268. Herodotus, III.116.1, IV.13.1-2, IV.27.1. The griffins were mythological winged beasts with a lion’s body and an eagle’s head who guarded gold at the ends of the known lands (Dovatur, Kallistov, Šišova, 1982: 96-97, 104-105, 110-111, 257-258, n.250). Herodotus’ chain of migrations theme is taken from Aristaeas’ *Arimaspeia*, see Romm, 1992: 60-72, 118.

⁹⁰ Taskin, 1984: 273-276.

⁹¹ The Han destroyed Zhizhi in 36 BCE, see Borovkova, 2001: 278-279, 295-310; Borovkova, 2008: 79-81.

the dominant nomadic force in Mongolia (ca. 130 – ca. 180s)⁹². The *Weilüe* written by Yu Huan in the 3rd century CE⁹³, notes a Dingling polity, “north of Kangju”⁹⁴. Subsequently, from the 4th century CE, they appear in the Chinese sources under a variety of names, e.g. Dili 狄歷), Tele 特勒, Chile 敕勒, and subsequently Tiele 鐵勒 (see Appendix A)⁹⁵, all of which may perhaps be renderings of **tägräg* which has been interpreted to denote “cart”⁹⁶. The Tiele, in any event, are not to be identified with the Töles, a Turkic people later noted within the Eastern Türk confederation⁹⁷. The term *Tiele* is not without problems. If it does, indeed, represent *tägräg*, a rendering (pars pro toto) of an ethnonym that would denote “(people of the) carts”, semantically in keeping with the later Chinese usage, *Gaoche* 高車 “(people of the) High Carts”, a term used to denote the Eastern, Uyğur-led Tiele⁹⁸; we are hard-pressed to find other such examples in Turkic ethnonymy.

The Tiele formed a large, important but still vaguely defined union of tribes that ultimately divided geographically into eastern (northern Mongolia and adjoining areas), southern (at the Great Wall) and western (Ponto-Caspian steppes) units that spanned the Eurasian steppes⁹⁹. We have no evidence of an overarching central authority for all three groups. What is interesting for us is the usage of the term *oğur* (in West Old Turkic / Oğuric) and *oğuz* (in East Old Turkic / Common Turkic, see Appendix B), usually prefaced with a number (or adjective) as the name of some of the constituent tribes / subgroupings. In the course of the turmoil and displacements set off by the rise of the Rouran (Uar-Hun) / Asian Avar polity, the Dingling / Tiele came to southern Kazakhstan from northern Kazakhstan and the Irtysh zone. Here they remained until pushed westward ca. 460 by yet another drive initiated by the War-Huns / Rouran / Asian Avars¹⁰⁰. Among the western Tiele peoples recorded in the Chinese accounts (cf. the *Suishu* by Wei Zheng d. 643, published ca. 629-636¹⁰¹), were the *Enqu* 恩屈 (LH *ʔen kʰut*, MC *ʔən kʰwət*¹⁰²) which appears to render *Ongur = Onoğur, located near the Alans (阿蘭 MC *ʔā lān*¹⁰³), “and others” to the East of *Fulin* 拂菻, the Eastern Roman / Byzantine Empire, i.e. most probably in the Caspian-Pontic steppes¹⁰⁴.

The newly arrived Oğur (Tiele) tribes entered what was probably something of a power

⁹² Maenchen-Helfen, 1939: 80; *Hanshu* in Taskin, 1968, 1973, II: 81-96; Yü Ying-shih, 1990: 148-149; Ögel, 1981, II: 357 ff.; Golden, 1992: 69-71; Janhunen, 1996: 184.

⁹³ Wilkinson, 2011: 732.

⁹⁴ *Weilüe* in Borovkova, 2008: 89-90, pointing to another grouping of Dingling, west of the Wusun.

⁹⁵ The *Jiu Tangshu* dates this usage to the time of the Tuoba Wei (Chavannes, 1941: 87). The ethnonym *Tiele* became particularly associated with their eastern branch, the Toquz Oğuz of which the Uyğurs were the dominant grouping. During the 7th–8th century, *Tiele* was gradually replaced by *Jiuxing* 九姓 “Nine Surnames / clans” which translated the term *Toquz Oğuz*, see Skaff, 2012: 343, n.12.

⁹⁶ Pulleyblank, 1956: 35-36; Pulleyblank, 1983: 448, 455.

⁹⁷ Czeglédý, 1951: 266-267.

⁹⁸ See Liu, 1958, II: 491-492, n.24; Pulleyblank, 1990a: 21-26; Kamalov, 2001: 59-60. The nomads often transported their tents on carts.

⁹⁹ Golden, 1992: 93-95; Kljaštornyj, Savinov, 2005: 63.

¹⁰⁰ Czeglédý, 1983: 33-36. Hamilton, 1962: 36 and Harmatta, 1992: 258-261, 265, identify these “Avars” with the Apa 阿拔 (**ā bʷat*, Northwest Tang **ā bʷal* = Apar, Aḅar etc.), one of the Tiele tribes, but alternate readings for this tribe are also found and the sound similarity is far from conclusive.

¹⁰¹ It covers the period of Sui rule (581-617). The chapter on the Tiele in the slightly later *Beishi* by Li Yanshou (618-676), completed in 659, has much the same material. On the authors, see Wilkinson, 2012: 626.

¹⁰² Schuessler, 2009: 319 [32-9j], 314 [31-16k]; Pulleyblank, 1991: 87, 266: EMC: *ʔən kʰut*, LMC *ʔən kʰyt*.

¹⁰³ Schuessler, 2009: 211 [18-1m], 246 [23-7n].

¹⁰⁴ For *Suishu* account of the Tiele, see Cheng, 2012: 104-108; Liu, 1958, I: 127-128, II: 569-570, n.663.

vacuum in the Pontic steppes following the death of Attila in 453 and the revolt of the Hunnic vassal tribes in 454¹⁰⁵. In particular, Priscus highlights the conflicts of the Šara Oğurs who defeated the Akatirs (Ἀκάτιροι / Ἀκάτζιροι¹⁰⁶), a people that had perhaps been under Hunnic rule and made their presence known by sending an embassy to Constantinople. The Šara Oğurs then set out to campaign against Iran (perhaps with the encouragement of Constantinople), but unable to pass through the Sāsānid-controlled “Caspian Gates”, took another route and plundered Georgia and Armenia¹⁰⁷.

The migrations of ca. 463, their participants and their immediate aftermath have been discussed at length¹⁰⁸. The account, regardless of its flourishes, undoubtedly depicts one or several outcomes of the ongoing warfare between the Tabgāč and the Avars / Rouran¹⁰⁹. The migrations brought new tribal groups westward. These almost certainly included Oğuric tribes that would later become part of the Khazar Qağanate (ca. 630s/650 – ca. 968/9), centered in the lower Volga – North Caucasian steppes, but radiating out to the Middle and trans-Volga steppes, the Dnepr zone and the Crimea. Whether these included the Qasars, interpreted by some as the pre-Türk Khazars, remains an open question¹¹⁰.

The Sabirs, the most immediate catalyst for the Oğur migration, unless buried among other Tiele peoples¹¹¹, an unlikely prospect as they were among the most powerful groups of the region, are absent not only because by the time of the *Suishu*’s composition the Khazars had largely subsumed them, but also – more importantly – because they were not part of the Tiele. Tracing the path of the Sabir migrations is not without problems. The name appears in relatively uniform transcriptions: Byzantine Greek – Σάβιροι, Σάβειροι; Latin – *Saviri*; Armenian (Ananias Širakets’i)

¹⁰⁵ Golden, 1992: 91-92.

¹⁰⁶ See Moravcsik, 1958, II: 58-59 for variant readings. The Acatziri are also recorded in: Jordanes, 1960: 72 (Russ. trans.), 136 (Latin), 221, n.116, who depicts them as a powerful nomadic people living to the south of the Aesti. This is, undoubtedly, too far to the north. Their home was in the Pontic steppes. Németh, 1991: 71-72, viewed Ἀκάτζιροι as Turk. Ağaçeri “forest people”, cf. an Oğuz Turkic grouping bearing this name noted in the eastern Anatolian-Iranian zone in the Činggisid Mongol and Qara Qoyunlu eras (13th-15th century) and later, see Sümer, 1980: 147-157, 159, 174, 646. For other readings, see Golden, 1992: 87. On the fruitless attempts to identify the Ἀκάτζιροι the *Aq Khazars, see Pelliot, 1949, II: 210-214; Henning, 1952: 505-509; Hamilton, 1962: 34.

¹⁰⁷ Priscus, 1985, II: 352-355. Czeglédý, 1983: 98, hypothesizes that in light of the repeated clashes with the powerful Akatirs, the Šara Oğurs may have arrived in the Pontic steppes some years before 463. Priscus’s account, however, does not mention this.

¹⁰⁸ Cf. Marquart, 1961: 42-43; Sinor, 1946: 1-78; Hamilton, 1962: 33 ff.; Artamonov, 2002: 86 ff.; Czeglédý, 1983: 97 ff.; Németh, 1991: 138-156; Ligeti, 1986: 341-353; Golden, 1992: 92-106; Róna-Tas, 1999: 209-213; Ziemann, 2007: 66 ff.; Salmin, 2011: 23-28.

¹⁰⁹ On Avar / Rouran – Northern Wei warfare of the 430s-458 recorded in the *Weishu*, see Taskin, 1984: 273-276.

¹¹⁰ Dunlop, 1954: 34-38, who offers the connection “tentatively”. Czeglédý, 1983: 103-106, following Róna-Tas, 1982: 349-379 and Róna-Tas, 1983: 126-133, posits an identification of the Khazars with the Uyğur / Tiele Qasar noted in the Tes (N4) and Terxin (E2) Uyğur runiform inscriptions (Ayđın, 2011: 33-34, 42, 147); see also Kljaštornyj, 2010: 171-179. Ligeti, 1986: 347, accepts a Sabir ~ Khazar connection, but adds that the details remain unclear. Others do not accept any definite notices on the Khazars until the period 630-650, see Golden, 2007a: 52-55 and Zuckerman, 2007: 401 ff.

¹¹¹ Cf. the Tiele Supo 蘇婆 EMC *so ba*, LMC *suǎ p̄h̄ua* (Pulleyblank, 1991: 294, 241), located west of Hami and north of Yanqi in the Tianshan region are possible candidates, as suggested tentatively by Hamilton, 1962: 26-27 (following the *Suishu*), 53, n.16, which he reads as **suo-b wāt* = Suḅar (?).

– Uuḏḥpp / Uuḏḥpp *Savirk' / Sawirk'*¹¹²; Syriac – *sbr* ܣܒܪ and Arabic: *klām* [s.wâz, ms. *klām*¹¹³], recte: *ilām* [s.wâr], *ilām*, [s^awâr], *ilāl ā* [s^awâr]; Hebrew – סַבִּיר (sāvîr)¹¹⁴. Al-Mas'ūdî in his *Tanbih* (completed in the year of his death, 956) notes “the Khazars who are called *S^abîr* (jĪJm) in Turkic and *Xazarân* in Persian”¹¹⁵. If this reconstruction by the editor is correct, it would strengthen the argument for an earlier presence of the Sabirs as a constituent and perhaps key element of the Khazar union¹¹⁶. Whether the name is preserved in the ethnonym Σάβαρτοι ἄσφαλοιborne by the Hungarian union while still in Levedia and allies of the Khazars¹¹⁷, and a people bearing the name *Sevordik'* in Armenian and *Sāwardiyya* in Arabic sources, remains problematic¹¹⁸. Setting aside al-Mas'ūdî's **S^abîr* (if it is, indeed, a reference to the Sabirs), the name may be read as: *Sabîr / Savîr, Sâḫîr / Sâvîr, Sâwâr / Sâwâr* or or possibly *Savar* (although one would have expected an Arabic *ilāl ā** **Ṣawâr*). The *ḍamma* (u) vocalization is an editorial interjection¹¹⁹. These may represent Com. Turk *sabîr / sâbîr* or perhaps Oğuric *Sâvîr / Sâvâr / Sâwâr / Sawâr* (?)¹²⁰, noted as one of the subgroupings of the Oğuric-speaking Volga Bulğars: **Sâwârs* / **Sawârs*. Pritsak derived the name from a metathesized form of the ethnonym *Xianbei* 鮮卑* **Sârbi* (see Appendix A) > *Sâbîr*¹²¹. This kind of metathesis was not unknown in the ethnonymy of the Oğuric peoples, cf. the **Quturoğur* (Κουτούργουροι and variants¹²²) = **Toquroğur* (“Nine Oğurs”, cf. Common Turk. *Toquzoğuz*¹²³, the paramount tribal union among the eastern Tiele). The westward moving *Xianbei* may not necessarily have been from the core *Xianbei* tribes, but may have represented tribes associated with them who retained this prestigious name. We do not know the linguistic affiliations of these “*Xianbei*”. Some may have been Oğuric-Turkic in speech. Eastern Iranian elements cannot be excluded. It was, perhaps, in that environment that a probably Proto-Mongolic / Para-Mongolic *Xianbei / Sârbi* became *Sâbîr / Sâḫîr*.

The original meaning of the name remains obscure. Hoong Teik Toh compares *Sârbi* with Mongol *serbe* (cf. *serbei-* / *sirbei* “to prick up, bristle, stand erect”) and similar terms which may

¹¹² Širakec'i, 1992: 57, 124, n.111, places them east of the Caucasian Huns and extending to the Volga.

¹¹³ Zimonyi, 1990: 42.

¹¹⁴ See Golden, 1980, I: 256 for sources and mss.

¹¹⁵ Al-Mas'ūdî, 1894: 83, but cf. the mss.: jĪrĪ, ḫĪ (bšr, ysîr).

¹¹⁶ Golden, 2007a: 52-53.

¹¹⁷ Constantine Porphyrogenitus, 1967: 170-171. “Levedia”, the territory of the Hungarian union c. 830, after it had left its earlier territory in Baškîria, was probably located west of the Don River (Kristó, 1996: 107-112).

¹¹⁸ Marquart, 1961: 35-40; Czeglédy, 1959: 373-385; Németh, 1991: 153, 301-305; noted in Golden, 1980, I: 256-257. Ligeti, 1986: 346-347, notes the problems, Zimonyi, 1990: 45, excludes them from his discussion.

¹¹⁹ Cf. Ms. forms in Golden, 1980, II: 129, 219, 220; Zimonyi, 1990: 42-44. Karatay, 2010: 99-100, prefers *Suvar*, based on Maḥmūd al-Kâšġarî's reading, but the latter did not know this part of the Turkic world well and misvocalized *Khazar* as *Kh^hzâr*, Kâšġarî, 1941: 25, 26 (Suwâr(in), 27, 207 (Xuzâr).

¹²⁰ The Volga Bulğar realm included other Turkic peoples from the Khazar Qaġanate that had made their way to the Volga-Kama zone starting from the latter half of the eighth century to the late ninth-early tenth century (Zimonyi, 1990: 82, 156-157, 179-183) when the Volga Bulğars were becoming a regional economic power, albeit increasingly unhappy vassals of the Khazars.

¹²¹ Pritsak, 1976: 22, 30, who speculated that the *Xianbei* mixed with Ugrians “in the Ob-Irtysh basin” to form the core of the future Hungarian union. Clauson, 2002: 20, who viewed the *Xianbei* as speakers of Oğuric, was prepared to see *Xianbei* as a rendering of *Savîr*. Karatay, 2010: 101-102, suggests that the Chinese sources do not report a *Xianbei* migration.

¹²² Moravcsik, 1958, II: 171-172. On the *Quturğurs* (*Quturoğurs*) see below.

¹²³ Németh, 1991: 132, n.155

stem from “Altaic” **sirp*’a “thick hair, bristle”¹²⁴. This could refer to their horses. Semantically, such ethnonyms are not unknown in the Eurasian nomadic world; cf. the Yabaqu / Yapaġu people noted by Maḥmūd al-Kāšġarī¹²⁵. Harmatta identified *Sabir* with the western Türk Nushibi 弩失畢 (MC *nuo śi pjiet*¹²⁶), which he reconstructs as *nu śi pi.l*, **nu śipir* = **Nu Śābir* and derives from Iranian¹²⁷. The Nushibi, together with the Dulu, formed the tworival groupings of the Western Türk *On Oq* tribal confederation¹²⁸. There is no direct evidence indicating Xianbei / Sārbi or Nushibi East Iranian connections but such a possibility cannot be excluded. The Türk ruling clan and early qaġans bore names that were largely Iranian (see above n. 75). The names of the constituent tribes of the western Türks that formed the *On Oq*, for the most part, remain obscure and cannot be etymologized on the basis of Turkic¹²⁹. Németh read Σάβιροι, Σάβειροι et al. as *Sabir* which he derived from Turkic *sap-* “to go off the road, lose one’s way, wander”, an ethnonym that he viewed as belonging to a category of names denoting “nomad”¹³⁰. While semantically, Németh’s solution is attractive, there are problems. Among others, all of our forms indicate *sav-* or *sāv-* except, perhaps, for the Byzantine Greek variants of this ethnonym which may indicate *sab-* or *sav-* (the β, by that time pronounced *v* could be used to render the Classical *b* and hence is ambiguous) and al-Mas‘ūdī’s *sabir* (if that is the correct reading). Another possibility is **Širvi*, one of the reconstructions of *Xianbei* suggested by Pulleyblank, cf. Class. Mong. *sirbe-*, Mod. Mong. *širvex* “to lash, whip, sweep away”¹³¹. The question remains open. The few *Sabir* names that are recorded in our sources can be explained on the basis of Turkic, but are insufficient in number to determine whether they spoke Oġuric of Common Turkic¹³².

Karatay associates the name with *Subar*, *Subartu* in northern Mesopotamia and argues for possible migration of the “Subar” from there to Siberia¹³³. Whether the Sabirs are to be identified with the Σαυάροι, noted by Claudius Ptolemy (d. ca. 168 CE) in his *Geography*¹³⁴ among the tribes

¹²⁴ Hoong, 2005: 10; Starostin, Dybo, Mudrak, 2003: 1260; see also Lessing 1995: 689, 715, cf. 694, 695 *sibar* [šibar, Mod. Mong. *šavar*] “mud, slush, morass, marsh, mire”, *siber* [šiber, Mod. Mong. *šiver*] “dense shrubbery on a marsh, overgrowth on a river bank, ... dense forest, thicket”. Poppe, 1955: 123.

¹²⁵ Kāšġarī, 1982, 1984, 1985, I: 24; II: 166; Clauson, 1972: 874-875 “matted hair or wool ... an animal whose hair is long and matted”.

¹²⁶ Schuessler, 2009: 58 [1-56z], 279 [26-19a], 304 [29-42a].

¹²⁷ Iran. **nu* < Old Iran. *naiba*, Middle Pers. *nēvak* “outstanding, hero” + **śāfir* ~ **śāfir* < Old Iran. *Aśśaḡāra* (*aśva-bāra* or **aśśaḡārya*, cf. Saka *aśśa* “horse”, Old Indic *bhārya*, “servant, soldier”), Harmatta, 1992: 257-258, cf. Bailey, 1979: 11, 278 *aśśa-bārai* “horse-rider”, Rastorgueva, Édel’man, 2000-ongoing, I: 243-244: Old Pers. *asa*, *asa-bāra* “vsadnik” (< **aśya-bāra* “vsadnik na lošadi”, Old Pers. *asabāra*, Middle Pers. *asvār* “vsadnik”, Bactr. *asbaro*, Class. Pers. *savār*, Mod. Pers. *Sāvār*).

¹²⁸ Beckwith, 1987: 210 derives Nushibi from *Nu* (?) *Šadpu*, the latter a Türk title (*šadpu*, see Clauson, 1972: 867) of uncertain function.

¹²⁹ Ligeti, 1986: 329-330, suggested that they could come from an unknown language, or perhaps even had connections with Rouran or Iranian.

¹³⁰ Németh, 1991: 93-94, 153.

¹³¹ Luvsandendebea, Cerendamba, 2002, IV: 361. But, this may be an old loanword from Turkic (*sipir-* “to sweep”, Class. Mong. *Sigur* > *si’ür*, see Róna-Tas, Berta, 2011, II: 707-709, Hung. *seper* “to sweep, to broom”); Ščerbak, 1997: 144-145.

¹³² The words are collected in Németh, 1991: 152-156; Golden, 1980, I: 257-259.

¹³³ Karatay, 2010: 104-106; Zakiev, 2003: 6-93, posits an Ancient Turkic “habitat” in the Near East and migrations thence to Central Asia. This is highly conjectural.

¹³⁴ Salmin, 2011: 22, makes this connection.

of “European Sarmatia” which extended up to the Rhiphaean Mountains (Ural Mountains?), remains uncertain – and probably unlikely.

As was noted above, the collapse of the Xianbei polity, like that of its Xiongnu predecessor, led to displacements and some groupings probably went westward. The early stages of Rouran / Asian Avar expansion, ca. 350, which drove one of the Tiele / Oğuric groupings to Kangju, pushed elements of the Xianbei / Särbi into the former Xiongnu holdings between the western Tianshan mountain chain / Jungaria and the Ili River zones. The second round of Rouran / Avar warfare in the first half of the fifth century, pushed them westward to the Tobol-Išim River zones in western Siberia and northern Kazakhstan, touching off the migrations described by Priscus ca. 463¹³⁵. Toponymic and folkloric traces (among the Ob Ugrians and Siberian Tatars) would appear to attest to the presence of a people bearing names resembling Sābir. The suggestion has often been made that *Siberia* / *Sibir* takes its name from this people¹³⁶. *Sibir* / *Šibir*, however, is only first noted in this form in the Činggisid era¹³⁷.

From western Siberia and Kazakhstan, elements of the Sabirs moved westward, appearing in the lower Volga-Caspian-Pontic steppes in the early 6th century. Here, ca. 506-515, the Sabirs constituted a formidable military presence, possessing a large army, sophisticated military (siege) equipment, but lacking central authority. In 515, they are noted in Byzantine accounts as fierce raiders of Armenia and Anatolia, who returned to the steppes laden with booty¹³⁸. In 520, Byzantine accounts mention Ζιλγυβίς¹³⁹, the “king of the Huns” (it is unclear if he was a Sabir), to whom both Justin I (518-527) of Byzantium and the Sāsānid Shah Kavād I (488-497, 499-531)¹⁴⁰ sent gifts, seeking an alliance. The Persian offer proved more tempting to the “Hun” ruler, who broke his earlier pact with Constantinople and joined the Persians with some 20,000 troops. Infuriated by this turn of events, Justin I convinced Kavād that Ζιλγυβίς was untrustworthy. Kavād had him executed, killed many of his troops and then moved against the “Huns”. Their survivors fled¹⁴¹. Where these confrontations took place is not mentioned by Malalas who has the fullest account of events. Somewhere in the Caucasus seems most probable, as it is hard to imagine Kavād (whose domestic program had gained him numerous enemies at home) risking all in the steppe.

Mid-6th century authors place the Sabirs in the northeastern North Caucasian – Pontic steppe

¹³⁵ Moravcsik, 1958, I: 68; Czeglédy, 1983: 36-37, 100-101, 103; Kafesoğlu, 2011: 151-152; Taşağıl, 2004: 15-16; Hamilton, 1962: 34, places them around the Irtysh or more generally in western Siberia. Harmatta, 1992: 257, 267, n.7, puts them in the region of the Ču or Ili Rivers or “further north between the Irtysh River and Lake Balkhash”, but noted earlier theories placing them in the Turfan region, cf. Henning, 1952: 502, n.5, who equated them with the *s[']pyry = *Sabir-ē* in the Soğdian *Nāfnāmak* near Turfan. Sinor, 1946: 15 ff. and Ligeti, 1986: 344-345, among others, disagree. Karatay, 2010: 101 puts them in Eastern Kazakhstan.

¹³⁶ Patkanoff, 1900: 258-277; Németh, 1991: 149-150; Harmatta, 1992: 257-258, 266.

¹³⁷ *Secret History*, 2004, I: 164 (#239) “Joči conquered the ‘People of the Forest, from the Šibir, Kesdim, Bayit, Tuqas, Tenlek, Tö’eles, Tas and Bajit...”. One of Batu’s grandsons bore the name j ĩl̩m [Sābir] = Sābir (?), see Rašid al-Dīn, 1994, I: 723.

¹³⁸ Malalas, 1831: 406; Procopius, 1978, V: 156-161; Theophanes, 1980, I: 161; Czeglédy, 1983: 37; Hamilton, 1962: 35; Golden, 1992: 105.

¹³⁹ For other forms of the name, see Golden, 1980, I: 260.

¹⁴⁰ Kavād was experienced in dealing with the nomads. He had spent time at the Hephthalite court (as a hostage) and used Hephthalite forces to gain and regain his throne, Frye, 1984: 322-323.

¹⁴¹ Malalas, 1831: 414-415; Theophanes, 1980, I: 167

zone¹⁴². A Syriac compilation known under the name of “Pseudo-Zachariah Rhetor”¹⁴³, composed ca. 568/9, which contains a listing of “Hunnic” peoples beyond the “Caspian Gates”, i.e. the Caspian-Pontic steppes, probably dated to ca. 555 or slightly later (the presence of the Avars would point to a slightly later date). The enumerated ethnonyms are clearly drawn from multiple sources, stemming from different times. These included the Bulgars (*Būrgārē*), the Alans, the Onoğurs (*Ūngūr*), Oğurs (*Ūgār*), Sabirs (*Saber*), Quturoğurs (*Kūrtargar*), Avars (*Ābār*), *Kāser* [KSR] (Qasars? Ἀκατίροι / Ἀκάτζιροι?¹⁴⁴), Šara / Šari Oğurs (*Sarūrgūr*), the Hepthalites (cited in two forms, *Abdel* and *Eftalit*¹⁴⁵) and others. Curiously missing are the Oturoğur (Ουτούργουροι, Ουτίγουροι¹⁴⁶), who were closely associated with the Quturoğurs (see below). The 7th century *Armenian Geography* (*Ašxarhac’oyc’*)¹⁴⁷, already dealing with the Türk era, places them to the east of the “North Caucasian Huns”, extending to the Volga. The Türks (or Khazars by this time) were to their east¹⁴⁸.

The Sabirs continued to be much courted, but fickle allies of the Sāsānids and Byzantines, their numerous rulers easily bought¹⁴⁹. Justinian I (r. 527-565) in 528, through gifts and bribes, brought Βωαρήξ, the formidable widow and ruler of a recently deceased Sābir leader βαλάχ, into closer cooperation with Constantinople. She captured and dispatched one troublesome “Hunnic” ruler to Justinian I and killed another who was allied with Iran. She was said to command some 100,000 people¹⁵⁰. In 530, however, the Sabirs again passed through the “Caspian Gates” and raided Anatolia¹⁵¹.

The precise identity of these “Huns” in the Azov-zone – southern Pontic steppes and around Crimea is not specified. In the same year in which Justinian I was dealing with Βωαρήξ, Malalas and Theophanes mention a “king of the Huns” (ῥῆξ τῶν Οὐννων), Γρώδ / Γορδᾶς, near the Crimean Bosphoros, who came to Constantinople, was baptized (part of a project to bring these nomads under Byzantine control), but was subsequently killed by his pagan fellow tribesmen and replaced by his brother Μοῦγελ / Μουάγερις. Justinian retaliated, sending a force against the “Huns”, driving them

¹⁴² Daniel of Şalah (541/542), see Dickens, 2008: 29; Jordanes, 1960: 72 (Russ. trans.), 136 (Latin); Procopius, 1978, V: 74-75.

¹⁴³ Dickens, 2008: 19-30; Marquart, 1961: 355-356; Pigulëvskaja, 2000: 283, 286; Kmoskó, 2004: 48, 99; *Pseudo-Zachariah Rhetor*, 2011: 65 (on dating of the work), 447-450.

¹⁴⁴ On the highly problematic association of KSR, Akat[z]ir with a conjectured *Aq Xazar and the latter with an alleged Aq-Aqatārān, see Henning, 1952: 505-509; Hamilton, 1962: 34 and the well-placed critical comments of Maenchen-Helfen, 1973: 434-437.

¹⁴⁵ Theophylactus Simocattes, 1972: 257, remarks that the Ἀβδέλαι are also called Ἐφθαλίται, indicating that both forms of the ethnonym were known in Constantinople. Tremblay, 2001: 183-188, surveys the Hepthalite linguistic remnants and concludes that they were East Iranians – a far from certain conclusion.

¹⁴⁶ See Moravcsik, 1958, II: 238-239 for the variants of this name.

¹⁴⁷ The much-discussed *Ašxarhac’oyc’* was probably composed between 591-636 and has come down to us in the redaction of Ananias Širakec’i (c.610-685). It largely depicted Transcaucasia and the Sāsānid Empire prior to 636, but additional materials covering the 640s. Later interpolations (some from the late 8th century) were made, see Širakec’i, 1992: 15-35.

¹⁴⁸ Širakec’i, 1992: 57, 57A, 124, nn. 111, 112, 113.

¹⁴⁹ Procopius, 1978, V: 154-161 (who comments that they were “a very numerous people and properly divided among many different rulers”); Agathias, 1967: 139; Golden, 1980, I: 34-35, 256-258.

¹⁵⁰ Malalas, 1831: 430-431; Procopius, 1978, V: 156-161; Agathias, 1967: 106, 139; John of Nikiu, 1982: 140-141.

¹⁵¹ Malalas, 1831: 472-473. A Byzantine force was able to retake some of the plunder from them as they returned.

away from Bosporos¹⁵². Although the sources mention “kings”, these were, in all likelihood, the leaders of tribal unions. There is no evidence of higher forms of governance. Whether these “Huns” were Sabirs or other nomads, perhaps even groups that had been part of the Hunnic union led by Attila, is unclear. Sabir forces, sometimes clearly noted as mercenaries – and including infantry – are found in both Byzantine and Persian forces in the ongoing struggle between Iran and Byzantium in the mid-6th century¹⁵³.

The fugitive Rouran / Avars, defeated and overthrown as the hegemon in Mongolia by the Türks in 552 and their remnants trounced again by the Türks in 555, very likely with new elements added to those that had made their way westward, soon entered the Pontic steppe zone. Here, they “crushed” the Onoğurs, Sabirs and others and established contact with Constantinople by 558¹⁵⁴. The arrival of the Avars and then the Türks in the late 550s-560s marked the end of the Sabirs as a regional power. They were last noted in 576-578 when, together with the Alans and “others”, they submitted to the armies of Tiberius (578-582) during a Byzantine campaign in Caucasian Albania. Tiberius offered to pay them more than the Persians were giving them for their services, an offer they readily accepted and then just as quickly turned on Constantinople “and joined the Persians”. Menander, our source, mentions a further attempt by the Byzantines to buy their “loyalty” coupled with a threat to “subdue them by force of arms”. Later, a force of 8000 “Saracens and Sabirs” are noted in Persian service¹⁵⁵. These may have been Sabir fragments as it is likely that the majority of them had already been subsumed by the Türks. When the power of the latter diminished in the western steppes, the Sabirs, along with the Bulğar tribes came under the rule of the Khazars (the heirs of the Western Türks in the region). I have spent some time with the Sabirs because their history, such as it can be reconstructed, is less well-known. Although their military skills were formidable – and in demand – they never formed a state. Their polity was, in essence, an advanced confederation of chieftainships. They appear to have been content to raid Transcaucasia and Anatolia, when the opportunity arose and to participate in the Perso-Byzantine wars, siding with the highest bidder of the moment. Aside from mention made of their ingenuity in creating military devices (siege equipment), we know little else about them. They did not pose the kind of threat to Constantinople that the Quturoğurs did in the 550s.

The Türk conquest of the western steppes, brought the Sabirs and others into an empire. It is only later, after the shaping of the Volga Bulğar state, a process that appears to have begun with the movement of tribes to the Middle Volga in the course of the 8th century Arabo-Khazar wars, which subsequently were joined by others displaced by the migrations of the Pečenegs into the Pontic steppe zone in the 9th century. The process of state formation was completed in course of the 9th – early 10th century¹⁵⁶. At an unknown period, perhaps early on, Sabirs appear to have joined the Volga Bulğar union. Within it the Sabirs retained a distinct status and were led by a *vuyriğ* (Common

¹⁵² Malalas, 1831: 431-433; Theophanes, 1980: 175-176; John of Nikiu, 1982: 141 renders Γρόδ / Γορδᾶς as *Jârôks*; Chronicle of Zuqnîn, 1999: 75, calls him “Gordius, king of the Huns” who came s.a. 533-534, to Constantinople “with a large army” seeking conversion. See also Ivanov, 2003: 87-88.

¹⁵³ Agathias, 1967: 106-108, 139-140

¹⁵⁴ Menander, 1985: 50-51; Hamilton, 1962: 35. On the origins of the European Avars, see 71 above and Pohl, 1988: 18 ff.; Golden, 1992: 108-111; Róna Tas, 1999: 213-214, and Beckwith, 2009: 390-391, n.18, who argue that the European Avars, notwithstanding other elements brought into their union as they moved across Central Eurasia, had a ruling elite that derived from the Rouran / Asian Avar Qağans.

¹⁵⁵ Menander, 1985: 162-167, 196-199.

¹⁵⁶ Zimonyi, 1990: 82-83, 156-157, 175, 179-183.

Turk. *buyruq*, the title of an officer)¹⁵⁷. Artamonov, followed by Novosel'cev, believed that they, as well as the Šara Oğurs and Onoğurs and other Oğuric peoples were Turkicized Ugrians. There is no evidence for such a conclusion¹⁵⁸.

The Bulğars¹⁵⁹ make their first reliably attested appearance in the 480s in service to the Byzantine Emperor Zeno (474-491) against the Ostrogoths. Bulğar raids and involvement in internal Byzantine disturbances (the revolt of Vitalian, 513-515) quickly demonstrated that they could be a threat¹⁶⁰. Bulğar pasturages, perhaps initially centered in the northwestern Caucasian steppes, extended westwards to the Bug and Danube. Their name is sometimes paired with that of the Onoğurs / Onoğundurs¹⁶¹, particularly by Byzantine historians of the 8th-10th centuries, reflecting various possible political unions¹⁶². The relationship of the Quturoğurs and Uturoğurs to the Bulğars remains uncertain. Some Bulgarian scholars regard them as the western and eastern groupings respectively of the “Hunnic” Bulğars, which had divided into two by in the first half of the 6th century. Others reject any political or other connections (aside from common Oğuric origins)¹⁶³. By the mid-6th century, the Quturoğurs, who ranged across the Azov-Pontic steppe zone and were recipients of Byzantine “gifts”, had been drawn into an alliance with the Gepids, ostensibly against the Lombards. However, they were soon raiding Byzantine Balkan holdings and warred with the Slavic *Antes* / Ἄνται. Justinian I incited their kinsmen, the Uturoğurs (who lived to their east), to undertake a devastating attack upon them. When the revived Quturoğurs, under their chieftain, Ζαβεργάν, again threatened the Empire, in 558/559, Justinian once more brought in the Uturoğurs, which culminated in a massive mutual slaughter. Like China, Constantinople was fighting “barbarians with barbarians”. Quturoğur-Uturoğur conflicts continued until they fell to the Avars (550s)¹⁶⁴. Avar domination of the Pontic steppes was short-lived. By 568 (and perhaps slightly earlier), the Türks were in contact with Constantinople, which was anxious to have them as allies against Iran. Türko-Iranian relations had turned hostile. The Avars, accompanied by some Quturoğur and perhaps other elements that would be deemed “Bulğar” subsequently, had retreated to Pannonia, the old Hunnic center, from which the Avar Qağans raided (often with the Slavs as allies or subjects) the Byzantine Balkans¹⁶⁵. How far to the east, i.e. into some areas of the Pontic steppe, the Avars

¹⁵⁷ Clauson, 1972: 387, a person “commanded by the *xağan* to perform specific duties, civil or military”; User, 2010: 257-258 (“officer, high-ranking officer”); Ibn Faḍlān, 1939: 33 (Arabic), 74-75 (Germ.); Ligeti, 1986: 375.

¹⁵⁸ Artamonov, 2002: 92-99; Novosel'cev, 1990: 72.

¹⁵⁹ Turk. *bulğā*- “to stir, disturb, ... produce a state of disorder” (Clauson, 1972: 337, Németh, 1991: 130).

¹⁶⁰ Zlatarski, 1994-2002, I: 42-47, considers them to have already been active players in events by the mid-5th century in the Pontic-Danubian steppes. See also Ziemann, 2007: 44-45, 83-85.

¹⁶¹ Moravcsik, 1930: 53-90; Róna-Tas, 2000: 1-22.

¹⁶² Golden, 1992: 102-103. Ziemann, 2007: 73-77, suggests that by the 8th century, *Bulğar* was a kind of collective name encompassing groups that had earlier appeared under the name of *Onoğur*. Constantine Porphyrogenitus, 1952: 85, says that the Bulğars formerly called themselves Ὀνογουνδοόροι. Semënov, 2010: 179-186, places them in the western zone (left bank of the Middle Dnepr) of the Bulğar state of Qubrat, with Quturoğur (Κοτράγοι) groupings to their west and argues that their union formed under “under the control of the Avars”.

¹⁶³ Cf. Dimitrov, 2011: 16-17; Beševliev, 2008: 43.

¹⁶⁴ Procopius, 1978: 86-95, 235-251; Agathias, 1967: 176-179, 180, 194-197; Menander, 1985: 42-45, 138-139; Malalas, 1831: 490 (who notes that Slavs had joined Zabergan's expedition). See discussion in Gindin, Litavrin (eds.), 1991, I: 268-272; Pohl, 1988: 21, 39.

¹⁶⁵ On Byzantine-European Avars relations, see Pohl, 1988: 58 ff. 128 ff., 205 ff.

were able to maintain some control (and during which periods) is unclear. The Türks clearly had control of the Oturoğurs in the late 570s¹⁶⁶.

The more formal division of the Türk Qağanate into eastern and western halves (implicit in the structure of the state since its founding) is dated to the reign of İštāmi's son, Tardu (r. ca. 576-603, see Appendix A)¹⁶⁷. The Western Türk Qağan, despite the Persian defeat of his armies (led by his son) at Herat, in 588/589, sought to gain control over the whole of the Türk Empire. These plans were brought to naught by an uprising of the revolt-prone Tiele (probably manipulated by the Sui), which forced Tardu to flee to the Tuyuhun, never again to play a role in pan-Türk politics. Tiele disturbances, among others, continued¹⁶⁸.

Although Tardu's younger brother, Toñ Yabğu (r. 618/619?-630), Byzantium's ally in its successful wars against the Persians in Transcaucasia (627-628), subdued the Tiele (temporarily) and strengthened Western Türk rule in Transoxiana, he was killed by a kinsmen and the internal divisions of Western Türks grew, leading to their division into two rival factions each composed of five tribal unions, the *On Oq* (consolidated ca. 635-650)¹⁶⁹. In the meantime, the Eastern Türksbeset by internal divisions, fell to the Tang in 630. The Western Türks, facing similar domestic problems, were overcome by the Tang in 657/659¹⁷⁰.

The Tiele revolts adding to the turmoil within the Türk realm undoubtedly played a role in the emergence of the Bulğar state in the Pontic zone, and of the Khazar state (ruled by an Ašina branch) during that same period (ca. 630s - ca. 650). The weakening of Avar authority following the collapse of the Perso-Avar attack on Constantinople (626) was probably a contributing factor. Byzantine diplomacy was already at work. Qubrat of the Dulo clan¹⁷¹, the founder of the Bulğar state, appears to have been baptized in Constantinople, ca. 619, a preparatory move by Heraclius, probably aimed at the Avars. Qubrat threw off Avar overlordship in 635. His state was short-lived, in some respects a personal creation, coterminous with his life (he probably died ca. 665 – if not earlier). His burial site is believed to be Mala Pereščepyna (Poltava Oblast', Ukraine). His sons, unmindful of their father's admonition to maintain unity, were soon defeated by the Khazars, now the masters of the North Caucasian – Volga – eastern Pontic steppes. One son, Asparux, fled the Khazars, crossing into the Balkans in 679 and founding there the Balkan Bulgarian state. Other Bulğar groupings, moving to the Middle Volga zone, created in the course of the 8th to early 10th century the Volga Bulğar state. Yet others, took refuge in Italy, Pannonia or remained in the Pontic steppes as Khazar subjects¹⁷².

The rise and fall of Qubrat's "Magna Bulgaria" / παλαιὰ or μεγάλη Βουλγαρία is an example

¹⁶⁶ Menander, 1985: 171-179, 277-278, n. 235.

¹⁶⁷ Some scholars maintain that the break occurred in 581, cf. Wang, 1982: 124-154; Stark, 2008: 17; others place it ca. 603, cf. Kljaštornyj, Savinov, 2005: 97. Tardu was senior to his brother Τοῦρξαυθος (Menander, 1985: 178).

¹⁶⁸ Chavannes, 1941: 2-3, 47-48, 51, 89, 242-243; Liu, 1958: 49-61, 107-108; Taşağıl, 1995-2004, I: 164, 166; Wright, 1978: 188; Pan, 1997: 107. The Tuyuhun (284-685) were also Xianbei-derived (Pulleyblank, 2000: 83), ruling in Qinghai and even extending their power to southern Xinjiang. Their state comprised Xianbei and Tibeto-Burmese elements.

¹⁶⁹ Kljaštornyj, Savinov, 2005: 97-98; Dobrovits, 2004a: 101-109; Golden, 2012: 166-170.

¹⁷⁰ Chavannes, 1941: 36-38, 267-268; Pan, 1997: 176-196.

¹⁷¹ On the various attempts to etymologize this name, see Simeonov, 2008: 108-113; none of which can be deemed successful.

¹⁷² Artamonov, 2002: 176-187; Golden, 1992: 244-247, 253; Romashov, 1992-1994: 207-252; Róna-Tas, 2000: 1-22; Ziemann, 2007: 142-160; Beševliev, 2008: 45-74.

of a nomadic tribal union that briefly became a state and then reverted to tribal unions – except for Asparux’s grouping that took over an already existing Byzantine state structure in the Balkans and now ruled over a sedentary (Slavic) population (themselves recent arrivals). Balkan Bulgaria, in direct contact and conflict with Byzantium, became a state.

Disturbances in the eastern Eurasian nomadic center produced in the course of interaction with China touched off migrations, often in stages, westward. The early nomads (e.g. the “Huns” / Chionitae, the Hephthalites) that came to the borders of the Sāsānid Empire raided and traded their military services with occasionally disastrous results for those Shāhs who attempted to invade their lands¹⁷³. Those that came to the Volga – North Caucasian – Pontic steppes raided Byzantium and the Near East through the Caucasus or by crossing the Danube. Iran and Byzantium often shared expenses for the upkeep of the forts guarding the Caucasian passes, until the late 6th century by which time Iran was the dominant military power in the region¹⁷⁴. The Danubian frontier was equally hazardous. The Byzantines regularly tried to buy off the nomads with “gifts” and occasional (and sometimes uncertain) military employment. The Byzantines rarely crossed the Danube¹⁷⁵. The absence of direct threats allowed the nomads to remain stateless. The consolidation of Khazar power, an offshoot and ultimately a successor state of the Western Türk Qaġanate brought many of the nomads of the western Eurasian steppes into a state.

BIBLIOGRAPHY

- M. Abramson, 2008. *Ethnic Identity in Tang China*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Agathias, 1967. *Agathiae Myrinaei Historiarum Libri Quinque*, ed. R. Keydell, Corpus Fontium Historiae Byzantinae, II. Berlin: Walter De Gruyter.
- Alemaný, 2000. *Sources on the Alans. A Critical Compilation*. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- R. Amitai, M. Biran (eds.), 2005. Introduction. *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden: Brill, pp. 4-5.
- M. I. Artamonov, 2002. *Istorija xazar*. St. Peterburg: Filologičeskij fakul’tet Sankt Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2002).
- C. P. Atwood, 2010. How the Mongols Got a Word for Tribe – and What It Means. *Menggu shi yan jiu* 10, pp. 63-89.
- C. P. Atwood, 2012. Huns and Xiōngnú: New Thoughts on an Old Problem. *B. J. Boeck, R. E. Martin, D. Rowland (eds.), Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, pp. 27-52.
- E. Aydın, 2011. *Uygur Kaġanlıġı Yazıtları*. Konya: Kömen.
- H. W. Bailey, 1979. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: Cambridge University Press.
- H. W. Bailey, 1982. *The Culture of the Sakas in Ancient Iranian Khotan*. Delmar: Caravan Books.
- H. W. Bailey, 1985. *Indo-Scythian Studies being Khotanese Texts VII*. Cambridge: Cambridge University Press.
- T. J. Barfield, 1989. *The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China*. Oxford: Basil Blackwell.
- T. J. Barfield, 1990. Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective. *P. S. Houry, J. Kostiner (eds.), Tribes and State Formation in the Middle East*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.

¹⁷³ Peroz (459-484) who seized the throne with help of the Hephthalites, later lost his life in combat with them, al-Ṭabarī, 1967-1969, II: 82-85; Procopius, 1978, I: 12-31

¹⁷⁴ Dignas, Winter, 2007: 188-195.

¹⁷⁵ The Emperor Maurice (582-602), whose campaigns against the Avars and Slavs beyond the Danube had enjoyed some success, was overthrown when he ordered his army to winter beyond the Danube. The army revolted (Skazkin (eds.), 1967, I: 46-47; Pohl, 1988: 128-162).

- T. J. Barfield, 2001. The Shadow empires: imperial state formation along the Chinese-Nomad frontier. *S. E. Alcock, T. N. D'Altroy, K. D. Morrison, C. M. Sinopoli (eds.), Empires: Perspectives from archaeology and history*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 10-41.
- V. V. Bartol'd (Barthold), 1968. Dvenadcat' lekcij po istorii tureckix narodov Srednej Azii (1968). *V. V. Bartol'd. Sočinenija. T. V. Moskva: Nauka*, pp. 17-192. (Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии // Сочинения. М.: Наука, 1968. Т. V. С. 17-192).
- Başan, 2010. *The Great Seljuks. A History*. Abingdon, UK; New York: Routledge.
- S. Bastug (Baştuğ), 1998. The Segmentary Lineage System: A Reappraisal. *J. Ginat, A. M. Khazanov (eds.), Changing Nomads in a Changing World*. Brighton and Portland: Sussex Academic Press, pp. 94-123.
- S. Baştuğ, 1999. Tribe, Confederation and the State Among the Altaic Nomads of the Asian Steppes. *K. Ertürk (ed.), Rethinking Central Asia*. Reading, UK: Ithaca Press, pp. 77-109.
- C. I. Beckwith, 1987. *The Tibetan Empire in Central Asia*. Princeton: Princeton University Press.
- C. I. Beckwith, 2005. The Chinese Names of the Tibetans, Tabghatch, and Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 14, pp. 5-20.
- C. I. Beckwith, 2009. *Empires of the Silk Road*. Princeton: Princeton University Press.
- V. Beševliev, 2008. *Pŭrvobŭlgarite. Istorija, bit i kultura*. Plovdiv: Bŭlgarsko istoričesko nasledstvo. (Бешевлиев В. Първобългарите: История, бит и культура. Пловдив: Фондация Българско историческо наследство, 2008).
- P. A. Boodberg, 1979. Three Notes on the T'u-chüeh Turks. *University of California Publications in Semitic Philology* XI (1951), pp. 1-11, reprinted in: *Selected Works of Peter A. Boodberg*, ed. M. Knight. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, pp. 350-360.
- L. A. Borovkova, 2001. *Carstva "zapadnogo kraja" vo II-I vekax do n.é. Vostočnyj Turkestan i Srednjaja Azija po svedenijam iz "Ši czi" i "Xan'su"*. Moskva: Institut vostokovedenija RAN-Kraft+. (Боровкова Л. А. Царства западного края во II-I веках до н. э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001).
- L. A. Borovkova, 2008. *Narody Srednej Azii III-VI vekov po drevnim kitajskim i zapadnym istočnikam*. Moskva: Institut vostokovedenija RAN. (Боровкова Л. А. Народы Средней Азии III-VI вв. (по древним китайским и западным источникам). М.: Институт востоковедения РАН, 2008).
- U. Brosseder, B. K. Miller (eds.), 2011. *Xiongnu Archaeology*, Bonn Contributions to Asian Archaeology, 5. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Friedrich-Wilhelms-Universität.
- E. Chavannes, 1941. *Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) Occidentaux*, suivi de *Notes Additionnelles*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient. Adrien Maisonneuve.
- F. Cheng, 2012. The Research on the Identification between Tiele 鐵勒 and the Oğuric tribes. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, pp. 81-113.
- D. Christian, 1998. State Formation in the Inner Eurasian Steppes. *D. Christian, C. Benjamin (eds.), Silk Road Studies II: World of the Silk Road: Ancient and Modern*. Turnhout: Brepols, pp. 51-76.
- Chronicle of Zuqñin, 1999. *The Chronicle of Zuqñin Parts III and IV A.D. 488-775*, trans. A. Harrak, *Medieval Sources in Translation* 36. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
- V. I. Cincius, 1975. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'čžurskix jazykov*. 2 vols. Leningrad: Nauka. (Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975).
- G. Clauson, 1972. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press.
- G. Clauson, 2002. *Studies in Turkic and Mongolian Linguistics*. London, 1962, reprint: London: Routledge Curzon.
- Constantine Porphyrogenitus, 1952. *De Thematibus*, ed. A. Pertusi. Città del Vaticano.
- Constantine Porphyrogenitus, 1967. *De Administrando Imperio*, ed. R. J. H. Jenkins, trans. Gy. Moravcsik. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks.
- J. M. Cowan, 1994. *The Hans Wehr Dictionary of Modern Written Arabic*, ed. J. M. Cowan, Urbana, IL.: Spoken Language Services. Wiesbaden: Harrassowitz.

- K. Czeglédy, 1951. Új adatok az onogur történetéhez. *Magyar Nyelv* XLVIII, pp. 266-267
- K. Czeglédy, 1959. A szavárd-kérdés Thury József előtt és után. *Magyar Nyelv* LV, pp. 373-383.
- K. Czeglédy, 1983. From East to West: The Age of Nomadic Migrations in Eurasia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 3, pp. 25-125.
- K. Dąbrowski, 1975. Hunowie europejscy. In: Dąbrowski, Nagrodzka-Majchrzyk, Tryjarski, 1975, pp. 11-146.
- K. Dąbrowski, T. Nagrodzka-Majchrzyk, E. Tryjarski, 1975. *Hunowie europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- R. Dankoff, 1972. On the Tribal and Kinship Organization of the Turks. *Archivum Ottomanicum* 4, pp. 23-43.
- R. de Crespigny, 1984. *Northern Frontier. The Policies and Strategy of the Later Han Empire*. Canberra: Faculty of Asian Studies.
- J. Déer, 1938. *Pogány magyarság, keresztény magyarság*. Budapest: A királyi Magyar egyetemi nyomda.
- N. Di Cosmo, 1994. The Economic Basis of the Ancient Inner Asian Nomads and Its Relationship to China. *Journal of Asian Studies* 53/4, pp. 1092-1126.
- N. Di Cosmo, 1999. State Formation and Periodization in Inner Asian History. *Journal of World History* 19/1, pp. 1-40.
- N. Di Cosmo, 2002. *Ancient China and Its Enemies. The Rise of Nomadic power in East Asian History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- N. Di Cosmo (ed.), 2002a. *Warfare in Inner Asian History (500-1800)*. Leiden: Brill.
- N. Di Cosmo, 2011. Ethnogenesis, Coevolution and Political Morphology of the Earliest Steppe Empire: The Xiongnu Question Revisited. In: Brosseder, Miller (eds.), 2011, p. 35-48.
- M. Dickens, 2008. *Turkayē: Turkic Peoples in Syriac Literature Prior to the Seljuks*. PhD dissertation, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge.
- B. Dignas, E. Winter, 2007. *Rome and Persia in Late Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- X. Dimitrov, 2011. *Bългария и номадите до началото на XI век*. Plovdiv: Българско историческо наследство. (Дмитров X. България и номадите до началото на XI век. Пловдив: Фондация Българско историческо наследство, 2011).
- M. Dobrovits, 2004. A nyugati türkök első uralkodójáról. *Antik Tanulmányok* XLVIII, pp. 111-114.
- M. Dobrovits, 2004a. A nyugati türkök tíz törzsének kialakulása. *Antik Tanulmányok* XLVIII, pp. 101-109.
- I. Dovatur, D. P. Kallistov, I. A. Šišova, 1982. *Narody našej strany v "istorii" Gerodota*. Moskva: Nauka. (Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Наука, 1982).
- R. Drews, 2004. *Early Riders. The Beginnings of Mounted Warfare in Asia and Europe*. New York; London: Routledge.
- G. Doerfer, 1993. The Older Mongolian Layer in Ancient Turkic. *Türk Dilleri Araştırmaları* 3, pp. 78-86.
- M. R. Drompp, 2005. Imperial State Formation in Inner Asia: the Early Turkic Empires (6th to 9th Centuries). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 58/1, pp. 101-111.
- R. Dozy, 1968. *Supplément aux dictionnaires arabes*. Leyde: Brill, 1881, reprint: Beyrouth: Librairie du Liban.
- D. M. Dunlop, 1954. *The History of the Jewish Khazars*. Princeton: Princeton University Press.
- V. Dybo, 2006. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков. *É. R. Tenišev, A. V. Dybo (eds.), Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika tjurkskix jazykov. Pratyurkskij jazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo étnosa po dannym jazyka*. Moskva: Nauka, pp. 766-817. (Дыбо А. В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. С. 766-817).
- V. Dybo, 2007. *Lingvističeskie kontakty rannix tjurkov. Leksičeskij fond*. Moskva: Vostočnaja literatura RAN. (Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Восточная литература, 2007).
- W. Eberhard, 1942. *Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas*. Leiden: Brill.
- H. Ecsedy, 1972. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Türk Empire. *Acta Orientalia Academiae*

- Scientiarum Hungaricae* 25, pp. 245-262.
- M. Érdy, 1995. Hun and Xiong-nu Type Cauldron Finds Throughout Eurasia. *Eurasian Studies Yearbook* 67, pp. 5-94.
- E. Endicott-West, 1989. *Mongolian Rule in China*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- M. Erdal, 1991. *Old Turkic Word Formation*. 2 vols. Wiesbaden: Harrassowitz.
- R. B. Ferguson, N. L. Whitehead, 1992. The Violent Edge of Empire. *R. B. Ferguson, N. L. Whitehead (eds.), War in the Tribal Zone*. Santa Fe, NM: School of American Research Press, pp. 1-30.
- J. Fletcher, 1979-1980. Turko-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. *Harvard Ukrainian Studies* 3-4, pp. 237-238.
- M. Fried, 1967. *The Evolution of Political Society*. New York: Random House.
- M. Fried, 1970. *The Notion of Tribe*. Menlo Park, CA: Cummings.
- R. N. Frye, 1984. *The History of Ancient Iran*. München: C. H. Beck.
- Garipzanov, P. J. Geary, P. Urbańczyk (eds.), 2008. *Franks, Northmen and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe*, *Cursor Mundi*, 5. Turnhout, Belgium: Brepols.
- P. Geary, 2002. *The Myth of Nations. The Medieval Origins of Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- V. F. Gening, A. X. Xalikov, 1964. *Rannie bolgary na Volge*. Moskva: Nauka. (Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964).
- Gillet (ed.), 2002. *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Studies in the Early Middle Ages, 4. Turnhout, Belgium: Brepols.
- L. A. Gindin, G. G. Litavrin (eds.), 1991. *Svod drevnejšix pis'mennyx izvestij o slavjanax*. 2 vols. Moskva: Institut slavjanovedenija i balkanistiki RAN. (Свод древнейших письменных известий о славянах / Ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991).
- P. B. Golden, 1980. *Khazar Studies*. *Bibliotheca Orientalis Hungarica*, XXV/1-2. 2 vols. Budapest: Akadémiai Kiadó,
- P. B. Golden, 1982. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2, pp. 37-76
- P. B. Golden, 1987-1991. Nomads and Their Sedentary Neighbors in Pre-Činggisid Eurasia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 7, pp. 41-81.
- P. B. Golden, 1991. The Qırpaqs of Medieval Eurasia: An Example of Stateless Adaptation on the Steppes. *G. Seaman, D. Marks (eds.), Rulers from the Steppes: State Formation on the Eurasian Periphery*. Los Angeles.
- P. B. Golden, 1992. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- P. B. Golden, 2000. 'I Will Give the People Unto Thee': The Činggisid Conquests and Their Aftermath in the Turkic World. *Journal of the Royal Asiatic Society* 10/1, pp. 21-41.
- P. B. Golden, 2001. *Ethnicity and State Formation in Pre-Činggisid Turkic Eurasia*, The Central Eurasian Studies Lectures, I, Department of Central Eurasian Studies, Indiana University. Bloomington.
- P. B. Golden, 2006. The Türk Imperial Tradition in the Pre-Chinggisid Era. *S. Sneath (ed.), Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Sixth-Twentieth Centuries*, Center for East Asian Studies, Western Washington University, Studies on East Asia, vol. 26 for Mongolia and Inner Asia Studies Unit, University of Cambridge. Bellingham, WA: Western Washington University Press, pp. 23-61.
- P. B. Golden, 2007. Irano-Turcica: The Khazar Sacral Kingship Revisited. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 60, pp. 161-194
- P. B. Golden 2007a. Khazar Studies: Achievements and Perspectives. *P. B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas (eds.), The World of the Khazars. New Perspectives*. Leiden; Boston: Brill, pp. 52-55
- P. B. Golden, 2008/2009. Ethnogenesis in the Tribal Zone: The Shaping of the Türks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 16, pp. 72-112.
- P. B. Golden, 2012. Oq and Oğuz ~ Oğuz. *Turkic Languages* XVII, pp. 155-199.
- P. B. Golden, 2013. Courts and Court Culture in the Proto-Urban and Urban Developments among the Pre-

- Činggisid Turkic Peoples. D. Durand-Guédy et al. (eds.), *Turko-Mongol Rulers, Cities and City-Life*. Leiden: Brill, pp. 21-73.
- P. B. Golden, 2013a. Some Notes on the Avars and Rouran. F. Courta, B.-P. Maleon (eds.), *The Steppe Lands and the World Beyond them. Studies in Honor of Victor Spinei on his 79th Birthday*. Iași: Editura Universității Alexandru Ioan Cuza, pp. 43-66.
- P. B. Golden, 2014. Qırçaq. N. Demir, B. Karakoç, A. Menz (eds.), *Turkology and Linguistics. Éva Ágnes Csató Festschrift*. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Yayınları, pp. 183-202.
- D. A. Graff, 2002. *Medieval Chinese Warfare, 300-900*. London; New York: Routledge.
- M. Grignaschi, 1984. La chute de l'empire hephthalite dans les sources byzantines et perses et le problème des Avar. J. Harmatta (ed.), *From Hecataeus to al-Ĥuwārimī*. Budapest: Akadémiai Kiadó, pp. 219-248.
- N. I. Grodekov, 2011. *Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoj oblasti: juridičeskij byt*. Tashkent, Tipo-lit. S. I. Laxtina, 1889, reprint: Moskva: Vostočnaja literatura RAN. (Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. М.: Восточная литература, 2011).
- Gy. Györffy, 1997. Az avarok nyelve. L. Kovács, L. Veszprémy (eds.), *Honfoglalás és nyelvészet*. Budapest: Balassi Kiadó, pp. 141-144.
- R. Hamilton, 1962. Toquz Oğuz et On Uyğur. *Journal Asiatique* 250/1, pp. 23-63.
- Hanshu, 2004. Ban Gu: A. Onat, S. Orsoy, K. Ercilasun (eds. trans.), *Han Hanedanlığı Tarihi. Bölüm 94A/B. Hsiung-nu (Hun) Monografisi*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi.
- Harmatta, 1983. Az avarok nyelvének kérdésehez. *Antik Tanulmányok* 30/1, pp. 71-84.
- J. Harmatta, 1992. Az onogur vándorlás. *Magyar Nyelv* 87/3, pp. 257-272.
- J. Harmatta, 1997. The Origin of the Huns. *Acta Classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis* XXXIII, pp. 159-173.
- W. B. Henning, 1952. A Farewell to the Khagan of the Aq-Aqatārān. *Bulletin of the School of African and Oriental Studies* XIV/3, pp. 501-522.
- J. Hill, 2009. *Through the Jade Gate to Rome*. Charleston, SC.: Booksurge Publishing.
- Hoong Teik Toh, 2005. *The -yu Ending in Xiongnu, Xianbei, and Gaoju Onomastica*. *Sino-Platonic Papers* 146.
- Horváth, 2007. Uygur Scholar's Significant Discovery: Ancient Turkic Source Says Xiongnu are Turks. *Eurasian Studies Yearbook* 79, pp. 63-67.
- Hudūd, 1962. *Hudūd al-'Ālam min al-Mašriq ilā al-Mağrib*, ed. M. Sütüdah [Sotoodeh]. Tehran: Dānišgāh-i Tihriān, 1340, see also Minorsky, 1971.
- O. S. Hunkan, 2007. *Türk Hakanlığı. Karahanlılar (766-1212)*. Istanbul: IQ Kültürsanat.
- Ibn Faḍlān, 1939. *Ibn Faḍlān's Reisebericht*, ed., trans. A. Z. V. Togan, *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*, 24/3. Leipzig: Deutsche morgenländische Gesellschaft.
- S. A. Ivanov, 2003. *Vizantijskoe missionerstvo. Možno li sdelat' iz "varvara" xristianina?* Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'ury. (Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли слелать из «варавра» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003).
- V. V. Ivanov, 1992. Toxary. B. A. Litvinskij (ed.), *Vostočnyj Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. Ėtnos, jazyki, religii*. Moskva: Nauka, pp. 6-31. (Иванов В. В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии / Ред. Б. А. Литвинский. М.: Наука, 1992. С. 6-31).
- Janhunen, 1996. *Manchuria. An Ethnic History*. Helsinki: The Finno-Ugric Society.
- Janhunen, 2003. Para-Mongolic. J. Hanhunen (ed.), *The Mongolic Languages*. London; New York: Routledge, pp. 391-402.
- Johanson, 1981. On the Roles of Turkic in the Caucasus Area. Y. Matos, A. McMahon, N. Vincent (eds.), *Linguistic Areas. Convergence in Historical and Typological Perspective*. Houndsmill, UK: Palgrave, pp. 160-181.
- John of Nikiu, 1982 [?]. *The Chronicle of John Coptic Bishop of Nikiu*, trans. R. H. Charles. London: Oxford University Press, 1916, reprint: Amsterdam: APA-Philo Press.

- Jordanes, 1960. *Iordan o proisxoždenii i dejanijax getov. Getica*, ed. trans. E. Č. Skržinskaja. Moskva: Izdatel'stvo vostočnoj literatury. (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступ. ст., пер., ком. Е. Ч. Скржинской. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960).
- İ. Kafesoğlu, 2011. *Millî Türk Kültürü*, 2nd ed., 1984, reprint: Istanbul: Ötüken.
- K. Kamalov, 2001. *Drevnie uigury VIII-IX vv.* Almaty: Naš Mir. (Камалов А. К. Древние уйгуры VIII-IX вв. Алматы: Наш мир, 2001).
- O. Karaev, K. Žusupov, 1996. *Kyrgyzy: Istočniki, istorija, étnografija*. Biškek: Šam. (Кыргызы: Источники, история, этнография / Сост. О. Караев, К. Жусупов. Бишкек: Илим, 1996).
- P. Kazhdan (ed.), 1991. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. 3 vols. New York; Oxford: Oxford University Press.
- O. Karatay, 2010. Suvarlar: Doğu Avrupa'nın Esrarengiz Kavmi. *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi* 10, pp. 99-116.
- Kâşğarî, 1941. Maḥmūd al-Kâşğarî, *Divanü Lûgat-it-Türk*, facs. ed. Türk Dil Kurumu. Ankara: Türk Dil Kurumu.
- Kâşğarî, 1982, 1984, 1985: Maḥmūd al-Kâşğarî, *Compendium of Turcic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk)*, ed. R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- De Biberstein Kazimirski, 1860. *Dictionnaire arabe-français*. 2 vols. Paris: Maisonneuve.
- M. Khazanov, 1984. *Nomads and the Outside World*, trans. J. Crookenden. Cambridge: Cambridge University Press.
- S. G. Kljaštornyj, 1964. *Drevnetjurkskie runičeski pamjatniki kak istočnik po istorii Srednej Azii*. Moskva: Nauka. (Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964).
- S. G. Kljaštornyj, 1986. Kipčaki v runičeskix pamjatnikax. *Turcologica* 1986. Leningrad: Nauka, pp. 153-164. (Кляшторный С. Г. Кипчаки в рунических памятниках // Тюркология. Л.: Наука, 1986. С. 153-164).
- S. G. Klyashtorny, 1994. The Royal Clan of the Turks and the Problem of Early Turkic-Iranian Contacts. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* XLVII/3, pp. 445-448.
- S. G. Kljaštornyj, 2001. Central'naja Azija v époxu antičnosti. M. X. Abuseitova, Ž. B. Abylžožin, S. G. Kljaštornyj et al., *Istorija Kazaxstana i Central'noj Azii*. Almaty: Bilim, pp. 46-73. (Кляшторный С. Г. Центральная Азия в эпоху античности // Абусейтова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г. История Казахстана и Центральной Азии: учебное пособие. Алматы: Білім, 2001. С. 46-73).
- S. G. Kljaštornyj, 2006. The Terkhin Inscription. S. G. Kljaštornyj. *Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti i étnokul'turnaja istorija Central'noj Azii*. Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 128-143. (Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006).
- S. G. Kljaštornyj, 2006a. The Tes Inscription of the Uighur Böğü Qaghanıu S. G. Kljaštornyj. *Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti i étnokul'turnaja istorija Central'noj Azii*. Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 143-168.
- S. G. Kljaštornyj, 2010. *Runičeskie pamjatniki ujugurskogo kaganata i istorija evrazijskix stepej*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vosotkovedenie. (Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история Евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010).
- S. G. Kljaštornyj, D. G. Savinov, 2005. *Stepnye imperii Drevnej Evrazii*. Sankt-Peterburg: Filologičeskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005).
- Kmoskó, 2004. *Szír írók a steppe népeiről*, ed. Sz. Felföldi. Budapest: Balassi Kiadó.
- Kollautz, H. Miyakawa, 1970. *Geschichte und Kultur eines völkerwanderungszeitlichen Nomadenvolkes*. Klagenfurt.
- N. Kradin, 2002. Nomadism, Evolution and World-Systems: Pastoral Societies in Theories of Historical Development. *Journal of World-Systems Research* VIII/3, pp. 368-388.
- N. Kradin, 2004. Nomadic Empires in Evolutionary Perspective. L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev (eds.) *The Early State. Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel

- Publishing House, pp. 501-524.
- N. N. Kradin, 2005. From Tribal Confederation to Empire: The Evolution of the Rouran Society. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 8/2, pp. 149-169.
- N. N. Kradin, 2007. *Kočevniki Evrazii*. Almaty: Dajk-Press. (Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007).
- N. N. Kradin, 2011. Stateless Empire: The Structure of the Xiongnu Nomadic Super-Complex Chiefdom. In: Brosseder, Miller (eds.), 2011, pp. 77-96
- Gy. Kristó, 1996. *Hungarian History in the Ninth Century*, trans. Gy. Novák, E. Kelly. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely.
- V. Krjukov, L. S. Perelomov, M. V. Sofronov, N. N. Čeboksarov, 1983. *Drevnie kitajcy v époxu centralizovannykh imperij*. Moskva: Nauka. (Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983).
- E. I. Kučanov, 2010. *Istorija prigraničnyh s Kitaem drevnix i srednevekovyx gosudarstv (ot gunnov do man'čžurov)*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe lingvističeskoe obščestvo, pp. 68-73. (Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010).
- E. W. Lane, 1968. *An Arabic-English Lexicon*. Edinburgh: Williams and Norgate, 1863-1893, reprint: Beirut: Librairie du Liban.
- E. de la Vaissière, 2005. Huns et Xiongnu. *Central Asiatic Journal* 49/1, pp. 3-26.
- E. de la Vaissière, 2005a. *Sogdian Traders. A History*, trans. J. Ward. Leiden; Boston: Brill.
- F. Lessing et al., 1995. *Mongolian-English Dictionary*. 3rd ed. Bloomington, IND.: The Mongolia Society.
- Ligeti, 1950. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 1/1, pp. 141-188.
- L. Ligeti, 1970. Le Tabgatch, un dialecte de la langue sien-pi. L. Ligeti (ed.), *Mongolian Studies*, Bibliotheca Orientalis Hungarica, XIV. Budapest: Akadémiai Kiadó, pp. 265-308.
- L. Ligeti, 1986. *A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Liu Mau-tsai, 1958. *Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kü)*. 2 vols. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Y. Liu, 1989. Zur Urheimat und Umsiedlung der Toba. *Central Asiatic Journal* 33/1-2, pp. 86-107.
- B. Lurje, 2010. *Personal Names in Sogdian Texts, Iranisches Personennamenbuch*, Bd. II, Fasz. 8. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Luvсандэндэба, С. Сэдэндэмба, 2002. *Bol'šoj akademičeskij mongol'sko-russkij slovar'*. 4 vols. Moskva: Academia. (Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / Ред. А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндэмб, Г. Пюрбеев. М.: Академия, 2002).
- Maenchen-Helfen, 1939. The Ting-ling. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 4/1, pp. 77-86.
- Maenchen-Helfen, 1973. *The World of the Huns*, ed. M. Knight. Berkely: Los Angeles: London: University of California Press.
- Malalas, 1831. *Chronographia*, ed. L. Dindorf. Bonn: Weber.
- F. Manz, 1989. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge: Cambridge University Press.
- J. Marquart, 1961. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903, reprint Hildesheim: Georg Olms.
- N. É. Masanov, 2011. *Kočevaja civilizacija kazaxov*, 2nd ed. Almaty: Print-S. (Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов. Алматы: Print-S, 2011).
- Al-Mas'ūdi, 1894. *Kitāb al-Tanbīh wa'l-Išrāf*, ed. M. J. De Goeje. Leiden: Brill.
- Maurice, 1970. Mauricius, *Arta militară*, ed. (Romanian) H. Mihăescu. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Maurice, 1984. *Maurice's Strategikon. Handbook of Byzantine Military Strategy*, trans. G. T. Dennis. Philadelphia; University of Pennsylvania Press.

- Menander, 1985. *The History of Menander the Guardsman*, ed. trans. R. C. Blockley. Liverpool: Francis Cairns.
- Minorsky, 1971. *Ḥudūd al-‘Ālam. The Regions of the World*, trans. V. F. Minorsky. Gibb Memorial New Series XI. London: Luzac, 1937, reprint with additions, 1971.
- J. Moravcsik, 1930. Zur Geschichte der Onoguren. *Ungarische Jahrbücher* 10, pp. 53-90.
- J. Moravcsik, 1958. *Byzantinoturcica*. 2 vols. 2nd ed. Berlin: Akademie Verlag.
- Morgan, 2007. *The Mongols* 2nd ed. Oxford: Blackwell.
- C. Murray, 2002. Reinhard Wenskus on ‘Ethnogenesis’, Ethnicity, and the Origin of the Franks. In: Gillet (ed.), 2002, pp. 39-68.
- Gy. Németh (ed.), 1940. *Attila és hunjai*. Budapest: Magyar Szemle Társaság.
- Gy. Németh, 1991. *A honfoglaló magyarság kialakulása*, 2nd ed. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- V. P. Nikonorov, 2010. ‘Like a Certain Tornado of Peoples’: Warfare of the European Huns in the Light of Graeco-Latin Literary Tradition. *Anabasis. Studia Classica et Orientalia* 1, pp. 264-291.
- P. Novosel’cev, 1990. *Xazarskoe gosudarstvo i ego rol’ v istorii Vostočnoj Evropy i Kavkaza*. Moskva: Nauka. (Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990).
- Ögel, 1981. *Büyük Hun İmparatorluğu Tarihi*. 2 vols. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları.
- M. Ölmez et al. (eds.), 2011. *Ötüken’den İstanbul’a Türkçenin 1290 Yılı (720-2010)*. Istanbul: Büyükşehir Belediyesi Kültür ve Sosyal İşler Daire Başkanlığı Kültür Müdürlüğü.
- Pan Yihong, 1997. *Son of Heaven and Heavenly Qaghans. Sui-Tang China and its Neighbors*. Studies on East Asia, vol. 20. Bellingham, Washington: Western Washington University, Center for East Asian Studies.
- S. Patkanoff, 1900. Über das Volk der Sabiren. *Keleti Szemle* 1, pp. 258-277.
- Pelliot, 1920-1921. Notes sur les T’ou-yu-houen et les Sou-p’i. *T’oung Pao* 20, pp. 323-331.
- Pelliot, 1949. Notes sur l’histoire de la Horde d’Or; suivies de Quelques noms turcs d’hommes et de peuples finissant en “ar”. *Oeuvres posthumes de Paul Pelliot*. Paris: Librairie d’Amérique et d’Orient Adrien-Maissonneuve.
- C. Perdue, 2002. Fate and Fortune in Central Eurasian Warfare: Three Qing Emperors and Their Mongol Rivals. In: Di Cosmo (ed.), 2002a, pp. 369-404.
- P. C. Perdue, 2005. *China Marches West. The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, Mass., The Belknap Press of Harvard University Press.
- N. V. Pigulëvskaja, 2000. *Sirijskaja srednevekovaja istoriografija*. Sant-Peterburg: “Dmitrij Bulanin”. (Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000).
- W. Pohl, 1988. *Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567-822 n. Chr.* München: C. H. Beck.
- W. Pohl, 1991. Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies. *Archaeologia Polona* 29, pp. 39-49.
- V. V. Polosin, 1995. *Slovar’ poëtov plemeni ‘abc (VI-VIII vv.)*. Moskva: Vostočnaja literature RAN. (Полосин В. В. Словарь поэтов племени ‘abc (VI-VIII вв.). М.: Восточная литература РАН, 1995).
- M-ch. Poo, 2005. *Enemies of Civilization. Attitudes toward Foreigners in Ancient Mesopotamia, Egypt, and China*. Albany: SUNY Press.
- N. Poppe, 1955. *Introduction to Mongolian Comparative Studies*. Helsinki: Finno-Ugrian Society.
- Priscus, 1981, 1983. *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus*, ed. trans. R. C. Blockley. 2 vols. Liverpool: Francis Cairns.
- O. Pritsak, 1951. Von den Karluk zu den Karachaniden. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 101, pp. 270-300.
- O. Pritsak, 1952. The Decline of the Empire of the Oghuz Yabghu. *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US*, II, pp. 279-292.
- O. Pritsak, 1975. The Pečenegs: A Case of Social and Economic Transformation. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 1, pp. 211-235.
- O. Pritsak, 1976. From the Säbirs to the Hungarians. *Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh*, ed. Gy. Káldy-Nagy. Budapest: Eötvös Loránd University, pp. 17-30.
- O. Pritsak, 1981. *The Origin of Rus’*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

- Procopius, 1978. *History of the Wars*, ed. trans. H. B. Dewing, The Loeb Classical Library. Cambridge; London: Harvard, 1928, reprint.
- Pseudo-Zachariah Rhetor, 2011. *The Chronicle of Pseudo-Zachariah Rhetor: Church and War in Late Antiquity*, ed. G. Greatrex, trans. R. R. Phenix and C. B. Horn with contributions by S. P. Brock and W. Witakowski. Liverpool: Francis Cairns.
- G. Pulleyblank, 1956. Some Remarks on the Toquzoghuz Problem. *Ural-Altischer Jahrbücher* 28/1-2, pp. 35-42.
- G. Pulleyblank, 1962. The Consonantal System of Old Chinese, Part II. *Asia Major*, 9, pp. 206-265.
- G. Pulleyblank, 1983. The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic Times. D. Keightley (ed.), *The Origins of Chinese Civilization*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, pp. 411-466.
- E. G. Pulleyblank, 1986. Jazyk sjunnu. A. N. Kononov, S. G. Kljaštornyj (eds.), *Zarubežnaja Tjurkologija*, vol. 1. Moskva: Nauka, pp. 29-71 (translation with addenda of Pulleyblank, 1962). (Пуллиблэнк Э. Дж. Язык сюнну // Зарубежная тюркология / Отв. ред. А. Н. Кононов, сост. С. Г. Кляшторный. М.: Наука, 1986).
- E. G. Pulleyblank, 1990. The Name of the Kirghiz. *Central Asiatic Journal* 34/1-2, pp. 98-108.
- E. G. Pulleyblank, 1990a. The 'High Carts': A Turkish Speaking People Before the Türks. *Asia Major* 3/1, pp. 21-26.
- E. G. Pulleyblank, 1991. *Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver: UBC Press.
- E. G. Pulleyblank, 1999. Central Asia at the Dawn of History. *Journal of Chinese Linguistics* 27, pp. 146-174.
- E. G. Pulleyblank, 2000. Tribal Confederations of Uncertain Identity. The Hsiung-nu. H. R. Roemer (ed.), *Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta* (= *Philologiae Turcicae Fundamenta*, III). Berlin: Klaus Schwarz, pp. 52-101.
- V. V. Radlov, 1893. *K voprosu ob ujugurax*, Supplement to *Zapiski imperatorskoj akademii nauk* LXXVII/2. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imperatorskoj akademii nauk. (Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Приложение к LXXII-му тому Записок Импер. Академии наук. № 2. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1893).
- Rašid ad-Dīn, 1994. *Jāmi' at-Tawārīx*, ed. M. Rowšan and M. Mūsawī. Tehran: Našr-i Alburz, 1373.
- V. S. Rastorgueva, D. I. Édel'man, 2000-ongoing. *Étimologičeskij slovar' iranskix jazykov*. 4 vols. Moskva: Vostočnaja literatura RAN. (Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1-4. М.: Восточная литература РАН, 2000-2011).
- J. W. Redhouse, 1974. *A Turkish and English Lexicon*. Constantinople: The American Mission, 1890, reprint: Beirut: Librairie de Liban.
- A. Romashov, 1992-1994. Bolgarskie plemena Severnogo Prichernomor'ia v V-VII vv. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 8, pp. 207-252. (Ромашов С. А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V-VII vv. // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1992-1994. 8. P. 207-252).
- J. C. Romm, 1992. *The Edges of the Earth in Ancient Thought*. Princeton: Princeton University Press.
- Róna-Tas, 1982. A kazár népnévről. *Nyelvtudományi Közlemenyek* 84, pp. 349-379.
- Róna-Tas, 1983. Ujjab adatok a kazár népnév tortenétéhez. *Nyelvtudományi Közlemenyek* 85, pp. 126-133.
- Róna-Tas, 1999. *Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History*, trans. N. Bodoczky. Budapest: Central European University Press.
- Róna-Tas, 2000. Where Was Khuvrat's Bulgharia? *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 53/1, pp. 1-22.
- Róna-Tas, 2011. Recent Trends in Mongolic Studies. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 64/2, pp. 221-238.
- Róna-Tas, Á. Berta, 2011. *West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian*. 2 vols. *Turcologica* 84. Wiesbaden: Harrassowitz.
- V. Rybatzki, 2000. The Titles of the Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions. *Central Asiatic Journal* 44/2, pp. 206-221.

- K. Salmin, 2011. Saviry na Kavkaze. *Lavrovskij sbornik: Materialy XXXIV i XXXV Sredneaziatsko-Kavkazskij čtenij 2010-2011 gg.* St. Petersburg: Muzej antropologii i etnografii, pp. 23-28. (Салмин А. К. Савиры на Кавказе // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010-2011 гг.: этнология, история, археология, культурология. СПб.: Музей антропологии и этнографии, 2011).
- M. Ščerbak, 1997. *Rannie tjurksko-mongol'skie svjazi (VIII-XIV vv.)*. St. Petersburg: ILI RAN. (Щербак А. М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб.: Ин-т лингвистич. исслед. РАН, 1997).
- W. Scheidel, 2011. The Xiongnu and the Comparative Study of Empire. In: Brosseder, Miller, 2011, pp. 111-120.
- W. Scheidel, 2013. Studying the State. *P. F. Bang, W. Scheidel (eds.), The Oxford Handbook of the State in the Ancient Near East and Mediterranean*. Oxford; New York: Oxford University Press, pp. 5-57.
- Schöning, 2003. Turko-Mongolic Relations. In: Janhunen, 2003, pp. 403-419.
- Schöning, 2005. Türkisch-Mongolische Sprachbeziehungen – Versuch einer Zwischenbilanz. *Ural-Altäische Jahrbücher*, N.F. 19, pp. 131-166.
- Schuessler, 2009. *Minimal Old Chinese and Later Han Chinese*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Secret History*, 2004. *The Secret History of the Mongols*, trans. I. de Rachewiltz. Leiden; Boston: Brill.
- G. Semënov, 2010. Ètničeskaja karta deržavy Kubrata // *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 17, pp. 179-186. (Семёнов И. Г. Этническая карта державы Кубрата // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2010. 17. P. 179-186).
- É. V. Sevortjan, 1974. *Ètimologičeskij slovar' tjurkskix jazykov*. Moskva: Nauka. (Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974).
- L.-S. Yang, 1970. Historical Notes on the Chinese World Order. *J. K. Fairbank (ed.), The Chinese World Order*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, pp. 20-33.
- Sima Qian, 1993. *Records of the Grand Historian: Han Dynasty*, rev. ed., trans. B. Watson. 2 vols. Hong Kong; New York: Columbia University Press.
- Simeonov, 2008. *Prabŭlgarska onomastika*. Plovdiv: Bŭlgarsko istoričesko nasledstvo. (Симеонов Б. Прабългарска ономастика. Пловдив: Фондация Българско историческо наследство, 2008).
- N. Sims-Williams, 2003. Ancient Afghanistan and its invaders: Linguistic evidence from the Bactrian documents and inscriptions. *N. Sims-Williams (ed.), Indo-Iranian Languages and Peoples*, Proceedings of the British Academy, 116. Oxford: Oxford University Press for the British Academy, pp. 225-242.
- Sinor, 1946. Autour d'une migration de peuples au Ve siècle. *Journal Asiatique* 235, pp. 1-78.
- Sinor (ed.), 1990. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sinor, 1990a. The Hun Period. In: Sinor, 1990, pp. 177-205.
- Širakec'i, 1992. *The Geography of Ananias of Širak (Ašxarhac'oyc')*, trans. R. H. Hewsen. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert.
- Skaff, 2012. *Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors. Culture, Power, and Connections, 580-800*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- D. Skazkin (eds.), 1967. *Istorija Vizantii*. 3 vols. Moskva: Nauka. (История Византии: в 3-х т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. М.: Наука, 1967).
- Sneath, 2007. *The Headless State. Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. New York: Columbia University Press.
- V. Spinei, 2003. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute – Museum of Brăila Istros Publishing House.
- Stark, 2008. *Die Alttürkenzeit in Mittel-und Zentralasien*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Stark, 2009. *Transoxanien nach dem Tang Huiyao des Wang Pu*. Norderstedt: Books on Demand.
- Starostin, A. Dybo, O. Mudrak, 2003. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. 3 vols. Leiden; Boston: Brill.
- Sümer, 1980. *Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri-BoyTeşkilâtı-Destanları*. 3rd ed. Istanbul: Ana Yayınları.
- Szuchman, 2009. Integrating Approaches to Nomads, Tribes, and the State in the Ancient Near East. *J. Szuchman*

- (ed.), *Nomads, Tribes, and the State in the Ancient Near East. Cross-Disciplinary Perspectives*, Oriental Institute Seminar, No. 5. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, pp. 1-13.
- al-Ṭabarī, 1967-1969. *Ta'riḫ al-Ṭabarī. Ta'riḫ al-Rusūl wa'l-Mulūk*, ed. M. Ibrāhīm. Cairo: Dār al-Ma'ārif.
- Taşağıl, 1995-2004. *Gök-Türkler*. 3 vols. Ankara: Türk Tarih Kurumu.
- Taşğıl, 2004. *Çin Kaynaklarına Göre Eski Türk Boyları*. Ankara: Türk Tarih Kurumu.
- S. Taskin, 1968, 1973. (ed. trans.) *Materialy po istorii sjunnu po kitajskim istočnikam*. 2 vols. Moskva: Nauka. (Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, 1968. Вып. 1; 1973. Вып. 2).
- S. Taskin, 1984. *Materialy po istorii drevnix kočevykh narodov grupy unxhu*. Moskva: Nauka. (Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984).
- S. Taskin, 1986. О титулах šan'juj i kagan. *Mongolica*. Moskva, Nauka, pp. 213-218. (Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган // *Mongolica*. Памяти академика Б. Я. Владимирцова (1884-1931). М.: Наука, 1986. С. 213-218).
- Theophanes, 1980. *Chronographia*, ed. C. De Boor. Leipzig: Teubner, 1883, reprint: Hildesheim-New York: Georg Olms.
- Theophylactus Simocattes, 1972. *Theophylacti Simocattae Historiae*, ed. C. De Boor, re-edited, reprint P. Wirth, Stuttgart: Teubner.
- A. Thompson, 1996. *The Huns*, first published in 1948 and revised by P. Heather. Oxford: Blackwell.
- Togan, 2015. The Use of Sociopolitical Terminology for Nomads: An Excursion into the Term *Buluo* in Tang China. R. Amitai, M. Biran (eds.), *Nomads as Agents of Cuoltural Change: The Mongols and their Eurasian Predecessors*. Honolulu: University of Hawai'i Press, pp. 88-118.
- R. Toparlı, H. Vural, R. Karaatlı, 2003. *Kıpçak Türkçesi Sözlüğü*. Ankara: Türk Dil Kurumu.
- Tremblay, 2001. *Pour une histoire de la Sérinde*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- V. V. Trepavlov, 1995. The Nogay alternative: from a state to a chiefdom and backwards. N. N. Kradin, V. A. Lynsha (eds.), *Alternative Pathways to the Early State*. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 144-151.
- Tryjarski, 1995. Pieczyngowie. In: Dąbrowski, Nagrodzka-Majchrzyk, Tryjarski, 1975, pp. 479-616
- P. Turchin, 2009. A theory for formation of large empires. *Journal of Global History* 4, pp. 191-217.
- Ş. User, 2010. *Köktürk ve Ötügen Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi*. Konya: Kömen.
- V. G. Vasil'evskij, 1908. Vizantija i Pečenegi. V. G. Vasil'evskij. *Trudy*. St. Peterburg: Imperatorskaja Akademija Nauk, I, pp. 1-117. (Васильевский В. Г. Византия и печенеги // Труды. СПб.: Имп. Академия наук, 1908. Т. I. С. 1-117).
- Vasjutin, 2003. Typology of Pre-States and Statehood Systems of Nomads. N. N. Kradin, D. M. Bondarenko, T. J. Barfield (eds.), *Nomadic Pathways in Social Evolution*. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, pp. 50-62
- Vovin, 2000. Did the Xiong-nu Speak a Yeneseian Language? *Central Asiatic Journal*, 44/1, pp. 87-104.
- Vovin, 2004. Some Thoughts on the Origins of the 12-Year Animal Cycle. *Central Asiatic Journal* 48/1, pp. 127-130.
- Vovin, 2007. Once Again on the Etymology of the Title *qaγan*. *Studia Etymologica Cracoviensia* 12, pp. 177-187.
- Vovin, 2007a. Once Again on the Tabgač Language. *Mongolian Studies* XXIX, pp. 191-207.
- Vovin, 2011. Once Again on the Ruan-ruan Language. In: Ölmez et al., 2011, pp. 27-36.
- B. Wakeman, 1990. Hsi Jung (the Western Barbarians): an Annotated Translation of the five chapters of the T'ung Tien on the Peoples and Countries of Pre-Islamic Central Asia. Unpublished Doctoral Dissertation, University of California-Los Angeles.
- Wang Huan, 1982. Apa Qaghan, Founder of the Western Turkish Khanate, the Splitting up of the Turkish Khanate and the Formation of the Western Turkish Khanate. *Social Sciences in China: A Quarterly Journal* 3/4, pp. 124-154.
- M. Whittow, 1996. *The Making of Byzantium, 600-1025*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Wilkinson, 2012. *Chinese History. A New Manual*. Harvard-Yenching Institute Monograph Series 84.

- Cambridge, MA: Harvard University Asia Center.
- Wolfram, 1988. *History of the Goths*, trans. T. J. Dunlap. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- F. Wright, 1978. *The Sui Dynasty*. New York: Knopf.
- C. Wright, 1997. The Hsiung-nu–Hun Equation revisited. *Eurasian Studies Yearbook* 69, pp. 77-112.
- Yü Ying-shih, 1967. *Trade and Expansion in Han China*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Yü Ying-shih, 1986. Han Foreign Relations. D. Twitchett, M. Loewe (eds.), *The Cambridge History of China. I. The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 376-462.
- Yü Ying-shih, 1990. The Hsiung-nu. In: Sinor (ed.), 1990, pp. 118-150.
- Z. Zakiev, 2003. *Proisxoždenie tjurkov i tatar*. Moskva: Insan. (Закиев М. З. Происхождение тюрков и татар. М.: Инсан, 2003).
- D. Ziemann, 2007. *Vom Wandervolk zur Grossmacht. Die Entstehung Bulgariens im frühen Mittelalter (7.-9. Jh)*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- P. Zieme, 2011. Were the Xiongnu identical with the Türk? In: Ölmez et al., 2011, pp. 37-52.
- Zimonyi, 1990. *The Origins of the Volga Bulgars*. Szeged: Szeged University.
- Zlatarski, 1994-2002. *Istorija na bŭlgarskata dŭržava prez srednite vekove*. Sofija: Dŭržavna pečatnica 1918-1940, reprint: 4 vols. Sofija: Akademično izdatelstvo Prof. Marin Drinov. (Златарски В. История на Българската държава през средните векове: в 4 т. София: Държавна печатница, 1918-1940. Репринт: София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1994-2002).
- Zosimus, 1887. *Zosimi comitis et exadvocati fisci historia nova*, ed. L. Mendelssohn. Leipzig: Teubner.
- Zuckerman, 2007. The Khazars and Byzantium – The First Encounter. P. B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas (eds.), *The World of the Khazars. New Perspectives*. Leiden; Boston: Brill, pp. 399-445.

Appendix A

Reconstructions of Inner Asian Names / Titles recorded in Chinese sources

For dating, see Schuessler, 2009: ix-xi, xv, 1-5.

OC Old Chinese (ca. 1000-200 BCE)

LH Late Han (1st-2nd centuries CE)

MC Middle Chinese ca. 600 CE (Schuessler, 2009: xv, 5)

EMC Early Middle Chinese (ca. 589-601), LMC Late Middle Chinese (Tang era, 618-907, Pulleyblank, 1991: 1-4).

Ašina: *Ashina* 阿史那: EMC *ʔa ši' na', LMC ʔaʃr' na' (Pulleyblank, 1991: 23, 283, 221); Khotanese Saka (Bailey, 1979: 26-27): *āṣṣeina* “blue” = Turk. *kök*.

Chanyu 單于: OC *dan wa*, LH *džanwa* (Schuessler, 2009: 255 [24-21az], 50 [1-23a]) previously usually rendered as *Shanyu*. For attempts to read into these reconstructions various Inner Asian titles (*jabǵu* / *yabǵu*, *tarxan*), see Taskin, 1984: 305-306 and Taskin, 1986: 213-218; Pulleyblank, 2000: 64. Beckwith, 2009: 387, n.7 suggests that the OC reconstruction rendered **dargwa* / **dargā* and then **dangā* to be compared with the later Činggisid-era Mongol title *daruǵaci* in Yuan China (*daruǵa* elsewhere), but see Endicott-West, 1989: 2-3, 16-18, who views the latter as “purely Mongolian in origin”, derives it from Mong. *daru-* “to press, press down...” (Lessing, 1995: 233), and correctly compares it with Turkic *basqaq* (*bas-* “to press, crush, oppress”, Clauson, 1972: 370-371) in Činggisid-ruled Rus’.

Dingling 丁靈: OC *têṅ rêṅ*, LH *teṅ leṅ* **têṅ-rêṅ*, MC *tieṅ lieṅ* (Schuessler, 2009: 137, 140 [9-11a, 9-18i]), cf. Dybo, 2007: 113, OC **tiēṅliṅ*. See Tiele et al.

Gekun 隔昆 (the early Qırǵız): OC *krêk kûn*, LH *kək kuən* (Schuessler 2009: 130 [8-2f], 333 [34-1a]; Dybo, 2007: 103 suggested OC / Presumed Western Han *krêk-kwân* = **kirkir* / **kirkir̥*) possibly reflecting an Oǵuric / West Old Turkic *Qırǵır.

Modun 冒頓: OC *māk tuns*, LH *māk-tuən* (= **bağtur*?) perhaps representing the well known Inner Asian title *bağatur* “picked warrior, hero” (Schuessler, 2009: 113 [5-37a], 336 [34-17j]; Clauson, 1972: 313 and Clauson, 2002: 19; Beckwith, 2009: 5, 387, n.8). Dybo, 2007: 111 reconstructed the name as **mūh-twānh*, which does not represent **bağtur* / *bağatur*.

Qifu 乞伏: LH *kʰiət buk* (Schuessler, 2009: 305 [30-1f], 113 [5-36a]).

Rouran 柔然: LH *nu nán*, MC *ńǰǰu ńǰǰān* (Schuessler, 2009: 180 [13-48a], 258 [24-36ab]) or EMC: *nuw nian*, LMC: *riw rian* (Pulleyblank, 1991: 267, 264; Golden, 2013a: 43-66).

Shelun 社崙: MC *ǰǰa^B lwən* (Schuessler, 2009: 53 [1-36j], 339 [34-24hij]), EMC *dzia' lwən*, LMC *ǰhia` lun* (Pulleyblank, 1991: 278, 202).

Shiwei: see under *Xianbei*

Tanshihuai 檀石槐: LH *dan dʒek ɣuəi* / *ɣuəi* (Schuessler, 2009: 256 [24-23e], 69 [2-17a], 291 [28-1i]).

Tardu (Chin. Datou) 達頭: EMC *dat dɛw*, LMC *tʰap* / *tʰat tʰəw* (Pulleyblank, 1991: 69, 311, 299). Grk. Τάρδος (Menander, 1985: 178), Sogd. *Trd̄w* (Lurje, 2010: 389, #1239).

Tiele: Dili 狄歷: LH *dek lek*, MC *diek like* (Schuessler, 2009: 131 [8-10a, 8-13c]), *Tele* 特勒: OC *dǎk rǎk*, LH, MC *dǎk lǎk* (Schuessler, 2009: 98 [4-26h'], 110 [5-21f]), *Chile* 敕勒: LH *tʰik lək*, MC *tʰjək lək* (Schuessler, 2009: 109 [5-15ka], 110 [5-21f]) and subsequently *Tiele* 鐵勒: LH *tʰet lək*, MC *tʰiet lək*, EMC **tʰet-lək* (Schuessler, 2009: 227 [20-09b], 110 [5-21f]; Pulleyblank, 1991: 308, 184). Pulleyblank's **tǎgräg* follows Boodberg, 1979: 354, 356, who invoked Mongol *telegen*, *terge*, *tergen* “cart”. However, Mong. *terge(n)* < Altaic **t'járko*: Proto-Tung. **turki* “sleigh” and Proto-Mong. **terge* “vehicle”, is not attested as such in Turkic, see Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, II: 1433-1434. Old Turkic has *tǎgräk* “the rim of anything, ring, circle” (Clauson, 1972: 485), cf. Middle Qipčaq (Toparlı, Vural, Karaatlı, 2003: 275, 282) has: *tigrek* “toka” [“buckle”] and *tögerik* “değirmi, teker” [“round, circular”, “wheel”], cf. Turkish *teker* “wheel”, *tekerlek* “wheel of a vehicle” (Redhouse, 1974: 581). See discussion of Hung. *teker* “to wind something round, to twist” < West Old Turkic **tākir-*, East Old Turkic **tāgir-* in Róna-Tas, Berta, 2011, II: 877-882. Clauson, 2002: 20-21, has no doubts that they were Turkic-speakers, but sounds a note of caution in that Tiele / **Tiglig* / **Tigrig*, as he renders it, is only noted in the Chinese sources.

Tumidu 吐迷度: LMC *tʰuə̃^h mǰiaj tʰuə̃^h* (Pulleyblank, 1991: 312, 213, 83).

Tuoba 拓拔: MC **tʰāk bāt* (Schuessler, 2009: 69 [2-17m], 237 [21-31h]) = *Taybač* > *Tabyač* meaning “Rulers of the Earth”, Beckwith, 2005: 9-12.

Wuhuan 烏桓: LH *ʒa ɣuan*, MC *ʒuo ɣwān* = *ʒa-ɣuan* (Schuessler, 2009: 31 [1-28a], 267 [25-12f]; Pulleyblank, 1983: 453; EMC **ʒo ɣwan* < **ʒáɣwán*; Pulleyblank, 2000: 71: *ʒá-wán*) = **Awar*.

Wusun 烏孫: OC *ʒá sūn*, LH *ʒa suən* (Schuessler, 2009: 51 [1-28a], 339 [34-28e]), perhaps Indo-Iranian **Aświn* = *Aśvin* “the Cavaliers” (Beckwith, 2009: 6, 33, n.20, 41, n.50, 376). The Wusun, like their Yuezhi neighbors (and often foes) appear to have contained Tokharian and Iranian elements (Ivanov, 1992: 17). Originally located in the Gansu region between Dunhuang and the Qilian mountain range, the Wusun progressively moved westward to the Ili Valley causing displacements in the 170s-160s BCE (Borovkova, 2001: 107-113, 245-252; Ögel, 1981, I: 490). Alemany, 2000: 397-399, discusses the attempts to connect the Wusun with the Alano-As. Kangju was to their northwest (Czeplédy, 1983: 45 ff.) and Dayuan (Ferghana), to their west (Wakeman, 1990: 513-530, 539 ff. (on the Wusun and Dayuan)).

Xianbei 鮮卑: LH **sian pie*, MC *sǰānpjie* (Schuessler, 2009: 248 [23-21a], 127 [7-29a]), EMC *sian pjiə̃* / *pji* (Pulleyblank, 1991: 334, 31). Pelliot, 1920-21: 326, 331, identified them with the later Shiwei 室韋 MC *šjetjwei* (Schuessler, 2009: 299 [29-15j], 192 [28-5a]), as does Pulleyblank, 1983: 452-453, Pulleyblank, 2000: 71: **Sārbi*, **Sārvi*, **Širvi*. On *Xianbei* and variants, see Hoong Teik Toh, 2005: 10-12: *Xibei* 西卑 **se* / **sai pi*

(Schuessler, 2009: 283 [26-31a], 248 [23-21a] LH *sei pie*, MC *siei pjie*) and *Shibi* 師比 **se / sai pi* (LH, MC **ši pi*, Schuessler, 2009: 283 [26-36a], 284 [26-38g]), perhaps rendering **šārpi*. The Shiwei appear in the Türk inscriptions as the Toquz Tatar and Otuz Tatar. For an overview of the Xianbei, see Kyčanov, 2010: 68-73. *Säfir* may be a metathecized form of this name.

Xiongnu 匈奴: OC *hoŋ nā*, LH *huoŋ na* (Schuessler, 2009: 164 [12-5def], 57 [1-56l]) = *hona* or *huna*, EMC **xuawŋ nō* (Pulleyblank, 1991: 246, 227). Dybo, 2007: 103: OC *ŋōŋnhā*, *hoŋnho* = *hunga* (?). In any event, it is not Turkic. For the most recent discussion of the many forms of this ethnonym, see Atwood, 2012: 27-52, who posits an OC **Xoŋa* / **Xoŋai* which entered Sanskrit (*Hūṇa*) and thence to Bactrian, Sogdian et al.

Xueyantuo 薛延陀 : LMC *siat jian tha* (Pulleyblank, 1991: 351, 356, 314). Not to be identified with the mythical **Sir-Tarduš*. *Siat* most probably represents *Sir* in the Türk runiform inscriptions. Kljaštornyj, 1986: 156-160, gives brief summary of the Xueyantuo history and the literature pertaining to them, concluding that the *Sir* later became know as the *Qibčaaq* (on the problems with this identification, see Golden, 2014: 194-196). Kljaštornyj also tentatively proffers an identification of the *Yantuo* with the *Yamtar* of the Orxon inscriptions. However, the latter is noted only as a personal name, *Išbara Yamtar* (Kül Tegin, E 33: User, 2010: 143, 449). The Tarduš are identified as a subgrouping of the Tölis, living west of the Altay (User, 2010: 165-166) and their identity remains problematic.

Yabġu <*xi hou* 翕 候: OC *həpgo*, LH *hipgo*, MC *xjəpγəu* (Schuessler, 2009: 355 [37-1q], 146-147) a title noted among the Yuezhi in the 2nd century BCE. It later appears in the Graeco-Bactrian script as *ιαβγο* (Sims-Williams, 2003: 233, 235, who views it as of Chinese origin). Bailey, 1985: 32, considered it an Old Iranian term (**yavuga* < **yāvuka*) for “troop leader”, Hill, 2009: 587-590.

Zhizhi 鄯支: EMC *teit teiä* / *tei* (Pulleyblank, 1991: 410, 404).

Appendix B

The r ~ z Question in Turkic

Much of the argumentation on dating the r ~ z alternation or r > z shift in Old Turkic rests on the term for “stirrup”, Common Turk. *Izäŋi* / *üzäŋi* (*izäŋülük* “arch of the foot”, Erdal, 1991, I: 128) ~ Oğuric / West Old Turkic *iräŋi* (cf. Čuv. *yārana*), but the dating of the invention of the stirrup remains problematic. Nikonorov, 2010: 272, places its invention in the Far East, not earlier than the first half of the 1st millennium CE. Drews, 2004: 167, n.101, notes primitive stirrup-like contraptions (“big toe loops”) in 1st century India, but locates the earliest metal stirrups in northern China in the 4th century. Schönig, 2003: 408, dates it to ca. 400-300 BCE. Róna-Tas, 1999: 101-104; Róna-Tas, 2011: 226-227; Róna-Tas, Berta, 2011, II: 1112-1114: place it to the last centuries (or century) BCE to the first century CE. While this issue remains open, it is probable that leather stirrups (and the word for them), or something similar, were in existence well before the mid-5th century CE. Since the linguistic ancestors of the Čuvaš were part of the peoples that arrived in the Caspian-Pontic steppes ca. 463, **iräŋi* must have already been present. Mong. *dörüge* (> Tung. *duräki*, *duräŋki*) may be related to it (Sevortjan, 1974: 623-625; Cincius, 1975, I: 226), cf. Mong. *dörü* “iron or rope nose-ring (for cattle); lead rope” etc. (Lessing, 1995: 269).

П. Голден

Не имеющие государственности номады раннесредневековой Центральной Евразии

Резюме

В статье дан краткий обзор формирования и миграций ранних тюркских народов около 250-650 гг. н.э. и вопросов *translatio imperii* и *restauratio imperii*, а также анализируются вопросы их взаимоотношений с Ираном и Позднеримской и Византийской империями. Рассматривается специфика развития не имевших государственности кочевых народов западных степей Евразии. Китай являлся катализатором государственности у номадов Внутренней Азии. Сасанидская, Позднеримская и Византийская империи никогда не представляли собой достаточной угрозы соседним тюркским племенам и племенным союзам в западно-евразийских степях, поэтому последние не видели необходимости в создании государства. В общем, институт государственности в западно-евразийские степи был привнесен извне (например, Хазарский каганат).

Ключевые слова: турки, раннее средневековье, Центральная Евразия.

P. B. Golden

The Stateless Nomads of Early Medieval Central Eurasia

Summary

The article suggests a brief review of the shaping and the migrations of early Turkic peoples ca. 250–650 AD and the problems of *translatio imperii* and *restauratio imperii*, and also analyses the aspects of their relations with Iran and Later Roman and Byzantine Empires. The specificity of stateless nomadic peoples in western Eurasian steppes has been discussed. China was the accelerator of the statehood of Inner Asian nomads, though the Sassanide, Later Roman, and Byzantine Empires never were ample threat to Turkic tribes and tribal unions in western Eurasian steppes, which why the latter did not need their own polity. Generally, the institution of statehood was brought to western Eurasian steppes from outside (e. g. Khazar kaganate).

Keyword: Turks, Early Middle Ages, Central Europe.

А. А. ТОРТИКА

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА И
ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ХАЗАР НА РАННИХ
ЭТАПАХ ЕГО ИСТОРИИ (середина VII – начало VIII вв.)**

Несмотря на значительный объем и разнообразие хазароведческой литературы (археологической, источниковедческой, исторической) до сегодняшнего дня вопрос о центрах хазарской государственности, их роли на тех или иных этапах истории Восточной Европы остается открытым, дискуSSIONируется в среде специалистов, не находит однозначного и общепринятого решения. И если последняя столица Хазарского каганата – Итиль на Волге – признается в качестве основного (хотя и не единственного) экономического и политического центра в конце IX – первой половине X вв., то для первых столетий хазарской истории (примерно с последней четверти VII по середину VIII вв.) все далеко не так ясно и однозначно. Интрига возникает при сопоставлении данных основного массива письменных источников, прежде всего армянских (Себеос, Ананий Ширакаци, Моисей Хоренский), арабо-персидских (ал Куфи, ат Табари, Балазури, Халифа ибн Хайят, Гардизи, ал Мас'уди и т.д.), византийских (Феофан, Никифор, Константин Багрянородный), хазаро-еврейских (обе редакции письма Иосифа Хасдаи ибн Шафруту, Текст Шехтера, книга Иосиппон), с результатами последних трактовок происхождения и этнической принадлежности памятников перещепинского типа (Вознесенка, Глоссосы, Келегеи, Лимаревка, Малая Перещепина, Ясиново и т.д.).

В последние десятилетия в дискуссии по этому поводу определился ряд авторов, которые последовательно отстаивают хазарскую этническую принадлежность памятников перещепинского типа, в связи с чем они вносят существенные коррективы в решение вопроса о происхождении хазар, исторической географии раннего хазарского объединения, времени появления хазар на исторической арене в Предкавказье и Закавказье и т.д. К их числу

относятся А. И. Айбабин, Е. В. Круглов, А. В. Комар, К. Цукерман¹.

Не вникая в достаточно спорные и неоднозначные археологические, а, точнее, вещеvedческие нюансы проблемы, достаточно хорошо представленные в научной литературе², здесь необходимо обратиться к общеисторическому контексту и логике событий, происходивших на юго-востоке Восточной Европы в VII – первой половине VIII вв. Кроме того, требуют уточнения определенные методологические аспекты данной проблемы. Прежде всего, это касается этнического определения погребальных комплексов кочевой знати и, на основании этого, более широких выводов об этнической принадлежности кочевого населения степей соответствующего времени. Здесь, подспудно или осознанно, исследователи зачастую воспроизводят характерную для марксистской парадигмы советской исторической науки схему этногенеза, в которой племя рассматривалось в качестве определенной этнической общности. И если такой подход в той или иной степени может быть оправдан в отношении оседлых народов, длительное время занимающих одну и ту же территорию, то в случае кочевников фиксируется ряд противоречий. Прежде всего, в кочевое племя, союз племен, конфедерацию, иную политику могли входить родовые подразделения различного происхождения, говорящие на разных языках и даже являющиеся представителями различных антропологических типов и рас (иранцы, тюрки, монголы, угры). Цементирующим фактором для них являлось объединение под предводительством владельческого рода, представитель которого, хан, силой своего авторитета, управленческими, в том числе военными, талантами обеспечивал процветание, победы, добычу, захват территорий, неприкосновенность пастбищ и т.д. Название владельческого рода – гунны, тюрки, монголы, болгары или хазары, как правило, переносилось и на подчиненное ему родовое население. Так на страницах истории

¹ В частности, А. И. Айбабин в ряде работ [3; 4], в том числе в исследовании, специально посвященном археологии хазар на раннем этапе существования каганата, дает подробную характеристику материальной культуры кочевой элиты и военно-дружинной части общества раннехазарского времени, что позволило обойтись без соответствующих описаний вещевых комплексов в данной статье [5, с. 287-294]. Кроме того, что особенно важно в контексте настоящей работы, А. И. Айбабин, анализируя соответствующий набор письменных источников (закавказских, арабо-персидских, византийских) и связанные с ними мнения зарубежных и отечественных исследователей, приходит к выводу о достаточно позднем (около середины VII в.) появлении хазар в Предкавказье. Он считает, что более ранние упоминания этого этнонима в данном регионе, скорее всего, являются анахронизмом [5, с. 281-284]. Принимая во внимание аргументацию названного автора, отметим, что, по крайней мере, не менее убедительной выглядит в настоящее время и позиция А. П. Новосельцева. В частности, он отмечает, что ранние упоминания о хазарах в связи с событиями в Закавказье в середине VI в. весьма противоречивы. Тем не менее, уже для 690-х гг. они приобретают реальный характер, а хазарское объединение, при всей неустойчивости политической ситуации в регионе, выдвигается на первый план в Восточном Предкавказье [45, с. 85-86].

² Характерно, что, анализируя одни и те же объекты, один и тот же набор вещевых источников, разные авторы делают на основе этого противоположные выводы, например, А. В. Комар об однозначно хазарском происхождении памятников перещепинского типа [33], О. М. Приходнюк об их болгарской этнической принадлежности [51, с. 25-42]. В этой связи внимания заслуживает выдержанная позиция авторов последней (1997 г.) полной публикации находок из Перещепино, которые, после досконального формально-типологического, сравнительного, технологического, технико-конструктивного, хронологического анализа соответствующего вещевого комплекса, выделения входящих в него групп предметов разного происхождения и времени изготовления, не решаются на однозначные этнические определения или персонификации [18, с. 99-100].

возникали огромные кочевые «народы», которые после военного поражения и политической аннигиляции владельческого рода бесследно исчезали, оставляя в недоумении оседлых соседей и современных исследователей. Особенно это характерно для раннетюркского периода истории степной зоны Евразии, когда тюрки рассматривали себя как народ-сословие, их правящий слой, аристократия – «эль», четко противопоставлял себя рядовому (податному) народу – «будун», «кара-будун». В период распространения влияния Тюркского каганата на запад в конце VI – VII вв. представители тюркских племен, тюркской военной аристократии становились правителями покоренных кочевых племен, превращаясь в течение нескольких поколений в своего рода правящую касту кочевого мира. Культура этой элиты и связанного с ней военно-дружинного слоя, вероятно, отличалась от культуры податного населения и имела тюркские черты [21, с. 18–20].

Армянские и арабо-персидские авторы однозначно отмечают активность тюрков и хазар на Кавказе в районе Дербента, их связь с берегами Каспия, походы в Закавказье. Вообще весь процесс формирования раннехазарского объединения, их выделения из гунно-савирской, оногуро-болгарской и тюркской среды происходит именно здесь. Здесь хазары делают первые самостоятельные шаги в создании своего государства после падения в 630–651 гг. Западно-тюркского каганата, здесь они наследуют основное направление захватнической активности своих сюзеренов – Закавказье. Для авторов, смотревших на события конца VII – VIII вв. с юга, из подверженного набега северных кочевников Закавказья, хазары сначала – часть тюрков³, по крайней мере, с 653 г. их союзники, затем – хазарский каган = тюркскому, или наоборот, и он Царь Севера.

«Ашхарацуйц» – «Армянская География» Анании Ширакаци («новый список») в VII в. локализует хазар в районе нижней Волги: «...После того соединяются с нею две реки, текущие из северо-восточных гор Римика и делают из нее реку с семьюдесятью рукавами, которую турки называют Атль. Среди этой реки находится остров, на котором укрывается народ 8) Баслов от сильных народов 9) Хазар и 10) Бушхов, приходящих на зимние пастбища и располагающихся на восток и на запад реки. Остров называется Черным, потому что он кажется черным, от множества баслов, населяющих его вместе со своими стадами.... Рукава реки Атль за островом снова соединяются, и впадают в Каспийское море...» [47, с. 29–30]. Эти сведения подтверждают и данные византийских хроник начала IX в. «Хронография» Феофана исповедника свидетельствует, что «...из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону, вплоть до Понтийского моря. [Этот народ], сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне» [66, с. 61].

Следует отметить, что трактовка К. Цукерманом страны Берзилии, как территории, расположенной в районе притоков средней Волги [65, с. 326–329] вызывает ряд возражений и противоречит информации средневековых авторов [62, с. 95–105]. Основной ошибкой при таком варианте локализации ранней Хазарии (до последней четверти VII в.) является модернизация географических представлений древних и средневековых авторов о территории Восточной Европы, в частности, Поволжья. К. Цукерман, анализируя цитированное выше сообщение Анании Ширакаци, высказывает предположение, что «семьдесят рукавов

³ Феофан под 624/625 г. говорит о заключении союза между Ираклием и тюрками-хазарами [14, с. 130; 66]. В то же время, у Никифора хазары упоминаются гораздо позже, только в связи с переселением Аспаруха за Дунай в 678 г.

Атила» это не протоки дельты, а притоки Волги, расположенные в ее среднем течении, в районе Самарской Луки. Такой взгляд на проблему предполагал бы, как минимум, наличие современных картографических представлений [50, с. 36] Анании Ширакаци о географии описываемой территории. Следует отметить, что такой взгляд на Поволжье (с высоты птичьего полета) не был характерен для этого автора. Анализ его географических экскурсов и описаний свидетельствует, что он, как, впрочем, и подавляющее большинство его предшественников и современников, последовательно реализует так называемый «эгоцентрический» подход к описанию географических объектов, территорий расселения племен и народов и т.д. Точкой отсчета для всех его перечислений является собственное местоположение где-то в Закавказье или, скорее, на территории кавказской Албании. Отсюда «веером», на запад, север, северо-восток распространяются приведенные в его работе географические названия и соответствующая этническая номенклатура, причем, по мере удаления от субъекта соответствующих описаний теряется точность изложения, а далеко на север (севернее Нижнего Поволжья) за неимением точных данных привлекаются фантастические литературные образы, характерные для античной традиции.

Как отмечал Г. Шрамм, исследовавший представления древних авторов о реках Северного Причерноморья [68], реальное знакомство с течением этих рек греков, римлян и даже византийцев, как правило, начиналось и заканчивалось в их низовьях. В описаниях мест впадения Днестра, Буго-Днепровского лимана и дельты Днепра, дельты Дона и т.д. можно обнаружить настоящие географические знания, здесь зафиксированы подлинные географические объекты, населенные пункты, группы племен местного населения. Среднее течение этих рек, как правило, описывалось обзорно, верхнее отдавалось на откуп фантастическим, легендарным представлениям и образам. Античные авторы ничего не знали о реальном течении Волги, ее притоках, особенностях ее дельты, они знали только ее название – Ра, и отмечали факт ее впадения в Каспийское море. Житель соседнего прикаспийского региона Анания Ширакаци обладал более конкретными знаниями о низовьях Волги. Нет сомнений, что он описывает именно ее дельту, делящуюся, перед впадением в море, на многочисленные самостоятельные рукава, образующие острова и островки. В VII в., когда писалась «Армянская География», торговые связи южных прикаспийских областей с Волго-Камьем были еще не развиты, на севере, в районе среднего и верхнего течения Волги тогда еще не было таких центров притяжения торговых интересов как Булгар, который появляется позже, в конце IX – начале X вв. Видимо, только после появления Булгара как самостоятельного транзитного центра Среднего Поволжья, туда массово устремляются купцы восточного происхождения, которые становятся живыми носителями информации о географии этого региона. В любом случае, арабские авторы X в. ал Истахри и ибн Хаукаль в качестве района, в котором Волга делится на многочисленные рукава, воспринимают именно

район дельты⁴, где, к тому же, расположена столица поздней Хазарии, город Итиль. Так же, в качестве «семидесятирукавного» Итиля описывает нижнюю Волгу лично побывавший здесь в первой половине XII в. ал Гарнати⁵. Характерно, что ал Гарнати посетил и Булгар, из Булгара по Волге, а затем и по Оке отправился в Киев, тем не менее, обладая полным набором личных впечатлений об этом регионе, он, естественно, не пишет ни о каких островах в районе Самарской Луки, не воспринимает притоки средней Волги в качестве ее многочисленных рукавов.

В свете критики предложенной К. Цукерманом гипотезы о расположении хазар и их соседей (баслов, бушхов) в середине VII в. в Среднем Поволжье внимания заслуживает аргумент, высказанный И. Г. Семеновым. Последний отмечает, что представляется крайне маловероятным, чтобы раннесредневековый армянский географ мог располагать сведениями сразу о трех народах Среднего Поволжья и при этом ничего не знал о населении Нижнего Поволжья. Очевидно, что должно быть наоборот, и Анания Ширакаци наверняка имеет ввиду именно дельту Волги и населяющие ее окрестности племена [57, с. 299]. Впрочем, именно такой вариант локализации страны Берсилии и Черного острова барсиллов предлагал еще А. В. Гадло, который считал, что в VII в. Волга впадала в Каспийское море намного западнее, чем в настоящее время. Таким образом, вместе с Восточным Манычем и Кумой она образовывала единую систему протоков, пространство между которыми и следует трактовать как «Остров» барсиллов или Черные земли, идеально пригодные для зимнего выпаса скота [14, с. 65-66]. Эту же точку зрения разделяет и автор одной из последних обобщающих работ по археологии ранних хазар А. И. Айбабин [5, с. 287].

С целью поиска мест расселения хазар периода формирования хазарской государственности, выделения их из состава других кочевых племен и народов, постепенного обретения собственного имени и самостоятельной политики на фоне угасания влияния Тюркского каганата, необходимо обратиться к вопросу о происхождении хазар. Очевидно, что эта сложная проблема при нынешнем состоянии источников не может быть решена окончательно, тем не менее, в историографии к настоящему времени уже сформировался основной набор гипотез и система аргументации, позволяющие выбрать наиболее убедительную точку зрения⁶.

⁴ Ал Истахри (первая половина X в.) писал: «Говорят, что река эта [Волга] разветвляется более чем на 70 рукавов, и остается, кроме того, главный поток реки; проходит он через земли хазар и впадает в море. Говорят, что, когда эти потоки соединяются в одну реку во время разлива, то она превосходит величиной Джейхун, и происходит от многоводности ее то обстоятельство, что она, достигая моря, впадает в него, врезываясь на расстояние двухдневного пути...» [25, с. 47]. Почти дословно его повторяет ибн Хаукаль (70-е гг. X в.): «Говорят, что от этой реки расходится более 70 рукавов, а главное русло продолжает течь по хазарской земле до впадения в море...» [26, с. 113; 17, с. 29]. Очевидно, что у обоих авторов речь идет о нижнем течении реки, поскольку верхние притоки, разлившись, не смогли бы снова соединиться в одну реку, которая должна будет впадать, как это и было описано, в Каспийское море.

⁵ В книге «Подарок умам и выборки диковинок» у ал Гарнати есть прямое определение местности в низовьях Волги как семидесятирукавного Итиля: «И впадает в это море огромная река, называемая Итиль; выходит она выше Булгара из области Мраков. Она раз в сто или больше превосходит Тигр. Из нее вытекает семьдесят рукавов, каждый рукав как Тигр, и все-таки остается от нее около Саджсина огромная река» [54, с. 56].

⁶ См., например, работы А. И. Айбабина [3; 5], М. И. Артамонова [10], А. В. Гадло [14], П. Голдена [69], Д. Данлопа [70], А. П. Новосельцева [45] и др.

Одна из них выводит начало этногенеза хазар (как, собственно, и болгар) из событий гуннского нашествия и связывает с последующим его развитием в постгуннской среде, регулярно пополняемой новыми выходцами с востока. Высказанный еще в «Географии» Равеннского анонима тезис о тождестве хазар и акациров, гуннского племени, занимавшего в первой половине V в. степи Восточной Европы, давно был подвергнут критике и не принимается большинством современных авторов [10, с. 56]. Тем не менее, после смерти Аттилы в 454 г. и вытеснения гуннов из Паннонии акациры неизбежно должны были перекочевать к востоку, вероятно за Дон. По данным Прииска Панийского, именно акациры неоднократно проходили через Каспийские ворота на Кавказе, с целью нападения на персов. Иордан не знает их точного местоположения и помещает это племя где-то на юге Восточной Европы, южнее лесной зоны [20, с. 67].

Уже в 463 г. гуннов теснят сарагуры, уроги и оногуры, по одной из версий – тюркские племена древнеуйгурского происхождения, пришедшие из Азии [30, с. 48]. Следом за ними появляются обитатели Южной Сибири, тюркизированные угры-савиры [45, с. 82], вытесненные с мест прежнего пребывания аварами. Все они первоначально аккумулируются в Предкавказье и Каспийско-Черноморском междуморье, через Дербент или Дарьял совершают грабительские походы в Закавказье. Савиры в течение практически всего VI в. известны именно в Предкавказье, они активно участвуют в войнах между Византией и Ираном, принимая то одну, то другую сторону, источники пестрят упоминаниями о савирских военных отрядах на Кавказе и в Закавказье [53, с. 402, 407–408, 431–432; 2, с. 88, 116–117].

Видимо с этого времени в Прикаспии и Предкавказье в смешанной ирано-тюрко-угорской среде начинают формироваться условия для вызревания двух основных раннесредневековых кочевых народов, известных историкам в последующие столетия – хазар и болгар. Складывается впечатление, что именно появление савиров в Центральном Предкавказье предопределило первоначально разделение линий этногенеза оногуров, занявших Западное Предкавказье, Восточное Приазовье и бассейн Кубани, где в дальнейшем формируются болгарские племенные союзы и предков хазар, в районе Западного Прикаспия и Нижней Волги. Возможно также, что хазары какое-то время находились в составе созданного савирами племенного объединения [14, с. 86], по крайней мере, до второй половины VI в. они не проявляются в качестве самостоятельной силы [10, с. 78].

Только в Сирийской Хронике Захария Ритора хазары впервые названы в списке тринадцати кочевых народов, «живущих в палатках и существующих мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием», населяющих степи Северного Предкавказья, это «аунгур, аугар, савир, бургар, куртагар авар, хазар, дирмар, сиригур, баграсик, кулас, абдел и эфталит» [49, с. 165]. Наличие здесь авар (если, конечно, оно не является анахронизмом) свидетельствует о том, что данный список был составлен не ранее 558 г. Вскоре авары нападают на савир и, вероятно, наносят им серьезное поражение, после чего число упоминаний о последних в трудах древних авторов несколько уменьшается.

Савиры распадаются на несколько групп, часть из них оказывается в Албании, часть продолжает кочевать к северу от Дербента. Тем не менее, закавказская традиция отмечает неоднократные нападения савиров и хазар на территорию Албании, причем хазары в этой ситуации по-прежнему выступают как часть савирского военно-политического союза [14, с. 88–89]. В любом случае место пребывания обоих народов граничит с Кавказом, савиры являются соседями аланов, расположены недалеко от Дербента. Очевидно, что где-то в этом же регионе находятся и ранние хазары. Часть савиров, оставшаяся в Прикаспии, принимает

участие в формировании раннего хазарского объединения, широко распространено мнение об их существенной роли и в этногенезе хазар [45, с. 81]. Родство с ними признают сами хазары, о чем в X в. сообщает Иосиф в своем ответном письме Хасдаи ибн Шафруту (краткая редакция). Здесь в хазарской родословной, в списке народов, происходящих от Тогармы, упоминаются, помимо прочих, савиры (Савир) и болгары (Б-л-г-д) [31, с. 74]. По мнению А. П. Новосельцева, хазарские родословные указывают, во-первых, на родство хазар с пестрыми этнополитическими объединениями осколков гуннского союза и, во-вторых, на тюркскую этническую принадлежность самих хазар [45, с. 77].

Близость (если не родство) хазар и савир подтверждает сообщение ал Мас'уди, который писал о том, что тюрки называют хазар савирами [19, с. 132–134], в то же время их персидское название хазаран, а арабское ал-хазар [22, с. 50]. Характерно, что тот же Мас'уди различает хазар и тюрков [45, с. 79].

Известно утверждение арабо-персидского автора X в. ибн Хаукаля о том, что «язык болгар подобен языку хазар»⁷. В свою очередь, на основе изучения сохранившихся болгарских слов специалисты отмечают, что болгарский язык относился к западной группе тюркских языков [10, с. 115]. В то же время, несомненное влияние на дальнейшее развитие хазарского племенного союза, его превращение в раннее государство имело подчинение хазар и других кочевых народов Прикаспия и Предкавказья Тюркскому каганату. Это произошло не позднее 576 г., а приблизительно с 588 г. можно говорить о вхождении этих территорий в состав Западнотюркского каганата [45, с. 85]. Характерно, что утигуры Приазовья (Эвлисии), пытавшиеся оказать сопротивление тюркам в союзе с аланами, оказываются под прямым управлением тюркского военачальника. По мнению А. В. Гадло, конфедерация утигуров не распалась, была смещена лишь ее родоплеменная верхушка, место которой заняли представители тюркской военной аристократии [14, с. 97]. Соответственно, Органа, Кубрат и его сыновья, по всей видимости, имели именно тюркское происхождение, что предполагает и сохранение тюркских традиций в религии, погребальной обрядности, в том числе и в обычае создавать характерные для тюрков Центральной Азии и Южной Сибири поминальные комплексы в честь представителей этого владельческого рода. Эту идею подтверждает известная из «Именника болгарских ханов» претензия династии Аспаруха на происхождение от тюркского рода Дулу [55, с. 176–177], отделившегося от Западного каганата после междоусобных войн в 630-е гг. Часть тюркских владельческих кланов, ассоциировавшая себя с объединением Дулу, противостояла племенам, возглавляемым Нушиби. Именно они закрепились в оногуро-булгарской среде Приазовья и Покубанья [41, с. 16]. Вполне вероятно, что вплоть до середины – второй половины VII в. эта группа кочевой аристократии сохраняет тюркские традиции погребения правителей. В этой связи и памятники Перещепинского круга, как археологический эквивалент этой тюркской традиции аристократических родов, происходящих из Центральной Азии или Южной Сибири и закрепившихся в степной зоне Восточной Европы, с одинаковой вероятностью могут быть приписаны как хазарам, так и болгарам.

Хакана западных тюрков арабские авторы изображают в качестве некоего верховного

⁷ Указание на это сходство имеет принципиальное значение для тюркологов. Махмуд Кашгарский в своем словаре тюркского языка не приводит хазарских слов, они ему не известны, зато имеет представление об особенностях болгарского языка и не сомневается в его тюркской принадлежности [40, с. 94, 363, 635].

правителя местных племен, среди которых уже в 590-е гг. на первый план выдвигаются хазары, правитель которых имеет титул «царя» (малик) [24, с. 43]. В первой трети VII в. во время войн Ираклия с персами хазары выступают в качестве союзников Византии и по договоренности с Ираклием в 626–628 гг. совершают неоднократные походы на Закавказье. По мнению А. П. Новосельцева, Джебгу-какган, выступавший в это время от лица Верховного тюркского кагана, был правителем хазар, лишь формально признававшим верховную власть тюрков. Его сын, Шат или Шад, командовал войсками [45, с. 87]. Следует обратить внимание на то, что и в это время сами хазары дислоцируются где-то поблизости от театра военных действий. Они постоянные обитатели Предкавказья, представляющие перманентную угрозу для жителей Закавказья. Нет никаких оснований для того, чтобы предполагать их нахождение на каких-то иных территориях, например в Среднем Поволжье.

Здесь же встречаются хазар в середине VII в. и появившиеся в районе Дербента арабы. Со слов ал Куфи в 650 г., когда Салман Ибн Раби'а подошел к Дербенту, там находился «...хакан, владыка хазар. ...Когда хакан услышал о приходе арабов к городу, он ушел из него» [1, с. 10]. Халифа Ибн Хаййат (писал в середине IX в.) сообщает, что в 737 г. «...Марван ... прошел Баланджар и Самандар и дошел до ал Байд'а, в которой пребывает хакан...» [11, с. 43]. Ат-Табари о том же походе Мервана пишет следующее: «С такими соединенными силами приблизился он [Мерван] в воинском порядке к Семендеру, где жил Хакан, царь хазарский...» [16, с. 87].

О том, что столицей «хазарских царей» до арабо-хазарских войн был Семендер, сообщает ал Мас'уди: «Столицей [последних] был Самандар, город, лежащий на расстоянии восьми дней пути от ал Баба. Он и сейчас населен народом из хазар; но так как в ранние дни ислама он был завоеван Сулайманом б. Раби'а ал Бахили, то управление было перенесено оттуда в город Атил» [42, с. 192]. В другом случае тот же ал Мас'уди называет старой столицей Хазарии Беленджер: «...город Итиль, нынешнюю столицу хазарского царства. До этого времени был столицей их город Беленджер» [26, с. 33–34].

Таким образом, ранние хазары VII – начала VIII вв. – обитатели Северо-Западного Прикаспия, они расположены где-то между Нижней Волгой и Дербентом, у них есть выраженная территория и внешнеполитические интересы, направленные в первую очередь на юг, в Закавказье. Около 678 г. определяется новое, западное направление экспансии усилившихся хазар. Они частично покоряют, а частично вытесняют протоболгар в Волгодонском междуречье и выходят в Поднепровье. Вполне вероятно, что такая возможность появилась у них благодаря определенному затишью на юге, когда после поражения арабской армии под Беленджером в 653 г. и гибели Абд-ар-Рахмана военные действия между противниками не возобновлялись до 706 г. [58, с. 74].

Первая волна хазарской экспансии в левобережном Поднепровье связана с подчинением болгарской орды Батбая в Восточном Приазовье, разгромом и преследованием бежавшей на Дунай группировки, возглавляемой младшим сыном Кубрата – Аспарухом. Произошло это, по данным Феофана и Никифора, в 678 г. В погоне за Аспарухом хазары достигают Днепра и, вероятно, получают возможность выхода в крымские степи. По крайней мере, уже около 700 г. они представляют собой реальную силу в Крыму, находятся в непосредственной близости от Дороса и Херсона, активно вмешиваются в династическую борьбу в Византии. Убедительный набор археологических данных, свидетельствующих о пребывании на территории Крыма хазарских военных отрядов, о взятии ими целого ряда населенных пунктов, в том числе и центра Боспора – Керчи, приводит А. И. Айбабин [5, с. 284–285].

Как представляется, и Днепро-Донские степи и Крым входят в это время в зону интересов и влияния оформляющегося Хазарского каганата, но не становятся местом постоянного проживания хазарских племен. Как покажут события ближайших десятилетий, основная масса хазар по-прежнему сконцентрирована в Прикаспии, где они и принимают активное участие в войнах с арабами вплоть до 737 г. и далее, в 60-е – 90-е гг. VIII в.

Примерно в это же время, во второй половине – конце VII в. на территории лесостепного Днепровского левобережья выпадают так называемые антские клады первой группы. Состав входивших в них вещей свидетельствует о принадлежности данных материалов представителям некой племенной элиты [52, с. 127], имевшей интернациональные вкусы, во многом сформированные в позднегерманской варварской среде, возможно, под влиянием ремесленных центров Подунавья, Боспора и т.д. Элита эта погибает или уходит навсегда, поскольку вещи остались в земле, а на месте позднепеньковских древностей на берегах левых притоков Днепра в начале VIII в. появляются памятники волынцевской культуры. Вероятно, на этом этапе поведение хазар действительно носило характер временной военной акции [32, с. 211], не имело системных последствий, не привело к установлению хазарского управления в славянской среде, возможно, ограничилось разовой контрибуцией (грабежом) местного населения и приведением его к формальной покорности.

Однако говорить о подчинении хазарам уже в это время северян, радимичей и вятичей невозможно, такое утверждение явно модернизирует ситуацию в собственно славянской среде, таких союзов племен в это время еще не существовало и возникли они, в лучшем случае, через сто лет после указанных событий. На левобережье Днепра славяне начинают расселяться только в VIII в., здесь фиксируется несколько группировок – роменская (на Десне, Сейме, Ворскле), а также боршевская (на Оке и Дону). Как подчеркивал В. В. Седов, эти племена не были исключительно территориальным формированием, а сложение северян Повести временных лет происходило в результате взаимодействия роменско-боршевского контингента с местным населением [56, с. 136–142].

Интересное объяснение причин смены культур в Днепровском левобережье и выпадения здесь кладов первой антской группы предложили еще в 1996 г. И. О. Гавритухин и А. М. Обломский. По их мнению, данные клады отражают, прежде всего, экспансию славян правобережья на территорию пеньковско-колочинского массива, где затем формируется волынцевская культура. Это новое население было многокомпонентным, а исходная территория начала этой миграции пока не определена, тем не менее, хронологически она совпадает со временем появления на правобережье культуры типа Лука-Райковецкой, что дает основание датировать (вместе с датами кладов первой группы) данные процессы концом VII в. [13, с. 146–147]. Этим же временем датируется и время хазарского проникновения на обозначенную территорию [4, с. 81–82]. Таким образом, освоение левобережья славянскими племенами происходило одновременно с утверждением здесь хазар и разгромом какой-то поздней пеньковской племенной группы, что не исключает определенной согласованности в действиях между хазарами и славянами [13, с. 147].

В Поднепровье в это время появляются какие-то группы кочевников, которые считают это место своей основной территорией и, видимо, хоронят здесь своих вождей или погибших соратников, о чем свидетельствует, по крайней мере, часть памятников перещепинского круга. В этой связи трактовка обрядовых действий, которые осуществляли создатели этих объектов, как относящихся к тюркской традиции, имеющей параллели в Центральной Азии

[4, с. 80–81; 5, с. 291; 9, с. 212–220; 33, с. 18–21], представляется вполне вероятной⁸. Это в определенной степени подтверждает проведенный А. К. Аликберовым пересмотр сообщений ряда средневековых авторов о раннем периоде хазарской истории. В частности, он выявляет параллельное существование хазаро-гунно-савирских и тюркских групп на подступах к Кавказу во второй половине VII в. В противостоянии с арабами оформляется их союз, в котором постепенно начинают преобладать хазары [8, с. 45–48]. Что это были за тюрки – не ясно, по всей видимости, они представляли собой какие-то осколки Западно-тюркского каганата, не ушедшие на восток. Возможно, именно они и получили имя баслов, басликов, базилов [5, с. 295], а территория их проживания стала называться страной Берсилией. Они, в силу своего значения на раннем этапе хазарской истории, были основными брачными партнерами хазарских каганов.

После перехода хазар к экспансии в западном направлении на острие удара против протоболгар Аспаруха могли оказаться именно эти тюркские группы и возглавляемые ими оногуро-булгарские племена. Освоив новые территории между Днестром и Доном, они выполняли функцию приграничных войск, маркировали границу с Аварским каганатом памятниками наподобие Вознесенского комплекса, стали причиной выпадения славянских кладов в Поднепровье, оказывали давление на Византию в период борьбы за власть Юстиниана II и т.д.

Не исключено также, что не все прежние обитатели этой территории, протоболгары, ушли на запад вместе с Аспарухом. Общий хозяйственно культурный тип, близость языка, длительные контакты в предшествующий период истории были условием их достаточно органичного включения в тюркскую племенную среду. Нельзя абсолютизировать исход болгар и их противопоставление хазарам вслед за автором письма хазарского царя Иосифа: «...В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр'ы. Наши предки, хазары, воевали с

⁸ Впервые тюркское происхождение обрядовых действий, как собственно и поминальный (а не погребальный) характер кочевнических комплексов VII–VIII вв. в левобережном Поднепровье (Перещепино, Глудосы, Вознесенка), обосновал А. К. Амброз. Наибольшее сходство с подобными поминальными комплексами из Центральной Азии (храмы Кюль-Тегина и Бильгя кагана) обнаруживает Вознесенка. В то же время А. К. Амброз подчеркивал, что «нельзя забывать о большой территориальной удаленности Вознесенки от области распространения восточнотюркских храмов, в сооружении которых к тому же отразилось участие танских мастеров. Общи не столько детали, сколько основная идея поминального комплекса, возможно объяснимая не одним прямым влиянием из центра Тюркского каганата, но и древней близостью верований разных ветвей азиатских кочевников. Варианты поминальных комплексов имелись у пришедших в Восточную Европу степняков задолго до постройки грандиозного Вознесенского храма» [9, с. 216]. Автор однозначно отрицает факт погребения кочевого хана в Глудосах, считая найденные там остатки кремации следами человеческого жертвоприношения, подтверждая это предположение большим количеством примеров из круга собственно тюркской (азиатской) погребальной (поминальной) традиции [9, с. 218–219]. По его мнению, «комплексы из Перещепина, Глудос и Вознесенки образуют типологический ряд в пределах второй половины VII и первой половины VIII в. В самом раннем из них «клад» зарыт на небольшой дюне без следов сооружения, зато только золота он содержал более 21 кг. В Глудосах появились довольно скромные сооружения, а количество золота уменьшилось до 2,6 кг. В грандиозном Вознесенском храме золота только 1,2 кг, зато состав железных вещей и обилие костей от поминальной пищи могут свидетельствовать об участии в церемонии большого коллектива. Следовательно, в этот период у кочевников Поднепровья постепенно уменьшалась варварская роскошь скрытых в земле подношений, зато росло общественное значение царского поминального комплекса» [9, с. 220].

ними. В-н-н-тр'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени «Дуна». До настоящего дня они расположены на реке «Дуна» и поблизости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня» [31, с. 92]. Общеизвестно, что письмо это имело целью произвести впечатление на абонента – испанского сановника Хасдаи ибн Шафрута.

Кочевники быстро создавали полиэтничные конгломераты, которые при всех внутренних противоречиях весьма эффективно действовали в борьбе с внешними противниками (например, кутригуры в войске авар до поражения 626 г.). Как также известно, протоболгары наряду с аланами вошли в состав населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры середины VIII – начала X вв. в Подонцовье. Следует отметить в этой связи особую группу обитателей лесостепи, использовавшую погребальный обряд трупосожжения [7, с. 5–7]. Памятники этих родоплеменных образований обнаружены на достаточно большой территории вдоль верхнего течения Северского Донца в Балаклейском, Змиевском, Чугуевском районах Харьковской области. Это могильники у с. Красная Горка, Сухая Гомольша, Кочеток и т.д. Отдельные погребения с трупосожжениями обнаружены на территории селища у с. Пятницкое. Что характерно, в целом, это население создает впечатление хорошо вооруженного и военизированного, большинство погребений содержат предметы вооружения, конской сбруи и т.д. Учитывая явно кочевнический набор оружия, культ коня, обряд трупосожжения, вполне можно предполагать тюркское⁹ или тюрко-болгарское происхождение этих групп [6], связанное с тем самым населением, которое и оставило в конце VII в. памятники перещепинского типа. Вполне вероятно, что отдельные

⁹ На территории проживания собственно тюркских племен в Центральной Азии и Южной Сибири и распространения раннесредневековой тюркской государственности погребения с трупосожжением были обнаружены в 1960–1970-е гг. в высокогорных областях Тувы. Как отмечал А. Д. Грач, группы тюркских памятников – погребения с трупосожжениями, сочетавшиеся с поминальными комплексами, территориально весьма удалены друг от друга: одна из них находится на границе котловины Великих Озер Монголии, у южных склонов хребта Танну-Ола, другая – вблизи отрогов Шапшальского хребта, в верховьях р. Хемчик [15, с. 207]. Китайские династийные хроники свидетельствуют о том, что на определенном этапе истории тюрк-туго обряд трупосожжения при похоронах знатных тюрк существовал до первой трети VII в.: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слёзы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определённое время года в могилу. Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развёртываться...» [15, с. 210–211]. Данные письменных источников и археологический материал позволяют датировать обнаруженные в Туве древнетюркские комплексы с трупосожжением VI – первой половиной VII вв. Обряд трупосожжения стал вытесняться обрядом трупоположения в первой трети VII в. Между тем, обряд трупосожжения, по-видимому, имел место на Орхоне и позднее – при погребениях тюркских каганов, принцев и наиболее выдающихся деятелей II тюркского каганата. Что же касается областей тюркской кочевой империи (от Хангая до Тянь-Шаня), то обряд трупоположения (господствующая форма – трупоположение с конем) распространился в это время повсеместно и безраздельно [15, с. 212–213].

родоплеменные группы тюрков, переселившиеся на территорию Восточной Европы в период существования Западно-тюркского каганата, были носителями обряда трупосожжения. Здесь, в условиях хазарской государственности и в окружении иноэтничной среды, они оказались консервативнее своих соплеменников, оставшихся в Центральной Азии, и сохранили обряд трупосожжения вплоть до VIII-IX вв.

В то же время, нет достаточных оснований для того, чтобы связывать эти и подобные им памятники с трупоположением (например, Нетайловский могильник) с собственно хазарами. Как отмечают специалисты, центр скопления хазарской знати четко фиксируется изменением места находок византийских золотых монет, ясно определяющих политическое возвышение Хазарского каганата и союзнические отношения с ним Византии в ходе противостояния арабам. Этот центр находится в нижнем левобережном Подонье, между Доном и Волгой, где обнаружены подкурганые погребения с ровиками, которые и содержат византийские солиды первой трети – середины VIII в. Как известно, памятники перещепинского типа содержат (в разном соотношении) солиды, чеканенные с конца VI по 40-е гг. VII вв. и отражают союз тюрков (возможно, именно тюркоболгар) против Ирана, а также союзнические отношения племенной верхушки Великой Болгарии и Византийского двора.

Таким образом, основным центром Хазарии, местом концентрации собственно хазарских родоплеменных групп как в VII–VIII вв., так и позже следует считать Нижнее Поволжье, Волго-Донское междуречье, Северо-западный Прикаспий. Нет никакой необходимости предполагать постоянные переселения масс хазар из Поволжья в Поднепровье (конец VII в.) и обратно (начало VIII в.) в связи с военно-политической конъюктурой. Данные письменных и археологических источников не дают достаточных оснований для развития этой гипотезы.

До 630 г. болгары Приазовья, по всей видимости, оногундуры, входили в зону влияния Тюркского каганата, куда они попали не позднее взятия тюрками Боспора в 576 г. (так же как куртригуры с 560-х гг. и до 635–640-х гг. входили в состав Аварского каганата). Западные тюрки, как известно, были союзниками Ираклия во время войн с Ираном в 627–628 гг., выставляли свои контингенты, высылали армии в Закавказье. Вполне вероятно, что кочевые протоболгары из северо-западного Предкавказья и восточного Приазовья могли, а скорее даже должны были входить в состав этих контингентов во главе со своими племенными вождями [14, с. 123-124]. Вообще, именно в этот период в Азово-Каспийском междуморье происходит формирование крупных конфедераций племен, во главе которых стоит военная аристократия [14, с. 106]. Она, в качестве вассалов каганата, находящихся, к тому же, в непосредственной близости от театра боевых действий, по логике вещей, вместе с хазарами составляла основу тюркской армии в данном регионе. Известно, что в войске тюрков были представлены самые различные народы, обладавшие заметными для постороннего наблюдателя этнографическими различиями. Среди них были «бреющие головы», «носящие косы», «с распущенными волосами» и т.д., соответственно исследователи связывают эти признаки с оногурами-болгарами, уграми, тюрками [14, с. 135]. М. И. Артамонов, используя данные «Именника болгарских ханов», считает, что «бреющими головы» были именно протоболгарские племена [10, с. 155]: «Держали княжение по ту сторону Дуная эти пять князей пятьсот пятнадцать лет с остриженными головами» [55, с. 176]. Характерно, что последние из остриженных князей это именно Курт – Кубрат и Безмер, в котором обычно усматривают Батбая, как известно, подчинившегося хазарам после ухода Аспаруха на Дунай, т.е. около 678 г. Следовательно, также как собственно тюрки и хазары, они участвовали в дележе добычи после побед над персами и взятия многочисленных городов Албании, а также после удачной осады Тифлиса.

Таким образом, можно согласиться с предположением А. В. Комара о том, что наличие сасанидских вещей, изготовленных специально для царского двора (кувшин и ложчатая чаша), в погребальном наборе владельца перещепинского комплекса свидетельствует о его принадлежности правителю влиятельного кочевнического объединения [33, с. 26]. Впрочем, нет достаточных оснований для того, чтобы связывать эти предметы персидского происхождения с конкретным историческим событием, например, захватом ставки Хосрова Парвиза войсками Ираклия в 628 г. Еще Ю. А. Кулаковский отмечал, что после осады Тифлиса и совместного пиршества войска союзников – византийцев и тюрков-хазар (шад с 40 тысячами конного войска), двинулись в сторону коренных персидских территорий. В то же время, кочевники не выдержали трудностей похода по горной местности и, сначала частями, а потом и полностью, отделились от армии Ираклия и вернулись назад, в Предкавказье [38, с. 86]. Скорее всего, во взятии Дастакерта кочевые контингенты вообще не принимали участия, соответственно, не участвовали они и в дележе сокровищ, принадлежавших Хосрову.

В то же время, кочевое объединение, вождь которого получал от Византии регулярные драгоценные подарки, вполне могло принадлежать протоболгарам, вошедшим в дальнейшем в т.н. Великую Болгарию. Союзник Византии Органа или его племянник Кубрат развивали и свою воинскую карьеру, и свои взаимоотношения с византийским двором во время совместных с тюрками походов в Закавказье. Впрочем, даже если эти предметы и были получены (добыты) каким-то протоболгарским (тюрком Дуло, стоящим во главе оногундуров) вождем (например, Органой) во время совместных с тюрками и византийцами войн с Персией, это не доказывает, что в Перещепино был похоронен именно Кубрат. Скорее, следует остановиться на той поливариантности трактовок происхождения этого уникального комплекса, которую предложили авторы его последней и наиболее полной публикации [18, с. 100].

Следует обратить внимание на еще одну проблему. Материальная культура протоболгар периода максимального расцвета их объединения в 630–660-е гг. обычно связывалась с памятниками Сивашевского типа [3, с. 98, рис. 34; 51, с. 39; 52, с. 128]. В то же время, предложенная А. В. Комаром трактовка этих погребений как хазарских (тюркских), принадлежащих военачальникам среднего звена и синхронных памятникам перещепинского круга (высшая тюрко-хазарская знать), лишает протоболгар всех прав на существование. Если следовать этой логике, то их вообще не было в середине VII в. в Днепро-Донском междуречье, что явно противоречит данным византийских письменных источников. Складывается абсурдная ситуация, когда в период военно-политического расцвета протоболгарского объединения, его международного признания, наиболее тесных дипломатических и личностных контактов его вождей с Византией, отсутствуют археологические памятники, свидетельствующие о наличии значительных массивов протоболгарских кочевых племен в Днепро-Донском междуречье, северном Приазовье, степном Крыму. А ведь именно эти кочевые племена каган Иосиф называет в своем письме «бесчисленными как песок морской». Они, располагаясь в Приазовье и Покубанье, имели возможность выставлять воинские контингенты в Закавказье, для войн с персами. В последующий период, в начале VIII в., хазары использовали их там же для войн с арабами. В VII в., под влиянием авар или по собственной инициативе, они могли повернуть на запад, к границам Византийского государства, усилив и без того опасное давление Аварского каганата на империю. Такое стратегическое положение протоболгарского союза, его военный, людской потенциал и были, вероятно, той причиной, которая заставляла византийских дипломатов считаться с Органной и Кубратом, дарить им подарки, принимать при дворе, крестить и т.д.

В этой же связи уже не первый год исследователей наталкивает на размышления четкое хронологическое разделение монетных комплексов, представленных в памятниках Перещепинского типа в Поднепровье и т.н. курганах с ровиками в нижнем левобережном Подонье. Они явно отражают два разных этапа взаимодействия кочевых групп степной зоны Восточной Европы с Византийской империей. Первый связан с дохазарским периодом союзничества Византии и болгар Приазовья, крещения некоего болгарского хана в Константинополе в период между 613 и 619 гг., союзнических отношений Ираклия и Кубрата, освобождения Кубрата от власти (или влияния) авар и т.д. Это монетные комплексы из Перещепина (69/70 экз.), Келегей (7 экз.), в частности, 20-ти каратный солид Ираклия (610–613 гг.), Новых Санжар (7 экз.). Они датируются, в основном, временем правления Маврикия (582–602 гг.), Фоки (602–610 гг.), Ираклия (610–641 гг.), Ираклия Константина, Ираклиона. Авторы последней публикации перещепинского комплекса относят 4 полновесных 24 каратных солида ко времени совместного правления Ираклия и Ираклия Константина (629–632 гг.), один к концу царствования Ираклия (638–641 гг.) – первым годам правления Константа II (641–646 гг.) [18, с. 18]. Отмечено также два медальона, весом в два с половиной солида, предназначенных для раздачи при дворе или для посылок иностранным государям, датируются они 629–632 гг. и, вероятнее всего, были первоначально получены союзником Ираклия – Кубратом.

Характерно, что подавляющее число монет из Перещепино выпущено в правление Ираклия с сыновьями (41 экземпляр) и Константа II (19 экземпляров) [18, с. 19]. Приток этих монет начинается в конце VI или в первом десятилетии VII вв. и заканчивается в середине 640-х гг. Более поздние монеты в данных комплексах не встречаются. Соответственно, все монеты получены обитателями степи еще в период преобладания болгар в регионе, до установления здесь хазарского господства. Если следовать логике сторонников хазарской принадлежности памятников перещепинского типа и датировке их по вещевому материалу концом VII – началом VIII вв., то возникает закономерный вопрос. Почему победоносные хазары, распространившие свое влияние на Поднепровье и Крым не позже 678 г., кладут в погребения своих вождей только те византийские монеты, которые были в свое время получены правителями Великой Болгарии? Почему здесь не встречаются монеты конца VII – начала VIII вв., например, периода обоих правлений Юстиниана II (685–695 и 705–711)? Тем более, что поводов для поступления монет в это время было более чем достаточно, жена Юстиниана, хазарка, в крещении Феодора, была дочерью кагана, а ее сын, соответственно, был внуком кочевого правителя. Специалистам хорошо известна ситуация, сложившаяся в период борьбы Юстиниана за власть, перед вторым его восшествием на престол. Несмотря на все описанные Феофаном и Никифором недоразумения с каганом [66, с. 62–63], в конечном итоге хазарская принцесса вместе с новорожденным сыном оказалась в Константинополе в качестве законной супруги императора и его наследника¹⁰.

В то же время, поступление византийских монет на территорию именно Хазарского

¹⁰ Статуя хазарской принцессы, а теперь императрицы Византии была поставлена в Константинополе рядом со статуей ее мужа. Есть предположение, что в связи с этим в столице империи побывал и сам каган, чествование которого происходило у «Царской цистерны» [37, с. 290–291]. Ал Мас'уди называет жену Юстиниана дочерью «малика хазар». А. А. Новосельцев убежден, что в данном случае речь идет именно о хакане хазар [46, с. 372], который в тот период хазарской истории еще обладал всей полнотой власти в государстве.

каганата фиксируется несколько позже и совсем в другом регионе степной зоны восточной Европы, в ином археологическом контексте. Это особенно показательно в свете распространенного мнения о том, что легкие 20-ти каратные солиды предназначались именно для господствующей племенной верхушки варварских народов. Их распределение, по всей видимости, должно указывать на какие-то перемены в мире кочевников [18, с. 23], смену господствующих групп, усиление или угасание военно-племенных союзов, их различную роль в политике Византии. Принято также считать, что процесс выпадения поступавших к кочевникам монет носил случайный характер и отражал особенности их вторичного обращения. Как правило, монеты были превращены в украшения, имели припаянное ушко или гнезда для вставок, не использовались в процессе товарно-денежного обращения. Очевидно, что они являлись особо престижными украшениями, могли выступать в качестве знака отличия представителей кочевой аристократии, в качестве находок в погребениях они являются одним из индикаторов высокого социального положения погребенных [34, с. 79].

Все это заставляет обратить внимание на факт прекращения с середины 640-х гг. поступления византийских золотых монет в Поднепровье и появление их в Подонье, в контексте принадлежавших, по всей видимости, хазарам подкурганых погребений с ровиками. Здесь наиболее ранним считается солид Константа II выпуска 651–654 гг., а наиболее поздним – солид Константина V 741–751 гг. [44, с. 69]. Е. В. Круглов относит эти византийские монеты к третьей территориально-хронологической группе (вторая половина VII – VIII вв.) и отмечает, что большинство из них было обнаружено в подкурганых кочевнических захоронениях типа Соколовской Балки, главным образом, на Нижнем Дону и в Поволжье. По его мнению, условия проникновения этих монет в кочевую среду возникают именно в период бегства Юстиниана II в Фанагорию, его брака с хазарской принцессой и борьбы за власть с Тиберием III [34, с. 87].

Таким образом, группа кочевой аристократии, имевшая в своем распоряжении солиды выпуска конца VI – середины 40-х гг. VII в., была погребена в Поднепровье в конце VII – VIII вв. Другая группа кочевой аристократии, с изменившимся (или все же изначально иным?) обрядом погребения, владеет солидами, выпущенными после 651 г. и, в большей степени, монетами первой половины VIII в. Эти кочевники обитают на территории Волго-Донского междуречья, а их погребения расположены, в основном, в нижнем левобережном Подонье. По всей видимости, эти монетные находки отражают все же союз Византии и Хазарии в борьбе с арабами в Закавказье и на Северном Кавказе. Здесь, уже в рамках хазарской государственности и длительных совместных военных кампаний кочевых групп, входивших в состав хазарской армии, постепенно преодолеваются некие языковые и социальные различия в хазаро-тюркской племенной среде.

Складывается устойчивое впечатление, что в ранний период хазарской экспансии степи Днепро-Донского междуречья были населены каким-то активным военизированным кочевым населением, входившим в состав первоначальной хазарской конфедерации. Это положение дел приходится на период, предшествовавший активной фазе арабо-хазарских войн. Оно было возможно, самое позднее, до похода Мервана 737 г., после которого позиции Хазарского каганата на Северном Кавказе были временно поколеблены, что привело к определенным перемещениям населения и изменению векторов внешней и внутренней политики этого государства. На тюркскую этническую принадлежность этого населения достаточно определенно указывают зафиксированные археологами черты погребальной обрядности. Они проявляются как у военных предводителей – кочевой верхушки, накопившей

значительные богатства, представленные в памятниках перещепинского круга, так и у рядовых представителей воинского сословия – командиров небольших отрядов, вождей большесемейных кочевых подразделений – айлов. Что это были за тюрки, достоверно не известно, данные письменных источников по этому поводу отсутствуют, тем не менее, обряд их погребения отличается от обряда, зафиксированного в Прикаспии и Нижнем Подонье, а их предводители явно принесли с собой в Поднепровье азиатские традиции, характерные для Северной Монголии и Алтая [35, с. 94-97; 36, с. 146-147; 61, с. 71-73; 63 и т.д.]. Эти традиции существовали недолго, около столетия, в конце VII – первом десятилетии VIII вв. Представляется вероятным, что это была какая-то группа собственно тюрков – тугю, оставшаяся в Восточной Европе после крушения Западного тюркского каганата в 630–650-е гг. Известно, что падение этого кочевого государства сопровождалось длительными междоусобными войнами, экспансией со стороны Танского Китая. Потерпевшие поражение подразделения бежали из Центральной Азии и нашли спасение от окончательного разгрома на крайнем западе бывшего Тюркского каганата, в составе оногуро-болгарских родоплеменных объединений или нарождающейся хазарской конфедерации [10, с. 170–171].

Возможно, что это были именно те группы, которые вместе с хазарами и другими кочевыми племенами Северного Предкавказья участвовали в походах Ираклия в Закавказье, осаждали Тифлис, совершали набеги на кавказскую Албанию. Именно с этими тюрками, имя которых постепенно замещается в Закавказской традиции именем хазар, столкнулись арабы во время первых конфликтов с северными кочевниками в Албании и в районе Дербента в 653 г. После распада Великой Болгарии Кубрата и создания нового союза кочевых племен, возглавленного хазарами, постепенно происходило оформление этого союза в государство. По мере преодоления сопротивления его основных противников, на первом этапе – оногуро-болгарских племен Восточного и Западного Предкавказья, Покубанья и Восточного Приазовья, эти тюрки осваивают степи Днепро-Донского междуречья и Крыма. Они – часть хазарского объединения, воспринимаются соседями и авторами письменных источников как хазары, осуществляют хазарскую политику в регионе. Основные задачи этой политики – давление на непокорных оногуро-булгар Аспаруха (преследовали их до Дуная), давление на пограничные пункты Византии в Крыму, на славян Поднепровья, определенная демаркация сфер влияния с Аварским каганатом (по Днепру и далее на запад).

После поражения хазар в войне с арабами 737 г., когда лучшие силы хазарской армии были разгромлены, а хазарский каган принимает унижительные условия победителей, в том числе соглашается на принятие ислама, эти тюрки, не затронутые арабскими походами, по всей видимости, участвуют в определенном переформатировании хазарской государственности. Трудно судить о том, какую именно этническую принадлежность имел хазарский каган на ранних этапах истории каганата. В любом случае, очевидно, что, несмотря на факт принятия иудаизма хазарской социальной верхушкой, целый ряд обычаев, связанных с существованием института каганов, до X в. сохраняет тюркскую языческую традицию [48, с. 73–76]. Как отмечают исследователи, это и сакральный характер власти кагана, и обычай его ритуального удушения в момент принятия властных полномочий, когда каган в полубессознательном состоянии должен был сам определить сроки своего правления, и обычаи преклонения перед каганом бека и

всего населения¹¹, а если нужно – его умерщвления в случае неудач государственной политики, помпезный и явно языческий погребальный обряд каганов и т.д. По мнению И. Г. Семенова, в IX в. произошла узурпация большей части властных полномочий кагана именно хазар-эльтебером, который правил этническими хазарами, традиционно проживавшими между Нижней Волгой и Терексом, а с этого времени получил титул бека [57, с. 306].

Как представляется, такой вариант объяснения событий ранней хазарской истории снимает противоречие между выводами авторов, опирающихся на традиционный набор письменных источников, с одной стороны, и результатами археологической интерпретации памятников перещепинского типа, с другой. Собственно хазары (этнические хазары), стоявшие в это время (конец VII – начало VIII вв.) во главе нарождающегося кочевого государства, обитают в районе Северо-Западного Прикаспия, Нижней Волги, Прикаспийского Дагестана. Здесь сосредоточены их основные людские и хозяйственные ресурсы [14, с. 136], отсюда они совершают набеги на территорию Кавказской Албании и Закавказья, здесь формируется ядро возглавляемого хазарами объединения. Возможно, что одной из основных причин этой консолидации была власть западных тюрок над названными территориями (по крайней мере, с последней четверти VI по первую треть VII вв.) и активное участие хазар в войнах Ираклия с Сасанидским Ираном. Тогда хазары осознают себя как военную силу, тогда же определяется основной на тот период вектор их внешнеполитических интересов. Именно здесь находится и основная ставка (или ставки) хазарского кагана, в том числе известная в первой трети VIII в., в период арабо-хазарских войн, Ал Байда [62, с. 74].

В Днепро-Донецкой лесостепи не ранее окончания гражданской войны в Западном каганате (после 651 г.), возможно, после смерти Кубрата и распада его объединения (660-е гг.), появляются группы тюрок, возглавляемые представителями традиционных аристократических родов, сохранивших свою культуру и обряд погребения, характерный для Центральной Азии и Алтая. Они ассоциируются у византийцев с хазарами, вероятно,

¹¹ Например, у ибн Фадлана: «Что же касается царя хазар, титул которого хакан, то, право же, он не показывается иначе, как [раз] в каждые четыре месяца, [появляясь] в [почетном] отдалении. Его называют большой хакан, а его заместителя называют хакан-бех. ... И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигает перед ним эти дрова. ... Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними. ... Когда этот большой царь выезжает верхом, [то] едут [также] все войска по случаю его выезда, причем между ними и частями кортежа миля [расстояния], и ни один из его подданных не видит его иначе, как павши ниц на свое лицо, поклоняясь ему, и не поднимает своей головы, пока он не проследует мимо него. ...» [24, с. 52-53]. Очевидно, что описанные обряды крайне далеки от классического иудаизма, а точнее не имеют к нему никакого отношения. Обычай использования очищающего огня при приближении к кагану характерен именно для традиции развитого профессионального тюркского шаманизма [39, с. 261], свидетелем чему стал византийский посол Зимарх еще в 568 г. По данным Менандра: «Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришел к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, сложили их вместе; потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Зимарха через пламя, и этим, казалось, они и самих себя очищали» [12, с. 376]. Очевидное продолжение этой тюркской традиции мы наблюдаем в приведенном выше отрывке из Ибн Фадлана.

подчинены хазарам или находятся в союзе с ними. По крайней мере, история Юстиниана II, подробно описанная Феофаном и Никифором, разворачивается в Крыму и Таматархе на рубеже VII и VIII вв. на фоне однозначного хазарского присутствия и военно-политического преобладания. С хазарами нужно считаться и договариваться, к хазарскому кагану апеллирует отстраненный от власти император. Значение кагана настолько велико, что эти отношения скрепляются первым в истории Византии династическим браком последнего представителя династии Ираклия с кочевой принцессой [61, с. 93–95]. Эти тюрки оставляют погребальные и поминальные комплексы высшей кочевой знати перещепинского круга и погребения дружинного типа наподобие известных у с. Портовое, в Костогрызово, Калининской, Старонижнестеблиевской, Чапаевском и т.д. [4, с. 69–70].

После поражения хазар в войне 737 г. представители тюркских аристократических родов перемещаются в междуречье Дона и Волги, где принимают участие в дальнейшей политической истории Хазарского каганата. Возможно, они являются одними из носителей погребального обряда трупоположений под курганами с ровиками [64, с. 185]. В Днепро-Донском междуречье в VIII–IX вв. этническая ситуация остается сложной, хотя на новом этапе население этого региона по-прежнему подчиняется центральной хазарской власти, влияние которой на отдельные родоплеменные подразделения только усиливается. Как известно, после арабо-хазарских войн, примерно в 40–50-е гг. VII в., на берега Северского Донца переселяются разрозненные племена алан с Северного Кавказа. Они размещаются чересполосно, иногда в непосредственном соседстве с какими-то тюрко-болгарскими, тюрко-хазарскими или тюрко-угорскими группами, оставившими могильники с трупоположением (Нетайловка, Волоконовка и т.д.), трупоположением и трупосожжением (Красная Горка), трупосожжением (Сухая Гомольша и т.д.) [43, с. 88–90].

Их точный этнический состав вряд ли будет когда-нибудь определен достоверно (наверное, это просто невозможно), но несомненно присутствие в их составе тюркского элемента, наследование тех или иных вариантов тюркской погребальной обрядности. Это – трупосожжение с оружием и конской сбруей [15, с. 211–213], трупоположение в могилах с заплечиками [33; 64] и сопровождающим погребением коня [63], иногда восточная или северо-восточная ориентация погребенных, войлочные или берестовые подстилки под погребенными и т.д., что свидетельствует о вероятной связи этих подразделений с предшествующим населением степи, оставившим памятники перещепинского круга. Не исключено, что в его составе были не только тюрко-хазарские, но и тюрко-болгарские, оногуро-болгарские (огурские) айлы, входившие в свое время в состав Великой Болгарии Кубрата. До 630-х гг. они, также как и хазары, находились в составе Западно-тюркского каганата и принимали участие в его политике в Закавказье.

Связь протоболгар с тюрками тугю могла быть достаточно тесной, не менее тесной, чем связь тюрков и хазар, как в военном, так и в политическом отношении. Не случайно родственник (предок) Кубрата (возможно, дядя) Органа, принимал участие в междоусобных войнах и борьбе за власть в Западном Каганате. Само имя Кубрата (Курт в «Именнике болгарских ханов») современные болгарские авторы трактуют как волк, что указывает на связь болгарских владельческих родов с общетюркской мифологической традицией, если и не на прямую общность происхождения с тюрками, то на определенную претензию к такой общности [17, с. 36–38]. Волками называет Сандилх, вождь утигуров, своих соседей кутригуров. Широко известна легенда о происхождении правящего рода тюрков тугю Ашина от брака волчицы и выжившего после побоища искалеченного врагами мальчика и т.д.

Кроме того, при всех существующих сложностях с реконструкцией религиозных представлений ранних болгар Первого Болгарского Царства на Дунае, вероятно, не случайным является упоминание в одной из надписей Мадарского святилища верховного бога Тангра, которого хан Омуртаг почтил жертвоприношением. Как отмечал С. Г. Кляшторный, общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических вероисповеданий и суеверий, установленная между тюрко-огузскими племенами Центральной Азии и гунно-болгарскими племенами Северного Кавказа в большей или меньшей степени распространялась на религиозные верования дунайский праболгар с их культом Тангра (Тенгри хана) [29, с. 318; 59, с. 65–68; 67, с. 72–73]. В этой связи представляется, что тюркский облик поминальных комплексов кочевой знати и погребений дружинников в Днепро-Донском междуречье и Крыму не исключает сосуществования в составе этого кочевого конгломерата как савиро-хазарских, так и оногуро-болгарских кочевых подразделений, находившихся под тюркским влиянием и попавших в зависимость от представителей тюркской кочевой аристократии. С. Г. Кляшторный вообще считал, что оногуры (огуры, современная форма – уйгуры) являлись одним из телесских племен, ушедших в V в. в сторону «Западного моря» и переселившихся в район Прикаспия и Причерноморья¹². Здесь они разделились на ряд племенных союзов – собственно оногуров (десять огуров), кутригуров (тридцать огуров), сарагуров (белых огуров) [30, с. 48]. После появления на территории степной зоны Восточной Европы в последней четверти VI в. тюрки туго они органично вошли в состав Тюркютской империи.

Уйгурские надписи на Терхинской (753 г.) [27, с. 94] и Тесинской (762 г.) [28, с. 86] стелах, обнаруженных в Северной Монголии, свидетельствуют о вхождении в состав западных тюркских (огурских) племен (учуков) хазар (Касар) и барсиллов (Барсил), предводители которых, Кадыр и Беди, погибли во время первой междоусобицы в Каганате между 582 и 603 гг. [30, с. 50]. Характерно, что хазары во всех случаях, как и в «Армянской Географии» Анании Ширакаци или в трудах арабо-персидских авторов, упоминаются одновременно или рядом с барсилами, а их судьбы в первые столетия пребывания в Прикаспии и Причерноморье тесно связаны с общим оногуро-булгарским контекстом. Таким образом, фиксируемое на общеисторическом фоне родство хазар (касар) и болгар (огур), их общие тюркские корни и участие на разных этапах, в том числе в конце VI – первой трети VII вв., в перипетиях истории раннетюркских государственных образований, дополнительно подкрепляется источниками центрально-азиатского происхождения и выводами филологов. Проявления этого родства (сходства) закономерны и ожидаемы в материальной культуре кочевых народов, в том числе в памятниках погребальной обрядности как раннехазарского времени, так и периода существования салтово-маяцкой культуры VIII–X вв.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Мухаммад Ахмад Ибн А'Сам Ал Куфи. Книга завоеваний. (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. акад. З. М. Буниятова. Баку: Элм, 1981. 84 с.
2. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и прим. М. В. Левченко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 219 с.
3. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

¹² Сходную точку зрения высказывали и некоторые зарубежные авторы. Так Д. Данлоп предполагал уйгурское происхождение хазар [69, р. 34–40]. П. Голден указывал на сложное оногуро-савирское происхождение конгломерата, возглавленного тюрками – хазарами (коса или кеса, китайских источников) [70, р. 53, 58].

4. Айбабин А. И. Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский Альманах. Харьков, 2009. Т. 8. С. 67–88.
5. Айбабин А. И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. Симферополь; Керчь, 2013. Вып. 18. С. 277–315.
6. Аксенов В. С., Тортика А. А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время. С. 191–218.
7. Аксенов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII – первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника) // Хазарский Альманах. Киев; Харьков, 2004. Т. 3. С. 5–24.
8. Аликберов А. К. Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010. С. 42–65.
9. Амброс А. К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 204–222.
10. Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
11. Бейлис В. М. Сообщения Халифы Ибн Хаййата ал-’Усуфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М.: Восточная литература, 2000. С. 32–53.
12. Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петрь Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Перевод Спиридона Дестуниса; примечания Гвриила Дестуниса. СПб.: Иждивен. Духовного ведомства, 1860. XIII, 516 с.
13. Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.
14. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. 216 с.
15. Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 207–213.
16. Дорн Б. А. Известия о хазарах восточного историка Табари, с отрывками из Гафис Абру, Ибн-Ал-зем-Эль Куфи и др. // Журнал министерства народного просвещения. 1844. Ч. 43. № 7–8. Отдел 2. С. 1–25, 67–98.
17. Живков Б. Легендата за Кубрат, превръщанията на вълка и заревеното съкровеще // Древните българи – дискусията продължава. Сборник. 2014. С. 36–49.
18. Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоянова Н. А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997. 335 с.
19. Захoder Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Гурган и Поволжье IX–XI вв. М.: Восточная литература, 1962. 278 с.
20. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер., вступ. ст., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейа, 2013. 512 с.
21. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Введение в этногенез и этническую историю татарского народа. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2007. 132 с.
22. Калинина Т. М. Употребление этикона ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. // Хазарский Альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 41–51.
23. Калинина Т. М. Волга в географической номенклатуре арабо-персидских ученых // Сборник Русского исторического общества: Россия и мусульманский мир. М., 2003. № 7(155). С. 25–37.
24. Калинина Т. М. Знать хазар по данным арабо-персидских источников // Хазарский Альманах. Харьков, 2005. Т. 4. С. 43–56.
25. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 1–73.
26. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. VII. Ал-Мукадасий. VIII. Мас’уди. IX. Ибн-Хаукаль // Сборник материалов для описания местностей и

- племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 1–130.
27. Кляшторный С. Г. Терхинская надпись (Предварительная публикация) // **Советская тюркология**. 1980. № 3. С. 82–95.
 28. Кляшторный С. Г. Тэсинская стела (Предварительная публикация) // **Советская тюркология**. 1983. № 6. С. 76–90.
 29. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
 30. Кляшторный С. Г. Азіатський аспект ранньої історії хозар // *Хазарський Альманах*. Харків, 2004. Т. 2. С. 47–51.
 31. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 134 с.
 32. Комар А. В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // *Хазары, евреи и славяне*. Т. 16. М.; Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. С. 207–219.
 33. Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII вв. // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк, 2006. Т. 5. Хазарское время. С. 7–244.
 34. Круглов Е. В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // *Хазарський Альманах*. Харків, 2002. Т. 1. С. 79–93.
 35. Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьёр-Тебе // *Древние культуры Алтая и Западной Сибири*. Новосибирск, 1978. С. 86–98.
 36. Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // *Древние культуры Монголии*. Новосибирск, 1985. С. 136–148.
 37. Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 3. Киев, 1915. 432 с.
 38. Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 3.: 602–717 гг. СПб.: Алетея, 2004. 352 с.
 39. Кызласов Л. Р. О шаманизме древнейших тюрков // **СА**. 1990. № 3. С. 261–264.
 40. Махмуд ал-Кашгари. *Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и ком. З.-А. М. Ауэзовой*. Индексы составлены Р. Эмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
 41. Мингазов Ш. Р. Великая Болгария и роль тюркоязычных болгарских племен в истории Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Казань, 2013. 27 с.
 42. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.: Восточная литература, 1963. 265 с.
 43. Михеев В. К. Северо-Западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // *Хазарський Альманах*. Киев; Харків, 2004. Т. 3. С. 74–93.
 44. Науменко В. Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // *Хазарський альманах*. Харків; М., 2003. Т. 2. С. 52–76.
 45. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
 46. Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. М.: Восточная литература, 2000. С. 367–379.
 47. Патканов К. Из нового списка географий, приписываемой Моисею Хоренскому // *Журнал министерства народного просвещения*. 1883. Ч. ССХХV. С. 21–32.
 48. Петрухин В. Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // *Славяне и их соседи*. Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10. С. 73–78.
 49. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М., 1941. 171 с.
 50. Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР*. М.: Наука, 1978. С. 22–45.
 51. Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.). Київ; Чернівці: Прут, 2001. 284 с.
 52. Приходнюк О. М. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата //

- Хазарский Альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 125–130.
53. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.
 54. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Пер. с арабск., вступ. статья и прим. О. Г. Большакова; истор. коммент. А. Л. Монгайта. М.: Восточная литература, 1971. 135 с.
 55. Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / Пер. И. Калиганова, Д. Польшанного. М.: Художественная литература, 1990. 527 с.
 56. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв.: Археология СССР с древнейших времён до средневековья в 20-ти т. М.: Наука, 1982. 337 с.
 57. Семенов И. Г. География собственно Хазарии и вопрос о поисках иудейско-хазарских памятников // Хазарский Альманах. Харьков, 2009. Т. 8. С. 289–314.
 58. Семенов И. Г. К реконструкции военно-политической и этнической структуры раннего Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010. С. 66–76.
 59. Степанов Ц. Религия или религии на (пра) болгарите: факты и теории // Историята, истината, историк. Материали от научната конференция «Движение на идеите и изследованията върху българското възрождане и история на културата». Организирана на 2 ноември 2011 г. от историческия и философския факултет на Софийския университет «Св. Климент Охридски». София, 2012. С. 65–68.
 60. Табалдиев К. Ш., Худяков Ю. С. Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 65–85.
 61. Тортика А. А. Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства // Східний Світ. Київ, 2005. № 1. С. 90–106.
 62. Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харьков: Харьковская государственная академия культуры, 2006. 553 с.
 63. Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребений с конём древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-туغو) // Тюркологический Сборник 1972. М., 1973. С. 351–374.
 64. Флерова В. Е. Проблемы исследования ямных и курганных могильников хазарского времени на Нижнем Дону // Хазарский Альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 169–188.
 65. Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 312–333.
 66. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1980. 215 с.
 67. Чобанов Т. Езическите храмове на Дунавска България // Древните българи – дискусиата продължава. Сборник. 2014. С. 366–390.
 68. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М.: Eastern Communications, 1997. 155 с.
 69. Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. Princeton; New Jersey, 1954. 293 p.
 70. Golden P. B. Khazar Studies. Budapest, 1980. Vol. 1. 291 p.

REFERENCES

1. Abu Muhammad Ahmad Ibn A'Sam Al Kufi. *Kniga zavoevaniy. (Izvlечeniya po istorii Azerbaydzhana VII–IX vv.)*. Per. akad. Z. M. Bunyatova. Baku, Elm Publ., 1981, 84 p.
2. Agafiy. *O tsarstvovanii Yustiniana*. Per., statya i primech. M. V. Levchenko. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1953, 219 p.
3. Aybabin A. I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryima*. Simferopol, DAR Publ., 1999, 352 p.
4. Aybabin A. I. Rannie hazarskie arheologicheskie pamyatniki v Severnom Prichernomore. *Hazarский Almanah*, Harkov, 2009, T. 8, pp. 67–88.
5. Aybabin A. I. Arheologicheskoe nasledie hazar vremeni sozdaniya kaganata. *Materialyi po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol; Kerch, 2013. Vol. 18. pp. 277–315.

6. Aksenov V. S., Tortika A. A. Protobolgarskie pogrebeniya Podonya i Pridonechya VIII–X vv.: Problema polivariantnosti obryada i etnoistoricheskoy interpretatsii. *Stepi Evropyi v epohu srednevekovya*, T. 2. Hazarskoe vremya. Donetsk, 2001, pp. 191–218.
7. Aksenov V. S. Ob etnicheskoy neodnorodnosti krematsiy VIII – pervoy polovinyi X vv. Podontsovyia (po materialam Suhogomolshanskogo mogilnika). *Hazarskiy Almanah*, Kiev, Harkov, 2004, T. 3, pp. 5–24.
8. Alikberov A. K. Rannie hazaryi (do 652/653 g.), tyurki i Hazarskiy kaganat. *Hazaryi: mif i istoriya*, Moskow, Ierusalim, 2010, pp. 42–65.
9. Ambroz A. K. O Voznesenskom komplekse VIII v. na Dnepre – vopros interpretatsii. *Drevnosti epohi velikogo pereseleniya narodov V–VIII vv.* Moskow, 1982, pp. 204–222.
10. Artamonov M. I. *Istoriya hazar*. Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1962, 523 p.
11. Beylis V. M. Soobscheniya Halifyi Ibn Hayyata al-'Usfuri ob arabo-hazarskiy voynah v VII – pervoy polovine VIII v. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropyi. 1998 g.* Moskow, Vostochnaia literatura Publ., 2000, pp. 32–53.
12. *Vizantiyskie istoriki: Deksipt', Evnapiy, Olimpodor', Malh', Petr' Patrity, Menandr', Kandid', Nonnos' i Feofan Vizantiets*. Perevod Spiridona Destunisa; primechaniya Gavriila Destunisa. SPb.: Izhdiven. Duhovnogo vedomstva, 1860. XIII, 516 p.
13. Gavrituhin I. O., Oblomskiy A. M. *Gaponovskiy klad i ego kulturno-istoricheskoy kontekst*. Moskow, 1996, 296 p.
14. Gadlo A. V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* Leningrad, Leningradskii universitet Publ., 1979, 216 p.
15. Grach A. D. Drevneyshie tyurkskie pogrebeniya s sozhzheniem v Tsentralnoy Azii. *Istoriya, arheologiya i etnografiya Sredney Azii*. Moskow, 1968, pp. 207–213.
16. Dorn B. A. Izvestiya o hazarah vostochnogo istorika Tabari, s otryivkami iz Gafis Abru, Ibn-Al-zem-El Kufi i dr. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosvescheniya*, 1844, Part 43, N 7–8, Otdel 2, pp. 1–25, 67–98.
17. Zhivkov B. Legendata za Kubrat, perev'pl'sheniyata na v'lka i zarovenoto s'krovesche. *Drevnite b'lgari – diskusiyata prod'lzhava*. 2014, pp. 36–49.
18. Zaleskaya V. N., Lvova Z. A., Marshak B. I., Sokolova I. V., Fonyakova N. A. *Sokrovischa hana Kubrata. Pereschepinskiy klad*. St. Petersburg, 1997, 335 p.
19. Zahoder B. N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope: Gurgan i Povolzhe IX–XI vv.* Moskow, Vostochnaia literatura Publ., 1962, 278 p.
20. Iordan. *O proishozhdenii i deyaniyah getov*. Per., vtp. st., komment. E. Ch. Skrzhinskoy. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2013, 512 p.
21. Ishakov D. M., Izmaylov I. L. *Vvedenie v etnogenezu i etnicheskuyu istoriyu tatarskogo naroda*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani, 2007. 132 p.
22. Kalinina T. M. Upotrebleniye etikona al-hazar v arabo-persidskiy istochnikah IX–X vv. *Hazarskiy Almanah*, 2002, T. 1, pp. 41–51.
23. Kalinina T. M. Volga v geograficheskoy nomenklature arabo-persidskiy ucheniyh. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva: Rossiya i musulmanskiy mir*. Moskow, 2003, N 7(155), pp. 25–37.
24. Kalinina T. M. Znat hazar po dannyim arabo-persidskiy istochnikov. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2005, T. 4, pp. 43–56.
25. Karaulov N. A. Svedeniya arabskiy pisateley o Kavkaze, Armenii i Azerbaydzhane. I. Al-Istahriy. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza*. Tiflis, 1901, Vol. 29, pp. 1–73.
26. Karaulov N. A. Svedeniya arabskiy pisateley o Kavkaze, Armenii i Azerbaydzhane. VII. Al-Mukaddasiy. VIII. Mas'udi. IX. Ibn-Haukal. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza*. Tiflis, 1908, Vol. 38, pp. 1–130.
27. Klyashtornyiy S. G. Terhinskaya nadpis (Predvaritel'naya publikatsiya). *Sovetskaya tyurkologiya*. 1980. N 3. pp. 82–95.

28. Klyashtorniy S. G. Tesinskaya stela (Predvaritelnaya publikatsiya). *Sovetskaya tyurkologiya*. 1983. N 6. pp. 76–90.
29. Klyashtorniy S. G. *Istoriya Tsentralnoy Azii i pamyatniki runicheskogo pisma*. SPb.: Filologicheskiy fakultet SPbGU, 2003. 560 p.
30. Klyashtorniy S. G. Aziatskiy aspekt rannoi istorii hozar. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2004, T. 2, pp. 47–51.
31. Kokovtsev P. K. *Evreysko-hazarskaya perepiska X v.* Leningrad, Akademii nauk SSSR Publ., 1932, 134 p.
32. Komar A. V. Istoricheskie predposylki vozniknoveniya legendy o polyanskooy dani hazaram po arheologicheskim dannym. *Hazaryi, evrei i slavyane*. T. 16. Moskow, Ierusalim, Mostyi kul'turyi-Gesharim Publ., 2005, pp. 207–219.
33. Komar A. V. Pereschepinskiy kompleks v kontekste osnovnykh problem istorii i kul'turyi kochevnikov Vostochnoy Evropyi VII – nach. VIII vv. *Stepi Evropyi v epohu srednevekovyia*, T. 5. Hazarskoe vremya. Donetsk, 2006, pp. 7–244.
34. Kruglov E. V. Nekotorye problemy analiza osobennostey obrascheniya vizantiyskikh monet VI–VIII vv. v vostochnoevropayskikh stepyakh. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2002, T. 1, pp. 79–93.
35. Kubarev V. D. Drevnetyurkskiy pominalnyi kompleks na D'or-Tebe. *Drevnie kul'turi Altaya i Zapadnoy Sibiri*. Novosibirsk, 1978, pp. 86–98.
36. Kubarev V. D. Drevnetyurkskie kenotafyi Borotala. *Drevnie kul'turyi Mongolii*. Novosibirsk, 1985, pp. 136–148.
37. Kulakovskiy Yu. A. *Istoriya Vizantii*. T. 3. Kiev, 1915, 432 p.
38. Kulakovskiy Yu. A. *Istoriya Vizantii*. T. 3: 602–717 gg. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2004, 352 p.
39. Kyzlasov L. R. O shamanizme drevneyshikh tyurkov. *Sovetskaya Arheologiya*. 1990. N 3. pp. 261–264.
40. Mahmud al-Kashgari. *Divan Lugat at-Turk*. Perevod, predislovie i kommentarii Z.-A. M. Auezovoy. Indeksyi sostavlenyi R. Emersom. Almatyi: Dayk-Press, 2005, 1288 p.
41. Mingazov Sh. R. *Velikaya Bolgariya i rol tyurkoyazychnykh bolgarskikh plemen v istorii Evropyi*. Abstract of kandidat. diss. Kazan, 2013, 27 p.
42. Minorskiy V. F. *Istoriya Shirvana i Derbenta X–XI vv.* Moskow, Vostochnaia literatura Publ., 1963, 265 p.
43. Miheev V. K. Severo-Zapadnaya okraina Hazarii v svete novykh arheologicheskikh otkrytiy. *Hazarskiy Almanah*, Kiev, Harkov, 2004, T. 3, pp. 74–93.
44. Naumenko V. E. K voprosu o vremeni i obstoystelstvakh obrazovaniya Hazarskogo kaganata. *Hazarskiy almanah*, Harkov, Moskow, 2003, T. 2, pp. 52–76.
45. Novoseltsev A. P. *Hazarskoe gosudarstvo i ego rol v istorii Vostochnoy Evropyi i Kavkaza*. Moskow, Nauka Publ., 1990, 264 p.
46. Novoseltsev A. P. K voprosu ob odnom iz drevneyshikh titulov russkogo knyazyia. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropyi. 1998 g. Pamyati chl.-kor. RAN A. P. Novoseltseva*. Moskow, Vostochnaia literatura Publ., 2000, pp. 367–379.
47. Patkanov K. Iz novogo spiska geografii, pripisyivaemoy Moiseyu Horenskomu. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosvescheniya*, 1883, Part CCXXV, pp. 21–32.
48. Petruhin V. Ya. K voprosu o sakralnom statuse hazarskogo kagana: traditsiya i realnost. *Slavyane i ih sosedi. Slavyane i kochevoy mir*; Moskow, 2001, Vol. 10, pp. 73–78.
49. Pigulevskaya N. V. *Siriyskie istochniki po istorii narodov SSSR*. Moskow, 1941, 171 p.
50. Podosinov A. V. Kartograficheskiy printsip v strukture geograficheskikh opisaniy drevnosti (postanovka problemy). *Metodika izucheniya drevneyshikh istochnikov po istorii narodov SSSR*. Moskow, Nauka Publ., 1978, pp. 22–45.
51. Prihodnyuk O. M. *Stepove naselennyya Ukraini ta shidni slov'yani (druga polovina I tis. n.e.)*. Kiev; Chernivtsi: Prut Publ., 2001, 284 p.
52. Prihodnyuk O. M. Vostochnyye slavyane i stepnoy mir v period stanovleniya Hazarskogo kaganata. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2002, T. 1, pp. 125–130.

53. Prokopyi iz Kesarii. *Voyna s gotami*. Per. S. P. Kondrateva. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950. 515 p.
54. *Puteshestvie Abu Hamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentralnuyu Evropu (1131–1153 gg.)*. Per. s arabsk., vstup. statya i primech. O. G. Bolshakova; istor. komment. A. L. Mongayta. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1971, 135 p.
55. *Rodnik zlatostruynyiy: Pamyatniki bolgarskoy literatury IX–XVIII vv.*: Sb. Per. I. Kaliganova, D. Polyivyannogo. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, 527 p.
56. Sedov V. V. *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.*: Arkheologiya SSSR s drevneishikh vremen do srednevekov'ia v 20-ti t. Moscow, Nauka Publ., 1982, 337 p.
57. Semenov I. G. Geografiya sobstvenno Hazarii i vopros o poiskah iudeysko-hazarskikh pamyatnikov. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2009, T. 8, pp. 289–314.
58. Semenov I. G. K rekonstruktsii voenno-politicheskoy i etnicheskoy strukturyi rannego Hazarskogo kaganata. *Hazaryi: mifi i istoriya*. Moscow, Ierusalim, 2010, pp. 66–76.
59. Stepanov Ts. Religiya ili religii na (pra) b'lgarite: fakti i torii. *Istoriyata, istinata, istorik. Materiali ot nauchnata konferentsiya «Dvizhenie na ideite i izsledovaniyata v' rhu b'lgarskoto v'zrazhdane i istoriya na kulturata»*. Sofiya, 2012, pp. 65–68.
60. Tabaldiev K. Sh., Hudyakov Yu. S. Drevnetyurkskie pominalnyie pamyatniki na Tyan-Shane (po materialam issledovaniy Naryinskogo otryada). *Pamyatniki drevnetyurkskoy kulturyi v Sayano-Altai i Tsentralnoy Azii*. Novosibirsk, 2000, pp. 65–85.
61. Tortika A. A. Dinasticheskie braki kak element vneshney i vnutrenney politiki Hazarskogo gosudarstva. *Shidniy Svit*, Kiev, 2005, N 1, pp. 90–106.
62. Tortika A. A. *Severo-Zapadnaya Hazariya v kontekste istorii Vostochnoy Evropyi (vtoraya polovina VII – tretaya chetvert' X vv.)*. Harkov, Khar'kovskaia gosudarstvennaia akademiia kul'tury Publ., 2006, 553 p.
63. Trifonov Yu. I. Ob etnicheskoy prinadlezhnosti pogrebeniy s kon'om drevnetyurkskogo vremeni (v svyazi s voprosom o strukture pogrebalnogo obryada tyurkov-tugyu). *Tyurkologicheskiiy Sbornik 1972*. Moscow, 1973, pp. 351–374.
64. Flerova V. E. Problemyi issledovaniya yamnyih i kurgannyih mogilnikov hazarskogo vremeni na Nizhnem Donu. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2002, T. 1, pp. 169–188.
65. Tsukerman K. Hazaryi i Vizantiya: pervyye kontaktyi. *Materialyi po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2001, Vol. VIII, pp. 312–333.
66. Chichurov I. S. *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya: «Hronografiya» Feofana, «Breviariy» Nikifora*. Teksty, per., komment. Moscow, Nauka Publ., 1980, 215 p.
67. Chobanov T. Ezicheskite hramove na Dunavska B'lgariya. *Drevnite b'lgari – diskusiyata prod'zhava*. 2014, pp. 366–390.
68. Shramm G. *Reki Severnogo Prichernomor'ya: Istoriko-filologicheskoe issledovanie ih nazvaniy v rannih vekah*. Moscow, Eastern Communications Publ., 1997, 155 p.
69. Dunlop D. M. *The History of the Jewish Khazars*. Princeton; New Jersey, 1954, 293 p.
70. Golden P. B. *Khazar Studies*. Budapest, 1980, Vol. 1, 291 p.

А. А. Тортика

Политические центры Хазарского каганата и территория расселения этнических хазар на ранних этапах его истории (середина VII – начало VIII вв.)

Резюме

Анализируется комплекс сообщений раннесредневековых авторов о ранней истории Хазарского каганата конца VII – середины VIII вв. Результаты изучения письменной традиции сравниваются с выводами археологов. Отмечено, что в ранний период хазарской экспансии степи Днепро-Донского междуречья были заняты военизированным кочевым населением. На его тюркскую этническую принадлежность указывают черты погребальной обрядности памятников перещепинского типа. Вероятно, это была группа тюрков, оставшаяся в Восточной Европе после крушения Западного каганата.

Они – часть хазарского объединения и воспринимаются соседями как хазары.

Собственно хазары обитают в районе Северо-Западного Прикаспия, между Волгой и Дагестаном. Здесь сосредоточены их основные людские ресурсы, отсюда они совершают набеги на Закавказье, здесь формируется ядро хазарского объединения.

Связь болгар с тюрками также могла быть не менее тесной, чем связь тюрок и хазар. Тюркский облик поминальных памятников кочевой знати и рядовых погребений в Поднепровье не исключает существования в составе этого конгломерата болгарских кочевых подразделений.

Ключевые слова: территория, географические представления, этногенез, кочевники, тюрки, аристократия, каганат.

A. A. Tortika

Political Centres of the Khazar Khaganate and the Ethnic Khazar Settlement Area in the Early Stages of Its History (Mid-Seventh to Early Eighth Centuries)

Summary

This article analyses the complex of early mediaeval writers' accounts on the early history of the Khazar khaganate from the mid-seventh to the early eighth century. The results of the study of this written tradition have been compared with the conclusions drawn by archaeologists. It is pointed out that, in the early period of the Khazar expansion, the steppe between the Dnieper and the Don was occupied by war-loving nomadic population. The features of funeral ritualism of the Pereshchepino type indicates the Turkic ethnicity of the said population. There probably was a group of Turks who stayed in Eastern Europe after the fall of the Western khaganate. They formed a part of the Khazar union, perceived by neighbours as the Khazars. The Khazars proper lived in the north-western Caspian Sea area, between the Volga and Dagestan. There was the main concentration of their human resources, thence they started their raids against Transcaucasia, and in this area shaped the core of the Khazar alliance. The connection of the Bulgars and the Turks perhaps was as much close as that between the Turks and the Khazars. The Turkic appearance of funeral monuments of nomadic elite and ordinary burials in the Dnieper area allows the author to consider that the said conglomerate included some Bulgarian nomadic sub-divisions.

Keywords: territory, geographical ideas, ethnogenesis, nomads, Turks, elite, khaganate.

Н. И. ХРАПУНОВ, Н. В. ГИНЬКУТ

КРЫМ В 1784 г. ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА БАРОНА ДЕ БАРА¹

Среди многочисленных записок путешественников, побывавших в Крыму вскоре после присоединения его к России, выделяется сочинение француза Шарля де Бара. Ему удалось собрать любопытные и подробные сведения о самых разных аспектах бытования полуострова, от археологии до военного дела [75, р. 17–36]. Поездка в Крым была лишь частью его длительного путешествия по России, описанного в книге. Современники сразу оценили информативность записок де Бара, потому в том же году был издан их немецкий перевод [76]. Однако сочинение это осталось практически неизвестно историографии. К тому же, на его титульном листе отсутствовало имя автора. Записки де Бара были опубликованы уже после Французской революции, когда у него появились основания опасаться не только за свою жизнь, но и за судьбу всей страны [см.: 74, р. 2]. В результате известный путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере, исследовавший Крым в 30-х гг. XIX в. и читавший сочинение де Бара, назвал автора «анонимом 1784 г.» [85, р. 292]. В знаменитом указателе сочинений о Крыме А. И. Маркевича приведено название не французского сочинения де Бара, а всего сборника, где оно опубликовано, без имени путешественника [31, с. 159–160, № 2773]. Впоследствии исследователю удалось определить имя путешественника. В дополнительном выпуске своего указателя он указал де Бара как автора немецкого перевода путевых записок, сделав также отсылку к французскому оригиналу [33, с. 61, № 9506]. Зато современный украинский исследователь Д. Налывайко превратил сочинение де Бара в два разных источника. Немецкий перевод он определил как сочинение «неизвестного французского аристократа», а французское издание – как творчество человека, «который скрыл свое имя под псевдонимом Бэр» [42, с. 452, 485–487]. Следует отметить, что крымская часть сочинения де Бара до сих пор не была предметом научного изучения, а сборник, в котором опубликованы записки де Бара, ныне стал библиографической редкостью. Эти обстоятельства и стали побудительным мотивом для настоящей работы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783-1825».

Барон Шарль-Александр-Бальгазар-Франсуа де Поль де Бар² дю Оллан (Charles Alexandre Balthazar François de Paule de Baert du Hollant) родился в 1750 или 1751 г. в знатной семье, проживавшей на севере Франции³. В юности он учился в иезуитском коллегииуме, а в 1769 г. поступил в армию. В 1778–1784 гг. молодой человек по неясным причинам оставил службу и начал беспрецедентное путешествие по Европе. Обстоятельства, побудившие его предпринять многолетнюю поездку, в ходе которой он посетил Италию, Швейцарию, Венгрию, Трансильванию, Силезию, Пруссию, Польшу, Россию, Финляндию, Швецию и Данию, не вполне ясны. Возможно, будучи богатым человеком, он мог себе позволить ездить просто из любопытства. В пользу этого предположения говорит то, что в 1787 г. он отправился в Ирландию, в 1788 г. – в Англию, а в 1788–1789 гг. путешествовал по Испании и Португалии. Принадлежавший к числу французской аристократии, де Бар не только обладал кругом знакомых в высшем свете Франции, но и успешно заводил новые контакты в других странах. Среди них были не только французские дипломаты и представители высшего света других стран, но и царственные особы, в том числе прусский король Фридрих II, король Польши Станислав Понятовский и наследник российского престола Павел Петрович. Это, несомненно, облегчало ему путешествие и сбор информации.

Революционные события во Франции в 1789 г. побудили де Бара вернуться в Париж. Он даже стал депутатом Национального собрания. Однако начавшийся вскоре революционный террор заставил де Бара, придерживавшегося роялистских взглядов, в 1792 г. покинуть Родину и укрыться в североамериканских Соединенных Штатах. Только после переворота 9 термидора и разгрома наиболее радикальных революционеров де Бар в 1794 г. смог вернуться, однако он предпочел на двадцать лет забыть об участии в политической жизни. Вместо этого он подготовил к печати свои записки о других странах. В 1798 г. выходят отрывки из его путешествий по России от Киева через Крым, Предкавказье и Астрахань до Казани [75; 76], а в 1800 г. – записки о посещении Англии, Ирландии и Гибралтара [77]. По-видимому, автор не хотел привлекать внимания к своей фигуре, потому первое сочинение издано анонимно. На титульном листе второго имя автора также отсутствует, оно появляется лишь под авторским предисловием к тексту.

В 1804 г. де Бар женился на мадмуазель де Монбуассье, внучке знаменитого французского политика Кретьена-Гийома де Мальзерба (1721–1794), бывшего адвокатом на суде над Людовиком XVI, впоследствии также казненного революционерами вместе с дочерью и зятем. Только после падения Наполеона и реставрации Бурбонов де Бар решает вернуться в политику. В 1815 г. его избирают депутатом палаты депутатов (нижней палаты французского парламента). Но уже через год палата была распущена, и более де Бар в парламент не переизбирался. Он вернулся в свое поместье и продолжил жить как частное лицо вплоть до самой смерти 23 марта 1825 г.

Большая часть записок де Бара о России не опубликована – рукопись хранится в частной

² Написание фамилии дается в соответствии с правилами передачи иностранных имен в русском языке [13, с. 247], хотя в русской историографии встречается вариант «де Баер» [21], а в украинской – «Баер», что произносится как *Баэр* [42, с. 485–487].

³ Биография де Бара вкратце изложена в: [78, р. 17–18], более подробно в: [79, р. 371–373; русский перевод: 21, с. 161–164]. Заметим, что в ней остается немало белых пятен и, в частности, собранные биографами сведения иногда противоречат друг другу и обрывочной информации, встречающей в тексте записок де Бара.

коллекции [79, р. 373–374; 21, с. 164]. К счастью, именно крымский фрагмент был, как уже сказано, издан в конце XVIII в. По существу, перед нами не сделанные в пути заметки, но попытка аналитического описания Крымского полуострова, напоминающая сочинения Иоганна-Эриха Тунманна [64], Жана-Александра Шаретта де ля Колиньера [72] или Жана Рёйи [100]. В этом и заключается ценность записок де Бара, представляющих весьма информированную оценку состояния Крыма через год после его присоединения к России. На полуострове француз побывал весной 1784 г. [79, р. 374; 21, с. 165].

Публикуя результаты своих наблюдений, де Бар отказался от традиционной для жанра путевых записок, или травелога, структуры, когда текст следует за физическим перемещением автора в пространстве, представляя собой в той или иной степени беллетризованный дневник. В данном случае мы имеем набор отдельных статей, посвященных различным сторонам крымской жизни. Их последовательность, по-видимому, отразила маршрут де Бара, но и только. Каждая из главок вполне самостоятельна, причем автор сделал все, чтобы убрать свое субъективное присутствие со страниц травелога. Из этого следует, что, какими бы ни были сделанные в пути заметки, автор основательно переработал их уже после возвращения из поездки. Основой сведений, собранных де Баром, были результаты его личных наблюдений, а также бесед с высокопоставленными российскими чиновниками и военными. Он слышал какие-то местные предания, в частности о том, что в случае пресечения османской династии право на престол перейдет к крымским правителям из семьи Гиреев [75, р. 32; 9, с. 387, прим. 102]. Судя по фрагменту о присоединении Крыма, француз был знаком с соответствующим манифестом Екатерины II, или, по крайней мере, с мотивировочной частью документа [75, р. 35; ср.: ПСЗРИ, т. XXI, № 15708, с. 897–898]. Несомненно, в его распоряжении были и публикации, в частности, материалы по античным и средневековым древностям полуострова, и особенно – истории Крымского ханства. Но что это были за сочинения – труды Жозефа де Гиня? Пьера-Шарля Левека? Виченцо Формалеони? Клода-Шарля де Пейссонеля? Читал ли их де Бар в процессе подготовки к путешествию, брал ли их с собой, или же ознакомился с ними уже после возвращения во Францию? Увы, эти вопросы не имеют пока ответов.

Де Бар весьма подробно и по существу говорил о географии Крымского полуострова и его отдельных частей, о почвах, флоре и других ресурсах, пригодных для эксплуатации, о прошлом полуострова и археологических памятниках («пещерные города» юго-западного Крыма, древние постройки Кафы, дворец крымских ханов в Бахчисарае), детально рассказал о присоединении Крыма к России. Ему удалось собрать сведения о населении полуострова, его численности, этнической структуре и динамике, об основных городах и традиционных отраслях хозяйства, о почвах, лесах и других природных ресурсах, пригодных для эксплуатации. Путешественник размышлял о возможностях для развития экономики Крыма, о существующей внутренней и внешней торговле и показывал французскому правительству, какие заманчивые перспективы сулит развитие торговли с Россией через южные порты.

По мнению де Бара, в Европе недооценивали военно-стратегическую роль Крыма. Он описал фортификационные сооружения на Перекопском перешейке, защищавшие полуостров от нападения с севера. Путешественник рассказал о крепостях Керчь и Ени-Кале в восточном Крыму и об особенностях плавания через Керченский пролив, обеспечивавший доступ в Азовское море и далее, по Дону, к внутренним районам Российской империи. Он хорошо понимал значение Севастополя как базы Черноморского флота, откуда можно было в кратчайшие сроки перебросить десант под стены Константинополя, поставив под угрозу само существование Османской империи. В связи с этим де Бар собрал подробные данные

о размещенных в Крыму и на юге современной Украины контингентах российской армии, включая состав подразделений и поименный список возглавляющих их генералов. Но не стоит думать, что де Бару присуща была какая-то редкая пронизательность, несвойственная его современникам-путешественникам. Так, военно-стратегическое значение Крыма и торгово-экономические перспективы, открывавшиеся перед Россией в результате его завоевания, оценил и известный британец Джон-Глен Кинг (1732–1787), несколько лет прослуживший капелланом английской фактории в Петербурге. Его оценки близки выводам француза [91, S. 99–122].

Де Бар размышлял о так называемом «греческом проекте» Екатерины II и тех угрозах, которые он может нанести интересам Франции. Путешественник предположил, что императрица не собиралась останавливаться на покорении Крыма и лелеяла планы разгромить Османскую империю и учредить на ее месте союзное России государство. Он прекрасно понял, что хотела сказать Екатерина, обнаружив идеологическую «грекофильскую» программу, и, в частности, дав своему второму внуку имя Константин, окружив его греками и выпустив своеобразные памятные медали в честь событий недавней истории. Создание военного порта в Севастополе и усиленную армейскую группировку в Крыму де Бар расценил как подготовку к нападению на Османскую империю. По его мнению, Франция недооценивала как амбиции России, так и ее военный потенциал.

В связи с этим трудно удержаться от предположения, что де Бар собирал информацию не только для себя, но и для французского правительства. Заметим, что де Бару принадлежат и мемуары о российских финансах и торговле, также относящиеся к числу сведений «стратегического характера». Этот документ, извлеченный из неопубликованной части его путевых записок, издан не так давно [79, р. 383–391; русский перевод: 21, с. 178–188]. Во введении же к первому своему сочинению де Бар называет своих покровителей – «великого князя», то есть наследника престола Павла Петровича, и князя Григория Александровича Потемкина [75, р. 2]. Потому высказывается мнение, что его поездка на юг была инициирована всесильным наместником Новороссийского края [79, р. 375; 21, с. 166], очевидно, заинтересованным в популяризации своих начинаний среди образованной, особенно европейской, публики. Однако это не могло помешать путешественнику выполнять и другие функции или иметь собственное мнение. Как уже отмечалось, далеко не все написанное им было лестно для России [79, р. 375–383; 21, с. 166–177]. Следует иметь в виду, что история французского шпионажа в России во второй половине XVIII – начале XIX в. чрезвычайно богата [59], причем среди шпионов и осведомителей были и путешественники. Через два года после де Бара в Крым прибыл его соотечественник Жильбер Ромм, успешно совмещавший роли воспитателя знатного юноши, Павла Александровича Строганова (1772–1817), и осведомителя французского правительства [72, с. 215–218]. А в 1803 г. полуостров посетил еще один француз, Жан Рёйи, оставивший прелюбопытные записки, посвященные Наполеону [100], на основании которых его также подозревали в шпионаже [89, р. 106]. В эпоху, когда профессиональные шпионы являлись скорее исключением, чем правилом, такая «многопрофильность» путешественника не была чем-то необычным. Впрочем, это всего лишь предположение, основанное на специфике собранной де Баром информации.

Отметим и еще одно обстоятельство. Дипломатические и секретные службы Франции в принципе считали записки путешественников важнейшим источником информации. Не случайно в Париже изучали известия о Причерноморье, опубликованные в книгах Клода-Шарля де Пейссоннеля (1727–1790) и барона Антуана де Сен-Жозефа (1749–1826) [70, с. 279].

В Петербурге французский резидент Шаретт де ла Колиньер поспешно организует перевод на французский «Физического описание Таврической области» Карла Ивановича Габлица (1752–1821), который должен был быть срочно отправлен во Францию, и, завербовав самого автора, получает от него дополнительные, неопубликованные и конфиденциальные сведения [72, с. 206–214]. Ценная информация, собранная де Баром, вероятно, стала бы предметом пристального изучения на родине, будь его записки изданы сразу после возвращения автора из европейского турне, до того, как Францию захлестнула стихия Революции.

Рассказ де Бара о посещении Крыма имеет смысл рассматривать в контексте франко-русских отношений, ведь из слов путешественника ясно, что он мыслил как французский патриот, заинтересованный во благе Родины. Вопреки мнению барона, правительство французского короля Людовика XVI внимательно следило за событиями, разворачивавшимися в Причерноморье. Осознавая стратегическое значение Крымского полуострова, оно имело все основания опасаться того, что возможная война с Россией окончательно разрушит Османскую империю, чего французы допускать не желали. Эпоха Людовика XV, когда они с удовольствием провоцировали конфликт между Петербургом и Оттоманской Портой, давно ушла в прошлое. Забыты были настойчивые призывы Вольтера к Екатерине поскорее изгнать турок из Европы [см.: 46; 47]. Теперь Франция не могла и не хотела вступать в противоборство с Россией, желая, наоборот, поддерживать с ней дружественные отношения, при этом дорожа и интересами в Турции, бывшей традиционным союзником Франции. Поэтому французская дипломатия пыталась играть роль «посредника» Петербурга и Константинополя, пусть даже ценой значительных уступок со стороны последнего. В условиях, когда разгром, а возможно и окончательное расчленение Османской империи в случае войны с Россией представлялись делом едва ли не неизбежным, французская дипломатия предпочла надавить на султанское правительство, побуждая его смириться с аннексией Крыма, рассматривая это как «умиротворение» России, имевшее цель не дать Екатерине повод объявить войну [70, с. 149–239]. Однако Россия еще в конце 1782 г. отказалась от «греческого проекта» (или, по крайней мере, отложила его), не найдя поддержки со стороны Австрии, а в одиночку над его осуществлением нечего было и думать [70, с. 207–208, 237; 27, с. 616–617]. Естественно, эти соображения, равно как и понимание критического состояния французских финансов, значительно ограничивающего внешнеполитические возможности страны, были скрыты от общества, и потому французская политика могла казаться де Бару сочетанием попустительства и непредусмотрительности.

Размышляя о блестящих возможностях, которые сулит Франции установление торговых отношений с югом России [75, р. 24–25], де Бар был отнюдь не оригинален. Французские дипломаты и торговцы ясно осознавали эту перспективу. Не случайно во французских архивах хранится большое количество документов, анализирующих выгоды торговли с Россией по «южному пути» и представленных на рассмотрение министерства иностранных дел – и это помимо нескольких опубликованных трактатов [70, с. 273–279; 72, с. 203]. В конце концов, усилия этих лиц оказались не напрасны, и в 1787 г. Франция и Россия заключили торговый договор, в котором, помимо всего прочего, оговаривались льготные условия для коммерции в южных портах – там, где де Бар видел выгоды для Франции, Потемкин усмотрел перспективы для Новороссийского края [70, с. 282–302].

Интерес де Бара к новому владению России и те силы, которые он потратил на его изучение, вовсе не удивителен. Еще в середине XVIII в. о Крыме было известно очень мало. Вот, например, лаконичная статья из знаменитой «Энциклопедии, или толкового словаря

наук, искусств и ремесел» Дени Дидро и Жана д'Аламбера, вышедшая в 1751 г.:

«КРЫМ (*совр. геогр.*), обширная область в Татарию. Древние знали его под именем *Херсонеса Скифского*, или *Таврического*, или *Киммерийского*, или *Понтийского*, поскольку он выступает в Понт Эвксинский или Черное море, которое ограничивает его на западе, на юге и отчасти на востоке. В этих краях имеются развалины греческих городов и некоторые памятники генуэзцев, все еще существующие посреди запустения и варварства. Его жители – магометане; ими управляет хан, которого мы называем *кат*, назначаемый Оттоманской Портой, которого смещают, по словам г-на Вольтера, если татары на него жалуются, а еще скорее, если он слишком непопулярен» [83, р. 470].

Автором заметки был Луи де Жокур. Заметим, что кое-какие сведения можно отыскать и в других разделах энциклопедии, например, в статьях о Кафе [82, р. 527], Эски-Крыме [83, р. 466] и Татарию [84, р. 926]. Однако напряженная политическая обстановка в Северном Причерноморье во второй половине столетия сделала Крым объектом всеобщего интереса. Отразили его, в частности, немецкие энциклопедические издания – «Большое землеописание» А.-Ф. Бюшинга и «Экономическая энциклопедия» Й.-Г. Крюница, в которых статьи о Крыме занимают уже десятки страниц [64; 92, S. 409–487]. За 15-20 лет после присоединения Крыма к России появились десятки трудов об истории и текущем состоянии полуострова, написанные путешественниками и «кабинетными» исследователями [31; 32; 33], которые удовлетворили любопытство читающей публики. Можно только предполагать, какой ажиотаж вызвали бы записки де Бара, будь они опубликованы сразу после возвращения на родину. Заметим что не только Крым, но и Россия в целом в XVIII в. оставалась для французов страной мифической, о которой ходили самые невероятные слухи [см.: 60]. Спокойный и корректный рассказ де Бара контрастировал с ними своей прозаической интонацией.

Вторая половина XVIII в. – время, когда записки путешественников были, пожалуй, главным источником знаний о дальних странах для образованных европейцев [см.: 8]. Способствовал этому и жанр травелога, несравненно более легкий, чем упомянутые энциклопедии, и доступность изданий путевых записок. На фоне большинства травелогов конца XVIII в., в центре внимания которых находились либо приключения, либо личные переживания авторов, сочинение де Бара выделяется своим аналитическим подходом. В качестве примера сравним его сочинение с записками другого француза, Виктора-Луи-Шарля де Рике (позднее герцога де Карамана, 1762–1839), бывшего его спутником в путешествии по России и Скандинавии, не исключая и Крым. Изданная «крымская» часть сочинения де Карамана [99; ср.: 65] представляет собой обычный путевой дневник, в котором внимание уделяется достопримечательностям, связанным с прошлым полуострова (ханскому дворцу в Бахчисарае, «пещерным городам» в Инкермане и на Мангупе, генуэзским укреплениям Кафы-Феодосии и пр.), но нет фундаментальных наблюдений над географией и населением, экономикой и военным делом, а главное – ролью Крыма в военно-политических устремлениях России, что для де Бара было предметом особого интереса.

Итак, аналитическое сочинение де Бара принадлежало к специфическому жанру, который можно определить как «энциклопедический травелог». Его дальнейшее развитие на крымском материале связано с такими прославленными именами как Петер-Симон Паллас (1741–1811) и Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822), Маттью Гатри (1743–1807) и Жан Рёйи (1780–1810) [см.: 45; 80; 86; 100]. Если бы записки де Бара были изданы сразу после возвращения автора из европейского турне, вероятно, они снискали бы куда более широкое

признание современников благодаря собранным там сведениям. Но этому не суждено было сбыться. Быть может, причина в том, что изданы они были уже после Великой французской революции, когда отношения России и Франции непоправимо испортились, так что ни о каких торговых проектах не могло быть и речи, а стратегическая ситуация в Причерноморье значительно изменилась. Но крымская часть записок де Бара остается примером того, как французы изучали и осмысливали перемены, произошедшие в Северном Причерноморье благодаря активной политике России во второй половине XVIII в., а собранные им сведения по истории, демографии, военному делу и археологии Крыма, думается, небезынтересны для современных исследователей. Именно поэтому мы и предлагаем вниманию читателя русский перевод отрывка из редкого источника.

Для перевода выбрана только та часть сочинения де Бара, где говорится о Крыме [75, р. 17–36]. Перевод его записок – не самая простая задача, как из-за обилия информации, требующей комментариев, так и благодаря языку. По удачному выражению М. Кадо и Ж.-Л. ван Режемортера, француз писал «на языке, недостаточно отшлифованном, непринужденность которого заставляет простить некоторую угловатость» [79, р. 375; 21, с. 166–167]. К тому же, издание 1798 г. имеет своеобразное оформление. В частности, названия отдельных разделов помещены на полях. В переводе они добавлены в основной текст в виде заголовков и выделены **жирным**. В тексте встречаются длинные примечания, которые иногда требуют специальных комментариев. Потому было принято решение перенести их в основной текст, обозначив перед началом цифрой в круглых скобках (1), (2), соответствующей номеру примечания на данной странице, и выделив текст авторского примечания *курсивом*. Имена и географические названия приведены к современному написанию. При первом появлении термина в квадратных скобках указывается его оригинальное написание. В угловых скобках < > указаны номера страниц по оригинальному изданию, помещенные перед соответствующей частью текста, а также слова, отсутствующие в оригинале, и добавленные в русский текст для связности там, где это кажется необходимым. Перенос слов на другую страницу в оригинальном издании обозначен двойной косой чертой //. Комментарии в подстрочных примечаниях принадлежат переводчику. Комментарий появляется тогда, когда исторический персонаж или географический пункт появляются на страницах источника в первый раз. Географические объекты, названия которых не изменились с XVIII в., специально не комментировались, поскольку сведения о них несложно отыскать в соответствующих справочниках. Источником биографических, административных и географических сведений, кроме случаев, оговоренных особо, были справочные издания [1; 28; 53]. Данные о деятелях античной эпохи взяты из «Оксфордского словаря античности» [87], периода Крымского ханства – из монографии В. Д. Смирнова [56].

Записи, извлеченные из дневника поездки, совершенной весной 1784 г. в южную часть России

<17>

Ногайская Татария

От Днепра [Dniepre] до Азовского моря [mer d'Azow] и от Украинской линии⁴ [lignes de

⁴ Речь идет о так называемой «Днепровской линии» крепостей, созданной во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. на границе между Российской империей и Крымским ханством для защиты южнорусских провинций [29, с. 8–26].

l'Ukraine] (3) <до> Крыма лежит Ногайская Татария⁵ [Tartarie Nogais] – бескрайняя равнина, где не встретишь ни единого холма, ни единого куста. Почва здесь превосходна и покрыта травой и цветами. (3) *Стоит вопрос об отказе от этой линии (укреплений) и о постройке пятнадцати крепостей от Риги [Riga] до Кафы⁶ [Caffa].* Ногайские и крымские татары⁷ со своими бесчисленными стадами скота ставили тут свои лагеря; но, как сказал мне комендант Перекопа⁸, с тех пор как русские овладели этими краями, увидеть их <т. е. татар> здесь можно очень редко⁹.

Крым

Крым – это полуостров диаметром около пятидесяти льё¹⁰, который соединен с материком только Перекопским перешейком [isthme de Pécop] и окружен Черным морем и Азовским морем; расположенная поблизости коса образует на востоке большой вытянутый залив, который сообщается с Азовским морем близ Геническа [Enizi], небольшой крепости на материке¹¹. Через этот залив, глубина которого не превышает <р. 18> трех футов¹², и который

⁵ В соответствии с традицией, восходящей к средневековой эпохе, писатели XVIII в. обычно добавляли в этноним «татарь» букву *r* (фр. *les Tartares*, англ. *the Tartars*, в отличие от современного *Tatars*); название страны писалось как *Tartarie*, *Tartary*, «Тартария». Тем самым проводилась параллель с Тартаром, или преисподней древнегреческих мифов. Корни этого лежат, конечно, в ужасе перед монгольским нашествием, охватившем Европу за пять столетий до той поры.

⁶ Кафа (Каффа) – название средневекового (генуэзского) города в восточном Крыму, на месте которого прежде находилась античная Феодосия. В османское время его название производилось и писалось как Кефе. После присоединения к России город вновь переименовали в Феодосию, но прежнее имя также оставалось в ходу.

⁷ Крымские татары делятся на три этнографические группы – южнобережную, горную (де Бар объединяет их под именем «крымских») и степную, или ногаев (ногайцев). Последние были потомками ногайской орды, переселившейся с востока в XV–XVI вв., и жили в степях Крыма и Северного Причерноморья [104, р. 22–30, 57–67, 88–102].

⁸ То есть укреплений на Перекопском перешейке, соединяющем Крым с материком, более подробно описанных ниже.

⁹ После ликвидации Крымского ханства начинается эмиграция крымских татар в Османскую империю, однако поначалу ее размеры, вопреки мнению де Бара, были не очень велики. Считается, что к 1787 г. выехало ок. 8000 человек, тогда как в 1783 г. в Крыму было около 200 000 жителей, и еще примерно столько же ногаев кочевало в степях северной части полуострова и за его пределами [35, с. 377–380].

¹⁰ Льё – старинная французская мера длины. Вероятно, имеется в виду сухопутное льё (4445 м); были также почтовое (3898) и морское (5556) льё.

¹¹ Речь идет об Арабатской стрелке – косе в северо-восточной части Крымского полуострова между Азовским морем и заливом Сиваш, которые соединяются Геническим проливом в ее северной части. Современный Геническ (в османское время Йениче или Дженишке) – город районного значения в Херсонской области Украины. Находившийся на его месте замок, принадлежавший Крымскому ханству, описывает османский путешественник второй половины XVII в. Эвлия Челеби [73, с. 150–151, ср.: прим. 381, с. 218].

¹² Фут – мера длины; французский фут равен 32,48 см.

иногда пересыхает летом, вошли в Крым маршал Ласси [maréchal Lascy] в 1738 г.¹³ и князь Долгоруков [prince Dolgorouchy] в последнюю войну, пока всех татар отвлекла ложная атака у Перекопа¹⁴.

Перекопская линия¹⁵ [Lignes de Pérécop]

Перекопский перешеек в семь верст¹⁶ [werstes] длиной защищают укрепления, которые очень давно соорудили татары, планы и профили которых можно отыскать в превосходных воспоминаниях Манштейна [Manstein] о России¹⁷; она образована очень большим валом в двадцать восемь футов высоты, рвом в двенадцать туазов¹⁸ ширины и семь глубины, шестью башнями и крепостью Ор [Or], которую называют фортом Перекоп, именем, которое обозначает всего лишь <Перекопскую> линию. Проблема в том, что <крепостной> скат [talus] во многих местах обрушился.

Ор

Крепость Ор находится у единственных ворот, через которые попадают в Крым; это квадрат, окруженный зубчатой стеной с четырьмя башнями по углам и небольшим угловым ретраншементом. Внутри нет ничего, кроме нескольких жалких бараков, где живут русский комендант и несколько солдат. В последнюю войну¹⁹ русские захватили тут много бронзовых пушек.

Равнина

Этот полуостров тянется до Балаклавы [Balaklava], которая является самой южной его точкой, где проходит сорок пятый градус <северной широты>, а на востоке имеет большой выступ, который образует Таманский пролив [détroit de Taman]. Эти края, от Перекопа до самого Карасубазара²⁰ [Karasbazar], представляют собой одну лишь голую равнину, занимающую более двух третей всей площади <полуострова>. Она почти совсем не заселена, еще менее

¹³ Русский генерал-фельдмаршал ирландского происхождения Петр Петрович Ласси (1678–1751) в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. дважды совершил походы в Крым, переправившись через Сиваш, берега которого не были укреплены. Первый поход (1737 г.) был куда более успешен – русские разгромили войско крымского хана, проникли во внутренние районы полуострова и сожгли крупный город Карасубазар (совр. Белогорск). Во втором походе (1738 г.) Ласси ограничился разрушением Перекопской крепости на севере полуострова [57, стлб. 1365, 1379–1380].

¹⁴ Генерал-аншеф князь Василий Михайлович Долгоруков (1722–1782) возглавлял поход в Крым в 1771 г., во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Однако, вопреки словам де Бара, в этот раз русская армия прошла через Перекопский перешеек, захватив имевшиеся там укрепления, и после этого заняла весь Крым. Полководец был осыпан наградами, получив, в частности, титул «Крымского» [58, стлб. 737].

¹⁵ В эпоху Крымского ханства в северной части Перекопского перешейка существовала система укреплений, которая должна была защищать Крым от набегов с севера. Центром обороны была крепость Ор или Ор-Капу, на месте которой сейчас находится село Перекоп [17, с. 39–83]. Эти укрепления и называли «Перекопской линией».

¹⁶ Верста – старинная русская мера длины, равная 1066,8 м.

¹⁷ Христофор-Герман фон Манштейн (1711–1757), сын выходца из Швеции, служил в русской армии и, в частности, участвовал в походе фельдмаршала Христофора Антоновича Миниха (см. прим. 59) на Крым в 1736 г. Затем перешел на службу в прусскую армию [14, с. 361–378]. Его воспоминания [94] переведены на разные языки, однако в ряде изданий, включая русское [30], чертежи перекопских укреплений не воспроизводятся.

¹⁸ Туаз – старинная французская мера длины, равная шести футам, или 1,949 м.

¹⁹ То есть русско-турецкую, 1768–1774 гг. (ср. прим. 14).

²⁰ Ныне г. Белогорск, районный центр Республики Крым, находится в центральной части полуострова.

обработана, да и вряд ли это возможно из-за полного отсутствия воды. Здесь выкопано несколько колодцев, у которых находятся немногие встречающиеся там жилища, также как и у Салгира [Salgio], крохотной речушки, протекающей в сотне верст от <Перекопской> линии. Близ Перекопа есть <р. 19> несколько соленых озер. Почва здесь хороша и покрыта пастбищами. Татары (Tartares) иногда разбивают здесь лагерь, но, как правило, предпочитают равнину за <Перекопской> линией, которая и богаче, и лучше.

Горы

Горы занимают юг Крыма и заканчиваются у Кафы и близ Карасубазара; это самая лучшая и единственная населенная его часть, да и, пожалуй, единственная пригодная для жизни. Здесь есть красивые долины, весьма плодородные, орошаемые скорее веселыми ручьями, чем реками; поэтому воды в них не очень много, и нет никаких оснований надеяться на то, что ее можно будет использовать для орошения равнины. (1) *В Крыму я видел очень простые водяные мельницы; вода подается на небольшие лопасти, размещенные горизонтально вокруг оси, на вершине которой находится жернов: чтобы заставить их вращаться, достаточно небольшого количества воды.* В Крыму находятся четыре наиболее значимых города – Бахчисарай [Bachsiseray], Карасубазар, Ак-Мечеть²¹ [Achmetschit] и Кафа, а также довольно большое число небольших селений, расположенных в приятных местах в окружении садов и большим количеством фруктовых деревьев, растущих там без всякого ухода, вперемешку друг с другом.

Большая часть этих гор (2), включая несколько очень высоких, среди которых и Чатырдаг [Chatirdau], голые и дают лишь небольшое количество пастбищ. (2) *В этих горах во многих местах видны остатки генуэзских укреплений и церквей, расположенный на возвышенностях, вид которых весьма живописен*²²; это Мангуп [Mangoup], небольшой еврейский город, где в изобилии производят кожи, *расположенный на вершине очень высокой и очень крутой горы, откуда открывается отличный вид, где сохранились весьма обширные развалины*²³. В других местах, прежде всего в Инкермане [Inkerman], в оконечности Ахтиарской гавани²⁴ [rade d'Actiar] и на Эски-Кермене [Iskikerman] – *одинокой горе, доступной лишь с одной стороны, где дорога частично вырублена в скале, // имеется огромное количество каверн [excavations], которые, кажется, служили жилищами. В Инкермане большинство наружных стен обрушилась от ветхости; видны часовни и иконы [madonnes] с надписями,*

²¹ На полуострове было несколько населенных пунктов под названием Ак-Мечеть. В данном случае имеется в виду селение в центральном Крыму, близ которого в 1784 г. был заложен город Симферополь.

²² Де Бар имеет в виду так называемые «пещерные города» и «пещерные монастыри» юго-западного Крыма. Путешественники XVIII в., как правило, связывали их с генуэзцами, но по современным представлениям большая их часть относится к провинциально-византийской культуре [см.: 40].

²³ На плато Мангуп у с. Ходжа Сала Бахчисарайского района Республики Крым находятся развалины крупнейшего укрепленного поселения в юго-западном Крыму, существовавшего в VI–XVIII вв. Упадок некогда цветущего города начался после того, как в 1475 г. его штурмом взяла османская армия. Во времена де Бара единственными жителями города оставались караимы – этноконфессиональная группа, представители которой говорят на тюркском языке и исповедуют особую разновидность иудаизма, почитая только Ветхий завет и отвергая свод его токований, Талмуд. Одним из их занятий была выделка кож [12, с. 97–111; 40, с. 120–144; 23, с. 91–106, 129–138].

²⁴ То есть современной Севастопольской бухты.

как кажется, славянскими. К ним поднимаются по лестницам, высеченным в толще скалы²⁵. На Эски-Кермене видны оставленные повозками колеи, большие часовни [chapelles], сильно сложенные, оригинальные своды которых поддерживают колонны; пещеры, наполненные костями людей, перерезанных, как говорят татары, при завоевании города, чем они весьма похваляются; а в другой каверне имеется небольшое, но достаточно глубокое озеро. Весь этот город покрывают кустарники. Когда были выкопаны эти жилища и почему затратили столько труда вместо того, чтобы построить дома из камня, которого так много в этом месте, трудно будет определить²⁶. Те <горы>, что идут вдоль моря <р. 20> между Балаклавой и Кафой, довольно хорошо покрыты лесом; здесь даже есть сосновые леса и деревья, пригодное для строительства <кораблей> (1), но их заготовка станет весьма сложным делом. (1) В этом меня уверили русские, а также капитан торгового судна из Ла-Сьоты²⁷ [la Ciotat], которого хан (кан) принял к себе на службу, командовать фрегатом, который он собирался построить, и тот по его поручению объехал эти леса. Предполагается, что в окрестностях Судака [Sudac] есть известное количество виноградных лоз – главным образом, в низинах. Там делают белое вино – достаточно слабое²⁸, но вполне приятное. Князь Потемкин [Potemkin] привез туда одного француза, чтобы попробовать улучшить его качество²⁹. Все морские берега в этом краю оцетинилось голыми отвесными скалами, мрачными и живописными на вид. Горы эти можно успешно возделывать, но этого не происходит. Татары, будучи чрезмерно ленивыми³⁰, ими пренебрегают; но Крыму не хватает рабочих рук, и не хватает уже давно: Землей торгуют, как сообщил мне один англичанин, г-н Уиллис [Willis], который только что приобрел довольно большое поместье, приблизительно по той же цене, что и в американских пустынях. <р. 21>

²⁵ Близ современного города Инкерман на юго-западе Крымского полуострова, у места впадения р. Черная в Севастопольскую бухту, находится одноименная крепость VI–XVII вв. В склонах утеса, на вершине которого расположен памятник, и в окрестных скалах расположены многочисленные искусственные пещеры, главным образом – остатки средневековых монастырей. Их датировка представляет собой самостоятельную проблему, но ясно, что, несмотря на церковное предание, они вряд ли древнее XIV–XV вв. Надписи, о которых говорит путешественник, по всей вероятности, греческие [см.: 40, с. 68–88].

²⁶ Городище Эски-Кермен расположено к югу от с. Красный Мак Бахчисарайского района Республики Крым. По современным данным, оно существовало в VI–XIV вв. и было разрушено золотоордынцами. Ко времени поездки де Бара об этом памятнике сохранились лишь легенды. На вершину горы, где находился город, действительно ведет высеченная в скале дорога, а в самом городе открыты пещерные церкви. Правда, кости, о которых говорит француз, вероятно, находились в могилах при церквях, потому вряд ли имели отношение к гибели жителей. Упомянутое им «озерцо» (petit lac) – вероятно, осадный колодец, прорубленный с вершины горы до искусственной пещеры с источником у ее подножья [см.: 2; 40, с. 100–118].

²⁷ Портный город на юге Франции, ныне в департаменте Буш-дю-Рон.

²⁸ Речь идет не о малом содержании алкоголя, а о недостаточно выраженном вкусе и аромате. Эту особенность судакских вин отмечали и другие путешественники [52, с. 46; 88, р. 255; 19, с. 100]. Полагали, что причина заключалась в чрезмерном поливе виноградников [45, с. 169–170].

²⁹ Это был Жозеф Банк (ок. 1750 – после 1793), который в 1784–1787 гг. исполнял должность директора казенных садов в Крыму, а также управлял частными садами [34, с. 3–4; 67, с. 46–63].

³⁰ Рассуждения о праздности крымских татар были популярным мотивом в записках иностранцев конца XVIII – начала XIX в. и в русской общественной мысли [68, с. 466–467], но на практике это означало, скорее, нежелание местного населения воспринимать передовые аграрные технологии и заводить интенсивное товарное хозяйство, ориентированные на рынок.

Бахчисарай

Бахчисарай, столица Крыма, постоянная резиденция ханов, находится в окружении гор, в очень узкой долине, на востоке стиснутой гольми скалами. Этот очень длинный город, через который протекает маленькая речка, построен крайне нерегулярно; дома, большей части глинобитные, – низкие, маленькие и не имеют никакого вида. Здесь есть много мечетей, бань и гробниц, построенных из кирпича. Со всех сторон его окружают кладбища. Ханский дворец – не бог весть что³¹; единственные пристойные в нем сооружения – гробницы, и среди них одна, построенная Шагин-Гиреем³² [Sahim-Gherei] для своих жен: они восьмиугольной формы, увенчанные куполом. Ханы лежат в деревянных, покрытых черным бархатом гробах, поверх которых – зеленые тюрбаны. Монетный двор – довольно большое здание, а недалеко от города Шагин-Гирей построил каменные казармы и литейный цех.

Ханская мечеть не представляет из себя ничего примечательного; это квадратное здание, довольно большое, <крышу> которого поддерживают два ряда колонн; она украшена лишь несколькими арабскими буквами, написанными на задней стене, и скверной картиной, изображающей ногу Магомета. Посередине этой стены находится ниша, напротив которой молятся, где также имеется несколько арабских букв и лоскут от знамени Магомета. Здесь есть несколько кафедр и несколько балконов. Когда мы вошли, приподняли ковер; мусульмане считают, что ходить по нему в обуви – значит осквернить его; но оставались лежавшие под ним циновки. Сбоку от мечети стоит довольно высокий минарет, увенчанный золотым полумесяцем. Такие минареты представляют собой цилиндрические, очень тонкие башни, с вершины которых имам [iman] призывает народ на молитву.

До начала бедствий, обрушившихся на эти края, <р. 22> в городе этом жило восемь-девять тысяч душ; но сегодня его добрая треть совершенно разорена: дома разрушились, а жившие в них татары погибли или уехали. Здесь делали знаменитые ножи. Крымский губернатор, каймакан³³ [каймакан], живет в ханском дворце; это единственная важная особа, оставшаяся в этих краях; нам удалось повидать его вместе с князем Дашковым³⁴ [d'Askow] (1), который командовал <отрядом> в этих местах. (1) Ему <т. е. каймакану> поручили подготовить план реконструкции Ашламы (Aschlama), загородной резиденции в двух верстах от Бахчисарая,

³¹ Дворец крымских ханов в Бахчисарае представляет собой совокупность нерегулярных построек XVI–XVIII вв., в том числе залы для приемов, жилые и служебные помещения, гарем, сады, внутренний двор, две мечети и ханское кладбище. После присоединения Крыма к России дворец перешел в ведение Министерства внутренних дел [3, с. 7–27; 11, с. 4 сл.].

³² Шагин-Гирей (Шахин Герай, 1745–1787), последний крымский хан, правил в 1772–1783 гг.

³³ Каймакан – глава одного из шести административных округов в Крымском ханстве. После присоединения Крыма к России вместо каймаканств были созданы уезды [1, с. 99, 118], однако правители некоторых округов, по-прежнему называвшиеся «каймаканами», были оставлены на своих постах [6, с. 83]. До 1785 г. бахчисарайским каймаканом был Мегмет-Ага-Касым-Паша-Оглу [28, с. 173]. Де Бар не разобрался в тонкостях, решив, что каймакан был наместником всего Крыма.

³⁴ По-видимому, князь Павел Михайлович Дашков (1863–1807), в описываемое время находившийся на юге России в чине полковника, впоследствии дослужившийся до генерал-лейтенанта, но более известный блеском своей светской жизни.

которая находится в ужаснейшем состоянии³⁵. Императрица намеревалась остановиться в нем во время своей поездки в Крым. Крым-Гирей³⁶ [Krim-Ghèrei] построил его в узком ущелье, зажато между двумя очень высокими скалами, так что места хватает лишь для этого сооружения и его садов. Весьма низкие постройки окружены многочисленными дворами; гарем, или женские покои, находится в самом последнем; сад – это просто лужайка с крытой террасой с кустами роз и большим прудом, посреди которого находится беседка, откуда хан наблюдал за купанием своих жен. Мы заночевали в Ашламе, в гареме, где повстречали одного англичанина, г-на Робинсона [Robinson], который, после того как побывал начальником артиллерии Али-бея [Haly-Bey], стал руководить артиллерией у хана, который не заплатил ему и <тем самым> довел его до крайней нищеты³⁷. Он <каймакан> принял нас в весьма убогом апартаменте, приложив правую руку к сердцу в обычном татарском приветствии, и предложил нам подушки, князю же – дурной деревянный стул, <и всем –> курительные трубки, варенье и кофе. Он продал свое имущество, объявив, что собирается в Мекку [Mesque], не веря, что вернется оттуда в Крым.

Карасубазар

Карасубазар или Карасу [Karasu], названный по маленькой речке, на которой расположен этот город, частью в долине и частью на холме, по размеру не многим превосходит Бахчисарай; построен он <р. 23> примерно также, не имея никаких признаков богатства, хотя это был главный торговый город во внутренних районах Крыма. Дважды в неделю здесь бывала ярмарка, есть <также> множество лавок и базаров, которые, как повсюду на Востоке и в России, собраны в разных местах, а также ханы (hams), крупные постройки из камня, с очень высокими стенами, окружающими двор, где живут чужестранцы³⁸. Хорошая треть этого города совершенно разрушена. Кроме того, здесь живут немногочисленные евреи, армяне и цыгане.

Кафа

Кафа гораздо больше, но здесь остались одни развалины. Этот город, имевший огромное

³⁵ Этот загородный дворец крымских ханов (на территории нынешнего Бахчисарая, в одноименной балке, близ Успенского монастыря), где в описываемое время останавливались знатные гости Бахчисарая [см.: 65, с. 189]. Несмотря на намерения Екатерины II его реконструировать, до нашего времени дворец не сохранился. Взятые из развалин камни пошли на ремонт главной ханской резиденции в Бахчисарае и на строительство путевого дворца для императрицы в Симферополе [36, с. 273–275; 19, с. 277–278].

³⁶ Крым-Гирей (Кырым Герай, 1717–1769) – крымский хан в 1758–1764 и 1768–1769 гг.

³⁷ Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Египте, который был провинцией Османской империи, началась война за независимость под руководством Али-бея аль Кабира (1728–1773) и его соратника Мухаммад-бея Абу аль-Дахаба (1735–1775). Их артиллерией командовали два англичанина – Робинсон и Харви. Восстание потерпело поражение [95, р. 33–34]. Его руководители были выходцами с Кавказа, чем, возможно, и объясняется переход Робинсона на службу к крымскому хану. Последний хан Шахин-Гирей (см. прим. 32) пытался – впрочем неудачно – завести собственную артиллерию [56, с. 193]. Посетивший Крым зимой 1786–1787 гг. венесуэлец Франсиско де Миранда описал в своем дневнике нового знакомого: «...некий г-н Робинсон, англичанин по происхождению, в качестве артиллериста принимавший участие во взятии Мартиники и Гаваны. Он являлся, по словам князя, капитаном британского флота и выслан из Англии за педерастию; служил беям Сирии и Египта, потом в течение семи лет командовал артиллерией крымского хана (Робинсон покинул родину уже 14 лет назад), а в последнее время находится на российской службе. Он производит впечатление здравомыслящего человека...» [39, с. 65].

³⁸ Речь идет о «ханах» – другое название «караван-сараяв», общественных строений в мусульманском мире – гостиниц для путешествующих торговцев.

значение во времена генуэзцев, расположен на морском берегу, образующем здесь большую открытую бухту, и прилегает к голым бесплодным горам; <открывающийся> вид очень хорош. Это большой город почти полностью состоит из глинобитных [зданий], как и все <города> в Крыму и на Востоке, и разделен на три части, имея большое предместье. В его центре и сегодня живут люди, но остальная <часть> заброшена – там жили или греки, которых Россия вывела <из Крыма> в последнюю войну для создания колоний³⁹, или тысяча восемьсот татар, выехавшие после того, как хан покинул Крым. Здесь он <хан> жил в маленьком домишке, принадлежавшем торговцу-армянину, и построил себе средних размеров замок на берегу моря, неподалеку от города⁴⁰. Две достопримечательности Кафы – церковь, где крестился Владимир [Wolodemer], великий князь русский⁴¹, которую турки обратили в мечеть, недурной архитектуры, и бани, кажется, того же самое времени, что и церковь, состоящие из двух больших квадратных залов, увенчанных крытым свинцом куполом, также как и церковь⁴². Этот город окружают стены с большими квадратными башнями, соединяющиеся с древним фортом на холме, который господствует над гаванью. Здесь есть множество генуэзских гербов и надписей. Порт, совершенно ничтожный, посещают немногие турецкие // суда, которые привозят виноград, апельсины и небольшое количество сахара и кофе, а вывозят, среди прочего, большие объемы сливочного масла. <р. 24> В прежние времена черкесы [Circassiens] торговали здесь своими дочерьми и рабами.

Торговля

Генуэзцы отвоевали Кафу в 1226 г. у греков, которые называли ее Феодосией, ныне возвращенным ей именем. Они потеряли ее, вместе со всеми своими владениями в Крыму, в 1472 г. Татары, которые ее тогда захватили, передали ее туркам со всеми их <генуэзцев?> крепостями; Россия же приобрела их по последнему договору. В прошлом торговля Кафы процветала, поскольку город этот был тогда местом, где собирались товары из Персии и Индии, ведь путь вокруг мыса Доброй Надежды еще не был известен. Надежды вернуть

³⁹ Речь идет о переселении христиан из Крыма в район нынешнего Мариуполя, организованном российскими властями в 1788 г. для того, чтобы подорвать экономику и бюджет Крымского ханства [27, с. 604–605].

⁴⁰ Дворец, заложенный в Кафе последним крымским ханом Шагин-Гиреем (см. прим. 32), до нашего времени не сохранился.

⁴¹ Крещение древнерусского князя Владимира, по современным данным, произошло в Херсоне (Херсонесе) в юго-западном Крыму ок. 989 г. [43], но долгое время локализация этого события оставалась не вполне выясненной. Так, польский хронист XVI в. Мацей Стрыйковский, а вслед за ним французский историк второй половины XVIII в. Пьер-Шарль Левек, связали крымский поход Владимира и его крещение с Кафой-Феодосией, откуда эта информация попадает в сочинение Маттью Гатри [102, s. 129; 26, с. 126–128; 86, p. 142–143]. Другой известный путешественник, Павел Иванович Сумароков, по-видимому, попытался отыскать компромиссное решение, потому в его труде Владимир завоевывает Феодосию, но крестится все же в Херсоне [61, с. 67]. Иная интерпретация предложена Василием Никитичем Татищевым, который отождествил Корсунь с Кинбурном, что в устье Днепра [62, с. 407–408]. Причина этих заблуждений в том, что не все авторы нового времени осознавали, что летописная «Корсунь» [см.: 50, с. 49–52] – это византийский город «Χερσών».

⁴² До присоединения Крыма к России в Кафе существовало множество мечетей и несколько бань. Возможно, де Бар говорит о главной соборной мечети Шахзаде-Сулейман-Хан-Джами (построена в начале XVI в., разобрана в XIX в.), которая, правда, прежде не была церковью [22, с. 131]. Сохранилось ее изображение, а также одной из бань – оба сооружения были разрушены русскими властями [63, табл. VII–VIII, с. 397–398].

процветание в это место тщетны; оно сможет стать разве что перевалочным пунктом, вроде тех, что могут устроить русские <на пути> в Азовское море и Днепр, небольшая глубина которых не позволяет входить туда большим судам. Это позволит вывозить по Дону шелка, хлопок и рис из провинций [provinces]⁴³ на побережье Каспийского моря, а по Волге – корабельный лес, сало, железо, меха, зерно и другие товары из Сибири и Казанского ханства [royaume de Casan], особенно если будет построен канал до этой реки, задуманный Петром I⁴⁴.

Тогда большая часть российской торговли будет вестись на Черном море. Франция многого добьется, заняв место Англии и Голландии, <торговля> которых идет почти исключительно через Балтику. Можно было бы найти сбыт для многих своих товаров, которые, будучи в основном предметами роскоши, легко продались бы в южной части империи, почти пустынной и очень богатой; <р. 25> однако же некоторое их количество поднимется <по рекам> до Киева [Kiow] и Казани и оттуда распространится по внутренним провинциям⁴⁵. Кроме того, вкус к такой продукции значительно растет, а эти товары оказались гораздо более ценными, чем те, которые пришлось бы вывозить, так что она <Франция> легко удержит преимущество, которое уже имеет в торговле с Россией, направив ее через Средиземноморье, где имеются все необходимые морские объекты на случай войны, так что можно не опасаться помех со стороны врагов. Торговля же самого Крыма бесконечно мала. *(1) В Крыму есть некоторое количество верблюдов.*

Ахтиарская гавань

Захватив Крым, Россия приобрела, вероятно, наилучшую в Европе гавань: она находится на западе этого <т. е. Крымского> полуострова и получила свое имя от крошечной деревушки, которая называется Ахтиар (2); его заменили на «Севастополь» [Sébastienpolis⁴⁶]. *(2) В Крыму есть и два другие порта, которые прежде были часто посещаемы: Козлов [Koslow]⁴⁷, в окрестностях которого выделывают высоко ценимые крымские ягнячьи шкуры⁴⁸, и Балаклава, в пятнадцати верстах к югу от Ахтиара. Последняя глубока и в окружена голыми, очень высокими скалами, где находятся остатки генуэзской крепости, откуда открывается отличный вид на страшные приморские скалы; выйти из нее можно*

⁴³ По-видимому, здесь и далее под «provinces» де Бар имеет в виду наместничества, основные административно-территориальные единицы Российской империи, созданные Екатериной II.

⁴⁴ Речь идет о проекте Петра I соединить транспортные системы Волги и Дона. Первая попытка связать каналом приток Волги Камышинку и приток Дона Иловлю (1697–1701) потерпел неудачу. Второй эксперимент, связавший Волгу через Оку, Упу, Шать и новый канал с Ивановским озером и Верхним Доном (1701–1707), оказался более удачным, но вскоре этот транспортный коридор был заброшен и прекратил существовать [49, с. 46].

⁴⁵ Похожие идеи высказывали и другие французы – как в мемуарах, поданных в Министерство иностранных дел, так и в опубликованных сочинениях [70, с. 277–279; Чудинов 2001, с. 203].

⁴⁶ Следует отметить трансформацию, которую топоним «Севастополь» получил у французского автора: сохранив его смысл (в переводе с греческого «досточтимый, августейший город»), он передал его через французское имя «Sébastien», образованное от того же греческого корня.

⁴⁷ Кезлев (Кёзлев, Гёзлеве) – портовый город и крепость Крымского ханства в северо-западном Крыму. После присоединения Крыма к России был переименован в Евпаторию в честь античного поселения, которое, однако, по современным данным находилось в другом месте, в районе Инкермана [103, р. 223–224].

⁴⁸ Речь идет о полуострове Тарханкут к северу от Евпатории, где выращивалась особая порода овец, дающих ценную смушку [45, с. 194].

при одном-единственном ветре, а осенью появляются черви, которые пожирают корабли⁴⁹. От города почти ничего не осталось. Она <гавань> тянется с востока на запад, имея около восьми верст в длину и двух в ширину. Она достаточно глубока, чтобы принимать самые большие суда, а высокие холмы закрывают ее от всех ветров, за исключением западных, но в южной части она образует четыре крупных залива, где от них можно укрыться⁵⁰. <р. 26>

Первый, недалеко от старого Херсона⁵¹ [vieux Cherson] (1), малопригодный для размещения военных кораблей, может служить торговым портом. (1) Этот старый Херсон, основанный в неведомые времена, который <впоследствии> завоевал Владимир [Wolodimew⁵²], занимает небольшой полуостров, от которого и получил свое название⁵³; это был, вероятно, большой город, судя по пространству, которое занимают его развалины, и по существующей ещё части его крепостных стен. Там есть целые городские ворота и довольно хорошо сохранившаяся большая башня: они сложены из больших квадратных камней, в стиле древних памятников Италии. Быть может, это была резиденция Фоанта, который приносил в жертву Диане чужеземцев, приставших к этим берегам⁵⁴? Нравы его русских завоевателей далеко не так свирепы, ведь невозможно оказать гостеприимство более честным и благородным образом, чем они поступили по отношению к нам.

Второй очень красив; там обнаружен источник пресной воды, и уже размещены несколько кораблей для больных моряков и маркитантов.

Третий может в одиночку вместить весьма большой флот; а между ними <т. е. упомянутыми заливами> можно удобным образом расположить город и арсенал, которые предполагается построить, и которые пока не стали чем-то большим, чем проекты.

Наконец, четвертый предназначен для ремонта <кораблей>; там также есть пресная вода.

Флот

Находившийся в гавани флот состоял из девяти прекрасных сорокапушечных фрегатов, еще двух меньшего размера, флейта и брандера, а также «Бористена» – тридцатипушечного судна⁵⁵, только что доставившего переселенцев, чтобы найти какое-то занятие. (2)

⁴⁹ Корабельный червь (*teredo navalis*) причинял много проблем Черноморскому флоту, потому описания различных мер, защищавших корабли от древооточцев, были обычной темой записок путешественников [например: 45, с. 38–39].

⁵⁰ Далее автор последовательно описывает современные Карантинную, Артиллерийскую, Южную бухты и Килен-Бухту на территории Севастополя.

⁵¹ Херсонес – древнегреческий город на юго-западе Крымского полуострова, возникший в VI/V вв. до н. э. и существовавший до XIV/XV вв. С конца IV в. н. э. его древнее имя постепенно заменяется новым – Херсон. Развалины памятника находились в 2 км к западу от вновь основанного Ахтиара-Севастополя.

⁵² Здесь написание имени князя Владимира отличается от того, что использовано выше, в разделе о Феодосии-Кафе.

⁵³ Название древнегреческого города Херсонеса (Χερσόνησος) действительно означает «полуостров».

⁵⁴ Речь идет о трагедии античного драматурга Еврипида «Ифигения в Тавриде», в которой рассказывается, что жители крымского побережья тавры, во главе с царем Фоантом, приносили кровавые жертвы богине Артемиде (Диане). Впрочем, люди XVIII – начала XIX в., как правило, узнавали об этом сюжете из переложений, сделанных французскими и немецкими драматургами и композиторами, пользовавшихся популярностью в то время [66, с. 50; 20, с. 111–112].

⁵⁵ «Бористен» [sic] – торговое судно, построенное в Херсоне в 1781 г., впоследствии переоборудованное во фрегат «Григорий Богослов» [71, с. 266].

*Командующий, адмирал Мекензи*⁵⁶ [Makenzee], говорил нам, что в этом замкнутом море с очень короткими волнами фрегаты предпочтительнее линейных кораблей. <р. 27>

Прожект относительно турок⁵⁷

Вероятно, эта <Севастопольская> гавань в политическом смысле является тем местом в России, которое должно более всего привлекать внимание Европы. Известны проекты увеличения этой державы; она сделались слишком явными, а мысли о восстановлении восточной империи⁵⁸, кажется, весьма занимают императрицу: говорят, они восходят к Петру I, а Бюшинг [Busching] сохранил в письмах маршала Миниха [Munich] доказывающий это отрывок⁵⁹: «Присоединяю свои пожелание, обращенные к императрице, к общим мольбам о том, чтобы увидеть великого князя, в соответствии с блистательными намерениями его несравненного предка – Петра Великого, в Константинополе, на богослужении в церкви Св. Софии, и поднять над этой древней столицей русские флаги. Я в состоянии доказать, что с 1695 г., когда Петр Великий начал первую осаду Азова, и до самой смерти грандиозным замыслом его было изгнать неверных турок и татар из Европы и восстановить греческую монархию».

Очевидно, императрица согласилась на этот проект, не скрывая этого: имя Константин, данное младшему сыну великого князя; греческие кормилицы, которым он был отдан⁶⁰; школа греческих кадетов, созданная для тех, кто должен возвыситься⁶¹; медали, битые в честь его рождения, представляющие три главные добродетели, которые держат на руках младенца, и северную звезду, ведущую корабли к увенчанной крестом Св. Софии, в обресе

⁵⁶ Фома Фомич Мекензи (1740–1786), шотландец по происхождению, контр-адмирал российского флота, возглавлял Севастопольскую эскадру с 1783 г. и руководил основанием Севастополя.

⁵⁷ Сказанное в этом и следующем разделах не было сюрпризом для современников де Бара из числа дипломатов и политиков. Разработанный Екатериной II и ее ближайшим окружением «греческий проект» предусматривал разгром Османской империи и переформатирование ее европейских владений – частичного раздела их между Россией и Австрией, создания буферного государства Дакия в Подунавье, а главное – новой Византии, союзника России, с представителем Романовых на престоле [15, с. 355–356; 20, с. 33–36]. Естественно, эти планы вызывали тревогу у французов, опасавшихся, что Османская империя попросту не вынесет военного столкновения с Россией [подробнее: 70, с. 149–239, 303–322]. Историография вопроса обильна [90; 15, с. 349–351]. Заметим, что если одни исследователи полагают эти планы реальными, от которых российское правительство отказалось по объективным причинам [70, с. 206–208; 15, с. 352–361], то другие считают их блефом, скрывавшим более скромные цели, прежде всего, намерение покорить Крым [6, с. 74–75].

⁵⁸ То есть Византии.

⁵⁹ Антон-Фридрих Бюшинг (1724–1793), знаменитый немецкий географ, историк и издатель, опубликовал письмо российского военачальника графа Христофора Антоновича (Буркхарда-Кристофа) Миниха (1683–1767), немца по происхождению, к Екатерине II от 20 сентября 1762 г., цитату из которого приводит де Бар [см. оригинал в: 93, S. 467].

⁶⁰ Имя второго внука Екатерины – Константина Павловича, данное в честь первого христианского императора Византии Константина I (272–337), четко обозначало амбиции его бабушки. Ребенка передали кормилице-гречанке, первым языком его был греческий, и окружали его товарищи-греки [15, с. 354].

⁶¹ Греческий кадетский корпус (Петербург, 1774–1796), основанный для детей-греков, набранных во время экспедиции русского флота в Средиземное море в первую русско-турецкую войну [5, с. 452; 51, с. 121–135].

же «съ сими» [avec elles]⁶²; другие, представляющие турецкий город, поражаемый молниями, исходящими из креста в воздухе⁶³; и та, где Религия указывает очарованным грекам на город, где восстановлено ей поклонение⁶⁴; медали стали очень редкими; напечатанная, но быстро исчезнувшая карта, на которой владения турок в Европе обозначались российскими цветами⁶⁵. Все это очевидные признаки ее планов⁶⁶; а постоянные и воистину колоссальные успехи русских в борьбе с турками в последнюю войну, дополненные недовольством греков, религиозные предпочтения которых <р. 28> связаны именно с Россией, и которые, в течение долгого времени подстрекаемые к мятежу, только и ждут повода к возмущению, заставляют поверить в то, что исполнить их будет нетрудно. Вероятно, поэтому она <Екатерина> пришла в раздражение, когда турок <т. е. османский султан>, согласившись отдать Крым, предупредил войну, к которой она была готова и которая, как она полагала, позволила бы ей добиться своих целей.

Удобство нападения на Турцию

Именно из Ахтиара можно нанести удары, которые поставят под угрозу Константинополь; при хорошем ветре русские доберутся туда за двое суток; они могут за короткое время завести на Черном море флот, представляющий страшную угрозу для турок, пусть их моряки и уступают тем, что служат другим морским державам Европы. Когда закончится строительство кораблей, которые я видел в Херсоне и на Дону (возможно, это уже случилось), их флот будет иметь семь линейных кораблей, четырнадцать фрегатов, два брандера, два двухпалубных

⁶² Де Бар описывает оборотную сторону медали, отчеканенную в честь рождения великого князя Константина Павловича, внука Екатерины II, в 1779 г. На аверсе изображена императрица Екатерина II. На реверсе – озаренные лучами Вера, Надежда и Любовь с младенцем на руках в центре, справа вдали константинопольский собор Св. Софии, увенчанный крестами, слева два корабля и восходящая звезда; вверху над лучами: «СЪ СИМИ»; в обресе: «ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ / РОДИЛСЯ В ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ / АПРЕЛЯ 27 ДНЯ / 1779 ГОДА». Хотя де Бар не избежал ошибок (так, девиз помещен в верхнем поле, а не в обресе медали), смысл ее француз понял абсолютно точно.

⁶³ Имеется в виду наградная медаль «Поборнику православия», учрежденная перед началом экспедиции российского флота в Средиземное море во время первой русско-турецкой войны (1768–1774). На аверсе изображена императрица Екатерина II. На реверсе – бушующее море на переднем плане, далее, на берегу, молнии рушат минарет мечети, вверху, среди облаков, лучезарный четырехконечный крест. Круговая надпись: «ПОТЩИТЕСЯ / И НИЗРИНЕТСЯ». В обресе: «ПОБОРНИКУ / ПРАВОСЛАВІЯ».

⁶⁴ Это памятная медаль в честь выведения христиан из Крыма в Россию (см. прим. 39). На аверсе изображена императрица Екатерина II. На реверсе – группа христиан покидает ворота мусульманского города в левом поле; Вера с четырехконечным крестом на левом плече и раскрытой книгой принимает у двух склонившихся перед ней христиан, сбросивших оковы рабства, оливковую ветвь и указывает им на город с двуглавым орлом над воротами справа; круговая надпись: «ЗДѢ ПРИСТАНИЩЕ БЛАГОТИШНОЕ»; в обресе: «МАІА 21 ДНЯ 1779 ГОДА» (была и аналогичная медаль с греческой легендой).

⁶⁵ Возможно, речь идет о картах, на которых изображалось Греческое царство со столицей в Константинополе – информация о них сохранилась в записках иностранных дипломатов [15, с. 355].

⁶⁶ Вопреки мнению де Бара, французские дипломаты поняли «символический язык» Екатерины. В 1781 г. французский посланник в Петербурге маркиз Шарль-Оливье де Верак направил министру иностранных дел графу Шарлю-Гравье Вержену донесение, посвященное тем самым идеологическим мотивам, о которых (на три года позднее!) напишет де Бар [70, с. 205–206].

пинка и нескольких шебек⁶⁷; он сможет кратким путем перевезти десантные отряды. Само появление этих сил во главе с бесстрашными и опытными офицерами, а также несколькими англичанами, стоящими во главе русского флота, вероятно, будет достаточно для того, чтобы навести ужас на населения огромного города <Константинополя>, которое и без того боится русских, и, опасаясь, что греки восстанут, вероятно, бросит родные очаги, не оказав сопротивления; <так> турок будет изгнан из Константинополя и с востока Европы⁶⁸. (1) *Невероятный успех русских в Прутском деле [l'affaire de Pruth] 27 июня 1770 г., при Кагуле [Kagul] в том же году, где, имея меньшее количество войск, они атаквали неприступные позиции турок и истребляли их⁶⁹; при осаде Бендер [Bender], где находилось шестнадцать тысяч человек, и где они захватили в плен четырнадцать тысяч, заставил их поверить, что для успеха достаточно лишь храбрости. Граф Панин [Panin], который руководил // этой осадой и пользовался большой популярностью в армии, оставил службу, поскольку не были выполнены обещания, данные им находившимся под его командой офицерам⁷⁰; но, когда его страна оказалась в опасности из-за восстания Пугачева [Pugatschew], он испросил*

⁶⁷ Линейный корабль – крупный корабль с прямым парусным вооружением и тремя пушечными палубами, предназначенный для боя в кильватерном строю. Фрегат – парусный корабль меньшего размера, с двумя пушечными палубами. Брандер – небольшое судно, которое загружали горючими материалами и запускали по ветру, направив на вражеские корабли, чтобы их поджечь. Пинк – торговое трехмачтовое судно, несшее как прямые, так и косые паруса. Шебека – небольшое трехмачтовое судно с косыми парусами, применявшееся в военных и транспортных целях [7, с. 59, 225, 459, 473].

⁶⁸ Стратегическое значение Севастополя не укрылось от современников де Бара. Так, французский посланник в Петербурге Луи-Филипп де Сегюр (1753–1830), участник крымской экспедиции Екатерины II, не преминул отметить в дневнике, что, отправившись из крымского порта, «не более, как через 30 часов, флаги ее кораблей могут развеяться в виду Константинополя, а знамена ее армии – водрузиться на стенах его» [55, с. 255]. Позднее один из сподвижников Наполеона, Огюст-Фредерик де Мармон (1774–1852), после поражения императора перешедший на сторону Бурбонов, который побывал в Крыму в 1834 г., в своих мемуарах описывал стратегическое значение Севастополя примерно теми же словами, что и де Бар [37, с. 197; 38, с. 108 слл.]. Показательно, что в январе – феврале 1783 г., то есть накануне присоединения Крыма, Екатерина и ее ближайшие сподвижники – Григорий Александрович Потемки и адмирал Самуил Карлович Грейг (1736–1788) обсуждали нападение на Дарданельский пролив и захват прилегающих крепостей со стороны Средиземного моря, куда предполагалось отправить флот, и тогда речь о завоевании Константинополя еще не шла [16; 44].

⁶⁹ Речь идет о боевых действиях в Подунавье в 1770 г., где 1-я русская армия под командованием прославленного полководца Петра Александровича Румянцева (1725–1796) одержала ряд блестящих побед, в том числе и упомянутые де Баром при Рябой могиле на реке Прут 15 (26) июня и на реке Ларге 7 (18) июля [48, с. 101–105, 117–122].

⁷⁰ 2-я русская армия под командованием Петра Ивановича Панина (1721–1789) после двухмесячной осады 16 (27) сентября взяла неприступную крепость Бендеры на реке Днестр, захватив в плен почти 12 тысяч солдат и офицеров противника. Впрочем, Екатерина II была разочарована как понесенными потерями, так и почти полным уничтожением крепости [48, с. 298–335]. В результате Панин в том же году подал в отставку.

<разрешения> выступить против него⁷¹. Империи пришел бы конец, если бы эти грубые и варварские повстанцы, безжалостно убивавшие всех попавших к ним в руки священников и всех дворян, стариков, женщин и детей, двинулись бы прямо на Москву [Moscou], где их ожидало престонародье. <р. 29>

Армия

Вероятно, ничем иным, кроме враждебных намерений, и конечно только благодаря дешевизне снабжения, не объяснить, почему Россия держит в Крыму и его окрестностях большую армию. В начале 1784 г. под командой генерала Игельстрема⁷² [Ingelstrom] находилось одиннадцать пехотных полков, семь кавалерийских, несколько егерских батальонов и три тысячи пятьсот казаков, которых использовали на почтовой службе (1) – всего более пятидесяти тысяч человек, хотя там нужно не более тридцати тысяч. (1) *Все находящиеся в Крыму войска расквартированы очень хорошо. Солдат сам строит свои казармы.* Но в соответствии с разделением русской армии, сделанным в то же лето, четвертый военный округ [quatrième division], занимающий Таврическую область⁷³ [le gouvernement de la Taurique], как теперь называют Крым, а также Екатеринославское [Ekatérinaslaw] <наместничество>⁷⁴, должен состоять из указанных ниже подразделений⁷⁵.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

Маршал Потемкин

Генерал-поручики:

Петр Текели⁷⁶ [Pierre Tekeli] Принц Ангальт-Бернбург⁷⁷ [Anhalt-Bernbourg]

Барон Игельстром [Ingelstrom] Христофор Гейкин⁷⁸ [Christof Heikin]

⁷¹ Емельян Иванович Пугачев (1742–1775), донской казак и авантюрист, предводитель массового восстания, которое в 1773–1775 гг. охватило самые разные группы населения, жившие на огромной территории в Поволжье и Приуралье. В 1774 г. главнокомандующим против Пугачева был назначен вернувшийся на службу П. И. Панин, и вскоре мятеж был подавлен, а его предводитель доставлен в Москву и казнен.

⁷² Осип Андреевич Игельстром (1737–1817), российский военачальник и государственный деятель, в описываемое время – командующий российскими войсками в Крыму, осуществлявший общее управление областью.

⁷³ Таврическая область, учрежденная 2 февраля 1784 г., включала Крымский полуостров, земли к северу от него, а также полуостров Тамань. Как видно из текста, де Бар не понимал (или не смог передать) разницу между «областью» и «наместничеством».

⁷⁴ Екатеринославское наместничество создано указом от 30 марта 1783 г. в среднем Поднепровье, причем его центром до построения губернского города Екатеринослава (ныне Днепрпетровск; его «открытие» состоялось 9 мая 1787 г.) был объявлен город Кременчуг.

⁷⁵ Приведенная ниже роспись существенно отличается от ведомости, приведенной в официальном «Камеральном описании Крыма» того же 1784 г. [см.: 25, с. 24–25].

⁷⁶ Петр Абрамович Текели (1720–1793), серб по происхождению, российский военачальник, прославился разрушением Запорожской сечи в 1775 г., впоследствии стал генерал-аншефом.

⁷⁷ Принц Виктор-Амадей Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймский (1744–1790), немец по происхождению, дальний родственник Екатерины II, служивший в русской армии.

⁷⁸ Христофор Иванович Гейкин (Гейкинг, 1731 – после 1796), прусский и русский военачальник, впоследствии – обер-комендант Москвы.

Иван Гудович⁷⁹ [Goudovitsch] <р. 30>

Генерал-майоры:

Петр Шепелёв⁸⁰ [Pierre Chepeleff] Сергей Салтыков⁸¹ [Serge Soltikow]

Александр Суворов⁸² [Alexandre Suvarow] Князь Ксаверий Любомирский⁸³ [Xavier Lubomirski]

Барон де Розен⁸⁴ [de Rosen] Иван Хорват⁸⁵ [Jean Khowat]

Яков Репнинский⁸⁶ [Jacques Repninskoy] Петр Мельгунов⁸⁷ [Pierre Milgonow]

Александр Розенберг⁸⁸ [Alexandre Rosemberg] Христофор фон Трейден⁸⁹ [Christof von Treiden]

Александр Лунин⁹⁰ [Alexandre Lunin]

Одиннадцать пехотных полков по 2094 человек <в каждом>:

Второй гренадерский

Третий гренадерский

Четвертый гренадерский

<Всего в этих трех батальонах> 6282 ч<словек>

Киевский [Kiowskoy]

Орловский [Orelskoy]

Козловский [Koslowskoy]

Вятский [Viatskiskoy]

Курский [Kourokskoy]

Тамбовский [Tambowskoy]

Таврический [Tauriqueskoy]

Троицкий [Troitskoy]

⁷⁹ Иван Васильевич Гудович (1741–1820), российский военачальник, впоследствии дослужился до генерал-фельдмаршала.

⁸⁰ Петр Амплиевич Шепелев (1737–1828), российский военачальник и администратор, впоследствии стал генерал-поручиком и членом Сената.

⁸¹ Сергей Николаевич Салтыков (? – после 1819), представитель младшей ветви знаменитого семейства, российский военачальник.

⁸² Александр Васильевич Суворов (1730–1800), знаменитый российский военачальник, впоследствии генералиссимус.

⁸³ Франтишек-Ксаверий Любомирский (1747–1819), польский магнат, поступивший на русскую службу после первого раздела Польши.

⁸⁴ Владимир Иванович Розен (1742–1790), российский военачальник, в описываемое время командир Кубанского егерского корпуса.

⁸⁵ Иван Иванович Хорват (? – после 1796), российский военачальник и администратор.

⁸⁶ Яков Николаевич Репнинский (?–1790), российский военачальник, дослужился до генерал-поручика.

⁸⁷ Пётр Алексеевич Мельгунов (?–1797), российский военачальник.

⁸⁸ Возможно, де Бар ошибся, и речь идет об Андрее (а не Александре) Григорьевиче Розенберге (1730–1813), российском военачальнике и администраторе, впоследствии дослужившимся до генерала-от-инфантерии и занимавшим несколько губернаторских постов.

⁸⁹ Христофор Иванович фон Трейден (1735–1809), российский военачальник и администратор, впоследствии ставший генералом-от-инфантерии и гражданским губернатором Иркутской губернии.

⁹⁰ Александр Михайлович Лунин (1745–1816), российский военачальник и государственный деятель, впоследствии ставший членом Сената.

Пятнадцать батальонов:

Пять егерских – по 990 ч<словек>

Восемь мушкетерских – по 1096 ч<словек>

Два гренадерских – по 1047 <человек>

Кирасиры:

Екатеринославский (Ekatérinaslaw) <батальон> – из 942 ч<словек>

Карабинеры <Carabiniers>:

Рязанский (Résauskoу) <батальон> – из 942 ч<словек>

Девять легкоконных полков <troups légères> по 1083 человек <в каждом>:

Павлоградский (Paulogradskoу) Херсонский (Chersonskoу)

Мариупольский (Marienpoltzkoу) Константиноградский (Constantinogradskoу)

Александровский (Alexandroskoу) Таврический (Tauriqueskoу)

Елисаветградский (Elisabetzgradskoу) Полтавский (Poltawaskoу)

Ольвиопольский (Ohripoltzkoу)⁹¹ <р. 31>

Донские казаки – по 942 человека <в полку>:

Шесть казачьих полков

Восемьдесят штук пушек

Штурмовые орудия в Херсоне

ИТОГО

Пехота – 38 846 человек

Кавалерия – 1 884

Легкоконные полки – 9 747

Казаки – 5 652

Артиллерия – 800

Всего 56 929 человек⁹².

Население Крыма

Впрочем, вероятно, приобретение Крыма, вероятно, интересовало Россию с этой <т. е. военно-стратегической> точки зрения, а также чтобы провести свои границы более естественным образом, ведь маловероятно, чтобы она сохранила на долгое время имевшиеся у нее здесь <т. е. в Крыму> финансовые интересы. И действительно, была уничтожена или изгнана нация, которая, при малейшем признаке войны с турками, опустошала ее <России> границы и доставляла ей много неприятностей. Многие татары уже покинули Крым во время беспорядков, которые предшествовали вторжению русских. Все еще продолжающаяся <эпидемия> чумы унесла <жизни> многих из тех, кто остался. За год выехало пятьдесят

⁹¹ Этот раздел показывает, что при передаче русских имен и названий де Бар не придерживался особой системы, если не считать того, что заменил русские имена их французскими аналогами («Яков» на «Жак» и пр.). В результате некоторые имена собственные довольно причудливо искажены. Это свойственно всей книге.

⁹² Цифра, по-видимому, преувеличена. Согласно официальным документам, в декабре 1783 г. на Крымском полуострове было расквартировано 37 тысяч солдат, в апреле 1784 г. их число решили уменьшить до 26 тысяч, а в ноябре того же года – до 20 тысяч [18, с. 133]. Любопытно, что гораздо более точные сведения, чем де Бару, удалось получить французскому резиденту в Петербурге де ля Колиньеру (1786 г.) – по его оценке на полуострове находилась группировка примерно в 25 тысяч человек [72, с. 231, 240].

тысяч человек, а немногие еще остающиеся, думают лишь о том, как бы уйти в Азию. Целые деревни в окрестностях Балаклавы хотели бы выехать (но им не разрешают), <р. 32> стремясь к свободе, поскольку предчувствуют множество страданий, готовые обрушиться на них, лишь только установится новая форма правления. Между тем, остались и такие, которые хотели бы сохранить свою веру, свои законы и свои суды, но от них мало что зависит; и хотя в штаб-квартире [quartier-général]⁹³ меня уверяли что согласно переписи, произведенной перед моим приездом, в Крыму было сорок тысяч татарских семейств, не считая небольшого числа греков, евреев и армян⁹⁴, я склонен думать, что более вероятно, как мне и говорили в Петербурге, в Крыму и на Кубани оставалось не более пятидесяти-шестидесяти тысяч жителей, но и в этом не уверен, ведь, объезжая эти края, мало кого видел – во всех смыслах⁹⁵.

Краткая история Крыма

Крым вернул себе имя Таврики [Taurique], которое носил прежде. Греческие поселения изгнали скифов, бывших первыми жителями <полуострова>. Фоант, тиран из их числа⁹⁶, приносил в жертву Диане высаживавшихся на эти берега чужестранцев. Митридат [Mithridate] включил его в Боспорское царство⁹⁷ [royaume de Bosphore]; затем он оказался под властью греческих <т. е. византийских> императоров. К концу XII в. генуэзцы завладели почти всеми его портами. В то же время туда пришли татары, но изгнать генуэзцев им удалось лишь после взятия Кафы в 1471 г.⁹⁸ С тех пор там правила семья Гиреев [Gherey], претендовавшая на прямое родство с Чингисханом [Gengis-Kan] и имевшая ханский титул. Ханы же, вплоть до

⁹³ Очевидно, имеется в виду центральная администрация Таврической области в Симферополе.

⁹⁴ В декабре 1783 г. О. А. Игельstromу удалось собрать сведения о населении Крыма, которое по его данным (подсчеты были очень приблизительны) составляло около 56 тысяч человек мужского пола, не считая греков и армян [18, с. 105]. Видимо, именно эту цифру, пусть и слегка искаженную, удалось получить де Бару.

⁹⁵ В донесении французского агента в России (см. прим. 92) население всей Таврической области оценивается менее чем в 52 тысячи человек [72, с. 231, 241]. По данным «Камерального описания Крыма», в 1784 г. на полуострове было около 55 тысяч жителей мужского пола из числа крымских татар и евреев [24, с. 39], а де Миранда (см. прим. 37), общавшийся зимой 1786–1787 гг. с руководителями русской администрации, приводит другую цифру – более 60 тысяч «одних лишь татар, способных носить оружие, не считая женщин, детей и стариков» [39, с. 62, ср. с. 39]. Научные исследования дают весьма приблизительные цифры, в силу неполноты источников. Так, по подсчетам А. И. Маркевича, ко времени присоединения к России в Крыму было около 200 000 жителей, и еще примерно столько же ногаев обитало в степях северной части полуострова и за его пределами, но во владениях крымских ханов. Сразу после ликвидации Крымского ханства начинается эмиграция его населения в Османскую империю, но поначалу она была не очень велика – к 1787 г. выехало ок. 8000 человек [35, с. 377–380; ср.: 18, с. 104–106].

⁹⁶ Де Бар путает скифов с таврами – оба эти народа населяли Крым в древности, но легендарный Фоант был вождем именно тавров, а не скифов (см. прим. 54).

⁹⁷ Античное Боспорское царство (V в. до н. э. – V в. н. э.) занимало земли по обоим берегам нынешнего Керченского пролива. Столицей его был Пантикапей, располагавшийся на месте нынешней Керчи. Митридат VI Евпатор (134–63 гг. до н. э.), правитель малоазийского государства Понт, распространив свою власть на значительную часть Ближнего Востока, Греции, Кавказа и Крыма, включая Боспор, осмелился бросить вызов Римской империи. Потерпев поражение в очередной войне, бежал в Пантикапей и там покончил с собой.

⁹⁸ На самом деле в 1475 г. Об истории генуэзских колоний в Крыму см.: [10].

недавнего мирного Кайнарджийского трактата, <заключенного> между Россией и Турцией⁹⁹, всегда считались вассалами Порты¹⁰⁰, которая держала гарнизон в Кафе и основных крымских портах, и считались преемниками османского престола в случае, если пресечется занимавшая его семейство¹⁰¹. По этому трактату, ханы вступили во владение Кафой и другими местами, которые <прежде> занимали турки; но они жаловались, что Россия вернула туркам как их собственность <р. 33> Очаков¹⁰² [Oczakow] и Бендеры, расположенные в Буджацкой Татарии [Tartarie Budziaque], которые <прежде> зависели от Крыма, <а сейчас>, как говорят татары, удерживаются только с помощью силы.

Порта также назначала ханов, право утверждать которых имело дворянство, или *мурзы* [mursas], как называли знатных татар; она была обязана выбрать <кандидата> из семейства Гиреев, которых было очень много, но смещать <ханов> могла по собственному желанию, отправляя их в ссылку в Грецию или Румелию¹⁰³ [Romélie]. Такие низложения, плоды интриг султанов (sultans) – родичей хана, желавших занять его место, случались часто. Его <хана> власть была ограниченной во многих отношениях: он не мог начать войну без согласия мурз, которые также могли его заставить отменить данные им указы, если те противоречили законам. Эти мурзы избирали себе вождя, который назывался беем [bey], у которого был свой суд, совершенно как у хана. Они очень ревниво относятся к своему знатному состоянию и почти все живут в сельской местности, но сейчас в Крыму <из них> остаются немногие.

Между Крым-Гиреем (1), который, пробыв ханом в течение шести лет, был сослан на четыре года на Родос, восстановлен в 1768 г. в ходе войны между Портой и Россией и умер в 1769 г. в Каушанах¹⁰⁴ [Caushan] после того, как вторгся в Новую Сербию [Nouvelle-Servie]¹⁰⁵, но немногим преуспел, и Шагин-Гиреем, который был избран Россией в 1777 г. году, было девять ханов, назначаемых иногда Портой, иногда мурзами, а иногда и Россией, которые, имея свои виды на эту страну <т. е. Крым>, подстрекали в ней раздоры, что и привело к ее утрате¹⁰⁶. (1) <Крым-Гирей был> человек блестящий и очень любивший наслаждения, имевший куда больше знакомых, чем обычно бывало у этих князей; среди его приближенных

⁹⁹ Кючук-Кайнарджийский мирный договор завершил русско-турецкую войну 1668–1774 гг., причем по его условиям, в частности, Крымское ханство получило независимость от Османской империи [27, с. 377–378].

¹⁰⁰ Высокая (Блистательная, Оттоманская) Порта – правительство Османской империи. «Высокие ворота» (*Haute Porte*) вели в стамбульскую резиденцию великого визиря (первого министра).

¹⁰¹ Хотя поверье о том, что в случае отсутствия у османского султана потомков мужского пола его наследником должен был стать крымский хан, было весьма распространено в Крыму вплоть до первой половины XIX в. [см., например: 69, с. 386], нет никаких документальных подтверждений того, что такой договор действительно существовал [9, с. 387, прим. 102].

¹⁰² Очаков – крупная османская крепость, важнейший опорный пункт на западном берегу Днепро-Бугского лимана, ныне город в Николаевской области Украины.

¹⁰³ То есть в европейские владения Османской империи, Балканы.

¹⁰⁴ Каушаны – город на юго-востоке Молдавии, на реке Ботна.

¹⁰⁵ Новая Сербия – военно-административная единица в Российской империи, находилась на территории нынешней Кировоградской области. В 1751–1764 гг. здесь были поселены эмигранты – выходцы с Балкан. В дальнейшем вошла в состав Новороссийской губернии.

¹⁰⁶ О подготовке и осуществлении присоединения Крыма к России см.: [27, с. 599–621; 70, с. 149–239; 56].

был назначенный консулом барон де Тотт [*de Tott*]¹⁰⁷. <р. 34>.

Шагин-Гирей был захвачен в плен во время последней войны и привезен в Петербург, где он подцепил болезнь, которую, как говорят, точит его до сего дня. Убедившись в его положении, Россия сделала его ханом и направила войска под командованием князя Прозоровского¹⁰⁸ [Prosorowski], чтобы поддержать его против большой группы тех, кто противился его назначению. Князь, успешно воевавший в прошлую войну, подступил к Салгиру, а татары были слишком в уверены себе. Они дорого заплатили за это небольшое преимущество; говорят, что в результате этого дела было убито сорок тысяч человек; майор-арнаут¹⁰⁹ сообщил мне, что с их стороны потери составили четырнадцать тысяч убитыми. К этому добавились похищение греков и армян Россией в прошлую войну, а также эмиграции, сами по себе вызвавшие проблемы, ведь значительно уменьшилось не только число недовольных, но одновременно и население страны. Шахин-Гирей, которому противостояла сильная партия, не решился жить в Бахчисарае, как его предшественники, а предпочел Кафу, откуда ему было удобнее скрыться бегством в случае необходимости. Он хотел создать армию и успел набрать до пятнадцати тысяч человек, объединив их в различные отряды. Он даже построил хороший фрегат, повысил налоги, среди прочих десятину, и начал порчу монеты для покрытия своих расходов, которые он временами оплачивал, а временами нет; он предал смерти многих недовольных. В конце концов, два года назад началось восстание. Он отправился к Петровской¹¹⁰ [Pétrowkaia], русской крепости на Азовском море, просить помощи против собственных подданных, и вскоре вернулся в Крым во главе русских войск под командованием графа Бальмена¹¹¹ [Balmin].

Наконец, год назад настал момент, чтобы убедить его <Шагин-Гирей> отречься от власти; он сделал это под предлогом недовольства своих подданных, сделавшего невозможным его дальнейшее <р. 35> правление. Россия издала манифест о взятии Крыма под свою власть под предлогом, среди прочего, необходимости возместить средства, потраченные на войны, которые она так часто вынуждена была вести в этой стране, и тех внутренних <в ней>

¹⁰⁷ Барон Франсуа де Тотт (1733–1793), венгр по происхождению, служивший французской короне, в 1767–1768 гг. был консулом в Крыму и впоследствии оставил мемуары о своих приключениях [96], впрочем, вызвавшие недоверие у современников из-за большого количества небылиц [98; 101; 56, с. 96–102].

¹⁰⁸ Князь Александр Александрович Прозоровский (1733–1809) – русский военачальник, впоследствии генерал-фельдмаршал. В 1776–1778 гг. командовал введенными Россией в Крым войсками, подавляя мятеж против Шагин-Гирея.

¹⁰⁹ Арнауты – этнографическая группа албанцев. Греки и албанцы были переселены в Керчь и Еникале в 1775 г. после окончания русско-турецкой войны, когда две крымские крепости стали частью России, образовав иррегулярное Албанское войско (Греческий пехотный полк). В 1784 г. значительная их часть была переведена в Балаклаву и окрестности [54; 51, с. 5–76]. В Крыму значение этнонимов довольно быстро смешалось, и «арнаутами» стали называть греков, выходцев с островов Эгейского моря [41].

¹¹⁰ Петровская крепость в северном Приазовье была основана в 1770 г. как одно из звеньев Днепровской оборонительной линии (см. прим. 4). Находилась у места впадения реки Берда в Азовское море, на месте нынешнего села Новопетровка Бердянского района Запорожской области Украины [29, с. 8–26].

¹¹¹ Граф Антоний Богданович де Бальмен (1741–1790), шотландец по происхождению, русский военачальник. В 1776–1784 гг. возглавлял введенный на территорию Крыма отряд войск, сначала подавляя возмущение противников Шагин-Гирея, а затем участвуя в присоединении Крыма к России.

раздоров, которые она всегда пыталась подавить¹¹². Слабость Порты заставила ее признать за <Россией> этот приз, а также Тамань и Кубань. Шахин-Гирей удалился на Тамань, где началась эпидемия чумы, и весьма огорчился в окружении своих жен и министров, говоря о том, что его совершенно обманули и обворовали. В прошлом году князь Потемкин предлагал ему свои услуги, на что тот не согласился, утверждая, что будет вести дела лишь с императрицей; между тем он получил орден, по ее <приказу> переделанный так, чтобы он мог совмещаться с магометанством, религией, которая всегда господствовала у татар¹¹³. После этого он получил большой пансион, а местом жительства ему определен Владимир [Wollodimer¹¹⁴]; он же ответил, что желал бы жить в Петербурге¹¹⁵.

Кафинский пролив [détroit de Caffa]¹¹⁶

Крым отделяет от Азии пролив, который называется Кафинским или Таманским, а раньше Боспором Киммерийским, чье имя, как полагают, перешло на Крым¹¹⁷. Он образован длинной косой совершенно голой земли, на оконечности которой находятся крепости Керчь [Kersh] и Ени-Кале¹¹⁸ [Jénikale]. Первая находится в глубине большого залива, который служит гаванью для судов, задержанных противными ветрами в Черном море; вторая господствует над проливом, прилегая к небольшому городу с тем же названием, населенному в основном турками и армянами, возле которого находятся два небольших колодца, в которых вода покрыта слоем нефти [napthe]. Эти две крепости были уступлены русским по Кайнарджийскому трактату, что сделало их владьями Азовского моря¹¹⁹. Этот пролив длиной в пятьдесят верст и шириной в десять в самом узком месте образует большую бухту на Тамани; его берега по большей части плоские, сам же он стиснут среди песчаных <р. 36> банок, между которыми имеется множество проходов, причем в том, что у Ени-Кале, не более четырнадцати футов воды; вот почему пришедшие из Азовского моря фрегаты могут направить свои пушки лишь на Керчь. Каждый год он <пролив> промерзает настолько, что можно ехать в экипаже.

Азовское море

Азовское море, сообщающееся с Черным морем через этот пролив, имеет около четырехсот верст в длину и около сотни в самом широком месте. Его название происходит

¹¹² Эта фраза говорит о том, что автор, вероятно, читал манифест о присоединении Крыма к России [ср.: ПСЗРИ, т. XXI, № 15708, с. 897–898].

¹¹³ Речь идет о знаках ордена Андрея Первозванного, высшей награды Российской империи, пожалованных Шагин-Гирею, которые были специально изменены так, чтобы не травмировать его религиозные чувства (убраны кресты).

¹¹⁴ Это уже третий вариант написания имени древнерусского князя, использованный де Баром (ср. выше).

¹¹⁵ Впоследствии он выехал в Османскую империю, был отправлен в ссылку на Родос и там казнен в 1787 г.

¹¹⁶ Этот необычный топоним иногда использовался в XVIII в. [например: 81, р. 253].

¹¹⁷ Представления о связи между киммерийцами, древним народом, возможно, населявшим Крым в начале I тысячелетия до н. э., и средневековым топонимом «Крым» были распространены в эпоху Просвещения [97, р. 104; 86, р. 52, 194–196]. По современным данным, никакого отношения к реальности они не имеют.

¹¹⁸ Османскую крепость Ени-Кале, расположенную в северной части современной Керчи, возвели в начале XVIII в. После присоединения Крыма к России ее некоторое время использовали русские войска [4, с. 523]. Сам город также был укреплен османами.

¹¹⁹ Город Керчь на восточной оконечности одноименного полуострова (а также и Крыма). Вошел в состав России вместе с крепостью Ени-Кале раньше, чем остальной Крым, по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. [27, с. 377–378].

от небольшой крепости Азов, которую в нашем веке русские и турки не раз брали друг у друга, но по Кайнарджийскому трактату она досталась первым. Из-за встречных ветров и штилей нам понадобилось восемь дней, чтобы пересечь его, тогда как обычно на это уходит двадцать четыре часа. Берега его плоские и необитаемые; русские владеют небольшой крепостцой под названием Петровская, <расположенной> в окружении ногайских татар. Каждый год оно на месяц промерзает, за исключением центральной части, настолько сильно, экипаже может проехать из Азова в Таганрог [Taganrok], который находится за тридцать верст, на противоположном берегу. Оно изобилует рыбой; промеры глубин по большей части показывают от тридцати пяти до сорока футов...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998. Справочник / Сост. Л. П. Кравцова, В. К. Гарагуля, Л. В. Гурбова, Е. В. Каркач. Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. 459 с.
2. Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
3. Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник. Путеводитель / Сост. И. Б. Арбитайло, А. В. Белый, Е. И. Лазаренко, Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 2000. 96 с.
4. Белик Ю. Л., Ткачук Г. В. Крепость «Ени-Кале» на рубеже XVIII–XIX вв. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 523–540.
5. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. 645 с.
6. Болотина Н. Ю. Деятельность Г. А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России. М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2010. 139 с.
7. Военно-морской словарь / Ред. В. Н. Чернавин. М.: Военное издательство, 1990. 511 с.
8. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
9. Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I. Киев: Майстерня книги, 2010. 396 с.
10. Генуэзцы в Крыму. Исторический путеводитель. Киев: Горобец, 2009. 232 с.
11. Гернгросс В. Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. 1912. Апрель. С. 3–32.
12. Герцен А. Г. Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
13. Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте. Справочник. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.
14. [Глинка Гр.] Генерал Манштейн. Очерк его жизни // Современные записки о России в историческом, политическом и военном отношении. Ч. 2 / Пер. с фр. Гр. Глинка. Дерпт: Университетская типография М. Гренциуса, 1810. С. 361–378.
15. Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир. Статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 530 с.
16. Два донесения Екатерине Великой адмирала Грейга (1783) // Архив князя Воронцова. Т. XXVI. М.: Университетская типография, 1882. С. 261–274.
17. Дмитров Л. Д. Перекоп. Ров и вал. Киев: Издательство Академии наук УССР, 1940. 105 с.
18. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. 280 с.
19. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию и Крым. В 6 томах... / Пер. Т. М. Фадеева. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
20. Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 414 с.
21. Кадо М., Режемортер Ж. Л. ван. Внешняя торговля России в 1784 г. по путевому дневнику Баера дю

- Оллана // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 161–188.
22. Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе. Феодосия: Коктебель, 1998. 159 с.
 23. Кизилов М. Б. Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. 335 с.
 24. Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма 1784 года (продолжение) // ИТУАК. 1888. № 6. С. 36–63.
 25. Лашков Ф. Ф. О камеральном описании Крыма 1784 г. // ИТУАК. 1897. № 2 (2-е изд.). С. 20–30.
 26. Левек [П.-Ш.]. Российская история. М.: Типография Компании типографической, 1787. 370 с.
 27. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 973 с.
 28. Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье: Просвіта, 2011. 336 с.
 29. Макидонов А. В. Днепровская линия (1770–1797). Запорожье: Акцент, 2014. 556 с.
 30. [Манштейн Х.-Г. фон]. Современные записки о России в историческом, политическом и военном отношении. Ч. 1–2 / Пер. с фр. Гр. Глинка. Дерпт: Университетская типография М. Гренциуса, 1810. 760 (429+331) с.
 31. Маркевич А. И. Таґіса: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. 1894. № 20. С. 1–394.
 32. Маркевич А. И. Таґіса: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Выпуск второй // ИТУАК. 1898. № 28. С. 92–185.
 33. Маркевич А. И. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Выпуск третий // ИТУАК. 1902. № 32–33. С. 47–128.
 34. Маркевич А. И. Из прошлого крымского виноградарства и виноделия // Вестник виноделия Украины. 1927. С. 1–32.
 35. Маркевич А. И. Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 1928. № 4. С. 375–405.
 36. Маркевич А. И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 267–315.
 37. [Мармон О.-Ф.]. Путешествия маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря... Т. 1. М.: Типография Николая Степанова, 1840. 266 с.
 38. [Мармон О.-Ф.]. Путешествия маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря... Т. 2. М.: Типография Николая Степанова, 1840. 331 с.
 39. Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи / Пер. М. С. Альперович, В. А. Капанадзе, Е. Ф. Толстая. М.: Наука-Интерпериодика, 2001. 362 с.
 40. Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь: Сонат, 2005. 155 с.
 41. Мосхури И. В. Служащие поселенного полка в Балаклаве: греки или арнауты? // Греки Балаклавы и Севастополя. М.: Индрик, 2013. С. 71–76.
 42. Наливайко Д. Очима Заходу: Рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. Київ: Основи, 1998. 578 с.
 43. Оболенский Д. Д. Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // ВВ. 1994. Т. 55. Вып. 1. С. 53–61.
 44. Овладение Дарданеллами // Русская старина. 1878. Т. XXII. Вып. 7 (июль). С. 449–454.
 45. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах / Пер. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М.: Наука, 1999. 244 с.

46. Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером с 1763 по 1778 год. Ч. I. СПб.: Императорская Академия наук, 1802. 245 с.
47. Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером с 1763 по 1778 год. Ч. II. СПб.: Императорская Академия наук, 1802. 218 с.
48. Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Т. II: Год 1770. СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1866. 485 с.
49. Плечко Л. А. Старинные водные пути. М.: Физкультура и спорт, 1985. 104 с.
50. Повесть временных лет / Ред. Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц. 2-е изд. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
51. Пряхин Ю. Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. Исторические очерки. СПб.: Алетей, 2008. 269 с.
52. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с фр. К. И. Раткевич. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1941. 79 с.
53. Русский биографический словарь: в 25 т. / Изд. А. А. Половцов. СПб.: Типография И. Н. Скороходова; Типография Главного управления уделов; Типография Г. Лиснера и Д. Совко; Типография Товарищества «Общественная польза»; Типография Императорской академии наук; Типография Акционерного общества «Кадима»; Типография В. Демакова; Типография В. Безобразова и Ко, 1896–1913.
54. Сафонов С. Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 205–238.
55. [Сегюр Л.-Ф.]. Пять лет в России при Екатерине Великой. Записки графа Л. Ф. Сегюра (1785–1789) // Русский архив. 1907. № 10. С. 193–266.
56. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. М.: Рубежи XXI, 2005. 313 с.
57. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. XVI–XX. 2-е изд. СПб.: Товарищество «Общественная польза», [1896]. 1656 стлб.
58. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXIV–XXIX. 2-е изд. СПб.: Товарищество «Общественная польза», [1896]. 1178 стлб.
59. Строев А. Война перьев: французские шпионы в России во второй половине XVIII века // Логос. 2000. № 3. С. 18–43.
60. Строев А. Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // Логос 1991–2005: Избранное. Т. 2. М.: Территория будущего, 2006. С. 468–507 (репринт из: Логос. 1999. № 18. С. 8–41).
61. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. 204 с.
62. Татищев В. Н. История российской с самых древнейших времен. Кн. 2. М.: Императорский Московский университет, 1773. 536 с.
63. [Тизенгаузен В. Г.]. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 363–403.
64. Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство / Пер. Н. Л. Эрнст, С. Л. Белявская. Симферополь: Таврия, 1991. 94 с.
65. Фадеева Т. М. Крым. 1784 год. В «Записках» герцога Карамана, или о придворных интригах вокруг Г. А. Потемкина // Воронцовы и русское дворянство между Западом и Востоком. Симферополь: Н. Орианда, 2012. С. 186–190.
66. Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с.
67. Французский винодел в екатерининской России (письма Ж. Банка князю Г. А. Потемкину). Из фондов Российского государственного архива древних актов – РГАДА / Публ. и вступ. ст. Ж. Олливей; пер. с фр. А. В. Чудинов // Россия и Франция XVIII–XX вв. 2008. Вып. 8. С. 46–63.
68. Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон

- Кампенгаузена // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 456–473.
69. Храпунов Н. И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 379–426.
70. Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2-е изд. М.: Наука, 2004. 521 с.
71. Чернышов А. А. Российский парусный флот. Справочник. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. 312 с.
72. Чудинов А. В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2001. С. 202–243.
73. Эвлия Челеби. Книга путешествий: походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.) / Пер. М. Б. Кизилова. Симферополь: Таврия, 1996. 239 с.
74. Avertissement // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne... Paris: Deterville, 1798. P. 1–2.
75. [Baert Ch. A. de]. Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne... Paris: Deterville, 1798. P. 1-98 (Pars 3).
76. [Baert Ch. A. de]. Reise durch den südlichen Theil von Rusland, worin von den neuern Anlagen der Russen in der Krim, und am Kaukasus, und von ihrer dortigen Kriegsmacht Nachricht gegeben wird. Duisburg: Helwingschen Buchhandlung, 1798. 199 S.
77. [Baert Ch. A. de]. Tableau de la Grande-Bretagne, de l'Irlande, et des possessions anglaises dans les quatre parties du monde. T. 1. Paris: H. J. Jansen, 1800. 459 p.
78. Biographie universelle, ancienne et moderne, ou Dictionnaire de tout les homes qui se sont fait remarquer... T. 2. Bruxelles: H. Ode, 1843-1847. 400 p.
79. Cadot M. Regemorter J.-L. van. Le commerce extérieur de la Russie en 1784, d'après le journal de voyage de Baert du Holland // Cahiers du monde russe et soviétique. 1969. Vol. 10. № 3–4. P. 371–391.
80. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell, W. Davies, 1817. 524 p.
81. Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark... 2nd ed. Vol. 2. London: T. Cadell, 1785. 576 p.
82. Diderot D., d'Alembert J. (Eds.). Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 2. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751]. 871 p.
83. Diderot D., d'Alembert J. (Eds.). Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 4. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751]. 1098 p.
84. Diderot D., d'Alembert J. (Eds.). Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 15. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751]. 950 p.
85. Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée... T. VI. Paris: Librairie de Gide, 1845. 461 p.
86. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea... London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1802. 446 p.
87. Hammond N. G. L., Scullard H. H. (Eds.). The Oxford Classical Dictionary. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1970. 1176 p.
88. [Heber R.] The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta... Vol. I. New York: Protestant Episcopal Press, 1830. 638 p.
89. Holderness M. Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. 316 p.
90. Hösch E. Das sogenannte „griechische Projekt“ Katharinas II. Ideologie und Wirklichkeit der russischen Orientpolitik in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1964. Bd. 12. H. 2. S. 168–206.

91. King J. G. Bemerkungen über Rußland und die Krimm. Nebst Bemerkungen über das Klima von Rußland. Leipzig, 1788. 291 S.
92. Krünitz J. G. (Ed.). Oeconomische Encyclopädie, oder allgemeines System der Staats-Stadt- Haus und Landwirtschaft in alphabetischer Ordnung. Bd. 53: Kriegs – Kunst. Berlin: Pauli, 1791. 415 S.
93. Lebensbeschreibung des General-Feldmarschalls Grafen von Münnich ergänzt und bestätigt wird // Büsching A. Fr. (Ed.). Magazin für die neue Historie und Geographie. T. 18. Halle: Johann Jacob Curts Witwe, 1782. S. 401–486.
94. Manstein [Ch. H.] de. Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie... T. 1–2. Lyon: Jean-Marie Bryuset, 1772. 366 + 428 p.
95. McGregor A. J. A military history of modern Egypt: from the Ottoman Conquest to the Ramadan War. Westport: Praeger, 2006. 320 p.
96. [Tott F. de]. Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. T. 1-2. Amsterdam, 1785. 274 + 301 p.
97. Peyssonnel [Cl. Ch.] de. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxine. Paris: N. M. Tilliard, 1765. 362 p.
98. Peyssonnel [Cl. Ch.] de. Observations critiques sur les mémoires de M. le baron de Tott. Maestricht: J. E. Dufour & Ph. Rouy, 1785. 133 p.
99. Raymond X. (Ed.). [Caraman V. L. Ch. duc de. Journal d'un voyage en Crimée] // Journal des débats politiques et littéraires. Samedi 23 septembre. 1854. P. 2–3.
100. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris: Bossance, Masson et Besson, 1806. 302 p.
101. Ruffin. Lettre de M. le baron de Tott, etc. // Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. T. 2. Amsterdam, 1785. P. 1–32 [Appendice].
102. Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich rusi. T. I. Warszawa: Gustaw Leon Glücksberg, 1846. 392 s.
103. Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode grecque // Revue des études slaves. 1936. T. 16. Fasc. 3–4. P. 214–235.
104. Williams B. G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. 488 p.

REFERENCES

1. Kravtsova L. P., Garagulia V. K., Gurbova L. V., Karkach E. V. (Eds.). *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniia v Krymu. 1783–1998. Spravochnik*. Simferopol': Tavriia-Plius Publ., 1999, 459 p.
2. Aibabin A. I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v., *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2014, vol. XIX, pp. 240–277.
3. Arbitailo I. B., Belyi A. V., Lazarenko E. I., Mogarichev Iu. M. (Eds.). *Bakhchisaraiskii gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi zapovednik. Putevoditel'*. Simferopol': Tavriia Publ., 2000, 96 pp.
4. Belik Iu. L., Tkachuk G. V. Krepost' «Eni-Kale» na rubezhe XVIII–XIX vv., *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2007, vol. XIII, pp. 523–540.
5. Beskrovnyi L. G. *Russkaia armiia i flot v XVIII veke*. Moscow: Voenizdat Publ., 1958, 645 p.
6. Bolotina N. Iu. *Deiatel'nost' G. A. Potemkina (1739–1791 gg.) v oblasti vnutrennei politiki Rossii*. Moscow: Rossiiskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, 2010, 139 p.
7. Chernavin V. N. (Ed.). *Voenno-morskoii slovar'*. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Publ., 1990, 511 p.
8. Wolff L. *Izobretaiia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii i soznanii epokhi Prosveshcheniia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, 548 p.
9. Gaivoronskii O. *Poveliteli dvukh materikov*. Vol. I. Kiev: Maisternia knygy Publ., 2010, 396 p.
10. *Genueztsy v Krymu. Istoricheskii putevoditel'*. Kiev: Gorobets Publ., 2009, 232 p.
11. Gerngross V. Khanskii dvorets v Bakhchisarae, *Starye gody*, 1912, April, pp. 3–32.

12. Gertsen A. G. Doros – Feodoro (Mangup): ot rannevizantiiskoi kreposti k feodal'nomu gorodu, *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2003, vol. 34, pp. 94–112.
13. Giliarevskii R. S., Starostin B. A. *Inostrannye imena i nazvaniia v russkom tekste. Spravochnik*. 3rd ed. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1985, 303 pp.
14. [Glinka Gr.]. General Manshtein. Ocherk ego zhizni. *Sovremennye zapiski o Rossii v istoricheskom, politicheskom i voennodeistvennom otnoshenii*. Pt. 2. Derpt: Universitetskaia tipografiia M. Grentsiusa, 1810, pp. 361–378.
15. Griffiths D. *Ekaterina II i ee mir. Stat'i raznykh let*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, 530 c.
16. Dva doneseniia Ekaterine Velikoi admirala Greiga (1783). *Arkhiv kniazia Vorontsova*. Vol. XXVI. Moscow: Universitetskaia tipografiia Publ., 1882, pp. 261–274.
17. Dmitrov L. D. *Perekop. Rov i val*. Kiev: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR Publ., 1940, 105 p.
18. Druzhinina E. I. *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg*. Moscow, 1959, 280 p.
19. Dubois de Montpereux F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu i Krym. V 6 tomakh...* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
20. Zorin A. L. «Kormia dvuglavogo orla...». *Literatura i gosudarstvennaia ideologiiia v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, 414 p.
21. Cadot M., Regemorter J.-L. van. Vneshniaia torgovlia Rossii v 1784 g. po putevomu dnevniku Baera diu Ollana. *Franko-russkie ekonomicheskie sviazi*. Moscow; Paris: Nauka Publ., 1970, pp. 161–188.
22. Katiushin E. A. *Feodosiia. Kaffa. Kefe*. Feodosiia: Koktebel' Publ., 1998, 159 p.
23. Kizilov M. B. *Krymskaia Iudeia. Ocherki istorii evreev, khazar, karaimov i krymchakov v Krymu s antichnykh vremen do nashikh dnei*. Simferopol': Dolia Publ., 2011, 335 p.
24. Lashkov F. F. Kameral'noe opisanie Kryma 1784 goda (prodolzhenie), *Izvestiia Tavricheskoii uchenoi arkhivnoi komissii*, 1888, no. 6, pp. 36–63.
25. Lashkov F. F. O kameral'nom opisanii Kryma 1784 g., *Izvestiia Tavricheskoii uchenoi arkhivnoi komissii*, 1897, no. 2 (2nd ed.), pp. 20–30.
26. Levesque [P.-Ch.]. *Rossiiskaia istoriia*. Moscow: Tipografiia Kompanii tipograficheskoi, 1787, 370 p.
27. Madariaga I. de. *Rossia v epokhu Ekateriny Velikoi*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, 973 p.
28. Makidonov A. V. *Personal'nyi sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka*. Zaporozh'c: Prosvita Publ., 2011, 336 p.
29. Makidonov A. V. *Dneprovskaia liniia (1770–1797)*. Zaporozh'c: Aktsent Publ., 2014, 556 p.
30. [Manshtein Kh.-G. fon]. *Sovremennye zapiski o Rossii v istoricheskom, politicheskom i voennodeistvennom otnoshenii*. Pt. 1–2. Derpt: Universitetskaia tipografiia M. Grentsiusa, 1810, 429 + 331 p.
31. Markevich A. I. Taurica: opyt ukazatel'ia sochinenii, kasaiushchikhsia Kryma i Tavricheskoii gubernii voobshche, *Izvestiia Tavricheskoii uchenoi arkhivnoi komissii*, 1894, no. 20, pp. 1–394.
32. Markevich A. I. Taurica: opyt ukazatel'ia sochinenii, kasaiushchikhsia Kryma i Tavricheskoii gubernii voobshche. Vypusk vtoroi, *Izvestiia Tavricheskoii uchenoi arkhivnoi komissii*, 1898, no. 28, pp. 92–185.
33. Markevich A. I. Opyt ukazatel'ia sochinenii, kasaiushchikhsia Kryma i Tavricheskoii gubernii voobshche. Vypusk tretii, *Izvestiia Tavricheskoii uchenoi arkhivnoi komissii*, 1902, nos. 32–33, pp. 47–128.
34. Markevich A. I. Iz proshlogo krymskogo vinogradarstva i vinodeliia, *Vestnik vinodeliia Ukrainy*, 1927, pp. 1–32.
35. Markevich A. I. Pereseleniia krymskikh tatar v Turtsiiu v sviazi s dvizheniem naseleniia v Krymu. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie gumanitarnykh nauk*, 1928, no. 4, pp. 375–405.
36. Markevich A. I. Sud'by pamiatnikov drevnosti v Tavride. *Nepomniashchii A. A. Arsenii Markevich. Stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2005, pp. 267–315.
37. [Marmon O.-F.]. *Puteshestviia marshala Marmona, gertsoga Raguzskogo, v Vengriiu, Transil'vaniu, Iuzhniu Rossiiu, po Krymu i beregam Azovskogo moria...* Vol. 1. Moscow: Tipografiia Nikolaia Stepanova, 1840, 266 p.

38. [Marmon O.-F.]. *Puteshestviia marshala Marmona, gertsoga Raguzskogo, v Vengriiu, Transil'vaniu, Iuzhniiu Rossiu, po Krymu i beregam Azovskogo moria...* Vol. 2. Moscow: Tipografiia Nikolaia Stepanova, 1840, 331 p.
39. Miranda F. de. *Puteshestvie po Rossiiskoi Imperii*. Moscow: MAIK Nauka/Interperiodika Publ., 2001, 362 p.
40. Mogarichev Iu. M. «*Peshchernye goroda*» v Krymu. Simferopol': Sonat Publ., 2005, 155 p.
41. Moskhuri I. V. Sluzhashchie poseennogo polka v Balaklave: greki ili arnauty? *Greki Balaklavy i Sevastopolia*. Moscow: Indrik Publ., 2013, pp. 71–76.
42. Nalivaiko D. *Ochyma Zakhodu: Retseptsiiia Ukraïni v Zakhidnii Evropi XI–XVIII st.* Kiev: Osnovy Publ., 1998, 578 p.
43. Obolenski D. D. Kherson i kreshchenie Rusi: protiv peresmotra traditsionnoi tochki zreniia, *Vizantiiskii vremennik*, 1994, vol. 55, fasc. 1, pp. 53–61.
44. Ovladenie Dardanellami, *Russkaia starina*, 1878, vol. XXII, fasc. 7 (July), pp. 449–454.
45. Pallas P. S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Rossiiskogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow: Nauka Publ., 1999, 244 pp.
46. *Perepiska rossiiskoi imperatritsy Ekateriny Vtoroi s g. Vol'terom s 1763 po 1778 god*. Pt. I. Saint Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1802, 245 p.
47. *Perepiska rossiiskoi imperatritsy Ekateriny Vtoroi s g. Vol'terom s 1763 po 1778 god*. Pt. II. Saint Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1802, 218 p.
48. Petrov A. *Voina Rossii s Turtsiei i pol'skimi konfederatami s 1769–1774 god*. Vol. II: God 1770. Saint Petersburg: Tipografiia Eduarda Veimara Publ., 1866, 485 p.
49. Plechko L. A. *Starinnye vodnye puti*. Moscow: Fizkul'tura i sport Publ., 1985, 104 p.
50. Likhachev D. S., Adrianova-Peretts V. P. (Eds.). *Povest' vremennykh let*. 2nd ed. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1996, 667 p.
51. Priakhin Iu. D. *Greki v istorii Rossii XVIII–XIX vekov. Istoricheskie ocherki*. Saint Petersburg: Aleteiia Publ., 2008, 269 p.
52. Romme J. *Puteshestvie v Krym v 1786 g.* Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1941, 79 p.
53. Polovtsov A. A. (Ed.) *Russkii biograficheskii slovar'*. 25 vols. Saint Petersburg: Tipografiia I. N. Skorokhodova; Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov; Tipografiia G. Lissnera i D. Sovko; Tipografiia Tovarishchestva «Obshchestvennaia pol'za»; Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk; Tipografiia Aktsionernogo obshchestva «Kadima»; Tipografiia V. Demakova; Tipografiia V. Bezobrazova i Ko, 1896–1913.
54. Safonov S. *Ostatki grecheskikh legionov v Rossii, ili nyneshnee naselenie Balaklavy, Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1844, vol. 1, pp. 205–238.
55. [Segur L.-Ph.]. *Piat' let v Rossii pri Ekaterine Velikoi. Zapiski grafa L. F. Segura (1785–1789), Russkii arkhiv*, 1907, no. 10, pp. 193–266.
56. Smirnov V. D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII v. do prisoedineniia ego k Rossii*. Moscow: Rubezhi XXI Publ., 2005, 313 p.
57. Solov'ev S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*. T. 4. Vol. XVI–XX. 2nd ed. Saint Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaia pol'za» Publ., [1896], 1656 col.
58. Solov'ev S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*. T. 6. Vol. XXIV–XXIX. 2nd ed. Saint Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaia pol'za» Publ., [1896], 1178 col.
59. Stroevev A. *Voina per'ev: frantsuzskie shpiony v Rossii vo vtoroi polovine XVIII veka. Logos*, 2000, no. 3, pp. 18–43.
60. Stroevev A. *Rossiiia glazami frantsuzov XVIII – nachala XIX veka. Logos 1991–2005: Izbrannoe*. Vol. 2. Moscow: Territoriia budushchego Publ., 2006, pp. 468–507 (reprinted from: *Logos*, 1999, no. 18, pp. 8–41).
61. Sumarokov P. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu*. Simferopol': Biznes-Infom Publ., 2012, 204 p.

62. Tatishchev V. N. *Istoriia rossiiskaia s samykh drevneishikh vremen*. Vol. 2. Moscow: Imperatorskii moskovskii universitet Publ., 1773, 536 p.
63. [Tizengauzen V. G.]. O sokhranении i vozobnovlenii v Krymu pamiatnikov drevnosti, i ob izdании opisaniia i risunkov onykh, *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1872, vol. 8, pp. 363–403.
64. Thunmann [J.-E.]. *Krymskoe khanstvo*. Simferopol': Tavriia Publ., 1991, 94 p.
65. Fadeeva T. M. Krym. 1784 god. V «Zapiskakh» gertsoga Karamana, ili o pridvornykh intrigakh vokrug G. A. Potemkina. *Vorontsovy i russkoe dvorianstvo mezhdru Zapadom i Vostokom*. Simferopol': N. Orianda Publ., 2012, pp. 186–190.
66. Formozov A. A. *Pushkin i drevnosti. Nabliudeniia arkheologa*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 144 p.
67. Ollivier J., Tchoudinov A. V. (Eds.). Frantsuzskii vinodel v ekaterininskoi Rossii (pis'ma J. Banka kniazia G. A. Potemkinu). Iz fondov Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov – RGADA. *Rossiiia i Frantsiia XVIII–XX vv.*, 2008, vol. 8, pp. 46–63.
68. Khrapunov N. I. Krymskii poluostrov posle prisoedineniia k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kampengauzena, *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2013, vol. XVIII, pp. 456–473.
69. Khrapunov N. I. Puteshestvie v Krym Jamesa Webstera i ego tovarishchei (1827 g.), *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2014, vol. XIX, pp. 379–426.
70. Cherkasov P. P. *Ekaterina II i Liudovik XVI. Russko-frantsuzskie otnosheniia, 1774–1792*. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 2004, 521 p.
71. Chernyshov A. A. *Rossiiskii parusnyi flot. Spravochnik*. Vol. 1. Moscow: Voenizdat Publ., 1997, p. 312.
72. Tchoudinov A. V. Frantsuzskie agenty o polozenii v Krymu nakanune russko-turetskoi voiny 1787–1791 godov. *Russko-frantsuzskie kul'turnye sviazi v epokhu Prosveshcheniia*. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2001, pp. 202–243.
73. Evliia Chelebi. *Kniga puteshestvii: pokhody s tatarami i puteshestviia po Krymu (1641–1667 gg.)*. Simferopol': Tavriia Publ., 1996, 239 p.
74. Avertissement. *Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne...* Paris: Deterville, 1798, pp. 1–2.
75. [Baert Ch. A. de]. Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie. *Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne...* Paris: Deterville, 1798, pp. 1–98 (Pars 3).
76. [Baert Ch. A. de]. *Reise durch den südlichen Theil von Russland, worin von den neuern Anlagen der Russen in der Krim, und am Kaukasus, und von ihrer dortigen Kriegsmacht Nachricht gegeben wird*. Duisburg: Helwingschen Buchhandlung, 1798, 199 S.
77. [Baert Ch. A. de]. *Tableau de la Grande-Bretagne, de l'Irlande, et des possessions anglaises dans les quatre parties du monde*. T. 1. Paris: H. J. Jansen, 1800, 459 p.
78. *Biographie universelle, ancienne et moderne, ou Dictionnaire de tout les homes qui se sont fait remarquer...* T. 2. Bruxelles: H. Ode, 1843–1847, 400 p.
79. Cadot M. Regemorter J.-L. van. Le commerce extérieur de la Russie en 1784, d'après le journal de voyage de Baert du Holland. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1969, vol. 10, no. 3–4, pp. 371–391.
80. Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahitry, and Turkey*. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell, W. Davies, 1817, 524 p.
81. Coxe W. *Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark...* 2nd ed. Vol. 2. London: T. Cadell, 1785, 576 p.
82. Diderot D., d'Alembert J. (Eds.). *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. T. 2. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751], 871 p.
83. Diderot D., d'Alembert J. (Eds.). *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. T. 4. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751], 1098 p.
84. Diderot D., d'Alembert J. (Eds.). *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des*

- métiers*. T. 15. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751], 950 p.
85. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée...* T. VI. Paris: Librairie de Gide, 1845, 461 p.
86. Guthrie M. *A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea...* London: T. Cadell; W. Davies, 1802, 446 p.
87. Hammond N. G. L., Scullard H. H. (Eds.). *The Oxford Classical Dictionary*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1970, 1176 p.
88. [Heber R.] *The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta...* Vol. I. New York: Protestant Episcopal Press, 1830, 638 p.
89. Holderness M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia*. 2nd ed. London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827, 316 p.
90. Hösch E. Das sogenannte „griechische Projekt“ Katharinas II. Ideologie und Wirklichkeit der russischen Orientpolitik in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 1964, Bd. 12, H. 2, SS. 168–206.
91. King J. G. *Bemerkungen über Rußland und die Krimm. Nebst Bemerkungen über das Klima von Rußland*. Leipzig, 1788, 291 S.
92. Krünitz J. G. (Ed.). *Oeconomische Encyclopädie, oder allgemeines System der Staats- Stadt- Haus- und Landwirtschaft in alphabetischer Ordnung*. Bd. 53: Kriegs – Kunst. Berlin: Pauli, 1791, 415 S.
93. Lebensbeschreibung des General-Feldmarschalls Grafen von Münnich ergänzt und bestätigt wird. *Büsching A. Fr. (Ed.). Magazin für die neue Historie und Geographie*. T. 18. Halle: Johann Jacob Curts Witwe, 1782, S. 401–486.
94. Manstein [Ch. H.] de. *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie...* T. 1–2. Lyon: Jean-Marie Bryuset, 1772, 366 + 428 p.
95. McGregor A. J. *A military history of modern Egypt: from the Ottoman Conquest to the Ramadan War*. Westport: Praeger, 2006, 320 p.
96. [Tott F. de]. *Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares*. T. 1–2. Amsterdam, 1785, 274 + 301 p.
97. Peyssonnel [Cl. Ch.] de. *Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxine*. Paris: N. M. Tilliard, 1765, 362 p.
98. Peyssonnel [Cl. Ch.] de. *Observations critiques sur les mémoires de M. le baron de Tott*. Maestricht: J. E. Dufour; Ph. Rouy, 1785, 133 p.
99. Raymond X. (Ed.). [Caraman V. L. Ch. duc de. Journal d'un voyage en Crimée]. *Journal des débats politiques et littéraires*, samedi 23 septembre, 1854, pp. 2–3.
100. Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803...* Paris: Bossance, Masson et Besson, 1806, 302 p.
101. Ruffin. Lettre de M. le baron de Tott, etc. *Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares*. T. 2. Amsterdam, 1785, pp. 1–32 [Appendice].
102. Strykowski M. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej rusi*. T. I. Warszawa: Gustaw Leon Glücksberg, 1846, ss. 392.
103. Urbegaun B. *Les noms des villes russes: la mode grecque*. *Revue des études slaves*, 1936, t. 16, fasc. 3–4, pp. 214–235.
104. Williams B. G. *The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001, 488 p.

Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут

Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара

Резюме

Статья посвящена малоизвестному источнику по истории Крыма – путевым запискам француза Шарля де Бара. Данное сочинение – пример того, как французы изучали и осмысливали перемены, произошедшие в Северном Причерноморье благодаря активной политике России во второй половине XVIII в. Показано место указанного травелога в корпусе записок иностранцев о Крыме и оценена его информативность для современных исследований по истории, демографии, военному делу и археологии Крыма. В приложении впервые публикуется русский перевод «крымской» части путевых записок де Бара.

Ключевые слова: Шарль де Бар, травелог, воображаемая география, Крым, Российская империя.

N. I. Khrapunov, N. V. Ginkut

The Crimea in 1784 According to French Traveller Baron de Baert's Account

Summary

This article discusses a poorly known source on the Crimean history, the travelogue by Frenchman Charles de Baert. His work is an example of Frenchman's investigation and reflection on the changes in the Black Sea Area caused by Russia's active policies in the second half of the eighteenth century. The place of this source in the corpus of foreign travelogues on the Crimea has been uncovered and its information capacity for modern researches in history and demography, warfare and archaeology of the Crimea has been evaluated. The appendix is the first Russian translation of the Crimean section of de Baert's travelogue.

Keywords: Charles de Baert, travelogue, imagined geographies, Crimea, Russian Empire.

D. V. KONKIN

**THE “WAKF QUESTION” IN THE SYSTEM OF RELATIONS BETWEEN
RUSSIAN AUTOCRACY AND CRIMEAN MOSLEMS
(LATE EIGHTEENTH TO EARLY TWENTIETH CENTURIES)¹**

According to most general definitions of encyclopaedias, *wakf* is the charitable property establishment act on a trust basis, in result of which the *wakf* establisher (*wakif*) transferred his/her indisputable property (real estate or, in certain cases, movables) to the end of time for the charitable purpose, determined once and forever [see: 60, p. 59; 4, p. 45; 56, p. 390, 391; 7, pp. 485, 486]. A product of Muslim religious philosophy, *wakf* became extremely popular throughout the Moslem world, making an extraordinary important contribution to the formation of the Islamic civilization [57, p. XIII]. The Crimean Peninsula was not an exception: a great number of local *wakfs* appeared especially in the period of the Crimean Khanate, in two traditional forms. The Russian legislation knew the first type, *wakf khayrī*, as “*dukhovnyi vakuf*” (“spiritual *wakf*”) [56, p. 391; 7, p. 488], and the second, *wakf ahlī*, as “*chastnyi vakuf*” (“private *wakf*”) [56, p. 391; 7, p. 488]. By the Russian annexation of the Crimea, *wakfs* formed there, according to various calculations, either the “majority” [54, p. 15] or one-third of arable land [58, pp. 77, 78]. However, these calculations remain conventional because of the lack of statistical data on *wakf* under the Crimean Khanate. Apart from the land, there were other *wakf* properties, such as buildings, fountains, and so on.

The Russian legislation first mentioned *wakf* in the Order *On the Establishment of the Department of Schools in Simferopol for the Education of Tatar Schoolteachers* of 14 February 1827 [45, vol. 2, № 902]. Naturally, this legislative act did not imply that the establishment of the institution of *wakf* in the Russian Empire dates to the same year. *Wakfs* certainly existed before, though outside of the Empire’s legal framework.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783-1825».

² The documents issued in the Crimea and in the Russian Empire, legislative acts in particular, spelled this term as “вакуф,” *vakuf*, disregarding its correct Arabic form “*waqf*” (واقف), plural “*awqaf*” (واقف) or “*wuquf*.” The spelling “*vakuf*” is also popular in the scholarship in Russian and Ukrainian languages. This article uses the form “*wakf*,” plural “*wakfs*,” according to the *Encyclopaedia of Islam* [61, s. v. Wakf], which also was a source of spelling of other specific terms.

At the initial stage of the administrative and economical integration of the Crimean Peninsula, Russian bureaucrats followed the ways of governing the *inorodtsi* (“foreigners”) declared by Catherine II’s Manifesto of 8 April 1783 [44, vol. 21, № 1570], which guaranteed the inviolability of local residents’ traditional rights and religious customs. Despite declarative character of this document, establishing the general trend and particularly shaping the framework of the Russian Administration’s policy towards Crimean Islam, the Manifesto formed a stable and efficient argument for Russian officials working with numerous problems related to the protection of Moslem traditions in the annexed territories. By all appearance, local authorities had to treat *wakfs* in accordance with the principles established by the Manifesto, viewing *wakfs* as a traditional Moslem institution, free from any administrative interference.

After 1783, most initiatives on the reorganization of the New Russia in general and the Crimea in particular came from the Governor of New Russia and Empress Catherine II’s favourite Grigorii Potemkin. This trend also concerned the policy towards the Crimean Muslims [28, p. 630]. Its important component was the new authorities’ various demonstrations of knowledge and respect to local customs. In this regard, an effective approach was the new publication of *Koran* upon Catherine II’s order prior to her travel to the Crimea [5, p. 42; 18, p. 78; 49, p. 62]. Among these measures was the replacement of the poll tax in the Crimea with the land tax, resembling *kharadj*, and a tithe from the harvest, actually *ushr*, both tolerable for the Moslems. Some of the money collected was used to support mosques, staff of schools, and “necessary public spaces and especially fountains...” [44, vol. 21, № 15798]. Catherine II’s establishment of money *wakf* should certainly be included to the list of the said measures. This episode is documented by an archival file in the collection of the State Archive of the Republic of the Crimea [13, ll. 126-127, 149]. This document particularly informs that, during her stay in the Crimea at the famous trip, the Empress donated 583 roubles and 83 kopecks in silver (or 2,040 roubles in paper money) in favour of the *wakfs* of several Moslem establishments in Bakhchisarai:

- for a mosque in the “Khan Djami parish” [13, l. 149];
- for the “Kebir Djami clerks: 206 roubles and 67 kopecks for two imams, 103 roubles 33 ½ kopecks for the *khatib*, 103 roubles 33 ½ kopecks for the library, 372 roubles for six *mazins* [*mu’adhdhin?*]...” [13, ll. 126-127];
- for “Khan Mengli Girei’s Madrasah, 120 roubles; for Amet Aga’s Madrasah, 120 roubles...” and more donations for other *madrasas* and *maktabas* [13, ll. 126-127].

The document also foresees the salary of 102 roubles for the *mutawalli*, the curator of *wakf* properties [13, l. 127]. The clergy accepted all the Empress’ donations, using them in proper way as late as fifty years after.

It is interesting enough that other primary sources and secondary researches on Catherine II’s travel to the Crimea did not supply any direct information on the *wakf* established by her [see: 46; 25; 43; 5; 21]. Most likely, Catherine made this donation during her first visit to Bakhchisarai, when she met with the Crimean *mufii* and other Moslem clergymen. Aleksandr Brikner informed that, following the Empress’ arrival to Bakhchisarai, she “ladled out money for the building of mosques” in order to make a good impression on the Tatars [5, p. 42]. There is also an account that, staying in Karasubazar, the Empress donated money “for the mosque” to dervishes (perhaps for their *tekiyye*) [3, p. 364]. Evgenii Markov accounted to the money capitals bequeathed by Catherine II to Moslem schools [33, pp. 107-108].

It is worth mentioning that Potemkin was the Russian Government's chief assistant in all the enterprises concerning the formation of new power's positive image among the Crimean Muslims. Perhaps, the reason was Potemkin's rare experience in working with Moslems. Famous "Prince of Taurida" got these knowledge and practical training first during his service in the Synod in Saint Petersburg and then in 1768, when he participated special Spiritual and Public Commission (a part of the famous Legislative Commission of 1767-1769). In this Commission, Potemkin was the "guardian" of the *inovertsii*, i. e. Moslem populations of continental governorates of Russia, representing their interests [3, pp. 93-96]. However, practical knowledge obtained in these affairs did not save Potemkin from some radical measures towards the "indigenous" population of the Crimea, nor did they prevent several mistakes in the confessional policy. Potemkin's measures for the regional economy were sometimes risky and sometimes forcible.

Following Potemkin's death in autumn 1791, Catherine II personally administered the New Russia for more than a year-and-a-half. The functions of governor-general in this wide area, which cried for active economical development, required of the administrator to stay in the region. Naturally, the Empress could not do that. Perhaps, it was the reason why in this short period the development of the area followed the policy established by Potemkin, who enjoyed the Empress' total confidence. However, the Crimea accumulated a great number of problems, including the distribution of state-owned land, though the Empress did not make any important decision in the field.

On 25 July 1793, another famous favourite of Catherine II Count Platon Zubov was appointed as the Governor-General of Ekaterinoslav and Taurida. Although this marked some minor changes in the land use in the Crimea, he did not perform any radical steps. Moreover, in the first year of his work, Zubov continued his predecessor's tradition of large-scale distribution of lands [37, p. 57; 38, pp. 59, 60; 39, pp. 103, 109, 117, 118; 40, pp. 53, 71, 72; 41, p. 2; 42, pp. 16, 22, 26 and other]. Although the legitimacy of Potemkin's land donations in the Crimea remained undisputed, Zubov's activities raised well-grounded doubts already in his lifetime. In 1806, the Russian Minister of Home Affairs Vasilii Kochubei wrote to Governor of Taurida Dmitrii Mertvago that "the solution of the problem if Prince Zubov had the right to distribute lands, since he probably was not allowed to give them out, lacking any written or oral permission from the late Autocratess, would be quite hard and delicate problem..." [11, l. 37].

Zubov initiated the order, passed by the Senate after his report [20, p. 203], *On the Leaving of the Owners in the Taurida Governorate in Free Disposal of Their Estates, Patrimonies, and Other Noblemen's Estates of the Kind, Extending this Right on Their Heirs*. This order came into effect on 9 November 1794 [44, vol. 23, № 17265] to become a milestone in the land-use system in the Crimea. This was the first legislative act assigning the Crimean residents "of clerical Mohammedan titles, and also merchants of various ranks, bourgeois, ordinary Tatars and others" to "estates, patrimonies, and other noblemen's estates of the kind, which they owned as property by heritage or in other legal ways... extending this liberty on their heirs" [44, vol. 23, № 17265]. Therefore, although most peasants in the Russian Empire were bonded to land and were extremely restricted in their economic abilities, ordinary Crimea Tatars as members of agricultural communes got the ownership right to tillable land. However, apart from granting the ownership right to the land already occupied by the Crimean Tatars, this order introduced the restriction of acquisition on new lands, extended on most local residents. According to the law, the right of acquisition (by buying or in any other way) and rental of "noblemen's estates" was restricted to those "natural local residents, who, according to

Russian laws, have the right to own the nobleman's property." In result, the coming of this order into effect stroke ordinary Crimean Tatars and almost all the Moslem clergymen off the potential land-buyers. First time after the Russian annexation of the Crimea, the law directly restricted local residents' liberties, promised by Catherine II's manifestos [28, p. 637].

The ascension of Paul I marked a certain shift in the land-use policies in the New Russia. Under Catherine, Potemkin and, later, Zubov placed high emphasis on the donation of state-owned lands to Russian landowners and on the peopling this vast area with Russian and Ukrainian peasants. On the contrary, Paul I, after his rapid administrative reform in the Russian south, paid much of his attention to the economical development of the region. This trend is particularly visible on his legislative acts for Taurida. The Emperor's orders encouraged sheep breeding, winemaking, silk-farming, and other industries [44, vol. 25, № 18375; 44, vol. 26, № 19290, № 19771]. Another direction of Paul's activities for the economical development of the Russian south was its peopling with different ethnic minorities, accompanied by generous donations of land [44, vol. 24, № 17905; 44, vol. 25, № 19168; 44, vol. 26, № 19372]. This cardinal reorganization of southern provinces required abundant land properties. Large-scale distributions and donations in previous ages logically resulted in the lack of state-owned lands. There was need to stop the washing-out of the state properties.

In order to sort out the land problems in the Crimea, Paul I and Alexander I started the establishment of specific land management commissions. The most important contribution came from the *Commission for the Settlement of Disputes on the Right of Land Ownership in the Crimean Peninsula*, which worked in 1802–1810 (henceforth "1802 Commission"). This state body possessed wide authority to lay firm foundation (from the point of view of Russian law) for the new landowners' right to Crimean lands. Later, the 1802 Commission's decisions usually became the local proprietors' argument proving their ownership rights.

Although the status of *wakf* properties was still not enshrined in the legislation, and the legitimating of *wakf* was not among the 1802 Commission's tasks, the Commission discussed this kind of Crimean landownership several times. Russian authorities incorrectly understood *wakf* as the property of Moslem clergy. This understanding implies free use of *wakf*, with possible changes in its purpose. In some cases, this interpretation was good for Crimean Moslems, since such status secured *wakf* in Russian legislation more firmly than any other status or its existence outside the legal framework. In result, the reservation of *wakf* to clergy supplied the latter with an opportunity to use and even to sell this type of property. In the age of the Crimean Khanate, such processes were less pronounced in the Crimea because the peninsula was under the Sharia law. Archival documents support the conclusion that the Russian government unwillingly granted the clergy with extra rights concerning *wakf* land. In 1806, the Chairman of the 1802 Commission and Governor of Taurida Dmitrii Mertvago requested from the Mufti of Taurida the information "on the law or the ownership right allowing to sell the *wakf* owned by *tekiyye* and others of the kind..." [12, l. 1]. It is important to admit that the said conflict was not sorted out by later legislative acts but, on the contrary, was officially approved. The *Regulation for Tatar Settlers and Land Owners in the Taurida Governorate* of 1827 [45, vol. 2, № 1417] calls the spiritual *wakf* the "inviolable property of mosques and schools" under the management and supervision of the "Mohammadan Spiritual Administration" (§34).

The most important role in the legitimating of *wakf* landownership belonged to the *Commission for the Investigation and Eradication of the Abuses in the Taurida Governorate*, 1816–1819 (henceforth "1816 Commission"). Emperor Alexander I established this Commission by his

personal decision, emphasizing the forthcoming results of its work [29, p. 113]. The Tsar's almighty favourite Aleksei Arakcheev and Governor of New Russia Alexandre-Louis de Langeron supervised the works of the 1816 Commission.

The 1816 Commission included Crimean Tatar nobles, particularly Prince Kaia Bei Balatukov, Major Azamat Arginskii, and Major Seit Ibragim Tashchi Oglu, who actively participated in its work. The knowledge of local customs and traditional forms of Crimean Tatar land-use system allowed them to solve many cases in a positive way. The works of Prince Balatukov, the permanent member of the 1816 Commission, deserves particular consideration. As the author of the *Opinion* of 15 March 1818, he paid the Commission members' attention to the great number of petitions on the *wakf* lands appearing in private property due to various reasons [10, ll. 1-8]. Then Balatukov's *Opinion* demonstrated the differences between *wakf* properties, particularly such kinds of *wakf* as *ebnai wakf* and *evliadi wakf*, which appeared to surprise the Russian authorities. Later on, Russian legislation incorporated these *wakfs* as "private," subject to specific rules, in contrast to "spiritual *wakfs*," which were administered by Moslem clergy. Therefore, Balatukov's *Opinion* made an important step towards the incorporation of the concept of *wakf* into the Russian legislation. This was probably the most important result of the 1816 Commission, since private *wakfs* formed a large array of Crimean lands and its legalisation was a warranty of its preservation and separation from possible speculation in the future.

Among Alexander I's key decisions, which dramatically changed the development of the New Russian region and the Crimea in particular, was the appointment of Count Mikhail Vorontsov as the Governor-General of the New Russia. Having large circle of relations among Petersburg aristocracy and permanent support from the Tsar's family and being a friend of ministers, this Russian dignitary made provisions for the rapid development of Southern Russia. The "*wakf* question" did not escape his attention. In the 1830s, Vorontsov initiated several laws concerning Crimean *wakfs*, which allowed the settling of the problem of land-use in the Crimea for a certain period and, simultaneously, the observations of the interests of civil proprietors (the Governor-General was among the biggest of them) and Moslem clergy [30].

Another famous politician, who actively participated in the regulation of *wakf*, was Dmitrii Bludov, one of the most talented and progressive officials of the generation. As the Deputy Minister of People's Enlightenment, in 1828 Bludov headed the Central Administration for the Spiritual Affairs of Foreign Religions. In the period in question, this Administration elaborated laws concerning the Crimean Moslems. Bludov took part in this work, in result of which in the late 1820s and early 1830s Emperor Nicholas I signed several orders regulating the rights of Crimean Moslems, related to *wakf* in particular. This legislation included the *Regulation Concerning the Tatar Settlers and Land-Owners in the Taurida Governorate* confirmed by the Emperor on 28 September 1827 [45, vol. 2, № 1417]. The Regulation's Articles 33 and 34 deal with *wakf* land. Soon after, these articles were considerably amended by the State Council's "opinion" *On the Wakf Estates in the Crimea*, adopted by the Emperor on 22 March 1829 [45, vol. 4, № 2761]. This law firstly introduced the concept of "private *wakf*" into the Russian legislation and stated the legitimating conditions for both spiritual and private *wakfs*. Finally, the *Condition on the Taurida Mohammadan Spiritual Administration and the Cases Administered by It* [45, vol. 6, № 5033] passed on 23 December 1831 confirmed the Moslem clergy's right for spiritual *wakfs* [see details at 22, pp. 45-47].

By the mid-nineteenth century, preparation of specific legislation for the Moslems became

an urgent affair and a subject to discussion by top administrators and the Russian emperor. Dmitrii Arapov informs, with a reference to Aleksei Kharuzin's manuscript, that the meeting of Nicholas I, Bludov, and Vorontsov in 1848 recognised that Islamic laws needed codification. However, the forthcoming edition of the "Sharia regulations" should have "unofficial status" in order "not to raise the importance of Islam too high" [1, p. 77].

Perhaps as a part of this project, the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery published in 1850, at government expense, Nikolai Tornau's *Statement of the Origins of Moslem Jurisprudence*. However, this research appeared not very convenient as a lawmakers' reference book. First, it was unofficial. Second, it used mostly on Shiite sources, as the author himself mentioned [51, p. IX]. Although the book also included some Sunnite sources, these were less known in the Caucasus and Crimea.

The final stage of the lawmaking for the Islamic sphere started in the 1820s by the politicians of Nicholas I's generation was the publication of the *Statutes of Spiritual Affairs for Foreign Religions* within the general *Code of Russian Imperial Law* in 1857. Volume XI, Part I, Book V presents the first collection of state laws regulating various spheres of Moslem life within the Empire. The problem of *wakf* was addressed by article 1203 (with special Appendix), though it concerns only the Taurida Governorate [50].

The "*wakf* question" became topical again after the Crimean War. In result of large-scale emigration of Crimean Tatars following the end of military operations, entire villages appeared devastated and abandoned. Their mosques with spiritual *wakfs* were also deserted. Massive array of such lands appeared in possession of outsiders by this or that way. Many Crimean Tatars' private *wakfs* were sold into private property, illegally according to both Russian law and Moslem tradition. This problem troubled Tsarist administration, so the Ministries of Home Affairs, State Properties, and Justice undertook some measures to regulate the "*wakf* question."

Due to the specific features of this process, the Emperor and the Government needed a time to develop constructive position regarding the Crimean Tatars and *wakfs* in particular. In the first post-war years, the predominating interpretation doubts the Crimean Tatars' loyalty to the tsarist regime, which particularly reflected in Tsar Alexander II's personal opinion [36, pp. 179, 187]. In result, there appeared the idea that the Empire did not need Crimean Tatars' economy, so their migration to Turkey would be desirable [55, pp. 211-229; 52, pp. 537-538; 17, pp. 75-76; 31, pp. 604-605, 625-626, 629; 24, p. 118; 16, p. 209]. The research has shown that some of the military men, local dignitaries, and land-owners practically realized this discourse [26; 52, pp. 532-533; 27, pp. 150-151; 31, pp. 605-610; 36, pp. 171-176, 185]. The government understood the depth of the problem and its risks for the economical development of the region years after the beginning of the Crimean Tatar emigration. The shifted official position reflected in the public thought, as sympathetic publications [26; 19; 31; 17], recall of some officials [36, p. 180; 34, pp. 698-699; 24, p. 112], initiatives by *zemstvo* local self-government [9, p. 38], and in the central government's practical measures to solve this actual problem.

An important episode was Semen Vorontsov's mission. In March 1874, Emperor Alexander II sent Adjutant General Count Vorontsov to the Crimea to find out the reason for "Crimean Tatars' raising desire to leave the limits of Russia" [47, l. 201]. The Emperor's choice of this person as the "ambassador" was quite symbolical. Crimean Tatars, and particularly their clergy, respected the father, His Serene Highness the Prince Mikhail Vorontsov. Therefore, the Moslems should have

absolute trust in the son. Semen Vorontsov stated the results of his mission in the *Memoir*, submitted directly to the Tsar. Apart from other points, the *Memoir* suggested several measures to prevent Crimean Tatar emigration [8; 34, pp. 701-706]. The problem of *wakf* was also addressed, particularly stating that it “greatly troubled and alarmed both the population and the Moslem clergy” [47, ll. 201, 201ob.]. In Semen Vorontsov’s words, Crimean Tatars petitioned to leave the regulation of *wakf* properties “in the public administration as before.” The “ambassador” supposed that the complying with this petition “would make good wholesome influence on the Tatar population’s state of minds” [47, l. 201ob.]. Therefore, the “*wakf* question” is among the key points capable of preventing Tatar emigration. Vorontsov’s *Memoir* shows that the Tatars viewed *wakf* as not a property but rather as a kind of religious symbol, indicating the observation of their rights and traditions by the Imperial power.

Realizing this problem’s importance, the Emperor put his positive resolution on the document, ordering to “consider how to realize this [idea]” [Мартыянов, с. 705]. Thus, he stopped the burst of some officials, especially those from the Ministry of State Properties, for radical transformation of *wakf* management by its total requisition from the Moslem clergy. Perhaps the Emperor’s position reflected in the adoption, soon after Vorontsov’s mission, of the Cabinet of Ministers’ Order *On Spiritual and Public Wakf Properties in the Taurida Governorate* [45, vol. 49, part 2, № 53703]. According to this Order, Crimean private *wakfs* passed to the management of the Ministry of State Properties. However, the first clause of the Order states that spiritual *wakfs*, including those at liquidated mosques, remained under the management of the Taurida Muhammadan Spiritual Administration.

The problem of *wakf* did not escape the attention of the next Russian Emperor Alexander III. On 28 February 1885, this autocrat established the Special Commission on Wakfs (henceforth “Wakf Commission”) in order to sort out the problems that heaped in the Crimea. Particularly, the Wakf Commission should calculate the quantity of *wakf* properties and the legality of its ownership by the persons concerned, as well as to develop the project of optimal management for the Crimean *wakfs* [14, l. 1; 15, l. 1].

Alexander III’s personal order made the Emperor’s Retinue Chamberlain and Major-General Sultan Khadzhi Gubaidulla Dzhangir-Ogly Chingiz-Khan the Chairman of the Wakf Commission. Similarly to Semen Vorontsov’s, his mission to the Crimea was not accidental. A member of one of the noblest families in the Old World, Sultan Chingiz-Khan was Sunnite Moslem [2, p. 101]. These two conditions played a specific role for the Crimea, since the Crimean Tatars traditionally confessed Sunnite Islam, though the Girai dynasty of Crimean khans descended from Genghis Khan (“Chingiz-Khan” in Russian spelling). A Moslem with such a genealogy would certainly deeply impress the Crimean Tatars and would gain their trust.

However, due to the lack of success in the works of Wakf Commission under Sultan Chingiz-Khan, Alexander III dismissed him in 1889. The Commission successfully realized its general tasks under its next Chairman Prince Fedor Golitsyn, a blood brother to famous Crimean winemaker Lev Golitsyn. Among Fedor Golitsyn’s personal achievements in the land-use management in the Crimea was the initiative to solve the problem of landless Crimean Tatars by settling them at *wakf* allotments. Although similar propositions circulated before him, Prince Golitsyn shaped this idea into the form desirable “at the top level” and, most importantly, suggested a working mechanism of its practical realization. As such, it had good consequences for the Crimean Tatar peasantry.

Several years after, the Taurida Governor's report to the emperor of 1897 informed that, with the aim of supplying landless Crimean Tatars with land and as an experience, more than 5 000 *desiatinas*³ of *wakf* land were leased out to landless Crimean Tatars from 1896 on, for the term of three years, with the right to prolong it for 12 years. The very profitable lease fee was 1.5 to 3 roubles per *desiatina* [48, ll. 4, 4 ob]. Importantly, this initiative gained support from the Tsarism. Emperor Nicholas II made, by his own hand, a remark on this clause of the Report: "It should continue in this direction in the future" [48, l. 4]. Therefore the settling of landless Crimean Tatars on *wakf* allotments was officially favoured at the highest governmental level. It is worth pointing out that this process continued as long as the October of 1917.

In the twentieth century, the "*wakf* question" was repeatedly discussed by Gosudarstvennaia Duma (Russian parliament). Particularly, Rashid Mediev, the delegate member of the Moslem Fraction of the Second Duma, concerned it in his famous speech. Mediev announced the instruction of "Tatar brothers" complaining that tsar's officials plundered *wakf* lands [6, pp. 124-125]. By the way, Vladimir Lenin sympathetically commented this oration in his *Agrarian Program of Social Democracy in the First Russian Revolution, 1905–1907*, evaluating it as a "revolutionary speech" protecting "land and liberty" [32, p. 389].

Petr Stolypin several times participated in the discussion on the projects of the management of *wakfs* in the Crimea, first as the Minister of Home Affairs and then as the head of the government. Stolypin probably opposed the settling of the members of Crimean Tatar village communities on *wakf* lands, since his general agrarian reform foresaw the liquidation of agrarian communities, though the system of *wakfs* preserved and favoured such communities [35, p. 116; 59, p. 118]. It is known that Stolypin paid much attention to the "Moslem question" in Russia [2, pp. 314-315; 23, pp. 12-13], since the success in this area determined a great deal of stability in the Empire in general. As a practical action in the field, Stolypin supported the publication of the famous journal *Mir islama* ("The World of Islam") [2, pp. 340-342]. The first four volumes appeared in 1912, edited by famous Orientalist Vasilii Bartold. Nicholas II's special order provided the financing of these volumes in the amount of 25,000 roubles from the *wakf* capitals of the abolished mosques in the Taurida Governorate [53, p. 11].

Therefore, the "*wakf* question" was the backbone of the history of relations between the Crimean Tatars and the Russian autocracy. This type of land property survived despite different problems, particularly fast Russification of the region, Crimea's administrative status of ordinary Russian governorate, introduction of all-Russia's legislation, and other novelties. Side by side with other traditional Islamic institutions, *wakfs* indicated and preserved Crimean Tatars' Islamic identity. Under every next Russian emperor, the "*wakf* question" became an important factor in the cooperation of Crimean Islamic clergy and Russian authorities. Finally, the institution of *wakf* as an inalienable element of traditional material, economical support to Moslem population made an important contribution to the preservation of the history and culture of the Crimean Tatar. Occasionally *wakfs* secured the physical survival of Crimean Tatars, when landless peasants lacking their own plots were allowed to settle and farm *wakf* allotments. Besides, *wakfs* prevent a considerable part of Crimean Moslems from emigrating. It is worth mentioning that the tsars showed

³ *Desiatina* is a Russian archaic land measurement unit, equivalent to 1.0925 hectares (10,925 square meters) or 2,702 English acres.

enough patience and understanding in their policies for the “*wakf* question” in the Crimea. Despite of repeated attempts of secularization, this type of religious endowment was kept and legally bonded to the Crimean clergy. The upshot was the development of the system of *wakf* management, which largely became the sample for other Moslem regions within the Empire.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М.: МПГУ, 2004. 288 с.
2. Арапов Д. Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. М.: Наталис, 2006. 480 с.
3. Болотина Н. Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М.: Вече, 2006. 509 с.
4. Большаков О. Г. Вақф // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 45.
5. Брикнер А. Г. Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России в 1787 г. СПб: Типография В. С. Балашова, 1872. 51 с.
6. Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М.: Мысль, 1976. 262 с.
7. Вормс А. Вакуфы // Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А.и И. Гранат и Ко». Издание VII. М.: Главная контора Т-ва «Бр. А.и И. Гранат и Ко», 1910–1948. Т. VII. С. 483–489.
8. Воронцов С. М. О выселении татар из Крыма (Всеподаннейшее донесение генерал-адъютанта князя С. М. Воронцова. 14 апреля 1874 г. // Русский архив. 1909. № 7. С. 439–444.
9. Воскресенский А. Татары и земельно-устроительные комиссии в Крыму // Вестник Таврического Земства. 1904. № 7–8 (апрель). С. 24–49.
10. ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 286. 8 л.
11. ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 475а. 76 л.
12. ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 546. 2 л.
13. ГАРК. Ф. 315. Оп. 1. Д. 147. 404 л.
14. ГАРК. Ф. 456. Оп. 1. Д. 1. 25 л.
15. ГАРК. Ф. 456. Оп. 1. Д. 5. 44 л.
16. Ганкевич В. Ю., Щевелев В. С. Крым в конце XVIII – начале XX вв. // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М.: «Русское историческое общество» – «Русская панорама», 2006. С. 206–229.
17. Гольденберг М. Крым и крымские татары // Вестник Европы. 1883. Т. 6. Кн. 11 (ноябрь). С. 67–89.
18. Грязневич П. А. Коран в России (изучение, переводы и издания) // Ислам. Религия, общество, государство. М.: Наука, 1984. С. 76–82.
19. [Добролюбов Н. А.] Конрад Лиленшвагер. Ода на выселение татар из Крыма // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863. М.: Наука, 1981. С. 215–216.
20. Дружинина Е. А. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 280 с.
21. Есипов Г. В. Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 г. // Киевская старина. 1891. Т. 34. С. 22–52, 237–253, 407–426.
22. Загидуллин И. К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность. Материалы всероссийского семинара «Ислам и благотворительность». Казань, 2006. С. 44–103.
23. Загидуллин И. К. Предисловие // Особое Совецание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., авт. предисл., прим. и сокр. И. К. Загидуллин. Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С. 4–32.

24. Золотарев Д. Ю. Крымськотатарська еміграція останньої третини ХІХ – початку ХХ ст.: історіографічний і джерелознавчий аспекти: Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2000. 258 с.
25. Императрица Екатерина II в Крыму. 1787 г. (Корреспонденция принца Карла-Генриха Нассау-Зигена) // Русская старина. 1893. Ноябрь. С. 283–299.
26. [Кельсиев В. И.]. Гонение на крымских татар // Колокол. Прибавочные листы к «Полярной звезде». № 117 (22 декабря 1861).
27. Кондараки В. Х. Эмиграция крымских татар // В память столетия Крыма. Этнография Тавриды: В 2-х т. М.: Типография В. В. Чичерина, 1883. Т.2. Приложение: Сказки. С.147–159.
28. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 627–640.
29. Конкин Д. В. «Комиссия для исследования и искоренения злоупотреблений в Таврической губернии» (1816–1819 гг.) и ее деятельность по урегулированию крымскотатарского землевладения // Проблемы гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Сборник научных статей. Симферополь, 2009. С. 110–117.
30. Конкин Д. В. Граф М. С. Воронцов и вакуфный вопрос в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 488–518.
31. Левицкий Г. П. Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. 1882. Т. V. Кн. 10. С. 596–639.
32. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. М.: Изд-во полит. литературы, 1973. Т. 16. 698 с.
33. Марков Е. Л. Материалы по вопросу об образовании крымских татар, извлеченные из дел Таврической дирекции училищ и других местных источников, директором Таврических училищ Марковым // Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: Изд-во тип. товарищества «Общественная польза», 1869. С. 98–121.
34. Мартъянов П. К. Последняя эмиграция татар из Крыма в 1874 году // Исторический вестник. СПб., 1886. Т. 24. С. 698–708.
35. Наганова Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы научно-практической конференции (27–28 сентября 2005 г. Казань). Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 101–128.
36. Озенбашлы А. С. Трагедия Крыма: Воспоминания и документы / Перев. К. Усеинов. Симферополь: Доля, 2007. 288 с.
37. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области. 1793 г. / Сообщил Г. Киреенко // ИТУАК. 1892. № 15. С. 49–69.
38. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1794-й год / Сообщил Г. К. Киреенко // ИТУАК. 1892. № 16. С. 50–74.
39. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1794-й год (Продолжение) / Сообщил Г. К. Киреенко // ИТУАК. 1892. № 17. С. 103–119.
40. Ордера кн. П. А. Зубова правителю Таврической области за 1794-й год (Продолжение) / Сообщил Г. К. Киреенко // ИТУАК. 1893. № 18. С. 53–72.
41. Ордера кн. Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1794-й год (Продолжение) / Сообщил Г. К. Киреенко // ИТУАК. 1893. № 19. С. 1–22.
42. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1794-й г. (Продолжение) / Сообщил Г. К. Киреенко // ИТУАК. 1894. № 21. С. 1–26.
43. Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу графу Ласси во время путешествия в Херсон и Крым в 1787 г. // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 356–372.
44. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830.
45. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830–1881.

46. Пять лет в России при Екатерине Великой. Записки графа Л. Ф. Сегюра (Крымское путешествие) // Русский архив. 1907. № 10. С. 193–266.
47. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 883. 331 л.
48. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 931. 207 л.
49. Сафиуллина Р. Р. Арабская книга в духовной жизни татарского народа. Казань: Алма-Лит, 2003. 211 с.
50. Свод законов Российской империи. Издание 1857 года: в 15 т. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВ Канцелярии, 1857. Т. 11. Ч. 1.: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. 264 с.
51. Торнау Н. Е. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВ Канцелярии, 1850. 482 с.
52. Тотлебен Э. И. О выселении татар из Крыма в 1860 году // Русская старина. 1893. № 78 (июнь). С. 531–550.
53. Хайрутдинов Р. «Мир Ислама»: из истории создания журнала // Мир ислама. 1999. № 1/2. С. 3–20.
54. Частно-вакуфное владение в Крыму. Симферополь: Тип. Спиро, 1892. 150 с.
55. Щербань Н. Переселение крымских татар // Русский вестник. 1860. Т. 30 (декабрь). С. 211–229.
56. Яновский А. Е. Вакуф // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. V. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1891. С. 390–393
57. Hennigan P. The birth of a legal institution: the formation of the waqf in third century A.H. Hanafi legal discourse. Leiden-Boston: Brill, 2004. 238 p. (Studies in Islamic law and society; v.18)
58. Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1978. 264 p.
59. Naganava N. Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905 // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2006. Т. 23. Pp. 101–123.
60. Peters R. [Wakf] In Classical Islamic law // The Encyclopaedia of Islam. Leiden: Brill, 2002. Vol. XI. Pp. 59–63.
61. Wakf // The Encyclopaedia of Islam. Leiden: Brill, 2002. Vol. XI. Pp. 59–99.

REFERENCES

1. Arapov D. Iu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniia islama v Rossiiskoi imperii (posledniaia tret' XVIII – nachalo XX vv.)*. Moscow, MPGU, 2004, 288 p.
2. Arapov D. Iu. *Imperatorskaia Rossiia i musul'manskii mir (konets XVIII – nachalo XX v.): Sbornik materialov*. Moscow, Natalis Publ., 2006. 480 p.
3. Bolotina N. Iu. *Kniaz' Potemkin. Geroi epokhi Ekateriny Velikoi*. Moscow, Veche Publ., 2006, 509 p.
4. Bol'shakov O. G. *Vakf. Islam. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Nauka Publ., 1991, p. 45.
5. Brikner A. G. *Puteshestvie imperatritsy Ekateriny II v poludennyi kraj Rossii v 1787 g.* St. Petersburg, Tipografia V. S. Balashova, 1872, 51 p.
6. Burmistrova T. Iu., Gusakova V. S. *Natsional'nyi vopros v programmakh i taktike politicheskikh partii v Rossii. 1905–1917 gg.* Moscow, Mysl' Publ., 1976, 262 p.
7. Vorms A. *Vakufy. Entsiklopedicheskii slovar' t-va «Br. A. i I. Granat i Ko». Izdanie VII.* Moscow, Glavnaia kontora «Br. A. i I. Granat i Ko», 1910–1948, vol. VII, pp. 483–489.
8. Vorontsov S. M. O vyselenii tatar iz Kryma (Vsepoddanneishee donesenie general-ad'jutanta kniazia S. M. Vorontsova. 14 aprelia 1874 g. *Russkii arkhiv*, 1909, № 7, pp. 439–444.
9. Voskresenskii A. *Tatary i zemel'no-ustroitel'nye komissii v Krymu. Vestnik Tavricheskogo Zemstva*, 1904, № 7–8 (april), pp. 24–49
10. *Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym*. F. 23. Op. 1. D. 286. 8 l.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym*. F. 24. Op. 1. D. 475 a. 76 l.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym*. F. 24. Op. 1. D. 546. 2 l.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym*. F. 315. Op. 1. D. 147. 404 l.
14. *Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym*. F. 456. Op. 1. D. 1. 25 l.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym*. F. 456. Op. 1. D. 5. 44 l.

16. Gankevich V. Iu., Shchevelev V. S. Krym v kontse XVIII – nachale XX vv. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*, vol. 10 (158): Rossiia i Krym. Moscow, «Russkoe istoricheskoe obshchestvo» – «Russkaia panorama», 2006, pp. 206–229.
17. Gol'denberg M. Krym i krymskie tatar. *Vestnik Evropy*, 1883, vol. 6, kn. 11 (november), pp. 67–89.
18. Griaznevich P. A. Koran v Rossii (izuchenie, perevody i izdaniia). *Islam. Religii, obshchestvo, gosudarstvo*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 76–82.
19. [Dobroliubov N. A.] Konrad Lilienshvager. Oda na vyselenie tatar iz Kryma. *Svistok. Sbranie literaturnykh, zhurnal'nykh i drugikh zametok. Satiricheskoe prilozhenie k zhurnalu «Sovremennik». 1859–1863*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 215–216.
20. Druzhinina E. A. *Severnoe Prichernomor'ie v 1775–1800 gg.* Moscow, AN SSSR Publ., 1959, 280 p.
21. Esipov G. V. Puteshestvie imperatritsy Ekateriny II v iuzhniuu Rossiiu v 1787 g. *Kievskaiia starina*, 1891, vol. 34, pp. 22–52, 237–253, 407–426.
22. Zagidullin I. K. Vakufy v imperskom pravovom prostranstve. *Islam i blagotvoritel'nost'. Materialy vsereossiiskogo seminara «Islam i blagotvoritel'nost'»*. Kazan', 2006, pp. 44–103.
23. Zagidullin I. K. Predislovie. I. K. Zagidullin (Ed.). *Osoboe Soveshchanie po musul'manskim delam 1914 goda*. Kazan': «Ikhlas» Publ.; Institut istorii im. Sh. Mardzhani, 2011, pp. 4–32.
24. Zolotarev D. Iu. *Krims'kotatars'ka emigratsiia ostann'oi tretini XIX – pochatku XX st.: istoriografichnii i dzhereloznavchii aspekti*. Kand diss. Kiiiv, 2000. 258 p.
25. Imperatritsa Ekaterina II v Krymu. 1787 g. (Korrespondentsiia printsa Karla-Genrikhha Nassau-Zigena). *Russkaia starina*, 1893 (november), pp. 283–299.
26. [Kel'siev V. I.]. Gonenie na krymskikh tatar. *Kolokol. Pribavochnye listy k «Poliarnoi zvezde»*, № 117, 1861, 22 december.
27. Kondaraki V. Kh. *Emigratsiia krymskikh tatar. V pamiat' stoletii Kryma. Etnografiia Tavriidy. Vol.2. Prilozhenie: Skazki*. M.: Tipografiia V. V. Chicherina, 1883, pp.147–159.
28. Konkin D. V. Zakonodatel'noe oformlenie zemel'noi sobstvennosti v Krymu (1783–1796 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2006, vol. XII, part 2, pp. 627–640.
29. Konkin D. V. «Komissiiia dlia issledovaniia i iskoreneniia zloupotreblenii v Tavricheskoi gubernii» (1816–1819 gg.) i ee deiatel'nost' po uregulirovaniu krymskotatarskogo zemlevladieniia. *Problemy garmonizatsii mezhdnatsionnykh i mezhdnatsional'nykh otnoshenii v Krymu. Sbornik nauchnykh statei*. Simferopol', 2009, pp. 110–117.
30. Konkin D. V. Graf M. S. Vorontsov i vakufnyi vopros v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2010, vol. XVI, pp. 488–518.
31. Levitskii G. P. Pereselenie tatar iz Kryma v Turtsiiu. *Vestnik Evropy*, 1882, vol. V, kn. 10, pp. 596–639.
32. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie 5-e*. Vol. 16, Moscow, Izd-vo polit. literatury, 1973, 698 p.
33. Markov E. L. Materialy po voprosu ob obrazovanii krymskikh tatar, izvlechennyye iz del Tavricheskoi direktsii uchilishch i drugikh mestnykh istochnikov, direktorom Tavricheskikh uchilishch Markovym. *Sbornik dokumentov i statei po voprosu ob obrazovanii inorodtsev*. St. Petersburg, Izd-vo tip. tovarishchestva «Obshchestvennaia pol'za», 1869, pp. 98–121.
34. Mart'ianov P. K. Posledniaia emigratsiia tatar iz Kryma v 1874 godu. *Istoricheskii vestnik*, 1886, vol. 24, pp. 698–708.
35. Naganava N. Formirovanie musul'manskogo obshchestva cherez tsarskuiu administratsiiu: makhallia pod iurisdiksiiei Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniia posle 1905 g. *Tatarskie musul'manskie prikhody v Rossiiskoi imperii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (27–28 sentiabria 2005 g. Kazan')*. Kazan', Institut istorii AN RT, 2006, pp. 101–128.
36. Ozenbashly A. S. *Tragediia Kryma: Vospominaniia i dokumenty*. Simferopol', Dolia Publ., 2007, 288 p.
37. Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti. 1793 g. (Soobshchil G. Kireenko). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1892, № 15, pp. 49–69.

38. Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1794-i god. (Soobshchil G. Kireenko). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1892, № 16, pp. 50–74.
39. Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1794-i god (Prodolzhenie) (Soobshchil G. K. Kireenko). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1892, № 17, pp. 103–119.
40. Ordera kn. P. A. Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1794-i god (Prodolzhenie) (Soobshchil G. K. Kireenko). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1893, № 18, pp. 53–72.
41. Ordera kn. Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1794-i god (Prodolzhenie) (Soobshchil G. K. Kireenko). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1893, № 19, pp. 1–22.
42. Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1794-i g. (Prodolzhenie) (Soobshchil G. K. Kireenko). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1894, № 21, pp. 1–26.
43. Pis'ma imperatora Iosifa II k fel'dmarshalu grafu Lassi vo vremia puteshestviia v Kherson i Krym v 1787 g. *Russkii arkhiv*, 1880, kn. 1, pp. 356–372.
44. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe*. St. Petersburg, Publ. SEIV Kantseliarii, 1830.
45. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe*. St. Petersburg, 1830–1881.
46. Piat' let v Rossii pri Ekaterine Velikoi. Zapiski grafa L. F. Segiura (Krymskoe puteshestvie). *Russkii arkhiv*, 1907, № 10, pp. 193–266.
47. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv*. F. 821. Op. 8. D. 883. 331 l.
48. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv*. F. 821. Op. 8. D. 931. 207 l.
49. Safiullina R. R. *Arabskaia kniga v dukhovnoi zhizni tatarskogo naroda*. Kazan', Alma-Lit Publ., 2003, 211 p.
50. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1857 goda: v 15 t.* Vol. 11, part 1.: Ustavy dukhovnykh del inostrannykh ispovedanii, St. Petersburg, Tip. II Otdeleniia SEIV Kantseliarii, 1857, 264 p.
51. Tornau N. E. *Izlozhenie nachal musul'manskogo zakonovedeniia*. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniia SEIV Kantseliarii, 1850, 482 p.
52. Totleben E. I. O vyselenii tatar iz Kryma v 1860 godu. *Russkaia starina*, 1893, № 78 (june), pp. 531–550.
53. Khairutdinov R. «Mir Islama»: iz istorii sozdaniia zhurnala. *Mir Islama*, 1999, № 1/2, pp. 3–20.
54. *Chastno-vakufnoe vladenie v Krymu*. Simferopol', Spiro Publ., 1892, 150 p.
55. Shcherban' N. Pereselenie krymskikh tatar. *Russkii vestnik*, 1860, vol. 30 (december), pp. 211–229.
56. Ianovskii A. E. Vakuf. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. Vol. V, St. Petersburg, Tipografia I. A. Efrona, 1891, pp. 390–393.
57. Hennigan P. *The birth of a legal institution: the formation of the waqf in third century A.H. Hanafi legal discourse*. Leiden; Boston, Brill, 2004, 238 p.
58. Fisher A. *The Crimean Tatars*. Stanford, Calif., Hoover Institution Press, 1978, 264 p.
59. Naganava N. Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905. *Acta Slavica Iaponica*, 2006, vol. 23, pp. 101–123.
60. Peters R. [Wakf] In Classical Islamic law. *The Encyclopaedia of Islam*, vol. XI, Leiden, Brill, 2002, pp. 59–63.
61. Wakf. *The Encyclopaedia of Islam*, vol. XI, Leiden, Brill, 2002, pp. 59–99.

Д. В. Конкин

**Вакуфный вопрос в системе взаимоотношений российского самодержавия и мусульман
Крыма (конец XVIII – начало XX вв.)**

Резюме

После 1783 г. вакуфы в Крыму продолжали существовать и являлись одним из ярких индикаторов мусульманской идентичности крымских татар. Вакуфы играли ключевую роль в экономическом благосостоянии мусульманского духовенства. При каждом российском императоре вакуфный вопрос неизменно проявлялся и оставался важным фактором в процессе сотрудничества мусульманского

духовенства Крыма с российскими властями. Несмотря на многочисленные попытки со стороны имперской администрации секуляризировать вакуфные имущества, данный институт был сохранен и закреплен за мусульманским духовенством полуострова. В конечном итоге была выработана система управления вакуфами, во многом ставшая образцом для других мусульманских регионов империи.

Ключевые слова: российское самодержавие, мусульманское духовенство, вакуф, крымские татары.

D. V. Konkin

The “Wakf Question” in the System of Relations between Russian Autocracy and Crimean Moslems (Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries)

Summary

After 1783, *wakf* estates continued to exist in the Crimea, forming a striking indicator of the Crimean Tatars' Islamic identity. *Wakfs* played a key role for the economic welfare of Moslem clergy. Every next Russian emperor turned to the “*wakf* question,” which remained an important factor for the cooperation between the Crimean Moslem clergy and the Russian imperial authorities. Despite the imperial administration's repeated attempts of secularizing *wakf* estates, this institution was kept and assigned to the Moslem clergy in the Crimean Peninsula. The upshot was the development of the system of *wakf* management, which largely became the sample for other Moslem regions within the Empire.

Key words: Russian autocracy, Moslem clergy, wakf, Crimean Tatars.

УДК 94 (Р 477.75):[314.9+512.143]“17/19”

Д. А. ПРОХОРОВ

КАРАИМСКАЯ ОБЩИНА БАХЧИСАРАЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Несмотря на то, что ранее в литературе освещались различные аспекты прошлого крымских караимов, тем не менее, следует заметить, что вопрос об истории караимской общины Бахчисарая, динамике изменения ее численности и составе специально не рассматривался. Отдельные сведения о проживавших в Бахчисарае и Чуфут-Кале караимах встречаются в записках путешественников, посетивших полуостров в конце XVIII – 80-х гг. XIX вв.: П. С. Палласа [121; 122], Ф. Дюбуа де Монпере [86], Ш. Монтадона [111], Ф. В. Ливанова [108], Э. Хоецкого [160] и др. Информация о периодах формирования общины, а также данные по статистике караимского населения Бахчисарая приведены в трудах авторов XIX – начала XX вв. – С. А. Бейма [5–7], А. А. Скальковского [145], П. И. Кёппена [94], А. И. Маркевича [109], Ф. Ф. Лашкова [106], Ф. В. Домбровского [83–85], М. Я. Фирковича [159]. Эпизоды, связанные с различными векторами развития бахчисарайской караимской общины, ранее рассматривались в публикациях таких исследователей, как О. Б. Белый [8–13], М. Б. Кизилов [95; 96; 176], Я. Е. Водарский, О. И. Елисеева, В. М. Кабузан [23], М. С. Куповецкий [102]. Ряд вопросов, относящихся к истории караимских общин Бахчисарая и Чуфут-Кале, проанализирован в работах Д. З. Фельдмана [158], А. Г. Герцена, Ю. М. Могаричева [27], Д. А. Прохорова [135; 139; 141].

В задачи предлагаемой статьи¹ входит анализ демографических, статистических, экономических и культурно-образовательных аспектов истории караимской общины Бахчисарая в конце XVIII – начале XX вв. При работе над публикацией использовались данные статистики (в частности, материалы российских ревизий и переписей населения конца XVIII – конца XIX вв., статистические обзоры, отчеты и сведения, опубликованные в тематических справочниках, путеводителях, адрес-календарях, в т.н. «памятных книжках» российских губерний), архивные документы (из фондов Государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» и

¹ Работа выполнена в рамках Гос. задания № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»), часть из которых вводится в научный оборот впервые, а также сведения, выявленные в дореволюционной периодической печати. Материалы, содержащие малоизвестные сведения об отдельных представителях бахчисарайской караимской общины, а также о караимской кенасе Бахчисарая были обнаружены заведующей архивом Законодательного собрания г. Севастополя Н. М. Терещук, и.о. генерального директора Государственного центра русского фольклора (г. Москва) А. В. Ефимовым и преподавателем кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета Э. Э. Османовым, которые любезно предоставили их для настоящей публикации, за что автор выражает им свою глубокую признательность. Квалифицированную помощь при подготовке статьи оказала главный археограф Отдела использования информации документов ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым» А. С. Зарипова. Перевод ряда архивных документов с иврита и караимского языка на русский осуществил младший научный сотрудник Крымского центра этнокультурных исследований В. А. Ельяшевич. Автор также благодарит В. С. Баккала, передавшего редкие документы и фотографии из семейного архива, и председателя общественной организации «Севастополь Таврический» к.и.н. В. Н. Прокопенкова за помощь в подготовке статьи.

По утверждению ряда авторов XIX в., численность караимов, проживавших на территории Крымского ханства в средневековье, могла достигать до 1 000 семей [114, с. 263–284]. В 50-х гг. XVIII в. в Крыму проживало до 500 караимских семей, составлявших 4 крупных общины – в Чуфут-Кале, Гёзлёве, Кафе и на Мангупе [1, с. 431]. Кроме того, имеются сведения, что в конце XVIII – начале XIX вв. караимы жили также в Карасубазаре и Старом Крыму; позднее караимские общины появились также в Симферополе, Севастополе, Перекопе, Армянске, Ялте, Керчи и других населенных пунктах полуострова [95, с. 123–140]. В 1760-х – 1770-х гг. в Крыму всего насчитывалось 454 700 жителей; иудейские общины полуострова составляли 0,3% (1 600 чел.) от этого числа [23, с. 120]. По приблизительным подсчетам, в 1782 г. в целом на территории Крымского полуострова насчитывалось около 55 000 муж. из числа крымских татар и евреев (вместе с караимами); численность же крымской караимской общины составляла 1 102 караима «мужеского полу», а всего в Крыму проживало 2 600 чел. караимского вероисповедания [102, с. 77; 23, с. 86; 3, с. 180; 142, с. 636, 637].

Одна из наиболее крупных караимских общин до конца XVIII в. существовала в Чуфут-Кале, а вся деятельность ее членов (преимущественно, торговая) была сосредоточена в Бахчисарае. Тем не менее, в записках многих путешественников неоднократно упоминается о том, что ханская администрация запрещала караимам оставаться в столице Крымского ханства на ночь. Поэтому торговцы и ремесленники вынуждены были рано утром спускаться с плато «пещерного города», чтобы успеть продать свой товар, а с наступлением сумерек – возвращаться обратно. Например, турецкий автор Э. Челеби писал в 1666 г.: «Все еврей-лавочники и богатые иудейские купцы Бахчисарая Крымской страны живут в <...> Чуфут-Кале и в крепости Мангуп. Каждое утро они спускаются вниз из этой крепости и добираются до своих лавок в Бахчисарае за один час». И далее Э. Челеби замечал, что «все иудеи живут в верхней крепости Чуфут-кале, и все синагоги расположены там <...> в этой крепости совсем нет ни рынка, ни базара, ни лавок, ни постоянного двора, ни бань, ни садов и виноградников, ни воды» [157, с. 82, 83, 113]. По свидетельству русского офицера, писателя и историка Н. В. Берга, часть главной улицы в Бахчисарае, на которой располагались торговые ряды караимов, назвалась «базырян-сурасы», т.е. «купеческий, красный ряд», лавки

настоящих купцов, в которых торговали тканями и мануфактурными изделиями, а также «седлами, шапками, бурками, туфлями, брынзой, виноградом» (рис. 1). Традиционно кварталы торговцев мануфактурными товарами («базаргянлар-ичи»), расположенных в Бахчисарае на месте прежних караван-сараяв, были заняты почти исключительно караимами, греками и армянами [14, с. 7, 19; 112, с. 39]. Велась бойкая торговля и на нескольких базарах Бахчисарае – хлебном (Ашлык-базар), соляном (Туз-базар) и овощном (Соган-базар), расположенных вблизи прихода Орта-Джами, где караимам также принадлежали многочисленные лавки (в частности, 10 лавок, расположенных в торговом ряду Пичакчилар, находились в собственности вакуфа караимской кенасы) [31, л. 1].

Важно отметить, что непосредственно в Бахчисарае караимская община возникла, по всей видимости, уже после 1783 г., т.е. в то время, когда караимы стали покидать Чуфут-Кале, переселяясь в другие города Крымского полуострова и Юга России. Известный русский писатель, председатель Таврической судебной палаты П. И. Сумароков, совершивший поездку по Крыму в 1799 г., отмечал, что крупные караимские общины существовали в Кафе и Чуфут-Кале – в «пещерном городе» путешественник насчитал 227 караимских домов [152, с. 143], что также подтверждается и другими источниками. Например, Ж. де Ромм в 1786 г. приводил данные о наличии в Чуфут-Кале свыше 200 домов [127, с. 119], а Ф. Дюбуа де Монпере в 1833 г. сообщал о 212 жилых строениях [86, с. 278]. В «Камеральном описании Крыма», подготовленном бароном О. А. Игельстромом в 1784 г. по распоряжению генерал-губернатора Новороссийского края князя Г. А. Потемкина, в частности, приведена информация о том, что «в крепостце Чуфут-Кале называемой, которая принадлежит к Бахчисараю» насчитывалось 217 «жидовских» домов [103, с. 25].

В 1795 г. караимы были освобождены от уплаты обременительного дискриминационного двойного налога, установленного для российских евреев; им также было разрешено приобретение земельной собственности [168, с. 705, 706]. Получив ряд налоговых льгот, лидеры караимской общины Крыма активно занялись укреплением своего правового статуса и повышением уровня благосостояния. Например, путем приобретения части ранее брошенных эмигрировавшими хозяевами и пустовавших земельных участков, а также через их покупку непосредственно у крымских татар караимы смогли существенно улучшить свое материальное положение [138, с. 585–590]. Скупая земли в Крыму (причем нередко за бесценок), многие зажиточные крымские караимы не только становились представителями привилегированного сословия, но и, тем самым, способствовали дальнейшему развитию на территории Крымского полуострова таких отраслей хозяйства, как садоводство, виноградарство, табаководство и др. В этот же период начинается активная миграция представителей караимских общин из традиционных мест своего проживания в другие города как Крымского полуострова, так и других регионов Российской империи.

Процесс распределения земель в Крыму, происходивший в конце XVIII – начале XIX вв., сопровождавшийся злоупотреблениями местной администрации и носивший в значительной степени волонтаристский характер, вскоре потребовал прямого вмешательства властей [101, с. 627–640; 81, с. 161–196]. В соответствии со сведениями, сообщенными созданной в 1802 г. «Комиссией для разрешения споров о праве владения земель на Крымском полуострове» и определения повинностей крымских татар, целью которой являлось «принадлежащее настоящим хозяевам возратить или другим пристойным образом сделать удовлетворение», в исковых делах по поводу размежевания земли фигурировали и крымские караимы. Так, например, в 1808 г. Комиссия разбирала дело об отчуждении земель, ранее отданных адмиралу

Н. С. Мордвинову, караимам Симе Ильеговичу (1 707 кв. саженей) и Ибраиму (=Аврааму) Сарачу (1 десятина и 1 123 кв. саженей), а также о претензиях купцов и мещан Феодосии, Бахчисарая и Евпатории (среди которых также встречаются фамилии караимов) на земли, отданные чиновникам и дворянам – эти документы датированы концом XVIII – началом XIX вв. [104, с. 59, 60, 72; 105, с. 119]. Многочисленные материалы по проблеме землевладения в Крыму, в которых упоминаются представители караимских общин Крыма, и, в частности, бахчисарайской общины, отложились в фонде 24 «Комиссия для разбора споров по землям и для определения повинностей на Крымском полуострове», фонде 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление», фонде 489 «Бахчисарайская городская Дума» и в фонде 376 «Симферопольский окружной суд» Государственного архива Республики Крым.

В соответствии с ведомостью о купле-продаже земель в Крыму, датированной концом XIX в., бахчисарайские караимы стали владельцами крупных земельных угодий и садов, которые были приобретены ими у крымских татар и греков, покинувших полуостров. Из этого документа становится известно, что караимы Симха, Давут, Вениамин, Моше Халач приобрели несколько участков земли на р. Каче, при дер. Ашага Топчу в урочище Улаклы Тогай; караим Шамаил (Самуил) также купил участок на р. Каче при дер. Тарканлар в урочище Каячик; бахчисарайский караим Шумайлы (Самуил) Камбур стал владельцем земельного владения на р. Каче при дер. Юкары Топчу; караим из Керменчика Саддук – участка при дер. Гулумбей. В списке приобретавших земельные угодья также фигурируют имена караимов из Гёзлёва². Отметим также, что приобретением крупных земельных участков на территории полуострова караимы занимались вплоть до середины XIX в. [138, с. 585–590]. По некоторым сведениям, землевладения многих зажиточных караимов доходили до 10 000 десятин, а в Евпатории, как отмечал видный представитель крымской армянской общественности XIX в. О. Тэр-Абраамян, проживали «такие караимы, которые имели в своих руках от трех до двенадцати тысяч десятин арендующихся владений и земли» [3, с. 181; 128, с. 246].

В результате IV и V ревизий, или народных переписей населения³, проведенных в Российской империи, соответственно, в 1792 и 1796 гг. было установлено, что общее число жителей в Крыму достигло 156 400 чел.; из них караимов – 2 300 чел. (по другим данным – 2 410 чел.), причем только в Бахчисарае (включая Чуфут-Кале) проживали 1 162 чел. караимского вероисповедания; в Евпатории – 699 чел. (315 муж. и 384 жен., при том, что общее число жителей в городе составляло 4 414 чел.), остальные – в Кафе и других населенных пунктах полуострова. П. С. Паллас указывал на то, что в Чуфут-Кале проживало 1 200 мужчин и женщин караимского вероисповедания [152, с. 58, 59, 145; 122, с. 81; 83, с. 354, 357, 362; 26, стлб. 297; 23, с. 121, 122; 89, с. 258; 24, с. 104]. По сообщению чиновников Генерального штаба военного министерства, авторов «Военно-статистического обозрения Российской империи», в 1803 г. в Таврической губернии насчитывалось 2 078 «купцов Российских, Греков, Армян и Караимов» (1 235 муж. и 843 жен.) [24, с. 110]. В дальнейшем подсчет численности караимского населения был затруднен тем обстоятельством, что местной администрацией караимы нередко причислялись либо к крымским татарам, либо к евреям-раввинистам.

² Вышеприведенные архивные материалы были обнаружены А. В. Ефимовым, который любезно предоставил их для настоящей публикации.

³ Ревизия – подушный ревизский учет податного мужского населения с единицей учета – «ревизской душой», внесившейся в именные списки, или т.н. «ревизские сказки».

В соответствии с данными завершенной к 1835 г. VIII ревизии (народной переписи), общее число караимов в Таврической губернии составило 4 188 чел. (2 064 муж. и 2 124 жен.), причем большинство из них проживало в Евпатории – 2 351 чел. (1 150 муж. и 1 201 жен.). Необходимо подчеркнуть, что в Евпатории и Бахчисарае караимы занимали второе по численности место после крымских татар; в Чуфут-Кале, который в соответствии с административной юрисдикцией был причислен к заштатному Бахчисараю, в этот же период насчитывалось 700 жителей-караимов, там же действовало караимское училище [3, с. 180; 97, с. 118, 119, 159, 162]. По сведениям, собранным местной администрацией, в начале XIX в. в Бахчисарае проживало 256 представителей купеческого сословия и 358 мещан из числа караимов⁴ [74, л. 2].

Общее число жителей Бахчисарая в 1839 г. доходило до 13 188 чел.; в 1843 г., по сведениям, представленным Бахчисарайской Городской думой, в городе и его пригородах насчитывалось 534 караима, плативших подушную подать [97, с. 117, 118; 12, с. 376]. В 1847 г. в Бахчисарае число проживавших в Бахчисарае и Чуфут-Кале караимов доходило до 835 (462 муж. и 373 жен.) при общем количестве жителей 11 245 чел.; из них 11 чел. являлись представителями караимского духовенства [83, с. 391, 392]. По данным на январь 1858 г., в Бахчисарае было зафиксировано наличие 513 караимов (208 муж., 305 жен.) [49, л. 70]. Общее число домов в Бахчисарае в 1850–1858 гг. доходило до 2 240 [99, с. 66; 100, с. 93].

Н. В. Берг, который в своих записках привел детальное описание караимских домов Бахчисарая, указывал на то, что караимский квартал располагался «в середине города, направо от въезда [со стороны предместья Азиса]» [14, с. 19]. Он отмечал также, что определить это путешественнику было довольно сложно, в связи с тем, что в Бахчисарае не было «никаких надписей на домах»; по сведениям автора, в 1854 г. количество караимов, проживавших в городе, достигало примерно 70 семей (большинство составляли жители, покинувшие Чуфут-Кале), что, по мнению М. Б. Кизилова, должно было составлять около 420 чел. [14, с. 3, 19; 95, с. 130]. Очевидно, что уже к середине 50-х гг. XIX в. практически все жители покинули Чуфут-Кале – как отмечал Ф. М. Домбровский, «ныне это опустевшее место, обитаемое только несколькими семействами караимов» [84, с. 306].

Представляет интерес и описание караимских домов, которые, по свидетельству Н. В. Берга, были лучше жилищ татар и, в большинстве своем, возводились двухэтажными: «Вместо каминов, почти не греющих нисколько, у них бывают нередко *тандуры*, род подпольных печей, которые топят и закрывают как ниши <...> живут они довольно грязно, не много чище татар <...> И так же, как татары, они едва ли пойдут далее зажиточных купцов» [14, с. 19]. «Все дома, – сообщал Ф. М. Домбровский в 1847 г., – полукаменные, т.е. нижний этаж, занятый по большей части лавками или другими торговыми заведениями, построен из камня известняка, а верхний из плетня, обмазанного глиной» [83, с. 392]. Верхняя часть такого строения, как правило, являлась жилой (рис. 2). В Бахчисарае караимские дома

⁴ Для сравнения: среди греков и болгар было 11 лиц «купеческого звания», а среди крымских татар – 130 чел.; соответственно, мещан среди греков и болгар было 55, среди крымских татар – 1 743 чел. Остальные национальности в категории «мещане» были представлены следующим образом: русских – 11 чел., евреев-раввинистов – 35 чел., армян – 16 чел. Дворян в Бахчисарае было 25 чел. – русских (1 чел.), греков (22 чел.), армян (1 чел.) и разночинцев (1 чел.); представителей духовенства – православного (3 чел.), армяно-григорианского (4 чел.), мусульманского (219 чел.), караимского и еврейского (16 чел.). В число иногородних жителей входили греческие (51 чел.), армянские (80 чел.) и турецкие (16 чел.) купцы [74, л. 2] (Приложение 1).

составляли смежные домовладения, располагавшиеся в различных «молле» (кварталах города, группировавшихся вокруг мечети; общее число «молле» в городе доходило до 34). Среди них: Ени (Яни)-Джами (ныне – ул. Школьная, Октябрьская, Ленина); Эрмене Маале (район современной ул. Горького); Шах Болат (район ул. Октябрьской); Сирли-Чешме (район ул. Спаи, Затрубченко, Речной); Орта-Джами (ранее – близ мечети Орта-Джами); Арслан-Ага (ныне – ул. Кольцевая, Танкистов); а также район Ени-Думла [12, с. 379, 380].

В первой половине XIX в. караимы продолжают активно участвовать в процессе гражданского законодательства, обращаясь к властям с различными ходатайствами и прошениям об укреплении своего правового статуса. В марте 1837 г. было принято «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин: «Живущие в пределах Таврической губернии караимы ходатайствуют об устройении состояния их духовенства и о даровании им некоторых из тех прав, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство» [170, с. 132]. Власти утвердили проект устройства духовного правления, которое было названо «Крымским и Одесским Караимским Обществом Таврического губернатора». В марте 1843 г. Общество было переименовано в «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора», а 4 апреля 1839 г. Правительствующим Сенатом был подписан указ № 12.206 об утверждении купца Симхи бен Шломо Бабовича в должности Таврического и Одесского караимского гахама [171, с. 348, 349].

Одновременно с организацией духовного правления были произведены некоторые нововведения в сфере гражданского права, касавшиеся статуса караимского населения Российской империи [137, с. 204–233; 143, с. 158–161], что в результате привело и к изменениям в географии их расселения, а также к трансформациям традиционного уклада жизни караимских общин. 15 мая 1851 г. властями принимается решение «О даровании местечку Чуфут-Кале льготы от городских и земских повинностей» [172, с. 352, 353]. Проект о предоставлении караимскому населению ряда льгот (в котором, в частности, речь шла об освобождении караимов, проживавших в Чуфут-Кале, от отбывания городских и земских повинностей сроком на 25 лет, или же бессрочно) был принят властями с целью привлечения караимской молодежи в новое учебное заведение – школу, открытую в 1852 г. при непосредственном участии караимского газзана Шломо бен Авраама Бейма – в соответствии с общеобразовательной программой учебных заведений России (в частности, в ней было введено преподавание русского языка). Однако затруднения материального характера вскоре привели к тому, что это учебное заведение было закрыто [28, л. 1–50; 47, л. 1–26, 90, с. 72; 158, с. 57].

С началом Крымской (Восточной) войны население Бахчисарая значительно увеличилось как за счет расквартированных в городе воинских частей российской армии, так и в связи с наплывом беженцев из других городов полуострова, охваченных боевыми действиями. По сведениям, представленным канцелярией городской полиции Бахчисарая, на тот момент в городе насчитывалось 976 караимов; из них значительный процент приходился на членов караимской общины Евпатории и Севастополя, а также близлежащих деревень. Часть беженцев разместились в почти уже опустевшем пещерном городе Чуфут-Кале. По словам очевидцев, вынужденные мигранты образовали общину приблизительно в 100 семей; большинство из них составляли бедняки или люди со средним достатком [79, с. 336–338; 129, с. 8, 9]. С 28 по 31 октября 1855 г. в Бахчисарае находился император Александр II, где он подробно ознакомился

с обстановкой на фронте. По словам Н. В. Берга, в честь приезда государя «в городе была иллюминация из разноцветных фонарей и площадок <...> на горах зажгли смоляные бочки. По городу носятся каски, веют солданы и блещут эполеты, давно нами не виденные» [25, с. 72]. Здесь же присутствовал и командующий русской армией в Крыму князь М. Д. Горчаков. В Ханском дворце был устроен госпиталь для 150 раненых; 54 дома в городе использовались для военных потребностей. Местное население (в том числе и крымские караимы) осуществляло материальную поддержку русских войск: в частности, выборщики от караимской общины Бахчисарая оказывали посильную помощь в сборе долгов с податей и повинностей для нужд армии [79, с. 339].

Кроме того, многие караимы безвозмездно жертвовали часть своего имущества и денежных средств. Так, например, бахчисарайский купец караим Бабакай Ильягов Геким Баба Рофе с начала военных действий снабжал раненых, поставляя в госпиталь чай, сахар, белый хлеб «из добровольных приношений караимов и преимущественно от себя»; бахчисарайский купец Шолеме Кефели передал комиссару Бахчисарайского военного временного госпиталя 50 рубах, а купеческий сын Моисей Кальфа – 10 ведер уксуса [110, с. 129; 156, с. 128, 129, 135–138]. Как свидетельствовал в своем рапорте главнокомандующему М. Д. Горчакову генерал Д. Е. Остен-Сакен, «крымские караимы проявили в эту войну очень много усердия и самоотверженности, а главный караимский газзан [С. А.] Бейм, замечательный умом и образованием, постоянно дает направление караимам и укореняет в них любовь к Отечеству» [158, с. 58]. «Караимы народ необыкновенно преданный России, – заключал в своих записках Н. В. Берг, – что доказали они особенно в эту войну» [14, с. 19]. За заслуги перед отечеством многие представители караимских общин Крыма были удостоены наград: например, бахчисарайский мещанин Симха Сапак был награжден золотой медалью «За усердие» для ношения на Анненской ленте; и.о. гахама Шломо бен Авраам Бейм 12 апреля 1856 г. удостоился серебряной медали «За участие в обороне Севастополя», а позднее ему была вручена и бронзовая медаль «В память о войне 1853–1856 годов» [107, с. 35, 37].

26 августа 1856 г., в день коронации Александра II, императором была подписана «Высочайшая благоволительная грамота» населению Таврической губернии, а 5 февраля 1857 г. и 7 февраля 1858 г. изданы правительственные указы, в соответствии с которыми Бахчисарай, как город, который «по причине военных действий или от неприятельских нападений подвергся крайнему разорению», был отнесен к третьему разряду в соответствии с размером предоставленных льгот [173, с. 125; 174, с. 106–108]. Помимо этого, население Таврической губернии получило от правительства материальное вознаграждение за понесенные во время войны убытки; значительный процент среди лиц, подавших прошения о восстановлении утраченной собственности, составляли крымские караимы, многим из которых государством потери были возмещены [107, с. 37–46].

После окончания Крымской войны, как заключал крымский статистик, секретарь Таврического губернского статистического комитета Ф. М. Домбровский, численность караимской общины Бахчисарая стала постепенно сокращаться – привлеченные торговыми льготами и предоставленными им по российскому законодательству привилегиями, караимы переселялись в другие (в основном, портовые) города Новороссийского края – в Одессу, Севастополь, Херсон, Николаев. В 1856 г. покинули Чуфут-Кале и вынужденные переселенцы, проживавшие там во время ведения боевых действий на полуострове [130, с. 50]. В 1857 г. в Бахчисарае насчитывалось всего 5 купцов 2-й гильдии и 477 – 3-й гильдии; мещан было 10 382 чел. [110, с. 245]. По данным на январь 1858 г., в городе проживало 12 304 чел.; из них 513 караимов (208 муж., 305 жен.); в

1860 г. – 490 караимов (226 муж. и 264 жен.); в 1862 г. – 504 чел. (227 муж. и 277 жен.); в 1863 г. в Бахчисарае (вместе с Чуфут-Кале) караимов числилось 517 чел. (231 муж., 286 жен.); в 1864 г. – 489 чел. (252 муж. и 237 жен.; при общем числе жителей в городе 11 185 чел. в 1863 г.⁵); [80, с. 720; 49, л. 70; 50, л. 29 об.; 69, л. 36, 36 об.; 88, с. 120; 150, с. 129, 130; 54, л. 88–90; 89, с. 304].

В декабре 1867 г. таврический губернатор Г. В. Жуковский обратился в ТОКДП за сведениями, необходимыми для составления «Всеподданнейшего отчета на имя Государя Императора» по Таврической губернии. Духовным правлением были разосланы предписания о предоставлении запрашиваемых данных всем подведомственным религиозным общинам. Особое внимание должно было быть обращено на такие статистические показатели, как: количество детей в караимских семьях, помесячные данные о совершенных браках, о рождаемости и смертности у взрослых и детей, возрастных показателей членов общин и т.п. В соответствии с данными статистики, в Бахчисарае и Чуфут-Кале в 1867 г. проживало 422 караима (221 муж., 201 жен.) [85, с. 304]. Заключенных браков, по сообщению старшего газзана Юфуды бен Шолеме Хаджи Узуна, было 5 (из них холостых с девицами – 2); из вступивших в семейно-брачные отношения моложе 20 лет – 3 жен., от 21 до 25 лет – 2 жен., от 26 до 30 лет – 1 муж., от 31 до 35 лет – 3 муж., от 40 до 45 лет – 1 муж. Новорожденных в Бахчисарае в 1867 г. насчитывалось 18 чел. (7 мал., 11 дев.), а умерших – 13 чел. (7 муж., 6 жен.) [54, л. 30–33, 89, 90]. Для сравнения: в 1861 г. в караимских общинах Бахчисарая и Чуфут-Кале, по информации, поступившей в ТОКДП от младшего газзана Авраама Тепси, числилось 547 караимов (242 муж. и 305 жен.); было заключено 4 брака, родилось 25 детей (15 мал. и 10 дев.). Умерло 15 чел. (из них – 2 мал. и 1 дев. в возрасте до 1 года; от 1 года до 5 лет – 5 дев.; 1 мал. – от 5 до 10 лет; 1 муж. – от 35 до 40 лет; 1 муж. – от 45 до 50 лет; 1 муж. – от 50 до 55 лет; 1 жен. – от 60 до 65 лет; 1 муж. – от 70 до 75 лет; 1 муж. – от 80 до 85 лет). Кроме того, А. Тепси сообщал, что представителей караимского духовенства всего было 4 чел. (вместе с членами семей – 18 чел.) [51, л. 34, 35, 115, 116–119, 121, 122, 125, 128, 129, 131; 69, л. 36, 36 об.; 69, л. 36, 36 об.]. В 1868 г. численность бахчисарайской караимской общины составляла 382 чел. (150 муж. и 232 жен.) [93, с. 116].

Если в 1871 г. в Бахчисарае проживало 70 караимских семей [108, с. 64], то уже в 1879 г. численность караимской общины достигла 658 чел. [26, стлб. 297]. В 1886 г. караимов в Бахчисарае насчитывалось 607 чел. (299 муж. и 308 жен.); в 1890 г. – 690 чел. (365 муж. и 325 жен.); в 1892 г. – 666 чел. (371 муж. и 295 жен.); в 1895 г. – 683 чел. (386 муж. и 297 жен.) [19, с. 54; 20, с. 80; 21, с. 108]. Некоторая разница в показателях была вызвана, по-видимому, тем, что учреждениями статистического учета фиксировались данные, касающиеся не только местных, но и «иногородних» жителей, составлявших т.н. «технический» прирост населения; в ряде случаев подсчет затрагивал только бахчисарайских караимов (помимо всего прочего, в статистические отчеты были включены и жители Чуфут-Кале, хотя, начиная со второй половины XIX в., там проживало всего несколько человек).

Разные способы фиксации численности населения, не всегда своевременно предоставлявшиеся на местах сведения, несовершенная в целом методика учета жителей вскоре стали причиной того, что, в соответствии с Высочайше утвержденным в 1895 г. «Положением о Первой всеобщей переписи населения Российской Империи», 28 января

⁵ В это число входили также жители предместий Бахчисарая: Чуфут-Кале, Эски-Юрта и Ак-Чокрака с общим количеством жителей 468 чел. [150, с. 129, 130, прим. 2].

1897 г. путем непосредственного опроса всего населения на одну и ту же дату была проведена «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года». Из-за разных критериев оценки численность проживавших в России караимов определялась по двум параметрам – по вероисповеданию и носителям языка. В соответствии с данными переписи, в Таврической губернии (вместе с Севастопольским и Керчь-Еникальским градоначальствами) проживало 6 166 караимов (2 835 муж. и 3 331 жен.), из них в городах – 5 868 караимов (2 668 муж. и 3 200 жен.) [155, с. X, 92, 93, 102]. Что касается Бахчисарая, то, при общем количестве жителей 12 959 чел., численность местной караимской общины составляла 395 чел. (175 муж. и 220 жен.); из них грамотными являлись 106 муж. и 90 жен. При этом важно подчеркнуть, что все опрошенные своим родным языком указали «татарский» (т.е. караимский этнолект крымскотатарского языка) [155, с. X, 1, 92, 93, 102, 107].

Возрастные группы в караимской общине Бахчисарая, в соответствии с данными переписи 1897 г., распределялись следующим образом: детей младше 1 года было 13 (9 мал., 4 дев.); детей от 1 года до 9 лет включительно – 73 (41 мал., 32 дев.); от 10 до 19 лет – 77 (31 мал., 46 дев.); взрослых от 20 до 29 лет – 76 (22 муж., 54 жен.); от 30 до 39 лет – 66 (22 муж., 34 жен.); от 40 до 49 лет – 35 (19 муж., 16 жен.); от 50 до 59 лет – 30 (10 муж., 20 жен.); от 60 до 69 лет – 20 (9 муж., 11 жен.); от 70 до 79 лет – 10 (8 муж., 2 жен.); от 80 до 89 лет – 4 муж.; от 90 до 99 лет – 1 жен. [155, с. 300, 301]. Исходя из этих данных, можно сделать вывод о том, что бахчисарайская караимская община в конце XIX в. была сравнительно молодой, а наибольший процент ее представителей составляли лица от 1 года до 40 лет.

Тем не менее, тенденция к постепенному сокращению численности бахчисарайской караимской общины сохранилась вплоть до начала XX в. В 1909 г. в городе насчитывалось 235 караимов (96 муж., 139 жен.); умерло – 8 (5 муж. и 3 жен.), родилось – 5 (4 мал., 1 дев.). В 1910 г. в бахчисарайской караимской общине было заключено 6 браков, родилось 9 караимов (6 мал., 3 дев.), умерло – 3 (1 муж., 2 жен.); численность самой общины в 1911 г. составляла 214 чел. (88 муж., 126 жен.) [125, с. 39; 153, с. 46; 154, с. 49; 15, б.п.; 16, б.п.]. В 1912 г. в Бахчисарае проживало 216 чел. (91 муж., 125 жен.), а в 1914 г. караимская община состояла из 222 чел. (89 муж., 133 жен.) [123, с. 42, 43; 17, б.п.; 22, с. 129, 130]. В 1919 г. бахчисарайская караимская община насчитывала 41 семью и состояла из 211 чел. (91 муж., 120 жен.) [71, л. 12–16].

Местом отправления религиозных обрядов у караимов служили кенасы (до начала XX в. молитвенные дома караимов носили название «синагога», а название «кенаса» было закреплено за ними лишь в 1911 г.) [140, с. 174–204]. П. С. Паллас, посетивший Бахчисарай в 90-х гг. XVIII в., сообщал, что в городе находятся «2 церкви – греческая и армянская церкви, 2 синагоги и 3 магометанских школы» (под синагогами подразумевались кенасы Чуфут-Кале) [121, с. 77]. По всей видимости, бахчисарайские караимы в начале XIX в. для отправления духовных треб посещали чуфут-кальские кенасы, однако увеличение численности караимской общины требовало постройки здания для кенасы в самом Бахчисарае. Как свидетельствуют архивные документы, до середины XIX в. в самом Бахчисарае действовало 2 кенасы, однако во время Крымской войны 1853–1856 гг. они были утрачены [52, л. 41]. По некоторым сведениям, в 1864 г. городе существовала караимская кенаса (с молитвенной школой, или «мидрашем», при ней), причем для нее было выстроено каменное здание (оно было приобретено караимской общиной в соответствии с разрешением губернского начальства), однако локализация этой кенасы неизвестна [85, с. 305; 97, с. 118]. По сведениям, представленным в 1867 г. бахчисарайским старшим газзаном Ю. Ш. Хаджи Узуном в ТОКДП, «синагог каменных» в Бахчисарае и Чуфут-Кале было две, молитвенных домов (каменных) – также два (можно предположить, что в этом

списке были учтены как кенасы Чуфут-Кале, так и караимская кенаса Бахчисарая вместе с мидрашом, располагавшиеся в каменных зданиях) [54, л. 30; 97, с. 118]. Новое, более просторное помещение для бахчисарайской кенасы было возведено в соответствии с планом, утвержденным Строительным отделением Таврического губернского правления 12 июля 1868 г. [48, л. 3 об.]. В комитет по постройке здания кенасы вошли видные представители караимской общественности Бахчисарая: купцы А. И. Прик, И. И. Баккал, М. М. Кефели, Г. Я. Пембек, потомственный почетный гражданин⁶ Б. С. Кальфа [71, л. 12–16].

В плане здание бахчисарайской кенасы (первые научные описания которого были сделаны Л. И. Толочко, Е. В. Петровыми О. Б. Белым [11, с. 153–165]) представляет прямоугольное строение на цоколе; ориентировано оно строго по оси север–юг и выполнено из обработанного камня-известняка (рис. 3). Фасады здания имеют вертикальные и горизонтальные архитектурные членения, выполненные: вертикальные – пилястрами, горизонтальные – профилированными тягами. Эти конструктивные членения соответствуют внутреннему делению интерьера здания, фасады которого значительно видоизменены более поздними перестройками и пристройками. Наименее был искажен первоначальный облик западного фасада – как полагает О. Б. Белый, здесь выделены основные объемы внутреннего устройства здания: молельный зал («шулхан» – досл. «стол», «место трапезы», предназначенная для прихожан центральная часть кенасы) и притвор храма («мошав зеккеним» – досл. «сидение старцев», почетное место у входа кенасы), над которым располагался балкон (там во время молитвы могли находиться женщины, вход которым в основной зал кенасы был воспрещен). Оба входа в здание имели архитектурное решение посредством выделения пилястрами – вход на балкон был устроен на уровне второго яруса, а главный вход расположен в цоколе первого этажа.

На западном фасаде расположено 5 оконных проемов (в настоящее время заложенных) и три дверных проема (два из которых также заложены). Существующий сейчас дверной проем (не характерный для зданий караимских кенас) располагается на уровне современной дневной поверхности, в центральной части молельного зала, что позволяет сделать вывод о его более позднем происхождении – парадный вход в здание кенасы, также заложенный, ранее располагался в северном фасаде, обращенном к ул. Ленина. Следует также сказать, что оконные и дверные проемы имеют арочные завершения и обрамлены резным наличником; помимо этого, проемы окон дополнены каменными резными подоконниками, а на уровне второго яруса имеются овалы в виде ложных окон (люнетов). Во внутреннем интерьере кенасы также произошли существенные изменения – например, была разобрана ниша «гехала» («чертога, святилища» – священной части, в которой находился арон а-кодеш, «священный ковчег», хранилище для свитков Торы); обрамляющие эту нишу окна перепрофилированы в двери, ведущие за кулисы сцены (в советское время в здании бахчисарайской кенасы располагался клуб) (рис. 4–5).

Однако, несмотря на многочисленные трансформации, существенно искажившие первоначальные экстерьер и интерьер бахчисарайской кенасы, необходимо заметить, что верхняя часть южного фасада, оформленная в виде каменного фронтона классического стиля и украшенная по периметру резным профилированным карнизом, сохранилась практически

⁶ Почетное гражданство – согласно манифеста «Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан» от 10 апреля 1832 г., особое «состояние» в гражданском обществе Российской империи. Делилось на личное, распространявшееся только на данное лицо и его жену, и потомственное, принадлежавшее всем нисходящим членам семьи.

без изменений. И хотя сам фасад в значительной степени искажен современной пристройкой, его нетронутая часть позволяет судить о прежнем богатстве архитектурного убранства здания кенасы [115; 11, s. 153–165].

В соответствии с «Положением» о Таврическом и Одесском караимском духовном правлении, принятом в 1837 г., при каждой караимской кенасе должно было состоять по два газзана (старший и младший) и шамаш, избиравшиеся караимскими обществами. В течение 1844 и 1845 гг. караимскими общинами городов Таврической губернии и Одессы были избраны священнослужители практически во всех кенасах. В сентябре 1843 г. полицмейстер Бахчисарая сообщал в ТОКДП, что для занятия должности при местной кенасе достаточно было бы одного газзана, т.к. «караимов в городе немного». Поэтому на собрании членов бахчисарайской караимской общины, состоявшемся 24 сентября 1843 г., на этот пост избрали одесского мещанина Шломо бен Авраама Бейма (выполнявшего до этого функции газзана и учителя в Чуфут-Кале), а шамашом кенасы – бахчисарайского мещанина Моше бен Элиагу Аппакая, «как знающих эти должности отправлять, и известным уже нам в хороших их поведеньях и поступках» [46, л. 39–41]. Общественный приговор, письменно заверенный присутствовавшими на собрании, является ценным источником по составу бахчисарайской караимской общины. Так, свои подписи под документом поставили 24 караима, в т.ч.: купцы Мортхай Кефели, Моше Кефели, Моше Шапшал, купеческий брат Яков Шапшал, Эзра Фуки, Юсуф Кальфе, Мортхай Леви, Авраам и Сима Хаджи оглу, Шолеме Кефели, Яков Пембек, Исаак Прик, Авраам Прик, купеческие сыновья Нагаму Бурназ, Иосиф Танкаяк, Сима Ялпачик, а также мещане – Бераха Казас, Исаак Бебеш, Ильягу Исакович, Бераха Шоле, Мортхай Культе, Шолеме Баккал, Асаф Вениамин, Бераха Майкопар [46, л. 39–41].

28 сентября 1843 г. общественный приговор удостоверил своей подписью ратман Бахчисарайской городской ратуши М. Айвазов [46, л. 41 об.]. Однако, несмотря на малочисленность караимской общины Бахчисарая, в 1844 г. Таврическое губернское правление все же распорядилось о необходимости избрания второго газзана, при этом было указано на важность соблюдения всех пунктов «Положения», в котором указывались права и обязанности лиц, избираемых на эти должности [46, л. 57]. Уполномоченные бахчисарайской караимской общины в сентябре 1844 г. подтвердили избрание Шломо Бейма на пост газзана (он был утвержден в должности 31 декабря 1847 г.); вторым газзаном определили Давида Болека, а в должности шамаша остался М. Аппакай [46, л. 70, 70 об., 74, 74 об.]. Заметим также, что после смерти в 1855 г. Таврического и Одесского караимского гахама Симхи Бабовича, по предложению, сделанному 9 июля 1855 г. таврическим губернатором генерал-майором графом Н. В. Адлербергом и вице-губернатором И. Я. Браилко Таврическому губернскому правлению, бахчисарайский старший газзан Шломо Бейм был допущен к исправлению обязанностей главы ТОКДП, до избрания нового гахама – тогда же, в 1855 г. им стал евпаторийский купец 2-й гильдии Бабакай «Нагаму» бен Шломо Бабович (брат Симхи Бабовича) [46, л. 78 об.]. Следует упомянуть и о том, что делегатом от бахчисарайской караимской общины, принимавшим участие в выборах Таврического и Одесского караимского гахама, состоявшихся в Евпатории 25 октября 1878 г., был купец А. И. Прик; в результате голосования большинством на этот пост был избран Самуил Моисеевич Панпулов [58, л. 5, 18; 134, с. 302–304].

Избранные в 1843 г. священнослужители, после получения ими присяжных листов соответствующей формы (текст присяги составлялся на русском языке, с переводом на древнееврейский и «на употребляемый караимами татарский язык», и был отпечатан в типографии), препровождались в Симферопольский уездный суд, где, в присутствии стряпчего,

их приводили к присяге. Лишь после этой процедуры, а также после вручения открытых указов и после официального утверждения в должности (о чем также уведомляли органы полицейского контроля на местах) газзаны и шамашы могли приступать к исполнению своих обязанностей [46, л. 76, 76 об., 79 об.]. С утверждением в должностях священнослужителей караимский гахам просил объявить всем представителям караимского духовенства, «чтобы они исполняли свои обязанности со всей исправностью, согласно Положения о Караимском Духовном Правлении <...>, в случае же недоразумения чего-либо по должностям их обращались бы ко мне с испрошением разрешения» [46, л. 84 об.]. Кроме того, Симха бен Шломо Бабович указал газзанам на необходимость ведения метрических книг для записи рождавшихся, сочетавшихся браком и умерших караимов, а шамашам – на важность «ведения счета доходам и расходам» кенасы, и чтобы «все сии книги присылали в духовное правление для утверждения, и затем вели их со всею аккуратностью, предоставляя бы всякий по своей части своевремененно». Гахам также распорядился о том, чтобы газзаны и шамашы «отныне не осмеливались иметь самовольных от должностей отлучек», а спрашивали для этого в ТОКДП формальный отпуск – в противном случае, им грозило серьезное взыскание [46, л. 85, 85 об.].

Газзанами в бахчисарайской кенасе в разное время состояли: А. Тепси (в 1851–1854 гг. являлся газзаном севастопольской караимской общины; на пост газзана Бахчисарая утвержден 25 июля 1859 г.; умер в январе 1865 г.), А. Катлама (утвержден в 1865 г.), старший газзан и евпаторийский мещанин Ю. Ш. Хаджи Узун (утвержден в должности 21 мая 1867 г.), старший газзан И. М. Султанский (перемещен с должности старшего газзана симферопольской караимской кенасы; утвержден в той же должности в бахчисарайскую кенасу 20 октября 1894 г.), евпаторийский мещанин И. С. Сапак-Карабаджак (род. 20 июля 1854 г. в Николаеве – ум. в 1943 г. в г. Сорочинске Оренбургской области; окончил караимский мидраш в Николаеве, в должности младшего газзана бахчисарайской кенасы утвержден 26 февраля 1904 г., а присягу на верность службы принял 7 марта 1904 г.) (рис. 6–11), А. С. Дубинский (17 (30) января 1919 г. был определен в должность младшего газзана и настоятеля Соборной кенасы Чуфут-Кале; 2 февраля 1919 г. – рукоположен в сан) (рис. 17). Шамашами при бахчисарайской кенасе служили: М. Э. Апакай (утвержден в должности 31 декабря 1846 г.), Э. Ю. Аслан (утвержден 30 сентября 1849 г.)⁷, М. Я. Кефели, И. Ш. Танагоз, М. Каракоз, И. Баккал, Я. И. Кумыш, С. Леви-Ялпачик, И. С. Ельяшевич⁸, Я. Дубинский (18 (31) января 1919 г. был назначен и.о. шамаша Соборной кенасы Чуфут-Кале). Габбаями (старостами) бахчисарайской караимской кенасы избирались А. Шапшал, С. Болек, потомственный почетный гражданин Б. С. Кальфе (с 1867 г.), С. Пембек, потомственный почетный гражданин С. С. Туршу (с 1 декабря 1887 г.), Е. Ч. Майтоп (являлся также габбаем кенасы Чуфут-Кале), Я. И. Кумыш

⁷ По состоянию на октябрь 1864 г., Элиягу бен Юфуда Аслан (Арсланов), судя по архивным документам, служил в должности шамаша при бахчисарайской караимской кенасе; в соответствии с приказом Таврического губернского правления от 30 сентября 1849 г. за № 12400 он был командирован в Бахчисарай из Евпатории на постоянное жительство. А шамаш Моше бен Элиягу Аппакай получил назначение в кенасу Чуфут-Кале согласно приказа Таврического губернского правления от 31 декабря 1846 г. за № 13659 [52, л. 42 об.].

⁸ Шамаш И. С. Ельяшевич был уволен от занимаемой должности, согласно прошению и по состоянию здоровья 27 сентября (7 октября) 1918 г. [120, с. 1]. В сентябре 1920 г., после того, как должность шамаша в бахчисарайской караимской кенасе несколько лет оставалась вакантной, прошение о замещении этой должности в Караимское Духовное правление подал окончивший в 1919 г. АКДУ в Евпатории Бераха Коген-Пенбек (род. 21 августа 1900 г.) [73, л. 1–2 об., 4; 75, л. 29, 39].

(умер 3 октября 1917 г.), И. А. Прик (с 15 октября 1917 г.), С. Ю. Ялпачик и С. Ага (в 1919 г.) [71, л. 10, 11; 53, л. 13, 13 об.; 56, л. 1, 7 об.; 61, л. 4 об.; 64, л. 3, 9; 67, л. 5, 5 об., 8; 70, л. 1–5; 124, с. 74; 120, с. 1]. Следует также добавить, что в газзанский округ бахчисарайской кенасы входили Бахчисарай и Чуфут-Кале (Приложение 3).

Бахчисарайской кенасе принадлежало в Бахчисарае 3 дома, 33 лавки, приносящих до 600 руб. арендной платы ежегодно, а также процентные бумаги на сумму около 5 600 руб. [71, л. 12–16]. В 1916 г. доходная часть от недвижимых имуществ бахчисарайской кенасы составила 1 299 руб., в пользу самой кенасы поступило 1 520 руб. 80 коп. и было пожертвовано «чедака» (традиционное ежедневное пожертвование членов караимской общины) на сумму 1 116 руб. 10 коп. (всего доходов – 3 935 руб.). В число расходов в 1916 г. входили такие статьи, как: жалование служащим (1 505 руб.), возврат долга габбаю Я. И. Кумышу (1 707 руб. 61 коп.), пожертвования в пользу бедных караимов Бахчисарая (338 руб. 50 коп.), а также прочие затраты (1 247 руб. 47 коп.). Денежная задолженность кенасы к 1 января 1917 г. составлял 862 руб. 68 коп. [116, с. 19]. В 1917 г. финансовая отчетность Бахчисарайской кенасы выглядела следующим образом: доход с недвижимого имущества – 3 774 руб. 19 коп.; суммы от процентных бумаг – 451 руб. 83 коп.; пожертвовано «чедака» – 4 047 руб. 65 коп.; от традиционных пожертвований в пользу бедных «маалот» и «агават» – 273 руб. 05 коп. (всего – 9 289 руб. 28 коп.) [117, с. 26].

Кроме того, в связи с тяжелым материальным положением и быстро растущей после революции инфляцией руководством общины было принято решение реализовать часть имущества, чтобы финансово поддержать существование кенасы; всего было продано серебряных изделий и утвари на сумму 742 руб. 56 коп. К графе расходов были отнесены: жалование служащим кенасы (2 441 руб. 20 коп.); пожертвования в пользу бедных караимов Бахчисарая (703 руб. 50 коп.), налоги (523 руб. 18 коп.), страхование билетов внутреннего займа (465 руб. 22 коп.) и приобретение процентных бумаг (1 800 руб.). Прочие расходы обошлись в сумму 448 руб. 79 коп.; кроме того, на ремонт здания кенасы было израсходовано 333 руб. 31 коп. Перерасход составил к 1 января 1918 г. 862 руб. 68 коп., а остаток – 1 711 руб. 40 коп. (всего расходы составили сумму 7 577 руб. 88 коп.) [118, с. 26]. В 1918 г. габбай бахчисарайской кенасы Е. Ч. Майтоп сообщал в Духовное правление, что прибыль кенасы от магазинов и лавок составила 900 руб.; различного рода пожертвований поступило на сумму 1 383 руб. Кроме того, доходная часть пополнилась на 5 275 руб. 50 коп.; расходы же составили 8 802 руб. 80 коп. [70, л. 3] (Приложения 4–5).

В начале XX в. произошел криминальный эпизод, связанный с бахчисарайской кенасой. Еще летом 1842 г. супруга российского императора Николая I Александра Федоровна, в знак особого благоволения караимам, прислала в дар общине Чуфут-Кале серебряную кружку (по другим сведениям, серебряную игольницу тонкой работы) [151, с. 218, 219] с выгравированной на ней памятной надписью: «Бахчисарайскому караимскому обществу». Этот ценный подарок был передан таврическим губернатором, генерал-лейтенантом В. И. Пестелем 31 декабря 1847 г. в Симферополе представителям караимов и хранился у бахчисарайской общины вплоть до 1910 г. Как сообщалось, 18 августа 1910 г. злоумышленники, подобрав ключ, проникли в здание кенасы и похитили серебряную кружку вместе с другими ценными предметами (серебряными лампадами, подсвечниками и прочими изделиями), всего было украдено церковной утвари на общую сумму 2 730 руб. [131, с. 61; 161, с. 125; 162, с. 126, 127]. 28 октября 1911 г. дело об ограблении слушалось в Симферопольском окружном суде; как выяснило следствие, подозреваемые по делу (житель Бахчисарая А. Домаянц, симферопольцы Н. и С. Цыгоевы, а также В. Восков) после совершения кражи переплавили серебро в три слитка. Поверенным

караимской бахчисарайской общины, выступившей в качестве истца в суде, был присяжный поверенный Ходжаш, заявивший на заседании, что «кража эта затронула интересы всего караимского народа, дорожившего украденными ценностями, среди которых был и царский подарок». После продолжительных судебных прений присяжные признали А. Домаянца виновным в сбыте, а К. Цыгоева и С. Вайсбурда – в скупке краденого. В итоге суд приговорил А. Домаянца к 3 месяцам, а К. Цыгоева и С. Вайсбурда – к 2 месяцам ареста; С. Цыгоев и В. Восков были признаны невиновными [162, с. 127]. Однако, разумеется, уникальный дар императрицы и другие предметы религиозного культа караимов были безвозвратно утеряны.

Что касается сферы экономических интересов караимов Бахчисарая, то традиционно они были заняты в торговле и отраслях, с ней связанных: как сообщалось в справочных изданиях второй половины XIX – начала XX вв., в городе «главная торговля находилась в руках предприимчивых караимов», которые специализировались на продаже овечьей шерсти, овчины, табака, выращиваемого на местных плантациях, сёдел, сафьяна, медной посуды, глиняных трубок и пр. (причем значительная часть товаров экспортировалась за границу). Кроме того, многие из караимов занимались земледелием и сдачей земельных угодий в аренду: «крупные земельные владения, содержание ханов⁹, промен монет и другие городские занятия составляют источники всегдашнего благосостояния караимов», сообщалось в одной из заметок, опубликованных в «Новороссийском календаре» в 1839 г. [89, с. 303; 123, отд. 2, с. 56; 128, с. 246]. В начале XIX в. в Бахчисарае было 16 «ханов», причем в пяти из них имелись «купеческие красные товары», а 11 – являлись постоянными дворами [74, л. 1].

Следует сказать, что в 1847 г. в городе всего числилось 276 лиц купеческого сословия (в т.ч. 73 чел., приписанных к 1-й гильдии и 203 – к 3-й гильдии); в 1849 г. в Бахчисарае насчитывалось 165 купцов-мужчин. Всего же на территории Таврической губернии в 1851 г., в соответствии с данными IX ревизии о податных состояниях Российской империи, проживало 3 947 лиц купеческого сословия (включая 113 иностранцев); из них караимов было 1 215 чел. [83, с. 391; 24, б.п., табл. № 1; 94, с. 133]. В середине 60-х гг. XIX в. лиц, принадлежавших к купеческому сословию, в Бахчисарае насчитывалось 143 чел. (69 муж. и 74 жен.); купцам 2-й гильдии было выдано 39 торговых свидетельств [89, с. 303, 306].

В январе 1873 г. ревизионное отделение Таврической губернской казенной палаты в предписании, направленном в адрес Бахчисарайской городской Думы, распорядилось предоставить сведения о купцах, объявивших свои капиталы и возобновивших свидетельства и билеты на право ведения торговых операций, а также о членах их семей. Из ответного рапорта городских властей (который является содержательным источником по составу караимской общины Бахчисарая конца 70-х гг. XIX в.) становится известно, что в Бахчисарае на 1 января 1873 г. числилось среди лиц купеческого звания: русских – 10 чел. (4 капитала), греков – 2 чел. (2 капитала), крымских татар – 11 чел. (11 капиталов), евреев – 5 чел. (4 капитала), караимов – 31 чел. (13 капиталов). В итоге Таврическая губернская казенная палата утвердила в звании купцов 2-й гильдии 59 чел., в их числе караимов (вместе с членами семей): Авраама Шапшала, Акбике Казас, Исаака Ильевича Баккала, Иосифа Ильевича Баккала, Исаака Шамоиловича Баккала, Юфуду Оксюза, Бераху Майкопара, Новаха Чауша, Ильяго Ага, Гелеля Зенгина, Авву Кефели,

⁹ Хан – эд.: в Крымском ханстве придорожный постоялый двор, в котором останавливались купцы и хранились товары. Это название иногда употреблялось в Крыму и в начале XIX в.: «На устроенных при них [ханах] кофейнях совершаются купли и продажи между Караимами, Татарами и Христианами, словом, ханы суть биржи в малом виде» [3, с. 180, прим. 1]. (Приложение 2).

Мортхая Кефели, Ходжаша Борю. Впоследствии купцы 2-й гильдии Яков Ильевич Баккал (вместе с женой Акбике, дочерью Берухой и новорожденным сыном Илейей) и Исаак Ильевич Баккал (с женой Эстер, сыновьями Давидом, Ильяго и дочерью Акбике) были исключены из списков бахчисарайского купечества в связи с их переездом на постоянное жительство в Елисаветград [51, л. 111] (рис. 12–16).

Среди иногородних караимов, которые вели в Бахчисарае торговые дела на правах купцов 2-й гильдии, числились потомственные почетные граждане: Шолеме Кефели, Арон Гелелович и Шамоил Ичаджик. Помимо всего прочего, в списке лиц, не предоставивших в органы фискального контроля необходимые сведения, также фигурировало несколько караимов: вдова Сарра Оксюз (1 капитал), вдова Султан Пембек (семья из трех чел., 1 капитал), Шауль Кальфе (1 капитал). Указанные лица, в соответствии с распоряжением Таврической областной казенной палаты, переводились из категории купцов в окладные мещане; кроме того, умерший в 1872 г. купец Гелель Пембек также был исключен из податного сословия [77, л. 1, 11–20, 27, 27 об., 28–29, 30] (Приложение 6).

В 1891 г., в связи с намерением караимского купца, промышленника и мецената С. А. Когена открыть в Евпатории для караимского юношества учебное заведение «по типу городских училищ Министерства Народного Просвещения» [136, с. 536–569], директор народных училищ Таврической губернии (НУТГ) А. Н. Дьяконов обратился к Таврическому и Одесскому караимскому гахаму С. М. Панпулову (который состоял членом Таврического губернского статистического комитета) с просьбой предоставить имеющиеся у него, «хотя бы приблизительные» сведения об имущественном положении и сословном статусе членов караимских общин. И хотя в своем ответе А. Н. Дьяконову от 7 февраля 1891 г. С. М. Панпулов отметил, что собранная им по этому вопросу информация составлена из «некоторых, хотя и не совсем точных» данных, тем не менее, важно подчеркнуть, что она является ценным источником по указанному вопросу – в связи с тем, что ни в отчетах по Всероссийской переписи населения 1897 г., ни в более ранних статистических обзорах детальная информация не фиксировалась и не публиковалась. Что касается Бахчисарая, то С. М. Панпулов сообщал, что в городе проживает 589 мещан из числа караимов, 50 «лиц купеческого звания»; при этом из них 60 имели звание потомственных почетных граждан. Дворян, по сведениям гахама, среди караимов Бахчисарая не было; из караимского духовенства числился 1 священнослужитель. Общая сумма капиталов, которым владели караимы (в основном, это движимое и недвижимое имущество, а также земельные участки), оценивались С. М. Панпуловым в 2 млн. руб. [60, л. 58, 58 об., 60, 61].

Несмотря на то, что приведенные гахамом данные, в целом, соответствовали действительности, однако они требуют корректировки. Дело в том, что по сведениям Таврического губернского статистического комитета, в 1890 г. в городе проживал 691 караим (366 муж. и 325 жен.); всего в городе потомственных почетных граждан числилось 40 чел., а личное почетное гражданство имело 16 чел. Что касается представителей купеческого и мещанского сословий, то в Бахчисарае в 1891 г. их всего проживало, соответственно, 142 чел. (78 муж. и 64 жен.) и 12 320 чел. (5 899 муж. и 6 421 жен.); представителей духовенства «караимского и еврейского вероисповедания» насчитывалось 4 чел. (2 муж. и 2 жен.) [19, с. 54–55]. В 1897 г. Всероссийской переписью в Бахчисарае было зафиксировано 69 лиц, имевших личное и потомственное почетное гражданство; среди них в качестве родного языка «татарский» указали 39 респондентов (16 муж. и 23 жен.); общее число бахчисарайских купцов с членами их семей доходило до 139 (77 муж. и 62 жен.), а «татарский» в качестве родного указал 81 чел. (23 муж. и 58 жен.) [155, с. 278]. К сожалению, из данных Всероссийской

переписи населения 1897 г. неизвестно, каким именно было представительство караимов в этих категориях¹⁰.

Как уже было сказано выше, в Бахчисарае при караимской кенасе действовала начальная школа для караимских детей, мидраш. Обучение в ней практически до конца XIX в. проходили только мальчики. В 1847 г. число учеников в бахчисарайском мидраше составляло 30 чел.; в 1861 г. в двух караимских школах обучалось 75 учащихся, а преподавание дисциплин было возложено на двух учителей; в 1875 г. в мидраше обучалось 35 чел. [24, с. 209; 51, л. 115; 69, л. 36, 36 об.; 55, л. 7]. Однако несовершенная методика преподавания и стремительно меняющиеся социокультурные ориентиры требовали существенной модернизации традиционной конфессиональной системы караимского образования. Середина 1860-х – начало 1870-х гг. в России ознаменовалось началом образовательной реформы «инородцев». В результате ее проведения Министерство народного просвещения (МНП) декларировало о создании русско-караимских и русско-татарских министерских училищ (РТМУ и РКМУ). Одной из основных задач, поставленных перед этими учреждениями, являлось распространение русского языка и образованности среди караимского и крымскотатарского населения страны. Официально РКМУ находились в ведении Дирекции НУТГ.

В январе 1885 г. директор НУТГ А. Н. Дьяконов обратился к гахаму С. М. Панпулову с просьбой предоставить сведения о караимских учебных заведениях, находившихся в подчинении ТОКДП, а также об их преподавательском и ученическом контингентах. Необходимая информация вскоре была получена; исходя из данных статистики, в Таврической губернии было 11 общественных караимских мужских училищ и 1 женское (всего – 375 учащихся). Что касается Бахчисарая, то к 1 января 1885 г. там функционировало 2 караимских училища (1 мужское, «мидраш», располагавшееся в собственном каменном здании при кенасе, и 1 «смешанное училище» – в наемном помещении). В мидраше, которым заведовал бахчисарайский газзан Ю. Ш. Хаджи Узун, обучалось 22 мальчика, в смешанном училище – 26 мальчиков и 4 девочки (завед. – А. М. Кефели). В 1886 г. число учащихся составляло, соответственно: 18 мальчиков в мужском училище; 22 мальчика и 6 девочек – в смешанном [59, л. 20, 22, 23]. В 1896 г. в двух бахчисарайских училищах всего обучалось 22 ученика, однако уже в 1899 г. число учебных заведений сократилось до одного, при этом в мидраше обучалось только 18 мальчиков (преподавание в нем осуществлял газзан И. М. Султанский); девочек среди учащихся не было [66, л. 9 об.; 65, л. 31, 40]. В 1893 г., в связи с отсутствием на тот момент в бахчисарайской караимской общине газзана, разрешение преподавать караимским детям основы караимского вероучения, а также «исполнять обряды, не запрещенные ученым лицам караимской национальности» ТОКДП предоставило И. Я. Бондарю [62, л. 1].

Значительное число караимов проходили обучение в общеобразовательных учреждениях МНП. Однако это было связано с рядом трудностей, вызванных несовершенством методики и недостатками программы преподавания. Как сообщала преподаватель Бахчисарайского земского приходского училища Эмбарт в докладной записке, поданной в январе 1891 г. А. Н. Дьяконову, «арифметика дается караимским детям гораздо легче прочих предметов,

¹⁰ В соответствии с данными Всероссийской переписи населения 1897 г., из общего числа представителей иудейских общин Таврической губернии, на идише разговаривало 55 336 чел. (91,1%), на «татарском» (включая и караимский этнолект крымскотатарского языка) – 3 299 чел. (5,4%), на русском – 2058 чел. (3,4%); «другие языки» в качестве разговорного указало 59 респондентов (0,1%). Что касается непосредственно караимов, то «татарский» в качестве родного указало 5 357 чел. [155, с. XIII, 102].

т.к. они отличаются большой сообразительностью. Русский же язык для них значительно труднее, потому что все они говорят преимущественно по-татарски. Оказывают же успехи по этому предмету только благодаря своему примерному прилежанию. По чистописанию и переписыванию все удовлетворительно»¹¹ [35, л. 5, 5 об.]. Перед дирекцией НУТГ остро стоял вопрос о модернизации учебных программ применительно к «инородческому» контингенту, а также об открытии новых учебных заведений, в которых могли бы обучаться караимы.

Как правило, решение по открытию караимских школ принималось по представлению Дирекции НУТГ, после чего в МНП издавалось специальное распоряжение. Однако, несмотря на необходимость строгого выполнения ряда бюрократических процедур, некоторые школы и училища открывались даже без соответствующих санкций. Например, в 1899 г. в Бахчисарае, без разрешения Дирекции НУТГ, было открыто караимское училище, в котором детям преподавали караимский и русский языки [37, л. 97, 97 об.]. Вынужденный вмешаться и.о. директора НУТГ М. Иващенко распорядился в отношении, направленном 24 декабря 1899 г. в Бахчисарайское полицейское управление, о том, что «если общество желает, чтобы оный [русский] язык преподавался в этом училище, то пусть войдет с ходатайством в установленном порядке о разрешении об этом» [37, л. 112, 112 об.]. Соответствующее прошение вскоре было подано в Дирекцию НУТГ, и 24 декабря 1899 г. состоялось официальное открытие Бахчисарайского русско-караимского министерского училища; его заведующим стал уполномоченный местной караимской общиной потомственный почетный гражданин С. Ефетович (совладелец торгового дома «Братья Шишман и Ефетович» в Симферополе), учителями – бахчисарайский газзан А. Я. Кокей (вероучитель) и А. М. Кефели (учительница русского языка), а число учащихся на момент открытия училища составляло 18 мальчиков [37, л. 1, 112, 112 об.; 65, л. 33, 53; 39, л. 9].

В РКМУ осуществлялось преподавание русского языка и арифметики; кроме того, дети изучали древнееврейский язык и «караимское вероучение». Курс обучения был разделен на два года; классы состояли из нескольких отделений. В 1905 г. по инициативе представителей бахчисарайской караимской общины также было предложено открыть «класс корзиноплетения», а преподавателя училища М. И. Мальцева предполагалось направить на соответствующие курсы по обучению этому ремеслу (с пособием от общества в размере 40–45 руб.). Данный шаг был вызван как практической необходимостью (с целью обучения караимских детей ручному труду), так и в связи с постановлением МНП 1898 г. о расширении учебного курса в учительских семинариях – «в видах распространения между крестьянами, через посредство сельских учителей, более рациональных приемов ведения сельского хозяйства» [41, л. 1; 177].

По сведениям, представленным директору НУТГ А. Н. Дьяконову, в 1901 г. в Бахчисарайском РКМУ ученический контингент состоял из 25 мальчиков; в рапорте бахчисарайского газзана в ТОКДП также имелось пояснение, что девочки в училище не учатся, т.к. «нет для них отдельного помещения» [65, л. 53]. Что касается сословного состава учащихся, то необходимо отметить, что большинство из них были выходцами из среднего городского сословия. Например, в Бахчисарайском РКМУ в 1901 г. обучалось 32 ученика (в т.ч., и 9 вновь поступивших в училище): из них – 28 детей мещан, трое – дети потомственных

¹¹ Следует также сказать, что проблемы с общим уровнем образованности существовали не только у учащихся. Например, директор народных училищ Таврической губернии А. Н. Дьяконов в своем резюме об определении на должность учительницы в Бахчисарайское РКМУ А. М. Кефели отметил, что она «имеет дурной почерк и пишет не вполне грамотно» [40, л. 9, 11].

почетных граждан, и один представитель купеческого сословия [65, л. 61]. В 1902 г. в Бахчисарайском РКМУ обучение проходили уже 27 мальчиков [144, с. 105].

Учебный год в русско-караимских министерских училищах продолжался с 15 августа до 15 июня включительно; уроки начинались в 9 часов утра и заканчивались в дообеденное время. Продолжительность одного урока составляла 50 минут; между занятиями – 10-минутная перемена. Для окончивших РКМУ проводились выпускные экзамены с приглашением экзаменаторов из числа преподавателей других учебных заведений; «испытания», как правило, проводились в конце учебного года в мае месяце [35, л. 54]. Занятия в училищах вели ежедневно, за исключением субботы. Для педагогов и учащихся христианских конфессий, согласно распоряжению попечителя Одесского учебного округа от 8 января 1907 г., в воскресные и праздничные (в соответствии с православным календарем) дни было разрешено начинать занятия с 11 часов утра и продолжать до двух часов дня, в связи с необходимостью посещения педагогами и учащимися богослужения в церкви¹² [34, л. 12, 12 об.]. Так, например, в 1911–1912 гг. учителя и учащиеся православного вероисповедания женского Бахчисарайского РКМУ были освобождены от классных занятий в рождественские и новогодние праздники с 22 декабря 1911 г. по 7 января 1912 г., а также с 7 по 9 апреля (в четверг, пятницу и субботу Страстной недели) и с 10 по 17 апреля (всю Пасхальную неделю) 1912 г. Помимо этого, занятия в училище не проводились также и в дни караимских религиозных праздников – Пасхальные торжества по караимской традиции в 1911 г. отмечались с 2 по 9 апреля [44, л. 9, 10, 24].

Что касается бюджета Бахчисарайского РКМУ, то в 1899 г. караимской общиной Бахчисарая было выделено 300 руб. [65, л. 33]. В 1902 г. ведомость денежных поступлений выглядела таким образом: 440 руб. – «от казны» и 600 руб. – «из других источников» (в частности, от бахчисарайской караимской общины поступило 480 руб.) [144, с. 105; 65, л. 61]. В 1905 г. на содержание Бахчисарайского и Карасубазарского РКМУ МНП было выделено 600 руб.; общая сумма пожертвований равнялась 900 руб.; 357 руб. составлял единовременный взнос и 220 руб. поступило из других источников [33, л. 158 об., 167]. В 1911 г. из средств Бахчисарайского благотворительного общества на нужды РКМУ было перечислено 720 руб. [44, л. 34].

14 июня 1902 г. состоялось собрание уполномоченных от бахчисарайской караимской общины (И. Д. Каракоз, И. А. Прик, С. Ефетович, Э. И. Баккал), на котором был утвержден «общественный приговор» о необходимости открытия в Бахчисарае учебного заведения для караимских девочек. «В Бахчисарае существует лишь одно училище, – говорилось в документе, – где могли бы обучаться девочки-караимки – это начальное земское училище. Но в этом училище в настоящее время обучается 36 девочек и 55 душ общего числа всех учащихся <...> В настоящее время около 30 девочек-караимок – без начального образования» [39, л. 9, 9 об.]. С. Ефетович представил указанный документ инспектору народных училищ Симферопольского района, и вскоре он был рассмотрен и поддержан в Дирекции НУТГ.

Финансирование вновь открывавшегося учебного заведения предполагалось

¹² Примечательно, что за выполнением предписания учащимся Бахчисарайского РКМУ из числа христиан в воскресные и праздничные дни посещать церковные службы следили чиновники из дирекции НУТГ. В частности, 22 марта 1902 г. настоятель Свято-Николаевского собора Таврической епархии в Бахчисарае протоиерей Е. П. Эндека сообщал инспектору НУТГ Симферопольского района Р. Г. Хасабову, что учащихся Бахчисарайского РКМУ в церкви не видел, но не может утверждать, были последние в церкви или нет, т.к., по его словам, не имел «привычки во время совершения богослужения разглядывать молящуюся публику» [43, л. 3].

осуществлять за счет пособий «от казны», а жалование педагогов, согласно смете, должно было составить не менее 300 руб. ежегодно (преподавателю «караимского вероучения» – до 360 руб.); для училища собирались отвести особое помещение [39, л. 5, 6]. На должность преподавателя общеобразовательных предметов в Бахчисарайское женское РКМУ 16 сентября 1903 г. была определена выпускница Севастопольской женской казенной гимназии Акбике Моисеевна Кефели [40, л. 7, 7 об., 9], а 26 октября 1905 г. в учительскую должность вступила, в соответствии с распоряжением директора НУТГ С. Д. Маргаритова и «полным согласием бахчисарайского караимского общества», Апполинурия Михайловна Констен (ранее работавшая в Карасубазарской женской гимназии) [41, л. 5, 6, 10 об., 9].

Педагогический персонал РКМУ, помимо преподавания учебных дисциплин, старался по мере сил и возможностей устраивать для детей познавательные историко-краеведческие экскурсии. Например, в апреле 1907 г. преподаватель Бахчисарайского мужского РКМУ М. И. Мальцев обратился в дирекцию НУТГ с просьбой о предоставлении льготных проездных билетов для учащихся, т.к. он, «по примеру прошлых лет», собирался после окончания экзаменов в РКМУ (намеченных на 3–5 мая 1907 г.) совершить с учащимися женского и мужского караимских училищ экскурсии в Симферополь (для осмотра Естественно-исторического музея и окрестностей губернской столицы) и в Севастополь (в планах было посещение Херсонесского и Георгиевского монастырей, музея древностей в Херсонесе, Малахового кургана, братского кладбища защитников Севастополя в Крымской войне, а также Балаклавы) [34, л. 7, 7 об., 8]. Аналогичная просьба от М. И. Мальцева поступила в дирекцию НУТГ и в 1909 г. [42, л. 8].

Тем не менее, несмотря на модернизацию русско-караимских министерских училищ, поддержку со стороны государства и местных общин, а также энтузиазм работавших в них педагогов, многие учебные заведения испытывали в своей работе ряд затруднений как материального, так и организационного характера. И хотя собрание уполномоченных бахчисарайской караимской общины в июне 1911 г. постановило оказывать всестороннюю поддержку Бахчисарайским РКМУ (в частности, «нанимать сторожа, отапливать, ремонтировать, приобретать учебные пособия, книги для библиотеки и принадлежности» и, «по мере надобности и необходимости», исполнять распоряжения учебного начальства о нуждах училища), тем не менее, материальное положение учебных заведений оставляло желать лучшего. Например, к расходам по Бахчисарайскому мужскому РКМУ, которые финансировала община, были отнесены: жалование преподавателю «караимского вероучения» (600 руб.) и прислуге (100 руб.); уборка, отопление и освещение (100 руб.); приобретение учебных пособий (200 руб.). Было также принято решение частично возмещать педагогам потребность в «квартирных деньгах» – по 60 руб. в год (этих сумм, впрочем, явно не хватало, несмотря на заявление уполномоченных общины о том, что «в Бахчисарае квартиры недорогие») [44, л. 35, 35 об., 38]. Почетный блюститель училища И. А. Прик оплачивал денежные счета за приобретенные учебные пособия, покупал обувь для бедных учеников и учениц, передавал заведующему и вероучителю РКМУ денежные суммы в размере от 50 до 100 руб. на организацию экскурсий и праздничных гуляний. Однако в январе 1911 г. И. А. Прик сначала сообщил в Дирекцию НУТГ о том, что свободных денежных средств в распоряжении бахчисарайской общины не имеется (и, как следствие, компенсировать расходы учителям на оплату жилья община не в состоянии), а в августе 1911 г. он подал прошение об освобождении от должности почетного блюстителя, которое вскоре было удовлетворено [44, л. 39].

Общая ситуация осложнилась и конфликтом, возникшим между уполномоченными бахчисарайской караимской общины (в лице почетного блюстителя РКМУ И. А. Прика,

газзана И. Сапака-Карабаджака, шамаша И. Баккала, вероучителя И. Аппака, а также С. Ялпачика, С. А. Болека, Э. Кефели, Д. Я. Рофе, С. Казаса, Я. Д. Когена, Р. М. Лаврецкого, Д. Оксюза) и учительницей Е. К. Цеханович (поступившей на работу в училище в октябре 1910 г.) [43, л. 21, 31]. Выразился он в том, что представители общины (после того, как заведующий РКМУ М. И. Мальцев уволился и поступил в Глуховский учительский институт) отказались передавать Е. К. Цеханович полномочия по заведованию Бахчисарайским мужским РКМУ (как докладывала в дирекцию НУТГ сама Е. К. Цеханович, выразилось это, по ее мнению, «в грубой и оскорбительной форме»). Непростые отношения сложились у нее с преподавателем «караимского вероучения» РКМУ И. Аппаком, который, по словам учительницы, «подрывал ее авторитет перед школой» [44, л. 69, 69 об.]. Е. К. Цеханович обращала внимание руководства и на отсутствие в Бахчисарайском мужском РКМУ самых необходимых учебников и учебных пособий; кроме того, педагог опасалась, что в текущем учебном году выпуск в училище мог не состояться, т.к. знания предметов у учеников 4-го, выпускного, класса были весьма посредственны, и она предполагала, что «с ними придется повторять второй и третий год, т.к. они все позабыли» [43, л. 34, 38; 44, л. 46]. В дело был даже вынужден вмешаться бахчисарайский полицмейстер, и в октябре 1910 г. И. А. Прик, отвечая уже на вопросы инспектора НУТГ Симферопольского района, заявил, что «караимское общество ничего лично не имеет против Цеханович, тем не менее, просит при первом же удобном случае назначить вместо учительницы учителя» (в частности, в этой связи бюллетенем рассматривалась кандидатура симферопольского педагога В. Я. Демченко) [43, л. 16, 20, 34, 35, 39, 42; 44, л. 6].

Существенным препятствием для нормальной организации учебного процесса являлось также и то, что учащиеся с конца октября до начала апреля посещали РКМУ крайне нерегулярно, т.к. в это время они привлекались родителями на различные сельхозработы. Например, 29 августа 1911 г. вероучитель И. Аппак в ответ на распоряжение инспектора Р. Г. Хасабова разобраться с ситуацией в Бахчисарайском РКМУ сообщал, что сделать это пока не представляется возможным, потому что «большинство членов караимского общества находится в садах», а на повторное предписание начальства уполномоченные бахчисарайских караимов Р. М. Лаврецкий, С. Ялпачик и С. Болек заявили, что возвратиться в город члены общины намерены с сельхозработ не ранее 15 ноября. В свою очередь, Е. К. Цеханович писала в рапорте на имя директора НУТГ, что с 1 сентября 1911 г. занятия в РКМУ все же возобновились, однако в классы явилось только 7 учащихся, а остальные были заняты на уборке урожая в садах. «Посещение школы учениками, – отмечала педагог, – очень неаккуратно без всяких основательных причин, и приходится заниматься с 6 или 5 учениками» [44, л. 38, 41, 46].

В августе 1911 г. инспектор Р. Г. Хасабов, предписанием через полицмейстера Бахчисарая, распорядился объявить уполномоченным бахчисарайской караимской общины, что если ее представители не будут заботиться о благосостоянии Бахчисарайского РКМУ, то училище в ближайшее время может быть закрыто; одним из требований учебного начальства являлась компенсация денежных затрат учителям по найму квартир (в размере 120 руб.)¹³; в противном случае предлагалось сократить должность вероучителя [44, л. 40, 40 об.].

Ситуация усугублялась и тем, что помещение, в котором размещалось училище, не

¹³ Бахчисарайская городская Дума своим постановлением от 28 ноября 1911 г. ассигновала караимской общине, «на усиление ее квартирных средств по содержанию караимского училища» 72 руб., при этом было указано, что распределение этой суммы между учителями или на наем помещения «всцело зависит от самого общества». Однако, как следует из дальнейшей переписки между инспектором НУТГ Симферопольского района и педагогами, последние требуемой компенсации так и не получили [45, л. 18, 18 об., 20].

отвечало установленным МНП санитарно-гигиеническим нормам – об этом еще в 1899 г. сообщал городской врач Бахчисарая [37, л. 100]. А в зимние месяцы 1910/1911 учебного года классы Бахчисарайского РКМУ практически не отапливались: во время сильных морозов температура в классах не поднималась выше 2–4°C [44, л. 69, 69 об.]. По заключению городского врача Бахчисарая В. И. Маркевича, осмотревшего РКМУ в феврале 1911 г., помещение училища не соответствовало своему назначению: «температура в классе +6°R при усиленной топке¹⁴, окна и двери плохо закрываются, в прогнившем полу отверстия»; врач рекомендовал руководству учебного заведения «немедленно исправить пол, окна и двери, а занятия в школе прекратить» [44, л. 70].

В 1913 г. сами представители бахчисарайской караимской общины обратились к учебному руководству Таврической губернии с ходатайством о закрытии Бахчисарайского мужского РКМУ. Вызвано это было тем, что в 1913/1914 учебном году в этом учебном заведении числилось всего 2 ученика – 11-летний Исаак Болек и 12-летний Яков Синани; в числе желавших поступить в это учебное заведение оказалось только двое детей 7-летнего возраста (караимы Ялпачик и Казас) [45, л. 247 об.]. И хотя училище продолжало получать ежегодную субсидию из государственного казначейства в размере 400 руб., тем не менее, Е. К. Цеханович в июне 1913 г. была вынуждена сообщить в Дирекцию народных училищ Таврической губернии о том, что ей вновь не были выплачены «квартирные деньги» за 3 месяца в сумме 18 руб. [45, л. 18 об., 20].

Что касается Бахчисарайского женского русско-караимского министерского училища, то в нем обучалось 10 девочек. Причем заведующая РКМУ, учительница А. М. Констен также не получала положенных ей по закону «квартирных денег», однако вопрос этот не будировала, т.к., по ее собственным словам, знала, «что караимское общество бедное» [43, л. 43]. Тем не менее, не имея достаточных средств к существованию, летом 1914 г. А. М. Констен была даже вынуждена временно, на период каникул, устроиться на работу в винную лавку акцизного ведомства, что, разумеется, не могло не вызвать нарекания со стороны училищного начальства, резонно заметившего, что эта должность несовместима с должностью педагога [45, л. 250, 251]. Как сообщал в докладной записке директору НУТГ училищный инспектор Симферопольского района, бахчисарайская караимская община, состоявшая в 1913 г. из 55 семейств (95 муж. и 110 жен.), «прогрессивно вырождается» – многие караимы стремились уехать в другие, более перспективные в торговом и экономическом отношении города Российской империи. В связи с этим, отмечал чиновник, «отсутствие детей школьного возраста и невнимательное отношение караимского общества» привело к закрытию Бахчисарайского мужского караимского училища и последующему слиянию его с женским училищем – это было сделано по распоряжению управляющего ОдУО окружного инспектора Т. Виноградова от 17 октября 1913 г. [45, л. 20, 247 об., 279]. Заведовать открытым 28 октября 1913 г. объединенным Бахчисарайским РКМУ была назначена А. М. Констен, а преподавателем «караимского вероучения» стал газзан А. Я. Кокей; учительница Е. К. Цеханович работала в училище по найму, с перспективой назначения на штатную должность (в штате – с 1914 г.) [45, л. 20, 250; 123, с. 91]. В 1919 г. в этом учебном заведении обучалось 11 мальчиков и 5 девочек [71, л. 12–16] (рис. 18).

В числе преподавателей бахчисарайских русско-караимских учебных заведений в разные годы были представители караимского духовенства: бахчисарайские газзаны

¹⁴ Температура +6° по шкале Реомюра соответствует +7,5° по шкале Цельсия.

А. Тепси, Ю. Ш. Хаджи Узун, А. Я. Кокей, М. Ш. Бейм, М. С. Нейман, И. С. Сапак-Карабаджак [65, л. 6, 26, 55; 59, л. 19, 20; 87, с. 166, 174, 177, 202; 123, с. 91; 149, с. 8]. Заведующими (смотрителями) и попечителями училищ состояли Ш. Кефели, И. Кальфе, М. Кальфе, М. Кефели, С. Ефетович, М. И. Мальцев, И. Э. Аппак [43, л. 1, 3, 14, 16, 20; 113, с. 332]. В РКМУ Бахчисарая работали учителями и преподавателями вероучения такие деятели народного образования Таврической губернии, как: М. А. Вандаловская, А. М. Констен, А. М. Кефели, Е. К. Цеханович, И. С. Сапак, А. М. Савицкая, С. Е. Миллер и др. [32, л. 1; 91, с. 39, 110; 2, с. 53, 116; 147, с. 15; 65, л. 53; 37, л. 1; 36, л. 103, 107; 149, с. 9; 44, л. 23, 24, 29; 57, л. 131, 132]. А в 1903 г. в Одессе преподавателем «караимского вероучения» Бахчисарайского РКМУ А. Я. Кокеем был даже издан «Учебник древнебиблейского языка для караимских детей первого учебного возраста», в который были включены, помимо грамматических упражнений, и краткие караимские молитвы [87, с. 106].

Следует также отметить и то обстоятельство, что члены караимской общины Бахчисарая оказывали посильную материальную помощь при открытии Александровского караимского духовного училища (АКДУ) в Евпатории. Так, например, габбай бахчисарайской общины Е. Ч. Майтоп, а также Ч. Майтоп в 1894 г. пожертвовали 100 руб., а купцы С. Кефели, А. И. Прик, И. А. Прик – соответственно, 500, 100 и 50 руб. на нужды этого училища. Всего же представителями бахчисарайской караимской общины (48 чел.) было передано 2 485 руб. в фонд этого учебного заведения [63, л. 249].

Многие члены караимской общины Бахчисарая были представлены в органах местного самоуправления города и его муниципальных учреждениях. Например, на пост городского головы Бахчисарая в ходе купеческих и мещанских выборов на трехлетие с 1818 по 1821 гг. баллотировался караим Садук-Хаджи-Борохов-и-Гизов (Эгиз); на должность бургомистра в Бахчисарайскую ратушу был избран реби Авраам Бейм; на этот же пост баллотировался и Шолеме-Хаджи-реби-оглу. В ратманы Бахчисарайской ратуши на трехлетие с 1818 по 1821 гг. избрали Исаака Булена¹⁵, а баллотировались на этот пост – Берех-Шоле и Тодор-Аслан-Кальфе [29, л. 81–84]¹⁶. Гласными Бахчисарайской городской Думы в разные годы состояли потомственный почетный гражданин Эфроим Берахович Кефели, купец 3-й гильдии Авраам Мошевич Шапшал и Ефет Чефаньевич Майтоп [76, л. 1–8; 123, с. 88; 124, с. 73]. Караим Илья Наумович Эмельдеш состоял в штате Бахчисарайского городского полицейского управления на должности канцелярского служителя 2-го разряда; врачом при Бахчисарайской городской управе служил коллежский асессор Иосиф Давидович Каракоз [2, с. 103]. Караимы Синан Борю и Исаак Чобан являлись городскими сборщиками податей [53, л. 7; 77, л. 30 об.].

Содержательная информация о членах бахчисарайской караимской общины, об их занятиях, а также о принадлежавшем им имуществе и о размере выплачиваемых налогов приведена в избирательных списках как в органы местного самоуправления, регулярно составлявшихся по Бахчисараю, так и в общегосударственные структуры. Например, в числе выборщиков в Бахчисарайскую городскую Думу на 2-е четырехлетие с 1883 по 1887 гг. фигурировали (в соответствии с имущественным и возрастным цензом, установленным «Городовым Положением» 1870 г.): выборщики 1-го разряда – наследники купца Мортхая Кефели

¹⁵ По всей видимости, описка составителя документа; можно предположить, что правильное написание фамилии – «Болек».

¹⁶ Архивные материалы со сведениями о выборах в Бахчисарайскую ратушу были обнаружены и предоставлены Н. М. Терещук, за что автор выражает ей свою признательность.

(уплачен промысловый и имущественный налог на сумму 19 руб.), севастопольский мещанин Абрам Исаакович Прик (15 руб. 87 коп.), купец Юфуда Яковлевич Оксюз (15 руб. 75 коп.), Исаак Шомойлович Баккал (14 руб. 25 коп.), потомственный почетный гражданин Береха Соломонович Кефели (14 руб. 75 коп.), купец и потомственный почетный гражданин Барух Симович Кальфе (13 руб. 87 коп.), купец Новах Яковлевич Чауш (13 руб. 25 коп.), потомственный почетный гражданин Моисей Соломонович Кефели (12 руб. 06 коп.), купец Иосиф Ильич Баккал (11 руб. 50 коп.). Среди выборщиков 2-го разряда числились: мещанин Исаак Абрамович Болек (10 руб.), купцы Вениамин Соломонович Казас и Бабакай Иосифович Кальфе (оба – по 9 руб. 75 коп.), симферопольский купец Яков Аджинин (5 руб. 55 коп.), наследники степенного гражданина¹⁷ Гелеля Пембека (3 руб. 87 коп.); кроме того, по имущественному цензу в списках были указаны вакуфы Бахчисарайской караимской кенасы (6 руб. 53 коп.) [4, с. 318].

В соответствии с «Городовым Положением» 1892 г., правом участия в выборе гласных могли пользоваться лица, состоящие в русском подданстве, «а также благотворительные, ученые и учебные учреждения и учреждения правительственные, если эти учреждения и лица не менее одного года владеют в пределах городского поселения, на праве собственности или пожизненного владения, недвижимым имуществом, обложенным оценочным в пользу городского поселения сбором и стоящим по оценке определенной для взимания сего сбора» (в частности, для Бахчисарая он составлял не менее 300 руб.)¹⁸ [175, с. 437]. В списке лиц и учреждений, имевших право принимать участие в выборах гласных в Бахчисарайскую городскую Думу на четырехлетие с 1902 г. (по имущественному и возрастному цензу), общее число выборщиков от бахчисарайской караимской общины составило 73 чел. [78, л. 1–3 об.]. Помимо этого, в выборах, на основании Ст. 30 «Положения» 1892 г., могли также принимать участие представители от управления вакуфами бахчисарайской караимской кенасы (Приложение 7).

В «Списке лиц, имевших право участия в выборах в Государственную Думу 1912 года во втором съезде городских избирателей г. Бахчисарая» (по имущественному цензу), среди прочих жителей, числились и караимы: Тота Моисеевич Апа, Садук Лазаревич Борю, Шаббетай Самойлович Борю, Исаак Маркович Бебеш, Мортхай Бабакаевич Бурназ, Абрам Иосифович Гурджи, Сима Абрамович Болек, Илья Абрамович Баккал, Мортхай Ильич Зенгин, Мортхай Ильич Кумыш, Симха Иосифович Кефели, Илья Соломонович Кефели, Соломон Исаакович Кефели, Моисей Юфудович Кефели, Шаббетай Авшаевич Казас, Марк Авессаломович Танатар, Марк Ноевич Чауш, Симха Юфудович Ялпачик, представители семьи Ага: Моше, Шамуил, Ефет и Авраам Ильяговичи (все – по недвижимому имуществу), а также Самуил Ильич Ага, Иосиф Ааронович Буюм, Соломон Борисович Казас, Яков Давидович Коген-Пембек, Исаак Абрамович Прик, Иосиф Исаакович Пембек (все – по промысловому налогу) [146].

Бахчисарайские караимы принимали активное участие в повседневной жизни караимских общин; их представители неоднократно были делегированы на различные мероприятия губернского и российского масштаба, организованные караимской общественностью.

¹⁷ Степенное гражданство – отличие, которое было пожаловано за службу по городским выборам.

¹⁸ Согласно Ст. 25 «Положения», из лиц, имевших право участия в избрании гласных, не состоявших под опекою или попечительством, те из них, кто не достиг 25-летнего возраста, а также лица женского пола могли пользоваться этим правом не лично, а через уполномоченных, снабженных доверенностями от них.

Например, на проходившем в ноябре 1911 г. в Евпатории Первом национальном караимском съезде представлять интересы караимской общины Бахчисарая был уполномочен газзан С. И. Сапак-Карабаджак [126, с. 73]. Помимо актуальных вопросов, связанных с развитием народного образования караимов, сохранения караимского историко-культурного наследия, делегатами съезда были рассмотрены и проблемы, связанные с религиозными традициями и обычаями караимов (в том числе, и в отношении брака и семьи). С 16 по 21 июля 1917 г. в Евпатории состоялось совещание членов ТОКДП, для участия в работе которого были приглашены представители всех караимских общин. В задачи совещания входила разработка ряда вопросов доктринального и общественного характера, для последующего их представления на обсуждение Общенационального караимского съезда в Евпатории, намеченного на август 1917 г. Для обсуждения повестки предстоящего съезда прибыло 17 делегатов из разных городов России; Бахчисарай представлял габбай И. А. Прик [82, с. 4]. Делегатом от Бахчисарая на Общенациональный караимский съезд, состоявшийся в Евпатории 27 августа – 3 сентября 1917 г., был избран Б. Д. Каракоз [133, с. 5]. А на первом совещании вновь созданного Караимского Национального Совета (КНС), состоявшемся 7 декабря 1917 г. в Евпатории, представителем от бахчисарайской общины стал С. Я. Ялпачик, а от общины Чуфут-Кале – Б. Д. Каракоз [72, л. 16, 16 об., 22].

На похоронах Таврического и Одесского караимского гахама С. М. Панпулова в декабре 1911 г. бахчисарайскую караимскую общину представляла делегация, в которую вошли Я. М. Кумыш, И. Н. Эмельдеш, С. А. Болек и младший газзан С. И. Сапак-Карабаджак [132, с. 102, 103]. После смерти С. М. Панпулова перед караимскими общинами встал вопрос о выборах нового гахама (однако, в связи с юридическими проволочками и отказом ряда кандидатов на этот пост избрание гахама состоялось только в 1915 г.). В 1911 г. делегатом от бахчисарайских караимов на съезд по выборам Таврического и Одесского караимского гахама, который был созван в Евпатории, стал Я. И. Кумыш, в 1913 г. – габбай Е. Ч. Майтоп, а в 1915 г. Бахчисарай на выборах гахама представлял М. А. Прик [163, с. 81, 82; 164, с. 21, 22; 68, л. 63-а].

В 1911 и 1914 гг. среди представителей прогрессивной караимской общественности дважды поднимался вопрос о необходимости учреждения караимского национального фонда, средства которого (по задумке инициаторов его создания) должны были составить добровольные пожертвования членов всех караимских общин России. Среди поддержавших идею создания подобного фонда (основной целью которого была организация материальной помощи нуждающимся караимам, а также решение «учебно-воспитательных нужд караимского народа») были и караимы Бахчисарая, перечислившие в его пользу более 2 000 руб.; делегатом на съезд по вопросам создания общенационального караимского фонда от бахчисарайской общины вновь стал М. А. Прик [165, с. 17, 18; 166, с. 21, 22].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что караимская община Бахчисарая формировалась с конца XVIII до начала XIX вв.; ее основу составляли караимы-выходцы из Чуфут-Кале. Численность бахчисарайской караимской общины в разные периоды изменялась не только в связи с показателями рождаемости и смертности, но и в зависимости от внутренней и внешней миграции караимского населения. В первой половине XIX в. наблюдался как отток караимов из Таврической губернии, так и переселение их сюда из других регионов страны. Большинство жителей, ранее проживавших в Чуфут-Кале, избрали местом жительства Бахчисарай, тем самым, предопределив упадок «пещерного города». После окончания Крымской войны 1853–1856 гг. численность караимской общины Чуфут-Кале неуклонно сокращалась, и уже в начале XX в. большинство караимских предпринимателей покинуло

этот город, переселившись вместе с семьями в более развитые в экономическом отношении регионы Юга России.

Основными занятиями бахчисарайских караимов являлись те, что были непосредственно связаны с городской инфраструктурой – среди приоритетных направлений были торговля, ремесла и государственная служба; среди караимской торговой и купеческой верхушки было немало землевладельцев, которым принадлежали крупные земельные участки в сельской местности. Значительное число ремесленников и торговцев на рынках Бахчисарая были из числа караимов; что касается купеческого сословия, то основную его массу составляли купцы 2-й гильдии, занимавшиеся торговыми операциями преимущественно в самом Бахчисарае.

Дальнейшая интеграция караимского населения в российское языковое и культурное пространство в конце XIX в. привела не только к трансформации традиционного уклада жизни караимских общин; важным этапом в этом вопросе стала реформа конфессионального образования. Тем не менее, созданные в Бахчисарае русско-караимские министерские училища испытывали серьезные трудности в своей работе – при этом на ходе учебного процесса негативно отражалось не только их недостаточное финансирование (что в итоге привело к закрытию одного из училищ), но и отсутствие должного взаимопонимания между педагогическим персоналом и уполномоченными от караимской общины. Экономические реформы и развитие промышленности в России во второй половине XIX – начале XX вв. привели к тому, что многие караимские купцы и предприниматели перенесли свою торговую активность в другие регионы империи. И хотя по итогам Всероссийской переписи населения 1897 г. значительную часть караимской общины Бахчисарая составляла молодежь и люди среднего возраста, вышеупомянутые тенденции вскоре привели к тому, что ее численный состав в середине 1910-х гг. сократился почти вдвое по сравнению с серединой XIX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Г. [Гаркави А. Я.] Караимы // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Типо-лит. Ефрона, 1895. Т. XIV, кн. 27: «Калака–Кардам». С. 426–432.
2. Адрес-календарь и справочная книга Таврической губернии на 1908 год / Издание Таврического губернского правления. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1908. VIII, 35, 222, 51, 31 с.
3. А. Ш. О караимах, преимущественно живущих в Евпатории // Новороссийский календарь на 1839 год. Одесса: Гор. тип., 1838. С. 179–182.
4. Бахчисарай в литографиях, гравюрах и открытках / Сост. В. Н. Прокопенков. Симферополь, 2011. 352 с.
5. Бейм С. А. Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели // Новороссийский календарь на 1859 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Гор. тип., 1858. С. 436–444.
6. Бейм С. Чуфут-Кале и караимы. СПб.: Тип. Кулиша, 1861. 34 с.
7. Бейм С. А. Память о Чуфут-Кале. Одесса, 1862. 82 с.
8. Белый О. Б. Караимская община Чуфут-Кале (обзор источников и историографии) // Проблемы истории пещерных городов в Крыму. Симферополь: Таврия, 1992. С. 151–163.
9. Белый О. Б. Из истории караимской общины Крыма в конце XVII – начале XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ЦГАК) // Крымский музей. Симферополь: Таврия, 1995. № 1. С. 30–35.
10. Белый О. Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского правления в ГААРК) // Крымский музей. Симферополь: Таврия, 1995/1996. С. 105–117.
11. Белый О. Б. Из истории караимской общины Бахчисарая // Nomos. Kwartalnik Religioznawczy / Red. H. Hoffmann. Instytut Religioznawstwa Uniwersytetu Jagiellońskiego. 1999/2000. № 28/29. S. 153–165.
12. Белый О. Б. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в. // Бахчисарайский

- историко-археологический сборник / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. Вып. 2. С. 376–397.
13. Белый О. Б. Новые материалы к биографии Соломона Бейма // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 639–666.
 14. Берг Н. [В.] Бахчисарай. (Отрывок из походных заметок) // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, критики, новостей и мод / Под ред. А. В. Дружинина. СПб.: Тип. Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1857. Т. СХLI. Отд. I, январь. С. 1–30.
 15. Ведомость 3-Б: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1909 год. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1910.
 16. Ведомость 3-Б: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1911 год. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1911.
 17. Ведомость 3-Б: Население Таврической губернии по вероисповеданиям // Обзор о состоянии Таврической губернии за 1912 год. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1913.
 18. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям в 1890 г. // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1890 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1892. С. 53–54.
 19. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям на 1892 г. // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1892 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1892. С. 54–55.
 20. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1894 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1894. С. 80.
 21. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям // Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1896 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1896. С. 108.
 22. Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям // Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год / Изд-е Таврического Губернского Статистического комитета; Под ред. Н. Г. Часовникова. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1915. С. 128–129.
 23. Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М., 2003. 160 с.
 24. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. Т. XI, Ч. 2: Таврическая губерния. СПб.: Тип. Генерального Штаба, 1849. 225, 50, [22] л. табл.
 25. Военный Крым. Корреспонденция Н. В. Берга / Подготовка текста, вступ. статья и примеч. Д. К. Первых (Васильевой) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 11. С. 33–72.
 26. Гессен Ю., [Гаркави А. Я., Балабан М.] Караимы // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под ред. Каценельсона. СПб., 1912. Т. IX: «Иудан–Ладенбург». Стлб. 268–298.
 27. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.
 28. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 749. 56 л.
 29. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3105. 111 л.
 30. ГАРК. Ф. 27. Оп. 22. Д. 424. 1936 л.
 31. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 171. 16 л.
 32. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1924. 20 л.
 33. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 109. 195 л.
 34. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 137. 17 л.
 35. ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 62. 110 л.
 36. ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 67. 113 л.
 37. ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 68. 202 л.
 38. ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 69. 98 л.

39. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 55. 12 л.
40. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 67. 12 л.
41. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 96. 15 л.
42. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 167. 13 л.
43. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 185. 53 л.
44. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 205. 84 л.
45. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 290. 322 л.
46. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 3. 87 л.
47. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. 26 л.
48. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 13. 12 л.
49. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 19. 84 л.
50. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. 98 л.
51. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 44. 131 л.
52. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. 104 л.
53. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 103. 24 л.
54. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 108. 107 л.
55. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 214. 9 л.
56. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 226. 14 л.
57. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. 296 л.
58. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 272. 20 л.
59. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 419. 113 л.
60. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 500. 63 л.
61. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 542. 5 л.
62. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 582. 1 л.
63. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 593. 484 л.
64. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 626. 11 л.
65. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 674. 74 л.
66. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 728. 17 л.
67. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 902. 10 л.
68. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1307. 83 л.
69. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 53. 91 л.
70. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1665. 3 л.
71. ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. 18 л.
72. ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 74. 36 л.
73. ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 85. 4 л.
74. ГАРК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 25. 2 л.
75. ГАРК. Ф. 450. Оп. 1. Д. 84. 39 л.
76. ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1886. 8 л.
77. ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3458. 30 л.
78. ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3888. 4 л.
79. Гончарова Л. Л. Бахчисарай в годы Крымской войны 1854 – 1856 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: АнтикВА, 2008. С. 336–345.
80. Городские поселения Российской империи. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1864. Т. IV. VIII, 805, [8] с.
81. Дерий С. П. К вопросу о деятельности Комиссии по разрешению земельных споров: 1802–1810 гг. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 161–196.
82. Деятельность Совещания при Караимском Духовном Правлении с участием делегатов от общин (16–21 июля 1917 г.) // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4. С. 3–10.
83. Домбровский Ф. [М.] Историко-статистический очерк г. Багчесерай // Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1848. С. 380–396.

84. Домбровский Ф. М., Ханацкий К. В., Элерс. Краткое историко-статистическое обозрение Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии / Под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь: Тип. Таврич. губ. правления, 1867. Вып. 1. С. 144–247.
85. Домбровский Ф. М., Ханацкий К. В., Элерс. Историко-статистическое обозрение городов Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии / Под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь: Тип. Таврич. губ. правления, 1867. Вып. 1. С. 248–341.
86. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 т. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь, 2009. 328 с.
87. Ельашевич Б. С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.). // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2. 323 с.
88. Иноверцы в Новороссийском крае и Бессарабии в 1863 г. // Новороссийский календарь на 1865 год. Одесса: Тип. Нитче, 1864. С. 120.
89. Историко-статистическое описание городов Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии / Под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь: Тип. Таврич. губ. правления, 1867. Вып. 1. С. 248–341.
90. Казас И. И. О мерах к поддержанию Чуфут-Кале // ИТУАК. Симферополь, 1890. № 10. С. 61–73.
91. Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1898 год / Изд-е Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1898. VII, 132, 173, 207 с.
92. Караулов Г. [Э.] Чуфут-Кале и евреи караимы. Примечания к поездке во внутренность Крыма академика Палласа // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. XIII. С. 93–103.
93. Карманный календарь Таврической губернии [на] 1869 [год]. Год простой / Под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь: Тип. Таврического губ. правления, 1869. 163 с.
94. Кеппен П. И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1857. XII, 296 с.
95. Кизилев М. Б. К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова // Тирош: Труды по иудаике. М., 2003. Вып. 6. С. 123–140.
96. Кизилев М. Б. Крымские пещерные города по описанию Е. Скирмунт (Поята) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 543–548.
97. Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области // Новороссийский календарь на 1839 год. Одесса: Гор. тип., 1838. С. 87–175.
98. Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области // Новороссийский календарь на 1847 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Гор. тип., 1846. С. 59–71.
99. Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области // Новороссийский календарь на 1852 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Гор. тип., 1851. С. 66–78.
100. Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области // Новороссийский календарь на 1858 год издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Гор. тип., 1857. С. 91–109.
101. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 627–640.
102. Куповецкий М. С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С. 75–93.
103. [Лашков Ф. Ф.] Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 7. С. 25–45.
104. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1896. № 25. С. 29–88.
105. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1896. № 25. С. 89–158.
106. Лашков Ф. Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 158–176.

107. Лебедева Э. И. Крымская война и караимы. Симферополь, 2004. 79 с.
108. Ливанов Ф. В. Чуфут-Кале (иудейская крепость) в Крыму. С присоединением малоисследованной еще в Росси секты караимов. Составлено и издано для путешественников. М.: Тип. «Современные известия», 1874. 95 с.
109. [Маркевич А. И.] Чуфут-Кале. Иосафатова долина. // Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: Бахчисарай и его окрестности / Сост. А. Н. Попов. Симферополь, 1888. С. 72–85.
110. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны; По архивным материалам / Вступ. ст. С. В. Павличенко. Симферополь: Бизнес-информ, 1994. 267 с.
111. Монтадон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Пер. с франц. Киев: Стилос, 2011. 416 с.
112. [Никольский П. В.] Крымский город ханского времени // Крым. Хрестоматия по истории края / Под ред. В. Овейчика, Г. Комской, В. Кудряцева, П. Никольского. Крымгосиздат, 1930. Ч. 1. С. 35–41.
113. Новороссийский календарь на 1860 високосный год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Гор. тип., 1859. 494 с.
114. О евреях-караимах // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1843. Ч. 1, № 2. С. 263–284.
115. Османов Э. Э. Культурные сооружения Бахчисарая в конце XVIII – начале XX вв. [Электронный ресурс] // Таврійські студії. Історія. Симферополь, 2011. № 1. URL: <http://ts.uncat.crimea.ua/pdf2/13.pdf> (дата обращения: 25.04.2015).
116. Отчеты Караимских Общин, представленные Духовному Правлению за 1916 г. // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 10 июля 1917 г. № 3. С. 19.
117. Отчеты Караимских Общин, представленные Духовному Правлению за 1917 г. // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, декабрь 1918 г. № 2. С. 26–27.
118. Отчеты Караимских Общин, представленные Духовному Правлению за 1917 г. // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, декабрь 1918. № 2. С. 26–27.
119. Официальный отдел. Приказ по Духовному правлению // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, декабрь 1918. № 1. С. 1.
120. Официальный отдел. Приказ по ведомству Караимского Духовного Правления // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, февраль 1919 (3-й год издания). № 1. С. 1.
121. Паллас П. С. Путешествие в Крым в 1793 и 1794 году // ЗООИД. Одесса, 1881. Т. XII. С. 62–208.
122. Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и острова Тамань // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. XIII. С. 35–92.
123. Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год / Изд-е Таврического Губернского Статистического комитета; Под ред. Н. Г. Часовникова. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1914. VIII, 71, 51, 64, 444 с., [76] л. рекл. объявл.
124. Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год / Изд-е Таврического Губернского Статистического комитета; Под ред. Н. Г. Часовникова. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1917. IV, 3–32, 23, 287, [4] л. ил., [1] л. портр., [1] табл., [20] л. рекл. объявл.
125. [Панпулов С., Нейман С.] Сведения о числе рождений, браков и смертн.[ости] караимского населения в 1910 г. Таврическое гахамство [таблица] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 39.
126. Первый национальный караимский съезд в Евпатории // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 70–90.
127. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 г.» / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: Бизнес-информ, 2009. 168 с.
128. Петросян В. М. Этнографическое описание армян, татар, ногайцев и караимов в книге О. Тэр-Абрамяна «История Крыма» // Крымский архив: Историко-краеведческий и литературно-философский журнал / Ред. В. П. Казарин, А. В. Ишин. Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 2009. № 11 С. 228–251.
129. [Пигит С. Ш.] Дни минувшие...: Из воспоминаний С. Ш. Пигита [Пер. с древнеевр. И. Круглевич] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5–6, октябрь–ноябрь. С. 8–14.

130. [Пигит С. Ш.] Дни минувшие...: Из воспоминаний С. Ш. Пигита [Пер. с древнеевр. И. Круглевич] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь. С. 43–51.
131. [Пигит С. Ш.] Дни минувшие...: Из воспоминаний С. Ш. Пигита [Пер. с древнеевр. И. Круглевич] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 8–9, январь-февраль. С. 58–64.
132. Похороны Таврического и Одесского караимского гахама. Депутации и венки // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 7, декабрь. С. 101–103.
133. Протоколы заседаний Общенационального Караимского Съезда, происходившего в г. Евпатории от 27 августа по 3 сентября 1917 года // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1 ноября 1917. № 5–6. С. 5–25.
134. Прохоров Д. А. Самуил Моисеевич Панпулов (1831–1911) // Крым в лицах и биографиях. Симферополь: Атлас-Компакт, 2008. С. 302–304.
135. Прохоров Д. А., Кизилов М. Б. Чуфут-Кале – «Иудейская крепость» в Крыму – как экскурсионный объект в конце XIX – начале XX вв. (К проблеме использования памятников караимской истории и культуры) // Параллели. Русско-еврейский альманах. М.: Дом Еврейской книги, 2009. № 10–11. С. 41–61.
136. Прохоров Д. А. История Евпаторийского караимского ремесленного училища Соломона Когена // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 536–569.
137. Прохоров Д. А. Деятельность органов караимского конфессионального самоуправления и вопросы регулирования правового положения караимов Российской империи в первой половине XIX – начале XX вв. // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: история, современность, прогноз. Сб. научных статей. Симферополь, 2010. С. 204–223.
138. Прохоров Д. А. Караимы и проблемы регулирования права на земельную собственность в Крыму в конце XVIII – второй половине XIX вв. // Материалы III Международной научно-теоретической конференции «Социально-политические и культурные проблемы современности». Симферополь: ДИАЙПИ, 2010. С. 585–590.
139. Прохоров Д. А. Хозяйственная деятельность и основные занятия крымских караимов в XIII–XVIII вв.: развитие ремесел, промыслов и торговли // Боспорские исследования. 2011. Вып. XXV. С. 213–241.
140. Прохоров Д. А. Молитвенные дома караимов в Российской империи в XIX – начале XX вв.: К вопросу об изменении названия «синагога» // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Академическая серия. Вып. 35. М., 2011. Т. II. С. 174–204.
141. Прохоров Д. А. Збереження історико-культурної та архітектурної спадщини кримських караїмів: місто Чуфут-Кале в контексті розвитку пам'яткоохоронної справи в Таврійській губернії наприкінці XIX – на початку XX ст. // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць / Під ред. С. А. Слесарева. Київ; Глухів: Центр пам'яткознавства, 2011. Вип. 4. С. 19–22.
142. Прохоров Д. А. Статистика караимского населения Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. // МАИЭТ. 2012. Вып. XVII. С. 634–705.
143. Прохоров Д. А. Законодательные акты как источник по истории караимских общин Северо-Западного края Российской империи (конец XVIII – начало XIX вв.) // Актуальные проблемы источниковедения: материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты, Минск; Витебск, 9–11 октября 2013 г. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. С. 158–161.
144. Сведения об учебных заведениях и именной список начальных училищ Таврической дирекции народных училищ. Симферополь: Типо-литогр. Вересотской и Брахтмана, 1902. 115 с.
145. Скальковский А. Пространство и народонаселение Новороссийского края // Новороссийский календарь на 1849 год / Изд-е Ришельевского лицея. Одесса: Гор. тип., 1848. Ч. IV. С. 348–379.
146. Список лиц, имеющих право участия в выборах в Государственную Думу во втором съезде городских избирателей г. Бахчисарая // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1912. № 60. 10 августа.
147. Справочная книга Одесского учебного округа (по дирекциям народных училищ). Вып. 3: Таврическая дирекция. Одесса, 1891. XIX, 135 с.

148. Справочный отдел. Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 20 мая 1917 г. № 1. С. 6–8.
149. Справочный отдел. Учебные заведения // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 20 мая 1917 г. № 1. С. 8–9.
150. Статистический временник Российской империи / Изд-е Центрального статистического комитета МВД. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1866. Ч. I. XXXVI, 243, 117 с.
151. Судак Луи де, Мели Фернан де, Рамбо Альфред. Французские путешественники в Крыму. XIX век / Под ред. С. М. Солодовниковой Симферополь: Н. Орианда, 2014. 312 с.
152. Сумароков П. [И.] Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. 238 с.
153. Таблица числа родившихся и умерших караимов, прироста и браков в 1909 г. в Таврической губернии // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 10–11, март–апрель. С. 46.
154. Таблица числа родившихся и умерших караимов, прироста и браков в 1910 г. в Таврической губернии // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 12, май. С. 49.
155. Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год / Изд-е Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. XXVI, 310 с.
156. Терещук Н. М. Документальные источники по истории севастопольского купечества периода Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. // Альминские чтения. Материалы науч.-практич. конференции (Песчаное – Бахчисарай, 21–22 сентября 2008 г.) / Под ред. О. А. Желтухиной. Симферополь: АнтикВА, 2008. С. 127–139.
157. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Пер. и коммент. Е. В. Бахревского. Изд. 2-е, испр. и доп. Симферополь: Доля, 2008. 185 с.
158. Фельдман Д. З. С. А. Бейм – глава караимской общины Крыма (по архивным материалам) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. М., 2000. № 3. С. 53–63.
159. Фиркович М. Я. Старинный караимский городок Калэ, называемый ныне Чуфут-Калэ. Вильно, 1907. 48 с.
160. Хоецкий Ед. Спогади з подорожі по Криму / Пер. О. О. Тищенко-Монастирська. Симферополь: Симферопольська міська друкарня, 2008. 384 с.
161. Хроника текущей жизни. Общие известия. Симферополь. Дело об ограблении бахчисарайской кенаса // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 125.
162. Хроника текущей жизни. Общие известия. Ограбление кенаса в Бахчисарае (В симфер.[опольском] окружном суде) // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5–6, октябрь–ноябрь. С. 126–127.
163. Хроника текущей жизни. Выборы гахама // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 12, май. С. 81–82.
164. Хроника текущей жизни. Евпатория. Собрание уполномоченных от караимских обществ для избрания Таврического и Одесского караимского гахама // Караимское слово. Вильна, 1913. № 5, ноябрь. С. 21–22.
165. Хроника текущей жизни. Национальный фонд // Караимское слово. Вильна, 1914. № 9–10, март–апрель. С. 17–18.
166. Хроника текущей жизни. Феодосия // Караимское слово. Вильна, 1914. № 9–10, март–апрель. С. 21–22.
167. Хроника. От наших корреспондентов. г. Бахчисарай. // Известия Таврического и одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1-го ноября 1917. № 5–6. С. 51–52.
168. № 17340. Июня 8 [1795 г.]. Именной, данный Екатеринославскому, Вознесенскому и Таврическому Генерал-губернатору Платону Зубову. Об увольнении Таврических Евреев, именуемых Караимы, от положенных на всех вообще Евреев податей // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, с 1789 по 6 ноября 1796. Т. XXIII, Отд. I. 1830. С. 705–706.
169. № 25211. Мая 15. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Управляющим Министерства Внутренних дел. – О даровании местечку Чуфут-Кале льготы от городских и земских повинностей и об отнесении на Татарский сбор исправление дороги и

- о содержании в оном местечке караимского училища // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1852. Т. XXVI, Отд. I. 1851. С. 352–353.
170. № 9991. Марта 3. Высочайше утвержденное Положение о Таврическом Караимском Духовенстве // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1838. Т. XII. Отд. I. 1837. С. 132–135.
171. № 12206. Апреля 4. Сенатский. О кандидатах на должность Гахама Караимского духовенства в Таврической губернии и городе Одессе // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1840. Т. XIV, Отд. I. 1839. С. 348–349.
172. № 25211. Мая 15. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Управляющим Министерства Внутренних дел. – О даровании местечку Чуфут-Кале льготы от городских и земских повинностей и об отнесении на Татарский сбор исправление дороги и о содержании в оном местечке караимского училища // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1852. Т. XXVI, Отд. I. 1851. С. 352–353.
173. № 31486. Февраля 5. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенатом министру Внутренних Дел. – О особых пособиях и облегчениях для жителей наиболее пострадавших от войны местностей Новороссийского края и Бессарабии // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии. Т. XXXII. Отд. 1. 1857. С. 123–126.
174. № 32750. Февраля 7. Сенатский, по высочайшему повелению министру Внутренних Дел. – О разделении Новороссийского и Бессарабского края на разряды для распределения дарованных жителям того края льгот и облегчений по положению 5 февраля 1857 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии. Т. XXXII. Отд. 1. 1857. С. 106–108.
175. № 8708. Июня 11. Высочайше утвержденное Городовое Положение // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб.: Тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии. Т. XII. От № 8215–9216 и Дополнения. С. 430–456.
176. Kizilov M. The Karaite Communities of Chufut-Kale and Mangup: History and Topography of the Settlements // *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources* / Ed. M. Polliack. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 759–787.
177. Z. Введение в учительских семинариях и школах преподавания сельского хозяйства // Салгир. 1898. № 155. 22 ноября.

REFERENCES

1. A. G. [Garkavi A. Ia.] *Karaimy, Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona*, St. Petersburg, Tipo-litografiia Efrona, 1895, T. XIV, kn. 27: «Kalaka–Kardam», pp. 426–432.
2. *Adres-kalendar' i spravocnaia kniga Tavricheskoï gubernii na 1908 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo pravleniia*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1908, VIII, 35, 222, 51, 31 p.
3. A. Sh. O karaimakh, preimushchestvenno zhivushchikh v Evpatorii, *Novorossiiskii kalendar' na 1839 god*, Odessa, Gorodskaia tipografiia, 1838, pp. 179–182.
4. Prokopenkov V. N. (Ed.). *Bakhchisarai v litografiakh, graviurakh i otkrytkakh*, Simferopol', 2011, 352 p.
5. Beim S. A. Chufut-Kale i ego pervonachal'nye obitateli, *Novorossiiskii kalendar' na 1859 god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia*, Odessa, Gorodskaia tipografiia, 1858, pp. 436–444.
6. Beim S. *Chufut-Kale i karaimy*, St. Petersburg, Tipografiia Kulisha, 1861, 34 p.
7. Beim S. A. *Pamiat' o Chufut-Kale*, Odessa, 1862, 82 p.
8. Belyi O. B. Karaimskaia obshchina Chufut-Kale (obzor istochnikov i istoriografii), *Problemy istorii peshchernykh gorodov v Krymu*, Simferopol', Tavriia Publ., 1992, pp. 151–163.
9. Belyi O. B. Iz istorii karaimskoi obshchiny Kryma v kontse XVII – nachale XIX v. (Po materialam fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo dukhovnogo pravleniia v TsGAK), *Krymskii muzei*, Simferopol',

- Tavriia Publ., 1995, N 1, pp. 30–35.
10. Belyi O. B. Obzor arkhivnykh dokumentov po istorii karaimskoi obshchiny v pervoi polovine XIX v. (Po materialam fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo pravleniia v GAARK), *Krymskii muzei*, Simferopol', Tavriia Publ., 1995/1996, pp. 105–117.
 11. Belyi O. B. Iz istorii karaimskoi obshchiny Bakhchisaraiia. *Hoffmann H. (Ed.). Nomos. Kwartalnik Religioznawczy Instytutu Religioznawstwa Uniwersytetu Jagiellońskiego*, 1999/2000, N 28/29, pp. 153–165.
 12. Belyi O. B. Dokumenty iz istorii karaimskoi obshchiny g. Bakhchisaraiia nachala XX v. *Mogarichev Iu. M., Khrapunov I. N. (Eds.). Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol', Tavriia-Plius Publ., 2001, Vol. 2, pp. 376–397.
 13. Belyi O. B. Novye materialy k biografii Solomona Beima. *Aibabin A. I., Zin'ko V. N. (Eds.). Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2003, Vol. X, pp. 639–666.
 14. Berg N. [V.] Bakhchisarai. (Otryvok iz pokhodnykh zametok). *Druzhinin A. V. (Ed.). Biblioteka dlia chteniia. Zhurnal slovesnosti, nauk, khudozhestv, kritiki, novostei i mod*, St. Petersburg, Tipografiia Shtaba otdel'nogo korpusa vnutrennei strazhi, 1857, T. CXLI, Part I, ianvar', pp. 1–30.
 15. Vedomost' 3-B: Naselenie Tavricheskoi gubernii po veroispovedaniiam. *Obzor o sostoianii Tavricheskoi gubernii za 1909 god*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1910.
 16. Vedomost' 3-B: Naselenie Tavricheskoi gubernii po veroispovedaniiam. *Obzor o sostoianii Tavricheskoi gubernii za 1911 god*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1911.
 17. Vedomost' 3-B: Naselenie Tavricheskoi gubernii po veroispovedaniiam. *Obzor o sostoianii Tavricheskoi gubernii za 1912 god*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1913.
 18. Vedomost' naseleniia Tavricheskoi gubernii po veroispovedaniiam v 1890 g. *Kalendar' i Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1890 go, Izd-ie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1892, pp. 53–54.
 19. Vedomost' naseleniia Tavricheskoi gubernii po veroispovedaniiam na 1892 g. *Kalendar' i Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1892 god, Izd-ie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1892, pp. 54–55.
 20. Vedomost' naseleniia Tavricheskoi gubernii po veroispovedaniiam. *Kalendar' i Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1894 god, Izd-ie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1894, p. 80.
 21. Vedomost' naseleniia Tavricheskoi gubernii po veroispovedaniiam. *Kalendar' i Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1896 god, Izd-ie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1896, p. 108.
 22. Vedomost' naseleniia Tavricheskoi gubernii po veroispovedaniiam. *Chasovnikov N. G. (Ed.). Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1915 god; Izd-ie Tavricheskogo Gubernskogo Statisticheskogo komiteta*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1915, pp. 128–129.
 23. Vodarskii Ia. E., Eliseeva O. I., Kabuzan V. M. *Naselenie Kryma v kontse XVIII – kontse XX vekov (chislennost', razmeshchenie etnicheskii sostav)*, Moscow, 2003, 160 p.
 24. *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii, izdavaemoe po vysochaishemu poveleniiu pri 1-m Otdelenii Departamenta General'nogo shtaba*, St. Petersburg, Tipografiia General'nogo Shtaba, 1849, T. XI, Part 2: Tavricheskaia guberniia, 225, 50, [22] l. tabl.
 25. Voennyi Krym. Korrespondentsiia N. V. Berga. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol', 2005, N 11, pp. 33–72.
 26. Gessen Iu., [Garkavi A. Ia., Balaban M.] Karaimy. *Katsnel'son (Ed.). Evreiskaia entsiklopediia. Svod znaniia o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoiashchem*, St. Petersburg, 1912, T. IX: «Iudan-Ladenburg», pp. 268–298.
 27. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. *Krepost' dragotsennostei. Kyrk-or. Chufut-Kale*. Simferopol', Tavriia Publ., 1993, 128 p.
 28. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 26. Op. 1. D. 749. L. 1–50.
 29. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*.

- F. 26. Op. 1. D. 3105. L. 1–111.
30. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 27. Op. 22. D. 424. L. 1–1936.
31. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*, F. 64. Op. 1. D. 171. L. 1–16.
32. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 100. Op. 1. D. 1924. L. 1–20.
33. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 212. Op. 1. D. 109. L. 1–195.
34. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 212. Op. 1. D. 137. L. 1–17.
35. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 101. Op. 1. D. 62. L. 1–110.
36. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 101. Op. 1. D. 67. L. 1–113.
37. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 101. Op. 1. D. 68. L. 1–202.
38. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 101. Op. 1. D. 69. L. 1–98.
39. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 212. Op. 1. D. 55. L. 1–12.
40. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 212. Op. 1. D. 67. L. 1–12.
41. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 212. Op. 1. D. 96. L. 1–15.
42. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 212. Op. 1. D. 167. L. 1–13.
43. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 212. Op. 1. D. 185. L. 1–53.
44. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 212. Op. 1. D. 205. L. 1–84.
45. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 212. Op. 1. D. 290. L. 1–322.
46. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 3. L. 1–87.
47. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 9. L. 1–26.
48. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 13. L. 1–12.
49. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 19. L. 1–84.
50. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 37. L. 1–98.
51. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 44. L. 1–131.
52. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 85. L. 1–104.
53. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 103. L. 1–24.
54. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*.

- F. 241. Op. 1. D. 108. L. 1–107.
55. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 214. L. 1–9.
56. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 226. L. 1–14.
57. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 260. L. 1–296.
58. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 272. L. 1–20.
59. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 419. L. 1–113.
60. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 500. L. 1–63.
61. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 542. L. 1–5.
62. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 582. L. 1.
63. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 593. L. 1–484.
64. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 626. L. 1–11.
65. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 674. L. 1–74.
66. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 728. L. 1–17.
67. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 902. L. 1–10.
68. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 1307. L. 1–83.
69. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 53. L. 1–91.
70. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 1. D. 1665. L. 1–3.
71. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 2. D. 52. L. 1–18.
72. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 2. D. 74. L. 1–36.
73. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 241. Op. 2. D. 85. L. 1–4.
74. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 431. Op. 1. D. 25. L. 1–2.
75. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 450. Op. 1. D. 84. L. 1–39.
76. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 489. Op. 1. D. 1886. L. 1–8.
77. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 489. Op. 1. D. 3458. L. 1–30.
78. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym»*. F. 489. Op. 1. D. 3888. L. 1–4.
79. Goncharova L. L. Bakhchisarai v gody Krymskoi voyny 1854–1856 gg. *Mogarichov Iu. M. (Ed.)*.

- Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol', AntikVA Publ., 2008, pp. 336–345.
80. *Gorodskie poseleniia Rossiiskoi imperii*, St. Petersburg, Tipografiia K. Vul'fa, 1864, T. IV, VIII, 805, [8] p.
81. Derii S. P. K voprosu o deiatel'nosti Komissii po razresheniiu zemel'nykh sporov: 1802–1810 gg. *Aibabin A. I., Zin'ko V. N. (Eds.). Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1993, Vol. III, pp. 161–196.
82. Deiatel'nost' Soveshchaniia pri Karaimskom Dukhovnom Pravlenii s uchastiem delegatov ot obshchin (16–21 iuliia 1917 g.). *Izvestiia Tavricheskogo i Odesskogo Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniia*, Evpatoriia, 5 avgusta 1917, N 4, pp. 3–10.
83. Dombrovskii F. [M.] Istoriko-statisticheskii ocherk g. Bagcheseraia. *Novorossiiskii kalendar' na 1849 god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia*, Odessa, 1848, pp. 380–396.
84. Dombrovskii F. M., Khanatskii K. V., Elers. Kratkoe istoriko-statisticheskoe obozrenie Tavricheskoi gubernii. *Khanatsky K. V. (Ed.). Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii*, Simferopol', Tipografiia Tavricheskogo gubernskogo Pravleniia, 1867, Vol. 1, pp. 144–247.
85. Dombrovskii F. M., Khanatskii K. V., Elers. Istoriko-statisticheskoe obozrenie gorodov Tavricheskoi gubernii. *Khanatsky K. V. (Ed.). Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii*, Simferopol', Tipografiia Tavricheskogo gubernskogo Pravleniia, 1867, Vol. 1, pp. 248–341.
86. Diubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym*. Parizh, 1843, T. 5, 6. Simferopol', 2009, 328 p.
87. El'iashevich B. S. Karaimskii biograficheskii slovar' (ot kontsa XVIII veka do 1960 g.). *Guboglo M. N., Kuznetsova A. I., Missonova L. I. (Eds.). Karaimy. Materialy k serii «Narody i kul'tury»*, Moskow, 1993, Vol. XIV, kn. 2, 323 p.
88. Inovertsy v Novorossiiskom krae i Bessarabii v 1863 g. *Novorossiiskii kalendar' na 1865 god*, Odessa, Tipografiia Nitche, 1864, pp. 120.
89. Istoriko-statisticheskoe opisaniie gorodov Tavricheskoi gubernii. *Khanatsky K. V. (Ed.). Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii*, Simferopol', Tipografiia Tavricheskogo gubernskogo Pravleniia, 1867, Vol. 1, pp. 248–341.
90. Kazas I. I. O merakh k podderzhaniuu Chufut-Kale. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1890, N 10, pp. 61–73.
91. *Kalendar' i Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1898 god. Izdanie Tavricheskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Simferopol', Tipografiia Tavricheskogo gubernskogo Pravleniia, 1898, VII, 132, 173, 207 p.
92. Karaulov G.[E.] Chufut-Kale i evrei karaimy. Primechaniia k poezdke vo vnutrennost' Kryma akademika Pallasa. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1883, T. XIII, pp. 93–103.
93. Khanatsky K. V. (Ed.). *Karmannyi kalendar' Tavricheskoi gubernii [na] 1869 [god]*. Simferopol', Tipografiia Tavricheskogo gubernskogo Pravleniia, 1869, 163 p.
94. Keppen P. I. *Deviataia reviziia. Issledovanie o chisle zhitelei v Rossii v 1851 godu*, St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1857, XII, 296 p.
95. Kizilov M. B. K istorii maloizvestnykh karaimskikh obshchin Krymskogo poluostrova. *Tirosh: Trudy po iudaike*, Moskow, 2003, Vol. 6, pp. 123–140.
96. Kizilov M. B. Krymskie peshchernye goroda po opisaniuu E. Skirmunt (Poiata). *Aibabin A. I., Zin'ko V. N. (Eds.). Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2002, Vol. IX, pp. 543–548.
97. Kratkoe statisticheskoe obozrenie gorodov Novorossiiskogo kraia i Bessarabskoi oblasti. *Novorossiiskii kalendar' na 1839 god*, Odessa, Gorodskaiia tipografiia, 1838, pp. 87–175.
98. Kratkoe statisticheskoe obozrenie gorodov Novorossiiskogo kraia i Bessarabskoi oblasti. *Novorossiiskii kalendar' na 1847 god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia*, Odessa, Gorodskaiia tipografiia, 1846, pp. 59–71.
99. Kratkoe statisticheskoe obozrenie gorodov Novorossiiskogo kraia i Bessarabskoi oblasti. *Novorossiiskii kalendar' na 1852 god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia*, Odessa, Gorodskaiia tipografiia, 1851, pp. 66–78.
100. Kratkoe statisticheskoe obozrenie gorodov Novorossiiskogo kraia i Bessarabskoi oblasti. *Novorossiiskii*

- kalendar' na 1858 god izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia*, Odessa, Gorodskaiia tipografiia, 1857, pp. 91–109.
101. Konkin D. V. Zakonodatel'noe oformlenie zemel'noi sobstvennosti v Krymu (1783–1796 gg.). *Aibabin A. I., Zin'ko V. N. (Eds.). Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2006, Vol. XII, pp. 627–640.
 102. Kupovetskii M. S. Dinamika chislennosti i rasselenie karaimov i krymchakov za poslednie dvesti let. *Geografiia i kul'tura etnograficheskikh grupp tatar v SSSR*, Moskow, 1983, pp. 75–93.
 103. [Lashkov F. F.] Kameral'noe opisanie Kryma 1784 goda. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1888, N 7, pp. 25–45.
 104. Lashkov F. F. Istoricheskii ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniia. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1896, N 25, pp. 29–88.
 105. Lashkov F. F. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladieniia. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1896, N 25, pp. 89–158.
 106. Lashkov F. F. K voprosu o kolichestve naseleniia Tavricheskoi gubernii v nachale XIX v. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1916, N 53, pp. 158–176.
 107. Lebedeva E. I. *Krymskaia voina i karaimy*, Simferopol', 2004, 79 p.
 108. Livanov F. V. *Chufut-Kale (iudeiskaia krepost') v Krymu. S prisoedineniem maloissledovannoi eshche v Rossi sekty karaimov. Sostavleno i izdano dlia puteshestvennikov*. Moskow, Tipografiia «Sovremennye izvestiia», 1874, 95 p.
 109. [Markevich A. I.] Chufut-Kale. Iosafatova dolina. *Popov A. N. (Ed.). Vtoraia uchebnaia ekskursiia Simferopol'skoi muzhskoi gimnazii: Bakhchisarai i ego okrestnosti*, Simferopol', 1888, pp. 72–85.
 110. Markevich A. I. *Tavricheskaia guberniia vo vremia Krymskoi voiny; Po arkhivnym materialam*, Simferopol', Biznes-inform Publ., 1994, 267 p.
 111. Montadon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyi kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyi vvedeniem o raznykh sposobakh perezda iz Odessy v Krym*, Kiev, Stilos Publ., 2011, 416 p.
 112. [Nikol'skii P. V.] Krymskii gorod khanskogo vremeni. *Ovseichik V., Komskoj G., Kudriatsev V., Nikol'sky P. (Eds.). Krym. Khrestomatiia po istorii kraia*, Krymgosizdat, 1930, Part 1, pp. 35–41.
 113. *Novorossiiskii kalendar' na 1860 visokosnyi god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia*, Odessa, Gorodskaiia tipografiia, 1859, 494 p.
 114. O evreikh-karaimakh. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del*, 1843, Part 1, N 2, pp. 263–284.
 115. Osmanov E. E. Kul'tovye sooruzheniia Bakhchisarai v kontse XVIII – nachale XX vv. *Tavriis'ki studii. Istorii*, Simferopol', 2011, N 1. Available at: <http://ts.uncat.crimea.ua/pdf2/13.pdf> (accessed: 25.04.2015).
 116. Otchety Karaimskikh Obshchin, predstavlennye Dukhovnomu Pravleniiu za 1916 g. *Izvestiia Tavricheskogo i Odesskogo Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniia*, Evpatoriia, 10 iuliia 1917, N 3, pp. 19.
 117. Otchety Karaimskikh Obshchin, predstavlennye Dukhovnomu Pravleniiu za 1917 g. *Izvestiia Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniia*, Evpatoriia, dekabr' 1918, N 2, pp. 26–27.
 118. Otchety Karaimskikh Obshchin, predstavlennye Dukhovnomu Pravleniiu za 1917 g. *Izvestiia Tavricheskogo i Odesskogo Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniia*, Evpatoriia, dekabr' 1918, N 2, pp. 26–27.
 119. Ofitsial'nyi otdel. Prikaz po Dukhovnomu pravleniiu. *Izvestiia Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniia*, Evpatoriia, dekabr' 1918, N 1, p. 1.
 120. Ofitsial'nyi otdel. Prikazy po vedomstvu Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniia. *Izvestiia Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniia*, Evpatoriia, fevral' 1919, N 1, p. 1.
 121. Pallas P. S. Puteshestvie v Krym v 1793 i 1794 godu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1881, T. XII, pp. 62–208.
 122. Pallas P. S. Poezdka vo vnutrennost' Kryma, vdol' Kerchenskogo poluostrova i ostrova Taman'. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1883, T. XIII, pp. 35–92.
 123. Chasovnikov N. G. (Ed.). *Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1914 god; Izdanie Tavricheskogo Gubernskogo Statisticheskogo komiteta*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1914, VIII,

- 71, 51, 64, 444 p.
124. Chasovnikov N. G. (Ed.). *Pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1917 god; Izdanie Tavricheskogo Gubernskogo Statisticheskogo komiteta*, Simferopol', Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1917, IV, 3–32, 23, 287 p.
125. [Panpulov S., Neiman S.] Svedeniia o chisle rozhdenii, brakov i smertn.[osti] karaimskogo naseleniia v 1910 g. Tavricheskoe gakhamstvo [tablitsa]. *Karaimskaia zhizn'*, Moscow, 1911, Kn. 1, iun', p. 39.
126. Pervyi natsional'nyi karaimskii s'ezd v Evpatorii. *Karaimskaia zhizn'*, Moscow, 1911, Kn. 1, iun', pp. 70–90.
127. Petrova E. B., Prokhorova T. A. *Krymskie puteshestviia: Sharl' Zhil'ber Romm «Puteshestvie v Krym v 1786 g.»*, Simferopol', Biznes-inform Publ., 2009, 168 p.
128. Petrosian V. M. Etnograficheskoe opisanie armian, tatar, nogaitsev i karaimov v knige O. Ter-Abraamiana «Istoriia Kryma». *Kazarin V. P., Ishin A. V. (Eds.). Krymskii arkhiv: Istoriko-kraevedcheskii i literaturno-filosofskii zhurnal*, Simferopol', Krymskii tsentr gumanitarnykh issledovani, 2009, N 11, pp. 228–251.
129. [Pigit S. Sh.] Dni minuvshie...: Iz vospominanii S. Sh. Pigita [Per. s drevneevr. I. Kruglevich]. *Karaimskaia zhizn'*, Moscow, 1911, Kn. 5–6, oktiabr'–noiabr', pp. 8–14.
130. [Pigit S. Sh.] Dni minuvshie...: Iz vospominanii S. Sh. Pigita [Per. s drevneevr. I. Kruglevich]. *Karaimskaia zhizn'*, Moscow, 1911, Kn. 7, dekabr', pp. 43–51.
131. [Pigit S. Sh.] Dni minuvshie...: Iz vospominanii S. Sh. Pigita [Per. s drevneevr. I. Kruglevich]. *Karaimskaia zhizn'*, Moscow, 1911, Kn. 8–9, ianvar'-fevral', pp. 58–64.
132. Pokhorony Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo gakhama. Deputatsii i venki *Karaimskaia zhizn'*, Moscow, 1912, Kn. 7, dekabr', p. 101–103.
133. Protokoly zasedanii Obshchenatsional'nogo Karaimskogo S'ezda, proiskhodivshego v g. Evpatorii ot 27 avgusta po 3 sentiabria 1917 goda. *Izvestiia Tavricheskogo i Odesskogo Karaimskogo Dukhovnogo Pravlennia*, Evpatoriia, 1917, noiabr', N 5–6, pp. 5–25.
134. Prokhorov D. A. Samuil Moiseevich Panpulov (1831–1911). *Krym v litsakh i biografiakh*, Simferopol', Atlas-Kompakt Publ., 2008, pp. 302–304.
135. Prokhorov D. A., Kizilov M. B. Chufut-Kale – «Iudeiskaia krepost'» v Krymu – kak ekskursionnyi ob'ekt v kontse XIX – nachale XX vv. (K probleme ispol'zovaniia pamiatnikov karaimskoi istorii i kul'tury). *Paralleli. Russko-evreiskii al'manakh*, Moscow, Dom Evreiskoi knigi Publ., 2009, N 10–11, pp. 41–61.
136. Prokhorov D. A. Istoriia Evpatoriiskogo karaimskogo remeslennogo uchilishcha Solomona Kogena. *Aibabin A. I., Zin'ko V. N. (Eds.). Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2010, pp. 536–569.
137. Prokhorov D. A. Deiatel'nost' organov karaimskogo konfessional'nogo samoupravleniia i voprosy regulirovaniia pravovogo polozeniia karaimov Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX – nachale XX vv. *Mezhetnicheskii i mezkhkonal'nye otnosheniia v Krymu: istoriia, sovremennost', prognoz*, Simferopol', 2010, pp. 204–223.
138. Prokhorov D. A. Karaimy i problemy regulirovaniia prava na zemel'nuu sobstvennost' v Krymu v kontse XVIII – vtoroi polovine XIX vv. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii «Sotsial'no-politicheskie i kul'turnye problemy sovremennosti»*, Simferopol', 2010, pp. 585–590.
139. Prokhorov D. A. Khoziaistvennaia deiatel'nost' i osnovnye zaniatiia krymskikh karaimov v XIII–XVIII vv.: razvitie remesel, promyslov i torgovli. *Bosporskie issledovaniia*, Simferopol', Kerch', 2011, Vol. XXV, pp. 213–241.
140. Prokhorov D. A. Molitvennye doma karaimov v Rossiiskoi imperii v XIX – nachale XX vv.: K voprosu ob izmenenii nazvaniia «sinagoga». *Nauchnye trudy po iudaike. Materialy XVIII Ezhegodnoi Mezhdunarodnoi Mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike*, Moscow, 2011, T. II, pp. 174–204.
141. Prokhorov D. A. Zberezhenniia istoriko-kul'turnoi ta arkhitekturnoi spadshchini krims'kikh karaimiv: misto Chufut-Kale v kontekste rozviku pam'iatkookhoronnoi spravi v Tavrii'skii gubernii naprikintsi XIX – na pochatku XX st. *Slesarev S. A. (Ed.). Sivershchina v istorii Ukrainy. Zbirnik naukovikh prats'*, Kiev, Glukhiv, Tsentr pam'iatkoznavstva, 2011, Vol. 4, pp. 19–22.
142. Prokhorov D. A. Statistika karaimskogo naseleniia Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX vv. *Aibabin A. I., Zin'ko V. N. (Eds.). Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', Kerch',

- 2012, Vol. XVII, pp. 634–705.
143. Prokhorov D. A. Zakonodatel'nye akty kak istochnik po istorii karaimskikh obshchin Severo-Zapadnogo kraia Rossiiskoi imperii (konets XVIII – nachalo XIX vv.). *Aktual'nye problemy istochnikovedeniia: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 135-letiiu so dnia rozhdeniia V. I. Pichety, Minsk-Vitebsk, 9–11 oktiabria 2013 g.*, Vitebsk, 2013, pp. 158–161.
 144. *Svedeniia ob uchebnykh zavedeniakh i imennoi spisok nachal'nykh uchilishch Tavricheskoi direktsii narodnykh uchilishch*, Simferopol', Tipo-litografiia Veresotskoi i Brakhtmana, 1902, 115 p.
 145. Skal'kovskii A. Prostranstvo i narodonaselenie Novorossiiskogo kraia. *Novorossiiskii kalendar' na 1849 god; izdanie Rishel'evskogo litseia*, Odessa, Gorodskaiia tipografiia, 1848, Part IV, pp. 348–379.
 146. Spisok lits, imeiushchikh pravo uchastiia v vyborah v Gosudarstvennuiu Dumu vo vtorom s'ezde gorodskikh izbiratelei g. Bakhchisarai. *Tavricheskie gubernskie vedomosti*, Simferopol', 1912, N 60, 10 avgusta.
 147. *Spravochnaia kniga Odesskogo uchebnogo okruga (po direktsiiam narodnykh uchilishch)*, Odessa, 1891, Vol. 3: Tavricheskaia direktsiia, XIX, 135 p.
 148. Spravochnyi otdel. Tavricheskoe i Odesskoe Karaimskoe Dukhovnoe Pravlenie. *Izvestiia Tavricheskogo i Odesskogo Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniia*, Evpatoriia, 20 maia 1917, N 1, pp. 6–8.
 149. Spravochnyi otdel. Uchebnye zavedeniia. *Izvestiia Tavricheskogo i Odesskogo Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniia*, Evpatoriia, 20 maia 1917, N 1, pp. 8–9.
 150. *Statisticheskii vremennik Rossiiskoi imperii. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD*. St. Petersburg, Tipografiia K. Vul'fa, 1866, Part I, XXXVI, 243, 117 p.
 151. Solodovnikova S. M. (Ed.). *Lui de Sudak, Fernan de Meli, Al'fred Rambo. Frantsuzskie puteshestvenniki v Krymu. XIX vek*, Simferopol', Novaia Orianda Publ., 2014, 312 p.
 152. Sumarokov P. [I.] *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 g.*, Moskow, 1800, 238 p.
 153. Tablitsa chisla rodivshikhsia i umershikh karaimov, prirosta i brakov v 1909 g. v Tavricheskoi gubernii. *Karaimskaia zhizn'*, Moskow, 1912, Kn. 10–11, mart-aprel', p. 46.
 154. Tablitsa chisla rodivshikhsia i umershikh karaimov, prirosta i brakov v 1910 g. v Tavricheskoi gubernii. *Karaimskaia zhizn'*, Moskow, 1912, Kn. 12, mai, p. 49.
 155. Troinitskii N. A. (Ed.). *Tavricheskaia guberniia. Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii, 1897; Izd-ie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD*, St. Petersburg, 1904, XXVI, 310 p.
 156. Tereshchuk N. M. Dokumental'nye istochniki po istorii sevastopol'skogo kupechestva perioda Krymskoi (Vostochnoi) voiny 1853–1856 gg. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Al'minskie chteniia" (Peschanoe-Bakhchisarai, 21–22 sentiabria 2008 g.)*, Simferopol', AntikvA Publ., 2008, pp. 127–139.
 157. Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (Izvlacheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka)*, Per. i komment. E. V. Bakhrevskogo, Simferopol', Dolia Publ., 2008, 185 p.
 158. Fel'dman D. Z. S. A. Beim – glava karaimskoi obshchiny Kryma (po arkhivnym materialam). *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, Moskow, 2000, N 3, pp. 53–63.
 159. Firkovich M. Ia. *Starinnyi karaimskii gorodok Kale, nazyvaemy nyne Chufut-Kale*, Vil'no, 1907, 48 p.
 160. Khoets'kii Ed. *Spogadi z podorozhi po Krimu*, Per. O. O. Tishchenko-Monastirs'ka, Simferopol', Simferopol'ska mis'ka drukarnia Publ., 2008, 384 p.
 161. Khronika tekushchei zhizni. Obshchie izvestiia. Simferopol'. Delo ob ograblenii bakhchisaraiskoi kenasa. *Karaimskaia zhizn'*, Moskow, 1911, Kn. 1, iyun', p. 125.
 162. Khronika tekushchei zhizni. Obshchie izvestiia. Ograblenie kenasa v Bakhchisarae (V simfer.[opol'skom] okruzhnom sude). *Karaimskaia zhizn'*, Moskow, 1911, Kn. 5–6, oktiabr'–noiabr', pp. 126–127.
 163. Khronika tekushchei zhizni. Vybory gakhama. *Karaimskaia zhizn'*, Moskow, 1912, Kn. 12, mai, pp. 81–82.
 164. Khronika tekushchei zhizni. Evpatoriia. Sobranie upolnomochennykh ot karaimskikh obshchestv dlia izbraniia Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo gakhama. *Karaimskoe slovo*, Vil'na, 1913, N 5, noiabr', pp. 21–22.
 165. Khronika tekushchei zhizni. Natsional'nyi fond. *Karaimskoe slovo*, Vil'na, 1914, N 9–10, mart-aprel', pp. 17–18.
 166. Khronika tekushchei zhizni. Feodosiia. *Karaimskoe slovo*, Vil'na, 1914, N 9–10, mart-aprel', pp. 21–22.

167. Khronika. Ot nashikh korrespondentov. g. Bakhchisarai. *Izvestiia Tavricheskogo i odesskogo Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniia*, Evpatoriia, 1917, noiabr', N 5–6, pp. 51–52.
168. № 17340. Iiunia 8 [1795 g.]. Imennoi, dannyi Ekaterinoslavskomu, Voznesenskomu i Tavricheskomu General-gubernatoru Platonu Zubovu. Ob uvol'nenii Tavricheskikh Evreev, imenuemykh Karaimy, ot polozhennykh na vsekh voobshche Evreev podatei. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda*. Sobranie 1. St. Petersburg, Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, s 1789 po 6 noiabria 1796. T. XXIII, Otd. I. 1830, pp. 705–706.
169. № 25211. Maia 15. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie Komiteta Ministrov, ob"iavlennoe Upravliaiushchim Ministerstva Vnutrennikh del. O darovanii mestechku Chufut-Kale l'goty ot gorodskikh i zemskikh povinnosti i ob otnesenii na Tatarskii sbor ispravlenie dorogi i o sodержanii v onom mestechke karaimskogo uchilishcha. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. Sobranie 2. St. Petersburg, Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1852. T. XXVI, Otd. I. 1851, pp. 352–353.
170. № 9991. Marta 3. Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o Tavricheskom Karaimskom Dukhovenstve. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. Sobranie 2. T. XII. Otd. I. 1837. St. Petersburg, Tipografiia Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1838, pp. 132–135.
171. № 12206. Aprelia 4. Senatskii. O kandidatakh na dolzhnost' Gakhama Karaimskogo dukhovenstva v Tavricheskoi gubernii i gorode Odesse. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. Sobranie 2. St. Petersburg, Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1840. T. XIV, Otd. I. 1839, pp. 348–349.
172. № 25211. Maia 15. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie Komiteta Ministrov, ob"iavlennoe Upravliaiushchim Ministerstva Vnutrennikh del. O darovanii mestechku Chufut-Kale l'goty ot gorodskikh i zemskikh povinnosti i ob otnesenii na Tatarskii sbor ispravlenie dorogi i o sodержanii v onom mestechke karaimskogo uchilishcha. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. Sobranie 2. St. Petersburg, Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1852. T. XXVI, Otd. I. 1851, pp. 352–353.
173. № 31486. Fevralia 5. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie Komiteta Ministrov, ob"iavlennoe Senatом ministru Vnutrennikh Del. O osobykh posobiiakh i oblegcheniiakh dlia zhitel'ei naibolee postradavshikh ot voiny mestnosti Novorossiiskogo kraia i Bessarabii. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. Sobranie 2. St. Petersburg, Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii. T. XXXII, Otd. I. 1857, pp. 123–126.
174. № 32750. Fevralia 7. Senatskii, po vysochaisheму poveleniiu ministru Vnutrennikh Del. O razdelenii Novorossiiskogo i Bessarabskogo kraia na razriady dlia raspredeleniia darovannykh zhiteliam togo kraia l'got i oblegchenii po polozheniiu 5 fevralia 1857 goda. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. Sobranie 2. St. Petersburg, Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii. T. XXXII, Otd. I. 1857, pp. 106–108.
175. № 8708. Iiunia 11. Vysochaishe utverzhdennoe Gorodovoe Polozhenie. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. Sobranie 3. St. Petersburg, Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii. T. XII. N 8215–9216 i Dopolneniia, pp. 430–456.
176. Kizilov M. The Karaite Communities of Chufut-Kale and Mangup: History and Topography of the Settlements. *Polliack M. (Ed.). Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources*, Leiden, Boston, Brill, 2003, pp. 759–787.
177. Z. Vvedenie v uchitel'skikh seminariakh i shkolakh prepodavaniia sel'skogo khoziaistva. *Salgir*, 1898, N 155, 22 noiabria.

Приложение 1

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ВЕДОМОСТЬ ПО ГОРОДУ БАХЧИСАРАЮ
Первая четверть XIX в.¹⁹

№ п/п	Наименование	Кол-во
1.	Ханов	11
	- в которых находятся купеческие красные товары	5
	- постоянных дворов	16
	Итого	
2.	Лавок	50
	- с красным товаром	112
	- с разными мелкими товарами	162
	Итого	
3.	Харчевен	12
	Пекарен где хлебы пекут	15
	Кофеев	11
	Итого	38
4.	Училищ	
	- греческих	1
	- татарских	7
	- еврейских караимских	3
	- рабинских	1
	Итого	12
5.	Цырулен	13
	Домов всех вообще	2005
	- купеческих ²⁰	
	- мещанских	
	- дворянских	
- разночинских		
	Итого	2018
6.	Мельниц	
	- водяных на проведенном из речки Чурук-Су канале	6
	- фонтанов	53
	- бань каменных татарских	2
	- разломанная одна ²¹	2
	- дворян казенная [баня]	1
	Казенных домов	11
	- лавок	16
	- кофеен	2
	- магазинов	5
	- ханов	1
	- сафьянных заводов	1

¹⁹ Дата установлена по содержанию документа; кроме того, данный список является только частью другой ведомости (имеются пометы чернилами с номерами входивших ранее в нее листов – «22, 23, 24»). Более позднее использование документа относится к периоду существования Бахчисарайского музея Тюркско-Татарской культуры (вклейка штампа библиотеки Бахчисарайского музея с номером и карандашная приписка с датой «10. III. 1923 г.»). В Центрархив документ был выделен согласно распоряжению Крымнаркомпроса от 8 декабря 1929 г.; ныне он относится фонду 431 ГАРК «Коллекция документов тюрко-татарской культуры в городе Бахчисарай Таврической губернии».

²⁰ Числовые данные по домам купцов, дворян, разночинцев и мещан в описи отсутствуют.

²¹ Так в тексте.

7.	Дворян - Российских - Греков - из армян - разночинцев Итого	1 22 1 1 25
8.	Купцов - Магометан - Караимов - Греков и болгар Итого	130 256 18 404
9.	Мещан - Российских - Магометан - Греков и болгар - рабанитов - Караимов - Армян - однодворцев, пользующихся мещанским правом Итого	11 1743 55 35 358 16 1 2220 ²²
10.	Иногородних - греческой нации - армянской нации - турецкой нации Итого	51 80 16 147
11.	Духовенства - Греческого - Армянского - Магометанского - Еврейского Итого	4 3 219 16 242
12.	Церквей - греческих - армянских Итого	2 1 3
13.	Заводов - казенных, где выделяются сафьяны и мешины - свечных и мыльных - известных Итого	8 3 3 14
14.	Ремесленных лавок - войлочных - ножных - седельных - туфельных и сапожных - кофейных - сабельных - бондарных - где медную посуду делают и лудят - где серебряные вещи делают - где шубы и шапки шьют	11 32 31 56 1 3 20 8 6 29

ГАРК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 2. Подлинник.

²² В расчетах составителя документа ошибка – общее число мещан составляет 2219 чел.

Приложение 2

ИЗ ПРОТОКОЛА СОВЕЩАНИЯ ТАВРИЧЕСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ
3 ФЕВРАЛЯ 1827 г.²³

...1827 года 3 февраля, четверг. В присутствии Таврического губернского правительства по исполнительной экспедиции прибыли:

Господа:

- Таврический Гражданский Губернатор Действительный Статский Советник и Кавалер Дмитрий Васильевич Нарышкин.

Советники:

- Коллежский Советник и Кавалер Андриан Иванович Савойский Титулярный Советник и Кавалер Павел Артемьевич Луговский
- Титулярный Советник и Кавалер Семен Мартынович Мейер²⁴

СЛУШАЛИ: Сообщение Таврической палаты гражданского суда от 27 января под № 250 в коем прописывает прошение бахчисарайского мещанина подано истекшего января 19 дня лично в оную палату изъясняющее, что бахчисарайский мещанин Шумаил Яковлев сын Яковлев занял у него суды денег государственными ассигнациями одиннадцать тысяч семьсот рублей <...> года января 13 сроком на один год, а в тех деньгах заложил и закладную у крепостных дел совершенную, выдал он ему Кефелю на собственный свой хан, состоящий в городе Бахчисарае граничущий со сторон: 1-й – общественным домом, 2-й – вакуфным ханом, 3-й – ханом умершего Мегметчи, а четвертый – дорогою с тем, буди он Шумаил тех в заем данных ему денег ему Юфуде на срок не заплатил, то предоставить ему Юфуде по срок закладную где следует явить и удовольствие получить, как законы повелевают, как же закладчик Шумаил Яковлев тех занятых у него Юфуды денег не заплатил, то представить в подлиннике закладную на заложенный ему Юфуде от него Яковлева хан совершенную, также и пошлинные четыреста семьдесят два рубля, просить удовлетворении его Юфуды заимоданною закладчику суммою со всеми убытками с заложенного им Яковлевым ему Юфуде недвижимого имения, поступить как законы повелевают. Устава же о банкротах части 2-й статьями повелено; 39-ю [:] просроченной закладной на недвижимое имение не обращать в купчую и не записывать, просроченного имения как донныне было, повременно наперед отдавать тот час все то просроченное имение чрез кого следует во владение заимодавцу с описью всему и с подпискою, чтоб до окончательного о том имении утверждения, пользовался вместо процентов где сколько есть денежными или хлебными и другими заведенными доходами, не обременяя сверх прежнего новыми от себя налогами и не вывозя в другие места людей и крестьян, скота и строения, лесу и прочего, что принадлежит к целости имения, а не к заведенному годовому доходу также и не повреждая никаких угодий и действующих хозяйственных заведений. В примечаниях на оную статью изъяснено: хотя закладные ныне и не обращаются в Купчие, но поелику недвижимое по ним имение отдается во владение, то при сей явке их следует взыскать прежние с суммы пошлины; 40 статьею со времени явки ко взысканию просроченной закладной предоставляется закладчику шесть месяцев выкупить просроченное имение платежом всей должной суммы с процентами.

ОПРЕДЕЛИЛА: Как по силе устава о банкротах части 2-й статьи 39 значащийся в закладной хан бахчисарайского мещанина Шумаила Яковлева в городе Бахчисарае состоящий, за неплатеж им по той закладной в срок денег, должен поступить во владение бахчисарайского же мещанина Юфуды Кефели по описи на Шесть месяцев, то о вводе его кредитора Кефели во владении оным Ханом с надлежащею описью по точной силе изъясненной 39 статьи банкротского устава, с приложением в копии закладной, сообщить сему правительству с тем, дабы благоволило: об отдаче чрез кого следует того хана ему Кефелю, учинить оному опись, по которой со стороны Кефели должен быть хан принять, и взяв от него

²³ Документ был выявлен и предоставлен Н. М. Терещук, за что автор выражает ей свою признательность.

²⁴ Рукописная вставка чернилами, вертикально слева от абзаца со списком советников Таврического губернского правления: «Пополуночи в 8-м часу».

по содержанию той же 39 статьи устава о банкротах подписку, доставить оную вместе с описью в палату и о последующем оную уведомить, представленные же мешанином Кефелею поименные четыреста семьдесят два рубли, велеть надсмотрщику Гармашеву, записав надлежащим порядком по книге в приход и расход, отдать с получением квитанции в Симферопольское уездное казначейство, коему о принятии тех денег послать указ, а казенная экспедиция о том уведомлена.

ПРИКАЗАЛИ: Об исполнении по требованию Таврической палаты гражданского суда с приложением копии закладной послать указ Бахчисарайской городской полиции с тем, чтобы подписку которую возьмет от Кефели и опись имению которое ему во владение по закладной будет отдано отправила прямо от себя в Таврическую палату гражданского суда, а с Кефели взыскать за употребленную в правительстве на производство по сему месту гербовой простую шесть листов бумагу деньги и отослав в Симферопольское уездное казначейство Правительству рапортовала, о имеющих же поступить в Казну деньгах, казенную сего правительства Экспедицию, о всем вышеписанном Таврическую палату гражданского суда уведомить²⁵.

Д. Нарышкин
А. Савойский
Павел Луговский
Семен Мейер

ГАРК. Ф. 27. Оп. 22. Д. 424. Л. 152–154 об. Подлинник.

Приложение 3

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ БАХЧИСАРАЙСКОЙ ОБЩИНЫ

№ 784

1919 год

г. Симферополь

№ п/п	Вопросы	Ответы
1.	Когда основана Кенаса при каком Габбае и при каких общественных деятелях (имя отчество и фамилия каждого).	Бахчисарайская кенаса построена в 1870 году под наблюдением общественных деятелей: 1. Абрам Ис. Прик 2. И. И. Баккал 3. М. М. Кефели 5. Г. Я. Пембек
2.	Перечень по возможности Газзанов состоявших в должности со дня основания кенасы, а также	Газзанами состояли А. Тепси, А. Катлама, Ю. С. Узун, И. М. Сулганский, ныне И. С. Сапак. Шамаша И. Арслан, М. Каракоз, И. Баккал, И. Ельяшевич, ныне вакантны. Габбаи: Я. Танагоз, Г. Пембек, А. Оксюз, И. Болек, С. Болек, С. Туршу, Я. Орак, Б. Кефели, Е. Майтоп, С. Борю, С. Ялпачик, Я. Кумыш и И. Прик.
3.	Какие имеются в общине караимские училища, когда они основаны, количество учащихся и состав преподавателей (имя и отчество каждого). Краткие сведения о полученном преподавателями образовании и времени нахождения их в должности.	При кенасе имеется караимское министерское училище Основ. 1900 г. преподаватель вероучения И. С. Сапак окончивший караимс. мидраш в Николаеве с 1900 года. Преподавательница Русского языка Апполиария Михайловна Савицкая окончившая Высшую учительскую семинарию, с 1906 года. 11 мальчиков и 5 девочек

²⁵ Приписка чернилами в конце текста документа: «Читал».

4.	Какие имеются благотворительные общества, когда и кем они учреждены и состав их правлений, с указанием времени нахождения каждого члена правления на службе?	К этому вопросу прилагается отдельный лист
5.	Какими недвижимыми имуществами и капиталами владеет кенаса?	Имеется в г. Бахчисарае 3 дома, 33 лавок, приносящих аренды до 600 руб. выгоды. Разные % % бумаги на сумму около 5,6 тысячи рублей.
6.	Имеется ли при Кенаса «мазмата» и с какого года ведется?	Имеется и ведется с 1863 года
7.	Сколько приблизительно семейств и число душ в Общине?	41 семейств 211 душ 91 муж. пола 120 женского пола

Примечание: На все вышеуказанные вопросы просят отвечать по мере возможности. Если какой-либо из поставленных вопросов представит затруднение для ответа в полном объеме, то Духовное правление просит ограничиться хотя бы имеющимися на лицо сведениями, не стесняясь их неполнотой и краткостью, и вернуть опросной лист по возможности в непродолжительном времени.

Ответ на вопрос № 4

В Бахчисарае имеется пять «Хевра»²⁶, время основания нам не известно.

Учредители:

<p><u>Группа 1-я</u></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) М. Шапшал 2) Давид Ага 3) Яков Ага 4) Исаак Бейм 5) Давид Болек 6) Исаак Кабакчи 7) Сомоил Ефетович 8) Илья Азарьевич 9) Юфуда Леви 10) Давид Кара <p><u>Группа 2-я</u></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Мордехай Кефели 2) Ефет Майтоп 3) Исаак Болек 4) Сомоил Ага 5) Юфуда Кальфа 6) Яков Кальфа 7) Биньямин Ходжаш 8) Яков Орак 9) Аарон Оксюз 10) Сомоил Коген-Чауш <p><u>Группа 3-я</u></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Нахаму Леви 2) Авраам Прик 3) Авраам Шомоил Еру 4) Илья Шале 5) Иосиф Сулук 6) Исаак Чельтек 7) Эзра Трта²⁷ 8) Авраам Шапшал 9) Мордехай Шоэр 10) Исаак Чомак 11) Бераха Каракоз 12) Самак Днгл-Бай²⁸ <p><u>Группа 4-я</u></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Моше Кефели 2) Юфуда Кефели 3) Саломон Кефели 4) Моше Кефели 5) Мордехай Кефели 6) Моше Кефели 7) Моше Кефели 8) Исаак Эгиз 9) Виньямин Ага 	
---	--

²⁶ Хевра Каддиша – досл. «святое общество» (арам.); в данном случае, очевидно, речь идет о религиозно-благотворительных сообществах, существовавших караимских общинах и выполнявших различные функции: в том числе, они предназначались для ведения погребальных дел, осуществляли надзор за общественными караимскими училищами, ведали вопросами организации помощи нуждавшимся и пр.

²⁷ Так в документе.

²⁸ Фамилия неразборчива.

5) Моше Кара 6) Гелель Пембек 7) Элиша Хаджи 8) Илья Кара-Карай 9) Иосиф Султан 10) Иосиф Кальфа 11) Чэфанья Майтоп	
---	--

Габбаями были Арон Шапшал, Сима Болек, Авраам Прик, Борох Кефели, Соломон Пембек, И. И. Прик, ныне Сомоил Ага.

Все эти «Хевра» имеют по городу Бахчисараяу 14 лавок, приносящих Аренды до 1 000 руб. и один выигрышный билет 1го займа.

Еще имеется караимский национальный Просветительный кружок основ[анный] в 1917 году; имеющий капитал на 1^е января 1919 года две тысячи триста семьдесят пять руб. 22 коп. (2375 – 22).

ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 12–16. Подлинник

Приложение 4

ПРЕДПИСАНИЕ ТАВРИЧЕСКОГО И ОДЕССКОГО КАРАИМСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАРАИМСКИМ ОБЩИНАМ О ЗАПОЛНЕНИИ И ПЕРЕСЫЛКЕ ОПРОСНОГО ЛИСТА ДЛЯ ИЗДАНИЯ КАРАИМСКОГО ЕЖЕГОДНИКА

г. Евпатория

1918 год

Приступая к изданию караимского Ежегодника, Духовное Правление просит Вас по возможности заполнить и препроводить в оное прилагаемый при сем опросный лист.

Член Духовного правления²⁹

Старший газзан³⁰

ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52. Л. 3. Отпуск.

Приложение 5

ИЗ ОТЧЕТА ГАББАЯ БАХЧИСРАЙСКОЙ КЕНАСЫ В ТАВРИЧЕСКОЕ И ОДЕССКОЕ КАРАИМСКОЕ ДУХОВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Счет на 1918 год, с начала и до конца, от меня ничтожного габбая Кале Ефета, сына Ч[ефанья Майтопа], благословенна память праведника, к старому счету в большой дом суда бене Микра³¹, в городе Гезлеве, да отстроится город Божий.

Прибыль от магазинов			
	рубли	копейки	
№ 1 и № 2 с аренды магазина Профессиональным союзом за один год и с другого	430	00	
От компании «Зингер» за 9 лет согласно условиям	145	00	
От портного (...) ³² [за] 4 месяца 12 рублей и 5 месяцев 15 рублей	159	00	
От Бродского [за] 5 месяцев 12 рублей и 4 месяца 15 рублей	165	00	
	929	00	
В бет га-кнесет ³³ Кале	Обеты умершим, благословенна их память.	1 061	00
	Пожертвования на благословения и поминавание усопших	322	00

²⁹ Подпись отсутствует.

³⁰ То же.

³¹ Так в документе; очевидно, имеется ввиду Большая (Соборная) караимская кенаса в Евпатории. «Бене Микра» – досл. «сыны Писания»; так себя именовали караимы.

³² Здесь и далее (...) – неразборчивый рукописный текст.

³³ Бет га-кнесет – кенаса.

О полученных деньгах сообщаю		
Из кассы города Кале в Гезлеве получил от Гахама Мне за долг (...)	1 000	00
И еще из кассы города Кале в Гезлеве получил от почтенного Симхи Ялпачика для передачи сторожу кладбища Валобуеву	1 500	00
С участка Валобуева рожь, ячмень, (...) всего продано	463	50
	5 275	50
Расход по Кале		
Рибби Аврааму ³⁴ (...) плата [за] один год 40, 60 и 100 рублей	460	00
Сторожу Кале плата 25 и 50 рублей	345	00
Ежемесячные расходы (...)	818	85
	1 953	85
Расход по кладбищу		
На новую арбу, дверь, ремонт дома: на рамы, крышу, штукатурку (...), печь, и другие расходы (...)	3 340	10
[За] лес, (...), песок, землю и работу мастеровых		
Валобуеву (сторожу кладбища) на его участок, бахшиш и (...) расход	1 525	
	6 848	95

Всех вышеперечисленных доходов и прибыли 5 245 [руб.] 51 [коп.].

Мне (заплаченный) долг в этом году 1 543 [руб.] 44 [коп.].

ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1665 Л. 3. Подлинник³⁵.

³⁴ Газзану Чуфут-Кале А. С. Дубинскому.

³⁵ Перевод документа с караймского на русский язык осуществил В. А. Ельшевич.

Приложение 6
ИЗ СПИСКА ЛИЦ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ КАРАИМСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ г. БАХЧИСАРАЯ,
ВОЗОБНОВИВШИХ ТОРГОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА НА 1873 г.

№ п/п	Фамилия, имя, № по ревизским ревизиям IX и X когда был(-а) причислен(-а) к купеческому сословию	Сведения о составе семьи	Выплаты в бюджет города	Пошлина за торговое свидетельство	Пошлина за торговый билет	Выплаты по воинским государственным повинностям
1	Купец 2-й гильдии Ага Ильяс Шамойлович (55 л.); № 12142 (24 ноября 1853 г.)	жена Эстер (38 л.); сыновья: Моисей (8 л.), Шамуил (4 г.); дочери: Бекенш (17 л.), Анна (15 л.), Беруха (7 л.), Рахель (3 г.), Бикеч (2 г.) ³⁶	15 руб.	35 руб.	20 руб.	13 руб. 10 коп., 10 руб. 75 коп.
2	Купец 2-й гильдии Бакал Исаак Ильевич (44 г.); № 50 (1850 г.); № 26 (1857-1858 гг.)	жена Эстер (32 г.); сыновья: Давид (8 г.), Ильяс ³⁷ (1 г.); дочь Акбике (12 л.); мачеха Исаака Бакалала Акбике (59 л.)	15 руб.	35 руб.	10 руб.	13 руб. 60 коп., 11 руб. 25 коп.
3	1-й купеческий брат Бакал Авраам Ильевич (39 г.)	жена Эстер (34 г.); сын Илья (2,5 г.), дочь Акбике (4 г.)	-	-	-	-
4	2-й купеческий брат Бакал Яков Ильевич (35 г.)	жена Акбике (20 л.)	-	-	-	-
5	3-й купеческий брат Бакал Лейзер Ильевич ³⁸ (28 л.)		-	-	-	-
6	4-й купеческий брат Бакал Юфуда Ильевич (19 л.)		-	-	-	-
7	5-й Купеческий брат Бакал Шолеме Ильевич (15 л.)		-	-	-	-

³⁶ В документе рукописная вставка карандашом.

³⁷ Илья Бакал родился 14 сентября 1869 г. в Елисаветграде, куда в 1874 г. из Бахчисарая переехала вся семья Исаака Ильевича Бакалала; там они были причислены к елисаветградскому купеческому обществу. В документе об этом имеется рукописная вставка карандашом: «Проживает в Елисаветграде с 1874 г.» [77, л. 11 об., 12].

³⁸ После 1873 г. переехал в Севастополь, где проживал с семьей (женой и восемью детьми) в собственном доме по ул. Кривой, 3 (Артиллерийская слободка, ныне район Артиллерийской бухты).

8	Исаака Баккала сестра купчиха 2-й гильдии Баккал Сарра Ильевна (21 г.)	-	-	-	-	-
9	Купец 2-й гильдии Баккал Иосиф Ильевич (43 г.); № 10798 (17 декабря 1871 г.)	15 руб.	35 руб.	10 руб.	12 руб. 10 коп., 9 руб. 75 коп.	
10	Купец 2-й гильдии Баккал Исаак Шамойлович (51 г.); № 13861 (31 декабря 1860 г.)	15 руб.	35 руб.	10 руб.	12 руб. 10 коп., 9 руб. 75 коп.	
11	Купец 2-й гильдии Борю Ходжащ (31 г.) № 11502 (17 декабря 1869 г.)	15 руб.	35 руб.	10 руб.	12 руб. 10 коп., 9 руб. 75 коп.	
12	Купец 2-й гильдии (57 л.); Зенгин Гелель № 2923 (30 апреля 1856 г.)	15 руб.	35 руб.	20 руб.	13 руб. 10 коп., 10 руб. 75 коп.	
13	Купчиха 2-й гильдии Казае Акбике (58 л.), вдова; № 12139 от 13 ноября 1853 г.; № 27 (1857-1858 гг.)	15 руб.	35 руб.	20 руб.	14 руб. 60 коп., 12 руб. 25 коп.	
14	Купец 2-й гильдии Кальфа Шауль (63 л.) № 822 (23 января 1871 г.)	-	-	-	капитал на 1873 г. не объявлен	
15	Купчиха 2-й гильдии Кефели Авва (52 г.) № 36 (1850 г.); № 17 (1857-1858 гг.)	15 руб.	35 руб.	10 руб.	13 руб. 10 коп., 10 руб. 75 коп.	

³⁹ В документе рукописная вставка карандашом.

⁴⁰ То же.

⁴¹ То же.

⁴² Имя дочери Берахи Казае и ее возраст в документе не указаны.

16	Кулец 2-й гильдии Кефели Мортхай (59 л.) № 391 (15 января 1869 г.)	жена Рахель (49 л.); сыновья: Арон (15 л.), Монсей (7 л.); дочери: Анна (19 л.), Султан (17 л.), Сарра (13 л.)	15 руб.	35 руб.	10 руб.	12 руб. 10 коп., 9 руб. 75 коп.
17	Кулец 2-й гильдии Майкопар Бераха № 13764 (24 декабря 1860 г.)	жена Авва (32 г.); сын Веннамин (12 л.); дочери: Беруха (10 л.), Эстер (5 л.), Тотай (1 г.)	15 руб.	35 руб.	10 руб.	12 руб. 10 коп., 9 руб. 75 коп.
18	Купчиха 2-й гильдии Оксюз Сарра (64 л.), вдова; № 15082 (31 декабря 1862 г.)	сын Яку (34 г.), его жена Султан (30 л.)	-	-	-	капитал на 1873 г. не объявлен
19	Кулец 2-й гильдии Оксюз Юфуда (73 г.); № 8066 (16 июня 1858 г.)	жена Бекнеш (59 л.); сыновья: Яку (39 л.), Шамуил (34 г.), Арон (33 г.), Ильяго (31 г.), Давид (21 г.); дочери: Акбике ⁴³ (24 г.), Анна (25 л.), Марьям (16 л.)	15 руб.	35 руб.	10 руб.	14 руб. 60 коп., 12 руб. 25 коп.
20	Кулец 2-й гильдии Пембек Гелель (56 л.) № 38 (1850 г.); № 18 (1857-1858 гг.)	жена Султан (42 г.)	-	-	-	Умер в 1872 г.; капитал на 1873 г. не объявлен
21	Купеческий брат Пембек Мошу-Моше (50 л.)	жена Назлы (31 г.); сыновья: Яков (10 л.), Мортхай (6,5 л.); дочери: Гулюш (18 л.), Эстер (16 л.), Мураг (14,5 л.), Анна, Мильке (новорожденные)	-	-	-	-
22	Купеческий брат Пембек Веннамин (43 л.)	жена Марьям (30 л.)	-	-	-	-
23	Купеческий брат Пембек Исаак (40 л.)		-	-	-	-
24	Кулец 2-й гильдии Нова Чауш (41 г.); № 13682 (31 декабря 1858 г.)	жена Анна (25 л.); сыновья: Яков (3,5 г.), Мортхай (1 г.)	15 руб.	35 руб.	20 руб.	13 руб. 10 коп., 10 руб. 75 коп.
25	Кулец 2-й гильдии Шапшал Авраам (54 г.); № 46 (1850 г.); № 23 (1857-1858 гг.)	жена Акбике (44 г.); сыновья: Моше (21 г.), Сима (18 л.), Мортхай (16 л.), Юфуда (11 л.), Шолеме (5,5 л.); дочери: Алтын (11 л.), Тотеке (9 л.), Патава ⁴⁴ (4 г.)	15 руб.	35 руб.	10 руб.	13 руб. 10 коп., 10 руб. 75 коп.

⁴³ Дочь Юфуды Оксюза Акбике была указана в документе как замужняя.

⁴⁴ Рукописная вставка карандашом. Очевидно, ошибка допущена составителем; следует читать «Багчева».

Иногородные караимы, осуществлявшие торговые операции Бахчисарае на правах купцов 2-й гильдии					
1	Потомственный почетный гражданин Кефели Шолеме	-	15 руб.	35 руб.	30 руб. 14 руб. 11 руб. 75 коп.
2	Потомственный почетный гражданин Гелелович Арон	-	15 руб.	35 руб.	- 11 руб. 8 руб. 75 коп
3	Шамоил Ичаджик	-	15 руб.	35 руб.	10 руб. 12 руб. 9 руб. 75 коп

ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3458. Л. 3-25. Подлинник.

Приложение 7
ИЗ СПИСКА ЛИЦ И УЧРЕЖДЕНИЙ, ИМЕЮЩИХ ПРАВО ПРИНИМАТЬ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ ГЛАСНЫХ БАХЧИСАРАЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ НА ЧЕТЫРЕХЛЕТИЕ С 1902 г. (КАРАИМСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ)

№	Фамилия, имя, отчество; возраст	Сословие, место проживания	Основание для участия в выборах (поимущественному цензу или промысловым билетам)
1	Ага Ильяго Шамойловича наследники – сыновья Моше (36 л.), Шамоил (32 г.), Ефег (36 л.), Авраам (23 г.), дочь Бикеч (29 л.), вдова Эстер (68 л.)	бахчисарайский мешанин	по недвижимому имуществу, оцененному в 800 руб.
2	Аджинин Элиша Яковлевич	бахчисарайский мешанин	по недвижимому имуществу; 400 руб.
3	Баккала Исаака Шамойловича наследники – сыновья Эммануил (37 л.), дочери Сарра (35 л.), Алтын (32 г.), и вдова Бюбуш (68 л.)	бахчисарайский мешанин	по недвижимому имуществу; 460 руб.
4	Баккала Иосифа Ильевича наследники – сыновья Ильяго (38 л.), Исаак (28 л.), Юфуда (26 л.), Авраам (17 л.) и вдова Акбике (80 л.)	бахчисарайский мешанин	по недвижимому имуществу; 500 руб.
5	Баккал Илья Абрамович	бахчисарайский мешанин	по купеческому свидетельству 2-й гильдии
6	Бибеш Исаак Моргхаевич	одесский мешанин	по недвижимому имуществу; 300 руб.
7	Борю Ходжаш Эрзович	бахчисарайский мешанин	по недвижимому имуществу; 400 руб.
8	Борю Эсфирь Яковлевна	керченская мешанка	по недвижимому имуществу; 400 руб.
9	Вакуфы бахчисарайской караимской синагоги (кенасы)		по недвижимому имуществу; 4250 руб.
10	Казас Веннамин Соломонович	бахчисарайский мешанин	по купеческому свидетельству 2-й гильдии

11	Казас Ханьш Ильевна	бахчисарайская мешанка	по недвижимому имуществу; 300 руб.
12	Каракаш Авраам Исаакович	бахчисарайский мешанин	по недвижимому имуществу; 500 руб.
13	Кефели Берехи Соломоновича наследники – сын Ефраим (30 л.), сестра Аджикель (23 г.) и вдова Султан (50 л.)	потомственный почетный гражданин	по недвижимому имуществу; 3500 руб.
14	Кефели Бороха Соломоновича наследники – вдова Мурад Ефеговна (35 л.); по духовному завещанию	потомственный почетный гражданин	по недвижимому имуществу; 1575 руб.
15	Кефели Исаака Соломоновича наследники – сын Соломон (19 л.), дочери Рахиль (21 г.), Эстер (20 л.), Бяна (18 л.), Сарра (16), Фумла (40), и вдова-опекунша Анна (46 л.)	потомственный почетный гражданин	по недвижимому имуществу; 900 руб.
16	Кефели Моисея Самойловича наследники – сын Мортхай (24 г.), дочери Фумла (22 г.), Сарра (20 л.) и вдова Беруха (50 л.)	потомственный почетный гражданин	по недвижимому имуществу; 850 руб.
17	Кефели Мортхая Шамоиловича наследники – сыновья Арон (43 г.) и Моше (35 л.)	бахчисарайский мешанин	по недвижимому имуществу; 1650 руб.
18	Кефели Соломон Семенович	бахчисарайский купец	по недвижимому имуществу; 2650 руб.
19	Кефели Садук Яковлевич	потомственный почетный гражданин	по недвижимому имуществу; 400 руб.
20	Кефели Юфуды Соломоновича наследники – сын Моисей (33 л.), дочь Сарра (24 г.) и вдова Ачкий (50 л.)	потомственный почетный гражданин	по недвижимому имуществу; 1050 руб.
21	Лаврецкий Илья Маркович	трокский мешанин	по недвижимому имуществу; 1550 руб.
22	Лаврецкий Шабетай Маркович	трокский мешанин	по купеческому свидетельству 2-й гильдии
23	Майтоп Ефет Чэфаньевич	бахчисарайский мешанин	по купеческому свидетельству 2-й гильдии
24	Оксюз Арон Юфудович	бахчисарайский мешанин	по купеческому свидетельству 2-й гильдии
25	Оксюза Юфуды Яковлевича наследники – сыновья Яков (67 л.), Шамоил (64 л.), Арон (62 л.), Давид (50 л.) и дочь Мерьем (45 л.)	бахчисарайский мешанин	по недвижимому имуществу; 500 руб.
26	Прика Якова Авшаломовича наследники – сыновья Авраам (39 л.), Авшалом (27 л.), Илья (25 л.), Береха (16 л.); дочери Мамук (28 л.), Алтын (31 г.), Бебюш (23 г.), вдова Биче (68 л.)	бахчисарайский мешанин	по недвижимому имуществу; 350 руб.
27	Прик Абрам Исаакович	севастопольский мешанин	по недвижимому имуществу; 700 руб.
28	Хаджи Шамоила Яковлевича наследники – дочери Мурад (45 л.), Беруха (42 г.) и вдова Гулош (79 л.)	по недвижимому имуществу; 300 руб.	

29	Хаджи Яков Абрамович	бахчисарайский мещанин	по недвижимому имуществу; 2360 руб.
30	Чауша Нова Яковлевича наследники – сыновья Яков (32 л.), Мортхай (30 л.) и вдова Анна (54 г.)	бахчисарайский мещанин	по недвижимому имуществу; 300 руб.
31	Шапшал Азарья	потомственный почетный гражданин	по недвижимому имуществу; 800 руб.
32	Шапшал Султан	потомственная почетная гражданка	по недвижимому имуществу; 300 руб.
33	Ялпачик-Леви Сима Юфудович	бахчисарайский мещанин	по купеческому свидетельству 2-й гильдии

ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3888. Л. 1–3 об. Подлинник.

Д. А. Прохоров
Караимская община Бахчисарая в конце XVIII – начале XX вв.
Резюме

В статье проведен анализ демографических, статистических, экономических и культурно-образовательных аспектов истории караимской общины Бахчисарая в конце XVIII – начале XX вв. При работе над публикацией использовались данные статистики (в частности, материалы российских ревизий и переписей населения конца XVIII – конца XIX вв., статистические обзоры, отчеты и сведения, опубликованные в тематических справочниках, путеводителях, адрес-календарях, в т.н. «памятных книжках» российских губерний), архивные документы (из фондов Государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», г. Симферополь, Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», г. Бахчисарай), часть из которых вводится в научный оборот впервые, а также сведения, выявленные в дореволюционной периодической печати.

Сделан вывод о том, что караимская община Бахчисарая формировалась с конца XVIII до начала XIX вв.; ее основу составляли караимы-выходцы из Чуфут-Кале. Численность бахчисарайской караимской общины в разные периоды менялась не только в связи с показателями рождаемости и смертности, но и в зависимости от внутренней – и внешней миграции караимского населения. В первой половине XIX в. наблюдался как отток караимов из Таврической губернии, так и переселение их сюда из других регионов страны.

Основными занятиями бахчисарайских караимов являлись те, что были непосредственно связаны с городской инфраструктурой – среди приоритетных направлений были торговля, ремесла и государственная служба (хотя среди караимской торговой и купеческой верхушки было немало землевладельцев, которым принадлежали крупные земельные участки в сельской местности). Значительное число ремесленников и торговцев на рынках Бахчисарая были из числа караимов; что касается купеческого сословия, то основную его массу составляли купцы 2-й гильдии, занимавшиеся торговыми операциями преимущественно в самом Бахчисарае.

Экономические реформы и развитие промышленности в России во второй половине XIX – начале XX вв. привели к тому, что многие караимские купцы и предприниматели перенесли свою торговую активность в другие регионы империи. И хотя по итогам Всероссийской переписи населения 1897 г. значительную часть караимской общины Бахчисарая составляла молодежь и люди среднего возраста, вышеупомянутые тенденции вскоре привели к тому, что ее численный состав в середине 1910-х гг. сократился почти вдвое по сравнению с серединой XIX в.

Ключевые слова: караимская община, Бахчисарай, Таврическая губерния, экономика, статистика.

D. A. Prokhorov

The Karaite Community of Bakhchisarai from the Late Eighteenth to the Early Twentieth Century

Summary

This article analyses demographic, statistical, economic, cultural, and educational aspects of the history of the Karaite community of Bakhchisarai from the late eighteenth to the early twentieth century. The work on the publication uses the statistical data (particularly, the materials of Russian revisions and censuses from the late eighteenth to the late nineteenth century, statistical reviews, reports, and information published in special directories, tourist's guidebooks, address calendars, and the so-called "memorial books" of Russian governorates), archival documents (from the State-Financed Institution of the Republic of the Crimea of the "State Archive of the Republic of the Crimea" in Simferopol, State-Financed Institution of the Republic of the Crimea of the "Bakhchisarai Historical, Cultural, and Archaeological Museum Preserve, Bakhchisarai), some of which is introduced into scientific circulation for the first time, as well as information identified in pre-revolutionary periodicals.

The conclusion is that the Karaite community of Bakhchisarai shaped from the late eighteenth to the early twentieth century, with its core of the Karaites coming from Chufut-Kale. The number of members of the Bakhchisarai Karaite community changed in different periods not only in connection with the birth and death rates, but also depending on the internal and external migration of the Karaites. In the first half of the nineteenth century there was the outflow of Karaites from the Taurida governorate and in migration from other regions of Russia.

Bakhchisarai Karaites' main occupations were directly related to urban infrastructure, with priorities including trade, crafts and public service (although Karaite commercial and trading elite include many landowners who owned large plots of land in rural areas). A considerable number of artisans and traders in the markets of Bakhchisarai were Karaites; as for the corporation of merchants, it consisted basically of the second-guild merchants engaged in trading activities in Bakhchisarai.

In result of Russia's economic reforms and industrial development in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries, many Karaite merchants and businessmen transferred their trading activities to other regions of the empire. Although the 1897 All-Russian Census shows that a significant portion of the Karaite community of Bakhchisarai comprised young and middle-aged people, the aforementioned trends soon caused the decline of this population in the mid-1910s almost twice compared to the mid-nineteenth century.

Keywords: Karaite community, Bakhchisarai, Taurida governorate, economics, statistics.

Рис. 1. Вид на Бахчисарай. С гравюры Э. Бердта (1869 г.).

Рис. 2. Бахчисарай. Дом купца Ходжаша Борю (фотонегатив из фондов БИКАМЗ, КП № 3726/320).

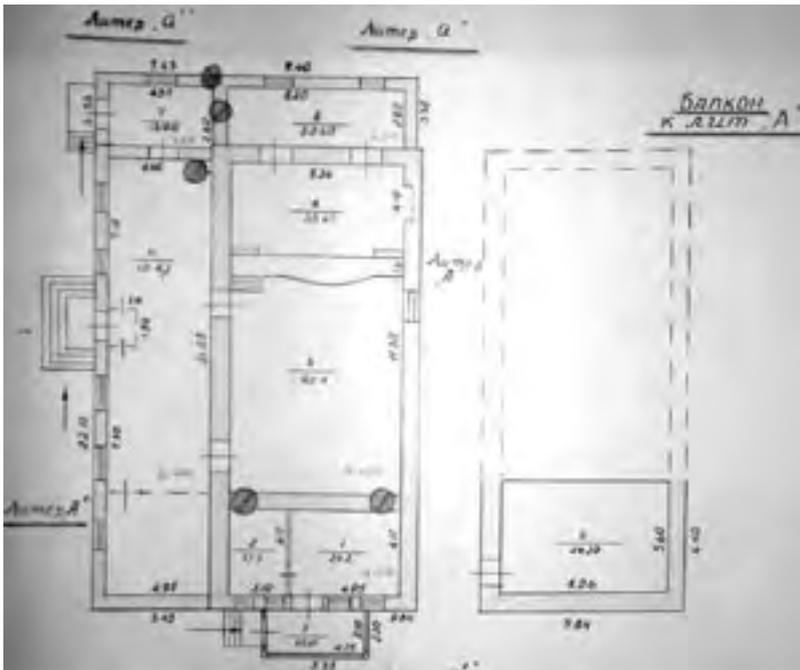

Рис. 3. План караимской кенасы Бахчисарая, 1976 г. (из фонда отдела сохранения, использования и реставрации объектов культурного наследия БИКАМЗ, фото Э. Э. Османова).

Рис. 4. Караимская кенаса в Бахчисарае (ул. Ленина, 67). Современное состояние (фото В. Г. Зарубина).

Рис. 5. Караимская кенаса в Бахчисарае (ул. Ленина, 67). Современное состояние (фото В. Г. Зарубина).

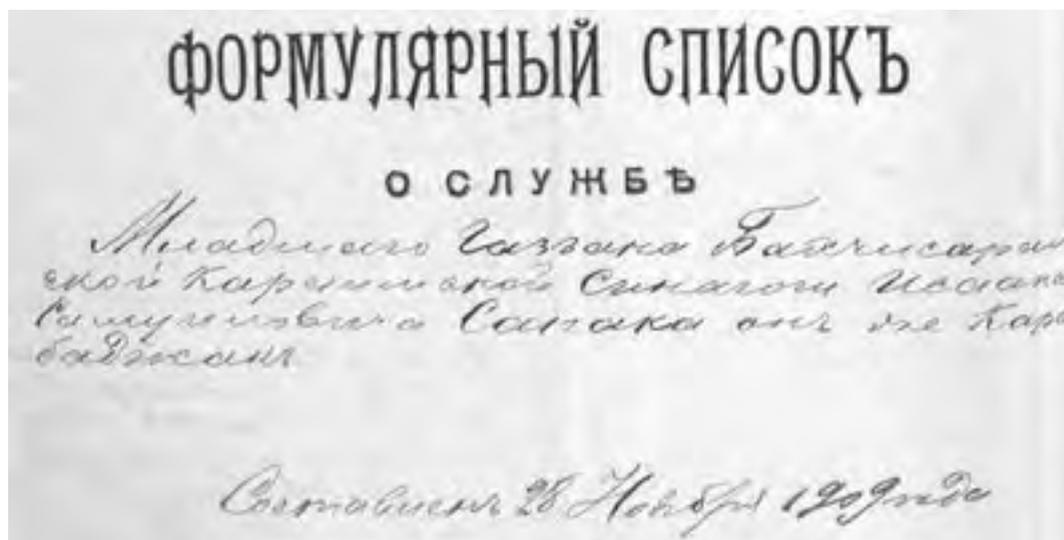

Рис. 6. Формулярный список о службе младшего газзана Бахчисарайской караимской кенасы И. С. Сапака-Карабаджа. Составлен 28 ноября 1909 г. Титульный лист (ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 89. Л. 35).

Рис. 8. Газзан Бахчисарайской карaimской кенасы Исаак Самуилович Сапак-Карабаджак (личный архив В. С. Баккала).

Рис. 9. Супруга газзана И. С. Сапака-Карабаджака Султан Давидовна (урожд. Капон, в центре) с дочерью Бикенеш (крайняя справа) (личный архив В. С. Баккала).

Рис. 10. Отец И. С. Сапака-Карабджака Самуил Сапак (со второй женой Мурат Ильиничной Казас) (личный архив В. С. Баккала).

Рис. 11. Газзан Бахчисарайской караимской кенасы Исаак Самуилович Сапак-Карабджак (1920-е гг.) (личный архив В.С. Баккала).

Рис. 12. Бахчисарайский купец Эльезар Ильегович (Лейзер Ильевич) Баккал (личный архив В. С. Баккала).

Рис. 13. Жена Э. И. Баккала Лея Ильинична Баккал с сыновьями Соломоном и Абрамом (личный архив В.С. Баккала).

Рис. 14. Лея Ильинична Баккал (1861–1943) (личный архив В. С. Баккала).

Рис. 15. Группа бахчисарайских караимок: Сарра Кефели (крайняя слева), Майкапар, Хаджи, Бурче, П. Оксюз (крайняя справа). 1879 г. (из фондов БИКАМЗ, НВ № 2211).

Рис. 16. Бахчисарайские караимы, справа – Сарра Кефели (из фондов БИКАМЗ, НВ № 2235).

Рис. 17. Портрет младшего газзана, смотрителя Кале А. С. Дубинского. Бахчисарай, до 1927 г. (из фондов БИКАМЗ, КП № 4509/1103).

Рис. 18. Учащиеся и педколлектив Бахчисарайского русско-караимского смешанного училища (3-я слева во втором ряду – Н. Килджы) (из фондов БИКАМЗ, НВ № 2238).

Д. А. ЛОМАКИН

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСА
ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПАМЯТНИКОВ г. СТАРЫЙ КРЫМ
(ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII – НАЧАЛО XXI вв.)**

Анализ крымоведческих студий показал, что вопрос истории изучения мусульманских памятников Старого Крыма (Республика Крым, Кировский р-н) золотоордынского периода до последнего времени оставался не востребованным в отечественной и зарубежной историографии. Лишь отдельные аспекты проблемы нашли отражение в ряде научных работ. Зарисовки многочисленных ученых-энциклопедистов, посетивших Старый Крым в последней четверти XVIII – XIX вв., в полной мере не опубликованы, не выполнен качественный анализ работ, который позволил бы оценить состояние объектов культурного наследия города в указанный период. Результаты археологических исследований, как второй половины 20-х гг. XX в., так и работ, произведенных в послевоенный период под эгидой Государственного Эрмитажа, до настоящего момента полноценно не введены в научный оборот. Материалы экспедиции И. Н. Бороздина считаются утерянными, опубликованы лишь предварительные отчеты. Несмотря на огромный накопившийся материал за более чем 35 лет работы Старокрымской (Золотоордынской) экспедиции на территории городища, не издано обобщающих работ на основе исследований. В современной историографии отсутствует комплексный труд, который позволил бы создать целостное представление о продолжительной и многогранной истории изучения памятников мусульманского происхождения XIII–XV вв., расположенных на территории г. Старый Крым. При этом источниковая база вопроса представлена обширным корпусом опубликованных и архивных материалов, которые в полной мере отображают динамичный процесс изучения объектов культурного наследия города с последней четверти XVIII по начало XXI вв. Весь комплекс источников по происхождению и форме разделен на следующие группы: записки путешественников, научные труды по изучению объектов культурного наследия города, делопроизводственная документация (акты, отчеты, текущая служебная переписка, докладные и объяснительные записки), документы личного происхождения (частная переписка), изобразительные источники (живопись, графика, фотоматериалы).

1. Записки путешественников конца XVIII – XIX вв. Хронологически наиболее ранней группой источников являются путевые записки ученых-энциклопедистов и путешественников, посетивших Старый Крым (А. Н. Демидов [110], Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен [56], Ф. Дюбуа де Монпере [35], П. С. Паллас [109], Ш. Ж. Ромм [111] и др.). Данные труды имеют субъективный характер. Своим происхождением они обязаны непосредственным наблюдениям авторов, их впечатлениям и подсчетам. С этим связан описательный стиль изложенных сведений, присутствие не всегда объективных предположений. Характерной чертой подобных работ является неоднородность описания объекта повествования – от краткого упоминания до подробного рассказа.

После присоединения Крыма к Российской империи и создания согласно указу Екатерины II Таврической области одним из первых описаний земель Крымского полуострова было выполнено по распоряжению генерал-поручика барона Осипа Андреевича Игельстрома (1737–1817). Составить детальное описание г. Старый Крым и селения Карагоз¹ было поручено полковнику Антону Дмитриеву, о чем свидетельствует его рапорт от 20 февраля 1784 г. О. А. Игельстрому, отложившийся в фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК): «По велению Вашего высокопревосходительства об описании старокрымской и карагозской дистанции, хотя прежде я в таких занятиях не был, употреблю всевозможное мое старание с поспешностью во всей точности исполнения и Вашего высокопревосходительства донесением не оставлю» [прил. 1, III.11, л. 12]. 10 марта 1784 г. Антон Дмитриев доложил барону о выполнении поручения последнего: «По приказанию Вашего высокопревосходительства сделаны мною описания: 1. города Старый Крым; 2. местечка Карагоз с всевозможными пояснениями по показанию старинных тутошних жителей и ученых людей о начальном сего города и местечка заселении и о происхождении руин, имеющихся древних фонтанов с описанием при нем» [прил. 1, III.11, л. 20]. Местонахождение описания, выполненного полковником, в настоящий момент не установлено.

В исследовании А. В. Шаманаева справедливо отмечено, что «для многих путешественников конца XVIII – первой четверти XIX в. Старый Крым был местом короткой остановки на пути к более интересным древностям Судака, Феодосии, Керчи, часто не заслуживающим даже короткого описания. В лучшем случае, такой вояжер мог представить публике мелодраматическое описание руин, проникнутое духом романтизма, но лишенное информации об особенностях и состоянии объектов историко-культурного наследия» [131, с. 281]. Путевые дневники одного из крупнейших естествоиспытателей эпохи, академика Петербургской академии наук Петра Симона Палласа (1741–1811) [109; прил. 1, VI.2], несмотря на свою энциклопедичность, включают лишь отрывочные сведения и краткие упоминания о древностях Солхата. В «Крымском сборнике» авторитетного исследователя памятников Северного Причерноморья, ординарного академика Императорской АН Петра Ивановича Кёппена (1793–1864) [56] данные об объектах культурного наследия Старого Крыма включены в очерк истории города, попытка систематизации которой была предпринята автором сочинения. Более детальные и обширные сведения содержат заметки швейцарского натуралиста и археолога Фредерика Дюбуа де Монпере (1798–1850) [35]. Пробыв в Старом Крыму около суток, автор изучил остатки городских укреплений, Мамаев курган, древности на возвышенности Агармыш, описал руинированные остатки мечетей. Каждый

¹ Карагоз (с 1948 г. – Первомайское) – село Кировского района Республики Крым, центр Первомайского сельского совета.

из опубликованных трудов ученых-энциклопедистов имеет свои особенности, что связано с уникальностью личности автора и неповторимостью стиля повествования.

2. Научные труды. Обширной группой источников являются научные труды, направленные на всестороннее изучение мусульманских памятников Старого Крыма. Сюда следует отнести как отдельные монографические исследования, так и публикации, размещенные в различных периодических изданиях. Для данного типа источников характерна высокая степень информативности, объективность, опора на достоверный фактологический материал, как правило, полученный в результате личных изысканий (археологические работы, этнографические экспедиции, архивные данные и т. д.), глубокая обоснованность изложенных выводов и предположений. Наиболее ранними источниками данной группы являются работы, опубликованные представителями научной среды конца XIX – начала XX в. Прежде всего, это труды заведующего феодосийским музеем древностей Людвика Петровича Колли (1849–1917) [61], член-корреспондента Императорской АН, профессора Императорского университета св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского (1855–1919) [99–101], организатора краеведческого движения в Крыму, библиографа Арсения Ивановича Маркевича (1855–1942) [105–108]. Несмотря на сохранившийся описательный характер, присутствие в тексте личностных оценок и переживаний, стиль работ близок к научному. Публикации включают обширные статистические данные, детальные сведения о древностях города, представлен историографический анализ.

В работах А. И. Маркевича [105–108], вынужденного по долгу службы дважды посетить Старый Крым, был поднят вопрос о необходимости сохранения памятников средневекового Солхата. Являясь членом Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), ученый был командирован в город для поиска возможностей приостановления решения городской думы о продаже местному населению древностей на слом. Благодаря усилиям А. И. Маркевича, впервые был разработан комплекс мер, направленный на защиту и сбережение объектов культурного наследия Старого Крыма, детально изложенный в его публикациях [106–107]. Подробно останавливаться на описании археологических памятников краевед не стал, сославшись на опубликованный отчет В. Д. Смирнова. Ученый заострил внимание лишь на некоторых деталях, заслуживающих, по его мнению, упоминания, а именно на менее исследованной западной части города, идущей от православной церкви и кладбища к возвышенности Агармыш [106, с. 73].

Информативным источником являются труды директора Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае Усеина Абдурефиевича Боданинского (1877–1938) [6–9]. В них детально отражены ход и результаты этнографических экспедиций начала 20-х гг. XX в. на территории города, освещены предпосылки и первые попытки организации археологических исследований. Подробную информацию об участии У. А. Боданинского в деле изучения мусульманских памятников Старого Крыма содержит личный дневник исследователя, сохранившийся в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника [прил. 1, I.6–7; прил. 1, I.139–144]. Документы освещают ход экспедиционных работ 1928 г., составлена опись обнаруженных артефактов.

Результаты исследований на территории города нашли отражение в многочисленных публикациях авторитетного историка-востоковеда, археолога Ильи Николаевича Бороздина (1883–1959) [10–23; 25–26; 28]. Построения ученого о современных ему тенденциях в развитии мусульманской архитектуры полуострова и Малоазийского региона зачастую базировались на материале, добытом в Старом Крыму. Его анализ дал возможность ученому сделать

важнейший вывод о взаимодействии (переплетении, взаимодополнении) культур в эпоху средневековья [25, с. 7]. Выступая против «экзотического» подхода к Востоку, выражавшегося, в стремлении изолировать его историю от истории западных стран, И. Н. Бороздин утверждал, что «старокрымские памятники свидетельствуют о мощных струях влияний сельджукской Малой Азии и Египта эпохи мамлюков. При этом в местных крымских условиях складывался своеобразный культурный облик» [22, с. 35]. По мнению И. Н. Бороздина, памятники материальной культуры, открытые раскопками в Крыму, «решительно опровергли старое ходящее мнение о примитивности и отсталости мусульманской культуры. Можно сказать, что рухнула старая легенда, во многом питаемая прежними русификаторскими тенденциями» [27, с. 3]. Раскопки на территории Эски-Юрта и Солхата подтвердили это, «являя новую локальную разновидность» [27, с. 3]. Работы в Старом Крыму «уже на первой стадии дали свежий материал в познание и понимание золотоордынской культуры эпохи ее расцвета» [27, с. 31]. И. Н. Бороздин справедливо подчеркнул, что «исследование должно вестись не по старому проторенному пути, а руководствоваться новыми общими началами, т. к. здесь во многом придется поднимать целину» [26, с. 246].

В области эпиграфики с древностями Солхата работал преподаватель турецкого языка и восточной каллиграфии в Крымском педагогическом институте, востоковед Осман-Нури Асанович Акчокраклы (1878–1938). Благодаря его трудам была составлена обстоятельная классификация обнаруженных в Старом Крыму надгробий, выполнен перевод выявленных средневековых текстов, в том числе и на портале мечети Узбека. На основе анализа надгробных надписей была получена информация о возрастном и социальном составе населения, бытовых особенностях, роде занятий погребенных. Большинство памятников удалось датировать. Выводы и предположения исследователя были изложены в его публикациях [1–2].

Информативным источником являются работы ученого секретаря Центральной Комиссии по изучению татарской культуры при Всесоюзной ассоциации востоковедения, профессора Алексея Степановича Башкирова (1885–1963) [3–5], заведующего художественным отделом Центрального музея Тавриды, архитектора Павла Ивановича Голландского (1861–1939) [30], архитектора-реставратора Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) Бориса Николаевича Засыпкина (1891–1955) [36–39]. В них зафиксировано состояние памятников Старого Крыма в 20-х гг. XX в., выполнен качественный архитектурный анализ, определен стиль построек, выявлено влияние Малой и Средней Азии на формирование архитектурного облика Солхата. На основе добытого археологическими раскопками материала, благодаря поиску архитектурных аналогий среди памятников мусульманского Востока была выполнена реконструкция объектов культурного наследия Старого Крыма. Благодаря работам заведующего реставрационным подотделом ЦГРМ, искусствоведа Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960) [31–32] определена перспектива дальнейшего исследования, возможной реставрации и использования памятников.

В коллективном труде Олега Ивановича Домбровского и Валерия Анатольевича Сидоренко [34] рассмотрены результаты работ археологической экспедиции под руководством И. Н. Бороздина 1925–1926 гг. Представлена информация об открытии гончарной мастерской на территории «сугубо гражданского сооружения, плохо сохранившегося в юго-западной части города» и системе водоснабжения [34, с. 37]. Был сделан ряд выводов и предположений. Справедливо отмечено, что «налицо здесь два разных здания (медресе и мечеть Узбека – Д.Л.), которые не могут принадлежать одному времени» [34, с. 29]. С датой надписи на портале мечети авторы связали ее возведение. Медресе, по мнению исследователей, является

поздней пристройкой к мечети, повлиявшей на ее архитектурный облик: «Совершенно ясно, что с появлением медресе связана переделка мечети» [34, с. 31]. (В публикации 1988 г. В. А. Сидоренко, ссылаясь на работы М. Г. Крамаровского, предположил, что «мечеть могла быть пристроена к северной стене медресе, а ее декоративные элементы – портал и михраб – вторично использованы» [114, с. 118]). Авторы усомнились и в самом назначении «постройки». Было сделано предположение, что памятник вовсе не являлся медресе, как считал И. Н. Бороздин, а выполнял функцию текие. Аргументом в поддержку данной версии послужило наличие погребений вокруг мечети и дюрбе, обнаруженных во время археологических работ в 20-х гг. XX в. Авторы очерка отметили бездоказательность локализации некоторых археологических памятников (Мечетей Бейбарса, Куршум-Джами и Мюск-Джами), известных лишь по письменным источникам [34, с. 34].

Значимым корпусом источников являются труды доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Марка Григорьевича Крамаровского. Комплекс работ, логические построения которых опираются на анализ обширного материала, добытого в результате многолетних исследований Старокрымской (Золотоордынской) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (СКАЭГЭ, непрерывно с 1978 г.), разделен на следующие группы: 1. Работы, раскрывающие процесс становления и развития средневекового поселения Солхат [63; 66–67; 77; 97–98]; 2. Работы, характеризующие демографический и конфессиональный аспекты развития города [65; 94–95]; 3. Работы об обнаруженных уникальных артефактах [68; 70–72; 80].

Труды М. Г. Крамаровского позволили выявить отдельные факты об экономической и культурной жизни Солхата, его торговых и политических связях. Прослежены основные направления развития ремесленного производства. Выявлены ремесленные центры поселения. Одним из важнейших открытий экспедиции явилось определение характера местных камнерезной и гончарной школ, тесно связанных с традициями Рума XII–XIII вв. Составлена подробная периодизация развития города.

Значительное внимание уделено исследованию демографического и конфессионального аспектов в истории развития Солхата. Установлено, что население города XIV–XV вв. группировалось в три крупные общины: христианскую, иудейскую и исламскую, доминировавшую уже в первой половине XIV в. В конце XIII – начале XIV в. доказано существование латинского квартала и генуэзского консульства (местоположение не идентифицировано). По мнению М. Г. Крамаровского, не исключено и присутствие католической общины в городе [94, с. 425]. Таким образом, «повседневная жизнь Солхата XIII–XIV вв. зеркально отразила модель «перекрестка культур», характерную для всего средневекового Крыма» [94, с. 426].

Благодаря публикациям М. Г. Крамаровского получена информация об уникальных, по мнению исследователя, артефактах, обнаруженных СКАЭГЭ. Среди случайных находок выделяется бронзовая печать, предположительно XII–XIII вв., обнаруженная в северо-западной части города. Форма, отличная от византийских образцов, указывала на элемент местного творчества. Проблемным стало выявление конфессиональной принадлежности владельца. До этого момента факт личной печати металлста в Крыму в рассматриваемый период не был зафиксирован. Исследуемый образец, возможно, стал первой находкой подобного рода [80]. Среди обширной керамической коллекции интереснейшим образцом является чаша с граффито со сценой пира в гранатовом саду. находка датирована концом XIII – началом XIV в. По мнению М. Г. Крамаровского, обнаруженная чаша – «уникум» [68, с.

24], т. к., «анalogии в характеристике участников пира тщетно искать в керамике» [68, с. 24]. Кроме того, как заметил М. Г. Крамаровский, «это первое из известных ныне изображений представителей городской среды в средневековой керамике мусульманского Востока» [68, с. 26]. Значительный интерес представляет находка створки бронзового креста-реликвария в погребении № 58 (раскоп XXII, 2004 г.). Крест с гравированным изображением Богоматери отнесен к сиро-палестинскому типу. Находка свидетельствует о параллельном существовании христианского православного поселения и исламского города, с которым это поселение, явившееся ремесленным пригородом Солхата, было связано единым рынком [72, с. 59].

Экспедицией М. Г. Крамаровского собран обширный нумизматический материал: более 2,5 тысяч джучидских монет, включая клад из 608 серебряных дирхемов, обнаруженных в 1983 г. при раскопках медресе. К монетному комплексу примкнул клад из десяти серебряных платежных слитков – сумов, найденный в 1978 г. [70]. В 1990 г. в «Сообщениях Государственного Эрмитажа» специалистом в области нумизматики Золотой Орды Марианной Борисовной Северовой была осуществлена попытка подвести итог накопившихся сведений, полученных в результате анализа собранной нумизматической коллекции [112].

Данные краниологических научных исследований на основе старокрымского материала содержит работа научного сотрудника Музея антропологии и этнографии РАН А. В. Громова [33]. Н. И. Лазаретовой в 2007 г. были опубликованы предварительные итоги изучения антропологических материалов [102]. Автором изучены 98 скелетов разной степени сохранности. Проводились исследования остеометрических и краниометрических параметров погребенных, было осуществлено изучение одонтологических признаков. На основе половозрастных определений подсчитаны демографические показатели.

С 1983 по 1985 год сотрудниками специального научно-реставрационного проектного института «Укрпроектреставрация» были проведены ремонтно-реставрационные работы на комплексе мечети-медресе. Сопровождавшие их исследования позволили уточнить хронологию обоих зданий, получить представление о частично или полностью утраченных архитектурных деталях сооружения. Исследованиями установлено, что при возведении мечети капитальной реконструкции подвергались внешняя и боковая стены северного айвана медресе [58]. По результатам проектных работ была составлена и введена в научный оборот, благодаря публикациям сотрудника Крымского филиала Института археологии Владимира Петровича Кирилко, краткая характеристика здания [57, с. 1087] и расширенная версия строительной периодизации мечети Узбека [59, с. 190]. Автором представлен детальный архитектурный анализ медресе [60].

В 2014 г. опубликовано совместное исследование старшего научного сотрудника Института археологии Крыма Александра Викторовича Гаврилова и заведующего отделом средневековой археологии Института археологии Крыма Вадима Владиславовича Майко [29]. В работе представлена археологическая карта средневекового поселения Солхат, на основании детального обследования территории Старого Крыма определены участки городища, перспективные в плане археологического изучения. Впервые даны адреса и описания современного состояния объектов культурного наследия города. Главной целью издания монографии, по словам ее авторов, являлось «обоснование границ участков с археологическим культурным слоем средневекового Солхата-Крыма, выделение части из них для научного изучения, ознакомление с результатами работы научных кругов, землеустроительных организаций и общественности» [29, с. 5]. Для иллюстрации обильности, насыщенности, исторической ценности археологического материала средневекового городища в работе

приведены многочисленные архитектурные детали и орнаменты, артефакты, обнаруженные на территории современного города и хранящиеся в государственных музейных собраниях и частных коллекциях.

3. Делопроизводственная документация. Отдельную группу источников составила делопроизводственная документация, для которой характерна классификация документов по форме и назначению. Контрольная документация содержит отчетность сотрудников и учреждений по результатам своей деятельности. Подобные документы, как правило, предусматривают использование статистических методов работы. Информативным источником являются отчеты о поездке в Крым профессора Санкт-Петербургского университета, известного российского тюрколога Василия Дмитриевича Смирнова (1846–1922) [115–116]: «Описание археологических памятников татарского происхождения в Старом Крыму» [прил. 1, IV.2], «Материалы раскопок древних захоронений в Крыму близ местечка Токлуку» [прил.1, IV.1] (рукописи отложились в Научном архиве («Архив востоковедов») Института восточных рукописей РАН) и «Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года». Последний отчет опубликован в «Записках Восточного отделения императорского Русского археологического общества» в 1887 г. [115; 116]. В. Д. Смирнов, со свойственной ему педантичностью, оставил зарисовки всех выявленных им в городе памятников древности, выполнив ряд фотоснимков. При этом текст изобилует статистическими сведениями, подробными данными обмеров архитектурных деталей. Профессор не ставил перед собой цель каких-либо «самостоятельных исследований, а только проверку тех данных об известных исторических местностях и кладбищах, о каких упоминали раньше ученые» [прил. 1, IV.1, л. 1]. В. Д. Смирнов сделал попытку идентифицировать памятники, которые фигурировали в работах предшествующих авторов, а также упоминались в местных легендах и преданиях. Ученый справедливо не согласился с распространенной к моменту его поездки версией, отождествляющей обширные руины в юго-восточной части города с остатками монетного двора, предположив наличие здесь ранее караван-сарая. В. Д. Смирнов одним из первых предпринял попытку проанализировать причины «невежественного обращения населения с древностями», отметив необходимость постоянного надзора за памятниками, т.к. «разрушителями являлись не простые невежественные люди, а иногда даже люди образованные, и вовсе не вследствие какой-либо необходимости, а лишь потому, что можно безответственно и безнаказанно творить это разрушение» [116, с. 504].

Отчеты о проведенных археологических изысканиях на городище Солхата позволили детально восстановить ход работ и их значение для дальнейшего изучения объектов культурного наследия Старого Крыма. Неотъемлемой частью являются предварительные отчеты о работе экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения (ВНАВ) при Центральном Исполнительном Комитете СССР, составленные ее руководителем И. Н. Бороздиным [24; 27]. В публикациях детально отображена подготовка экспедиции, пошагово воссоздан ход археологических работ на территории Старого Крыма. Полные отчеты о раскопках до настоящего момента считаются утерянными, что сделало указанные работы ценным источником при рассмотрении начального этапа археологических изысканий древностей Солхата.

«Отчет о раскопках медресе у мечети Узбека в Старом Крыму (Солхате) в 1928 г.» [прил. 1, V.2, л. 17–19 об.], составленный Н. Л. Эрнстом и «Отчет по организационно-финансовой части» [прил. 1, V.2, л. 22–22 об.], выявленные в фонде Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) рукописного отдела Научного архива Института истории

материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), позволили проследить организационный аспект подготовки экспедиции 1928 г., восстановить состав ее участников, выявить основные направления работы. Указанные документы дают возможность подвести итоги завершающего этапа исследований во второй половине 20-х гг. XX в. «Отчет об итогах обследования памятников Крыма архитектором Б. Н. Засыпкиным в августе-сентябре 1926 г.» [прил. 1, П.3, л. 18] позволил воссоздать основные направления деятельности Центральных государственных реставрационных мастерских на полуострове. Документ зафиксировал катастрофическое состояние памятников Старого Крыма, «требовавших срочных укрепительных мер» [прил. 1, П.3, л. 18] и «охраны от расхищения населением» [прил. 1, П.3, л. 18].

Наиболее значимым и обширным корпусом источников при рассмотрении истории изучения мусульманских памятников Старого Крыма во второй половине XX в. являются отчеты о работе СКАЭГЭ под руководством М. Г. Крамаровского. Весь комплекс работ логически разделен на следующие группы: 1. Отчеты об археологических исследованиях на территории Старого Крыма [64; 69; 87–90; 92; 96]; 2. Отчеты об археологических исследованиях в сельской периферии Солхата: 2.1. поселение Кринички II [73–74; 83–85; 91]; 2.2. поселение Бакаташ II [76; 78–79; 81–82; 86; 93]. Экспедицией изучены основные общественные сооружения Солхата, включая руины медресе первой трети XIV в., трех мечетей XIII–XV вв., мавзолеев и некрополей, обнаруженных на территории Старого Крыма, остатки христианского храма и примыкающего к нему некрополя, ремесленные комплексы в юго-восточной и юго-западной части городища. В результате исследований установлено, что Эски-Крым располагал медресе, баней, гостиным двором, базаром и пятью мечетями. Благодаря работам Старокрымской экспедиции на плане 1783 г. (один из наиболее ранних из дошедших до нас архитектурных планов города) [прил. 1, VIII.2] было идентифицировано большинство объектов. Получены детальные сведения об оборонительных сооружениях города, в настоящий момент практически полностью уничтоженных сельскохозяйственными работами.

Одним из ключевых объектов исследования стал комплекс медресе-мечети Узбека. М. Г. Крамаровский выделил два периода строительства мечети. Удалось доказать вторичное использование портала с надписью и датой 1314 г., определить временные соотношения сооружений комплекса. В результате работ получены сведения об устройстве ремесленного района, прежде находившегося на месте медресе. Раскопками были установлены конструктивные особенности строения. Получена информация о благоустройстве его внутреннего пространства. В 1990 г. М. Г. Крамаровский выделил основные этапы сооружения и функционирования комплекса [98, с. 127].

Важнейшим аспектом деятельности экспедиции стала работа по исследованию сельской периферии средневекового Солхата на примере поселений Кринички и Бакаташ II. Вопреки распространенному мнению о том, что Золотая Орда не знала сельской жизни, данные археологии свидетельствуют, что взаимодействие города и его деревенского окружения актуально для разных регионов. При исследовании средневекового мусульманского могильника был установлен средний возраст погребенных. При этом выявлено два пика смертности. Есть основания считать, что в одном из погребений, обладающем уникальной для Золотой Орды конструкцией домовины в виде деревянного сруба, обнаружено захоронение беклярибека и темника Мамай (1335?–1380/81), центральной фигуры золотоордынской политической жизни 60–80-х гг. XIV в. и фактического владельца Солхата.

Отчеты о работе СКАЭГЭ частично опубликованы в «Сообщениях Государственного

Эрмитажа» [40–47; 120–127] и «Отчетах Государственного Эрмитажа» [48–55; 118–119]. В сжатой форме подведены итоги ежегодной работы Старокрымской (Золотоордынской) экспедиции: освещены результаты работ на каждом из разбитых участков раскопа, рассмотрены основные открытия и наиболее значимые для науки находки, намечены перспективы дальнейших исследований.

Участниками работ по исследованию оборонительных сооружений Солхата, проводимых совместной экспедицией Гос. Эрмитажа, Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины, Крымского инженерно-педагогического университета и Бахчисарайского историко-культурного заповедника в сезонах 2009–2012 гг., подведены предварительные итоги на IV международной научной конференции «Научные чтения памяти У. А. Боданинского» (г. Бахчисарай, 2012 г.) [75]. Основанием для исследований стал снимок аэрофотосъемки 70-х гг. XX в., данные Googlemaps и геомагнитной разведки. Работы велись на юго-восточном отроге г. Малый Агармыш. В результате исследований на пяти участках были обнаружены остатки крепостной стены шириной около 2,0–2,5 м. На трех участках раскопов локализованы следы трех оборонительных башен, примыкающих с севера к крепостной стене. Установлено, что кладка велась панцирным методом из местного известняка на известковом растворе, промежуток заполнялся бутом. Лицевые поверхности облицовывались квадратами пиленого привозного известняка, обработанного зубаткой. Квадратные в плане башни были сложены из бутового камня на известковом растворе. Очевидно, в случае опасности, они могли выполнять функцию самостоятельных узлов обороны. М. Г. Крамаровский выразил «серьезные сомнения в том, что оборонительный пояс города при всем его размахе был способен эффективно противостоять действию камнеметной артиллерии противника» [62, с. 104]. Крепостные стены имели ворота, которые находились на главных дорогах по направлению в Кафу, Судак, Отузы. В 1813 г. крепостные стены в большинстве своем были разобраны болгарскими переселенцами по разрешению местных властей с целью постройки домов в с. Красное Село [130, с. 60]. На международной конференции «I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна» (г. Бахчисарай, 2012 г.) заместителем генерального директора по научной работе Бахчисарайского историко-культурного заповедника Эмилем Исаевичем Сейдалиевым была рассмотрена история изучения оборонительного комплекса Солхата, начиная с конца XIX в. [113].

В 2011 г. Южнобережной археологической экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины проводились охранные исследования частично разрушенных фортификационных сооружений по трассе магистрального газопровода в г. Старый Крым на территории виноградника ЧАО «Старокрымский». На участке траншеи полностью исследован городской вал, поврежденный современной распашкой. В 7 м к востоку от уровня максимальной сохранившейся высоты вала зафиксирован западный край городского рва, ширина которого составила 9,2 м. Максимальная глубина от уровня современной дневной поверхности – 3,1 м [103, с. 111]. Раскопками впервые удалось археологически зафиксировать земляные фортификационные сооружения средневекового Солхата [104, с. 85].

Анализ собранного материала позволил М. Г. Крамаровскому сделать ряд заключений: 1. Оборонительный комплекс Солхата возник в период между 1362 и 1380 гг. Он состоял из двух разномасштабных этапов: первый – ров и земляной вал (1362–1365 гг., задуман Кутлугбугой), второй – каменные стены (1375–1380 гг., спланирован и осуществлен Мамаем). 2. Инженерной связи между комплексами нет. Каждый из них был обусловлен разными причинами, предназначением и техническими параметрами. Первый служил для обороны города от

литовской угрозы. Второй комплекс, основанный на системе регулярной фортификации, обладал чертами столичной генерализации, рассчитанной на продолжительное время, был направлен на придание городу столичного облика и сдерживание генуэзской экспансии [62, с. 104]. Детальный анализ фортификационных сооружений Солхата выполнен в публикации 2014 г. [71].

Учетная документация фиксирует положение дел в определенной сфере деятельности в конкретный момент, указанный в документе. В фондах Научного архива ИИМК РАН и Центрального государственного архива города Москвы выявлено 4 акта осмотра древностей Старого Крыма. Акт осмотра руин медресе от 21 августа 1926 г. [прил. 1, II.4, л. 3], составленный участниками Научной экспедиции по изучению татарской культуры в Старом Крыму (У. А. Боданинский, П. И. Голландский, Б. Н. Засыпкин), зафиксировал состояние памятника после работ экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР. Документ содержит комплекс мер, разработанный его авторами, направленный на поддержание и охрану памятника от разрушения и расхищения местным населением. 24 августа 1926 г. участниками Научной экспедиции, к которым присоединился Э. Я. Бэр, был произведен осмотр остальных объектов культурного наследия Старого Крыма. Их техническое состояние было отображено в специальном «Акте обследования исторических мест и памятников в Старом Крыму» [прил. 1, II.4, л. 1–2]. Документ включил предложенные меры охраны памятников. Акты осмотра медресе близ мечети Узбека в Старом Крыму от 10 [прил. 1, V.2, л. 20–20 об.] и 30 [прил. 1, V.2, л. 21–21 об.] августа 1928 г., составленные участниками экспедиции Бахчисарайского дворца-музея тюрко-татарской культуры (О.-Н. А. Акчокраклы, У. А. Боданинский, Э. Я. Бэр, Н. Л. Эрнст), позволили восстановить состояние мусульманских памятников золотоордынского периода накануне археологических работ 1928 г. и после их завершения, выявить результаты исследований экспедиции.

Акты технического состояния памятников истории и культуры из рабочего архива Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым [прил. 1, VII.1–5], составленные в 2009 г., отображают их современное состояние, план ремонтно-реставрационных работ и благоустройства территории. Мероприятия по реставрации были возложены на Министерство строительной политики и архитектуры АРК в лице Республиканского предприятия «Крымская комплексная архитектурно-реставрационная мастерская «Укрпроектреставрация»». Отмечены условия и дальнейшие перспективы использования памятников. Акты составлены на объекты культурного наследия Старого Крыма, на которые заключены охранные договора – памятники архитектуры и градостроительства города, состоящие на учете: мечеть Бейбарса (№ 4699-АР), мечеть Куршум-Джами (№ 4700-АР), караван-сарай (№ 4701-АР), мечеть Мюск-Джами (№ 4824-АР), мечеть Узбека и медресе (№ 276-Н).

Докладные записки авторитетных специалистов ЦГРМ Б. Н. Засыпкина [прил. 1, II.3, л. 24–25] и И. Э. Грабаря [прил. 1, II.3, л. 22], выявленные в фондах ЦГА Москвы значительно дополнили имеющиеся сведения о работе ЦГРМ по исследованию памятников Крымского полуострова. Восстановлен маршрут командировки в Крым Б. Н. Засыпкина в 1926 г., документы позволили проследить основные направления работы архитектора с добытым материалом в дальнейшем. На основании докладной записки И. Э. Грабаря получены сведения об организации Крымской экспедиции 1927 г. реставрационным подотделом ЦГРМ с целью научного обследования и частичной реставрации памятников Крыма, «требующих принятия срочных мер к их укреплению» [прил. 1, II.3, л. 22]. Автором указан необходимый

состав экспедиции, ее финансовая составляющая.

«Объяснительная записка к эпитафическому материалу, найденному во время научно-археологической экспедиции 1928 г. в Старом Крыму» [прил. 1, V.2, л. 13–16 об.], подготовленная авторитетным эпитафистом О.-Н. А. Акчокраклы, дала возможность классифицировать надгробные памятники, выявленные в результате исследований под руководством У. А. Боданинского и Н. Л. Эрнста. Документ содержит качественный анализ добытого эпитафического материала, подготовлена хронологическая опись объектов, выполнен перевод эпитафий.

Одним из видов распорядительной документации являются протоколы заседаний правительственных [прил. 1, V.3, л. 3; прил. 1, VI.1] и научных учреждений [прил. 1, II.2, л. 7–11; прил. 1, V.1; прил. 1, V.4], дополняющие информацию, полученную в результате анализа остальных категорий источников. Выписка из протокола заседания Музейной секции Академического Совета Крымского Совета народных комиссаров от 5 мая 1925 г. с предложением Главнауке (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата по просвещению РСФСР) и РАИМК (Российская академия истории материальной культуры) возглавить руководство археологическими работами в Старом Крыму [прил. 1, V.3, л. 3] подтверждает трудности, возникшие при выборе руководителя экспедиции 1925 г. В протоколе заседания Секции общей архитектуры ГАИМК от 13 апреля 1926 г. [прил. 1, V.1] выявлены данные об участии в экспедиции ВНАВ «на общих основаниях» [прил. 1, V.1] художника К. Ф. Богаевского. Отдельные моменты организации экспедиции 1925 г. позволил установить протокол 61-го заседания Совета II отделения ИИМК от 23 ноября 1923 г. [прил. 1, V.4]. Документ содержит информацию о докладе У. А. Боданинского на заседании Совета об угрожающем положении мусульманских памятников на территории Крымского полуострова, в результате обсуждения которого было принято постановление о снаряжении масштабной экспедиции в Крым по изучению объектов культурного наследия мусульманского происхождения. Протоколы заседания Секции общей архитектуры ГАИМК от 13 апреля 1926 г. [прил. 1, II.2, л. 8–11] и совещания при Реставрационном подотделе Музейного отдела Главнауки от 9 апреля 1926 г. [прил. 1, II.2, л. 7] зафиксировали общее положение памятникоохранного дела на Крымском полуострове в середине 20-х гг. XX в., что нашло отражение в докладах П. И. Голландского и И. П. Бирзгала [прил. 1, II.2, л. 7].

Фрагментарную информацию содержит плановая документация, характерная для учреждений советского периода. Данные документы определяли основные направления деятельности учреждений, прогнозировали ожидаемые результаты после окончания отчетного периода. План работ Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае на 1928-1929 гг. [прил. 1, V.2, л. 23] подтвердил намерения У. А. Боданинского продолжить исследования памятников Старого Крыма в 1929 г., при этом уделив особое внимание урочищу Ногайлы-Оба (предположительно – древняя цитадель города). Благодаря документу удалось установить, что к работам предполагалось привлечь Николая Степановича Барсамова (1892–1976) – директора Феодосийского историко-археологического музея и Феодосийской картинной галереи. Список археологических, архитектурных и революционных памятников и музейных зданий Крыма, считающихся национализированными [прил. 1, II.1], позволил определить памятники Старого Крыма, находящихся в ведении Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС) и Главнауки.

Весомой по объему и научной значимости подгруппой источников является текущая служебная переписка. Она отображает повседневную работу организаций, механизмы и последовательность принятия определенных решений. Обширный корпус документов выявлен в фонде ГАИМК Научного архива ИИМК РАН. Переписка между РАИМК, Советом народных комиссаров Крымской ССР и Главнаукой Народного комиссариата просвещения за период с 22 июня по 17 июля 1925 г., обнаруженная в деле № 181 «О раскопках в Старом Крыму» [прил. 1, V.3, 1–7], позволила проследить трудности организации экспедиции 1925–1926 гг. Документы в полной мере отображают сложный процесс поиска ее руководителя. Переписка между ГАИМК, Главнаукой Народного комиссариата просвещения, Государственным дворцом-музеем тюрко-татарской культуры в Бахчисарае и Народным комиссариатом просвещения РСФСР с 6 марта по 28 апреля 1928 г. [прил. 1, V.2, л. 10–12; 37–37 об.; 39–39 об.] подтверждает намерения У. А. Боданинского продолжить исследования на городище Солхата, о чем также свидетельствует составленный им план работ на 1929 г. [прил. 1, V.2, л. 11]. Выявленные документы во многом объясняют внезапное прекращение работ в Старом Крыму, связанное с изменением политической ситуации в стране.

4. Документы личного происхождения. Содержательную группу источников составила частная переписка. Письма авторитетных ученых В. В. Бартольда (от 10 июля 1925 г.) [прил. 1, V.3, л. 8–10] и И. Н. Бороздина (от 4 июня 1925 г.) [прил. 1, V.3, л. 12–13] отображают детали острейшей борьбы за пост руководителя планируемой экспедиции ВНАВ при ЦИК СССР по изучению древностей Старого Крыма, развернувшейся в первой половине 1925 г. В письме к специалисту в области античной истории, эпиграфики, археологии и классической филологии, академику АН СССР Сергею Александровичу Жебелёву (1867–1941) от 10 июля В. В. Бартольд дал понять, что раскопки в Старом Крыму в сферу его интересов в тот момент не входили: «Если бы Вы (С. А. Жебелев – Д.Л.) были тем формалистом, каким Вы себя называете, Вы бы, вероятно, оставили меня в покое и обратились к Розенбергу², заведующему Разрядом мусульманской археологии. Я же заведу Разрядом археологии Средней Азии, в состав которой Крым не входит. Вы этого не сделали и не могли сделать, потому что это было бы не в интересах дела» [прил. 1, V.3, л. 8].

В. В. Бартольд признал досадным, что он может принести значительно меньше пользы, чем ему хотелось бы. К тому моменту план работ в Старом Крыму им составлен еще не был. Он справедливо отметил, что «задача составления плана раскопок довольно сложная. Кроме того, для составления такого плана было бы необходимо осмотреть и изучить местность, а я в Старом Крыму не был» [прил. 1, V.3, л. 9]. «Плана раскопок я не составлял, мной был составлен только общий план сравнительного изучения памятников Хорума, Поволжья и Крыма как частей Золотой Орды. О раскопках я тогда не думал» [прил. 1, V.3, л. 9].

Не желая оставаться в стороне, В. В. Бартольд «на одно утро отвлекся от Туркестана, перечитал статью В. Д. Смирнова и сравнил ее с тем, что сказано о Старом Крыме в «Крымском сборнике» П. И. Кёппена» [прил. 1, V.3, л. 8]. На основании этого был рекомендован следующий план работ: «1. Для изучения топографии Старого Крыма произвести пробные раскопки у северного конца старого города (возвышенность Ногайлы-Оба у Кёппена, холм Кемаль-Ата у В. Д. Смирнова). Раскопки, вероятно, выяснили бы характер местных укреплений; 2. Изучить сохранившиеся на поверхности земли здания, перечисленные в указанной статье

² Розенберг Федор (Фридрих) Александрович (1867–1934) – востоковед-иранист, ученый хранитель Азиатского музея АН СССР, член-корреспондент АН.

В. Д. Смирнова, и произвести раскопки, насколько это необходимо, для выяснения устройства зданий и их назначения. Сюда относятся: мечеть Узбека, мечеть с контрфорсом, здание Хан-Сарая, здание «еврейской» школы» [прил. 1, V.3, л. 9–10]. Менее чем через месяц, 17 июля в Главнауку из ГАИМК было отправлено еще одно письмо, послужившее логичным дополнением к предыдущему (от 27 июня). В нем был изложен намеченный план раскопок в Старом Крыму, разработанный В. В. Бартольдом и рассмотренный Академией [прил. 1, V.3, л. 6–7].

Возглавить экспедицию также выразил желание руководитель Центрального музея Тавриды и КрымОХРИСа Александр Иванович Полканов (1884–1971). Это подтверждает письмо И. Н. Бороздина к Б. В. Фармаковскому от 4 июня 1925 г., где сообщается, что А. И. Полканов через музейный отдел Наркомпроса вел переговоры о поручении работ себе: «Полканов затеял интрижку с раскопками в Старом Крыму. Хорошо известно, что деньги на раскопки выхлопотаны ассоциацией востоковедения, и раскопки должны вести я и А. С. Башкиров. Полканов через КрымОХРИС и музейный отдел направил какое-то ходатайство в Академию материальной культуры с просьбой о высылке руководителя. Само собой понятно, что это приведет к очень острому конфликту моему с Академией и Ассоциацией. Вряд ли это кому-нибудь нужно кроме ищущего рыбы в мутной воде Полканова» [прил. 1, V.3, л. 12–13]. В результате выяснения отношений между крымоведами руководство работами было поручено И. Н. Бороздину. А. И. Полканов в письме начальнику Главнауки Ф. Н. Петрову (1926 г.) [прил. 1, II.3, л. 27–28] указал на ряд проблем в деле охраны и изучения памятников Крыма и предложил пути их решения, что дало возможность составить общую картину памятникоохранительного дела на полуострове во второй половине 20-х гг. XX в.

5. Изобразительные источники. Существенный комплекс графических и фотодокументов выявлен в фонде Р-1 «Собрание графической документации» Научного архива ИИМК РАН. Дело № 1347 «Чертежи к делу № 164» [прил. 1, V.5] включает в себя 10 чертежей, выполненных руководителями археологических исследований 1928 г. в Старом Крыму У. А. Боданинским и Н. Л. Эрнстом. Документы, зафиксировавшие отдельные аспекты работ на территории комплекса медресе и мечети Узбека, включают в себя чертежи участков раскопа, стратиграфические разрезы, обмеры архитектурных фрагментов (рис. 1–7). 11 рисунков У. А. Боданинского с пометкой «Солхат» или «Старый Крым» выявлены в фондах БИКАМЗ. Из них четыре с изображениями надгробий (рис. 8–10) [прил. 1, I.145–146; прил. 1, I.148–149], три – рисунки керамических сосудов и их фрагментов (рис. 11) [прил. 1, I.153–155]. Еще три документа представляют собой план исследований на усадьбе Чеканова [прил. 1, I.151] в Старом Крыму, стратиграфический разрез, обозначенный как «земляные работы при шоссировании Греческой улицы» [прил. 1, I.152], и план раскопа в средней части медресе 1928 года [прил. 1, I.147]. «План древнего медресе у мечети Узбека в Старом Крыму, раскопанного в 1925–1928 гг.» [прил. 1, V.2, л. 24] позволил составить общую схему исследования памятника, произвести анализ соотношения выполненных работ экспедициями 1925–1926 гг. и 1928 г.

В ГАРК в фонде № 377 «Таврическая губернская чертежная Таврического губернского правления, г. Симферополь Таврической губернии, 1784–1917 гг.» выявлен ряд топографических планов г. Старый Крым и его прилегающей округи. При этом, наиболее ранний из них, обозначенный в описи как «План города Старый Крым, 1805 г.» (ф. 377, оп. 16: «Планы городов, 1798–1917 гг.», д. 11 [прил. 1, III.8]), утерян, предположительно, после 2010 г. Учитывая дату создания плана (чертеж являлся одним из наиболее ранних планов г. Старый Крым), а также в большинстве своем высокое качество производимых

работ чертежной Таврической губернии, отсутствие публикаций данного материала, очевидно, что утерян ценный источник по истории средневекового поселения Солхат. Есть основания предполагать, что документ мог оказать значительную помощь в локализации ряда архитектурно-археологических объектов города. Также в фондах ГАРК отсутствуют два плана старокрымской болгарской колонии (ф. 377, оп. 11: «Планы по специальному и генеральному межеванию по Феодосийскому уезду, 1709–1913 г.», д. 818: «Старокрымская болгарская колония, а ныне село владения болгар», 1793 г. [прил. 1, III.1] – не обнаружено при проверке описи в 1956 г.; ф. 377, оп. 14: «Землеустроительные планы и экспликации, 1794–1915 гг.», д. 2221: «Старый Крым – болгарская колония», 1867 г. [прил. 1, III.5] – не обнаружено при проверке описи в 1978 г.).

Следующим по хронологии в фонде губернской чертежной является копия «Плана проектированного расположения города Старого Крыма Таврической губернии в 1891 г.» (рис. 12) (ф. 377, оп. 16, д. 12 «План города Старый Крым, 1891 г.» [прил. 1, III.9]). В верхнем правом углу размещено примечание, выполненное 12 февраля 1893 г., о том, что «настоящая копия с подлинным планом верна, что Старо-Крымская Городская Управа подписью и приложением печати свидетельствует». Чертеж завизирован подписью городского головы и печатью Старокрымской управы. На плане обозначены «каменные постройки существующие», «каменные кварталы существующие», «кладбище, сады и поля», отмечено расположение предполагаемых в будущем кварталов. Арабскими цифрами показано размещение в городской черте собора, армянской церкви, мечети Узбека, городской управы, «лавки», церковного приходского и ремесленного училищ, городского фонтана. Название улиц не обозначено.

В фонде Таврической губернской чертежной выявлен «План Таврической губернии города Старого Крыма, владения купцов, мещан и разного звания людей», составленный 13 июля 1891 г. межевым инженером Барановым (рис. 13) [прил. 1, III.4]. В легенде карты отображены результаты обмеров участка: пашни 965 дес. 440 саж., сеного покоса 88 дес. 1120 саж., выгону 309 дес. 580 саж., лесу 785 дес. 960 саж., под садовыми местами 64 дес., под городом 259 дес. 2180 саж., под каменистыми местами 206 дес. 1080 саж., под улицами и дорогами 33 дес. 1060 саж., под кладбищами 4 дес., под речкой 1 дес. 400 саж. Всего 2717 дес. 620 саж.». При переводе сведений инженера Баранова в современную измерительную систему площадь «под городом» Старый Крым к 1891 г. составляла 329,5 га. Линиями, обозначенными заглавными русскими литерами, отмечены границы смежных земель: А-Б – «дер. Имарет³», Б-В – «Болгарской колонии», В-Г – «казенного Османического леса», Г-Д – дер. Субаш⁴», Д-Е

³ Имарет – село, располагавшееся на юге современного Кировского р-на Республики Крым в отрогах Внутренней гряды Крымских гор, примерно в 3 км к юго-востоку от г. Старый Крым. Уничтожено немецкими войсками в 1943 г. После войны переименовано в Козий Яр, но фактически более не возрождалось, в период с 1954 по 1968 гг. снято с учета в связи с отсутствием жителей.

⁴ Субаш – село, располагавшееся на юге современного Кировского р-на Республики Крым. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 г. Субаш переименован в Золотой Ключ. В период с 1954 по 1968 гг. село присоединено к Приветному.

– «дер. Нейман⁵», Е-Ё – «дер. Кринички⁶», Ё-Ж – «дер. Эссен-Эли⁷», Ж-З – «дер. Карагоз⁸», З-А – «дер. Изюмовки⁹». На плане отмечены жилые кварталы г. Старый Крым без указания названия улиц, отдельные строения, среди которых мечеть Узбека (обозначена условным знаком в виде горизонтально расположенного полумесяца).

На «Плане г. Старый Крым 1898 г.» (рис. 14) (ф. 377, оп. 16, д. 13 [прил. 1, III.10]) красным цветом с обозначением русскими литерами отмечены трактирные заведения города («А» – Мурашова, «Б» – Карагодова, «Г» – Крючкова). Арабскими цифрами указано расположение в городе христианского собора, армянской церкви, мечети Узбека, городской управы, «лавки», церковного приходского и городского училищ, городского фонтана, кладбища. Чертеж выполнен в черно-белом формате с указанием названий большинства улиц города: Армянская, Болгарская, Верхняя, Греческая, Григорианско-Армянская, Древняя, Екатерининская, Заводская, Крымская, Монастырская, Новая, Отузская, Полицейская, Садовая, Слободская, Успенская, Феодосийская, Хан-Сарайская, Центральная.

По результатам Генерального межевания земель Таврической губернии 10 апреля 1899 г. составлен «Геометрический спиральный план участка Таврической губернии Феодосийского уезда города Старого Крыма: владения города, купцов, мещан и разного звания людей». «Межи утверждал и план сей составлял» старший землемер, инженер Тельшевский. В ГАРК находится копия данного чертежа, выполненная землемерным помощником Смирновым, засвидетельствованная землемерным помощником Томашовым (рис. 15) [прил. 1, III.2]. Документ подписан начальником 2-го отделения статским советником Игнатьевым. Линиями, обозначенными заглавными русскими литерами, отмечены границы смежных земель: А-Б – «казенного Старо-Крымского и Османгицкого леса», Б-В – «разоренной дер. Субаш», В-Г – «дер. Найман», Г-Д – «дер. Кринички», Д-Е – «2-я часть дер. Эссен-Эли», Е-Ж – «1-я часть дер. Эссен-Эли», Ж-З – «дер. Карагоз», З-И – «дер. Изюмовка», И-Й – «имения Имарет», Й-А – «Старокрымской болгарской колонии». Результаты генерального земельного межевания с пояснением отражены в верхней части плана: «На участке состоит земли: пашни 962 дес. 70 саж., степи годной для хлебопашества 111 дес. 1080 саж., выгону 470 дес. 120 саж., лиственного леса 784 дес., садов 184 дес. 2040 саж., под городскими постройками 116 десятин 545 саж., под улицами и площадями 25 дес. 775 саж., под кладбищами 2 дес. 450 саж.; под проселочными дорогами 1 дес. 1800 саж.; под большой дорогой 13 дес. 1945 кв. саж., под водой 1 десятина 100 саж. На этом числе во время межевания состоял в поселении город Старый Крым, в котором по последней народной переписи оказалось душ мужского пола 1899 и женского пола 1685». Из этих данных следует, что площадь Старого Крыма к концу XIX в. составляла 182,2 гектара с населением 3584 человек. На карте обозначены жилые кварталы без указания названий улиц, ряд отдельных архитектурных сооружений (в том числе мечеть

⁵ Нейман – село, располагавшееся на территории современного Белогорского р-на Республики Крым. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 г. Нейман переименован в Червонное, в 1953 г., после объединения с с. Грушевка, населенный пункт получил название Зеленогорск.

⁶ Кринички – село Кировского р-на Республики Крым, входит в состав Абрикосовского сельского совета.

⁷ Эссен-Эли – ныне с. Бабенково (с 1948 г.) Кировского р-на Республики Крым, входит в состав Абрикосовского сельского совета.

⁸ Карагоз – ныне с. Первомайское (с 1948 г.) Кировского р-на Республики Крым, центр Первомайского сельского совета.

⁹ Изюмовка (до начала XIX в. Тамгаджи) – село Кировского р-на Республики Крым в составе Первомайского сельского совета.

Узбека). На северной окраине города отмечено три участка захоронений, еще один в северо-восточной части поселения.

Ряд чертежей способствуют исследованию сельской периферии на протяжении XIX в. «План Таврической губернии Феодосийского уезда, владение отдельной колонии Старого Крыма» [прил. 1, III.7], выполненный в 1858 г. запасным топографом Боном (рис. 16), отображает юго-западную окраину Старого Крыма, территорию болгарской колонии (ныне – западная часть города). Дело 2251 «Старый Крым – земля Георгиевского монастыря» [прил. 1, III.6] включает в себя два чертежа (рис. 17–18) земель монастыря Святого Георгия¹⁰ и болгарской колонии 20-х гг. XIX в. (вероятно, составленные из-за необходимости урегулирования острых земельных конфликтов между монастырем и колонией). Подобная карта сохранилась в деле 2192 «Старо-Крымский Георгиевский монастырь» [прил. 1, III.3]. Размещение кварталов г. Старый Крым на чертежах имеет крайне схематичный характер.

Во время археологической экспедиции ВНАВ 1925–1926 гг. по изучению древностей Старого Крыма под руководством профессора И. Н. Бороздина, прежде чем приступить к археологическим работам, были произведены широкие рекогносцировочные обследования территории древнего поселения и его окрестностей с целью выяснения археолого-топографического плана старого городища, не совпадающего с территорией современного города. На основании изучения планов Старого Крыма и осмотра местности при участии межевых инженеров Эдзеховского и Модина, которые произвели инструментальную съемку с детальным промером основных горизонталей городища и его окрестностей, был вычерчен план с нанесением на него всех особенностей поверхности и фиксацией всех обнаруженных памятников. Он лег в основу дальнейших исследовательских работ. Участникам экспедиции удалось установить линии валов и крепостных укреплений, «от которых не осталось ничего, кроме самых жалких, нередко, едва уловимых следов» [27, с. 15].

В настоящий момент расположение материалов экспедиции И. Н. Бороздина не установлено (считаются утерянными, вероятно, в 30-х гг. XX в.). Руководителем экспедиции опубликованы лишь краткие отчеты [24; 27]. В одном из них помещен схематический «План Старого Крыма с показанием памятников древности» (рис. 19) [27, с. 5]. Цифрами на карте-схеме обозначены: I – караван-сарай; II – остатки фундамента неизвестного здания; III – руины мечети (кенасса на ул. Спартака); IV – руины мечети (мечеть Куршум-Джами); V – надгробные камни (на территории бывшего ремонтного предприятия «Сельхозтехника»); VI – руины древнего здания (мечеть Мускусная); VII – древние фундаменты; VIII – руины мечети (мечеть Бейбарса); IX – место древне-татарского кладбища (пересечение улиц Халтурина и Красноармейской); X – мечеть Узбека и медресе; XI – курган Кемаль-Ата; XII – татарское кладбище (могильник вдоль трассы Симферополь–Феодосия). Условными обозначениями на карте нанесено изображение крепостных стен, рвов и валов, кварталов, садов, парков, церквей и мечетей города. Отмечено название улиц и площадей Старого Крыма. Исследование чертежей позволит восстановить план Старого Крыма в конце XVIII – начале XIX вв, идентифицировать ряд объектов культурного наследия города.

Наиболее ранние изображения памятников архитектуры мусульманского происхождения Старого Крыма датированы концом XVIII в. В 1783 г. в Крым, по случаю присоединения полуострова к Российской империи, был направлен русский художник, академик живописи,

¹⁰ Вероятно, имеются в виду владения армянского монастыря Сурб-Хач. Монастырь Святого Георгия, расположенный примерно в 3 км от него, к концу XVIII в. являлся заброшенным.

выпускник Императорской академии искусств Михаил Матвеевич Иванов (1748–1823). На рисунках в его путевом альбоме изображены портал и двор медресе, на заднем плане видны руины минарета (рис. 20–21). В данный момент холсты хранятся в Отделе графики Государственного Русского музея (г. Санкт-Петербург). В научный оборот впервые введены Ю. А. Кулаковским [101, с. 80–81]. Подробный искусствоведческий анализ акварелей выполнен А. С. Башкировым [4, с. 122; 5, с. 127–130]. Не удостоена должного внимания большая студийная работа М. М. Иванова, которую он выполнил в 1797 г. (рис. 22). В целом повторяя первоначальный рисунок, который был выполнен с натуры, художник в новом живописном произведении расширил площадь перед медресе, усложнил композицию зданиями на переднем и заднем планах, ввел группы и отдельные фигуры людей. Работу ввел в научный оборот В. П. Кирилко, он же представил и ее архитектурный анализ [60, с. 127].

Акварели русского художника-пейзажиста Константина Фёдоровича Богаевского (1872–1943) с изображением археологических работ в Старом Крыму (три рисунка отображают изучение комплекса медресе-мечети (рис. 23) [прил. 1, I.1; прил. 1, I.3; прил. 1, I.5], два – караван-сарая [прил. 1, I.2; прил. 1, I.4]) позволили реконструировать полную картину исследований мусульманских древностей города во второй половине 20-х гг. XX в. Фотоснимки, отложившиеся в Научном архиве ИИМК РАН (43 документа [прил. 1, V.2, л. 42–85]) и в фондах БИКАМЗ (130 документов [прил. 1, I.8–138]) зафиксировали подготовку, ход и результаты исследований памятников Солхата в 1928 г. (рис. 24–25). Благодаря фотографическим документам воссоздано состояние археологических объектов на завершающем этапе исследований в конце 20-х гг. XX в.

Таким образом, источниковая база истории исследования мусульманских памятников г. Старый Крым периода Золотой Орды представлена обширным комплексом опубликованных и неопубликованных источников, значительно отличающихся по происхождению, степени объективности и информативности. Применение разноплановых источников позволит комплексно и всесторонне раскрыть динамичный процесс изучения объектов культурного наследия города на протяжении конца XVIII – начала XXI вв.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчокраклы О.-Н. А. Старокрымские и отузские надписи XIII–XV веков // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1. С. 5-17.
2. Акчокраклы О.-Н. А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 152-159.
3. Башкиров А. С. Памятники крымскотатарской старины: Эски-Юрт // Новый восток. 1925. № 8/9. С. 295-311.
4. Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1926. № 2. С. 109-125.
5. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1. С. 122-144.
6. Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Реконструкция народного хозяйства в Крыму. Симферополь, 1930. Вып. 2. 31 с.
7. [Боданинский У. А.] Карасубазарская старина // Красный Крым. 1926. 3 сентября. Изд. под псевд.: Усейн Адель-Рефи.
8. [Боданинский У. А.] Крым много веков назад: работа этнографической группы научной экспедиции Крым ЦИКа и СНК // Красный Крым. 1925. 23 августа.
9. Боданинский У. А. Этнографическая экспедиция // Красный Крым. 1926. 16 февраля.
10. Бороздин И. Н. Археологические раскопки в Крыму // Красный Крым. 1926. 1 сентября.
11. Бороздин И. Н. Археологические памятники юга СССР // Новый восток. 1926. № 15. С. 197-201.
12. Бороздин И. Н. Археология и социология: К изучению древних культур Юга СССР // Новый Восток. 1926. № 12. С. 202-213.

13. Бороздин И. Н. В древней столице крымских татар // Красная Татария. Казань, 1925. 27 августа.
14. Бороздин И. Н. Два мусульманских памятника в Отузах // Труды секции археологии / Ин-т археологии и искусствознания. М., 1928. Т. 4. С. 90-93.
15. Бороздин І. М. До вивчення старо-кримських надгробків // Записки Історико-археологічного відділу АН УРСР: Ювілейний збірник на пошану академіка Багалія. Київ, 1927. С. 471-475.
16. Бороздин И. Н. Из Отузской старины: Надгробие шейха Якуба из Кони 729 г. // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1. С. 24-26.
17. Бороздин И. Н. Из тьмы веков: Изучение древностей Юга СССР // Смена. 1926. № 23. С. 10-11.
18. Бороздин И. Н. Крымская столица Золотой Орды: Новые раскопки в Старом Крыму // Ленинградская правда. 1926. 17 ноября.
19. Бороздин И. Н. Некоторые очередные задачи изучения татарской культуры в Крыму // Крым. 1927. № 2. С. 108-112.
20. Бороздин И. Н. Новейшие открытия в Крыму: раскопки на Гераклеюм полуострове / Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М., 1925. 30 с.
21. Бороздин И. Н. Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму // Педагогическая жизнь Крыма. 1925. № 9/10. С. 17-20.
22. Бороздин И. Н. Новейшие открытия в области татарской культуры // Первый Всесоюзный торкологический съезд, 25 февраля – 5 марта 1926 г.: стенографический отчет. Баку, 1926. С. 33-38.
23. Бороздин И. Н. Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь: 4-я гостипография, 1926. № 2. 6 сентября. 4 с.
24. Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: Работы археологической экспедиции 1926 года / Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М.: Искра революции, 1927. 21 с.
25. Бороздин И. Н. Проблемы изучения художественной культуры Советского Востока // Художественная культура Советского Востока: сб. статей / Под ред. И. Н. Бороздина. М.; Л.: ACADEMIA, 1931. С. 3-18.
26. Бороздин И. Н. Проблемы научных экспедиций на Восток // Новый Восток. 1925. № 8/9. С. 244-253.
27. Бороздин И. Н. Солхат. Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году / Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М.: Искра революции, 1926. 32 с.
28. Бороздин И. Н. Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925–1926 гг. / Музей восточных культур. М., 1927. 7 с.
29. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым: Материалы к археологической карте города Старый Крым / Крымский филиал Института археологии НАН Украины. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.
30. Голландский П. И. Медресе и мечеть Абдуль Азиса в Солхате // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь: 4-я гостипография, 1926. № 2. 6 сентября. 4 с.
31. Грабарь И. Э. Вместо предисловия // Вопросы реставрации: сб. / ЦГРМ; под ред. И. Э. Грабаря. М., 1928. Вып. 2. С. 5-6.
32. Грабарь И. Э. Восемь лет реставрационной работы // Вопросы реставрации: сб. / ЦГРМ; под ред. И. Э. Грабаря. М., 1926. Вып. 1. С. 5-6.
33. Громов А. В. Средневековое население Солхата-Крыма по данным краниоскопии: предварительные результаты // Отчетная археологическая сессия за 1996 год: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб., 1997. С. 37-41.
34. Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач / Под ред. С. Н. Бибикова. Симферополь: Таврия, 1978. 128 с. (Серия: «Археологические памятники Крыма»).
35. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5-6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
36. Засыпкин Б. Н. Обследование памятников архитектуры Крыма // Новый Восток. 1927. № 18. С. 277-278.
37. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар Крым // Крым. 1927. № 2. С. 113-168.
38. Засыпкин Б. Н. Памятники монументального искусства Советского Востока // Художественная

- культура Советского Востока: сб. статей / Под ред. И. Н. Бороздина. М.; Л.: ACADEMIA, 1931. С. 18-49.
39. Засыпкин Б. Н. Состояние татарских памятников в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь: 4-я гостинография, 1926. № 3. 7 сентября. 7 с.
 40. Золотоордынская экспедиция Государственного Эрмитажа // СГЭ. Л.: Искусство, 1980. № 45. С. 85.
 41. Золотоордынская экспедиция // СГЭ. Л.: Искусство, 1982. № 47. С. 92-93.
 42. Золотоордынская экспедиция // СГЭ. Л.: Искусство, 1985. № 50. С. 78.
 43. Золотоордынская экспедиция // СГЭ. Л.: Искусство, 1986. № 51. С. 73.
 44. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция // СГЭ. Л.: Искусство, 1987. № 52. С. 68.
 45. Золотоордынская экспедиция Государственного Эрмитажа // СГЭ. Л.: Искусство, 1990. № 54. С. 85.
 46. Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция // СГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. № 63. С. 141.
 47. Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция // СГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. № 64. С. 74-75.
 48. Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция // Отчет Гос. Эрмитажа, 1997–1998 год / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 1999. С. 37-38.
 49. Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция // Отчет Гос. Эрмитажа, 2001 год / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2002. С. 43.
 50. Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция // Отчет Гос. Эрмитажа, 2002 год / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2003. С. 47.
 51. Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция // Отчет Гос. Эрмитажа, 2003 год / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2004. С. 64.
 52. Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция // Отчет Гос. Эрмитажа, 2004 год / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2005. С. 62.
 53. Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция Гос. Эрмитажа // Отчет Государственного Эрмитажа, 2005 год / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2005. С. 49.
 54. Золотоордынская экспедиция // Отчет Гос. Эрмитажа, 2006 год / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2007. С. 47.
 55. Золотоордынская археологическая экспедиция // Отчет Гос. Эрмитажа, 2007 год / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2008. С. 48-49.
 56. Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1837. 409 с.
 57. Кирилко В. П. Архитектура, мозаики та монументальний живопис // Історія української культури: в 5 т. / Под ред П. П. Толочко. Київ: Наукова думка, 2001. Т. 1. С. 1078-1099.
 58. Кирилко В. П. К вопросу о времени строительства так называемой мечети Узбека в г. Старом Крыму // Проблемы истории Крыма: тез. докл. научн. конф. (23–28 сентября) / Симферопольский гос. ун-т им. М. В. Фрунзе. Симферополь, 1991. С. 32-34.
 59. Кирилко В. П. Строительная история крымской мечети Узбека. По материалам реставрационных исследований // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: матер. 4 Междунар. конф., посв. памяти профессора МГУ Г. А. Федорова-Давыдова, 58 сентября – 3 октября 2008 г. Азов: Изд-во Азовского музея-заповед., 2009. С. 187-200.
 60. Кирилко В. П. Солхатское медресе // Stratum plus. 2011. № 6. С. 125-210.
 61. Колли Л. П. О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии // ИТУАК. 1903. № 35. С. 10-17.
 62. Крамаровский М. Г. Беглербег Мамай и стены Солхата // Древняя и средневековая урбанизация Евразии: Возникновение, развитие и возраст города Алматы: Материалы международной научно-практической конференции, Алматы, 17–18 ноября 2010 г. / КГКП «Музей истории г. Алматы»; под ред. Е. К. Ауэзова. Алматы, 2012. Вып. 3. С. 104.
 63. Крамаровский М. Г. Где могила Мамай? // Родина. 2005. № 9. С. 77-78.
 64. Крамаровский М. Г. Гончарные печи Солхата: К итогам полевого сезона 1990 года // Отчетная

- археологическая сессия: краткие тез. докл. научн. конф. / Гос. Эрмитаж. СПб., 1991. С. 19-23.
65. Крамаровский М. Г. Гуланшаро и Солхат: Население Золотоордынского города по результатам раскопок 1994–1996 гг. и кладовым материалам // Отчетная археологическая сессия за 1996 год: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб., 1997. С. 30-37.
66. Крамаровский М. Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда: История и культура: каталог выставки / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
67. Крамаровский М. Г. Золотоордынский город Солхат-Крым: К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татар археологиясе. Казань, 1997. С. 101-106.
68. Крамаровский М. Г. Изображение человека в керамике Северного Причерноморья XII–XV веков: временная выставка из фондов Херсонесского музея и Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1990. 38 с.
69. Крамаровский М. Г. Исследование трех архитектурных объектов на территории средневекового Солхата // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. Всесоюзн. конф. Суздаль, 1987 год / Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1987. С. 131-132.
70. Крамаровский М. Г. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские сумы // СГЭ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1980. № 45. С. 68-71.
71. Крамаровский М. Г., Сейдалиев Э. И. Крепостные стены Солхата-Крыма: Опыт археологического исследования // Труды 4 (10) Всероссийского археологического съезда в Казани, 20–25 сентября 2014 г. / Ин-т Археологии АН Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Ин-т археологии РАН; под ред. А. Г. Ситдикова, Н. А. Макарова. Казань: Отечество, 2014. Т. 3. С. 384-387.
72. Крамаровский М. Г. Крест-реликварий XII – начала XIII века из могильника в пригороде золотоордынского города Солхата (Крым) // Византийская идея: Византия в эпоху Комнинов и Палеологов: к XXI Межд. конгрессу византинистов. Лондон, 21–26 августа 2006 года: сб. науч. трудов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 53-62.
73. Крамаровский М. Г. Курган у села Кринички в Юго-Восточном Крыму // БИ / Ред-сост. В. Н. Зинько. Симферополь, 2001. Вып. I. С. 23-43.
74. Крамаровский М. Г. Материалы Старокрымской археологической экспедиции / Гос. Эрмитаж. СПб.: Лема, 2002. Вып. 1: «Раскопки в Старом Крыму в 1998–2000». 183 с.
75. Крамаровский М. Г., Сейдалиев Э. И. Оборонительный комплекс Солхата по итогам археологических работ 2009–2012 гг. // IV Междунар. науч. конф. «Научные чтения памяти У. А. Боданинского»: тез. докл. и сообщ., Бахчисарай, 17–19 октября 2012 г. / Бахчисарайский историко-культурный заповедник; Институт археологии НАНУ. Симферополь: Антиква, 2013. С. 24.
76. Крамаровский М. Г. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Бакааташ II в 2005 году / Гос. Эрмитаж. СПб.: Лема, 2007. 260 с.
77. Крамаровский М. Г. Погребение беклярибека Мамая (?): Археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского: тез. докл. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 38-41.
78. Крамаровский М. Г. Поселение Бакааташ II: Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Лема, 2004. Вып. 2. 380 с.
79. Крамаровский М. Г. Поселение Бакааташ II: Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 году / Гос. Эрмитаж. СПб.: Лема, 2006. 313 с.
80. Крамаровский М. Г. Прикладная печать с городища средневекового Крыма: предварительное сообщение // СГЭ. Л.: Искусство, 1981. № 46. С. 51-52.
81. Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в сельской округе Солхата: Исследование памятника Бакааташ II в 2002 г. // Отчетная археологическая сессия за 2002 год: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 44-49.

82. Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в сельской округе Солхата: Продолжение исследований памятника Бакаташ II в 2003 году // Археологические экспедиции за 2003 год: сб. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 139-160.
83. Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской археологической экспедиции в 1998 году // Отчетная археологическая сессия за 1998 год: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 24-28.
84. Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской экспедиции в 1999 году // Отчетная археологическая сессия за 1999 год: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 30-34.
85. Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской экспедиции в 2000 году // Отчетная археологическая сессия за 2000 год: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 26-34.
86. Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской археологической экспедиции в сельской округе Солхата (2001 год) // Отчетная археологическая сессия за 2001 год: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 27-35.
87. Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции // Археологические исследования в Крыму, 1994 год: сб. науч. статей / Крымский филиал Ин-та археологии НАН Украины. Симферополь: Сонат, 1997. С. 157-159.
88. Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции в 1994 году // Отчетная археологическая сессия: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1995. С. 18-22.
89. Крамаровский М. Г. Работы на городище средневекового Солхата // Археологические открытия 1982 года / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1984. С. 281.
90. Крамаровский М. Г. Работы на городище средневекового Солхата (Крым) в 1992 году // Отчетная археологическая сессия: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1993. С. 21-22.
91. Крамаровский М. Г. Работы Старокрымской археологической экспедиции в 1997 году // Отчетная археологическая сессия за 1997 год: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 21-25.
92. Крамаровский М. Г. Раскопки на городище Солхата // АО 1981 года / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1983. С. 274.
93. Крамаровский М. Г. Результаты археологических исследований на поселении Бакаташ II в 2004 году // Археологические экспедиции за 2004 год: сб. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 142-159.
94. Крамаровский М. Г. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // *Archaeologia abrahamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама* / Под ред. Л. А. Беляева. М.: Индрик, 2009. С. 395-428.
95. Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII – XIV в. // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа: сб. науч. трудов / Гос. Эрмитаж; под ред. Г. И. Смирнова. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. С. 141-157.
96. Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: Ремесленная мастерская на объекте XII // Отчетная археологическая сессия: краткие тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1992. С. 7-8.
97. Крамаровский М. Г. Солхат-Крым XIII–XIV вв. // Откровения древнего Солхата: матер. Междунар. научн.-практич. конф. «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма. Солхат – центр золотоордынской культуры Крыма: итоги и перспективы исследования, проблемы сохранения памятников» / Под ред. А. Г. Герцена. Симферополь, 2010. С. 22-27.
98. Крамаровский М. Г. Солхат и Амасть в XIV в.: К итогам археологического изучения комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // Проблемы истории архитектуры: Всесоюзн. науч. конф. Суздаль, 1991. С. 127.
99. Кулаковский Ю. А. Новые данные для истории Старого Крыма // Записки имп. Русского археологического общества: новая сер. 1899. Т. 10, вып. 3/4: «Труды Отделения археологии древне-

- классической, византийской и западно-европейской», кн. 3. С. 1-12.
100. Кулаковский Ю. А. О новейших находках в Старом Крыму // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1899. Кн. 13, отд. 1. С. 104-105.
101. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. 2 изд. Киев, 1914. 156 с., 2 карты.
102. Лазаретова Н. И. Предварительные итоги изучения антропологических материалов могильника Бакашаш II // Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Бакашаш II в 2005 году / Гос. Эрмитаж. СПб.: Лема, 2007. С. 215-234.
103. Майко В. В., Бейлин Д. В., Куликов А. В. Земляные фортификационные сооружения средневекового Солхата // Таврійські студії / Кримський університет мистецтв, культури і туризму; ред. О. А. Габріелян. 2013. № 1(4). С. 110-116.
104. Майко В. В., Бейлин Д. В., Куликов А. В. Исследование фортификационных сооружений средневекового Солхата // Археологічні дослідження в Україні в 2011 р. / Інститут археології НАН України; ред. Д. Н. Козак. Київ, 2012. С. 85-87.
105. Маркевич А. И. Археологические исследования и раскопки в Крыму // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 317-321. (Серия: «Библиография крымоведения», вып. 3).
106. Маркевич А. И. Поездка в Старый Крым // ИТУАК. 1888. № 6. С. 64-77.
107. Маркевич А. И. Старо-Крымские древности // ИТУАК. 1892. № 17. С. 124-129.
108. Маркевич А. И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 267-317. (Серия: «Библиография краеведения»; вып. 3).
109. [Паллас П. С.] Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань (продолжение) // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 35-108.
110. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов (к 200-летию юбилею Н. В. Гоголя). Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 328 с.
111. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 168 с.
112. Северова М. Б. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старокрымской археологической экспедиции) // СГЭ. Л.: Искусство, 1990. № 54. С. 43-46.
113. Сейдалиев Э. И. История изучения оборонительных сооружений Солхата // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., Бахчисарай, 5-7 сентября 2012 г. / Бахчисарайский историко-культурный заповедник; Институт археологии НАНУ. Бахчисарай, 2012. С. 58.
114. Сидоренко В. А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Ин-т археологии АН Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1988. С. 115-129.
115. Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отд. имп. Русского археологического общества. 1887. Т. 1, вып. 4. С. 273-302.
116. Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения: в 2 т. Симферополь, 2008. Т. 2: «TAURICA ORIENTALIA». С. 499-529. (Серия: «Библиография крымоведения»; вып. 12).
117. Спасский Г. Старый Крым: Из путевых записок о Крыме // ЗООИД. 1858. Т. 4. С. 85-103.
118. Старокрымская (Золотоордынская) археологическая экспедиция // Отчет Гос. Эрмитажа, 1999 год / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 32.
119. Старокрымская (Золотоордынская) археологическая экспедиция // Отчет Гос. Эрмитажа, 2000 год / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 36.
120. Старокрымская (Золотоордынская) экспедиция // СГЭ. Л.: Искусство, 1981. № 46. С. 64-65.
121. Старокрымская (Золотоордынская) экспедиция // СГЭ. Л.: Искусство, 1983. № 48. С. 53.
122. Старокрымская (Золотоордынская) археологическая экспедиция // СГЭ. Л.: Искусство, 1991. № 55. С. 66.

123. Старокрымская (Золотоордынская) археологическая экспедиция // СГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997. № 57. С. 80.
124. Старокрымская археологическая экспедиция // СГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. № 58. С. 88.
125. Старокрымская археологическая экспедиция // СГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. № 59. С. 91.
126. Старокрымская археологическая экспедиция // СГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. № 60. С. 125.
127. Старокрымская археологическая экспедиция // СГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. № 61. С. 112-113.
128. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду: в 2 ч. СПб., 1803. Ч. 1. 276 с.; 1805. Ч. 2. 273 с.
129. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / Предисл. и комм. Т. М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. 208 с.
130. Тункина И. В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 240 с.
131. Шаманаев А. В. Охрана памятников Старого Крыма в конце XVIII – начале XX в. // Античная древность и средние века: сборник трудов / Уральский федеральный ун-т. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2014. Вып. 42: Памяти Ханса-Файта Байера. С. 279-292.

REFERENCES

1. Akchokrakly O.-N. A. Starokrymskie i otuzskie nadpisi XIII–XV vekov. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, 1927, T. 1, pp. 5–17.
2. Akchokrakly O.-N. A. Staro-Krymskie nadpisi: po raskopkam 1928 goda. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, 1929, T. 3, pp. 152–159.
3. Bashkirov A. S. Pamiatniki krymskotatarskoi stariny: Eski-Iurt. *Novyi vostok*, 1925, N 8/9, pp. 295–311.
4. Bashkirov A. S. Sel'dzhukizm v drevnem tatarskom iskusstve. *Krym*, 1926, N 2, pp. 109–125.
5. Bashkirov A. S. Khudozhestvennye pamiatniki Solkhata. *Krym*, 1927, N 1, pp. 122–144.
6. Bodaninskii U. A. Arkheologicheskoe i etnograficheskoe izuchenie tatar v Krymu. *Rekonstruktsiia narodnogo khoziaistva v Krymu*, Simferopol', 1930, Vol. 2, 31 p.
7. [Bodaninskii U. A.] Karasubazarskaia starina. *Krasnyi Krym*, 1926, 3 sentiabria.
8. [Bodaninskii U. A.] Krym mnogo vekov nazad: rabota etnograficheskoi gruppy nauchnoi ekspeditsii Krym TsIKa i SNK. *Krasnyi Krym*, 1925, 23 avgusta.
9. Bodaninskii U. A. Etnograficheskaiia ekspeditsiia. *Krasnyi Krym*, 1926, 16 fevralia.
10. Borozdin I. N. Arkheologicheskie raskopki v Krymu *Krasnyi Krym*, 1926, 1 sentiabria.
11. Borozdin I. N. Arkheologicheskie pamiatniki iuga SSSR. *Novyi vostok*, 1926, N 15, pp. 197–201.
12. Borozdin I. N. Arkheologiiia i sotsiologiiia: K izucheniiu drevnikh kul'tur Iuga SSSR. *Novyi Vostok*, 1926, N 12, pp. 202–213.
13. Borozdin I. N. V drevnei stolitse krymskikh tatar. *Krasnaia Tatariia*, Kazan', 1925, 27 avgusta.
14. Borozdin I. N. Dva musul'manskikh pamiatnika v Otuzakh. *Trudy sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia*. Moscow, 1928, T. 4, pp. 90–93.
15. Borozdin I. M. Do vivchennia staro-krymskikh nadgrobnikiv. *Zapiski Istoriko-arkheologichnogo viddilu AN URSSR: Iuvileinii zbirnik na poshanu akademika Bagaliia*. Kiev, 1927, pp. 471–475.
16. Borozdin I. N. Iz Otuzskoi stariny: Nadgrobie sheikha Iakuba iz Konii 729 g. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, 1927, T. 1, pp. 24–26.
17. Borozdin I. N. Iz t'my vekov: Izuchenie drevnostei Iuga SSSR. *Smena*, 1926, N 23, pp. 10–11.
18. Borozdin I. N. Krymskaia stolitsa Zolotoi Ordy: Novye raskopki v Starom Krymu. *Leningradskaia pravda*, 1926, 17 noiabria.
19. Borozdin I. N. Nekotorye ocherednye zadachi izucheniia tatarskoi kul'tury v Krymu. *Krym*, 1927, N 2, pp. 108–112.
20. Borozdin I. N. *Noveishie otkrytiia v Krymu: raskopki na Gerakleiskom poluostrove*. Moscow, 1925, 30 p.
21. Borozdin I. N. Noveishie otkrytiia v oblasti tatarskoi kul'tury v Krymu. *Pedagogicheskaiia zhizn' Kryma*,

- 1925, N 9/10, pp. 17–20.
22. Borozdin I. N. Noveishie otkrytiia v oblasti tatarskoi kul'tury. *Pervyi Vsesoiuznyi tiurkologicheskii s"ezd, 25 fevralia – 5 marta 1926 g.: stenograficheskii otchet*, Baku, 1926, pp. 33–38.
 23. Borozdin I. N. Noveishie otkrytiia v oblasti tatarskoi kul'tury v Krymu. *Biulleten' Konferentsii arkhelogov SSSR v Kerchi*, Kerch': 4-ia gostipografiia Publ., 1926, N 2, 6 sentiabria, 4 p.
 24. Borozdin I. N. *Novye dannye po zolotoordynskoi kul'ture v Krymu: Raboty arkhelogicheskoi ekspeditsii 1926 goda*. Moscow: Iskra revoliutsii Publ., 1927, 21 p.
 25. Borozdin I. N. Problemy izucheniia khudozhestvennoi kul'tury Sovetskogo Vostoka. *Borozdin I. N. (Ed.). Khudozhestvennaia kul'tura Sovetskogo Vostoka: sb. Statei*. Moscow; Leningrad: ACADEMIA Publ., 1931, pp. 3–18.
 26. Borozdin I. N. Problemy nauchnykh ekspeditsii na Vostok. *Novyi Vostok*, 1925, N 8/9, pp. 244–253.
 27. Borozdin I. N. *Solkhat. Predvaritel'nyi otchet o rabotakh arkhelogicheskoi ekspeditsii Krymsovnarkoma, Krymstika i Nauchnoi assotsiatsii vostokovedeniia Soiuza SSR v 1925 godu*. Moscow: Iskra revoliutsii Publ., 1926, 32 p.
 28. Borozdin I. N. *Vystavka nauchno-issledovatel'skikh rabot ekspeditsii po izucheniiu tatarskoi kul'tury v Krymu 1925–1926 gg*. Moscow, 1927, 7 p.
 29. Gavrillov A. V., Maiko V. V. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym: Materialy k arkhelogicheskoi karte goroda Staryi Krym*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2014, 212 p.
 30. Gollandskii P. I. Medrese i mechet' Abdul' Azisa v Solkhate. *Biulleten' Konferentsii arkhelogov SSSR v Kerchi*, Kerch': 4-ia gostipografiia Publ., 1926, N 2, 6 sentiabria, 4 p.
 31. Grabar' I. E. Vmesto predisloviia. *Grabar' I. E. (Ed.). Voprosy restavratsii*, Moscow, 1928, Vol. 2, pp. 5–6.
 32. Grabar' I. E. Vosem' let restavratsionnoi raboty. *Grabar' I. E. (Ed.). Voprosy restavratsii*, Moscow, 1928, Vol. 2, pp. 5–6.
 33. Gromov A. V. Srednevekovoe naselenie Solkhata-Kryma po dannym kranioskopii: predvaritel'nye rezul'taty. *Otchetnaia arkhelogicheskaiia sessiia za 1996 god: tez. dokl.* St. Petersburg, 1997, pp. 37–41.
 34. Dombrovskii O. I., Sidorenko V. A. *Solkhat i Surb-Khach*. Simferopol': Tavriia Publ., 1978, 128 p. (Serii: «Arkhelogicheskie pamiatniki Kryma»).
 35. Diubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i Krym: v 6 t.* Parizh, 1843. T. 5–6. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
 36. Zasyppkin B. N. Obsledovanie pamiatnikov arkhitektury Kryma. *Novyi Vostok*, 1927, N 18, pp. 277–278.
 37. Zasyppkin B. N. Pamiatniki arkhitektury krymskikh tatar Krym. *Krym*, 1927, N 2, pp. 113–168.
 38. Zasyppkin B. N. Pamiatniki monumental'nogo iskusstva Sovetskogo Vostoka. *Borozdin I. N. (Ed.). Khudozhestvennaia kul'tura Sovetskogo Vostoka: sb. Statei*. Moscow; Leningrad: ACADEMIA Publ., 1931, pp. 18–49.
 39. Zasyppkin B. N. Sostoianie tatarskikh pamiatnikov v Krymu. *Biulleten' Konferentsii arkhelogov SSSR v Kerchi*, Kerch': 4-ia gostipografiia Publ., 1926, N 3, 7 sentiabria, 7 p.
 40. Zolotoordynskaia ekspeditsiia Gosudarstvennogo Ermitazha. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1980, N 45, p. 85.
 41. Zolotoordynskaia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1982, N 47, pp. 92–93.
 42. Zolotoordynskaia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1985, N 50, p. 78.
 43. Zolotoordynskaia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1986, N 51, p. 73.
 44. Zolotoordynskaia (Starokrymskaia) ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1987, N 52, p. 68.
 45. Zolotoordynskaia ekspeditsiia Gosudarstvennogo Ermitazha. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1990, N 54, p. 85.
 46. Zolotoordynskaia (Starokrymskaia) arkhelogicheskaiia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2005, N 63, p. 141.

47. Zolotoordynskaia (Starokrymskaia) arkheologicheskaia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2006, N 64, pp. 74–75.
48. Zolotoordynskaia (Starokrymskaia) arkheologicheskaia ekspeditsiia. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Otchet Gosudarstvennogo Ermitazha, 1997–1998 goda*, St. Petersburg: Slavia Publ., 1999, pp. 37–38.
49. Zolotoordynskaia (Starokrymskaia) arkheologicheskaia ekspeditsiia. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Otchet Gosudarstvennogo Ermitazha, 2001 god*, St. Petersburg: Slavia Publ., 2002, p. 43.
50. Zolotoordynskaia (Starokrymskaia) arkheologicheskaia ekspeditsiia. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Otchet Gosudarstvennogo Ermitazha, 2002 god*, St. Petersburg: Slavia Publ., 2003, p. 47.
51. Zolotoordynskaia (Starokrymskaia) arkheologicheskaia ekspeditsiia. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Otchet Gosudarstvennogo Ermitazha, 2003 god*, St. Petersburg: Slavia Publ., 2004, p. 64.
52. Zolotoordynskaia (Starokrymskaia) arkheologicheskaia ekspeditsiia. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Otchet Gosudarstvennogo Ermitazha, 2004 god*, St. Petersburg: Slavia Publ., 2005, p. 62.
53. Zolotoordynskaia (Starokrymskaia) arkheologicheskaia ekspeditsiia Gos. Ermitazha. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Otchet Gosudarstvennogo Ermitazha, 2005 god*, St. Petersburg: Slavia Publ., 2005, p. 49.
54. Zolotoordynskaia ekspeditsiia. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Otchet Gosudarstvennogo Ermitazha, 2006 god*, St. Petersburg: Slavia Publ., 2007, p. 47.
55. Zolotoordynskaia arkheologicheskaia ekspeditsiia. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Otchet Gosudarstvennogo Ermitazha, 2007 god*, St. Petersburg: Slavia Publ., 2008, pp. 48–49.
56. Këppen P. I. *O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh*. St. Petersburg: Akademia nauk Publ., 1837, 409 p.
57. Kirilko V. P. Arkhitektura, mozaïki ta monumental’nyi zhivopis. *Tolochko P. P. (Ed.). Istoriia ukrains’koi kul’turi. v 5 t.* Kiev: Naukova dumka Publ., 2001, T. 1, pp. 1078–1099.
58. Kirilko V. P. K voprosu o vremeni stroitel’stva tak nazyyvaemoi mecheti Uzbeka v g. Starom Krymu. *Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii “Problemy istorii Kryma”*. Simferopol’, 1991, pp. 32–34.
59. Kirilko V. P. Stroitel’naia istoriia krymskoi mecheti Uzbeka. Po materialam restavratsionnykh issledovaniï. *Materialy 4 Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora MGU G. A. Fedorova-Davydova “Dialog gorodskoi i stepnoi kul’tur na evraziiskom prostranstve” (28 sentiabria – 3 oktiabria 2008)*, Azov: Azovskii muzei-zapovednik Publ., 2009, pp. 187–200.
60. Kirilko V. P. Solkhatskoe medrese. *Stratum plus*, 2011, N 6, pp. 125–210.
61. Kollî L. P. O sud’be nekotorykh istoricheskikh zdaniï v Starom Krymu i Feodosii. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol’, 1903, N 35, pp. 10–17.
62. Kramarovskii M. G. Beglerbeg Mamaï i steny Solkhata. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Drevniia i srednevekovaia urbanizatsiia Evrazii: Vozniknovenie, razvitie i vozrast goroda Almaty” (Almaty, 17–18 noiabria 2010)*. Almaty, 2012, Vol. 3, p. 104.
63. Kramarovskii M. G. Gde mogila Mamaïa? *Rodina*, 2005, N 9, pp. 77–78.
64. Kramarovskii M. G. Goncharnye pechi Solkhata: K itogam polevogo sezona 1990 goda. *Otchetnaia arkheologicheskaia sessiia: kratkie tezisy dokladov nauchnoi konferentsii Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Petersburg, 1991, pp. 19–23.
65. Kramarovskii M. G. Gulansharo i Solkhat: Naselenie Zolotoordynskogo goroda po rezul’tatam raskopok 1994–1996 gg. i kladovym materialam. *Otchetnaia arkheologicheskaia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha za 1996 god: tezisy dokladov*. St. Petersburg, 1997, pp. 30–37.
66. Kramarovskii M. G. Zolotaia Orda kak tsivilizatsiia. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Zolotaia Orda: Istoriia i kul’tura: katalog vystavki*. St. Petersburg: Slavia Publ., 2005, 264 p.
67. Kramarovskii M. G. Zolotoordynskii gorod Solkhat-Krym: K probleme formirovaniia gorodskoi kul’tury (novye materialy). *Tatar arkheologiiase*, Kazan’, 1997, pp. 101–106.
68. Kramarovskii M. G. *Izobrazhenie cheloveka v keramike Severnogo Prichernomor’ia XII–XV vekov: vremennaia vystavka iz fondov Khersonesskogo muzeia i Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad: Gosudarstvennii Ermitazh Publ., 1990, 38 p.
69. Kramarovskii M. G. Issledovanie trekh arkhitekturnykh ob’ektov na territorii srednevekovogo Solkhata. *Tezisy dokladov Vsesoiuznoi konferentsii “Zadachi sovetskoi arkheologii v svete reshenii XXVII s’ezda*

- КРСС". Moscow: Nauka Publ., 1987. pp. 131–132.
70. Kramarovskii M. G. Klad serebrianykh platezhnykh slitkov iz Starogo Kryma i zolotoordynskie sumy. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 1980, N 45, pp. 68–71.
71. Kramarovskii M. G., Seidaliev E. I. Krepostnye steny Solkhata-Kryma: Opyt arkhelogicheskogo issledovaniia. *Trudy 4(10) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda v Kazani, 20–25 sentiabria 2014 g.* Kazan': Otechestvo Publ., 2014, T. 3, pp. 384–387.
72. Kramarovskii M. G. Krest-relikvarii XII – nachala XIII veka iz mogil'nika v prigorode zolotoordynskogo goroda Solkhata (Krym). *Vizantiiskaia ideia: Vizantiia v epokhu Komninov i Paleologov: k XXI Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov (London, 21–26 avgusta 2006)*. St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2006, pp. 53–62.
73. Kramarovskii M. G. Kurgan u sela Krnichki v Iugo-Vostochnom Krymu. *Zin'ko V. N. (Ed.). Bosporskie issledovaniia*, Simferopol', 2001, Vol. 1, pp. 23–43.
74. Kramarovskii M. G. *Materialy Starokrymskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii*. St. Petersburg: Lema Publ., 2002, Vol. 1: «Raskopki v Starom Krymu v 1998–2000», 183 p.
75. Kramarovskii M. G., Seidaliev E. I. Oboronitel'nyi kompleks Solkhata po itogam arkhelogicheskikh rabot 2009–2012 gg. *Tezisy dokladov i soobshchenii IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Nauchnye chteniia pamiati U. A. Bodaninskogo» (Bakhchisarai, 17–19 oktiabria 2012)*. Simferopol': Antikva Publ., 2013, p. 24.
76. Kramarovskii M. G. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiaakh srednevekovogo poseleniia Bakatash II v 2005 godu*. St. Petersburg: Lema Publ., 2007, 260 s.
77. Kramarovskii M. G. Pogrebenie bekljaribeka Mamaia (?): Arkhelogicheskie nabliudeniia i istoricheskii kontekst. *Tezisy dokladov "Ermitazhnye chteniia pamiati B. B. Piotrovskogo"*. St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 1996, pp. 38–41.
78. Kramarovskii M. G. *Poselenie Bakatash II: Rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001–2003 gg.* St. Petersburg: Lema Publ., 2004, Vol. 2, 380 p.
79. Kramarovskii M. G. *Poselenie Bakatash II: Rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2004 godu*. St. Petersburg: Lema Publ., 2006, 313 p.
80. Kramarovskii M. G. Prikladnaia pechat' s gorodishcha srednevekovogo Kryma: predvaritel'noe soobshchenie. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1981, N 46, pp. 51–52.
81. Kramarovskii M. G. Raboty Zolotoordynskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v sel'skoi okruge Solkhata: Issledovanie pamiatnika Bakatash II v 2002 g. *Otchetnaia arkhelogicheskaiia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha za 2002 god: tezisy dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2003, pp. 44–49.
82. Kramarovskii M. G. Raboty Zolotoordynskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v sel'skoi okruge Solkhata: Prodolzhenie issledovaniia pamiatnika Bakatash II v 2003 godu. *Arkhelogicheskie ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha za 2003 god: sbornik dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2004, pp. 139–160.
83. Kramarovskii M. G. Raboty Zolotoordynskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii v 1998 godu. *Otchetnaia arkhelogicheskaiia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha za 1998 god: tezisy dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 1999, pp. 24–28.
84. Kramarovskii M. G. Raboty Zolotoordynskoi ekspeditsii v 1999 godu. *Otchetnaia arkhelogicheskaiia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha za 1999 god: tezisy dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2000, pp. 30–34.
85. Kramarovskii M. G. Raboty Zolotoordynskoi ekspeditsii v 2000 godu. *Otchetnaia arkhelogicheskaiia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha za 2000 god: tezisy dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2001, pp. 26–34.
86. Kramarovskii M. G. Raboty Zolotoordynskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii v sel'skoi okruge Solkhata

- (2001 god). *Otchetnaia arkheologicheskaiia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha za 2001 god: tezisy dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2002, pp. 27–35.
87. Kramarovskii M. G. Raboty Zolotoordynskoi (Starokrymskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii. *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu, 1994 god*. Simferopol': Sonat Publ., 1997, pp. 157–159.
 88. Kramarovskii M. G. Raboty Zolotoordynskoi (Starokrymskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii v 1994 godu. *Otchetnaia arkheologicheskaiia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha za 1994 god: tezisy dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 1995, pp. 18–22.
 89. Kramarovskii M. G. Raboty na gorodishche srednevekovogo Solkhata. *Rybakov B. A. (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda*, Moscow: Nauka Publ., 1984, p. 281.
 90. Kramarovskii M. G. Raboty na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym) v 1992 godu. *Otchetnaia arkheologicheskaiia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha za 1992 god: tezisy dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 1993, pp. 21–22.
 91. Kramarovskii M. G. Raboty Starokrymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1997 godu. *Otchetnaia arkheologicheskaiia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha za 1997 god: tezisy dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 1998, pp. 21–25.
 92. Kramarovskii M. G. Raskopki na gorodishche Solkhata. *Rybakov B. A. (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia 1981 goda*, Moscow: Nauka Publ., 1983, p. 274.
 93. Kramarovskii M. G. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniia na poselenii Bakatash II v 2004 godu. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha za 2004 god: sbornik dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 2005, pp. 142–159.
 94. Kramarovskii M. G. Religioznye obshchiny v istorii i kul'ture Solkhata XIII–XIV vv. *Beliaev L. A. (Ed.). Archeologia abrahamic: issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama*. Moscow: Indrik Publ., 2009, pp. 395–428.
 95. Kramarovskii M. G. Solkhat-Krym: K voprosu o naselenii i topografii goroda v XIII–XIV v. *Smirnov G. I. (Ed.). Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 1989, pp. 141–157.
 96. Kramarovskii M. G. Solkhat-Krym: Remeslennaia masterskaia na ob'ekte XII. *Otchetnaia arkheologicheskaiia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha: kratkie tezisy dokladov*, St. Petersburg: Gos. Ermitazh Publ., 1992, pp. 7–8.
 97. Kramarovskii M. G. Solkhat-Krym XIII–XIV v. *A. G. Gertsen (Ed.). Otkroveniia drevnego Solkhata: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sokhranenie kul'turnogo i istoricheskogo naslediiia Kryma. Solkhat – tsentr zolotoordynskoi kul'tury Kryma: itogi i perspektivy issledovaniia, problemy sokhraneniia pamiatnikov»*, Simferopol', 2010, pp. 22–27.
 98. Kramarovskii M. G. Solkhat i Amas'ia v XIV v.: K itogam arkheologicheskogo izucheniia kompleksa medrese i mecheti Uzbecka v g. Krym (Staryi Krym). *Materialy Vsesoiuznoi nauchnoi konferentsii "Problemy istorii arkhitektury"*, Suzdal', 1991, p. 127.
 99. Kulakovskii Iu. A. Noveye dannye dlia istorii Starogo Kryma. *Zapiski imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva: novaia seriia*, 1899, T. 10, vol. 3/4: «Trudy Otdeleniia arkheologii drevne-klassicheskoi, vizantiiskoi i zapadno-evropeiskoi», kn. 3, pp. 1–12.
 100. Kulakovskii Iu. A. O noveishikh nakhodkakh v Starom Krymu. *Chteniia v Istoricheskom obshchestve Nestora Letopistsa*, 1899, Kn. 13, otd. 1, pp. 104–105.
 101. Kulakovskii Iu. A. *Proshloe Tavriidy: Kratkii istoricheskii ocherk*. Kiev, 1914, 156 p.
 102. Lazaretova N. I. Predvaritel'nye itogi izucheniia antropologicheskikh materialov mogil'nika Bakatash II. *Kramarovskii M. G., Gukin V. D. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaakh srednevekovogo poseleniia Bakatash II v 2005 godu*. St. Petersburg: Lema Publ., 2007, pp. 215–234.
 103. Maiko V. V., Beilin D. V., Kulikov A. V. Zemlianye fortifikatsionnye sooruzheniia srednevekovogo Solkhata. *Gabrielian O.A. (Ed.). Tavriis'ki studii*. 2013, N 1(4), pp. 110–116.
 104. Maiko V. V., Beilin D. V., Kulikov A. V. Issledovanie fortifikatsionnikh sooruzhenii srednevekovogo Solkhata. *Kozak D. N. (Ed.). Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini: 2011*. Kiev, 2012, pp. 85–87.
 105. Markevich A. I. Arkheologicheskie issledovaniia i raskopki v Krymu. *Nepomniashchii A. A. Arsenii*

- Markevich: Stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2005, pp. 317–321. (Serii: «Biobibliografiia krymovedeniia», vol. 3).
106. Markevich A. I. Poezdka v Staryi Krym. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1888, N 6, pp. 64–77.
107. Markevich A. I. Staro-Krymskie drevnosti. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol', 1892, T. 17, pp. 124–129.
108. Markevich A. I. Sud'by pamiatnikov drevnosti v Tavride. *Nepomniashchii A. A. Arsenii Markevich: Stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2005, pp. 267–317. (Serii: «Biobibliografiia kraevedeniia», vol. 3).
109. [Pallas P. S.] Poezdka vo vnutrennost' Kryma vdol' Kerchenskogo poluostrova i na ostrov Taman' (prodolzhenie). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1883, T. 13, pp. 35–108.
110. Petrova E. B., Prokhorova T. A. *Krymskie puteshestviia: N. N. Murzakevich, A. N. Demidov (k 200-letnemu iubileiu N. V. Gogolia)*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2011, 328 p.
111. Petrova E. B., Prokhorova T. A. *Krymskie puteshestviia: Sharl' Zhil'ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 godu»*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2011, 168 p.
112. Severova M. B. Popolnenie fonda dzhuchidskikh monet Ermitazha (po materialam Starokrymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii). *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1990, N 54, pp. 43–46.
113. Seidaliev E. I. Istoriiia izucheniia oboronitel'nykh sooruzhenii Solkhata. *Tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «I Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E. V. Veimarna» (Bakhchisarai, 5–7 sentyabrya 2012)*. Bakhchisarai, 2012, p. 58.
114. Sidorenko V. A. Issledovanie arkhitekturnykh stilei pamiatnikov Iugo-Vostochnogo Kryma. *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1988, pp. 115–129.
115. Smirnov V. D. Arkheologicheskaiia ekskursiia v Krym letom 1886 goda. *Zapiski Vostochnogo otdela imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*, 1887, T. 1, vol. 4, pp. 273–302.
116. Smirnov V. D. Arkheologicheskaiia ekskursiia v Krym letom 1886 goda. *Nepomniashchii A. A. Podvizhniki krymovedeniia*. Simferopol', 2008, T. 2: «TAURICA ORIENTALIA», pp. 499–529. (Serii: «Biobibliografiia krymovedeniia», vol. 12).
117. Spasskii G. Staryi Krym: Iz putevykh zapisok o Kryme. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1858, T. 4, pp. 85–103.
118. Starokrymskaia (Zolotoordynskaia) arkheologicheskaiia ekspeditsiia. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Otchet Gosudarstvennogo Ermitazha, 1999 god*. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazh Publ., 2000, p. 32.
119. Starokrymskaia (Zolotoordynskaia) arkheologicheskaiia ekspeditsiia. *Piotrovskii M. B. (Ed.). Otchet Gosudarstvennogo Ermitazha, 2000 god*. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazh Publ., 2001, p. 36.
120. Starokrymskaia (Zolotoordynskaia) ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1981, N 46, pp. 64–65.
121. Starokrymskaia (Zolotoordynskaia) ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1983, N 48, p. 53.
122. Starokrymskaia (Zolotoordynskaia) arkheologicheskaiia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad: Iskusstvo Publ., 1991, N 55, p. 66.
123. Starokrymskaia (Zolotoordynskaia) arkheologicheskaiia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazh Publ., 1997, N 57, p. 80.
124. Starokrymskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazh Publ., 1999, N 58, p. 88.
125. Starokrymskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazh Publ., 2001, N 59, p. 91.
126. Starokrymskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazh Publ., 2003, N 60, p. 125.
127. Starokrymskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazh Publ., 2004, N 61, pp. 112–113.

128. Sumarokov P. I. *Dosugi krymskogo sud'i, ili vtoroe puteshestvie v Tavridu*. St. Petersburg, 1803, Part 1, 276 p.; 1805, Part 2, 273 p.
129. Sumarokov P. I. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2012, 208 p.
130. Tunkina I. V. *Otkrytie Feodosii: Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnosti. 1771–1871*. Kiev: Bolero Publ., 2011, 240 p.
131. Shamaev A. V. *Okhrana pamiatnikov Starogo Kryma v Kontse XVIII – nachale XX v. Antichnaia drevnost' i srednie veka*. Ekaterinburg, 2014, Vol. 42: «Pamiat Khansa-Faita Baiera», pp. 279–292.

Приложение 1

Архивные материалы

I. ГБУ РК «БИКАМЗ» (Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», г. Бахчисарай):

1. Кн. 1600, инв. № 3. Богаевский К. Ф. «Раскопки в Старом Крыму», [без даты], 1 л.
2. Кн. 1630, инв. № 33. Богаевский К. Ф. «Раскопки в Старом Крыму», [без даты], 1 л.
3. Кн. 1631, инв. № 34. Богаевский К. Ф. «Раскопки в Старом Крыму», [без даты], 1 л.
4. Кн. 1632, инв. № 35. Богаевский К. Ф. «Раскопки в Старом Крыму», [без даты], 1 л.
5. Кн. 1642, инв. № 45. Богаевский К. Ф. «Раскопки в Старом Крыму», [без даты], 1 л.
6. Кн. 2913, инв. № 576. Раскопки медресе 1928 г. в Старом Крыму: № 6, 1928, 38 л.
7. Кн. 2914, инв. № 577. Раскопки медресе 1928 г. в Старом Крыму: № 7, 1928, 24 л.
8. Кн. 3420, инв. № 14. Фотонегатив. Старый Крым. Фрагмент круглой стелы с линейным узором в нижней части и рельефной лампадой [без даты], 1 л.
9. Кн. 3421, инв. № 15. Фотонегатив. Старый Крым. Орнамент с рельефным изображением, [без даты], 1 л.
10. Кн. 3422, инв. № 16. Фотонегатив. Старый Крым. Медресе. Фрагмент саркофага с рельефным узором и следами надписи, [без даты], 1 л.
11. Кн. 3423, инв. № 17. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробная стела, [без даты], 1 л.
12. Кн. 3424, инв. № 18. Фотонегатив. Старый Крым. Архитектурная деталь (Фрагмент из музейного хранилища), [без даты], 1 л.
13. Кн. 3425, инв. № 19. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробные памятники восьмигранные, без главных частей, с датой 782 г., [без даты], 1 л.
14. Кн. 3426, инв. № 20. Фотонегатив. Старый Крым. Известняковая капитель, [без даты], 1 л.
15. Кн. 3427, инв. № 21. Фотонегатив. Старый Крым. Фрагмент надгробного памятника. Известняк. Надпись: «Хаджи Мухаммед, сын Хаджи Ахмета», [без даты], 1 л.
16. Кн. 3428, инв. № 22. Фотонегатив. Старый Крым. Медресе. Фрагмент надгробия с именем «Семось Мелек, дочь», [без даты], 1 л.
17. Кн. 3429, инв. № 23. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробные памятники, [без даты], 1 л.
18. Кн. 3430, инв. № 24. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Общий вид, [без даты], 1 л.
19. Кн. 3431, инв. № 25. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Общий вид. Очищенный порог, [без даты], 1 л.
20. Кн. 3432, инв. № 26. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Общий вид. Профилированные камни у входа, [без даты], 1 л.
21. Кн. 3433, инв. № 27. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Наличники дверей, [без даты], 1 л.
22. Кн. 3434, инв. № 28. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Профилированные камни у входа, [без даты], 1 л.
23. Кн. 3435, инв. № 29. Фотонегатив. Старый Крым. Вид медресе после расчистки (Нижняя часть стены), [без даты], 1 л.
24. Кн. 3436, инв. № 30. Фотонегатив. Старый Крым. Медресе. Разрез стены и коридор в северо-западном углу, [без даты], 1 л.
25. Кн. 3437, инв. № 31. Фотонегатив. Старый Крым. Медресе. Часть раскопанной стены. Угол

- профилированного цоколя [без даты], 1 л.
26. Кн. 3438, инв. № 32. Фотонегатив. Старый Крым. Часть раскопанной стены медресе, [без даты], 1 л.
27. Кн. 3439, инв. № 33. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Профилированные камни у входа, [без даты], 1 л.
28. Кн. 3440, инв. № 34. Фотонегатив. Старый Крым. Медресе. Восьмигранная капитель, [без даты], 1 л.
29. Кн. 3441, инв. № 35. Фотонегатив. Старый Крым. Медресе. Порог двери после раскопок, [без даты], 1 л.
30. Кн. 3442, инв. № 36. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробный памятник с изображением висячей лампы над одной из узких сторон, [без даты], 1 л.
31. Кн. 3443, инв. № 37. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробный памятник с изображением висячей лампы над одной из узких сторон, [без даты], 1 л.
32. Кн. 3444, инв. № 38. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробный памятник в виде круглой колонны с головным убором и надписью на одной из сторон, [без даты], 1 л.
33. Кн. 3445, инв. № 39. Фотонегатив. Старый Крым. Части двух мусульманских надгробий с рельефными надписями, [без даты], 1 л.
34. Кн. 3446, инв. № 40. Фотонегатив. Старый Крым. Части двух мусульманских надгробий с рельефными арабскими надписями, [без даты], 1 л.
35. Кн. 3447, инв. № 41. Фотонегатив. Старый Крым. Часть колонны с капителью, тело колонны рельефное. Рядом фрагмент каменной плиты с рельефным арабской надписью, [без даты], 1 л.
36. Кн. 3448, инв. № 42. Фотонегатив. Старый Крым. Мусульманское надгробие двурогого типа с орнаментом, [без даты], 1 л.
37. Кн. 3449, инв. № 43. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Плита от боковой стены гробницы с рельефным орнаментом, тремя розетками. Плита разбита пополам, [без даты], 1 л.
38. Кн. 3450, инв. № 44. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Надгробие в виде колонны с базой. Дата – 823 г. хиджры, [без даты], 1 л.
39. Кн. 3451, инв. № 45. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Общий вид двора после расчистки, [без даты], 1 л.
40. Кн. 3452, инв. № 46. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Обрез земли северной стены и коридора в северо-западном углу, [без даты], 1 л.
41. Кн. 3453, инв. № 47. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Саркофаг из известняка, горизонтальный, с двускатным верхом и турецким стихотворением «Смотрела я на свет». Саркофаг разбит пополам, [без даты], 1 л.
42. Кн. 3454, инв. № 48. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Юго-западная часть с обрезом земли и плиточным полом, [без даты], 1 л.
43. Кн. 3455, инв. № 49. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Северо-западная часть территории до начала раскопок, [без даты], 1 л.
44. Кн. 3456, инв. № 50. Фотонегатив. Старый Крым. Двор музейного хранилища, [без даты], 1 л.
45. Кн. 3457, инв. № 51. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Западная анта северной ниши, база капители и обрез земли, [без даты], 1 л.
46. Кн. 3458, инв. № 52. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Восточная анта южной ниши и капитель в юго-восточном углу медресе, [без даты], 1 л.
47. Кн. 3459, инв. № 53. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Восточная анта северной ниши после расчистки, [без даты], 1 л.
48. Кн. 3460, инв. № 54. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробия с головными уборами, [без даты], 1 л.
49. Кн. 3461, инв. № 55. Фотонегатив. Старый Крым. Плита гробницы, украшенная рельефным орнаментом в виде стилизованной линии. Плита разбита, [без даты], 1 л.
50. Кн. 3462, инв. № 56. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробные памятники с заостренными верхушками и орнаментом, [без даты], 1 л.
51. Кн. 3463, инв. № 57. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробные памятники с заостренными верхушками и орнаментом, [без даты], 1 л.
52. Кн. 3464, инв. № 58. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Юго-восточный угол медресе

- после расчистки, [без даты], 1 л.
53. Кн. 3465, инв. № 59. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Плиточный пол после расчистки, [без даты], 1 л.
 54. Кн. 3466, инв. № 60. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробия и капители в лапидарии, [без даты], 1 л.
 55. Кн. 3467, инв. № 61. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Плиточное покрытие двора после расчистки (северо-западный угол), [без даты], 1 л.
 56. Кн. 3468, инв. № 62. Фотонегатив. Старый Крым. Общий вид медресе до раскопок, [без даты], 1 л.
 57. Кн. 3469, инв. № 63. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе, [без даты], 1 л.
 58. Кн. 3470, инв. № 64. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Западная анта в большом масштабе, [без даты], 1 л.
 59. Кн. 3471, инв. № 65. Фотонегатив. Старый Крым. Медресе. Остатки юго-западного угла здания, [без даты], 1 л.
 60. Кн. 3472, инв. № 66. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Обрез земли с северо-западного угла северной ниши и двумя капителями, [без даты], 1 л.
 61. Кн. 3473, инв. № 67. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробие, украшенное орнаментом и арабскими надписями, [без даты], 1 л.
 62. Кн. 3474, инв. № 68. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Фрагмент парапета, [без даты], 1 л.
 63. Кн. 3475, инв. № 69. Фотонегатив. Старый Крым. Плоские и круглые надгробия во дворе хранилища, [без даты], 1 л.
 64. Кн. 3476, инв. № 70. Фотонегатив. Старый Крым. Мечеть, [без даты], 1 л.
 65. Кн. 3477, инв. № 71. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Остатки окна в расчищенной стене, [без даты], 1 л.
 66. Кн. 3478, инв. № 72. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки старого кладбища, надгробия, [без даты], 1 л.
 67. Кн. 3479, инв. № 73. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки древнего медресе. Северо-западный угол здания и разрез земли, [без даты], 1 л.
 68. Кн. 3480, инв. № 74. Фотонегатив. Старый Крым. Северная сторона медресе после расчистки, [без даты], 1 л.
 69. Кн. 3481, инв. № 75. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки кладбища на Зеленой площади. Надгробия «А» и «Б» с восточной стороны, [без даты], 1 л.
 70. Кн. 3482, инв. № 76. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Северо-западный угол после расчистки, [без даты], 1 л.
 71. Кн. 3483, инв. № 77. Фотонегатив. Старый Крым. Орнаментированный портал, [без даты], 1 л.
 72. Кн. 3484, инв. № 78. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Обрез земли в северной части, [без даты], 1 л.
 73. Кн. 3485, инв. № 79. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Восточная анта северной ниши. Обрез земли, [без даты], 1 л.
 74. Кн. 3486, инв. № 80. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Восточная анта северной ниши. Обрез земли, [без даты], 1 л.
 75. Кн. 3487, инв. № 81. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Восточная анта северной ниши. Обрез земли, [без даты], 1 л.
 76. Кн. 3488, инв. № 82. Фотонегатив. Старый Крым. Восьмигранные надгробия, [без даты], 1 л.
 77. Кн. 3489, инв. № 83. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Анта у входа (вид после раскопок), [без даты], 1 л.
 78. Кн. 3490, инв. № 84. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Расчищенная часть портала, [без даты], 1 л.
 79. Кн. 3491, инв. № 85. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки у северо-западного угла медресе, [без даты], 1 л.
 80. Кн. 3492, инв. № 86. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Анта в большом масштабе,

- [без даты], 1 л.
81. Кн. 3493, инв. № 87. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Северо-западный угол (до раскопок), [без даты], 1 л.
 82. Кн. 3494, инв. № 88. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Кладка стены с антисейсмическими прокладками, [без даты], 1 л.
 83. Кн. 3495, инв. № 89. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Анта в северо-западном углу, [без даты], 1 л.
 84. Кн. 3496, инв. № 90. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Широкая стена и площадь, [без даты], 1 л.
 85. Кн. 3497, инв. № 91. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Маленькое помещение с узкими дверями у стены медресе, [без даты], 1 л.
 86. Кн. 3498, инв. № 92. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Кладка стен у северо-западного угла медресе, [без даты], 1 л.
 87. Кн. 3499, инв. № 93. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Расчищенный пол коридора, [без даты], 1 л.
 88. Кн. 3500, инв. № 94. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Траншея, которая отделила восточный угол, [без даты], 1 л.
 89. Кн. 3501, инв. № 95. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Остатки свода и стены, [без даты], 1 л.
 90. Кн. 3502, инв. № 96. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Анта после расчистки, [без даты], 1 л.
 91. Кн. 3503, инв. № 97. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе, [без даты], 1 л.
 92. Кн. 3504, инв. № 98. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Общий вид медресе до раскопок, [без даты], 1 л.
 93. Кн. 3505, инв. № 99. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Площадь медресе, расчищенная в 1928 г., [без даты], 1 л.
 94. Кн. 3506, инв. № 100. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Общий вид на южную нишу и двор после расчистки в 1928 г., [без даты], 1 л.
 95. Кн. 3507, инв. № 101. Фотонегатив. Старый Крым. Мечеть Узбека. Портал, [без даты], 1 л.
 96. Кн. 3508, инв. № 102. Фотонегатив. Старый Крым. Юго-восточная территория медресе до раскопок 1928 г., [без даты], 1 л.
 97. Кн. 3509, инв. № 103. Фотонегатив. Старый Крым. Северная часть медресе после расчистки, [без даты], 1 л.
 98. Кн. 3510, инв. № 104. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Юго-восточный угол здания после расчистки, [без даты], 1 л.
 99. Кн. 3511, инв. № 105. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Юго-восточный угол после расчистки, [без даты], 1 л.
 100. Кн. 3512, инв. № 106. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Остатки старого свода, [без даты], 1 л.
 101. Кн. 3513, инв. № 107. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Зачищенная внутренняя часть помещения, [без даты], 1 л.
 102. Кн. 3514, инв. № 108. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Капители двух колонн у входной двери хранилища, [без даты], 1 л.
 103. Кн. 3515, инв. № 109. Фотонегатив. Старый Крым. Одна из улиц города, [без даты], 1 л.
 104. Кн. 3516, инв. № 110. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Вид на северо-западный угол, [без даты], 1 л.
 105. Кн. 3517, инв. № 111. Фотонегатив. Старый Крым. Музейное хранилище, [без даты], 1 л.
 106. Кн. 3518, инв. № 112. Фотонегатив. Старый Крым. Круглые надгробия с арабскими надписями, [без даты], 1 л.
 107. Кн. 3519, инв. № 113. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробия с арабскими надписями и

- изображением головных уборов, [без даты], 1 л.
108. Кн. 3520, инв. № 114. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробие с арабской надписью, часть колонны или пилястры, [без даты], 1 л.
109. Кн. 3521, инв. № 115. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробия с арабскими надписями, [без даты], 1 л.
110. Кн. 3522, инв. № 116. Фотонегатив Старый Крым. Плоские надгробия. Из них два с изображением висящих лампад, [без даты], 1 л.
111. Кн. 3523, инв. № 117. Фотонегатив. Старый Крым. Надгробие с арабской надписью, рядом архитектурная деталь (часть колонны или пилястры), [без даты], 1 л.
112. Кн. 3524, инв. № 118. Фотонегатив. Старый Крым. Фрагменты надгробий с архитектурными деталями, [без даты], 1 л.
113. Кн. 3525, инв. № 119. Фотонегатив. Старый Крым. Фрагменты надгробий с архитектурными деталями, [без даты], 1 л.
114. Кн. 3526, инв. № 120. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе у северо-западного угла, [без даты], 1 л.
115. Кн. 3527, инв. № 121. Фотонегатив. Старый Крым. Плоские надгробия с орнаментом и арабскими надписями, [без даты], 1 л.
116. Кн. 3528, инв. № 122. Фотонегатив. Старый Крым. Плоские надгробные памятники с изображением висящих лампад, [без даты], 1 л.
117. Кн. 3529, инв. № 123. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Угол анты у входа, [без даты], 1 л.
118. Кн. 3530, инв. № 124. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Обрез земли и траншея, ведущая к углу здания, [без даты], 1 л.
119. Кн. 3531, инв. № 125. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Площадь раскопок напротив северной стены здания, [без даты], 1 л.
120. Кн. 3532, инв. № 126. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Обрез земли и траншея, открывшая анту у входа, [без даты], 1 л.
121. Кн. 3533, инв. № 127. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Анта в большом масштабе. Вид с запада, [без даты], 1 л.
122. Кн. 3534, инв. № 128. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Вскрытие первого горизонта, [без даты], 1 л.
123. Кн. 3535, инв. № 129. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Участок стены, [без даты], 1 л.
124. Кн. 3536, инв. № 130. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Обрез земли и вскрытая часть, [без даты], 1 л.
125. Кн. 3537, инв. № 131. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Порог раскопанного входа, [без даты], 1 л.
126. Кн. 3538, инв. № 132. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Часть расчищенного помещения, примыкающая к углу здания, [без даты], 1 л.
127. Кн. 3539, инв. № 133. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Участок стены, [без даты], 1 л.
128. Кн. 3540, инв. № 134. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Расчищенная стена с наличниками дверей и окон, [без даты], 1 л.
129. Кн. 3541, инв. № 135. Фотонегатив. Старый Крым. Раскопки медресе. Расчищенный плиточный пол и профилированный наличник двери, [без даты], 1 л.
130. Кн. 3542, инв. № 136. Фотонегатив. Старый Крым. Руины старинного здания возле Старого Крыма, [без даты], 1 л.
131. Кн. 3543, инв. № 137. Фотонегатив. Старый Крым. Мечеть, [без даты], 1 л.
132. Кн. 3544, инв. № 138. Фотонегатив. Старый Крым. Расчищенная стена с фрагментами окон, [без даты], 1 л.
133. Кн. 3545, инв. № 139. Фотонегатив. Старый Крым. Обработанные архитектурные детали, [без даты], 1 л.
134. Кн. 3546, инв. № 140. Фотонегатив. Старый Крым. Расчищенная основа стены медресе, [без даты], 1 л.

135. Кн. 3547, инв. № 141. Фотонегатив. Старый Крым. Рабочие перед началом работ, [без даты], 1 л.
136. Кн. 3548, инв. № 142. Фотонегатив. Старый Крым. Саркофаг с надписью «Гагай Хартум», [без даты], 1 л.
137. Кн. 3549, инв. № 143. Фотонегатив. Старый Крым. Группа участников археологической экспедиции 1928 г., [без даты], 1 л.
138. Кн. 3550, инв. № 144. Фотонегатив. Старый Крым. Мусульманское надгробие с изображением висящих лампад, [без даты], 1 л.
139. Кн. 9520, инв. № 379. Дневник У. А. Боданинского, [без даты], 41 л.
140. Кн. 9521, инв. № 380. Дневник У. А. Боданинского, [без даты], 28 л.
141. Кн. 9522, инв. № 381. Дневник У. А. Боданинского, [без даты], 34 л.
142. Кн. 9568, инв. № 387. Раскопки медресе 1928 в Старом Крыму: № 8, 1928, 24 л.
143. Кн. 9569, инв. № 386. Дневник У. А. Боданинского, [без даты], 38 л.
144. Кн. 9570, инв. № 385. Раскопки медресе 1928 г. в Старом Крыму: № 4, 1928, 23 л.
145. Кн. 10182, инв. № 1268. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «Надгробие в виде круглой стелы с надписями». Старый Крым, 1926, 1 л.
146. Кн. 10182, инв. № 1274. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «Надгробие с изображением горящей лампы», 1926, 1 л.
147. Кн. 10182, инв. № 1278. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «Раскоп средней части медресе Узбека», 1928, 1 л.
148. Кн. 10182, инв. № 1327. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «Солхат 23-IX-1926», 1926, 1 л.
149. Кн. 10182, инв. № 1329. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «С ограждения усадьбы Телякова на дороге в Кешене, Старый Крым», 1928, 1 л.
150. Кн. 10182, инв. № 1331. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «Надписи на михрабе мечети Узбека в Старом Крыму», 1928, 1 л.
151. Кн. 10182, инв. № 1341. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «План усадьбы Чеканова в Старом Крыму», [без даты], 1 л.
152. Кн. 10182, инв. № 1342. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «20-IX-1926, Солхат. Земляные работы по улице Греческой», 1926, 1 л.
153. Кн. 10182, инв. № 1354. Боданинский У. А. «Солхат. 21-IX-1926. Фрагменты гончарной поливной посуды», 1926, 1 л.
154. Кн. 10182, инв. № 1355. Боданинский У. А. «Солхат. 21-IX-1926. Фрагменты гончарной поливной посуды», 1926, 1 л.
155. Кн. 10182, инв. № 1371. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «Сфероподобный сосуд. Солхат», 1926, 1 л.
156. Кн. 10182, инв. № 1271. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «Вертикальное надгробие с надписями», 1926 г., 1 л.
157. Кн. 10182, инв. № 1273. Боданинский У. А. Рисунок карандашом «Надгробие с изображением горящей лампы», 1926 г. 1 л.

II. ГБУ «ЦГА Москвы» (Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Центральный государственный архив города Москвы»):

1. Ф. Р-1. Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) Наркомата просвещения СССР, 1918–1934 г., оп. 1, д. 505. Список археологических, архитектурных и революционных памятников и музейных зданий Крыма, находящихся в ведении КрымОХРИСа и Главнауки и считающихся национализированными, [без даты], 6 л.
2. Ф. Р-1, оп. 1, д. 507. Протоколы по вопросам охраны и реставрации памятников Крыма, 1926 г., 16 л.
3. Ф. Р-1, оп. 1, д. 509. Обследование памятников архитектуры Крыма: пояснительные и докладные записки, 1922–1928 гг., 40 л.
4. Ф. Р-1, оп. 1, д. 516. Старый Крым: акты обследования, сметы, 1926 г., 5 л.

III. ГКУ РК «ГАРК» (Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», г. Симферополь):

1. Ф. 377. Таврическая губернская чертежная Таврического губернского правления, г. Симферополь Таврической губернии, 1784–1917 гг., оп. 11. Планы по специальному и генеральному межеванию по Феодосийскому уезду, 1709–1913 гг., д. 818. Старокрымская болгарская колония, а ныне село владения болгар, 1793 г.
2. Ф. 377, оп. 11, д. 840. Старый Крым, владения городских купцов, мещан и разного звания людей, 1899 г.
3. Ф. 377, оп. 14. Землеустроительные планы и экспликации, 1794–1915 г., д. 2192. Старо-Крымский Георгиевский монастырь, [без даты].
4. Ф. 377, оп. 14, д. 2203. Старый Крым, владение купцов и мещан, 1891 г.
5. Ф. 377, оп. 14, д. 2221. Старый Крым – болгарская колония, 1867 г.
6. Ф. 377, оп. 14, д. 2251. Старый Крым – земля Георгиевского монастыря, 1821 г.
7. Ф. 377, оп. 14, д. 2253. План Таврической губернии Феодосийского уезда, владение отдельной колонии Старого Крыма, 1858 г.
8. Ф. 377, оп. 16. Планы городов, 1798–1917 гг., д. 11. План проектированного расположения города Старого Крыма Таврической губернии в 1891 г.
9. Ф. 377, оп. 16, д. 12. План города Старый Крым, 1891 г.
10. Ф. 377, оп. 16, д. 13. План города Старый Крым, 1898 г.
11. Ф. 802. Командующий сухопутными войсками, расположенными в Крыму и южных губерниях и флотах в Черном и Каспийском морях О. А. Игельстром, г. Карасубазар Таврической области, 1783–1784 гг., оп. 1, д. 9. О назначении в Крым военных чинов для составления описания, дорог, мостов, фонтанов, колодцев на Крымском полуострове, 24 л.

IV. ИВР РАН АВ (Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук, г. Санкт-Петербург):

1. Ф. 50. Василий Дмитриевич Смирнов (1846–1922), оп. 1, д. 21. Материалы раскопок древних захоронений в Крыму близ местечка Токлук, 1886 г., 14 л.
2. Ф. 50, оп. 1, д. 22. Описание архитектурных памятников татарского происхождения в Старом Крыму, 1886 г., 16 л.

V. ИИМК РАН НА РО (Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук, рукописный отдел, г. Санкт-Петербург):

1. Ф. 2. Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), 1919–1937 гг., оп. 1, д. 84. Об охране памятников: протокол заседания Секции Общей Архитектуры Государственной академии истории материальной культуры от 13 апреля 1926 года, 1926 г., 49 л.
2. Ф. 2, оп. 1, д. 164. Работы Бахчисарайского дворца-музея: отчет за 1927–1928 гг. и отчет о раскопках в Старом Крыму в 1928 с чертежами и фотографиями, 1929 г., 85 л.
3. Ф. 2, оп. 1, д. 181. О раскопках в Старом Крыму, 1925 г., 13 л.
4. Ф. 2, оп. 2, д. 13. Дело Археологического отделения ИИМК. Отчеты и протоколы, 1924 г., 51 л.
5. Ф. Р-1. Собрание графической документации, 1830–1970 гг., д. 1347. Чертежи к делу № 164, 1929 г., 10 л.

VI. ПФА РАН (Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук):

1. Ф. 1. Конференции Императорской академии наук (1724–1817), оп. 1а. Черновики и копии протоколов Конференции Академии наук (1725–1929), д. 33, 1822 г.
2. Ф. 3. Канцелярия Академии наук (1725–1766), оп. 32. Физическая экспедиция академика П. С. Палласа (1768–1774), д. 20. П. С. Паллас «Примечания во время путешествия в южные провинции Российской империи в 1793 и 1793 годах». Том 2. Анонимный перевод. 341 л.

VII. Рабочий архив Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым (г. Симферополь):

1. Акт технического состояния памятника истории и культуры [Караван-сарай] и определения плана работ и благоустройства его территории: приложение к охранному договору от 23 октября 2009, 4 л.
2. Акт технического состояния памятника истории и культуры [Мечеть Бейбарса] и определения плана работ и благоустройства его территории: приложение к охранному договору от 23 октября 2009, 3 л.
3. Акт технического состояния памятника истории и культуры [Мечеть Куршум-Джами] и определения плана работ и благоустройства его территории: приложение к охранному договору от 23 октября 2009, 3 л.
4. Акт технического состояния памятника истории и культуры [Мечеть Мюск-Джами] и определения плана работ и благоустройства его территории: приложение к охранному договору от 19 января 2010, 3 л.
5. Акт технического состояния памятника истории и культуры [Мечеть Узбека и медресе] и определения плана работ и благоустройства его территории: приложение к охранному договору от 19 января 2010, 5 л.

VIII. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва):

1. Ф. 846. Военно-ученый архив, 1552–1918 гг., оп. 16, д. 20159. План Старого Крыма губернского землемера Павла Семеновича Чуйко.
2. Ф. 846, оп. 16, д. 22608. План Старого Крыма, составленный квартирмейстером Иваном Лютовым. 1783 г.

Д. А. Ломакин

**Источники по истории изучения комплекса золотоордынских памятников г. Старый Крым
(последняя четверть XVIII – начало XXI вв.)**

Резюме

Статья отражает результаты библиографической и архивной эвристики, содержит анализ опубликованных материалов, а также архивных документов, выявленных в государственных архивах Российской Федерации и Украины. Отмечено, что основу источниковой базы вопроса составляет достаточно широкий круг материалов, которые отличаются по происхождению, информационными возможностями, уровнем объективности и местом хранения. Источники по истории исследования мусульманских памятников золотоордынского происхождения г. Старый Крым разделены на пять основных групп: 1. Записки ученых-энциклопедистов и путешественников; 2. Научные труды, направленные на всестороннее изучение мусульманских памятников города (к данной группе отнесены как отдельные монографические исследования, так и публикации, размещенные в периодических изданиях); 3. Делопроизводственные документы – материалы партийных, общественных и научных организаций, имевших непосредственное отношение к изучению мусульманских памятников Старого Крыма; 4. Документы личного происхождения; 5. Изобразительные источники (живопись, графика, фотоматериалы). Сделан вывод о том, что применение разноплановых источников позволит комплексно и всесторонне раскрыть динамичный процесс изучения мусульманских памятников золотоордынского периода, расположенных в г. Старый Крым. Продолжение исследования комплекса, тщательный анализ накопленного материала сделает возможным прекратить научные споры вокруг одного из наиболее почитаемых комплексов мусульманских святынь Крыма. Тщательный объективный анализ имеющегося материала в дальнейшем позволит исключить массу «белых пятен» в истории Крыма и золотоордынской архитектуры полуострова. Это будет способствовать воссозданию истории развития памятниковедения не только в региональных рамках, но и в контексте Юга России в целом, а также сделает более эффективной разработку общегосударственных и региональных программ по исследованию родного края и формированию исторической памяти.

Ключевые слова: Золотая Орда, Старый Крым, Солхат, памятник истории и археологии, исторический источник, история исследования.

D. A. Lomakin

The Sources on the History of Research of the Complex of the Golden Horde Monuments in the Town of Eski Krym (The Late Eighteenth to the Early Twenty-First Centuries)

Summary

This article reveals the results of bibliographical and archival heuristics, containing the analyses of published materials and archival documents discovered at state archives of the Russian Federation and Ukraine. Significantly, the core of the source base of the problem consists of quite a wide range of materials of different origin, data capability, objectivity level, and storage place. The sources on the history of research of Muslim monuments of the Golden Horde origin in the town of Eski Krym (Turkic for “Old Crimea”) are divided into five basic groups: 1) Travelogues of encyclopaedist scholars and travellers; 2) Researches of all-sided studies of Moslem monuments in the town (this group comprises both particular monographs and publications in periodicals); 3) Documents of management and record keeping, the materials of the Communist Party, public, and research institutions, directly related to the study of Muslim monuments in Eski Krym; 4) Personal documents; 5) Visual sources (painting, graphics, photographs). The conclusion has been made that the use of variant sources will allow one to disclose in a complex and all-round way the dynamic process of study of Muslim monuments from the Golden Horde period located in the town of Eski Krym. A continuation of research of the complex and a thorough analysis of the accumulated material will make it possible to cease scientific disputes around one of the most respected complex of Muslim relics in the Crimea, allowing one to remove a plenty of «white spots» in the history of the Crimea and Golden Horde architecture in the peninsula. It will make its contribution to the reconstruction of the history of development of the study of monuments in the region and in Southern Russia context in general, and more effective development of the nationwide and regional programs on local lore research and the formation of the historical memory.

Keywords: Golden Horde, Eski Krym, Solkhat, monument of history and archaeology, historical source, research history.

РАСКОПКИ МЕДРЕСЕ В 1928г.
ЛИВШАЯСЯ КАПИТЕЛЬ В КОРРИДОРЕ ЮГО-ВОСТОЧНОГО УГЛА

Масштаб 1:15

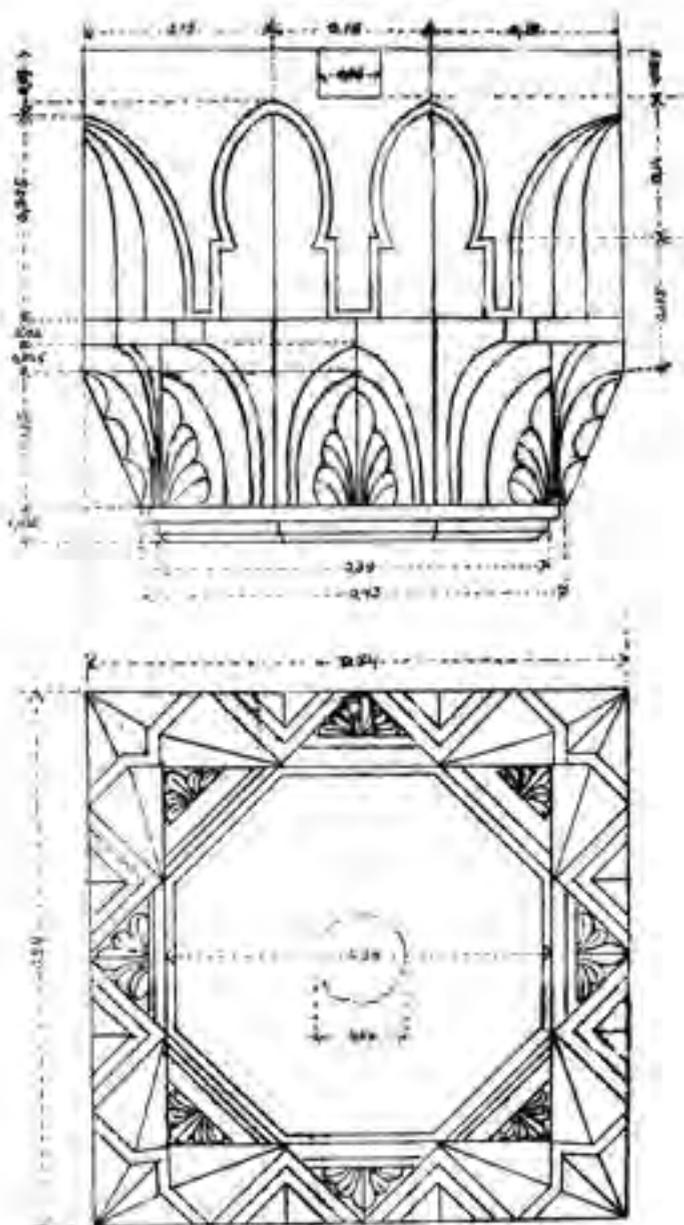

Рис. 1. Раскопки медресе. Капитель в коридоре юго-восточного угла. 1928 г. Обмеры и чертежи П. И. Голландского [по: прил. 1, V.5, л. 10].

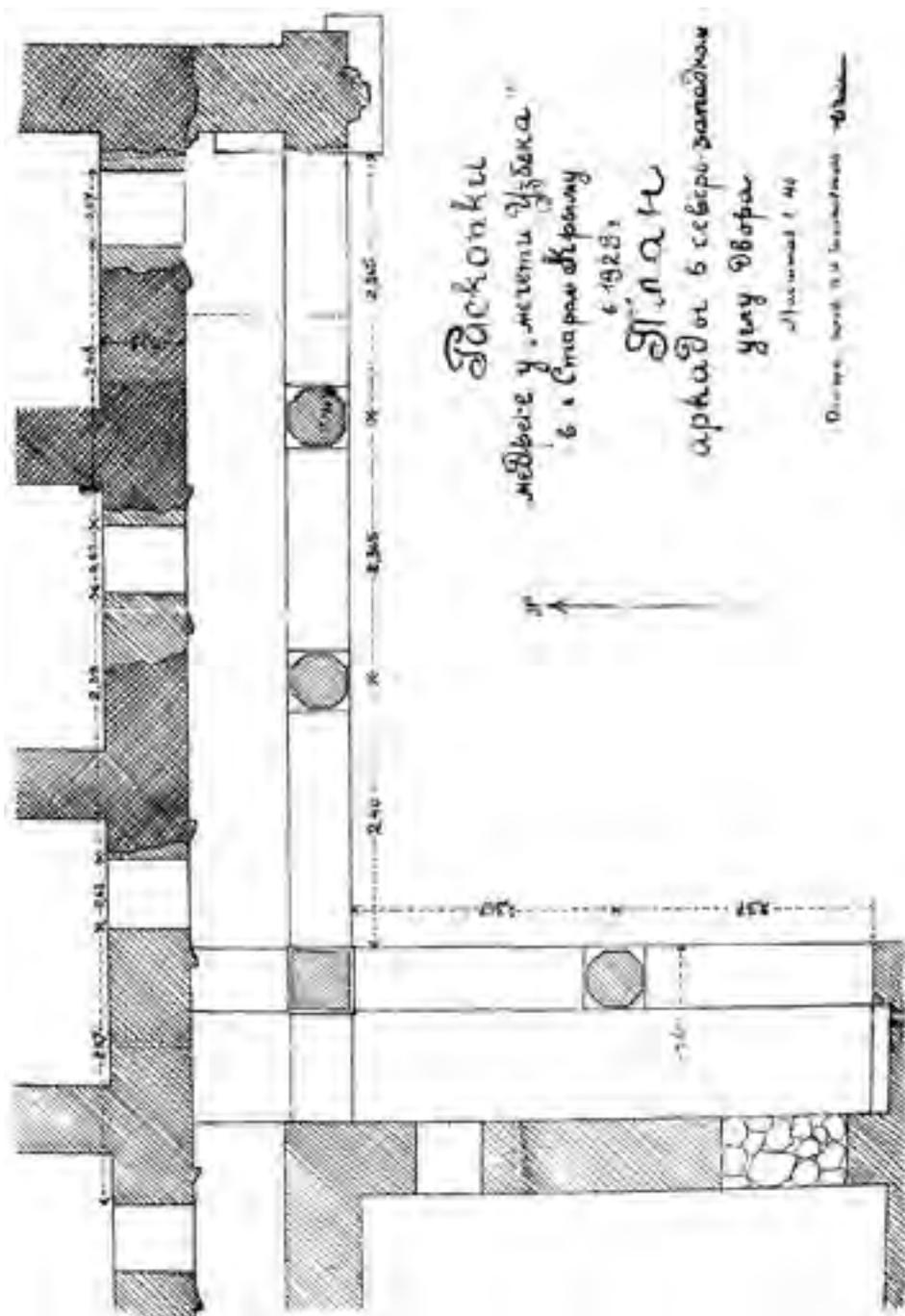

Рис. 2. Раскопки медресе возле мечети Узбека в 1928 г. План аркады северо-западного угла двора. Обмеры П. И. Голландского, чертеж Н. Л. Эрнста [по: прил. 1, V.5, л. 2].

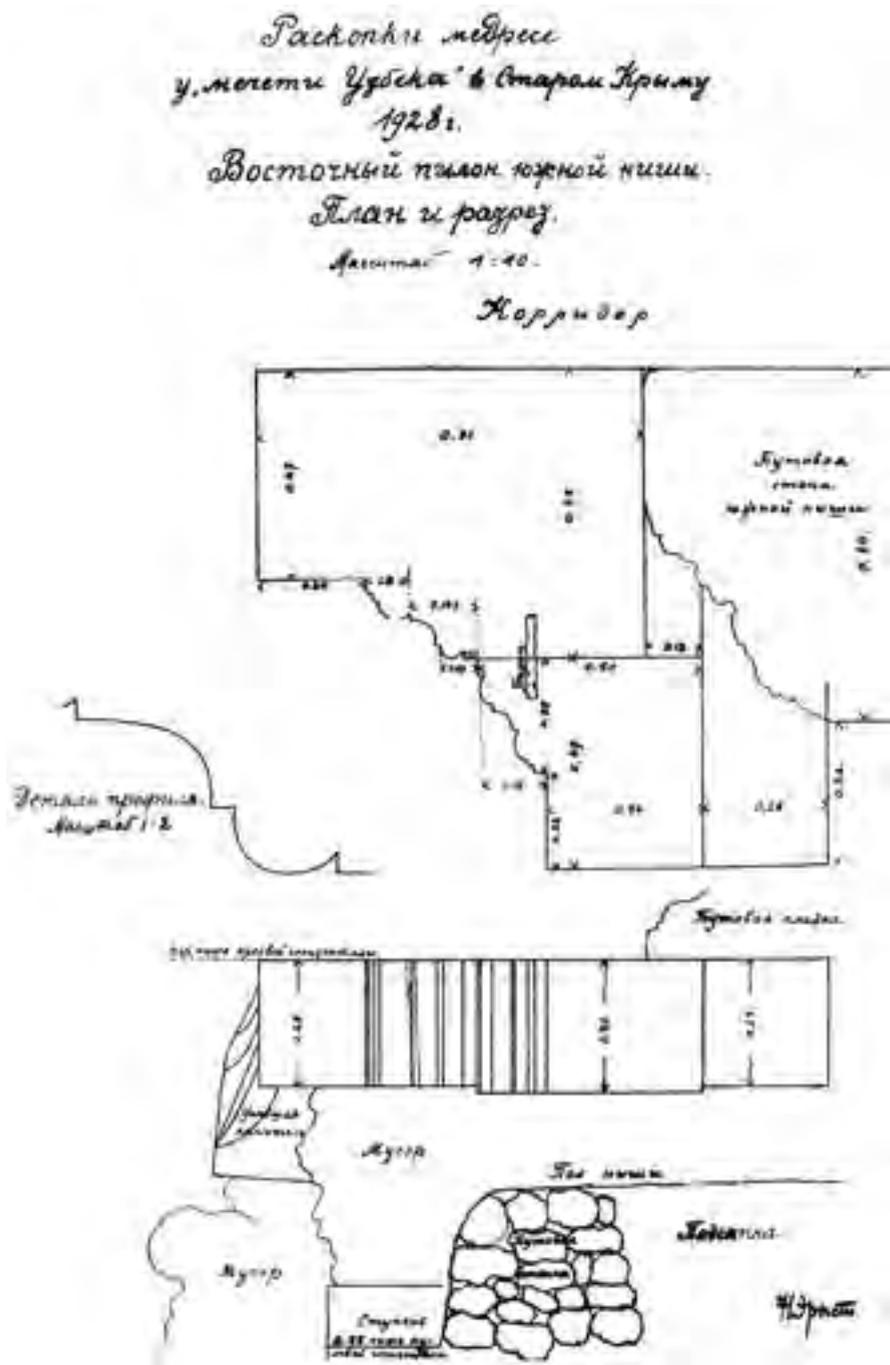

Рис. 3. Раскопки медресе возле мечети Узбека в Старом Крыму в 1928 г. Восточный пилон южной ниши. План и разрез. Обмеры П. И. Голландского, чертеж Н. Л. Эрнста [по: прил. 1, V.5, л. 8].

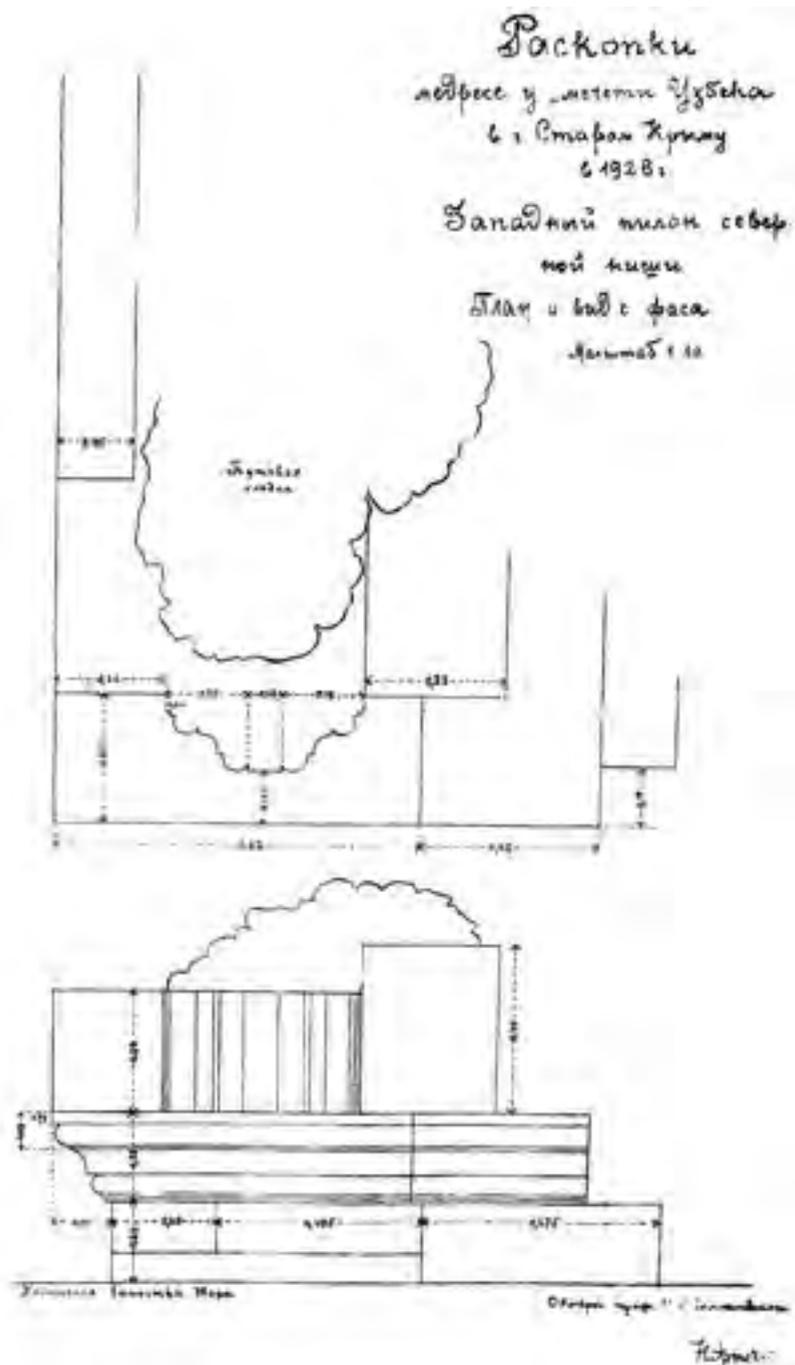

Рис. 4. Раскопки медресе возле мечети Узбека в 1928 г. Западный пилон северной нише. Обмеры П. И. Голландского, чертеж Н. Л. Эрнста [по: прил. 1, V.5, л. 7].

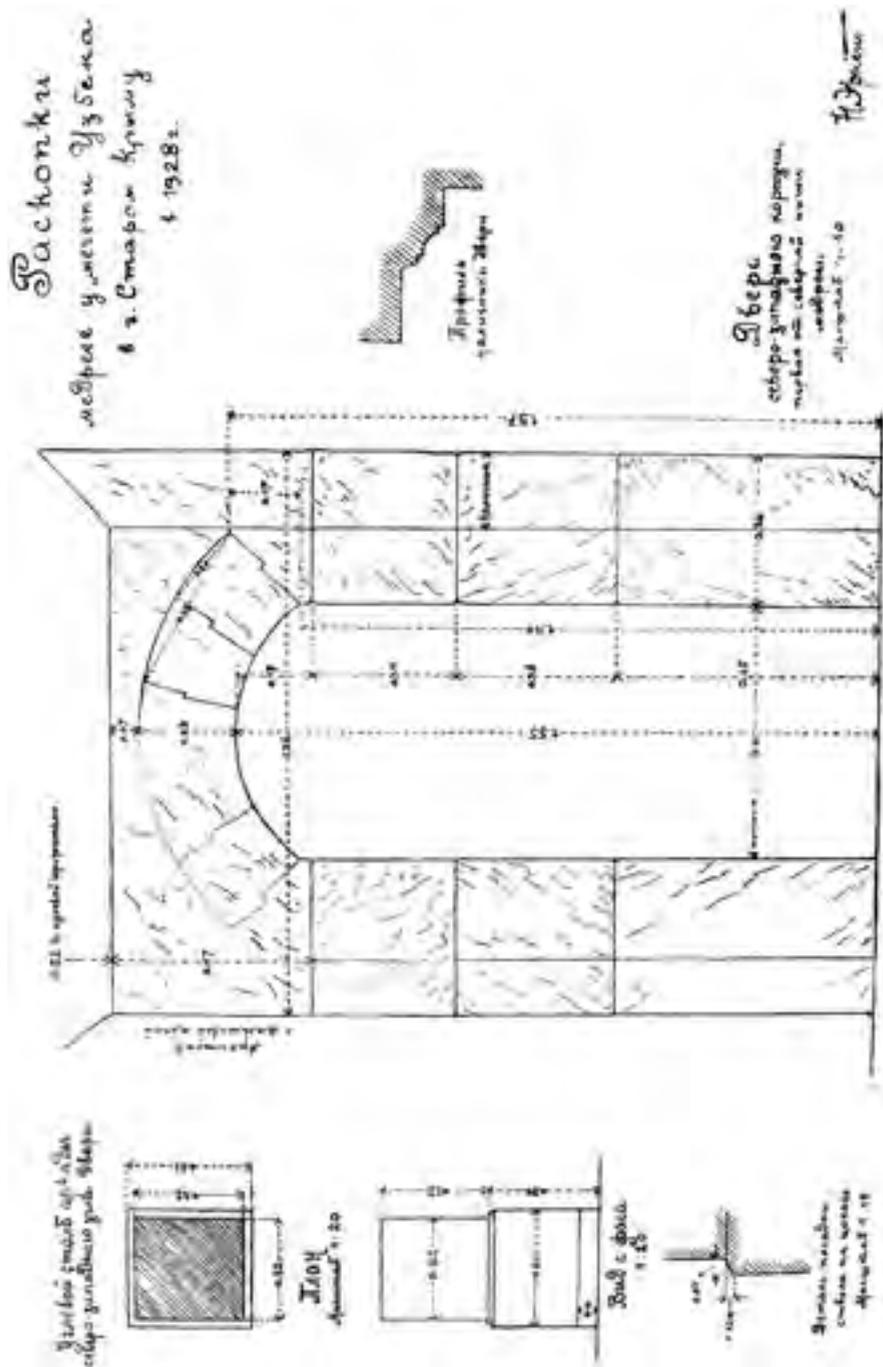

Рис. 5. Раскопки медrese возле мечети Узбека в 1928 г. Дверной проем северо-западного корпуса. Обмеры П. И. Голландского, чертеж Н. Л. Эрнста [по: прил. 1, V.5, л. 4].

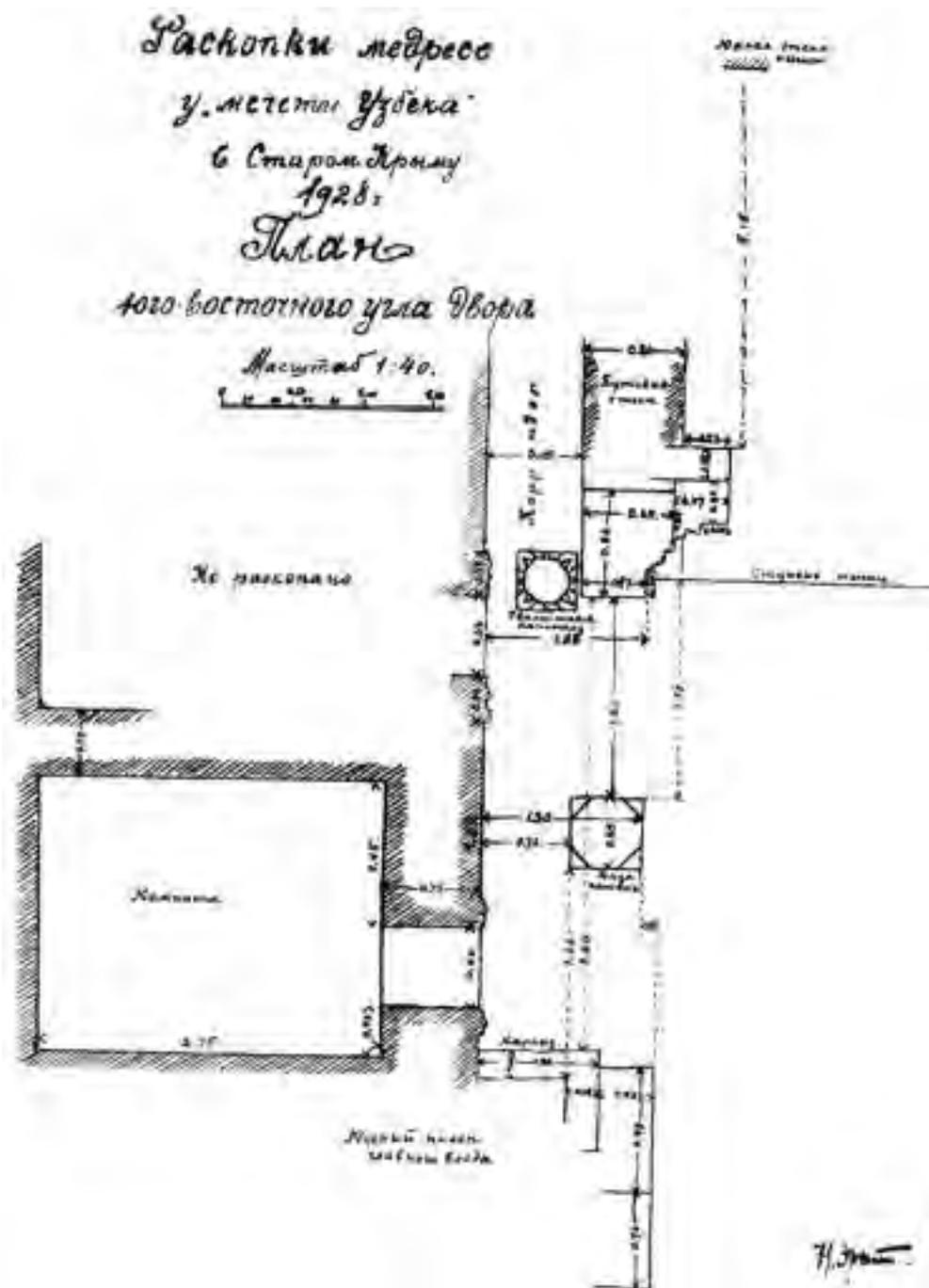

Рис. 6. Раскопки медресе возле мечети Узбека в 1928 г. План юго-восточного угла двора. Обмеры П. И. Голландского, чертеж Н. Л. Эрнста [по: прил. 1, V.5, л. 3].

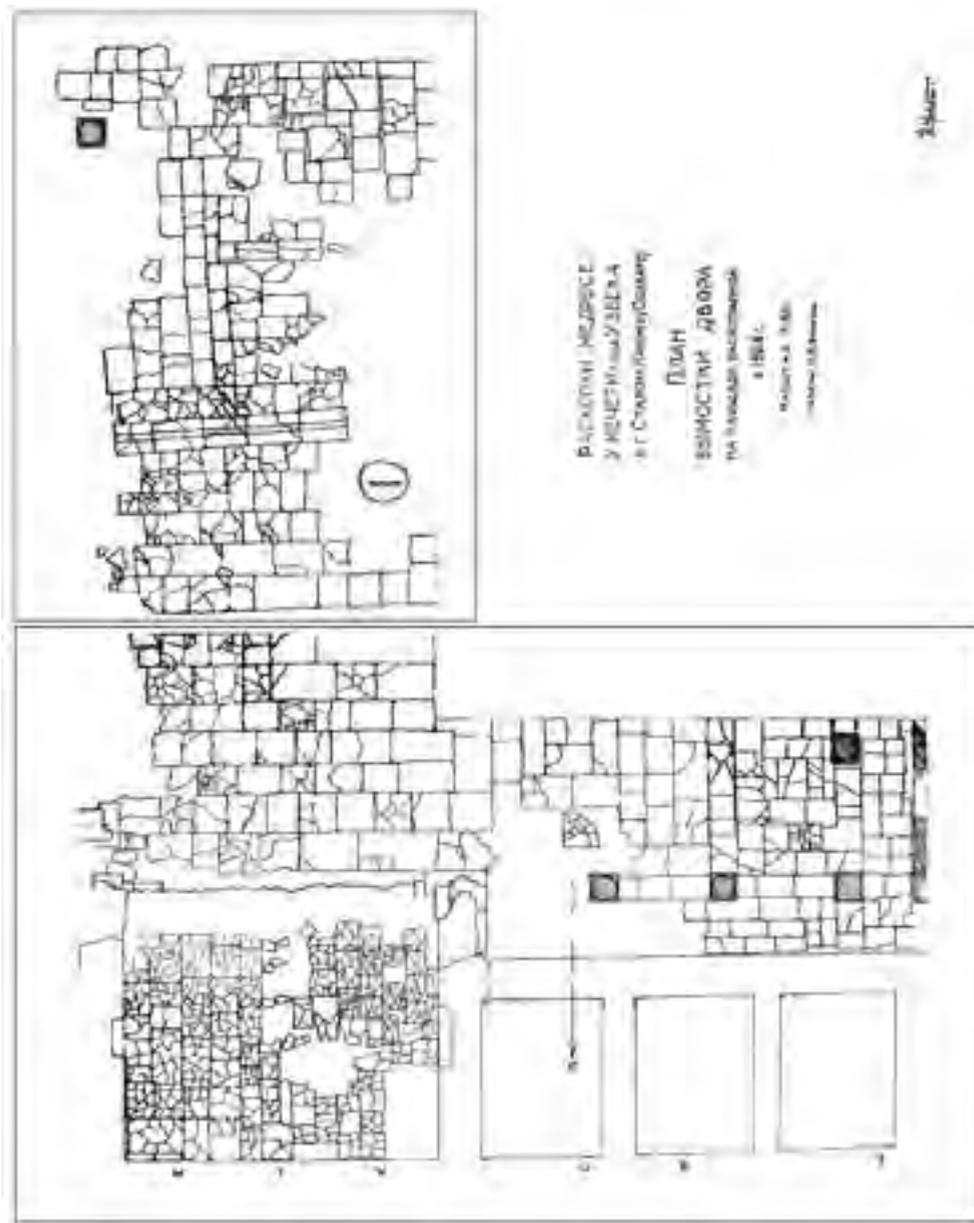

Рис. 7. Раскопки медресе возле мечети Узбека в 1928 г. План плиточного настила двора. Обмеры и чертеж Н. Л. Эрнста [по: прил. 1, V.5, л. 5–6].

Рис. 8. У. А. Боданинский «Вертикальное надгробие с надписями», рисунок карандашом, 1926 г. [по: прил. 1, I.156].

Рис. 9. У. А. Боданинский «Надгробие с изображением горящей лампы», рисунок карандашом, 1926 г. [по: прил. 1, I.146].

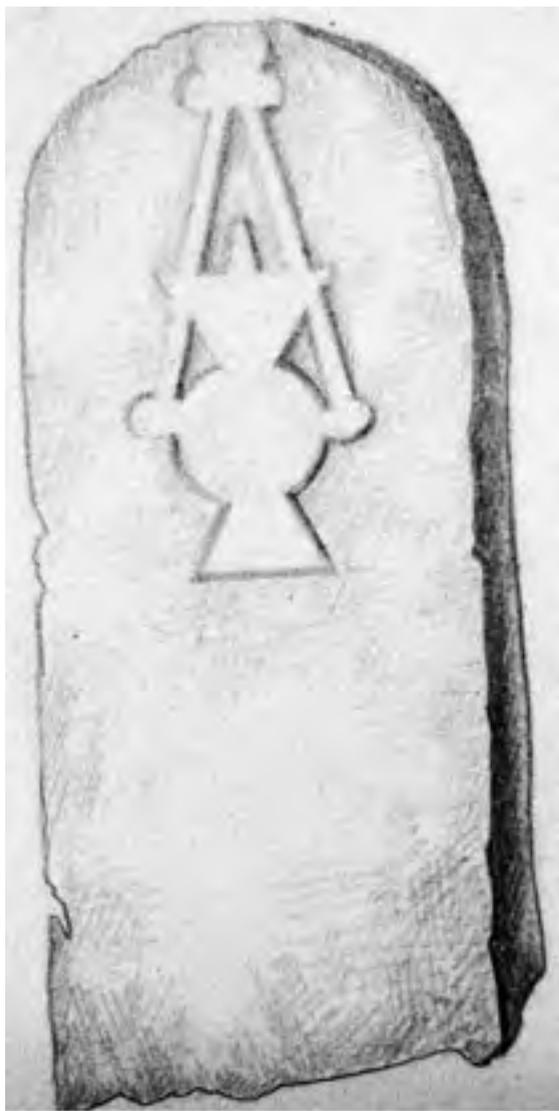

Рис. 10. У. А. Боданинский «Надгробие с изображением горячей лампы», рисунок карандашом, 1926 г. [по: прил. 1, I.157].

Рис. 11. У. А. Боданинский «Сфероподобный сосуд. Солхат», рисунок карандашом, 1926 г. [по: прил. 1, I.155].

Рис. 12. План города Старый Крым, 1891 г. [по: прил. 1, III.9].

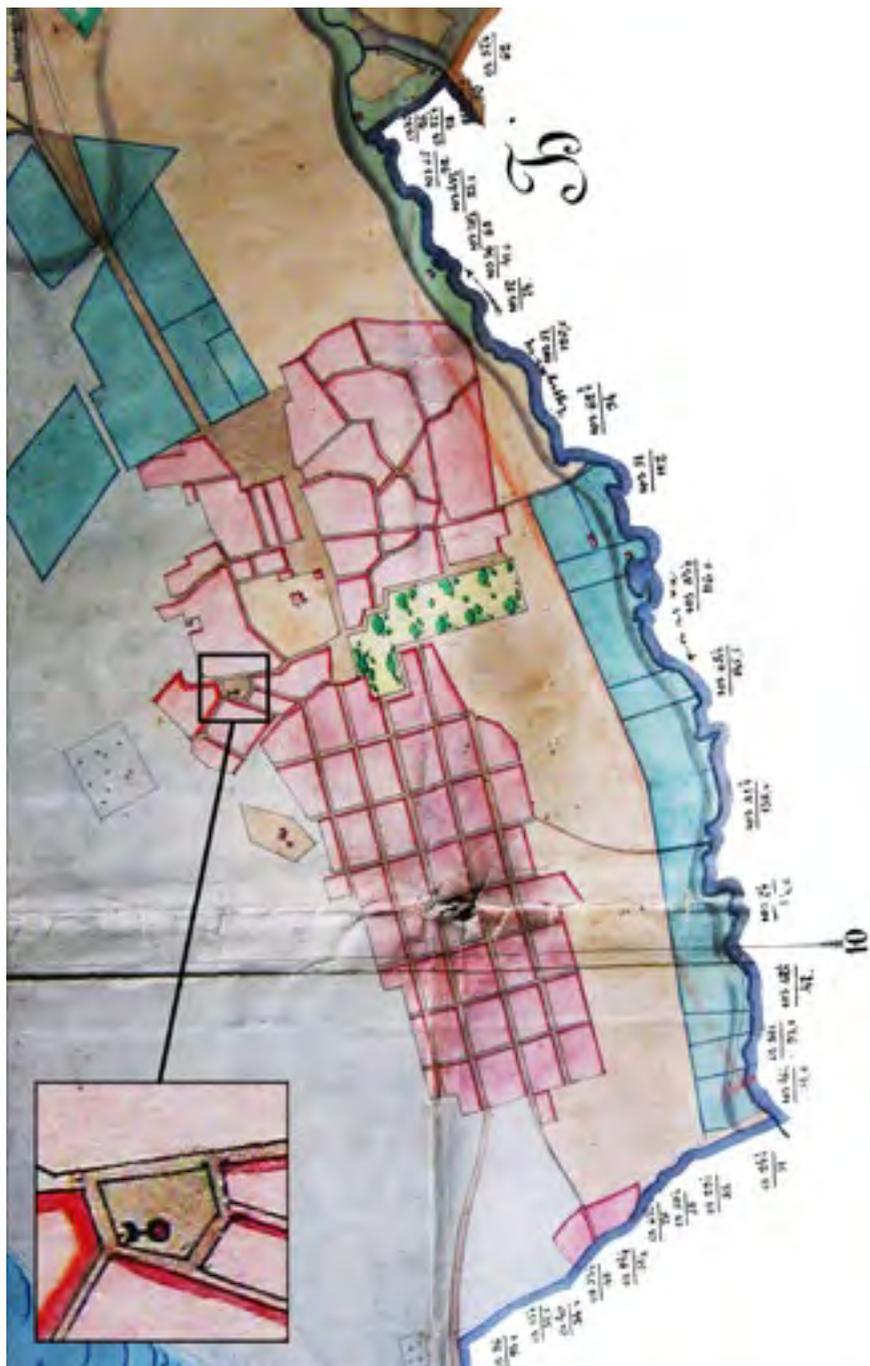

Рис. 13. Фрагмент «Плана Таврической губернии города Старого Крыма, владения купцов, мещан, и разного звания людей», 1891 г. [по: прил. 1, III.4].

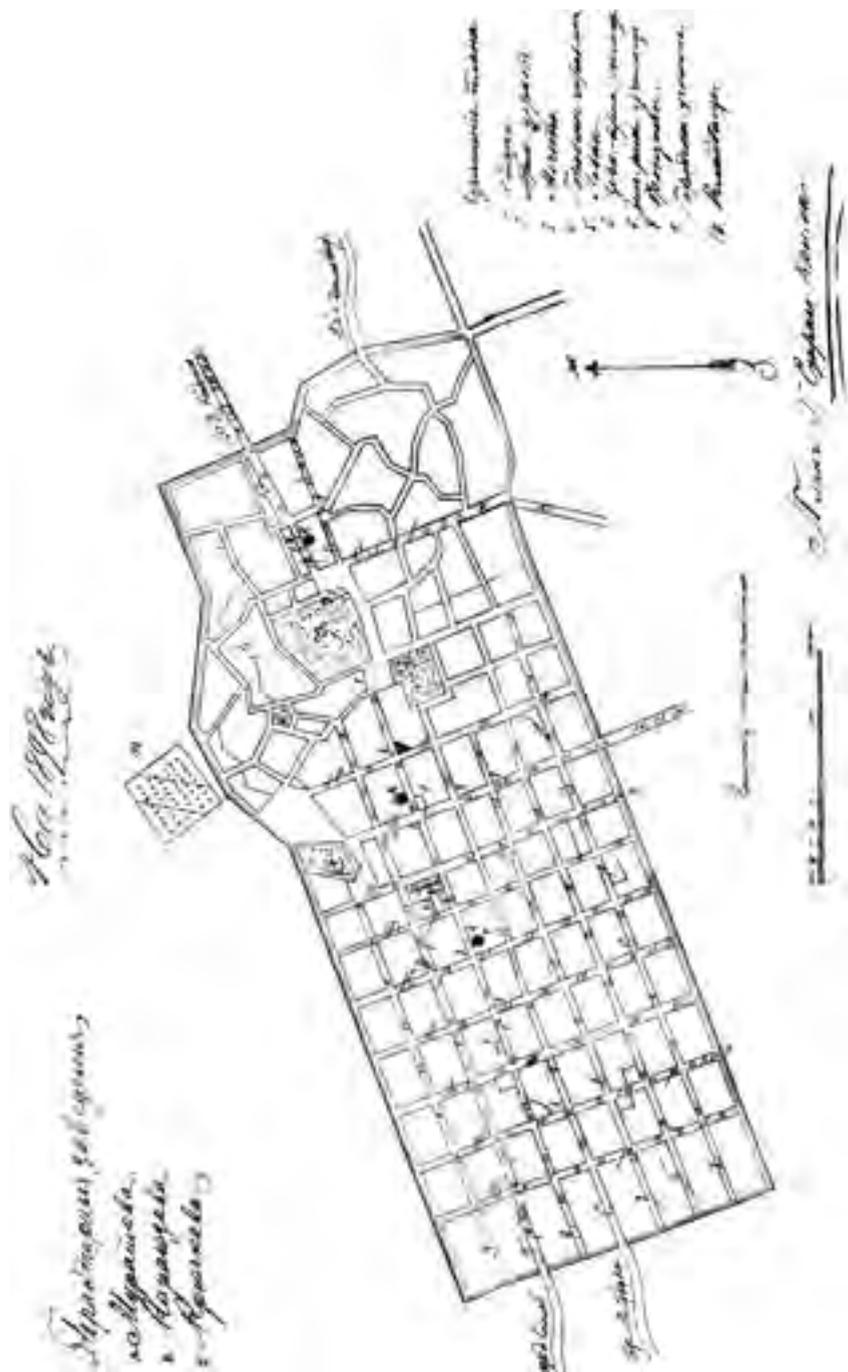

Рис. 14. План города Старый Крым, 1898 г. [по: прил. 1, III.10].

Рис. 15. Фрагмент «Плана Старого Крыма, владения городских купцов, мещан и разного звания людей», 1899 г. [по: прил. 1, III.2].

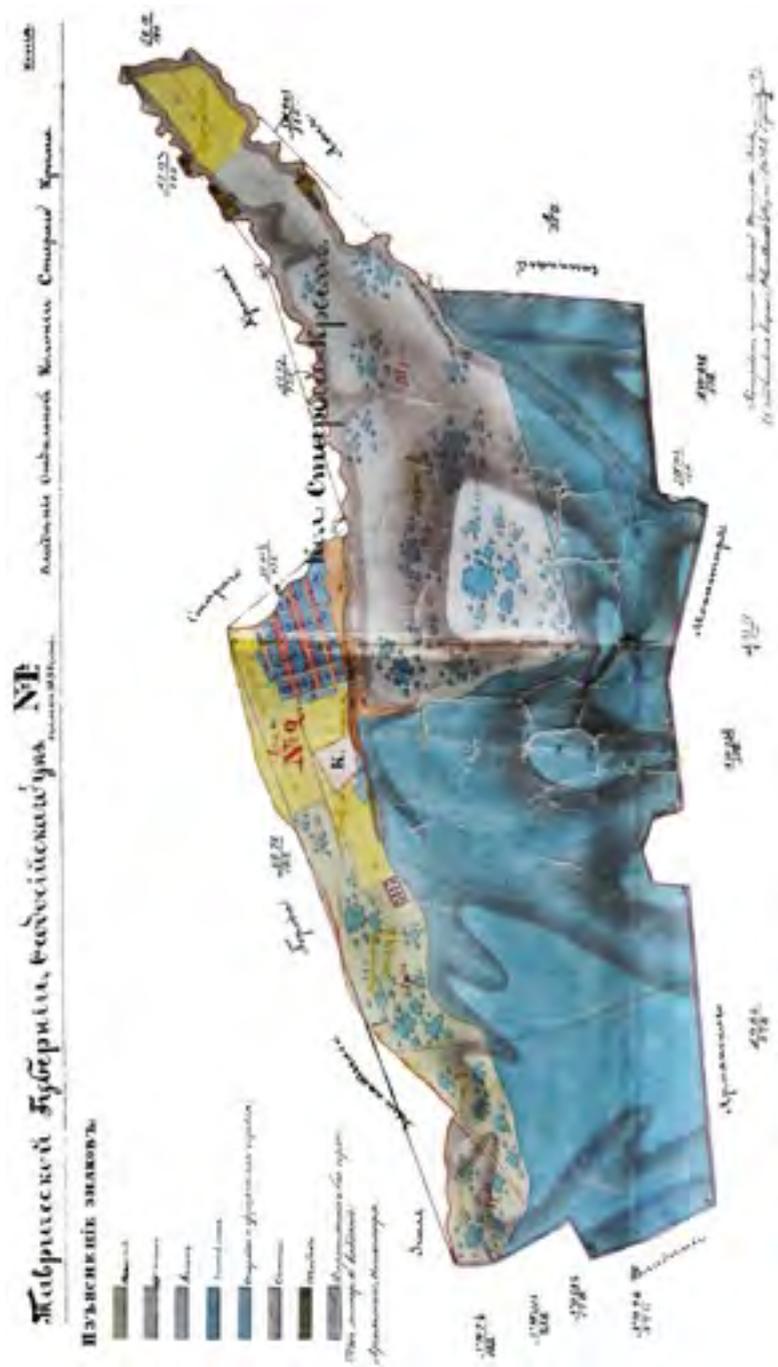

Рис. 16. Владение отдельной колонии Старого Крыма Таврической губернии Феодосийского уезда, 1858 г. [по: прил. 1, III.7].

Рис. 18. Фрагмент «Плана земли Таврической губернии Феодосийского уезда Старокрымского Георгиевского монастыря и прилежащего к плану города Старого Крыма» [по: прил. 1, III.6].

Рис. 20. М. М. Иванов «В Старом Крыму. Остатки школы», 1783 г., акварель. Внутренний двор медресе. Вид с юга (Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург, № Р-30073)

Рис. 21. М. М. Иванов «В Старом Крыму. Остатки школы», 1783 г., акварель. Портал медресе. Вид с юго-востока (Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург, № Р-30072)

Рис. 22. М. М. Иванов «Город Старый Крым», 1797 г., акварель. Площадь перед порталом медресе. Вид с юго-востока (Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург, № Р-5876)

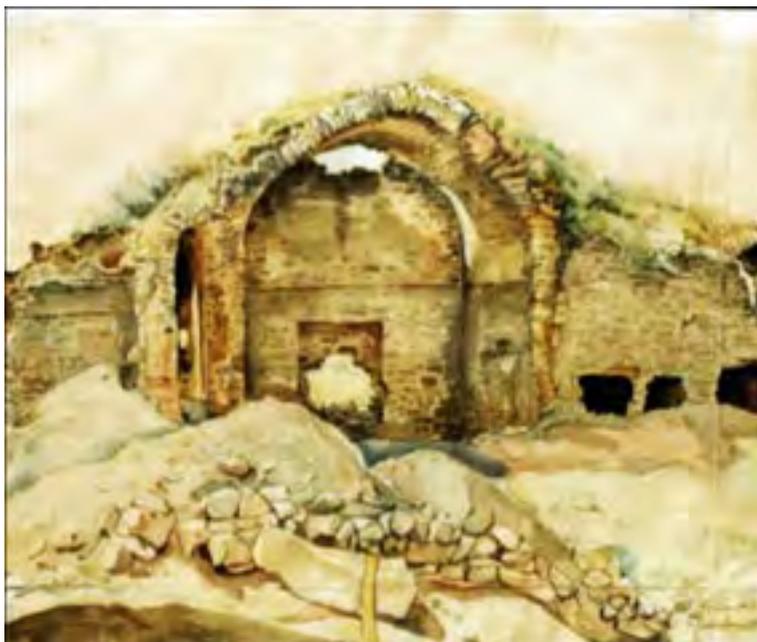

Рис. 23. К. Ф. Богаевский «Раскопки в Старом Крыму», акварель [по: прил. 1, I.3].

Рис. 24. Раскопки медресе у северо-западного угла, 1928 г., фотонегатив [по: прил. 1, I.114].

Рис. 25. Раскопки медресе. Площадь раскопок напротив северной стены здания, 1928 г., фотонегатив [по: прил. 1, I.119].

РЕЦЕНЗИИ

В. П. СТЕПАНЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ КОНЦА X – XI ВВ. (по поводу книги А. Н. Слядзь «Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.)»)

Политическая ситуация в Северном Причерноморье второй половины X – XI вв. практически неизвестна, в связи с почти полным отсутствием нарративных источников и фрагментарностью эпиграфических и сигиллографических. Так, история администрации византийской Таврики традиционно сводится к истории фем Херсон и, лишь отчасти, Боспор и Сугдея [35, с. 550-560; 39; 48, с. 312-323]. Для ранней истории фемы Херсон и Крыма в целом существует ряд работ, преимущественно крымских же, археологов, библиография которых приведена с почти исчерпывающей полнотой в статье В. Е. Науменко [34, с. 169-206].

В целом проблема сводится к дебатам относительно степени влияния Византии в Крыму в т.н. хазарский период (до середины X в.) в контексте ее отношений с Хазарским каганатом и общей границе этих государств на полуострове. Были ли это «кондоминиум», «протекторат» и прочее, то нам неведомо, как, впрочем, и где проходила эта граница. Ясно одно – Херсон оставался под властью империи.

После падения Хазарского каганата Византия предпринимает определенные усилия по возвращению ранее утраченных территорий в Таврике, но принадлежали ли ей в это время прилегающие горные районы, вероятная Готия, сказать трудно. Интерпретация изданных не так давно надписей из этого района отнюдь не общепризнанна [16, с. 217-223; 1, с. 615-626; 2, с. 20-25; 4, с. 230-235], как, впрочем, и свидетельств о появлении здесь фемы Климаты. Дата образования фемы более или менее определена – между 837-842 гг., возможно, 841 г. [35, с. 550-560; 48, с. 312-323]. Территориальный состав фемы неизвестен. Так как это «Климаты Херсона», то явно он стал центром нового административного образования. Но имеют ли отношение к нему изданные печати, в надписях которых упомянуты Климаты, утверждать невозможно по причине плохой сохранности самих печатей [39, с. 149-150; 43, с. 97-108; 48, с. 319; 62, с. 54].

Тактикон Икономидиса свидетельствует о существовании ок. 971/5 гг. фемы Боспор, по-

видимому, временной и позже упраздненной [59, р. 269.17]¹. Моливдовул Льва, императорского протоспафария и турмарха Готии, свидетельствует о создании во второй половине X в., как датирует его издатель Н. А. Алексеенко, турмы, которая могла быть частью большой фемы, в данном случае, скорее всего, Херсона [4, с. 230-235]. Судя по сигиллографическим данным, в XI в. существовала фема Сугдея, ранее известная лишь по надписи Льва Алиата 1059 г. [22, с. 164-188; 26, с. 201-244; 27, с. 217-224; 28, с. 37-48; библиография: 36, с. 436-453].

Русь к концу X в. смогла закрепиться на азиатском берегу Боспорского пролива в Тмутаракани. О Тмутаракани при минимуме нарративных источников написано предельно много [почти исчерпывающая библиография: 52, с. 251-270]. Появившиеся в последнее время новые материалы дают возможность высказать ряд предположений относительно истории княжества и его контактах с администрацией византийской Таврики в XI в. [46, с. 364-374; 47, с. 175-194].

Сразу же отметим, что, на наш взгляд, трактовать Тмутаракань как древнерусское княжество вряд ли правомерно [58, с. 58-60; 21, с. 107-118; ср.: 55, с. 238-249], как и рассматривать ее в системе данных княжеств, как минимум, после княжения Мстислава Владимировича, начальная дата которого предельно условна². Фактически это была приазовская вольница с предельно смешанным населением. Князь же опирался на дружину, отчасти пришедшую с ним из Руси, частично набранную на месте. Так как Киев и Константинополь были предельно далеко, то византийско-русские отношения здесь, за редкими исключениями, сводились к контактам византийской провинциальной администрации в Крыму со сменяющимися друг друга с поразительной частотой в Тмутаракани русскими князьями – представителями киевского князя или, чаще всего, изгоями. Как следствие, здесь сталкиваются как собственно локальные интересы, так и в известной степени интересы великих держав в Северном Причерноморье в целом. Данная проблематика давно уже стала предметом исследований крымских ученых, констатирующих гипотетичность большинства построений в связи с отсутствием репрезентативных источников [34, с. 169-204].

В этой связи и интересно недавнее появление книги А. Н. Слядзя, претендующей на решение проблем военно-политического взаимодействия Византии и Руси в «русско-византийском военном пограничье – Крыму и Приазовье в XI – начале XII вв.» [38].

Можно согласиться с автором в том, что в отечественной историографии данный период остался малоисследованным, «будучи отмеченным лишь бледным пунктиром». Причины того очевидны и им же указаны: «Ввиду острой нехватки исходного материала, – пишет автор, – и невозможности открытия по крайней мере в обозримом будущем новых источников, могущих принести серьезные коррективы и принципиальные фактические уточнения в восприятие столь отдаленной от сегодняшнего дня эпохи, на первый план выходит важность интерпретаций и их уточнения, а также *переоосмысления* (выделено автором – В.С.)»

¹ Известна и печать Аркадия, протоспафария и стратига Боспора, изданная еще Г. Шлюмберже [18, с. 95, прим. 58]. Е. В. Степанова в этой связи приводит надпись найденной на Тамани печати из собрания Н. П. Лихачева – «для переправы» [24, с. 44-45]. По мнению автора, печать датируется X в. и может свидетельствовать о наличии, как минимум, на крымском берегу Боспора византийской таможни [46, с. 364-374]. О временных фемах см. [33, с. 19-30].

² Обычно возникновение княжества датируют по Повести временных лет между 988-989 гг. [37, с. 55]. Первое упоминание Тмутаракани связано с пассажем о разделе Владимиром уделов сыновьям, помещенном после рассказа о взятии Херсона, датированного 988 г. [37, с. 50]. Но среди получивших уделы названы его сыновья от Анны – Борис и Глеб. А Анна, согласно той же ПВЛ, появилась в Херсонесе накануне возвращения Владимира в Киев, т.е. в том же 988 г. [37, с. 53]. Так что задача уделов могла иметь место между 989-1015 гг., ближе ко второй дате.

немногочисленных и довольно известных эпизодов русско-византийских отношений как элементов единой структуры» [38, с. 13].

В какой же степени удалось А. Н. Слядзю продемонстрировать «переосмысление эпизодов» на примере «военно-политического взаимодействия» Византии и Руси в Северном Причерноморье? Работа распадается на 11 самостоятельных очерков, из коих очерки 1-3, 5-6 (с. 15-38, 63-88 из 186 с. текста) лишь вводят читателя в тему, кратко освещая историю Византии и Руси X-XI вв. Открытий здесь нет и быть не может, но есть ошибки и малообоснованные утверждения³.

На открытие претендует очерк 4 «Мстислав Тмутараканский, Василий Болгароктон и возникновение Приазовского удела», призванный «выявить возможные (разрядка наша – В.С.) отношения Мстислава с Василием II, их характер и значение не только для Тмутаракани, но и для восточночерноморского региона в целом» [38, с. 40]. Автор полагает, что «международные акции Константинополя, точнее их увязка с событиями вокруг Тмутаракани начала XI столетия, не подвергались даже поверхностному разбору». А. Н. Слядзь ищет и находит место Тмутаракани в системе «византийского содружества наций», утверждая, что «став союзником империи в войне с Абхазией, в начале 20-х годов, тмутараканский правитель еще в 1016 г. протянул руку военной помощи Константинополю, выступив против византийских сепаратистов в Крыму» (с. 41). Хотелось бы подтвердить данные утверждения фактами, которых нет...

Что касается известного пассажи Скилицы о мятеже архонта Хазарии Георгия Чулы, то, к сожалению, автору осталась неизвестна работа Н. А. Алексеенко о Чулах, как, впрочем, и его каталог византийских моливдулов Херсонской фемы [9, с. 3-5; 59]. В целом приходится констатировать, что работы крымских, киевских и петербургских историков (и не только), как и публикации ими нового сфрагистического материала остались вне поля его зрения [1, с. 615-626; 2, с. 20-22; 4, с. 230-235; 34, с. 169-204; 36, с. 436-453; 46, с. 364-374; 49, с. 425-427; 61, с. 85-97; 62, с. 47-58; 15, с. 296-330]. То же можно сказать и о работах по истории, археологии, нумизматике и сфрагистике Тмутаракани [13; 50, с. 155-146; 51, с. 314-319; 52, с. 251-270; 53, с. 184-204]. Было бы желательно все же уточнить, что же в географическом и административном планах представляла собой Хазария Скилицы? Внятного ответа на данный вопрос автор не дает уже потому, что последние публикации ему не известны [12, с. 40-42; 42, с. 157-168; 54, с. 40-42]. Вопрос заключается в том, обозначает ли данное понятие некое этническое образование или же административную единицу.

Дискуссия относительно локализации «Хазарии» ведется довольно давно. Так, К. Цукерман отмечает, что впервые Крымская Хазария упоминается в послании патриарха Николая Мистика стратигу Херсона (Иоанну Воге?) 914 г. По мнению исследователя, это мог быть восточный Крым с центром в Фуллах, заселенный хотцирами-хазарами [49, с. 422-427]. Уже в нескольких экземплярах известна печать Михаила, архонта Матрахи, Зихии и

³ Так, восстания в Бари, Лаодикее и Херсоне (?) имели место быть на периферии не «византийского содружества», но собственно империи, так как эти территории были именно ее периферией (с. 28). Здесь же появляется и крайне неудачная «расшифровка» сути конкретных византийских санов в рамках таблицы о рангах (уже не должностей!), типа вест = распорядитель императорского гардероба, при описании действий блестящего византийского полководца Никифора Урана. Естественно, что императорский гардероб на всем протяжении своей военной карьеры он никогда не хранил. К сожалению, в дальнейшем эта практика «расшифровок» в книге сохраняется. Василий II 1021-1024 гг. не совершал похода в Абхазию и Армению (с. 32). Византийско-грузинская война за наследие Давида Куропалата имела место в 1021-1022 гг. В дальнейшем эта путаница сохраняется (с. 58-60).

всей Хазарии, традиционно датируемая концом XI в. Но Хазария здесь явно не Волжская. В последнее время ее пытались найти на Северном Кавказе восточнее Зихии [29, с. 49-58; 30, с. 51-59; 31, с. 338-342; 34, с. 191]⁴. Отождествлять ее с Херсоном или с территорией фемы Херсон нет оснований, ибо стратигом Херсона Михаил явно не был, а на весь Крым вряд ли претендовал. Решающим аргументом в пользу локализации Хазарии в северо-восточном Крыму является недавно изданная печать Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии [11, с. 5-18]. Датирована она может быть 90-ми гг. XI в. Хазария стала частью катепаната. Будучи византийским стратигом фемы, никаких претензий на командование территорией исторической Хазарии, будь то Поволжская или Северокавказская, он явно не имел. Следовательно, Хазария печати – это все тот же восточный Крым или его часть. Ряд авторов предполагают, что это могли быть и оба берега Боспора [31, с. 338-342]. Вероятно, отсюда и нюансы надписей печатей – «вся Хазария» и «Хазария».

Вернемся к сообщению Скилицы о мятеже Цулы. В свете вышесказанного он не может быть локализован в Херсоне, но – на территории Боспора-Хазарии. Попытка связать прекращение Василием II очередного этапа войны с Болгарией с мятежом Цулы в Хазарии и, как следствие, придать мятежу на далекой окраине византийской ойкумены общеимперское значение, на наш взгляд, бездоказательна. В этой связи возвращение А. Н. Слядзя к традиционной локализации мятежа Цулы в Херсоне предельно архаично и нуждается в аргументации. Ссылка на мнения тех же М. И. Артамонова и Г. Г. Литаврина не спасают положения (с. 43)⁵. И уж совершенно неприемлема «русификация» автором византийских санов. Не был Цула подполковником! (с. 44). В конечном счете автору было бы желательно определиться со статусом Цулы. Не мог он быть одновременно и стратигом Херсонеса или Боспора и вассальным архонтом. Одно из трех.

Упомянутый Скилицей как брат князя Владимира Сфенг, не «идентифицируется традиционно» с кем-то из известных родственников киевского князя по причине отсутствия данных. К тому же, судя по тексту хрониста, он все же отплыл из Константинополя: «Возвратясь в Константинополь, василевс в январе 6524 г. посылает флот в Хазарию, имеющий в качестве экзарха Монга, сына Андроника Дуки Лида, и совместно со Сфенгом, братом Владимира, зятя василевса, он подчинил страну, когда ее архонт Георгий Цула был пленен в первом же столкновении» [63, 354, 88]. Учитывая начавшуюся в Киеве после смерти князя Владимира борьбу за власть и расстояние между Киевом и Константинополем, Сфенг явно был под рукой императора в столице империи, возможно, как предводитель варяго-русского корпуса. Иного объяснения его отправки в Хазарию пока найти невозможно. Но А. Н. Слядзь смело и бездоказательно отождествляет его с князем Тмутаракани Мстиславом (с. 48), аргументируя это тем, что «данное мнение, пожалуй, стало господствующим». В этой связи, как минимум, было бы желательно сослаться на работы исследователей, сие мнение сформулировавших, и на их аргументацию. Это не сделано и, как следствие, данная идентификация произвольна, бездоказательна, и основанный на ней тезис о том, что «тмутараканский правитель еще в 1016 г. протянул руку военной помощи Константинополю, выступив против византийских

⁴ При локализации Хазарии Скилицы на Северном Кавказе совершенно необъяснима географическая номенклатура печати Никифора Алана, катепана Херсона и всей Хазарии. Позже в качестве Хазарии был предложен азиатский Боспор без уточнения локализации Хазарии, что мало, но вероятно.

⁵ Отметим, что мнение В. П. Степаненко относительно локализации Хазарии автором искажено. Нами была показана эволюция сего географического понятия на протяжении XI-XV вв. и не более того. В XV в. Иоанн Евгеник действительно называет владетеля Феодоро Алексея «столпом Хазарии и солнцем Готфии», но для еврейских путешественников XII в. Хазария начинается за Сивашом.

сепаратистов в Крыму» и сделанное автором «логическое предположение, что в 1016 г. Мстислав нанес удар именно по охваченному восстанием Боспору» относятся к разряду псевдоисторических мифологем и не могут рассматриваться даже в качестве гипотез. И создавать на этой основе новые гипотезы неправомерно. А они создаются.

Вывод А. Н. Слядзя из всего сказанного: «Еще раз подчеркнем тот факт, что в 1016 г. совместная византийско-русская операция проходила по всей вероятности без санкции Киева (об отправке помощи со Сфенгом не из Тмутаракани, а из Среднего Поднепровья не могло быть и речи)». А далее уж совсем фантастично: «В обмен на участие в крымской операции он (Мстислав – В.С.) предложил Василию Булгароктону поддержать его в создании собственного удела с центром в Тмутаракани, возможно даже на правах вассала империи» (с. 55). Нужно отметить, что даже если бы это было реально, то иного статуса князь бы и не получил.

Синхронизируя поход Мстислава на косогов с византийско-грузинской войной 1021-1022 гг., А. Н. Слядзь вновь пытается укрупнить роль Тмутаракани как союзницы Византии, теперь уже на Кавказе. Использование неизвестной автору монографии К. Н. Юзбашьяна [57] избавило бы его от массы ошибок при описании войны всего на двух страницах текста (с. 59-60). Чего стоит фраза: «Весной 1022 г. (император) ... полностью овладел Абхазией, принудив ее к миру... К 1023 г. Абхазия была присоединена к владениям Византии». В действительности ничего этого не было и весь текст свидетельствует о вопиющем незнании автором материала. Наконец финал: «Итак, возвращаясь к черкесскому походу Мстислава Владимировича, представляется **небесмысленным** предположить, что быстрый разгром Георгия I (царь Грузии – В.С.) и установление контроля империи над территориями южного Кавказа и Армении произошли, по всей вероятности, не без поддержки Тмутаракани, которая могла повлиять на ход боевых действий через своих данников косогов, обитавших в низовьях Кубани и ближайших к ним районах Закубанья, граничивших непосредственно с Абхазией» (с. 60). Комментарии здесь излишни. Отметим лишь, что для автора Абхазия = Грузии, а это не одно и то же, так как первая была лишь одной из как минимум трех частей второй: Абхазия, Картли и Северный Тао. На территории южного ок. 1022 г. была создана феода Иверия, в состав которой Абхазия, якобы завоеванная к 1023 г., никогда не входила. Как следствие, все выводы автора относительно роли Тмутаракани как союзницы Византии в данный период не более, чем фантазии, предельно вольная и ошибочная «реинтерпретация» отсутствующих фактов. Термин «разумеется» здесь неприемлем.

Очерк 7 «Константин X и Святослав Ярославич против самостоятельной Тмутаракани» (с. 89-118) реинтерпретирует известный эпизод отравления катепаном (Херсона?) тмутараканского князя Ростислава Владимировича в 1064 г. Действительно, после смерти Ярослава началась борьба его наследников, ранее сидевших на уделах. Ростислав бежал в Тмутаракань в 1064 г., изгнав из нее сына Святослава Глеба, годом позже был изгнан из нее и укрылся, по мнению А. Н. Слядзя, «у народов Прикубанья» (с. 92), и вновь вернулся в Тмутаракань, изгнав Глеба. Возникает вопрос, а почему укрылся не в Крыму? За год правления вряд ли он мог радикально испортить отношения с местной византийской администрацией. Это произошло позже и, вероятно, было связано с укреплением позиций князя. Судя по ПВЛ [53, с. 71], «емлющи дань у косогъ и у иных стран», князь стал опасным соседом Византии. «Сего же убоявшися грекове, послаша с лестию катопана». Как бы то ни было, князь был отравлен на пиру в Тмутаракани катепаном (Херсона?)⁶ в 1066 г. В пользу

⁶ Как отметил Н. И. Храпунов, Херсона в тексте ПВЛ нет, а вывод о месте его службы сделан на основании того, что по возвращению именно херсонеситы побили его камнями.

Херсона свидетельствует лишь титул катепана, но не более. Отметим, что, вопреки мнению А. Н. Слядзя, фема Климаты в данный период не существовала (с. 97, 98, 102). Отравление князя действительно свидетельствует о том, что он стал опасен и потому был устранен. Его предшественник Глеб Святославич, вновь вернувшийся в Тмутаракань (1067-1068), по-видимому, вполне устраивал византийские власти в Крыму, будучи, как и его брат и преемник Роман Святославич, ставленником отца – члена т.н. триумvirата Ярославичей.

То есть после второго появления Ростислава в Тмутаракани и изгнания из нее Глеба отношения его и с Киевом и с Византией, вероятно, испортились. В этой связи и возникает вопрос о крымских владениях князей Тмутаракани. Надпись 1059 г. Льва Алиата из Херсона называет его стратигом Херсона и Сугдеи. Но это не означает, что фема Сугдея была ликвидирована, как полагают В. В. Майко [26, с. 244] и В. И. Булгакова [15, с. 314-315].

Боспор, скорее всего, в состав феми не входил. Судя по надписи князя Тмутаракани Глеба, в 1068 г. именно он контролировал оба берега Керченского пролива. В противном случае вряд ли князь нуждался бы в измерении его ширины. Находка в Крыму четырех (Сугдея) и двух (Керчь) из семи печатей, приписываемых одному из его преемников Олегу-Михаилу, также может косвенно свидетельствовать о принадлежности района Корчева-Керчи князьям Тмутаракани, по крайней мере, в 60-90-х гг. XI в. Это отметил В. Е. Науменко [34, с. 191, прим. 33]. В пользу этого и находка в Сугдее печатей не только Олега-Михаила, но и сидевшего в Тмутаракани во время ссылки Олега в Византию Давида Игоревича. В Херсонесе их пока нет. Так что, по-видимому, княжеские послания предназначались византийским стратигам именно Сугдеи, печати которых также известны в это время [15, с. 314-316, 320-321, №№ 29, 30, 39, 40; 47, с. 175-192].

Обычно побиеание катепана в Херсоне местными жителями трактуется как свидетельство прорусских настроений, по крайней мере, части их. Отметим, что предположения автора на сей счет могли бы быть более обоснованными, обратись он к работам Н. А. Алексеенко и Н. И. Храпунова по истории и структуре городского управления и самоуправления Херсона [3, с. 155-176; 5, с. 154-162; 6, с. 7-11; 7, с. 58-63; 8, с. 1-24; 10, с. 271-286; 56, с. 53-55]. Хотя в этом он следовал за предшественниками [25, с. 923-931]. Отметим лишь, что ПВЛ отнюдь не называет побитого катепаном Херсона. Это логическая догадка исследователей (вернулся в свой город).

Очерк 9 «Святослав – союзник Михаила VII? (к вопросу о достоверности одного эпизода «Истории Российской» В. Н. Татищева)» призван опровергнуть достоверность информации «Истории Российской» об отправке из Киева в Крым по просьбе Михаила VII Дуки для подавления мятежа в Херсоне Владимира Мономаха и Глеба Святославича. Здесь автор лишь частично воспроизводит более обширную аргументацию М. В. Левченко и Д. В. Каштанова, доказавших недостоверность сведений В. Н. Татищева [23, с. 407-418; 20, с. 15-17], и не более того.

Наиболее спорным является очерк 10 «Олег Святославич на службе империи: «тихая» византийская аннексия Тмутаракани». Еще раз отметим, что автор не знает недавних сигиллографических находок в Крыму, пересказывая работы далеких предшественников.

Нет необходимости останавливаться на истории княжения в Тмутаракани Олега. В свое время мы посвятили этому отдельную работу [40, с. 254-263]. Отметим, что статус Олега-Михаила в 80-90-е гг. двойственен. Судя по надписям его печатей (а их известно уже семь и шесть найдены в Крыму и на Тамани), он правит как автономный владетель, явно признающий византийский сюзеренитет и рассматриваемый в Константинополе в качестве вассала. По крайней мере в надписи приписываемого ему моливдовула, он архонт Матрахи, Зихии и всей Хазарии. По-видимому, как свидетельство претензий на статусность следует

трактовать чеканку им серебряных монет [32, с. 251-254; ср.: 17, с. 433].

В 1079 г. некие «козары» выдали Олега Византии. Два года князь провел в ссылке на Родосе, после чего был возвращен в Тмутаракань. По возвращению он перебил «козар» и оставался в Тмутаракани до 1094 г., когда в союзе с половцами вернулся на Русь и водворился в Чернигов. Так что моливдовул может быть датирован временем после возвращения князя из ссылки. Мы полагаем, что печать отражает византийское видение статуса Олега как архонта, в данном случае территорий, им контролируемых. Обычно смущает включение в титулатуру князя термина «всей Хазарии», но создается впечатление, что в данном случае речь идет лишь о северо-восточном Крыме с Керчью, а не о всем Крыме и уж тем более не о давно исчезнувшем Хазарском каганате. Но в этом случае Олег действительно был вассалом Византии, так как она признала за ним и европейский берег Боспора Киммерийского, принадлежавший (?) империи. До этого Олег правил Тмутараканью чуть более года и вряд ли успел бы формализовать свой статус.

В надписи недавно изданной А. Алферовым новой печати Олега-Михаила он назван архонтом и дукой Таматрахи и «всей Хазарии» [12, с. 40-42]. Печать датируется широко 1083-1094 гг., ближе ко второй дате. Судя по всему, за прошедшие десять лет произошли определенные изменения как в подконтрольных архонту территориях, отпала Зихия, так и в статусе самого архонта. Ранее подобное сочетание статусов владельца не было известно. Оно явно временно, фиксируя эволюцию от архонта к дуге. Первый – автономный вассал империи. Второй – ее функционер, чиновник. Вероятно, это могло бы свидетельствовать о понижении статуса князя. Ранее он был архонтом всей Хазарии, а ныне – стал архонтом и дукой Таматархи и всей Хазарии. Но возможен иной вариант, а именно – архонт Таматархи и дука всей Хазарии, т.е. византийских владений, временно переданных князю как лояльному вассалу императора.

В этой связи возникает предположение о том, что ранее, судя по надписи печати князя как архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии, он реально контролировал последнюю. Это объяснило бы и его последующий арест и высылку в Византию, а также то, что по возвращению он остался архонтом Таматархи, но стал всего лишь дукой – византийским стратигом всей Хазарии. Для практики отношений Византии с вассальными владельцами это было вполне традиционно, свидетельством чего являются параллели в Закавказье. Это передача византийских владений во временное управление вассальному архонту с последующим «возвращением» империи и его наследственных владений (казус Давида Багратида). Князь явно возвратился в Тмутаракань с византийскими контингентами, присланными из Константинополя или собранными на месте в Крыму. Иных у него просто не было. Как следствие, после ухода Олега на Русь ок. 1094 г. все его владения вошли в состав Византии. По-видимому, после этого Тмутаракань и стала византийской фемой или частью одной из уже существовавших к этому времени фем.

Печати стратигов фемы Таматарха пока неизвестны⁷, но издана печать Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии. Датирована она может быть 90-ми гг. XI в. Хазария стала частью катепаната. Повторим, что, будучи византийским стратигом фемы, никаких претензий на командование территорией исторической Хазарии, будь то Поволжская или Северокавказская, он явно не имел. Следовательно, Хазария печати – это все тот же восточный

⁷ Возможно, они и не будут известны, так как, по наблюдению А. Иорданова относительно фемы Паристрион, власть Византии здесь сохраняется до конца XII в., но печати фемных функционеров полностью исчезают с 90-х гг. XI в.

Крым или, что менее вероятно, часть территории азиатского Боспора. Но в последнем случае дукат должен охватывать огромные территории, что сомнительно.

Дата превращения Тмутаракани в византийскую фему подтверждается датировкой панегирика Алексею Комнину Михаила Страворомана, в котором Боспор Киммерийский упомянут как возвращенный императором в состав Византии – до 1098 г.

И, наконец, очерк 12 «Союзник – противник – родственник. Владимир Мономах и Алексей Комнин» (с. 154-179). Ни прямо, ни косвенно он не связан с заявленной проблематикой работы, так как к Крыму и Приазовью Придунавье отношения не имеет. В свое время мы обращались к данной проблеме [41, с. 169-175]. С тех пор ничего нового не появилось, и предложенная автором «реинтерпретация» минимума известных фактов мало что дает для характеристики русско-византийских отношений данного периода.

Подведем итоги. Остаются актуальными и ранее известные проблемы, как-то:

1. Локализация «Хазарии» и «всей Хазарии» печатей и, в связи с этим, границы византийских фем в Таврике и Тмутараканского княжества. Пока же создается впечатление о том, что часть территории Северо-Восточного Крыма с Керчью или без нее входила в состав Тмутараканского княжества, по крайней мере, с 60-х по 90-е гг. XI в. Были ли это завоевания Тмутаракани, что маловероятно, или византийские владения, переданные вассалу как федерату, что вероятнее, пока определить невозможно. В пользу второго свидетельствует кавказская политика Византии, в частности в отношении владений Багратидов Тао и Тарона и находка печатей князей Тмутаракани в Сугдее. Но не в Херсонесе.

2. Эволюция фемной организации Таврики в конце X – XI вв. Пока кроме фем Херсон и отчасти Сугдея и Боспор для XI в. она известна крайне фрагментарно, и любая новая находка эпиграфического или сигиллографического характера кардинально меняет наши представления о ней (Судакский архив).

3. Последние печати функционеров фемы Херсон датируются концом XI в. Известно, что византийская администрация в Крыму существовала, как минимум, до конца XII в. Что пришло на смену фемам? И, наконец,

4. Можем ли мы связывать термин «Хазария» с наличием в данном районе хазарского населения («козары» Повести временных лет), что характерно для византийской литературной традиции, архаизирующей этнические термины (сельджуки = персы), или же в Хазарии XI в. следует видеть лишь географический или даже административный термин, переживший собственно Хазарский каганат. Напомним в этой связи судьбу фемы Ланговардия в Италии, которая в конечном счете переместилась на юг, сохранив традиционное название.

Что касается работы А. Н. Слядзя, то с сожалением приходится констатировать, что игнорирование автором локальной историографии (и не только) привело к печальным последствиям. В библиографии автора масса случайных работ и нет напрямую связанных с темой исследования. Автор не только не предложил нового прочтения минимальной суммы общеизвестных фактов, но сделал массу фактических ошибок, связанных с незнанием предмета и игнорированием новых источников сигиллографического характера. Как следствие, работа не может претендовать на статус не только научного исследования, но даже научно-популярного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XIII. С. 215-626.
2. Айбабин А. И. Готия во второй половине X – XII вв. // Сфрагистический меридиан: КИЇВ – КОРСУНЬ / ΧΕΡΣΟΝ – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ. Материалы Международного коллоквиума по русско-

- византийской сфрагистике (Киев, 13-16 сентября 2013 г.). Киев; Севастополь, 2013. С. 20-22.
3. Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 155-170.
 4. Алексеенко Н. А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // ХСб. Севастополь, 1998. Вып. IX. С. 230-235.
 5. Алексеенко Н. А. Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 154-162.
 6. Алексеенко Н. А. Должность *ἐκ πρoσoυ* Херсона в структуре византийской администрации Таврики // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 7-11.
 7. Алексеенко Н. А. Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике // Древности-2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2005. С. 58-63.
 8. Алексеенко Н. А. Администрация византийского Херсона и его округа по данным памятников сфрагистики VIII-XI вв.: Автореф. дис. ... докт. наук. Париж; Симферополь, 2005. 24 с.
 9. Алексеенко Н. А. Род Чулы: варвары на византийской службе? (атрибуция и датировка по данным сфрагистики) // II международный византийский семинар 9. «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» (Севастополь, 31 мая – 4 июня 2010 г.). Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2010. С. 3-5.
 10. Алексеенко Н. А. Находки печатей херсонских чиновников в византийской Сугдее (к проблеме атрибуций и датировок) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V. С. 271-286.
 11. Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии? // ХСб. Севастополь, 2013. Вып. XVII. С. 5-18.
 12. Альфоров О. А. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи та всієї Хазарії з колекції О. Шереметьєва // Сфрагистический меридиан: КИЇВ – КОРСУНЬ / ΧΕΡΣΩΝ – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ. Материалы Международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике (Киев, 13-16 сентября 2013 г.). Киев; Севастополь, 2013. С. 40-42.
 13. Бабаев К. В. Монеты Тмутараканского княжества. М.: Древлехранилище, 2009. 104 с.
 14. Баранов И. А., Степанова Е. В. Церковная и военная администрация средневековой Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1. С. 83-88.
 15. Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004-2005 гг.) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 296-330.
 16. Виноградов А. Ю. Строительные надписи средневекового Крыма. Addenda et corrigenda // Вопросы эпиграфики. М., 2010. Вып. IV. С. 217-253.
 17. Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX-X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 402-435.
 18. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27: Византия и средневековый Крым. С. 91-97.
 19. Кабанец Е. П. К вопросу о роли Тмутараканской епархии в церковной истории древней Руси конца XI века // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 105-130.
 20. Каштанов Д. В. К критике известий об угрозах Херсону в последней четверти XI века («Татищевское известие» о походе русского войска) // II международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» (Севастополь, 31 мая – 4 июня 2010 г.). Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2010. С. 15-17.
 21. Котляр Н. Ф. «Остров Тмутороканский» // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и современной историографии. XIV чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 17-19 апреля 2002 г.). Материалы конференции. М., 2003. С. 107-118.
 22. Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1895. Т. II. С. 184-188.
 23. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 556 с.
 24. Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2 // Лихачев Н. П. Избранные труды. М., 2014. Т. 1.
 25. Литаврин Г. Г. Восстание в Херсоне против Византийской власти в 1016 г. // ПОЛЮТРОПОН. К 70-летию В. Н. Топорова / Ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1998. С. 923-931.

26. Майко В. В. Сугдея во второй половине X – начале XI в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. Вып. I. С. 201-244.
27. Майко В. В. Византийско-русские отношения в восточном Крыму в XI в. // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2006. Вып. 16/1. С. 217-224.
28. Майко В. В. Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей // *Ruthenica*. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Київ, 2010. Вип. 9. С. 37-48.
29. Могаричев Ю. М. О «Крымской Хазарии» в XI-XII вв. // Князя доба. Історія і культура. Львів, 2013. Т. 7. С. 49-58.
30. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В. Крымская Хазария в X-XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2010. Вып. 10. С. 51-59.
31. Могаричев Ю. М. К вопросу о «Хазарии» на азиатском Боспоре в XI-XII вв. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 338-342.
32. Молчанов А. А. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // СА. 1982. № 1. С. 251-254.
33. Мохов А. С. Микроструктуры византийской военно-административной системы в X-XI вв. Фема Сервия // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. 2010. Вып. 3(79). С. 19-30.
34. Науменко В. Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв. (историко-археологический комментарий) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Сборник статей / Ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2013. С. 169-204.
35. Никифоров М. А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 550-560.
36. Никифоров М. А. К вопросу о политическом статусе Сугдеи первой половины IX – первой половины XI вв. // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 436-453.
37. Повесть временных лет. Раздвигловская летопись // Полное собрание русских летописей. Л., 1989. Т. 38.
38. Слядзь А. Н. Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI - начало XII века). СПб.; М.: Евразия, 2014. 288 с.
39. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Искусство, 1983. 212 с.
40. Степаненко В. П. К статусу Тмутаракани в 80-90-е гг. XI в. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 254-263.
41. Степаненко В. П. «Города на Дунае» в контексте русско-византийских отношений X-XII вв. // Пътуванията в средновековна България. Велико Търново, 2009. С. 169-175.
42. Степаненко В. П. Архонт и дука Тмутаракани в конце XI в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Сборник статей / Ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2013. С. 157-168.
43. Степанова Е. В. Судакский архив печатей (Предварительные выводы) // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97-108.
44. Степанова Е. В. Печати из Судака (к вопросу о интерпретации) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 537-545.
45. Степанова Е. В., Фарбей А. М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судаке в 2005 г. // Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной конференции (18-21 сентября 2006 г.). Киев, 2006. Т. II. С. 303- 306.
46. Степанова Е. В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н. П. Лихачева // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 364-374.
47. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: Антикава, 2009. 334 с.
48. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 312-323.
49. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum* // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 425-427.
50. Чхайдзе В. Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2006. Вып. 6. С. 155-159.

51. Чхаидзе В. Н. Тмутаракань и Восточный Крым // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С. 314-319.
52. Чхаидзе В. Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80 гг. X в. – 90 гг. XI в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V. С. 251-270.
53. Чхаидзе В. Н. Нумизматика Тмутаракани (По поводу книги К. В. Бабаева «Монеты Тмутараканского княжества»). М., 2009. 104 с.) // АДСВ. Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 184-204.
54. Чхаидзе В. Н. Моливдовулы адресантов Матрахи VI-XII вв. // Сфрагистический меридиан: КИЇВ – КОРСУНЬ / ΧΕΡΣΟΝ – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ. Материалы Международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике (Киев, 13-16 сентября 2013 г.). Киев; Севастополь, 2013. С. 40-42.
55. Хапаев В. В. Славянская диаспора в средневековом Крыму. К преодолению историографических иллюзий // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 238-249.
56. Храпунов Н. И. Печати должностных лиц Херсона и некоторые перспективы изучения системы управления Таврикой в византийское время // Сфрагистический меридиан: КИЇВ – КОРСУНЬ / ΧΕΡΣΟΝ – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ. Материалы Международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике (Киев, 13-16 сентября 2013 г.). Киев; Севастополь, 2013. С. 53-55.
57. Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX-XI вв. М.: Наука, 1985. 300 с.
58. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. № 63. 364 с.
59. Oikonomides N. Les listes de préséance des IX et X siècles. Paris, 1972. 403 p.
60. Alekseenko N. L'administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. Paris: ACHCByz, 2012. 268 p.
61. Sandrovskala V. S. Die Funde der byzantinischen Bleisiegeln Sudak // Studies in Byzantine sigillography. 1993. Т. 3. P. 85-97.
62. Stepanova E. New Seals from Sudak // Studies in Byzantine sigillography. 1999. Т. 6. P. 47-58.
63. Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini: Novi Eboraci, 1973.

REFERENCES

1. Aibabin A. I. Nekotorye aspekty istorii Gotskoj eparkhii v Iugo-Zapadnom Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, vol. XIII, pp. 215-626.
2. Aibabin A. I. Gotiia vo vtoroi polovine X – XII vv. *Materialy Mezhdunarodnogo kollokviuma po russko-vizantiiskoi sfragistike "Sfragisticheskii meridian: KIIV – KORSUN / ΧΕΡΣΟΝ – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ"* (Kiev, 13-16 sentiabria 2013 g.). Kiev; Sevastopol, 2013, pp. 20-22.
3. Alekseenko N. A. Novye nakhodki pechatei predstavitelei gorodskogo upravleniia Khersona. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1996, vol. V, pp. 155-170.
4. Alekseenko N. A. Gotiia v strukture vizantiiskoi administrativnoi sistemy v Tavrike vo vtoroi polovine X v. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1998, vol. IX, pp. 230-235.
5. Alekseenko N. A. Protevony Khersona v sisteme gorodskikh struktur vlasti X v. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2001, vol. 32, pp. 154-162.
6. Alekseenko N. A. Dolzhnost' ek prospou Khersona v strukture vizantiiskoi administratsii Tavriki. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev; Sudak, 2005, vol. II, pp. 7-11.
7. Alekseenko N. A. Pater polisa Khersona i ego rol' v imperskoj administratsii v Tavrike. *Drevnosti-2005. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*, Kharkov, 2005, pp. 58-63.
8. Alekseenko N. A. *Administratsiia vizantiiskogo Khersona i ego okrugi po dannym pamiatnikov sfragistiki VIII-XI vv.* Abstract of kandidat. diss. Paris; Simferopol, 2005. 24 p.
9. Alekseenko N. A. Rod Tsuly: varvary na vizantiiskoi sluzhbe? (atributsiia i datirovka po dannym sfragistiki). *Tezisy dokladov i soobshchenii II mezhdunarodnogo vizantiiskogo seminarina «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperii» i «polis»»* (Sevastopol, 31 maia – 4 iunია 2010 g.). Sevastopol, 2010, pp. 3-5.
10. Alekseenko N. A. Nakhodki pechatei khersonskikh chinovnikov v vizantiiskoi Sugdee (k probleme atributsii i datirovok). *Sugdeiskii sbornik*, Kiev; Sudak, 2012, vol. V, pp. 271-286.
11. Alekseenko N. A., Tsepkov Iu. A. Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetel'stva ili istoricheskie realii? *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2013, vol. XVII, pp. 5-18.
12. Alf'orov O. A. Pechatka Mikhaïla, arkhonta i duki Matrakhi ta vsiei Khazarii z kolleksiï O. Sheremet'eva. *Materialy Mezhdunarodnogo kollokviuma po russko-vizantiiskoi sfragistike «Sfragisticheskii meridian:*

- КІІV – KORSUN / ΧΕΡΣΟΝ – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ» (Kiev, 13-16 sentiabria 2013 g.). Kiev; Sevastopol, 2013, pp. 40-42.
13. Babaev K. V. *Monety Tmutarakanskogo kniazhestva*. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2009, 104 p.
 14. Baranov I. A., Stepanova E. V. Tserkovnaia i voennaia administratsiia srednevekovoi Sugdei. *Arkheologiiia Kryma*, Simferopol, 1997, vol. 1, pp. 83-88.
 15. Bulgakova V. I. Sigillograficheskii kompleks porta Sugdei (materialy podvodnykh issledovaniu 2004-2005 gg.). *Sugdeiskii sbornik*, Kiev; Sudak, 2008, vol. III, pp. 296-330.
 16. Vinogradov A. Iu. Stroitel'nye nadpisi srednevekovogo Kryma. Addenda et corrigenda. *Voprosy epigrafiki*, Moscow, 2010, vol. IV, pp. 217-253.
 17. Gaidukov P. G., Kalinin V. A. Drevneishie russkie monety. *Makarov N. A. (Ed.). Rus' v IX-X vekakh. Arkheologicheskaiia panorama*. Moscow; Vologda, 2012, p. 402-435.
 18. Zaibt N., Zaibt V. Pechati stratigov vizantiiskoi femy Kherson. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Simferopol', 1995, vol. 27: Vizantiia i srednevekovyi Krym, pp. 91-97.
 19. Kabanets E. P. K voprosu o roli Tmutarakanskoi eparkhii v tserkovnoi istorii drevnei Rusi kontsa XI veka. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev; Sudak, 2005, vol. II, pp. 105-130.
 20. Kashtanov D. V. K kritike izvestii ob ugrozakh Khersonu v poslednei chetverti XI veka («Tatishchevskoe izvestie» o pokhode russkogo voiska). *Tezisy dokladov i soobshchenii II mezhdunarodnogo vizantiiskogo seminara «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperii» i «polis»»* (Sevastopol, 31 maia – 4 iunia 2010 g.). Sevastopol, 2010, pp. 15-17.
 21. Kotliar N. F. «Ostrov Tmutorokan'skiy». *Materialy konferentsii «Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Mnimye real'nosti v antichnoi i sovremennoi istoriografii. XIV chteniia pamiatii chl.-kor. AN SSSR V. T. Pashuto»* (Moskow, 17-19 aprelia 2002 g.). Moscow, 2003, pp. 107-118.
 22. Latyshev V. V. Etiudy po vizantiiskoi epigrafike. *Vizantiiskii vremennik*, Moscow, 1895, vol. II, pp. 184-188.
 23. Levchenko M. V. *Ocherki po istorii rusko-vizantiiskikh otnoshenii*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1956, 556 p.
 24. Likhachev N. P. Materialy dlia istorii vizantiiskoi i russkoi sfragistiki. Vyp. 2. *Izbrannye trudy*. Moscow, 2014, T. 1.
 25. Litavrin G. G. Vosstanie v Khersone protiv Vizantiiskoi vlasti v 1016 g. *Nikolaeva T. M. (Ed.). ПОΛΥΤΡΟΠΙΟΝ. K 70-letiiu V. N. Toporova*. Moscow, Indrik Publ., 1998, pp. 923-931.
 26. Maiko V. V. Sugdeia vo vtoroi polovine X – nachale XI v. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev; Sudak, 2004, vol. I, pp. 201-244.
 27. Maiko V. V. Vizantiisko-russkie otnosheniia v vostochnom Krymu v XI v. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, Magnitogorsk, 2006, vol. 16/1, pp. 217-224.
 28. Maiko V. V. Tmutarakan' i Vostochnyi Krym. Osnovnye etapy etnokul'turnykh sviazei. *Ruthenica. Shchorichnyk seredn'ovichnoi istorii ta arkheologii Skhidnoi Evropy*, Kiev, 2010, vol. 9, pp. 37-48.
 29. Mogarichev Iu. M. O «Krymskoi Khazarii» v XI-XII vv. *Kniazha doba. Istoriia i kul'tura*, Lvov, 2013, T. 7, pp. 49-58.
 30. Mogarichev Iu. M., Sazanov A. V. Krymskaia Khazariia v X-XI vv. Khazarskii anklav v Krymu ili istoriograficheskii mif? *Khazarskii al'manakh*, Kiev; Kharkov, 2010, vol. 10, pp. 51-59.
 31. Mogarichev Iu. M. K voprosu o «Khazarii» na aziatskom Bospore v XI-XII vv. *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na evraziiskom perekrestke*, St. Petersburg, 2013, pp. 338-342.
 32. Molchanov A. A. Tmutarakanskii chekan kniazia Olega-Mikhaila Sviatoslavicha. *Sovetskaia arkheologiiia*, Moscow, 1982, N 1, pp. 251-254.
 33. Mokhov A. S. Mikrostruktury vizantiiskoi voenno-administrativnoi sistemy v X-XI vv. Fema Serviia. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 2: gumanitarnye nauki*, 2010, vol. 3(79), pp. 19-30.
 34. Naumenko V. E. Tavrika v sisteme rusko-vizantiiskikh otnoshenii serediny X – nachala XI vv. (istoriko-arkheologicheskii kommentarii). *Alekseenko N. A. (Ed.). ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperii» i «polis»*. Sevastopol, 2013, pp. 169-204.
 35. Nikiforov M. A. K diskussii o date uchrezhdeniia vizantiiskoi femy v Tavrike. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, vol. XV, pp. 550-560.
 36. Nikiforov M. A. K voprosu o politicheskom statuse Sugdei pervoi poloviny IX – pervoi poloviny XI vv.

- Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, vol. XVI, pp. 436-453.
37. Povest' vremennykh let. Razdvillovskaia letopis'. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Leningrad, 1989, T. 38.
 38. Sliadz' A. N. *Vizantiia i Rus' . Opyt voenno-politicheskogo vzaimodeistviia v Krymu i Priazov'e (XI - nachalo XII veka)*. St. Petersburg; Moscow, Evraziia Publ., 2014, 288 p.
 39. Sokolova I. V. *Monety i pečati vizantiiskogo Khersona*. Leningrad, Iskustvo Publ., 1983, 212 p.
 40. Stepanenko V. P. K statusu Tmutarakani v 80-90-e gg. XI v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, vol. III, pp. 254-263.
 41. Stepanenko V. P. «Goroda na Dunae» v kontekste russko-vizantiiskikh otnoshenii X-XII vv. *P»tuvaniata v srednevekovna B»lgariia*, Veliko Tyrnovo, 2009, pp. 169-175.
 42. Stepanenko V. P. Arkhont i duka Tmutarakani v kontse XI v. *Alekseenko N. A. (Ed.). XEPCΩNOS ΘEMATA: imperiia i «polis»*. Sevastopol, 2013, pp. 157-168.
 43. Stepanova E. V. Sudakskii arkhiv pečatei (Predvaritel'nye vyvody). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2001, vol. 32, pp. 97-108.
 44. Stepanova E. V. Pečati iz Sudaka (k voprosu o interpretatsii). *Sugdeiskii sbornik*, Kiev; Sudak, 2005, vol. II, pp. 537-545.
 45. Stepanova E. V., Farbei A. M. Vizantiiskie svintsovye pečati, naidennye v Sudake v 2005 g. *Materialy III Sudakskoi mezhdunarodnoi konferentsii «Prichernomor'e, Krym i Rus' v istorii i kul'ture» (18-21 sentiabria 2006 g.)*. Kiev, 2006, T. II, pp. 303- 306.
 46. Stepanova E. V. Vizantiiskie pečati, naidennye v Kerchi i na Tamanskom poluostrove, iz sobraniia N. P. Likhacheva. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, vol. XIII, pp. 364-374.
 47. Mogarichev Iu. M., Sazanov A. V., Stepanova E. V., Shaposhnikov A. K. *Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni*. Simferopol, Antikva Publ., 2009, 334 p.
 48. Tsukerman K. K voprosu o rannei istorii femy Khersona. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol, 1997, vol. 1, pp. 312-323.
 49. Tsukerman K. Politika Vizantii v Severnom Prichernomor'e po dannym Notitiae episcopatum. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, vol. XVI, pp. 425-427.
 50. Chkhaidze V. N. Tmutarakan' (80-e gg. X v. – 90-e. gg. XI v.). Ocherki istoriografii. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza*, Armavir, 2006, vol. 6, pp. 155-159.
 51. Chkhaidze V. N. Tmutarakan' i Vostochnyi Krym. *Materialy konferentsii «Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXIII chteniia pamiati chl.-kor. AN SSSR V. T. Pashuto»*. Moscow, 2011, pp. 314-319.
 52. Chkhaidze V. N. Tmutarakan' – vladenie Drevnerusskogo gosudarstva v 80 gg. X v. – 90 gg. XI v. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev; Sudak, 2012, vol. V, pp. 251-270.
 53. Chkhaidze V. N. Numizmatika Tmutarakani (Po povodu knigi K. V. Babaeva «Monety Tmutarakanskogo kniazhestva». M., 2009. 104 s.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2014, vol. 42, pp. 184-204.
 54. Chkhaidze V. N. Molivdovuly adresantov Matrakhi VI-XII vv. *Materialy Mezhdunarodnogo kollokviuma po russko-vizantiiskoi sfragistike "Sfragisticheskii meridian: KIIV – KORSUN / XEPCΩN – KΩNSTANTINOYPOAIC" (Kiev, 13-16 sentiabria 2013 g.)*. Kiev; Sevastopol, 2013, pp. 40-42.
 55. Khapaev V. V. Slavianskaia diaspora v srednevekovom Krymu. K preodoleniiu istoriograficheskikh illiuzii. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev; Sudak, 2008, vol. III, pp. 238-249.
 56. Khrapunov N. I. Pečati dolzhnostnykh lits Khersona i nekotorye perspektivy izucheniia sistema upravleniia Tavrikoi v vizantiiskoe vremia. *Materialy Mezhdunarodnogo kollokviuma po russko-vizantiiskoi sfragistike «Sfragisticheskii meridian: KIIV – KORSUN / XEPCΩN – KΩNSTANTINOYPOAIC» (Kiev, 13-16 sentiabria 2013 g.)*. Kiev; Sevastopol, 2013, pp. 53-55.
 57. Iuzbashian K. N. *Armianskie gosudarstva epokhi Bagratidov i Vizantiia v IX-XI vv.* Moscow, Nauka Publ., 1985, 300 h.
 58. Iakobson A. L. Rannesrednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moscow; Leningrad, Akademiia nauk SSSR publ., 1959, N 63, 364 p.
 59. Oikonomides N. *Les listes de préséance des IX et X siècles*. Paris, 1972, 403 p.
 60. Alekseenko N. *L'administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux*. Paris, ACHCByz Publ., 2012, 268 p.
 61. Sandrovskala V. S. Die Funde der byzantinischen Bleisiegeln Sudak. *Studies in Byzantine sigillography*,

1993, Т. 3, pp. 85-97.

62. Stepanova E. New Seals from Sudak. *Studies in Byzantine sigillography*, 1999, Т. 6, pp. 47-58.

63. Ioannis Scylitzae. *Synopsis historiarum*. Thurn I. (Rec.). Berolini, Novi Eboraci, 1973.

В. П. Степаненко

Некоторые вопросы истории Северного Причерноморья конца X – XI вв. (по поводу книги А. Н. Слядзь «Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.)»)

Резюме

В статье исследованы некоторые спорные вопросы истории Крыма и Азиатского Боспора (Тмутаракань) в конце X – XI вв., взаимоотношения Византии, и в том числе византийской администрации полуострова, с Тмутараканским княжеством, традиционно рассматриваемом как анклав Киевской Руси. В частности, это вопросы формирования византийской провинциальной администрации в Крыму: фем Херсон, Сугдея и Боспор, наличия на Боспоре территорий, подконтрольных князьям Тмутаракани (проблема крымской «Хазарии», статус княжества в 60-80-е гг. XI в. в рамках византийской ойкумены). Поводом для написания статьи явилась публикация монографии А. Н. Слядзя, по мнению автора, в значительной степени искажающей реальную ситуацию в регионе. Причиной этого явилась как предельно субъективная интерпретация немногочисленных известных фактов, так и незнание новых, введенных в научный оборот в последнее время. В этой связи анализируются сигиллографические памятники, свидетельствующие о существовании фемы Сугдея во второй половине XI в., а также о эволюции статуса князя Тмутаракани Олега-Михаила от архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии до архонта и дуки Таматархи и всей Хазарии накануне поглощения его владений Византией (80-90-е гг. XI в.). По видимому, это фиксирует печать Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии.

Ключевые слова: Византия, фема Херсон, фема Сугдея, фема Боспор, Тмутараканское княжество.

V. P. Stepanenko

Some Aspects of the Northern Black Sea History in the Late Tenth and Eleventh Centuries (About A. N. Sliadz's Monograph *Vizantiia i Rus'*. *Opyt voenno-politicheskogo vzaimodeistviia v Krymu i Priazov'e* [XI – nachalo XII vv.]

Summary

This article examines several still disputable aspects of the history of the Crimea and Asian Bosphoros (Tmutorokan) in the late tenth and eleventh centuries, and the relations between Byzantium (including imperial administrations in the Crimean Peninsula) and the Tmutorokan Principality, traditionally considered an enclave of Kievan Rus'. Particularly, these aspects include the formation of the Byzantine provincial administration in the Crimea, the *themes* of Cherson, Sougdaia, and Bosphoros, the presence of some areas in Bosphoros controlled by the princes of Tmutorokan (the problem of "Crimean Khazaria", the status of the principality in the 1060s–1080s within the Byzantine oecumene). The reason for writing this article was the publication of A. N. Sliadz's monograph, which, in the author's opinion, largely distorts the actual situation in the region because of its very subjective interpretation of numerous old-known facts and the ignorance of new accounts introduced into scholarship in recent years. In this connection, the reviewer have analysed sigillographic monuments uncovering the *theme* of Sougdaia in the second half of the eleventh century and the evolution of the status of Prince Oleg-Michael of Tmutorokan, from the *archon* of Matracha, Zichia, and all Khazaria to the *archon* and *doux* of Tamatarcha and all Khazaria on the eve of Byzantium's annexation of his possessions (1080s–1090s). Apparently, the latter is documented by the seal of Nikephoros Alanos, *vestarches* and *katepano* of Cherson and Khazaria.

Keywords: Byzantium, *theme* of Cherson, *theme* of Sougdaia, *theme* of Bosphoros, Tmutorokan Principality.

М Е М О Р И А

Памяти Жильбера Дагрона

4 августа 2015 г. на 84-м году жизни скончался знаменитый французский византинист президент Международной ассоциации византийских исследований Жильбер Дагрон (Gilbert Dagron). В 1962-1964 гг. он работал атташе по культуре посольства Франции в Москве, в 1975-2001 гг. являлся профессором Центра истории и цивилизации Византии в Коллеж де Франс (Centre de recherche, d'histoire et de civilisation byzantine), с 1994 г. был избран ординарным членом французской Академии надписей и изящной словесности (Académie des Inscriptions et Belles Lettres), в 1997-2000 гг. возглавлял Коллеж де Франс, с 2003 г. был избран президентом Академии надписей и изящной словесности. Жильбер Дагрон являлся кавалером ордена Почетного легиона и командором ордена «*Palmes académiques*», членом Афинской академии, Национальной академии деи Линчеи (Рим), Американской академии искусств и наук, почетным доктором Афинского университета, членом французских научных ассоциаций поздней античности, медиевистики.

Жильбер Дагрон был специалистом в самых разных областях византиноведения, преимущественно времени ранней и средней Византии. Его крупнейшие работы посвящены истории и культуре Константинополя, становлению византийской столицы в IV-V вв. как нового центра эллинистической и римской культуры (*Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris, 1974), а также восприятию Константинополя и его прошлого самими византийцами, жителями города, для которых историческая действительность всегда выступала в слиянии с множеством легенд (*Constantinople imaginaire: Études sur le recueil des «Patria»*. Paris, 1984).

Жильбер Дагрон оказал большую помощь в становлении крымского византиноведения. Благодаря поддержке Ж. Дагрона удалось осуществить стажировки сотрудников Отдела византологии Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины в возглавляемом им Центре истории и цивилизации Византии в Коллеж де Франс. На протяжении многих лет молодые сотрудники Института получали возможность работать в одной из лучших специализированных византийских библиотек Европы, участвовали в организованных Центром научных конференциях, обсуждали проблемы византиноведения с известными византинистами – сотрудниками Центра. При содействии Ж. Дагрона большая группа крымских византинистов в 2001 г. получила возможность принять участие

в XX Византийском конгрессе в Париже. Центр содействовал получению Институтом новой литературы, публикаций письменных источников. На протяжении многих лет осуществлялся обмен научными трудами: в изданиях Центра публиковались статьи сотрудников Института, а в «Материалах по археологии, истории и этнографии Таврии» – статьи французских ученых.

В сфере многогранных научных интересов Жильбера Дагрона находился и Крым. В 1997 г. Жильбер Дагрон принял участие в международной конференции «Византия и Крым», проводившейся Институтом в Херсонесе. В своем пленарном докладе «Двуликий Крым», опубликованном в VII выпуске МАИЭТ, он аргументировано и изящно осветил многие аспекты политики Византии на полуострове.

Я лично многим обязан профессору Дагрону, в 1994-1996 гг. он предоставил мне возможность работать в Центре истории и цивилизации Византии, где были созданы все условия для написания книги «Этническая история ранневизантийского Крыма». Я много консультировался с профессором Дагроном. Можно сказать, что без работы в библиотеке Центра, без общения с профессором Дагроном и его коллегами, мне не удалось бы написать эту книгу. Вспоминаю его как очень эрудированного, доброжелательного человека, всегда готового к научной дискуссии и просто к дружескому общению.

А. И. Айбабин

XX международный Византийский конгресс. Париж, 19-25 августа 2001 г. Жильбер Дагрон и Александр Айбабин на закрытии конгресса в Сорбонне.

Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6-11 июня 1997 г. Экскурсия на городище Эски-Кермен.
На верхнем фото, слева направо: Жан-Клод Шене, Николас Икономидис, Жильбер Дагрон, Фалько Дайм и Александр Айбабин.
На нижнем фото, слева направо: Александр Айбабин, Фалько Дайм, Жан-Клод Шене, Мишель Казанский, Магда Мончиньская и Жильбер Дагрон.

Правила оформления статей

Правила направления рукописи

Для публикации принимаются материалы на русском, английском, немецком и французском языках. Рукопись предоставляется в электронном и печатном вариантах, которые должны быть абсолютно идентичны. Электронный вариант передается на электронном носителе или присылается по электронной почте (niciak_crfu@mail.ru). Печатный вариант распечатывается в одном экземпляре на бумаге формата А-4 на лазерном принтере, в полном объеме статьи, включая приложения и иллюстрации. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Передается или пересылается по адресу: 295007, г. Симферополь, пр. Вернадского, 4, Крымский федеральный университет, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма.

Правила оформления рукописи

1. Электронный вариант рукописи оформляется в виде документа Microsoft Word for Windows (расширение .doc), шрифт Times New Roman, через 1 интервал, размер кегля для основного текста – 12, для подстрочных примечаний – 10.

2. Рукопись должна включать: инициалы и фамилию автора (авторов) на русском языке и транслитерацию латиницей; название статьи на русском и английском языках; основной текст статьи; список использованной литературы на языке оригинала и транслитерированный латиницей; резюме, которое в сжатой форме должно содержать цель, главные положения и выводы работы, на русском и английском языках объемом до 500 знаков; список ключевых слов (5-7) на русском и английском языках; список сокращений, использованных в основном тексте и во всех приложениях; список иллюстраций (при наличии); сведения об авторе (авторах) на русском и английском языках, включающие фамилию, имя, отчество, ученую степень, ученое звание, полное официальное название организации, в которой работает автор, адрес организации, должность, e-mail, контактный номер телефона.

3. Транслитерация кириллицы в латиницу осуществляется по стандарту LC (Library of Congress and American Library Association). Рекомендуется использование интернет-сервиса: <http://www.translit.ru> (вариант LC).

4. В тексте статьи иностранные фамилии, географические названия и термины приводятся на языке статьи. Автор может привести оригинальное имя или название дополнительно в круглых скобках.

5. Библиографические ссылки в тексте приводятся в квадратных скобках в виде кода: порядковый номер работы согласно списку литературы, запятая, строчная буква «с.» (для

изданий на немецком языке – прописная буква «S», на английском и французском – строчная «r.») и номер страниц(ы) через пробел, например: [1, с. 35–48].

6. Отсылка к иллюстрациям, приведенным в статье, оформляется в круглых скобках с использованием сокращений «рис.» или «табл.» и номера через пробел, например: (рис. 1), (табл. I). Номер внутри рисунка или таблицы обозначается после запятой без пробела курсивом, например: (рис. 1,3-5; 3,9,12; 11,а-с), (табл. I,5).

7. Если автор не имеет возможности предоставить английский перевод резюме, ему необходимо указать все использованные в резюме специальные термины, имена собственные, географические и иные названия на английском языке или же их написание на латинице.

8. При наборе греческого текста используются символы шрифта Times New Roman.

9. При передаче легенд печатей, монет и т.п. рекомендуется использовать шрифты Athena и Athena Ruby. Если при подготовке работы были использованы греческие и нестандартные (не входящие в комплект поставки Windows) шрифты, автор обязан их предоставить в редакцию вместе с остальными материалами.

Правила оформления списка использованной литературы

Пронумерованный список использованной литературы в алфавитном порядке на языке оригинала располагается после текста статьи под заголовком «СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ». Труды одного автора приводятся в хронологической последовательности. Сначала приводятся работы, изданные на кириллице, затем на латинице в соответствии со следующими образцами:

- *монография*: Фамилия (фамилии) и инициалы автора (авторов). Название работы. Место издания: издательство, год издания. Общее количество страниц. Пример:

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Mathews T.F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. 3rd printing. London: The Pennsylvania State University Press, 1980. 194 p.

- *монография, в которой не может быть указан автор, но указан(ы) издатель, редактор(ы), переводчик(и)*: Название работы / Инициалы и Фамилия (фамилии) издателя (редактора, переводчика). Место издания: издательство, год издания. Общее количество страниц. Пример:

Культура Византии. Вторая половина IV – первая половина VII вв. / Под ред. З.В. Удальцовой. М.: Наука, 1984. 728 с.

В иностранных источниках редакторы указываются перед названием работы с пометкой (Ed.) или (Eds.). Пример:

Mango C. (Ed.). The Oxford History of Byzantium. Oxford University Press, 2002. 376 p.

- *публикация в сборнике*: Фамилия (фамилии) и инициалы автора (авторов). Название публикации // Название сборника / Инициалы и Фамилия (фамилии) издателя (редактора). Место издания: издательство, год издания. Страницы. Пример:

Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / под ред. С.Н. Бибикова. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56-94.

Молев Е.А. Термин «Боспор» у Диодора // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 141-146.

Foerster G. The Synagogues at Masada and Herodium // Levine L.L. (Ed.). Ancient Synagogues Revealed. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 1981. P. 24-29.

- *публикация в периодическом издании*: Фамилия (фамилии) и инициалы автора (авторов). Название публикации // Название сборника. Год издания. Сокращенное обозначение выпуска (Вып.) или тома (Т.), номер. Страницы. Пример:

Попова О.С. Образ Христа в византийском искусстве V-XIV вв. // ВВ. 2001. Т. 60(85).

C. 159-173.

Pülz A. Ephesos als christliches Pilgerzentrum // *Mitteilungen zur Christlichen Archäologie*. 2010. Band 16. S. 71-102.

- *Материалы конференций*. Пример:

Виноградов Ю.А. О хронологии некрополя Боспорской аристократии Юз-Оба // XV Боспорские чтения. Боспор Кимерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2014. С. 82-87.

- *Диссертация, автореферат диссертации*: Фамилия и Инициалы автора. Название работы: Автореф. дис. ... д-ра (канд.) ист. наук. Город, год. Страницы. Пример:

Застрожнова Е.Г. История археологического изучения Фанагории (конец XVIII в. – 1940 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2013. 28 с.

- *Архивный документ*: Фамилия и инициалы автора. Название документа (если есть) // Название архива. Номер фонда (Ф). Номер описи (Оп.). Том описи (Т.). Дело (Д.). Номер единицы хранения (Ед. хр.). Листы документа (Л.). Пример:

Бабенчиков В.П. Отчет о раскопках средневекового поселения у с. Планерское, б. Коктебель в 1951 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 617. Л. 3-23.

ГАРК. Ф. 315. Оп. 3. Д. 9. Л. 15-47.

- *Электронный ресурс*. В источниках на русском языке используются элементы: Фамилия и инициалы автора. Название публикации [Электронный ресурс] // Название издания. URL, (дата обращения: ...). Пример:

Белоус Н.А. Прагматическая реализация коммуникативных стратегий в конфликтном дискурсе [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. научн. журн. 2006. N 4. URL: http://www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (дата обращения: 15.12.2007).

Если электронной публикации присвоен цифровой идентификатор doi, применяются правила описания печатных источников. В конце указывается doi. Точка после doi не ставится. Сетевой адрес (URL) не указывается. Пример:

D'Addato A.V. Secular trends in twinning rates // *Journal of Biosocial Science*. 2007. Vol. 39 (1). P. 147–151. doi:10.1017/s0021932006001337

Правила оформления списка использованной литературы в латинице

Список использованной литературы с транслитерацией кириллицы в латиницу в полном объеме с той же нумерацией располагается после оригинального списка под заголовком «REFERENCES». При этом для всех работ меняется библиографический стандарт ссылок (название монографий, сборников и периодических журналов передается курсивом, использование одинарного или двойного слэша (/ или //) недопустимо, и т.д.). Транслитерация кириллицы в латиницу осуществляется по стандарту LC (см. выше). Если есть устоявшиеся формы транслитерации имен и названий, отличные от указанного стандарта, следует использовать именно их. Оформление транслитерированного списка осуществляется по следующим образцам:

- *монография*:

Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', DAR Publ., 1999, 352 p.

Mathews T.F. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy*. London, The Pennsylvania State University Press, 1980, 194 p.

- *монография, в которой не может быть указан автор, но указан(ы) издатель, редактор(ы), переводчик(и)*:

Udal'tsova Z.V. (Ed.). *Kul'tura Vizantii. Vtoraia polovina IV – pervaiia polovina VII vv*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 728 p.

Mango C. (Ed.). *The Oxford History of Byzantium*. Oxford University Press, 2002, 376 p.

- публикация в сборнике:

Parshina E.A. Srednevekovaja keramika Iuzhnoi Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965-1969 gg.). *Bibikova S.N. (Ed.). Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56-94.

Molev E.A. Termin «Bospor» u Diodora. *Antichnyi mir. Vizantiia: K 70-letiiu professora V. I. Kadeeva.* Khar'kov, Biznes Inform Publ., 1997, pp. 141-146.

Foerster G. The Synagogues at Masada and Herodium. *Levine L.L. (Ed.). Ancient Synagogues Revealed.* Jerusalem, The Israel Exploration Society, 1981, pp. 24-29.

- публикация в периодическом издании:

Popova O.S. Obraz Khrista v vizantiiskom iskusstve V-XIV vv. *Vizantiyskiy vremennik*, 2001, vol. 60 (85), pp. 159-173.

Pülz A. Ephesos als Christliches Pilgerzentrum. *Mitteilungen zur Christlichen Archäologie*, 2010, Band 16, S. 71-102.

- Материалы конференций:

Vinogradov Iu.A. O khronologii nekropolia Bosporskoj aristokratii Iuz-Oba. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XV Bosporskie chteniia. Bospor Kimeriyskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problemy khronologii"*. Kerch', 2014, pp. 82-87.

- Диссертация, автореферат диссертации:

Zastrozhnova E.G. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Fanagorii (konets XVIII v. – 1940 g.)*. Abstract of kandidat. diss. St. Petersburg, 2013, 28 p.

- Архивный документ (транслитерация названия архивохранилища приводится полностью):

Babenchikov V.P. Otchet o raskopkakh srednevekovogo poseleniia u s. Planerskoe, b. Koktebel' v 1951 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk.* F. R-1. D. 617. L. 3-23.

Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym. F. 315. Op. 3. D. 9. L. 15-47.

- Электронный ресурс:

Belous N.A. Pragmaticheskaia realizatsiia kommunikativnykh strategii v konfliktnom diskurse. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2006, N 4. Available at: http://www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (accessed: 15.12.2007).

Kondrat'ev V.B. Global'naia farmatsevticheskaja promyshlennost'. Available at: http://perspektivy.info/rus/ekob/globalnaja_farmatsevticheskaja_promyshlennost_2011-07-18.html (accessed: 23.06.2013).

Правила оформления иллюстраций

Если статья сопровождается иллюстрациями, после REFERENCES должен находиться пронумерованный список всех иллюстраций, составленный в Microsoft Word, шрифт Times New Roman. Иллюстрации (рисунки, фотографии и таблицы) должны быть хорошего качества, с четким изображением, размером не более 14x17 см. Иллюстрации подаются в распечатанном и электронном виде (разрешение – 600 dpi, формат файла – tiff). Включение иллюстраций в текстовый файл недопустимо. Подпись к каждой иллюстрации должна содержать ссылку в квадратных скобках на источник, из которого она воспроизведена, включенный в общий список использованной литературы. Ссылка на архив или фонды приводится в круглых скобках. Примеры: **Рис. 2.** План большого культового комплекса на плато Тепсень [по: 12, рис. 4]. **Рис. 3.** М.М. Казас в чалме (фото из фондов Симферопольского художественного музея).

Правила рецензирования рукописи

Все материалы, поданные для публикации, проходят обязательное рецензирование. Решение о публикации принимается редколлегией с учетом рекомендаций рецензентов. По результатам рецензирования статья может быть отправлена на доработку автору. Редакция издания направляет авторам копии рецензий или мотивированный отказ. Не принятые к печати рукописи и материалы не возвращаются.

Manuscript Submission

We publish materials in Russian, English, German, and French. The manuscript should be submitted in identical electronic and paper versions. The electronic version should be supplied at electronic media or send by email to: niciak_crfu@mail.ru. The paper version, in one copy, is to be printed out in A4 paper, with a laser printer, as a full article including appendices and illustrations. The manuscript should be checked, dated, and signed by the author(s). The manuscript should be handed over or mailed to the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, 4 Akademika Vernadskogo Ave, Simferopol, 295007, Republic of the Crimea.

Manuscript Style Guide

10. Electronic version of the manuscript should be styled as Microsoft Word for Windows document (*.doc file), font Times New Roman, single-spacing, 12 font size of the main text body and 10 font size for foot notes.

11. The manuscript should include: the author(s) family name(s) and initials, in Russian and Latinised versions; the article title in Russian and English versions; the main body of the article; bibliographic list in original language and in Latinised form; summary, presented, in brief form, the article's main points and conclusions, in Russian and English, 500 symbols maximum; keywords (5-7) in Russian and English; list of abbreviations used in the text and all the appendices; list of illustrations (if any); author's or authors' data in Russian and English, including family and first names, academic degree, academic title, full official title of the institution the author is affiliated with, its address, author's position, contact email and phone number.

12. Latinization of Cyrillic text should be made according to the Library of Congress and American Library Association style (LC Style). We recommend Internet Latinisation service available at: <http://www.translit.ru> (вариант LC).

13. Foreign personal names, toponyms, and terms are styled according to the article language. The author can add original personal or geographic name in parentheses.

14. Bibliographic references are added in square brackets as a code: order number according to the bibliographic list, comma, lower case letter "p." (for German articles, "S.") and page number(s) after a space, for example: [1, c. 35–48].

15. References to illustrations cited in the article are in parentheses, with abbreviation "fig." or "pl." and the number after a space, for example: (fig. 1), (pl. I). The second-order number within a figure or a plate is indicated after comma, with no space, for example: (fig. 1,3-5; 3,9,12; 11,a-c), (pl. I,5).

16. If the author is not able to submit the Russian summary, the author should list all the special terms, personal and geographic names used in the English summary in Russian or their spelling in Cyrillics.

17. Greek words and phrases should be typed with special symbols of the Times New Roman font.

18. We recommend to use Athena or Athena Ruby fonts for legends of coins, seals, etc. In case the author of the paper uses Greek fonts that are not included into standard Windows package, the author is obliged to submit these fonts to the editors together with other materials.

List of Bibliography Style Guide

The numbered list of cited bibliography, in alphabetical order, in original language, is to be placed following the article text under the heading "СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ" ("LIST OF CITED LITERATURE"). Works of the same author are to be listed in chronological order. First come works in Cyrillic and then those in Latin, according to the following examples:

- *Monograph*: Author's or authors' family name(s) and initials. Title of the publication. Place where published: publisher, publication year. Total number of pages. For example:

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР,

1999. 352 с.

Mathews T.F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. 3rd printing. London: The Pennsylvania State University Press, 1980. 194 p.

- *Monograph with no author indicated, but having a reference to the publisher, editor(s), or translator(s)*: Title of the volume / Initials and family name or names of the publisher(s), translator(s), or editor(s). Place where published: publisher, publication year. Total number of pages. For example:

Культура Византии. Вторая половина IV – первая половина VII вв. / Под ред. З.В. Удальцовой. М.: Наука, 1984. 728 с.

In non-Russian sources, the editors are to be indicated prior to the title of the work, with the mark “(Ed.)” or “(Eds.)” For example:

Mango C. (Ed.). The Oxford History of Byzantium. Oxford University Press, 2002. 376 p.

- *Publication in a volume of collected articles*: Author’s or authors’ family name(s) and initials. Title of the publication // Title of the volume / Initials and family name or names of the publisher(s) or editor(s). Place where published: publisher, publication year. Pages. For example:

Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / под ред. С.Н. Бибикова. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56-94.

Молев Е.А. Термин «Боспор» у Диодора // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 141-146.

Foerster G. The Synagogues at Masada and Herodium // Levine L.L. (Ed.). Ancient Synagogues Revealed. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 1981. P. 24-29.

- *Publication in a periodical*: Author’s or authors’ family name(s) and initials. Title of the publication // Title of the volume. Publication year. Abbreviated indication of the “number” (No.; Вып.) or “volume” (Vol.; Т.), numeral. Pages. For example:

Попова О.С. Образ Христа в византийском искусстве V-XIV вв. // ВВ. 2001. Т. 60(85). С. 159-173.

Pülz A. Ephesos als christliches Pilgerzentrum // Mitteilungen zur Christlichen Archäologie. 2010. Band 16. S. 71-102.

- *Proceedings of a conference*. For example:

Виноградов Ю.А. О хронологии некрополя Боспорской аристократии Юз-Оба // XV Боспорские чтения. Боспор Кимерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2014. С. 82-87.

- *Dissertation or thesis of dissertation*: Author’s family name and initials. Title of the work: Thesis of doctoral diss. (Автореф. дис. ... д-ра (канд.) ист. Наук). Place, date. Pages. For example:

Застрожнова Е.Г. История археологического изучения Фанагории (конец XVIII в. – 1940 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2013. 28 с.

- *Archival document* (Russian): Author’s family name and initials. Title of the document (if any) // Title of the archive. Fund number (Ф.). Inventory number (Оп.). Volume number (Т.). File (Д.). Collection unit (Ед. хр.). Document leaf (Л.). For example:

Бабенчиков В.П. Отчет о раскопках средневекового поселения у с. Планерское, б. Коктебель в 1951 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 617. Л. 3-23.

ГАРК. Ф. 315. Оп. 3. Д. 9. Л. 15-47.

- *Electronic recourse*. The sources published in Russian use the following elements: Author’s family name and initials. Publication title [Electronic resource] // Edition title. URL, (date of access: ...). For example:

Белоус Н.А. Прагматическая реализация коммуникативных стратегий в конфликтном дискурсе [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. научн. журн. 2006. N 4. URL: http://www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (дата обращения:

15.12.2007).

Electronic publications having Digital Object Identifier (DOI) should be styled the same as printed materials, with DOI mentioned in the end (no full stop and no URL after DOI). For example:

D'Addato A.V. Secular trends in twinning rates // *Journal of Biosocial Science*. 2007. Vol. 39 (1). P. 147–151. doi:10.1017/s0021932006001337

Latinisation of bibliographic list

Bibliographic list with Latinised Cyrillic names, in full and with the same numbering, should be placed after the original bibliographic list, headed as “REFERENCES.” Bibliographic description standard is to be changed for every entry (titles of monographs, collected articles, and periodicals is italicized, single or double slash [/ or //] is not allowed, etc.). Latinisation of Cyrillic titles should follow the Library of Congress system (see above). However, traditional forms of Latinized personal and geographic names should be kept.

Latinized references list should be styled as follows:

- *Monograph*:

Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', DAR Publ., 1999, 352 p.

Mathews T.F. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy*. London, The Pennsylvania State University Press, 1980, 194 p.

- *Monograph with no author indicated, but having a reference to the publisher, editor(s), or translator(s)*:

Udal'tsova Z.V. (Ed.). *Kul'tura Vizantii. Vtoraia polovina IV – pervaiia polovina VII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1984, 728 p.

Mango C. (Ed.). *The Oxford History of Byzantium*. Oxford University Press, 2002, 376 p.

- *Publication in a volume of collected articles*:

Parshina E.A. Srednevekovaiia keramika Iuzhnoi Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965-1969 gg.). *Bibikova S.N. (Ed.). Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56-94.

Molev E.A. Termin «Bospor» u Diodora. *Antichnyi mir. Vizantiia: K 70-letiiu professora V. I. Kadeeva*. Khar'kov, Biznes Inform Publ., 1997, pp. 141-146.

Foerster G. The Synagogues at Masada and Herodium. *Levine L.L. (Ed.). Ancient Synagogues Revealed*. Jerusalem, The Israel Exploration Society, 1981, pp. 24-29.

- *Publication in a periodical*:

Popova O.S. Obraz Khrista v vizantiiskom iskusstve V-XIV vv. *Vizantiyskiy vremennik*, 2001, vol. 60 (85), pp. 159-173.

Pülz A. Ephesos als Christliches Pilgerzentrum. *Mitteilungen zur Christlichen Archäologie*, 2010, Band 16, S. 71-102.

- *Proceedings of a conference*:

Vinogradov Iu.A. O khronologii nekropolia Bosporskoii aristokratii Iuz-Oba. *Materialy mezhduнародnoi nauchnoi konferentsii “XV Bosporskie chteniia. Bospor Kimeriyskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problemy khronologii”*. Kerch', 2014, pp. 82-87.

- *Dissertation or thesis of dissertation*:

Zastrozhnova E.G. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Fanagorii (konets XVIII v. – 1940 g.)*. Abstract of kandidat. diss. St. Petersburg, 2013, 28 p.

- *Archival document* (with full transliteration of the title of the archival storage):

Babenchikov V.P. Otchet o raskopkakh srednevekovogo poseleniia u s. Planerskoe, b. Koktebel' v 1951 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. F. R-1. D. 617. L. 3-23.

Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym. F. 315. Op. 3. D. 9. L. 15-47.

- *Electronic resource*:

Belous N.A. Pragmaticheskaia realizatsiia kommunikativnykh strategii v konfliktnom diskurse. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2006, N 4. Available at: <http://www.>

tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (accessed: 15.12.2007).

Kondrat'ev V.B. Global'naia farmatsevticheskaia promyshlennost'. Available at: http://perspektivy.info/rus/ekob/globalnaja_farmatsevticheskaja_promyshlennost_2011-07-18.html (accessed: 23.06.2013).

Style of Illustrations

In case of the article is supplied with illustrations, enumerated list of all illustrations, compiled in Microsoft Word, with Times New Roman font, should be added after REFERENCES. Illustrations (drawings, photographs, and plates) should have good quality, providing clear image, not bigger than 14x17 cm. Illustrations should be supplied in printed and electronic versions with resolution 600 dpi and file format *.tiff. Illustration must not be inserted into the text file. Caption to every illustration should have a note, in square bracket, to the source of its origin, included to the general bibliographic list. References to archive or museum collection should be in parentheses. Examples: **Fig. 2.** Ground plan of the large cult complex at Tepsen Plateau [from: 12, fig. 4]. **Fig. 3.** M. M. Kazas wearing turban (photo from the collection of the Simferopol Art History Museum).

Reviewing

All the materials submitted for publications pass through obligatory reviewing. The editorial board's decision to publish materials takes into account the reviewers' recommendations. Following the reviewing, the article may be returned to the author for reworking. The editorial board sends to the authors either copies of reviews or motivated refusal. Not accepted manuscripts and materials are not returnable.

Сведения об авторах

- АЙБАБИН Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: aleksandraibabin@rambler.ru
- ВЛАСОВ Владимир Петрович, кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Института археологии Крыма (Симферополь, Россия), e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru
- ГИНЬКУТ Наталия Витальевна, ученый секретарь Государственного бюджетного учреждения культуры г. Севастополя Национальный заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: n-ginkut@yandex.ru
- ГОЛДЕН Питер, доктор исторических наук, профессор Рутгерского университета (США), e-mail: pgolden@rci.rutgers.edu
- ДУШЕНКО Антон Анатольевич, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: tnu.dushenko@mail.ru
- ЗАВАДСКАЯ Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: zavadsкая_irina@mail.ru
- ИШТВАНОВИЧ Эстер, кандидат исторических наук, ученый секретарь Музея им. Андраша Йожа (Ньиредьхаза, Венгрия), e-mail: istvanov@josamuzeum.hu
- КОНКИН Денис Валериевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: denis_konkin@mail.ru
- КУЛЬЧАР Валерия, кандидат исторических наук, доцент Сегедского университета (Сегед, Венгрия), e-mail: vkulcsar@iif.hu
- ЛОМАКИН Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь,

- Россия), e-mail: LomakinDA@mail.ru
- Мульд Сергей Альфредович, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, e-mail: muld@mail.ru
- Прохоров Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: prohorov1da@yandex.ru
- Радочин Владимир Юрьевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: radochin_v@mail.ru
- Рыжов Станислав Григорьевич, заведующий архитектурно-археологическим отделом Государственного бюджетного учреждения культуры г. Севастополя Национальный заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: staspolis@yandex.ru
- Сидоренко Валерий Анатольевич, кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: crimeastor@rambler.ru
- Степаненко Валерий Павлович, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: valpavl@yandex.ru
- Тортика Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: khazar@inbox.ru
- Турова Наталья Петровна, старший научный сотрудник Ялтинского историко-литературного музея (Ялта, Россия), e-mail: turova.n@gmail.com
- Хайрединова Эльзара Айдеровна, кандидат исторических наук, заведующая отделом истории и археологии древнего и средневекового Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: khairedinovaz@rambler.ru
- Храпунов Никита Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: khrapunovn@mail.ru
- Шалыга Диана Александровна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Института иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: d.shalyga@rambler.ru

Contributors

- AIBABIN Alexander, DSc., Prof., Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: aleksandraibabin@rambler.ru
- DUSHENKO Anton, Junior Researcher, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: tnu.dushenko@mail.ru
- GINKUT Nataliya, Academic Secretary of the National Preserve of Tauric Chersonese (Sebastopol, Russia), e-mail: n-ginkut@yandex.ru
- GOLDEN Peter Benjamin, PhD, Prof., Rutgers University (USA), e-mail: pgolden@rci.rutgers.edu
- ZAVADSKAYA Irina, CSc, Leading Researcher, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: zavadskaya_irina@mail.ru
- ISTVÁNOVITS Eszter, CSc, Scientific Secretary of the Jóna András Museum (Nyíregyháza, Hungary), e-mail: istvanov@josamuzeum.hu
- KHAIREDINOVA Elzara, CSc, Senior Researcher, Head of the Ancient and Mediaeval Crimea History and Archaeology Department, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: khairidinovaz@rambler.ru
- KHRAPUNOV Nikita, CSc, Leading Researcher, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: khrapunov@mail.ru
- KONKIN Denis, CSc, Head of the Modern History Department, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: denis_konkin@mail.ru
- KULCSÁR Valéria, CSc, Dr. Habil, Ass. Prof., University of Szeged (Szeged, Hungary), e-mail: vkulcsar@iif.hu
- LOMAKIN Dmitrii, CSc, Researcher, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: LomakinDA@mail.ru
- MULD Sergei, Researcher, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky

- Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: muld@mail.ru
- ПРОKHOPOV Dmitrii, CSc, Senior Researcher, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: prohorov1da@yandex.ru
- RADOCHIN Vladimir, Senior Researcher, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: radochin_v@mail.ru
- RYZHOV Stanislav, Head of the Architecture and Archaeology Department of the National Preserve of Tauric Chersonese (Sebastopol, Russia), e-mail: staspolis@yandex.ru
- SIDORENKO Valerii, CSc, Deputy Director in Research, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: crimeastor@rambler.ru
- SHALYGA Diana, Senior Lecturer, Theory and Practice of Translation Department at the Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: d.shalyga@rambler.ru
- STEPANENKO Valerii, DSc., Prof., Ancient and Mediaeval History Department at the Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), e-mail: valpavl@yandex.ru
- TORTIKA Aleksandr, DSc, Prof., Leading Researcher, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: khazar@inbox.ru
- TUROVA Natalia, Senior Researcher, Yalta Historical and Literature Museum (Yalta, Russia), e-mail: turova.n@gmail.com
- VLASOV Vladimir, CSc, Deputy Director in Research, Institute of Archaeology of the Crimea (Simferopol, Russia), e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru

**Указатель материалов, опубликованных в XI-XIX выпусках
«Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии»¹**

Вып. XI (2005)

Археология

- Жеребцов Е.Н.* Архитектурный облик Херсонесского святилища раннеэллинистического времени
Зубарь В.М. Места отправления религиозных культов в Херсонесе Таврическом и его округе в эллинистический период
Сидоренко В.А. Эпитафия скифского царя Аргота
Ковалевская Л.А., Седикова Л.В. К вопросу о водоснабжении Херсонеса в позднеантичную эпоху
Костромичёв Д.А. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса
Сарновски Т. Римская черепица Южного Крыма (с приложением М. Дашкевича и Г. Шнайдера)
Радочин В.Ю., Бассальго О.А. Антропологический материал из Тавельского кургана № 5
Стоянова А.А. Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму
Храпунов И.Н. Поздние погребения в могильнике Нейзац
Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг.
Волошинов А.А. Раннесредневековый склеп на могильнике у с. Верхоречье Бахчисарайского района
Завадская И.А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса
Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма
Герцен А.Г., Манаев А.Ю. Демир-Капу (укрепление А.XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа
Макарова Т.И. Комплекс украшений из разрушенного женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи
Оксиненко П.В., Белый А.В. Комплекс петроглифов с христианской символикой в гроте близ Баклы
Макарова Т.И. Церковь св. Богородицы в Тмутаракани
Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата

Нумизматика

- Шонов И.В.* Клад медных монет II в. до н.э. из окрестности Херсонеса
Алексеев Н.А. Денежное обращение окрестности византийского Херсона в VII в.

История

- Катюшин А.Е.* Еще раз об этнониме «трапезиты»
Тортика А.А. Лесостепное Подонье-Придонечье и Горный Крым в хазарское время: опыт сравнительного анализа
Конкин Д.В. Ханафитский мазхаб и его трактовка вакфа
Прохоров Д.А. И.И. Казас – организатор караимских учебных заведений (вторая половина XIX – начало XX вв.)
Непомнящий А.А. Арсений Маркевич – сотрудник Крымцентрархива
Белый О.Б. Караимская русскоязычная периодическая печать в конце XX – начале XXI века

Рецензии

- Храпунов И.Н.* Новый взгляд на столицу позднескифского государства (к публикации книги: Зайцев Ю.П. Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с., ил.)
Зинько Е.А. «Старые» и «новые» исследования некрополя Пантикапея (к публикации статьи: Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000-2002 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Сб. науч. трудов. Киев: Стилос, 2004. С. 94-166)

Memoria

Памяти О.М. Приходнюка

Вып. XII (2006)

Айбабин А.И. К 80-летию Светланы Александровны Плетневой

Археология

- Зубарь В.М., Буйских А.В.* По поводу интерпретации памятников Маячного полуострова
Костромичев Д.А. Римское военное снаряжение из Херсонеса
Контны Б., Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-балке

¹ Указатель материалов, опубликованных в I-X выпусках, приводится в X выпуске МАИЭТ.

- Храпунов И.Н.* Погребения детей в могильнике Нейзац
Пиле К. От «Клада из Эрана» к могиле «Княжны из Мульта»
Радочин В.Ю., Бассальго О.А. Результаты исследования антропологического материала из некрополя Эски-Кермена
Завадская И.А. О строительных периодах храма св. Апостолов Петра и Павла в Партените
Яшаева Т.Ю. Поздневизантийская пещерная лавра Херсона
Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп)
Майко В.В. Городской некрополь Судак-II на посаде средневековой Сугдеи
Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Салтовская полуземлянка на городище Тиритака
Нумизматика и сфрагистика
Сидоренко В.А. Шонов И.В. Несколько неизданных монет античного Херсонеса
Алексеевко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики)

История

- Храпунов Н.И.* О древнем названии города: Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике?
Хайрединова Э.А. О реконструкции женского костюма варваров Юго-Западного Крыма V-VII вв.
Афиногенов Д.Е. Источник рассказа о крымских событиях 705 и 711 гг. в «Хронографии» Феофана Исповедника
Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму
Конкин Д.В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783-1796 гг.)
Араджисони М.А. Греки-дворяне Таврической губернии в конце XVIII – XIX вв. (по документам Госархива в Автономной республике Крым)
Прохоров Д.А. Роль И.И. Казаса в развитии гимназического образования в Крыму во второй половине XIX века
Непомнящий А.А. Украинское общество изучения Крыма и Кавказа: неизвестная страница истории крымоведения

Научное наследие

- Хайбуллаева Ф.Х.* Рукопись начала XIX века о народах Крыма
Memoria

Памяти И.В. Ачкинази

Вып. XIII (2007)

- Науменко В.Е.* К 60-летию Александра Германовича Герцена
Список научных работ А.Г. Герцена

Археология

- Рыжов С.Г.* Оборонительная стена V в. до н.э. в Северном районе Херсонеса
Храпунов И.Н. Две могилы с погребениями женщин из могильника Нейзац
Зинько Е.А. Христианские склепы некрополя Боспора IV-VI вв. н.э.
Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время
Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен
Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма
Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I
Яшаева Т.Ю. Городские монастыри византийского Херсона: к постановке проблемы
Степаненко В.П. К атрибуции стегита с «Вознесением Христа» из Херсонеса
Бармина Н.И. Мангупская базилика (Опыт теменологического анализа)
Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.)
Журавлев О.П., Душенко А.А. Остеологические материалы из раскопок в верховьях балки Табана-дере (Мангуп)
Лобода И.И. Погребение кочевника
Буров Г.М. Фортификационные сооружения Булгарских городищ Ульяновского Поволжья

Нумизматика и сфрагистика

- Алексеевко Н.А.* Новый клад монет V-VI вв. из окрестности византийского Херсона
Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева
Чореф М.М. К вопросу о периоде функционирования монетного двора г. Кырк-Йера

История

- Стивак И.А.* Зороастрийские «симпатии» Александра
Зубарь В.М. Из археологической летописи Херсонеса Таврического: К.Э. Гриневич
Коростелин В.А. Федератство в Позднем Риме как система: к проблеме варваров-федератов
Завадская И.А. Концепции истории христианизации населения Херсонеса в отечественной историографии

- Куц Т.В.* Ирония и шутка в византийском эпистолярном
Кашиовская Н.В. О надгробной плите из «Крымского сборника» П.И. Кеппена
Конкин Д.В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в.
Тур В.Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.)
Белик Ю.Л., Ткачук Г.В. Крепость «Ени-Кале» на рубеже XVIII-XIX вв.
Прохоров Д.А. Система народного образования караимов Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв.
Белый О.Б. История и культура восточноевропейских караимов на страницах журнала «Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления» (1917-1919 гг.)
Петрова Э.Б. Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич
Моисеев Л.С. А.Н. Савин – профессор всеобщей истории Таврического университета
Араджиони М.А. Греки Крыма: к истории формирования общины в период позднего средневековья – нового времени
Манаев А.Ю. Современные проблемы охраны памятников Крыма в контексте деятельности Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника
Рецензии
Седикова Л.В., Рыжов С.Г. По поводу исследования и консервации водосборной цистерны в Херсонесе

Вып. XIV (2008)

К 60-летию А.И. Айбабина
Список научных работ А.И. Айбабина

Археология

- Власов В.П.* Лепная керамика из зольника у горы Митридат
Костромичев Д.А. Детали оружия и военного костюма из «цитадели» Херсонеса
Храпунов И.Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац
Зинько Е.А. Воины в росписях ранневизантийских склепов некрополя Боспора
Зинько В.Н., Зинько А.В. Тиритака в V-VI вв. н.э.
Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора
Левада М.Е., Мончынська М. Крест из собрания Богдана и Варвары Ханенко
Хайрединова Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов
Радочин В.Ю. Антропологические материалы из могильника у с. Лучистое (раскопки 2003-2007 гг.)
Ивакин Г.Ю., Иоаннисян О.М., Зыков П.Л. Предварительные оценки результатов раскопок Десятинной церкви в 2005-2008 гг.
Плетнева С.А. О «семейных группах» на беловежских кладбищах конца X – XI вв.
Завадская И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.)
Ауфшнайтер М. Новые исследования пещер городища Эски-Кермен
Андреева О.А. Резные костяные пластины от шкатулки: попытка реконструкции и толкования
Голофаст Л.А. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара)
Герцен А.Г., Руев В.Л. Свинцовые пули из раскопок Мангупа

Нумизматика и сфрагистика

- Алексеев Н.А.* Печати представителей византийской аристократии в Таврике: новые персонажи
Сидоренко В.А. Номиналы в монетном обращении Крымского ханства по кадиаскерским записям 1608/9 г.
Чореф М.М., Яшаева Т.Ю. Клад серебряных монет из пещерного комплекса в округе Херсона

История

- Дайм Ф.* Авары и Византия. История любви и ненависти
Бубенок О.Б. Об обстоятельствах, месте и времени возникновения этнонима *буртас*
Никифоров М.А. Термин «*τάκτων*» Константина Багрянородного в свете административных отношений в феме Херсон в середине X века
Степаненко В.П. К интерпретации мангупской надписи гекатонтарха (?) Тцитс...
Конкин Д.В. Вакуфное землевладение в контексте деятельности первых землеустроительных комиссий в Крыму (1796-1810 гг.)
Прохоров Д.А., Белый О.Б. Обзор документов фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления из Государственного архива в АР Крым
Моисеев Л.С. Личный художник Их Величеств (жизнь и творчество Карло Боссоли)
Маврина О.С. Деятельность Ф. И. Успенского как директора Русского Археологического Института в Константинополе
Айбабина М.А. Модерн и творчество К. Богаевского

Этнография

- Араджиони М.А., Пригарин А.А.* Об этнических стереотипах греков Крыма на рубеже XX-XXI вв.

Научное наследие

Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.)

Вып. XV (2009)

Археология

Костромичев Д.А. Бронзовый грифон из Херсонеса

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Римская воинская пряжка из Лучистого

Иванова О.С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп)

Завадская И.А. Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период

Смокотина А.В. Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора

Шрег Р. К вопросу изучения освоения округа Мангупа и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды

Рабинович А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса

Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке

Сейдалиев Э.И. Средневековое погребение из Тавельского кургана № 5 у с. Краснолесье

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.)

Душенко А.А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп)

Крамаровский М.Г. Мангупская находка: сельджукидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе

Радочин В.Ю. Палеоантропологический материал из могильника позднесредневекового Боспора

Нумизматика

Сидоренко В.А., Шонов И.В. К типологии монетной чеканки античной Феодосии

Катюшин А.Е. Некоторые особенности внешнего облика боспорских статеров второй четверти III в. н.э. в свете римско-боспорских отношений

Сидоренко В.А. Клад римских денариев из окраины с. Репино Бахчисарайского р-на

История

Никифоров М.А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике

Тур В.Г. Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII в.

Прохоров Д.А. Общественные, национально-культурные объединения и органы конфессионального самоуправления крымских караимов в 1917-1920 гг.

Научное наследие

Антонова И.А. Об исследованиях в периболу у 16-й куртины в Херсонесе в 1970-1971 гг.

Храпунов Н.И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета

Personalia

Королькова Е.Ф., Алексеев А.Ю. К 80-летию И.П. Засецкой

Memoria

Макарова Т.И. Памяти С.А. Плетнёвой

Жилина Н.В. Памяти Т.И. Макаровой

Вып. XVI (2010)

Айбабин А.И. К 60-летию В.А. Сидоренко

Список научных работ В.А. Сидоренко

Археология

Копьева Т.А. Курганы эпохи бронзы долины реки Биюк-Карасу

Самойленко В.Г. Археологические исследования куртины 19 оборонительных сооружений Херсонеса в 2008 году

Голофаст Л.А. Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи

Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006-2008 гг.

Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму

Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.)

Руев В.Л. Османская огнестрельная артиллерия 1475 г. на Мангупе: историко-археологический обзор

История

Петрова Э.Б. Античная Феодосия и Феодосийский музей древностей в исследованиях 2006-2010 гг.

Храпунов Н.И. О надписи с именем императора Гонория из Херсонеса

Бубенок О.Б. Термин *strava* в «Гетике» Иордана (к вопросу о семантике и происхождении слова)

Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum*

Никифоров М.А. К вопросу о политическом статусе Сугдеи первой половины IX – первой половины XI вв.

- Завадская И.А.* Катастрофа в Херсоне в конце X-XI вв.: критика гипотезы о землетрясении
Конкин Д.В. Граф М.С. Воронцов и вакуфный вопрос в Крыму
Тур В.Г. Нормы церковного права в регламентации деятельности крымских православных монастырей XIX века
Прохоров Д.А. «Учась ремеслам и наукам, посетят для будущности» (К 115-летию Евпаторийского караимского ремесленного училища С. Когена)

Вып. XVII (2011)

Археология

- Копьева Т.А.* Катакомбная культура на территории Крыма (история изучения и исследований)
Кутайсов В.А. История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма
Самойленко В.Г. О хронологии ворот в Юго-Восточном районе Херсонеса Таврического
Павличенко Н.А. Сланцевая плитка с графитом из Херсонеса
Рыжов С.Г. Рыбозасолочный комплекс римского времени в Северном районе Херсонеса
Мульд С.А. Склеп с двумя погребальными камерами из могильника Левадки
Стоянова А.А. Гривны из памятников Крыма сарматского времени
Шабанов С.Б. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2011 гг.)
Храпунов И.Н. Подбойная могила с двумя погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац
Власов В.П. Миниатюрные лепные сосудики из позднескифского поселения в Барабановской балке
Радочин В.Ю. Краниологический материал из могильника Дружное
Иванова О.С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа
Смокотина А.В. Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи
Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX)
Андреева О.А. Костяные изделия из цистерн Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.)
Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен

Нумизматика

- Сидоренко В.А.* Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров

История

- Никифоров М.А.* Таврические Климаты византийских источников
Хвальков Е.А. Свидетельство существования средневекового Херсона в 1430-е гг. в итальянских нотариальных документах
Храпунов Н.И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.
Прохоров Д.А. Статистика караимского населения Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.
Ломакин Д.А. О начале изучения мусульманских памятников XIII–XV веков в Старом Крыму

Этнография

- Бухтоярова В.А.* Детский костюм крымских татар по изобразительным источникам первой половины XIX в.

Вып. XVIII (2013)

Археология

- Самойленко В.Г.* Консервационно-реставрационные работы 1900 г. на склепах №№1013 и 1014 в Юго-Восточном районе Херсонеса
Бухвальд Г., Завадская И.А. Ранние христианские базилики в Крыму и их числовые пропорции
Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, XА и X-Б)
Моисеев Д.А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе «базилики Крузе» в Херсонесе
Хайрединова Э.А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое
Радочин В.Ю. Антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи
Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата
Майко В.В. Изделия из кости и рога византийской Сутдеи X-XII вв.
Душенко А.А. Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа

Нумизматика и сфрагистика

- Сидоренко В.А.* Тетрассарии Херсонеса времени «священного мира»
Алексеев Н.А. Печать аристократа Иоанна Комнина с Южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте

История

- Зинько А.В.* Восточная Таврика в эпоху Великого переселения народов
Сейдалиев Э.И. К вопросу о заимствованиях городской и кочевой культур Восточной Европы в области военного дела X-XIII вв.
Маврина О.С. Дело рода Сиджеут в фонде Таврического Дворянского Депутатского Собрания
Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон

Кампенгаузена

Прохорова Т.А. Карл Кох о Юго-Западном Крыме: к вопросу об изучении полуострова во второй четверти XIX в.

Близняков Р.А. Новороссийский край в Отечественной войне 1812 года (на примере Таврической губернии)

Зинько Е.А. Из истории изучения ранневизантийских склепов Боспора

Прохоров Д.А. История караимской общины Крыма в персоналиях: ученый, садовод и благотворитель А.И. Пастак

Прохорова А.В. Благотворительная деятельность представительниц караимских общин Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Рецензии

Степаненко В.П. Рец. на кн.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV-XV вв.) / Сост., рус. пер., введ. и примеч. Т.Э. Саргсян. Симферополь: Сонат, 2010

Прохоров Д.А. Еврейское искусство и украинский контекст: издание Центра Востоковедения Харьковской государственной академии дизайна и искусств

Вып. XIX (2014)

Археология

Крапивина В.В., Диатроптов П.Д. Дипинти и граффити на амфорах римской Ольвии

Смокотина А.В. Амфоры LR 1 на Боспоре

Радочин В.Ю. Антропологический материал из раскопок некрополя Эски-Кермена в 2006-2008 гг.

Турова Н.П. Полевые и историко-архивные материалы «Симеизского склепа 1955 г.» в фондах Ялтинского историко-литературного музея

Хайрединова Э.А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое

Завадская И.А. Периодизация культового строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии)

Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в.

Моисеев Д.А. Комплекс строительной керамики XIV в. из раскопок христианского храма в округе горы Илька

Гинькут Н.В. Производство поливной керамики во второй половине XIV – середине XV вв. в крепости Чембало

Нумизматика

Богуславский Г.С., Янов Д.М. Серебряные и биллонные монеты Крымского ханства из новейших находок в Белгороде (Аккермане)

История

Яшаева Т.Ю. К вопросу о достоверности информации в крымских письмах римского папы Мартина I

Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в.

Храпунов Н.И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.)

Маврина О.С. Перевод документов мусульманской знати в Таврическом Дворянском Депутатском Собрании в первой половине XIX века: трудности и открытия

Конкин Д.В. Проекты реформирования управления вакуфами в Крыму в начале XX века

Прохоров Д.А. Караимы Севастополя в составе российской армии в 1914-1917 гг.: биографии участников Первой мировой войны

Рецензии

Степаненко В.П. Рец. на: Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012

Храпунов Н.И. Рец. на: Калиновский В.В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: Церковное кривоверие (1837-1920). Киев; Симферополь: Антиква, 2012

Memoria

Кутайсов В.А. Судьба ученого (к 100-летию со дня рождения О.И. Домбровского)

Задержчук И.П., Задержчук А.А. Памяти В.Ю. Ганкевича

Список сокращений

- АДСВ – Античная древность и средние века (Екатеринбург)
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)
БИ – Боспорские исследования (Симферополь, Керчь)
БИКАМЗ – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (Бахчисарай)
ВВ – Византийский временник (Москва)
ГАРК – Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (Симферополь)
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии (Москва)
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры
ИИМК – Институт истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Симферополь)
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (Москва)
КФ ИА НАНУ – Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины (Симферополь)
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (Москва)
ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии (Москва)
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры (Москва, Магнитогорск)
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи (Москва)
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология (Москва)
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
СА – Советская археология (Москва)
САИ – Свод археологических источников (Москва)
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)
ТОКДП – Таврическое и Одесское караимское духовное правление (Евпатория)
ХСб. – Херсонесский сборник (Севастополь)

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя..... 3

АРХЕОЛОГИЯ

Рыжов С.Г. Античный храмовый комплекс в Северном районе Херсонеса..... 5

Мульд С.А. Поселение Донузлав-I в Северо-Западном Крыму..... 31

Иштванович Э., Кульчар В. Животные сарматов Карпатского бассейна (археозоология глазами археологов)..... 49

Власов В.П. Лепная керамика городища Алма-Кермен (материалы раскопок 2004-2007 гг.)..... 79

Хайрединова Э.А. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма..... 95

Турова Н.П., Черныш С.А. Раннесредневековый могильник Алония (материалы исследований 1998, 2001, 2002 гг.)..... 133

Радочин В.Ю. Раннесредневековое население Керчи по материалам раскопок в Босфорском переулке (антропологический аспект)..... 185

Завадская И.А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма..... 213

Душенко А.А. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп)..... 233

НУМИЗМАТИКА

Сидоренко В.А. Монетная чеканка Кырк Йера и Каффы в истории Крымского ханства 1442-1475 гг. 263

ИСТОРИЯ

<i>Шалыга Д.А.</i> Язык крымских готов.....	303
<i>Айбабин А.И.</i> О локализации области Дори.....	311
<i>Голден П.</i> Не имеющие государственности номады раннесредневековой Центральной Евразии.....	333
<i>Тортика А.А.</i> Политические центры Хазарского каганата и территория расселения этнических хазар на ранних этапах его истории (середина VII – начало VIII вв.).....	369
<i>Храпунов Н.И., Гинькут Н.В.</i> Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара.....	395
<i>Конкин Д.В.</i> Вакуфный вопрос в системе взаимоотношений российского самодержавия и мусульман Крыма (конец XVIII – начало XX вв.).....	431
<i>Прохоров Д.А.</i> Караимская община Бахчисарая в конце XVIII – начале XX вв.	445
<i>Ломакин Д.А.</i> Источники по истории изучения комплекса золотоордынских памятников г. Старый Крым (последняя четверть XVIII – начало XXI вв.).....	509

РЕЦЕНЗИИ

<i>Степаненко В.П.</i> Некоторые вопросы истории Северного Причерноморья конца X – XI вв. (по поводу книги А. Н. Слядзь «Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.)»).....	567
---	-----

MEMORIA

Памяти Жильбера Дагрона.....	581
Правила оформления статей.....	585
Сведения об авторах.....	593
Указатель материалов, опубликованных в XI-XIX выпусках «Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии».....	597
Список сокращений.....	603

CONTENTS

Editor's Introduction..... 3

ARCHAEOLOGY

Ryzhov S.G. The Antique Temple Complex in the Northern Area of Chersonese..... 5

Muld S.A. The Settlement of Donuzlav-I in the North-Western Crimea..... 31

Istvánovits E., Kulcsár V. Animals of the Sarmatians in the Carpathian Basin (archaeozoology through the eyes of archaeologists)..... 49

Vlasov V.P. Hand-Made Ceramics from Al'ma-Kermen Settlement Site (2004–2007 Excavation Materials)..... 79

Khairedinova E.A. Earrings with a Cast Immobile Polyhedron in the Crimea.....95

Turova N.P., Chernysh S.A. Early Medieval Cemetery of Alonia in the South Coast of the Crimea (According to 1998, 2001, 2002 Excavations)..... 133

Radochin V.Yu. Early-Mediaeval Population of Kerch according to the Materials Excavated in Bosporskii Lane (Anthropological Aspect)..... 185

Zavadskaja I.A. The Problems of Interpretation of Relief Marks on Mediaeval Roof Tiles in the Crimea..... 213

Dushenko A.A. Bone and Antler Artefacts Excavated in the Palace of the Princes of Theodoro (Mangup)..... 233

NUMISMATIC

Sidorenko V.A. The Coinage of Kerk-Yer and Caffa in the history of the Crimean Khanate, 1442-1475 AS..... 263

HISTORY

<i>Shalyga D.A.</i> The Language of the Crimean Goths.....	303
<i>Aibabin A.I.</i> On the Location of the Region of Dory.....	311
<i>Golden P.B.</i> The Stateless Nomads of Early Medieval Central Eurasia.....	333
<i>Tortika A.A.</i> Political Centres of the Khazar Khaganate and the Ethnic Khazar Settlement Area in the Early Stages of Its History (Mid-Seventh to Early Eighth Centuries).....	369
<i>Khrapunov N.I., Ginkut N.V.</i> The Crimea in 1784 According to French Traveller Baron de Baert's Account.....	395
<i>Konkin D.V.</i> The “Wakf Question” in the System of Relations between Russian Autocracy and Crimean Moslems (Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries).....	431
<i>Prokhorov D.A.</i> The Karaite Community of Bakhchisarai from the Late Eighteenth to the Early Twentieth Century.....	445
<i>Lomakin D.A.</i> The Sources on the History of Research of the Complex of the Golden Horde Monuments in the Town of Eski Krym (The Late Eighteenth to the Early Twenty-First Centuries).....	509

REVIEWS

<i>Stepanenko V.P.</i> Some Aspects of the Northern Black Sea History in the Late Tenth and Eleventh Centuries (About A.N. Sliadz's Monograph <i>Vizantiia i Rus'. Opyt voenno-politicheskogo vzaimodeistviia v Krymu i Priazov'e [XI – nachalo XII vv.]</i>).....	567
---	-----

MEMORIA

In memory of Gilbert Dagron.....	581
Style Guide for the MAIET.....	585
Contributors.....	593
Index of Papers Published in Volumes XI-XIX of “Materials on Archaeology, History and Ethnography of Taurica”.....	597
List of Abbreviations.....	603

Научное издание

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

Вып. XX

Ответственные редакторы: А. И. Айбабин, В. Н. Зинько

Перевод на английский *Н.И. Храпунов*
Корректор *С.И. Власова*
Компьютерная верстка *В.В. Кучеров*

Издательство: ООО «Соло-Рич»
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 84
тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 38 38, +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66,
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru

**SOLO
RICH**

Отпечатано в ООО «Прондо»
109316, Москва, ул. Волгоградский пр-т, д.45, офис 542
тел.: +7 (495) 62-4942

Подписано в печать 02.12.2015 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 49,02
Тираж 300 экз. Заказ №148

Представитель типографии ООО «Прондо»
в Республике Крым ООО «Соло-Рич»
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 84
тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 38 38, +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66,
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru

**SOLO
RICH**